

№ 8
август
2026 г.

ПРАВО и УПРАВЛЕНИЕ

научно-правовой журнал

Издание включено в Перечень рецензируемых научных изданий Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

© Издательство «ЮРКОМПАНИ», 2026

ПРАВО и УПРАВЛЕНИЕ

научно-правовой журнал

LAW and MANAGEMENT

scientific and legal journal

Ежемесячный аналитический научно-правовой журнал, посвященный актуальным вопросам гражданского, административного права, судебной власти, правоохранительной и правозащитной деятельности, а также правовому мониторингу гражданского законодательства в России и мире

Monthly analytical scientific and legal journal on topical issues of civil, administrative law, judicial power, law enforcement and human rights activities, as well as legal monitoring of civil legislation in Russia and the world

Председатель редакционного совета:

доктор юридических наук, профессор
Василий Васильевич Гущин

Главный редактор:

доктор юридических наук, профессор
Светлана Анатольевна Иванова

Заместитель главного редактора:

доктор юридических наук, доцент
Марат Селирович Шайхуллин

Заместитель главного редактора

по научному развитию:

Руслан Гандалоев

кандидат политических наук, доцент

Корректор:

Вера Ивановна Козлова

Компьютерная верстка и дизайн:

Марина Владимировна Горячева

Учредитель и издатель:

Издательство «ЮРКОМПАНИ»

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Свидетельство о регистрации СМИ ЭЛ № ФС 77-84981, ПИ № ФС77-46150 от 12 августа 2011 г.)

Включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и зарегистрирован в Научной электронной библиотеке e-LIBRARY.RU.

ISSN: 2224-9133

Адрес редакции (для писем): 111397,

г. Москва, Зеленый проспект, 22-302.

Home page: www.law.law-books.ru

E-mail: mail@law-books.ru

Chairman of the Editorial Board:

doctor of law sciences, professor
Vasily Vasilievich Gushchin

Editor-in-Chief:

doctor of law sciences, professor
Svetlana Anatolyevna Ivanova

Deputy Editor-in-Chief:

doctor of law sciences, associate professor
Marat Selyovich Shaikhullin

Deputy Editor-in-Chief

for Scientific Development:

Ruslan Gandaloev

candidate of Political Science, Associate Professor

Corrector:

Vera Ivanovna Kozlova

Computer layout and design:

Marina Vladimirovna Goryacheva

Founder and Publisher:

Publishing house «YURKOMPANI»

Registered with the Federal Supervision Service in communications, information technology and mass communications (EL Media Registration Certificate No. FS 77-84981, PN FS77-46150 dated August 12, 2011)

Included in the Russian Scientific Citation Index (RSCI) and registered with the Scientific Electronic library e-LIBRARY.RU.

ISSN: 2224-9133

Editorial address (for letters): 111397, Moscow, Green Avenue, 22-302.

Home page: www.law.law-books.ru

E-mail: mail@law-books.ru

При использовании опубликованных материалов ссылка на журнал «Право и управление» обязательна. Материалы, опубликованные в журнале, могут быть размещены в электронных правовых базах и справочных системах. Все присланные рукописи проходят обязательное рецензирование. Автор рукописи извещается о принятом решении. Мнение редакции может не совпадать с мнением автора.

When using published materials, the link to the magazine "Right and Control" is mandatory. Materials published in the journal can be placed in electronic legal databases and reference systems. All manuscripts sent are subject to mandatory review. The author of the manuscript is informed of the decision. The editorial opinion may not coincide with the opinion of the author.

Индекс подписки в каталоге «Пресса России» и «Библиотечном каталоге»: 46148

© Издательство «ЮРКОМПАНИ», 2026

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель: **В.В. Гуцин** – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры авторского права, смежных прав и частноправовых дисциплин Российской государственной академии интеллектуальной собственности

Заместитель Председателя: **Р.М. Мырзалимов** - доктор юридических наук, советник Председателя Верховного Суда Кыргызской Республики, профессор кафедры административного права юридического факультета Кыргызского национального университета имени Жусупа Баласагына

Е.В. Богданов - ученый секретарь секции, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Российского экономического Университета им. Г.В. Плеханова

А.В. Барков - доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права Саратовской государственной юридической академии, Заслуженный юрист России

А.П. Галоганов - доктор юридических наук, Заслуженный юрист России, президент Адвокатской палаты Московской области, президент Федерального союза адвокатов России, вице-президент Международного союза (содружества) адвокатов

В.П. Камышанский - руководитель секции, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского права ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный аграрный университет», заведующий кафедрой гражданского права и процесса Института международного права, экономики, гуманитарных наук и управления имени К.В. Российского, Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации

В.В. Комарова - доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой конституционного и муниципального права Российской Федерации Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

В.В. Сангаджиев - ученый секретарь секции, доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент РАЕН, профессор кафедры судебной власти, правоохранительной и правозащитной деятельности Юридического института РУДН

В.Н. Ткачев - доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист России, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Российского экономического Университета им. Г.В. Плеханова

О.В. Химичева - руководитель секции, доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры уголовного процесса Московского университета МВД имени В.Я. Кикотя

Л.А. Тхабисимова - доктор юридических наук, профессор, директор, заведующая кафедрой конституционного и муниципального права Юридического института Пятигорского государственного университета, директор Северо-Кавказского центра избирательного права и процесса, руководитель СевероКавказского научно-образовательного центра политико-правовых проблем, Академик АМАН, Почетный работник сферы образования Российской Федерации, Заслуженный юрист Республики Адыгея

EDITORIAL BOARD

Chairman: **V.V. Gushchin** - Doctor of Law, Professor, Department of Copyright, Related Rights and Private Law Disciplines of the Russian State Academy of Intellectual Property

Deputy Chairman: **R.M. Myrzalimov** - Doctor of Law, Advisor to the Chairman of the Supreme Court of the Kyrgyz Republic, Professor, Department of Administrative Law, Faculty of Law, Zhusup Balasagyn Kyrgyz National University

E.V. Bogdanov - Scientific Secretary of the Section, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Russian Economic University named after G.V. Plekhanov

A.V. Barkov - Doctor of Law, Professor, Department of Civil Law, Saratov State Law Academy, Honored Lawyer of Russia

A.P. Haloganov - Doctor of Law, Honored Lawyer of Russia, President of the Moscow Region Bar Association, President of the Federal Union of Lawyers of Russia, Vice President of the International Union (Commonwealth) of Lawyers

V.P. Kamyshansky - Section Head, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Civil Law of the Kuban State Agrarian University, Head of the Department of Civil Law and Process of the Institute of International Law, Economics, Humanities and Management named after K.V. Russian, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation

V.V. Komarova - Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Russian Federation, Moscow State Law University named after O.E. Kutafina (Moscow State Law Academy)

V.V. Sangadzhiev - Academic Secretary of the Section, Doctor of Law, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Sciences, Professor of the Department of Judicial Power, Law Enforcement and Human Rights Activities of the RUDN Law Institute

V.N. Tkachev - Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of Russia, Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Russian University of Economics named after G.V. Plekhanov

O.V. Khimicheva - Section Head, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Procedure of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs named after V.Ya. Kikotya

L.A. Tkhabisimova - Doctor of Law, Professor, Director, Head of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Law Institute of Pyatigorsk State University, Director of the North Caucasus Center for Electoral Law and Process, Head of the North Caucasus Scientific and Educational Center for Political and Legal Problems, Academician of the AMAN, Honorary Worker of Education of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Republic of Adygea

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

С.А. Иванова - председатель, главный редактор, доктор юридических наук, профессор, заместитель первого проректора по учебной и методической работе, профессор Департамента Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, эксперт РАН.

М.С. Шайхуллин - первый заместитель главного редактора, доктор юридических наук, доцент, руководитель Центра государственно-правовых исследований Евразийского научно-исследовательского института проблем прав

Научная специальность: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки

Е.Г. Багреева - доктор юридических наук, профессор, профессор Департамента правового регулирования экономической деятельности ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»

А.И. Глушков - доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой права Института социально-гуманитарного образования Московского педагогического государственного университета

Л.Ю. Грудцына - доктор юридических наук, профессор, профессор ФГБОУ ВО «Российская государственная академия интеллектуальной собственности», профессор кафедры конституционного и международного права ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», Почетный адвокат России, эксперт РАН

И.В. Дойников - доктор юридических наук, профессор, профессор Московского городского университета управления Правительства Москвы

А.А. Дорская - доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой международного права Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена

Р.А. Каламкарян - доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора международно-правовых исследований Института государства и права Российской академии наук, профессор кафедры международного права Российского университета дружбы народов

А.Н. Левушкин - доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина, профессор кафедры гражданского права Российского государственного университета правосудия

Т.А. Сошникова - доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета, заведующая кафедрой гражданского процесса и социальных отраслей права Московского гуманитарного университета

Д.П. Стригунова - доктор юридических наук, доцент, доцент кафедры международного и интеграционного права Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Г.Г. Шинкарецкая - доктор юридических наук, главный научный сотрудник сектора международного права Института государства и права РАН, член Совета по международному праву при Министерстве иностранных дел Российской Федерации

Научная специальность: 5.1.4. Уголовно-правовые науки

М.Д. Давитадзе - доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики международно-правового факультета Московского государственного института международных отношений (Университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Одинцовский филиал, заведующий кафедрой уголовного права и процесса Открытого гуманитарно-экономического университета

М.М. Дикажев - доктор юридических наук, доцент, профессор Ингушского государственного университета

Ю.В. Николаева - доктор юридических наук, профессор, профессор Департамента правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при Правительстве РФ

Г.Б. Прончев - кандидат физико-математических наук, доцент, доцент кафедры современной социологии социологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, старший научный сотрудник Федерального исследовательского центра химической физики им. Н.Н. Семенова Российской академии наук, действительный член Российской академии естественных наук, Россия, г. Москва

В.Е. Усанов - доктор юридических наук, профессор, академик Российской академии образования, профессор кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова

Е.Н. Щербак - доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, профессор кафедры финансового права Российского государственного гуманитарного университета

Н.Д. Эриашвили - доктор экономических наук, кандидат юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, профессор кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, лауреат премии Правительства Российской Федерации в области науки и техники

Э.Г. Юзиханова - доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры предварительного расследования Санкт-Петербургского университета МВД России

EDITORIAL BOARD

S.A. Ivanova - Chairman, Editor-in-Chief, Doctor of Law, Professor, Deputy First Vice-Rector for Academic and Methodological Work, Professor of the Department of the Financial University under the Government of the Russian Federation, expert of the Russian Academy of Sciences.

M.S. Shaikhullin - First Deputy Editor-in-Chief, Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Center for State Legal Research of the Eurasian Research Institute of Rights Problems

Scientific specialty: 5.1.3. Private law (civil) sciences

E.G. Bagreeva - Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Legal Regulation of Economic Activities of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Financial University under the Government of the Russian Federation"

A.I. Glushkov - Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Law, Institute of Social and Humanitarian Education, Moscow State Pedagogical University

L.Yu. Grudtsyna - Doctor of Law, Professor, Professor of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Russian State Academy of Intellectual Property," Professor of the Department of Constitutional and International Law of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "All-Russian State University of Justice (RPA Ministry of Justice of Russia)," Honorary Lawyer of Russia, expert of the Russian Academy of Sciences

I.V. Doinikov - Doctor of Law, Professor, Moscow City University of Management, Moscow Government

A.A. Dorskaya - Doctor of Law, Professor, Head of the Department of International Law, Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen

R.A. Kalamkaryan - Doctor of Law, Professor, Leading Researcher of the International Legal Research Sector of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Professor of the Department of International Law of the Peoples' Friendship University of Russia

A.N. Levushkin - Doctor of Law, Professor, Department of Business and Corporate Law, Kutafin Moscow State Law University, Professor, Department of Civil Law, Russian State University of Justice

T.A. Soshnikova - Doctor of Law, Professor, Dean of the Faculty of Law, Head of the Department of Civil Procedure and Social Branches of Law, Moscow University of the Humanities

D.P. Strigunova - Doctor of Law, Associate Professor, Department of International and Integration Law, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

G.G. Shinkaretskaya - Doctor of Law, Chief Researcher of the International Law Sector of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Member of the Council on International Law under the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

Scientific specialty: 5.1.4. Criminal Law Sciences

M.D. Davitadze - Doctor of Law, Professor, Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics the International Law Faculty of the Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Odintsovo Branch, Head of the Department of Criminal Law and Process of the Open Humanitarian and Economic University

M.M. Dikazhev - Doctor of Law, Associate Professor, Professor of Ingush State University

Yu.V. Nikolaeva - Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Legal Regulation Economic Activity of the Financial University under the Government of the Russian Federation

G.B. Pronchev - Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Associate Professor, Associate Professor, Department of Modern Sociology, Faculty of Sociology, Moscow State University named after M.V.

Lomonosov, Senior Researcher, Federal Research Center of Chemical Physics named after N.N. Semenov of the Russian Academy of Sciences, Full Member of the Russian Academy of Natural Sciences, Russia, Moscow

V.E. Usanov - Doctor of Law, Professor, Academician of the Russian Academy of Education, Professor of the Department of State Law and Criminal Law Disciplines of the Russian University Economics named after G.V. Plekhanov

E.N. Shcherbak - Doctor of Law, Candidate of Historical Sciences, Professor, Professor, Department of Financial Law, Russian State University for the Humanities

N.D. Eriashvili - Doctor of Economics, Candidate of Law, Candidate of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Civil and Labor Law, Civil Procedure of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot, laureate of the Prize of the Government of the Russian Federation in the field of science and technology

E.G. Yuzikhanova - Doctor of Law, Professor, Professor, Department of Preliminary Investigation, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

ПОЛИТИКА И ПРАВО

Виноградова Е.В. * Фонды публичных библиотек в конституционно-аксиологическом аспекте суверенитета.	15
Кобзарь-Фролова М.Н. * Новеллы в государственном управлении платформенной экономикой Российской Федерации.	21
Тарасов А.А. * Противодействие цифровому мошенничеству и вовлечению в терроризм: уголовно-правовые и криминологические проблемы и перспективы.	28
Королёв Е.Э. * Правовые аспекты использования цифровых финансовых активов в международных расчетах в условиях санкционных ограничений.	36
Кузнецов А.К. * Правовое регулирование порядка принятия обращенного в доход государства имущества.	42
ДAUD Р.Б., Хаматханова М.М., Мальсагов А.А. * Педагогические основы формирования гражданско-правовой позиции молодежи в условиях современных вызовов: опыт осмысления специальной военной операции.	48
Минин К.С., Губанов Б.И., Зонов О.В. * О правовой природе государственных военных стандартов в системе технического регулирования оборонной продукции.	53

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА И ПРАВООЗАЩИТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Ковалев О.Г. * Право осужденных к лишению свободы на проживание за пределами исправительно-го учреждения (правовое регулирование и порядок реализации).	61
Адиатуллин Р.И. * Государственно-патерналистская модель защиты прав обвиняемого в истории российского процесса: истоки системного противоречия института обвинительного заключения. ...	67

ЭКОНОМИКА И ПРАВО

Шелкович М.Т. * Использование инструментов рынка ценных бумаг участниками бюджетного процесса: правовой анализ норм федерального закона № 195-ФЗ от 26.06.2026.	74
Чабан А.О. * Трансформация налогового контроля в условиях цифровизации: риски алгоритмической несправедливости и защита прав налогоплательщика.	81

ПРАВО И ПРАВОО ПРИМЕНЕНИЕ

Морозов Д.С., Тарасова Л.В., Писарев В.Н., Гарцева Ю.Ю., Николаев В.Б. * Доказательство и доказывание.	88
Бадамшин Д.Н. * Гражданско-правовая ответственность за недобросовестное ведение переговоров в государствах ЕАЭС: сравнительно-правовой анализ.	95
Елчуев Э.И. * Специфика государственного контроля за качеством оказания государственных услуг в городах федерального значения: перспективы развития.	104

ОБРАЗОВАНИЕ И ПРАВО

Максимов П.Е. * Внедрение военно-прикладных модулей в учебный процесс ОВД: необходимость, организационные основы и методические аспекты.	111
--	-----

ПРАВО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Павлик А.С. * Анализ трансформация экономической роли товарного знака в условиях развития маркетплейсов: правовые и рыночные аспекты.	118
Абравитова Ю.И. * Искусственный интеллект и авторское право: проблема правового режима результатов машинной генерации.	123
Пономарёва Н.Г. * Традиционные знания и нематериальное этнокультурное достояние в системе интеллектуальной собственности: глобальные вызовы и направления развития российского правового регулирования.	132
Леминев М.В., Огородников М.А., Чичин С.В., Лавриченко Р.К., Черашев А.М. * Цифровое небо: интеграция беспилотной авиации в деятельность органов внутренних дел Российской Федерации.	138

СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ И СУДОПРОИЗВОДСТВО

Грибков Т.Д., Грибков А.Д., Яценко М.А., Яценко В.В. * Конституционный судебный процесс и его влияние на законодательный процесс.	145
Борисенко И.В., Харина О.Д. * Процессуальные коллизии получения у операторов связи данных о соединениях: от правовой неопределенности к законодательному регулированию.	150
Бородин Т.В. * Влияние культурных факторов на допустимость доказательств в международном коммерческом арбитраже.	156
Голятина С.М., Лиховидова Е.П. * Судебная лингвистическая экспертиза: история и современное состояние.	160
Арсентьева Н.А., Бутков А.В., Фирстов А.Б. * Производство по гражданским делам у мирового судьи: компетенция, судебная практика и направления совершенствования процессуального законодательства.	168

Железов Е.С. * Соотношение понятий независимости, процессуальной самостоятельности и ответственности следователя в уголовном судопроизводстве.	178
Маркелова М.М. * Саморегулирование рынка финансирования третьей стороной в международном арбитраже: возможности и пределы.	182
Тряпочкин Н.А., Кулюшин Е.Н. * К вопросу об антиципированном судебном признании.	188
Грибков Т.Д., Грибков А.Д., Яценко М.А., Яценко В.В. * Суд присяжных как форма диалога государства и гражданского общества в системе осуществления народовластия.	195
ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР	
Бейсембаева Н.А. * Полномочия прокурора при расследовании преступлений в форме дознания органов внутренних дел в Российской Федерации: вопросы теории и практики.	199
ТЕОРИЯ УГОЛОВНОГО ПРАВА	
Сорочкин Р.А. * Конфискация имущества: проблемы межотраслевого регулирования.	209
Лонщакова А.Р. * Общие принципы криминалистического обеспечения предупреждения преступлений.	214
Рустамова Л.Р. * Математические методы в криминалистике: использование алгоритмов и статистики для анализа вероятности совершения преступлений или выявления паттернов в поведении правонарушителей.	220
Омелин В.Н. * Критерии обоснованного риска в оперативно-розыскной деятельности.	226
Абросимова Е.М., Кузнецов И.Б. * О некоторых вопросах анализа и прогноза оперативной обстановки в сфере охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности.	230
Тарасов А.А. * Уголовно-правовые аспекты использования методов OSINT.	234
ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ	
Майстренко Г.А. * Мошенничество с использованием дипфейк-технологий и искусственного интеллекта: проблемы уголовно-правовой квалификации и направления совершенствования законодательства.	242
Акимов С.В. * Искусственный интеллект и биометрические технологии в розыске лиц, скрывающихся от органов предварительного расследования и суда.	251
Ковальченко А.А., Кудинов А.П., Климовский А.С. * Уголовно-процессуальные аспекты осмотра и изъятия служебного оружия, боеприпасов и носимых регистраторов в контексте профессиональной подготовки сотрудников органов внутренних дел.	256
Плеходанов В.Д., Балашов К.Г. * Виктимологическая профилактика преступлений против несовершеннолетних, совершаемых в сети интернет: современное состояние и направления совершенствования.	262
УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС	
Омелин В.Н. * Актуальные проблемы представления результатов оперативно-розыскной деятельности органам предварительного расследования.	268
Ковалев О.Г. * Обязательные, исправительные и принудительные работы: проблемные аспекты назначения в современной судебной практике и исполнения учреждениями и органами УИС.	273
Полякова Я.Н. * Актуальность вопроса социальной безопасности и ресоциализации несовершеннолетних осужденных.	279
Кашкина Е.В. * Мотивационные методы и их влияния на использование служебных обязанностей сотрудников УИС.	283
Купцов И.А. * Диалектика обеспечения публичных и защиты частных интересов налогоплательщиков при инициировании уголовного судопроизводства.	287
Торбин Ю.Г. * Трансформация оценки доказательств в условиях цифровизации уголовного судопроизводства.	293
Акимов С.В. * Особенности экономических преступлений в сфере государственного оборонного заказа и меры противодействия им.	299
Ковалев О.Г. * Правовое регулирование поведения осужденных, пользующихся правом передвижения без конвоя или сопровождения за пределами исправительного учреждения уголовно-исполнительной системы.	304
Столяров С.О. * Российская модель стадии возбуждения уголовного дела в контексте правовых систем государств-участников ШОС и БРИКС: проблемы трансформации.	310
Богданов М.Н., Карпушкина Г.В. * Некоторые проблемы реализации уголовно-процессуальной деятельности в следственных изоляторах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации.	315
АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО	
Бетророва М.А. * К вопросу о применении административной ответственности в сфере информационной безопасности.	321

Кумышева М.К., Куликевич И.В. * Административно-предупредительная деятельность органов внутренних дел по профилактике противоправных действий несовершеннолетних в цифровой среде.	325
Думнов С.Н. * Особенности осмотра транспортных средств при осуществлении регистрационных действий.	330
Петрова Е.А., Колосова И.В. * Реализация принципа «взаимодействие и сотрудничество» в служебной деятельности участкового уполномоченного полиции.	333
ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА	
Башлыкова А.А. * Таможенный мониторинг экспорта нефтепродуктов как альтернатива традиционному контролю: административно-правовые риски для крупных вертикально-интегрированных компаний.	339
Диланян И.К. * Межотраслевые вопросы регулирования возмещения убытков в рамках конкурентных процедур.	344
Родькина Н.Л. * Альтернативные методы разрешения семейно-правовых споров: современные тенденции, проблемы и перспективы развития.	347
ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА	
Азимков Е.А. * Гражданско-правовая ответственность маркетплейса как информационного посредника: пределы и основания освобождения от ответственности.	356
Панова Ю.К. * Критерии достаточности жилья для целей снятия исполнительского иммунитета при банкротстве в контексте целей национального развития.	365
Леминов М.В., Семагин А.В., Сухарев Я.Э., Агафонов С.Ю., Бежавский Р.А., Дунаев Г.Р. * Совершенствование правовых основ подготовки специалистов по управлению беспилотными авиационными системами в системе МВД России.	370
Арсентьева Н.А., Бутков А.В., Фирстов А.Б. * Неисполнение обязательств в гражданском праве: невозможность исполнения, её виды и направления совершенствования гражданского законодательства.	376
ДИСКУССИЯ	
Надоненко О.Н. * Правовая регламентация формирования ДНК-учета в России: современное состояние, возможности совершенствования.	382
Пешков Б.С. * Основание гражданско-правового требования при неформальном участии в добровольческой деятельности и проблемы его квалификации.	389
Сапрыкин А.В. * Коллизия контрактных требований и технической определимости габаритов блочно-модульных зданий до разработки КМД производителем: методология строительно-технической экспертизы.	397
КИБЕРПРЕСТУПНОСТЬ	
Кравцова А.Н. * Цифровые следы криминальной деятельности в виртуальном пространстве как основа формирования доказательств: проблемы допустимости и достоверности.	407
Рустамова Л.Р. * Анализ методов защиты персональных данных в условиях растущей угрозы кибератак: сравнительное исследование современных технологий шифрования и анонимизации.	416
ЦИФРОВОЕ ПРАВО	
Фиалковская Е.В. * Формирование знаний о информационной безопасности России.	422
Майстренко Г.А. * Преступное использование дипфейков в механизме посягательства на цифровую идентичность.	426
Плеходанов В.Д., Балашов К.Г. * Психологические факторы виктимности несовершеннолетних в цифровой среде: криминологический анализ.	435
Масалимова Э.И. * Правовые механизмы пресечения злоупотребления доминирующим положением на цифровых платформах.	441
ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ	
Мужухоева Э.Д. * Национальные воинские формирования Чечено-Ингушетии в годы Великой Отечественной Войны.	445
Милованова Л.В. * Исторические процессы становления и развития судебного прецедента.	451
Шельская С.Н. * Исторические предпосылки геноцида русскоязычного народа в Украине.	455

POLICY AND LAW

Vinogradova E.V. * Public library collections in the constitutional and axiological aspect of sovereignty.	15
Kobzar-Frolova M.N. * Novelties in the state administration of the platform economy of the Russian Federation.	21
Tarasov A.A. * Countering digital fraud and involvement in terrorism: criminal law and criminological issues and perspectives.	28
Korolyov Ye.E. * Legal aspects of the use of digital financial assets in international settlements under sanctions restrictions.	36
Kuznetsov A.K. * Legal regulation of the procedure for accepting property transferred to the state treasury	42
Daud R.B., Khamatkhonova M.M., Malsagov A.A. * Pedagogical basis for the formation of the civil-legal position of youth in the context of modern challenges: the experience of comprehension of the special military operation.	48
Minin K.S., Gubanov B.I., Zonov O.V. * On the legal nature of state military standards within the system of technical regulation of defense products.	53

HUMAN RIGHTS AND HUMAN RIGHTS ACTIVITIES

Kovalev O.G. * The right of persons sentenced to imprisonment to live outside a correctional institution (legal regulation and implementation procedure).	61
Adiatullin R.I. * The state-paternalistic model of protecting the rights of the accused in the history of russian legal proceedings: the origins of the systemic contradictions of the indictment institution.	67

ECONOMICS AND LAW

Shelkovich M.T. * Use of securities market instruments by participants of the budgetary process: legal analysis of federal law no. 195-FZ of 26.06.2026.	74
Chaban A.O. * Transformation of tax control in the context of digitalization: risks of algorithmic injustice and protection of taxpayer rights.	81

LAW AND ENFORCEMENT

Morozov D.S., Tarasova L.V., Pisarev V.N., Gartseva Yu.Yu., Nikolayev V.B. * Proof and evidence.	88
Badamshin D.N. * Civil liability for bad-faith negotiations in the EAEU member states: a comparative legal analysis.	95
Elchuev E.I. * The specifics of state control over the quality of public service delivery in federal cities: development prospects.	104

EDUCATION AND LAW

Maksimov P.E. * Introduction of military application modules into ATS training process: necessity, organizational bases and methodological aspects.	111
--	-----

INTELLECTUAL PROPERTY LAW

Pavlik A.S. * Analysis of the transformation of the economic role of a trademark in the development of marketplaces: legal and market aspects.	118
Abravитova Iu.I. * Artificial intelligence and copyright: the problem of the legal regime of machine generation results.	123
Ponomareva Natalia G. * Traditional knowledge and intangible ethno-cultural heritage in the intellectual property system: global challenges and directions for the development of russian legal regulation.	132
Leminov M.V., Ogorodnikov M.A., Chichin S.V., Lavrichenko R.K., Cherashev A.M. * Digital sky: integration of unmanned aircraft into the activities of the internal affairs bodies of the Russian Federation	138

JUDICIAL POWER AND PROCEEDINGS

Gribkov T.D., Gribkov A.D., Yatsenko M.A., Yatsenko V.V. * The constitutional judicial process and its impact on the legislative process.	145
Borisenko I.V., Kharina O.D. * Procedural conflicts in obtaining data on connections from telecom operators: from legal uncertainty to legislative regulation.	150
Borodina T.V. * The influence of cultural factors on the admissibility of evidence in international commercial arbitration.	156
Golyatina S.M., Likhovidova E.P. * Foresignificant linguistic examination: history and current state.	160
Arsentieva N.A., Butkov A.V., Firstov A.B. * Civil proceedings before a justice of the peace: competence, jurisprudence and areas of improvement of procedural legislation.	168
Zhelezov E.S. * The relationship between the concepts of independence, procedural independence and responsibility of the investigator in criminal proceedings.	178
Markelova M.M. * Self-regulation of the third-party funding market in international arbitration: potential and limits.	182

Tryapochkin N.A., Kulyushin E.N. * On the issue of anticipated judicial admission.	188
Gribkov T.D., Gribkov A.D., Yatsenko M.A., Yatsenko V.V. * Trial by jury as a form of dialogue between the state and civil society in the system of exercising democracy.	195
PROSECUTORIAL SUPERVISION	
Beisembaeva N.A. * Powers of the prosecutor in the investigation of crimes in the form of inquiry of internal affairs bodies in the Russian Federation: questions of theory and practice.	199
CRIMINAL LAW THEORY	
Sorochkin R.A. * Confiscation of property: problems of inter-industry regulation.	209
Lonshchakova A.R. * General principles of forensic support for crime prevention.	214
Rustamova L.R. * Mathematical methods in forensics: using algorithms and statistics to analyze the likelihood of committing crimes or identify patterns in the behavior of offenders.	220
Omelin V.N. * Criteria for a reasonable risk in operational and investigative activity.	226
Abrosimova E.M., Kuznetsov I.B. * On certain issues related to the analysis and forecasting of the operational situation in the field of public order protection and public safety.	230
Tarasov A.A. * Criminal law aspects of utilizing osint methods.	234
CRIME AND PUNISHMENT	
Maistrenko G.A. * Fraud using deepfake technologies and artificial intelligence: criminal-law classification and directions for legislative development.	242
Akimov S.V. * Artificial intelligence and biometric technologies in the search for persons hiding from preliminary investigation authorities and the court.	251
Kovalchenko A.A., Kudinov A.P., Klimovsky A.S. * Criminal procedural aspects of inspection and seizure of service weapons, ammunition and wearable recorders in the context of professional training of internal affairs officers.	256
Plekhodanov V.D., Balashov K.G. * Victimological prevention of crimes against minors committed on the internet: current state of the art and areas of improvement.	262
CRIMINAL PROCEDURE	
Omelin V.N. * Current problems in presenting the results of operational and investigative activity to preliminary investigation bodies.	268
Kovalev O.G. * Compulsory, correctional and forced labor: problematic aspects of appointment in modern judicial practice and execution by institutions and bodies of the penitentiary system.	273
Polyakova Ya.N. * Relevance of the issue of social security and resocialization of juvenile convicts.	279
Kashkina E.V. * Motivational methods and their impact on the use of official duties of MIS employees.	283
Kuptsov I.A. * The dialectic of ensuring public and protecting private interests of taxpayers when initiating criminal proceedings.	287
Torbin Yu.G. * Transformation of evidence assessment in the context of digitalization of criminal proceedings.	293
Akimov S.V. * Features of economic crimes in the sphere of state defense orders and measures to counter them.	299
Kovalev O.G. * Legal regulation of the behavior of convicts using the right to travel without escort or escort outside the correctional institution of the penal system.	304
Stolyarov S.O. * The russian model of the criminal case initiation stage in the context of the legal systems of the SCO and BRICS member states: problems of transformation.	310
Bogdanov M.N., Karpushkina G.V. * Some problems in the implementation of criminal proceedings in the detention centers of the Russian Federation's penal system.	315
ADMINISTRATIVE LAW	
Betrozova M.A. * On the application of administrative responsibility in the field of information security.	321
Kumysheva M.K., Kulikevich I.V. * Administrative and preventive activities of internal affairs agencies to prevent illegal actions of minors in the digital environment.	325
Dumnov S.N. * Peculiarities of vehicle inspection during registration actions.	330
Petrova E.A., Kolosova I.V. * Implementation of the principle of "interaction and cooperation" in the official activities of the district police commissioner.	333
PROBLEMS OF RUSSIAN LEGISLATION	
Bashlykova A.A. * Customs monitoring of petroleum product exports as an alternative to traditional control: administrative and legal risks for large vertically integrated companies.	339
Dilanyan I.K. * Intersectoral issues of damage compensation regulation within the framework of competitive procedures.	344
Rodkina N.L. * Alternative methods of resolving family law disputes: current trends, problems and development prospects.	347

CIVIL LAW ISSUES

- Azimkov E.A.** * Marketplace's civil liability as an information intermediary: limits and grounds for exemption from liability. 356
- Panova Iu.K.** * Criteria for housing sufficiency for the purpose of lifting executive immunity in bankruptcy in the context of national development goals. 365
- Leminov M.V., Semagin A.V., Suharev Ya.E., Agafonov S.Yu., Belyavsky R.A., Dunaev G.R.** * Legal support for training aircraft operators in the Russian ministry of internal affairs: challenges of the technological era. 370
- Arsentieva N.A., Butkov A.V., Firstov A.B.** * Civil law default: impossibility of performance, its types and directions of civil law improvement. 376

DISCUSSION

- Nadonenko O.N.** * Legal regulation of the formation of DNA records in Russia: current status and opportunities for improvement. 382
- Peshkov B.S.** * Grounds for civil law claims arising from informal participation in volunteer activity: classification issues. 389
- Saprykin A.V.** * Collision of contract requirements and technical determinability of dimensions of block-modular buildings before the development of detail design drawings (KMD) by the manufacturer: methodology of forensic construction and technical expertise. 397

CYBERCRIME

- Kravtsova A.N.** * Digital traces of criminal activity in virtual space as the basis of evidence formation: problems of admissibility and reliability. 407
- Rustamova L.R.** * Analysis of methods for protecting personal data in the face of a growing threat of cyber attacks: a comparative study of modern encryption and anonymization technologies. 416

DIGITAL LAW

- Fialkovskaya E.V.** * Formation of knowledge about information security. 422
- Maistrenko G.A.** * Criminal use of deepfakes as an encroachment on digital identity. 426
- Plekhodanov V.D., Balashov K.G.** * Psychological factors of juvenile victimization in a digital environment: criminological analysis. 435
- Masalimova E.I.** * Legal mechanisms for suppressing abuse of dominant position on digital platforms. . 441

HISTORICAL ARCHIVE

- Muzhukhoeva E.D.** * National military forces of Chechen-Ingushetia during the Great Patriotic War. . . . 445
- Milovanova L.V.** * Historical processes of formation and development of judicial precedent. 451
- Shelskaya S.N.** * Historical premises of the genocide of the russian-speaking population in Ukraine. . . 455

Дата поступления рукописи в редакцию: 21.07.2026 г.

DOI: 10.24412/2224-9133-2026-8-15-20

Дата принятия рукописи в печать: 01.09.2026 г.

ВИНОГРАДОВА Елена Валерьевна,
Главный научный сотрудник сектора
конституционного права и конституционной
юстиции, ФГБУН Институт государства и
права Российской академии наук, г. Москва,
доктор юридических наук, профессор,
ORCID: 0000-0002-3568-9042,
e-mail: evsfrf@gmail.com

ФОНДЫ ПУБЛИЧНЫХ БИБЛИОТЕК В КОНСТИТУЦИОННО-АКСИОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ СУВЕРЕНИТЕТА

Аннотация. В статье предпринята попытка рассмотреть библиотечные фонды как социально-культурный и правовой феномен в контексте гарантий реализации конституционных ценностей и укреплением суверенитета. Анализ актуальных правовых механизмов, регулирующих организацию доступа к библиотечным фондам в Российской Федерации позволяет относить их к инструментам реализации конституционных ценностей и укрепления суверенитета. Актуальность исследования организации библиотечных фондов в контексте суверенитета и конституционной аксиологии обусловлена кардинальными изменениями в системе государственной культурной политики Российской Федерации, происходящими в последние годы. Библиотечные фонды как значительная часть российского культурного континуума в России охраняется органами публичной власти, что предопределяет необходимость рассмотреть библиотечные фонды в правовом и управленческом формате. В статье они исследуются не в формате информационного ресурса, а в конституционно-аксиологической проекции, обеспечивающей укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы ИГП РАН «Защита суверенитета России конституционно-правовыми средствами» (№ FMUZ-2024-0043).

Ключевые слова: конституционная аксиология, государственный суверенитет, культурный континuum.

VINOGRADOVA Elena Valerievna,
Chief Researcher, Constitutional Law and
Constitutional Justice Sector, FSBSI Institute of State
and Law, Russian Academy of Sciences, Moscow,
Doctor of Law, Professor

PUBLIC LIBRARY COLLECTIONS IN THE CONSTITUTIONAL AND AXIOLOGICAL ASPECT OF SOVEREIGNTY

Annotation. This article attempts to examine library collections as a socio-cultural and legal phenomenon in the context of guarantees for the implementation of constitutional values and the strengthening of sovereignty. An analysis of current legal mechanisms regulating access to library collections in the Russian Federation allows us to classify them as instruments for implementing constitutional values and strengthening sovereignty. The relevance of studying the organization of library collections in the context of sovereignty and constitutional axiology is determined by the fundamental changes in the system of state cultural policy in the Russian Federation that have occurred in recent years. Library collections, as a significant part of the Russian cultural continuum, are protected by public authorities, necessitating a legal and managerial approach

to library collections. This article examines them not as an information resource, but from a constitutional and axiological perspective, ensuring the strengthening of traditional Russian spiritual and moral values.

Key words: constitutional axiology, state sovereignty, cultural continuum.

The article was prepared as part of the research work of the IGP RAS "Protection of the sovereignty of Russia by constitutional legal means" (No. FMUZ-2024-0043).

Кардинальные изменения в системе государственной культурной политики современной России, происходящие в последние годы актуализируют исследования организации фондов публичных библиотек в разных ракурсах, в том числе в контексте государственного суверенитета. В Конституционных поправках 2020 г. [9] определено, что культура поддерживается и охраняется государством. Стратегия государственной культурной политики [10] определяет в качестве приоритетной задачи обеспечение культурного и гуманитарного развития как «основы экономического процветания, государственного суверенитета и цивилизационной самобытности страны, укрепление общероссийской гражданской идентичности, единства и сплоченности российского общества» (ст. 3. Стратегии). В этих условиях фонды публичных библиотек как часть национальной культуры, призваны сохранять знания, историческую память и культурные смыслы, формирующие самобытный культурный континуум.

Библиотечные фонды традиционно рассматриваются, прежде всего как информационный ресурс, обеспечивающий доступ граждан к знаниям. Однако современные геополитические и социокультурные реалии актуализируют исследования их ценностного аспекта. Этот анализ, по существу определяющий все содержание деятельности библиотеки в новом ракурсе, превращает организацию библиотечных фондов из прагматичной технологической задачи в задачу стратегического государственного значения.

Правовой фундамент для такого понимания библиотечных фондов заложен в действующем законодательстве. В соответствии с положениями ст. 16 закона «О библиотечном деле» [11] национальный библиотечный фонд охраняется государством как культурное достояние народов Российской Федерации. Библиотечные фонды, комплектуемые на основе системы обязательного экземпляра документов, а также содержащие особо ценные и редкие документы, «являются культурным достоянием народов Российской Федерации и могут объявляться памятниками истории и культуры» (ст. 20 закона о библиотеках). Такой закрепленный статус библиотечных фондов позволяет определять их не просто как собрание книг, а как хранилище объектов, имеющих конституционно значимую ценность. При этом, как показывает

анализ правовой доктрины, в законе о библиотеках нет списка, устанавливающего иерархию фондов разных библиотек, что актуализирует необходимость теоретического осмысления такой конструкции.

Конституционная аксиология как научное направление исследует систему ценностей, определяющих вектор развития правовой и социальной системы государства [6]. В исследуемом контексте это предполагает, что анализ организации формирования и доступа к фондам публичных библиотек не может рассматриваться как формальный процесс. Гарантии реализации конституционных прав граждан на доступ к культурным ценностям, участие в культурной жизни, пользование учреждениями культуры, свободу творчества, образование и др. Комплекс этих прав – фундамент культурного континуума, позволяет относить культурный суверенитет к основам формирования отечественной идентичности.

Вместе с тем, признанию значимости фондов публичных библиотек для реализации конституционных ценностей и укрепления суверенитета, не способствуют фрагментарность правового регулирования, отсутствие единого общероссийского библиотечного фонда как целостного объекта управления, несогласованность подходов к комплектованию в различных ведомственных сетях библиотек, недостаточная интеграция аксиологического подхода в повседневную практику фондовой работы. Эти проблемы требуют не только организационных, но и теоретических решений, обуславливающих переосмысление правовой природы библиотечных фондов как объекта конституционно - аксиологического анализа. Вместе с тем, характеризуя степень научной разработанности темы, хотелось бы отметить, что наличие исследований аксиологической функции публичных библиотек, и публикаций, посвященных отдельным аспектам правового регулирования библиотечного дела, комплексное исследование, связывающего организацию библиотечных фондов с реализацией конституционных ценностей и укреплением суверенитета в их системном единстве, в отечественной науке до настоящего времени не предпринималось.

Анализируя систему конституционных ценностей, прежде всего, следует напомнить, что прямой нормы, специально посвященной библиотечным фондам, Конституция Российской Федерации не содержит. Однако в ней заложены правовые и ценностные основы функционирования публичных библиотек через ряд положений, име-

ющих принципиальное значение для понимания их конституционно-правового статуса. В частности, закреплено право каждого на участие в культурной жизни и пользование учреждениями культуры, и на доступ к культурным ценностям (ст. 44 Конституции). В развитие этих положений конституционная доктрина признает, что каждый человек имеет право на приобщение к культурным ценностям, на доступ к государственным библиотечным, музейным, архивным фондам, иным собраниям во всех областях в сфере культуры. Доступ к библиотечным фондам как одной из основных форм объективации культурных ценностей, гарантируется государством.

В редакции положений конституционных поправок 2020 г. установлено, что «в Российской Федерации формируются и охраняются государством библиотечный, музейный, архивный, кино-, фото- и иные фонды в соответствии с законодательством Российской Федерации» (ст. 46 Конституции). Данная норма конституционализирует сам факт существования библиотечных фондов как объектов государственного формирования и охраны. Более того, «государство обеспечивает целостность (неделимость) и неотчуждаемость общероссийских библиотечного, музейного, архивного, кино-, фото- и иных аналогичных фондов, их сохранение, функционирование и развитие» (ч. 2 ст. 46 Конституции).

Конституционное закрепление целостности, неделимости и неотчуждаемости общероссийских фондов публичных библиотек имеет глубокий аксиологический смысл. Библиотечные фонды признаются не просто имущественными комплексами, а национальным достоянием, составляющим основу культурной идентичности и суверенитета. Запрет на их приватизацию или дробление отражает понимание того, что библиотечные фонды имеют не экономическую, а цивилизационную ценность, и их сохранение для будущих поколений является конституционной обязанностью государства.

Сформулированный в конституционных положениях комплекс культурных прав (право на доступ к культурным ценностям, на участие в культурной жизни, пользование учреждениями культуры, на свободу творчества, на образование, а также право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом и др.) раскрывается через взаимосвязь его содержания континуально, то есть в пространстве и времени, сохраняя основы целостности социума. Культурные права утрачивают своё содержание вне культурного континуума, создаваемого и охраняемого государством. Базовой формой существования культурного континуума можно считать библиотеки. Универсальность и многогранность библиотек

позволяет относить их к культурному феномену и оценивать фонды публичных библиотек как важнейший канал реализации культурных прав.

Признание библиотечных фондов культурным достоянием народов Российской Федерации имеет не только декларативное, но и конституционно-правовое значение. Данный статус порождает ряд правовых последствий. Прежде всего, это обязанность государства по обеспечению сохранности библиотечных фондов и доступности библиотечных фондов для граждан. Кроме того, статус культурного достояния означает, что библиотечные фонды не могут рассматриваться исключительно как объекты гражданского оборота. Законодательство устанавливает ограничения на отчуждение библиотечных фондов и их передачу в иные формы собственности. Конституционное требование о неотчуждаемости общероссийских библиотечных фондов является гарантией сохранения национального культурного наследия.

Однако, большое практическое значение имеет решение вопроса все ли фонды библиотек отнесены к культурному наследию народов Российской Федерации? Если нет, должны ли рассматриваться фонды всех, без исключения библиотек как культурные ценности. Это создает дифференциацию в правовом режиме библиотечных фондов. Можно предположить, что лишь часть из них (национальный библиотечный фонд, фонды, комплектуемые на основе обязательного экземпляра, а также содержащие особо ценные и редкие документы) обладают конституционно значимым статусом культурного достояния. Остальные библиотечные фонды, вероятно имеют иной, менее защищенный правовой режим. Отсутствие в законодательстве понятия «единого общероссийского библиотечного фонда» создает фрагментарность правового регулирования: библиотечные фонды различных библиотек, принадлежащих разным уровням публичной власти, ВУЗам, ведомствам и пр. регулируются не всегда согласованными нормативными актами.

Конституционные нормы задают ценностный вектор, предопределяющий, что библиотечные фонды должны служить приобщению к ценностям национальной и мировой культуры, свободному духовному развитию. Однако практика организации библиотечных фондов (комплектование, каталогизация, обеспечение доступности) не всегда в полной мере учитывает этот аксиологический аспект.

Конституция Российской Федерации гарантирует каждому комплекс прав и свобод, что направлено на реализацию и удовлетворение потребностей, в том числе духовных и культурных. Включение культурных прав в разряд конституционно закрепленных является одной из особенностей развития законотворческого процесса во

многих странах мира во второй половине XX в. Право на доступ к культурным ценностям является ключевым аспектом развития интеллектуального и культурного потенциала страны, давая не только формальную возможность получить эстетическое удовольствие, но и реализовать естественную потребность в творчестве, аккумуляции новых знаний, опыта в разных сферах деятельности, а также возможность передавать накопленное последующим поколениям.

При этом, следует отметить, что Т.Я. Хабриева и В.Е. Чиркин отмечают, что культурные права «в странах англосаксонского права... не считаются правами в субъективном смысле», а сама группа социально-экономических прав «нередко... относится к числу моральных, а не так называемых позитивных, не собственно юридических» [8]. Очевидность, признания ценности комплекса культурных прав, позволяет согласиться с мнением, что в условиях осознания ценности интеллектуальной независимости «наиболее важной и востребованной представляется аксиологическая функция публичной библиотеки, обеспечивающая ее фондам возможность ценностно-ориентировочного воздействия на общество» [5]. Наряду с выполнением сугубо информационной функции «активизируется библиотечная деятельность по сохранению отечественных культурных традиций, речевой культуры, социокультурного разнообразия, по противодействию деструкции исторического знания и продвижению чтения» [5].

Конституционным признанием фондов публичных библиотек объектом государственной охраны не исчерпывается их аксиологическая значимость. Библиотечные фонды выступают не только хранилищем документов, но и инструментом реализации конституционных ценностей через свою ценностно-ориентационную (аксиологическую) функцию. В этом контексте исследователи отмечают, что аксиологическая функция публичных библиотек «...сущностная функция, обеспечивающая использование документных ресурсов в соответствии с ценностными ориентирами, заданными учредителем, и утверждающая статус библиотеки как социальной ценности» [7]. Поскольку аксиологическая функция (ценностный аспект деятельности библиотеки) присуща самой природе библиотеки, она, по мнению исследователей [1], обнаруживает себя и в каждой из так называемых внутренних, системообразующих функций: анализе семантики информации (информационно-аналитическая функция), комплектовании (кумулятивная функция), обеспечении сохранности (мемориальная функция), предоставлении информации (функция организации доступа к информации). Взаимодействуя с технологическими процессами формирования фонда и

с процессами библиотечного обслуживания, аксиологическая функция способствует также выполнению библиотекой разнообразных прикладных функций – образовательной, познавательной, просветительской и т. п. То есть «...аксиологическая функция, по существу, определяет все содержание деятельности библиотеки, ею начинается и завершается вся цепочка функций, так или иначе связанных с оценочной деятельностью» [2].

Таким образом, аксиологическая функция фондов публичных библиотек не сводится к пассивному хранению документов. Она проявляется в нескольких взаимосвязанных аспектах, каждый из которых имеет конституционно-ценностное измерение.

Во-первых, аксиологическая функция реализуется в процессе отбора и оценки социально значимой информации для ее использования и хранения. Формирование фондов публичных библиотек всегда предполагает оценку документов с точки зрения их соответствия ценностным ориентирам своего времени. Как отмечает М.И. Акилина, библиотека «осуществляет отбор и оценку социально значимой информации для ее использования и вечного хранения, транслирует ценности общества посредством проведения просветительской работы, создает ценности путем оцифровки фонда, выпуска изданий» [1]. Эта оценочная деятельность имеет прямое отношение к конституционным ценностям: через отбор документов библиотека фактически определяет, какие знания и смыслы будут сохранены для будущих поколений, а значит формирует культурную память нации.

Важно также отметить, что библиотечные каталоги и классификационные системы не являются нейтральными инструментами они имплицитно содержат ценностные установки, определяя, как именно знания должны быть организованы, иерархизированы и представлены пользователю. Эта систематизирующая деятельность также имеет конституционно-ценностное измерение, поскольку от нее зависит доступность культурных ценностей для граждан.

Аксиологическая функция публичных библиотек, отражает стремление общества воплотить признаваемые им ценности, воссоздающих целостную картину мира в идеологии, морали, художественной культуре, искусстве, обеспечивая не только передачу знаний, но и формирование системы ценностных ориентиров личности. Эта способность библиотеки оказывать ценностно-ориентирующее воздействие на личность имеет непосредственное отношение к конституционным ценностям, поскольку формирование идентичности невозможно без укрепления системы суверенных ценностей для граждан конкретной страны. Это необходимо для того, чтобы каждый

человек имел возможность сделать осознанный личностный выбор, позволяющий выработать систему положительных ориентиров и образцов

В современных геополитических условиях аксиологическая функция фондов публичных библиотек приобретает особое значение в контексте интеллектуального суверенитета страны. Если исходить из позиции, что интеллектуальный суверенитет представляет собой симбиоз культуры, науки и образования, то очевидно, что именно библиотека в качестве социокультурного института, сосредотачивает в себе код ценностей нации необходимой для философско-исторического осмысления культурного континуума страны.

Аксиологическая функция является интегративной по отношению к другим функциям: она задает ценностные ориентиры как для комплектования и хранения фонда (мемориальная функция), так и для его использования (коммуникативная функция). Именно через аксиологическую функцию библиотечный фонд обретает свое социальное значение как институт, формирующий ценностные ориентации общества.

Вместе с тем, следует отметить, что несмотря на признание значимости аксиологической функции в теории библиотечного дела, практика организации библиотечных фондов сталкивается с рядом проблем, препятствующих полноценной реализации этой функции в системе конституционных ценностей.

Первая проблема связана с отсутствием единой ценностной концепции формирования фондов публичных библиотек. Как отмечается в научной литературе, «аксиологическая основа современных подходов к формированию фондов и коллекций документарных памятников в национальных и других крупнейших библиотеках мира существенно не отличается от системы оценок и решений в библиотечном деле и библиотековедении второй половины XX в.» [4]. Это означает, что в практике комплектования фондов сохраняются устаревшие подходы, не учитывающие в полной мере современные вызовы и конституционные ценностные ориентиры.

Вторая проблема связана с фрагментарностью правового регулирования и отсутствием механизмов, обеспечивающих единство аксиологических подходов в различных ведомственных сетях библиотек. Федеральный закон «О библиотечном деле» не выделяет единый для всей страны библиотечный фонд, что создает сложности для реализации целостной государственной политики в сфере формирования ценностно-ориентированных фондов.

Третья проблема касается соотношения идеологического многообразия, гарантированного статьей 13 Конституции РФ, и ценностно-ориентационной функции библиотечных фондов.

Актуальной остается задача обеспечения баланса между идеологическим многообразием и ценностной определенностью, соответствующей конституционным ориентирам [3].

Аксиологическая функция фондов публичных библиотек в системе конституционных ценностей представляет собой сложный и многогранный феномен. Она проявляется в отборе и оценке социально значимой информации, систематизации знаний, ценностно-ориентационном воздействии на пользователей, трансляции культурного опыта и формировании ценностных ориентаций личности. В условиях современных вызовов эта функция приобретает особое значение для укрепления культурного и интеллектуального суверенитета страны.

Публичные библиотеки выступают не просто хранилищами документов, но активными инструментами реализации конституционных ценностей — через сохранение культурного наследия, обеспечение доступа к культурным ценностям, формирование национальной идентичности и трансляцию традиционных духовно-нравственных ценностей. Реализация аксиологического потенциала фондов публичных библиотек требует не только совершенствования правового регулирования и организационных механизмов, но и переосмысления самой сущности библиотечного фонда как конституционно значимого объекта, ценностно-ориентационная функция которого является определяющей для всей деятельности библиотеки. В этой связи особую актуальность приобретает разработка ценностной концепции фондов публичных библиотек, системы принципов и подходов к формированию, хранению и использованию фондов, соответствующей конституционным ценностям и обеспечивающей укрепление суверенитета страны. И именно эта сущностная функция должна стать основой для организации библиотечных фондов в современной России.

В заключении следует отметить, что конституционно-правовые основы организации фондов публичных библиотек в Российской Федерации представляют собой сложную систему норм, закрепленных в Конституции РФ, федеральных законах и подзаконных актах. В основе этой системы лежит конституционное признание библиотечных фондов объектом государственного формирования и охраны, их отнесение к культурному достоянию народов России, а также закрепление права граждан на доступ к библиотечным фондам как форме реализации права на доступ к культурным ценностям. Вместе с тем, анализ конституционно-правовых основ выявляет ряд системных проблем, связанных с фрагментарностью правового регулирования, отсутствием понятия единого общероссийского библиотечного фонда, разрывом между конституционными декларациями

и механизмами их реализации, а также недостаточной интеграцией аксиологического подхода в организацию библиотечного дела. Преодоление этих проблем требует не только совершенствования законодательства, но и переосмысления публичных библиотек как конституционно значимого института, обеспечивающего реализацию конституционных ценностей и укрепление суверенитета страны.

Список литературы:

- [1] Акилина М. И. Аксиологическая функция библиотечного социального института // Библиотечный социальный институт: новые акценты и аспекты. Москва, 2013. С. 78–89.
- [2] Вихрева Г. М., Федотова О. П. Проблемы формирования библиотечного фонда в контексте философии ценностей // Библиосфера. 2017. № 2. С. 12–16.
- [3] Виноградова Е. В. К вопросу об иерархии конституционных ценностей. // Право и управление № 5 - 2024. С. 591-593.
- [4] Лосиевский И. Я. Фонд документарных памятников в научной библиотеке: пути расширения и пределы инноваций. Научные и технические библиотеки. 2020;(6):31-48.
- [5] Рахинский Д. В., Панасенко Г. В. и др. Цель образования как объект социально-философского изучения // Профессиогальное образование в современном мире. 2024. Т. 14. № 2. С. 222-231.
- [6] Савенков А. Н. Государство и право: Права человека и мировой порядок, основанный на верховенстве права. В 3-х томах. Том 1. – Москва: Наука, 2021. – 769 с.
- [7] Соколов А. В. Библиотека как национальная ценность в эпоху глобализации (элементы библиотечной аксиологии) // Библиотековедение. 2016. Т. 65, № 4. С. 376–385.
- [8] Хабриева Т. Я., Чиркин В. Е. Теория современной конституции. М.: Норма, 2007. 320 с.
- [9] Закон Российской Федерации о поправке в Конституцию Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти».

[10] Распоряжение Правительства Российской Федерации от 13.03.2021 № 608-р. «Стратегия развития библиотечного дела в Российской Федерации на период до 2030 года.

[11] Федеральный закон от 29 декабря 1994 года № 78-ФЗ «О библиотечном деле».

References:

- [1] Akilina M.I. Axiological function of the library social institute // Library social institute: new accents and aspects. Moscow, 2013. S. 78-89.
- [2] Vikhreva G.M., Fedotova O.P. Problems of the formation of a library fund in the context of the philosophy of values // Bibliosfera. 2017. № 2. S. 12-16.
- [3] Vinogradova E.V. On the issue of the hierarchy of constitutional values // Law and Government No. 5 - 2024. S. 591-593.
- [4] Losievsky I.Ya. Foundation for documentary monuments in the scientific library: ways of expansion and limits of innovation. Scientific and technical libraries. 2020;(6):31-48.
- [5] Rakhinsky D.V., Panasenko G.V. et al. The purpose of education as an object of sociological study // Vocational education in the modern world. 2024.T.14. № 2. P.222-231.
- [6] Savenkov A.N. State and law: Human rights and a world order based on the rule of law. In 3 volumes. Volume 1. - Moscow: Nauka, 2021. - 769 p.
- [7] Sokolov A.V. Library as a national value in the era of globalization (elements of library axiology) // Library science. 2016. VOL. 65, NO. 4. S. 376-385.
- [8] Khabrieva T.Ya., Chirkin V.E. Theory of the modern constitution. M.: Norma, 2007. 320 s.
- [9] The Law of the Russian Federation on the Amendment to the Constitution of the Russian Federation of March 14, 2020 No. 1-FKZ "On Improving the Regulation of Certain Issues of the Organization and Functioning of Public Authorities."
- [10] Order of the Government of the Russian Federation dated 13.03.2021 No. 608-r. "Strategy for the development of librarianship in the Russian Federation for the period up to 2030.
- [11] Federal Law No. 78-FZ of December 29, 1994 "On Librarianship."

КОБЗАРЬ-ФРОЛОВА Маргарита Николаевна,
Главный научный сотрудник сектора
административного права и административного
процесса, ФГБУН Институт государства и
права Российской академии наук, г. Москва,
доктор юридических наук, профессор,
ORCID: 0000-0003-2885-6401,
e-mail: adminlaw@igpran.ru

НОВЕЛЛЫ В ГОСУДАРСТВЕННОМ УПРАВЛЕНИИ ПЛАТФОРМЕННОЙ ЭКОНОМИКОЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В статье поднимается весьма актуальная тема государственного управления в области платформенной экономики. В статье дается понятие, краткая характеристика и историческая справка о возникновении данного феномена в широком кругу экономических отношений. Автором показаны сильные стороны и вызовы платформенной экономики, проанализированы положения законодательства регулирующего отношения в области платформенной экономики, выделены новеллы, вступающие в силу с 01.10.2026 г. Сделаны выводы, соответствующие кругу рассмотренных задач. Методы: аналитический, диалектический, сравнительно-правовой, логический и другие. Цель: в кругу различных, регулирующих столь сложные отношения, показать новеллы государственного управления в области платформенной экономики.

Ключевые слова: государственное управление, экономика, платформенная экономика, инновации, цифровые платформы, интернет-технологии, онлайн-сервисы, контроль, ответственность.

KOBZAR-FROLOVA Margarita Nikolaevna,
Chief Researcher, Administrative Law and
Administrative Process Sector, FSBSI Institute of
State and Law, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Doctor of Law, Professor

NOVELTIES IN THE STATE ADMINISTRATION OF THE PLATFORM ECONOMY OF THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. The article addresses a highly relevant topic: public administration in the field of platform economy. The article provides a definition, a brief description, and a historical overview of the emergence of this phenomenon within a broad range of economic relations. The author highlights the strengths and challenges of platform economy, analyzes the provisions of the legislation regulating relations in the field of platform economy, and identifies the novelties that will come into force on October 1, 2026. Conclusions are drawn that correspond to the range of tasks considered. Methods: analytical, dialectical, comparative-legal, logical, and others. Objective: to identify and highlight the innovations in public administration in the field of platform economy.

Key words: public administration, economy, platform economy, innovations, digital platforms, internet technologies, online services, control, responsibility.

Введение: Термин «платформенная экономика» является новеллой для российской правовой системы, как, впрочем, и зарубежной и вопросы государственного управления в этой молодой области находятся на стадии активного строительства. В этой связи эта область общественных отношений находится в ракурсе пристального внимания научного сообщества. При этом уже сложилось четкое представление о том, что некой универсальной разработанной модели, которую можно было бы позаимствовать в качестве образца нет и быть не может [14]. Это связано и с отраслевыми спецификами, и развитием инфраструктуры инноваций и сервисов в разных странах и отраслях экономики, и экзистенциальными особенностями экосистемы и многими другими.

Своим появлением термин обязан развитию интернет-технологий, IT- программ (платформ), онлайн-сервисов, объединяющих поставщиков услуг с наработанной клиентской базой (например, Uber, Airbnb) и проч. Первые научные публикации, рассматривающие платформенные бизнес-модели появились за рубежом на рубеже 2000-х годов [8, С. 155-167]. Несколько позже в научной литературе появились такие понятия как «платформизация», «платформенная революция», «платформенное общество», «платформенный кооперативизм», «инновационные платформы» и аналогичные [8, С. 155-167]. При всем, наибольший интерес ученых и практиков был проявлен к платформизации хозяйственной (экономической) деятельности субъектов, что и послужило началом формированию «платформенной экономики» как правовому феномену, сфере деятельности, и затем опосредовало необходимость правового регулирования отношений в этой области [9, С.13-82; 16, С. 58-75].

В наиболее обобщенном виде понятием «платформенная экономика» – это, прежде всего, (экономическая) деятельность специальных субъектов, связанная с организацией бизнеса и извлечением доходов. Данным видом деятельности охватывается некая совокупность общественных отношений, объединенная сферой производства и потребления товаров (услуг), их предоставления широкому кругу потребителей, обменом посредством цифровых платформ. Операторы цифровых платформ выступают в качестве основных платформенных агентов. Субъектами в платформенной экономике выступают: платформенные компании (в т.ч. агенты), производители товаров (работ, услуг), конечные потребители, инвесторы, логистические и консалтинговые компании, рекламодатели, и прочие. То есть все те, кто находится в цепочке от производителя до конечного потребителя. Есть мнение, что к 2016 году «платформенная экономика» уже стала ядром мировой цифровой экономики, а пандемия-2019

явилась драйвером в ее эволюционировании. Интерес представляет вывод экономистов о том, что «платформенная экономика представляет собой новую парадигму социально-экономического развития, основанную на использовании цифровых платформ как посредников между различными группами пользователей» [10 С. 19-29]. Отдельные экономисты отождествляют платформенную экономику в «онлайн-системами, предоставляющими комплексные типовые решения для взаимодействия между пользователями, включая коммерческие транзакции» [11 С. 22–36].

Особенностью является не только гибкость развития и распространения, но и то, что большая часть процесса осуществляется в онлайн режиме. В большинстве случаев цифровые платформы не связаны с какой-либо единой территорией (страной), они свободны в распространении своего продукта (если это не запрещено законодательством страны), тогда как производители, маркетологи, инвесторы, операторы, и прочие локализованы в некотором цифровом пространстве. При этом операторы платформ способствуют созданию неких двусторонних связей между производителями и потребителями, которые взаимодействуют между собой через инструменты платформы. Сегодня крупнейшие платформы, такие как – Apple, Facebook, Uber и др. благодаря своим мощным техническим возможностям, уже стали платформами, на которых строятся и распространяются другие платформы. Основная платформа диктует своим дочерним платформам условия присоединения, предоставляет комплексные типовые программы (решения), и определяет порядок взаимодействия, включая коммерческие транзакции, разрабатывают механизм защиты. Преимущественно, операторы основной платформы обеспечивают рекламную поддержку, дают возможность использовать готовые специфические решения и связанные с ними сервисы, что позволяет экономить средства и время на самостоятельную разработку и инструментов продвижения собственной продукции (сервисов), приобретение соответствующих патентов и проч. отсюда сложилось мнение что абстрактная архитектура всех основных платформ примерно одинакова [17]. Многие платформы функционируют как посредники, создавая перекрестные сетевые эффекты и агрегируя спрос и предложение, увеличивая число пользователей, что повышает полезность данной платформы.

Специалисты РАН, изучающие географию распространения цифровых платформ, пришли к мнению, что «в итоге формируются многослойные и сложно организованные платформенные образования, значительно усложняющие их государственное регулирование» [8 С. 155-167].

Нельзя сказать, что Российская Федерация

отстала от наиболее развитых в цифровом поле стран в вопросах платформенной экономики, В Российской Федерации интерес к платформенной экономике проявился в середине 90-х, когда было объявлено о разработке и запуске цифровой лаборатории по защите информационных данных Е. Касперским («Лаборатории Касперского»). Лаборатория переросла в международную компанию, специализирующуюся на разработке систем защиты от компьютерных вирусов, спама, хакерских атак и иных киберугроз. В 1998 году была запущена российская платформа – Ozon, – маркетплейс, вначале как интернет-магазин по продаже книг и видеокассет, в 2000 – российские пользователи обрели систему поиска в интернет и интернет-сервисную платформу «Яндекс». Далее интернет-платформы стали разрабатывать российские банки, а в 2009 году запущен Интернет-портал государственных услуг. И сегодня платформенная экономика демонстрирует динамичный рост, охватывая самые разнообразные сферы экономики: от электронной торговли и транспортных услуг до финансовых технологий, здравоохранения и образования.

Нужно заметить, что долгое время цифровые сервисы в экономике России не находили должного правового регулирования. При этом цифровые сервисы в экономике имеют как существенные положительные черты, так и могут нести серьезные реальные угрозы пользователям сервисов.

Сильные стороны и вызовы платформенной экономики

Несмотря на относительно небольшой опыт в вопросах государственного управления цифровыми платформами и платформенной экономики, в частности, выявились отдельные сильные стороны этого вида бизнеса и обнаружилось отдельные тревожные моменты, требующие государственного вмешательства. Не вызывает сомнения то, что цифровые платформы в экономике расширяют функциональность бизнеса, способны влиять на уровень развития экономики страны, но, эволюционируя в свободной цифровой пространстве, они могут нести существенные разрушения. Из плюсов платформенной экономики: стимулирование инноваций и развития технологий; преодоление отсталости, проблем в импортозамещении, появление новых сегментов в экономике и бизнесе; приобретение и накопление знаний; расширение возможностей для ведения бизнеса и накопления капитала, при снижении издержек; подконтрольность и повышение прозрачности бизнеса (транзакций, простых операций и проч.) и другое. При всей сильной стороне данных технологий имеются и минусы.

Негативная сторона: цифровое неравенство, которое проявляется в расширении монопо-

лий и их влиянии на бизнес, отсюда зависимость участников от основного держателя платформы; социальные – возможные сбои, зависимость от интернета, перекосы в профессиональной сфере, потеря ряда профессий, сложности в коммуникационной сфере, особенно если человек работает всегда дома один и другие. И тем не менее, «платформенная экономика стала одним из наиболее динамичных структурных явлений современного экономического уклада» [13], охватив своим влиянием сферу финансов, розничную и оптовую торговлю, транспорт, рынок труда и проч. По данным Минэкономразвития России к концу 1 полугодия 2025 года вклад платформенной экономики в ВВП приблизился к пятой части всего ВВП страны, а оборот крупнейших маркетплейсов Wildberries, Ozon, Яндекс Маркет и Мегамаркет превысил 4 трлн. Рублей [18].

Правовое регулирование платформенной экономики.

Несмотря на бурное развитие отношений в области платформенной экономики, их влияние на взаимоотношения между участниками, правовое регулирование деятельности операторов и прочих участников до некоторых пор имело существенные пробелы, регулируя лишь отдельные стороны хозяйственной деятельности субъектов (нормами гражданского права), вопросы финансов – нормами банковского права, отдельные вопросы международной деятельности – нормами таможенного права и проч. Можно предположить, что сложности регулирования были связаны с межотраслевой спецификой отношений в области платформенной экономики, которая (специфика) требует комплексного действия норм, прежде всего: административного права (для регулирования общих принципов данного вида деятельности, введения процедур государственного контроля, (надзора), установления правил ведения бизнеса, и в конечном счете – ответственности за нарушение обязательных требований), гражданского права (вопросы договоренных отношений), налогового права (вопросы налогообложения и контроля за проведением хозяйственных операций), и иных отраслей.

Нужно заметить, что нормы приведенных отраслей не в полной мере отражают всю область влияния платформенной экономики на общественные отношения. Это способствовало (вплоть до настоящего времени) созданию мощеннических схем, уклонению от уплаты налогов, выводу капитала за рубеж и тому подобное порождая многочисленные конфликты в налоговой, таможенной, банковской и иных сферах.

Первоначально, цифровые платформы не имели самостоятельного правового статуса и формально квалифицировались либо как дистанционная торговля и регулировались нормами

Закона о защите прав потребителей (ст. 26.1) [5], либо как агентские отношения в рамках гражданско-правового договора. В 2017 году по инициативе Президента Российской Федерации была запущена национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» [15]. Несомненно, важную роль в развитии платформенной экономики сыграла предложенная Правительством РФ концепция «Государство как платформа» (Government as a Platform) [12]. Данная концепция была направлена на создание единой цифровой среды в Российской Федерации для целей взаимодействия государства, граждан и бизнеса на основе платформенных принципов. Концепция (хоть не в полной мере), но была успешно реализована. Ее реализация способствовала решению вопросов цифровизации в государственном управлении. Однако, в связи с ростом конфликтов в данной сфере отношений, в 2018–2019 годах Роспотребнадзор выпустил ряд разъяснений об ответственности операторов информационных ресурсов перед потребителями. Нужно заметить, что «разъяснения» не являются актами нормативного регулирования.

На прошедшем в июне 2025 года Петербургском экономическом форуме Президент Российской Федерации остро ставит вопрос о важности и срочности принятия закона, способного упорядочить работу цифровых платформ и маркетплейсов. Нужно сказать, что проект закона, разработанный и представленный Правительством РФ, с его финансово-экономическим обоснованием уже находился на рассмотрении в комитете по экономической политике в Государственной Думе Российской Федерации, но получил значительное количество замечаний и был отправлен на доработку. Тем не менее, после получения заключения Правового управления ГД РФ 22 июля 2025 года Государственная Дума принимает Федеральный закон № 289-ФЗ о платформенной экономике в Российской Федерации (далее по тексту – Закон № 289-ФЗ) [3]. Начало действия закона – 01.10.2026 г. Таким образом, говорить о периодизации на наш взгляд – преждевременно.

Несомненным достоинством данного Закона является то, что предпринята попытка нивелировать возникший пробел в правовом регулировании отношений в области платформенной экономики, возникающих конфликтах между операторами посреднических цифровых платформ, их партнерами, пользователями и иными лицами в связи с продажей товаров, оказанием услуг (ст. 1). На законодательном уровне введено несколько понятий и определений, таких как: платформенная экономика, цифровая платформа владелец цифровой платформы, партнер, пользователь, оператор и прочие (ст. 2). Так, под платформенной экономикой понимается совокупность организа-

ционных и имущественных отношений, складывающихся в результате взаимодействия неограниченного круга лиц посредством цифровых платформ для осуществления предпринимательской деятельности или в иных целях, в том числе не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности.

Законом ставится множество целей (хотя это скорее задачи, а цель в нашем понимании – упорядочить данный вид отношений, обречь их правовыми рамками): 1) создание безопасной цифровой среды на цифровых платформах, способствующей повышению уровня доступности товаров, работ, услуг, развитию предпринимательства и конкуренции; 2) создание правовых, экономических и организационных условий развития и функционирования цифровых платформ; 3) обеспечение единства экономического пространства в Российской Федерации путем установления требований к организации и осуществлению деятельности цифровых платформ; 4) обеспечение баланса экономических интересов хозяйствующих субъектов, функционирующих в сфере платформенной экономики, а также обеспечение гарантий соблюдения прав и законных интересов физических и юридических лиц; 5) повышение доступности осуществления торговой деятельности, выполнения работ, оказания услуг для хозяйствующих субъектов, в том числе субъектов малого и среднего предпринимательства.

Нужно заметить, что основным положительным моментом выстраивания отношений в платформенной экономике в рамках данного закона является то, что законодатель предпринял попытку защитить права всех сторон, создать условия для развития бизнеса в правовом поле, при этом обеспечить баланс интересов бизнеса и приобретателя товаров, услуг.

Важным достоинством Закона № 289-ФЗ является непосредственное участие Правительства Российской Федерации на всех этапах управленческих отношений в области платформенной экономики: ведение реестра, определение правил, порядка ведения реестра, критериев и некоторых иных процедурных вопросов, включая вопросы контроля и надзора. Закрепление положений о ведении реестров несомненно будет способствовать прозрачности данного вида правоотношений и контролировать цепочки продаж. Федеральным органом исполнительной власти, уполномоченным на проведение контроля и надзора в области действия Закона № 289-ФЗ определена Федеральная антимонопольная служба (ФАС России) [6] (ст.21, п. 2).

Отдельно хотелось бы отметить положения, закрепленные в Главе 2 Закона № 289-ФЗ, закрепляющие порядок взаимодействия оператора, партнеров и владельцев пунктов выдачи заказов,

и, в частности то, что Правительство Российской Федерации оставляет за собой право определять перечень сведений, подлежащих проверке оператором, и способы проверки сведений о лице, имеющем намерение стать партнером или владельцем пункта выдачи заказов. Также в Главе 2 закреплены условия договора между оператором и партнером или владельцем пункта выдачи заказов где в обязательном порядке должны быть изложены 1) требования к партнеру, владельцу пункта выдачи заказов; 2) порядок обмена юридически значимыми сообщениями; 3) исчерпывающий перечень применяемых к партнеру, владельцу пункта выдачи заказов и оператору мер ответственности, основания и порядок их применения (ст. 5) Оператор обязан обеспечить соблюдение требований законодательства Российской Федерации к обращению товаров в случае осуществления продажи товаров с использованием объектов логистической инфраструктуры и несет ответственность за несоблюдение данных требований в соответствии с законодательством Российской Федерации (ст. 18).

К числу положительных сторон, кроме прочего указанного, следует отнести: установление запрета на снижение цен без письменного согласия продавца (ст. 9); регламентация вопросов заключения договоров, условий их изменения, в т.ч. договоров, связанных с логистикой и логистической инфраструктурой (ст. 18); закрепление досудебного порядка (процедур) и сроков рассмотрения жалоб (ст.14). Данная норма представляется особенно значимой, с учётом накопившихся в судебных инстанциях жалоб, ожидающих разрешения конфликтов в судебном порядке. По некоторым сведениям, данный вид конфликтов становится наиболее распространенным в российской судебной системе.

Для целей совершенствования вопросов в сфере государственного управления в области платформенной экономики Правительство Российской Федерации разработало Постановление Правительства РФ от 02.07.2026 № 820 «О федеральном государственном контроле (надзоре) за соблюдением требований в сфере платформенной экономики» и утвердило его вместе с «Положением о федеральном государственном контроле (надзоре) за соблюдением требований в сфере платформенной экономики» [7]. Указанное Положение устанавливает порядок осуществления федерального государственного контроля (надзора) за соблюдением требований в сфере платформенной экономики и вступает в силу вместе с Законом № 289-ФЗ. Государственный контроль (надзор) осуществляет Федеральная антимонопольная служба (п. 3). Указанные новеллы нашли закрепление в статье 23.99 КоАП РФ.

Согласно ст. 9 объектами контроля явля-

ются: деятельность, действия (бездействие) контролируемых лиц, в рамках которых должны соблюдаться обязательные требования; результаты деятельности контролируемых лиц, в том числе продукция (товары), работы и услуги, к которым предъявляются обязательные требования. При осуществлении государственного контроля (надзора) применяется система оценки и управления рисками причинения вреда (ущерба) охраняемым законом ценностям (ст. 10). Положение закрепляет виды профилактического контроля, осуществляемого антимонопольным органом: информирование; обобщение правоприменительной практики; объявление предостережения; консультирование; профилактический визит. В целом порядок проведения контроля регламентируется нормами Федерального закона «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» [4]. Среди видов мероприятий государственного контроля (надзора) в Положении названы: наблюдение за соблюдением обязательных требований; выездное обследование. При проведении выездного обследования проводятся следующие контрольные (надзорные) действия: осмотр; инструментальное обследование (с применением видеозаписи) (п. 20).

Жалобы на действия антимонопольного органа рассматриваются в соответствии с положениями Кодекса об административного судопроизводства [1].

Новеллы законодательства об административной ответственности.

В связи с государственным регулированием отношений в области платформенной экономики и принятием Закона № 289-ФЗ в законодательство Российской Федерации об административных правонарушениях были внесены поправки, касающиеся мер ответственности. Установлена административная ответственность за неисполнение требований законодательства в области платформенной экономики [2]. Так, Кодекс РФ об административных правонарушениях дополнен положениями, вводящими административную ответственность за неисполнение оператором посреднической цифровой платформы требований, предусмотренных законодательством о платформенной экономике, а также за нарушение продавцами требований о размещении в публичном доступе предложений о продаже товаров. В частности, установлена ответственность в виде административного штрафа, налагаемого на оператора, партнера посреднической цифровой платформы в случае допущенного ограничения доступа к личному кабинету, прекращению размещения карточки товара, снижению рейтинга и проч. Также будут подвержены наказанию действия хозяйствующего субъекта осуществляющим торговую деятельность, нарушающие требования к

размещению в публичном доступе предложений о продаже товаров. Повторное нарушение влечет увеличение размера административного штрафа. Дополнительно, в Главу 14 включены нормы, устанавливающие административную ответственность за нарушение саморегулируемой организацией оценщиков и ее должностными лицами требований законодательства (ст.14.71). Все изменения вступают в силу 01.10.2026 г.

Вместо заключения: таким образом, отношения в области платформенной экономики получили свое законодательное закрепление. Нормы Закона № 289-ФЗ ««Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации», Постановление Правительства РФ от 02.07.2026 № 820 «О федеральном государственном контроле (надзоре) за соблюдением требований в сфере платформенной экономики», «Положение о федеральном государственном контроле (надзоре) за соблюдением требований в сфере платформенной экономики», отдельные нормы гражданского законодательства, законодательства о налогах и сборах и прочие в комплексе образовали законодательство Российской Федерации о платформенной экономике, за неисполнение требований которого установлена административная ответственность.

Список литературы:

- [1] Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 N 21-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 09.03.2015.
- [2] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Собр. законодательства РФ, 2002, № 1 (ч. 1), ст. 1.
- [3] Федеральный закон от 31.07.2025 № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации» // Собр. законодательства РФ, 2025, № 31, ст. 4643.
- [4] Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» // Российская газета, № 171, 05.08.2020.
- [5] Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» // Российская газета, № 8, 16.01.1996.
- [6] Постановление Правительства РФ от 30.06.2004 N 331 «Об утверждении Положения о Федеральной антимонопольной службе» // Собр. законодательства РФ, 2004, № 31, ст. 3259.
- [7] Постановление Правительства РФ от 02.07.2026 № 820 «О федеральном государственном контроле (надзоре) за соблюдением требований в сфере платформенной экономики» и утвердило его вместе с «Положением о федеральном государственном контроле (надзоре) за соблюдением требований в сфере платформенной экономики» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 02.07.2026, Начало действия документа - 01.10.2026.
- [8] Блануца В.И. Географическое изучение платформенной экономики: существующие и возможные подходы // Ин-т географии им. В.Б.Сочавы СО РАН, Иркутск. Известия РАН. Серия географическая, 2022, Т. 86, № 2, стр. 155-167.
- [9] Габов, А.В. Цифровая платформа как новое цифровое явление // Пермский юридический альманах, Пермь, № 4, 2021, С.13-82.
- [10] Гаврилова Э.Н. Платформенная экономика в России: драйверы развития, институциональные барьеры, экономические эффекты и прогнозы развития // Вестник московского университета им. С.Ю. Витте, Сер. Экономика и управление, № 3 (54), 2025, С. 19-29.
- [11] Гелисханов И.З., Юдина Т.Н., Бабкин А.В. Цифровые платформы в экономике: сущность, модели, тенденции развития // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. – 2018. – Т. 11, № 6. – С. 22–36. – DOI 10.18721/JE.11602.
- [12] Государство как платформа: люди и технологии. Под ред. Шкларук М.С., — М: РАНХиГС, 2019 —111 с.
- [13] Жильцов Д.А. Ретроспектива законодательного регулирования платформенной экономики // М. ФУ, Вестник евразийской науки, № 6 (17), 2025.
- [14] Платформенная экономика в России: потенциал развития: аналитический доклад // Г.И. Абдрахманова, Л.М. Гохберг, А.В. Демьянова и др.; под ред. Л.М. Гохберга, Б.М. Глазкова, П.Б. Рудника, Г. И. Абдрахмановой; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М. : ИСИЭЗ ВШЭ, 2023 – 72 с.
- [15] Паспорт национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 04.06.2019 № 7). Режим доступа: <http://static.government.ru/media/files/urKHm0gTPPnzJlaKw3M5cNL06gczMkPF.pdf>.
- [16] Филиппова С.Ю., Харитонов Ю. С. Цифровые платформы в праве и право цифровых платформ: новые вызовы законодателю и пути их решения // Правоведение, «2025, Т. 69. № 1, С. 58-75.
- [17] Annabelle Gawer. Platforms, Markets and Innovation., 2010. Режим доступа: <https://archive.org/details/platformsmarkets0000unse>.
- [18] Министерство экономического развития Российской Федерации: С 1 октября 2026 года в России вводится официальное регулирование

деятельности платформ. — Официальный сайт.
<https://www.economy.gov.ru/>.

References:

- [1] Code of Administrative Procedure of the Russian Federation of 08.03.2015 N 21-FZ // Official Internet Portal of Legal Information, <http://pravo.gov.ru> 09.03.2015.
- [2] Code of Administrative Offenses of the Russian Federation of 30.12.2001 No. 195-FZ // *Sobr. legislation of the Russian Federation*, 2002, No. 1 (part 1), Art. 1.
- [3] Federal Law of 31.07.2025 No. 289-FZ "On Certain Issues of Regulation of the Platform Economy in the Russian Federation" // *Sobr. legislation of the Russian Federation*, 2025, No. 31, Art. 4643.
- [4] Federal Law of 31.07.2020 No. 248-FZ "On State Control (Supervision) and Municipal Control in the Russian Federation" // *Rossiyskaya Gazeta*, No. 171, 05.08.2020.
- [5] Law of the Russian Federation of 07.02.1992 No. 2300-1 "On Protection of Consumer Rights" // *Rossiyskaya Gazeta*, No. 8, 16.01.1996.
- [6] Decree of the Government of the Russian Federation of 30.06.2004 No. 331 "On approval of the Regulations on the Federal Antimonopoly Service" // *Sobr. legislation of the Russian Federation*, 2004, No. 31, Art. 3259.
- [7] Decree of the Government of the Russian Federation of 02.07.2026 No. 820 "On Federal State Control (Supervision) over Compliance with Requirements in the Field of the Platform Economy" and approved it together with the "Regulation on Federal State Control (Supervision) over Compliance with Requirements in the Field of the Platform Economy" // Official Internet Portal of Legal Information <http://pravo.gov.ru>, 02.07.2026, The beginning of the document is 01.10.2026.
- [8] Blanuta V.I. Geographical study of the platform economy: existing and possible approaches // Institute of Geography named after V.B. Sochava SB RAS, Irkutsk. *News of the Russian Academy of Sciences. Geographical series*, 2022, T. 86, No. 2, pp. 155-167.
- [9] Gabov, A.V. Digital platform as a new digital phenomenon // *Perm Legal Almanac*, Perm, No. 4, 2021, S.13-82.
- [10] Gavrilova E.N. Platform economy in Russia: development drivers, institutional barriers, economic effects and development forecasts // M. // *Bulletin of Moscow University named after S.Yu. Witte, Ser. Economics and Management*, No. 3 (54), 2025, pp. 19-29.
- [11] Geliskhanov I.Z., Yudina T.N., Babkin A.V. Digital platforms in economics: essence, models, development trends // *Scientific and technical statements of St. Petersburg State Pedagogical University. Economic sciences.* – 2018. – T. 11, NO. 6. – S. 22-36. – DOI 10.18721/JE.11602.
- [12] The state as a platform: people and technology. Ed. Shklärük M.S., - M: RANEPА, 2019 - 111 p.
- [13] Zhiltsov D.A. Retrospective of legislative regulation of the platform economy // M. FU, *Bulletin of Eurasian Science*, No. 6 (17), 2025.
- [14] Platform economy in Russia: development potential: analytical report // G.I. Abdrakhmanova, L.M. Gokhberg, A.V. Demyanova et al.; ed. L.M. Gokhberg, B.M. Glazkova, P.B. Rudnik, G.I. Abdrakhmanova; Nat. †. University "Higher School of Economics." - M.: ISIEZ HSE, 2023 - 72 p.
- [15] Passport of the national program "Digital Economy of the Russian Federation" (approved by Presidium of the Presidential Council for Strategic Development and National Projects, protocol of 04.06.2019 No. 7). Режим доступа: <http://static.government.ru/media/files/urKHm0gTPPnzJlaKw3M5cNLo6gczMkPF.pdf>.
- [16] Filippova S.Yu., Kharitonova Yu.S. Digital platforms in the law and the law of digital platforms: new challenges to the legislator and ways to solve them // *Jurisprudence*, "2025, T. 69. NO. 1, P. 58-75.
- [17] Annabelle Gawer. *Platforms, Markets and Innovation.*, 2010. Режим доступа: <https://archive.org/details/platformsmarkets0000unse>.
- [18] Ministry of Economic Development of the Russian Federation: From October 1, 2026, official regulation of platforms is introduced in Russia. - Official website. <https://www.economy.gov.ru/>.

ТАРАСОВ Александр Анатольевич,
старший преподаватель Департамента уголовного
права, процесса и криминалистики Факультета
права Национального исследовательского
университета «Высшая школа экономики»
(НИУ ВШЭ), ORCID: 0000-0078-9276-5211,
e-mail: tarasov.aa@hse.ru

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ЦИФРОВОМУ МОШЕННИЧЕСТВУ И ВОВЛЕЧЕНИЮ В ТЕРРОРИЗМ: УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация. В статье приведены результаты авторского исследования проблем квалификации и предупреждения гибридные преступные схемы, в которых смешиваются методы цифрового мошенничества по ст. 159, 159.3, 159.6 УК РФ и вовлечение граждан в террористическую деятельность по ст. 205.1, 205.2 УК РФ. Сделан вывод, что использование цифровых технологий и психологического манипулирования нивелирует четкие критерии квалификации преступлений. Это влечет за собой конкуренцию уголовно-правовых норм и отсутствие стабильности в судебной практике.

На основе анализа законодательства и судебных кейсов автор показывает, что у этого явления есть вполне конкретные криминологические причины: анонимность цифровых платформ, использование уязвимостей людей и низкая цифровая грамотность жертв. В работе обосновывается необходимость уточнить диспозиции ст. 159, 205.1, 205.2 УК РФ. Выработаны предложения по совершенствованию законодательства и меры виктимологической профилактики. Полученные результаты способствуют повышению правовой определенности и укреплению национальной безопасности.

Ключевые слова: кибермошенничество, социальная инженерия, вовлечение в террористическую деятельность, гибридные преступления, конкуренция норм, виктимологическая профилактика.

TARASOV Aleksandr Anatolyevich,
Senior Lecturer at the Department of Criminal Law,
Procedure and Criminology, Faculty of Law, National
Research University Higher School of Economics
(HSE University)

COUNTERING DIGITAL FRAUD AND INVOLVEMENT IN TERRORISM: CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGICAL ISSUES AND PERSPECTIVES

Annotation. The article presents the results of the author's research on the issues of qualification and prevention of hybrid crime schemes that combine digital fraud methods under Articles 159, 159.3, and 159.6 of the Criminal Code of the Russian Federation and the involvement of citizens in terrorist activities under Articles 205.1 and 205.2 of the Criminal Code of the Russian Federation. It is concluded that the use of digital technologies and psychological manipulation eliminates clear criteria for the qualification of crimes. This entails a competition of criminal law norms and a lack of stability in judicial practice.

Based on the analysis of legislation and court cases, the author shows that this phenomenon has specific criminological causes: the anonymity of digital platforms, the exploitation of human vulnerabilities, and the low digital literacy of victims. The paper substantiates the need to clarify the dispositions of Articles 159, 205.1, and 205.2 of the Criminal Code of the Russian Federation. Proposals for improving legislation and victimological prevention measures have been developed. The results obtained contribute to increasing legal certainty and strengthening national security.

Key words: *digital fraud, social engineering, involvement in terrorist activities, hybrid crimes, competition of norms, victimological prevention.*

Стремительная цифровая трансформация общества, когда информационно-коммуникационные технологии встраиваются почти в каждую сферу жизни, а онлайн-сервисов становится все больше, создала для старых схем мошенничества благоприятную почву. Цифровизация общественных отношений обусловила существенное изменение форм и способов совершения преступлений террористической направленности. Информационно-телекоммуникационная среда в современных условиях выступает не только инструментом коммуникации, но и самостоятельной площадкой распространения террористической идеологии, вербовки участников и координации противоправной деятельности [1].

В настоящее время злоумышленники все активнее используют инструменты искусственного интеллекта и приемы социальной инженерии, то есть подстраивают атаки под конкретного человека и нередко автоматизируют общение с жертвой. Из-за этого мошенничество уже давно не сводится только к экономическому преступлению. Оно превращается в многофункциональный инструмент, который используют, в том числе, для вовлечения в террористическую деятельность. На этом фоне возникают гибридные угрозы национальной безопасности. Для повышения эффективности нейтрализации новых вызовов требуется пересмотр старых подходов к уголовно-правовому противодействию.

Если посмотреть на действующее уголовное законодательство, особенно на статьи 159, 205.1 и 205.2 УК РФ, видно, что в нем есть заметные пробелы и коллизии, когда мошеннические действия одновременно становятся способом вербовки или финансирования терроризма. На практике из-за этого возникают серьезные трудности с разграничением этих составов, и, как следствие, нередко появляются ошибки в квалификации и правовая неопределенность. Особенно остро это чувствуется в ситуациях, когда мошенничество с цифровыми технологиями и социальной инженерией используется как средство достижения террористических целей. Здесь уже нужны четкие критерии, иначе возникают сложности в правильной уголовно-правовой оценке.

Цель исследования состоит в выработке научно обоснованные критерии разграничения мошенничества, совершенного с использованием цифровых технологий и социальной инженерии и направленного на вовлечение в террористическую деятельность, от смежных составов преступлений, а также выявлении криминологические детерминанты этого явления. Для этого про-

анализировано действующие уголовно-правовые нормы и правоприменительную практику, изучить механизмы социальной инженерии и криминологические характеристики субъектов, а затем сформулировать предложения по совершенствованию уголовного закона и унификации судебной практики. Такой подход, по сути, должен помочь убрать существующую правовую неопределенность и усилить противодействие гибридным преступным схемам.

Научная новизна работы состоит в комплексном анализе гибридных преступных схем, где сочетаются признаки мошенничества и вовлечения в террористическую деятельность, с акцентом на использование цифровых платформ и методов социальной инженерии. В отличие от тех исследований, где эти явления обычно рассматриваются по отдельности, здесь делается попытка показать их связь и предложить общие меры противодействия. В результате должны получиться конкретные рекомендации по унификации судебной практики и совершенствованию профилактических мер, а это уже задает работе и теоретическую, и практическую значимость для уголовного права и криминологии.

Исследователь Е. С. Палий считает, что "дистанционное мошенничество", совершаемое через информационно-коммуникационные технологии, по-прежнему формирует признаки составов преступлений, предусмотренных ст. 159, 159.3 и 159.6 УК РФ. В тоже время указанные противоправные деяния приобрели сегодня новые формы. Так, с появлением искусственного интеллекта злоумышленники получили инструменты, которые позволяют им анализировать большие массивы данных, делать фейковые сообщения и автоматизировать атаки [2, с. 2].

В этой связи, по мнению автора, когда правоприменители пытаются понять, есть ли в том или ином деянии мошенничество, необходимо изучать не только цель и результат хищения. Важны так же и дистанционный формат общения, и автоматизированные операции, и алгоритмы, которые помогают скрыть личность. Границы самого понятия "дистанционное мошенничество" и его соотношение с нормами УК РФ требуют отдельного уточнения терминологии и критериев квалификации. На практике от этого зависит и то, как описывается способ совершения преступления, и то, как выявляется злоупотребление доверием, когда люди вообще не встречаются лично. А значит, нужно менять и доказательственную базу, и то, как ее проверяют.

Развитие искусственного интеллекта дало

мошенникам новые способы обмана, в том числе генерацию персонализированных текстов, аудио и видео. Все это заметно расширило инструменты социальной инженерии, и в исследовании как раз отдельно выделяются дипфейки и машинное обучение как ключевые элементы современной угрозы.

Подмена личности теперь стала куда проще: алгоритмы способны синтезировать речь и мимику так, что на первый взгляд это выглядит настоящим. Виктимологи, которые изучают эту историю, прямо говорят о резком скачке в методах социальной инженерии, потому что обычные сигналы, по которым человек раньше мог распознать обман, перестают работать как надо [2, с. 2]. В такой ситуации привычные признаки способа совершения мошенничества уже не дают надежной картины, и процессуальные подходы приходится пересматривать. Сейчас нужен более широкий набор доказательств. Помимо переписки, показаний свидетелей, номеров телефонов и реквизитов счетов, в дело могут идти машинный код, лог-файлы, точки входа и следы взаимодействия нейросетевых моделей. Экспертам для этого нужны очень специфические технические навыки, и это, конечно, добавляет нагрузку на правоохранительную систему [2, с. 7]. При этом виктимологические выводы показывают, что нужны антифрод-системы, многоуровневая аутентификация и повышение цифровой грамотности населения [2, с. 1].

Результаты анализа уголовно-правовой характеристики деяний, связанных с вовлечением в террористическую деятельность (ст. 205.1, 205.2 УК РФ), показывают, что указанные составы нацелены на пресечение вовлечения в террористическую деятельность и публичных призывов к ней. В то же время в условиях цифровой среды с их применением возникает немало трудностей. Серьезным вызовом последних лет стала интеграция инструментов социальной инженерии в схемы ресурсного обеспечения терроризма. Денежные средства граждан, похищаемые под видом перевода на "безопасные счета", транзитом направляются на материально-техническое обеспечение запрещенных военизированных формирований. Правовой статус лица, ставшего жертвой психологического воздействия и лично переведшего денежные средства, зависит от наличия умысла. Отсутствие осознания лицом общественно опасного характера своих действий исключает субъективную сторону преступления, предусмотренного статьей 205.1 УК России. Обманутый гражданин должен рассматриваться в качестве потерпевшего от мошенничества (статья 159 УК России). Напротив, действия организаторов таких мошеннических колл-центров обладают повышенной общественной опасностью. Требуют

вменения по совокупности преступлений и привлечению к ответственности за хищение чужого имущества путем обмана и последующее умышленное финансирование террористической деятельности [3, с. 277].

Кроме того, в криминологических исследованиях прямо говорится "о миллионных рассылках электронных писем, тысячах одновременных звонков и многоступенчатых атаках, где боты сначала собирают сведения о пользователе, а потом уже выстраивает для него индивидуальный сценарий вовлечения" [2, с. 4]. Такая автоматизация и персонализация воздействия сильно мешают установить, что конкретное лицо умышленно склоняло или вербовало. Квалификация еще и потому осложняется, что законодатель, когда адаптировал нормы о мошенничестве под дистанционные способы, то есть ст. 159, 159.3 и 159.6 УК РФ, ничего похожего для террористических составов не сделал. И вот правоприменителю приходится доказывать, что автоматическая рассылка сообщений или сценарий, созданный ботом, это именно вовлечение, а не просто распространение информации. При этом четких критериев разграничения действий, совершенных через социальную инженерию, и смежных составов пока явно не хватает, поэтому судебная практика получается неровной и тут уже нужны разъяснения высшей судебной инстанции.

У современной пропаганды идеологии терроризма есть еще одна особенность: она активно использует социальную инженерию, чтобы манипулировать сознанием потенциальных участников. Злоумышленники шлют персонализированные сообщения с учетом психологических особенностей и интересов жертвы, и это, конечно, повышает шансы на вовлечение в террористическую деятельность. Такие схемы зачастую используют модули машинного обучения, анализирующие реакцию потенциальных жертв и конструирующих направляемые им сообщения с учетом выявленных психологических особенностей. При этом преступники воздействуют на потерпевших удаленно, без прямого контакта, по цифровым каналам. Данные особенности требуют уточнения признаков объективной стороны вовлечения, склонения и вербовки для участия в террористической деятельности.

В условиях, когда для генерации фейковых сообщений и автоматизации атак используется искусственный интеллект, привычные ориентиры вроде личного обращения или передачи инструкций не являются очевидными. Поэтому следует закрепить, на законодательном уровне или через судебное толкование, что систематическая рассылка персонализированных призывов через мессенджеры или социальные сети, а также использование чат-ботов для вербовки образуют

объективную сторону преступлений по ст. 205.1 и 205.2 УК РФ.

В рамках проведенного авторского исследования выявлены коллизии и пробелы в правоприменении, связанные с отдельными проблемами в разграничении смежных составов при сопряжении (многоэтапная преступная схема, в которой первоначальное деяние служит инструментом для совершения последующего) в рамках единой криминальной схемы мошенничества и террористической деятельности. Когда мошенничество сочетается с вовлечением в террористическую деятельность, правоприменителю придется разбирать, как разграничить смежные составы. Одно и то же деяние, к примеру, обман ради получения денег и потом использование жертвы для совершения теракта, может идти по совокупности статей 159 и 205.1 УК РФ. И тут возникает вопрос о реальной совокупности преступлений. Нужны четкие критерии, чтобы понять, речь идет об одном сложном преступлении или о двух самостоятельных составах. Пока таких критериев нет, в судебной практике возникают коллизии. Похожие по фактам дела получают разную уголовно-правовую оценку. Ситуация усложняется еще и тем, что мошенничество через цифровые технологии и социальную инженерию оставляет цифровые следы, а для их анализа нужны специальные технические знания. Это нагружает правоохранительные органы и может затягивать расследование [2, с. 7]. В таких условиях особенно трудно установить умысел на вовлечение в террористическую деятельность, потому что злоумышленники способны скрыть свои подлинные намерения под обычные мошеннические схемы. Если не выработать единый подход к квалификации таких сопряженных деяний, останется риск и необоснованного привлечения к ответственности, и ухода от нее.

Пробелы в правовом регулировании состоят также в отсутствии единой терминологии и общепризнанных мировым сообществом стандартов для квалификации гибридных преступлений, в которых соединяются мошенничество и вовлечение в террористическую деятельность. Существующая правовая неопределенность позволяет преступным группам выбирать для размещения своей инфраструктуры государства с ослабленным правовым режимом противодействия киберпреступности и терроризму. Трансграничный характер таких деяний еще сильнее усложняет ситуацию, поскольку правоохранительным органам приходится сталкиваться с несовершенством международных механизмов экстрадиции и сотрудничества. Анонимизация и облачные сервисы, размещенные в разных юрисдикциях, помогают скрывать личность и местонахождение, так что оперативно остановить такую деятельность почти

невозможно. В итоге жертвы, особенно если они находятся в разных странах, фактически остаются без правовой защиты, а преступники продолжают безнаказанно действовать.

Стремительное развитие технологий искусственного интеллекта, особенно появление дипфейков, создает совсем новые угрозы, и действующее уголовное законодательство, если честно, уже не всегда успевает на них нормально реагировать. В научной литературе прямо пишут, что в разных странах пытаются по-разному криминализировать создание и распространение дипфейков, усиливают ответственность за кражу персональных данных, но право все равно часто отстает от технологических изменений, а трансграничный характер таких преступлений мешает и выносить приговоры, и останавливать международные группировки [2, с. 6]. В случае мошенничества, связанного с вовлечением в террористическую деятельность, эта проблема особенно заметна: дипфейки могут использоваться для правдоподобных образов жертв или вербовщиков, да и для дискредитации людей и организаций тоже. Поэтому выглядит вполне обоснованным предложение криминализировать действия, связанные с созданием и распространением контента, сгенерированного искусственным интеллектом, если это делается ради мошенничества или вовлечения в террористическую деятельность. Такую норму можно включить в УК РФ либо как отдельный состав преступления, либо как квалифицирующий признак в уже существующих статьях. Изменение самой природы дистанционного мошенничества на фоне развития ИИ отражается и в практике: расследовать такие дела сложно, потому что нужны очень специфические технические знания, а это серьезно нагружает правоохранительную систему [2]. Из этого, по сути, вытекает необходимость не только вводить криминализацию, но и создавать специализированные подразделения, которые будут заниматься расследованием таких преступлений.

Для более точного противодействия таким деяниям нужно внести изменения в статьи 159, 159.3 и 159.6 УК РФ и прямо указать квалифицирующий признак, когда мошенничество совершается с использованием технологий искусственного интеллекта и методов социальной инженерии. Кроме того, стоит установить более строгую ответственность, если такие действия связаны с финансированием терроризма, потому что общественная опасность тут заметно выше. Если ввести такие признаки, правоприменителю будет проще и точнее квалифицировать деяния, назначать справедливое наказание, а судебная практика в целом станет более единообразной.

Еще одно ключевое направление связано с законодательным уточнением, где надо четче раз-

вести мошенничество, сопряженное с вовлечением в террористическую деятельность, и смежные составы преступлений. Тут нужны понятные критерии для оценки действий по вербовке и финансированию терроризма через цифровые каналы, а также ясное понимание, в каких случаях мошенничество надо рассматривать как способ вовлечения в террористическую деятельность, а в каких как самостоятельное преступление. Такие разъяснения помогут убрать существующие коллизии и выровнять судебную практику, а это уже нормальная база для противодействия таким угрозам.

По данным МВД России, с начала 2025 года более 424,9 тысячи преступлений - около 40 процентов от их общего числа - совершено с использованием информационно-коммуникационных технологий.

Основанный на официальную статистику за 2025-2026 гг. криминологический анализ демонстрирует снижение общего числа ИТТ-преступлений на 10–12%. Вместе с тем позитивный эффект от спада является лишь внешним, т.к. криминалитет перешел в латентную стадию, на более точечные, технологичные и психологически выверенные схемы. Мошенничество по статье 159 Уголовного кодекса Российской Федерации по-прежнему остается самой большой категорией хищений, причем больше половины дел приходится на тяжкие и особо тяжкие составы, а средний ущерб на одного потерпевшего уже вырос до 280 000 рублей. Ключевым фактором в тренде 2025–2026 годов является широкое применение генеративного искусственного интеллекта и подложных медиаданных [4]. Финансовые потери граждан РФ огромны. Ущерб от дистанционных хищений приблизился к 200 миллиардам рублей, тогда как потерпевшим возвращено лишь 8,8 миллиарда. Такие данные говорят о наличии системных проблем не только в части профилактики подобных преступлений, но и в возмещении вреда, то есть в защите имущественных прав граждан [5].

Н. В. Гладыч считает, что для современной преступности характерны хищение или подбор цифровых данных платежных карт, генерация поддельных реквизитов, применение вредоносного программного обеспечения, фишинг, социальная инженерия. Киберпространство становится естественной средой и инструментом реализации противоправного деяния, в связи с чем способ совершения преступления прямо соответствует критерию технологической опосредованности [6]. Злоумышленники используют сгенерированные аудиосообщения и видео-дипфейки, чтобы имитировать голоса родственников или руководителей компаний потенциальных жертв. Существующая в настоящее время криминальная схема уже не выглядит как хаотичные звонки под-

ряд. Применяются многоступенчатые цепочки манипуляций. Жертву сначала ведут через взломанный личный кабинет Единого портала госуслуг, потом подключают фейковых сотрудников правоохранительных органов, Банка России и служб безопасности. Преступники почти окончательно ушли из сотовых сетей в защищенные зарубежные мессенджеры Telegram и WhatsApp, потому что отечественные операторы связи системно блокируют подменные номера мошенников. Защищенные средства при этом выводят через иностранные юрисдикции и трансграничные криптомиксеры.

Исследователь Р. С. Рашитханов считает, что «захват и использование личных данных потенциальных жертв (персонификация) - один из эффективных и наиболее распространенных способов совершения преступлений, который известен давно и стал быстро распространяться одновременно с использованием этих данных гражданами в Интернете. Однако если первоначально преступниками применялись обычные методы социальной инженерии (анализ сообществ, личной информации, такой как вуз, место работы и т.д.), то сейчас их интересуют в том числе данные пользовательской активности в Интернете. При этом структура личных данных зачастую крайне разнообразна и включает в себя временами крайне чувствительные для людей данные: о месте жительства человека, членах его семьи, передвижении человека, его покупках, в том числе совершенных в Интернете. Утечка такой очень личной информации делает потенциальных жертв крайне уязвимыми для преступных посягательств» [7].

Для усиления эффекта злоумышленники используют современные технологии: "Подобные схемы часто используют модули машинного обучения, которые анализируют реакции жертв и адаптируют сообщения, повышая вероятность успеха" [2]. Анализ больших массивов утекших персональных данных помогает разделять пользователей по возрасту, полу, интересам и психологическим особенностям. В итоге вербовка превращается в очень точную социальную инженерию.

Если смотреть на разграничение уголовной ответственности, то классическое хакерство по статьям 272–274.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в общей массе играет скорее вспомогательную роль, как инструмент подготовки. При этом ключевой риск для потерпевшего связан с хищением денежных средств. Разница между составами состоит в участие самой жертвы. Так, при мошенничестве по статье 159 потерпевший под психологическим давлением сам совершает операцию, берет кредиты или передает злоумышленникам СМС-коды. При краже с банковского счета, по пункту «г» части 3 ста-

тии 158 Уголовного кодекса, активы похищаются тайно, без ведома владельца, используя вредоносное программное обеспечение или дубликаты SIM-карт.

Виктимологический анализ жертв вовлечения в террористическую деятельность через мошенничество показывает целый набор уязвимостей, которыми злоумышленники пользуются очень активно. Среди ключевых факторов тут недостаточная цифровая грамотность, социальная изоляция и психологическая нестабильность. Все это вместе заметно снижает способность человека критически оценивать информацию, которая к нему приходит. В исследованиях отмечается, что пожилые люди традиционно считаются одной из самых уязвимых групп из-за меньшего опыта цифровой гигиены и повышенной доверчивости к звонкам от официальных структур [2, с. 5]. Вместе с тем в 2025-2026 гг. появилась тенденция снижения до 40% доли потерпевших пенсионного возраста. Основной группой пострадавших, составляющих в настоящее время более 45%, стали экономически активные граждане от 22 до 45 лет. Представителей данной категории мошенники чаще всего вовлекают в деятельность фейковых инвестиционных платформ.

В качестве еще одной уязвимой категорией эксперты называют несовершеннолетних, вовлекаемых в совершение наиболее опасных видов преступлений. Среди них выделяются терроризм, экстремизм и кибермошенничество, используемое для финансирования террористической деятельности. Данные преступления характеризуются переходом их организационных и подготовительных стадий в киберсферу, в рамках которой происходит вербовка потенциальных исполнителей террористических атак, диверсий и экстремистских акций [8].

Для всех групп жертв характерен общий один и тот же триггер. Потерпевшим навязывают ощущение, что надо срочно что-то делать прямо сейчас. После перевода денег 75% граждан сами удаляют переписку, потому что паникуют или стыдятся, и тем самым уничтожают доказательства. А больше 60% в первые двое суток идут с претензиями в банк, а не в полицию, и упускают возможность оперативно действовать "по горячим следам"[4].

Действенная профилактика без существенного повышения цифровой грамотности населения просто не работает, и тут речь идет о навыке критически воспринимать информацию, особенно когда нужно распознать манипуляцию и социальную инженерию. Исследователи считают, что "одних памяток и брошюр уже мало, поэтому в научной литературе предлагают встраивать обучающие модули прямо в те платформы, которыми люди пользуются каждый день: социальные сети,

онлайн-банкинг, государственные порталы. Если система замечает подозрительную активность, она должна не только блокировать ее, но и объяснить пользователю, где именно риск, чтобы человек учился распознавать фейки" [2, с. 7]. Такие меры, в том числе с элементами геймификации, помогают вырабатывать привычку перепроверять информацию и осознанно противостоять попыткам вовлечения в террористическую деятельность через манипулятивные приемы.

Для реального противодействия нужен еще и рабочий механизм межведомственного и международного обмена информацией о новых видах мошенничества с использованием ИИ, плюс координация между правоохранительными органами, финансовыми организациями и интернет-провайдерами. В научной литературе отмечается, что виктимологическая составляющая показывает простую вещь: если нет согласованных правовых норм и координации на международном уровне, жертвы высокотехнологичной атаки вряд ли получат нормальное возмещение ущерба или помощь в привлечении преступников к ответственности [2]. Такое взаимодействие позволит быстрее реагировать на трансграничные угрозы, обмениваться данными о новых схемах финансирования терроризма и вербовки, а еще вместе разрабатывать алгоритмы для блокировки подозрительных транзакций и контента.

Очень важной частью системы превенции остаются виктимологические меры, которые направлены на выявление и защиту самых уязвимых категорий граждан от мошенничества, связанного с вовлечением в террористическую деятельность. Криминологический анализ показывает, что практически любой пользователь, независимо от уровня технической подготовки, может попасть в зону риска, так что нужна адресная работа с фокус-группами повышенной уязвимости. Такая работа должна включать не только информационную поддержку, но и психологическую помощь, правовое консультирование для тех, кто уже столкнулся с попытками манипуляции, а еще создание специализированных горячих линий и онлайн-сервисов, где можно быстро получить помощь.

Таким образом, проведенное исследование показало, что современные формы мошенничества, которые идут через цифровые технологии и методы социальной инженерии и при этом еще завязаны на вовлечение в террористическую деятельность, складываются в довольно сложный гибридный состав преступления. Вследствие использования разнотипных подходов к пересекающимся нормам статей 159, 205.1 и 205.2 УК РФ у правоприменителей возникают разночтения в уголовно-правовых оценках содеянного. На этом фоне существует потребность в четких, непроти-

воречивых критериях, по которым можно различать эти составы преступлений.

В ходе анализа действующего законодательства и сложившейся практики также выявлены основные пробелы и коллизии, которые возникают, когда мошеннические действия одновременно используются как способ вовлечения лица в террористическую деятельность. Действующие нормы не до конца учитывают специфику использования цифровых платформ и социальной инженерии как инструмента вербовки. Из-за этого возникает правовая неопределенность, когда одно и то же деяние оценивается по-разному, в зависимости от усмотрения правоприменителя. По мнению автора, данную проблему следует решать через унификацию подходов к квалификации и устранение конкуренции норм.

Криминологический анализ позволил установить, что ключевыми детерминантами этого феномена выступают целенаправленная эксплуатация уязвимостей жертв с помощью методов социальной инженерии и использование анонимности, которую дают цифровые платформы. Вербовщики за счет этого довольно ловко маскируют свои настоящие преступные цели, выдавая их за благотворительность, инвестиции или какие-то иные легитимные действия. Выявленные виктимологические особенности, в частности, доверчивость и недостаточная цифровая грамотность отдельных категорий граждан, прямо указывают на острую необходимость в специальных профилактических мерах. Такие меры должны повышать критическое мышление и формировать устойчивые навыки безопасного поведения в цифровой среде у потенциальных жертв.

Чтобы противодействие рассматриваемым гибридным угрозам стало более результативным, сформированы авторские предложения по совершенствованию уголовного законодательства и системы профилактики. В частности, была обоснована необходимость уточнения диспозиций статей 159, 205.1 и 205.2 УК РФ для снятия выявленной правовой неопределенности. Кроме того, разработаны предложения в комплекс криминологических мер с учетом специфики использования цифровых технологий и социальной инженерии. Реализация предложенных законодательных инициатив и профилактических программ, по мнению автора, будет способствовать усилению борьбы с этими преступлениями и укреплению национальной безопасности.

Список литературы:

[1] Семенов, А. У. Информационный терроризм: криминологические и уголовно-правовые проблемы предупреждения в информационно-телекоммуникационной среде / А. У. Семенов. – Текст : электронный // Молодой ученый. – 2026. –

№ 24 (627). – С. 474–476. – URL: moluch.ru (дата обращения: 26.08.2026).

[2] Палий, Е. С. Криминологические и уголовно-правовые аспекты дистанционного мошенничества с применением deepfake-технологий и социальной инженерии / Е. С. Палий. – Текст : электронный // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2025. – № 4 (108). – С. 149–157. – URL: cyberleninka.ru (дата обращения: 26.08.2026).

[3] Тарасов, А. А. Цифровые и квазифинансовые каналы содействия терроризму: государственно-правовое регулирование и проблемы квалификации преступлений / А. А. Тарасов. – Текст : электронный // Право и управление. – 2026. – № 7. – С. 224–229. – URL: <https://law.law-books.ru/article/tsifrovye-i-kvazifinansovye-kanaly-sodeystviya-terrorizmu-gosudarstvenno-pravovoe/> (дата обращения: 26.08.2026).

[4] Мошенничество и киберпреступность в 2025 — начале 2026 года. – Текст : электронный // Ассоциация юристов России : [официальный сайт]. – 2026. – URL: alrf.ru (дата обращения: 26.08.2026).

[5] Фесько, Д. Как защитить права человека в цифровой среде? / Д. Фесько. – Текст : электронный // Интернет-портал «Российской газеты». – 2025. – 30 октября. – URL: rg.ru (дата обращения: 26.08.2026).

[6] Гладыч, Н. В. Система финансовых преступлений, совершаемых в киберпространстве / Н. В. Гладыч. – Текст : непосредственный // Юстиция. – 2025. – № 3. – С. 112–124. – (Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс»).

[7] Рашитханов, Р. С. Трансформация преступности под влиянием искусственного интеллекта: к постановке проблемы / Р. С. Рашитханов. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы российского права. – 2026. – № 1. – С. 45–58. – (Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс»).

[8] Коваленко, В. И. Вовлечение несовершеннолетних в противоправную деятельность с использованием информационно-телекоммуникационных технологий: правовые и криминологические аспекты противодействия / В. И. Коваленко. – Текст : электронный // Юрист-Правовед. – 2025. – № 3 (114). – С. 139–145. – URL: cyberleninka.ru (дата обращения: 26.08.2026).

References:

[1] Semenov, A.U. Information terrorism: criminological and criminal law problems of prevention in the information and telecommunication environment/A.U. Semenov. - Text: electronic // Young scientist. – 2026. – № 24 (627). - S. 474-476. - URL: moluch.ru (access date: 26.08.2026).

[2] Paliy, E. S. Criminological and criminal law

aspects of remote fraud using deepfake technologies and social engineering/E. S. Paliy. - Text: electronic // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2025. – № 4 (108). - S. 149-157. - URL: cyberleninka.ru (access date: 26.08.2026).

[3] Tarasov, A. A. Digital and quasi-financial channels for promoting terrorism: state-legal regulation and problems of qualification of crimes/A. A. Tarasov. - Text: electronic // Law and management. – 2026. – № 7. - S. 224-229. - URL: <https://law.law-books.ru/article/tsifrovye-i-kvazifinansovye-kanaly-sodeystviya-terrorizmu-gosudarstvenno-pravovoe/> (дата обращения: 26.08.2026).

[4] Fraud and cybercrime in 2025 - early 2026. - Text: electronic // Association of Lawyers of Russia: [official website]. – 2026. - URL: alrf.ru (access date: 26.08.2026).

[5] Fesko, D. How to protect human rights in a

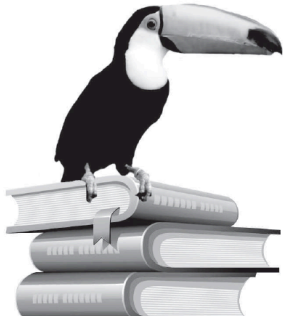
digital environment ?/D. Fesko. - Text: electronic // Internet portal "Rossiyskaya Gazeta." – 2025. - October 30. - URL: rg.ru (access date: 26.08.2026).

[6] Gladych, N.V. The system of financial crimes committed in cyberspace/N.V. Gladych. - Text: direct // Justice. – 2025. – № 3. - S. 112-124. - (Access from ConsultantPlus Legal Reference System).

[7] Rashitkhanov, R. S. Transformation of crime under the influence of artificial intelligence: to the formulation of the problem/R. S. Rashitkhanov. - Text: immediate // Actual problems of Russian law. – 2026. – № 1. - S. 45-58. - (Access from ConsultantPlus Legal Reference System).

[8] Kovalenko, V.I. Involvement of minors in illegal activities using information and telecommunication technologies: legal and criminological aspects of counteraction/V.I. Kovalenko. - Text: electronic // Lawyer-Lawyer. – 2025. – № 3 (114). - S. 139-145. - URL: cyberleninka.ru (access date: 26.08.2026).

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

КОРОЛЁВ Егор Эдуардович,
Аспирант, Кафедра юридических наук,
«Автономная некоммерческая организация
высшего образования
„Славяно-Греко-Латинская Академия“»,
e-mail: Koroegoro@gmail.com

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ ФИНАНСОВЫХ АКТИВОВ В МЕЖДУНАРОДНЫХ РАСЧЕТАХ В УСЛОВИЯХ САНКЦИОННЫХ ОГРАНИЧЕНИЙ

Аннотация. Данная статья посвящена правовому анализу цифровых финансовых активов (ЦФА) в условиях санкционных ограничений недружественных государств, направленных на финансовую систему Российской Федерации. В настоящей статье проводится анализ правоприменительной практики в данной сфере, в том числе постановление Конституционного Суда РФ от 20.01.2026 № 2-П, которое закрепляет защиту прав на цифровую валюту и признает блокировку судебной защиты их незаконной и неконституционной. Также в данной статье проводится анализ международной правоприменительной практики, такой как внедряемые Евросоюзом международные стандарты регулирования трансграничных переводов виртуальных активов за разработкой FATF на основе нормативных актов Евросоюза таких как Regulation (EU) 2023/1113 и MiCA. Также на основе сравнительно-правового анализа валютного регулирования стран ЕС строится вывод о возможном внедрении механизма защиты от санкционного давления посредством создания нового правового режима в сфере цифровых финансовых активов. В данной статье предлагается возможность совершенствования Российского законодательства в сфере цифровых финансовых активов для защиты их владельцев от санкционного давления, и повышения эффективности их использования для внутренних и трансграничных операций.

Ключевые слова: цифровые финансовые активы, цифровая валюта, международные расчеты, санкционные ограничения, правовой режим, FATF Travel Rule, MiCAR, Конституционный Суд РФ.

KOROLYOV Yegor Eduardovich,
PHD student Department of legal sciences,
«Autonomous Non-Profit Organization of Higher
Education "Slavic-Greek-Latin Academy"»

LEGAL ASPECTS OF THE USE OF DIGITAL FINANCIAL ASSETS IN INTERNATIONAL SETTLEMENTS UNDER SANCTIONS RESTRICTIONS

Annotation. This article is devoted to a legal analysis of digital financial assets (DFAs) in the context of sanctions imposed by unfriendly states against the financial system of the Russian Federation. This article examines law enforcement practice in this area, including Resolution No. 2-P of the Constitutional Court of the Russian Federation of January 20, 2026, which secures the protection of rights to digital currency and declares the blocking of judicial protection thereof illegal and unconstitutional. This article also analyzes international law enforcement practice, such as the international standards for regulating cross-border transfers of virtual assets introduced by the European Union following the FATF framework on the basis of EU legal acts, including Regulation (EU) 2023/1113 and MiCA. Furthermore, based on a comparative legal analysis of the currency regulations of the EAEU and EU countries, a conclusion is drawn regarding the possible introduction of a mechanism for protection against sanctions pressure by creating a new legal regime in the sphere of digital financial assets. This article proposes improving Russian legislation in the field of digital financial assets to protect their holders from sanctions pressure and enhance their effectiveness for both domestic and cross-border transactions.

Key words: *digital financial assets, digital currency, international settlements, sanctions restrictions, legal regime, FATF Travel Rule, MiCAR, Constitutional Court of the Russian Federation.*

Введение

Актуальность темы данного исследования продиктована критическими изменениями в Российской и международной финансовых системах, связанные с санкционным давлением недружественных стран на финансовую инфраструктуру Российской Федерации. Отключение российской банковской системы от SWIFT, а также введение вторичных санкций для посредников российских банков и компаний за рубежом создали неприятный финансово-правовой климат, при котором старые механизмы трансграничных платежей не работают, а обход поставленных ограничений несет риски и издержки для российских компаний.

В данных, непростых для российского бизнеса условиях, цифровые финансовые активы (или ЦФА), в том числе и криптовалюты рассматриваются российскими компаниями, а также их контрагентами как безопасный канал для проведения трансграничных расчетов по операциям. Следует отметить, что правовое регулирование цифровых финансовых активов в Российской Федерации еще очень молодо и правовой режим данных объектов гражданского права все еще находится в стадии своего формирования, тем самым сдерживая активное применение цифровых финансовых активов в предпринимательской деятельности.

Целью данного исследования является правовой анализ Цифровых финансовых активов, а также анализ правовых аспектов использования ЦФА в трансграничных расчетах в условиях санкционного давления недружественных стран на финансовую систему Российской Федерации.

Для достижения указанной цели в статье решаются следующие задачи:

анализ последних изменений в судебной практике, формирующей правовой режим цифровых активов;

изучение международных стандартов регулирования трансграничных переводов виртуальных активов;

сравнительно-правовой анализ подходов к валютному регулированию в странах ЕАЭС;

выработка рекомендаций по совершенствованию российского законодательства.

Методологическую основу исследования составляют формально-юридический, сравнительно-правовой и системный методы научного познания.

1. Формирование правового режима цифровых активов в решениях высших судебных инстанций

До 2026 года главной и основополагающей проблемой активного использования цифровых финансовых активов российским бизнесом в гражданском обороте, включая и трансграничные расчеты, являлась правовая неопределенность положения цифровых финансовых активов в правовой системе Российской Федерации. Так, гражданский кодекс в 128 статье, относит цифровые финансовые активы к объектам гражданских прав, таких как наличные деньги, документарные и бездокументарные ценные бумаги, и безналичные ценные средства, имущественные права и иное имущество. Прямого упоминания ЦФА, в каком-либо виде в данном перечне нет.

Это изменилось с принятием Постановления от 20 января 2026 года № 2-П Конституционного суда, в котором Конституционный суд признает ограничение судебной защиты прав на ЦФА, полученные не путем майнинга незаконным и неконституционным. Обоснованием такого решения, стало отсутствие в законодательстве Российской Федерации, способа информирования налоговых органов, о цифровых финансовых активах полученных любым другим путем, отличным от майнинга. Требование об уведомлении налоговых органов о наличии ЦФА устанавливалось законодательством, только для майнеров и не распространялось на всех остальных лиц, имеющих в своем распоряжении цифровые финансовые активы. Из этого следует что никто кроме майнеров на законодательном уровне не имел механизма для уведомления налоговых органов о ЦФА что делало требования о передачи данных невыполнимым и создавало барьер для правосудия в отношении владельцев ЦФА.

Вместе с этим, согласно разъяснением Министерства финансов в письме от 28.05.2025 № 03-07-07/52517 операции по реализации цифровой валюты не признаются объектом налогообложения налогу на добавленную стоимость. Данное разъяснение с гармонизирует с общей позицией по освобождению финансовых операций от НДС, и создает благоприятную среду для российских предпринимателей планирующих использовать ЦФА в своей деятельности.

Таким образом, к началу 2026 года была создана база для широкого внедрения цифровых финансовых активов в трансграничных переводах:

признание имущественной природы цифровой валюты на уровне Конституционного Суда РФ;

уточнение налоговых последствий операций с цифровой валютой;

устранение необоснованных административных барьеров для судебной защиты прав на цифровые активы.

2. Международные стандарты регулирования трансграничных переводов цифровых финансовых активов: fatf travel rule и mica

Основополагающую роль в регулировании цифровых финансовых активов на международной арене, играет Financial Action Task Force или FATF. Это международный орган, который разрабатывает глобальные стандарты по противодействию финансированию терроризма и отмыванию денег.

В 2025 году данная организация ввела значительные изменения в Рекомендацию "Travel rule". Данная рекомендация применяется цифровым финансовым активам. Изменения, включенные в данную рекомендацию, были направлены на повышение законности и прозрачности трансграничных платежей и включают в себя следующие элементы.

Данные требования должны будут вступить в силу к концу 2030 году и в FATF уже приступили к созданию более новых требований, которые позже заменят вышепредставленные требования.

В Европейском Союзе внедрение международных стандартов по контролю за ЦФА осуществляется через Regulation (EU) 2023/1114 (или MiCa) и Regulation (EU) 2023/1113.

Одним из первых принятых в мире нормативным актом в сфере цифровых финансовых активов является Regulation (EU) 2023/1114 on Markets in Crypto-Assets (или MiCA). Данный акт вступил в силу 29 июня 2023 года, и его положения внедряются поэтапно уже на протяжении трех лет. Данный акт был создан для того, чтобы упорядочить и гармонизировать правовой статус цифровых финансовых активов, иначе не урегулированных в других правовых актах евросоюза.

Другим правовым актом евросоюза регулирующим цифровые финансовые активы является Regulation (EU) 2023/1113. Данный правовой акт заменил собой Regulation (EU) 2015/847. Основное нововведение акта по сравнению с предшественником – это распространение Travel Rule на крипто-переводы, ранее такая мера применялась сугубо к банковским переводам. Вступил в силу данный акт 29 июня 2023 года, но его положения стали обязательны к применению только 30 декабря 2024 года, что дало возможность европейским предпринимателям подготовиться к выполнению его норм. Целью данного акта, как и целью требований FATF которые были приняты чуть позднее, является внедрение защиты от мошенничества и повышение прозрачности переводов для противодействия отмыванию доходов и финансированию терроризма, что позволяет предположить, что FATF основывала свои требо-

вания с оглядкой на право евросоюза.

Следует отметить важность движения международного сообщества к унификации требований к трансграничным переводам цифровых финансовых активов. Данный факт создает предпосылки к совместимости самых разных национальных систем регулирования цифровых финансовых активов и может облегчить включение российских участников оборота цифровых финансовых активов в международные платежные цепочки.

3. Российские валютные ограничения и поиск альтернативных каналов расчетов

В текущих, сложных экономических условиях, вызванных беспрецедентным санкционным давлением со стороны недружественных государств, валютное регулирование в Российской Федерации начало существенно меняться. Существенные изменения, внесенные в валютное регулирование, были направлены на усиление контроля за валютными операциями. Одним из нормативных актов, внесшим данные изменения стал федеральный закон от 14 июля 2022 года № 353-ФЗ. Данный закон предусматривал, что с 1 января 2026 года некоторые федеральные резиденты, такие как государственные учреждения, федеральные бюджетные и автономные учреждения, должны будут проводить валютные операции сугубо через счета Федерального казначейства или счета казначейства в Банке России.

Однако в 2025 году правительство Российской Федерации пересмотрело сроки вступления в силу этих требований, и перенесло их на 2028 год. Причиной данного решения стало затруднение проведения расчетов в валютах дружественных стран и отсутствие альтернативных каналов для международных платежей для федеральных распорядителей бюджетных средств.

Данный перенос сроков показывает, что государство вынуждено адаптировать валютное регулирование к постоянно меняющейся международной экономической обстановке. Государство тем самым, косвенно признает, что традиционные каналы международных расчетов стали максимально ненадежны, а альтернативные механизмы попросту еще не готовы к использованию.

В данных условия цифровые финансовые активы занимают новую роль технологической основы для трансграничных расчетов. Отсутствие традиционных посредников является преимуществом цифровых финансовых активов, операции проводятся через специализированные платформы, что в свою очередь защищает участников от санкционных рисков традиционных платформ [1, с. 35–42].

К схожим выводам пришел сравнительно-правовой анализ законодательства стран ЕАЭС, проведенный правительством в рамках подготов-

ки проекта федерального закона № 991641-8. В рамках данного анализа было выявлено что, подход к валютному регулированию у стран участников ЕАЭС разнится, и данная разница на прямую влияет на возможность использования ЦФА в рамках трансграничных операций с этими государствами. Так, например, в России, Казахстане и Беларуси установления обязательная репатриация выручки резидентов по внешнеторговым контрактам, тогда как в Армении данное требование обязательно не для всех, а в Кыргызстане данное требование не установлено вовсе. Также различается порядок открытия счетов резидентов в иностранных банках. Так в России действует разрешительный характер, в Беларуси и Кыргызстане уведомительный порядок, а в Армении никакие разрешительные процедуры для открытия счетов не требуются. Если говорить о требованиях к проведению валютных операций. То в Беларуси они действуют, в России запланированы на 2028 год, в Казахстане допускается работа с коммерческими банками, а в Армении и Кыргызстане такие требования отсутствуют. По итогам данного сравнения, можно отметить, что Российская модель валютного регулирования закономерно является самой жесткой на территории ЕАЭС, что создает дополнительные стимулы для использования цифровых финансовых активов в рамках международных расчетов.

Л.А. Новоселова, отмечает в своей работе, что цифровые активы по своей правовой природе требуют особого подхода к регулированию, так-как механизмы, применяемые к традиционным объектам гражданских прав, не распространяются на криптовалюты которые работают в децентрализованных системах [5, с. 3–5].

Обращая внимание на остроту проблемы, в 2024 государство попыталось ввести экспериментальный правовой режим для использования криптовалют во внешнеторговых расчетах, но как следует из всех последующих действий правительства данной меры оказалось недостаточно для полноценного замещения традиционных механизмов расчетов, так как данный правовой режим охватывает малое количество участников и требует согласования при каждой операции.

Следует упомянуть что 1 сентября 2026 года вступает в силу федеральный закон "О цифровой валюте и цифровых правах». Данный акт частично легализует оборот криптовалют, а также вводит понятие крипто-обменников и цифровых депозитариев.

Дятлов З.А. в своем исследовании отмечает, что данный закон знаменует формирование субъектной модели рынка цифровой валюты в России. [1, с. 2].

Новый закон также признает цифровую валюту нематериальным имуществом, это создает

нормативную базу для судебной защиты владельцев цифровых финансовых активов, и позволяет применять к цифровым финансовым активам механизмы ареста, взыскания и передачи по наследству.

По закону инвесторы делятся по порядку доступа к криптовалютам на квалифицированных и неквалифицированных. Для неквалифицированных установлен лимит в 300 тысяч рублей за год, а также им ограничен перечень доступных криптовалют списком наиболее ликвидных криптовалют. Квалифицированным же инвесторам разрешено совершать операции без ограничений. Также нововведением является легализация цифровых валют в качестве инструмента оплаты в трансграничных расчетах для участников внешнеэкономической деятельности.

Многие исследователи в области налогового регулирования, подчеркивают, что новый закон является правовой основой для регулирования операций, связанных с цифровыми финансовыми активами. Но многие вопросы, по их мнению, все еще не урегулированы. [2; 3; 7]. И.В. Таранова, В.В. Кирина и А.А. Ревин в своей работе говорят нам о том, что налоговое регулирование криптоактивов в России имеет сложности с правовыми коллизиями и невозможностью учета, что показывает необходимость в совершенствовании законодательства. [7, с. 149–151]. А.О. Рындина в своей работе, говорит о наличии критических пробелов правовом регулировании майнинга, включая неопределенность в налоговой базе и классификации дохода от него. [6, с. 43–44]. А.В. Незнамов, в своем анализе исполнительного производства, делает вывод о том, что в сфере цифровых валют присутствует анонимность и приватность, характер которой требует комплексного решения, включающего в себя, развитие методов воздействия на волю должника на раскрытие информации он криптоактивах [4]

Результаты

Проведенное исследование позволяет сделать следующие основные выводы:

Формирование правовой основы. Постановление Конституционного Суда РФ от 20.01.2026 № 2-П служит предпосылкой для возможного массового использования цифровых финансовых активов, как во внутренних, так и в трансграничных операциях, признав имущественную природу цифровых финансовых активов и устранив правовую неопределенность.

Влияние международных стандартов. Оценка международных правовых актов таких как рекомендации FATF и MiCA позволяют говорить нам о том, что международный опыт регулирования цифровых финансовых активов может облегчить интеграцию российских пользователей цифровых финансовых активов в международную систему.

Однако совместимость российского и международного законодательства в данной сфере еще следует оценить.

Статус «санкционного компенсатора». Цифровые финансовые активы в Российской Федерации можно на данный момент охарактеризовать как "санкционный компенсатор" – то есть, механизм, который позволяет осуществлять международные транзакции в обход и дополнение к традиционной системе международных расчетов, ставшей ненадежной в текущих условиях санкционного давления, что показывает нам необходимость развития данной сферы.

Предложения по совершенствованию правового регулирования:

Разработка механизмов комплаенс-контроля трансграничных криптовалютных операций. Необходимо предусмотреть четкие критерии отбора участников внешнеторговых расчетов для минимизации санкционных рисков, а также установить правовые механизмы разрешения споров, возникающих в связи с блокировкой средств на иностранных криптоплатформах, и определить порядок использования стейблкоинов для нивелирования валютных рисков, внеся соответствующие изменения в Федеральный закон «О валютном регулировании и валютном контроле» и Федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Формирование института цифровых депозитариев и обеспечение судебной защиты прав инвесторов. Необходимо установить единые стандарты кибербезопасности для лицензированных участников инфраструктуры, разработать механизмы страхования рисков хищения криптовалют из депозитариев, а также уточнить процедурный порядок исполнения судебных решений об обращении взыскания на цифровую валюту, включая механизмы ее принудительной конвертации и зачисления в доход государства, путем внесения изменений в Федеральный закон «Об исполнительном производстве» в части регулирования порядка наложения ареста и реализации цифровых валют и цифровых прав, а также в Налоговый кодекс РФ в части закрепления порядка налогообложения операций с цифровыми активами и статуса налоговых агентов

Список литературы:

[1] Дятлов З.А. Правовой статус субъектов рынка цифровой валюты : выпускная квалификационная работа бакалавра / З.А. Дятлов ; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». — Санкт-Петербург, 2026. — 89 с.

[2] Егорова М.А. Место криптовалюты в си-

стеме объектов гражданских прав / М.А. Егорова, О.В. Кожевина // Актуальные проблемы российского права. — 2020. — № 1. — С. 81–91.

[3] Кузнецов А.А. Налогообложение криптовалюты и цифровых валют: меры, возможности, риски / А.А. Кузнецов, А.С. Кулагина // Семья, искусство и экономика: междисциплинарный взгляд на общество : сборник материалов Всероссийской научной конференции. — Курск, 2025. — С. 117–121.

[4] Ламакин С.А. Обращение взыскания в исполнительном производстве на цифровые финансовые активы и цифровую валюту : выпускная квалификационная работа бакалавра / С.А. Ламакин ; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». — Москва, 2026. — 72 с.

[5] Новоселова Л.А. Криптовалюта как объект взыскания в исполнительном производстве / Л.А. Новоселова // Вестник гражданского процесса. — 2025. — № 3. — С. 1–18.

[6] Рындина А.О. Трансформация налогового ландшафта российского криптомайнинга: механизмы формализации и потенциал увеличения государственных доходов / А.О. Рындина // Вестник ИПБ (Вестник профессиональных бухгалтеров). — 2025. — № 5. — С. 43–52.

[7] Таранова И.В. Налогообложение криптовалют: тенденции развития существующего законодательства в Российской Федерации / И.В. Таранова, В.В. Кирина, А.А. Ревин // Финансовые рынки и банки. — 2026. — № 1. — С. 149–151.

References:

[1] Dyatlov Z.A. Legal status of subjects of the digital currency market: graduate qualification work of bachelor/Z.A. Dyatlov; National Research University Higher School of Economics. - St. Petersburg, 2026. - 89 s.

[2] Egorova M.A. Place of cryptocurrency in the system of civil rights objects/M.A. Egorova, O.V. Kozhevina // Actual problems of Russian law. — 2020. — № 1. - S. 81-91.

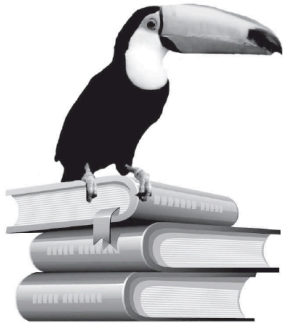
[3] Kuznetsov A.A. Taxation of cryptocurrency and digital currencies: measures, opportunities, risks/ A.A. Kuznetsov, A.S. Kulagina // Family, art and economics: an interdisciplinary view of society: a collection of materials from the All-Russian Scientific Conference. - Kursk, 2025. - S. 117-121.

[4] Lamakin S.A. Enforcement Proceedings for Digital Financial Assets and Digital Currency: Bachelor's Graduation Qualification Paper/ S.A. Lamakin; National Research University Higher School of Economics. - Moscow, 2026. - 72 s.

[5] Novoselova L.A. Cryptocurrency as an object of recovery in enforcement proceedings/ L.A. Novoselova // Bulletin of Civil Procedure. — 2025. — № 3. - S. 1-18.

[6] Ryndina A.O. Transformation of the tax landscape of Russian cryptomining: formalization mechanisms and the potential for increasing state revenues/A.O. Ryndina // Vestnik IPB (Bulletin of Professional Accountants). — 2025. — № 5. - S. 43-52.

[7] Taranova I.V. Taxation of cryptocurrencies: trends in the development of existing legislation in the Russian Federation/I.V. Taranova, V.V. Kirina, A.A. Revin // Financial markets and banks. — 2026. — № 1. - S. 149-151.

**ЮРИДИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ЮРКОМПАНИ»**

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

КУЗНЕЦОВ Артур Константинович,
Заместитель начальника отдела правового
обеспечения Территориального управления
Росимущества в городе Москве,
e-mail: artur_kuznetsov_2015@list.ru

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПОРЯДКА ПРИНЯТИЯ ОБРАЩЕННОГО В ДОХОД ГОСУДАРСТВА ИМУЩЕСТВА

Аннотация. В данной работе представлен детальный анализ правовых инструментов, посредством которых активы могут быть изъяты в пользу Российской Федерации. Указанный правовой институт рассматривается как один из ключевых элементов антикоррупционного законодательства. Исследование охватывает законоположения федерального уровня, в частности законы № 273-ФЗ и № 230-ФЗ, а также подзаконные акты, регламентирующие процесс конфискации имущества. Особое место в статье занимает вопрос разграничения полномочий между госорганами: прокуратурой и Росимуществом. Рассматриваются процедурные особенности изъятия активов, а также вопросы защиты законных интересов добросовестных покупателей и давность привлечения к ответственности. На основе изучения практики применения законов выявляются противоречия и недостатки в правовом регулировании. Автором обоснованы пути улучшения законодательной базы, касающиеся установления сроков, порядка информирования заинтересованных сторон и механизмов охраны прав третьих лиц.

Ключевые слова: противодействие коррупции, обращение имущества в доход государства, контроль за расходами, антикоррупционное законодательство, конфискация, неосновательное обогащение, исковая давность, Росимущество, прокурорский надзор.

KUZNETSOV Artur Konstantinovich,
Deputy Head of the Legal Support Department of
the Territorial Department of Federal State Property
Management in Moscow

LEGAL REGULATION OF THE PROCEDURE FOR ACCEPTING PROPERTY TRANSFERRED TO THE STATE TREASURY

Annotation. This paper presents a detailed analysis of the legal instruments by which assets can be seized in favor of the Russian Federation. This legal institution is considered a key element of anti-corruption legislation. The study covers federal legislation, in particular Federal Laws No. 273-FZ and No. 230-FZ, as well as bylaws regulating the confiscation of property. The article particularly focuses on the delineation of powers between government agencies: the prosecutor's office and the Federal Property Management Agency (Rosimushchestvo). The article examines the procedural aspects of asset seizure, as well as the protection of the legitimate interests of bona fide purchasers and the statute of limitations for prosecution. A study of the application of laws reveals inconsistencies and shortcomings in legal regulation. The author substantiates ways to improve the legislative framework regarding the establishment of deadlines, the procedure for informing stakeholders, and mechanisms for protecting the rights of third parties.

Key words: anti-corruption, confiscation of property, control over expenses, anti-corruption legislation, unjust enrichment, limitation period, Federal Property Management Agency, prosecutorial supervision.

Введение

Актуальность данного исследования продиктована постепенным усовершенствованием в России правовых инструментов, нацеленных на вывод из теневого оборота активов, приобретённых за счёт средств, законность происхождения

которых не может быть подтверждена лицами, занимающими государственные или муниципальные должности. В рамках антикоррупционных стратегий особое значение имеет механизм конфискации государством имущества, по которому отсутствуют доказательства его приобретения на

легально полученные доходы (именуемый далее – механизм конфискации). Этот институт, получивший законодательную базу в Федеральном законе от 03.12.2012 № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» [4], является межотраслевым и требует комплексного правового оформления.

Несмотря на создание в последние годы обширной нормативно-правовой базы, включающей федеральные законы, подзаконные акты и разъяснения высших судебных инстанций, процесс передачи в государственную собственность конфискованного имущества остаётся одним из самых запутанных и спорных моментов в правоприменительной практике. Трудности связаны с определением круга лиц, к которым применяются требования о доказывании законности происхождения доходов, с процедурой подтверждения легальности происхождения активов, а также с организационными вопросами, касающимися передачи, учёта, оценки и реализации такого имущества. Результативность всей системы борьбы с коррупцией во многом зависит от того, насколько чётко и последовательно регламентированы эти процессы, как слаженно взаимодействуют судебные органы, прокуратура, Федеральная служба судебных приставов (ФССП) и Федеральное агентство по управлению государственным имуществом (Росимущество).

Материалы и методы

Информационная основа статьи сформирована законодательными и нормативными правовыми актами РФ, регулирующими правоотношения в сфере принятия имущества, обращённого в доход государства, результаты научных исследований, посвящённые указанной проблематике. Использование автором таких методов научного познания, как анализ, синтез, дедукция, компаративистика обеспечивает высокий уровень достоверности итоговых результатов и выводов.

Результаты и обсуждение

Основная задача настоящей работы заключается в всестороннем анализе правового регулирования конфискации имущества в пользу государства, выявлении пробелов и противоречий в действующем законодательстве, оценке влияния судебной практики на формирование данного механизма и предложении путей его совершенствования. Рассмотрим следующие аспекты нормативного регулирования указанных правоотношений:

1. Правовая природа имущества, обращённого в доход государства, и его место в системе антикоррупционных мер.

Сущность активов, которые подлежат обращению в государственную собственность по положениям, установленным Законом о контроле

за расходами [4], является предметом давних академических споров. В отличие от конфискации, которая является мерой уголовно-правового воздействия (статья 104.1 Уголовного кодекса РФ), процесс изъятия имущества в пользу государства в рамках гражданского процесса не предполагает наказания за преступление. Как отмечал Президиум Верховного Суда РФ в своем Обзоре судебной практики по делам об обращении в доход государства имущества, законность происхождения которого не подтверждена (утвержден 14.04.2023) [8], такая процедура имеет гражданско-правовую природу и призвана защитить законные интересы государства, поддерживая принцип правомерности в имущественных отношениях.

Ключевое значение имеет разграничение двух основных правовых механизмов изъятия объектов в пользу государства. Первый – это конфискация активов в рамках уголовного процесса, регламентируемая нормами Уголовного кодекса и Уголовно-исполнительного кодекса. Второй – это переход правой собственности на имущество, законность приобретения которого не доказана, в государственную казну. Этот процесс осуществляется посредством гражданского судопроизводства по инициативе прокурора. Второй механизм характеризуется следующими особенностями:

он применяется к лицам, занимающим ответственные государственные и муниципальные посты, а также к их супругам и несовершеннолетним детям;

основанием для изъятия является не факт доказанного преступления, а невозможность предоставить доказательства законного происхождения имущества; ответчик несет бремя доказательства легитимности источников своих активов; решение по данному вопросу принимается судом в порядке гражданского судопроизводства.

Имущество, признанное государственным, переходит в федеральную казну (в отдельных случаях – в казну субъекта федерации или муниципалитета) и подлежит дальнейшему учету, оценке и последующей продаже [5]. Именно этот этап – принятие имущества государством – требует тщательной правовой проработки, поскольку от его эффективности напрямую зависит приток средств в бюджет и реализация публичных интересов.

2. Система нормативно-правового регулирования порядка принятия имущества.

Нормативная база, определяющая правила обращения имущества в государственную собственность, выстроена как многоуровневая структура, охватывающая положения конституционного, гражданского, административного и

финансового законодательства.

2.1. Конституционные основы.

Согласно Основному закону России, право на частную собственность находится под защитой государства, и изъятие имущества у гражданина возможно только по решению суда. Вместе с тем, законодательством Российской Федерации предусмотрена возможность ограничения права собственности в случае возникновения общественных интересов. Российский Конституционный Суд неоднократно подтверждал, что принудительное изъятие имущества в собственность государства на основании Закона о контроле за расходами не нарушает конституционные основы, так как такое изъятие происходит по решению суда и опирается на установленные объективные критерии.

2.2. Гражданский кодекс РФ. Статья 235 Гражданского кодекса Российской Федерации (часть первая) [2] регламентирует основные причины утраты права собственности, включая конфискацию имущества в пользу государства. Тем не менее, конкретные процедуры изъятия имущества регулируются отдельными законодательными актами. Существенное значение имеет также статья 169 Гражданского кодекса РФ, касающаяся недействительности сделок, заключенных с целью, противоречащей правовым основам и нормам морали. С учётом положений законодательного акта о контроле за расходами [4], при конфискации имущества отсутствует необходимости доказывания незаконности приобретения собственности; основанием изъятия может являться недоказанность законности источников денежных средств, за счёт которых осуществлялась покупка имущества.

2.3. Специальное антикоррупционное законодательство. Профильный федеральный закон [3] установил базовые принципы контроля за доходами и расходами. В рамках реализации указанных положений, в законодательных актах введены правовые нормы [4], предусматривающие возможность изъятия имущества в пользу государства, если лицо не предоставляет доказательств его приобретения за законные доходы.

2.4. Нормативное регулирование. После вступление в законную силу судебного акта о передаче имущества в собственность государства, последующие действия регулируются на нормативном уровне, в частности, Постановлением Правительства РФ № 1238 от 23.09.2019 г. Указанный документ определяет Росимущество как государственный орган, осуществляющий управление подобным имуществом. Росимущество выполняет ряд важных функций: принимает имущество от исполнительных органов, организует его оценку, проводит торги для реализации, а также, если это предусмотрено законом, осуществ-

ляет уничтожение или безвозмездную передачу. Детальные инструкции по выполнению этих функций, включая процедуры приемки-передачи, оценки (в том числе с привлечением сторонних специалистов), организации торгов (аукционов, конкурсов), перечисления средств в бюджет, а также списания и уничтожения нереализованного имущества, содержатся в Приказе Минфина России № 105н от 19.07.2024. Этот Приказ разработан в строгом соответствии с Постановлением № 1238 и направлен на обеспечение единообразия в применении этих правил по всей стране.

3. Процедура принятия имущества. Процесс передачи собственности, переходящей в государственную казну, традиционно структурируется в несколько последовательных стадий. Данный путь начинается с момента оглашения судебного вердикта и завершается фактическим управлением конфискованным активом, будь то его продажа или иное применение в соответствии с законодательством.

3.1. Судебное решение и процедура принудительного исполнения.

Началом процесса конфискации является вступивший в законную силу судебный акт, предписывающий обращение собственности в пользу государства. Как правило, подобные постановления выносятся по инициативе прокуратуры. На основании выданного исполнительного документа иницируется исполнительное производство в территориальном подразделении Федеральной службы судебных приставов (ФССП России), руководствуясь положениями Федерального закона «Об исполнительном производстве» [11]. В рамках данного производства судебный пристав-исполнитель осуществляет арест активов, их последующее изъятие и помещение на хранение.

Законодательство предусматривает период для добровольного исполнения требований, однако в большинстве ситуаций изъятие имущества носит принудительный характер. Острой проблемой остается отсутствие четко установленных временных рамок для передачи конфискованного имущества от ФССП российскому государственному агентству по управлению государственным имуществом (Росимущество). На практике этот процесс может затягиваться на многие месяцы, что неизбежно ведет к ухудшению технического состояния имущества, особенно движимого, и, как следствие, к снижению его рыночной стоимости.

3.2. Принятие имущества Росимуществом.

Согласно Постановлению Правительства РФ № 1238 [5], после наложения ареста судебный пристав-исполнитель информирует соответствующее территориальное управление Росимущества и передает изъятое имущество в установленном порядке [6].

3.3. Процедура реализации имущества.

Реализация конфискованного имущества осуществляется посредством проведения торгов, как правило, в форме открытого аукциона, за исключением случаев, прямо предусмотренных законом (например, продажа через конкурс или без проведения торгов). Начальная цена устанавливается на основе результатов проведенной оценки. Если первые торги признаются несостоявшимися, назначаются повторные торги, на которых начальная цена снижается на 15% (согласно статье 87 Федерального закона «Об исполнительном производстве» [11]). При повторной несостоятельности торгов имущество может быть выставлено на безвозмездную передачу государственным или муниципальным органам. В случае отсутствия заинтересованности со стороны таких органов, имущество подлежит утилизации.

Денежные средства, вырученные от реализации конфискованного имущества, поступают в соответствующий бюджет (федеральный, региональный или местный) в зависимости от того, в пользу какого уровня власти было обращено имущество. Расходы, понесенные на оценку, хранение и реализацию, покрываются за счет средств федерального бюджета, выделяемых Росимуществу, что создает дополнительную финансовую нагрузку на государственный аппарат.

4. Роль судебной практики и позиции Конституционного Суда РФ.

Судебная практика играет основополагающую роль в стандартизации подходов к конфискации имущества в пользу государства. К ключевым актам, разъясняющим применение данных норм, относятся:

4.1. Постановление Конституционного Суда РФ от 31.10.2024 № 49-П. [7]. В этом решении Конституционный Суд исследовал соответствие положений статьи 17 Закона о контроле за доходами [4] Основному закону страны. Инициатор разбирательства оспаривал норму, утверждая, что она позволяет изымать имущество в государственную собственность без установления его криминального происхождения, что, по его мнению, нарушает принцип пропорциональности при ограничении права собственности. Суд признал норму соответствующей Конституции РФ [1], аргументируя это следующим образом:

данный институт направлен на реализацию общественных интересов в борьбе с коррупцией. процедура изъятия осуществляется в судебном порядке.

бремя доказывания законности происхождения активов возлагается на должностных лиц, что обусловлено их особым статусом.

при этом должны соблюдаться гарантии соразмерности, учитывая законные доходы лица, возможность приобретения имущества за счет

средств супруга(-и) и прочие объективные факторы.

Суд также подчеркнул, что такое изъятие не является карательной мерой, а представляет собой специальную гражданско-правовую процедуру. Важным является указание Конституционного Суда о необходимости для законодателя и исполнителей обеспечивать индивидуализацию ответственности, не допуская конфискации имущества, явно превышающего неустановленную сумму доходов.

4.2. Определение Конституционного Суда РФ от 24.06.2021 № 1177-О. [10]. В данном Определении Суд прояснил процессуальные аспекты рассмотрения дел об обращении имущества в доход государства. Было указано, что такие дела должны рассматриваться по правилам гражданского судопроизводства, с обязательным уведомлением ответчика и предоставлением ему возможности представить доказательства легальности происхождения доходов.

4.3. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ от 14.04.2023. [8] Президиум Верховного Суда РФ обобщил судебную практику по данной категории дел и выработал ключевые правовые позиции:

период, за который производится проверка расходов, должен быть обоснованным и ограничен сроком, предшествующим заключению сделки.

при расчете суммы неподтвержденных расходов учитываются доходы не только самого лица, но и его супруга(-и), а также совместно проживающих членов семьи, ведущих общее хозяйство.

имущество, приобретенное на подтвержденные доходы, полученные до вступления в должность, не подлежит конфискации.

доказанность законности доходов может осуществляться посредством любых допустимых доказательств, включая свидетельские показания, договоры займа и нотариально удостоверенные сделки.

Вышеуказанные разъяснения оказали значительное влияние на судебную практику, способствуя сокращению числа необоснованных исков и повышению качества судебных решений.

Заключение

На основании проведенного исследования можно сделать вывод, что законодательство, регулирующее процесс обращения имущества в доход государства в России, находится на этапе активного формирования. За последние десять лет была заложена основа нормативной базы, включающая специализированные законы, подзаконные акты и разъяснения судебной практики. Были определены органы, ответственные за конфискацию, учет и продажу такого имущества, а

также установлены процедуры передачи права собственности государству.

Однако, существуют проблемы, связанные с координацией действий между ведомствами, отсутствием четких сроков передачи имущества, трудностями в оценке и реализации специфических активов, а также различиями в правовых режимах конфискации и обращения. Для решения этих проблем требуется комплексный подход, включающий совершенствование законодательства и внедрение современных организационных и информационных технологий.

В качестве первоочередных мер автором предлагается следующее: принять единый федеральный закон «Об обращении в доход государства имущества, в отношении которого не представлены доказательства его приобретения на законные доходы», который бы объединил материальные и процессуальные нормы, установил исчерпывающий перечень лиц, правила расчета доходов и расходов, а также детальный порядок передачи, учета, оценки и реализации имущества, наряду с ответственностью должностных лиц; цифровизировать процессы путем создания единой государственной информационной системы учета обращенного имущества (ЕГИС ОИ) для электронного документооборота, мониторинга сроков, публикации информации о торгах и онлайн-отчетности; усовершенствовать механизмы реализации, внося изменения в ст. 87 Федерального закона «Об исполнительном производстве», предусматривающие возможность продажи имущества через электронные торговые площадки с применением понижения цены (английский аукцион), а также законодательно закрепить обязанность Росимущества привлекать специализированные организации для хранения и реализации специфических активов; гармонизировать законодательство с международным правом, активизируя работу по заключению двусторонних соглашений о признании и исполнении судебных решений по делам о взыскании неподтвержденных доходов, особенно с дальним зарубежьем; обеспечить научно-методическую поддержку, разработав постановление Пленума Верховного Суда РФ, которое разъяснит вопросы доказывания законности доходов, использования косвенных доказательств и других аспектов, что позволит сократить процессуальные ошибки и повысить единообразие судебной практики.

В завершение отметим, что институт обращения имущества в доход государства должен рассматриваться не только как средство борьбы с коррупцией, но и как важный элемент обеспечения экономической безопасности. Его эффективность зависит от четкости и непротиворечивости всех этапов. Дальнейшее развитие правового регулирования должно идти по пути унификации,

цифровизации и усиления гарантий прав лиц, в отношении которых применяется данная мера, с сохранением баланса частных и публичных интересов.

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).

[2] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.

[3] Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // Собрание законодательства РФ. — 2008. — № 52 (ч. 1). — Ст. 6228.

[4] Федеральный закон от 03.12.2012 № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» // Собрание законодательства РФ. — 2012. — № 50 (ч. 4). — Ст. 6953.

[5] Постановление Правительства РФ от 23.09.2019 № 1238 «О распоряжении имуществом, обращенным в собственность государства» // Собрание законодательства РФ. — 2019. — № 39. — Ст. 5431.

[6] Приказ Минфина России от 19.07.2024 № 105н «Об утверждении Порядка реализации имущества, обращенного в собственность государства».

[7] Постановление Конституционного Суда РФ от 31.10.2024 № 49-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 17 Федерального закона "О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам"».

[8] Обзор судебной практики по делам об обращении в доход государства имущества, в отношении которого не представлены доказательства его приобретения на законные доходы (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 14.04.2023).

[9] Астанин В.В. Научно-практический комментарий к законодательству о противодействии коррупции. — М.: Юрайт, 2023. — 284 с.

[10] Определение Конституционного Суда РФ от 24 июня 2021 года № 1177-О.

References:

[1] The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote 01.07.2020).

[2] Civil Code of the Russian Federation (Part One) dated 30.11.1994 No. 51-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. — 1994. — № 32. - Art. 3301.

[3] Federal Law of 25.12.2008 No. 273-FZ "On Combating Corruption" // Collection of Legislation of the Russian Federation. — 2008. - No. 52 (part 1). - Art. 6228.

[4] Federal Law of 03.12.2012 No. 230-FZ "On Control over the Compliance of Expenses of Persons Holding Public Office and Other Persons with their Income" // Collection of Legislation of the Russian Federation. — 2012. - No. 50 (part 4). - Art. 6953.

[5] Decree of the Government of the Russian Federation of 23.09.2019 No. 1238 "On the disposal of property turned into state ownership" // Collection of legislation of the Russian Federation. — 2019. — № 39. - Art. 5431.

[6] Order of the Ministry of Finance of the Russian Federation No. 105n dated 19.07.2024 "On Approval of the Procedure for Sale of State-Owned Property".

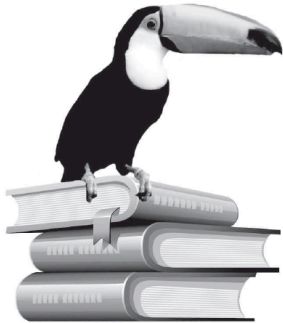
[7] Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of 31.10.2024 No. 49-P "In the case of checking the constitutionality of the provisions of Article 17 of the Federal Law "On Control over the Compliance of Expenses of Persons Holding Public Office and Other Persons with their Income"".

[8] Review of judicial practice in cases of conversion into state income of property in respect of which evidence of its acquisition for legitimate income has not been presented (approved by Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation 14.04.2023).

[9] Astanin V.V. Scientific and practical commentary on anti-corruption legislation. - M.: Yurayt, 2023. - 284 s.

[10] Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of June 24, 2021 No. 1177-O.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ДАУД Руслан Баширович,

Кандидат политических наук, соискатель кафедры
теории государства и права Федерального
государственного образовательного учреждения
высшего образования «Саратовская
государственная юридическая академия»,
e-mail: RusSud@bk.ru

ХАМАТХАНОВА Мадина Макшариповна,

Старший преподаватель кафедры философии
и социальной работы ФГБОУ ВО «Ингушский
государственный университет»,
e-mail: meddina17@mail.ru

МАЛЬСАГОВ Амерхан Алиханович,

Кандидат педагогических наук, доцент кафедры
спортивных дисциплин ФГБОУ «Ингушский
государственный университет»,
e-mail: A-malsagov@mail.ru

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ПОЗИЦИИ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ВЫЗОВОВ: ОПЫТ ОСМЫСЛЕНИЯ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению специфики педагогического потенциала специальной военной операции для формирования гражданско-правовой позиции молодежи. В поле внимания авторов, занимающихся преподавательской деятельностью, находится рассмотрение молодежи (главным образом студенчества) в качестве субъекта педагогического процесса, направленного на формирование у молодых людей активной гражданско-правовой позиции в условиях современных вызовов. Интерес к теме связан с пониманием того, что молодежь является одной из наиболее уязвимых групп, подверженных негативному воздействию антагонистов линии, проводимой нашим государством. Кроме того, авторы, анализируя то, как в разных регионах страны педагоги дополнительного и основного образования преломляют опыт осмысления специальной военной операции, добиваются формирования у молодежи патриотизма, критического мышления, интереса к волонтерской деятельности, приходят к выводу о необходимости педагогического фундамента, который может быть обеспечен только в условиях целенаправленной работы с молодежью.

Ключевые слова: гражданско-правовая позиция; патриотизм; молодежь; специальная военная операция (СВО); педагогический подход; активизация молодежи; интеграция правовых знаний.

DAUD Ruslan Bashirovich,

Candidate of Political Sciences, PhD Candidate,
Department of Theory of State and Law, Saratov
State Law Academy

KHAMATKHANOVA Madina Maksharipovna,

Senior Lecturer, Department of Philosophy and Social
Work, Ingush State University

PEDAGOGICAL BASIS FOR THE FORMATION OF THE CIVIL-LEGAL POSITION OF YOUTH IN THE CONTEXT OF MODERN CHALLENGES: THE EXPERIENCE OF COMPREHENSION OF THE SPECIAL MILITARY OPERATION

Annotation. *This article examines the specific pedagogical potential of a special military operation for developing young people's civil-legal position. The authors, university lecturers, focus on youth (primarily students) as agents of the pedagogical process aimed at fostering active civic stances in the face of modern challenges. Their interest in this topic stems from the understanding that young people are among the most vulnerable groups, susceptible to the negative impact of those who oppose the government's policies. Furthermore, by analyzing how educators in supplementary and basic education in various regions of the country interpret the experience of understanding a special military operation, fostering patriotism, critical thinking, and interest in volunteerism among young people, the authors conclude that a pedagogical foundation is essential, which can only be achieved through targeted work with young people.*

Key words: *civil-legal position; patriotism; young people; special military operation (SMO); pedagogical approach; youth activation; integration of legal knowledge.*

Обдумывая пройденный нашей страной за четыре с лишним года путь и оценивая уже сложившуюся историю специальной военной операции, невозможно не увидеть в этом аллюзию на Великую Отечественную войну. Не хотелось бы прибегать к языковым клише, но иначе не скажешь: восемьдесят пять лет назад советский народ в едином порыве поднялся на защиту отечества. В феврале 2022 г. ситуация повторилась – другая страна, уже российский народ, но то же понимание важности защитить свою Родину. И хотя нельзя отрицать существование диаметрально противоположных взглядов на позицию руководства страны, речь не об этом, а о патриотизме, который не является чем-то, существующим по умолчанию, «в прошивке» человека, но формируется в ходе педагогического и социального воздействия на протяжении детства и юности. Учитывая сложность современной ситуации и существующие вызовы, приходим к пониманию актуальности поиска нужного вектора работы с молодежью, чтобы стабильно формировать новые поколения россиян, для которых слово «патриотизм» не пустой звук, а важный компонент их внутренней сущности и мировоззрения. В связи с этим цель статьи заключается в рассмотрении того, как именно продуманная и взвешенная педагогическая база может способствовать формированию гражданско-правовой позиции российской молодежи, ее умения критически мыслить и адекватно реагировать на существующие вызовы, особенно в свете продолжающейся специальной военной операции.

В первую очередь определимся с основными понятиями, которые будут использоваться в статье в качестве опорных. В последние годы перестало быть однозначным понимание категории «молодежь», поскольку возрастные границы неоднократно сдвигались в сторону увеличения. Так, в настоящее время Всемирная организация здравоохранения определяет молодой возраст как диапазон от 18 до 44 лет, однако согласно ст. 2 федерального закона № 489 от 30.12.2020 г. «О молодежной политике в Российской Федерации» возрастной диапазон молодежи от 14 до 35 лет. Именно такой возрастной ценз учитывается в ходе реализации различных государственных программ и мер поддержки. Безусловно, между 14-тилетними подростками и вполне социально и психологически зрелыми 35-летними взрослыми принципиальные различия, а потому с одной стороны логично говорить о применении педагогических методов к той группе молодежи, которая включает в себя старшеклассников и студентов средних специальных и высших учебных заведений. С другой – нельзя отрицать и то, что жизненная позиция укрепляется и трансформируется и в более зрелом возрасте, а потому имеет значение и воздействие на молодежь, находящуюся ближе к верхней границе указанного диапазона.

Что касается термина «гражданско-правовая позиция», то он является очень емким по своей смысловой нагрузке, поскольку представляет собой осознанное отношение человека к своим правам и обязанностям, понимание собственной ответственности перед страной. В структуру

гражданско-правовой позиции входит целый ряд компонентов, а именно:

правовая грамотность, которая складывается из знания и понимания нормативно-правовых основ жизнедеятельности в государстве, а также способности к отстаиванию личных и общественных интересов в правовом поле;

социальная активность и ответственность, подразумевающая участие в различных видах общественной деятельности (различные организации, волонтерство).

Характеристика указанных компонентов позволяет понять, что гражданско-правовая позиция – это не просто абстрактная система взглядов, убеждений и ценностных ориентаций, обозначающая восприятие индивидуумом государства, общества, семьи, но феномен, который выражается в реальных действиях на благо указанных структур общества. На это указывает и Е.Ю. Плотникова, рассматривающая гражданско-правовую позицию в педагогическом и психологическом аспекте и включающая в нее знания (когнитивный компонент), ценности (мотивационный компонент) и поведение (деятельностный компонент) [1, с. 219]. Фактически такой составной характер гражданско-правовой ответственности указывает на то, что она представляет собой интегративный комплекс социально направленных качеств личности. Учитывая то, что человек является существом социальным, в социуме же и происходит воспитание и развитие перечисленных качеств. Из этого логически следует вывод о возможности педагогического воздействия, направленного на формирование гражданско-правовой позиции молодежи.

Педагогические основы рассматриваемого воздействия носят комплексный характер за счет интеграции правовых знаний, развития критического мышления, социально-ориентированной практики и собственно патриотического воспитания. Все это четко коррелирует с компонентами гражданско-правовой позиции, перечисленными ранее. Однако, как было указано, широкий возрастной диапазон, охватываемый понятием «молодежь», не позволяет указать универсальные пути воздействия, направленного на формирование гражданско-правовой позиции, не говоря уже о том, что термин «формирование» указывает на изначальное отсутствие того или иного знания или навыка. Соответственно, имеет смысл сосредоточиться на рассмотрении более узкой возрастной категории молодежи, которая может быть подвергнута педагогическому воздействию. Речь идет о студенчестве, которое, во-первых, носит организованный характер, во-вторых, является достаточно зрелым (в отличие от школьников) для понимания современной ситуации и вызовов, и в-третьих, сохраняет гибкость мышления, когни-

тивную и эмоциональную восприимчивость, что создает базу для педагогического воздействия. Кроме того, выбор данного возрастного диапазона связан с тем, что, работая со студентами, компетентные преподаватели могут в максимальной степени способствовать становлению гражданско-правовой позиции молодежи.

Следует понимать, что педагогическое воздействие в данном направлении должно отвечать такому важному условию как обеспечение вовлеченности студентов. Поясним: невозможно сформировать у молодежи активную позицию по вопросу столь высокой общественной значимости без включения в реальную общественную деятельность (членство, причем не номинальное, а деятельное, в общественных организациях; волонтерство; создание и реализация проектов). Анализируя сложившийся к настоящему моменту опыт разных специалистов, можно указать несколько вариантов эффективных и хорошо зарекомендовавших себя путей.

Так, Ю.В. Тороп в свете «Стратегии реализации молодежной политики до 2030 года», утвержденной в августе 2024 г., указывает на использование коммуникативных возможностей цифровых технологий (например, социальных сетей) для организации работы молодых волонтеров в разных сферах, включая деятельность непосредственно в зоне специальной военной операции или помощи ее участникам [2, с. 95].

А.В. Богданов и Р.И. Богданова (г. Саратов), изучавшие особенности ценностных установок молодых людей, обращают внимание на необходимость повышения эффективности реализации государственной политики в сфере патриотического воспитания данной категории, поскольку именно она в максимальной степени подвержена воздействию «мягкой силы» по причине несформированности идейно-ценностных представлений и гражданско-правовой позиции [3, с. 12]. Причем очевидно, что вектор «мягкой силы» напрямую зависит от его источника, соответственно, недопустимо игнорировать негативное воздействие на молодежь. Следует формировать у нее критическое мышление, способность отличать фейки, потоково льющиеся из сомнительных источников, от достоверной информации, получаемой из официальных каналов и интернет-источников. Именно поэтому А.В. Богданов и Р.И. Богданова указывают на то, что молодежь следует вовлекать в процесс обсуждения и принятия государственных решений, поскольку только в этом случае молодые люди будут адекватно воспринимать действия, предпринимаемые государственной властью. Для обеспечения этого они предлагают выработать основы формирования системы ценностей не только молодежи, но и в целом граждан России, что возможно только

при объединении усилий органов власти и общественных структур, причем в качестве индикатора эффективности должен выступать своего рода «индекс патриотизма», сформированный у молодежи в результате такой работы [3, с. 13].

Эта идея, с точки зрения автора статьи, выглядит особенно продуктивной, если увязать ее с уже сложившимся опытом осмысления специальной военной операции. Автор полагает, что термин «патриотизм», который многие специалисты считают дискуссионным, таковым не является, и для формирования у молодежи устойчивой гражданско-правовой позиции следует ориентироваться на понимание патриотизма как нравственного принципа и социального чувства, которое объединяет в себе не только любовь и уважение к Родине, преданность народу и готовность служить на благо общества, но и готовность защищать свою страну (в прямом смысле, а не фигурально). Важность этого неоспорима, равно как не подлежит сомнению необходимость формирования патриотизма у молодежи, особенно в свете тревожных результатов исследования, проведенного в 2023 г. А.В. Богдановым и Р.И. Богдановой. Так, согласно их данным, лишь немногим более 20 % студентов считает патриотизм одной из приоритетных жизненных и гражданских ценностей, тогда как более 60 % студентов не видит в нем ценностную основу политической системы нашей страны [3, с. 14].

Для лучшего понимания направления работы имеет смысл обратиться к педагогическому опыту развития у молодежи патриотизма и других стратегически важных качеств и убеждений, который сложился в Ставропольском крае. Речь идет о комплексном, причем четко координированном, подходе к патриотическому воспитанию молодежи, формированию у нее гражданской идентичности, организации проектной деятельности и волонтерства. Благодаря деятельности регионального отделения «Движения Первых» и «Молодой гвардии Единой России» молодежь активно включилась в сбор и отправку гуманитарных грузов на театр военных действий и пострадавшие в ходе СВО территории. Более того, члены «Молодой гвардии Единой России» запустили в 2026 г. педагогически обоснованный образовательный проект «Новая смена», одной из главных задач которого является включение молодежи в политическую жизнь Ставропольского края. Это обеспечивается путем предоставления молодежи доступа к образовательным ресурсам Высшей партийной школы, возможности трудоустройства в качестве помощников депутатов, перспективы для реализации признанных лучшими собственными законодательными инициатив [4]. С точки зрения автора статьи, такой подход является иллюстрацией педагогического мастерства

в работе с молодежью, поскольку данную категорию привлекают к участию в жизненно важных общественных делах не только на когнитивном уровне, формируя у молодежи соответствующие знания и понимание содержания современной повестки, но и на деятельностном. Объяснение эффективности такого подхода может быть дано с помощью высказывания Конфуция: «Скажи мне – и я забуду, покажи мне – и я запомню, дай мне сделать самому – и я пойму». Фактически молодежи в данном случае дают возможность через практику помощи бойцам и пострадавшим осмысливать сущность специальной военной операции.

Не менее интересен и опыт педагогов дома молодежи «Пулковец» (г. Санкт-Петербург) в направлении патриотического воспитания молодежи, поскольку он не только связан с формированием у молодых людей активной гражданской позиции в русле осмысления специальной военной операции, но и демонстрирует возможности применения для решения указанных задач современных технологий в русле комплексного подхода. В частности Н.Е. Ермолаева указывает, что воспитание гражданственности и патриотизма осуществляется параллельно с повышением у молодых людей уважения к отечественной истории, культуре и традициям, причем активно применяются не только традиционные педагогические методы, но также инновационные (интеллектуальные игры, квизы, квесты, форумы, проекты, интерактивные конкурсы). Непосредственно анализ опыта специальной военной операции является стержневым компонентом практико-ориентированного проекта «Беседы со СВОими», акции по оказанию поддержки военнослужащим, принимающим участие в СВО. Деятельностный характер формирования у молодежи гражданско-правовой позиции с помощью этих акций заключается в том, что организуется сбор необходимых вещей участникам СВО, написание и отправка «Письма солдату» и другие мероприятия [5].

Заметим, что приведенные примеры того, как в разных регионах реализуются педагогические принципы в работе со студентами как одной из наиболее репрезентативных групп молодежи, не являются исчерпывающими. Тем не менее, они достаточно показательны, поскольку приводят к пониманию следующего:

формирование гражданско-правовой позиции молодежи следует выстраивать на фундаментальных ценностях (патриотизм, социальная ответственность);

необходимо учитывать, что в условиях специальной военной операции и возникающих в этой связи геополитических вызовах неизбежными являются парадигматические изменения в педагогическом процессе: в частности их основой становится открытый диалог об СВО с моло-

дежью;

педагогическое воздействие на указанную возрастную категорию должно носить комплексный характер, включая в себя когнитивный компонент в виде изучения основ права и развития критического мышления для умения вычленять фейки и противостоять информационным угрозам; ценностный компонент, обеспечивающий переход от формального патриотизма к объективному пониманию причин и целей специальной военной операции; деятельностный компонент в виде волонтерского движения, помощи участникам СВО, членам их семей и беженцам с территорий, находящихся в зоне проведения операции;

формирование устойчивой гражданско-правовой позиции в русле патриотизма требует противодействия информационной войне, которая ведется против нашей страны с помощью деструктивного и недостоверного контента, насаждаемого в социальных сетях и других ресурсах, активным пользователем которых является молодежь.

Наконец, завершая рассмотрение формирования гражданско-правовой позиции молодежи в русле осмысления специальной военной операции, автор считает необходимым отметить, что «педагогом» в данном случае должно быть все общество: семья, школа, средние специальные и высшие учебные заведения, трудовые коллективы и общественные организации.

Список литературы:

[1] Плотникова Е.Ю. Понятие и сущность гражданской позиции в педагогике и психологии // Научно-педагогическое обозрение. 2019. № 6(28). С. 218-226.

[2] Тороп Ю.В. Правовые и организационные основы молодежного участия и молодежного самоуправления // Гражданин. Выборы. Власть. 2024. № 4(34). С. 90-101.

[3] Богданов А.В., Богданова Р.И. Патриотизм подрастающего поколения как показатель эффективности государственной молодежной политики Российской Федерации (на примере Саратовской области) // Идентичность России: формирование гражданственности молодежи в контексте регионального опыта: Сб. докладов по материалам Всероссийской научно-практической конференции (г. Саратов, 25 октября

2024 г.). Саратов, 2024. С. 12-17.

[4] Максимова А. Развитие молодежи, жизнь на селе и поддержка СВО – в приоритете властей Ставрополя // Комсомольская правда. 2026. 10 июля [Электронный ресурс]. URL: <https://www.stav.kp.ru/daily/277797.5/5275056/> (дата обращения 17.07.2026).

[5] Ермолаева Н.Е. Опыт работы в области патриотического воспитания молодежи // Молодежная политика: вызовы и векторы развития. Сборник научно-популярных статей руководителей и специалистов учреждений по делам молодежи Санкт-Петербурга и других регионов Российской Федерации. СПб.: Научные технологии, 2024. С. 60-64.

References:

[1] Plotnikova E.Yu. The concept and essence of citizenship in pedagogy and psychology // Scientific and pedagogical review. 2019. № 6(28). S. 218-226.

[2] Torop Yu.V. Legal and organizational foundations of youth participation and youth self-government // Citizen. Elections. Power. 2024. № 4(34). S. 90-101.

[3] Bogdanov A.V., Bogdanova R.I. Patriotism of the younger generation as an indicator of the effectiveness of the state youth policy of the Russian Federation (on the example of the Saratov region) // Identity of Russia: the formation of youth citizenship in the context of regional experience: Sat. reports on the materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference (Saratov, October 25, 2024). Saratov, 2024. S. 12-17.

[4] Maksimova A. The development of youth, life in the countryside and support for the SVO is a priority of the Stavropol authorities // Komsomolskaya Pravda. 2026. July 10 [Electronic Resource]. URL: <https://www.stav.kp.ru/daily/277797.5/5275056/> (date of contact 17.07.2026).

[5] N. Ermolaeva. Experience in the field of patriotic education of young people // Youth policy: challenges and vectors of development. Collection of popular science articles by managers and specialists of youth institutions in St. Petersburg and other regions of the Russian Federation. St. Petersburg: High-tech technologies, 2024. S. 60-64.

МИНИН Константин Сергеевич,
автономная некоммерческая организация
дополнительного
профессионального образования
«Научно-образовательный
центр воздушно-космической обороны
«Алмаз – Антей» им. академика В. П. Ефремова,
Москва, Россия,
тел.: +7 (495) 276-46-19,
e-mail: minin_k_c@mail.ru

ГУБАНОВ Болеслав Игоревич,
автономная некоммерческая организация
дополнительного
профессионального образования
«Научно-образовательный
центр воздушно-космической обороны
«Алмаз – Антей» им. академика В. П. Ефремова,
Москва, Россия,
тел.: +7 (495) 276-46-19,
e-mail: ozonov@npodr.ru

ЗОНОВ Олег Владимирович,
автономная некоммерческая организация
дополнительного
профессионального образования
«Научно-образовательный
центр воздушно-космической обороны
«Алмаз – Антей» им. академика В. П. Ефремова,
Москва, Россия,
тел.: +7 (495) 276-46-19,
e-mail: bgubanov@npodr.ru

Научный руководитель:
ТАРАСЕНКО Ольга Александровна,
доктор юридических наук, профессор,
почетный работник сферы образования
Российской Федерации,
e-mail: mail@law-books.ru

О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ВОЕННЫХ СТАНДАРТОВ В СИСТЕМЕ ТЕХНИЧЕСКОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБОРОННОЙ ПРОДУКЦИИ

Аннотация. Актуальность статьи обусловлена сохраняющейся теоретической и практической дискуссией о правовой природе документов по стандартизации, которая приобрела особую остроту после вынесения Верховным Судом РФ определений в 2023–2024 гг. В статье обосновывается тезис о том, что механическое распространение выводов суда, сделанных в отношении гражданских стандартов, на обособленную систему стандартизации оборонной продукции является методологически ошибочным. Цель статьи - определить правовую природу государственных военных стандартов (ГОСТ РВ) через призму их соответствия установленным Верховным Судом РФ признакам нормативного правового акта. В исследовании применены методы формально-юридического анализа, сравнительного правоведения и системного толкования. Основное внимание уделено анализу процедуры принятия военных стандартов в сравнении с ведомственными актами, а также содержательному наполнению

ГОСТ РВ на примере ГОСТ РВ 0015-703-2019. Результаты работы демонстрируют дуализм правовой природы военных стандартов: с формальной точки зрения (по субъекту и процедуре принятия) они не являются нормативными правовыми актами, однако по своей сущности содержат «правовые нормы (правила поведения), обязательные для неопределенного круга лиц, рассчитанные на неоднократное применение, направленные на урегулирование общественных отношений либо на изменение или прекращение существующих правоотношений» [2], что соответствует доктринальным признакам правовой нормы. Выводы исследования фиксируют наличие правовой неопределенности в системе источников права, регулирующих государственный оборонный заказ, и указывают на необходимость доктринального переосмысления места военных стандартов в иерархии правовых актов с учетом особенностей оборонной сферы.

Ключевые слова: ГОСТ РВ, государственный военный стандарт, нормативный правовой акт, техническое регулирование, оборонная продукция, стандартизация, правовая природа, нормативно-техническое регулирование, государственный оборонный заказ, Верховный Суд РФ, источник права.

MININ Konstantin Sergeevich,
Autonomous Non-Commercial Organization
for Continuing Professional Education
"Almaz-Antey" Scientific and Educational Center
for Aerospace Defense named after Academician
V.P. Efremov, Moscow, Russia

GUBANOV Boleslav Igorevich,
Autonomous Non-Commercial Organization
for Continuing Professional Education
"Almaz-Antey" Scientific and Educational Center
for Aerospace Defense named after Academician
V.P. Efremov, Moscow, Russia

ZONOV Oleg Vladimirovich,
Autonomous Non-Commercial Organization
for Continuing Professional Education
"Almaz-Antey" Scientific and Educational Center
for Aerospace Defense named after Academician
V.P. Efremov, Moscow, Russia

Academic Supervisor:
TARASENKO Olga Aleksandrovna,
Doctor of Law, Professor,
Honorary Worker of Education of the
Russian Federation

ON THE LEGAL NATURE OF STATE MILITARY STANDARDS WITHIN THE SYSTEM OF TECHNICAL REGULATION OF DEFENSE PRODUCTS

Annotation. The relevance of this article is driven by the ongoing theoretical and practical debate regarding the legal nature of standardization documents, which has gained particular urgency following the rulings issued by the Supreme Court of the Russian Federation in 2023–2024. The article argues that the mechanical extension of judicial findings concerning civil standards to the distinct system of defense product standardization is methodologically flawed. The purpose of the study is to define the legal nature of state military standards (GOST RV) through the lens of their compliance with the characteristics of a regulatory legal act as established by the Supreme Court of the Russian Federation. The research employs methods of formal-legal analysis, comparative law, and systematic interpretation. Primary attention is devoted to analyzing the adoption procedure of military standards in comparison with departmental acts, as well as the substantive content of GOST RV, using GOST RV 0015-703-2019 as a case study. The results demonstrate a duality

in the legal nature of military standards: from a formal standpoint (concerning the issuing authority and the adoption procedure), they are not regulatory legal acts; however, in substance, they contain "legal norms (rules of conduct) that are binding upon an indefinite circle of persons, intended for repeated application, and aimed at regulating social relations or at modifying or terminating existing legal relationships" [2], which corresponds to the doctrinal characteristics of a legal norm. The study concludes that there is significant legal uncertainty within the system of sources of law governing the state defense order. Furthermore, the findings indicate a need for a doctrinal rethinking of the position of military standards within the hierarchy of legal acts, accounting for the unique complexities of the defense sector.

Key words: GOST RV, state military standard, regulatory legal act, technical regulation, defense products, standardization, legal nature, normative and technical regulation, state defense order, Supreme Court of the Russian Federation, source of law.

Вопрос о правовой природе документов по стандартизации, особенно применяемых в сфере оборонной продукции, остается дискуссионным как среди представителей научного юридического сообщества, так и среди юристов-практиков. Казалось бы, точка в этом споре была поставлена Верховным Судом РФ еще в 2024 году. Апелляционная коллегия Верховного Суда РФ, рассмотрев жалобу на решение Верховного Суда РФ от 13 декабря 2023 г. по делу № АКПИ23-957, приняла определение от 12 марта 2024 г. № АПЛ24-32, которым оставила без изменения решение суда первой инстанции, указавшего, что «по своей правовой природе национальные стандарты являются нормативными техническими актами, которые не содержат норм права и не устанавливают правил поведения, а представляют собой акты многократного применения, устанавливающие к продукции (работам, услугам), процессам, системам менеджмента, терминологии, условным обозначениям, исследованиям (испытаниям) и измерениям (включая отбор образцов) и методам испытаний, маркировке, процедурам оценки соответствия и иным объектам специальные характеристики». Однако так ли это на самом деле?

Вывод, сформулированный в указанном определении, был сделан судом в отношении строго определенного документа — ГОСТ Р 52289-2019 «Технические средства организации дорожного движения», который был призван не вводить общеобязательные правила поведения для неограниченного круга субъектов, а закреплять исключительно технические характеристики (такие как высота монтажа, схемы размещения) дорожных знаков и разметки. В связи с этим механическое распространение данного вывода, справедливого для узкой сферы технического регулирования объектов дорожной инфраструктуры, на всю многообразную систему стандартизации в целом, и тем более на обособленную, иерархически выстроенную и наделенную особыми правовыми режимами систему стандартизации оборонной продукции, регламентируемую комплексом специальных норм права, представляется методологически неверным.

Фундаментальное значение для понимания признаков нормативного правового акта имеет постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 г. № 50 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами». В пункте 2 данного постановления указано: «Признаками, характеризующими нормативный правовой акт, являются: издание его в установленном порядке уполномоченным органом государственной власти, органом местного самоуправления, иным органом, уполномоченной организацией или должностным лицом, наличие в нем правовых норм (правил поведения), обязательных для неопределенного круга лиц, рассчитанных на неоднократное применение, направленных на урегулирование общественных отношений либо на изменение или прекращение существующих правоотношений».

Государственные военные стандарты как разновидность документов по стандартизации оборонной продукции характеризуются совокупностью черт, роднящих их с нормативными правовыми актами. На наш взгляд для определения их правовой природы и функционального назначения в системе регулирования правоотношений по государственному оборонному заказу необходимо последовательно оценить, в какой степени они отвечают каждому из названных признаков. В качестве первого критерия Верховный Суд РФ выделяет наличие специальных процедур и специально уполномоченного субъекта нормотворческой деятельности: «...издание... в установленном порядке уполномоченным органом государственной власти...».

Порядок стандартизации в отношении оборонной продукции (товаров, работ, услуг) по государственному оборонному заказу определен постановлением Правительства РФ от 30 декабря 2016 г. № 1567. Согласно этому акту, можно выделить специальные процедуры, связанные с разработкой, утверждением, опубликованием и введением в действие государственных военных стандартов.

Разработка государственных военных стандартов осуществляется в рамках системы стандартизации оборонной продукции, которая представляет собой взаимосвязанный механизм взаимодействия уполномоченных участников, включая Министерство обороны РФ, Росстандарт, госкорпорации «Росатом» и «Роскосмос», а также головные организации по стандартизации. Сама процедура создания стандарта строго регламентирована и включает последовательные этапы: разработку и утверждение технического задания, подготовку первой и второй редакций проекта, их согласование, проведение экспертизы, нормоконтроль и, наконец, принятие и регистрацию документа.

Официальное издание и распространение государственных военных стандартов осуществляется в порядке, устанавливаемом основополагающими государственными военными стандартами. Информационное обеспечение участников деятельности по стандартизации, включая предоставление информации о содержании документов и их распространение, обеспечивается Министерством обороны РФ, Росстандартом, а также госкорпорациями «Росатом» и «Роскосмос» в пределах их полномочий. Ключевым элементом здесь является Сводный перечень документов по стандартизации оборонной продукции, в который включаются сведения о стандартах, подлежащих обязательному применению. Стандарт приобретает силу действующего и обязательного, а информация о нем становится открытой для всех участников, только после включения в этот перечень, который ведут и публикуют уполномоченные органы.

Важным обстоятельством является то, что моментом введения стандарта в действие является дата, установленная федеральным органом исполнительной власти в сфере стандартизации при его утверждении. Вступление в силу стандарта тесно связано с включением его в Сводный перечень, поскольку именно этот факт делает его обязательным для применения. В целом, стандарт начинает действовать с даты, указанной в приказе Росстандарта о его утверждении, при условии, что сведения о нем внесены в соответствующий перечень.

В соответствии с пунктом 12 статьи 9 Федерального закона «О стандартизации в Российской Федерации» утверждение государственных военных стандартов возложено на Федеральное агентство по техническому регулированию и метрологии (Росстандарт). Казалось бы, что государственные военные стандарты, будучи принятыми по специально определенной процедуре уполномоченным органом государственной власти, отвечают первому из названных Верховным Судом РФ критериев нормативного правового акта.

Однако, на наш взгляд, такой вывод был бы ошибочным. Дело в том, что иерархия федеральных нормативных правовых актов в Российской Федерации представляет собой строгую систему, основанную на их юридической силе, что обеспечивает единство и непротиворечивость правового пространства. Основу системы составляет Конституция Российской Федерации, которая в соответствии с частью 1 статьи 15 обладает верховенством и применяется непосредственно на всей территории государства. Следующими по юридической силе выступают федеральные конституционные законы и федеральные законы, регулирующие ключевые общественные отношения. Механизм их принятия и вступления в силу регламентирован Федеральным законом от 14 июня 1994 г. № 5-ФЗ «О порядке опубликования и вступления в силу федеральных конституционных законов, федеральных законов, актов палат Федерального Собрания». Указы Президента РФ и постановления Правительства РФ, как подзаконные акты, не могут противоречить федеральным законам. Положение указанных подзаконных актов в системе иерархии определено статьями 90 и 115 Конституции РФ. Завершающим звеном федеральных нормативных правовых актов являются акты федеральных органов исполнительной власти (ведомственные приказы, инструкции, правила): в соответствии с Указом Президента РФ от 23 мая 1996 г. № 763 такие акты, если они затрагивают права, свободы и обязанности человека и гражданина, подлежат обязательной государственной регистрации в Министерстве юстиции РФ и официальному опубликованию.

Отдельное место отводится законам и иным актам субъектов РФ, а также муниципальным правовым актам, действующим в пределах соответствующих территорий. Процедуры принятия и опубликования нормативных правовых актов детально регламентированы и направлены на обеспечение открытости правотворчества и доступности правовой информации для граждан.

В рассматриваемом контексте государственные военные стандарты по своему уровню, способу принятия и характеру решаемых задач наиболее близки к ведомственным нормативным правовым актам. Прежде всего это обусловлено тем, что их разработка и утверждение осуществляются в рамках компетенции федеральных органов исполнительной власти. Процедура подготовки ведомственных нормативных документов регламентирована постановлением Правительства РФ от 13 августа 1997 г. № 1009. Для указанных актов предусмотрена процедура, согласно которой подписанный акт должен быть направлен на государственную регистрацию в Минюст РФ, проверяющий его на предмет отсутствия нарушений законодательства. Ведомственные акты, про-

шедшие государственную регистрацию, должны быть официально опубликованы в одном из установленных источников — «Российской газете» или «Бюллетене нормативных актов федеральных органов исполнительной власти» — в десятидневный срок после регистрации. Их вступление в силу происходит единовременно на всей территории страны по прошествии десяти дней с момента такого опубликования.

Вместе с тем процедура принятия, опубликования и введения в действие государственных военных стандартов, предусмотренная постановлением Правительства РФ от 30 декабря 2016 г. № 1567, имеет существенные отличия от порядка, установленного для ведомственных нормативных правовых актов. Данное различие не позволяет по формальным основаниям квалифицировать государственные военные стандарты в качестве нормативных правовых актов. Более того, согласно пункту 7 Положения о Федеральном агентстве по техническому регулированию и метрологии, утвержденного постановлением Правительства РФ от 17 июня 2004 г. № 294, Росстандарт лишен полномочий по осуществлению нормативного правового регулирования в закрепленной за ним сфере.

Несмотря на это, рассмотренное несоответствие (по субъекту и процедуре нормотворческой деятельности) процедуры принятия государственных военных стандартов утвержденной процедуре принятия, опубликования и вступления в законную силу ведомственных нормативных правовых актов носит преимущественно формально-юридический характер и не должно абсолютизироваться при оценке правовой природы содержащихся в них предписаний. Существующие процедурные отличия проистекают главным образом из специфики разграничения компетенции между органами исполнительной власти и не свидетельствуют о намерении законодателя исключить данные акты из сферы нормативного регулирования. Изложенное предопределяет потребность в дальнейшем исследовании того, насколько государственные военные стандарты отвечают остальным трем ключевым признакам нормативных правовых актов, сформулированным Верховным Судом РФ.

В качестве второго критерия Верховный Суд РФ указывает, что нормативные правовые акты должны содержать правовые нормы, т.е. правила поведения.

Обратимся к пункту 1 статьи 2 Федерального закона «О стандартизации в Российской Федерации», который определяет документ по стандартизации как официальный документ, закрепляющий общие характеристики объекта стандартизации, а равно правила и общие принципы применительно к такому объекту. Как указывает

Верховный Суд РФ в апелляционном определении от 12 марта 2024 г. № АПЛ24-32, «по своей правовой природе национальные стандарты являются нормативными техническими актами, которые не содержат правовых норм (правил поведения), а представляют собой акты многократного применения, устанавливающие к продукции (работам, услугам), процессам, системам менеджмента... специальные характеристики».

Важным обстоятельством является то, что в сфере оборонной продукции обозначенный вывод представляется не вполне состоятельным, исходя из функционального назначения военных стандартов. Постановление Правительства РФ от 30 декабря 2016 г. № 1567 в пункте 3 устанавливает цели стандартизации оборонной продукции: «обеспечение обороны страны и безопасности государства; обеспечение единой технической политики...; обеспечение качества, надежности оборонной продукции...; содействие средствами стандартизации инновационному развитию военных технологий...». Так, например, авторы Е. Ю. Ушаков и А. И. Ковинько в работе «Стандартизация оборонной продукции — основа обеспечения заданного качества вооружения, военной и специальной техники» отмечают, что соблюдение требований документов по стандартизации оборонной продукции способствует обеспечению постоянной боевой готовности и эффективности вооружения, военной и специальной техники, повышению ее боевых и эксплуатационных возможностей [1, с. 30]. Считаем, что достижение этих целей невозможно без определенной регламентации деятельности участников правоотношений.

Наиболее наглядно продемонстрировать характер норм, закрепленных в государственных военных стандартах, предлагается на примере одного из наиболее часто применяемых в практике документов — ГОСТ РВ 0015-703-2019 «Система разработки и постановки на производство военной техники. Порядок предъявления и удовлетворения рекламаций. Основные положения». Данный стандарт избран для анализа не случайно: он регулирует конкретные правоотношения, возникающие между разработчиками, изготовителями, потребителями и заказчиком военной техники по поводу выявленных дефектов, и содержит детальную процедуру предъявления рекламаций, их рассмотрения, удовлетворения и учета. В отличие от абстрактных технических требований, положения этого ГОСТа непосредственно определяют права и обязанности субъектов хозяйственной деятельности в рамках выполнения государственного оборонного заказа, что позволяет на его структурных элементах проследить реализацию таких признаков нормативного правового акта, как общеобязательность, формальная определенность и обеспеченность воз-

возможностью государственного принуждения.

Анализ ГОСТ РВ 0015-703-2019 позволяет выявить ряд положений, которые по своему содержанию и юридической конструкции формально отвечают признакам нормы права, поскольку они устанавливают не технические параметры, а правила поведения, права и обязанности участников правоотношений, процедурные сроки и юридически значимые последствия.

Отмеченное продемонстрируем на примерах:

1. Пункты, закрепляющие субъективные права и юридические обязанности:

— п. 4.5 закрепляет обязанности потребителя при обнаружении дефекта: «Потребитель при обнаружении дефекта... обязан: – прекратить эксплуатацию изделия; – задокументировать дату, основные признаки проявления дефекта...; – обеспечить хранение изделия в условиях, предотвращающих ухудшение его технического состояния...; – направить уведомление о вызове представителя поставщика»;

— п. 5.5.2 устанавливает обязанность поставщика: «Поставщик изделия... по требованию заказчика... обязан в сроки... устранить дефект в изделии или отремонтировать (восстановить, заменить) изделие, в котором он обнаружен, или повторно выполнить работы (оказать услуги), независимо от причин появления дефекта... или возникших разногласий в оценке их происхождения»;

— п. 5.5.5 предусматривает право потребителя: «Потребитель вправе, согласовав с поставщиком объем и стоимость выполняемых работ, устранить дефект своими силами и средствами с последующим расчетом со стороны поставщика».

2. Пункты, устанавливающие процедурные сроки:

— п. 5.1.3: «Уведомление о вызове представителя поставщика... должно быть направлено (передано) поставщику не позднее чем через 24 ч... с момента обнаружения дефекта»;

— п. 5.1.6: «Представитель одного поставщика... обязан явиться по вызову потребителя не позднее чем через 24 ч с момента получения уведомления... Иногородный поставщик должен обеспечить прибытие к потребителю своего представителя... не позднее чем через четверо суток с момента получения уведомления»;

— п. 5.3.8: «Срок исследования изделия, согласования и утверждения акта исследования не должен превышать 20 суток со дня получения поставщиком изделия».

3. Пункты, закрепляющие процедуру разрешения споров:

— п. 5.4.1: «Разногласия, возникающие при предъявлении рекламаций... стороны рассматривают путем переговоров (с оформлением сов-

местных решений или, при необходимости, протокола разногласий) и разрешают в порядке, установленном действующим законодательством и контрактом»;

— п. 5.4.2: «Если при рассмотрении рекламационного акта или акта исследования возникли разногласия... то разногласия снимают совместным решением, принимаемым заказчиком и поставщиком изделия... Если разногласия между заказчиком, поставщиком и разработчиком изделия снять не удастся, то по решению заказчика проводится техническая экспертиза изделия соответствующей независимой экспертной организацией»;

— п. 5.4.4 определяет юридическую силу экспертного заключения: «Заказчик, поставщик и разработчик изделия используют это экспертное заключение для принятия окончательного согласованного решения по рекламации».

Приведенные положения ГОСТ РВ 0015-703-2019, очевидно, представляют собой правила поведения, регламентирующие последовательность, порядок и содержание действий участников правоотношений, возникающих при поставке продукции (выполнении работ, оказании услуг) военного назначения в случае выявления ее дефектов. Несоблюдение указанных требований может быть квалифицировано как ненадлежащее исполнение обязательств по государственному оборонному заказу.

Вышеизложенное позволяет утверждать, что ряд основополагающих положений государственных военных стандартов не устанавливает требований к продукции (работам, услугам), а непосредственно определяет правила поведения участников правоотношений в сфере государственного оборонного заказа, т.е. обладает признаками нормы права.

В качестве третьего критерия Верховный Суд РФ указывает, что нормативные правовые акты должны быть обязательны для неопределенного круга лиц. Принципиальная особенность государственных военных стандартов, сближающая их с ведомственными нормативными правовыми актами, на наш взгляд заключается в их обязательной юридической силе, которая прямо установлена федеральным законодательством. В отличие от стандартов гражданского назначения, применяемых на добровольной основе, документы по стандартизации оборонной продукции носят императивный характер. Часть 2 статьи 6 Федерального закона «О стандартизации в Российской Федерации» устанавливает: «Применение документов по стандартизации в отношении продукции (работ, услуг), используемой в целях обеспечения обороны страны и безопасности государства, а также в отношении объектов стандартизации, связанных с использованием атом-

ной энергии, является обязательным для органов государственного управления, государственных заказчиков, организаций оборонно-промышленного комплекса и иных организаций, участвующих в выполнении государственного оборонного заказа».

Кроме того, согласно пункту 5 Положения о стандартизации в отношении оборонной продукции, утвержденного постановлением Правительства РФ от 30 декабря 2016 г. № 1567, стандартизация оборонной продукции основывается на принципе «обязательности применения и исполнения документов по стандартизации оборонной продукции в отношении объектов стандартизации». Это принципиально отличает военные стандарты от стандартов гражданского назначения, применение которых в силу пункта 1 статьи 4 Федерального закона «О стандартизации в Российской Федерации» является добровольным. Таким образом, законодатель напрямую закрепил обязательность исполнения государственных военных стандартов. Военные стандарты распространяют свое действие на всех участников деятельности по стандартизации оборонной продукции. Указанное соответствует признакам нормативного правового акта, содержащего общеобязательные предписания, обеспеченные возможностью государственного принуждения.

В качестве четвертого критерия Верховный Суд РФ указывает, что нормативные правовые акты подразумевают неоднократность их применения и направленность на урегулирование общественных отношений.

Правовая конструкция положений государственных военных стандартов (в частности, приведенных выше положений ГОСТ РВ 0015-703-2019) рассчитана на установление единых для всех участников правоотношений правил поведения, действующих на всей территории Российской Федерации в течение неопределенного периода времени (на срок действия стандарта). Указанное свидетельствует о том, что военные стандарты, несомненно, рассчитаны на неоднократное применение и направлены на урегулирование общественных отношений.

В целом проведенное сопоставление государственных военных стандартов с базовыми критериями нормативного правового акта, сформулированными Верховным Судом РФ, свидетельствует о том, что по своему содержательному наполнению многие из них фактически отвечают совокупности этих критериев. Закрепляя императивные предписания, регулируя поведение неограниченного круга субъектов и будучи ориентированными на неоднократную реализацию, данные стандарты вписываются в доктринальные рамки нормативного акта, за исключением одного аспекта — порядка их принятия. Их утверждение

осуществляется не тем государственным органом, который наделен компетенцией по изданию нормативных правовых актов в соответствующей сфере, и не в той процедуре, которая для таких актов установлена законом.

Следует отметить, что в Постановлении от 11 ноября 1996 г. № 781-II ГД Государственная Дума РФ воспроизводит устоявшийся доктринальный подход к определению понятия «нормативный правовой акт»: «...это письменный официальный документ, принятый (изданный) в определенной форме правотворческим органом в пределах его компетенции и направленный на установление, изменение или отмену правовых норм. Под правовой нормой принято понимать общеобязательное государственное предписание постоянного или временного характера, рассчитанное на многократное применение». Следовательно, формальные процедурные различия, обусловленные спецификой разграничения компетенции между ведомствами, не могут служить достаточным основанием для отрицания нормативной правовой природы ряда государственных военных стандартов. Сущностные характеристики содержащихся в них предписаний указывают на их принадлежность к системе источников российского права.

В сложившейся системе правового регулирования поставок продукции военного назначения используется комплекс иерархически выстроенных актов, отвечающих ключевым признакам нормативных правовых актов, однако по субъекту и процедуре принятия таковыми не являющихся.

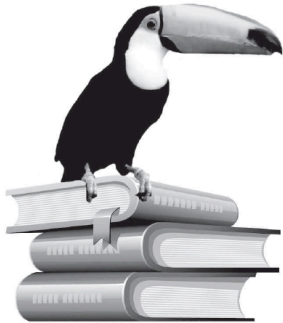
В заключение следует подчеркнуть, что участники правоотношений в сфере государственного оборонного заказа действуют в условиях правовой неопределенности: либо государственные военные стандарты выходят за пределы отведенной им сферы правового регулирования, либо устоявшийся доктринальный подход к их правовой природе не учитывает особенностей регулирования данной области. В последнем случае из сферы нормативного регулирования исключается целый ряд основополагающих норм, *de facto* регулирующих отношения, но *de jure* не признаваемых нормами права.

Список литературы:

[1] Ушаков Е. Ю., Ковинько А. И. Стандартизация оборонной продукции – основа обеспечения заданного качества вооружения, военной и специальной техники // Военная мысль. – 2021. – № 4. – С. 29–38.

References:

[1] Ushakov E. Yu., Kovinko A. I. Standardization of defense products is the basis for ensuring the specified quality of weapons, military

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА И ПРАВООЗАЩИТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Дата поступления рукописи в редакцию: 05.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 01.09.2026 г.

DOI: 10.24412/2224-9133-2026-8-61-66

КОВАЛЕВ Олег Геннадьевич,
доктор
юридических наук, кандидат психологических
наук, профессор, главный научный сотрудник
ФКУ научно-исследовательский институт
ФСИН России,
e-mail: okovalev66@gmail.com

ПРАВО ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ НА ПРОЖИВАНИЕ ЗА ПРЕДЕЛАМИ ИСПРАВИТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ (ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И ПОРЯДОК РЕАЛИЗАЦИИ)

Аннотация. Целью исследования выбрано регламентированное уголовно-исполнительным законом и ведомственными правовыми актами Минюста и ФСИН России право осужденных, отбывающих уголовное наказание в виде лишения свободы на проживание за пределами исправительного учреждения уголовно-исполнительной системы, а также установленный порядок его реализации администрацией ИУ УИС. Для ее выполнения применялись принцип диалектического познания, статистический и аналитический методы, включенное наблюдение. Анализировались законодательные и ведомственные правовые акты, научные публикации, а также материалы, раскрывающие правовое, организационное и психологическое содержание проживания взрослых и несовершеннолетних осужденных за пределами исправительных и воспитательных колоний. Одним из современных достижений гуманизации исполнения уголовных наказаний, и в первую очередь такой его строгой меры (вида) вида, как лишение свободы, регламентированное статьей 56 УК РФ, является предоставление осужденным права проживания в установленном порядке за пределами ИУ УИС. Проживание осужденных к лишению свободы за пределами ИУ опирается не только на правовые и организационные, но и на специфические психологические механизмы, часто позитивно влияющие на психические процессы, свойства и состояния осужденных, способствующие их успешной социальной адаптации и закреплению цели исправления. Нормативный институт проживания взрослых и несовершеннолетних осужденных, отбывающих наказание в ИК, КП и ВК можно рассматривать в качестве элемента прогрессивной системы отбывания лишения свободы. Модернизируется его правовое обеспечение, порядок предоставления рассматриваемого права осужденных, а также его психологическое содержание, напрямую влияющее на эффективность социальной адаптации осужденных к освобождению их ИУ и встраивания в законопослушную жизнь после отбытия лишения свободы. Правовые, организационные и психологические механизмы реализации администрациями ИК, КП и ВК права осужденных к лишению свободы на проживание за пределами ИУ регламентировано отечественным уголовно-исполнительным законодательством (статьями 97, 129 УИК РФ), а также разделом 18 (пунктами 298-303) ПВР ИУ УИС. Главной целью проживания осужденных за пределами ИУ является обеспечение их успешной социальной адаптации, выступающей одной из основных задач национального уголовно-исполнительного законодательства. Существуют и активно реализуются в отечественной пенитенциарной практике правовые, организационные и психологические механизмы, выявленные и описанные в ходе проведенного междисциплинарного теоретико-эмпирического исследования.

Ключевые слова: лишение свободы, право осужденных, проживание за пределами, исправительные колонии, воспитательные колонии, исправительные учреждения, уголовно-исполнительная система, социальная адаптация.

THE RIGHT OF PERSONS SENTENCED TO IMPRISONMENT TO LIVE OUTSIDE A CORRECTIONAL INSTITUTION (LEGAL REGULATION AND IMPLEMENTATION PROCEDURE)

Annotation. The purpose of the study is the right of convicts serving a criminal sentence in the form of imprisonment to reside outside a correctional institution of the penal system, regulated by the penal enforcement law and departmental legal acts of the Ministry of Justice and the Federal Penitentiary Service of Russia, as well as the established procedure for its implementation by the administration of the Penitentiary Institution. To carry it out, the principle of dialectical cognition, statistical and analytical methods, and included observation were applied. Legislative and departmental legal acts, scientific publications, as well as materials revealing the legal, organizational and psychological content of the residence of adult and juvenile convicts outside correctional and educational colonies were analyzed. One of the modern achievements in humanizing the execution of criminal punishments, and first of all such a strict measure (type) of its type as deprivation of liberty, regulated by Article 56 of the Criminal Code of the Russian Federation, is granting convicts the right to reside in accordance with the established procedure outside the Penitentiary Institution. The residence of persons sentenced to imprisonment outside the prison is based not only on legal and organizational, but also on specific psychological mechanisms, which often positively affect the mental processes, properties and conditions of convicts, contributing to their successful social adaptation and consolidation of the goal of correction. The normative institution of accommodation for adult and juvenile convicts serving sentences in the Penal Colony, KP and VK can be considered as an element of a progressive system of serving imprisonment. Its legal provision, the procedure for granting the right in question to convicts, as well as its psychological content, are being modernized, which directly affects the effectiveness of convicts' social adaptation to their release and integration into a law-abiding life after serving their imprisonment. The legal, organizational and psychological mechanisms for the implementation by the administrations of the IC, KP and VK of the right of persons sentenced to imprisonment to reside outside the Penal colony are regulated by domestic penal enforcement legislation (Articles 97, 129 of the Criminal Code of the Russian Federation), as well as section 18 (paragraphs 298-303) of the Law Enforcement Code of the Russian Federation. The main purpose of convicts living outside the prison is to ensure their successful social adaptation, which is one of the main tasks of the national penal enforcement legislation. There are legal, organizational, and psychological mechanisms that have been identified and described in the course of an interdisciplinary theoretical and empirical study and are being actively implemented in domestic penitentiary practice.

Key words: deprivation of liberty, the right of convicts, living outside, correctional colonies, educational colonies, correctional institutions, penal system, social adaptation.

Введение. Одним из современных достижений гуманизации исполнения уголовных наказаний, и в первую очередь такой его строгой меры (вида) вида, как лишение свободы, регламентированного статьей 56 Уголовного кодекса Российской Федерации, является предоставление осужденным права проживания в установленном порядке за пределами ИУ УИС [1]. Законодательное и ведомственное нормативное правовое закрепление данного права, несомненно подтверждает позитивные тенденции, происходящие в современной национальной уголовно-исполнительной политике [2, с. 26-32].

Создает объективные предпосылки испол-

нения лишения свободы на мировом уровне, в соответствии с ратифицированными Российской Федерацией международными пенитенциарными стандартами [3, с. 126-133].

С другой стороны, проживание осужденных к лишению свободы за пределами ИУ опирается и на специфические психологические механизмы, часто позитивно влияющие на психические процессы, свойства и состояния осужденных, способствующие их успешной социальной адаптации и закреплению цели исправления. Данное направление является предметом изучения пенитенциарной психологии в процессе использования научного аппарата и методов исследования

[4, с. 103-110].

Таким образом, отраженный в современном национальном уголовно-исполнительном законодательстве и ведомственных правовых актах Минюста и ФСИН России нормативный институт проживания взрослых и несовершеннолетних осужденных, отбывающих наказание в исправительных колониях, колониях-поселениях и воспитательных колониях (далее ИК, КП и ВК) можно рассматривать в качестве элемента прогрессивной системы отбывания лишения свободы. Несмотря на модернизацию его правового обеспечения, порядок предоставления рассматриваемого права осужденных, а также его психологическое содержание, напрямую влияющее на эффективность социальной адаптации осужденных к освобождению их ИУ и встраивания в законопослушную жизнь после отбытия лишения свободы, нуждается в специальном комплексном междисциплинарном теоретико-эмпирическом анализе.

Методы и принципы исследования. Для изучения регламентированного уголовно-исполнительным законом и ведомственными правовыми актами Минюста и ФСИН России права осужденных к лишению свободы на проживание за пределами исправительного учреждения уголовно-исполнительной системы (далее ИУ УИС), а также установленного порядка его реализации администрацией ИУ УИС, применялись принцип диалектического познания, статистический и аналитический методы, включенное наблюдение. Анализировались законодательные и ведомственные правовые акты, научные публикации, а также материалы, раскрывающие правовое, организационное и психологическое содержание проживания взрослых и несовершеннолетних осужденных за пределами исправительных и воспитательных колоний.

Основные результаты. Осуществленный научный анализ темы исследования показал, что правовые, организационные и психологические механизмы реализации администрациями ИК, КП и ВК права осужденных к лишению свободы на проживание за пределами ИУ регламентировано отечественным уголовно-исполнительным законодательством (статьями 97, 129 УИК РФ), а также разделом 18 (пунктами 298-303) Правил внутреннего распорядка (далее ПВР ИУ УИС), объявленных Приказом Минюста России от 04.07.2022 г. № 110 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы».

Законодатель определил, что главной целью проживания осужденных за пределами ИУ является обеспечение их успешной социальной адап-

тации, выступающей одной из основных задач национального уголовно-исполнительного законодательства [5, с. 81-83]. При этом, законодатель распространяет данное право осужденных к лишению свободы, отбывающих его в облегченных условиях ИК общего режима, льготных условиях ВК и КП.

К основным документам, запускающим процедуру реализации анализируемого права осужденных, относятся: заявление осужденного и постановление начальника ИК или лица, его замещающего. Указанное заявление подается осужденным к лишению свободы, содержащимся в облегченных условиях ИК общего режима за шесть месяцев до окончания срока наказания. Такое заявление может быть удовлетворено начальником учреждения или лицом, его замещающим, а осужденный получить право на проживание и работу за пределами ИК [6, с. 355-360]. Вместе с тем, осужденному может быть отказано в таком праве. В таком случае он содержится совместно с другими осужденными к лишению свободы, пользующимися правом передвижения без конвоя или сопровождения.

Важным правовым механизмом является законодательное закрепление за осужденным, отбывающим лишение свободы в колонии общего режима в облегченных условиях, не только его права на проживание за пределами учреждения, но и проживание совместно с семьей или детьми. В жилых помещениях, находящихся в их собственности или пользовании (например, по договору долгосрочной аренды или государственного найма) [7]. В данном случае законодатель сделал справедливый и обоснованный нормативный акцент на возможности осуществления полноценного, среднесрочного и долгосрочного социального контакта осужденного к лишению свободы с его близкими родственниками в тех материально-бытовых условиях, в которых будет происходить его жизнедеятельность после освобождения из ИУ.

Другим организационно-правовым механизмом порядка реализации права осужденных, содержащихся в облегченных условиях в ИК общего режима, льготных условиях ВК, а также в КП на проживание за пределами ИУ, в том числе совместно с семьей и детьми, является оформление им администрацией учреждения соответствующего пропуска, дающего права покидать территорию ИУ. Выдаче такого пропуска предшествует объявление под расписку накладываемых на них обязанностей и запретов, установленных в пунктах 309 и 310 ПВР УИС, которая приобщается к личному делу осужденного к лишению свободы [8]. Данная расписка служит своеобразным дисциплинирующим их поведение за пределами учреждения документом, профилактирующим

возможное противоправное поведение осужденных, нарушение установленного порядка и требований предоставления права проживания за пределами ИУ.

Аналогично реализуется анализируемое право в КП, где осужденным, не допускающим нарушений установленного порядка отбывания наказания и имеющим семьи, по постановлению начальника учреждения или лица, его замещающего, может быть разрешено проживания за пределами КП со своими семьями. При этом проживание допускается на арендованной жилой площади, а также находящейся в собственности осужденных и членов их семей в пределах муниципального образования, на территории которого расположена КП [9].

Более гуманно и демократично законодатель подошел к регламентации проживания осужденных, отбывающих наказание в льготных условиях ВК, предоставив им возможность, по постановлению начальника ВК или лица, его замещающего, проживание в общежитии за пределами ВК без охраны, но под надзором администрации ВК. При этом указанной категории осужденных ВК разрешается пользоваться деньгами и носить гражданскую одежду [10]. Безусловно, подобный подход к регулированию права осужденных, отбывающих наказание в ВК, содержащихся в льготных условиях, и особенно несовершеннолетних и лиц молодежного возраста, оказывает на них сильное позитивное воспитательно-профилактическое воздействие. Формирует и развивает позитивные психологические характеристики, среди которых особо выделяются правосознание и правовая культура [11, с. 290-295]. Способствует профилактике их противоправного поведения, предупреждению повторного совершения преступлений [12, с. 290-295].

Таким образом, рассмотренные организационно-правовые и психологические механизмы порядка реализации права осужденных к лишению свободы на проживание за пределами ИУ УИС являются важным элементом гуманизации современной отечественной уголовно-исполнительной политики в сфере исполнения лишения свободы как одной из уголовной мер (вида) наказания закрепленного в уголовном законодательстве Российской Федерации.

Обсуждение. Результаты исследования обсуждались на следующих научно-практических форумах, где автор выступал с докладами:

VIII Международной научно-практической конференции «Пенитенциарная система и общество: опыт взаимодействия», состоявшейся в ФКОУ ВО Пермский институт ФСИН России 13.04.2021 г. Доклад на тему «Взаимодействие органов прокуратуры с общественными наблюдательными комиссиями при осуществлении над-

зора за законностью исполнения уголовных наказаний»;

V Международном пенитенциарном форуме «Преступление, наказание, исправление» (приуроченном к проведению в 2021 году в Российской Федерации Года науки и технологий), состоявшемся 17-19.10.2021 г. в Академии ФСИН России. Доклад на тему «Организация и методика проведения прокурорских проверок в исправительных колониях уголовно-исполнительной системы в условиях ее реформирования»;

10 Международной научно-практической конференции «Пенитенциарная система и общество: опыт взаимодействия» в Пермском институте ФСИН России 15.04.2023. Доклад на тему: «Современная оперативно-розыскная политика в УИС и ее влияние на комплексное обеспечение безопасности пенитенциарных учреждений»;

6 Международном пенитенциарном форуме «Преступление, наказание, исправление», приуроченном к 30-летию со дня принятия Конституции Российской Федерации и Закона Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации», состоявшемся в Академии ФСИН России 15.11.2023. Доклад на тему: «Значение прокурорского надзора при реализации основных направлений деятельности уголовно-исполнительной системы на современном этапе ее развития»;

XI Международной научно-практической конференции «Пенитенциарная система и общество: опыт взаимодействия», посвященной 145-летию уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, состоявшейся в ФКОУ ВО Пермский институт ФСИН России 05.04. 2024 г., на секции «Правовое регулирование деятельности подразделений УИС по обеспечению режима, охраны и конвоирования». Доклад на тему: «Особенности деятельности оперативных подразделений по обеспечению режима исправительных учреждений».

Заключение. Одним из современных достижений гуманизации исполнения уголовных наказаний, и в первую очередь такой его строгой меры (вида) вида, как лишение свободы, регламентированного статьей 56 УК РФ, является предоставление осужденным права проживания в установленном порядке за пределами ИУ УИС.

Проживание осужденных к лишению свободы за пределами ИУ опирается не только на правовые и организационные, но и на специфические психологические механизмы, часто позитивно влияющие на психические процессы, свойства и состояния осужденных, способствующие их успешной социальной адаптации и закреплению цели исправления.

Нормативный институт проживания взрос-

лых и несовершеннолетних осужденных, отбывающих наказание в ИК, КП и ВК можно рассматривать в качестве элемента прогрессивной системы отбывания лишения свободы. Модернизируется его правовое обеспечение, порядок предоставления рассматриваемого права осужденных, а также его психологическое содержание, напрямую влияющее на эффективность социальной адаптации осужденных к освобождению их ИУ и встраивания в законопослушную жизнь после отбытия лишения свободы.

Правовые, организационные и психологические механизмы реализации администрациями ИК, КП и ВК права осужденных к лишению свободы на проживание за пределами ИУ регламентировано отечественным уголовно-исполнительным законодательством (статьями 97, 129 УИК РФ), а также разделом 18 (пунктами 298-303) ПВР ИУ УИС. Главной целью проживания осужденных за пределами ИУ является обеспечение их успешной социальной адаптации, выступающей одной из основных задач национального уголовно-исполнительного законодательства.

Существуют и активно реализуются в отечественной пенитенциарной практике правовые, организационные и психологические механизмы, выявленные и описанные в ходе проведенного междисциплинарного теоретико-эмпирического исследования.

Список литературы:

- [1] Уголовное право России. Особенная часть: Учебник / Ковалев О.Г., Баев О.Я. Москва, 2007.
- [2] Ковалев О.Г. Применение уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации и международно-правовых актов в условиях современной уголовно-исполнительной политики // Право и управление. 2025. № 7. С. 26-32.
- [3] Вилкова А.В., Ковалев О.Г. Исполнение наказаний на мировом уровне: перспективы развития // В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание. ФКУ НИИ ФСИН России. Москва. 2022. С. 126-133.
- [4] Ковалев О.Г., Кротова Д. Н. Методы исследования в пенитенциарной психологии // В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание. Москва, 2025. С. 103-110.
- [5] Ковалев О.Г. Педагогические и правовые проблемы социальной адаптации осужденных // Перспективы науки. 2024. № 9 (180). С. 81-83.
- [6] Ковалев О.Г. К вопросу соблюдения прав осужденных, отбывающих лишение свободы в исправительных колониях общего режима // Право и управление. 2026. № 1. С. 355-360.
- [7] Комментарий к уголовно-исполнитель-

ному кодексу Российской Федерации (постатейный) // Бриллиантов А.В., Геранин В.В., Зубарев С.М., Дубровицкий Л.П., Епанешников В.С., Казакова В.А., Ковалев О.Г., Куденев С.В., Лысягин О.Б., Лядов Э.В., Михлин А.С., Селиверстов В.И., Филимонов О.В. Москва, 2011.

[8] Комментарий к уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации / Бриллиантов А.В., Геранин В.В., Зубарев С.М., Дубровицкий Л.П., Епанешников В.С., Казакова В.А., Ковалев О.Г., Куденев С.В., Лысягин О.Б., Лядов Э.В., Михлин А.С., Филимонов О.В., Селиверстов В.И. (постатейный) / Москва, 2008. 448 с.

[9] Комментарий к уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации / Трунов И.Л., Филимонов О.В., Айвар Л.К., Михлин А.С., Гришко А.Я., Гейхман В.Л., Ковалев О.Г., Толкаченко А.А., Трунцевский Ю.В., Лобов Я.В., Самойлов А.С., Шабанов Г.Х., Шарапов С.Н., Середа Е.В., Казакова В.А. Москва, 2006. 148 с.

[10] Приказ Министерства юстиции РФ от 4 июля 2022 г. № 110 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы» // Garant.ru (дата обращения 24.06.2026).

[11] Ковалев О.Г. Теоретико-правовые вопросы междисциплинарного изучения правосознания осужденных молодежного возраста и перспективы использования в отечественной пенитенциарной практике // Российский научный вестник. 2025. № 2. С. 328-333.

[12] Ковалев О.Г., Мельникова О.В. Профилактика повторных преступлений несовершеннолетних осужденных: вопросы теории и пенитенциарной практики // Российский научный вестник. 2025. № 6. С. 290-295.

References:

- [1] Russian criminal law. The special part: The Tutorial / Kovalev O.G., Baev O.Ya. Moscow, 2007.
- [2] Kovalev O.G. Application of the penal enforcement legislation of the Russian Federation and international legal acts in the context of modern penal enforcement policy // Law and management. 2025. No. 7. pp. 26-32.
- [3] Vilkova A.V., Kovalev O.G. The execution of punishments at the global level: development prospects // In the collection: Scientific papers of the Federal Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication. Federal State Budgetary Institution of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Moscow. 2022. pp. 126-133.
- [4] Kovalev O.G., Krotova D. N. Research methods in penitentiary psychology // In the

collection: Scientific papers of the Federal Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication. Moscow, 2025. pp. 103-110.

[5] Kovalev O.G. Pedagogical and legal problems of social adaptation of convicts // Perspectives of science. 2024. No. 9 (180). pp. 81-83.

[6] Kovalev O.G. On the issue of observing the rights of convicts serving imprisonment in correctional colonies of the general regime // Law and Administration. 2026. No. 1. pp. 355-360.

[7] Commentary to the Penal Enforcement Code of the Russian Federation (article by article) // Brilliantov A.V., Geranin V.V., Zubarev S.M., Dubrovitsky L.P., Epaneshnikov V.S., Kazakova V.A., Kovalev O.G., Kudeneev S.V., Lysyagin O.B., Lyadov E.V., Mikhlin A.S., Seliverstov V.I., Filimonov O.V. Moscow, 2011.

[8] Commentary to the Penal Enforcement Code of the Russian Federation / Brilliantov A.V., Geranin V.V., Zubarev S.M., Dubrovitsky L.P., Epaneshnikov V.S., Kazakova V.A., Kovalev O.G., Kudeneev S.V., Lysyagin O.B., Lyadov E.V., Mikhlin A.S., Filimonov O.V., Seliverstov V.I. (article-by-

article) / Moscow, 2008. 448 p.

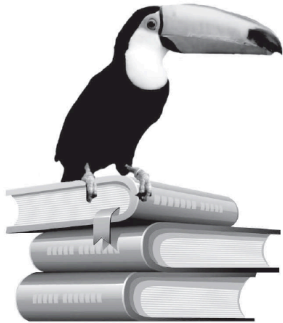
[9] Commentary to the Penal Enforcement Code of the Russian Federation / Trunov I.L., Filimonov O.V., Aivar L.K., Mikhlin A.S., Grishko A.Ya., Geikhman V.L., Kovalev O.G., Tolkachenko A.A., Truntsevsky Yu.V., Lobov Ya.V., Samoilov A.S., Shabanov G.Kh., Sharapov S.N., Sereda E.V., Kazakova V.A. Moscow, 2006. 148 p.

[10] Order No. 110 of the Ministry of Justice of the Russian Federation dated July 4, 2022 "On Approval of the Internal Regulations of Pre-trial Detention Facilities of the Penal Correction System, the Internal Regulations of Correctional Institutions and the Internal Regulations of Correctional Centers of the Penal Correction system" // Garant.ru (accessed 06/24/2026).

[11] Kovalev O.G. Theoretical and legal issues of interdisciplinary study of the legal consciousness of youth convicts and prospects for use in domestic penitentiary practice // Russian Scientific Bulletin. 2025. No. 2. pp. 328-333.

[12] Kovalev O.G., Melnikova O.V. Prevention of repeated crimes of juvenile convicts: issues of theory and penitentiary practice // Russian Scientific Bulletin. 2025. No. 6. pp. 290-295.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

АДИАТУЛЛИН Рустем Искандерович,
второй отдел по расследованию особо важных
дел следственного управления Следственного
комитета РФ по РТ (г. Казань), руководитель,
e-mail: mail@law-books.ru

ГОСУДАРСТВЕННО-ПАТЕРНАЛИСТСКАЯ МОДЕЛЬ ЗАЩИТЫ ПРАВ ОБВИНЯЕМОГО В ИСТОРИИ РОССИЙСКОГО ПРОЦЕССА: ИСТОКИ СИСТЕМНОГО ПРОТИВОРЕЧИЯ ИНСТИТУТА ОБВИНИТЕЛЬНОГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Аннотация. В статье на основе введенной категории «законодательная модель принятия обвинительных решений» представлен историко-правовой анализ генезиса института обвинительного заключения в России в X-XIX веков. Автором установлена нелинейность эволюции института, включающая этап институционального регресса в инквизиционный период, и выявлено системное противоречие между декларируемой целью защиты прав обвиняемого и государственно-патерналистским методом ее обеспечения (монополией государства на формирование обвинения). Доказано, что данное историческое противоречие объективно воспроизводится в современной российской модели обвинительного заключения, определяя ее качественное отличие от зарубежных аналогов и обуславливая необходимость дальнейшего поиска путей повышения эффективности данного процессуального института.

Ключевые слова: обвинительное заключение, история уголовного процесса России законодательная модель, стандарт доказывания, инквизиционный процесс, технологический суверенитет, государственно-патерналистская модель, состязательность сторон.

ADIATULLIN Rustem I.,
head of the second department for the investigation
of particularly important cases in the investigative
department of the Investigative Committee of
the Russian Federation for the Republic of
Tatarstan (Kazan)

THE STATE-PATERNALISTIC MODEL OF PROTECTING THE RIGHTS OF THE ACCUSED IN THE HISTORY OF RUSSIAN LEGAL PROCEEDINGS: THE ORIGINS OF THE SYSTEMIC CONTRADICTIONS OF THE INDICTMENT INSTITUTION

Annotation. Based on the introduced category of the “legislative model of making accusatory decisions,” the article presents a historical and legal analysis of the genesis of the institution of the indictment in Russia in the 10th–19th centuries. The author establishes the non-linear nature of the institution’s evolution, which includes a stage of institutional regression during the inquisitorial period, and identifies a systemic contradiction between the declared goal of protecting the rights of the accused and the state-paternalistic method of ensuring it (the state’s monopoly on forming the accusation). It has been proven that this historical contradiction is objectively reproduced in the modern Russian model of the indictment, determining its qualitative difference from foreign counterparts and necessitating further search for ways to improve the effectiveness of this procedural institution.

Key words: indictment, history of the criminal process in Russia, legislative model, standard of proof, inquisitorial process, technological sovereignty, state-paternalistic model, adversarial nature of the parties.

ВВЕДЕНИЕ

Институт обвинительного заключения, являясь центральным элементом досудебного производства, в современной российской доктрине и практике подвергается критике за формализм и обвинительный уклон, истоки которых требуют историко-правового осмысления. В статье на основе введенной категории «законодательная модель принятия обвинительных решений» обосновывается наличие исторически обусловленного системного противоречия: декларируемая гуманизация судопроизводства и защита прав обвиняемого обеспечиваются государственно-патерналистским методом – монополией государства на формирование обвинения. Доказывается, что эволюция института носила нелинейный характер и включала этап институционального регресса в инквизиционном процессе (XVII–XVIII вв.), когда самостоятельный обвинительный акт исчезал, а функции обвинения, защиты и разрешения дела сливались; заложенное в этот период противоречие объективно воспроизводится в современной российской модели, определяя ее качественное отличие от зарубежных аналогов и обуславливая необходимость поиска путей повышения эффективности данного процессуального института.

ЦЕЛЬ И ЗАДАЧИ

Цель исследования заключается в том, чтобы обосновать наличие исторически обусловленного системного противоречия в институте обвинительного заключения, заключающегося в несовпадении декларируемой гуманизации судопроизводства и государственно-патерналистского способа обеспечения прав обвиняемого. Для достижения обозначенной цели необходимо решить следующие задачи: раскрыть содержание категории «законодательная модель принятия обвинительных решений» как инструмента историко-правового анализа; проследить эволюцию данной модели в дореформенной России через призму четырех выделенных исторических периодов; выявить сквозные закономерности развития института; доказать нелинейный характер эволюции института, включавший этап институционального регресса в инквизиционном процессе. Историко-правовой анализ института обвинительного заключения в российском уголовном судопроизводстве необходим для решения двух типов исследовательских задач: ретроспективных и прогностических. Первые предполагают изучение генезиса и эволюции института, вторые – формирование методологической объяснительной основы, позволяющей понять современное функционирование института и предложить пути повышения его эффективности.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Методологическую основу исследования составляет историко-правовой подход, сочета-

ющий исторический метод для прослеживания эволюции института с X по XIX век, формально-догматический анализ и логико-юридическую интерпретацию правовых памятников в рамках авторской категории «законодательная модель принятия обвинительных решений», а также сравнительно-правовой (диахронный) метод и системно-структурный подход для выявления сквозных закономерностей развития и доказательства нелинейного характера этого процесса.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Институт обвинительного заключения в российском уголовном процессе содержит системное противоречие, заложенное еще на ранних этапах его формирования: декларируемую гуманизацию судопроизводства и защиту прав обвиняемого обеспечивали преимущественно государственно-патерналистские механизмы при ограниченном развитии процессуальной самостоятельности. Такое противоречие между целью (защита прав обвиняемого) и методом (монополия государства на формирование обвинения) наблюдается на всех этапах исторической эволюции института. Воспроизводство данного противоречия определяет особенности современной модели обвинительного заключения и ее качественное отличие от зарубежных аналогов, развивавшихся в направлении усиления процессуальных гарантий стороны защиты и расширения состязательных элементов.

Под государственно-патерналистскими механизмами в данном контексте понимается система процессуальных институтов, в которой защита прав обвиняемого обеспечивается преимущественно государственными органами (следователем, прокурором, судом) в рамках их контрольных и надзорных полномочий при минимальном участии самого обвиняемого и стороны защиты в формировании содержания обвинения. Термин «патернализм» отражает традиционную, исторически обусловленную идею об «отеческой» заботе государства о своих гражданах, когда монарх или государственная власть принимали на себя обязанность защищать подданных от произвола и несправедливости. Государство берет на себя функцию обеспечения прав обвиняемого через механизмы прокурорского надзора и судебного контроля, исходя из презумпции, что лицо, вовлеченное в уголовное судопроизводство, нуждается в защите со стороны публичной власти и не всегда способно самостоятельно эффективно отстаивать свои интересы.

Такая патерналистская модель содержит внутреннее противоречие: государство одновременно выступает и обвинителем, и защитником прав обвиняемого, что создает структурный конфликт интересов. Монополия государственных органов на формирование обвинения и контроль

за соблюдением прав обвиняемого превращается в своего рода препятствие обвиняемому в реализации его прав через активное процессуальное противодействие обвинению при содействии защитника. Таким образом, государственно-патерналистские механизмы, исторически направленные на защиту прав личности, в условиях несбалансированного развития состязательных начал приводят к ситуации, когда обвиняемый оказывается скорее объектом государственной опеки, чем полноправным субъектом процессуальных отношений. Именно это обстоятельство, на наш взгляд, обуславливает известное критическое отношение к институту обвинительного заключения в современном российском уголовном процессе [1, 3, 11].

Исследование генезиса законодательного регулирования обвинительного заключения в до-реформенный период в России (X-XIX вв.) требует определения базовой аналитической категории, позволяющей системно анализировать разнородный исторический материал от Русской Правды до Свода законов Российской империи. В качестве такой категории выступает «законодательная модель принятия обвинительных решений».

В настоящем исследовании под законодательной моделью принятия обвинительных решений понимается исторически обусловленная система правовых предписаний, регламентирующих процесс формирования, содержание, форму и порядок вынесения итогового обвинительного документа на досудебных стадиях уголовного судопроизводства, включающая определение компетентных органов и должностных лиц, требования к обоснованию обвинения, стандарты доказывания и процессуальное оформление решений.

Предложенная дефиниция позволяет выделить устойчивые элементы законодательной модели, эволюция которых прослеживается на протяжении исследуемого периода:

- субъектный состав (кто формулирует обвинение);
- процессуальная форма акта (наименование, структура, реквизиты);
- содержательные требования (описание деяния, доказательства, квалификация);
- стандарты доказывания (формальные доказательства vs. свободная оценка);
- процессуальное значение акта (самостоятельный документ или часть приговора);
- порядок принятия и обжалования решения.

Интересующий нас исторический период (X-XIX вв.) характеризуется, в частности, множественностью законодательных актов, различными типами процесса и формами государственного устройства. Это обуславливает необходимость специальной периодизации, позволяющей выделить качественно различные этапы развития ин-

ститута и проследить логику его эволюции в концептуальных рамках предложенной нами законодательной модели принятия обвинительных решений [7, 9].

Анализ правовых источников позволяет выделить четыре основных периода эволюции законодательной модели принятия обвинительных решений. Такое деление показывает, как изменение соотношения частного и публичного начал, процессуальной формы обвинения и стандартов доказывания последовательно подводит к появлению самостоятельного обвинительного акта как необходимого элемента справедливого уголовного судопроизводства [2, 4, 5, 6, 8, 12, 14, 15].

Период первый – частно-обвинительный процесс (X-XV вв.) – характеризуется пониманием обвинения как частного права потерпевшего, при котором обвинительный акт функционально тождественен исковому заявлению. Субъектом формирования обвинения выступает исключительно потерпевший (истец), тогда как государство не участвует в процессе уголовного преследования. Действует принцип «нет истца – нет процесса», определяющий зависимость возбуждения и продолжения производства по делу от воли частного лица. Процессуальной формой обвинительного акта служит первоначально устное заявление на суде (вече, княжеский суд), позднее трансформирующееся в исковую челобитную. Принципиальным является неразделенность обвинения в совершении преступного деяния и гражданско-правового иска о возмещении причиненного вреда [9].

Период второй – формирование публичного обвинения (XV – середина XVII вв.) – отмечен возникновением дуализма частного и публичного обвинения, при котором государство начинает выступать самостоятельным субъектом уголовного преследования. Законодательная модель этого периода характеризуется сосуществованием двух каналов инициирования уголовного процесса: частного обвинения посредством челобитной потерпевшего, применявшегося в отношении большинства преступлений, и публичного обвинения через извет, донос или произнесение формулы «слово и дело государево», предназначенного для преследования государственных преступлений. Появление института «государева сыска» (розыска) указывает на начало формирования публично-правовой природы уголовного преследования [10].

Период третий – господство розыскного (инквизиционного) процесса (середина XVII – конец XVIII вв.) – представляет собой поворотный этап в эволюции законодательной модели принятия обвинительных решений и характеризуется ослаблением обвинительного акта как самостоятельного правового института. Сущностью данного пе-

риода является слияние функций обвинения, защиты и разрешения дела в лице единого субъекта – следователя (судьи), что приводит к поглощению обвинительного акта приговором. Следователь одновременно выступает обвинителем, «защитником» (в патерналистском понимании) и лицом, выносящим приговор, что полностью исключает состязательность и независимую проверку обоснованности обвинения. Потерпевший утрачивает роль обвинителя и низводится до положения свидетеля или источника информации о преступлении. Господствующим становится принцип «судья – отец подсудимого», отражающий патерналистскую концепцию инквизиционного процесса, в рамках которой государство в лице следователя берет на себя обязанность установления истины и защиты интересов всех участников процесса, включая обвиняемого.

Период четвертый – кризис инквизиционной модели и поиск реформ (конец XVIII – 1864 гг.) – характеризуется осознанием недостатков розыскного процесса, попытками разделения функций обвинения и разрешения дела и формированием идеи самостоятельного обвинительного акта как необходимого элемента справедливого судопроизводства. Этот переходный период не создает завершенной законодательной модели, однако в нем формируются концептуальные и институциональные предпосылки судебной реформы 1864 г., без понимания которых появление обвинительного акта в Уставе уголовного судопроизводства было бы исторически необъяснимо [5, 7].

Анализ четырех периодов эволюции законодательной модели принятия обвинительных решений в дореформенный период позволяет выявить ряд закономерностей, имеющих методологическое значение для понимания современного состояния института обвинительного заключения.

Первая закономерность состоит в движении от частного к публичному началу в уголовном преследовании. Обвинение трансформируется из частного права потерпевшего, реализуемого в собственных интересах (период первый), через дуализм частного и публичного обвинения (период второй) к исключительно публичной функции государства (периоды третий и четвертый). Эта траектория отражает объективный процесс усиления государственной власти и осознания общественной опасности преступлений, требующих публичной реакции независимо от воли потерпевшего. Современное обвинительное заключение является актом публичного обвинения, составляемым следователем как представителем государства, однако потерпевший сохраняет право участвовать в уголовном преследовании (ст. 42 УПК РФ [13]), что свидетельствует о синтезе публичного и частного начал.

Вторая закономерность заключается в дви-

жении от слияния к разделению процессуальных функций обвинения, защиты и разрешения дела. В раннем периоде истец мог одновременно выступать и обвинителем, и судьей (на вече), в инквизиционном процессе следователь соединял функции обвинителя, защитника и судьи, что исключало объективность и справедливость. Постепенное осознание того, что беспристрастное правосудие невозможно, если одно лицо обвиняет и судит, привело к разделению этих функций между различными субъектами. Современное обвинительное заключение является документом стороны обвинения, который подлежит проверке и оспариванию в состязательном судебном разбирательстве, при этом суд не связан обвинением и оценивает его критически.

Третья закономерность отражает эволюцию процессуальной формы от устного обвинения к письменному и от тайного к гласному. Устная форма обвинения в частно-обвинительном процессе сменяется письменной формой, обеспечивающей определенность обвинения и возможность его документирования. Тайное письменное обвинение инквизиционного процесса, при котором обвиняемый не знал содержания обвинения до приговора, трансформируется в письменное публичное обвинение состязательного процесса, предъявляемое обвиняемому и обеспечивающее реализацию права на защиту. Современное обвинительное заключение представляет собой письменный документ, который обязательно предъявляется обвиняемому (ст. 222 УПК РФ), что гарантирует конституционное право знать, в чем лицо обвиняется.

Четвертая закономерность состоит в движении от иррациональных и формальных доказательств к свободной оценке доказательств по внутреннему убеждению. Ордалии и судебный поединок, основанные на идее «Божьего суда», сменяются системой формальных (легальных) доказательств с иерархией доказательств и принципом «признание – царица доказательств». Отказ от формальной теории доказательств связан с пониманием того, что истина не может быть установлена механически по заранее заданным правилам, а требует рациональной оценки всей совокупности доказательств компетентным субъектом. Современное обвинительное заключение содержит оценку доказательств следователем, основанную на его внутреннем убеждении, однако суд не связан этой оценкой и оценивает доказательства самостоятельно на основе принципа свободы оценки доказательств (ст. 17 УПК РФ).

Пятая закономерность заключается в усложнении содержания обвинения от простого описания деяния к мотивированному обвинению с развернутым анализом доказательств. Первоначально обвинение ограничивалось указанием на

факт причинения вреда («убил», «украл») без какой-либо юридической квалификации или обоснования. По мере развития законодательства появляется квалификация деяния по статьям закона, затем – перечисление доказательств, и наконец – мотивированное обвинение с анализом доказательств и обоснованием вывода о виновности. Современное обвинительное заключение содержит полный перечень обязательных элементов (ч. 1 ст. 220 УПК РФ), включая подробное описание фактических обстоятельств преступления, формулировку обвинения с указанием пункта, части, статьи Уголовного кодекса, перечень доказательств и обстоятельств, подлежащих доказыванию, что свидетельствует о высокой степени формализации и детализации содержания обвинительного документа.

Шестая закономерность, имеющая принципиальное методологическое значение, состоит в нелинейности исторического развития института. Эволюция законодательной модели принятия обвинительных решений не представляет собой поступательного прогрессивного движения, а включает периоды регресса. Во втором периоде наблюдается разделение обвинительного акта и приговора, свидетельствующее о формировании самостоятельного обвинительного документа, однако в третьем периоде происходит слияние обвинения и приговора, что означает исчезновение обвинительного акта как самостоятельного института. Лишь в четвертом периоде вновь начинается процесс разделения этих документов, завершающийся в результате судебной реформы 1864 г. созданием обвинительного акта в его современном понимании. Данная закономерность показывает, что инквизиционный процесс представляет собой регресс с точки зрения развития процессуальных гарантий прав обвиняемого, и любые попытки возврата к розыскным началам (например, через расширение полномочий следователя за счет судебного контроля) противоречат объективной логике эволюции состязательного процесса [7].

Выявленные закономерности позволяют сделать вывод, имеющий не только историко-описательное, но и теоретико-правовое значение: развитие законодательной модели принятия обвинительных решений в дореформенный период представляет собой процесс поиска такой процессуальной формы, при которой обвинение может существовать как самостоятельный, мотивированный и подлежащий проверке акт, ограничивающий государственное преследование правовыми рамками. История формирования обвинительного акта показывает, что его становление было связано не с простым усложнением процессуальной техники, а с постепенным утверждением фундаментального требования – отделения обви-

нения от функции разрешения дела и подчинения уголовного преследования гарантиям защиты. Именно поэтому исчезновение обвинительного акта в условиях инквизиционной модели следует рассматривать не как частную особенность отдельного этапа, а как показатель системной деформации уголовного процесса, при которой утрачиваются границы между обвинением, доказыванием и правосудием. Соответственно, возрождение обвинительного акта в предреформенный период и его последующее закрепление в результате судебной реформы 1864 г. выражают не просто институциональную модернизацию, а принципиальный переход к такой модели судопроизводства, в которой законность обвинения обеспечивается его процессуальной определенностью, предварительной текстуальной формой и возможностью судебной проверки. В этом состоит главный историко-правовой итог рассмотренной эволюции: обвинительный акт сформировался как юридическая форма, необходимая не только для организации уголовного преследования, но и для ограничения публичной власти в интересах справедливого правосудия.

Таким образом, анализ генезиса законодательной модели принятия обвинительных решений в дореформенный период в России (X-XIX вв.) подтверждает нашу гипотезу об исторически обусловленном системном противоречии между целью (защита прав обвиняемого) и методом (монополия государства на формирование обвинения). Это противоречие возникает во втором периоде, когда государство начинает выступать субъектом уголовного преследования; достигает кульминации в третьем периоде, когда следователь одновременно обвиняет и судит; частично разрешается в четвертом периоде через попытки введения прокурорского надзора и разделения функций, однако не устраняется полностью даже в результате судебной реформы 1864 г. Государственно-патерналистское понимание защиты прав обвиняемого, сформировавшееся в инквизиционном процессе, когда следователь рассматривался как «отец подсудимого», обязанный заботиться о его интересах, сохранилось и в пореформенный период, несмотря на введение состязательных начал.

Список литературы:

- [1] Абрамова, Л.Л. Типичные ошибки, допускаемые при производстве предварительного расследования, влекущие возвращение судьей (судом) уголовного дела в досудебное производство: аналитический обзор / Л.Л. Абрамова, Н.Г. Логинова, О.В. Меремьянина, М.В. Монида. – Красноярск: СибЮИ МВД России, 2018. – 52 с.
- [2] Амплеева, Т.Ю. История уголовного судопроизводства России (IX–XIX вв.): автореф. ...

д-ра юрид. наук / Т.Ю. Амплеева. – Москва, 2009. – 57 с.

[3] Андреева, А.Ю. К вопросу об основаниях возвращения уголовного дела прокурору судом / А.Ю. Андреева // Вопросы российской юстиции. – 2024. – № 31. – С. 144–147.

[4] Бабенко, В.Н. Особенности становления и развития системы правосудия в Древней Руси (IX–XII вв.) / В.Н. Бабенко, М.Б. Аверин // Вестник РПА. – 2020. – № 2. – С. 5–10.

[5] Бардеев, К.А. пытка как уголовно-правовой феномен: компаративистское исследование: автореф. ... канд. юрид. наук / К.А. Бардеев. – Краснодар, 2023. 2– 3 с.

[6] Владимирский-Буданов, М.Ф. Обзор истории русского права / М.Ф. Владимирский-Буданов. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1995. – 640 с.

[7] Загоскин Н.П. История права Московского государства / Н.П. Загоскин. – Казань, 1877.

[8] Коротких М. Г. Самодержавие и судебная реформа 1864 г. в России / М.Г. Коротких. – Воронеж, 1989.

[9] Мурадханов, К.Ю. Становление и развитие правового положения прокурора в уголовном судопроизводстве Российской империи / К.Ю. Мурадханов // История государства и права. – 2014. – № 10. – С. 47–49.

[10] Российское законодательство X–XVIII в. Судебная реформа. / под ред. О.И. Чистякова. – М.: Юридическая литература, 1991. Т. 8. – 495 с.

[11] Российское законодательство X–XX в. в 9-ти томах / под общей редакцией О.И. Чистякова. – М.: Юридическая литература, 1984. Т. 1: Законодательство Древней Руси. Т. 1 / ответственный редактор член-корреспондент АН СССР, доктор исторических наук профессор В. Л. Янин. 1984. – 430 с.

[12] Степанов-Егиянц, В.Г. Анализ некоторых распространенных ошибок при формулировании обвинения, ограничивающих право на защиту / В.Г. Степанов-Егиянц, Д.П. Чекулаев // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и Право. – 2022. – № 4. – С. 211–215.

[13] Стус, Н.В. Уголовно-судебное право России XII–XIX вв.: историко-юридическое исследование: автореф. ... д-ра юрид. наук / Н.В. Стус. – Белгород, 2015. – 56 с.

[14] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174–ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 24.12.2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.

[15] Упоров, И.В. Уголовно-процессуальные аспекты в Судебнике 1497 года: историко-правовой контекст / И.В. Упоров // Гуманитарный научный вестник. – 2022. – № 4. – С. 18–23. – URL: <http://naukavestnik.ru/doc/2022/04/UporovI.pdf> (дата обращения: 29.01.2026).

[16] Упоров, И.В. Уголовный процесс в русском централизованном государстве в середине и второй половине XVII века / И.В. Упоров // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2024. – № 9-5 (96). – С. 237–241.

References:

[1] Abramova, L.L. Typical mistakes made during the preliminary investigation, entailing the return of the criminal case by the judge (court) to pre-trial proceedings: analytical review/ L.L. Abramova, N.G. Loginova, O.V. Meremyanina, M.V. Monid. - Krasnoyarsk: SibYul of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2018. - 52 s.

[2] Ampleeva, T.Yu. History of criminal proceedings in Russia (IX-XIX centuries): author.... Dr. Jurid. Sciences/T.Yu. Ampleeva. - Moscow, 2009. - 57 p.

[3] Andreeva, A.Yu. On the question of the grounds for returning the criminal case to the prosecutor by the court/A.Yu. Andreeva // Issues of Russian justice. – 2024. – № 31. - S. 144-147.

[4] Babenko, V.N. Peculiarities of the formation and development of the justice system in Ancient Russia (IX-XII centuries)/V.N. Babenko, M.B. Averin // RPA Bulletin. – 2020. – № 2. - S. 5-10.

[5] Bardeev, K.A. Torture as a criminal law phenomenon: comparative research: author.... cand. jurid. Sciences/K.A. Bardeev. - Krasnodar, 2023. 2-3 s.

[6] Vladimirovsky-Budanov, M.F. Review of the History of Russian Law/M.F. Vladimirovsky-Budanov. - Rostov-on-Don: Phoenix, 1995. - 640 s.

[7] Zagoskin N.P. History of the law of the Moscow state/N.P. Zagoskin. - Kazan, 1877.

[8] Korotkikh M.G. Autocracy and judicial reform of 1864 in Russia/M.G. Korotkikh. - Voronezh, 1989.

[9] Muradkhanov, K.Yu. Formation and development of the legal status of the prosecutor in the criminal proceedings of the Russian Empire/K.Yu. Muradkhanov // History of the state and law. – 2014. – № 10. - S. 47-49.

[10] Russian legislation X-XVIII century. Judicial reform /Ed. O.I. Chistyakov. - M.: Legal literature, 1991. VOL. 8. - 495 p.

[11] Russian legislation of the X-XX century. in 9 volumes/under the general editorship of O.I. Chistyakov. - M.: Legal literature, 1984. Т. 1: Legislation of Ancient Russia. Т. 1/executive editor, corresponding member of the USSR Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor V. L. Yanin. 1984. - 430 s.

[12] Stepanov-Yegiyants, V.G. Analysis of some common errors in the formulation of charges that limit the right to defense/V.G. Stepanov-Yegiyants, D.P. Chekulaev // Modern science: current problems of theory and practice. Series: Economics and Law.

– 2022. – № 4. – С. 211-215.

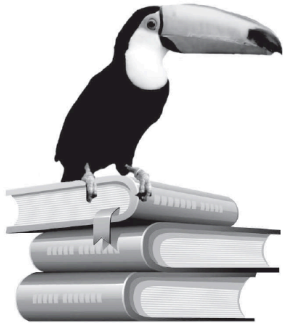
[13] Stus, N.V. Criminal law of Russia of the XII-XIX centuries: historical and legal research: author.... Dr. Jurid. Sciences/N.V. Stus. - Belgorod, 2015. - 56 s.

[14] Code of Criminal Procedure of the Russian Federation No. 18.12.2001 dated 174-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. - 24.12.2001. - No. 52 (part I). - Art. 4921.

[15] Uporov, I.V. Criminal procedural aspects

in the Judicial Code of 1497: historical and legal context/I.V. Uporov // Humanitarian Scientific Bulletin. – 2022. – № 4. – С. 18-23. – URL: <http://naukavestnik.ru/doc/2022/04/UporovI.pdf> (access date: 29.01.2026).

[16] Uporov, I.V. Criminal process in the Russian centralized state in the middle and second half of the 17th century/I.V. Uporov // International Journal of Humanities and Natural Sciences. – 2024. – № 9-5 (96). – С. 237-241.

**ЮРИДИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ЮРКОМПАНИ»**

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 31.07.2026 г.

DOI: 10.24412/2224-9133-2026-8-74-80

Дата принятия рукописи в печать: 01.09.2026 г.

ШЕЛКОВИЧ Максим Тимофеевич,
кандидат юридических наук, доцент кафедры
финансового права ФГБОУ ВО «Российский
государственный университет правосудия
им. В. М. Лебедева»,
e-mail.: shelkovich_mt@mail.ru

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНСТРУМЕНТОВ РЫНКА ЦЕННЫХ БУМАГ УЧАСТНИКАМИ БЮДЖЕТНОГО ПРОЦЕССА: ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ НОРМ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА № 195-ФЗ ОТ 26.06.2026

Аннотация. В условиях текущего дефицита федерального бюджета рассматриваются различные способы его финансирования, прежде всего с использованием долговых инструментов фондового рынка. Проанализированы правовые возможности расширения заимствований участниками бюджетного процесса, их правовые риски в рассматриваемых отношениях. В этой связи, особое внимание уделяется новациям, введенным Федеральным законом от 26 июня 2026 г. № 195-ФЗ, которые представляют собой важный шаг в направлении расширения объема источников финансирования внутреннего дефицита федерального бюджета исключительно на текущий, 2026 год. Исследуются особенности использования расширенных возможностей эмиссии государственных ценных бумаг в рамках рассматриваемой новации.

Ключевые слова: ценная бумага, купонный доход, бюджетный процесс, ОФЗ, профессиональный участник рынка ценных бумаг, финансирование дефицита бюджета.

SHELKOVICH Maksim Timofeevich,
Associate Professor of the Department of Financial
Law in the Russian State University of Justice
after V. M. Lebedev

USE OF SECURITIES MARKET INSTRUMENTS BY PARTICIPANTS OF THE BUDGETARY PROCESS: LEGAL ANALYSIS OF FEDERAL LAW NO. 195-FZ OF 26.06.2026

Annotation. In the context of the current federal budget deficit, various ways of financing it has been considered, primarily through the use of debt instruments on the stock market. The legal possibilities of expanding borrowing by participants in the budget process and their legal risks in the relations under consideration have been analyzed. In this regard, special attention is paid to the innovations introduced by Federal Law No. 195-FZ of June 26, 2026, which represent an important step towards expanding the sources of financing the internal deficit of the federal budget exclusively for the current year, 2026. The article explores the features of using the expanded possibilities for issuing government securities under the innovation in question.

Key words: security, coupon income, budget process, OFZ, professional securities market participant, budget deficit financing.

В условиях текущего дефицита федерального бюджета, особенно актуальной представляется возможность масштабного и срочного размещения дополнительных государственных долговых инструментов фондового рынка. Учитывая современные экономические реалии, особую значимость приобретает гибкость механизмов финансирования дефицита федерального и региональных бюджетов, в том числе посредством инструментов рынка ценных бумаг. Принятие Федерального закона от 26.06.2026 № 195 ФЗ [2], в частности пунктов 24 и 25 статьи 5, отражает стремление законодателя обеспечить устойчивость исполнения расходных обязательств государства в ситуации повышенной волатильности финансовых рынков и роста стоимости заимствований. Указанные нормы временно допускают превышение верхнего предела государственного внутреннего долга, установленного Федеральным законом от 28.11.2025 № 426 ФЗ [3], при соблюдении ряда ограничительных условий. С практической точки зрения, для юристов, сопровождающих деятельность органов исполнительной власти и участников рынка госдолга, критически важно понимать не только буквальное содержание этих норм, но и их место в системе бюджетного права, а также возможные риски оспаривания соответствующих решений в административном и судебном порядке. При этом значение имеет не только формальная проверка соблюдения процедурных требований, но и оценка экономической обоснованности решений, их соответствия долгосрочным целям долговой политики и принципам бюджетной устойчивости. В этом контексте особую роль играет комплексный подход, сочетающий анализ правовых норм, экономических показателей и правоприменительной практики, что позволяет сформировать объективную оценку рисков и выработать обоснованные рекомендации для участников бюджетного процесса.

Правовой режим государственных заимствований традиционно строится на сочетании принципов сбалансированности бюджета, достоверности бюджетных показателей и безусловности исполнения долговых обязательств государства. В соответствии со статьёй 97 Бюджетного кодекса Российской Федерации от 31.07.1998 № 145 ФЗ [1] государственный долг представляет собой совокупность долговых обязательств Российской Федерации перед физическими и юридическими лицами, иностранными государствами, международными организациями и иными субъектами международного права. Управление государственным долгом, включая осуществление заимствований и обслуживание долговых обязательств, отнесено к компетенции Правительства РФ [8] и реализуется через Министерство финансов РФ, действующее в рамках делегированных

полномочий. При этом статья 106 БК РФ устанавливает необходимость соблюдения предельных объёмов государственного долга, а статья 113 регламентирует порядок привлечения заёмных средств, включая требования к программам заимствований и раскрытию информации. Важно подчеркнуть, что указанные нормы не являются изолированными: они образуют единую систему, в которой каждый элемент взаимосвязан с другими и должен применяться с учётом общего контекста бюджетного регулирования. Более того, их реализация невозможна без учёта иных положений БК РФ, в том числе регулирующих бюджетный процесс, классификацию и отчётность, что требует от юристов комплексного подхода к анализу любых решений, связанных с государственными заимствованиями.

Пункты 24 и 25 статьи 5 ФЗ № 195 ФЗ представляют собой временное отступление от указанных правил. Пункт 24 позволяет Правительству РФ увеличивать объём источников внутреннего финансирования дефицита бюджета с превышением установленного предела государственного внутреннего долга, но исключительно в пределах остатков средств на едином казначейском счёте. Такая конструкция призвана обеспечить контроль за тем, чтобы дополнительные заимствования не приводили к неконтролируемому росту долговой нагрузки и были увязаны с фактической ликвидностью бюджетной системы. Пункт 25 расширяет эти полномочия, предоставляя право осуществлять государственные внутренние заимствования с аналогичным превышением, в том числе сверх утверждённой программы заимствований на 2026 год. При этом законодатель прямо связывает реализацию этих полномочий с необходимостью документального обоснования необходимости заимствований и представления отчётности о фактических показателях, что отражает стремление сохранить баланс между гибкостью и контролем. Существенно, что сама конструкция нормы предполагает не просто расширение дискреции исполнительной власти, а её жёсткую привязку к объективным показателям бюджетной системы — в первую очередь к состоянию единого казначейского счёта, что позволяет избежать произвольного применения полномочий. При этом важно учитывать, что указанные полномочия носят временный характер и должны применяться исключительно в целях оперативного реагирования на краткосрочные кассовые разрывы, а не для финансирования долгосрочных расходов.

С точки зрения доктрины бюджетного права, подобные экстраординарные меры требуют тщательной оценки на предмет их соответствия основополагающим принципам. Как отмечает Н. А. Саттарова, принцип сбалансированности

бюджета не является абсолютным и допускает временные отклонения в случае возникновения чрезвычайных обстоятельств, если такие отклонения сопровождаются мерами по восстановлению равновесия в среднесрочной перспективе [Саттарова Н. А. Бюджетное право: учебник. М.: Деловой двор, 2009. С. 134–137]. В свою очередь, М. В. Карасева подчёркивает, что расширение дискреционных полномочий исполнительной власти должно сопровождаться усилением механизмов парламентского и внешнего контроля, включая обязательное представление обоснований и прогнозов долговой устойчивости [Карасева М. В. Финансовое правоотношение. М.: Юрист, 2001. С. 215–218]. В контексте пп. 24 и 25 ст. 5 ФЗ № 195 ФЗ эти теоретические положения приобретают практическую значимость: юрист, оценивающий правомерность конкретного решения о заимствовании, должен проверять не только формальное соблюдение процедурных требований, но и наличие экономического обоснования, а также соответствие параметров заимствований среднесрочным целям долговой политики. Более того, с практической точки зрения важно учитывать, что суды при рассмотрении споров, связанных с долговыми обязательствами государства, традиционно исходят из приоритета безусловности исполнения таких обязательств, что накладывает дополнительные требования к качеству обоснования любых отклонений от установленных лимитов. В этом смысле доктринальные подходы не только формируют теоретическую основу для анализа, но и служат ориентиром для правоприменительной практики, определяя критерии оценки законности и обоснованности решений органов власти.

Предпосылки принятия указанных норм носят комплексный характер и обусловлены как макроэкономическими, так и операционными факторами. Рост инфляции и повышение ключевой ставки Банка России напрямую влияют на стоимость заимствований, увеличивая доходность ОФЗ и снижая привлекательность иных инструментов для инвесторов. В таких условиях соблюдение ранее установленных лимитов заимствований без риска для исполнения бюджета становится затруднительным. Дополнительным фактором выступает волатильность спроса на ОФЗ, которая проявляется в эпизодах отмены аукционов Минфином [9], а также в изменении структуры спроса со стороны различных категорий инвесторов. Санкционные и геополитические ограничения, в свою очередь, сужают доступ к отдельным источникам финансирования и усиливают зависимость от внутреннего рынка. В совокупности эти факторы обусловили необходимость создания правового механизма, позволяющего оперативно реагировать на изменения рыночной

конъюнктуры и обеспечивать исполнение расходных обязательств государства. При этом важно понимать, что сам по себе механизм превышения лимита не является универсальным решением: он рассчитан на краткосрочные и среднесрочные периоды и предполагает последующее восстановление соответствия установленным параметрам, что должно быть отражено в соответствующих прогнозных документах. Более того, указанные предпосылки не являются статичными: они могут меняться в зависимости от динамики макроэкономических показателей, что требует постоянного мониторинга и корректировки подходов к управлению государственным долгом.

Важно учитывать, что механизм заимствований с превышением лимита не является полностью автономным и должен быть встроен в общую систему бюджетного планирования и контроля. В частности, остатки средств на едином казначейском счёте, упомянутые в п. 24 ст. 5 ФЗ № 195 ФЗ, формируются в результате кассовых разрывов, обусловленных неравномерностью поступлений доходов и осуществления расходов. Это означает, что возможность привлечения дополнительных заимствований фактически коррелирует с текущей ликвидностью бюджета и не может рассматриваться как инструмент долгосрочного финансирования. Более того, законодатель предусмотрел дополнительные гарантии прозрачности: каждое решение о заимствовании с превышением лимита должно сопровождаться пояснительной запиской, содержащей прогноз влияния на долговую нагрузку, оценку альтернативных вариантов финансирования и обоснование выбора конкретного инструмента (например, ОФЗ с фиксированным купоном, ОФЗ ИН или ОФЗ ПД). Такие требования позволяют минимизировать риски злоупотреблений и обеспечивают возможность последующего контроля со стороны Счётной палаты и профильных комитетов Федерального Собрания РФ. Существенно, что указанные требования к обоснованию и отчётности не являются формальными: они призваны обеспечить реальную возможность оценки последствий принимаемых решений и их соответствия долгосрочным целям бюджетной политики. При этом важно учитывать, что качество обоснования напрямую влияет на правовую устойчивость решений: недостаточная проработка экономических аргументов может стать основанием для оспаривания таких решений в административном и судебном порядке.

С экономической точки зрения, превышение лимита госдолга может иметь как краткосрочные, так и долгосрочные последствия. В краткосрочной перспективе дополнительные заимствования позволяют сгладить кассовые разрывы и обеспечить бесперебойное финансирование приоритет-

ных расходов. Однако в долгосрочной перспективе рост объёма госдолга и увеличение нагрузки на обслуживание долга могут привести к повышению стоимости заимствований, что, в свою очередь, усиливает зависимость бюджета от рыночной конъюнктуры и имеет серьезное влияние на последнюю, особенно на соотношение спроса и предложения на рынке долевого инструмента, что также можно отчетливо наблюдать по динамике индекса Мосбиржи [10]. Кроме того, изменение параметров заимствований способно повлиять на структуру спроса на облигации разных форм: например, повысить интерес к выпускам с плавающей ставкой (флоатерам) или к инструментам с более короткими сроками обращения. Это требует от юристов, сопровождающих сделки с госбумагами, глубокого понимания не только правовых, но и экономических аспектов долговой политики. В частности, при анализе решений о размещении ОФЗ важно учитывать не только формальные параметры (объём, срок, ставка), но и их влияние на общую структуру долга, а также на восприятие рынка и поведение инвесторов. Более того, экономические последствия таких решений могут выходить за рамки бюджетного процесса и затрагивать иные сферы — например, денежно-кредитную политику, инфляционные ожидания и доверие инвесторов к государственным ценным бумагам.

Судебная практика по спорам, связанным с ОФЗ содержит устойчивые подходы по трём категориям дел: споры с центральным депозитарием о выплате купонных доходов, оспаривание действий Минфина по организации аукционов и включение требований по ОФЗ в реестры кредиторов при банкротстве владельцев ценных бумаг.

По спорам с НРД суды разграничивают ответственность депозитария и внешние санкционные/инфраструктурные ограничения: НРД несёт ответственность только за исполнение обязанностей в пределах своей инфраструктуры. По оспариванию аукционов суды проверяют формальное соблюдение процедуры и, как правило, не оценивают экономическую обоснованность параметров выпуска. В делах о банкротстве владельцев ОФЗ суды подтверждают безусловный характер денежных требований к государству и их включение в реестр по общим правилам, с учётом специфики учёта прав на ценные бумаги.

Судебная практика не только формирует правоприменительные подходы, но и служит ориентиром для органов власти при принятии решений, снижая риски оспаривания таких решений в будущем. В этом смысле она выполняет не только правоприменительную, но и превентивную функцию, побуждая органы власти к более тщательно обоснованию своих решений и соблюдению процедурных требований.

Особое внимание следует уделить вопросам взаимодействия норм ФЗ № 195-ФЗ с иными актами бюджетного законодательства, в том числе с положениями о бюджетной классификации и отчётности. В соответствии со статьёй 18 БК РФ бюджетная классификация обеспечивает сопоставимость показателей бюджетов бюджетной системы Российской Федерации, а также прозрачность и контроль за исполнением бюджета. Это означает, что любые заимствования, осуществлённые с превышением лимита, должны быть отражены в бюджетной отчётности с указанием оснований, параметров и ожидаемых последствий. Более того, в соответствии с требованиями Федерального казначейства, информация о таких заимствованиях подлежит размещению в единой информационной системе в сфере государственных и муниципальных закупок, что обеспечивает дополнительный уровень прозрачности и доступности данных для заинтересованных лиц. При этом важно учитывать, что требования к раскрытию информации не ограничиваются простым указанием факта превышения лимита: они предполагают представление детальных сведений о параметрах заимствований, их целях и ожидаемых последствиях, что позволяет обеспечить реальную возможность контроля и оценки принимаемых решений. Более того, качество раскрытия информации напрямую влияет на доверие инвесторов к государственным ценным бумагам и на восприятие бюджетной политики в целом.

Для практикующих юристов, сопровождающих решения о заимствованиях с превышением лимита долга, целесообразно придерживаться следующего алгоритма проверки. Во-первых, необходимо запросить у Минфина полное обоснование необходимости превышения лимита, включая анализ кассовых разрывов, прогноз ликвидности единого казначейского счёта и оценку альтернативных вариантов финансирования. Во-вторых, следует проверить, как зафиксировано превышение в отчётности, и сопоставить фактические показатели с утверждёнными параметрами, в том числе с программой заимствований и лимитами, установленными ФЗ № 426-ФЗ. В-третьих, важно оценить структуру заимствований (сроки, типы выпусков, условия) на предмет рисков для бюджета и инвесторов, а также убедиться в соблюдении требований к раскрытию информации. Наконец, рекомендуется отслеживать разъяснения Минфина и Банка России по применению новых норм, а также изменения в судебной практике, которые могут повлиять на оценку правомерности тех или иных решений. При этом важно понимать, что указанный алгоритм не является исчерпывающим: в зависимости от конкретных обстоятельств могут потребоваться дополнительные меры, направленные на минимизацию рисков

и обеспечение соответствия принимаемых решений требованиям законодательства. Более того, эффективность такого алгоритма напрямую зависит от качества взаимодействия с органами власти и от способности юриста формулировать обоснованные запросы, позволяющие получить необходимую информацию для анализа.

С точки зрения риск ориентированного подхода, при анализе решений о заимствованиях следует выделять несколько категорий рисков: бюджетные, рыночные и правовые. Бюджетные риски связаны с возможным увеличением долговой нагрузки и ростом расходов на обслуживание долга, что может привести к необходимости корректировки бюджетных параметров в будущем. Рыночные риски обусловлены волатильностью спроса на ОФЗ, изменением доходностей и структуры спроса, что может повлиять на успешность размещения выпусков. Правовые риски включают возможность оспаривания решений Минфина в административном и судебном порядке, в том числе по основаниям нарушения процедурных требований или превышения полномочий. Для минимизации этих рисков юристы должны не только проверять формальное соответствие решений нормативным требованиям, но и оценивать их экономическую обоснованность и соответствие целям долговой политики. Существенно, что указанные категории рисков не являются изолированными: они взаимосвязаны и могут усиливать друг друга, что требует комплексного подхода к их оценке и управлению.

Важным аспектом является также учёт специфики различных типов ОФЗ, используемых в рамках заимствований. Например, ОФЗ с постоянным (фиксированным) купоном (ОФЗ ПД) обеспечивают предсказуемость расходов на обслуживание долга, но могут быть менее привлекательны для инвесторов в условиях роста ставок. ОФЗ с переменным купоном (плавающей ставкой, ОФЗ ПК) позволяют снизить процентный риск для бюджета, но увеличивают неопределённость будущих расходов. ОФЗ с индексацией номинала (ОФЗ ИН) защищают инвесторов от инфляции, но могут привести к увеличению долговой нагрузки в случае роста инфляции. Выбор конкретного инструмента должен быть обоснован с учётом текущей рыночной конъюнктуры, целей заимствований и долгосрочных последствий для бюджета. При этом важно учитывать, что выбор инструмента не является чисто техническим вопросом: он имеет правовые последствия, в том числе в части оценки рисков и обоснования принимаемых решений. Более того, структура заимствований напрямую влияет на восприятие бюджетной политики инвесторами и на доверие к государственным ценным бумагам.

Не менее значимым является вопрос взаи-

модействия норм бюджетного и гражданского законодательства в части исполнения обязательств по ОФЗ. В соответствии со статьёй 817 ГК РФ по договору государственного займа заёмщиком выступает Российская Федерация, а займодавцем — физическое или юридическое лицо. При этом условия государственного займа, включая порядок выплаты процентов и погашения долга, определяются в соответствии с бюджетным законодательством. Это означает, что любые споры, связанные с исполнением обязательств по ОФЗ, должны рассматриваться с учётом специфики бюджетных правоотношений, в том числе принципов безусловности и приоритета бюджетных норм. Судебная практика подтверждает этот подход: суды последовательно отказывают в признании бюджетных трудностей основанием для неисполнения обязательств по ОФЗ, подчёркивая, что государство обязано исполнять свои долговые обязательства независимо от текущего состояния бюджета. При этом важно понимать, что указанная специфика не отменяет необходимости соблюдения общих принципов гражданского законодательства, но требует их применения с учётом особенностей бюджетных правоотношений. Более того, взаимодействие бюджетного и гражданского законодательства формирует комплексный правовой режим государственных заимствований, который должен учитываться при анализе любых решений, связанных с выпуском и обращением государственных ценных бумаг.

Следует также учитывать, что применение норм ст. 5 ФЗ № 195-ФЗ не ограничивается только вопросами объёма заимствований: оно затрагивает и иные аспекты бюджетного процесса, в том числе планирование, исполнение и контроль. В частности, превышение лимита долга может повлиять на параметры бюджетной классификации, порядок формирования и исполнения бюджета, а также на систему контроля и отчётности. С позиции общей теории финансового права, ст. 5 Закона № 195-ФЗ вступает в латентную коллизию с рядом фундаментальных принципов. Принцип сбалансированности бюджета (ст. 33 БК РФ): Возможность безграничного (в рамках усмотрения Правительства) расширения внутреннего долга размывает обязанность минимизации дефицита. Принцип разделения властей и прерогативы Парламента (ст. 10, 101-106 Конституции РФ): Утверждение бюджета и его лимитов — исключительная компетенция законодательной ветви власти. Передача права изменять предельные долговые показатели органу исполнительной власти сужает объём парламентского контроля за расходованием публичных средств и обременением будущих поколений.

Это означает, что юристы, сопровождающие соответствующие решения, должны учитывать не

только нормы, непосредственно регулирующие заимствования, но и их взаимосвязь с иными элементами бюджетного процесса. Более того, в условиях повышенной волатильности рынка и роста стоимости заимствований особую значимость приобретает координация действий различных участников бюджетного процесса, включая Минфин, Федеральное казначейство, Счётную палату и профильные комитеты Федерального Собрания РФ. Эффективное взаимодействие этих органов позволяет обеспечить прозрачность и контроль за использованием заёмных средств, а также минимизировать риски, связанные с превышением лимита госдолга.

Особое значение имеет также учёт международных и наднациональных факторов, влияющих на рынок государственных ценных бумаг. В условиях глобализации финансовых рынков и интеграции России в мировую экономику, решения о заимствованиях должны приниматься с учётом не только внутренних, но и внешних факторов — таких как динамика мировых процентных ставок, изменения в рейтингах суверенного долга, а также санкционные и геополитические риски. Эти факторы могут оказывать существенное влияние на стоимость заимствований и на восприятие российских государственных ценных бумаг иностранными инвесторами. В этом контексте особую роль играет координация бюджетной и денежно кредитной политики, а также взаимодействие с международными финансовыми организациями и рейтинговыми агентствами. Одним из примеров реализации стратегии финансового суверенитета, реализованным в ответ на недружественные действия зарубежных государств, стало появление в БК РФ нормы статьи 105.1. Замена (замещение) государственных ценных бумаг Российской Федерации [11], призванной заместить обращающиеся на рынках недружественных государств, номинированные в иностранной валюте долговые ценные бумаги.

В заключение следует отметить, что нормы пп. 24 и 25 ст. 5 ФЗ № 195-ФЗ представляют собой инструмент оперативного реагирования на нестандартные ситуации, но одновременно повышают требования к прозрачности и обоснованности решений.

Для нейтрализации негативных последствий применения норм Федерального закона № 195-ФЗ в долгосрочной перспективе необходимо реализовать следующий комплекс мер. Во-первых, необходим, хотя бы какой-то ограничитель, возможно ограничить право превышения жестким процентным шагом, например не более 15-25% от базового объема, утвержденного Федеральным законом № 426-ФЗ. Во-вторых, вменить в обязанность Правительству России уведомление профильных комитетов ГД и СФ в течение 3 ра-

бочих дней с момента принятия решения об овердрафте. В-третьих, возможно внедрение системы обязательного экспертного заключения Счетной палаты по каждому факту сверхлимитной эмиссии ценных бумаг. Это сможет нивелировать возможный отрицательный эффект «вытеснения» (crowding-out effect), состоящий в том, что избыточное предложение государственных бумаг заставляет Минфин повышать доходность, что влечет за собой удорожание кредитов для реального сектора экономики и снижает инвестиционную привлекательность корпоративных облигаций и долевых инструментов. Интеграция инструментов рынка ценных бумаг в бюджетный процесс в 2026 году вышла на принципиально новый уровень правового регулирования. Федеральный закон от 26.06.2026 № 195-ФЗ, наделивший Правительство РФ правом осуществлять внутренние заимствования сверх установленных ст. 13 Закона № 426-ФЗ лимитов, решил сиюминутную задачу обеспечения гибкости государственного управления в условиях макроэкономической турбулентности. Однако созданный правовой прецедент несет в себе риски размывания классических институтов бюджетного суверенитета и ослабления контроля за ростом государственного долга.

Для практикующих юристов финансового сектора данная новелла означает необходимость переоценки долгосрочных рисков суверенных портфелей и более тщательного мониторинга подзаконных нормативных актов Минфина и решений Правительства, которые отныне играют ключевую роль в ценообразовании долгового рынка, опережая по своей значимости ежегодный федеральный закон о бюджете.

Список литературы:

- [1] Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ (ред. от 01.07.2026) // Собрание законодательства РФ. 1998. № 31. Ст. 3823.
- [2] Федеральный закон от 26.06.2026 № 195-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Официальный интернет портал правовой информации. URL: pravo.gov.ru.
- [3] Федеральный закон от 28.11.2025 № 426-ФЗ «О федеральном бюджете на 2026 год и на плановый период 2027 и 2028 годов» // Официальный интернет портал правовой информации. URL: pravo.gov.ru.
- [4] Саттарова Н. А. Бюджетное право: учебник. М.: Деловой двор, 2009. 295 с. ISBN 978 5 91550 074 6.
- [5] Карасева М. В. Финансовое правоотношение. М.: Юрист, 2001. 284 с. ISBN 5 7975 0393 2.
- [6] Гражданский кодекс Российской Федера-

ции (часть вторая) от 26.01.1996 № 14 ФЗ (ред. от 01.07.2026) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410.

[7] Федеральный закон от 28.11.2025 N 426-ФЗ (с изм. от 26.06.2026) "О федеральном бюджете на 2026 год и на плановый период 2027 и 2028 годов" / СПС «Консультант Плюс» (дата обращения 15.07.2026).

[8] Ст. 19 Федеральный конституционный закон от 06.11.2020 № 4-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации», п. 2 ст. 101 БК РФ.

[9] Сайт: <https://iz.ru/2134448/2026-07-18/minfin-v-tretii-raz-za-mesiatc-ne-prodal-ofz-chto-eto-znachit-dlia-investora> (дата обращения 18.07.2026).

[10] Сайт: <https://www.rbc.ru/quote/18/07/2026/6a59fd239a7947eab7f20186?ysclid=mrqhi75m47484447035> (дата обращения 18.07.2026).

[11] Ст. 105.1 БК РФ, введена Федеральным законом от 04.08.2023 N 416-ФЗ "О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации".

References:

[1] Budget Code of the Russian Federation dated 31.07.1998 No. 145 FZ (as amended on 01.07.2026) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1998. № 31. Art. 3823.

[2] Federal Law of 26.06.2026 No. 195 FZ "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" // Official Internet portal of legal information. URL: pravo.gov.ru.

[3] Federal Law of 28.11.2025 No. 426 FZ "On the federal budget for 2026 and for the planning period 2027 and 2028" // Official Internet portal of legal information. URL: pravo.gov.ru.

[4] Sattarova N. A. Budget law: textbook. M.: Business Yard, 2009. 295 pp. ISBN 978 5 91550 074 6.

[5] Karaseva M.V. Financial legal relationship. M.: Lawyer, 2001. 284 pp. ISBN 5 7975 0393 2.

[6] Civil Code of the Russian Federation (part two) dated 26.01.1996 No. 14 FZ (as amended on 01.07.2026) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1996. № 5. Art. 410.

[7] Federal Law No. 28.11.2025 dated 426-FZ (as amended on 26.06.2026) "On the Federal Budget for 2026 and for the Planning Period 2027 and 2028" /SPS" Consultant Plus "(date of application 15.07.2026).

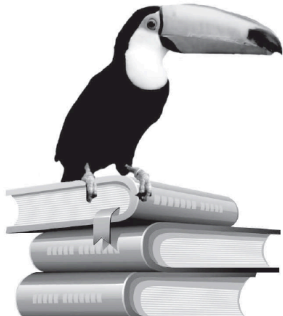
[8] Art. 19 Federal Constitutional Law of 06.11.2020 No. 4-FKZ "On the Government of the Russian Federation," Clause 2 of Art. 101 of the BC RF.

[9] Site: <https://iz.ru/2134448/2026-07-18/minfin-v-tretii-raz-za-mesiatc-ne-prodal-ofz-chto-eto-znachit-dlia-investora> (accessed on 18.07.2026).

[10] Site: <https://www.rbc.ru/quote/18/07/2026/6a59fd239a7947eab7f20186?ysclid=mrqhi75m47484447035> (accessed on 18.07.2026).

[11] Art. 105.1 of the BC of the Russian Federation, introduced by the Federal Law of 04.08.2023 N 416-FZ "On Amending the Budget Code of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian Federation and on Invalidating Certain Provisions of Legislative Acts of the Russian Federation".

**ЮРИДИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ЮРКОМПАНИ»**

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

ЧАБАН Антон Олегович,
студент магистратуры Высшей школы
государственного аудита (факультет) МГУ
им. М.В.Ломоносова,
e-mail: Anton77aa@mail.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ НАЛОГОВОГО КОНТРОЛЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ: РИСКИ АЛГОРИТМИЧЕСКОЙ НЕСПРАВЕДЛИВОСТИ И ЗАЩИТА ПРАВ НАЛОГОПЛАТЕЛЬЩИКА

Аннотация. В статье рассматриваются правовые аспекты цифровой трансформации налогового контроля в Российской Федерации. Анализируются проблемные вопросы внедрения автоматизированных информационных систем ФНС России (АИС «Налог-3», АСК НДС-2), выявляются риски алгоритмической несправедливости, связанные с процессами принятия решений на основе алгоритмов с непрозрачной (неинтерпретируемой) логикой работы систем искусственного интеллекта. Обосновывается необходимость выработки сбалансированной модели правового регулирования процессов цифровизации налогового контроля, обеспечивающей одновременное поддержание эффективности автоматизированных систем ФНС и надлежащую защиту прав налогоплательщиков от рисков алгоритмической несправедливости. Формулируются предложения по внесению изменений в Налоговый кодекс РФ, направленные на защиту прав налогоплательщиков: законодательное закрепление статуса цифровых систем как инструментов формирования доказательств, введение «права на объяснение» логики автоматизированного решения, признание технологического сбоя обстоятельством, исключающим вину, а также обязательное уведомление об использовании ИИ при проведении проверки.

Ключевые слова: налоговый контроль, цифровизация, искусственный интеллект, алгоритмическая несправедливость, АИС «Налог-3», АСК НДС-2, защита прав налогоплательщика, правовая определенность.

CHABAN Anton Olegovich,
Master's student Higher School of State Audit
Lomonosov Moscow State University

TRANSFORMATION OF TAX CONTROL IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION: RISKS OF ALGORITHMIC INJUSTICE AND PROTECTION OF TAXPAYER RIGHTS

Annotation. The article examines the legal aspects of the digital transformation of tax control in the Russian Federation. The problematic issues of the implementation of automated information systems of the Federal Tax Service of Russia (AIS "Tax-3", ASK VAT-2) are analyzed, the risks of algorithmic injustice associated with decision-making processes based on algorithms with opaque (non-interpretable) logic of artificial intelligence systems are identified. The necessity of developing a balanced model of legal regulation of digitalization processes of tax control is substantiated, ensuring the simultaneous maintenance of the efficiency of the automated systems of the Federal Tax Service and adequate protection of taxpayers' rights from the risks of algorithmic injustice. Proposals are formulated to amend the Tax Code of the Russian Federation aimed at protecting taxpayers' rights: legislative consolidation of the status of digital systems as tools for evidence formation, introduction of the "right to explanation" of the logic of an automated decision, recognition of a technological failure as a circumstance excluding guilt, as well as mandatory notification of the use of AI during the audit.

Key words: tax control, digitalization, artificial intelligence, algorithmic injustice, AIS "Tax-3", ASK VAT-2, protection of taxpayer rights, legal certainty.

Введение

Цифровая трансформация налогового контроля в Российской Федерации характеризуется переходом от выборочных проверок к сплошному автоматизированному анализу больших данных (Big Data). Внедрение автоматизированных информационных систем АИС «Налог-3» и АСК НДС-2 позволило существенно повысить эффективность налогового администрирования, снизив удельный вес расхождений по налогу на добавленную стоимость с 7,5 % в 2017 г. до менее 0,6 % к 2025 г. [17]. Однако стремительная алгоритмизация налогового контроля породила феномен, который в доктрине получил наименование «дефицит права»: автоматизированные системы стали принимать юридически значимые решения, не обладая четким правовым статусом и не имея законодательно закрепленных границ компетенции.

Особую озабоченность вызывает растущая зависимость налогоплательщиков от корректности работы алгоритмов ФНС России. Анализ судебной практики и правовой доктрины позволяет утверждать, что существующее правовое регулирование не в полной мере учитывает риски, связанные с внедрением технологий искусственного интеллекта в налоговую сферу. Непрозрачность алгоритмов, распределяющих налогоплательщиков по группам риска, создает угрозу алгоритмической несправедливости и нарушает фундаментальные принципы налогообложения, включая принцип определенности и предсказуемости правового регулирования.

Трансформация методов налогового контроля и риск-ориентированный подход

Налоговый контроль в современных условиях смещается в сторону превентивного мониторинга и иммерсивного администрирования [14]. Под иммерсивным администрированием в данном контексте понимается такой способ организации налогового контроля, при котором налоговые органы получают возможность непрерывного автоматизированного доступа к данным налогоплательщика в режиме реального времени, что позволяет осуществлять контрольные мероприятия без отрыва субъекта от хозяйственной деятельности.

Ключевым инструментом такого контроля стал налоговый мониторинг, предусмотренный ст. 105.26-105.30 Налогового кодекса Российской Федерации (далее – НК РФ). Налоговый мониторинг заменяет традиционные выездные и камеральные проверки онлайн-доступом налогового органа к информационным системам налогоплательщика (витринам данных). При этом, как отмечается в правовой литературе, взаимодействие налогоплательщиков и налоговых органов при проведении налогового мониторинга осуществля-

ется путем предоставления организацией доступа к своим информационным системам или по телекоммуникационным каналам связи [7].

Внедрение Единого налогового счета (ЕНС) упростило процедуры расчетов с бюджетом, однако создало новые риски для налогоплательщиков. Как справедливо отмечается в доктрине, ЕНС усилил зависимость налогоплательщика от корректности работы алгоритмов ФНС [9]. Отрицательное сальдо ЕНС, формируемое автоматизированной системой, может быть ошибочным, однако бремя доказывания такой ошибки фактически возлагается на налогоплательщика.

Особого внимания заслуживает проблема правового статуса предпроверочного анализа. В рамках предпроверочного анализа, осуществляемого с использованием аналитических возможностей АИС «Налог-3», налоговые органы де-факто определяют наличие налоговых нарушений и формируют выводы о целесообразности проведения выездной налоговой проверки. Однако, как обоснованно указывают исследователи, предпроверочный анализ до сих пор не имеет законодательной регламентации в НК РФ 15 .

Показательно, что, по оценкам практикующих специалистов, первоначальная установка о том, что материалы предпроверочного анализа должны формировать около 70% доказательственной базы налогового правонарушения, на практике не достигается, что, однако, не снижает риска предвзятого отношения к налогоплательщику на этапе «профилирования» рисков [11].

Правовые проблемы функционирования АСК НДС-2 и АИС «Налог-3»

АСК НДС-2 представляет собой программный комплекс, позволяющий налоговым органам в автоматическом режиме выявлять расхождения между данными продавцов и покупателей по цепочке сделок. Принцип работы системы заключается в аккумулировании, анализе и сопоставлении всей цепочки исполнения обязанности налогоплательщиками по облагаемым операциям с НДС [8]. При выявлении несоответствий (так называемых разрывов) система запускает проверку по специальному алгоритму 2 .

На сегодняшний день доказательственное значение сведений, полученных с помощью АСК НДС-2, остаётся спорным вопросом, о чём свидетельствует неоднородная судебная практика. С одной стороны, сведения, выявленные при помощи АСК НДС-2, сами по себе не могут служить безусловным доказательством неправомерного предъявления НДС к вычету. Как обоснованно указывают суды, данные АСК НДС-2 лишь содержат источники получения доказательств, сбор, анализ и оценка которых в совокупности с иными обстоятельствами представляет собой самостоятельную интеллектуальную деятельность

4].

С другой стороны, на практике налоговые органы нередко рассматривают «разрывы» по третьему и четвертому звеньям цепочки контрагентов как достаточное основание для отказа в вычете НДС. Как отмечается в специальной литературе, компании все чаще получают требования о снятии вычетов по НДС в связи с разрывами, возникшими по вине контрагентов второго и третьего звеньев 10 .

Показательным является дело № А40-62388/2020, где апелляционный суд отменил решение суда первой инстанции, придя к выводу о том, что налоговый орган не может вменять наиболее платежеспособному налогоплательщику любые «налоговые разрывы», выявленные программно-аппаратным комплексом АСК НДС-2 по его контрагентам 2-го, 3-го и последующих звеньев, без привязки к фактическим обстоятельствам сделок, периодам и объемам товарных потоков 3].

При всей обоснованности такого подхода сохраняется существенный пробел: порядок взаимодействия автоматизированных систем в налоговом контроле не имеет достаточной правовой регламентации, что создаёт риски произвольной интерпретации результатов их работы.

Не менее острой является проблема доказательственного значения сведений, формируемых в АИС «Налог-3». В судебной практике встречаются случаи, когда скриншоты из программы АИС «Налог-3» не признаются судами надлежащими доказательствами, поскольку они не соотносятся с данными требованиями, лишены надлежащего документального подтверждения 5 . Однако отсутствие унифицированного подхода к оценке таких доказательств создает правовую неопределенность.

Алгоритмические риски и проблема доказывания

Существенной проблемой цифрового налогового контроля является непрозрачность алгоритмов искусственного интеллекта, распределяющих налогоплательщиков по группам риска. Критерии такой категоризации, как правило, не являются общедоступными, что прямо нарушает принцип определенности налогообложения, закрепленный в ст. 3 НК РФ 1 .

Проблема усугубляется тем обстоятельством, что решения, принимаемые на основе алгоритмического анализа (назначение выездной проверки, требование о представлении пояснений, блокировка счета), имеют юридически значимые последствия для налогоплательщика, однако правовой режим использования самого алгоритма остается неопределенным.

В российской научной среде ведутся активные споры по поводу правосубъектности ис-

кусственного интеллекта в системе налогового администрирования, но однозначных выводов и единогласия по данному вопросу так и не было достигнуто. В большинстве исследований искусственный интеллект рассматривается как инструмент, а не как самостоятельный субъект права. В российской правовой системе ИИ считается объектом регулирования, а ответственность за его работу возлагается на разработчика, владельца или оператора 12 .

К числу наиболее значимых рисков алгоритмической несправедливости следует отнести:

Риск ложноположительного срабатывания – ситуация, при которой добросовестный налогоплательщик ошибочно идентифицируется системой как «высокорисковый», что влечет проведение контрольных мероприятий и создает репутационные и финансовые издержки.

Риск систематической ошибки – возможность закрепления в алгоритмах неявных дискриминирующих признаков, которые могут приводить к неравному положению налогоплательщиков, находящихся в сходных экономических условиях.

Риск отсутствия эффективного средства правовой защиты – поскольку алгоритмическое решение принимается не должностным лицом, а автоматизированной системой, традиционные механизмы обжалования (вышестоящему должностному лицу, в суд) оказываются не вполне эффективными: обжаловать можно итоговое решение налогового органа, но не логику алгоритма, которая к этому решению привела.

Особая проблема связана с отсутствием законодательной регламентации процедуры доказывания при использовании налоговыми органами автоматизированных систем. Действующее процессуальное законодательство не содержит норм, учитывающих специфику цифровых доказательств, формируемых с использованием технологий ИИ.

Зарубежный опыт применения технологий искусственного интеллекта в сфере налогового администрирования

Мировая практика демонстрирует различные подходы к регулированию использования искусственного интеллекта 6 .

Анализ зарубежного опыта позволяет выделить несколько моделей правового регулирования, каждая из которых имеет свои достоинства и ограничения.

Европейский союз пошел по пути жесткого регулирования. Регламент Европейского парламента и Совета ЕС об искусственном интеллекте относит налоговые ИИ-системы к категории высокого риска. Это означает, что такие системы подлежат обязательной сертификации, должны соответствовать требованиям прозрачности

(объяснимости) логики работы и подлежат постоянному мониторингу со стороны уполномоченных органов.

Китай демонстрирует иной подход, основанный на использовании технологий распределенного реестра (блокчейн). Внедрение блокчейн-платформ для электронных счетов-фактур позволяет обеспечить взаимное доверие данных всех участников цепочки поставок, поскольку информация о каждой сделке верифицируется и становится неизменяемой. Технология блокчейн, по сути, снимает проблему «налоговых разрывов», делая прозрачной всю историю движения товара 19 .

Кения реализовала систему eTIMS (электронная система управления налогами), ориентированную на мониторинг мобильных платежей и предиктивную оценку рисков. Данный опыт представляет интерес с точки зрения адаптации налогового контроля к экономике цифровых платформ 18 .

Франция и США развивают институты предварительного налогового регулирования, позволяющие налогоплательщику получить официальное разъяснение налоговых последствий планируемой операции до ее совершения 16 . Хотя эти механизмы не связаны напрямую с регулированием ИИ, они могут быть адаптированы для создания системы «безопасной гавани» для налогоплательщиков, добросовестно полагавшихся на корректность автоматизированных рекомендаций налоговой системы.

На основании анализа зарубежного опыта можно заключить, что регулирование применения технологий искусственного интеллекта в налоговой сфере должно носить комплексный характер и включать следующие элементы: (1) требования к прозрачности и объяснимости алгоритмов; (2) механизмы подтверждения достоверности данных (в том числе с использованием распределенных реестров); (3) развитые институты правовой защиты налогоплательщиков, включая механизмы предварительного согласования.

Совершенствование законодательства: предложения по защите прав налогоплательщиков

С учётом зарубежного опыта и специфики российской правовой системы наиболее целесообразным представляется внедрение гибридного подхода к регулированию технологий искусственного интеллекта в налоговой сфере. Такой подход позволит сочетать жёсткие законодательные требования (например, закрепление чётких правил использования систем искусственного интеллекта в налоговом контроле, обеспечение прозрачности алгоритмов и механизмов защиты прав налогоплательщиков) с элементами мягкого регулирования и саморегулирования со стороны про-

фессионального сообщества.

Это даст возможность одновременно стимулировать внедрение инновационных технологий для повышения эффективности налогового администрирования и минимизировать риски алгоритмической несправедливости. При этом важно сохранить ключевую роль человека в принятии юридически значимых решений. Автоматизированные системы должны выступать вспомогательным инструментом, а не заменять налоговый орган.

Реализация гибридного подхода потребует внесения соответствующих изменений в налоговое законодательство, разработки отраслевых стандартов и этических рекомендаций по использованию ИИ, а также выстраивания механизмов постоянного мониторинга и корректировки работы алгоритмов с учётом правоприменительной практики.

Проведенный анализ позволяет сформулировать комплекс предложений по совершенствованию налогового законодательства Российской Федерации, направленных на обеспечение баланса между эффективностью налогового администрирования и защитой прав налогоплательщиков в условиях цифровизации.

Введение «права на объяснение» логики автоматизированного решения

Предлагается дополнить ст. 21 НК РФ, закрепляющую права налогоплательщиков, новым пунктом следующего содержания: «Налогоплательщик имеет право на получение объяснения логики принятия автоматизированного решения, затрагивающего его права и обязанности, включая критерии отнесения к категориям налогового риска, использованные алгоритмы оценки и конкретные факторы, повлиявшие на принятое решение».

Данное право корреспондирует с обязанностью налогового органа предоставить налогоплательщику по его запросу доступное для понимания разъяснение логики работы алгоритмов, применённых в отношении него.

Для этого также предлагается в рамках системы АИС «Налог-3» создание модуля объяснимого искусственного интеллекта, который будет не просто выявлять налоговые риски при анализе деклараций и транзакций (например, обнаруживать цепочки фиктивных контрагентов или аномальные вычеты НДС), но и формировать понятные, юридически обоснованные отчёты с объяснением своих решений для налогоплательщиков. В таких отчётах будут указаны нарушенные нормы НК РФ, конкретные показатели, вызвавшие подозрение, примеры аналогичных дел с результатами проверок и ссылки на судебную практику. В личном кабинете налогоплательщика появится специальный раздел «Риски по ИИ», где можно будет

увидеть предупреждения ещё до подачи декларации, запросить дополнительную детализацию выявленных рисков или оспорить решение системы, прикрепив пояснения и документы. При этом финальное решение всегда должно оставаться за налоговым инспектором, который проверит и при необходимости скорректирует выводы, сгенерированные искусственным интеллектом.

Признание технологического сбоя обстоятельством, исключаящим вину

Предлагается дополнить п. 1 ст. 111 НК РФ «Обстоятельства, исключаящие вину лица в совершении налогового правонарушения» новым подпунктом 4.1 следующего содержания: «Технологический сбой в автоматизированных информационных системах налогового органа, повлекший неправомерное начисление налогов, пеней, штрафов или иные негативные последствия для налогоплательщика, при условии добросовестного исполнения налогоплательщиком обязанностей по уплате налогов и представлению отчетности».

Данная норма должна действовать в системной связи с презумпцией правомерности действий налогоплательщика при технологических сбоях. Бремя доказывания факта технологического сбоя и отсутствия вины налогоплательщика должно распределяться дифференцированно: налогоплательщик указывает на наличие сбоя, а налоговый орган представляет доказательства его отсутствия либо наличия виновных действий налогоплательщика.

Обязательное уведомление об использовании искусственного интеллекта при проведении проверки

Предлагается дополнить ст. 88 «Камеральная налоговая проверка» и ст. 89 «Выездная налоговая проверка» НК РФ положением о том, что решение о проведении налоговой проверки должно содержать информацию об использовании технологий искусственного интеллекта в ходе проверки, а также о критериях и алгоритмах, применяемых для отбора налогоплательщиков для проверки.

Соответствующая норма должна обеспечивать реализацию принципа прозрачности налогового администрирования и предоставлять налогоплательщику возможность эффективной защиты своих прав, включая оспаривание алгоритмических решений.

Детализация правового регулирования процедур налогового мониторинга

Проблемы пределов получения данных при налоговом мониторинге связаны с недостаточным нормативным регулированием, поскольку многие аспекты регулируются не НК РФ, а ведомственными актами ФНС России, что создаёт правовую неопределённость и риск избыточного

доступа налоговых органов к информации. Нечёткие критерии для дополнительных запросов данных дают простор для субъективного толкования, а угрозы безопасности данных сохраняются даже с учётом обязательного использования средств криптографической защиты информации. Кроме того, не урегулированы вопросы хранения и использования данных после завершения мониторинга (не установлены сроки хранения и ограничения на дальнейшее применение информации).

В целях устранения правовой неопределённости целесообразно дополнить статью 105.26 НК РФ нормой, устанавливающей пределы получения налоговыми органами сведений от налогоплательщика в рамках налогового мониторинга. Надлежит закрепить исчерпывающий перечень оснований и критериев направления запросов, а также нормативно имплементировать принцип минимальной необходимости, в соответствии с которым налоговому органу предоставляется исключительно информация, имеющая прямое отношение к исчислению и уплате налогов, сборов и страховых взносов, контролируемых в рамках мониторинга.

Также следует ввести механизм уведомления налогоплательщиков о каждом запросе с обоснованием. Реализация этих мер позволит сбалансировать интересы государства в эффективном налоговом контроле и права налогоплательщиков на защиту конфиденциальной информации.

Заключение

Цифровизация налогового контроля является объективной реальностью, неотъемлемой частью процесса цифровой трансформации государственного управления. Автоматизированные информационные системы ФНС России доказали свою эффективность с точки зрения увеличения собираемости налогов и выявления нарушений. Однако эффективность не должна достигаться ценой ущемления прав налогоплательщиков и нарушения фундаментальных принципов правового государства.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о необходимости перехода от ретроспективного надзора к иммерсивному администрированию, но такой переход должен сопровождаться адекватным правовым регулированием. Применение автоматизированных систем ФНС в контрольных процедурах требует расширения механизмов защиты прав налогоплательщиков, включая внедрение «права на объяснение» логики алгоритма, а также закрепление презумпции правомерности действий плательщика при технологических сбоях, при этом юридическая ответственность за решения, принимаемые с использованием таких систем, должна возлагаться на уполномоченных должностных лиц налоговых органов.

Предложенный комплекс мер по совершенствованию законодательства – законодательное закрепление статуса АИС «Налог-3» и АСК НДС как инструментов формирования доказательств; дополнение ст. 22 НК РФ «правом на объяснение» логики автоматизированного решения; закрепление в ст. 111 НК РФ технологического сбоя как обстоятельства, исключающего вину; введение обязательного уведомления об использовании ИИ при проведении проверки – направлено на обеспечение баланса публичных и частных интересов в налоговой сфере.

Только при условии создания надежных правовых гарантий для налогоплательщиков цифровая трансформация налогового контроля сможет в полной мере реализовать свой потенциал, не превратившись в инструмент алгоритмического произвола.

Список литературы:

[1] Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 28.02.2025) // Собрание законодательства РФ. 1998. № 31. Ст. 3824.

[2] Приказ ФНС России от 13.02.2015 № ММВ-7-6/68@ (ред. от 29.01.2016) «О проведении опытной и опытно-промышленной эксплуатации программных средств, обеспечивающих автоматизацию перекрёстных проверок, реализующих функции камеральной налоговой проверки налоговых деклараций по НДС на основе сведений из книг покупок, книг продаж и журналов учёта выставленных и полученных счетов-фактур».

[3] Постановление Арбитражного суда Московского округа от 31.05.2021 N Ф05-10916/2021 по делу N А40-62388/2020.

[4] Постановление АС Московского округа от 03.08.2023 № Ф05-17550/2023 по делу № А40-181339/2022.

[5] Постановление Арбитражного суда Московского округа от 2 июня 2025 г. N Ф05-6972/25 по делу N А40-52408/2024.

[6] Андрианова Н. Г. Подходы международных организаций к вопросам регулирования искусственного интеллекта // Международное право и международные организации. 2025. № 3. С. 125-142.

[7] Андрианова Н. Г. Направления совершенствования налогового мониторинга как перспективной формы налогового контроля // Мониторинг правоприменения. 2026. № 1(58). С. 4-9.

[8] Андрианова Н. Г. Цифровизация контроля за уплатой налога на добавленную стоимость с использованием искусственного интеллекта: проблемы и перспективы // Налоги и налогообложение. 2025. № 4. С. 46-56.

[9] Борисова А. М. Цифровизация налогового права на примере реформы Федеральной

налоговой службы // Молодой учёный. 2022. № 50 (445). С. 196-198.

[10] Габдрафикова Э. Ф. Сложные разрывы по НДС: разбор // Главбух. 2024. - URL: <https://www.glavbukh.ru/art/98167-chem-opasny-razryvy-po-nds-i-kak-sebya-vesti-na-proverke> (дата обращения: 12.06.2026).

[11] Гин А. Предпроверочный анализ. Что это такое и когда он используется? // Практическая бухгалтерия. 2024. № 11. С.67-70.

[12] Комлев И. О. Использование искусственного интеллекта в налоговых правоотношениях / И. О. Комлев К. Е. Романова // Молодой учёный. 2025. № 17 (568). С. 144-146.

[13] Красюков А. В. Предпроверочный анализ как новый вид налоговой проверки // Финансовое право. 2018. № 1. С. 44-46.

[14] Цифровая сущность финансового права: прошлое, настоящее, будущее: монография / Н.Е. Абрамова, С.Я. Боженко, О.В. Веремеева и др.; под ред. И.И. Кучерова, Н.А. Поветкиной. Москва: ИЗиСП, Юриспруденция, 2022. 272 с.

[15] Ногина О. А. Предпроверочный анализ деятельности налогоплательщиков как самостоятельная форма налогового контроля // Закон. 2022. № 11. С. 64-72.

[16] Станкевич Э. В. Налоговое регулирование в развитых странах: пример США, Франции и Швеции // Финансы и учётная политика. 2020. № 5. С. 24-32.

[17] Федеральная налоговая служба. Основные показатели эффективности налогового контроля за 2017-2025 годы: статистический сборник / ФНС России, 2025. - 45 с.

[18] Njeri, B. eTIMS Impact on Tax Compliance in Kenya: Alert / B. Njeri ; Tarra Agility Africa. - Nairobi : Tarra Agility, 2024. - URL: <https://tarraagility.com/wp-content/uploads/2024/07/eTims.pdf> (дата обращения: 01.07.2026).

[19] Xu, Y. Blockchain and Its Implications for Tax Administration in the People's Republic of China / Y. Xu, Z. Zhang // Taxation in the Digital Economy / Asian Development Bank Institute; ed. by Routledge, Taylor & Francis Group. - Abingdon; New York, 2023. - URL: <https://www.adb.org/sites/default/files/publication/822701/taxation-digital-economy.pdf> (дата обращения: 01.07.2026).

References:

[1] Tax Code of the Russian Federation (Part One) dated 31.07.1998 No. 146-FZ (rev. dated 28.02.2025) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1998. № 31. Art. 3824.

[2] Order of the Federal Tax Service of Russia No. MMV-7-6/68@ dated 13.02.2015 (as amended by 29.01.2016) "On Pilot and Pilot Operation of Software that Automate Cross-Checks that Implement the Functions of Desk Tax Audit of VAT Tax Returns

Based on Information from Purchase Books, Sales Books and Accounting Journals Issued and Received Invoices."

[3] Ruling of the Arbitration Court of the Moscow District of 31.05.2021 N Ф05-10916/2021 in case N A40-62388/2020.

[4] Resolution of the NP of the Moscow District dated 03.08.2023 No. F05-17550/2023 in case No. A40-181339/2022.

[5] Ruling of the Arbitration Court of the Moscow District of June 2, 2025 N Ф05-6972/25 in case N A40-52408/2024.

[6] Andrianova N. G. Approaches of international organizations to the regulation of artificial intelligence // International law and international organizations. 2025. № 3. S. 125-142.

[7] Andrianova N. G. Areas of improvement of tax monitoring as a promising form of tax control // Monitoring of law enforcement. 2026. № 1(58). S. 4-9.

[8] Andrianova N. G. Digitalization of control over the payment of value added tax using artificial intelligence: problems and prospects // Taxes and taxation. 2025. № 4. S. 46-56.

[9] Borisova A.M. Digitalization of tax law using the example of the reform of the Federal Tax Service // Young scientist. 2022. № 50 (445). S. 196-198.

[10] E.F. Gabdrifikova. Complex VAT gaps: analysis // Glavbukh. 2024. - URL: <https://www.glavbukh.ru/art/98167-chem-opasny-razryvy-po-nds-i-kak-sebya-vesti-na-proverke> (дата обращения: 12.06.2026).

[11] Gin A. Pre-verification analysis. What is it and when is it used ? // Practical accounting. 2024. № 11. S.67-70.

[12] Komlev I.O. The use of artificial intelligence in tax relations/I.O. Komlev K.E. Romanova // Young scientist. 2025. № 17 (568). S. 144-146.

[13] Krasnyukov A. V. Pre-verification analysis as a new type of tax audit // Financial law. 2018. № 1. S. 44-46.

[14] Digital essence of financial law: past, present, future: monograph/N.E. Abramova, S.Ya. Bozhenok, O.V. Veremeeva et al.; ed. I.I. Kucherova, N.A. Povetkina. Moscow: IZiSP, Jurisprudence, 2022. 272 pp.

[15] Nogina O. A. Pre-verification analysis of taxpayers' activities as an independent form of tax control // Law. 2022. № 11. S. 64-72.

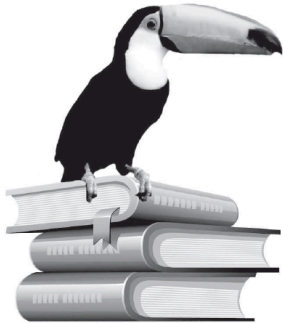
[16] Stankevich E.V. Tax regulation in developed countries: an example of the USA, France and Sweden // Finance and accounting policy. 2020. № 5. S. 24-32.

[17] Federal Tax Service. The main indicators of the effectiveness of tax control for 2017-2025: statistical collection/FTS of Russia, 2025. - 45 s.

[18] Njeri, B. eTIMS Impact on Tax Compliance in Kenya: Alert / B. Njeri ; Tarra Agility Africa. - Nairobi : Tarra Agility, 2024. - URL: <https://tarraagility.com/wp-content/uploads/2024/07/eTims.pdf> (accessed on: 01.07.2026).

[19] Xu, Y. Blockchain and Its Implications for Tax Administration in the People's Republic of China / Y. Xu, Z. Zhang // Taxation in the Digital Economy / Asian Development Bank Institute; ed. by Routledge, Taylor & Francis Group. - Abingdon; New York, 2023. - URL: <https://www.adb.org/sites/default/files/publication/822701/taxation-digital-economy.pdf> (дата обращения: 01.07.2026).

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ПРАВО И ПРАВОПРИМЕНЕНИЕ

Дата поступления рукописи в редакцию: 12.07.2026 г.

DOI: 10.24412/2224-9133-2026-8-88-94

Дата принятия рукописи в печать: 01.09.2026 г.

МОРОЗОВ Дмитрий Сергеевич,

Доцент кафедры профессиональной подготовки
Восточно-Сибирского института Министерства
внутренних дел Российской Федерации,
e-mail: mitiy.m.2023@mail.ru

ТАРАСОВА Людмила Вячеславовна,

кандидат социологических наук, старший
преподаватель кафедры обеспечения
безопасности на объектах транспорта
Белгородского юридического института МВД Росс
ии имени И.Д. Путилина,
e-mail: mail@law-books.ru

ПИСАРЕВ Всеволод Николаевич,

Преподаватель кафедры тактико-специальной
подготовки Ставропольский филиал
Краснодарского университета МВД России,
e-mail: mail@law-books.ru

ГАРЦЕВА Юлия Юрьевна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры
конституционного и международного права
Нижегородской академии МВД России,
e-mail: mail@law-books.ru

НИКОЛАЕВ Владимир Борисович,

кандидат юридических наук, доцент кафедры
конституционного и международного права
Нижегородской академии МВД России,
e-mail: mail@law-books.ru

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО И ДОКАЗЫВАНИЕ

Аннотация. В представленной статье проводится комплексный юридический анализ института доказательств и доказывания в рамках гражданского судопроизводства Российской Федерации. Автор подчеркивает, что процесс доказывания является фундаментальным механизмом реализации принципа состязательности, от эффективности которого напрямую зависит исход любого гражданско-правового спора. В работе детально исследуются нормы Главы 6 Гражданского процессуального кодекса РФ, определяющие правовые контуры представления, исследования и оценки фактических данных в суде.

Особое внимание уделяется практическим аспектам распределения бремени доказывания (ст. 56 ГПК РФ) и функционированию доказательственных презумпций в специфических категориях дел, таких как споры о защите прав потребителей и дела о возмещении вреда, причиненного источником повышенной опасности. Раскрываются содержание и значение таких базовых критериев, как относимость и допустимость доказательств, нарушение которых влечет невозможность использования сведений для обоснования судебного решения.

Кроме того, в статье рассматриваются алгоритмы судебного содействия в истребовании доказательств и превентивный механизм обеспечения доказательств при угрозе их утраты. Автор анализирует типичные процессуальные ошибки непрофессиональных участников процесса и предлагает практические рекомендации по их минимизации. Научная и практическая значимость статьи заключается в

систематизации правил доказательственной деятельности, что способствует повышению уровня правовой защищенности субъектов гражданских правоотношений и обеспечению вынесения законных и обоснованных судебных актов.

Ключевые слова: гражданское право, правовое государство, доказывание, доказательства, юридические обязанности, ответственность, гражданское судопроизводство, истец, ответчик.

MOROZOV Dmitriy Sergeevich,

Associate Professor, Department of Professional
Training East Siberian Institute of the Ministry of
Internal Affairs of the Russian Federation

TARASOVA Lyudmila Vyacheslavovna,

Candidate of Sociological Sciences Senior Lecturer
Department of Safety at Transport Facilities Belgorod
Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of
Russia named after I.D. Putilin

PISAREV Vsevolod Nikolaevich,

Teacher of the Department of tactical and special
training Stavropol Branch of Krasnodar University of
the Ministry of Internal Affairs of Russia

GARTSEVA Yulia Yurievna,

Candidate of Law Associate Professor Department of
Constitutional and International Law Nizhny Novgorod
Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

NIKOLAYEV Vladimir Borisovich,

Candidate of Law Associate Professor Department of
Constitutional and International Law Nizhny Novgorod
Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

PROOF AND EVIDENCE

Annotation. This article provides a comprehensive legal analysis of the institution of evidence and proving within the framework of civil proceedings in the Russian Federation. The author emphasizes that the process of proof is a fundamental mechanism for implementing the principle of adversariality, the effectiveness of which directly determines the outcome of any civil law dispute. The work examines in detail the norms of Chapter 6 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation, which define the legal contours for the presentation, investigation, and evaluation of factual data in court.

Particular attention is paid to the practical aspects of the distribution of the burden of proof (Article 56 of the CPC RF) and the functioning of evidentiary presumptions in specific categories of cases, such as consumer protection disputes and cases concerning compensation for harm caused by a source of increased danger. The content and significance of basic criteria such as the relevance and admissibility of evidence are revealed, the violation of which makes it impossible to use information to justify a court decision.

Furthermore, the article discusses the algorithms for judicial assistance in the recovery of evidence and the preventive mechanism for securing evidence in the event of its potential loss. The author analyzes typical procedural errors made by non-professional participants in the process and offers practical recommendations for their minimization. The scientific and practical significance of the article lies in the systematization of the rules of evidentiary activity, which contributes to increasing the level of legal protection for subjects of civil legal relations and ensuring the issuance of lawful and reasoned judicial acts.

Key words: civil law, the rule of law, evidence, evidence, legal duties, responsibility, civil proceedings, plaintiff, defendant.

Как показывает судебная практика, для большинства граждан участие в гражданском процессе становится настоящим испытанием. Люди часто приходят в суд с наивным убеждением: "я фактически прав, суд сам во всём разберётся и выведет оппонента на чистую воду". На деле же правота оценивается ровно настолько, сколько доказательств вы сможете предоставить суду. Доказывание – это основа основ гражданского процесса. Именно от того, насколько полно и правильно юридически сформирована доказательственная база, напрямую зависит итоговый акт правосудия: выйдете вы из зала суда с исполнительным листом на руках или с полным отказом в иске.

Главная беда непрофессиональных участников процесса – незнание «процессуальных правил». Пытаясь обосновать свою позицию, стороны зачастую несут в суд всё подряд, загромождая материалы дела «макулатурой», не имеющей правового значения. При этом граждане не понимают разницы между относимостью и допустимостью, не знают, как правильно формируется предмет доказывания по конкретной категории споров, и теряются, если нужный документ удерживается оппонентом, а как заявить ходатайство о судебном истребовании неизвестно. В результате законные интересы остаются без защиты попросту из-за процессуальных промахов.

В связи с этим, любому участнику судебного спора жизненно важно понимать хотя бы базовую архитектуру института судебных доказательств и уметь пользоваться процессуальными инструментами, которые дает закон.

Рассмотрим вопрос, а где же искать «правила игры»? Базовый регламент работы с доказательствами заложен в Главе 6 Гражданского процессуального кодекса РФ (ГПК РФ). Это своего рода «процессуальная библия», где расписано всё: от видов допустимых доказательств до механизмов их оценки, истребования и обеспечения [1, с. 145]. Однако опытные юристы знают один нюанс: процессуальный кодекс работает только в плотной связке с материальным правом. Заглянув в Гражданский, Семейный или Трудовой кодексы, можно обнаружить так называемые доказательственные презумпции. Именно нормы материального закона подскажут суду, кто конкретно (истец или ответчик) должен доказывать вину в причинении ущерба, наличие дефектов в товаре или законность увольнения.

Что суд считает доказательством? Если перевести сухой язык статьи 55 ГПК РФ на рабочий язык судебныхников, то доказательства – это не сами бумажки или слова, а сведения о фактах, добытые исключительно легитимным путём. Опираясь на эту информацию, судья констатирует: было спорное событие или нет, состоятельны ли претензии

истца или прав ответчик. Ключевое требование указанной статьи кроется во фразе «полученные в предусмотренном законом порядке». Суд – это жесткая процедура. Если вы представите на заседании идеальную видеозапись, подтверждающую вашу правоту, но выяснится, что она сделана незаконно (например, со скрытой камеры в частном жилище), суд её просто не примет. Она будет признана недопустимым доказательством и не ляжет в основу решения, какой бы очевидной ни казалась истина.

В итоге из приведённого законодательного определения следует, что доказательства – это не сами документы, предметы или показания в их материальной форме, а именно сведения, информация о юридически значимых фактах, которая извлекается из предусмотренных законом источников. При этом ключевым требованием является получение таких сведений в установленном законом порядке. Доказательства, добытые с нарушением закона, не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу судебного решения [2, с. 92].

Действующим процессуальным законодательством определён исчерпывающий перечень средств доказывания, то есть процессуальных форм, посредством которых суду могут быть представлены соответствующие сведения. Указанные сведения могут быть получены из следующих источников:

объяснения сторон и третьих лиц устные или письменные пояснения непосредственных участников спорного правоотношения относительно обстоятельств дела;

показания свидетелей - устные сообщения лиц, которым известны какие-либо факты, имеющие значение для дела, полученные в ходе допроса в судебном заседании;

письменные доказательства - документы и материалы, содержащие сведения об обстоятельствах дела, выполненные посредством буквенного, цифрового или иного знакового способа фиксации информации (договоры, акты, справки, деловая корреспонденция, судебные решения и иные документы);

вещественные доказательства - предметы материального мира, которые по своему внешнему виду, свойствам, местонахождению или иным признакам могут служить средством установления обстоятельств, имеющих значение для дела;

аудио- и видеозаписи – зафиксированные на соответствующих носителях звуковые и (или) визуальные сведения, относящиеся к обстоятельствам рассматриваемого дела;

заключения экспертов – результаты проведённых по поручению суда специальных исследований, оформленные в виде мотивированного письменного заключения сведущего лица (экс-

перта), обладающего специальными познаниями в определённой области науки, техники, искусства или ремесла.

Каждый из перечисленных видов доказательств имеет свои особенности представления, исследования и оценки, подробно регламентированные нормами ГПК РФ [3, с. 11].

Краеугольный камень любого гражданского процесса – это распределение бремени доказывания (статья 56 ГПК РФ). В судебной практике действует жесткое, но справедливое правило: "кто утверждает, тот и доказывает". На практике этот механизм работает следующим образом. Истцу, инициирующему судебную тяжбу, необходимо сформировать прочную доказательственную и правовую базу своего иска. Именно ему предстоит документально подтвердить, что между сторонами вообще возникли правоотношения, зафиксировать сам факт нарушения права, а также обосновать размер взыскиваемых убытков и прямую причинно-следственную связь.

Ответчику, в свою очередь, категорически противопоказана пассивная позиция в духе "пусть сначала докажут". Для эффективного отражения предъявленного иска ему придется активно обосновывать свои возражения. Если утверждается, что обязательство давно исполнено или возник внезапный «форс-мажор» или заявляется о пропуске истцом срока исковой давности – бремя доказывания этих обстоятельств всецело ложится на ответчика.

Вместе с тем, из этого классического составительного правила есть крайне важные процессуальные исключения, так называемые доказательственные презумпции. В некоторых случаях законодатель намеренно перекладывает обязанности по доказыванию на конкретную сторону, заранее устанавливая ее вину по умолчанию, пока она сама не докажет обратное. Наиболее популярным примером из повседневной практики судебных споров являются споры о защите прав потребителей. Здесь закон открыто играет на стороне более слабой стороны (покупателя). Если дело дошло до суда, именно продавец или исполнитель услуги будет обязан оправдываться и доказывать свою правоту.

Аналогичный процессуальный момент действует и в делах о возмещении вреда, причиненного источником повышенной опасности (например, автомобилем). Вина водителя презюмируется и он также будет обязан доказывать свою невиновность.

Суд в силу положений части 2 статьи 56 ГПК РФ определяет, какие обстоятельства имеют значение для дела, какой стороне надлежит их доказывать, и выносит эти обстоятельства на обсуждение даже в тех случаях, когда стороны на них не ссылались. Таким образом, суд играет

активную роль в определении предмета доказывания по конкретному делу.

Статья 57 ГПК РФ детально регламентирует процедуру представления доказательств в гражданском процессе. По общему правилу доказательства представляются непосредственно сторонами, а также другими лицами, участвующими в деле, третьими лицами, прокурором, органами государственной власти и местного самоуправления, иными субъектами, наделёнными соответствующими процессуальными правами.

Суд при этом наделён правом предложить участвующим в деле лицам представить дополнительные доказательства, если имеющиеся в материалах дела сведения являются, по мнению суда, недостаточными для полного и всестороннего выяснения всех значимых обстоятельств [4, с. 238].

В тех ситуациях, когда самостоятельное представление необходимых доказательств для участвующих в деле лиц оказывается затруднительным или невозможным (например, когда документы находятся в распоряжении государственных органов, организаций, иных лиц, не являющихся участниками процесса), суд по их мотивированному ходатайству оказывает содействие в собирании и истребовании таких доказательств. Для этого заинтересованное лицо должно обратиться в суд с соответствующим ходатайством, в котором необходимо указать:

какое именно доказательство просит истребовать заявитель;

какие обстоятельства, имеющие значение для дела, могут быть установлены с помощью данного доказательства;

причины, по которым самостоятельное получение данного доказательства невозможно или затруднительно;

место нахождения доказательства – наименование и адрес лица, у которого оно находится.

Суд, удовлетворяя такое ходатайство, выдаёт стороне запрос для получения доказательства либо непосредственно запрашивает доказательство у соответствующего лица или организации.

При этом частью 3 статьи 57 ГПК РФ установлена обязанность должностных лиц и граждан, не имеющих возможности предоставить истребуемое судом доказательство вообще или в установленный судом срок, уведомить об этом суд в течение пяти дней со дня получения соответствующего судебного запроса с обязательным указанием конкретных причин невозможности исполнения требования суда. Неисполнение данной обязанности, равно как и невыполнение требования суда о представлении доказательства по причинам, которые суд признает неуважительными, влечёт за собой наложение судебного штрафа: на виновных должностных лиц в размере до одной тысячи рублей, на граждан, не являющих-

ся лицами, участвующими в деле, в размере до пятисот рублей. При этом наложение указанного штрафа не освобождает обязанных лиц от обязанности предоставить истребуемое судом доказательство.

Следует отметить, что действующее процессуальное законодательство наделяет суд правом произвести осмотр и исследование письменных или вещественных доказательств непосредственно по месту их хранения или нахождения в тех случаях, когда доставка таких доказательств в помещение суда невозможна или связана с существенными затруднениями. Такая необходимость может возникнуть, например, при исследовании объектов недвижимого имущества, крупногабаритных предметов, скоропортящихся веществ или доказательств, перемещение которых может привести к их повреждению или утрате.

Процедура осмотра и исследования доказательств по месту их нахождения осуществляется судом с обязательным предварительным извещением всех лиц, участвующих в деле, о времени и месте проведения данного процессуального действия, с тем чтобы обеспечить реализацию их права на участие в исследовании доказательств и заявление соответствующих замечаний и ходатайств. Однако неявка надлежащим образом извещённых участвующих в деле лиц не является препятствием для проведения осмотра и исследования, суд вправе осуществить данное процессуальное действие в их отсутствие.

При возникновении необходимости в получении специальных познаний для надлежащего осмотра и исследования доказательств суд вправе привлечь к участию в данном процессуальном действии экспертов, специалистов, а также вызвать свидетелей. Результаты проведённого осмотра и исследования фиксируются в протоколе, к которому могут прилагаться составленные или проверенные при осмотре планы, схемы, чертежи, расчёты, а также фотографии, видеозаписи и иные материалы.

Принципиально важным для понимания процесса доказывания является то, что суд принимает и исследует не любые представленные ему сведения, а только те доказательства, которые обладают свойствами относимости и допустимости.

Относимость доказательств (статья 59 ГПК РФ) означает, что суд принимает только те доказательства, которые имеют непосредственное значение для рассмотрения и разрешения конкретного дела по существу. Иными словами, доказательство является относимым, если содержащаяся в нём информация способна подтвердить или опровергнуть факты, входящие в предмет доказывания по данному делу [5, с. 54]. Доказательства, не имеющие отношения к рассматриваемому спору, судом отклоняются как не

относимые к делу, что направлено на обеспечение процессуальной экономии и предотвращение загромождения дела не имеющими значения материалами.

Допустимость доказательств (статья 60 ГПК РФ) заключается в том, что обстоятельства дела, которые в соответствии с законом должны быть подтверждены строго определёнными средствами доказывания, не могут подтверждаться никакими другими доказательствами, даже если последние содержат достоверную информацию. Данное правило является проявлением принципа законности в доказательственном процессе. Классическим примером применения правила допустимости является запрет ссылаться на свидетельские показания в подтверждение факта заключения сделки и её условий, если в силу закона данная сделка должна быть совершена в письменной форме (статья 162 Гражданского кодекса Российской Федерации).

Оба указанных свойства относимости и допустимости являются обязательными требованиями, предъявляемыми к каждому доказательству, и их несоблюдение влечёт за собой невозможность использования соответствующего доказательства при обосновании выводов суда.

Вместе с тем действующее процессуальное законодательство предусматривает ряд оснований, при наличии которых определённые обстоятельства не нуждаются в доказывании, то есть принимаются судом как установленные без представления соответствующих доказательств. Данные основания закреплены в статье 61 ГПК РФ и имеют существенное практическое значение, поскольку позволяют сократить объём доказательственной деятельности и ускорить процесс рассмотрения дела.

Общеизвестные факты. Обстоятельства, признанные судом общеизвестными, не нуждаются в доказывании. Общеизвестными являются факты, о которых осведомлён неопределённо широкий круг лиц, в том числе суд. К таким фактам могут относиться, например, стихийные бедствия, техногенные катастрофы, общеизвестные исторические события и другие обстоятельства, не вызывающие обоснованных сомнений. Признание факта общеизвестным является прерогативой суда.

Преюдициальные факты. Обстоятельства, установленные вступившим в законную силу судебным постановлением по ранее рассмотренному делу, являются обязательными для суда, рассматривающего новое дело с участием тех же лиц. Такие обстоятельства не доказываются вновь и не подлежат оспариванию при рассмотрении другого дела, в котором участвуют те же лица, а также лица, в отношении которых установлены данные обстоятельства. Данное правило,

именуемое преюдицией, направлено на обеспечение стабильности и непротиворечивости судебных актов, предотвращение вынесения противоречащих друг другу судебных решений по одним и тем же вопросам. Преюдициальное значение имеют не только решения судов общей юрисдикции, но также вступившие в законную силу решения арбитражных судов и приговоры судов по уголовным делам (в части установления факта совершения определённых действий и совершения их определённым лицом).

Факты, подтверждённые нотариусом. В соответствии с частью 5 статьи 61 ГПК РФ обстоятельства, подтверждённые нотариусом при совершении нотариального действия, освобождены от доказывания, если подлинность нотариально оформленного документа не была опровергнута в порядке, установленном статьёй 186 ГПК РФ (заявление о подложности доказательства), или если не было установлено существенное нарушение порядка совершения нотариального действия. Данная норма обусловлена особым публично-правовым статусом нотариуса и повышенной доказательственной силой нотариально удостоверенных документов.

Процессуальный закон предусматривает важный институт, направленный на сохранение доказательств, которым могут воспользоваться лица, участвующие в деле – институт обеспечения доказательств, регулируемый статьями 64 - 66 ГПК РФ. Так лица, участвующие в деле, у которых имеются обоснованные основания опасаться, что представление необходимых для них доказательств окажется впоследствии невозможным или существенно затруднительным, вправе обратиться в суд с просьбой об обеспечении этих доказательств. Такая необходимость может быть обусловлена, например, угрозой уничтожения или порчи вещественного доказательства, тяжёлым состоянием здоровья свидетеля, планируемым отъездом лица, располагающего важной информацией, за пределы Российской Федерации, и другими объективными причинами.

Для реализации данного права заинтересованному лицу необходимо обратиться в суд с письменным заявлением об обеспечении доказательств. В соответствии со статьёй 65 ГПК РФ такое заявление подаётся в суд, в производстве которого находится рассматриваемое дело, или в суд, в районе деятельности которого должны быть совершены процессуальные действия по обеспечению доказательств.

Заявление об обеспечении доказательств должно содержать следующие обязательные сведения:

- содержание (существо) рассматриваемого дела;
- информацию о сторонах и месте их прожи-

вания или нахождения;

указание на конкретные доказательства, обеспечение которых просит произвести заявитель;

описание обстоятельств, для подтверждения которых необходимы данные доказательства;

изложение причин, побудивших заявителя обратиться с данной просьбой, то есть обоснование реальной угрозы утраты доказательства или невозможности его последующего представления.

Суд, рассмотрев заявление об обеспечении доказательств, выносит соответствующее определение об удовлетворении заявления и принятии мер по обеспечению доказательств либо об отказе в обеспечении доказательств.

Здесь важно знать, что в случае вынесения судом определения об отказе в обеспечении доказательств заявитель не лишён возможности его обжалования. Действующее процессуальное законодательство предоставляет заинтересованному лицу право подать частную жалобу на определение суда об отказе в обеспечении доказательств в вышестоящий суд в порядке и сроки, установленные ГПК РФ [6, с. 77]. Данная гарантия направлена на обеспечение судебной защиты права участников процесса на сохранение и последующее использование доказательств, имеющих значение для правильного разрешения гражданского дела.

Резюмируя вышеизложенное возможно сделать вывод, что гражданский процесс, это такое «поле боя» где нет места сентиментальности, эмоциям, благородным намерениям и т.п. Здесь побеждает тот, кто лучше вооружён процессуально. И главным оружием является грамотно выстроенная доказательственная база.

Многолетняя судебная практика раз за разом подтверждает одну и ту же горькую истину: люди проигрывают не потому, что были неправы по существу спора, а потому, что не смогли доказать свою правоту в рамках установленных законом правил. Судья не телепат – он выносит решение исходя исключительно из того, что лежит в материалах дела, а не из того, что было на самом деле. Именно поэтому понимание архитектуры доказывания кто и что обязан доказывать, какие доказательства суд примет, а какие забракует, как добыть документы, которые оппонент намеренно скрывает, как своевременно зафиксировать улику, рискующую исчезнуть – это не академическая роскошь, а сугубо прикладная необходимость для каждого, кто переступает порог зала судебных заседаний. Глава 6 ГПК РФ – это подробная инструкция по выживанию в гражданском процессе. Тот, кто её освоил, имеет реальный шанс выйти из суда с нужным решением на руках. Тот, кто пренебрёг рискует обнаружить,

что самый справедливый иск может рассыпаться из-за банального процессуального просчёта.

Список литературы:

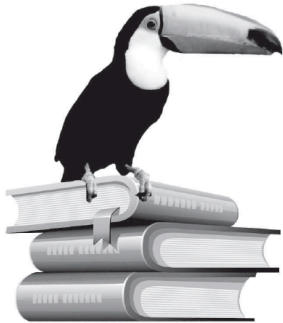
- [1] Треушников М.К. Судебные доказательства. — 5-е изд., доп. — М.: Издательский Дом «Городец», 2016. — С. 145-212 (глава, посвященная предмету и бремени доказывания).
- [2] Решетникова И.В. Доказывание в гражданском процессе: Учебно-практическое пособие для магистров. — 4-е изд., перераб. и доп. — М.: Издательство Юрайт, 2014. — С. 92-156 (раздел, касающийся стандартов доказывания и доказательственных презумпций).
- [3] Боннер А.Т. Проблемы установления истины в гражданском процессе. — СПб.: ООО «Издательство «Юридический центр Пресс», 2009. — С. 118-189 (глава об использовании научно-технических средств в процессе доказывания).
- [4] Ярков В.В. Гражданский процесс: Учебник для студентов юридических вузов и факультетов. — 10-е изд., перераб. и доп. — М.: Статут, 2017. — С. 238-305 (раздел «Доказательства и доказывание»).
- [5] Курылев С.В. Основы теории доказывания в советском правосудии. — Минск: Изд-во БГУ, 1969. — С. 54-120 (классический труд, посвященный сущности судебного доказательства).
- [6] Мохов А.А. Специфика доказывания при использовании специальных познаний в гражданском судопроизводстве. — Волгоград: Изд-во

ВолГУ, 2005. — С. 77-134 (глава о роли экспертных заключений как средств доказывания).

References:

- [1] Treushnikov M.K. Forensic evidence. - 5th ed., Add. - M.: Gorodets Publishing House, 2016. - pp. 145-212 (chapter on subject matter and burden of proof).
- [2] Reshetnikova I.V. Proving in civil proceedings: A practical manual for masters. - 4th ed., Revised and add. - M.: Yuright Publishing House, 2014. - S. 92-156 (section on standards of proof and evidentiary presumptions).
- [3] Bonner A.T. Truth-finding issues in the civil process. - St. Petersburg: Legal Center Press Publishing House LLC, 2009. - pp. 118-189 (chapter on the use of scientific and technical means in the evidentiary process).
- [4] V.V. Yarkov. Civil procedure: Textbook for students of law schools and faculties. - 10th ed., Revised and add. - M.: Statute, 2017. - pp. 238-305 ("Proofs and proofs" section).
- [5] Kurylev S.V. Fundamentals of the theory of proof in Soviet justice. - Minsk: Publishing House of BSU, 1969. - S. 54-120 (a classic work on the essence of judicial evidence).
- [6] Mokhov A.A. Specificity of evidence when using special knowledge in civil proceedings. - Volgograd: Publishing house VolSU, 2005. - S. 77-134 (chapter on the role of expert opinions as means of evidence).

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

БАДАМШИН Динар Наилевич,
аспирант
кафедры гражданского права Автономная
некоммерческая научно-исследовательская
организация «Международный институт
информатизации и государственного управления
им. П.А. Столыпина» Москва, Россия,
e-mail: badamshindinar@yandex.ru

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НЕДОБРОСОВЕСТНОЕ ВЕДЕНИЕ ПЕРЕГОВОРОВ В ГОСУДАРСТВАХ ЕАЭС: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Аннотация. В статье исследуется гражданско-правовая ответственность за недобросовестное поведение при ведении переговоров в государствах Евразийского экономического союза. Актуальность работы обусловлена тем, что расширение трансграничных предпринимательских связей сопровождается ростом расходов, которые стороны несут до заключения договора, тогда как национальные правовые порядки по-разному определяют основания и пределы их возмещения. Цель исследования состоит в выявлении общего и особенного в законодательстве России, Беларуси, Казахстана, Кыргызстана и Армении и в обосновании минимального стандарта регулирования преддоговорных отношений в ЕАЭС. Используются сравнительно-правовой, формально-юридический и системный методы, а также анализ судебных разъяснений, законопроектных материалов и Принципов международных коммерческих договоров УНИДРУА. Установлено, что в Союзе сложились две модели: специальное регулирование *culpa in contrahendo* в России и Беларуси и фрагментарная защита переговорного доверия посредством общих норм и правил об обязательном заключении договора в Казахстане, Кыргызстане и Армении. Обосновывается, что правовой оценке подлежит не сам отказ от сделки, а предшествовавшее ему поведение, сформировавшее разумное доверие контрагента. Предлагается ограничивать возмещение негативным договорным интересом, включая доказанные расходы и реальную утрату альтернативной сделки, а при неправомерном использовании конфиденциальной информации учитывать выгоду нарушителя. Научная новизна состоит в формулировании критериев допустимого прекращения переговоров и набора правил, пригодных для согласованного внедрения в национальные законодательства. Практическое значение выводов связано с подготовкой писем о намерениях, соглашений о конфиденциальности и условий о применимом праве.

Ключевые слова: недобросовестное ведение переговоров, преддоговорная ответственность, *culpa in contrahendo*, свобода договора, разумное доверие, переговорные убытки, негативный договорный интерес, конфиденциальная информация, трансграничные сделки, применимое право, предпринимательская деятельность, государства ЕАЭС.

BADAMSHIN Dinar Nailevich,
Postgraduate Student, Department of Civil Law
Stolypin International Institute of Informatization and
Public Administration Moscow, Russian Federation

CIVIL LIABILITY FOR BAD-FAITH NEGOTIATIONS IN THE EAEU MEMBER STATES: A COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS

Annotation. The article examines civil liability for bad-faith negotiations in the member states of the Eurasian Economic Union. Its relevance follows from growing cross-border business relations and expenditure

incurred before a contract is signed, while national systems define the grounds and limits of recovery differently. The study aims to identify common and distinctive features of the laws of Russia, Belarus, Kazakhstan, Kyrgyzstan and Armenia and to substantiate a minimum standard for regulating pre-contractual relations within the EAEU. The research employs comparative legal, formal legal and systemic methods and analyses judicial guidance, draft legislation and the UNIDROIT Principles of International Commercial Contracts. It identifies two regulatory models: express culpa in contrahendo rules in Russia and Belarus, and fragmented protection of reliance through general civil-law provisions and mandatory-contracting rules in Kazakhstan, Kyrgyzstan and Armenia. The article argues that legal assessment should focus not on the refusal to contract as such but on the preceding conduct that created the counterparty's reasonable reliance. Recovery should be limited to the negative contractual interest, including documented expenditure and the loss of a realistic alternative transaction. When confidential information is misused, the benefit obtained by the party acting in bad faith may also be taken into account. The scientific novelty lies in the proposed criteria for distinguishing a legitimate withdrawal from negotiations from a civil wrong and in a set of rules suitable for coordinated implementation in national legislation. The findings are practically relevant to letters of intent, confidentiality agreements, allocation of negotiation expenses and choice-of-law clauses.

Key words: *bad-faith negotiations, pre-contractual liability, culpa in contrahendo, freedom of contract, reasonable reliance, reliance loss, negative contractual interest, confidential information, cross-border transactions, applicable law, business activity, EAEU member states.*

Преддоговорная ответственность рассматривается в российской цивилистике с точки зрения ее правовой природы, состава возмещаемых убытков и соотношения с деликтными и договорными обязательствами [12; 13; 15; 16]. Однако сопоставление всех пяти право порядков ЕАЭС остается фрагментарным, особенно в части добровольных переговоров, которые прекращаются до возникновения обязанности заключить договор. Цель настоящего исследования — определить, какой объем защиты переговорного доверия уже обеспечивается национальным правом и какие элементы могут образовать минимальный союзный стандарт. Для ее достижения сопоставляются нормативные основания ответственности, условия возмещения расходов и утраченной альтернативы, правила о конфиденциальности и коллизионные решения. Научная новизна заключается в оценке этих элементов через единый критерий разумного доверия, созданного поведением контрагента. Теоретическая значимость такого подхода состоит в уточнении границы между свободой договора и гражданским правонарушением, практическая — в возможности заранее распределить преддоговорные риски в документах сторон.

К моменту, когда на проекте договора появляется подпись, стороны нередко уже успевают потратить значительные суммы. Проверен объект, привлечены консультанты, рассчитана финансовая модель, часть документов передана контрагенту. Иногда компания ради обсуждаемой сделки освобождает производственные мощности или откладывает другой проект. Все это еще не исполнение договора: самого договора может не быть. Но и считать такую стадию юридически безразличной было бы неверно.

От переговоров можно отказаться. Иначе свобода договора потеряла бы смысл, поскольку участник рынка оказался бы связан уже одним фактом серьезного обсуждения сделки. Проблема возникает в другом случае — когда внешне деловой процесс служит прикрытием. Так бывает, если доступ к документам запрашивается ради чужих расчетов, переговоры намеренно затягиваются для давления на конкурента либо готовность заключить договор изображается уже после принятого решения об отказе. В подобных случаях ссылка на предпринимательский риск и свободу договора утрачивает защитное значение, а действия стороны могут быть квалифицированы как недобросовестные на основании статей 1 и 10 ГК РФ и повлечь применение мер гражданско-правовой ответственности, включая возмещение убытков контрагенту.

Доктрина *culpa in contrahendo*, то есть ответственность за недобросовестное поведение на стадии переговоров, предлагает для подобных случаев иной угол зрения: оценивать не сам факт отказа, а то, как сторона вела себя до него. Без такого подхода более сильный участник мог бы использовать переговоры как инструмент давления, а требование добросовестности осталось бы формальностью. Правило о том, что сторона не обязана заключать договор, при этом сохраняется.

Разграничение между добросовестным предпринимательским просчетом и гражданским правонарушением определяется не самим фактом отказа от сделки, а характером поведения стороны, предшествовавшим такому отказу. Критерий выглядит очевидным, однако именно его применение на практике порождает наибольшие трудности. Любое деловое решение можно объ-

яснить внешне нейтральными причинами: ухудшением рыночной ситуации, отрицательным решением совета директоров, ужесточением банком условий кредитования, появлением более привлекательного партнера. Поэтому суду приходится анализировать не только приведенные стороной объяснения, но и всю совокупность ее действий в хронологической последовательности: когда возникла причина отказа, была ли она сообщена контрагенту и зачем после этого продолжались встречи, обмен проектами и запросы новых материалов.

Для коммерческого партнерства внутри ЕАЭС этот вопрос имеет непосредственное значение. Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года закрепляет свободу движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы [1]. Международной коммерческой сделке обычно предшествуют сбор информации, согласование существенных условий, распределение рисков и ответственности, а также иные преддоговорные процедуры. Между тем национальное право государств — членов Союза по-разному определяет последствия внезапного выхода из переговоров и ответственность за такое поведение. Это снижает уверенность контрагентов друг в друге, а различный уровень защиты доверия порождает издержки, которые для сторон одной сделки могут оказаться асимметричными.

Исследование выполнено последовательно в трех плоскостях. Сначала формально-юридическим методом установлено содержание специальных и общих норм гражданских кодексов России, Беларуси, Казахстана, Кыргызстана и Армении, относящихся к переговорам, обязательному заключению договора, злоупотреблению правом, убыткам и причинению вреда. Затем сравнительно-правовой метод использован для сопоставления оснований ответственности, распределения бремени доказывания и пределов возмещения при сходных фактических обстоятельствах. На заключительном этапе национальные решения соотнесены с Принципами УНИДРУА и коллизионным регулированием преддоговорных обязательств. Системный метод позволил рассматривать отдельные нормы не изолированно, а в связи со свободой договора, добросовестностью и полным возмещением убытков. Рабочая гипотеза состояла в том, что сближение режимов возможно без унификации гражданских кодексов, если предметом защиты признается разумное доверие, а ответственность связывается с конкретным недобросовестным поведением и причиненными им потерями.

Российский кодекс называет два поведения, недобросовестность которых предполагается [2]. Первое — предоставление неполной или недостоверной информации, включая умолчание об

обстоятельствах, которые по характеру будущего договора должны быть раскрыты. Второе — незапное и неоправданное прекращение переговоров в ситуации, когда другая сторона не могла разумно этого ожидать. Список не закрыт. Прямой запрет вступать в переговоры или продолжать их при заведомом отсутствии намерения достичь соглашения позволяет охватить симуляцию интереса, стратегическое затягивание и получение доступа к сведениям под ложным предлогом.

Презумпция здесь не освобождает истца от описания фактов. Заявление о том, что ответчик «вел себя нечестно», ничего не доказывает. Нужно показать, какая информация была запрошена и получена, насколько далеко продвинулось согласование, какие сигналы давал контрагент, знал ли он о расходах другой стороны, оставались ли открытыми принципиальные вопросы. После установления обстоятельств, прямо названных законом, именно ответчику приходится объяснять добросовестность своего поведения. Этот смысл распределения бремени доказывания раскрыт Верховным Судом России [3].

Из позиции Верховного Суда следует практическое ограничение: истцу не возмещают стоимость всякой работы, выполненной в период переговоров. Требование направлено на возвращение в положение, которое существовало бы без недобросовестного поведения [3]. Поэтому обычная зарплата штатного юриста или постоянная аренда офиса не превращаются в ущерб только из-за сорвавшейся сделки. Иной вопрос, если компания специально наняла эксперта, оплатила выездную проверку либо понесла дополнительные расходы после того, как контрагент уже решил выйти из проекта, но продолжал поддерживать противоположное впечатление. В таком споре приходится устанавливать не только сумму, но и момент, когда расход утратил обычный деловой характер и оказался вызван нарушением.

Еще строже должна проверяться ссылка на несостоявшийся договор с третьим лицом. Допустим, предприниматель утверждает, что ради ответчика отклонил предложение другого покупателя. Для вывода об убытках недостаточно показать, что такой покупатель вообще существовал. Нужны сведения о достигнутой стадии обсуждения, цене, сроке ответа и причинах, по которым предложение было оставлено без продолжения. Даже при наличии переписки альтернативная сделка не считается гарантированной. Суд оценивает вероятность ее заключения и связь отказа с тем доверием, которое создал ответчик.

Российское международное частное право снимает часть неопределенности специальной статьей 1222.1 ГК РФ [4]. К обязательству из недобросовестных переговоров применяется право, подлежащее применению к договору, а

если договор не заключен — право, которое применялось бы к нему. Лишь когда определить его невозможно, используются коллизионные правила о причинении вреда и последующем выборе права. Связь с предполагаемым договором выглядит естественно: стороны обсуждают конкретную сделку, и ее правовой центр обычно лучше места случайного получения электронного сообщения.

Беларусь недавно приблизилась к российской конструкции. Статья 404¹ ГК Республики Беларусь закрепила свободу переговоров, обязанность добросовестного поведения, презумпции при недостоверном информировании и внезапном неоправданном прекращении, возмещение расходов и утраченной возможности заключить договор с третьим лицом, конфиденциальность и соглашение о порядке переговоров [5]. Новелла внесена Законом от 13 ноября 2023 г. № 312-З и применяется с 19 ноября 2024 г.; официальный комментарий прямо называет ее новым институтом преддоговорной ответственности [6].

Почти дословное совпадение белорусской и российской статей пока не дает оснований говорить об одинаковой судебной практике. Российские суды применяют статью 434.1 ГК РФ с 2015 года и располагают разъяснениями Верховного Суда. Белорусская норма действует с ноября 2024 года. Поэтому содержание слов «внезапное» и «неоправданное» прекращение еще будет уточняться на материале конкретных дел. Вероятно, решающее значение получат не заявления сторон о намерениях, а более приземленные факты: степень согласования проекта, просьбы понести расходы, сообщение о корпоративном одобрении, сроки и действительная причина отказа. Нормы уже сближены; правоприменительный результат — еще нет.

Белорусская новелла одновременно опровергает опасение, будто специальная преддоговорная ответственность неизбежно ограничивает деловую инициативу. Кодекс сохранил право прекратить обсуждение и не возложил на стороны обязанность достичь результата. Ответственность возникает не вследствие перемены хозяйственного решения, а вследствие того, как участник распорядился доверием контрагента. Это различие принципиально: разумный предприниматель должен иметь возможность отказаться от сделки, но не должен перекладывать на другого расходы, сознательно вызванные ложным представлением о ее перспективах.

В Казахстане отсутствует общая норма, аналогичная статье 434.1 Гражданского кодекса Российской Федерации или статье 404¹ Гражданского кодекса Республики Беларусь, которые устанавливают ответственность за недобросовестное поведение на стадии переговоров независимо

от того, был ли в итоге заключен договор [7]. Вместо этого казахстанское законодательство предусматривает иные механизмы. Так, статья 399 ГК РК регулирует последствия уклонения от заключения договора, но лишь тогда, когда обязанность заключить его прямо установлена законом или кодексом. В таком случае допускаются понуждение к заключению договора и взыскание причиненных убытков. При обычном обсуждении коммерческой сделки подобной обязанности нет, поэтому распространить статью 399 на любой внезапный отказ означало бы изменить предмет ее регулирования.

Отсутствие специальной нормы отчасти компенсируется общими положениями гражданского законодательства — принципом добросовестности, запретом злоупотребления правом, правилами о возмещении убытков и деликтной ответственности. Но такой подход оставляет вопросы, на которые доктрина и практика пока не дают устойчивого ответа. Каким именно субъективным правом злоупотребляет сторона, если при обычном обмене проектами будущего договора она ведет себя недобросовестно? С какого момента между участниками возникает охраняемая правом относительная связь? Можно ли возместить потери, выраженные в утрате возможности заключить альтернативную сделку с третьим лицом? Отсылка к общему принципу добросовестности сама по себе не заменяет состава гражданско-правовой ответственности, в котором необходимо установить противоправность, вину, убытки и причинную связь.

Примечательно, что необходимость прямого регулирования ответственности за вред, причиненный недобросовестным поведением на стадии переговоров, в Казахстане уже обсуждалась. Соответствующая статья 921-1 была включена в проект изменений и дополнений в Гражданский кодекс, что подтверждает признание проблемы на законодательном уровне [8]. Однако проект не приобрел силу действующей нормы, поэтому ссылаться на него как на состоявшееся решение нельзя. Пока практический выход для сторон состоит прежде всего в договорной фиксации конфиденциальности, эксклюзивности, расходов и порядка прекращения переговоров.

Кыргызское право находится в сходном положении. Статья 406 ГК Кыргызской Республики предусматривает убытки при необоснованном уклонении стороны, для которой заключение договора обязательно, а статья 407 регулирует передачу преддоговорных разногласий в суд [9]. Общие положения запрещают осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред и злоупотребление правом в иной форме. Но универсального режима ответственности за недостоверную информацию, переговоры

без намерения и неожиданное прекращение добровольного обсуждения кодекс не формулирует.

Разница между специальной и общей нормой особенно заметна в вопросе о доверии. При обязательном заключении договора источник ожидания очевиден — закон или ранее принятое обязательство. В свободных переговорах ожидание рождается постепенно из поведения контрагента. Он утверждает бюджет, просит начать адаптацию производства, согласовывает последнюю версию текста, назначает дату подписания. Общая норма должна объяснить, когда такая последовательность становится юридически значимой. Статьи об обязательном договоре на этот вопрос не отвечают.

Гражданский кодекс Армении также не содержит отдельной общей статьи о недобросовестном ведении переговоров [10]. Его статья 461 позволяет понудить к заключению договора сторону, для которой он обязателен, и взыскать убытки при необоснованном уклонении; статья 462 касается преддоговорных разногласий. За пределами этих ситуаций возможны ссылки на запрет злоупотребления правом, общую норму о полном возмещении вреда и правила о возмещении убытков. Такая опора юридически возможна, но результат во многом зависит от квалификации поведения судом.

Есть и дополнительная сложность. Армянский кодекс запрещает по аналогии применять нормы, ограничивающие гражданские права и устанавливающие ответственность [10]. Поэтому простое заимствование по аналогии подробного режима обязательного договора или специальной нормы об отдельном виде сделки спорно. Истцу нужно вывести требование непосредственно из общего состава причинения вреда и доказать противоправность, вред, причинную связь и вину либо сослаться на нарушенное соглашение сторон. Это делает исход менее предсказуемым, чем при прямом закреплении переговорной обязанности.

Сопоставление пяти правопорядков обнаруживает две модели. Россия и Беларусь признают переговоры самостоятельной стадией, на которой закон прямо создает обязанности и называет возмещаемый интерес. Казахстан, Кыргызстан и Армения защищают отдельные преддоговорные ситуации и оставляют добровольные переговоры общим положениям либо соглашению сторон. Нельзя сказать, что во второй группе защита отсутствует. Точнее другое: ее основание и пределы приходится каждый раз собирать из нескольких норм, а значит, участник хуже предсказывает результат до обращения в суд.

Международные Принципы УНИДРУА дают компактный общий знаменатель. Статья 2.1.15 исходит из свободы переговоров и отсутствия

ответственности за недостижение соглашения, но возлагает убытки на того, кто вел или прекратил переговоры недобросовестно. Частный пример — вступление в обсуждение либо его продолжение без намерения договориться. Статья 2.1.16 отдельно охраняет конфиденциальную информацию и допускает учитывать выгоду нарушителя при выборе средства защиты [11]. Сопоставление национальных правил государств ЕАЭС с этим подходом показывает, позволяют ли законодательные формулировки полноценно защищаться от контрагента, который извлек выгоду из собственного недобросовестного поведения.

Самым опасным было бы составить закрытый перечень нарушений. Предпринимательские практики меняются быстрее кодекса. Сегодня недобросовестность может выражаться в доступе к данным без реального интереса, затра — в использовании автоматически собранной аналитики или в затягивании цифрового аукциона ради информации о цене. Закон должен назвать основные презумпции, но оставить суду возможность оценить иное поведение. Одновременно открытость перечня нельзя превращать в свободное усмотрение: нужны проверяемые критерии.

Первый критерий — сформированное самой стороной разумное доверие. Чем ближе переговоры к согласованию существенных условий и чем определеннее сообщения о готовности подписать договор, тем серьезнее основания контрагента полагаться на них. Второй — известность расходов. Если будущий заказчик просит изготовить образец, привлечь оценщика или отказаться от другого проекта, он понимает последствия просьбы. Третий — причина и способ выхода. Объективное изменение обстоятельств может оправдать прекращение, но молчание до последнего дня и вымышленная причина говорят уже о характере поведения.

Не всякая недостоверность информации освобождает от ответственности. Переговоры допускают оптимистичные оценки, предварительные расчеты и изменение позиции. Юридически значимо то, могла ли сообщенная информация повлиять на решение о продолжении переговоров или расходах, знала ли сторона о ее ложности, обязана ли была уточнить неопределенность. Для профессионального участника выше стандарт проверки собственных утверждений, но и контрагент не освобождается от обычной осмотрительности. Добросовестность не должна поощрять намеренное закрывание глаз на очевидный риск.

Расчет убытков удобно вести по контрафактическому вопросу: какие расходы и потери не возникли бы, если бы нарушитель действовал честно? Если переговоры изначально были фиктивными, точкой сравнения становится отсутствие переговоров. Если недобросовестность по-

явилась позднее, например решение отказаться было скрыто на три недели, возмещаются прежде всего расходы этого периода и вызванные задержкой потери. Такой подход точнее механического взыскания всего, что было потрачено с первого письма. Он связывает размер ответственности с конкретным нарушением.

Коммерческая тайна требует особого расчета. Потерпевший может не доказать прямое уменьшение имущества, хотя нарушитель сэкономил на собственной разработке или получил преимущество на торгах. Ориентируясь на выгоду нарушителя, Принципы УНИДРУА допускают определение компенсации с учетом того, что недобросовестный контрагент получил вследствие нарушения, например благодаря использованию конфиденциальной информации, раскрытой в ходе переговоров [11]. По своему экономическому результату такое средство защиты препятствует сохранению выгоды у нарушителя, даже когда обычный расчет реального ущерба затруднен.

Документирование переговоров полезно не только для будущего истца. Оно защищает и сторону, которая отказалась от сделки по нормальной коммерческой причине. Если существенные договоренности, просьбы понести расходы и предупреждения о сохраняющихся рисках фиксировались по мере их возникновения, позднее труднее представить обычный отказ как внезапный. Полнота здесь означает не накопление всей переписки без разбора, а системную фиксацию изменения позиций, осведомленности о затратах и условий, при которых обсуждение могло быть прекращено. Чем последовательнее зафиксирована хронология переговоров, тем меньше простора для субъективных интерпретаций в суде и тем выше вероятность защитить свои интересы ссылкой на конкретные документы, подтверждающие обоснованность ожиданий.

Письмо о намерениях нельзя оценивать только по заголовку. Документ с фразой «не создает обязательств» может одновременно содержать обязательные условия о конфиденциальности, эксклюзивности, расходах и применимом праве. Обратная ситуация тоже возможна: торжественно названное «соглашение» лишь фиксирует текущие позиции. Суду следует читать содержание, а не ярлык, и отделять отсутствие обязанности заключить основной договор от уже возникших обязанностей корректно вести переговорный процесс.

В трансграничной ситуации к спору добавляется вопрос о применимом праве. Российская статья 1222.1 отсылает к праву, которое регулирует или регулировало бы предполагаемый договор [4]. В других сравниваемых системах специальной привязки может не быть. Тогда спор начинается с квалификации: считать ли требование

договорным, деликтным либо самостоятельным преддоговорным. Это не терминологическая игра. Результат квалификации способен изменить и применимое право, и срок исковой давности, и объем возмещения. Научная литература справедливо рассматривает это как отдельную проблему *culpa in contrahendo* — ответственности за вину при заключении договора, которая возникает на стадии переговоров и не зависит от того, будет ли договор в итоге заключен [14]. Согласованный выбор права в письме о намерениях или соглашении о переговорах не устраняет всех разногласий, но заметно уменьшает их число.

Полная унификация законодательства в рамках ЕАЭС вряд ли достижима, однако минимальный стандарт регулирования преддоговорных отношений государства-участники могут включить в национальные правовые системы с учетом структуры собственных кодексов. В таком стандарте следует закрепить свободу вступления в переговоры и их прекращения; запрет недобросовестного поведения на этой стадии; опровержимые презумпции недобросовестности при предоставлении заведомо ложной информации и внезапном неоправданном выходе из переговоров; возмещение негативного интереса, включая документально подтвержденную утрату возможности заключить альтернативную сделку; защиту конфиденциальной информации, полученной в ходе переговоров. Для трансграничных отношений к этому целесообразно добавить привязку к праву предполагаемого договора.

Практической формой такого сближения могут стать модельные рекомендации. Национальные кодексы по-разному объясняют убытки, вину и злоупотребление правом, поэтому дословно одинаковая статья все равно работала бы в разном нормативном окружении. Существеннее согласовать правовой результат: предприниматель должен заранее понимать, что честный отказ допустим, ложное поддержание чужого ожидания — нет, а размер требования зависит от расходов и иных потерь, вызванных конкретным нарушением.

Казахстан проявил готовность к введению прямой нормы [8], а наличие в законодательстве Казахстана, Кыргызстана и Армении правил об обязательном заключении договора свидетельствует о том, что институт преддоговорных убытков не является чуждым для их правовых порядков. Российская и белорусская нормы могут служить отправной точкой, но не готовым шаблоном: судебной практике еще предстоит уточнить момент возникновения оправданного ожидания, порядок оценки утраченной альтернативы и вреда от использования закрытых данных. Поэтому целью гармонизации выступает не введение принципиально нового вида ответственности, а формиро-

вание более четких контуров уже существующей гражданско-правовой защиты.

Главный риск сближения законодательства государств — участников ЕАЭС связан с чрезмерно широким толкованием принципа добросовестности. Суд не должен проявлять благосклонность к одной из сторон лишь потому, что сделка оказалась неудачной, или оценивать хозяйственную целесообразность решения, не относящуюся к предмету спора. Ответственность за поведение на стадии переговоров оправдана тогда, когда сторона контролировала формирование у контрагента ложного представления о своих намерениях, поддерживала его и извлекла из этого выгоду либо без разумных оснований переложила на другую сторону предсказуемые расходы. Такой подход сохраняет баланс между свободой договора и защитой доверительных ожиданий участников переговоров. Именно равновесие этих начал, а не безусловный приоритет одного из них, делает институт переговорного права пригодным для предпринимательского оборота.

Сравнение национальных подходов приводит к следующему выводу. В рамках ЕАЭС сложилось общее понимание того, что уклонение от обязательного заключения договора и причинение преддоговорных убытков влекут гражданско-правовые последствия. В отношении добровольных переговоров режимы, однако, различаются: Россия и Беларусь регулируют их прямо, тогда как Казахстан, Кыргызстан и Армения используют общие положения и специальные конструкции. Одинаковое поведение поэтому получает разную степень правовой определенности. Сблизить подходы можно, не превращая любой отказ в правонарушение, если в центр защиты поставить разумное доверие, а пределом возмещения признать потери, причинно связанные с недобросовестным поведением. До принятия минимального стандарта участникам трансграничных сделок целесообразно документально фиксировать переговорный процесс: оговорку о свободе незаключения договора следует сопровождать условиями о конфиденциальности, расходах, эксклюзивности, порядке уведомления и применимом праве.

Список литературы:

- [1] Договор о Евразийском экономическом союзе (Астана, 29 мая 2014 г.) (с изм. и доп.). URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/ef8/ixygbob0o9pvc5vjrb0sl4vj4pgoiq7/dogovor_o_eaes_2024.pdf (дата обращения: 12.08.2026).
- [2] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): ст. 434.1 «Переговоры о заключении договора». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/f5e55adcc2ef06ee9e5b7f57f0f3ca3d2ea8825c/ (дата обращения: 12.08.2026).
- [3] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 г. № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_314779/ (дата обращения: 12.08.2026).
- [4] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья): ст. 1222.1 «Право, подлежащее применению к обязательствам, возникающим вследствие недобросовестного ведения переговоров о заключении договора». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34154/966e68ad282417a41236603e6487973e71efbd41/ (дата обращения: 12.08.2026).
- [5] Гражданский кодекс Республики Беларусь: ст. 404¹ «Переговоры о заключении договора». URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9800218> (дата обращения: 12.08.2026).
- [6] Новый институт преддоговорной ответственности в гражданском законодательстве Республики Беларусь // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. 2023. 20 декабря. URL: <https://pravo.by/novosti/analitika/2023/december/76298/> (дата обращения: 12.08.2026).
- [7] Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть), принят Верховным Советом Республики Казахстан 27 декабря 1994 г. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K940001000_ (дата обращения: 12.08.2026).
- [8] Постановление Правительства Республики Казахстан от 29 марта 2022 г. № 171 «О проекте Закона Республики Казахстан “О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам совершенствования гражданского законодательства и улучшения условий для предпринимательской деятельности”». URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2200000171> (дата обращения: 12.08.2026).
- [9] Гражданский кодекс Кыргызской Республики. Часть I от 8 мая 1996 г. № 15. URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/3-1/edition/52160/ru> (дата обращения: 12.08.2026).
- [10] Гражданский кодекс Республики Армения, принят Национальным Собранием 5 мая 1998 г. (официальный русский текст). URL: <https://www.arlis.am/hy/acts/173488> (дата обращения: 12.08.2026).
- [11] UNIDROIT Principles of International Commercial Contracts 2016. Arts. 2.1.15–2.1.16. URL: <https://www.unidroit.org/wp-content/uploads/2021/06/Unidroit-Principles-2016-English-bl.pdf> (accessed: 12.08.2026).
- [12] Дёмкина А. В. Ответственность за недобросовестное ведение перегово-

ров по законодательству России и Франции: сравнительно-правовой анализ // Вестник Томского государственного университета. Право. 2021. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otvetstvennost-za-nedobrosovestnoe-vedenie-peregovorov-po-zakonodatelstvu-rossii-i-frantsii-sravnitelno-pravovoy-analiz> (дата обращения: 12.08.2026).

[13] Саркисян В. В. Ответственность за недобросовестное ведение переговоров: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Курск, 2022. URL: <https://swsu.ru/upload/iblock/baf/hrqke3to1qo5l4cunbmbvupl9184f22/Avtoreferat-Sarkisyan-V.V.pdf> (дата обращения: 12.08.2026).

[14] Давыденко Д. Л. Применение правил culpa in contrahendo к переговорам об урегулировании гражданско-правового спора // Право.by. 2024. URL: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/322310/1/Davydenko%20D.L.%20Primenenie%20pravil%20Culpa%20in%20Contrahendo.pdf> (дата обращения: 12.08.2026).

[15] Соломин С. К. Правовая природа обязанности возмещения убытков за недобросовестное ведение переговоров // Вестник Омской юридической академии. 2023. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-priroda-obyazannosti-vozmescheniya-ubytkov-za-nedobrosovestnoe-vedenie-peregovorov> (дата обращения: 12.08.2026).

[16] Долгополов М. Н. Убытки от недобросовестного ведения переговоров (преддоговорные убытки) // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2022. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ubytki-ot-nedobrosovesnogo-vedeniya-peregovorov-preddogovornye-ubytki> (дата обращения: 12.08.2026).

References:

[1] Eurasian Economic Union Treaty (Astana, May 29, 2014) (amended and supplemented). URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/ef8/ixygbob0o9pvc5vjrb0sl4vj4pgoiq7/dogovor_o_eaes_2024.pdf (дата обращения: 12.08.2026).

[2] Civil Code of the Russian Federation (part one): Art. 434.1 "Negotiations on the conclusion of a contract." URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/f5e55adcc2ef06ee9e5b7f57f0f3ca3d2ea8825c/ (access date: 12.08.2026).

[3] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 25, 2018 No. 49 "On some issues of application of the general provisions of the Civil Code of the Russian Federation on the conclusion and interpretation of the contract." URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_314779/ (access date: 12.08.2026).

[4] Civil Code of the Russian Federation (part three): Art. 1222.1 "Right to be applied to obligations arising from unfair negotiation of a contract." URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34154/966e68ad282417a41236603e6487973e71efbd41/ (access date: 12.08.2026).

[5] Civil Code of the Republic of Belarus: Art. 404 ¹ "Negotiations on the conclusion of a contract." URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9800218> (access date: 12.08.2026).

[6] New institution of pre-contractual liability in civil legislation of the Republic of Belarus // National legal Internet portal of the Republic of Belarus. 2023. December 20. URL: <https://pravo.by/novosti/analitika/2023/december/76298/> (access date: 12.08.2026).

[7] Civil Code of the Republic of Kazakhstan (General Part), adopted by the Supreme Council of the Republic of Kazakhstan on December 27, 1994 URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K940001000_ (accessed: 12.08.2026).

[8] Decree of the Government of the Republic of Kazakhstan dated March 29, 2022 No. 171 "On the draft Law of the Republic of Kazakhstan" On Amendments and Additions to Certain Legislative Acts of the Republic of Kazakhstan on Improving Civil Legislation and Improving Conditions for Entrepreneurial Activity. "URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2200000171> (access date: 12.08.2026).

[9] Civil Code of the Kyrgyz Republic. Part I, dated 8 May 1996, No. 15. URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/3-1/edition/52160/ru> (access date: 12.08.2026).

[10] Civil Code of the Republic of Armenia, adopted by the National Assembly on May 5, 1998 (official Russian text). URL: <https://www.arlis.am/hy/acts/173488> (access date: 12.08.2026).

[11] UNIDROIT Principles of International Commercial Contracts 2016. Arts. 2.1.15–2.1.16. URL: <https://www.unidroit.org/wp-content/uploads/2021/06/Unidroit-Principles-2016-English-bl.pdf> (accessed: 12.08.2026).

[12] A. V. Demkina. Responsibility for unfair negotiations on the legislation of Russia and France: comparative legal analysis // Bulletin of Tomsk State University. Right. 2021. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otvetstvennost-za-nedobrosovestnoe-vedenie-peregovorov-po-zakonodatelstvu-rossii-i-frantsii-sravnitelno-pravovoy-analiz> (дата обращения: 12.08.2026).

[13] V.V. Sargsyan. Responsibility for unfair negotiation: ref. dis.... cand. jurid. sciences. Kursk, 2022. URL: <https://swsu.ru/upload/iblock/baf/hrqke3to1qo5l4cunbmbvupl9184f22/Avtoreferat-Sarkisyan-V.V.pdf> (дата обращения: 12.08.2026).

[14] D. L. Davydenko. Application of culpa in contrahendo rules to civil dispute settlement

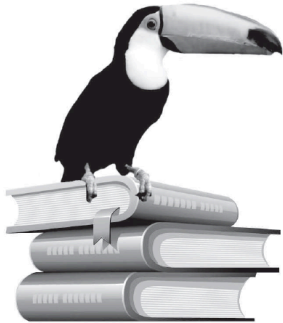
negotiations // Право.by. 2024. URL: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/322310/1/Davydenko%20D.L.%20Primenenie%20pravil%20Culpa%20in%20Contrahendo.pdf> (дата обращения: 12.08.2026).

[15] Solomin S.K. The legal nature of the obligation to indemnify for unfair negotiation // Bulletin of the Omsk Law Academy. 2023. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-priroda-obyazannosti-vozmescheniya-ubytkov-za->

nedobrosovestnoe-vedenie-peregovorov (дата обращения: 12.08.2026).

[16] Dolgoplov M.N. Losses from unfair negotiation (pre-contractual losses) // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. 2022. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ubytki-ot-nedobrosovesnogo-vedeniya-peregovorov-preddogovornye-ubytki> (дата обращения: 12.08.2026).

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЕЛЧУЕВ Эльвин Ильхамович,
аспирант, Образовательное учреждение
профсоюзов высшего образования «Академия
труда и социальных отношений», г. Москва,
e-mail: Elchuev2014@yandex.ru

Научный руководитель:
КЛЮКИНА Дина Владимировна,
кандидат экономических наук, доцент, профессор
кафедры наук и социальных коммуникаций
факультета социальных наук и технологий,
Образовательное учреждение профсоюзов
высшего образования «Академия труда и
социальных отношений», г. Москва,
e-mail: falileeva142@mail.ru

СПЕЦИФИКА ГОСУДАРСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ ЗА КАЧЕСТВОМ ОКАЗАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ УСЛУГ В ГОРОДАХ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ: ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Аннотация. Целью исследования является установление специфических черт государственного контроля качества предоставления публичных услуг в городах федерального значения, определение специфики применения мониторинговых мероприятий в данных субъектах Российской Федерации. Рассмотрены правовые основы, методы и проблемы осуществления государственного контроля качества предоставления публичных услуг в городах федерального значения. Из выводов следует, что цифровизация контрольной деятельности осуществляется в городах федерального значения активнее, чем в иных субъектах РФ, но возникают особые сложности, связанные со статусом и социально-экономическим развитием. На основании анализа можно сделать вывод о слабо развитом институте отзывов граждан, слабой вовлеченности получателей услуг в процедуры обратной связи и отсутствии единого подхода к оценке качества обслуживания на этапе подготовки услуги и этапе ее оценки после реализации. Авторами выделен единый принцип организации мониторинга как сочетание трех его стадий (подготовка к оказанию услуги, производство услуги, оценка по факту оказания услуги) и трех видов контроля (предварительный, текущий и завершающий). Установлена потребность перехода на единую систему контроля, а также переход на режим проактивного оказания услуг с учетом специфики городов федерального значения как субъектов РФ при оказании услуг населению.

Ключевые слова: контроль, мониторинг, город федерального значения, регламент, оказание услуг, услуга, качество.

ELCHUEV Elvin Ilkhamovich,
postgraduate student, Educational Institution of the
Trade Unions of Higher Education «Academy of
Labour and Social Relations», Moscow

Supervisor:
KLYUKINA Dina Vladimirovna,
PhD in Economics, Associate Professor, Professor
of the Department of Sciences and Social
Communications, Faculty of Social Sciences and
Technology Educational Institution of the Trade
Unions of Higher Education «Academy of Labour and
Social Relations», Moscow

THE SPECIFICS OF STATE CONTROL OVER THE QUALITY OF PUBLIC SERVICE DELIVERY IN FEDERAL CITIES: DEVELOPMENT PROSPECTS

Annotation. The purpose of the study is to establish the specific features of state quality control of public services in cities of federal significance, to determine the specifics of the application of monitoring measures in these subjects of the Russian Federation. The legal bases, methods and problems of state quality control of public services in cities of federal significance are considered. The conclusions show that digitalization of control activities is carried out more actively in cities of federal significance than in other regions of the Russian Federation, but there are special difficulties associated with status and socio-economic development. Based on the analysis, it can be concluded that the institution of citizen feedback is poorly developed, service recipients are poorly involved in feedback procedures, and there is no unified approach to assessing the quality of service at the stage of service preparation and evaluation after implementation. The authors have identified a single principle of monitoring organization as a combination of its three stages (preparation for the provision of services, production of services, assessment upon the provision of services) and three types of control (preliminary, ongoing and final). The need to switch to a unified control system has been established, as well as the transition to a proactive service provision regime, taking into account the specifics of cities of federal significance as subjects of the Russian Federation in providing services to the public.

Key words: control, monitoring, city of federal significance, regulations, provision of services, service, quality.

ВВЕДЕНИЕ

Оказание услуг выступает одной из важнейших функций государства, реализуемой органами власти в пределах своей компетенции. Качество, полнота и доступность услуг определяют удовлетворение потребностей населения и доверие граждан государственной власти. В таких условиях государственный контроль призван оценивать соблюдение требований регламентов, обнаруживать нарушения и недостатки, способствовать росту качества оказания услуг. Цифровизация общественной жизни привела к переводу подавляющего большинства государственных услуг для населения и организаций в электронный вид. С одной стороны, это привело к росту доступности, скорости оказания услуг, с другой стороны – определило новые вызовы (обеспечение сохранности сведений и персональных данных от несанкционированного доступа, обеспечение бесперебойной работы информационных государственных сервисов, своевременное выявление и устранение ошибок и др.), что, закономерно должно повлечь и соответствующее условиям изменение государственного контроля.

ПОНЯТИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ, МОНИТОРИНГА КАЧЕСТВА

В крупных городах с высокой плотностью населения и значительной численностью заявлений от населения проблема качества предоставления госуслуг оказывается особенно острой. Данные обстоятельства диктуют повышенные требования к качеству деятельности органов государственного управления. По мнению Круглова А. Ю., Левинзон М. Л., Россия представляет

собой социально-правовое государство, обеспечивающее граждан гарантиями реализации их прав и свобод. Актуальным ввиду этого выступает решение вопроса своевременного исполнения государственных обязательств – от этого зависит социальная стабильность общества [Круглов, Левинзон, 2025]. Из-за высокой концентрации получателей услуг в крупных городах (федерального значения) существует высокая вероятность появления проблем с качеством данных услуг.

Работа выполнена по системному методологическому принципу, включающему формально-правовой анализ законодательства (нормативно-правовые документы) и теоретическое обоснование сущности государственного контроля в рассматриваемой сфере. Изучены Федеральные законы (прежде всего ФЗ № 210 «О государственной системе предоставления государственных и муниципальных услуг», Федеральный закон № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации»), регламентирующие порядок ведения мониторинга, понятие и сущность государственного контроля. Для анализа применены методы сравнения, позволяющие отметить особенности между практикой федеральных городов и ситуацией в стране в целом.

Государственное регулирование оказания услуг – это совокупность действий специально уполномоченных органов по контролю за соблюдением требований, предъявляемых к качеству оказания услуги в ходе процесса или результату его завершения. А. Ю. Жильников, М. С. Агафонова и Е. А. Губертов выделяют

в качестве одной из главных функций управления – функцию контроля, которую они связывают с остальными государственными функциями управления [Жильников, Агафонова, Губертов, 2024]. Функция системы контроля позволяет определить эффективность работы органов власти и их решений. В соответствии с п. 1 ст. 1 Федерального закона от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации», государственный контроль представляет собой «деятельность контрольных (надзорных) органов, направленная на предупреждение, выявление и пресечение нарушений обязательных требований, осуществляемая в пределах полномочий указанных органов посредством профилактики нарушений обязательных требований, оценки соблюдения гражданами и организациями обязательных требований, выявления их нарушений, принятия предусмотренных законодательством Российской Федерации мер по пресечению выявленных нарушений обязательных требований, устранению их последствий и (или) восстановлению правового положения, существовавшего до возникновения таких нарушений». Контрольная деятельность государства определяется полномочиями по анализу и оценке соблюдения обязательных требований. Представляется, что в такой трактовке государственный контроль выступает мерой оценки исполнения установленных требований, регламентов (в части оказания услуг), при этом из сферы контроля исключается оценка именно «качества» оказания услуг, предполагающая учет мнения непосредственных получателей таких услуг. Восполнить такой пробел способен мониторинг качества.

Мониторинг качества – система наблюдений, оценки и анализа данных по вопросам уровня оказания государственных услуг. От разовых проверок его отличает систематичность и постоянство. По мнению А. Н. Волковой мониторинг представляет собой механизм выстраивания конструктивного взаимодействия на уровне федеральных органов власти и органов государственной власти субъектов РФ [Волкова, 2023], что обеспечивает развитие экономики и повышение эффективности управления при изменчивых факторах внешней среды.

Государственный контроль призван обеспечивать:

- законность деятельности органов власти;
- эффективность работы органов власти;
- достижение поставленных целей.

Виды контроля делятся по нескольким основаниям. По срокам проведения различают предварительный, текущий и последующий. Предварительный контроль направлен на организацию процесса предоставления услуг, определяется их

нормативная база. Текущий контроль проводится в процессе осуществления услуг для проверки выполнения регламентов. Последующий контроль направлен на анализ итогов выполненной работы, принятие мер относительно поступлений претензий от потребителей услуг.

Контроль должен осуществляться на основе следующих принципов: принцип законности, принцип систематичности контроля, принцип своевременности контроля, принцип полного охвата процесса оказания услуг, принцип объективности и гласности контроля [Жильникова, Агафонова, Губертова, 2024]. Способы проведения контрольных мероприятий могут быть проверка документации, выездные мероприятия на местах, опросы граждан. Применение технологий ИИ и аналитики позволяет раскрыть дополнительные потенциальные возможности государственного контроля.

ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ПРОЦЕССА ОКАЗАНИЯ УСЛУГ В ГОРОДАХ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ

Высокая концентрация населения в городах федерального значения определяет объемы оказания услуг. Ежедневный приток десятков тысяч посетителей многофункциональных центров Москвы и Санкт-Петербурга является тому подтверждением. В связи с этим актуальной становится автоматизация процессов контроля. Использование электронных систем обратной связи (sms - опросы, он-лайн анкетирование) обеспечивает возможность оперативного сбора информации Об удовлетворенности населения качеством оказания услуг [Круглов, Левинзон, 2025].

Однако, высокий уровень цифровизации пространства оказания услуг не свидетельствует о высоком их качестве, требует адекватной системы контроля. Настоящим примером служат контрольные практики в различных отраслях сферы услуг. В сфере недвижимости и кадастрового учета уже действуют предиктивные решения: например, можно дистанционно зарегистрировать объект и через минуту запросить выписку из ЕГРН. При этом чтобы получить то же свидетельство о постановке на учет от БТИ необходимо лично прийти в МФЦ, ожидать. Э.В. Талапина и Д.Ю. Козяр (Двинских) отмечают, что формальный контроль исполнения планов по внедрению проактивного режима недостаточен, необходимо развитие компетенций госорганов в области цифровизации [Талапина, Козяр Двинских, 2024].

Еще одна специфическая проблема федеральных городов связана с комфортностью условий предоставления услуг. В административных регламентах содержатся требования к помещениям, наличию электронной системы управления очередью, компьютеров с доступом в интернет. Однако, вопросы финансирования, выделения помещений и штатного обеспечения лежат вне

зоны ответственности конкретного руководителя, чью работу оценивают граждане. Оценка деятельности государственных органов должна быть правильно сформирована и законодательно закреплена, иначе она не достигнет поставленных целей [Зуева, 2019].

Важнейшим инструментом обратной связи выступает специализированный сайт «Ваш контроль». Эта платформа позволяет гражданам оценивать качество услуг по пятибалльной шкале и оставлять текстовые отзывы. А.В. Савоськин, В.А. Мещерягина и А.Ш. Вохидова подчеркивают, что создание специальных платформ для открытого размещения отзывов на первый взгляд выглядит эффективным способом сбора информации [Савоськин, Мещерягина, Вохидова, 2024]. Однако, институт отзывов еще недостаточно развит. Многие граждане не осведомлены о возможности выражения своего мнения или опасаются негативных последствий.

Оценка качества услуг производится на этапе производства [Тарасова, 2019]. Подготовительный и послереализационный этапы остаются вне зоны контроля. Такое положение дел противоречит основополагающим принципам, заложенным в нормах законов о предоставлении государственных услуг. Требуется комплексный подход, включающий:

- предварительный контроль (разработка стандартов);
- текущий (сравнение реальных результатов с нормативными);
- заключительный (работа с обращениями потребителей).

Организация мониторинга - многоступенчатый процесс, состоящий из множества последовательных взаимосвязанных процедур. На первом этапе уточняются цель исследования, объект и предмет мониторинга, его методология и задачи формулируются требования к получению первичной информации. Федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим мониторинг на территории Российской Федерации выступает Минэкономразвития России (Постановление Правительства РФ от 25 мая 2022 г. № 951 [Савоськин, Мещерягина, Вохидова, 2024]).

В городах федерального значения реализация концепции государственного контроля осложняется рядом проблем, решение которых возможно только путем создания системного механизма. В первую очередь, речь идет о необходимости выработки единой методики по подготовке и постреализационному контролю с учетом специфики предлагаемых услуг во всех сферах деятельности. Для чего Т. А. Сапунова, Ю. Ю. Порохня считают необходимыми специфические показатели - это длительность предоставления услуг, число этапов и процедур, общая

сумма затрат, а также ключевой показатель – уровень удовлетворенности получателей этих услуг, то есть прозрачность [Сапунова, Порохня, 2024]. Оценка востребованности новых услуг и оценка жизненных обстоятельств становится важной для проактивного оказания услуг.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ ЗА КАЧЕСТВОМ ОКАЗАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ УСЛУГ В ГОРОДАХ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ

Проблемы и противоречия действующей системы мониторинга преодолимы. С 25 июня 2025 г. по 31 декабря 2027 г. на территории Российской Федерации осуществляется пилотный проект по улучшению качества государственного, муниципального обслуживания, сервисов и жизнеобеспечения граждан. Действие эксперимента охватывает любые услуги органов публичной власти.

Ключевым направлением развития признается переход от разрозненных сервисов к организации предоставления услуг по принципу «жизненных ситуаций». Вместо оценки качества отдельной услуги предлагается оценивать совокупный результат взаимодействия гражданина с государством на протяжении всего значимого события – рождения ребенка, смены места жительства, выхода на пенсию. Такой принцип предполагает иную структуру контроля – контроль над межведомственной работой, сроками обмена информацией между ИС и результатами этого процесса в лице получателя. В городах федерального значения, при плотной концентрации ведомств и организаций, это направление контроля будет наиболее трудновыполнимым, но и результативным.

Внедрение искусственного интеллекта в мониторинг национальных проектов и государственных программ рассматривается Правительством как инструмент перехода к качественно новой модели управления на основе больших данных и конкретных цифр. В области оценки качества услуг технологии машинного обучения можно использовать на этапе обработки текстовых отзывов от населения, рассмотрения жалоб, прогноза потенциально конфликтных ситуаций и разработки предложений по повышению уровня качества. Города с сильной технологической базой такие как Москва и Санкт-Петербург - хорошие кандидаты для тестирования подобных решений.

Совокупность изученных нормативных-правовых актов, эмпирических материалов, научных представлений дает основание предложить ряд практических мер для применения федеральными органами власти и органами государственной власти городов федерального значения. Они основаны на признании недостатков существующе-

го механизма контроля, состоящего в его фрагментарности и недостаточной адаптации к особенностям крупных агломераций:

требуется разработка и утверждение дифференцированной методики оценки качества услуг применительно к городам федерального значения;

необходимо дополнить действующие регламенты обязательными разделами, определяющими оценку качества разработки стандартов (предварительный контроль) и анализ обращений потребителей с систематизацией предложений по улучшению (заключительный контроль);

внедрить механизм обязательного информирования получателя услуги о возможности оставить отзыв сразу по завершении обслуживания – через sms-сообщение либо push-уведомление в мобильном приложении, обеспечить юридически защиту анонимности откликов, невозможность идентификации субъекта отклика по результатам анализа;

внедрить проактивный режим оказания услуг и оценку его качества, что потребует разработки перечня показателей, включающего долю граждан, получивших уведомление о возможной услуге, долю согласий и отказов, корректность срабатывания триггеров, а также количество обоснованных жалоб на некорректные алгоритмические решения, проведение независимого аудита алгоритмов;

организация централизованной диспетчеризации мониторинга на уровне субъекта РФ с концентрацией информации со всех обслуживаемых пунктов, оперативное определение системных проблем и координацию работы по их устранению, что должно оптимизировать сроки рассмотрения обращений;

запустить пилотный проект по интерактивному информированию получателей услуг о ходе рассмотрения их обращения и о возможности повлиять на качество через систему отзывов. При успешной апробации такие практики могут быть распространены на другие регионы.

Реализация предложенных мер будет невозможна без сотрудничества органов власти всех уровней: федеральных, региональных и местных. Но именно от таких мер будет зависеть, останется ли мониторинг качества жизни в городах федерального значения фрагментированным или станет реальным механизмом развития благодаря использованию цифровых решений и обратной связи от жителей.

ВЫВОДЫ

Отличительной чертой государственного контроля в городах федерального значения является высокий уровень цифровизации и обработка больших объемов данных. Мониторинг в г. Москва и г. Санкт-Петербург включает оперативный мо-

ниторинг по различным каналам обратной связи от граждан. Однако, реализуемый контроль носит избирательный характер – ориентирован лишь на момент оказания самой услуги, не охватывая надлежащим образом вопросы предпроцедурного планирования и реализации услуги, а также оценки по факту оказания услуги, ее результативности и итоговых (долгосрочных) результатов.

Институт оценки общественного мнения реализован технически (платформы для обращений), но не работает полноценно из-за структурных ограничений. Неполное информирование о процедурах обратной связи, низкий уровень доверия к институту обратной связи ограничивают представительность данных – жалобы носят выборочный характер. Кроме этого, законодательство еще окончательно не сформировало подход к правовой характеристике отзывов, что делает применение этих отзывов в качестве основания для назначения дисциплинарных санкций к должностным лицам довольно проблематичным.

Статус федеральных городов приводит к тому, что возникают сложности с разделением полномочий региональных и городских администраций. Полномочия контроля осуществляются не четко, из-за чего нарушаются сроки устранения нарушений. Необходима более глубокая согласованность нормативного регулирования, а также унификация методики оценки качества оказываемых услуг на всем цикле оказания услуг в целях усиления контрольно-управленческих функций.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Выполненное исследование доказывает целесообразность перехода от фрагментарного контроля качества предоставления госуслуг на комплексный. В данном аспекте наиболее актуальной данная проблема является в отношении городов федерального значения, что обусловлено высокой концентрацией населения, многообразием запросов получателей госуслуг. В качестве перспективной представляется модель оказания услуг в режиме проактивности, когда гражданин избавляется от необходимости собирать документы и лично посещать ведомства для их получения – это значительно улучшает качество диалога государства с гражданином.

Усиление системного подхода требует помимо законодательных мер развития компетенций сотрудников и повышения уровня общественного участия в процедуре оценки с целью получения контролирующими органами обратной связи. Интеграция современных информационно-технологических решений (искусственный интеллект), глубокая обработка массивов данных будут способствовать повышению эффективности контроля исполнения задач. Дополнительно положительный эффект на развитие мониторинга окажет возможность обеспечения открытости и доступ-

ности результатов мониторинга для всех участников процесса. Именно комплексный подход ко всем стадиям жизненного цикла услуги с учетом особенностей крупных городов федерального значения позволит повысить качество предоставления публичных услуг через выстроенные механизмы системной оптимизации процессов на всех уровнях работы с населением.

Список литературы:

[1] Волкова, А. Н. Процесс проведения мониторинга государственных и муниципальных услуг: основные критерии оценки, этапы, подходы / А. Н. Волкова // Документ в современном обществе: коммуникативные модели и технологии : Материалы XVI Всероссийской студенческой научно-практической конференции, Екатеринбург, 07–08 апреля 2023 года. – Екатеринбург: Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2023. – С. 137-141. – EDN HCNKGM.

[2] Жильников, А. Ю. Государственный контроль: сущность, виды и требования и методы / А. Ю. Жильников, М. С. Агафонова, Е. А. Губертов // Опыт и проблемы социально-экономического развития муниципальных образований на современном этапе : материалы II Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 25-летию Старооскольского филиала НИУ «БелГУ», Старый Оскол, 18 апреля 2024 года. – Старый Оскол: РОСА, 2024. – С. 56-61. – EDN DXTVXB.

[3] Зуева, Н. Л. Проблемы и пути совершенствования механизма контроля качества предоставления государственных услуг / Н. Л. Зуева // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2019. – № 3(38). – С. 174-181. – EDN HMSOPN.

[4] Кобелев, А. М. Особенности развития правового регулирования стандартов государственных (публичных) услуг в Российской Федерации / А. М. Кобелев, К. А. Смирнова // Наука молодых - будущее России : Сборник научных статей 9-й Международной научной конференции перспективных разработок молодых ученых. В 5-ти томах, Курск, 12–13 декабря 2024 года. – Курск: ЗАО "Университетская книга", 2024. – С. 430-432. – EDN TCSVSM.

[5] Круглов, В. Н. Мониторинг качества государственных услуг как залог социальных гарантий населению / В. Н. Круглов, В. С. Левинзон // Вестник образовательного консорциума Среднерусский университет. Серия: Гуманитарные науки. – 2025. – № 33. – С. 79-80. – EDN RPBXVS.

[6] Савоськин, А. В. Организация мониторинга качества предоставления государственных услуг / А. В. Савоськин, В. А. Мещерягина, А. Ш. Вохидова // Вестник Уральского юридиче-

ского института МВД России. – 2024. – № 2(42). – С. 116-121. – EDN IZLFOU.

[7] Сапунова, Т. А. Развитие системы мониторинга качества государственных услуг / Т. А. Сапунова, Ю. Ю. Порожня // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2024. – № 5-2(111). – С. 126-129. – DOI 10.24412/2411-0450-2024-5-2-126-129. – EDN KITDYC.

[8] Солонцова, М. А. Мониторинг качества оказания государственных услуг / М. А. Солонцова, С. П. Филиппова // Молодежь и инновации : Материалы XX Всероссийской (национальной) научно-практической конференции молодых ученых, аспирантов и студентов, Чебоксары, 18 марта 2024 года. – Чебоксары: Чувашский государственный аграрный университет, 2024. – С. 423-424. – EDN ZIYTPL.

[9] Талапина, Э. В. Критерии оценки качества и перспективы внедрения проактивных государственных услуг / Э. В. Талапина, Д. Ю. Козяр Двинских // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2024. – № 2. – С. 64-84. – DOI 10.17323/1999-5431-2024-0-2-64-84. – EDN KBRWBN.

[10] Хамкалов, Р. Д. Государственные услуги в государственном управлении: значение и современное состояние / Р. Д. Хамкалов // ExLegis: правовые исследования. – 2024. – № 4. – С. 38-40. – EDN JNVRIG.

[11] Чернухина, Д. Д. Качество предоставления государственных и муниципальных услуг: проблемы и решения / Д. Д. Чернухина, Т. А. Борисова // Государственное и муниципальное управление: актуальные проблемы и современные тренды : сборник научных трудов III Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 16–17 ноября 2023 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики, 2024. – С. 416-420. – EDN FBMBYP.

References:

[1] Volkova, A. N. Process of monitoring state and municipal services: main assessment criteria, stages, approaches/A. N. Volkova // Document in modern society: communication models and technologies: Materials of the XVI All-Russian Student Scientific and Practical Conference, Yekaterinburg, April 07-08, 2023. - Yekaterinburg: Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, 2023. - S. 137-141. – EDN HCNKGM.

[2] Zhilnikov, A. Yu. State control: essence, types and requirements and methods/A. Yu. Zhilnikov, M. S. Agafonova, E. A. Hubertov // Experience and problems of socio-economic development of municipalities at the present stage: materials of the II All-Russian Scientific and Practical

Conference dedicated to the 25th anniversary of the Stary Oskol branch of the National Research University "BelSU", Stary Oskol, April 18, 2024. - Stary Oskol: ROSA, 2024. - S. 56-61. - EDN DXTVXB.

[3] Zueva, N. L. Problems and ways to improve the quality control mechanism for the provision of public services/N. L. Zueva // Bulletin of Voronezh State University. Series: Right. - 2019. - № 3(38). - S. 174-181. - EDN HMSOPN.

[4] Kobelev, A. M. Features of the development of legal regulation of standards of state (public) services in the Russian Federation/A. M. Kobelev, K. A. Smirnova // Science of the Young - the Future of Russia: Collection of scientific articles of the 9th International Scientific Conference of Promising Developments of Young Scientists. In 5 volumes, Kursk, December 12-13, 2024. - Kursk: University Book CJSC, 2024. - S. 430-432. - EDN TCSVSM.

[5] Kruglov, V.N. Monitoring the quality of public services as a guarantee of social guarantees to the population/V.N. Kruglov, V.S. Levinzon // Bulletin of the educational consortium Central Russian University. Series: Humanities. - 2025. - № 33. - S. 79-80. - EDN RPBXVS.

[6] Savoskin, A. V. Organization of monitoring the quality of public services/A. V. Savoskin, V. A. Meshcheryagina, A. Sh. Vokhidova // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - 2024. - № 2(42). - S. 116-121. - EDN IZLFOU.

[7] Sapunova, T. A. Development of a system for monitoring the quality of public services/

T. A. Sapunova, Yu. Yu. Gunpowder // Economics and Business: Theory and Practice. - 2024. - № 5-2(111). - S. 126-129. - DOI 10.24412/2411-0450-2024-5-2-126-129. - EDN KITDYC.

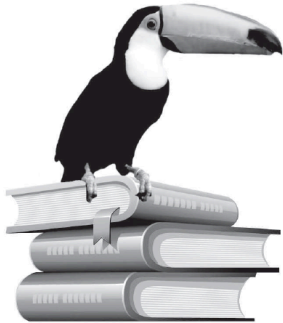
[8] Solontsova, M. A. Monitoring the quality of public services/M. A. Solontsova, S. P. Filippova // Youth and Innovation: Materials of the XX All-Russian (National) Scientific and Practical Conference of Young Scientists, Graduate Students and Students, Cheboksary, March 18, 2024. - Cheboksary: Chuvash State Agrarian University, 2024. - S. 423-424. - EDN ZIYTPL.

[9] Talapina, E. V. Quality assessment criteria and prospects for the introduction of proactive public services/E. V. Talapina, D. Yu. Kozyar Dvinsky // Issues of state and municipal management. - 2024. - № 2. - S. 64-84. - DOI 10.17323/1999-5431-2024-0-2-64-84. - EDN KBRWBN.

[10] Khamkalov, R. D. Public services in public administration: significance and current state/R. D. Khamkalov // ExLegis: legal research. - 2024. - № 4. - S. 38-40. - EDN JNVRIG.

[11] Chernukhina, D. D. Quality of the provision of state and municipal services: problems and solutions/D. D. Chernukhina, T. A. Borisova // State and municipal administration: current problems and modern trends: collection of scientific works of the III International Scientific and Practical Conference, St. Petersburg, November 16-17, 2023. - St. Petersburg: St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, 2024. - S. 416-420. - EDN FBMBYF.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

МАКСИМОВ Павел Евгеньевич,
преподаватель кафедры деятельности органов
внутренних дел в особых условиях
Восточно-Сибирского института Министерства
внутренних дел Российской Федерации,
e-mail: Maksimov.pe@mail.ru

ВНЕДРЕНИЕ ВОЕННО-ПРИКЛАДНЫХ МОДУЛЕЙ В УЧЕБНЫЙ ПРОЦЕСС ОВД: НЕОБХОДИМОСТЬ, ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ОСНОВЫ И МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Аннотация. В статье обосновывается необходимость внедрения военно-прикладных модулей в учебный процесс не только образовательных организаций МВД России, но и территориальные органы внутренних дел в условиях современных вызовов (рост террористических угроз, чрезвычайные ситуации, режимы контртеррористической операции и военного положения). На основе анализа нормативных правовых актов и ведомственных требований к профессиональной подготовке сотрудников ОВД выявлены пробелы между нормативно ожидаемыми компетенциями и фактическим содержанием учебных программ. Предложена модель интеграции военно-прикладных элементов (тактика малых групп, огневая подготовка в сценариях особого порядка, первая помощь в условиях огневого контакта, психологическая устойчивость) в систему подготовки курсантов, слушателей учебно-образовательных учреждений МВД России и сотрудников ОВД, проходящих службу в различных подразделениях системы МВД России. Сформулированы организационные механизмы внедрения (учебно-полевые учения, межведомственные тренировки), а также критерии оценки эффективности (рост практических показателей, снижение ошибок в смоделированных особых условиях, увеличение доли аттестованных сотрудников). Научная новизна заключается в разработке матрицы военно-прикладных модулей, связанной к профессиональным компетенциям ОВД.

Ключевые слова: органы внутренних дел, военно-прикладные модули, профессиональные компетенции, учебный процесс, особые условия, тактика, огневая подготовка, первая помощь, психологическая устойчивость.

MAKSIMOV Pavel Evgenievich,
Lecturer PhD in Biological Sciences Department of
internal affairs in special condition East Siberian
Institute of the Ministry of Internal Affairs of the
Russian Federation

INTRODUCTION OF MILITARY APPLICATION MODULES INTO ATS TRAINING PROCESS: NECESSITY, ORGANIZATIONAL BASES AND METHODOLOGICAL ASPECTS

Annotation. The article substantiates the need to introduce military-applied modules into the training process not only of educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia, but also of territorial internal affairs bodies in the context of contemporary challenges, including growing terrorist threats, emergency situations, counter-terrorist operation regimes, and martial law.

Based on an analysis of regulatory legal acts and departmental requirements for the professional training of internal affairs officers, gaps have been identified between the competencies prescribed by regulations and

the actual content of training programmes. A model is proposed for integrating military-applied components—small-unit tactics, firearms training in special operational scenarios, first aid under fire, and psychological resilience—into the training system for cadets, trainees of educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia, and internal affairs officers serving in various units of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

The article formulates organizational mechanisms for implementation, including field exercises and interagency training, as well as effectiveness assessment criteria: improved practical performance, fewer errors in simulated special-condition scenarios, and an increased proportion of certified personnel. The scientific novelty of the study lies in the development of a matrix of military-applied modules linked to the professional competencies of internal affairs officers.

Key words: *internal affairs bodies, military-applied modules, professional competencies, training process, special conditions, tactics, firearms training, first aid, psychological resilience.*

В эпоху быстроразвивающихся технологий, методов и способов ведения боевых действий, которые активно внедряются в средства поражения живой силы, принося ущерб не только на линии фронта, но на десятки и сотни километров от линии соприкосновения вглубь страны. Одно из направлений поражения живой силы является стремительно развивающиеся дистанционно-вербовочные пункты и центры, которые в дальнейшем способствуют совершению террористических актов внутри страны преследуя цель дестабилизировать оперативную обстановку, попутно унося многократные человеческие жизни.

В складывающейся обстановке в различных регионах Российской Федерации возникают ситуации, которые носят критический характер угрожая жизни и здоровью граждан и сотрудников органов внутренних дел (террористические угрозы, чрезвычайные ситуации, режимы контртеррористической операции и военного положения). В нынешних реалиях выполнение служебных задач органами внутренних дел в особых условиях неуклонно растёт, требуя от сотрудников ОВД не только глубоких правовых знаний, но и высоких тактико-специальных навыков, сформированных в условия приближенным к реальным.

Актуальность данного исследования обусловлено двумя неразрывными факторами. Во-первых, задачи органов внутренних дел неуклонно растут, в том числе расширение круга данных задач. Сотрудники органов внутренних дел могут привлекаться к обеспечению общественного порядка при чрезвычайных ситуациях, террористических угрозах, массовых беспорядках, введение специальных правовых режимов (контртеррористической операции и военного положения). Во-вторых, необходимостью сократить разрыв между учебной подготовкой и реальной служебной практикой. Военно-прикладные занятия позволяют отрабатывать действия не отвлеченно, а по конкретным сценариям (к примеру: действия наряда при вооруженном нападении, оказание первой помощи, эвакуация пострадавшего). Системное включение военно-прикладных занятий в учебный процесс образовательных

учреждений и территориальных органов внутренних дел позволят формировать психологическую устойчивость сотрудника полиции, повысить личную безопасность, снизить критических ошибок при выполнении служебных задач, позволил минимизировать риски для жизни и здоровья как сотрудника полиции, так и для граждан.

Внедрение военно-прикладных модулей в подготовку сотрудников внутренних дел обусловлена не только осложнением оперативной обстановки, но и прямыми законодательными обязанностями полиции по спасению граждан и оказанию первой помощи. В соответствии с пунктом 3 части 1 статьи 12 и пунктом 1 части 2 статьи 27 Федерального закона от 7 февраля 2011 года № 3-ФЗ «О полиции» сотрудник полиции обязан оказывать первую помощь пострадавшим, в том числе независимо от замещаемой должности, места нахождения и времени суток. Особое значение данное требование приобретает при применении физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия поскольку часть 4 статьи 19 данного Федерального закона прямо возлагает на сотрудника полиции обязанность оказать пострадавшему первую помощь и обеспечить принятие мер по предоставлению медицинской помощи в возможно короткий срок. Это объективно требует от сотрудников полиции не эпизодического изучения основ первой помощи, а регулярной практической отработки алгоритмов самопомощи, взаимопомощи, эвакуации и действий в составе наряда в условиях повышенного риска.

Первым и наиболее значимым направлением является пересмотр устаревших способов и методов обучения, а также расширение и углубление имеющейся материально-технической базы и пересмотр учебных материалов в ведомственных ВУЗах, поскольку традиционная система подготовки курсантов и слушателей образовательных организаций МВД, ориентированная преимущественно на теоретические знания и стандартные процессуальные процедуры, демонстрируют определенную недостаточность для служебно-боевых задач выполняемых на территориях с осложненной обстановкой (режимов ЧС, контр-

террористической операции и военного положения). С учетом того, что сотрудники полиции — это именно те лица, которые первые прибывают на место преступления, административного правонарушения и происшествия, зачастую группой в составе до 3 человек (пеший патруль, патруль на автомобилях, дежурный автомобиль территориального органа внутренних дел), имея краткую фабулу случившегося, то в глазах граждан это наиболее подготовленным человек, который способен в дестабилизированной обстановке помочь не только знаниями, но практическими умениями, выходящими за рамки его компетенции как человека правового поля, в связи с чем сотрудник полиции должен быть не только хорошо подготовленным в правовом поле, владея юридическими знаниями и умея работать по определенным алгоритмам и процессуальным нормам, но и готовым помочь оказав при необходимости первую помощь, при осложненной обстановке знать и уметь на профессиональном уровне обращении с огнестрельным оружием, в том числе на базовом уровне знать внутреннюю и внешнюю баллистику; уметь работать в малой группе (2-3 человека) в том числе взаимодействие и перемещение в малой группе; иметь психологическую устойчивость на резко изменяющуюся обстановку; уверенно и наиболее правильно принимать решения согласно складывающейся обстановке, стремясь по возможности минимизировать угрозы жизни и здоровью граждан и самого сотрудника полиции.

Нормативной основой совершенствования профессиональной подготовки сотрудников органов внутренних дел выступает приказ МВД России от 2 февраля 2024 года № 44 «Об утверждении Порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации». Указанный акт ориентирует систему подготовки на формирование и поддержание профессиональной готовности сотрудника к выполнению служебных задач, в том числе в условиях, связанных с применением физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия.

В связи с этим внедрение военно-прикладных элементов не следует рассматривать как формирование самостоятельного военного компонента образования. Оно представляет собой организационно-методическое объединение уже предусмотренных направлений служебной, тактической, огневой и физической подготовки в единый практико-ориентированный модуль, направленный на действия сотрудника ОВД в особых условиях. Содержание данного модуля должны стать ситуационные занятия, предусматривающие правовую оценку обстановки, действий сотрудников полиции в составе наряда и малой группы, безопасное и эффективное применение

огнестрельного оружия и специальных средств в пределах компетенции сотрудника полиции, оказание первой помощи и эвакуацию пострадавшего.

Анализ учебных пособий по тактико-специальной, огневой, физической подготовке и оказанию первой помощи ориентированные на обучения сотрудников полиции показывает, что необходимые для деятельности сотрудника ОВД в особых условиях компетенции в целом представлены в содержании различных дисциплин. Однако они нередко формируются обособленно: тактические алгоритмы изучаются отдельно от огневой и физической подготовки, а первая помощь — вне условий моделируемой угрозы и группового взаимодействия. Вследствие этого сохраняется потребность в междисциплинарном военно-прикладном модуле, объединяющем правовую оценку обстановки, тактические действия, безопасное применение оружия и специальных средств, медицинскую помощь и эвакуацию пострадавших в рамках единого ситуационного занятия. Для достижения цели заполнения пробелов в учебном процессе с эффективным обучением курсантов, слушателей и сотрудников ОВД на территориальном уровне целесообразно не только проводить учебно-полевые учения, но и пересмотреть учебные процессы каждой дисциплины, внедряя междисциплинарные практики и создание ситуаций, приближенных к реальным.

Жизнь и здоровье человека относятся к числу важнейших охраняемых правом социальных ценностей. В этой связи среди военно-прикладных элементов профессиональной подготовки сотрудников органов внутренних дел приоритетное значение приобретает медицинская подготовка, направленная на формирование устойчивых практических навыков оказания первой помощи. В соответствии со статьёй 31 Федерального закона от 21 ноября 2011 года № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» первая помощь представляет собой комплекс мероприятий, направленных на сохранение и поддержание жизни и здоровья пострадавших до оказания медицинской помощи; сотрудники органов внутренних дел прямо отнесены к числу лиц, обязанных её оказывать. Следовательно, медицинская подготовка не может сводиться к формальному усвоению теоретических сведений или эпизодическому выполнению отдельных приёмов. Она должна носить практико-ориентированный и ситуационный характер, обеспечивая готовность сотрудника к оценке обстановки, обеспечению личной безопасности, остановке наружного кровотечения, поддержанию проходимости дыхательных путей, проведению сердечно-лёгочной реанимации в предусмотренных случаях, вызову экстренных служб, контролю состояния и

передаче пострадавшего медицинским работникам. Медицинскую подготовку не следует изучать исключительно на соответствующих занятиях, её необходимо интегрировать в учебный процесс практических занятий по тактико-специальной, огневой и физической подготовке, применяя не только самопомощь, но также и взаимопомощь.

Пересмотр проведения занятия необходимо начинать с материального обеспечения, включить в обязательный перечень наличия у каждого обучаемого жгута кровоостанавливающего типа «Альфа» при подготовке к занятиям по огневой, тактико-специальной и физической подготовке, для решения вводных задач при проведении того или иного практического занятия по вышеуказанным предметам. Обучающим не ограничиваться строгим шаблонным проведением занятием, а используя окружающую обстановку и наличие материального обеспечения вносить вводные задачи в практические действия обучающихся. В данной связке при проведении занятия и попутного решения возникающих вводных задачах по темам междисциплинарных предметов у обучаемых начнёт складываться психологическая устойчивость к резко изменяющейся обстановке, отрабатываться принятие правильных решений в условиях приближенным к реальным, вырабатываться уверенность в своих действиях, а также обучение работы в составе наряда/группы путем взаимопомощи и взаимодействия при выполнении поставленной задачи.

В частности при проведении тактико-специальной подготовке при проведении практических занятий (порядок передвижения наряда, группы или подразделения; несения службы на охраняемых объектах), а также действия сотрудника полиции при осложнении обстановки при выполнении служебно-боевой задачи по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности на массовых мероприятиях, режимов чрезвычайной обстановки и чрезвычайной ситуации, контртеррористической операции и военного положения необходимо в первую очередь внедрение медицинской подготовки. Учебные издания системы МВД включают в её содержание вопросы действий при чрезвычайных ситуациях, топографической подготовки, организации деятельности органов внутренних дел и защиты от поражающих факторов [4]. Это подтверждает необходимость построения занятий на основе комплексных ситуационных задач, объединяющих тактические действия, первую помощь, правовую оценку и безопасное применение силы.

Практические занятия необходимо проводить не только на оборудованных спортивных площадках и полигонах, но и на не оборудованных площадках, используя территорию образовательных учреждений и прилегающую территорию, для

отработки тех или иных практических занятий, естественно с соблюдением разумности и исключением посторонних глаз гражданских лиц, для минимизации отвлечения от учебного процесса обучающихся и их скованности. При проведении практических занятий необходимо вносить попутные вводные в практические действия обучающихся по ранению в различные части тела одного из обучающихся, в совокупности с изменением возникшей угрозы с того или иного направления.

Универсальный алгоритм первой помощи начинается именно с оценки обстановки и обеспечения безопасных условий. При работе в малой группе от 3 человек пример вводной ситуационной задачи: наряд полиции прибыл к месту условного происшествия, при наличии продолжающейся угрозы, один пострадавший с признаками наружного кровотечения. Обучающиеся выявляют угрозы для себя, граждан и пострадавшего; определяют возможность безопасного приближения; докладывают оперативную обстановку, после чего распределяют роли в составе наряда: обеспечивают безопасность, связь, оказание помощи, контроль окружающей среды, осуществляют сближение и транспортирование пострадавшего, оказывают первую помощь в безопасном месте, организуют доклад об оперативной обстановке и вызов помощи. В целях формирования устойчивой готовности сотрудников органов внутренних дел к действиям в особых условиях предлагается применять комплексные ситуационные занятия, объединяющие тактико-специальную, медицинскую подготовку и подготовку по связи. В отличие от изолированной отработки отдельных медицинских манипуляций, обучающиеся выполняют действия в моделируемой служебной ситуации: оценивают степень угрозы, обеспечивают безопасность, организуют взаимодействие в составе наряда, вызывают экстренные службы, оказывают первую помощь в пределах компетенции и осуществляют эвакуацию условного пострадавшего.

Такой подход соответствует законодательной обязанности сотрудника полиции оказывать первую помощь и принимать меры по спасению граждан, а также учитывает установленную последовательность оказания первой помощи, предусматривающую первоначальную оценку обстановки и обеспечение безопасных условий для её проведения.

Результативность занятия целесообразно оценивать по совокупности показателей: законность и обоснованность решений, соблюдение личной безопасности, правильность действий по оказанию первой помощи, время выполнения задачи, полнота доклада, слаженность наряда и качество эвакуации условного пострадавшего.

Вторым по значимости направлением воен-

но-прикладной подготовки сотрудников органов внутренних дел является огневая подготовка. Её приоритетность обусловлена тем, что сотрудник полиции при выполнении служебных обязанностей может столкнуться с вооружённым сопротивлением, угрозой жизни и здоровью граждан или самого сотрудника полиции, нападением на охраняемые объекты либо иными обстоятельствами, при которых возникает предусмотренная законом необходимость применения огнестрельного оружия. В таких условиях недостаточно формального знания материальной части оружия и выполнения отдельных стрелковых упражнений: сотрудник должен быть способен быстро оценить обстановку, принять правомерное решение, обеспечить безопасность окружающих, уверенно владеть оружием и прекратить его применение при отпадении установленных законом оснований.

Огневая подготовка представляет собой комплексный процесс формирования правовых знаний, навыков безопасного обращения с табельным оружием и устойчивых практических умений его применения при выполнении служебных задач. Значение регулярных тренировок связано с необходимостью поддержания навыков на уровне, позволяющем применять оружие в условиях дефицита времени, психоэмоционального напряжения и быстро изменяющейся оперативной обстановки.

Вместе с тем огневую подготовку целесообразно рассматривать во взаимосвязи с тактико-специальной, физической и медицинской подготовкой. После устранения непосредственной угрозы сотрудник полиции обязан принять меры по спасению пострадавших и оказанию первой помощи. Следовательно, комплексное занятие должно формировать последовательность профессиональных действий: правовая оценка ситуации, обеспечение личной и общественной безопасности, законное применение оружия при наличии оснований, прекращение опасного воздействия, оказание первой помощи, вызов экстренных служб, эвакуация пострадавшего и доклад руководителю.

Поскольку в критические ситуации на химическом уровне у человека выбрасывается адреналин, который сильно влияет на результативность стрельбы, достижение того же состояния, как и в критической ситуации в тире при проведении занятий в спокойной обстановке практически невозможно, однако возможно приблизить состояние человека к состоянию, приближенному к реальному путем предстрелковым физическим нагрузкам, внедрение вводных по междисциплинарным предметам, решение которых позволит создать условия для формирования профессионального мышления, в том числе отработке оказания первой помощи, рассмотреть возможность

внедрения работы в составе наряда (группы до 4 человек), слаженному перемещению до линии огневого рубежа достигнув который выполняется упражнение согласно огневой подготовке с соблюдением мер безопасности.

Методические рекомендации Орловского юридического института МВД России им. В. В. Лукьянова рассматривают подготовку к применению специальных средств как элемент практических занятий по тактико-специальной подготовке и личной безопасности сотрудника ОВД, ориентированный на задержание правонарушителей при соблюдении требований действующего законодательства [5]. Следовательно, обучение обращению с оружием и специальными средствами должно быть не изолированным, а встроенным в систему тактических и правовых задач.

Междисциплинарные занятия ориентируют обучающегося не на формальное выполнение отдельного норматива, а на комплексное решение служебной ситуации. Одновременное включение тактических огневых, медицинских и правовых задач формирует способность оценивать обстановку, определять приоритеты, выбирать законность и безопасный способ действий.

Усиление получаемых навыков по огневой и тактической подготовкам можно получить путем повышение материальной базы тиров и стрелковых полигонов, в частности созданием условных заграждений для перемещения и работы в составе наряда/группы до линии огневого рубежа, это позволит охватить обучение несколькими междисциплинарными предметам, прививать понимание работы в составе наряда/группы. Систематическая смена условий выполнения учебных задач, путем перемещения условных заграждений в тире (на полигоне) помимо охвата нескольких учебных предметов, позволит заинтересовать обучаемых проводить более эффективные занятия, что обеспечивает формирование устойчивых навыков, доведенных до уровня автоматизированного навыка.

Проведение комплексных междисциплинарных занятий позволяет преодолеть фрагментарный характер подготовки, при котором обучающийся сосредоточен преимущественно на выполнении отдельного норматива по конкретной учебной дисциплине. В реальной служебной деятельности сотрудник органов внутренних дел не действует в условиях заранее обозначенной учебной темы: он одновременно оценивает степень опасности, правовые основания своих действий, состояние граждан и коллег, необходимость применения силы, специальных средств или оружия, а также порядок оказания первой помощи и организации взаимодействия.

Включение в занятие по огневой подготовке попутных задач по медицинской, тактико-специ-

альной, физической и психологической подготовке создаёт условия для формирования профессионального мышления. Обучающийся вынужден не воспроизводить заранее усвоенный алгоритм, а анализировать обстановку, выделять приоритеты, прогнозировать последствия своих решений, распределять действия в составе группы и выбирать правомерный способ достижения служебной цели. Тем самым результатом обучения становится не только формирование отдельных навыков, но и развитие способности принимать самостоятельные, законные и обоснованные решения в условиях дефицита времени, неопределённости и повышенного психоэмоционального напряжения. Именно такая способность определяет практическую готовность сотрудника ОВД к действиям в особых условиях.

Таким образом, огневая подготовка в системе МВД России должна быть направлена не на изолированное формирование навыка производства выстрела, а на развитие комплексной готовности сотрудника к законному, обоснованному и безопасному обращению с оружием. Её интеграция с тактико-специальной и медицинской подготовкой позволит приблизить учебные занятия к реальным условиям служебной деятельности, снизить вероятность ошибочных действий и обеспечить приоритетную защиту жизни и здоровья граждан.

Приведённые направления и примеры комплексных занятий не являются исчерпывающими и носят иллюстративный характер. Их назначение состоит в демонстрации возможности междисциплинарной интеграции тактико-специальной, медицинской, огневой, физической, психологической и правовой подготовки. Конкретное содержание учебных модулей должно определяться с учётом задач конкретного подразделения, уровня подготовки обучающихся, региональной оперативной обстановки, имеющейся учебно-материальной базы и требований, действующих нормативных правовых актов. В этой связи дальнейшее совершенствование учебного процесса предполагает разработку новых ситуационных задач и методик, направленных на формирование готовности сотрудников ОВД к законным, обоснованным и безопасным действиям в различных вариантах особых условий.

Совершенствование подготовки курсантов, слушателей и сотрудников органов внутренних дел требует внедрения в учебный процесс комплексных военно-прикладных модулей, ориентированных на действия в особых условиях. Приоритетное место в их содержании должна занимать медицинская подготовка, поскольку своевременное и грамотное оказание первой помощи непосредственно связано с сохранением жизни и здоровья граждан, пострадавших и самих сотруд-

ников. Не менее значимой является огневая подготовка, направленная на формирование навыков безопасного, правомерного и обоснованного обращения с оружием.

Эффективность подготовки обеспечивается не изолированным изучением отдельных дисциплин, а их междисциплинарной интеграцией. Объединение тактико-специальной, медицинской, огневой, физической, психологической и правовой подготовки в рамках ситуационных занятий позволяет сформировать у обучающихся целостное профессиональное мышление. В таких условиях они учатся самостоятельно оценивать обстановку, определять степень угрозы, расставлять приоритеты, взаимодействовать в составе группы и принимать законные, обоснованные и безопасные решения. Практическая реализация предложенного подхода возможна посредством пересмотра тактики проведения занятий по различным дисциплинам, совершенствование материально-технической базы, а также регулярного проведения комплексных учебно-тренировочных занятий с изменяемыми вводными. В ходе таких занятий целесообразно оценивать не только выполнение отдельных нормативов, но и качество решения служебной задачи в целом: соблюдение законности, личную безопасность, слаженность действий, правильность оказания первой помощи, обоснованность применения силы и полноту служебного доклада.

Предлагаемая модель не предполагает подмену профессиональной подготовки сотрудников ОВД военной подготовкой. Её назначение состоит в развитии прикладных компетенций, необходимых сотруднику полиции для защиты жизни и здоровья граждан, обеспечения личной безопасности и результативного выполнения служебных задач в осложнённой оперативной обстановке.

Список литературы:

- [1] О полиции [Электронный ресурс] : Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 7. – Ст. 900. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110165/ (дата обращения: 20.08.2026).
- [2] Федерального закона от 21 ноября 2011 года № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/ (дата обращения: 20.08.2026).
- [3] Приказ МВД России от 2 февраля 2024 года № 44 «Об утверждении Порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации» [Электронный ресурс]. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_472049/

(дата обращения: 20.08.2026).

[4] Павленков, Р. В. Тактико-специальная подготовка: курс лекций: в 2 ч. Ч. 1 / Р. В. Павленков [и др.]; под ред. С. А. Осипова. — 2-е изд., перераб. и доп. — Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2019. — 292 с.

[5] Губенков, А.О. Специфика применения налетального оружия в ОВД: методические рекомендации / А.О. Губенков, С.А. Николаев, Е.В. Гуняев. — Орёл: Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, 2020. — 58 с.

References:

[1] On the Police [Electronic Resource]: Federal Law of February 7, 2011 No. 3-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. — 2011. — № 7. — Art. 900. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110165/ (access date: 20.08.2026).

[2] Federal Law of November 21, 2011 No. 323-

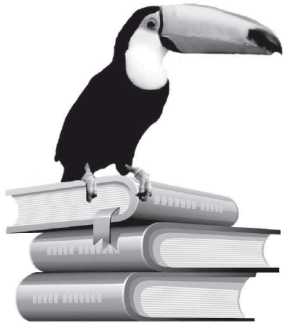
FZ "On the Basics of Protecting the Health of Citizens in the Russian Federation" [Electronic Resource]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/ (access date: 20.08.2026).

[3] Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated February 2, 2024 No. 44 "On approval of the Procedure for organizing training for filling positions in the internal affairs bodies of the Russian Federation" [Electronic resource]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_472049/ (access date: 20.08.2026).

[4] Pavlenkov, R.V. Tactical and special training: course of lectures: in 2 hours. 1/R.V. Pavlenkov [and others]; ed. S. A. Osipova. — 2nd ed., Revised and add. — Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2019. — 292 p.

[5] Gubenkov, A.O. Specifics of the use of lethal weapons in the police department: guidelines/ A.O. Gubenkov, S.A. Nikolaev, E.V. Gunyaev. — Orel: Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanova, 2020. — 58 s.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 20.07.2026 г.

DOI: 10.24412/2224-9133-2026-8-118-122

Дата принятия рукописи в печать: 01.09.2026 г.

ПАВЛИК Анна Сергеевна,
государственный эксперт по интеллектуальной
собственности 2 категории, Федеральное
государственное бюджетное учреждение
Федеральный институт промышленной
собственности,
e-mail: anna.pavlik@rupto.ru

АНАЛИЗ ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ РОЛИ ТОВАРНОГО ЗНАКА В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ МАРКЕТПЛЕЙСОВ: ПРАВОВЫЕ И РЫНОЧНЫЕ АСПЕКТЫ

Аннотация. В условиях стремительного роста электронной торговли товарный знак претерпевает экономическую трансформацию: наряду с традиционной ролью средства индивидуализации он становится активом, эффективность которого определяется особенностями политики маркетплейсов и их алгоритмами ранжирования. В статье на основе сравнительного анализа российского законодательства и европейского регуляторного опыта рассматриваются ключевые факторы, влияющие на монетизацию товарного знака в цифровой среде. Обосновывается вывод, что дальнейшее развитие платформенной торговли требует дополнительных мер: обеспечения прозрачности алгоритмов, ограничения использования данных продавцов в интересах платформ и стандартизации процедур подтверждения прав на объекты интеллектуальной собственности. Реализация этих предложений, по мнению автора, позволит обеспечить экономическую эффективность товарных знаков как инструментов конкуренции в цифровой экономике

Ключевые слова: товарный знак, маркетплейс, электронная торговля, интеллектуальная собственность, коммерциализация, исключительное право, ранжирование товаров, собственные торговые марки.

PAVLIK Anna S.,
State Expert in Intellectual Property, 2nd Category,
Federal State Budgetary Institution "Federal Institute
of Industrial Property" (FIPS)

ANALYSIS OF THE TRANSFORMATION OF THE ECONOMIC ROLE OF A TRADEMARK IN THE DEVELOPMENT OF MARKETPLACES: LEGAL AND MARKET ASPECTS

Annotation. Against the backdrop of rapid e-commerce growth, the trademark is undergoing an economic transformation: in addition to its traditional role as a means of individualisation, it becomes an asset whose effectiveness is shaped by marketplace policies and ranking algorithms. Drawing on a comparative analysis of Russian legislation and European regulatory practices, the article examines the key factors affecting brand monetisation in the digital environment. The study concludes that further evolution of platform commerce calls for additional measures, including ensuring algorithmic transparency, restricting the use of seller data for the platforms' own benefit, and standardising procedures for verifying intellectual property rights. The implementation of these proposals, the author argues, will secure the economic efficiency of trademarks as competitive instruments in the digital economy.

Key words: trademark, marketplace, e-commerce, intellectual property, commercialization, exclusive right, product ranking, proprietary trademarks.

Современный этап развития экономики России характеризуется устойчивым ростом электронной торговли. По данным Ассоциации компаний интернет-торговли, объем российского рынка e-commerce в 2025 г. достиг 11,5 трлн руб., увеличившись на 28 % по сравнению с предыдущим годом. Значительная часть данного оборота, а именно 8,59 трлн руб. приходится на маркетплейсы, такие как Wildberries, Ozon и Яндекс Маркет, ставшие для многих производителей и продавцов основным каналом реализации товаров. Это объясняется тем, что продавцам маркетплейсов не нужно решать проблемы с логистикой, рекламой, арендой склада, а пункты выдачи товаров находятся в пешей доступности почти от каждого жилого комплекса. Вместе с тем выход на крупнейшие маркетплейсы сопряжен с дополнительными требованиями к продавцам. Так, перед началом продажи товаров на Яндекс Маркете и Lamoda нужно подтвердить права на товарный знак, а на Wildberries и Ozon подтверждение прав на товарный знак дают доступ к брендовым инструментам, то есть продавец получает значок верификации и избежание блокировки. Указанные процессы влияют не только на структуру товарооборота, но и на экономическую роль объектов интеллектуальной собственности, прежде всего на товарные знаки.

Традиционно товарный знак рассматривался как средство правовой охраны бренда, позволяющее отличать товары одного производителя от товаров другого, формировать деловую репутацию и пресекать недобросовестное использование обозначения третьими лицами. Безусловно перечисленные функции по-прежнему актуальны, однако развитие маркетплейсов поменяло подход к товарным знакам.

В научной литературе маркетплейс характеризуется рядом существенных признаков: представляет собой онлайн-платформу, действующую через сеть Интернет; выступает посредником в гражданско-правовых отношениях между покупателем и продавцом; имеет обособленную гражданско-правовую ответственность от продавцов; участвует в организации платежей и расчетов между участниками сделки [1].

Стоит сразу отметить, что влияние товарного знака на потребительский выбор не является одинаковым для всех категорий товаров. При приобретении продукции массового и низкостоймостного спроса покупатели чаще ориентируются на цену, рейтинг и сроки доставки, тогда как в сегментах техники, косметики, детских товаров значение товарного знака существенно возрастает как фактора доверия и снижения потребительского риска. По существу, товарный знак начинает выполнять информационно-ориентирующую функцию коммерческого актива, непосред-

ственно влияющего на конверсию продаж. Кроме того, брендированная продукция нередко реализуется по более высокой цене по сравнению с обезличенными аналогами, что свидетельствует о способности товарного знака формировать дополнительную стоимость товара.

Одновременно развитие маркетплейсов изменяет механизм извлечения экономической выгоды из товарных знаков. В отличие от традиционной розничной торговли, где расположение товара определяется физическим размещением на полке, в электронной торговле видимость товара зависит от автоматизированной системы маркетплейса. Здесь ключевую роль начинают играть алгоритмы ранжирования, которые становятся одним из факторов монетизации бренда. На позицию товара могут влиять цена, участие в платном продвижении, скорость доставки, рейтинг и иные показатели, определяемые внутренними правилами платформ [4]. Следовательно, товарный знак реализует свой коммерческий потенциал лишь при условии достаточной представленности товара в цифровой витрине, поскольку именно видимость товара влияет на количество просмотров карточки, переходов и итоговый объем продаж. Однако даже при высокой видимости товара продавец сталкивается с дополнительным ограничением: он не получает доступа к данным о покупателях. Это лишает правообладателя товарного знака возможности использовать бренд как инструмент формирования лояльности и повторных продаж, что снижает его долгосрочную экономическую эффективность.

Таким образом, для правообладателей товарных знаков, осуществляющих торговлю на маркетплейсах, наличие зарегистрированного и даже широко известного обозначения не гарантирует достижения коммерческого результата. Компания, вложившая ресурсы в разработку продукции, продвижение бренда и правовую охрану товарного знака, оказывается в зависимом положении: фактический доступ её товаров к потребителю определяется правилами и алгоритмами цифровой площадки.

В зарубежной практике данная проблема получила нормативное отражение. Так, в Европейском союзе существует Регламент (ЕУ) 2019/1150 о содействии справедливости и прозрачности для бизнес-пользователей услуг онлайн-посредничества предусматривающий обязанность онлайн-посредников, в том числе и маркетплейсов, раскрывать основные параметры ранжирования товаров для бизнес-пользователей. В частности, условия пользования онлайн-платформами должны быть составлены простым и понятным языком без расплывчатых формулировок. Европейская комиссия даже выпустила дополнительные руководства, где предлагает ис-

пользовать не только текст, но и наглядные инструменты (инфографику, таблицы), чтобы сделать механизм ещё доступнее и понятнее.

В России данное обязательство для маркетплейсов не предусмотрено, но мне удалось с лёгкостью найти у крупных игроков рынка, упомянутых в начале статьи, информацию о ранжировании товаров. Однако маркетплейсы не обязаны придерживаться этих правил — они вправе менять их в любой момент, поэтому возникают вопросы относительно актуальности и достоверности публикуемых сведений.

Особую остроту проблема непрозрачности алгоритмов ранжирования приобретает в связи с активным развитием собственных торговых марок маркетплейсов. Крупные платформы постепенно становятся не только посредниками, но и самостоятельными участниками рынка, продвигая собственные бренды в различных товарных категориях. В научной литературе собственные торговые марки (private label, СТМ) рассматриваются как бренды, которые присваиваются, контролируются и продвигаются торговой организацией, тогда как непосредственное производство товаров нередко осуществляется сторонними изготовителями [3].

Первоначально данная модель была характерна преимущественно для традиционной розничной торговли, однако в настоящее время она активно развивается и на цифровых платформах. Крупные маркетплейсы постепенно становятся не только посредниками между продавцом и покупателем, но и самостоятельными участниками рынка, продвигая собственные бренды в категориях одежды, товаров для дома, электроники и иной массовой продукции. Для электронных торговых платформ такая стратегия экономически оправдана, поскольку оператор платформы одновременно предоставляет инфраструктуру торговли, располагает значительным объемом данных о спросе, ценах и поведении покупателей. Подобное совмещение функций способно создавать преимущества для платформы по сравнению с иными участниками рынка.

В зарубежной практике уже существует показательный кейс, который может ожидать в будущем российские маркетплейсы. Так, в отношении Amazon в США и Европейский союз рассматривались вопросы использования данных сторонних продавцов при развитии собственных брендов и влияния платформы на конкурентные условия торговли. Впоследствии этот вопрос получил нормативное разрешение в рамках масштабных регуляторных инициатив. Ключевым событием стало принятие в ЕС Европейского акта о цифровых рынках (Digital Markets Act, DMA), который вступил в силу в 2024 году. Закон направлен на предотвращение злоупотребления доминиру-

щим положением крупных цифровых платформ.

DMA вводит ряд ограничений, непосредственно влияющих на модель развития собственных торговых марок на цифровых платформах:

запрет на самопредпочтение: платформы не могут искусственно повышать видимость собственных товаров в поисковой выдаче или интерфейсах по сравнению с предложениями сторонних продавцов. Это ограничивает возможности Amazon и аналогичных платформ продвигать свои бренды за счёт приоритетного размещения.

ограничение использования данных бизнес-пользователей: крупные онлайн платформы не вправе применять данные, собранные на платформе, для создания или продвижения своих продуктов. Таким образом, исключается сценарий, при котором маркетплейс анализирует спрос на товары сторонних продавцов и запускает аналогичные собственные торговые марки с использованием инсайдерской информации.

Санкции за нарушение DMA могут достигать 10 % оборота торговой онлайн платформы за первое нарушение и до 20 % — за повторное. В крайних случаях Еврокомиссия вправе требовать структурных изменений, включая разделение бизнеса.

Как итог, Amazon, реализовала ряд мер по соблюдению DMA: в частности, компания исключила из алгоритмов факторы, которые могли давать преимущество собственным брендам и создала отдельные хранилища данных для информации о сторонних продавцах и собственных брендах, что исключает возможность использования инсайдерской информации при запуске новых продуктов под собственными марками [2].

Для российского рынка данная проблематика также существует в отношении таких крупных маркетплейсов как Ozon, Wildberries, Яндекс Маркет. Все они активно развивают собственные торговые марки, так по данным исследования РБК, в 2025 году на долю топ-10 продающих категорий на маркетплейсах почти 60% продаж пришлось на собственные товары и бренды Ozon и Wildberries.

В России уже сделан первый шаг в этом направлении: 31 июля 2025 года подписан Федеральный закон № 289-ФЗ «Об отдельном регулировании платформенной экономики в Российской Федерации» (далее — Закон № 289-ФЗ), который служит первой комплексной мерой по упорядочению отношений между операторами цифровых посреднических платформ, их партнёрами и пользователями в сфере продажи товаров, выполнения работ и оказания услуг. Согласно ст. 10 Закона № 289-ФЗ, недопустимо вмешательство платформы в поисковую выдачу: если пользователь задал критерий сортировки, платформа не может искусственно изменить порядок товаров,

продвигая рекламные позиции. При этом Закон вступает в силу с 1 октября 2026 года, что даёт участникам рынка время для адаптации, однако в текущий момент сохраняется ряд проблемных аспектов, не получивших правового урегулирования.

В отличие от Европейского акта о цифровых рынках (DMA), вступившего в силу в 2024 году, Закон № 289-ФЗ не содержит прямого запрета на самопредпочтение и не ограничивает использование данных бизнес-пользователей для развития собственных торговых марок маркетплейсов. Закон также не определяет порядок раскрытия алгоритмов ранжирования перед продавцами и не регламентирует механизмы прозрачности рекламных инструментов.

Примечательно, что изначально законопроект предусматривал более широкие гарантии для продавцов: в нём содержалась норма об обязательном раскрытии маркетплейсами принципов работы алгоритмов ранжирования и маркировке платного продвижения. Однако из финальной версии Федерального закона № 289-ФЗ эти положения были исключены. Бизнес-ассоциации критиковали закон за «половинчатость», отмечая, что он не защищает продавцов от влияния маркетплейсов на ранжирование и поиск товаров.

В этой связи представляется целесообразным вернуться к вопросу о включении в Закон № 289-ФЗ норм, раскрывающих принципы работы алгоритмов ранжирования и порядок маркировки платного продвижения, которые были исключены из финальной редакции законопроекта.

В отечественной системе электронной торговли важной положительной тенденцией следует признать развитие цифровых механизмов защиты прав правообладателей. На основании Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29.11.2025 № 3523-р маркетплейсы внедрили системы подтверждения прав на товарный знак и используют сведения официальных реестров Роспатента. Такая практика позволяет ускорить рассмотрение обращений правообладателей, снизить количество необоснованных заявлений о правах и предотвратить размещение части товаров с незаконным использованием обозначений. Для участников рынка это означает повышение правовой определенности и сокращение оборота контрафактной продукции. В результате формируется современная модель взаимодействия частных цифровых платформ и публичной регистрационной системы интеллектуальной собственности.

Вместе с тем интеграция маркетплейсов с реестрами Роспатента сопряжена с рядом сложностей. Ключевой недостаток заключается в риске необоснованной блокировки карточек товаров в случаях, использования обозначения в

силу прямого согласия правообладателя, дистрибьюторских отношений, договоров поставки оригинальной продукции и иных законных моделей хозяйственного оборота. Проблема возникает из-за того, что реестры Роспатента фиксируют лишь факт регистрации прав, но не отражают текущие договорные отношения между участниками рынка. В результате автоматическая система модерации может трактовать отсутствие прямой записи в реестре как нарушение, что приводит к блокировке добросовестных продавцов.

Дальнейшее развитие данной системы требует соблюдения баланса интересов участников рынка. Вышеупомянутое распоряжение правительства не закрепляет единообразную процедуру проверки, то есть каждая электронная торговая площадка ее определяет самостоятельно. Конечно, Закон № 289-ФЗ закрепляет механизм обжалования ограничений доступа к карточке товара, согласно которому оператор платформы обязан рассмотреть обращение в течение пятнадцати дней со дня его получения. Указанный механизм имеет существенное значение для обеспечения баланса интересов правообладателей и добросовестных продавцов, вместе с тем с учетом высокой динамики электронной торговли даже временное ограничение доступа к карточке товара способно повлечь к снижению объема продаж.

В этой связи особое значение приобретает не только право на обжалование блокировки, но и скорость восстановления нарушенных коммерческих возможностей продавца. Перспективными направлениями представляются:

внедрение ускоренных цифровых процедур апелляции, при которых продавец может представить юридически значимые документы в электронной форме, включая документы, подписанные усиленной квалифицированной электронной подписью, а платформа обязана в сокращенный срок пересмотреть ранее принятое ограничение.

стандартизация правил модерации на маркетплейсах, которая предполагает обязательное прикрепление продавцом электронного подтверждения прав на использование объектов интеллектуальной собственности (в т.ч. прямого согласия правообладателя) при публикации карточки товара, что позволит модератору оперативно верифицировать документы при срабатывании системы предупреждения о нарушении без дополнительных запросов.

Таким образом, влияние маркетплейсов на экономическую функцию товарного знака в России не сводится к однозначно положительному или отрицательному эффекту. С одной стороны, зависимость видимости товара от факторов, находящихся за пределами исключительного права: алгоритмами ранжирования, правилами

модерации карточек товаров и конкурентной политикой самих платформ в отношении собственных торговых марок ослабляет традиционную идентифицирующую функцию товарного знака. С другой стороны, это должно стимулировать развитие правового регулирования платформенной торговли, требуя приведения законодательства в соответствие с нынешней эпохой развития цифровизации. Так уже в России воплощены такие законодательные инициативы как Федеральный закон № 289-ФЗ, который закрепляет запрет на манипуляции с поисковой выдачей и устанавливает пятнадцатидневный срок для рассмотрения жалоб продавцов на блокировку карточек товаров, а также Распоряжение Правительства № 3523-р, обеспечивающее интеграцию крупнейших маркетплейсов с официальными реестрами Роспатента для оперативной проверки прав на товарные знаки.

Однако, как показано выше, этих мер недостаточно: необходимы дальнейшие шаги по обеспечению прозрачности ранжирования, недопустимости использования данных продавцов в интересах собственных торговых марок платформ и стандартизации процедур подтверждения прав, чтобы законодательство действительно поспевало за динамикой цифровой экономики.

Список литературы:

[1] Аксенов В.А., Одинцов С.В. Правовая природа маркетплейсов // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2024. № 1. С. 5–21.

[2] Маслов А. О. Подходы к антимонопольному регулированию предпринимательской деятельности владельцев цифровых платформ // Российское конкурентное право и экономика. 2023. № 4 (36). С. 32–43.

[3] Шермадини М.В., Посконная Ю.Д., Никулин Д.П. Влияние индекса цен на ранжирование товаров в поисковой выдаче маркетплейсов: эмпирический анализ на примере OZON // Human Progress. 2025. № 6. С. 1–11.

[4] Шарко Е. Р., Соколова А. А. Факторы доверия потребителей к продовольственным товарам собственной торговой марки: кейс лояльности к российским ритейлерам // Journal of Applied Economic Research. 2025. Т. 24, № 1. С. 344–378.

References:

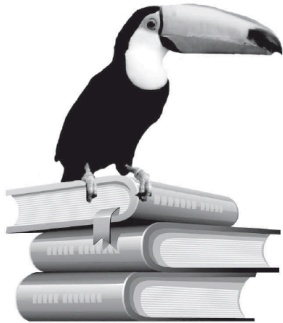
[1] Aksenov V.A., Odintsov S.V. The legal nature of marketplaces // Bulletin of the Baltic Federal University named after I. Kant. Ser.: Humanities and social sciences. 2024. № 1. S. 5-21.

[2] Maslov A. O. Approaches to antitrust regulation of business activities of owners of digital platforms // Russian competition law and economy. 2023. № 4 (36). S. 32-43.

[3] Shermadini M.V., Poskonnaya J.D., Nikulin D.P. The influence of the price index on the ranking of goods in the search results of marketplaces: empirical analysis using the example of OZON // Human Progress. 2025. № 6. S. 1-11.

[4] Charcot E.R., Sokolova A.A. Factors of consumer confidence in own-brand food products: case of loyalty to Russian retailers // Journal of Applied Economic Research. 2025. T. 24, NO. 1. S. 344-378.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

АБРАВИТОВА Ю.И.,
кандидат юридических наук, Государственный
университет морского и речного флота имени
адмирала С.О. Макарова,
e-mail: abravitova@yandex.ru

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И АВТОРСКОЕ ПРАВО: ПРОБЛЕМА ПРАВОВОГО РЕЖИМА РЕЗУЛЬТАТОВ МАШИННОЙ ГЕНЕРАЦИИ

Аннотация. С развитием систем искусственного интеллекта, существующие правовые режимы в сфере интеллектуальной собственности сталкиваются с рядом проблем. В частности, пока не определены правила, применимые к произведениям, созданным искусственным интеллектом, их статус остается дискуссионным. Проблема заключается не просто в установлении того, может ли машина быть автором — гипотеза, которую позитивное право продолжает исключать, — а в проверке того, когда результат машинной генерации может быть квалифицирован как произведение и, следовательно, как объект защиты авторского права. Анализируются техническая природа генеративного искусственного интеллекта, принципы его работы и их значение для правовой квалификации сгенерированных объектов. Рассматриваются основные доктринальные подходы к определению правового статуса ИИ-генераций. Обоснована необходимость сохранения антропоцентричного принципа авторского права. Отмечено, что правовая оценка результата машинной генерации требует анализа, основанного на степени автономности системы искусственного интеллекта, степени вмешательства человека и прослеживаемости творческого процесса. Предлагается создание специализированного реестра процессов генерации.

Ключевые слова: искусственный интеллект, право интеллектуальной собственности, авторское право, смежные права, творчество, оригинальность.

ABRAVITOVA Ju.I.,
Candidate of Law, Admiral Makarov State University
of Maritime and Inland Shipping

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND COPYRIGHT: THE PROBLEM OF THE LEGAL REGIME OF MACHINE GENERATION RESULTS

Annotation. With the development of artificial intelligence systems, the existing legal regimes in the field of intellectual property face a number of problems. In particular, until the rules applicable to works created by artificial intelligence are defined, their status remains debatable. The problem is not simply to establish whether a machine can be an author — a hypothesis that positive law continues to exclude — but to verify when the result of machine generation can be qualified as a work and, therefore, as an object of copyright protection. The technical nature of generative artificial intelligence, the principles of its operation and their significance for the legal qualification of generated objects are analyzed. The main doctrinal approaches to determining the legal status of AI-generations are considered. The necessity of preserving the anthropocentric principle of copyright is substantiated. It is noted that the legal assessment of the result of machine generation requires an analysis based on the degree of autonomy of the artificial intelligence system, the degree of human intervention and the traceability of the creative process. It is proposed to create a specialized registry of generation processes.

Key words: artificial intelligence, intellectual property law, copyright, related rights, creativity, originality.

С момента появления искусственного интеллекта (ИИ) в 1950-х годах в обществе развернулась дискуссия о том, могут ли машины «думать». Совместными усилиями исследователей в области информатики и когнитивной психологии стали предприниматься первые попытки имитирования машинами человеческого процесса творчества путем генерации изображений, текста, музыки и других типов контента. В 2000-х годах цивилисты стали приходить к выводу, что сгенерированный с помощью компьютерных программ контент требует некоторого пересмотра канонических представлений об авторском праве, традиционно построенного вокруг центральной роли личности, интеллектуального труда и человеческого творчества [1, с. 74]. Появление в 2014 году генеративных систем искусственного интеллекта увеличило интенсивностью научных споров относительно правового режима объектов, созданных с применением машинных алгоритмов.

Основные проблемы, связанные с политической государственной в области формирования правового режима результатов машинной генерации, можно разделить на три категории. Во-первых, проблемы авторства и авторских прав на объекты, генерируемые нейросетями; во-вторых, проблемы определения того, кто несет ответственность в случаях, когда контент, созданный с помощью ИИ, нарушает исключительные права третьих лиц; в-третьих, проблемы обучения нейронной сети с использованием охраняемых произведений без согласия их правообладателей.

В рамках данной статьи мы сконцентрируемся на первой проблеме, и предпримем попытку поиска ответа на вопрос о том, как можно перестроить закон об авторском праве, чтобы он учитывал творения, созданные искусственным интеллектом, не отказываясь его от основополагающих принципов и не нарушая баланс между технологическими инновациями и человеческой сущностью творчества.

Прежде чем углубляться в правовые аспекты, полагаем целесообразным сначала кратко осветить принцип работы искусственного интеллекта и технические последствия этой деятельности.

Этимологически слово «интеллект» восходит к латинскому *intelligere* (*inter-* «между» и *legere* «собирать, выбирать») и означает «понимать, воспринимать, различать, выбирать». Следовательно, интеллект предполагает способность не просто воспринимать неизвестное, но и устанавливать связи между явлениями, сопоставлять их и на этой основе осуществлять осознанный выбор между различными вариантами. В своем человеческом измерении интеллект охватывает совокупность многообразных когнитивных и аффективных способностей: от умения выявлять при-

чинно-следственные зависимости, воображать и прогнозировать до способности воспринимать, выражать, понимать и регулировать эмоции — собственные и других лиц.

Искусственный интеллект представляет собой технологию, которая посредством реализации математических моделей и алгоритмических вычислений позволяет получать результаты, ранее считавшиеся исключительной прерогативой человека. При этом «интеллектуальный» компонент ИИ соответствует способности имитировать поведение человека, тогда как «искусственный» связан с технической природой используемых средств. Следует подчеркнуть, что цель разработки ИИ никогда не сводилась к созданию вычислительных систем, полностью имитирующие когнитивные механизмы человека, а скорее заключается в достижении результатов эквивалентных или превосходящих по качеству результаты человеческой интеллектуальной деятельности.

Генеративный ИИ — это программное обеспечение, способное генерировать контент (текст, аудио, видео, изображения, компьютерный код и т. д.) на основе запроса, называемого «промптом», предоставленного пользователем. Промпт представляет собой целенаправленное человеческое воздействие на систему генеративного ИИ, осуществляемое посредством подачи текстовой, графической, звуковой или смешанной информации «для целей получения искомого результата — графического, музыкального, текстового или иного» [2, с. 29]. Контент генерируется реалистично и почти всегда уникально, практически невозможно получить один и тот же результат дважды. Основой «генеративного» искусственного интеллекта стали технологии машинного обучения, предполагающие обучение с учителем, где люди предоставляют информацию о том, чему будет учиться (путем аннотирования изображений); самообучение (аннотирование не требуется) и обучение с подкреплением (методом проб и ошибок). Генеративный ИИ быстро создает сложные модели на основе наиболее значимых закономерностей в миллиардах обучающих данных (книг, статей, изображений, видео и т.д.).

В современных генеративных системах изображений используются преимущественно диффузионные модели — «в процессе обучения они выявляют устойчивые структурные закономерности, характерные для тех или иных объектов, включая форму, взаимное расположение элементов, пропорции и иные визуальные связи» [3], что обеспечивает несоизмеримо более высокое качество генерации за секунды. На аналогичных математических алгоритмах строится генерация текстов: на основе вычислений и анализе предшествующего контекста прогнозируется следующий, наиболее вероятный, токен (текстовая

единица), тем самым «выстраивается статистически выверенная цепочка» [3]. Системы ИИ обладают способностью как к простому воспроизведению, так и к комбинированию элементов для создания контента с новыми атрибутами.

Накопление обучающих данных в ИИ, как правило, стимулирует появление «интеллектуального» поведения в генеративной системе. ИИ может обобщать, что является первым шагом к определенному уровню интеллекта. Однако возможности генеративного ИИ остаются нестабильными и варьируются в зависимости от объема данных, используемых для обучения, и оптимизации систем ИИ. В настоящее время системы ИИ не думают, не рассуждают, ни во что не верят, не чувствуют, принимают мало произвольных решений, не способны ставить цели, разрабатывать новые оригинальные концепции, абстрактные или философские идеи [3].

Практически все трактовки ИИ, предлагаемые юридической наукой, вращаются либо вокруг мышления, либо вокруг поведения (действий) [4, с. 30]. В основе лежит предложенное в учебнике С.Рассела и П.Норвига «Искусственный интеллект: современный подход» (1995) определение искусственного интеллекта как результата пересечения двух ключевых измерений: а) человеческое и рациональное, и б) мышление и действие. Таким образом, можно выделить четыре основных подхода к концепции ИИ. Первый основан на концепции машины, которая действует подобно человеку; второй сосредоточен на идее машины, которая мыслит подобно человеку; третий основан на рациональном мышлении и законах формальной логики; и четвертый — на рациональном действии [5].

В российском правовом поле легальное определение ИИ, предложенное в Федеральном законе от 24.04.2020 № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта...», фокусируется не только на когнитивных возможностях искусственного интеллекта (прогнозирование, формулирование рекомендаций, принятие решений, самообучение и т.д.), но и включает указание на техно-функциональную составляющую, проводя параллели с человеческим мышлением. Это же определение использует законодатель и в принятом Государственной Думой в третьем чтении 8 июля 2026 года Федеральном законе «О поддержке развития технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации» (проект № 1271570-8).

Итак, хотя технический прогресс генеративных моделей порождает иллюзию «интеллектуальности», ИИ функционирует как система веро-

ятностных вычислений и статистического прогнозирования, лишённая сознания, интенциональности и способности к целеполаганию, не имеющая ничего общего с человеческим мышлением, рассуждением или эмоциями. Юридические дефиниции ИИ закономерно фокусируются на внешних проявлениях действия системы, а не на её внутренних процессах, что позволяет праву абстрагироваться от вопроса о «мыслящей машине» и, оперируя категориями имитации и рациональности, сосредоточиться на результатах, сопоставимых с человеческими.

В публичных дебатах о защите посредством авторского права результатов, полученных с помощью алгоритмических систем, речь идёт не только о том, можно ли защитить контент, созданный с помощью систем ИИ, но и о понимании того, кому такая защита, если таковая вообще необходима, должна быть предоставлена. Именно в этом контексте наиболее рельефно проявляется конфликт между технологической эволюцией и традиционной структурой авторского права, исторически построенной вокруг фигуры человека-автора.

Статус произведений, созданных искусственным интеллектом, является предметом дискуссий. Гражданский кодекс не даёт определения, что считать защищаемым авторским правом произведением, идет путем перечисления объектов исключительных прав (ст. 1259 ГК РФ). Действующее законодательство также не содержит структурированного перечня критериев для защиты произведений авторским правом. Однако по результатам проведенного анализа законодательных источников и научных публикаций можно утверждать, что в доктрине и судебной практике сложился комплекс следующих требований: оригинальность, результат творческого труда человека, объективная форма выражения, новизна [2, с. 26-29]. Вместе с тем, следует учитывать, что категории творчества, оригинальности и новизны в авторском праве являются дискуссионными, что обусловлено отсутствием их легального определения и различными доктринальными подходами к содержанию.

Концепция творчества сложна и включает в себя множество уровней анализа: нейронные корреляты, когнитивные компоненты мыслительного процесса, черты личности, эмоциональные факторы, индивидуальное поведение и результаты, коллективное поведение и результаты, социокультурные аспекты и даже космологические аспекты, касающиеся роли творчества во Вселенной. Всякое творчество проистекает из интеллекта. Понимание того, как разум мыслит, рассуждает и учится, проливает свет на творческий акт во всех его измерениях, независимо от того, включает ли он человеческое мышление или машинные

алгоритмы.

Авторское право распространяется на любое произведение, независимо от его назначения, формы, ценности или достоинств, при условии, что оно представляет собой интеллектуальное творение. Создание произведения подразумевает существование автора. Российский законодатель, вслед за Бернской конвенцией, ограничивает круг потенциальных авторов, указывая, что произведения, являющиеся интеллектуальными творениями, создаются человеком (гражданином), чья интеллектуальная творческая деятельность и порождает эти произведения (ст. 1257 ГК РФ). Таким образом, российское авторское право рассматривает произведение как продолжение личности его создателя, предоставляя ему неотчуждаемые вечные нематериальные права. Вместе с тем, следует учитывать, что в авторском праве защита произведения возникает из самого факта его создания, независимо от идентификации его автора. Режим, применимый к анонимным произведениям, закрепленный, в частности, в статье 7 Бернской конвенции и статье 1265 ГК РФ предполагает, что отсутствие идентифицированного автора не может препятствовать защите анонимного произведения.

Концепции оригинальности в правоприменительной практике и академической литературе фокусируется либо на творческом процессе, то есть личном вкладе автора произведения, либо акцентируют внимание на творческом результате, оценивая его с точки зрения уникальности и неповторимости [2, с. 26-29; 6]. При этом нередко подчёркивается необходимость разграничения оригинальности, как критерия, специфичного для авторского права, и новизны, которая в первую очередь важна для защиты промышленной собственности (условие патентоспособности, закрепленное в ст. 1350 ГК РФ). Если оригинальность трактуется в плоскости субъективных категорий («отпечаток личности» автора), то новизна – это объективное свойство, устанавливаемое путём сопоставления с предшествующими творениями.

Отметим, что современное российское авторское право прямо указывает лишь на два критерия охраноспособности произведения: творческий характер деятельности (ст. 1257 ГК РФ) и объективная форма выражения (ст. 1259 ГК РФ). Новизна, уникальность и оригинальность произведения не являются обязательными условиями для предоставления правовой охраны (п. 80 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.04.2019 № 10).

Можно ли, с учетом изложенного, считать произведение, созданное с помощью системы искусственного интеллекта, надлежащим объектом в контексте защиты, предоставляемой авторским

правом?

Наша культура является наследницей платоновской и картезианской мысли, что предопределяет дуалистическое мировосприятие, противопоставление человека и машины, разума и материи. Эта философская установка предопределила тон ранних научных и публицистических дискуссий об ИИ: в центре внимания оказались риски утраты человеческой исключительности, особенно в тех областях, которые традиционно считались прерогативой человека, — литературе, живописи, музыке. Авторское право, изначально выстроенное вокруг антропоцентричной модели творчества, согласно которой автор может быть только физическим лицом, а творческий акт — исключительно человеческим, с появлением генеративного ИИ столкнулось с необходимостью переосмысления того, что именно в творческом процессе является неотъемлемо человеческим, и проблемой выбора правового режима результатов машинной генерации.

В настоящее время, исходный тезис, общий для основных правовых систем, остается неизменным: ввиду отсутствия правосубъектности искусственный интеллект не может быть признан автором. Система ИИ, какой бы сложной она ни была, не обладает субъектностью в смысле, требуемом законом; ей не присуща сознательная интенциональность, поскольку ИИ создают вероятностный синтез на основе обширных наборов данных и действуют *agere sine intelligere*; у нее отсутствует свобода воли в юридическом смысле, она не может нести ответственность за нарушения интеллектуальных прав на существующие работы. Право на авторство произведения, право на имя, право на неприкосновенность произведения и право требовать защиты от изменений, наносящих ущерб чести или репутации автора, по своей сути предполагают наличие личности, обладающей честью, репутацией и духовной связью с творением.

Также нельзя забывать, что генеративные ИИ-системы технологически зависимы от человеческого творчества: обучение моделей на данных, сгенерированных самими ИИ, ведёт к кумулятивному деградационному эффекту, проявляющемуся в нарастании ошибок и искажений.

Именно поэтому признание за системой ИИ статуса автора-творца на современном этапе развития законодательства и технологий представляется несколько неуместным и преждевременным. Академические дебаты о возможном введении «электронной личности» или особой субъективности для особо развитых систем ИИ остаются, по крайней мере пока, на теоретическом уровне.

Вместе с тем, на доктринальном уровне предпринимаются попытки разработки концеп-

ций авторско-правовой охраны, суть которых заключается в признании искусственного интеллекта автором [4, с. 43,44; 7, с. 101]. Данные концепции пока не находят широкого признания. Ключевым телеологическим аргументом против признания за системой ИИ статуса автора служит целевое назначение авторского права: оно призвано стимулировать людей к творческой деятельности, обеспечивая им правовую охрану результатов их интеллектуальных усилий. В отличие от людей, программному обеспечению не требуется никаких юридических или финансовых стимулов, что создаёт риск перенасыщения рынка синтетическими произведениями, обесценивание человеческого творческого труда и, как следствие, подрыв конституционно значимых целей интеллектуальной собственности — развитие культуры и науки.

Исключение генеративного ИИ из списка возможных авторов, неизбежно порождает круг взаимосвязанных вопросов: при каких условиях вмешательство человека достаточно для установления защиты результата машинной генерации [4, с. 37,41], следует ли установить особое право (правовой режим) [7, с. 99, 103, 104], или же, при отсутствии достаточного человеческого творческого вклада, результат машинной генерации остается вне сферы защиты авторского права [4, с. 44-46].

Тезис о невозможности признать машину автором и сохранении центральной роли человеческого вклада, поддерживается в большинстве стран, вместе с тем, имеет место расхождение относительно оценки интенсивности этого вклада, необходимой для защиты результата, а также относительно того, с чьей деятельностью — программиста-разработчика или пользователя ИИ-системы — следует связывать возникновение прав на созданный объект.

В попытке найти автора-человека некоторые правовые системы (например, Великобритания) ввели юридическую фикцию, приписывая авторство произведения лицу, которое предпринимает необходимые для его создания действия, часто идентифицируя его как разработчика программного обеспечения. Однако это решение представляется сомнительным, поскольку современные системы ИИ, основанные на нейронных сетях, работают как «черные ящики», что делает сгенерированный результат непредсказуемым для разработчика (или пользователя), тем самым разрывая причинно-следственную и творческую связь.

Гипотеза о признании программиста автором результатов машинной генерации с учётом его роли на этапах проектирования, обучения и определения функциональных параметров модели, в настоящее время критикуется еще и потому,

что такое регулирование означало бы необоснованное расширение прав программистов, которые уже пользуются охраной в отношении созданного ими программного кода и монополизации рынка [4, с. 37,38; 8, с. 214].

Другой спорный вариант — передать права пользователю, использующему генеративное программное обеспечение. М.В. Самарцева, анализируя правовую природу промта, приходит к выводу, что его следует рассматривать как юридический поступок – волевое действие, не преследующее правовых последствий, и не являющееся авторским произведением ввиду его инструментальной природы. Созидательный импульс исходит от пользователя, который формулирует задачу ИИ, а непосредственно генерация выполняется ИИ автономно в пределах заданных алгоритмов и является по существу технологической процедурой [2, с. 34]. Таким образом, пользователь, не создавая в своем сознании идеальную (субъективную) форму произведения и не осуществляя контроль над конечным выразительным результатом своего запроса, не может обоснованно претендовать на авторство, а результат машинной генерации следует рассматривать как технический, а не творческий акт.

Аналогичной позиции придерживается и М.А. Рожкова, полагая, что при использовании генеративного ИИ пользователь утрачивает контроль над процессом создания результата, что исключает возможность признания его творческого вклада. Поскольку «формулирование промпта по своей природе сходно с постановкой технического задания, но не с творческой деятельностью», сам по себе факт составления запроса не может служить основанием для возникновения авторских прав на сгенерированный результат [3].

Полагаем, что промпт возможно рассматривать не только как техническое задание, но и как предоставление идеи, поскольку в силу стохастического характера генерации один и тот же запрос может порождать множество различных результатов. Поскольку авторское право охраняет форму выражения, а не саму идею, а конкретное выражение в данном случае формируется системой ИИ автономно, вклад пользователя не достигает уровня, охраняемого авторским правом.

Имеются сторонники гибридного подхода, согласно которому следует признать совместное авторство различных участников процесса создания — программиста, пользователя, правообладателя (или даже системы ИИ) — в зависимости от степени их вклада в творческий результат (концепции распределенного или переплетенного авторства) [9]. Данная концепция апеллирует к логике коллективного творчества и, предположительно, должна создать правовую основу для творений, где грань между автором и инструмен-

том размывается. Человеческий интеллект остаётся источником творческого акта, и, хотя ИИ материализует произведение, для этого требуется выполнение ряда условий, которые делают эту материализацию возможной: выбор модели, выбор обучающих данных, параметризация ограничений, формулирование промпта, мониторинг и коррекция результата. Иными словами, результат машинной генерации есть отражение человеческого замысла в машине.

Однако предложенная концепция не решает ранее обозначенные проблемы контроля над процессом создания результата; установления достаточности степени вмешательства человека в конечный результат для признания авторства и необоснованное расширение прав разработчика. Более того, гибридная модель создаёт неопределённость в правовом обороте: если каждое ИИ-произведение потенциально имеет множество «соавторов», это порождает сложности с заключением лицензионных договоров и распределением доходов.

Высказываются предложения об охране результатов машинной генерации посредством установления режима смежного права, которое признавало бы и защищало творческие, технические и экономические инвестиции разработчиков программного обеспечения, пользователей, правообладателей системы искусственного интеллекта или иных лиц [10]. Сторонники данного подхода аргументируют его тем, что институт смежных прав может быть адаптирован для охраны результатов, созданных ИИ, без пересмотра антропоцентричного принципа авторского права с заменой «критерия творчества» на «критерий инвестиций». Однако такой подход также порождает ряд проблем. Во-первых, смежные права в классическом понимании всегда производны от авторских и существуют с соблюдением авторских прав на используемые произведения. Результат генерации (текст, изображение, музыка) создаётся на основе статистических закономерностей, выявленных из огромного массива обучающих данных. Даже если эти данные включают охраняемые произведения, сгенерированный объект сложно определить как «производный» в юридическом смысле. Как отмечает И.В. Овчинников, объект генерации «будет представлять собой не изменённую копию какого-либо одного изображения, содержавшегося в данных, и не механическую комбинацию нескольких таких изображений, а некую усреднённую репрезентацию объекта, которую нейронная сеть самостоятельно усвоила на основе изучения и статистического анализа всего датасета» [1, с. 75]. Это существенно затрудняет, если не делает вообще невозможной идентификацию конкретного произведения-источника, с соблюдением прав на

который должна осуществляться охрана.

Во-вторых, как и в случае с авторскими правами, по-прежнему не ясно, кому следует предоставить смежные права на результат машинной генерации. Если закреплять такие права за разработчиком (правообладателем) системы ИИ, возникает вопрос о правовом режиме дальнейшего использования сгенерированных объектов пользователем. В этом случае сгенерированный объект, охраняемый смежным правом, выступает в качестве исходного материала для создания произведения – объекта авторского права. Возникает правовая коллизия: авторское произведение пользователя оказывается производным от объекта смежных прав разработчика, что требует определения объёма прав и обязанностей каждой из сторон и условий такой переработки.

Пробел в нормативном регулировании правового статуса ИИ-генераций восполняется практикой частного нормотворчества: поставщики систем ИИ закрепляют распределение прав на сгенерированный контент в пользовательских соглашениях. При этом договорные подходы существенно различаются: от указания на то, что исключительное право на сгенерированный результат в полном объёме принадлежит пользователю до предоставления широких лицензий, направленных на коммерциализацию результатов генерации [11, с. 87]. Интересно, что ч. 1 ст. 10 Федерального закона «О поддержке развития технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации» вменяет «лицам, предоставляющим возможность применения больших фундаментальных моделей искусственного интеллекта» (из текста закона не ясно, кто это) обязанность информировать пользователей о принадлежности прав на сгенерированные объекты, не определяя при этом ни субъектов, ни критериев охраноспособности таких объектов. Тем самым создаётся презумпция охраноспособности результатов машинной генерации, не подкреплённая нормами части четвёртой ГК РФ, что обрекает правоприменение на неопределённость. Между тем, как справедливо отмечал А.А. Крыцула, правила платформы, определяя техническую архитектуру взаимодействия, не становятся объективным правом [12], соответственно исключительное право на результат машинной генерации, не может возникнуть на основании договора в отсутствие предусмотренных законом оснований, а технические возможности платформы сами по себе не создают правового режима ИИ-генерации, отсутствующего в действующей системе позитивного права.

Итак, сейчас результат машинной генерации находится в «серой» зоне правового регулирования [7, с. 98]. В конечном счёте, вопрос о статусе произведений, созданных искусственным интел-

лектом, не может быть решен простым принципиальным отказом от включения их в систему интеллектуальных прав. Право интеллектуальной собственности никогда не было статичным: оно всегда развивалось в ногу с техническими, социальными и экономическими преобразованиями в процессе творчества. Поэтому проблема правового режима результатов машинной генерации должна решаться не через дилемму «охранять или не охранять», а через поиск механизмов признания и регулирования частных интересов конкретных субъектов, лежащего в основе таких результатов.

Практический вопрос заключается не столько в том, стоит ли осуществить онтологическую революцию в частном праве и признать искусственный интеллект субъектом права, сколько в юридической квалификации человеческого участия в процессах создания объектов с использованием ИИ — от разработки и обучения системы генеративного ИИ до последующей обработки сегрегированного результат. Решение этой проблемы предлагается искать в рамках развития подотрасли права интеллектуальной собственности, путем адаптации существующих институтов авторского или смежных прав либо создании специального правового режима.

В настоящее время научная дискуссия сосредоточена на четырех основных возможных правовых режимах результатов машинной генерации:

результат является неохраняемым, поскольку система ИИ не генерирует конкретные произведения предсказуемым для разработчиков или пользователей образом, соответственно причинно-следственная связь между действиями человека и конечным результатом утрачивается;

авторско-правовая охрана, при условии существенного человеческого вклада, обусловленного интеллектуальным трудом автора;

результат защищается посредством предоставления смежного права. Данная концепция основана на инвестиционном критерии: объект обладает экономической ценностью и может быть охраноспособным, но не отвечает критериям авторского права из-за отсутствия достаточного творческого вклада человека. Соответственно бенефициаром в данном случае будет лицо, осуществившее существенные инвестиции в создание генеративной системы ИИ или в организацию процесса генерации;

результат защищается путем создания нового специального режима охраны *sui generis*.

Каждый из указанных подходов имеет определенные недостатки. Первый оставляет результаты машинной генерации в правовом вакууме, что не соответствует потребностям оборота и не стимулирует развитие технологий. Второй стра-

дает неопределенностью критериев «существенности» творческого вклада и сложностью их доказывания в судебном порядке, что создает риски как для правообладателей, так и для пользователей. Третий, несмотря на свою прагматическую привлекательность, сталкивается с потенциальной проблемой дисбаланса частных и общественных интересов, предоставления чрезмерного преимущества технологическим корпорациям — правообладателям систем ИИ. И второй и третий подходы также характеризуются нерешенным вопросом о субъекте прав. В четвертом варианте детали специального режима в академической литературе не уточняются, предлагаемые формулировки, как правило, ограничиваются указанием на необходимость использования по аналогии института смежных прав. Ввиду отсутствия концептуально проработанной модели, обсуждение данного направления в качестве практической альтернативы представляется преждевременным.

Исходя из изложенного, руководствуясь экономическим критерием и социальной функцией авторского права, полагаем целесообразным признать творчески «переработанный» пользователем результат машинной генерации — произведение, созданное с помощью системы ИИ — объектом авторских прав, закрепив соответствующее положение в ст. 1259 ГК РФ.

Концентрация разработок систем генеративного ИИ в руках ограниченного числа крупных технологических корпораций, располагающих альтернативными механизмами окупаемости инвестиций, ставит под сомнение необходимость признания «чистого» результата машинной генерации объектом авторских или смежных прав, в том числе и с применением такой юридической конструкции как коллективные права.

Правовая оценка результатов машинной генерации как произведения, созданного с помощью системы ИИ, требует анализа, основанного на нескольких ключевых параметрах: степени автономности системы ИИ, степени вмешательства человека и прослеживаемости творческого процесса. В настоящее время целесообразно сосредоточить усилия научного сообщества и практикующих юристов на двух последних параметрах.

Достаточно сложно законодательно определить какой интенсивностью должен обладать человеческий вклад либо ввести исчерпывающий перечень соответствующих показателей. Полагаем, что предпочтительнее в нормах закона использовать гибкую оговорку индивидуальной оценки степени человеческого участия, предназначенную для заполнения посредством толкования. Формулирование открытого перечня обстоятельств, свидетельствующих о наличии или отсутствии существенного творческого вклада должно осуществляться Пленумом ВС РФ с учетом док-

тринальных позиций и складывающейся национальной и международной практики. К таковым обстоятельствам, по нашему мнению, могут быть отнесены: детализированное описание содержательных параметров произведения в промте, многократная доработка запроса с учётом промежуточных результатов, творческий отбор из множества сгенерированных вариантов по эстетическим, смысловым или иным критериям, качественная постобработка (изменение композиции, колорита, текста, структуры), изменяющая существенные характеристики результата машинной генерации. Вместе с тем, творческий вклад не сводится к измеримым количественным показателям, необходима оценка смыслового, эстетического, концептуального вклада пользователя.

Весьма важно создание механизма, позволяющего объективно оценить достаточность человеческого участия в процессе машинной генерации для признания её результата охраняемым произведением. Решение данной проблемы видится в создании специализированного реестра, который под контролем независимого регулятора (например, при Роспатенте или в рамках саморегулируемой организации) фиксировал бы определенные этапы взаимодействия человека с системой ИИ. Как минимум, должны регистрироваться исходный запрос (промт) и первый вариант генерации. Ведение такого реестра позволило бы решить сразу несколько задач: предоставление объективных данных о процессе создания в случае судебного спора, возможность участникам оборота заранее оценить правовой статус результата машинной генерации и соответствующие риски.

Список литературы:

- [1] Овчинников И.В. Генеративный искусственный интеллект и авторское право // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2025. № 1(47). С. 74-82.
- [2] Самарцева И.А. Правовой режим результатов, создаваемых генеративным искусственным интеллектом // Цифровое право. 2025. С. 19-65.
- [3] Рожкова М.А. Искусственный интеллект (ИИ) и авторское право: ревизия подходов [Электронный ресурс] // Закон.ру. 2026. 15 июня. URL: https://zakon.ru/blog/2026/6/15/iskusstvennyj_intellekt_ii_i_avtorskoe_pravo_reviziy.
- [4] Калятин В.О. Определение субъекта прав на результаты интеллектуальной деятельности, созданные с использованием искусственного интеллекта // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2022. Т. 15. № 4. С. 24-50.
- [5] Рассел Сю. Искусственный интеллект: современный подход: [перевод с англ.] / Стюарт Рассел, Питер Норвиг. 4-е изд. Москва: Дialeк-

тика; Санкт-Петербург: Дialeктика, 2021.

[6] Михайлов С. В. Презумпция творческого характера (оригинальности) объектов авторских прав // Lex Russica. 2021. № 10 (179). С. 9-25.

[7] Гюльбасарова Е.В. Перспективы охраны объектов, созданных технологиями искусственного интеллекта, в рамках интеллектуального права // Актуальные проблемы российского права. 2025. С. 96-104.

[8] Орлова Т.Е. Авторское право на результаты деятельности искусственного интеллекта // Вопросы российской юстиции. 2022. № 21. С. 204-221.

[9] Масленкова Н.А., Никитина А.С. Искусственный интеллект как соавтор? Переосмысление авторства в контексте взаимодействия человека с ИИ // Семиотические исследования. 2025. Т. 5. № 2. С. 122-133.

[10] Пакшин П.К. Смежные права на результаты интеллектуальной деятельности, созданные искусственным интеллектом: философско-правовой анализ замены критерия творчества на критерий инвестиций // Актуальные проблемы российского права. 2025. № 11 (180). С. 11-18.

[11] Старовойтова А. С. Гражданско-правовой режим результатов, сгенерированных нейронными сетями: проблемы определения и толкования // Актуальные проблемы российского права. 2026. Т. 21. № 4. С. 82-90.

[12] Крыцула А.А. Платформенные решения в российском частном праве: монография. Москва : Статут, 2026. 183 с.

References:

[1] Ovchinnikov I.V. Generative artificial intelligence and copyright // Journal of the Court for Intellectual Rights. 2025. № 1(47). S. 74-82.

[2] Samartseva I.A. Legal regime of results created by generative artificial intelligence // Digital law. 2025. S. 19-65.

[3] Rozhkova M.A. Artificial intelligence (AI) and copyright: revision of approaches [Electronic resource] // Закон.ру. 2026. June 15. URL: https://zakon.ru/blog/2026/6/15/iskusstvennyj_intellekt_ii_i_avtorskoe_pravo_reviziy.

[4] Kalyatin V.O. Determination of the subject of rights to the results of intellectual activity created using artificial intelligence // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2022. VOL. 15. № 4. S. 24-50.

[5] Russell Xu. Artificial intelligence: a modern approach: [translated from English] / Stuart Russell, Peter Norvig. 4th ed. Moscow: Dialectics; St. Petersburg: Dialectics, 2021.

[6] Mikhailov S.V. Presumption of the creative nature (originality) of copyright objects // Lex Russica. 2021. № 10 (179). S. 9-25.

[7] Gyulbasarova E.V. Prospects for the

protection of objects created by artificial intelligence technologies within the framework of intellectual law // Actual problems of Russian law. 2025. S. 96-104.

[8] Orlova I.E. Copyright on the results of artificial intelligence // Issues of Russian justice. 2022. № 21. S. 204-221.

[9] Maslenkova N.A., Nikitina A.S. Artificial intelligence as a co-author? Rethinking authorship in the context of human interaction with AI // Semiotic research. 2025. VOL. 5. № 2. С. 122-133.

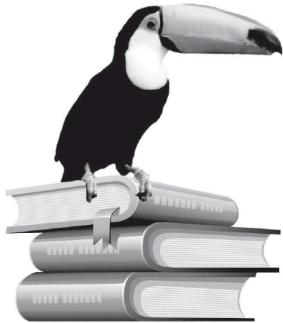
[10] Pakshin P.K. Related rights to the results

of intellectual activity created by artificial intelligence: philosophical and legal analysis of replacing the criterion of creativity with the criterion of investment // Actual problems of Russian law. 2025. № 11 (180). S. 11-18.

[11] Starovoitova A. S. Civil law regime of results generated by neural networks: problems of definition and interpretation // Actual problems of Russian law. 2026. VOL. 21. № 4. S. 82-90.

[12] Krytsula A.A. Platform solutions in Russian private law: monograph. Moscow: Statute, 2026. 183 с.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ПОНОМАРЁВА Наталья Геннадьевна,
кандидат юридических наук, Российская
государственная академия интеллектуальной
собственности, Москва,
e-mail: genresnat@ya.ru

ТРАДИЦИОННЫЕ ЗНАНИЯ И НЕМАТЕРИАЛЬНОЕ ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ ДОСТОЯНИЕ В СИСТЕМЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ: ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ И НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Аннотация. Статья посвящена современным проблемам правовой охраны традиционных знаний и нематериального этнокультурного достояния в условиях расширения трансграничного оборота культурных и биотехнологических ресурсов, цифровизации и развития искусственного интеллекта. Обосновывается, что традиционные знания не могут быть полноценно защищены исключительно средствами классического права интеллектуальной собственности, поскольку они имеют коллективную природу, передаются между поколениями, нередко существуют в устной форме и связаны с культурной идентичностью конкретных сообществ. Анализируются международные тенденции и сравнительно-правовые модели Европейского союза, Соединённых Штатов Америки, Китайской Народной Республики и Евразийского экономического союза. Особое внимание уделено Договору ВОИС об интеллектуальной собственности, генетических ресурсах и связанных с ними традиционных знаниях 2024 г., модели должной осмотрительности в праве Европейского союза, американскому механизму защиты достоверности происхождения индейских изделий и перспективам евразийской кооперации. Формулируется вывод о необходимости формирования в России гибридного режима охраны, объединяющего нормы о нематериальном этнокультурном достоянии, институты интеллектуальной собственности, правила доступа, цифровую фиксацию и участие носителей традиционных знаний в принятии решений.

Благодарности, финансирование: Работа выполнена в рамках НИР «Культурное наследие и культурные ценности на евразийском пространстве: правовая охрана и правовая защита интеллектуальных прав» (1-ГЗ-2026).

Ключевые слова: культурное наследие, традиционные знания, нематериальное этнокультурное достояние, интеллектуальная собственность, традиционные выражения культуры, генетические ресурсы, носители традиционных знаний, географические указания, наименование места происхождения товара, искусственный интеллект.

PONOMAREVA Natalia Gennadyevna,
Candidate of Legal Sciences, Russian State Academy
of Intellectual Property, Moscow, Russian Federation

TRADITIONAL KNOWLEDGE AND INTANGIBLE ETHNO-CULTURAL HERITAGE IN THE INTELLECTUAL PROPERTY SYSTEM: GLOBAL CHALLENGES AND DIRECTIONS FOR THE DEVELOPMENT OF RUSSIAN LEGAL REGULATION

Annotation. The article addresses current problems of the legal protection of traditional knowledge and intangible ethno-cultural heritage amid the expanding cross-border circulation of cultural and biotechnological resources, digitalization and the development of artificial intelligence. It argues that traditional knowledge

cannot be adequately protected solely by means of conventional intellectual property law, because it is collective in nature, transmitted across generations, frequently exists in oral form and is connected with the cultural identity of particular communities. The article examines international trends and comparative legal models of the European Union, the United States of America, the People's Republic of China and the Eurasian Economic Union. Particular attention is paid to the 2024 WIPO Treaty on Intellectual Property, Genetic Resources and Associated Traditional Knowledge, the European Union's due-diligence model, the U.S. mechanism for protecting the authenticity of Indian arts and crafts, and the prospects for Eurasian cooperation. The article concludes that Russia needs a hybrid protection regime combining intangible ethno-cultural heritage rules, intellectual property instruments, access rules, digital documentation and the participation of traditional knowledge holders in decision-making.

Key words: *cultural heritage, traditional knowledge, intangible ethno-cultural heritage, intellectual property, traditional cultural expressions, genetic resources, traditional knowledge holders, geographical indications, appellations of origin, artificial intelligence.*

Acknowledgements, funding: *The work was carried out within the framework of the research "Cultural Heritage and Cultural Values in the Eurasian Space: Legal Protection and Legal Protection of Intellectual Rights" (1-GZ-2026).*

Введение

Традиционные знания как элемент культурного наследия всё заметнее выходят за пределы этнографического описания и становятся предметом юридического, экономического и технологического интереса. В них концентрируется опыт обращения с природными ресурсами, лечения, питания, ремесла, строительства, воспитания, художественного творчества и сохранения среды обитания. В современном обороте такие знания могут извлекаться из экспедиционных материалов, музейных фондов, публикаций, цифровых коллекций или практики локального сообщества и затем включаться в коммерческий продукт, патентную разработку, дизайнерскую коллекцию либо алгоритмическую модель. Это ставит вопрос о правомерности доступа, об объеме допустимого использования, об участии носителей знаний в принятии решений и о справедливом распределении выгод [1; 2; 3].

Классическое право интеллектуальной собственности выстроено вокруг индивидуального автора, изобретателя или правообладателя. Оно предполагает определенность объекта, связывает охрану с моментом создания результата и, как правило, устанавливает срок действия исключительного права. Традиционные знания формируются иначе: коллективно, постепенно, в процессе межпоколенческой передачи; часто они существуют в устной либо практической форме и сохраняют ценность постольку, поскольку поддерживается культурная среда их носителей. Поэтому механическое включение традиционных знаний в действующие конструкции авторского или патентного права приводит либо к отсутствию охраны, либо к защите только отдельных внешне выраженных результатов [4; 5].

Для российского права проблема имеет двойное измерение. Федеральный закон от 20 октября 2022 г. № 402-ФЗ «О нематериальном этнокультурном достоянии Российской Федерации» сформировал основу для выявления, изучения, использования, сохранения и популяризации объектов нематериального этнокультурного достояния. Закон включает в их состав знания, технологии, навыки и формы их представления, связанные с традиционными ремеслами, укладами жизни, исторически сложившимися сюжетами, образами и стилистикой на определенной территории [6]. Однако данный Закон решает главным образом культурно-охранительную задачу и не устанавливает завершённого правового режима доступа к традиционным знаниям, их коммерческого использования, определения правового статуса носителей и распределения выгод.

Цель статьи состоит в определении основных мировых проблем правовой охраны традиционных знаний и нематериального этнокультурного достояния, а также в формулировании направлений развития российского регулирования с учётом европейского, американского, китайского и евразийского опыта. Методологическую основу исследования составили формально-юридический, сравнительно-правовой и системный методы.

Проблема традиционных знаний имеет несколько взаимосвязанных уровней. Первый связан с определением объекта охраны. Традиционное знание может выражаться в способе использования природного ресурса, традиционной медицинской практике, ремесленной технологии, системе орнаментальных мотивов, способе изготовления продукта, правилах хранения и передачи сведений, фольклорном сюжете или эстетическом принципе. Такое многообразие не позволяет свести традиционные знания к одному виду результатов интеллектуальной деятельности. Второй уровень затрагивает субъекта права: носителем знания выступает не единичный автор,

а община, этническая группа, локальное сообщество, объединение мастеров либо семейная линия. Третий уровень связан с трансграничным оборотом: одна и та же традиция может быть распространена на территориях нескольких государств, а коммерциализация нередко осуществляется за пределами региона её формирования [1; 7].

В этих условиях особую актуальность приобретает вопрос о соотношении культурно-охранного и интеллектуально-правового подходов. Культурно-охранная модель направлена на выявление, документирование, сохранение и популяризацию наследия. Интеллектуально-правовая модель регулирует доступ к нему, использование, защиту от недобросовестного присвоения, а также участие носителей в извлечении экономических выгод. Одна модель не заменяет другую. Их раздельное существование создаёт ситуацию, в которой традиционное знание может быть признано культурно значимым, но не получает правового механизма защиты от неправомерного использования.

Новый этап международной дискуссии связан с принятием 24 мая 2024 г. Договора ВОИС об интеллектуальной собственности, генетических ресурсах и связанных с ними традиционных знаниях [8]. Договор устанавливает обязательное требование раскрытия в патентной заявке страны происхождения генетических ресурсов либо их источника. Если заявленное изобретение основано на традиционных знаниях, связанных с генетическими ресурсами, заявитель должен указать источник таких знаний. Указанный механизм не создаёт исключительное право на традиционные знания, но направлен на повышение прозрачности патентной системы и снижение риска выдачи патентов на решения, не отвечающие критериям новизны или изобретательского уровня [9; 10].

Значение Договора ВОИС состоит в формировании минимального международного стандарта патентной добросовестности. Заявитель не должен извлекать технологическую выгоду из генетических ресурсов и связанных с ними знаний, не раскрывая их происхождение. Это особенно важно для фармацевтики, биотехнологий и аграрных исследований, где традиционная практика нередко служит отправной точкой поиска активных веществ, способов лечения или новых функциональных продуктов. Вместе с тем действие Договора ограничено традиционными знаниями, связанными с генетическими ресурсами. Он не создаёт единого режима охраны ремесленных технологий, фольклора, традиционного дизайна, музыки и иных традиционных выражений культуры.

Европейский союз использует одну из наиболее разработанных процедурных моделей. Ре-

гламент (ЕС) № 511/2014 устанавливает меры соблюдения требований Нагойского протокола для пользователей генетических ресурсов и связанных с ними традиционных знаний [11]. Его основой является обязанность проявления должной осмотрительности. Пользователь должен удостовериться в законности доступа, сохранять сведения о происхождении ресурса и связанных с ним знаний, а также соблюдать взаимно согласованные условия. Детальные правила реализации данного режима раскрыты в Исполнительном регламенте Комиссии (ЕС) 2015/1866 [12].

Европейская конструкция примечательна тем, что переориентируется с последующего разрешения спора на предварительную проверку поведения пользователя. Охрана обеспечивается не только запретом на незаконное использование, но и обязанностью документировать происхождение, условия доступа и соблюдение договорённостей. Для российской правовой системы данная логика представляет интерес прежде всего в отношении биологических ресурсов, традиционной медицины, лекарственного сырья, пищевых технологий и практик природопользования. Перспективным могло бы стать формирование требований к юридической добросовестности организаций, использующих такие знания в исследовательских и коммерческих целях.

Американский опыт имеет фрагментарный характер. В Соединённых Штатах отсутствует единый федеральный режим охраны традиционных знаний коренных народов, однако действует совокупность общих институтов интеллектуальной собственности, специальных законов и племенных нормативных актов. Наиболее показателен Indian Arts and Crafts Act 1990 г., который относится к законодательству о достоверности информации на рынке. Закон запрещает предлагать или продавать произведения искусства и ремесла как индейские, произведённые индейцами или как продукцию определённого индейского племени, если это не соответствует действительности [13; 14].

Указанная модель не закрепляет за племенами абсолютное право на все мотивы, техники и образы, связанные с их культурой. Однако она препятствует ложной атрибуции и использованию репутации коренных народов при реализации имитаций. Практическая ценность такого подхода заключается в защите достоверности происхождения товара. В дополнение к нему могут использоваться товарные знаки, коллективные и сертификационные обозначения, нормы о сохранении культурного наследия и племенные кодексы, регулирующие доступ к отдельным культурным объектам и формам знания [15; 16]. Для России американский опыт значим как пример развития промежуточных форм охраны. В условиях, когда

специальный режим традиционных знаний ещё не сформирован, возможно совершенствовать нормы о достоверной маркировке, противодействии недобросовестной конкуренции, использовании коллективных и сертификационных обозначений, а также ответственности за ложное указание происхождения и культурной принадлежности товара. Особенно востребованными такие инструменты могут стать в сфере народных художественных промыслов, этнического дизайна, сувенирной продукции, туризма и деятельности цифровых торговых площадок.

Евразийский экономический союз развивается по иной логике. В его рамках формируется единое пространство охраны отдельных объектов интеллектуальной собственности, включая евразийский товарный знак. Вместе с тем специального режима традиционных знаний, традиционных выражений культуры и генетических ресурсов в праве ЕАЭС пока не создано. Приложение № 26 к Договору о Евразийском экономическом союзе посвящено охране и защите прав на объекты интеллектуальной собственности, но не устанавливает самостоятельных правил о носителях традиционных знаний, доступе к ним и распределении выгод [17; 18]. Такое положение одновременно является и ограничением, и возможностью. Народы государств-членов ЕАЭС связаны историческими, культурными и языковыми контактами; традиционные знания и ремесленные практики нередко имеют трансграничное распространение. Исключительно национальное регулирование не всегда позволяет учитывать множественность носителей и общность культурного пространства. Поэтому евразийская кооперация могла бы начаться с создания совместимой информационной системы о традиционных знаниях, предназначенной для патентного поиска и предотвращения неправомерного присвоения. При этом необходимы разные уровни доступа: открытый — для *defensive protection* в патентной сфере, и ограниченный — для сакральных, чувствительных либо закрытых знаний.

Дополнительным направлением может стать разработка модельных правил о коллективных и сертификационных обозначениях, связанных с традиционными товарами, технологиями и ремесленными практиками. Такая работа позволила бы развивать региональные бренды, не превращая культурное наследие в безличный ресурс. В дальнейшем могла бы быть рассмотрена возможность гармонизации подходов к раскрытию происхождения генетических ресурсов и связанных с ними традиционных знаний при патентовании.

Китайская Народная Республика представляет интерес прежде всего опытом регулирования традиционной китайской медицины. В Китае накоплен значительный массив исторически сло-

жившихся знаний о лекарственном сырье, способах приготовления средств, диагностике и лечении. Государство стремится сочетать патентную охрану современных разработок, регулирование традиционной медицины, защиту коммерческой информации и поддержку соответствующей отрасли. Однако даже в условиях развитой инфраструктуры традиционной медицины сохраняется фундаментальная трудность: коллективно и исторически сформированное знание не всегда охватывается категориями патентоспособности и индивидуального авторства [19]. Китайский опыт подтверждает, что эффективная охрана требует сочетания отраслевого регулирования, интеллектуально-правовых инструментов, документирования и специальных политико-правовых мер.

Отдельного внимания заслуживает цифровизация традиционных знаний. Оцифровка архивов, музейных коллекций, фольклорных записей и этнографических материалов создаёт возможности для сохранения наследия, образования и научного поиска. Одновременно она увеличивает риск неконтролируемого копирования и использования культурного материала вне контекста. С развитием генеративного искусственного интеллекта этот риск усиливается: алгоритм способен воспроизводить стилистические признаки орнамента, музыки, фольклорной речи или художественной формы, но не способен самостоятельно определить допустимость использования конкретного элемента, правовой статус источника и интересы сообщества-носителя.

В связи с этим цифровой реестр традиционных знаний не должен сводиться к электронному архиву. Он должен стать юридической инфраструктурой, фиксирующей происхождение знания, связь с носителями, режим доступа, условия использования и доказательственное значение записи. Для одних объектов допустим публичный доступ и использование в образовании или патентном поиске; для других необходимы ограничения, основанные на позиции сообщества-носителя. Такой подход позволяет совместить общественный интерес в сохранении и изучении наследия с законными интересами лиц, которые его сохраняют и передают [20].

Российская правовая система нуждается в гибридной модели охраны традиционных знаний. Она не должна строиться на предположении, что все традиционные практики могут быть преобразованы в обычные объекты исключительных прав. Вместе с тем недопустимо оставлять их в положении фактически ничейного ресурса. Такая модель могла бы включать: законодательное определение традиционных знаний и традиционных выражений культуры; формы представительства носителей — общин, этнических групп, объединений мастеров и семейных линий; процедуры

предварительного информированного согласия; договорные механизмы доступа и справедливо-го распределения выгод; цифровую фиксацию с дифференцированными режимами доступа; использование открытых данных для патентной экспертизы. В этой системе институты интеллектуальной собственности сохраняют важную, но не исчерпывающую роль. Товарные знаки, коллективные и сертификационные обозначения могут защищать репутацию производителей и достоверность происхождения товара. Географические указания и наименования мест происхождения товаров способны подчеркнуть связь продукта с территорией и мастерством. Авторское право применимо к современным самостоятельным произведениям, созданным на основе традиции. Патентная система должна учитывать документированные традиционные знания как источник сведений для оценки новизны. Все эти механизмы должны действовать совместно с нормами о культурном наследии, доступе к знаниям и защите законных интересов носителей.

Заключение

Вопрос о традиционных знаниях выходит за рамки узкоотраслевой проблематики интеллектуальной собственности. Он связан с признанием ценности коллективной памяти и с поиском справедливых правил использования культурного ресурса в эпоху глобального рынка, цифровых платформ и искусственного интеллекта. Сравнительный анализ показывает, что универсального решения пока не существует. Европейский союз делает ставку на должную осмотрительность пользователей и контроль законности доступа; США — на борьбу с ложной атрибуцией и использование рыночных механизмов; Китай — на сочетание отраслевого регулирования традиционной медицины с инструментами ИС; ЕАЭС обладает потенциалом для создания общего информационного и правового пространства.

Для России обоснованным представляется переход от преимущественно культурно-охранного отношения к нематериальному этнокультурному достоянию к формированию комплексного режима правовой охраны традиционных знаний. Его основой должны стать признание носителей традиционных знаний участниками юридически значимых отношений, прозрачные правила доступа и использования, цифровая инфраструктура, правовые механизмы предотвращения недобросовестного присвоения и справедливое распределение выгод. Такой подход позволит одновременно сохранить культурное наследие, поддерживать креативные индустрии, повысить качество патентной экспертизы и обеспечить уважение к носителям традиции в интересах настоящего и будущих поколений.

Список литературы:

- [1] Власова В.Б., Данилина Е.А., Попова П.А. Некоторые проблемы сохранения и правовой охраны традиционных знаний. М.: ИНИЦ «ПАТЕНТ», 2009. 160 с.
- [2] Пономарёва Н.Г. Особенности правовой охраны традиционных знаний и генетических ресурсов: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 23 с.
- [3] Гурко А. Традиционные знания, выражения культуры и генетические ресурсы: перспективы установления правовой охраны // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2017. № 8. С. 7-16.
- [4] Куликов О.А. Правовая охрана традиционного знания посредством институтов интеллектуальной собственности // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2022. № 2 (36). С. 126-140.
- [5] Newcity M. Protecting the Traditional Knowledge and Cultural Expressions of Russia's Indigenous Peoples // Texas Wesleyan Law Review. 2009. Vol. 15. No. 2. P. 1-36.
- [6] Федеральный закон от 20.10.2022 № 402-ФЗ «О нематериальном этнокультурном достоянии Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 43. Ст. 7266.
- [7] WIPO. Intellectual Property and Genetic Resources, Traditional Knowledge and Traditional Cultural Expressions. Geneva: WIPO, 2020.
- [8] WIPO Treaty on Intellectual Property, Genetic Resources and Associated Traditional Knowledge. Geneva, 24 May 2024.
- [9] WIPO. Summary of the WIPO Treaty on Intellectual Property, Genetic Resources and Associated Traditional Knowledge. Geneva: WIPO, 2024.
- [10] WIPO. Member States Adopt Historic New Treaty on Intellectual Property, Genetic Resources and Associated Traditional Knowledge. 24 May 2024.
- [11] Regulation (EU) No 511/2014 of the European Parliament and of the Council of 16 April 2014 on compliance measures for users from the Nagoya Protocol on access to genetic resources and the fair and equitable sharing of benefits arising from their utilization in the Union // Official Journal of the European Union. 2014. L 150.
- [12] Commission Implementing Regulation (EU) 2015/1866 of 13 October 2015 laying down detailed rules for the implementation of Regulation (EU) No 511/2014 // Official Journal of the European Union. 2015. L 275.
- [13] Indian Arts and Crafts Act of 1990, Pub. L. No. 101-644, 104 Stat. 4662.
- [14] Indian Arts and Crafts Board. The Indian Arts and Crafts Act of 1990. U.S. Department of the Interior.

[15] Shabalala D.B. IP and Native American Tribal Codes // Akron Law Review. 2017. Vol. 51. Iss. 4. Art. 5.

[16] Petty M. Protections for Traditional Knowledge Under State Common Law // Boston University Journal of Science and Technology Law. 2020. Vol. 26. P. 1-44.

[17] Договор о Евразийском экономическом союзе от 29.05.2014. Приложение № 26 «Протокол об охране и защите прав на объекты интеллектуальной собственности».

[18] Носова С.В., Лосева О.В. Правовая охрана и защита прав на объекты интеллектуальной собственности в Евразийском экономическом союзе // Частное право. 2021. Т. 74. № 11. С. 1-15.

[19] Xia N. Intellectual Property Protection for Traditional Medical Knowledge in China // Medical Law Review. 2023. Vol. 31. No. 3. P. 358-390.

[20] WIPO. Laws and Legislative Measures on the Protection of Traditional Knowledge and Traditional Cultural Expressions. WIPO Lex Database. URL: <https://www.wipo.int/en/web/traditional-knowledge/legal-texts> (дата обращения: 16.08.2026).

References:

[1] Vlasova V.B., Danilina E.A., Popova P.A. Some problems of preservation and legal protection of traditional knowledge. M.: INITS "PATENT," 2009. 160 s.

[2] N.G. Ponomareva. Peculiarities of legal protection of traditional knowledge and genetic resources: author's abstract. dis.... cand. jurid. sciences. M., 2004. 23 pp.

[3] Gurko A. Traditional knowledge, cultural expressions and genetic resources: prospects for establishing legal protection // Intellectual property. Copyright and related rights. 2017. № 8. S. 7-16.

[4] Kulikov O.A. Legal protection of traditional knowledge through intellectual property institutions // Journal of the Intellectual Property Court. 2022. № 2 (36). S. 126-140.

[5] Newcity M. Protecting the Traditional Knowledge and Cultural Expressions of Russia's Indigenous Peoples // Texas Wesleyan Law Review. 2009. Vol. 15. No. 2. P. 1-36.

[6] Federal Law of 20.10.2022 No. 402-FZ "On the Intangible Ethnocultural Property of the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2022. № 43. Art. 7266.

[7] WIPO. Intellectual Property and Genetic

Resources, Traditional Knowledge and Traditional Cultural Expressions. Geneva: WIPO, 2020.

[8] WIPO Treaty on Intellectual Property, Genetic Resources and Associated Traditional Knowledge. Geneva, 24 May 2024.

[9] WIPO. Summary of the WIPO Treaty on Intellectual Property, Genetic Resources and Associated Traditional Knowledge. Geneva: WIPO, 2024.

[10] WIPO. Member States Adopt Historic New Treaty on Intellectual Property, Genetic Resources and Associated Traditional Knowledge. 24 May 2024.

[11] Regulation (EU) No 511/2014 of the European Parliament and of the Council of 16 April 2014 on compliance measures for users from the Nagoya Protocol on access to genetic resources and the fair and equitable sharing of benefits arising from their utilization in the Union // Official Journal of the European Union. 2014. L 150.

[12] Commission Implementing Regulation (EU) 2015/1866 of 13 October 2015 laying down detailed rules for the implementation of Regulation (EU) No 511/2014 // Official Journal of the European Union. 2015. L 275.

[13] Indian Arts and Crafts Act of 1990, Pub. L. No. 101-644, 104 Stat. 4662.

[14] Indian Arts and Crafts Board. The Indian Arts and Crafts Act of 1990. U.S. Department of the Interior.

[15] Shabalala D.B. IP and Native American Tribal Codes // Akron Law Review. 2017. Vol. 51. Iss. 4. Art. 5.

[16] Petty M. Protections for Traditional Knowledge Under State Common Law // Boston University Journal of Science and Technology Law. 2020. Vol. 26. P. 1-44.

[17] Eurasian Economic Union Treaty of 29.05.2014. Appendix No. 26 "Protocol on Protection and Protection of Intellectual Property Rights."

[18] Nosova S.V., Loseva O.V. Legal protection and protection of intellectual property rights in the Eurasian Economic Union // Private law. 2021. Т. 74. № 11. S. 1-15.

[19] Xia N. Intellectual Property Protection for Traditional Medical Knowledge in China // Medical Law Review. 2023. Vol. 31. No. 3. P. 358-390.

[20] WIPO. Laws and Legislative Measures on the Protection of Traditional Knowledge and Traditional Cultural Expressions. WIPO Lex Database. URL: <https://www.wipo.int/en/web/traditional-knowledge/legal-texts> (дата обращения: 16.08.2026).

ЛЕМИНОВ Михаил Валерьевич,
старший преподаватель кафедры деятельности
органов внутренних дел в особых условиях
Восточно-Сибирского института Министерства
внутренних дел Российской Федерации,
e-mail: Leminov.mv@mail.ru

ОГОРОДНИКОВ Максим Анатольевич,
доцент, кандидат биологических наук кафедры
деятельности органов внутренних дел в
особых условиях Омской академии Министерства
внутренних дел Российской Федерации,
e-mail: Azzz.85@yandex.ru

ЧИЧИН Сергей Валентинович,
Доцент кафедры вооружения танков
и стрельбы Омского автобронетанкового
инженерного института,
e-mail: chichin18@mail.ru

ЛАВРИЧЕНКО Руслан Константинович,
Начальник кафедры огневой и физической
подготовки Международного межведомственного
учебного центра подготовки и переподготовки
специалистов по борьбе с терроризмом
и экстремизмом Всероссийского института
повышения квалификации Министерства
внутренних дел Российской Федерации,
e-mail: gewer-44@mail.ru

ЧЕРАШЕВ Александр Михайлович,
старший преподаватель кафедры деятельности
органов внутренних дел в
особых условиях Санкт-Петербургского
университета Министерства внутренних дел
Российской Федерации,
e-mail: Anna190990@yandex.ru

ЦИФРОВОЕ НЕБО: ИНТЕГРАЦИЯ БЕСПИЛОТНОЙ АВИАЦИИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные вопросы интеграции беспилотных летательных аппаратов в служебную деятельность органов внутренних дел Российской Федерации. Анализируются нормативно-правовые основы применения беспилотной авиации, основные направления использования БПЛА при решении оперативно-служебных задач, а также проблемные аспекты правовой регламентации и практического применения. На основе анализа научных публикаций и нормативных правовых актов формулируются предложения по совершенствованию организационно-правовых основ использования беспилотной авиации в правоохранительной деятельности.

Ключевые слова: беспилотные летательные аппараты, органы внутренних дел, интеграция, цифровые технологии, правовое регулирование, оперативно-служебная деятельность, общественная безопасность, аэромониторинг.

LEMINOV Mikhail Valerevich,
Senior lecturer PhD in Biological Sciences
Department of internal affairs in special condition East
Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of
the Russian Federation

OGORODNIKOV Maxim Anatolievich,
Associate Professor, PhD in Biological Sciences
Department of internal affairs in special condition
Omsk academy of the Ministry of Internal Affairs of
the Russian Federation

CHICHIN Sergei Valerevich,
Associate Professor, Of Tank armament and firing at
Omsk armored engineering institute

LAVRICHENKO Ruslan Konstantinovich,
Head of the Department of Fire and Physical
Training International Interagency Training Center for
Training and Retraining of Specialists in Countering
Terrorism and Extremism All-Russian Institute for
Advanced Training Ministry of Internal Affairs of
the Russian Federation

CHERASHEV Alexander Mihailovich,
Senior Lecturer Department of Special Operations in
Law Enforcement Saint Petersburg University of the
Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

DIGITAL SKY: INTEGRATION OF UNMANNED AIRCRAFT INTO THE ACTIVITIES OF THE INTERNAL AFFAIRS BODIES OF THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. This article addresses current issues pertaining to the integration of unmanned aerial vehicles into the official activities of the internal affairs bodies of the Russian Federation. It examines the regulatory and legal framework governing the use of unmanned aviation, the principal directions of UAV deployment in operational and service-related tasks, as well as problematic aspects of legal regulation and practical application. Drawing on an analysis of scientific literature and regulatory legal instruments, the article formulates proposals for enhancing the organizational and legal foundations of unmanned aviation utilization in law enforcement activities.

Key words: unmanned aerial vehicles, internal affairs bodies, integration, digital technologies, legal regulation, operational and service activities, public safety, aerial monitoring.

Современный этап развития правоохранительной деятельности неразрывно связан с процессами цифровой трансформации, охватившими все сферы государственного управления и общественных отношений. Внедрение передовых информационных технологий, искусственного интеллекта и роботизированных систем становится не просто фактором повышения эффективности, но и необходимым условием адекватного реагирования правоохранительных органов на вызовы XXI века. Криминальная среда активно осваивает технологические инновации, что требует от органов внутренних дел опережающего развития

собственного технического арсенала и внедрения принципиально новых средств и методов противодействия правонарушениям. В этом контексте особое место занимают беспилотные летательные аппараты, представляющие собой один из наиболее динамично развивающихся и многофункциональных инструментов, способных кардинально расширить оперативные возможности полиции при решении широкого спектра служебных задач.

Технический потенциал беспилотной авиации позволяет осуществлять непрерывный воздушный мониторинг обширных территорий, опе-

ративно получать актуальную информацию об обстановке в режиме реального времени, фиксировать противоправные действия с высокой степенью детализации и документировать их с соблюдением процессуальных требований. Возможность оснащения БПЛА разнообразным целевым оборудованием — от камер сверхвысокого разрешения и тепловизоров до газоанализаторов и систем радиотехнической разведки — делает их универсальным средством, применимым в самых различных условиях и для решения задач самого разного уровня сложности. При этом использование беспилотников позволяет значительно сократить временные и кадровые затраты на проведение оперативно-разыскных мероприятий, снизить риски для жизни и здоровья сотрудников при выполнении служебных обязанностей в опасных или труднодоступных местах, а также обеспечить скрытность наблюдения в случаях, когда гласное применение сил и средств нецелесообразно.

Правовой фундамент для легитимации применения беспилотных авиационных систем в правоохранительной сфере закладывается на уровне федерального законодательства. Согласно Воздушному кодексу Российской Федерации, беспилотный летательный аппарат определяется как техническое устройство, спроектированное для выполнения задач в воздушном пространстве без участия пилота на борту и управляемое дистанционно либо действующее в автономном режиме [4]. Данное определение, несмотря на свою лаконичность, задает базовую правовую рамку для понимания юридической природы БПЛА, позволяя отграничить их от иных видов авиационной техники и определить сферу действия воздушного законодательства в части их сертификации, регистрации и эксплуатации. Вместе с тем, для целей правоохранительной деятельности одной лишь авиационной квалификации недостаточно — требуется более детальная правовая регламентация, учитывающая специфику использования беспилотников в оперативно-розыскной, уголовно-процессуальной и административно-юрисдикционной сферах.

Актуальность настоящего исследования обусловлена действием двух взаимосвязанных факторов. Во-первых, наблюдается устойчиво возрастающая потребность органов внутренних дел в эффективных, доступных и технологически совершенных средствах мониторинга и документирования противоправных действий, способных функционировать в различных климатических и ландшафтных условиях, в городской среде и на удаленных объектах транспортной инфраструктуры. Сложность современной криминогенной обстановки, распространение новых форм противоправной деятельности, активное использование правонарушителями цифровых коммуника-

ций и технических средств маскировки требуют от полиции адекватного технологического ответа, способного нивелировать преимущества злоумышленников. Во-вторых, объективно назрела необходимость формирования единой, системной и непротиворечивой правовой и организационной основы применения беспилотной авиации в системе Министерства внутренних дел России. Отсутствие унифицированных подходов к регламентации порядка использования БПЛА, разрозненность ведомственных актов, регулирующих отдельные аспекты их применения, а также нерешенность ряда процессуальных вопросов, касающихся использования результатов аэрофотосъемки в качестве доказательств, создают серьезные препятствия для полноценной интеграции беспилотных технологий в повседневную оперативно-служебную деятельность.

Применение беспилотных летательных аппаратов в деятельности органов внутренних дел представляет собой эффективное средство при предупреждении, выявлении, раскрытии и расследовании правонарушений, а также при обеспечении общественной безопасности [1]. Вместе с тем, автор обоснованно указывает на то обстоятельство, что отдельные вопросы практической реализации данного направления требуют проведения комплексного научного исследования, учитывающего как современное состояние нормативно-правовой базы, так и накопленный опыт эксплуатации беспилотных систем в различных подразделениях полиции [1]. Недостаточная научная разработанность организационно-правовых аспектов интеграции беспилотной авиации в деятельность органов внутренних дел, наличие дискуссионных вопросов в теории и пробелов в правоприменительной практике предопределяют необходимость дальнейшего осмысления данной проблематики и выработки конкретных предложений по совершенствованию действующего законодательства и ведомственного нормативного регулирования. Настоящая статья представляет собой шаг в этом направлении и призвана способствовать научному обсуждению путей и перспектив развития беспилотных технологий в системе МВД России. Правовое регулирование использования беспилотных летательных аппаратов в деятельности органов внутренних дел осуществляется на основе системы нормативных правовых актов различного уровня. Фундаментальное значение имеет Федеральный закон «О полиции», который закрепляет полномочия полиции по использованию технических средств для выполнения возложенных обязанностей [3]. Важным элементом нормативной базы является приказ МВД России от 16 ноября 2023 г. № 865 «Об утверждении Порядка принятия решения о пресечении функционирования беспилотных воздушных,

подводных и надводных судов и аппаратов, беспилотных транспортных средств и иных автоматизированных беспилотных комплексов в целях защиты жизни, здоровья и имущества граждан, сотрудников органов внутренних дел, в том числе в месте проведения публичного (массового) мероприятия и прилегающей к нему территории, проведения неотложных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий и Перечня должностных лиц полиции, уполномоченных на принятие такого решения» [5]. Указанный приказ регламентирует процедуру принятия решений о пресечении функционирования беспилотных аппаратов, что особенно актуально в контексте противодействия несанкционированному использованию дронов. В соответствии с пунктом 40 части 1 статьи 13 Федерального закона «О полиции» и Положением о Министерстве внутренних дел Российской Федерации, утвержденным Указом Президента РФ от 21 декабря 2016 г. № 699, приказом МВД России от 29 мая 2025 г. № 335 скорректирован перечень должностных лиц полиции, уполномоченных принимать решения о пресечении функционирования беспилотников в целях защиты жизни, здоровья и имущества граждан, сотрудников органов внутренних дел [2]. Данное изменение связано с переименованием подразделений по охране объектов органов внутренних дел в подразделения по обеспечению мер безопасности и антитеррористической защищенности объектов органов внутренних дел [2]. Вместе с тем, как обоснованно отмечает И.П. Пилюгин, в настоящее время сохраняются проблемные аспекты применения органами внутренних дел беспилотных летательных аппаратов, в том числе связанные с недостаточной правовой регламентацией данной деятельности [1]. Отсутствие единого ведомственного нормативного акта, комплексно регулирующего порядок применения БПЛА подразделениями МВД России при решении оперативно-служебных задач, создает определенные сложности в правоприменительной практике [1].

Анализ научной литературы и практического опыта позволяет выделить несколько ключевых направлений использования беспилотных летательных аппаратов в деятельности органов внутренних дел. Применение БПЛА при проведении массовых мероприятий позволяет осуществлять непрерывный мониторинг обстановки с воздуха, своевременно выявлять очаги потенциальных конфликтов и оперативно реагировать на изменения оперативной обстановки [1]. Беспилотные летательные аппараты, оснащенные камерами высокого разрешения и тепловизорами, эффективно применяются для фиксации административных правонарушений, в том числе в сфере безопасности дорожного движения, а также для

выявления и документирования преступлений в сфере незаконного оборота природных ресурсов [4]. И.А. Ишин разработал алгоритм последовательных действий сотрудников полиции при применении БПЛА для выявления и документирования преступлений в сфере незаконного оборота янтаря и нефрита, что свидетельствует о наличии практических наработок в данной сфере [4]. БПЛА успешно применяются при розыске без вести пропавших лиц, осмотре мест происшествий в труднодоступных местах, а также для обследования больших территорий в целях обнаружения следов преступной деятельности [1]. Специфика деятельности территориальных органов МВД России на транспорте предполагает необходимость мониторинга протяженных линейных объектов, находящихся в труднодоступной местности. Применение беспилотной авиации на объектах оперативного обслуживания позволяет организовать деятельность по выявлению, пресечению и раскрытию преступлений, предупреждению актов незаконного вмешательства, в том числе террористических актов, направленных на дестабилизацию функционирования транспортного комплекса [4].

Для эффективного применения беспилотных летательных аппаратов в правоохранительной деятельности необходимо понимание их технических характеристик и классификационных признаков. По типу силовых установок выделяют БПЛА, оснащенные электромоторами, поршневыми или реактивными двигателями. Каждый тип обладает своими преимуществами и недостатками. Поршневые БПЛА обеспечивают более длительное время полета и большую дальность по сравнению с электромоторными, однако отличаются значительным уровнем шума и требуют регулярного обслуживания. БПЛА с реактивными двигателями достигают значительно больших скоростей и эффективны на больших высотах, но характеризуются высокой стоимостью и сложностью обслуживания [4]. По длительности полета БПЛА подразделяются на короткодействующие, среднедействующие и долгодействующие, что определяет радиус полета и время нахождения в воздухе. Также БПЛА классифицируют по взлетной массе, высоте полета и скорости, что крайне важно для выполнения специфических задач [4]. По назначению выделяют информационные БПЛА (разведывательные, ретрансляторы), имитационные, БПЛА гражданского назначения, используемые для мониторинга и фото-видеосъемки, а также боевые БПЛА [4]. Для правоохранительных органов наиболее подходящими моделями являются БПЛА вертолетного типа, обладающие следующими важными преимуществами: вертикальный взлет и посадка, не требующие специализированных площадок, что позволяет

использовать их в городских условиях и в труднодоступных местах; высокая маневренность, позволяющая легко изменять высоту и положение в пространстве, что идеально подходит для городских условий и может значительно ускорить процесс производства процессуальных действий; способность к длительному зависанию, важная для получения качественных фотоизображений; возможность установки широкого спектра технических средств, включая камеры высокого разрешения, тепловизоры, системы связи [4]. Актуальным направлением развития технологий является внедрение виртуальной реальности в управление БПЛА. Системы управления беспилотными летательными аппаратами могут быть реализованы методом обучения и тестирования путем погружения всей системы и её отдельных компонентов в максимально приближенную к реальным условиям виртуальную реальность [4]. Использование VR-гарнитуры позволяет оператору видеть то, что видит камера БПЛА в режиме реального времени, создавая эффект присутствия и улучшая ориентацию и точность управления, что также может использоваться при обучении операторов БПЛА [4].

Несмотря на очевидные преимущества, процесс интеграции беспилотной авиации в деятельность органов внутренних дел сопряжен с рядом проблемных аспектов. Прежде всего, это недостаточная правовая регламентация. Как отмечает И.П. Пилюгин, сохраняются проблемные аспекты применения органами внутренних дел беспилотных летательных аппаратов, в том числе связанные с недостаточной правовой регламентацией данной деятельности [1]. Отсутствие единого ведомственного нормативного акта, регулирующего порядок применения БПЛА, приводит к разрозненности подходов в различных территориальных органах [1]. Кроме того, применение БПЛА, оснащенных средствами фото- и видеофиксации, неизбежно затрагивает вопросы соблюдения конституционных прав граждан, в том числе права на неприкосновенность частной жизни [4]. Требуется выработка четких критериев допустимости применения средств аэрофотосъемки в местах, где она может затрагивать частную жизнь граждан [4]. Серьезной проблемой является кадровое обеспечение. Эффективное использование беспилотной авиации требует наличия квалифицированных операторов, обладающих не только техническими навыками управления БПЛА, но и знанием правовых ограничений при сборе и фиксации доказательственной информации [4]. Должностные обязанности в структуре центров информационных технологий, связи и защиты информации МВД России предстоит пересмотреть и дополнить с учетом возрастающей необходимости использования ведомственных БПЛА [4]. Также существуют технические ограничения: на данный

момент на снабжение в МВД России не зафиксировано принятие в эксплуатацию каких-либо моделей беспилотных летательных аппаратов, поскольку основным эксплуатантом определена Федеральная служба войск национальной гвардии Российской Федерации, что создает определенные организационные сложности при внедрении БПЛА в деятельность органов внутренних дел [4].

Анализ научных исследований и практического опыта позволяет выделить следующие перспективные направления интеграции беспилотной авиации в деятельность органов внутренних дел. В первую очередь, необходима разработка и принятие единого ведомственного нормативного акта, комплексно регулирующего порядок применения БПЛА подразделениями МВД России при решении оперативно-служебных задач, включая требования к техническому оснащению, подготовке операторов и процедуре документирования результатов применения [1]. Также требуется создание системы профессиональной подготовки операторов БПЛА для подразделений органов внутренних дел с использованием технологий виртуальной реальности для обучения и тестирования, что позволит обеспечить высокий уровень квалификации кадров при минимизации рисков, связанных с эксплуатацией дорогостоящей техники [4]. Важным направлением является развитие моделей ситуационного управления правоохранительной деятельностью на основе авиационного обеспечения. В научно-практическом пособии, подготовленном коллективом авторов под руководством А.В. Бецкова, рассматриваются концептуальные подходы к реализации ситуационного управления в системе МВД России с использованием авиационных средств, включая беспилотные летательные аппараты [6]. Данные разработки могут стать основой для внедрения систем поддержки принятия решений в деятельность оперативных подразделений [6]. Необходима интеграция БПЛА в единую систему мониторинга общественной безопасности, обеспечивающую обмен данными между различными подразделениями МВД России и другими правоохранительными органами в режиме реального времени [4]. Кроме того, требуется разработка методических рекомендаций по использованию результатов по уголовным и административным делам, включая алгоритмы действий сотрудников при документировании правонарушений с использованием БПЛА [4].

Проведенное исследование позволяет сделать обоснованный вывод о том, что беспилотные летательные аппараты представляют собой эффективный и технологически перспективный инструмент повышения результативности оперативно-служебной деятельности органов внутренних

дел Российской Федерации. В условиях стремительной цифровизации всех сфер общественной жизни и усложнения криминогенной обстановки внедрение БПЛА в правоохранительную практику становится не просто желательным, но объективно необходимым направлением технического переоснащения ведомства. Анализ нормативных правовых актов, научной литературы и материалов практической деятельности убедительно демонстрирует, что беспилотная авиация способна качественно изменить подходы к решению широкого спектра оперативно-служебных задач.

Применение БПЛА открывает принципиально новые возможности для предупреждения, выявления, раскрытия и расследования преступлений и административных правонарушений, обеспечения общественной безопасности и охраны общественного порядка. Использование беспилотников, оснащенных современными средствами фото- и видеофиксации, тепловизионным оборудованием и системами передачи данных в режиме реального времени, позволяет существенно повысить оперативность реагирования на изменения оперативной обстановки, расширить зону контроля над охраняемыми объектами и территориями, а также минимизировать риски для жизни и здоровья сотрудников полиции при выполнении служебных задач в условиях повышенной опасности. Особую значимость приобретает применение БПЛА при проведении массовых мероприятий, мониторинге труднодоступных территорий и линейных объектов транспорта, а также при розыске без вести пропавших лиц и осмотре мест происшествий, где традиционные методы и средства не всегда обеспечивают требуемый уровень эффективности.

Вместе с тем, процесс интеграции беспилотной авиации в деятельность органов внутренних дел сопряжен с необходимостью решения целого ряда проблемных вопросов системного характера. В первую очередь, это касается совершенствования нормативно-правовой базы, регламентирующей порядок приобретения, учета, хранения, эксплуатации и применения БПЛА подразделениями МВД России. Отсутствие единого ведомственного нормативного акта, комплексно регулирующего все аспекты использования беспилотной авиации при решении оперативно-служебных задач, порождает правовую неопределенность и разрозненность подходов в различных территориальных органах, что негативно сказывается на единообразии правоприменительной практики. Кроме того, остро стоит проблема создания эффективной системы профессиональной подготовки и повышения квалификации операторов БПЛА, которая должна включать не только формирование технических навыков управления летательными аппаратами, но и глубокое знание правовых

ограничений, этических норм и процессуальных требований при сборе, фиксации и оформлении доказательственной информации, полученной с использованием беспилотных систем.

Не менее значимым является вопрос выработки четких и однозначных критериев допустимости применения БПЛА в местах, где их использование может затрагивать конституционные права граждан, в первую очередь — право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну. Баланс между эффективностью правоохранительной деятельности и соблюдением прав и свобод человека и гражданина должен стать ключевым принципом при разработке ведомственных регламентов и инструкций, определяющих порядок применения средств аэрофотосъемки и видеонаблюдения. Требуют дополнительного осмысления и процессуальные аспекты использования результатов применения БПЛА в качестве доказательств по уголовным и административным делам, включая вопросы допустимости, достоверности и относимости таких доказательств, а также процедуры их процессуального закрепления и оценки судом.

Дальнейшие научные исследования в данной области должны быть направлены на разработку организационно-правовых моделей использования БПЛА в различных направлениях оперативно-служебной деятельности с учетом отраслевой специфики подразделений органов внутренних дел (патрульно-постовая служба, Госавтоинспекция, подразделения по борьбе с экономическими преступлениями и незаконным оборотом наркотиков, территориальные органы на транспорте и другие). Особого внимания заслуживает формирование научно обоснованных методических основ применения результатов аэрофотосъемки, видеофиксации и иных данных, получаемых с помощью беспилотных систем, в процессе доказывания по уголовным и административным делам, включая разработку типовых алгоритмов действий сотрудников полиции на этапах обнаружения, фиксации, изъятия и приобщения таких материалов к материалам дел. Комплексное решение указанных задач позволит не только повысить эффективность использования беспилотной авиации в деятельности органов внутренних дел, но и создать необходимые правовые и организационные предпосылки для дальнейшего развития и совершенствования данного направления технического оснащения российской полиции в условиях цифровой трансформации правоохранительной системы [1, 4].

Список литературы:

[1] Пилюгин И.П. Проблемные вопросы применения беспилотных летательных аппаратов в деятельности органов внутренних дел Российской

ской Федерации // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2024. – № 3 (69). – С. 83–90.

[2] Приказ Министерства внутренних дел Российской Федерации от 16.11.2023 № 865 «Об утверждении Порядка принятия решения о пресечении функционирования беспилотных воздушных, подводных и надводных судов и аппаратов, беспилотных транспортных средств и иных автоматизированных беспилотных комплексов...» [Электронный ресурс]. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202312140022> (дата обращения: 07.08.2026).

[3] О полиции [Электронный ресурс] : Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 7. – Ст. 900. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110165/ (дата обращения: 07.08.2026).

[4] Применение беспилотных летательных аппаратов в борьбе с преступностью [Электронный ресурс] // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2025. – URL: <https://vestnikesiirk.ru/ru/nauka/article/96343/view> (дата обращения: 07.08.2026).

[5] Приказ МВД России от 29 мая 2025 г. № 335 «О внесении изменения в приложение № 2 к приказу МВД России от 16 ноября 2023 г. № 865» [Электронный ресурс] // ГАРАНТ. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/412133852/> (дата обращения: 07.08.2026).

[6] Бецков А.В., Иванов П.И., Смирнов В.А. [и др.]. Моделирование ситуационного управления правоохранительной деятельности органов внутренних дел Российской Федерации на основе авиационного обеспечения : научно-практическое пособие. – М. : Академия управления МВД России, 2025. – 128 с.

References:

[1] Pilyugin I.P. Problematic issues of the use of unmanned aerial vehicles in the activities of the internal affairs bodies of the Russian Federation // Legal science and law enforcement practice. – 2024. – № 3 (69). – S. 83-90.

[2] Order of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation of 16.11.2023 No. 865 "On approval of the Procedure for making a decision to suppress the functioning of unmanned aerial, underwater and surface vessels and vehicles, unmanned vehicles and other automated unmanned systems..." [Electronic resource]. - URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202312140022> (access date: 07.08.2026).

[3] On the Police [Electronic Resource]: Federal Law of February 7, 2011 No. 3-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2011. – № 7. - Art. 900. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110165/ (access date: 07.08.2026).

[4] The use of unmanned aerial vehicles in the fight against crime [Electronic resource] // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2025. - URL: <https://vestnikesiirk.ru/ru/nauka/article/96343/view> (access date: 07.08.2026).

[5] Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated May 29, 2025 No. 335 "On Amending Appendix No. 2 to the Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated November 16, 2023 No. 865" [Electronic Resource] // GARANT. - URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/412133852/> (access date: 07.08.2026).

[6] A.V. Betskov, P.I. Ivanov, V.A. Smirnov [et al.]. Modeling of situational management of law enforcement activities of the internal affairs bodies of the Russian Federation based on aviation support: scientific and practical guide. - M.: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2025. - 128 s.

СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ И СУДОПРОИЗВОДСТВО

Дата поступления рукописи в редакцию: 03.07.2026 г.

DOI: 10.24412/2224-9133-2026-8-145-149

Дата принятия рукописи в печать: 01.09.2026 г.

ГРИБКОВ Тимур Дмитриевич,

Аспирант 2-го года обучения ЧОУ ВО СПбУТИЭ,

e-mail: mail@law-books.ru

ГРИБКОВ Артём Дмитриевич,

Аспирант 2-го года обучения ЧОУ ВО СПбУТИЭ,

e-mail: mail@law-books.ru

ЯЦЕНКО Марина Анатольевна,

Аспирант 2-го года обучения ЧОУ ВО СПбУТИЭ,

e-mail: mail@law-books.ru

ЯЦЕНКО Вячеслав Владиславович,

Аспирант 2-го года обучения ЧОУ ВО СПбУТИЭ,

e-mail: mail@law-books.ru

КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС

Аннотация. Логика мотивировки судебных решений является источником постоянно возобновляющегося доктринального интереса. Статья посвящена исследованию мотивированности решений Конституционного Суда РФ как ключевому элементу легитимности судебной власти. Рассматриваются два основных подхода к мотивированию решений: аргументационный (логико-догматический, основанный на силлогизме) и каузальный (учитывающий мировоззренческие, политические и иные детерминанты). Анализируются функции мотивировки применительно к конституционному правосудию. Выявлены и систематизированы практические проблемы мотивации решений КС РФ. Отдельное внимание уделено отсутствию у Конституционного Суда вышестоящей инстанции, что позволяет рассматривать мотивировку решений в качестве элемента «внутренней» и «внешней» коммуникации. Предложены критерии оценки качества мотивировки решения Конституционного Суда.

Ключевые слова: Конституционный Суд; Конституция РФ; конституционный судебный процесс; мотивировка судебных решений; догматический метод.

GRIBKOV Timur Dmitrievich,

Post-graduate student of the 2nd year of study
at the private educational institution of higher
education SPbUTiE

GRIBKOV Artyom Dmitrievich,

Post-graduate student of the 2nd year of study
at the private educational institution of higher
education SPbUTiE

YATSENKO Marina Anatolyevna,

Post-graduate student of the 2nd year of study
at the private educational institution of higher
education SPbUTiE

THE CONSTITUTIONAL JUDICIAL PROCESS AND ITS IMPACT ON THE LEGISLATIVE PROCESS

Annotation. *The logic of the motivation of judicial decisions is a source of constantly renewed doctrinal interest. The article is devoted to the study of the motivation of the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation as a key element of the legitimacy of judicial power. Two main approaches to decision motivation are considered: argumentative (logical-dogmatic, based on a syllogism) and causal (taking into account ideological, political and other determinants). The functions of motivation in relation to constitutional justice are analyzed. Practical problems of motivation of decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation are identified and systematized. Special attention is paid to the absence of a higher instance in the Constitutional Court, which makes it possible to consider the motivation of decisions as an element of "internal" and "external" communication. Criteria for assessing the quality of the motivation of the Constitutional Court's decision are proposed.*

Key words: *Constitutional Court; Constitution of the Russian Federation; constitutional judicial process; motivation of judicial decisions; dogmatic method.*

Тема мотивированности судебных решений достаточно часто поднимается при изучении деятельности государственных органов, осуществляющих правосудие. Исследовательский интерес здесь концентрируется на нескольких ключевых аспектах: во-первых, на соотношении внутреннего убеждения судьи и внешнего выражения аргументации; во-вторых, на стандартах достаточности мотивировки и структуре рассуждений, которые варьируются в зависимости от вида судопроизводства, уровня судебной инстанции, судебных традиций конкретных правовых систем; в-третьих, на роли мотивации в обеспечении легитимности судебной власти, особенно в тех случаях, когда суд (как, например, конституционный) вынужден адаптировать толкование права к меняющейся социальной реальности, рискуя вступить в противоречие с формальной определённой и собственной предшествующей практикой.

Обязанность суда мотивировать принимаемые решения является неотъемлемым элементом современной правовой реальности: согласно положениям ст. 74 ФКЗ «О КС РФ» изложение доводов в пользу принятого решения обязательным. Цель такого требования состоит в том, чтобы предложить обществу справедливое, рациональное и убедительное объяснение разрешения правового спора, тем самым подтверждая справедливость и разумность судебного акта. Несмотря на то, что аргументация (мотивирование) решения рассматривается как существенный и незаменимый элемент судебной процедуры, законодатель не определяет содержание термина «мотивированный». В юридическом смысле, «мотивирование» представляет собой изложение всех основа-

ний, то есть всех фактических или юридических причин, на которых базируется решение [1].

Для реализации требования мотивации решения и раскрытия логики конституционного суда возможно использование двух подходов. В рамках первого, аргументационного подхода, преобладающего в доктрине и практике, мотивированность судебного акта заключается в эксплицитном воспроизведении логической структуры правоприменительного рассуждения через отражение в тексте решения связи между тремя элементами: исследованными и оценёнными данными, установленными на их основе юридически значимыми фактами, и итоговыми выводами суда. В целом, судебные решения строятся на основе классического юридического силлогизма (малая посылка, большая посылка и заключение) [2] и догматического метода [3, с. 85-88]. В вопросах конституционного контроля силлогизм предполагает сравнение «буквального смысла норм законодательства и практики их применения» [2, с. 52] (малая посылка) с Конституцией (большая посылка) для достижения заключения, констатирующего неконституционность нормы, конституционность нормы либо конституционность / неконституционность нормы в соответствии с толкованием, данным в оспариваемом решении. Нельзя забывать, что конституционная норма, служащая главной посылкой, также определяется судьей посредством толкования конституционного положения, то есть неявно или явно является продуктом силлогизма. Таким образом, Конституционный суд использует два силлогизма, причём второй силлогизм касается самого толкования конституционного положения, в котором малой

посылкой является само конституционное положение, большой посылкой — либо метод толкования, либо общеправовой принцип, а заключением — смысл конституционного положения.

В конституционном суде догматический метод заключается в уточнении требований позитивного права для практических целей. Он предполагает деконтекстуализацию прошлой практики и ее систематизацию для облегчения будущего применения. Эффективность догматического метода напрямую зависит от того, насколько «признаки используемых понятий оптимально отражают социальную и судебную практику» [3, с. 88]. В этом смысле ясность терминологии в обосновании решения необходима участникам конституционного судопроизводства для понимания логики суда и последующего применения сформулированных правовых позиций. Таким образом, качество мотивировки напрямую определяется точностью и непротиворечивостью используемого понятийного аппарата, поскольку предписания Основного закона отличаются абстрактностью и, следовательно, могут пониматься по-разному. В этой связи мотивировка решения КС РФ призвана устранить неопределённость, связанную с множественностью возможных толкований.

Второй, каузальный подход, предполагает оправдание решения через любые детерминанты, включая мировоззрение, политический контекст, правовую культуру, предрассудки или психоэмоциональное состояние судьи. В рамках этого подхода нормы права не занимают привилегированного места среди причин, мотивирующих судебный акт.

Полагаем, что для конституционного суда романо-германской правовой традиции догматический метод и гипотетико-дедуктивный подход к рассуждениям имеет своей основой юридический позитивизм. Каузальный подход более присущ странам общего права, где достаточно подробно излагаются размышления судьи с полноценным описанием аргументов в пользу принятого решения и опровержением аргументов против него, в том числе и через призму философских, политических и иных рассуждений. В российской правовой практике каузальный подход может проявляться в особых мнениях судей КС РФ, где судья иногда указывает на политические, мировоззренческие или нравственные мотивы расхождения с большинством, а также ссылается на правовую доктрину. Такой подход достаточно часто встречается в особых мнениях судьи Г.А. Гаджиева (например, Особое мнение по делу о проверке конституционности пунктов 2 и 3 части второй статьи 30 и части второй статьи 325 УПК РФ в связи с жалобами граждан Р.Р. Зайнагутдинова, Р.В. Кудяева, Ф.Р. Файзулина, А.Д. Хасанова, А.И. Шаваева и запросом Свердловского областного суда, Особое

мнение по делу о толковании отдельных положений статей 125, 126 и 127 Конституции РФ).

Вне зависимости от избранного подхода функция мотивирования решения заключается в том, чтобы позволить общественности понять причины принятого решения. На основе этого элемента граждане могут анализировать судебную власть, действия которой осуществляются от их имени. Убедительное обоснование может укрепить авторитет решений и саму роль Конституционного Суда как гаранта законности и стабильности российской государственности.

Отметим, что мотивировка часто трактуется как инструмент, предназначенный для обеспечения и облегчения пересмотра судебного решения вышестоящим судом [1, с. 62]. Однако специфической характеристикой Конституционного Суда является то, что их решения являются окончательными в том смысле, что они не подлежат обжалованию. Таким образом, в условиях, когда суд принимает окончательные, не подлежащие обжалованию решения, мотивировка приобретает принципиально новую функцию — она становится ключевым инструментом коммуникации. Т. Гоббс отмечал, что чем больше суд способен «приказывать», тем больше он обязан, как в рамках правовых, так и культурных норм, объяснять и обосновывать свои решения. Обоснование решения обращено не к вышестоящей инстанции, а к широкому кругу лиц (иные суды, государственные органы, юристы, СМИ, граждане) и служит цели легитимации самого судебного института, укрепления его авторитета и социального влияния. Мотивация выступает в качестве элемента «внутренней» коммуникации, позволяя устанавливать стандарты правоприменения и служить ориентиром для формулирования мотивировочной части решений нижестоящих судов, а также «внешней» коммуникации, увеличивая свое политическое, правовое и социальное влияние на общество. В практической плоскости с мотивацией решений Конституционного Суда связаны следующие основные проблемы.

Во-первых, проблема достаточной мотивации. Отсутствие формального стандарта достаточности не позволяет оценивать мотивированность по объему текста. Как отмечал Ф. К. фон Савиньи применительно к римскому праву, краткость не исключает добродетельности. Однако в российской правовой традиции мотивация решений КС РФ нередко воспринимается как количественно недостаточная, т.е. аргументация, объясняющая выводы, признается недостаточно развернутой или детальной. Мотивация может быть более или менее сложной в зависимости от того, апостериорный или априорный контроль осуществляет Суд, касается ли она решений об отказе в принятии обращения к рассмотрению

или вынесения решения по существу обращения, в соответствии с логикой, специфичной для всех высших судов. Логично предположить, что решение Конституционного Суда должно быть соразмерным и самодостаточным, т.е. обоснование не должно быть ни слишком длинным, ни слишком кратким, а само решение должно быть понятным.

Полагаем, что оценить «качество» мотивировки решения Конституционного суда можно, ответив на следующие вопросы:

рассматривается ли все аргументы обращения заявителя,

соблюдена ли логика рассуждения,

все ли промежуточные решения были должным образом аргументированы,

указаны ли причины, которые привели Суд к предпочтению того или иного аргумента,

все ли аргументы совместимы друг с другом и имеют отношение к правовым или фактическим вопросам, которые рассматривает суд,

представлено ли решение как единое целое, с логически связанными частями как с юридической, так и со стилистической точки зрения.

В-вторых, «стандартизация» аргументации. Зачастую КС РФ использует типовые, стандартные формулировки к разноплановым правовым ситуациям. Чаще всего это ссылки на «баланс публичных и частных интересов», «принцип правовой определенности» и «принципы справедливости и разумности», использование такие общих понятия, как: «социальное предназначение», «универсальный характер», «единые правовые установления» и «конституционно значимые ценности». При этом один и тот же термин может наполняться разным смыслом в зависимости от контекста принятого решения, что вносит дополнительную неопределенность. Таким образом, «стандартизация» с одной стороны — неизбежный атрибут конституционного судебного процесса, а с другой — инструмент, злоупотребление которым может приводить к правовой неопределенности и ставить под сомнение стабильность правовой системы.

В-третьих, использование «искусственных» принципов и спорных методов как инструмента аргументации. По мнению И.Л. Трунова, Конституционный Суд РФ часто использует «принципы, искусственно выведенные самим Судом для обоснования собственных позиций (к примеру; принцип правовой определенности, принципы объективности, справедливости, рациональности, сбалансированного учёта публичных и частных интересов и т.п.)», что позволяет Суду прикрывать свою непоследовательность и подстраивать свои правовые позиции под текущий социально-политический контекст [4, с. 3]. Метод «балансирования интересов», применяемый в конституционном правосудии, подвергается критике за свою

неопределенность, некоторые ученые вообще называют его не более чем «методологической химерой» [5, с. 18]. Как мы уже упоминали, судебные решения строятся на основе классического юридического силлогизма, но конституционная норма, служащая главной посылкой определяет судью посредством толкования конституционного положения. Это положение само по себе, неявно или явно, является продуктом силлогизма, в котором малой посылкой является само конституционное положение, большой посылкой — либо метод толкования, либо принцип, а заключением — смысл конституционного положения. Таким образом, учитывая современные правовые реалии, правовые интерпретации конституционных положений, в силу *res judicata* решений Конституционного Суда, имеют абсолютный характер, что исключает возможность исправления последствий ошибочного судебного акта. Это создаёт потенциальный риск подмены Конституционным Судом законодательной власти.

В-четвертых, в ряде случаев обращают на себя внимание обнаруживаемые противоречия в выносимых решениях. С точки зрения мотивации решений использование Конституционным Судом собственной судебной практики играет существенную роль. Суд в своих решениях часто упоминает свою предыдущую правовую позицию, что обеспечивает стабильность и предсказуемость правоприменительной практики, создаёт определённую «интерпретационную традицию».

Вместе с тем, председатель Конституционного Суда В.Д. Зорькин признает, что «Конституционный Суд как хранитель Конституции, конечно, интерпретирует дух Конституции применительно ко времени. Это позволяет ему менять свои правовые позиции» [6, с. 61].

В силу активного использования ссылок на предыдущую правовую позицию, в тех случаях, когда Конституционный Суд вынужден ее менять (в силу изменения социальной реальности, политического контекста или осознания собственной ошибки), он сталкивается с трудностью сохранения формальной определённости. Если в новом решении мотивация просто игнорирует прежние выводы или противоречит им без специального обоснования, это подрывает доверие общества. Так, по итогам анализа дел ОАО «Московская шерстопрядильная фабрика» (Постановление Конституционного Суда РФ от 12.11.2020 N 46-П и Определение № 8-О-Р) и О.Ф. Низамовой (Постановление Конституционного Суда РФ от 15.02.2019 N 10-П) выявлено, что Конституционный Суд РФ не выработал единого подхода применительно к налоговым спорам, связанным с кадастровой стоимостью. При этом Суд не дал ответа на вопрос, является ли пп. 1 п. 4 ст. 378.2 НК РФ изначально дефектным с точки зрения

принципа определённости налогового закона. В Постановление КС РФ от 31.10.2024 № 49-П суд указал, что по антикоррупционным искам сроки исковой давности (3 года и 10 лет) не применяются, и для них срок является неустановленным. Однако, как указывает И.ОЛ. Турнов, имеется в обширный перечень решений КС РФ, в которых Суд ранее последовательно отстаивал необходимость существования разумных сроков давности как гарантии от произвола и «угрозы неблагоприятных последствий на неопределённый срок» [4]. Решение № 49-П вступает в прямое противоречие с устоявшимися правовыми позициями.

Проведённый анализ позволяет заключить, что, несмотря на законодательно закреплённую обязанность мотивировать решения (ст. 74 ФКЗ «О КС РФ»), отсутствие легального стандарта достаточности обоснования, широкое использование типовых абстрактных формулировок, «искусственных» принципов и спорных методов как инструмента аргументации, а также нередкое изменение правовых позиций без специального объяснения причин подрывают предсказуемость и стабильность конституционного правосудия. В условиях окончательности актов Конституционного Суда и отсутствия возможности их пересмотра мотивировка приобретает не только процессуальное, но и социально-коммуникативное значение - она становится главным каналом легитимации судебной власти.

На практике крайне сложно заранее определить условия «должной мотивации». Только анализируя решения в каждом конкретном случае, можно выявить недостатки. Идеальной или типичной формы мотивации не существует ни по форме, ни по содержанию. Тем не менее, можно рассмотреть выделить ряд критериев (вопросов), которые должны обуславливать рассуждения, лежащие в основе решений Конституционного Суда. Для повышения доверия к Конституционному Суду необходимо преодоление внутренней противоречивости «политизированных» правовых позиций и отказ от формальной «стандартизации» в пользу содержательного и непротиворечивого обоснования решений.

Список литературы:

[1] Кудрявцева А.В. Мотивированность судебного решения как составляющая справедливости судебного разбирательства // Уголовная

юстиция. 2018. № 11. С. 61-64.

[2] Гаврилова Ю.А. Особенности конкретизации права и юридической квалификации в процессе конституционного судебного нормоконтроля // Legal Concept. 2019. № 1. С. 49-56.

[3] Должиков А.В. Соразмерность как общеправовой принцип в конституционном правосудии России (на примере основных социальных прав): в 2-х томах: дисс. ... д-ра юрид. наук: 5.1.2. Санкт-Петербург, 2022. 579 с.

[4] Трунов И. Л. Конституционное судопроизводство в России: проблемы, перспективы и политический контекст // Представительная власть - XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. 2025. № 1(216). С. 1-9.

[5] Должиков А. В. Неопределённость судебного балансирования и интенсивность конституционного контроля // Журнал Конституционного правосудия. 2023. № 2. С. 18-24.

[6] Шадрин В.С. Решения конституционного суда российской федерации в теории и практике уголовно-процессуального регулирования // КриминалистЪ. 2013. № 2 (13). С. 59-64.

References:

[1] Kudryavtseva A.V. Motivation of the court decision as a component of the fairness of the trial // Criminal justice. 2018. № 11. S. 61-64.

[2]] Yu.A. Gavrilova. Features of concretization of law and legal qualifications in the process of constitutional judicial regulation // Legal Concept. 2019. № 1. S. 49-56.

[3] Dolzhikov A.V. Proportionality as a general legal principle in the constitutional justice of Russia (on the example of basic social rights): in 2 volumes: diss.... Dr. Jurid. Sciences: 5.1.2. St. Petersburg, 2022. 579 p.

[4] Trunov I. L. Constitutional legal proceedings in Russia: problems, prospects and political context // Representative power - XXI century: legislation, comments, problems. 2025. № 1(216). S. 1-9.

[5] Dolzhikov A. V. Uncertainty of judicial balancing and the intensity of constitutional control // Journal of Constitutional Justice. 2023. № 2. S. 18-24.

[6] Shadrin V.S. Decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation in the theory and practice of criminal procedure regulation // Criminalist. 2013. № 2 (13). S. 59-64.

БОРИСЕНКО Ирина Владимировна,
доцент кафедры правоохранительной
деятельности, уголовного права и процесса
Псковского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент,
e-mail: irina_borisenko1971@list.ru

ХАРИНА Ольга Дмитриевна,
старший преподаватель кафедры
правоохранительной деятельности, уголовного
права и процесса Псковского государственного
университета,
e-mail: 79319057477@yandex.ru

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ КОЛЛИЗИИ ПОЛУЧЕНИЯ У ОПЕРАТОРОВ СВЯЗИ ДАННЫХ О СОЕДИНЕНИЯХ: ОТ ПРАВОВОЙ НЕОПРЕДЕЛЁННОСТИ К ЗАКОНОДАТЕЛЬНОМУ РЕГУЛИРОВАНИЮ

Аннотация. Статья посвящена процессуальным коллизиям, возникающим при истребовании у операторов связи данных о телефонных соединениях. На основе ретроспективного анализа правовых актов, судебных решений и ведомственных разъяснений прослеживается эволюция подходов к квалификации данной информации — от правовой неопределённости конца 1990 х до введения ст. 186.1 УПК РФ в 2010 г. Показано, что отсутствие единообразной практики порождало использование различных процессуальных механизмов (выемка, контроль переговоров, запросы по общим нормам), что приводило к отмене судебных актов и конфликтам с операторами. Анализируются современные организационные проблемы и предлагаются меры по оптимизации взаимодействия, включая сокращение сроков ответа и внедрение электронного документооборота.

Ключевые слова: получение информации о соединениях, операторы сотовой связи, органы предварительного расследования, тайна телефонных переговоров, судебное санкционирование, выемка, контроль и запись переговоров.

BORISENKO Irina Vladimirovna,
Associate Professor, Department of Law
Enforcement, Criminal Law and Process, Pskov
State University, Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor

KHARINA Olga Dmitrievna,
Senior Lecturer at the Department of Law
Enforcement, Criminal Law and Procedure, Pskov
State University

PROCEDURAL CONFLICTS IN OBTAINING DATA ON CONNECTIONS FROM TELECOM OPERATORS: FROM LEGAL UNCERTAINTY TO LEGISLATIVE REGULATION

Annotation. The article is devoted to procedural conflicts that arise when requesting data on telephone connections from telecommunications operators. Based on a retrospective analysis of legal acts, court decisions, and departmental clarifications, the evolution of approaches to classifying this information is traced — from the legal uncertainty of the late 1990s to the introduction of Article 186.1 of the Criminal Procedure

Code of the Russian Federation in 2010. It has been shown that the lack of a uniform practice gave rise to the use of heterogeneous procedural mechanisms (seizure, monitoring of negotiations, requests under general rules), which led to the cancellation of court acts and conflicts with operators. Modern organizational problems are analysed, and measures to optimise interaction are proposed, including reducing response times and introducing electronic document management.

Key words: *obtaining information about connections, mobile network operators, preliminary investigation bodies, the confidentiality of telephone conversations, judicial authorization, seizure, monitoring, and recording of conversations.*

Эволюция правового регулирования в области информационного содействия организаций связи правоохранительным структурам происходит в контексте, когда защита общества от преступлений, их эффективное раскрытие и расследование немислимы без использования данных, аккумулируемых операторами, и привлечения их технических ресурсов. В то же время любые действия следственных органов по получению такой информации должны соотноситься с частью 2 статьи 23 Конституции Российской Федерации, которая гарантирует гражданам право на тайну переписки, телефонных переговоров и иных сообщений, устанавливая, что ее ограничение возможно исключительно на основании судебного решения [1].

В конце 1990-х годов, в условиях активного развития сотовой связи, обострилась проблема нормативного регулирования доступа к абонентским данным. Первые противоречия возникли после разъяснений Генеральной прокуратуры РФ, допускавших истребование сведений о соединениях без судебного решения (письмо № 36-609/166-99 от 19.03.1999). Несмотря на последующие законодательные изменения, в работе следственных органов с операторами связи сохраняются системные процедурные недостатки. Длительное отсутствие в УПК РФ четкого порядка получения детализации переговоров и иной информации из баз операторов предопределило неоднозначность правовой квалификации таких данных. Ключевая коллизия заключалась в необходимости судебного санкционирования, обусловленной разночтениями в определении юридической сути этих сведений. Фактически, при бездействии федерального законодателя, правоприменительная практика характеризовалась вариативностью трактовок единых норм. Ведомственные разъяснения по данной проблеме отличались бессистемностью. В частности, в ответе на запрос руководства ОАО «Электросеть» (г. Москва) представители Генпрокуратуры предложили дифференцировать абонентские сведения: установочные персональные данные отнести к справочной информации, а номера, время и длительность соединений (протоколы) — к категории, требующей судебного разрешения. При этом истребование первых допускалось по обычному

запросу, тогда как вторые без санкции суда исполнению не подлежали.

Кульминацией правовой неопределенности стало обращение Советского районного суда г. Липецка в КС РФ с запросом о конституционности ч. 4 ст. 32 Федерального закона «О связи». Основанием послужило ходатайство начальника УФСНП по Липецкой области о предоставлении данных по соединениям гражданки О.И. Фурловой. В определении от 02.10.2003 № 345-О Конституционный Суд указал, что конституционная гарантия тайны переговоров распространяется на любую информацию, фиксируемую телефонным оборудованием, включая сигналы соединения. Вследствие этого доступ оперативно-розыскных органов к таким сведениям возможен исключительно при наличии судебного акта. Тем самым КС РФ сформулировал четкую позицию, признав истребование данных о соединениях ограничением конституционного права на тайну переговоров. Вместе с тем процедурный механизм получения данной информации в рамках расследования преступлений остался не проработанным, что в дальнейшем обусловило возникновение многочисленных прикладных затруднений.

В условиях сохраняющейся правовой неопределенности следователи были вынуждены прибегать к процессуальным инструментам, изначально не предназначенным для получения данных о соединениях, что нередко сопровождалось нарушением установленных процедур. Показательны в этом отношении данные за первое полугодие 2004 г. по одному из регионов, где сотрудники правоохранительных органов, фактически запрашивая сведения о телефонных соединениях, оформляли их как ходатайства о проведении иных следственных действий. Как следует из обобщения практики районных судов Архангельской области, судебные разрешения выдавались на:

производство выемки информации о переговорах (Октябрьский, Вельский райсуды);

наложение ареста на такую информацию с последующим осмотром и выемкой (Октябрьский, Исакогорский, Соломбальский райсуды).

При этом суды нередко применяли уголовно-процессуальные нормы по аналогии, что

порождало ошибки. Так, Исакогорский и Соломбальский суды ошибочно санкционировали арест абонентских данных со ссылкой на ст. 185 УПК РФ, тогда как Октябрьский районный суд разрешал «получение сведений о переговорах» на основании ст. 186 УПК РФ. Отмечалась и подмена юридической квалификации: в одном деле следователь в рамках ст. 185 УПК РФ ходатайствовал об аресте «статистической информации», однако фактически запрашивал контроль и запись переговоров, что было обоснованно переквалифицировано Ломоносовским районным судом по ст. 186 УПК РФ [2]. С целью унификации подхода авторы обзора судебной практики рекомендовали следователям Архангельской области для получения данных о соединениях обращаться в суд с ходатайством именно о разрешении контроля телефонных переговоров.

Данные обстоятельства привели к тому, что суды прибегали к расширительному толкованию, допуская контроль и запись по делам всех категорий тяжести, аргументируя это тем, что объектом запроса являются не переговоры, а данные о соединениях.

Характерна в этом отношении позиция Пермского областного суда, который в 2004 г. в официальных разъяснениях допустил применение указанной меры независимо от категории тяжести преступления. В обоснование выдвигался тезис о том, что следствие запрашивает не содержание переговоров, а лишь данные о соединениях, в связи с чем судебное разрешение должно распространяться и на дела небольшой и средней тяжести. Тем самым суд прибег к расширительному, «адаптированному» толкованию императивной нормы, закрепленной в п. 14.1 ст. 5 УПК РФ, что вступило в прямое противоречие с положениями ч. 2 ст. 2 и ч. 1 ст. 186 УПК РФ.

Помимо категории тяжести преступления, неоднозначную трактовку получил и срок действия судебного разрешения, установленный в шесть месяцев. Отсутствие единообразного подхода породило в судебной практике прямо противоположные решения. Так, судья Чернушинского районного суда Пермской области А.В. Богдановский исходил из того, что контроль и запись переговоров технически применимы лишь к будущим событиям, а истребование данных о соединениях за истекший период не может быть отнесено к данной процедуре [4, с. 35]. Соответственно, ходатайства о получении сведений по похищенным телефонам за прошедшее время рассматривались им вне рамок ст. 186 УПК РФ. Однако Судебная коллегия по уголовным делам Свердловского областного суда признала такую позицию ошибочной, указав, что суд вправе разрешать получение данных о соединениях как за предшествующий, так и за последующий периоды.

С формально-логических позиций истребование охраняемых сведений об абоненте: 1) не тождественно их «прослушиванию» и «фиксации»; 2) не затрагивает содержания бесед; 3) не предполагает создание фонограммы как конечного результата и доказательства по делу, что, по справедливому замечанию Д.А. Ширева, исключает квалификацию данных действий как контроля и записи переговоров [11, с. 10]. В развитие данного подхода Л.И. Ивченко в исследовании 2004 г. обоснованно указал, что получение детализации соединений, несмотря на высокую оперативную значимость, не относится к следственным действиям, перечисленным в ст. 186 УПК РФ [7, с. 53]. Вместе с тем автор констатировал сложившуюся практику, когда следователи обращались за разрешением на истребование протоколов соединений именно через призму контроля и записи переговоров либо ссылались на соответствующие процессуальные нормы. Суть коллизии емко сформулировал И.В. Крайнов, отметив, что уголовно-процессуальный закон фактически исключил данный круг отношений из правового регулирования [8, с. 28]. Принципиальным отличием контроля переговоров является его объект — устная или письменная речь, преимущественно в ее смысловом наполнении. Напротив, данные из операторских баз (о времени, номерах, трафике) представляют собой метаинформацию, поскольку содержание коммуникаций остается закрытым для следствия. Кроме того, истребование таких сведений, как правило, осуществляется *post factum*, что исключает возможность какой-либо содержательной интерпретации состоявшихся диалогов.

Указанное обстоятельство делает обоснованной позицию судей, отказывавших в санкционировании контроля и записи при единственной цели — получении абонентских данных. Альтернативный вариант разрешения данной проблемы предложила судья Воронежского областного суда Т.В. Винокурова, допустив истребование необходимой информации через выемку в порядке ст. 183 УПК РФ [6, с. 55]. Таким образом, она поддержала подход, ранее высказанный рядом прокурорских работников, которые рекомендовали применять ч. 3 ст. 183 УПК РФ для истребования данных у операторов связи, поскольку эта норма регулирует выемку предметов и документов, содержащих охраняемую законом тайну. Казалось бы, получение информации посредством выемки является оптимальным решением. Однако судебный прецедент, созданный Судебной коллегией Верховного Суда РФ в 2006 году, придал развитию событий новый, неординарный поворот.

В надзорном определении от 2 июня 2006 г. № 9-ДП06-10 Верховный Суд РФ отменил решение Павловского городского суда Нижегородской

области, отказавшего следователю в разрешении на выемку документов о сигналах соединений по делу о краже. Коллегия указала, что ст. 186 УПК РФ применяется только по тяжким и особо тяжким преступлениям и предполагает прослушивание содержания переговоров. Поскольку ходатайство касалось исключительно данных о входящих и исходящих вызовах без прослушивания, ссылка на ст. 186 УПК РФ ошибочна, тайна переговоров не нарушается, а надлежащей процедурой является выемка по ч. 3 ст. 183 УПК РФ. При этом ссылки на Определение КС РФ № 345-О в контексте рассматриваемого дела признаны несостоятельными применительно к данной фактической ситуации.

Примечательно, что в более позднем судебном акте — надзорном определении от 13 августа 2007 г. № 86-ДП07-11 — Судебная коллегия Верховного Суда РФ кардинально изменила свою позицию. Рассмотрение дела было инициировано по факту убийства, возбужденного прокуратурой г. Коврова. Для проверки показаний свидетеля Л. следователю потребовалось получить протоколы его телефонных соединений, в связи с чем в Ленинский районный суд г. Владимира было направлено соответствующее ходатайство о производстве выемки данных у оператора связи.

Первоначально судья отказал в удовлетворении ходатайства, а вышестоящие судебные инстанции — Владимирский областной суд — оставили это решение в силе. Между тем Верховный Суд РФ, удовлетворив надзорное представление прокурора, занял иную позицию. Коллегия указала, что ч. 1 ст. 186 УПК РФ допускает контроль и запись переговоров лишь по тяжким и особо тяжким преступлениям и исключительно на основании судебного решения. Сославшись на ч. 2 ст. 23 Конституции РФ и Определение КС РФ № 345-О, Верховный Суд признал, что применение нижестоящими судами ст. 183 УПК РФ в данном случае противоречит конституционным положениям, поскольку получение данных о соединениях ограничивает тайну переговоров и требует судебного санкционирования. Таким образом, в судебной практике сформировался парадокс: Верховный Суд, с одной стороны, дал четкие указания о порядке истребования абонентской информации, а с другой — различными составами судей представил диаметрально противоположное толкование правовой природы сведений о телефонных соединениях. Отсутствие единообразия в практике высшей судебной инстанции закономерно привело к правовому хаосу на местах. Ситуация усугублялась тем, что в пределах одного региона могли одновременно существовать взаимоисключающие подходы, что наглядно демонстрирует пример Хабаровского края.

Отсутствие четкой законодательной регла-

ментации и единообразного судебного толкования процедуры получения абонентских данных стало постоянным источником конфликтов. Это выражалось в жалобах защиты на процессуальные нарушения, в отмене судебных решений, а также в прямом отказе операторов связи предоставлять запрашиваемую информацию. В некоторых случаях противостояние между правоохранительными органами и операторами связи носило открытый характер. Яркой иллюстрацией стал инцидент в феврале 2007 года, когда ЗАО «Ульяновск-GSM», ссылаясь на Определение Конституционного Суда РФ, отказалось выполнить постановление районного суда, основанное на более ранней позиции Верховного Суда. Разрешение ситуации потребовало проведения принудительного обыска в офисе оператора с привлечением сотрудников спецподразделения, в ходе которого необходимая информация была изъята.

Анализ ведомственных рекомендаций 2005–2008 гг. позволяет констатировать, что единой позиции по вопросу о «тайне абонентов» не существовало и среди силовых структур. Так, в 2007 году Следственный комитет при МВД России рекомендовал получать данные о соединениях через выемку по ч. 3 ст. 183 УПК РФ на основании судебного решения. Впоследствии данная точка зрения была подвергнута критике Ю.В. Францифоровым, указавшим, что такой подход не соответствует процессуальной природе выемки как следственного действия [10, с. 121].

Генеральная прокуратура РФ, в свою очередь, в информационном письме разграничила выемку предметов и документов (ст. 183 УПК РФ) и получение информации о телефонных соединениях в рамках полномочий следователя (ч. 4 ст. 21 УПК РФ), подчеркнув, что выемке подлежат конкретные объекты, а не информация как таковая. В 2008 году Следственный комитет при Прокуратуре РФ предложил компромиссный вариант: следователь должен ходатайствовать перед судом о получении разрешения по аналогии с порядком, установленным ст. ст. 165, 186 УПК РФ. По мнению ведомства, такой подход обеспечивал бы легитимность получения детализации соединений при безусловном соблюдении конституционных прав граждан.

Подводя итог анализу, следует констатировать, что российская правоприменительная практика столкнулась с беспрецедентной ситуацией, вызванной существенным пробелом в федеральном законодательстве. Отсутствие специальной процессуальной формы привело к тому, что информация из баз данных операторов связи истребовалась правоохранительными органами с помощью разнородных механизмов, не предназначенных для этих целей по своей сути. В

этой связи необходимо подчеркнуть фундаментальный принцип уголовного судопроизводства: для собирания доказательств допустимо использовать лишь те следственные действия, которые прямо предусмотрены УПК РФ. Данное требование, закрепленное в абз. 2 п. 16 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 1995 г. № 8, однозначно указывает, что доказательства, полученные в результате процедур, не регламентированных процессуальными нормами, должны признаваться недопустимыми [3].

На основе обобщения научных источников и правоприменительной практики к числу процессуальных механизмов, фактически использовавшихся для получения у операторов связи значимой для расследования информации, относились: выемка предметов и документов, содержащих охраняемую законом тайну (ч. 3 ст. 183 УПК РФ); контроль и запись телефонных переговоров (ст. 186 УПК РФ); истребование сведений по IMEI и абонентскому номеру (п. 3 ч. 2 ст. 38 УПК РФ) как с судебным разрешением, так и без него; запросы в рамках полномочий по ч. 4 ст. 21 и п. 3 ч. 2 ст. 38 УПК РФ; получение детализации, статистической информации и выемки переговоров по аналогии со ст. 186 УПК РФ; а также наложение ареста на почтово-телеграфные отправления (ст. 185 УПК РФ).

Подобное многообразие форм для получения однотипных сведений стало прямым следствием многолетнего бездействия законодателя, который не успевал за технологическим прогрессом. Как верно отмечает В.Ю. Стельмах, возникновение принципиально новых источников информации (компьютерные данные) требует адекватных уголовно-процессуальных инструментов, тогда как традиционные следственные действия оказались для этого непригодными [9, с. 16].

В научном сообществе сформировались две основные группы предложений по решению проблемы. Первая группа авторов настаивала на изменении законодательства путем:

Введения в УПК РФ новой статьи, например:

«Выемка документов, содержащих информацию о соединениях абонентов».

«Контроль детализации абонентов оператора связи».

«Контроль сведений о пользователях связи».

«Проведение электронного наблюдения».

Дополнения существующих норм УПК РФ, в частности:

Введения в ст. 186 УПК РФ нормы об истребовании сведений о телефонных контактах на основании постановления следователя.

Закрепления в ч. 3 ст. 183 УПК РФ порядка получения информации о соединениях.

Вторая группа исследователей полагала, что действующего законодательства достаточно, и информацию можно получать в рамках:

выемки без судебного решения;

выемки документов, содержащих тайну;

контроля и записи переговоров.

Разрешением многолетней правовой неопределенности стало принятие Федерального закона от 1 июля 2010 г. № 143-ФЗ, который дополнил УПК РФ новым следственным действием – получением информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами (ст. 186.1 УПК РФ). Эта законодательная новелла была продиктована требованиями информационного общества и необходимостью создания адекватной нормативной базы для использования достижений научно-технического прогресса в раскрытии преступлений.

Однако, несмотря на появление специальной нормы, правоприменительная практика продолжает сталкиваться с трудностями. Проведенное исследование выявило проблему несоблюдения сроков предоставления информации операторами связи. Анкетирование сотрудников следственных подразделений, проведенное Васюковым В.Ф., Растороповым С.В., Флоря Д.Ф. показало, что операторы зачастую направляют запрашиваемые данные лишь на 30-е сутки, а в 28% изученных уголовных дел сроки превышали два месяца. В 12% случаев операторы ссылались на отсутствие необходимого технического оборудования. Рейтинг уровня взаимодействия с крупнейшими операторами («Мегафон» – 35%, Yota – 43%) также свидетельствует о системных проблемах [5, с. 127].

Для кардинального улучшения ситуации представляется необходимым реализовать следующие меры:

Установление законодательного срока. Целесообразно дополнить ст. 64 Федерального закона «О связи» частью 5.1, устанавливающей обязанность операторов предоставлять информацию уполномоченным государственным органам в срок, не превышающий 3 суток. Внедрение системы межведомственного электронного документооборота. Создание такой системы между правоохранительными органами и операторами связи позволит в оперативном режиме получать необходимые данные, исключить временные затраты на физическую доставку запросов и документации, а также работать в удаленном формате. Реализация данных предложений будет способствовать повышению эффективности расследования преступлений в условиях цифровой трансформации.

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации:

принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. // Российская газета. – 1993. – № 237. – 25 дек. ; Собрание законодательства РФ. – 2009. – № 4, ст. 445.

[2] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 26.07.2026) // Российская газета. – 2001. – № 249. – 22 дек. ; Парламентская газета. – 2001. – № 241-242. – 22 дек. ; СЗ РФ. – 2001. – № 52, ст. 4921.

[3] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 1995 г. № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» (ред. от 3 марта 2015 г.) // Российская газета. – 1995. – 5 дек. – № 247 ; Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1996. – № 1.

[4] Богдановский А. Может ли ошибаться Конституционный Суд? // Законность. – 2022. – № 8. – С. 35.

[5] Васюков В.Ф., Расторопов С.В., Флора Д.Ф. Получение и использование абонентской информации при расследовании преступлений : монография. – Орел : Картуш, 2025. – 127 с.

[6] Винокурова Т.В., Астафьев Ю.В. Проблема получения сведений о телефонных соединениях при производстве ОРД // Российская юстиция. – 2018. – № 1. – С. 55.

[7] Ивченко Л.И. Тактика контроля и записи переговоров и использование результатов этого следственного действия в расследовании преступлений : дис. ... канд. юрид. наук. – М. : Московский университет МВД России, 2004. – 53 с.

[8] Крайнов И.В. Некоторые актуальные вопросы деятельности по обнаружению и выявлению преступлений, связанных с хищением средств сотовой связи // Российский следователь. – 2018. – № 21. – С. 28.

[9] Стельмах В.Ю. Получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами как следственное действие : дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2023. – 16 с.

[10] Францифоров Ю.В. Особенности информационного обеспечения расследования преступлений // Информационная безопасность регионов. – 2021. – № 2 (9). – С. 121.

[11] Ширев Д.А. Контроль и запись телефонных и иных переговоров и их доказательственное значение в уголовном судопроизводстве России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М.: Российский университет дружбы народов, 2009. – 10 с.

References:

[1] Constitution of the Russian Federation: adopted by the Congress. voting Dec 12. 1993 // Rossiyskaya Gazeta. – 1993. – № 237. – Dec 25; Collection of legislation of the Russian Federation. – 2009. – No. 4, Art. 445.

[2] Code of Criminal Procedure of the Russian Federation: Federal Law of 18.12.2001 No. 174-FZ (as amended by 26.07.2026) // Rossiyskaya Gazeta. – 2001. – № 249. – Dec 22; Parliamentary newspaper. – 2001. – № 241-242. – Dec 22; NW RF. – 2001. – No. 52, Art. 4921.

[3] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of October 31, 1995 No. 8 "On some issues of application by the courts of the Constitution of the Russian Federation in the administration of justice" (as amended on March 3, 2015) // Rossiyskaya Gazeta. – 1995. – December 5 – No. 247; Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. – 1996. – № 1.

[4] Bogdanovsky A. Can the Constitutional Court be wrong? // Legality. – 2022. – № 8. – S. 35.

[5] Vasyukov V.F., Rastoropov S.V., Florya D.F. Obtaining and using subscriber information in the investigation of crimes: monograph. – Eagle: Cartouche, 2025. – 127 s.

[6] Vinokurova T.V., Astafiev Yu.V. The problem of obtaining information about telephone connections in the production of ORD // Russian justice. – 2018. – № 1. – S. 55.

[7] Ivchenko L.I. Tactics of control and recording of negotiations and the use of the results of this investigative action in the investigation of crimes: dis.... cand. jurid. sciences. – M.: Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2004. – 53 s.

[8] Krainov I.V. Some topical issues of activities to detect and identify crimes related to the theft of cellular communications // Russian investigator. – 2018. – № 21. – S. 28.

[9] V.Yu. Stelmakh. Obtaining information about connections between subscribers and (or) subscriber devices as an investigative action: dis.... cand. jurid. sciences. – Yekaterinburg, 2023. – 16 s.

[10] Franciforov Yu.V. Features of information support for crime investigation // Information security of regions. – 2021. – № 2 (9). – S. 121.

[11] D.A. Shirev. Control and recording of telephone and other negotiations and their evidentiary significance in criminal proceedings in Russia: author's abstract. dis.... cand. jurid. sciences. – M.: Peoples' Friendship University of Russia, 2009. – 10 s.

БОРОДИНА Татьяна Васильевна,
доцент кафедры гражданско-правовых
дисциплин Ростовского филиала Всероссийского
государственного университета юстиции (РПА
Минюста России),
e-mail: rpa-borodina@mail.ru

ВЛИЯНИЕ КУЛЬТУРНЫХ ФАКТОРОВ НА ДОПУСТИМОСТЬ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В МЕЖДУНАРОДНОМ КОММЕРЧЕСКОМ АРБИТРАЖЕ

Аннотация. В статье исследуется влияние культурных факторов на формирование и применение стандартов допустимости доказательств в международном коммерческом арбитраже. Обосновывается вывод, что различия в правовой культуре, языке, представлениях о конфиденциальности, иерархии управления, добросовестности и роли арбитра способны оказывать существенное воздействие на оценку относимости, допустимости, достоверности и достаточности доказательств. Рассматриваются основные модели доказательственного регулирования, характерные для континентальной и англо-американской правовых традиций.

Ключевые слова: международный коммерческий арбитраж, доказательства, допустимость доказательств, правовая культура, межкультурная коммуникация, IBA Rules, публичный порядок.

BORODINA Tatyana Vasilyevna,
Associate Professor at the Department of Civil Law
Disciplines of the Rostov Branch of the All-Russian
State University of Justice (RPA of the Ministry of
Justice of Russia)

THE INFLUENCE OF CULTURAL FACTORS ON THE ADMISSIBILITY OF EVIDENCE IN INTERNATIONAL COMMERCIAL ARBITRATION

Annotation. The article examines the influence of cultural factors on the formation and application of standards for the admissibility of evidence in international commercial arbitration. The conclusion is substantiated that differences in legal culture, language, perceptions of confidentiality, management hierarchy, good faith, and the role of the arbitrator can have a significant impact on the assessment of the relevance, admissibility, reliability, and sufficiency of evidence. The main models of evidentiary regulation characteristic of the continental and Anglo-American legal traditions are considered.

Key words: international commercial arbitration, evidence, admissibility, legal culture, cross-cultural communication, IBA Rules, public policy.

Международный коммерческий арбитраж выступает в роли специфического инструмента урегулирования споров, возникающих в сфере международной торговли и бизнеса. В процессе арбитражного разбирательства происходит столкновение не просто разных правовых систем, но и разнообразных культурных парадигм, определяющих поведение участников. Стороны арбитража нередко представляют различные национальные, профессиональные и корпоративные сообщества, которые имеют свои уникальные

взгляды на то, какие методы подтверждения фактов считаются приемлемыми, какова роль свидетельских показаний, какое значение придается письменным документам и какие существуют границы в вопросе раскрытия информации.

В международном арбитраже вопрос о допустимости доказательств нередко определяется факторами, которые непосредственно не закреплены в нормативных актах и не носят формализованный характер, а определяются особенностями деловой этики, отношением к государственной

или корпоративной иерархии, степени доверия к письменным и устным формам коммуникации, различиями в речевом поведении и правилах делового общения.

Арбитражный суд РФ также определяет относимость, допустимость и достаточность доказательств, руководствуясь законом (ст. 67, 68, 71 АПК РФ) и соглашением сторон [1]. Однако ни международные, ни национальные нормы не могут исчерпывающе предусмотреть все ситуации, возникающие в межкультурном споре. В результате культурные различия могут оказывать скрытое влияние на процессуальные решения, включая решение о принятии, исключении или ограничении доказательств.

Правовая культура не является самостоятельным источником процессуального права. Она не может заменять применимое законодательство, арбитражное соглашение или регламент институционального арбитража. Однако она способна воздействовать на толкование и практическое применение процессуальных норм.

В международной доктрине неоднократно отмечалось, что арбитражная процедура находится на пересечении нескольких правовых традиций. По мнению А. Редферна и М. Хантера, современный международный арбитраж развивается как смешанная процессуальная система, в которой сочетаются элементы *common law* и *civil law* [2]. Д. Берн также указывает, что процедура международного арбитража не может быть сведена к механическому переносу одной национальной модели на международную арену [3].

Культурные различия могут проявляться, в частности, в следующих вопросах: что считается «документом»; насколько широко должна раскрываться информация; может ли сторона ссылаться на внутреннюю переписку работников; вправе ли представитель заранее обсуждать содержание показаний со свидетелем; какое значение имеют устные договоренности; допустимо ли получение доказательств без согласия лица; следует ли придавать самостоятельное значение репутации свидетеля, его должности или социальному статусу и т.д.

При этом культура не должна рассматриваться как универсальное объяснение поведения конкретного участника, так как существует риск стереотипизации, когда определенные процессуальные действия необоснованно связываются с национальной принадлежностью стороны. Поэтому культурный анализ должен использоваться не для вынесения оценочных суждений о личности или стране, а для выявления возможных источников недопонимания и обеспечения равных возможностей сторон.

Если сравнивать континентальную и общую систему права, то для континентальной право-

вой традиции характерна более активная роль суда или арбитражного состава в определении предмета доказывания и истребовании документов. Доказательственная деятельность обычно ориентирована на письменные материалы, официальные документы, экспертные заключения и процессуальную экономию.

В европейских странах традиционно отсутствует институт широкого *discovery* в англо-американском понимании. Сторона, как правило, должна представить доказательства, на которые она ссылается, а истребование документов ограничивается конкретными и индивидуализированными категориями материалов.

Для данной модели характерно разграничение между относимостью, допустимостью и доказательственной силой доказательства. Относимость означает связь доказательства с предметом спора; допустимость - возможность его использования с точки зрения процессуальных правил; доказательственная сила - способность подтверждать соответствующее обстоятельство.

В англо-американской правовой традиции значительное внимание уделяется состязательной процедуре, раскрытию документов и исследованию доказательств сторонами. В национальных судах *common law* действуют подробные правила допустимости доказательств, включая ограничения, связанные со слухами, привилегией, аутентичностью, способом получения информации и характером документа.

В международном арбитраже данные правила применяются не часто, так как международные арбитры обычно стремятся избежать чрезмерной формализации и руководствуются принципами гибкости и пропорциональности. Тем не менее стороны, входящие в англо-американскую правовую среду, могут ожидать более широкого раскрытия документов и более активной роли представителей в работе со свидетелями.

Современное развитие международного арбитража отличает формирование автономной транснациональной практики, в которой сочетаются элементы различных моделей и именно гибридность современного арбитража создает пространство для культурного влияния. Одинаковая процессуальная мера может восприниматься сторонами по-разному. Например, требование представить внутреннюю переписку может рассматриваться американской компанией как обычный элемент раскрытия документов, а азиатской или континентально-европейской компанией - как чрезмерное вмешательство во внутреннюю сферу бизнеса.

Для устранения указанных выше противоречий, в 2020 году были приняты Правила IBA по доказыванию в международном арбитраже. Они не являются законом и применяются только при

согласии сторон либо по решению арбитражного состава, но на практике используются в качестве компромиссного инструмента [3]. Правила предусматривают возможность представления документов, допроса свидетелей и экспертов, а также установления ограничений по соображениям конфиденциальности, юридической привилегии, соразмерности и процессуальной справедливости.

Если же рассматривать влияние культурных факторов на отдельные виды доказательств, то стоит отметить, что в разных правовых культурах, письменная фиксация договоренностей имеет разное значение. В одних - первостепенное значение, тогда как в других значительная роль отводится устным договоренностям, личным связям и поведению сторон после заключения договора. Особое значение может иметь и форма документа. В некоторых юрисдикциях печать организации, подпись руководителя или нотариальное удостоверение воспринимаются как необходимые признаки юридической силы документа. В других системах основное значение имеет содержание и возможность установить автора документа.

Свидетельские показания являются одной из областей, где культурные различия проявляются наиболее отчетливо. К примеру, в западной правовой традиции свидетель зачастую выступает в роли независимого носителя сведений, имеющих доказательственное значение. В процессе судебного разбирательства его показания тщательно исследуются посредством процедуры перекрестного допроса, которая позволяет выявить возможные противоречия и оценить достоверность информации. Однако в некоторых культурных традициях открытое противостояние старшему по возрасту, руководителю или сотруднику государственного органа считается неприемлемым. В таких случаях свидетель может уклоняться от прямых ответов, прибегать к обтекаемым формулировкам, проявлять чрезмерную осмотрительность в своих высказываниях. Такая манера поведения не обязательно свидетельствует о недостоверности показаний, она может быть обусловлена уважением к иерархии, опасением негативных последствий для профессионального положения. Если арбитр оценивает подобное поведение исключительно через призму собственной культуры, возникает риск неправильной оценки достоверности показаний свидетеля.

Культурные факторы воздействуют и на восприятие экспертных доказательств. В некоторых правовых системах эксперт рассматривается как помощник суда и должен быть максимально независимым. В других широко применяется практика привлечения сторонних экспертов, которые излагают позицию конкретной стороны.

Особую проблему представляют материа-

лы внутренних расследований: интервью работников, служебные записки, отчеты комплаенс-служб, переписка с внешними консультантами и документы, связанные с антикоррупционными проверками.

В государствах с развитой культурой корпоративного комплаенса подобные материалы создаются регулярно и обладают значительным доказательственным потенциалом. В других странах внутреннее расследование может проводиться неформально, без письменного оформления, а его результаты - обсуждаться только устно.

Различия также касаются юридической привилегии. Понятие *attorney-client privilege* в англо-американском праве не полностью совпадает с режимом адвокатской тайны в континентальной системе права. Поэтому документ, который одна сторона считает защищенным от раскрытия, другая сторона может считать обычным деловым материалом.

Культурные факторы приобретают юридическое значение и в тех случаях, когда они приводят к неравному положению сторон. Формально одинаковое правило может иметь неодинаковый эффект. Например, требование представить документы в течение короткого срока может быть выполнимым для стороны, имеющей централизованную систему электронного документооборота, и чрезмерно обременительным для компании, где документы хранятся в нескольких подразделениях и создаются на разных языках.

В соответствии с международными стандартами арбитраж должен обеспечить сторонам равные возможности представить свою позицию. Этот принцип вытекает из ст. 18 Типового закона ЮНСИТРАЛ и ст. V(1)(b) Конвенции о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений 1958 г., допускающей отказ в признании решения, если сторона не была должным образом уведомлена или не могла представить свои объяснения [4].

Для минимизации негативного влияния культурных факторов первом процессуальном совещании целесообразно применять следующие меры: определить язык разбирательства; порядок перевода документов и показаний; правила раскрытия документов; порядок подготовки свидетелей; требования к экспертным заключениям; режим конфиденциальности; последствия несоблюдения процессуальных распоряжений.

Чем подробнее будут согласованы правила, тем меньше вероятность того, что культурные различия приведут к непредвиденным процессуальным последствиям.

Вместо прямого переноса национальных правил целесообразно применять нейтральные стандарты, основанные на относимости, существенности, надежности, добросовестности и

пропорциональности. Именно такой подход характерен для Правил IBA и ряда институциональных регламентов, так как это позволяет избежать ситуации, когда сторона действует добросовестно, но исходя из иной процессуальной культуры.

Список литературы:

[1] Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30. Ст. 3012.

[2] Blackaby, N. Redfern and Hunter on International Arbitration / N. Blackaby, C. Partasides, A. Redfern. – 7th ed. – Oxford: Oxford University Press, 2023. – 832 p. – ISBN 978-0-19-286990-6.

[3] Born, G. B. International Commercial Arbitration / G. B. Born. – 3rd ed. – Alphen aan den Rijn: Wolters Kluwer, 2021. – 2 vols. – ISBN 978-94-035-2554-9.

[4] IBA Rules on the Taking of Evidence in International Arbitration. Adopted by a resolution of the IBA Council, 17 December 2020. Preamble // Международная ассоциация юристов: официальный сайт. – URL: <https://www.ibanet.org/> (дата обращения: 18.08.2026).

[5] Конвенция о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений: заключена в Нью-Йорке 10 июня 1958 г. // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 1993. № 8.

[6] Park, W. W. Arbitration of International

Business Disputes: Studies in Law and Practice / W. W. Park. – 2nd ed. – Oxford: Oxford University Press, 2012. – 1248 p. – ISBN 978-0-19-965720-9.

References:

[1] Arbitration Procedure Code of the Russian Federation: Federal Law No. 95-FZ dated July 24, 2002 // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 30. Art. 3012.

[2] Blackaby, N. Redfern and Hunter on International Arbitration / N. Blackaby, C. Partasides, A. Redfern. – 7th ed. – Oxford: Oxford University Press, 2023. – 832 p. – ISBN 978-0-19-286990-6.

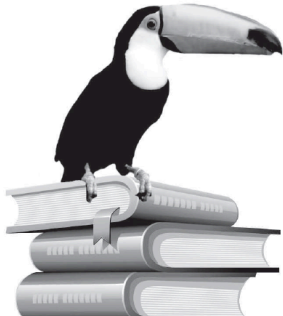
[3] Born, G. B. International Commercial Arbitration / G. B. Born. – 3rd ed. – Alphen aan den Rijn: Wolters Kluwer, 2021. – 2 vols. – ISBN 978-94-035-2554-9.

[4] IBA Rules on the Taking of Evidence in International Arbitration. Adopted by a resolution of the IBA Council, 17 December 2020. Preamble // International Bar Association: official website. – URL: <https://www.ibanet.org/> (date of request: 18.08.2026).

[5] The Convention on the Recognition and Enforcement of Foreign Arbitral Awards: concluded in New York on June 10, 1958 // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. 1993. No. 8.

[6] Park, W. W. Arbitration of International Business Disputes: Studies in Law and Practice / W. W. Park. – 2nd ed. – Oxford: Oxford University Press, 2012. – 1248 p. – ISBN 978-0-19-965720-9.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ГОЛЯТИНА Светлана Михайловна,
доцент кафедры криминалистики учебно-научного
комплекса по предварительному следствию в
органах внутренних дел Волгоградской академии
МВД России, кандидат юридических наук,
e-mail: svetlanagolyatina_6363@mail.ru

ЛИХОВИДОВА Елена Петровна,
старший преподаватель кафедры иностранных
языков Волгоградской академии МВД России,
кандидат филологических наук,
e-mail: e.lihovidova@mail.ru

СУДЕБНАЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

Аннотация. В статье рассматривается путь, который прошла судебная лингвистическая экспертиза в разных странах мира: Великобритании, Соединенных Штатах Америки, России. Подчеркивается роль сотрудников Института русского языка имени В. В. Виноградова Российской академии наук, Гильдии лингвистов – экспертов по документационным и информационным спорам (ГЛЭДИС), Ассоциации экспертов и преподавателей «Лексис», а также отдельных ученых в становлении и развитии судебной лингвистики в нашей стране. Уделяется внимание правовой основе судебной лингвистической экспертизы. Приводится перечень ключевых задач, стоящих перед ней сегодня.

Ключевые слова: судебная лингвистическая экспертиза, специальные знания, доказывание по уголовным делам, текст, смысловое содержание.

GOLYATINA Svetlana Mikhailovna,
Associate Professor, Department of Forensic Science,
Educational and Scientific Complex on Preliminary
Investigation in the Internal Affairs Agencies
Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of
Russia, Candidate of Law

LIKHOVIDOVA Elena Petrovna,
Senior Lecturer, Department of Foreign Languages
Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs
of Russia, Candidate of Philological Sciences

FORESIGNIFICANT LINGUISTIC EXAMINATION: HISTORY AND CURRENT STATE

Annotation. This article examines the development of forensic linguistic examination in various countries: the United Kingdom, the United States, and Russia. The role of the staff of the V. V. Vinogradov Institute of the Russian Language of the Russian Academy of Sciences, the Guild of Linguists – Experts in Documentation and Information Disputes (GLEDIS), the Association of Experts and Teachers "Lexis," as well as individual scholars, in the development and advancement of forensic linguistics in our country is highlighted. Attention is paid to the legal basis of forensic linguistic examination and a list of the key challenges facing it today is provided.

Key words: forensic linguistic examination, specialized knowledge, evidence in criminal cases, text, semantic content.

Введение

Судебная лингвистическая экспертиза представляет собой процессуально регламентированное исследование устной (звучащей) и письменной (текстов) речи и является довольно востребованной процедурой. Это обусловлено не только значительным количеством споров, где имеют место оскорбления, клевета и т. д., но и ростом числа преступлений, при расследовании которых без специальных лингвистических знаний подчас невозможно установить истину по делу, среди них: преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств; реабилитация нацизма; публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности, исполнения государственными органами Российской Федерации своих полномочий, оказания добровольческими формированиями, организациями или лицами содействия в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации или войска национальной гвардии Российской Федерации; экстремизм, терроризм и др., т. е. ряд актуальных составов Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ).

Основными задачами судебной лингвистической экспертизы выступают: установление точного смысла того или иного высказывания, выявление наличия / отсутствия информации, порочащей честь, достоинство и деловую репутацию, оценка модальности текста и иные.

Цель

Цель работы заключается в анализе динамики развития судебной лингвистической экспертизы от момента ее появления в арсенале средств доказывания по уголовным делам до настоящего времени для понимания ее нюансов и сути.

Методы

В рамках исследования применялись общенаучный диалектический метод, устанавливающий связи между предметами, явлениями и процессами, а также методы наблюдения, описания, анализа и синтеза, индукции и дедукции, сравнения, обобщения и др.

Результаты

Судебная лингвистика является относительно молодой отраслью судебной экспертологии. Впервые данный термин (Forensic Linguistics) был использован в 1968 г., когда шведский ученый Ян Свартвик упомянул его в своем труде «The Evans Statements: a Case for Forensic Linguistics». Работавший в Лондонском университете он заинтересовался делом Тимоти Джонса Эванса, обвиненного в убийстве своих беременной супруги и малолетней дочери, произошедшем в ноябре 1949 г.

на Рилингтон-Плейс, 10, а позже в убийствах еще нескольких женщин, проживавших в том же доме. В январе 1950 г. Тимоти Джонс Эванс добровольно пришел в полицейский участок, где якобы сознался в совершенных преступлениях и был арестован. Однако во время судебного заседания он отказался от своих слов и обвинил в убийствах соседа Джона Кристи. Доводы подсудимого не убедили суд, его вину признали полностью доказанной, и 9 марта 1950 г. Тимоти Джонс Эванс был казнен. Эта история казалась оконченной, но судьба ее главного героя не давала покоя журналисту Людовику Кеннеди. Именно он спустя практически два десятилетия после трагической драмы, разгоревшейся на Рилингтон-Плейс, 10, привлек к делу лингвиста Яна Свартвика, который провел исследование и сделал вывод: заявления Тимоти Джона Эванса содержат два стиля (официальный и разговорный) и написаны в так называемом «полицейском регистре», т. е. в определенном порядке, который был установлен в полиции. Это объяснялось тем фактом, что в английской правоохранительной системе действовал свод правил, регламентировавший в том числе тактику производства допроса: допрашиваемые лица должны были диктовать свои показания сотрудникам полиции, последним предписывалось стенографировать их, не перебивать, не задавать никаких вопросов, разве только обращаться с просьбой что-либо уточнить. Но на практике допрос выглядел иначе: полицейский задавал подозреваемому / свидетелю / потерпевшему все интересующие его вопросы, делал пометки и лишь затем записывал показания, но не словами допрашиваемого, а там самым стилем, который именовался «полицейский регистр». Авторы правил не понимали, что стенографировать показания довольно трудно: фигуранты дела дают волю эмоциям, забывают важные факты, спешат и т. д. В результате полицейский сбивается и интерпретирует информацию по-своему, нередко не в пользу допрашиваемого (особенно если речь идет о подозреваемом). Так случилось и с Тимоти Джонсом Эвансом, который был оправдан и реабилитирован, в том числе благодаря выводам Яна Свартвика, лишь после смерти [6]. Данный случай стал одним из первых, когда доводы лингвиста наряду с иными доказательствами хоть и спустя время, но все же помогли установить истину по уголовному делу.

В Соединенных Штатах Америки судебная лингвистика так же, как и в Великобритании, стала развиваться после вынесения одного из приговоров. В 1963 г. некий Эрнесто Миранда был задержан по подозрению в совершении ограбления, похищения и изнасилования. В полицейском участке его допросили, а затем предъявили в качестве опознаваемого лица потерпев-

шей, которая преступника опознала. Он снова был помещен в комнату для допросов, где в течение нескольких часов с ним проводили следственное действие без приглашения защитника. В результате Эрнесто Миранда сознался во всем содеянном, что было зафиксировано в письменном виде: «Это заявление сделано добровольно, без каких-либо угроз, принуждения или обещания иммунитета и с полным знанием законных прав, с пониманием, что любые мои заявления могут и будут использованы против меня» [7]. В действительности же никакие права подозреваемому разъяснены не были, что противоречило нормам Конституции США. Таким образом, его показания являлись недопустимым доказательством. Однако данный факт был оставлен без внимания судом, и обвиняемого приговорили к тюремному заключению. Попытки обжаловать приговор тоже не привели к успеху. Но в 1966 г. Верховный Суд США постановил, что все показания Эрнесто Миранды получены под давлением, следовательно, его права были нарушены, а значит, дело подлежит пересмотру. Отметим, что даже с учетом изъятия признательных показаний Эрнесто Миранде все равно был вынесен обвинительный приговор, правда, американским полицейским с тех пор приходится соблюдать обязательную процедуру зачитывания прав задержанным – Правило Миранды (англ. *Miranda warning*) – «юридическое требование в США, согласно которому во время задержания задерживаемый должен быть уведомлен о своих правах, а задерживающий его полицейский обязан получить положительный ответ на вопрос, понимает ли тот сказанное» [8]. Однако применение названного правила повлекло за собой новые проблемы, на какие обратил внимание один из пионеров юридической лингвистики в США профессор Роджер Шуи. По его мнению, зачитывание прав задержанным и выяснение у них, понимают ли они свои права, вовсе не означает того, что они на самом деле их понимают. Роджер Шуи неоднократно консультировал полицейских по тем вопросам, где требовались специальные знания в области лингвистики. Так, еще в самом начале его профессионального пути к нему обратились сотрудники полиции штата Иллинойс в надежде на то, что он поможет сузить круг подозреваемых после изучения записки с требованием выкупа. Каково же было их удивление, когда Роджер Шуи поинтересовался, нет ли среди фигурантов дела образованного человека из штата Огайо, а такой как раз был. Лингвист разъяснил: автором записки предпринята попытка имитировать безграмотность, поэтому некоторые слова были намерено искажены, кроме того, в тексте имелось словосочетание «*devil's strip*», которое использовалось для наименования газона между тротуаром и проезжей частью только

в Акроне (город в штате Огайо). Таким образом, круг подозреваемых благодаря исследованиям Роджера Шуи был сужен до одного лица [9].

Наконец, истинным торжеством судебной лингвистики в США стало дело Теодора Качинского (Унабомбера), рассылавшего с 1978 по 1995 г. почтой самодельные взрывные устройства. В 1995 г. он обратился в редакцию газеты «*The Washington Post*» с требованием опубликовать свой манифест «Индустриальное общество и его будущее», которое было удовлетворено. После того как издание вышло в свет в ФБР обратился Дэвид Качинский с заявлением, что слог манифеста очень напоминает манеру написания его брата (выделение логических ударений заглавными буквами). В результате сравнительного анализа лексики, грамматики, синтаксиса и т. д. текста, опубликованного в «*The Washington Post*», с текстами писем и документов, принадлежащих перу Теодора Качинского, специалисты сделали вывод: их автором является один и тот же человек. На основании этого был получен ордер на обыск в месте проживания предполагаемого преступника, где сотрудники ФБР обнаружили следы, доказывающие его причастность к совершению терактов [10]. Теодор Качинский был осужден на восемь пожизненных сроков.

Приведенные и иные случаи стали убедительными аргументами в пользу того, что возможности лингвистических знаний поистине впечатляют и в установлении истины по ряду уголовных дел без них просто не обойтись.

В России юридическая лингвистика появилась в 1990-е гг. Именно тогда сотрудниками Института русского языка имени В. В. Виноградова Российской академии наук (А. Н. Барановым, Ю. А. Сафоновой, Б. С. Шварцкопфом и др.) были проведены первые исследования, объектами которых были тексты газетных и журнальных публикаций [11]. Отметим, что названное учреждение стало центром притяжения многих юристов, желающих получить консультацию по языковым вопросам. Это обуславливалось тем, что суды все чаще рассматривали иски о защите деловой репутации, об оскорблении чести и достоинства и т. п., по которым для принятия правильного решения требовались специальные знания лингвистов.

Становление судебной лингвистики как прикладной науки и учебной дисциплины пришлось на конец 1990-х – начало 2000-х гг. В то время многочисленные дискуссии велись о ее методологии, подходах к исследованию продуктов речевой деятельности и т. д. Споры порождало и само название. Ее именовали юридической лингвистикой, судебной лингвистикой, правовой лингвистикой, юрислингвистикой, лингвоюристикой, лингвокриминалистикой и др. «Этими терминами ярко заявляется необходимость выделения

науки, объектом которой является стык языка и права, и объективируется стремление сделать его легитимным в науке, – указывал Н. Д. Голев. – Одновременно их обилие говорит о начальном этапе становления данной научной дисциплины. Будет интересно посмотреть хотя бы через 10 лет, какой термин закрепится для ее обозначения» [2, с. 9]. М. А. Грачев, предпочитая именовать данную прикладную дисциплину лингвокриминалистикой, отмечает: «Термин лингвокриминалистика имеет три значения: 1) раздел науки о языке, изучающий текст для юридических целей; 2) раздел языковедческой науки, обучающий составлению судебных лингвистических экспертиз; 3) раздел науки о языке, изучающий социолингвистические аспекты криминальной субкультуры. Некоторые ученые (например, Е. И. Галяшина, Н. Д. Голев) используют термин юрислингвистика, понимая под ним первые два значения термина лингвокриминалистика. Однако, на наш взгляд, понятие лингвокриминалистика включает в себя также анализ элементов субкультуры криминального мира: арго, тарабарский и условный язык, клички, татуировки, тайные жесты и мимика, пословицы и поговорки. Лингвокриминалист может использовать знания языковых элементов субкультуры для практических целей: идентификации личности, оперативно-розыскных мероприятий, проведении судебной экспертизы и проч.» [12]. Дискуссии не утихли до сих пор: и сейчас в научной литературе можно встретить названия юрислингвистика, лингвокриминалистика, юридическая лингвистика и др.

Большую роль в формировании судебной лингвистики сыграло создание в 2001 г. ГЛЭДИС – Гильдии лингвистов – экспертов по документационным и информационным спорам, которую возглавил доктор филологических наук, профессор М. В. Горбаневский. Издания членов ГЛЭДИС, где предпринимались попытки дать определение таким понятием, как «утверждение», «мнение», «неприличная форма», и на примерах экспертиз демонстрировались возможные подходы к лингвистическому исследованию продуктов речевой деятельности, стали хрестоматийными и во многом повлияли на методику производства судебной лингвистической экспертизы в государственных судебно-экспертных учреждениях нашей страны [13]. В числе приоритетных задач, которые ставит перед собой ГЛЭДИС, указываются участие в формировании в регионах России квалифицированного корпуса независимых экспертов-лингвистов (специалистов), действующих при поддержке Гильдии лингвистов – экспертов по документационным и информационным спорам на основе единой и апробированной научно-методической базы; оказание физическим и юридическим лицам (включая судебные и следственные органы)

помощи в проведении высококвалифицированных лингвистических экспертиз (исследований, включая комплексные) по широкому спектру гражданских, уголовных, арбитражных и административных дел и споров; оказание помощи российским экспертам-лингвистам (специалистам) в защите их прав и законных интересов; помощь в разработке основ вузовских спецкурсов по лингвокриминалистике, судебной и внесудебной лингвистической экспертизе, лингвистической безопасности текстов средств массовой информации для студентов-журналистов, студентов-юристов и студентов-филологов и иные [14].

Стоит упомянуть и региональную общественную организацию Алтайского края «Ассоциация экспертов и преподавателей „Лексис“», которая возникла на базе лаборатории юрислингвистики и развития речи филологического факультета Алтайского государственного университета в 2002 г. Ее основателем стал доктор филологических наук, профессор Н. Д. Голев. Под его редакцией на протяжении нескольких лет выходили сборники научных статей «Юрислингвистика». С 1999 г. по настоящее время в Алтайском государственном университете издается одноименный журнал.

Наряду с названными учеными большой вклад в развитие судебной лингвистической экспертизы в России внесли труды Ю. А. Бельчикова, Е. И. Галяшиной, М. А. Грачева, А. А. Смирнова и других исследователей.

Е. В. Новожилова, Ю. В. Донскова отмечают, что в России сложились два направления судебной лингвистической экспертизы. «Первое – „чистая лингвистика“ представлено учеными, чья основная специальность языкознание, литературоведение: это сотрудники Института русского языка имени В. В. Виноградова Российской академии наук, научная школа, выпускающая журнал „Юрислингвистика“, специалисты, объединившиеся в... ГЛЭДИС, и многие другие. Лингвистическая экспертиза, в представлении этого направления, есть область прикладной лингвистики, методологически полностью наследующая языкознанию. Второе направление представлено научной школой профессора Е. Р. Россинской и объединяет специалистов из Института судебных экспертиз МГЮА, Российского государственного университета правосудия и ряда государственных судебно-экспертных учреждений. В представлении этого направления лингвистическая экспертиза есть прежде всего род судебных экспертиз, и на нее, как и на другие роды и виды экспертных исследований, полностью распространяются общие теория и методология судебной экспертизы, которые восходят к криминалистическим наукам» [3, с. 156].

Судебная лингвистическая экспертиза как

самостоятельный род экспертных исследований появилась в государственных судебно-экспертных учреждениях Минюста России, МВД России в начале 2000-х гг. (до этого момента она считалась видом автороведческой экспертизы). Ее можно обнаружить в приказе Министерства юстиции Российской Федерации «Об утверждении Перечня родов (видов) экспертиз, выполняемых в государственных судебно-экспертных учреждениях Министерства юстиции Российской Федерации, и Перечня экспертных специальностей, по которым предоставляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в государственных судебно-экспертных учреждениях Министерства юстиции Российской Федерации» от 14 мая 2003 г. № 114 (утратил силу), приказе МВД России «Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации» (вместе с «Инструкцией по организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации», «Перечнем родов (видов) судебных экспертиз, производимых в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации») от 29 июня 2005 г. № 511.

Судебная лингвистическая экспертиза представляет собой «род судебной экспертизы, в основе которой лежит криминалистическое исследование устной (звучащей) речи и письменных текстов в целях решения вопросов смыслового понимания (в том числе для установления наличия / отсутствия информации о событиях и ситуациях; оценочных характеристик лица, их свойств и действий; побуждения кого-либо к какому-либо действию в речевом акте; показателей взаимоотношений участников разговора, указывающих на ролевые функции коммуникантов, характер их взаимодействия)» [15]. Е. И. Галяшина определяет судебную лингвистическую экспертизу как «процессуальное действие, состоящее из исследования текста и завершающееся дачей письменного заключения эксперта-лингвиста по вопросам, разрешение которых требует применения специальных лингвистических знаний, в целях установления фактов и обстоятельств, имеющих значение доказательств» [16].

Правом производства лингвистической экспертизы наделены как государственные, так и негосударственные судебно-экспертные учреждения. К первым относятся Российский федеральный центр судебной экспертизы имени профессора А. Р. Шляхова при Министерстве юстиции Российской Федерации, региональные центры судебной экспертизы и судебно-экспертные лаборатории; экспертно-криминалистические подразделения МВД России, организаци-

онно-методическое руководство которыми осуществляет Экспертно-криминалистический центр МВД России (ЭКЦ МВД России)). Ко вторым – «некоммерческие организации (некоммерческие партнерства, частные учреждения или автономные некоммерческие организации), созданные в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации и Федеральным законом „О некоммерческих организациях“, осуществляющие судебно-экспертную деятельность в соответствии с принятыми ими уставами» [17]. Однако здесь необходимо подчеркнуть, что экспертизы по некоторым категориям дел, например по уголовным делам о терроризме и экстремизме, правомочны производить только государственные судебно-экспертные учреждения [18]. Е. Р. Россинская, Е. И. Галяшина отмечают, что в негосударственные судебно-экспертные учреждения обращаются в тех случаях, когда судебные экспертизы того иного рода или вида не выполняются в государственных судебно-экспертных учреждениях России или конкретного субъекта Федерации; эксперты государственных судебно-экспертных учреждений загружены другими исследованиями или отсутствуют по причине отпуска или болезни, а дело не терпит отлагательства; в данном учреждении имеется известный специалист в той или иной области знаний, исключительные условия или уникальное оборудование для производства экспертизы; у участников уголовного судопроизводства есть сомнения в объективности и беспристрастности эксперта сотрудников государственного судебно-экспертного учреждения или даже государственных судебных экспертов вообще [4, с. 87].

Правовую основу лингвистической экспертизы составляют: Конституция Российской Федерации; Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ); Федеральный закон «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ; приказы Министерства юстиции Российской Федерации «Об утверждении Инструкции по организации производства судебных экспертиз в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Министерства юстиции Российской Федерации» от 28 декабря 2023 г. № 404, «Об утверждении Перечня родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России, и Перечня экспертных специальностей, по которым предоставляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России» от 20 апреля 2023 г. № 72; приказ МВД России «Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических под-

разделениях органов внутренних дел Российской Федерации» (вместе с «Инструкцией по организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации», «Перечнем родов (видов) судебных экспертиз, производимых в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации») от 29 июня 2005 г. № 511; постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной экспертизе по уголовным делам» от 21 декабря 2010 г. № 28.

Задачи судебной лингвистической экспертизы заключаются в установлении и разъяснении значения единиц языка, а также смыслового содержания высказываний и текстов, которое может быть имплицитным (завуалированным); выявлении формы выражения информации и отнесении ее к определенному классу высказываний (утверждение, предположение, мнение и др.); исследовании товарных знаков, рекламных слоганов на предмет их сходства до степени смешения с иными зарегистрированными или заявленными товарными знаками, слоганами и др. Е. И. Галяшина пишет: «Лингвистический анализ за последние 20 лет прочно вошел в практику судопроизводства не только в целях криминалистической идентификации и диагностики личности говорящего по фонограммам голоса и речи, установления автора спорного, анонимного или псевдоанонимного текста, но и для выявления всевозможных фальсификаций и мистификаций речевых произведений, выявления признаков монтажа, установления личностных характеристик говорящего или пишущего в момент речи, условий и обстоятельств речевой коммуникации в момент порождения речи и др.» [5, с. 690]. Судебная лингвистическая экспертиза часто необходима при расследовании таких преступлений, как клевета (ст. 128.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ)); публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ); публичные действия, направленные на дискредитацию Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности, исполнения государственными органами Российской Федерации своих полномочий, оказания добровольческими формированиями, организациями или лицами содействия в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации или войска национальной гвардии Российской Федерации (ст. 280.3 УК РФ); реабилитация нацизма (ст. 354.1 УК РФ), незаконный оборот наркотических средств (ст. 228–230 УК РФ) и др.

Заключение

Таким образом, в завершение работы сде-

лаем следующий вывод: несмотря на то, что судебная лингвистическая экспертиза прошла относительно небольшой путь, в настоящее время она зарекомендовала себя с положительной стороны как одно из средств доказывания по различным категориям уголовных и гражданских дел, позволяющее установить истинный смысл сказанного (написанного), выявить форму выражения информации и отнести ее к определенному классу высказываний (утверждение, предположение, мнение и др.); исследовать товарные знаки, рекламные слоганы и др.

Список литературы:

- [1] Будаев Э. В. Зарубежная юридическая лингвистика: генезис дисциплины // Политическая лингвистика. 2019. № 1 (73). С. 122–126.
- [2] Голев Н. Д. Самоопределение юридической лингвистики в России // Юрислингвистика. 2007. № 8. С. 7–13.
- [3] Новожилова Е. В., Донскова Ю. В. Требования к научным методам судебной лингвистической экспертизы // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. 2022. № 5. С. 156–162.
- [4] Россинская Е. Р., Галяшина Е. И. Настольная книга судьи: судебная экспертиза. М.: Проспект, 2010. 464 с.
- [5] Галяшина Е. И. Феномен судебного речеведения // Лингвистическая полифония: сб. ст. в честь юбилея профессора Р. К. Потаповой. М.: Языки славянских культур, 2007. С. 688–709.
- [6] См.: Судебная лингвистика: когда появилась и как развивалась. Ч. 1. URL: https://ceur.ru/library/articles/lingvisticheskaja_jekspertiza/item351234/ (дата обращения: 22.05.2025).
- [7] Николаева Е. История «Правила Миранды»: как один рецидивист полностью поменял американское правосудие. URL: <https://www.techinsider.ru/history/1694661-ernesto-miranda-kak-recidivist-polnostyupomenyal-amerikanskoe-pravosudie/> (дата обращения: 23.05.2025).
- [8] Экспертные байки от Галяшиной: Правило Миранды. URL: https://zen.ru/a/Z8_A5mSc3w307_L8 (дата обращения: 23.05.2025).
- [9] См.: Лингвистическая экспертиза (1). URL: https://english934.ru/themes/-lost_and_found/forensic_linguistics (дата обращения: 23.05.2025).
- [10] См.: Дело Унабомбера: за что отбывает пожизненный срок тезка двух польских президентов. URL: <https://kulturologia.ru/blogs/010618/39151/> (дата обращения: 23.05.2025); Детективное языковедение: как ФБР раскрывает преступления при помощи штатных филологов и лингвистов. URL: <https://www.ixbt.com/live/offtopic/filolo-gicheskiy-detektiv---kak-filologi-fbr-raskryvayut-prestupleniya.html> (дата обра-

ния: 23.05.2025);

[11] См.: лингвистическая экспертиза высокой точности. URL: <https://www.lingvisticheskaia-ekspertiza.com/post/2018/12/27/-d0-9a-d0-9e-d0-9c-d0-9f-d0-9b-d0-95-d0-9a-d0-a1-d0-9d-d0-90-d0-af-d0-a1-d0-a3-d0-94-d0> (дата обращения: 23.05.2025).

[12] Грачев М. А. Актуальные проблемы лингвокриминалистики как науки. URL: <https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=...М.А.-Grachev.pdf&text..%3D1> (дата обращения: 23.05.2025).

[13] См.: лингвистическая экспертиза высокой точности. URL: <https://www.lingvisticheskaia-ekspertiza.com/post/2018/12/27/-d0-9a-d0-9e-d0-9c-d0-9f-d0-9b-d0-95-d0-9a-d0-a1-d0-9d-d0-90-d0-af-d0-a1-d0-a3-d0-94-d0> (дата обращения: 23.05.2025).

[14] См.: Гильдия экспертов-лингвистов по документационным и информационным спорам. URL: <https://rusexpert.ru/about/priorities> (дата обращения: 23.05.2025).

[15] Лингвистическая экспертиза. URL: <http://sec.sledcom.ru/categories/lingvo.html> (дата обращения: 23.05.2025).

[16] Галяшина Е. И. Судебная лингвистическая экспертиза: учебник. URL: <https://books.yandex.ru/books/DIVUsM3f/read-online> (дата обращения: 23.05.2025).

[17] О судебной экспертизе по уголовным делам: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2010 г. № 28. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108437/ (дата обращения: 23.05.2025).

[18] См.: Слово не воробей: зачем нужна лингвистическая экспертиза. URL: <https://veta.expert/media/zachem-lingvisticheskaya-expertiza/> (дата обращения: 23.05.2025).

References:

[1] Budaev E.V. Foreign legal linguistics: the genesis of the discipline // Political linguistics. 2019. № 1 (73). S. 122-126.

[2] Golev N.D. Self-determination of legal linguistics in Russia // Jurislinguistics. 2007. № 8. S. 7-13.

[3] Novozhilova E. V., Donskova Yu. V. Requirements for scientific methods of forensic linguistic expertise // Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky. 2022. № 5. S. 156-162.

[4] Rossinskaya E.R., Galyashina E.I. The judge's handbook: forensic examination. M.: Prospect, 2010. 464 p.

[5] Galyashina E.I. The phenomenon of forensic speech // Linguistic polyphony: Sat. Art. in honor of the anniversary of Professor R.K. Potapova. M.: Languages of Slavic cultures, 2007. S. 688-709.

[6] See: Forensic linguistics: when appeared and how developed. PART 1. URL: https://ceur.ru/library/articles/lingvisticheskaja_ekspertiza/item351234/ (дата обращения: 22.05.2025).

[7] Nikolaeva E. The story of the Miranda Rules: how one repeat offender completely changed American justice. URL: <https://www.techinsider.ru/history/1694661-ernesto-miranda-kak-recidivist-polnostyu-pomenyal-amerikanskoe-pravosudie/> (дата обращения: 23.05.2025).

[8] Expert tales from Galyashina: Miranda Rule. URL: https://dzen.ru/a/Z8_A5mSc3w307_L8 (access date: 23.05.2025).

[9] See: Linguistic expertise (1). URL: https://english934.ru/themes/-lost_and_found/forensic_linguistics (дата обращения: 23.05.2025).

[10] See: Unabomber case: For which the namesake of two Polish presidents is serving a life sentence. URL: <https://kulturologia.ru/blogs/010618/39151/> (access date: 23.05.2025); Detective linguistics: how the FBI solves crimes with the help of full-time philologists and linguists. URL: <https://www.ixbt.com/live/offtopic/filolo-gicheskiy-detektiv---kak-filologi-fbr-raskryvayut-prestupleniya.html> (дата обращения: 23.05.2025);

[11] See: linguistic expertise of high accuracy. URL: <https://www.lingvisticheskaia-ekspertiza.com/post/2018/12/27/-d0-9a-d0-9e-d0-9c-d0-9f-d0-9b-d0-95-d0-9a-d0-a1-d0-9d-d0-90-d0-af-d0-a1-d0-a3-d0-94-d0> (Accessed on: 23.05.2025).

[12] Grachev M. A. Actual problems of linguocriminalism as a science. URL: <https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=...М.А.-Grachev.pdf&text..%3D1> (access date: 23.05.2025).

[13] See: linguistic expertise of high accuracy. URL: <https://www.lingvisticheskaja-ekspertiza.com/post/2018/12/27/-d0-9a-d0-9e-d0-9c-d0-9f-d0-9b-d0-95-d0-9a-d0-a1-d0-9d-d0-90-d0-af-d0-a1-d0-a3-d0-94-d0> (access date: 23.05.2025).

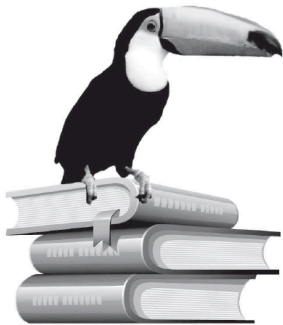
[14] See: Guild of Expert Linguists in Documentation and Information Disputes. URL: <https://rusexpert.ru/about/priorities> (access date: 23.05.2025).

[15] Linguistic expertise. URL: <http://sec.sledcom.ru/categories/lingvo.html> (access date: 23.05.2025).

[16] Galyashina E. I. Forensic linguistic examination: textbook. URL: <https://books.yandex.ru/books/DIVUsM3f/read-online> (дата обращения: 23.05.2025).

[17] On forensic examination in criminal cases: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 21, 2010 No. 28. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108437/ (access date: 23.05.2025).

[18] See: The word not sparrow: why linguistic expertise is needed. URL: <https://veta.expert/media/>

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

АРСЕНТЬЕВА Надежда Анатольевна,
к.и.н., доцент кафедры правового регулирования
бизнеса и гражданского судопроизводства
Московского университета «Синергия»,
e-mail: NArsenteva@synergy.ru

БУТКОВ Александр Владимирович,
к.ю.н., доцент кафедры правового регулирования
бизнеса и гражданского судопроизводства
Московского университета «Синергия»,
e-mail: a.butkov@mail.ru,

ФИРСТОВ Андрей Борисович,
к.ю.н., доцент кафедры правового регулирования
бизнеса и гражданского судопроизводства
Московского университета «Синергия»,
e-mail: firstovab@inbox.ru

ПРОИЗВОДСТВО ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ У МИРОВОГО СУДЬИ: КОМПЕТЕНЦИЯ, СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА И НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Аннотация. Статья посвящена исследованию процессуального режима рассмотрения гражданских дел, отнесённых к компетенции мирового судьи. Последовательно анализируются предметный и стоимостной критерии родовой подсудности, механизм определения цены иска, а также последствия разъединения взаимосвязанных требований. Стоит отметить, что отдельный интерес представляют особенности приказного, искового, упрощённого и заочного производств. Как показывает практика, не менее важен порядок апелляционной проверки постановлений мирового судьи районным судом.

Обосновывается вывод: производство у мирового судьи не образует самостоятельной формы гражданского судопроизводства. Применяются общие правила ГПК РФ, а специфика предопределяется составом подсудных дел, сокращённым сроком рассмотрения, концентрацией приказного производства и факультативным характером составления мотивированного решения. Но разве это означает, что особенности отсутствуют вовсе? Обращает на себя внимание тот факт, что они носят скорее количественный, чем качественный характер.

Аргументируется необходимость увеличения стоимостных пределов родовой подсудности – до 100 000 рублей по делам о разделе между супругами совместно нажитого имущества и иным имущественным спорам, и до 200 000 рублей по имущественным спорам, возникающим в сфере защиты прав потребителей. При этом предлагается ввести механизм периодической индексации указанных пределов (с учётом инфляции).

Предлагается учитывать при образовании и изменении судебных участков не только численность населения, но и фактическую судебную нагрузку, исчисляемую с применением коэффициентов трудоёмкости. Кроме того, необходимо усилить процессуальные гарантии извещения должника о вынесении судебного приказа и установить федеральный минимальный стандарт технического обеспечения судебного участка.

Ключевые слова: мировой судья; гражданское судопроизводство; родовая подсудность; цена иска; судебный приказ; упрощённое производство; заочное решение; апелляционное производство; судебная нагрузка; электронное правосудие.

ARSENTIEVA Nadezhda Anatolyevna,
Ph.D., Associate Professor, Department of Legal
Regulation of Business and Civil Proceedings,
Moscow University Synergy

BUTKOV Alexander Vladimirovich,
Ph.D., Associate Professor, Department of Legal
Regulation of Business and Civil Procedure, Moscow
University "Synergy"

FIRSTOV Andrey Borisovich,
Ph.D., Associate Professor, Department of Legal
Regulation of Business and Civil Procedure, Moscow
University "Synergy"

CIVIL PROCEEDINGS BEFORE A JUSTICE OF THE PEACE: COMPETENCE, JURISPRUDENCE AND AREAS OF IMPROVEMENT OF PROCEDURAL LEGISLATION

Annotation. The article is devoted to the study of the procedural regime for considering civil cases within the competence of a magistrate. The subject and cost criteria of generic jurisdiction, the mechanism for determining the price of a claim, as well as the consequences of disconnecting related claims are consistently analyzed. It is worth noting that of particular interest are the features of order, claim, simplified and correspondence proceedings. As practice shows, the procedure for appellate verification of the decisions of the magistrate by the district court is no less important.

The conclusion is justified: the proceedings of the magistrate do not form an independent form of civil proceedings. The general rules of the Code of Civil Procedure of the Russian Federation apply, and the specifics are predetermined by the composition of the cases under jurisdiction, the reduced period of consideration, the concentration of order proceedings and the optional nature of the reasoned decision. But does this mean that there are no features at all? Noteworthy is the fact that they are more quantitative than qualitative in nature.

The need to increase the cost limits of generic jurisdiction is argued - up to 100,000 rubles in cases of division between spouses of jointly acquired property and other property disputes, and up to 200,000 rubles in property disputes arising in the field of consumer protection. At the same time, it is proposed to introduce a mechanism for periodic indexation of these limits (taking into account inflation).

It is proposed to take into account in the formation and change of judicial sections not only the population, but also the actual judicial burden, calculated using labor intensity factors. In addition, it is necessary to strengthen the procedural guarantees of notifying the debtor of the issuance of a court order and establish a federal minimum standard for the technical support of the judicial section.

Key words: Justice of the Peace; civil proceedings; generic jurisdiction; the price of the claim; a court order; simplified production; absentee decision; appeal proceedings; judicial burden; e-justice.

Введение

Право на судебную защиту, закреплённое частью 1 статьи 46 Конституции Российской Федерации, важно не само по себе, а как реально работающий механизм [1]. Он должен гарантировать рассмотрение спора в разумный срок при территориальной, организационной и экономической доступности суда.

И здесь гарантия обретает практическое содержание. Мировые судьи разрешают преобладающую часть гражданских дел – по данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ,

это порядка 65–70% всех поступлений, – характеризующихся невысокой ценой иска либо относительной фактической и юридической несложностью спора [2]. Парадоксально, но именно этот, казалось бы, «низовой» уровень обеспечивает и приближённость правосудия к населению, и рациональное распределение нагрузки внутри системы судов первой инстанции.

Согласно пункту 1 статьи 1 Федерального закона от 17 декабря 1998 г. № 188-ФЗ (ред. от 01.07.2021) «О мировых судьях в Российской Федерации» мировые судьи являются

судьями общей юрисдикции субъектов Российской Федерации и входят в единую судебную систему страны [3]. Их правовое положение отличается дуализмом регулирования: компетенция, порядок судопроизводства и правила пересмотра судебных постановлений устанавливаются исключительно федеральным законом, тогда как назначение (избрание) на должность, создание и упразднение судебных участков, а равно организационное и материально-техническое обеспечение деятельности отнесены преимущественно к ведению субъектов Российской Федерации. Эта двойственность порождает главную черту исследуемого института: процессуальная унификация сосуществует с существенной региональной дифференциацией фактических условий осуществления правосудия. На практике это значит, что мировой судья в Москве и его коллега в сельском районе работают по одним правилам ГПК РФ, но в разных условиях.

Цель настоящего исследования – определить пределы компетенции мирового судьи в гражданском судопроизводстве, выявить особенности рассмотрения отдельных категорий подсудных ему дел и сформулировать научно обоснованные предложения по изменению ГПК РФ и Федерального закона от 17 декабря 1998 г. № 188-ФЗ (ред. от 01.07.2021) «О мировых судьях в Российской Федерации».

Обсуждение и результаты

Каковы реальные пределы компетенции мирового судьи в гражданском процессе? Круг дел, подсудных мировому судье в качестве суда первой инстанции, определён частью 1 статьи 23 ГПК РФ (в редакции Федерального закона от 28 ноября 2018 г. № 451-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации») и включает: дела о выдаче судебного приказа; дела о расторжении брака, если между супругами отсутствует спор о детях; дела о разделе между супругами совместно нажитого имущества при цене иска, не превышающей 50 000 рублей; иные имущественные споры, за исключением дел о наследовании имущества и дел, возникающих из отношений по созданию и использованию результатов интеллектуальной деятельности, при цене иска, не превышающей 50 000 рублей; имущественные споры, возникающие в сфере защиты прав потребителей, при цене иска, не превышающей 100 000 рублей [4].

Действующая нумерация соответствующих пунктов части 1 статьи 23 ГПК РФ – с первого по пятый. Встречающееся в литературе и правоприменительной практике обозначение потребительских споров как «пункта 6» воспроизводит утратившую силу редакцию нормы и не может использоваться при формулировании законодательных предложений.

Приведённый перечень построен на сочетании двух критериев родовой подсудности. Предметный критерий относит дело к компетенции мирового судьи в силу самого характера требования, независимо от его денежной оценки (дела о выдаче судебного приказа, дела о расторжении брака при отсутствии спора о детях). Стоимостный критерий применяется к требованиям имущественного характера и предполагает соотнесение цены иска с законодательно установленным пределом [5, с. 64].

Цена иска определяется по правилам статьи 91 ГПК РФ: по требованиям о взыскании денежных средств – исходя из взыскиваемой суммы; по требованиям об истребовании имущества – исходя из его стоимости. При заявлении взаимосвязанных требований о взыскании основного долга, неустойки и процентов родо-вая подсудность определяется по их общей сумме, поскольку каждое из них имеет самостоятельную имущественную оценку и подлежит включению в цену иска. Практика искусственного разъединения требований, вытекающих из одного и того же обязательства, с целью «подведения» спора под компетенцию мирового судьи заслуживает критической оценки.

Само по себе распоряжение истцом объёмом судебной защиты представляет собой реализацию принципа диспозитивности и не может квалифицироваться как злоупотребление процессуальным правом. Однако там, где предмет доказывания по разделённым требованиям тождествен, а рассмотрение их различными судами первой инстанции создаёт риск принятия противоречащих друг другу постановлений, суду надлежит устанавливать действительную материально-правовую взаимосвязь требований, не ограничиваясь их формальной квалификацией истцом.

Наличие в деле иностранного элемента не изменяет родовую подсудность. В силу части 1 статьи 398 ГПК РФ иностранные граждане, лица без гражданства и иностранные организации пользуются процессуальными правами наравне с российскими субъектами; компетенция мирового судьи определяется характером и ценой предъявленного требования, а не гражданством стороны либо местом её учреждения.

Индивидуальные трудовые споры по общему правилу отнесены к подсудности районного суда (статья 24 ГПК РФ). Вместе с тем требования о взыскании начисленной, но не выплаченной заработной платы, оплаты отпуска, выплат при увольнении и иных сумм, начисленных работнику, при соблюдении условий статей 121–122 ГПК РФ разрешаются мировым судьёй в порядке приказного производства.

Аналогичен подход к алиментным требованиям: при отсутствии спора об отцовстве (мате-

ринстве) и необходимости привлечения третьих лиц требование о взыскании алиментов на несовершеннолетних детей может быть разрешено выдачей судебного приказа; напротив, соединение алиментного требования с требованием об установлении отцовства, об определении места жительства ребёнка или об оспаривании отцовства исключает приказное производство и относит дело к компетенции районного суда.

Динамика подсудности урегулирована частью 3 статьи 23 ГПК РФ: если в результате объединения связанных между собой требований, изменения предмета иска или предъявления встречного иска дело становится подсудным районному суду, мировой судья выносит определение о передаче дела и направляет его в районный суд. Существенно, что споры о подсудности между мировым судьёй и районным судом не допускаются (часть 4 статьи 33 ГПК РФ), а дело, принятое к производству с соблюдением правил подсудности, подлежит разрешению тем же судом – в этом проявляется требование правовой определённости и запрет произвольного изменения законного состава суда, вытекающий из части 1 статьи 47 Конституции Российской Федерации.

Исковое производство у мирового судьи возбуждается на основании заявления, отвечающего требованиям статей 131–132 ГПК РФ и подаваемого как на бумажном носителе, так и в электронной форме. В течение пяти дней со дня поступления заявления мировой судья разрешает вопрос о его принятии (статья 133 ГПК РФ), причём три возможных процессуальных решения влекут принципиально различные последствия.

Отказ в принятии заявления (статья 134 ГПК РФ) исключает повторное обращение в суд с тождественным требованием; возвращение заявления (статья 135 ГПК РФ) не препятствует повторной подаче после устранения допущенного нарушения; оставление заявления без движения (статья 136 ГПК РФ) предоставляет заявителю срок для исправления недостатков, при своевременном устранении которых заявление считается поданным в день первоначального обращения. Смешение этих институтов в правоприменительной практике недопустимо, поскольку влечёт различный объём ограничения права на доступ к суду.

После принятия заявления к производству подготовка дела к судебному разбирательству является обязательной по каждому гражданскому делу (часть 2 статьи 147 ГПК РФ): уточняются фактические обстоятельства, состав лиц, участвующих в деле, определяется подлежащее применению право, разрешаются вопросы о доказательствах и создаются условия для примирения сторон. Активная роль мирового судьи на этой стадии не тождественна собиранию доказательств

вместо сторон: в силу части 1 статьи 56 ГПК РФ каждая сторона доказывает те обстоятельства, на которые ссылается, тогда как суд определяет юридически значимые обстоятельства, распределяет бремя доказывания и оказывает содействие в получении доказательств, самостоятельное представление которых для стороны затруднительно.

Согласно части 1 статьи 154 ГПК РФ дела рассматриваются мировым судьёй до истечения месяца со дня принятия заявления к производству. Сокращённый по сравнению с общим срок не может служить оправданием редукции доказательственной деятельности: он адресован суду как организационное требование и не изменяет стандартов исследования доказательств, разрешения ходатайств и мотивирования выводов.

Изложенное позволяет утверждать, что производство у мирового судьи не образует самостоятельной процессуальной формы. Исковые дела рассматриваются по общим правилам ГПК РФ, а специфика проявляется в составе подсудных дел, сокращённом сроке рассмотрения, концентрации приказного производства, факультативном характере составления мотивированного решения и особом порядке апелляционного пересмотра районным судом.

Приказное, упрощённое и заочное производство, нередко объединяемые в литературе понятием «ускоренных», имеют различную правовую природу [6, с. 225]. Судебный приказ выносится единолично судьёй по бесспорным требованиям, перечисленным в статье 122 ГПК РФ, без судебного разбирательства и вызова сторон, при условии, что размер денежных сумм или стоимость движимого имущества не превышает 500 000 рублей (часть 1 статьи 121 ГПК РФ). Упрощённое производство представляет собой специальный порядок рассмотрения искового дела, в котором спор разрешается преимущественно на основании письменных материалов при сохранении состязательного начала (глава 21.1 ГПК РФ). Заочное производство применяется при неявке надлежащим образом извещённого ответчика и является следствием реализации принципов состязательности и процессуальной активности сторон (статья 233 ГПК РФ).

Судебный приказ обладает двойственной природой: он является одновременно судебным постановлением и исполнительным документом. Должник вправе в течение десяти дней со дня получения копии приказа представить возражения относительно его исполнения (статья 128 ГПК РФ), и при своевременном поступлении таких возражений мировой судья обязан отменить приказ независимо от их содержания и мотивов несогласия (статья 129 ГПК РФ). Отмена приказа не свидетельствует о необоснованности требова-

ния: взыскателю разъясняется право предъявить его в порядке искового производства.

Заочное решение может быть принято при совокупности условий: ответчик извещён надлежащим образом, не явился в судебное заседание, не сообщил об уважительных причинах неявки, не просил о рассмотрении дела в его отсутствие, а истец не возражает против такого порядка. Для отмены заочного решения ответчику необходимо доказать совокупность обстоятельств, предусмотренных статьёй 242 ГПК РФ: уважительность причин неявки, невозможность своевременного сообщения о них суду, а также наличие обстоятельств и доказательств, способных повлиять на содержание решения.

В силу части 1 статьи 195 ГПК РФ решение мирового судьи должно быть законным и обоснованным. При отсутствии соответствующего заявления лиц, участвующих в деле, мотивированное решение может не составляться (части 3–5 статьи 199 ГПК РФ): лица, присутствовавшие в судебном заседании, вправе подать такое заявление в течение трёх дней со дня объявления резолютивной части, отсутствовавшие – в течение пятнадцати дней, а мотивированное решение составляется в течение десяти дней со дня поступления заявления. Данная конструкция служит процессуальной экономии, однако требует от суда безупречной информированности участников процесса о порядке и сроках реализации соответствующего права, поскольку от составления мотивированного решения зависит эффективность последующего обжалования.

Решение мирового судьи обжалуется в апелляционном порядке в районный суд в течение месяца со дня принятия решения в окончательной форме; жалоба подётся через мирового судью, постановившего решение (статьи 320–321 ГПК РФ). Новые доказательства принимаются судом апелляционной инстанции лишь при обосновании невозможности их представления в суд первой инстанции по причинам, не зависящим от лица, ссылающегося на них (часть 1 статьи 327.1 ГПК РФ).

Разграничение компетенции требует установления правовой природы и цены каждого заявленного требования. Формальное указание истцом суммы иска не освобождает мирового судью от проверки правильности расчёта цены иска и от выявления требований, исключённых из его компетенции в силу прямого указания закона.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о методологической корректности эмпирической базы исследований подсудности. Карточка материала № М-31503618/315/2024, размещённая на официальном портале судов общей юрисдикции города Москвы, подтверждает лишь факт поступления заявления и совершения отдельных про-

цессуальных действий [4]. Индекс «М» обозначает регистрацию материала, а не рассмотренного гражданского дела; при отсутствии опубликованного мотивированного постановления такая карточка не позволяет установить фактические обстоятельства, процессуальные позиции участников и правовой вывод мирового судьи, а следовательно, не может служить подтверждением устойчивого направления судебной практики. По той же причине ссылка на реквизиты апелляционного определения от 20 января 2017 г. № 11-134/2016 (11-2/2017) приобретает доказательственное значение только при раскрытии предмета спора, применённых норм и правового вывода апелляционной инстанции [8]; перечисление реквизитов судебных актов без анализа их содержания не является исследованием судебной практики.

В содержательном отношении необходимо указать, что при неподсудности требования данному суду исковое заявление подлежит возвращению на основании пункта 2 части 1 статьи 135 ГПК РФ. Соответственно, встречающееся в литературе утверждение об «отказе в принятии заявления вследствие превышения цены иска» процессуально ошибочно: основания и последствия отказа в принятии заявления (статья 134 ГПК РФ) принципиально иные и связаны с невозможностью рассмотрения требования в порядке гражданского судопроизводства либо с наличием вступившего в законную силу судебного акта по тождественному спору [9, с. 76].

Разъяснения по вопросам приказного производства содержатся в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2016 г. № 62 (ред. от 05.04.2022) «О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации о приказном производстве». Согласно пункту 3 названного Постановления требования, рассматриваемые в порядке приказного производства, должны быть бесспорными, то есть подтверждёнными письменными доказательствами, достоверность которых не вызывает сомнений, и признаваемыми должником [10]. Признание требования не может отождествляться с бездействием должника до обращения взыскателя в суд: мировой судья обязан удостовериться в наличии задолженности, наступлении срока исполнения и отсутствии явного спора о праве. Если представленные документы свидетельствуют о возражениях должника относительно основания, размера или срока исполнения обязательства, приказное производство применяться не должно; при наличии спора о праве мировой судья отказывает в принятии заявления о вынесении судебного приказа (пункт 3 части 3 статьи 125 ГПК РФ, пункт 25 Постановления Пленума Верховного Су-

да РФ от 27 декабря 2016 г. № 62 (ред. от 05.04.2022) «О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации о приказном производстве»), что не препятствует последующему предъявлению требования в исковом порядке. Разрешение спорного материального правоотношения без вызова сторон и состязательного исследования доказательств несовместимо с сущностью правосудия.

Возражения должника относительно исполнения судебного приказа не обязаны содержать мотивов несогласия: для отмены приказа достаточно самого факта выраженного несогласия (пункт 31 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2016 г. № 62 (ред. от 05.04.2022) «О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации о приказном производстве»), и мировой судья не вправе оценивать убедительность возражений либо требовать представления доказательств отсутствия задолженности. Возражения, поступившие по истечении десятидневного срока, подлежат учёту при условии обоснования должником невозможности их своевременного представления по причинам, не зависящим от него (пункты 33–34 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2016 г. № 62 (ред. от 05.04.2022) «О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации о приказном производстве»); к таким обстоятельствам могут относиться болезнь, отсутствие по месту жительства по уважительной причине, нарушение организацией почтовой связи правил доставки корреспонденции.

Между тем практика демонстрирует систематическую проблему: ненадлежащее извещение должника нередко обнаруживается лишь после возбуждения исполнительного производства и списания денежных средств. В такой ситуации должник вынужден последовательно добиваться отмены судебного приказа, поворота его исполнения и прекращения исполнительного производства, а достигнутая на стадии выдачи приказа процессуальная экономия полностью утрачивается, поскольку фактической возможности представить возражения он не имел. Значит, эффективность приказного производства напрямую зависит от надёжности механизма доведения приказа до должника [11, с. 66].

Упрощённое производство подлежит применению с учётом Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 18.04.2017 N 10 (ред. от

05.04.2022) «О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации об упрощённом производстве», согласно пункту 1 которого оно представляет собой специальный порядок рассмотрения исковых дел, а не разновидность приказного производства [12]. Стороны сохраняют право представлять доказательства, возражения и объяснения, а суд разрешает спор по существу. При необходимости выяснить дополнительные обстоятельства, назначить экспертизу, допросить свидетеля либо непосредственно исследовать доказательства суд переходит к рассмотрению дела по общим правилам искового производства (часть 4 статьи 232.2 ГПК РФ). Процессуальная экономия, таким образом, не может служить самостоятельным основанием для ограничения права сторон на полное и всестороннее исследование обстоятельств дела.

Обобщение правоприменительной практики позволяет выделить три типичные ошибки: неправильное разграничение возвращения заявления и отказа в его принятии; применение приказного производства при наличии спора о праве; формальное признание должника извещённым без установления действительных обстоятельств вручения копии судебного приказа. Их устранение требует уточнения отдельных положений ГПК РФ и повышения качества правоприменения, но не учреждения самостоятельной процессуальной формы для мировых судей, что лишь усложнило бы систему процессуального регулирования без соразмерного положительного эффекта.

Наиболее существенным дефектом действующего регулирования следует признать несоответствие стоимостных критериев подсудности изменившимся экономическим условиям. Предел в 50 000 рублей, установленный для дел о разделе между супругами совместно нажитого имущества и для большинства иных имущественных споров, а равно предел в 100 000 рублей по спорам в сфере защиты прав потребителей были определены более десятилетия назад и с тех пор не корректировались, несмотря на кумулятивный рост потребительских цен. Показательна и внутренняя асимметрия закона: в порядке приказного производства мировой судья разрешает требования на сумму до 500 000 рублей, тогда как в исковом порядке – лишь до 50 000 рублей, что затруднительно объяснить различием в юридической сложности дел.

Цена требования вообще не является исчерпывающим показателем процессуальной сложности. Имущественный спор на сумму 60 000 рублей, основанный на одном договоре и не требующий ни экспертизы, ни допроса свидетелей, в силу закона подсуден районному суду, тогда

как дело о расторжении брака рассматривается мировым судьёй независимо от имущественного положения супругов при отсутствии спора о детях. Данное обстоятельство подтверждает, что стоимостной критерий выполняет прежде всего функцию распределения нагрузки, а потому его величина должна определяться с учётом актуальных статистических данных о нагрузке, а не сохраняться неизменной в течение десятилетий [13, с. 312].

Одновременно необходимо учитывать риски. Повышение стоимостного предела без корреспондирующих организационных изменений неизбежно увеличит нагрузку на мировых судей, которые рассматривают также дела об административных правонарушениях, уголовные дела определённых категорий и значительное количество заявлений о вынесении судебных приказов, доминирующих в структуре поступающих материалов согласно данным судебной статистики [2]. Передача имущественных споров из районных судов без увеличения численности работников аппарата и количества судебных участков предсказуемо приведёт к нарушению процессуальных сроков.

Отсюда следует необходимость реформирования системы учёта нагрузки. Судебная статистика должна отражать различную трудоёмкость производств: вынесение судебного приказа осуществляется без судебного заседания и на основании письменных документов, тогда как исковое дело с экспертизой, допросом свидетелей и встречным иском требует несопоставимо большего объёма работы. Присвоение этим производствам одинакового «веса» при оценке нагрузки методологически несостоятельно; количество окончанных производств без применения коэффициентов сложности не отражает действительный объём судебной работы.

Существенное значение имеет и разнородность организационного обеспечения. Поскольку оно в значительной части отнесено к ведению субъектов Российской Федерации, различия в бюджетных возможностях регионов непосредственно отражаются на состоянии помещений судебных участков, численности аппарата, доступе к информационным системам, возможности проведения заседаний посредством видеоконференц-связи и на скорости направления судебной корреспонденции. При этом цифровые средства осуществления правосудия уже предусмотрены ГПК РФ, и их повторная «легализация» не требуется: задача состоит в обеспечении фактической доступности этих средств на каждом судебном участке, совместимости региональных систем с федеральными сервисами и возможности подтверждённого электронного извещения участников процесса.

С учётом изложенного действующие стоимостные пределы части 1 статьи 23 ГПК РФ подлежат увеличению.

Пункт 3 части 1 статьи 23 ГПК РФ предлагается изложить в следующей редакции: «дела о разделе между супругами совместно нажитого имущества при цене иска, не превышающей ста тысяч рублей». В пункте 4 части 1 статьи 23 ГПК РФ слова «пятидесяти тысяч рублей» следует заменить словами «ста тысяч рублей»; в пункте 5 слова «ста тысяч рублей» – словами «двухсот тысяч рублей».

Дифференциация пределов для обычных имущественных и потребительских споров соответствует уже сложившемуся законодательному подходу и не привносит в систему подсудности чуждых ей начал. Повышенный предел по потребительским спорам обусловлен их массовым характером и необходимостью обеспечить территориально доступную защиту гражданина как экономически более слабой стороны правоотношения.

Статью 23 ГПК РФ предлагается дополнить частью 1.1 следующего содержания: «Стоимостные пределы, установленные пунктами 3, 4 и 5 части первой настоящей статьи, подлежат пересмотру федеральным законом не реже одного раза в три года с учётом индекса потребительских цен и официальных сведений о нагрузке на мировых судей и районные суды». Принципиально, что изменение родовой подсудности должно осуществляться исключительно федеральным законом: передача такого полномочия органу исполнительной власти несовместима с частью 1 статьи 47 Конституции Российской Федерации, гарантирующей рассмотрение дела тем судом и тем судьёй, к подсудности которых оно отнесено законом.

Слабым звеном предлагаемого решения остаётся отсутствие официальной методики определения количества дел, подлежащих передаче из районных судов мировым судьям. Поэтому соответствующие поправки должны сопровождаться оценкой прогнозируемой судебной нагрузки и вступать в силу по истечении периода, достаточного для изменения организационного обеспечения судебных участков.

При образовании и изменении судебных участков надлежит учитывать не только численность населения, как это предусмотрено статьёй 4 Федерального закона от 17 декабря 1998 года № 188-ФЗ (ред. от 01.07.2021) «О мировых судьях в Российской Федерации», но и фактическую нагрузку. Указанную статью предлагается дополнить правилом об учёте среднегодового количества поступивших дел и материалов, средней продолжительности их рассмотрения и численности работников аппарата мирового судьи. Превы-

шение норматива нагрузки более чем на двадцать процентов в течение двух последовательных лет должно являться основанием для рассмотрения вопроса об изменении границ судебного участка либо об увеличении числа мировых судей. Федеральная методика расчёта нагрузки при этом должна предусматривать коэффициенты трудоёмкости: минимальный – для вынесения судебного приказа, базовый – для обычного искового дела, повышенный – для дел, сопряжённых с назначением экспертизы, предъявлением встречного иска, соединением требований или множественностью участников.

Федеральный закон от 17 декабря 1998 года № 188-ФЗ (ред. от 01.07.2021) «О мировых судьях в Российской Федерации», целесообразно дополнить статьёй 10.1, закрепляющей обязанность ежегодного опубликования сведений о фактической нагрузке мировых судей в разрезе субъектов Российской Федерации и видов производства: количества поступивших и оконченных дел, средней продолжительности производства, числа отменённых и изменённых постановлений, обеспеченности участков работниками аппарата. Поскольку обязанность «рассмотреть вопрос» об изменении границ участка способна исполняться формально, длительное превышение нормативной нагрузки должно влечь обязанность субъекта Российской Федерации либо внести проект закона об изменении количества судебных участков, либо представить мотивированное заключение Судебному департаменту при Верховном Суде Российской Федерации.

Усилению подлежат процессуальные гарантии извещения должника. Статья 128 ГПК РФ предусматривает направление должнику копии судебного приказа, однако не закрепляет достаточного алгоритма действий суда при возврате почтовой корреспонденции; формальное направление копии по адресу регистрации не всегда обеспечивает фактическую возможность представить возражения. В связи с этим статью 128 ГПК РФ предлагается дополнить положениями о направлении копии судебного приказа заказным почтовым отправлением с уведомлением о вручении, а при наличии подтверждённого адреса электронной почты либо личного кабинета в государственной информационной системе – также в электронной форме; при возврате корреспонденции мировой судья обязан проверить наличие в материалах сведений об ином известном адресе должника. Корреспондирующим образом статью 124 ГПК РФ следует дополнить обязанностью взыскателя указывать все известные ему адреса должника, включая адреса, содержащиеся в договоре, переписке и претензионных документах.

Указание взыскателем заведомо устаревшего адреса при наличии актуальных сведений

должно квалифицироваться как недобросовестное осуществление процессуальных прав. Вместе с тем предлагаемые гарантии не могут использоваться для бессрочного уклонения должника от получения корреспонденции: если судебный приказ направлен по достоверному адресу, а неполучение обусловлено поведением самого адресата, применяются общие правила о надлежащем извещении. Возражение о том, что проверка дополнительных адресов увеличит продолжительность приказного производства и расходы на корреспонденцию, не может быть признано решающим: последующая отмена приказа, поворот исполнения и повторное рассмотрение требования в исковом производстве влекут значительно более существенные издержки как для сторон, так и для судебной системы.

Наконец, Федеральным законом от 17 декабря 1998 года № 188-ФЗ (ред. от 01.07.2021) «О мировых судьях в Российской Федерации», должен быть установлен минимальный стандарт технического обеспечения судебного участка, включающий возможность подачи документов в электронной форме, участия в судебном заседании посредством видеоконференц-связи или веб-конференции, аудиопотоколирования и направления электронных извещений при наличии согласия адресата. Финансирование данного стандарта не может зависеть исключительно от бюджетной обеспеченности региона, что предполагает создание механизма федерального софинансирования. При этом электронное взаимодействие не должно приобретать обязательный характер для гражданина: возможность подачи документов на бумажном носителе, получения корреспонденции традиционным способом и личного участия в судебном заседании подлежит безусловному сохранению, поскольку исключительно цифровая модель способна ограничить доступ к правосудию лиц, не располагающих необходимыми техническими средствами или навыками.

Итог: производство у мирового судьи не требует самостоятельной процессуальной формы, но нуждается в точечной корректировке пределов подсудности, усилении гарантий извещения и унификации организационного обеспечения.

Заклучение

Каковы реальные границы компетенции мирового судьи в гражданском процессе? Проведённое исследование позволяет очертить эти пределы достаточно четко. Мировой судья рассматривает в качестве суда первой инстанции только те гражданские дела, которые прямо отнесены к его компетенции частью 1 статьи 23 ГПК РФ. Иных вариантов закон не предусматривает. Родовая подсудность определяется сочетанием предметного и стоимостного критериев, при этом участие в деле иностранного лица, социаль-

ная значимость спорного правоотношения либо фактическая простота спора не изменяют установленную федеральным законом компетенцию. Парадоксально, но даже очевидная несложность дела не даёт мировому судье права принять его к производству, если цена иска превышает установленный порог.

Производство у мирового судьи осуществляется по общим правилам ГПК РФ и не образует самостоятельной формы гражданского судопроизводства. Его специфика исчерпывается составом подсудных дел, сокращённым сроком рассмотрения, исключительной компетенцией по вынесению судебных приказов, факультативным составлением мотивированного решения по заявлению участника процесса и апелляционной проверкой постановлений районным судом. На практике это значит, что мировой судья в Московской области и его коллега в Новосибирске работают по единым процессуальным правилам, хотя фактическая нагрузка и организационные условия могут радикально различаться.

Приказное, упрощённое и заочное производство различаются основаниями применения, порядком рассмотрения дела и способами оспаривания постановлений. Поступление возражений должника исключает сохранение судебного приказа независимо от мотивов несогласия – это императивное правило, не допускающее оценки судьёй убедительности доводов должника. Пропущенный срок подачи возражений подлежит восстановлению при наличии обстоятельств, не зависящих от должника, включая ненадлежащее вручение судебной корреспонденции.

Совершенствование деятельности мировых судей требует взаимосвязанных процессуальных и организационных изменений. Речь идёт об увеличении стоимостных пределов подсудности до 100 000 рублей по делам о разделе между супругами совместно нажитого имущества и иным имущественным спорам и до 200 000 рублей – по потребительским спорам; законодательном закреплении периодического пересмотра указанных сумм; учёте фактической нагрузки при образовании и изменении судебных участков; усилении гарантий извещения должника в приказном производстве; установлении федерального минимального стандарта технического обеспечения судебных участков.

Увеличение стоимостных пределов подсудности при неизменности организационного обеспечения способно усугубить перегруженность мировых судей. Поправки к статье 23 ГПК РФ должны вводиться одновременно с методикой оценки трудоёмкости дел, пересмотром границ судебных участков и увеличением численности работников аппарата. В противном случае перераспределение дел приведёт не к повышению

доступности правосудия, а к увеличению сроков рассмотрения гражданских дел – то есть к результату, противоположному целям реформы. Итог очевиден: без синхронного организационного усиления любые процессуальные новеллы рискуют остаться декларацией.

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 01.07.2020 N 11-ФКЗ, от 06.10.2022) // СПС «Гарант».

[2] Данные судебной статистики Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <https://14aas.arbitr.ru/node/15745> (дата обращения: 31.07.2026).

[3] Федеральным законом от 17 декабря 1998 года № 188-ФЗ (ред. от 01.07.2021) «О мировых судьях в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации от 1998 г. , № 51 , ст. 6270.

[4] Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 06.04.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации от 2002 г. , № 46 , ст. 4532.

[5] Кегадуев, М. З. Мировой судья в гражданском процессе: правовой статус и компетенция / М. З. Кегадуев // Colloquium-Journal. – 2021. – № 3-3(90). – С. 64-65.

[6] Пирожкова, К. А. К вопросу примирения сторон в российском гражданском судопроизводстве / К. А. Пирожкова // НОВЫЕ ВЫЗОВЫ - НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ : сборник статей III Международной научно-практической конференции, Петрозаводск, 23 января 2023 года. – Петрозаводск: Международный центр научного партнерства «Новая Наука» (ИП Ивановская И.И.), 2023. – С. 224-226.

[7] Решение по делу №М-31503618/315/2024. URL: <https://mos-sud.ru/315/cases/claim-civil/details/ab7bd2e5-09bf-4a43-8871-20aff0062710> (дата обращения: 11.07.2026).

[8] Определение № 11-134/2016 11-2/2017 от 20 января 2017 г. по делу № 11-134/2016. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/c3T9AKCSW81H> / (дата обращения: 11.07.2026).

[9] Пурге, А. Р. Правовая природа и последствия утверждения мирового соглашения / А. Р. Пурге // Современный юрист. – 2023. – № 1(42). – С. 74-88.

[10] Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2016 г. № 62 (ред. от 05.04.2022) «О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Фе-

дерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации о приказном производстве». URL https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_209705/ (дата обращения: 11.07.2026).

[11] Ракульцев, Р. Д. Темная сторона гражданского судопроизводства / Р. Д. Ракульцев // Юриспруденция, государство и право: актуальные вопросы и современные аспекты : сборник статей XVI Международной научно-практической конференции, Пенза, 05 марта 2024 года. – Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2024. – С. 66-67.

[12] Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 18.04.2017 N 10 (ред. от 05.04.2022) «О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации об упрощенном производстве». URL https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_215641/ (дата обращения: 11.07.2026).

[13] Турункина, Е. П. Компетенция мировых судей в гражданском процессе / Е. П. Турункина // Теоретические и прикладные исследования в области социально-гуманитарных наук : Материалы XXXI Всероссийской научно-практической конференции, Ростов-на-Дону, 25 ноября 2023 года. – Ростов-на-Дону: Общество с ограниченной ответственностью "Издательство "Манускрипт", 2023. – С. 310-312.

References:

[1] The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993) (taking into account the amendments made by the Laws of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation dated 30.12.2008 N 6-FKZ, dated 30.12.2008 N 7-FKZ, dated 05.02.2014 N 2-FKZ, dated 01.07.2020 N 11-FKZ, dated 06.10.2022) // SPS "Garant".

[2] Data on judicial statistics of the Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation. URL: <https://14aas.arbitr.ru/node/15745> (accessed on: 31.07.2026).

[3] Federal Law No. 188-FZ of December 17, 1998 (as amended by 01.07.2021) "On Justices of the Peace in the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation of 1998, No. 51, Art. 6270.

[4] Civil Procedure Code of the Russian Federation of 14.11.2002 No. 138-FZ (as amended on 06.04.2024) // Collection of Legislation of the Russian Federation of 2002, No. 46, Art. 4532.

[5] Kegaduev, M.Z. Justice of the Peace in

civil proceedings: legal status and competence/ M.Z. Kegaduev // Colloquium-Journal. – 2021. – № 3-3(90). – S. 64-65.

[6] Pirozhkova, K. A. On the issue of reconciliation of the parties in Russian civil proceedings/K. A. Pirozhkova // NEW CHALLENGES - NEW RESEARCH: collection of articles III of the International Scientific and Practical Conference, Petrozavodsk, January 23, 2023. – Petrozavodsk: International Center for Scientific Partnership "New Science" (IP Ivanovskaya I.I.), 2023. – S. 224-226.

[7] Decision in case No. M-31503618/315/2024. URL: <https://mos-sud.ru/315/cases/claim-civil/details/ab7bd2e5-09bf-4a43-8871-20aff0062710> (accessed on: 11.07.2026).

[8] Determination No. 11-134/2016 11-2/2017 of January 20, 2017 in case No. 11-134/2016. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/c3T9AKCSW81H> / (access date: 11.07.2026).

[9] Purge, A. R. The legal nature and consequences of the approval of the settlement agreement/A. R. Purge // Modern lawyer. – 2023. – № 1(42). – S. 74-88.

[10] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 27, 2016 No. 62 (ed. 05.04.2022) "On certain issues of application by the courts of the provisions of the Civil Procedure Code of the Russian Federation and the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation on order proceedings." https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_209705/ URL (accessed on: 11.07.2026).

[11] Rakultsev, R. D. The dark side of civil proceedings/R. D. Rakultsev // Jurisprudence, state and law: topical issues and modern aspects: collection of articles of the XVI International Scientific and Practical Conference, Penza, March 05, 2024. – Penza: Science and Enlightenment (IP Gulyaev G.Yu.), 2024. – S. 66-67.

[12] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 18.04.2017 No. 10 (ed. 05.04.2022) "On certain issues of application by the courts of the provisions of the Civil Procedure Code of the Russian Federation and the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation on simplified proceedings." https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_215641/ URL (accessed on: 11.07.2026).

[13] Turunkina, E.P. Competence of justices of the peace in civil proceedings/E.P. Turunkina // Theoretical and applied research in the field of social sciences and humanities: Materials of the XXXI All-Russian Scientific and Practical Conference, Rostov-on-Don, November 25, 2023. – Rostov-on-Don: Limited Liability Company "Manuscript Publishing House," 2023. – S. 310-312.

ЖЕЛЕЗОВ Евгений Сергеевич,
студент магистратуры, Российский
государственный университет правосудия
им. В.М. Лебедева г. Санкт-Петербург,
e-mail: e.zhelezov@mail.ru

СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ НЕЗАВИСИМОСТИ, ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ И ОТВЕТСТВЕННОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Аннотация. В статье исследуются правовой статус следователя в уголовном судопроизводстве, а также соотношение таких ключевых категорий, как независимость, процессуальная самостоятельность и юридическая ответственность. На основе анализа норм Уголовно-процессуального кодекса РФ, законодательства о службе в органах внутренних дел и судебной практики автором делается вывод о том, что следователь не обладает независимостью в строгом смысле этого слова, однако его процессуальная самостоятельность и ответственность являются взаимосвязанными элементами, обеспечивающими законность и обоснованность досудебного производства. Особое внимание уделяется дискуссионным вопросам отнесения следователя к стороне обвинения и влиянию ведомственного контроля на его процессуальную самостоятельность.

Ключевые слова: следователь, независимость следователя, процессуальная самостоятельность, ответственность следователя, уголовное судопроизводство, руководитель следственного органа, прокурорский надзор, судебный контроль.

ZHELEZOV Evgeny Sergeyevich,
Master's student, V.M. Lebedev Russian State
University of Justice, St. Petersburg

THE RELATIONSHIP BETWEEN THE CONCEPTS OF INDEPENDENCE, PROCEDURAL INDEPENDENCE AND RESPONSIBILITY OF THE INVESTIGATOR IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Annotation. The article examines the legal status of the investigator in criminal proceedings, as well as the correlation of such key categories as independence, procedural independence and legal responsibility. Based on an analysis of the norms of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, legislation on service in the internal affairs bodies and judicial practice, the author concludes that the investigator does not have independence in the strict sense of the word, but his procedural independence and responsibility are interconnected elements that ensure the legality and validity of pre-trial proceedings. Particular attention is paid to the controversial issues of classifying the investigator as a prosecution and the impact of departmental control on his procedural independence.

Key words: investigator, independence of the investigator, procedural independence, responsibility of the investigator, criminal proceedings, head of the investigative body, prosecutorial supervision, judicial control.

Введение

Статус следователя в российском уголовном судопроизводстве традиционно является одной из наиболее обсуждаемых тем в процессуальной науке. Будучи ключевой фигурой досудебного производства, следователь совмещает в себе функции публичного обвинителя и гаранта прав и законных интересов участников процесса. Это двойственное положение порождает сложности в определении границ его независимости, степени процессуальной самостоятельности и мер ответственности за принимаемые решения. Цель настоящей работы – проанализировать соотношение указанных категорий в контексте действующего законодательства и доктринальных подходов.

Процессуальный статус следователя: основания вступления в уголовное дело

Согласно ч. 1 ст. 38 УПК РФ, следователь является должностным лицом, уполномоченным в пределах своей компетенции осуществлять предварительное следствие. Законодательное определение статуса следователя неразрывно связано с его службой в органах внутренних дел (ст. 10 Федерального закона от 30.11.2011 № 342-ФЗ) и наличием специального звания.

Однако формальное наличие статуса не порождает автоматического участия в уголовном процессе. Как справедливо отмечено в литературе, правосубъектность следователя возникает лишь в одном из следующих случаев:

Возбуждение уголовного дела в установленном порядке.

Принятие возбуждённого другим лицом дела к своему производству на основании письменного поручения руководителя следственного органа (п. 1, 2 ч. 2 ст. 38 УПК РФ).

Проведение доследственной проверки по поручению руководителя (ст. 143, 144 УПК РФ).

Исполнение отдельного поручения другого территориального следственного подразделения (ч. 1 ст. 152 УПК РФ).

Включение в состав следственной группы (ст. 163 УПК РФ).

Данный перечень позволяет заключить, что процессуальная деятельность следователя всегда опосредована властно-распорядительными актами руководителя следственного органа, что уже на начальном этапе ставит вопрос о степени его самостоятельности.

Независимость следователя: миф или реальность?

Анализ норм УПК РФ показывает, что следователь не является независимым участником уголовного судопроизводства. Понятие «независимость» в контексте процессуальной деятельности предполагает доминантное поведение, отсутствие необходимости согласовывать свои реше-

ния с иными участниками процесса. Однако в ряде случаев такое согласование прямо предусмотрено законом:

Направление обвинительного заключения прокурору требует согласования с руководителем следственного органа (ч. 6 ст. 220 УПК РФ).

Проведение следственных действий, ограничивающих конституционные права граждан (наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, контроль переговоров, получение информации о соединениях между абонентами), производится только на основании судебного решения (ст. 185, 186, 186.1 УПК РФ).

Избрание меры пресечения в виде заключения под стражу требует судебного решения, принимаемого по ходатайству следователя, согласованному с руководителем следственного органа (ст. 108 УПК РФ).

Таким образом, процессуальная деятельность следователя осуществляется в системе сдержек и противовесов, включающих судебный контроль и ведомственный контроль со стороны руководителя следственного органа. Однако отсутствие независимости компенсируется рядом законодательных гарантий, направленных на защиту следователя от незаконного вмешательства.

Процессуальная самостоятельность следователя и гарантии её реализации

Несмотря на отсутствие независимости, следователь обладает процессуальной самостоятельностью, которая выражается в праве самостоятельно принимать решения по вопросам, отнесённым к его компетенции, за исключением случаев, прямо предусмотренных законом.

Ключевой гарантией процессуальной самостоятельности является ч. 4 ст. 21 УПК РФ, согласно которой требования, поручения и запросы следователя, предъявленные в пределах его полномочий, обязательны для исполнения всеми учреждениями, организациями, должностными лицами и гражданами. За невыполнение законных требований следователя предусмотрена административная ответственность по ст. 17.7 КоАП РФ (штраф для граждан – до 1500 рублей, для должностных лиц – до 3000 рублей или дисквалификация, для юридических лиц – до 100 000 рублей или приостановление деятельности).

Кроме того, уголовно-правовой защитой процессуальной самостоятельности выступает ст. 294 УК РФ, устанавливающая ответственность за вмешательство в деятельность следователя. Часть 2 данной статьи предусматривает наказание за вмешательство в целях воспрепятствования всестороннему, полному и объективному расследованию (штраф до 80 000 рублей, обязательные работы либо арест до шести месяцев). Часть 3 ст. 294 УК РФ ужесточает ответственность за те же действия, совершённые с использованием

служебного положения (штраф до 300 000 рублей, принудительные работы или лишение свободы до четырёх лет).

Вместе с тем процессуальная самостоятельность следователя не должна восприниматься как абсолютная свобода. Как справедливо отмечает профессор В.А. Семенцов, «процессуальная самостоятельность призвана служить гарантией законности и обоснованности процессуальных решений и действий следователя, поскольку дает ему возможность в пределах компетенции самостоятельно формулировать выводы в ходе досудебного производства, а не действовать вопреки своему убеждению и совести» [1]. При этом в своей работе «О некоторых иллюзиях процессуальной самостоятельности следователя» автор обращает внимание на то, что реальная самостоятельность нередко ограничивается ведомственным контролем. Аналогичной позиции придерживается С.В. Корнакова, отмечающая тенденцию ущемления процессуальной самостоятельности следователя, что может привести к снижению его ответственности [2].

Дискуссия о месте следователя в системе участников уголовного судопроизводства

В процессуальной науке продолжается дискуссия о том, следует ли относить следователя к стороне обвинения. Согласно главе 6 УПК РФ, следователь является участником уголовного судопроизводства со стороны обвинения. Однако в ряде учебных изданий, например, под редакцией профессора Э.К. Кутуева, следователь не указывается в числе участников со стороны обвинения, хотя его компетенция описывается подробно [3].

Данная позиция представляется обоснованной. Основная функция следователя – не обвинение как таковое, а установление объективной истины по делу. Расследуемое событие может оказаться как преступлением, так и казусом или несчастным случаем. Закон (ч. 2 ст. 6 УПК РФ) прямо предписывает следователю отказываться от уголовного преследования невиновных и реабилитировать каждого, кто необоснованно подвергся преследованию. Более того, ст. 17 УПК РФ предоставляет следователю право оценивать доказательства, по внутреннему убеждению, руководствуясь законом и совестью. Включение следователя в число участников со стороны обвинения входит в противоречие с названными нормами и, как следствие, требует переосмысления.

Ответственность следователя как гарантия законности

Ответственность следователя неразрывно связана с его процессуальной самостоятельностью и является её оборотной стороной. Следователь привлекается к уголовной ответственности в особом порядке, предусмотренном главой 52 УПК РФ, что дополнительно подчёркивает специ-

фику его правового статуса.

Наиболее распространённые составы преступлений, вменяемые следователям, – служебный подлог (ст. 292 УК РФ) и незаконное освобождение от уголовной ответственности (ст. 300 УК РФ). Санкции ст. 292 УК РФ предусматривают штраф до 80 000 рублей (ч. 1) и до 500 000 рублей (ч. 2), а также лишение свободы до четырёх лет при наличии существенного нарушения прав граждан или охраняемых законом интересов. Ст. 300 УК РФ устанавливает ответственность за незаконное освобождение от уголовной ответственности вплоть до лишения свободы на срок до семи лет.

Кроме уголовной, следователь несёт и процессуальную ответственность: нарушение норм УПК РФ влечёт признание полученных доказательств недопустимыми, что может повлечь возвращение уголовного дела прокурору или его прекращение.

Заключение

Проведённый анализ позволяет сделать следующие выводы:

Следователь не обладает независимостью в строгом смысле, поскольку его деятельность ограничена судебным контролем и ведомственным согласованием с руководителем следственного органа.

Процессуальная самостоятельность следователя является необходимой гарантией законности досудебного производства и выражается в праве принимать решения по своему внутреннему убеждению, а также в обязательности его законных требований для всех субъектов. Вместе с тем в науке отмечается тенденция к ограничению данной самостоятельности усилением роли руководителя следственного органа.

Ответственность следователя (уголовная, административная, процессуальная) выступает механизмом, обеспечивающим баланс между его самостоятельностью и подконтрольностью, и служит средством предотвращения злоупотреблений.

Дискуссионным остаётся вопрос об отнесении следователя к стороне обвинения. Объективно его функция шире – она включает установление объективной истины, а не только уличение лица в совершении преступления. Представляется целесообразным дальнейшее теоретическое осмысление статуса следователя как самостоятельного участника уголовного судопроизводства, выполняющего публично-правовую функцию, не сводимую к обвинительной деятельности.

Список литературы:

[1] Семенцов В.А. О некоторых иллюзиях процессуальной самостоятельности следователя // Сборник научных трудов Всероссийской на-

учно-практической конференции, посвященной 45-летию со дня образования Волгоградской академии МВД России, Волгоград, 31 мая - 1 июня 2012 г. - Волгоград: ВА МВД России, 2013. - С. 172-180.

[2] Корнакова С. В. Процессуальная самостоятельность следователя: проблемы реализации // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2018. № 1 (43).

[3] Уголовно-процессуальное право: учебник / Под ред. Э.К. Кутуева. - М.: Юрайт, 2021. - 456 с.

[4] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. - 2020. - № 11. - Ст. 1416.

[5] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 27.12.2024) // Собрание законодательства РФ. - 2001. - № 52 (ч. I). - Ст. 4921.

[6] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // Собрание законодательства РФ. - 1996. - № 25. - Ст. 2954.

[7] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // Собрание законодательства РФ. - 2002. - № 1 (ч. I). - Ст. 1.

[8] Федеральный закон от 30.11.2011 № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред. от 28.12.2024) // Собрание законодательства РФ. - 2011. - № 49 (ч. I). - Ст. 7016.

References:

[1] Sementsov V.A. On some illusions of procedural independence of the investigator // Collection of scientific works of the All-Russian

Scientific and Practical Conference dedicated to the 45th anniversary of the founding of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Volgograd, May 31 - June 1, 2012 - Volgograd: VA Ministry of Internal Affairs of Russia, 2013. - S. 172-180.

[2] Kornakova S.V. Procedural independence of the investigator: implementation problems // Legal science and law enforcement practice. 2018. № 1 (43).

[3] Criminal procedure law: textbook/Ed. E.K. Kutueva. - M.: Yurayt, 2021. - 456 p.

[4] The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993) (taking into account the amendments made by the Laws of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation dated 30.12.2008 No. 6-FKZ, dated 30.12.2008 No. 7-FKZ, dated 05.02.2014 No. 2-FKZ, dated 21.07.2014 No. 11-FKZ, dated March 14, 2020 No. 1-FKZ) // Collection of Legislation of the Russian Federation. - 2020. - № 11. - Art. 1416.

[5] Code of Criminal Procedure of the Russian Federation of 18.12.2001 No. 174-FZ (as amended on 27.12.2024) // Collection of Legislation of the Russian Federation. - 2001. - No. 52 (part I). - Art. 4921.

[6] The Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ (as amended on 28.12.2024) // Collection of Legislation of the Russian Federation. - 1996. - № 25. - Art. 2954.

[7] Code of Administrative Offences of the Russian Federation No. 195-FZ dated 30.12.2001 (rev. dated 28.12.2024) // Collection of Legislation of the Russian Federation. - 2002. - No. 1 (part I). - Art. 1.

[8] Federal Law of 30.11.2011 No. 342-FZ "On Service in the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" (as amended on 28.12.2024) // Collection of Legislation of the Russian Federation. - 2011. - No. 49 (part I). - Art. 7016.

МАРКЕЛОВА Мария Михайловна,
магистр права, юрист практики разрешения
международных споров, Коллегия адвокатов
«Монастырский, Зюба, Степанов и партнеры»,
Москва, Россия,
e-mail: markelova@mzs.ru

САМОРЕГУЛИРОВАНИЕ РЫНКА ФИНАНСИРОВАНИЯ ТРЕТЬЕЙ СТОРОНОЙ В МЕЖДУНАРОДНОМ АРБИТРАЖЕ: ВОЗМОЖНОСТИ И ПРЕДЕЛЫ

Аннотация. В статье исследуются регуляторный потенциал и внутренние пределы саморегулирования рынка финансирования третьей стороной в международном арбитраже. Актуальность темы обусловлена транснациональным характером рынка, отсутствием единообразного обязательного режима и процессуальными рисками, возникающими вследствие участия фандера: конфликтами интересов, ограничением автономии финансируемой стороны, вопросами раскрытия информации, конфиденциальности и распределения расходов. Цель исследования состоит в определении того, способны ли профессиональные кодексы и иные мягко-правовые инструменты сформировать достаточный режим регулирования, а также в обосновании оптимальной модели их соотношения с институциональными правилами и императивными нормами. Используются формально-юридический, сравнительно-правовой и системно-структурный методы, а также отдельные элементы экономического анализа права. Установлено, что саморегулирование эффективно на стадии первичной стандартизации: оно позволяет закреплять требования к финансовой устойчивости фандеров, защите конфиденциальности, недопустимости произвольного прекращения финансирования и ограничению вмешательства в ведение дела. Вместе с тем добровольность участия, отсутствие универсальных санкций и структурный конфликт между коммерческим интересом фандера и процессуальной автономией стороны исключают самодостаточность этой модели. Обосновано, что мягкое право должно выполнять функцию первичного нормообразования, арбитражные регламенты – процессуальной конкретизации, а ограниченное жесткое право – закрепления минимальных гарантий прозрачности, добросовестности и защиты публичного интереса. Научная новизна состоит в рассмотрении саморегулирования не как конечной альтернативы законодательству, а как стадии нормативного цикла, на которой профессиональные стандарты проходят апробацию и подготавливаются к институциональному закреплению.

Ключевые слова: финансирование третьей стороной; международный арбитраж; саморегулирование; мягкое право; фандер; раскрытие информации; конфликт интересов; арбитражные расходы; процессуальная автономия; смешанная модель регулирования

MARKELOVA Maria Mikhailovna,
Master of Laws, lawyer, Dispute Resolution
Practice, Monastyrsky, Zyuba, Stepanov & Partners,
Moscow, Russia

SELF-REGULATION OF THE THIRD-PARTY FUNDING MARKET IN INTERNATIONAL ARBITRATION: POTENTIAL AND LIMITS

Annotation. The article examines the regulatory potential and inherent limits of self-regulation in the third-party funding market in international arbitration. The topic is relevant because this transnational market lacks a uniform mandatory regime, while funder involvement may generate procedural risks concerning conflicts of interest, the funded party's autonomy, disclosure, confidentiality and allocation of costs. The study determines whether professional codes and other soft-law instruments can form a sufficient regulatory framework and substantiates their optimal relationship with institutional rules and mandatory law. It applies formal legal, comparative and systems methods, as well as law-and-economics analysis. It finds that self-

regulation is effective at the stage of initial standardisation: it can establish requirements concerning funders' financial soundness, protection of confidential information, restrictions on arbitrary termination of funding and limits on interference with case management. However, voluntary participation, the absence of universal sanctions and the structural tension between the funder's commercial interest and the funded party's procedural autonomy prevent self-regulation from being a self-sufficient model. The article argues that soft law should serve as the primary source of norm formation, arbitral rules should provide procedural specification, and limited hard law should secure minimum guarantees of transparency, good faith and protection of the public interest.

Key words: *third-party funding; international arbitration; self-regulation; soft law; funder; disclosure; conflict of interest; arbitration costs; procedural autonomy; mixed regulatory model*

Введение

Финансирование третьей стороной (далее – ФТС) превратилось из сравнительно узкой договорной практики в самостоятельный сегмент рынка юридических услуг. В классической модели независимый коммерческий субъект оплачивает расходы на ведение судебного или арбитражного разбирательства и получает вознаграждение, зависящее от его результата; при неуспехе финансируемой стороны вложенные средства, как правило, не возвращаются [4–6]. Экономическое значение такой конструкции заключается в перераспределении процессуального риска и расширении доступа к профессиональному представительству. Одновременно участие фандера изменяет фактическую конфигурацию арбитражного процесса, поскольку экономически заинтересованное лицо, не являясь стороной арбитражного соглашения, может влиять на выбор представителей, объем расходов, стратегию урегулирования и решение о продолжении спора.

Правовое регулирование ФТС развивается фрагментарно. В одних юрисдикциях преобладает судебная легитимация и отраслевое саморегулирование, в других – специальные законодательные режимы, требования к квалификации фандеров и обязательное раскрытие информации. Международный арбитраж дополнительно формирует собственный нормативный слой, включающий регламенты институтов, процессуальные распоряжения трибуналов, профессиональные руководства и модельные стандарты. Такая многоуровневая среда объясняет востребованность мягкого права: при отсутствии единого законодателя оно позволяет быстрее формулировать и распространять правила надлежащего поведения [1–3].

В научной литературе ФТС исследуется как механизм доступа к правосудию, форма инвестирования в спорные требования, источник этических рисков и объект международной регуляторной конкуренции [5; 6; 12; 13]. Российская доктрина также обращается к вопросам допустимости соответствующих соглашений и перспективам их правового оформления [14–16]. Вместе с тем саморегулирование нередко описывается

либо как временная замена законодательству, либо, напротив, как достаточный способ контроля над профессиональным рынком. Цель настоящей статьи – определить функции, преимущества и пределы саморегулирования рынка ФТС и обосновать его место в общей архитектуре регулирования международного арбитража. Для этого применяются формально-юридический, сравнительно-правовой и системно-структурный методы, а также элементы экономического анализа права.

Финансирование третьей стороной как объект саморегулирования

Саморегулирование предполагает выработку участниками профессионального сообщества правил поведения, процедур контроля и репутационных санкций без непосредственного установления всех требований государством. Для рынка ФТС такая модель функционально привлекательна по трем причинам. Во-первых, деятельность фандеров транснациональна: финансирующая организация, финансируемая сторона, место арбитража и применимое право нередко связаны с разными правовыми порядками. Во-вторых, финансовые продукты и способы структурирования портфелей споров меняются быстрее, чем национальное законодательство. В-третьих, значительная часть релевантных рисков имеет профессионально-этический, а не исключительно договорный характер: речь идет о вмешательстве в независимое суждение адвоката, защите privilegiрованной информации, конфликте интересов и управлении прекращением финансирования.

Объектом саморегулирования при этом становится не только двустороннее соглашение между фандером и клиентом. Фандер формально не приобретает статус стороны процесса, однако его участие может быть значимо для проверки независимости арбитров, разрешения ходатайства об обеспечении расходов, оценки распределения издержек и соблюдения конфиденциальности. Поэтому регулирование должно охватывать как внутренние отношения финансирования, так и внешние процессуальные последствия. Иными словами, профессиональный кодекс должен одновременно учитывать коммерческую устойчи-

вость продукта и требования справедливой арбитражной процедуры.

Наиболее известным примером отраслевого саморегулирования является Кодекс поведения Ассоциации фандеров судебных разбирательств Англии и Уэльса. Он устанавливает требования к капитализации и способности исполнять обязательства, ограничивает право фандера прекращать финансирование, закрепляет сохранение контроля над спором за клиентом и предусматривает механизмы разрешения разногласий. Европейская ассоциация фандеров судебных разбирательств развивает сходные требования на уровне этического кодекса. Подобные документы выполняют сразу несколько функций: снижают информационную асимметрию между фандером и клиентом, формируют критерии профессиональной добросовестности, позволяют арбитрам и представителям сторон оценивать приемлемость конкретной модели финансирования и создают репутационные стимулы к соблюдению правил [7].

Мягко-правовая стандартизация и ее процессуальное значение

Саморегулирование рынка ФТС является частью более широкой мягко-правовой среды международного арбитража. Необязательность соответствующего документа не означает отсутствия нормативного эффекта. Мягкое право формирует устойчивые ожидания профессионального сообщества и приобретает практическое значение вследствие повторного использования сторонами, арбитрами и институтами [1]. Его действие обычно развивается поэтапно: экспертная рекомендация превращается в признанный стандарт, затем используется при толковании обязанностей участников конкретного разбирательства и, наконец, может быть включена в арбитражный регламент или законодательный акт.

Особенно отчетливо эта траектория проявилась в сфере раскрытия информации. Доклад ICCA – Queen Mary 2018 г. систематизировал подходы к определению ФТС, конфликтам интересов, раскрытию и обеспечению расходов [4]. Руководящие принципы Международной ассоциации юристов о конфликте интересов в редакции 2024 г. учитывают экономически заинтересованных третьих лиц при оценке связей стороны и арбитра. В институциональной плоскости Правило 14 Арбитражного регламента МЦУИС 2022 г. требует раскрывать имя и адрес лица, предоставляющего финансирование, а применительно к юридическому лицу – сведения о контролирующих его субъектах. Тем самым стандарт, первоначально сформированный в доктрине и профессиональных руководствах, получил обязательную процессуальную форму.

Арбитражная практика показывает, что рас-

крытие должно быть связано с конкретной процессуальной целью. В деле *Muhammet Çar v. Turkmenistan* раскрытие факта финансирования и личности фандера было обосновано необходимостью проверки возможных конфликтов интересов. Вместе с тем финансирование не должно автоматически влечь доступ к полному тексту соглашения. Его условия могут содержать оценку перспектив дела, бюджет процесса, стратегию переговоров и иную коммерчески чувствительную информацию. Поэтому общий минимум должен включать факт ФТС и идентификацию фандера, а расширенное раскрытие допустимо лишь при доказанной связи конкретных условий с конфликтом интересов, распределением расходов или иным вопросом, находящимся на разрешении трибунала [4; 8; 9].

Аналогичная логика применима к обеспечению расходов. В деле *RSM v. Saint Lucia* такая мера была обусловлена совокупностью исключительных обстоятельств, включая предшествующее неисполнение решений о расходах. В деле *South American Silver v. Bolivia* трибунал, напротив, отказался считать наличие фандера самостоятельным доказательством неплатежеспособности или злоупотребления. Этот подход принципиален для саморегулирования: кодексы поведения и институциональные правила должны нейтрализовать реальные риски, но не создавать презумпцию недобросовестности финансируемой стороны. Иначе регулирование способно превратить механизм доступа к арбитражу в основание для дополнительных процессуальных барьеров.

Внутренние пределы саморегулирования

Несмотря на способность быстро формировать профессиональные стандарты, саморегулирование имеет структурные ограничения. Первое из них – неполный охват рынка. Кодекс ассоциации обязателен только для ее членов; фандер, не присоединившийся к объединению, сохраняет доступ к рынку, но не принимает на себя сопоставимых обязательств. В результате возникает дифференцированный режим защиты клиентов и неравные условия конкуренции. Итоговый доклад Совета по гражданскому правосудию Англии и Уэльса 2025 г. непосредственно связывает недостаточность существующей модели с тем, что добровольные стандарты не распространяются на всех активных участников рынка [11].

Второе ограничение обусловлено конфликтом регуляторных стимулов. Фандеры заинтересованы в доверии к отрасли и потому готовы поддерживать требования к капитализации, конфиденциальности и качеству договоров. Однако тот же коммерческий интерес может препятствовать установлению жестких ограничений на контроль над процессом, одностороннее прекращение финансирования или размер экономического

участия в результате спора. Кодекс, разрабатываемый самими финансирующими организациями, не всегда способен нейтрально разрешить столкновение интересов фандера и клиента. Поэтому вопросы, непосредственно затрагивающие процессуальную автономию стороны и независимость ее представителей, не могут полностью оставаться в пределах внутриотраслевого усмотрения [8; 9].

Третье ограничение связано с санкциями. Репутационное воздействие эффективно на зрелом и сравнительно прозрачном рынке, однако оно слабее действует в отношении закрытых инвестиционных структур и нерегулярных участников. Исключение из ассоциации, опубликование решения дисциплинарного органа или утрата знака качества не заменяют механизмов защиты клиента при прекращении финансирования в критической стадии процесса. Отсутствие универсального надзорного органа также затрудняет трансграничное исполнение стандартов.

Наконец, пределы добровольной модели особенно заметны в инвестиционном арбитраже. Здесь спор затрагивает бюджет государства, регуляторную автономию и легитимность механизма разрешения публично значимых конфликтов. Коммерческая тайна соглашения о финансировании должна охраняться, но не может полностью исключать контроль, необходимый для проверки независимости арбитров и защиты равенства сторон. Завершение ЮНСИТРАЛ 3 июля 2026 г. работы над Дополнительными положениями о порядке проведения разбирательств по международным инвестиционным спорам подтверждает общий переход от дискуссии о мягких стандартах к их более формализованной процедурной реализации. Это развитие не отменяет саморегулирование, а демонстрирует момент, в котором его результаты требуют внешнего закрепления.

Место саморегулирования в смешанной модели регулирования

Выявленные ограничения не обосновывают ни полный запрет ФТС, ни исчерпывающую законодательную регламентацию всех договорных моделей. Оптимальной представляется распределенная смешанная модель. На первом уровне профессиональные кодексы и экспертные документы формулируют детальные стандарты поведения: требования к финансовой устойчивости, защите конфиденциальности, порядку прекращения финансирования, управлению конфликтами и взаимодействию с представителями. Гибкость этого уровня позволяет учитывать новые продукты и рыночную практику.

На втором уровне арбитражные институты преобразуют наиболее устойчивые стандарты в процессуальные обязанности. Именно регламент должен определять момент раскрытия, мини-

мальный объем информации, обязанность обновлять сведения и полномочия трибунала запросить дополнительные данные. Институциональное регулирование способно быть достаточно единообразным и одновременно сохранять необходимое усмотрение состава арбитража. При этом наличие ФТС должно рассматриваться как нейтральное обстоятельство: оно приобретает правовое значение только при установленной связи с конфликтом интересов, расходами, злоупотреблением процессом или исполнением решения.

На третьем уровне ограниченное жесткое право закрепляет минимальные гарантии, которые нельзя поставить в зависимость от членства фандера в ассоциации. К ним относятся принципиальная допустимость соглашений о финансировании при соблюдении публичного порядка, запрет недопустимого контроля над процессом, защита профессиональной независимости представителя, обязательность минимального раскрытия в предусмотренных категориях споров и эффективные средства защиты финансируемой стороны. Принципы Европейского института права 2024 г. отражают именно такое направление: профессиональные стандарты сохраняют самостоятельное значение, но нуждаются в институциональном и, при необходимости, законодательном обеспечении [10].

Для российской арбитражной практики целесообразен поэтапный подход. Отечественные исследования отмечают отсутствие специальной законодательной конструкции и одновременно отсутствие общего запрета на финансирование расходов третьим лицом [14–16]. Первичным шагом может стать унификация правил постоянно действующих арбитражных учреждений: обязанность раскрывать факт финансирования и наименование фандера, сообщать об изменениях, а также возможность трибунала затребовать дополнительные сведения при наличии мотивированной процессуальной необходимости. Коммерческие условия соглашения, включая размер вознаграждения и внутреннюю оценку перспектив дела, не должны раскрываться автоматически.

Законодательное вмешательство на данном этапе должно быть точечным. Его задача – не заменить арбитражные регламенты, а устранить базовую неопределенность: подтвердить допустимость ФТС, обеспечить возможность раскрытия сведений для проверки независимости арбитров без нарушения режима конфиденциальности и исключить автоматическую связь между внешним финансированием и неплатежеспособностью стороны. Такой подход позволяет использовать нормотворческий потенциал профессионального сообщества, одновременно устанавливая внешние пределы там, где затрагиваются равенство участников, процессуальная автономия и публич-

ный интерес.

Заключение

Саморегулирование является необходимым, но не достаточным элементом правового режима ФТС. Его основное достоинство состоит в способности быстро переводить профессиональный опыт в конкретные требования к поведению фандеров и участников арбитража. Благодаря кодексам поведения и иным мягко-правовым инструментам были сформированы стандарты финансовой устойчивости, конфиденциальности, ограничения вмешательства в ведение дела и раскрытия информации. В этом смысле мягкое право выполняет функцию первичного нормообразования, а не только вспомогательного толкования.

Самодостаточность добровольной модели исключается неполным охватом рынка, отсутствием универсальных санкций, структурным конфликтом регуляторных стимулов и публично-правовым измерением инвестиционных споров. Поэтому дальнейшее развитие должно происходить не путем вытеснения саморегулирования, а путем его включения в смешанную модель. Профессиональные стандарты формируют содержательное ядро, арбитражные институты конкретизируют его в процессуальных правилах, а ограниченное жесткое право закрепляет обязательный минимум. Для российской практики наиболее обоснованы институциональная унификация раскрытия и точечное законодательное признание ФТС при сохранении конфиденциальности договорных условий и отказе от презумпций недобросовестности финансируемой стороны.

Список литературы:

- [1] Kaufmann-Kohler G. Soft Law in International Arbitration: Codification and Normativity // *Journal of International Dispute Settlement*. 2010. Vol. 1. No. 2. P. 283–299.
- [2] Abbott K.W., Keohane R.O., Moravcsik A., Slaughter A.-M., Snidal D. The Concept of Legalization // *International Organization*. 2000. Vol. 54. No. 3. P. 401–419.
- [3] Abbott K.W., Snidal D. Hard and Soft Law in International Governance // *International Organization*. 2000. Vol. 54. No. 3. P. 421–456.
- [4] International Council for Commercial Arbitration; Queen Mary University of London. Report of the ICCA–Queen Mary Task Force on Third-Party Funding in International Arbitration. ICCA Reports No. 4. The Hague: ICCA, 2018.
- [5] Bench Nieuwveld L., Sahani V.S. Third-Party Funding in International Arbitration. 2nd ed. Alphen aan den Rijn: Kluwer Law International, 2017.
- [6] Solas G.M. Third Party Funding: Law, Economics, and Policy. Cambridge: Cambridge University Press, 2019.

[7] Sahani V.S. “Keep to the Code”: A Global Code of Conduct for Third-Party Funders // *Boston University Law Review*. 2022. Vol. 102. P. 429–493.

[8] Frignati V. Ethical Implications of Third-Party Funding in International Arbitration // *Arbitration International*. 2016. Vol. 32. No. 3. P. 505–522.

[9] Rogers C.A. Gamblers, Loan Sharks & Third-Party Funders // *Ethics in International Arbitration* / ed. by C.A. Rogers. Oxford: Oxford University Press, 2014. P. 177–201.

[10] European Law Institute. Principles Governing the Third Party Funding of Litigation. Vienna: European Law Institute, 2024.

[11] Civil Justice Council. Review of Litigation Funding: Final Report. London: Civil Justice Council, 2025.

[12] Eken C. Third-Party Funding in Investment Arbitration: A New Player in the System. Cham: Springer, 2024.

[13] Davitti D., Vargiu P. Litigation Finance and the Assetization of International Investment Arbitration // *The Journal of World Investment & Trade*. 2023. Vol. 24. P. 488–517.

[14] Захаров А., Савельева Е. Финансирование арбитража третьими сторонами. Москва: Центр международных и сравнительно-правовых исследований, 2025.

[15] Крымский Д.И., Широкова А.А. Финансирование судебных процессов сторонними лицами: осмысление зарубежных моделей регулирования и перспективы развития в России // *Вестник ВГУ. Серия: Право*. 2025. № 1 (60). С. 101–117.

[16] Пискунович Е., Акулина А. Правовое регулирование финансирования судебного и третейского разбирательства третьими лицами в РФ // *Modern Arbitration: LIVE News Journal*. 2021. № 2. С. 22–31.

References:

- [1] Kaufmann-Kohler G. Soft Law in International Arbitration: Codification and Normativity // *Journal of International Dispute Settlement*. 2010. Vol. 1. No. 2. P. 283–299.
- [2] Abbott K.W., Keohane R.O., Moravcsik A., Slaughter A.-M., Snidal D. The Concept of Legalization // *International Organization*. 2000. Vol. 54. No. 3. P. 401–419.
- [3] Abbott K.W., Snidal D. Hard and Soft Law in International Governance // *International Organization*. 2000. Vol. 54. No. 3. P. 421–456.
- [4] International Council for Commercial Arbitration; Queen Mary University of London. Report of the ICCA–Queen Mary Task Force on Third-Party Funding in International Arbitration. ICCA Reports No. 4. The Hague: ICCA, 2018.
- [5] Bench Nieuwveld L., Sahani V.S. Third-Party Funding in International Arbitration. 2nd ed. Alphen

aan den Rijn: Kluwer Law International, 2017.

[6] Solas G.M. Third Party Funding: Law, Economics, and Policy. Cambridge: Cambridge University Press, 2019.

[7] Sahani V.S. "Keep to the Code": A Global Code of Conduct for Third-Party Funders // Boston University Law Review. 2022. Vol. 102. P. 429–493.

[8] Frignati V. Ethical Implications of Third-Party Funding in International Arbitration // Arbitration International. 2016. Vol. 32. No. 3. P. 505–522.

[9] Rogers C.A. Gamblers, Loan Sharks & Third-Party Funders // Ethics in International Arbitration / ed. by C.A. Rogers. Oxford: Oxford University Press, 2014. P. 177–201.

[10] European Law Institute. Principles Governing the Third Party Funding of Litigation. Vienna: European Law Institute, 2024.

[11] Civil Justice Council. Review of Litigation Funding: Final Report. London: Civil Justice Council, 2025.

[12] Eken C. Third-Party Funding in Investment Arbitration: A New Player in the System. Cham: Springer, 2024.

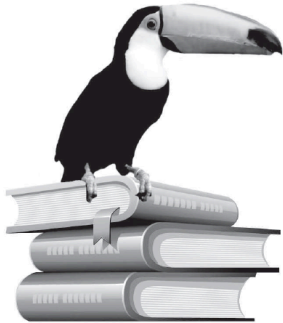
[13] Davitti D., Vargiu P. Litigation Finance and the Assetization of International Investment Arbitration // The Journal of World Investment & Trade. 2023. Vol. 24. P. 488–517.

[14] Zakharov A., Savelyeva E. Third Party Financing of Arbitration. Moscow: Center for International and Comparative Legal Research, 2025.

[15] Krymsky D.I., Shirobokova A.A. Financing of lawsuits by third parties: understanding foreign models of regulation and development prospects in Russia // Vestnik VSU. Series: Right. 2025. № 1 (60). S. 101–117.

[16] Piskunovich E., Akulina A. Legal regulation of the financing of litigation and arbitration by third parties in the Russian Federation // Modern Arbitration: LIVE News Journal. 2021. № 2. S. 22–31.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ТРЯПОЧКИН Никита Андреевич,
Кандидат юридических наук, доцент
кафедры Уральский государственный
экономический университет,
e-mail: tryapochkin_na@usue.ru

КУЛЮШИН Евгений Николаевич,
Кандидат юридических наук, доцент
кафедры Уральский государственный
экономический университет,
e-mail: kulyushin_en@usue.ru

К ВОПРОСУ ОБ АНТИЦИПИРОВАННОМ СУДЕБНОМ ПРИЗНАНИИ

Аннотация. Признание фактов в гражданском, арбитражном и административном судопроизводствах (далее – цивилистический процесс), как отдельно взятый правовой институт, таит в себе множество самых разных загадок. Существуют они, на наш взгляд, лишь постольку, поскольку отечественное ученое сообщество (дореволюционное, советское и современное) по какой-то необъяснимой для нас причине, не отводит должного внимания поиску их ответов.

Среди всех этих имеющихся на сегодняшний день «тайн», связанных с механизмом реализации права лиц, участвующих в деле, а также третьих лиц, заявляющих, не заявляющих самостоятельных требований, относительно предмета спора, а также их представителей (по договору, назначению или в силу закона) на заявление суду признания отдельно взятых фактов, определения его истинной правовой природы, составления верной классификации отдельных его подвидов и прочего, есть две, наиболее сложные, которые, на наш взгляд, не только остались без ответа, но и попросту оказались забыты:

Стоит ли согласиться с утверждением о том, что существует такое явление как антиципированное судебное признание факта?

Необходимо ли закрепить указанную разновидность признаний в законе?

Ключевые слова: антиципированное судебное признание, суд, факты, лица, участвующие в деле, освобождение от доказывания, воля, обстоятельства.

TRYAPOCHKIN Nikita Andreevich,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor
Ural State University of Economics

KULYUSHIN Evgeny Nikolaevich,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor
Ural State University of Economics

ON THE ISSUE OF ANTICIPATED JUDICIAL ADMISSION

Annotation. The admission of facts in civil, arbitration, and administrative proceedings (hereinafter, civil procedure), as a distinct legal institution, harbors a multitude of mysteries. These mysteries exist, in our view, only because the domestic academic community (pre-revolutionary, Soviet, and modern), for some inexplicable reason, has not devoted sufficient attention to finding answers.

Among all the currently existing "secrets" related to the mechanism for exercising the rights of parties to a case, as well as third parties, whether making independent claims or not, regarding the subject of a dispute, as well as their representatives (by contract, appointment, or by law), to petition the court for admission of individual facts, determination of their true legal nature, correct classification of their individual subtypes, and

so on, there are two particularly complex ones, which, in our opinion, have not only remained unanswered but have simply been forgotten:

Should we accept the assertion that such a phenomenon as anticipatory judicial admission of a fact exists?

Is it necessary to enshrine this type of recognition in law?

Key words: *anticipatory judicial admission, court, facts, persons participating in the case, exemption from proof, will, circumstances.*

Введение

Антиципированное судебное признание, как один из видов признания фактов в цивилистическом процессе, было упомянуто на страницах отечественных научных трудов лишь однажды – в одной из нескольких монографий проф. Т. М. Яблочкова, который посвятил изучению одноименного процессуального института большую часть своей научной карьеры [15, С. 614-633].

Анализируя механизм реализации права на заявления признания фактов лицами, участвующими в деле, в дореволюционном гражданском процессе, Тихон Михайлович, со ссылкой на весьма видных немецких ученых того времени [17, с. 587], подметил, что заявление признания, помимо обычного случая его оглашения суду в ответ на утверждение, например, процессуального оппонента, может быть озвучено, если так можно выразиться, предиктивно [17, с. 587]. То есть предполагается ситуация, когда суду необходимо будет выяснить – желает ли процессуальный оппонент им воспользоваться.

Говоря подробнее, по логике ученого, признание фактов, на деле, может быть адресовано председательствующему в заседании не только в ответ на утверждение, положим, противной стороны, но и до его «появления» [10, С. 410-412]. Сторона спора, фактически, предсказывая следующий шаг своего оппонента может действовать на опережение, заранее подтверждая истинный характер отдельного факта (или группы), который (-ые), по ее мнению, может (-ут) стать предметом исследования со стороны суда. И, в таком случае, необходимо установить – желает ли оппонент им воспользоваться и необходимо ли это выяснять [12, С. 75-75].

Прежде чем продолжать рассуждения, заметим, что этот момент в творчестве Т. М. Яблочкова видится нам весьма загадочным, поскольку у прозвучавшей идеи не только не нашлось последователей, но и противников. Абсолютно никто из отечественных ученых-процессуалистов не стал задаваться этим вопросом в дальнейшем – ни проф. А. Х. Гольмстен, разработчик наиболее известной классификации судебных признаний [4, С. 197-202], ни проф. В. К. Пучинский, первый советский ученый, защитивший диссертацию по природе судебных признаний в советском гражданском процессе [11, С. 8-9] и

т.д. Сам же исследователь заключает, что такой вид признания определенно существует, но в его введении в практику необходимости нет, поскольку это лишь усложнит судебную процедуру, поскольку потребуются разрешать вопрос об акцептации такого признания со стороны заявителя того самого еще не прозвучавшего утверждения [15, С. 626-633].

Отсюда, спустя почти два столетия, предлагается вернуться к анализу данного вида судебных признаний.

Обсуждение. Для начала определимся с ответом на вопрос – существует ли такое явление, как антиципированное судебное признание в целом?

Во-первых, современные гражданский и арбитражный процесс, очевидно, являются составительными, поскольку в законе прямо закреплен одноименный судопроизводственный принцип. Тем самым стороны, под руководством суда, соревнуются в искусстве доказывания своей позиции по делу. Придерживаясь сказанного, полагаем верным будет утверждать, что предугадывание следующего шага процессуального оппонента, в рамках исследования доказательств, является одной из составляющих любого судебного разбирательства. Получается, что, в теории, заявить о признании факта, до того, как противная сторона озвучит соответствующее утверждение возможно.

Во-вторых, само по себе существование антиципированного судебного признания не нарушает общий порядок реализации его механизма – суд все так же узнает о действительном характере воли лица, участвующего в деле, конечно, если мы утверждаем, что сейчас в законодательстве закреплена распорядительная модель признания, проверяет его на предмета наличия пороков воли или волеизъявления и выносит соответствующий вердикт о его принятии либо отклонении [12, С. 9-18].

Следовательно, как самостоятельное явление антиципированное судебное признание существовать может. Никаких препятствий для этого, в рамках распорядительной теории, казалось бы, нет. В рамках доказательственной теории ему, безусловно, места нет, поскольку там признание выступает как одно из средств доказывания по делу и существует объективно, вне воли участни-

ков судебной процедуры [12, С. 18-24].

А вот дальше есть тонкости, которые, как раз и могут стать опорой для ответа на второй вопрос, поставленный в самом начале работы – стоит ли закреплять обсуждаемую разновидность механизма судебных признаний в действующем законе?

Форма судебного признания – для классического судебного признания характерно, как пишет М. И. Малинин, две формы – устная и письменная [8, с. 35]. На сегодня существует и электронная форма представления суду доказательств, но, т.к. мы ведем рассуждения в рамках распорядительной теории (а не доказательственной), этот вопрос, как и момент с цифровизацией одноименного процессуального института, мы обсудим как-нибудь в другой раз. Если с устной формой все в принципе понятно – есть признание, есть непрозвучавшее утверждение, то с письменным вариантом дело обстоит, полагаем, несколько сложнее. Как суд должен понять, что конкретный блок из письменных объяснений по делу лица, которое не может в нем присутствовать, независимо от характера причины, выступает его признанием, а какой нет? Можно ли считать весь текст возражения одним большим признанием или нет? Пока нет ответа на эти вопросы, полагаем, что говорить о существовании письменного варианта антиципированного признания нельзя;

Процессуальная обстановка в момент заявления – для признания фактов, как писал сам Т. М. Яблочков еще до анализа конструкции антиципированного судебного признания, характерно соблюдение процессуальной обстановки в момент его заявления [15, С. 471-482]. Проще говоря, лицо должно лично, присутствуя в зале суда, заявить о признании фактов в присутствии процессуального оппонента и председательствующего. Иначе, по мнению исследователя, судебное признание становится внесудебным – т.е. его непосредственным антиподом [2, С. 606-610]. В настоящий момент ничего не изменилось;

Итоговый адресат. Здесь Тихон Михайлович утверждает, что конструкция антиципированного судебного признания не просто предполагает предиктивный характер заявления признания, но и содержит в себе необходимость выяснения мнения противника – станет ли тот принимать судебное признание. И только в случае согласия им воспользоваться суд сможет его принять [15, С. 633-637].

Ну, во-первых, безусловно ученый прав, что есть некий элемент усложнения судебной процедуры имеется – вместо одного конкретного адресата, суда, фактически, их становится двое. Отсюда, по его мнению, есть вмешательство в дело суда – руководство судебным процессом, а также появляются временные затраты, выражаю-

щиеся в том, что необходимо дождаться ответа оппонента – будет он пользоваться признанием или нет [15, С. 630-633].

В то же время, хотелось бы предложить некий контраргумент – как быть с признанием, заявленным с корыстным мотивом? На сегодняшний день ст. 68 гражданского процессуального кодекса (далее – ГПК РФ) и ст. 70 арбитражного процессуального кодекса (далее – АПК РФ) содержат в себе упоминание того, что суд не принимает признание факта, если выявит, что оно заявлено с целью сокрытия действительных обстоятельств дела. Бесспорно, идея отличная, однако, механизм ее реализации «хромает». Оба кодекса не уточняют каким образом, если мы все же придерживаемся распорядительной теории понимания сущности судебного признания, суд должен это установить. Сопоставляя содержание признания с другими доказательствами по делу? Так распорядительная теории такого никогда не предполагала. Данный механизм существовал только лишь в советском гражданском процессе, в рамках его следственной модели. Механизм выяснения пороков воли или волеизъявления, не говоря уже о сокрытии истинных мотивов его заявления всегда на протяжении истории оставался без своего подробного описания, что в период дореволюционный, что сейчас. Пленумы высших судебных инстанций по этому вопросу также безмолвствуют.

Дополнительно предположим следующее – суд, по мнению одного из лиц, участвующих в деле, по какой-то причине, не установил наличие этих самых пороков, однако, повлиять на это у него возможностей нет, ведь акцептация признания не требуется. Возможности дезавуировать признание нет – она доступна лишь заявителю последнего. Идти оспаривать оценку признания в суд вышестоящей инстанции, по основаниям того, что нижестоящий суд дал неверную оценку обстоятельствам дела – весьма затратно и по деньгам, и по времени. Почему бы не ввести в практику возможность реализации механизма признания через акцепт? Кроме того, противник сознающего изначально лишен возможности заявить суду о попытке сокрытия истинных обстоятельств дела. То есть, даже зная о корыстных мотивах заявления признания закон не позволяет ему заявить об этом суду. Такой механизм попросту отсутствует, ведь там изначально закреплено следующее – «если у суда имеются основания полагать...». Хотя логичнее было бы написать «если у суда имеются основания полагать или из объяснений лиц, участвующих в деле, следует, что...»;

Предмет признания. Здесь все остается как раньше – предметом признания могут выступать конкретные факты и доказательства по делу. Классификация правоотношения, как однажды было предложено в дореволюционной классиче-

ской процессуальной литературе, в настоящий момент предметом признания выступать не может, поскольку в рамках ГК РФ есть четкий перечень отношений между участниками гражданского оборота [14, с. 74];

Возможность дезавуирования признания – обращение к суду с просьбой отменить ранее заявленное признание – имманентно присущее праву лица, участвующего в деле [12, С. 50-53]. Никто не может его «отобрать». Однако, очевидно, требуется обосновать суду причины произошедшего;

Оспоримость признания. Тут есть несколько важных моментов. Само лицо, заявившее признание, очевидно может обратиться в суд вышестоящей инстанции с целью оспорить отказ в заявлении признания. Однако, какие варианты есть у его процессуального оппонента? С одной стороны их и быть не должно, поскольку суд дает оценку заявленному признанию, а не противоположная сторона. Суд – итоговый адресат. С другой, как было сказано чуть выше, определенно должна быть возможность оспорить сложившуюся «оплошность» со стороны суда в контексте неверной оценки признания, если, положим, истцу доподлинно известно, что ответчик заявил его с целью сокрытия действительных обстоятельств дела. Например, по тем же п. 1 ч. 1 ст. 330 ГПК РФ (п. 1 ч. 1 ст. 270 АПК РФ) – неправильно определение обстоятельств, имеющих значение для дела;

Юридические последствия – остаются теми же. Признание факта, принятое судом, освобождает процессуального оппонента признающего от обязанности доказывать конкретный факт [12, С. 57-60].

Теперь, что касается аргумента проф. Т.М. Яблочкова по лишним процессуальным издержкам. Полагаем, его весьма спорным, что ранее, что в современном процессе. Если лицо, участвует в рассмотрении дела, одно или с представителем, то выяснить его отношение к заявленному признанию трудностей, очевидно, не составляет. Если лицо отсутствует в деле, то тут, конечно, дело обстоит несколько сложнее, особенно, если таких признаний прозвучит несколько. И это, пожалуй, и есть единственный краеугольный камень в рассуждениях о необходимости введения обсуждаемой модели признания фактов в практику. Если в деле присутствует представитель, то все «упрется» в доверенность – надо ли совещаться с доверителем по данным вопросам или нет. Однако, если лицо, участвующее в деле, не имеет представителя, то, логично предположить, что дело необходимо откладывать, чтобы выяснить его позицию. Но, честно говоря, нам не до конца ясно почему ученый считает этот момент время-затратным, ведь в механизме отложения судебного разбирательства нет ничего крамольного, в конце концов законодатель его для того

ввел, чтобы добиться от суда полного изучения имеющихся в деле доказательств и вынесения справедливого судебного постановления.

По поводу руководства судебной процедурой, и здесь, полагаем, нет ничего плохого в том, чтобы посодействовать суду в выяснении истинных обстоятельств дела. Он руководит процессом, но соревнуются ведь между собой тяжущиеся. Нет никакой качественной переработки механизма заявления суду признаний, есть некий элемент его совершенствования – введение дополнительного элемента проверки заявленного признания на предмет сокрытия истинных мотивов его «появления». Мы ни в коем случае не предлагаем вмешиваться в ту часть механизма, где суд устанавливает пороки воли или волеизъявления (хотя, говоря откровенно, нам вообще не ясно, как это происходит в рамках распорядительной теории), а лишь в ту, где необходимо выяснить истинные мотивы заявления признания.

Заключение. Итого, во-первых, механизм антиципированного судебного признания фактов, определенно, может существовать – если не на практике, то в теории точно. Во-вторых, введение его в практику не только не усложняет судебную процедуру, но и, полагаем, будет способствовать повышению судебной статистики в части вынесения тех итоговых судебных постановлений, которые в дальнейшем не будут требовать своего оспаривания по п. 1 ч. 1 ст. 330 ГПК или п. 1 ч. 1 ст. 270 АПК РФ. В-третьих, полезным представляется определиться с целевым назначением антиципированного судебного признания, которое, может быть, применено сторонами, в ходе течения судебного разбирательства при рассмотрении спора по существу.

Антиципированное судебное признание является «естественным проявлением» группы (сочетания) принципов цивилистического процесса, а именно, диспозитивности, состязательности, материального руководства процессом судом [3, с. 100].

Судебный процесс включает в себя:

утверждения сторон о фактах и подтверждении их необходимыми и достаточными доказательствами в обоснование своей правоты в процессе (проявление принципа диспозитивности и состязательности в судебном процессе);

установлении (фиксации) судом фактов и доказательств, представленных сторонами (проявление принципа материального руководства ходом судебного процесса) [6, С. 59-71].

Тем самым суд при осуществлении правосудия может отыскать и установить (зафиксировать) истинное положение дела при должной активности сторон в представлении фактов и доказательств в обоснование фактов («доброкачественность представленного суду материала»).

Одним из проявлений активности сторон является возможность лица предварительно заявить о признании факта, который будет выгоден для её процессуального оппонента до утверждения самим процессуальным оппонентом о данном факте суду («предвосхищение утверждения о факте со стороны процессуального оппонента»).

Тем самым процессуальный оппонент ещё не заявляет о данном факте, но может воспользоваться предварительно выдвинутым признанием того или иного факта лицом с выгодой для себя (изъявит желание воспользоваться признанием).

В связи с чем считаем верным утверждение Т.М. Яблочкова, рассуждавшего о том, что антиципированное судебное признание заявляется суду до выдвижения процессуальным оппонентом утверждения о факте [15, С. 614-626].

В судебном процессе стороны могут выдвигать различные утверждения о фактах, которые по различным причинам (правдивости, важности или неважности утверждения) могут иметь благоприятный эффект, так и неблагоприятный эффект для обоснования собственной правовой позиции [16, с. 4].

Тем самым целевое назначение антиципированного судебного признания проявляется в:

предварительном сообщении о фактах, которые благоприятны для процессуального оппонента;

сокращении временных затрат сторон при участии в рассмотрении юридических дел;

возможном освобождении процессуального оппонента от доказывания фактов, которые были признаны противной стороной, в случае если процессуальный оппонент воспользуется признанием лица, его заявившем.

Тем самым, здесь следует согласиться с Т.М. Яблочковым в том, что судебное признание, сделанное перед судом, влечёт освобождение от бремени доказывания, которое в силу закона лежит на процессуальном оппоненте признавшегося [15, С. 5-6]. Без заявленного признания действует правило о доказывании требований и возражений относительно обстоятельств, имеющих юридическое значение для разрешения дела.

В-четвертых: позитивный эффект действия антиципированного судебного признания может состояться при наличии активного поведения лиц, заинтересованных в разрешении спора и должном руководстве судом в отношении распорядительных действий сторон в процессе («взаимодействие суда и сторон в ходе судебного разбирательства») [13, С. 101-117].

К числу распорядительных действий сторон относятся заявления о фактах и предоставление доказательств для обоснования своей правовой позиции («предоставление материала для суда») [15, С. 478-480].

В качестве материала для суда могут быть представлены помимо требований и возражений, также признания лица, сделанного до утверждения о фактах процессуальным оппонентом. Тем самым судом в ходе судебного разбирательства осуществляется проверка заявлений лиц участвующих в деле с целью правильного рассмотрения и разрешения дела по существу. Суд осуществляет полномочия в отношении представленного материала сторонами, которые включают в себя:

поиск материально-правовых норм, которые подлежат применению в данном деле;

установление обстоятельств предмета доказывания и доказательств в обоснование доказательств;

поиск, собирание, исследование и оценка доказательств;

установление фактических обстоятельств и применение норм права [7, с. 61].

Поэтому цель судопроизводства считается достигнутой при условии установления судом характера спорного правоотношения, лежащего в основании правового спора с учётом фактов, приведенных сторонами (в том числе и признаний).

Следовательно, должная активность сторон в заявлении фактов, предоставлении доказательств, а также тщательный учёт представленного материала судом обеспечит вынесение справедливого судебного решения и снизит вероятность его отмены ввиду неполноты выяснения обстоятельств, имеющих значение для дела [5, С. 54-59].

Важным условием для достижения данного результата является совершенствование механизма материального руководства судом в части определении объема совершаемых действий судом и лицами, участвующими в деле по введению фактов и доказательств, в том числе и признаний («разделение ответственности за установление материальной истины между судом и сторонами») [13, С. 109-113].

Гарантией правосудия является то, что процесс - отношение поглощает материально-правовое отношение, которое из него выходит более твердым или как ничто [1, С. 145-167].

Итого, следует согласиться с позицией Д.Б. Абушенко о том, что судебное признание и его разновидность как антиципированное судебное признание не может должным образом использоваться лицами, которые не обладают должной юридической подготовкой. Основаниями для подобного вывода являются следующие положения: 1) распорядительная теория судебного признания содержит множество сложных правовых последствий, в том числе имеющих материально-правовой характер; 2) понимание прогнозирования последствий признания является недоступным лицу непрофессионалу; 3) в

настоящее время применимость конструкции судебного признания возможно только в отношении арбитражного процесса ввиду участия профессиональных представителей в процессе, в отличие от положений ГПК РФ, которое не предусматривает в качестве общего правила обязательное профессиональное судебное представительство [1, 145-167].

К обозначенным выше аргументам следует добавить то, что механизм действия судебного признания, как и его виды, заимствован из немецкой процессуальной доктрины на базе учений:

о признании (Das gerichtliche Geständnis);

изложении фактов для суда сторонами (Die Substantierung);

соотношении признаний и недостаточной обоснованности иска (Gerichtsgeständnis - Mangel an der Begründetheit).

Итак, объективно необходимыми предпосылками эффективности антиципированного судебного признания на современном этапе являются:

совершенствование механизма регулирования судебных признаний в действующем законодательстве;

активность сторон (за распоряжение процессуальной стратегией), и суда (в вопросах управления процессом и движением дела) [13, с. 116];

совершенствование механизма проверки судом представленного сторонами материала для вынесения судебного решения.

Список литературы:

[1] Абушенко Д.Б. Гражданско-правовой зачет и зачет, производимый при удовлетворении судом встречного и первоначального исков: теоретические размышления о сходстве и отличиях правовых институтов // Вестник гражданского процесса. 2023. № 6. С. 145 - 167.

[2] Васьковский Е.В. Избранные работы польского периода / отв. ред., сост., пер. Ю. В. Тай; пер. А. А. Богустов. – М.: Статут, 2016. – 652 с.

[3] Васьковский Е. В. Учебник гражданского процесса. М.: Зерцало, 2015. – 462 с.

[4] Гольмстен А. Х. Учебник русского гражданского судопроизводства. 5-е изд., исп. и доп. – СПб.: Типография М. Меркушева, 1913. – 411 с.

[5] Дружинина А.С. Законная сила судебного решения в немецком гражданском процессе // Российский юридический журнал. 2023. № 3. С. 54 - 59.

[6] Кононова А.В. Судейское руководство гражданским процессом: формальная и материальная составляющая // Российское правосудие. 2020. № 4. С. 59-71.

[7] Лазарев С.В. Судебное управление движением дела. М.: Статут, 2022. – 330 с.

[8] Малинин М. И. Судебное признание в гражданских делах. 2-е изд., доп. – Одесса: Тип. Л. Нитче, 1878. – 135 с.

[9] Нефедьев Е. А. К учению о сущности гражданского процесса : соучастие в гражданском процессе : соучастие по нем. и фр. праву : [дис. на степень д-ра гражданского права] / исслед. и. д. экстраординарного проф. Казанского ун-та Е. А. Нефедьева. — Казань : Тип. ун-та, 1891. – 228 с.

[10] Пахман С. В. Обычное гражданское право в России: собственность, обязательства и средства судебного хранения: юридические очерки. – СПб.: Тип. 2 отд. Собств. Е. И. В. канцелярии, 1877. – Т. 1. – 447 с.

[11] Пучинский В. К. Признание стороны в советском гражданском процессе. – М., 1955. – 100 с.

[12] Тряпочкин Н. А. Судебное признание в цивилистическом процессе: теоретические проблемы: [монография] / Н. А. Тряпочкин; Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева, кафедра гражданского процесса. – Москва: Статут, 2024. – 122 с.

[13] Фокин Е.А. Обеспечение доступности правосудия в условиях профессионализации российского арбитражного процесса: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.15 - Москва, 2020. – 228 с.

[14] Юдельсон К. С. Судебное признание как основание освобождения от доказывания в советском гражданском процессе // Методические материалы. Методические материалы ВЮЗИ. - М., 1948, Вып. 2. – С. 62-78.

[15] Яблочков Т.М. Формальные признаки понятия судебного признания в гражданском процессе // Юридические записки, издаваемые Демидовским Юридическим Лицеом. – Ярославль, 1914. – Вып. III (XXI). С. 462-482; Вып. IV (XXII). С. 604-637.

[16] Яблочков Т. М. «Недостаточное обоснование» требования (иска или возражения) / Проф. Т.М. Яблочков. – Петроград: тип. т-ва «Обществ. польза», 1915. – 20 с.

[17] Gönner. Handbuch des deutschen gem. Prozesses. II (1804). P.587.

References:

[1] Abushenko D.B. Civil law offset and offset made when the court satisfies counterclaims and initial claims: theoretical reflections on the similarities and differences of legal institutions // Bulletin of the civil process. 2023. № 6. S. 145-167.

[2] Vaskovsky E.V. Selected works of the Polish period/ed. ed., Comp., Per. Yu. V. Tai; per. A. A. Bogustov. - M.: Statute, 2016. - 652 p.

[3] Vaskovsky E.V. Textbook of civil procedure. M.: Zerkalo, 2015. - 462 s.

[4] Holmsten A. Kh. Textbook of Russian

civil proceedings. 5th ed., Spanish and add. - St. Petersburg: Printing house M. Merkushev, 1913. - 411 s.

[5] Druzhinina A.S. Legal force of a court decision in German civil proceedings // Russian Law Journal. 2023. № 3. S. 54-59.

[6] A.V. Kononova. Judicial leadership of the civil process: formal and material component // Russian justice. 2020. № 4. S. 59-71.

[7] Lazarev S.V. Court management of the case. M.: Statute, 2022. - 330 s.

[8] Malinin M.I. Judicial recognition in civil cases. 2nd ed., Add. - Odessa: Type. L. Nitsche, 1878. - 135 s.

[9] Nefediev E. A. To the doctrine of the essence of the civil process: complicity in the civil process: complicity in German and French law: [dis. for the degree of Doctor of Civil Law]/†. and. D. Extraordinal prof. Kazan University E. A. Nefediev. - Kazan: Type. University, 1891. - 228 s.

[10] Pachman S.V. Customary civil law in Russia: property, obligations and means of judicial storage: legal essays. - St. Petersburg: Type. 2 Dep. Own. E.I. V. Chancellery, 1877. - VOL. 1. - 447 s.

[11] Puchinsky V.K. Recognition of the side in

the Soviet civil process. - M., 1955. - 100 s.

[12] Tryapochkin N. A. Judicial recognition in the civil process: theoretical problems: [monograph]/ N. A. Tryapochkin; Ural State Law University named after V.F. Yakovlev, Department of Civil Procedure. - Moscow: Statute, 2024. - 122 s.

[13] E.A. Fokin. Ensuring the availability of justice in the context of the professionalization of the Russian arbitration process: diss.... cand. jurid. Sciences: 12.00.15 - Moscow, 2020. -228 s.

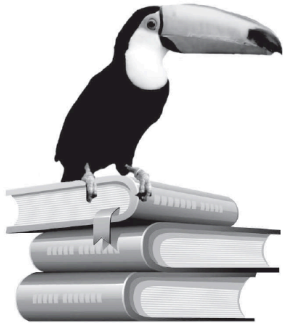
[14] Yudelso K. S. Judicial recognition as a basis for exemption from evidence in Soviet civil proceedings // Methodological materials. Methodological materials of VUSI. - M., 1948, Vol. 2. - S. 62-78.

[15] Yablochkov T.M. Formal signs of the concept of judicial recognition in civil proceedings // Legal notes published by the Demidov Legal Lyceum. - Yaroslavl, 1914. - Issue III (XXI). S. 462-482; No. IV (XXII). P. 604-637.

[16] Yablochkov T. M. "Insufficient justification" of the claim (claim or objection)/Prof. TM Yablochkov. - Petrograd: type. TS "Societies. benefit," 1915. - 20 s.

[17] Gönner. Handbuch des deutschen gem. Prozesses. II (1804). P.587.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ГРИБКОВ Тимур Дмитриевич,
Аспирант 2-го года обучения ЧОУ ВО СПбУТУиЭ,
e-mail: mail@law-books.ru

ГРИБКОВ Артём Дмитриевич,
Аспирант 2-го года обучения ЧОУ ВО СПбУТУиЭ,
e-mail: mail@law-books.ru

ЯЦЕНКО Марина Анатольевна,
Аспирант 2-го года обучения ЧОУ ВО СПбУТУиЭ,
e-mail: mail@law-books.ru

ЯЦЕНКО Вячеслав Владиславович,
Аспирант 2-го года обучения ЧОУ ВО СПбУТУиЭ,
e-mail: mail@law-books.ru

СУД ПРИСЯЖНЫХ КАК ФОРМА ДИАЛОГА ГОСУДАРСТВА И ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В СИСТЕМЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ НАРОДОВЛАСТИЯ

Аннотация. Исторически суд присяжных задумывался как гарантия от злоупотреблений репрессивной властью, как прямое следствие принципа народного суверенитета. В отличие от исполнительной и законодательной ветвей власти, где граждане участвуют косвенно через голосование, система присяжных позволяет напрямую участвовать общественности в определении вины в совершении преступления. В статье суд присяжных анализируется с точки зрения диалоговой коммуникации между государством и гражданским обществом в механизме реализации народовластия. Автор исходит из предпосылки, что кризис легитимности современной судебной системы во многом обусловлен дефицитом обратной связи общество-государство и отсутствием понимания у населения логики принятия судебных решений. Автор приходит к выводу, что в современной России нерепрезентативность коллегий присяжных, доминирование профессиональных судей, отсутствие формализованной реакции государства на вердикты как сигналы обратной связи, приводит к тому, что идеальная теоретическая модель суда присяжных как диалогового механизма, «индикатора социальной энтропии» и средства предотвращения коммуникативных разрывов не реализуется.

Ключевые слова: народовластие, суд присяжных, диалоговая коммуникация, гражданское общество, государство, взаимодействие, народный суверенитет, правосудие.

GRIBKOV Timur Dmitrievich,
Post-graduate student of the 2nd year of study
at the private educational institution of higher
education SPbUTUIE

GRIBKOV Artyom Dmitrievich,
Post-graduate student of the 2nd year of study
at the private educational institution of higher
education SPbUTUIE

YATSENKO Marina Anatolyevna,
Post-graduate student of the 2nd year of study
at the private educational institution of higher
education SPbUTUIE

TRIAL BY JURY AS A FORM OF DIALOGUE BETWEEN THE STATE AND CIVIL SOCIETY IN THE SYSTEM OF EXERCISING DEMOCRACY

Annotation. Historically, the jury trial was conceived as a guarantee against abuse of repressive power, as a direct consequence of the principle of national sovereignty. Unlike the executive and legislative branches of government, where citizens participate indirectly through voting, the jury system allows the public to participate directly in determining guilt in committing a crime. The article analyzes the trial by jury from the point of view of dialogical communication between the state and civil society in the mechanism of the realization of democracy. The author proceeds from the premise that the crisis of legitimacy of the modern judicial system is largely due to the lack of feedback between society and the state and the lack of understanding among the population of the logic of judicial decision-making. The author concludes that in modern Russia, the unrepresentativeness of jury panels, the dominance of professional judges, and the lack of a formalized government response to verdicts as feedback signals lead to the fact that the ideal theoretical model of jury trials as a dialogue mechanism, an "indicator of social entropy" and a means of preventing communication gaps is not being implemented.

Key words: democracy, trial by jury, dialogue communication, civil society, state, interaction, national sovereignty, justice.

Сегодня система правосудия сталкивается с серьезным кризисом, который трудно игнорировать. С одной стороны, она должна эффективно реагировать на все более многообразные криминальные явления и сложные гражданско-правовые споры; с другой — делать это, соблюдая высокие стандарты справедливости, беспристрастности и защиты основных прав. В этом контексте критика функционирования судов часто фокусируется на их предполагаемой неэффективности, медлительности судебных разбирательств или несоответствии судебных решений ожиданиям общества. Однако значительная часть этого недовольства и недоверия к институтам, ответственным за осуществление судебной власти, проистекает из недостаточной диалоговой коммуникации государства и гражданского общества, последствием чего является отсутствие понимания общественностью того, как принимаются судебные решения, а также критериев, которыми руководствуются судьи при оценке доказательств и определении уголовной ответственности.

В современных дебатах о кризисе легитимности судебной ветви власти все большее значение приобретает участие граждан в отправлении правосудия. Конституция РФ закрепляет только одну форму непосредственного участия граждан в правосудии — это суд присяжных (ч. 5 ст. 32 Конституции РФ), в российской правовой традиции применяемый только для рассмотрения уголовных дел. Уголовное правосудие, как проявление наиболее интенсивного осуществления госу-

дарственной власти над индивидуумами, требует особой социальной легитимности, которая не может основываться исключительно на техническом профессионализме тех, кто его осуществляет. В этом контексте суд присяжных мыслится как институт, позволяющий не только реализовать принцип народовластия в судебной сфере, но и согласно известному замечанию А. Ф. Кони, перевести понимание виновности из узкой уголовно-правовой плоскости в широкую общесоциальную, где она означает «способность данного общества вменить данному человеку данное преступление» [1, с. 534], благодаря чему вердикт присяжных выступает не просто юридическим фактом, а актом общественного признания (или непризнания) вины, придающим уголовному правосудию ту социальную легитимность, которой не может дать один лишь профессиональный судья.

Вместе с тем, история развития суда присяжных свидетельствует о неоднозначности понимания места, занимаемого этим институтом в обществе. Активные дебаты по поводу введения суда присяжных заседателей в правовую систему не утихают до сих пор. Аргументы «за» и «против», обсуждение моделей, применяемых в других странах, возможности привлечения присяжных заседателей в гражданские и арбитражные споры, процедурные проблемы функционирования суда присяжных и препятствия эффективному использованию данного правового института — вот некоторые элементы современной научной дискуссии. Нельзя не отметить, что деятельность

присяжных, отобранных из числа народа и призванных представлять его интересы, сразу же поднимает вопросы о связях между судебной системой и гражданским обществом, однако этой проблеме в юридической литературе уделяется не слишком много внимания. Целью статьи является устранение указанного пробела, теоретическое обоснование суд присяжных как института диалоговой коммуникации государства и гражданского общества в системе народовластия, а также выявление ключевых проблемы, препятствующих реализации коммуникативной функции данного института в современной российской правовой системе.

По справедливому мнению В.М. Лебедева, «участие представителей народа в отправлении правосудия – это форма реализации суверенитета народа в осуществлении важнейшего вида государственной власти». [2, с. 174]. Из закреплённого в Конституции РФ принципа народного суверенитета и установления разделения властей логично следует мысль о том, что принцип народовластия должен лежать в основе не только законодательной и исполнительной ветвей власти, но и судебной. И, хотя в юридическом сообществе наблюдается устойчивый скептицизм в отношении суда присяжных, приведенный выше тезис практически не оспаривается. Единство в признании указанного принципа оборачивается спорами о выборе форм его реализации. Альтернативными суду присяжных формами участия общества в правосудии называют, в частности, институт шеффенов или, в российской практике, народных заседателей [3], магистратские суды Великобритании. Сопротивление введению суда присяжных в правовую систему часто основывается на аргументе о том, что граждане, призванные принимать решения, не обладают той профессиональной компетентностью, которой обладают нынешние судьи, и, соответственно, подвержены эмоциональному воздействию и манипуляциям. Утверждается, что сложность норм закона и оценка доказательств требуют специальных знаний, которыми могут обладать только профессиональные судьи. Однако это рассуждение не учитывает того факта, что легитимность присяжных основана не на их юридической компетентности, а на их репрезентативном характере и способности выражать мнение общества по вопросам, затрагивающим основы социальной стабильности.

Вопрос о сравнительных преимуществах различных моделей народного участия в правосудии не имеет однозначного ответа, признанного в науке, каждый из вариантов имеет как плюсы, так и минусы, выбор законодателя зависит от баланса политических, культурных и процессуальных факторов. Так, смешанные коллегии, каковой является суд шеффенов, критикуются за чрезмерно

сильное влияние профессионального судьи на непрофессиональных заседателей [3, с. 31], магистраты, в которых судьями выступают обычные граждане, не являющиеся профессиональными юристами, вынуждены решать вопросы права, что ведёт к ошибкам, а малый размер коллегии (2-3 человека) не позволяет говорить о выражении «общественного мнения».

Однако если исходить из критериев реализации народовластия и коммуникации государства и общества, можно выделить ряд существенных аргументов в пользу классической модели суда присяжных. «Суд присяжных – пишет А.А. Тарасов, – это не просто процедурная форма рассмотрения и разрешения уголовных дел — это продолжительный и многоплановый диалог государства и общества по наиболее значимым вопросам социально-политической жизни страны. Суд присяжных — одно из лучших средств диагностики общественных настроений, и приумелом использовании — один из самых эффективных способов влиять на них в ситуации глобальной нестабильности» [1, с. 535]. Аналогичные рассуждения мы видим и в статье А.В. Холопова, который считает, что с позиции коммуникационного подхода роль суда присяжных раскрывается через сопоставление двух способов познания преступления — профессионального (следователь, прокурор, судья) и «профанного» (обычные граждане, не обладающие юридическими знаниями, но наделённые правом выносить вердикт). В таком контексте суд присяжных видится автору «индикатором социальной энтропии» – вердикт коллегии, состоящей из обычных граждан, показывает степень расхождения между профессиональной квалификацией деяния и тем, как его оценивает общество [4, с. 78]. Тем самым суд присяжных становится механизмом предотвращения коммуникативных разрывов и поддержания диалога между обществом и государством: государство может оценить эффективность правовой пропаганды и уровень доверия к власти и корректировать собственную политику — через уточнение законодательства, изменение судебной практики или более активную разъяснительную работу.

Участие граждан в отправлении правосудия способствует демократизации власти, которая исторически воспринималась как непрозрачная и оторванная от повседневной жизни граждан. Вмешиваясь непосредственно в разрешение уголовных конфликтов, народ не только контролирует осуществление репрессии, но и берет на себя ответственность за решения, принятые от его имени. В этом смысле суд присяжных приобретает воспитательный характер, поскольку граждане учатся обсуждать, взвешивать доказательства и коллективно принимать решения по вопросам, имеющим большое социальное значе-

ние. Французский мыслитель А. Токвиль также подчеркивал глубокое воспитательное значение жюри присяжных, утверждая, что его функция вносит решающий вклад в формирование общественного мнения и углубление понимания гражданами правовых норм. Участвуя в отправлении правосудия, граждане непосредственно соприкасаются с законами, понимают их практическое применение и знакомятся с правовой логикой посредством состязательных дебатов между сторонами. Таким образом, жюри присяжных не только легитимизирует уголовные решения, но и укрепляет демократическую культуру и активную приверженность верховенству права [5]. С этой точки зрения, создание суда присяжных не следует оценивать исключительно с позиции процессуальной эффективности или эпистемологической точности решений, а в первую очередь как стремление к реализации принципа народовластия и укрепления коммуникации государства и гражданского общества.

Таким образом, теоретическая модель суда присяжных как диалогового механизма, «индикатора социальной энтропии» и средства предотвращения коммуникативных разрывов обладает несомненной эвристической ценностью. Однако нельзя отрицать, что в реальности эта модель сталкивается с многочисленными проблемами. Тезис о том, что вердикт присяжных показывает степень расхождения между профессиональной и обывательской оценкой, предполагает, что присяжные действительно выражают общественное мнение. Коллегия присяжных является не только судебным институтом, но и, в первую очередь, политическим, не в полной мере отражающим волю населения, поскольку существует множество механизмов, исключающих отдельные категории граждан из процесса судейства: отсеиваются лица с судимостью, имеющие семейные обязательства, граждане моложе 25 лет, имеющие физические недостатки (например, глухие). Соответственно, зачастую в коллегии оказываются лица, со специфическими, не всегда коррелирующими с общенациональными настроениями правовыми и социальными установками. Так же следует упомянуть, что профессиональные судьи занимают доминирующее положение в судебном процессе: они олицетворяют собой уголовное правосудие, обладают глубокими знаниями закона и традиций судопроизводства, а также имеют обширный профессиональный опыт, позволяющий им влиять на точку зрения присяжных.

Эмпирические наблюдения показывают, что устойчивые оправдательные вердикты по определённым категориям дел чаще ведут не к диалогу государства и гражданского общества, а к ограничению компетенции суда присяжных,

отмены приговоров, вынесенных на основании вердикта. Так, за 2025 г. из общего числа лиц, в отношении которых судами в первой половине года вынесены приговоры (444 подсудимых), 144 оправданы, 300 осуждены (68%), отменены 35 обвинительных приговоров и 74 оправдательных. В настоящее время российская судебная и законодательная системы не имеют формального механизма реакции на вердикт присяжных как «индикатора социальной энтропии». Верховный Суд не обобщает судебную практику по делам присяжных в качестве обратной связи для законодателя.

Список литературы:

- [1] Тарасов А.А. Суд присяжных как форма диалога государства и общества в ситуации глобальной нестабильности // Мировое развитие: проблемы предсказуемости и управляемости: XIX Международные Лихачевские научные чтения, Санкт-Петербург, 22–24 мая 2019 года. СПб: Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов, 2019. С. 533–535.
- [2] Лебедев В. М. Судебная власть в современной России. Санкт-Петербург, 2001. 278 с.
- [3] Якимович Ю.К. Выборность судей и коллегиальность рассмотрения уголовных дел в Российской империи, СССР и Российской Федерации; суд присяжных или суд шеффов? // Уголовная юстиция. 2014. № 2 (4). С. 29–33.
- [4] Холопов А.В. К вопросу о системной и социальной значимости суда присяжных // Юридическая наука. 2023. № 7. С. 74–80.
- [5] Токвиль А. Демократия в Америке: Пер. с франц./ Предисл. Гарольда Дж. Ласки. М.: Прогресс, 1992. 554 с.

References:

- [1] Tarasov A.A. Jury trial as a form of dialogue between the state and society in a situation of global instability // World development: problems of predictability and controllability: XIX International Likhachev Scientific Readings, St. Petersburg, May 22–24, 2019. St. Petersburg: St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions, 2019. S. 533–535.
- [2] Lebedev V. M. Judicial power in modern Russia. St. Petersburg, 2001. 278 pp.
- [3] Yakimovich Yu.K. Election of judges and collegiality of consideration of criminal cases in the Russian Empire, the USSR and the Russian Federation; jury trial or sheffen trial? // Criminal justice. 2014. № 2 (4). S. 29–33.
- [4] A.V. Kholopov. To the question of the systemic and social significance of the jury trial // Legal science. 2023. № 7. S. 74–80.
- [5] Tocqueville A. Democracy in America: Per. with French/Foreword. Harold J. Lasky. M.: Progress, 1992. 554 p.

Дата поступления рукописи в редакцию: 01.07.2026 г.

DOI: 10.24412/2224-9133-2026-8-199-208

Дата принятия рукописи в печать: 01.09.2026 г.

БЕЙСЕМБАЕВА Наталья Александровна,
Соискатель ученой степени кандидата
юридических наук, Прокурор отдела по надзору
за процессуальной деятельностью органов
внутренних дел и юстиции прокуратуры г. Москвы
Юрист 2 класса,
e-mail: nataliabei01@yandex.ru

ПОЛНОМОЧИЯ ПРОКУРОРА ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В ФОРМЕ ДОЗНАНИЯ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Аннотация. На основании проведенного анализа научных взглядов, действующего уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации, личной практики прокурорского надзора автором статьи рассматриваются основные полномочия прокурора при расследовании уголовных дел дознавателем, органом дознания, определяются некоторые точечные проблемы их реализации и предлагаются пути их разрешения.

В ходе своего исследования автор статьи вводит новое понятие в уголовно-процессуальный закон Российской Федерации (п. 54.1 ст. 5 УПК РФ) следующего содержания «требование об устранении нарушений федерального законодательства, допущенных в ходе дознания или предварительного следствия», вносит изменение в п. 3 ч. 2 ст. 37 УПК РФ и предлагает внести важное правовое положение – дополнение в приказ Генерального прокурора Российской Федерации с целью эффективного его применения.

Кроме того, в целях эффективной реализации полномочия, предусмотренного п. 6 ч. 2 ст. 37 УПК РФ по отмене незаконных и необоснованных решений дознавателя, органа дознания, начальника органа дознания, начальника подразделения дознания и обеспечения эффективности производства по уголовным делам, предлагается внести изменения в ч. 2 ст. 208 и ч. 1 ст. 213 УПК РФ, обязывающих органы расследования направлять прокурору копию постановления о приостановлении расследования, прекращении уголовного дела с материалами в обоснование принятого решения в течение 24 часов с момента его вынесения.

Также, в целях стимулирования эффективного прокурорского надзора на данном направлении деятельности изыскатель предлагает применять меры дисциплинарного воздействия за принятое решение о возврате уголовного дела для производства дополнительного расследования, а так же за не исполнение прокурорских указаний. Следует рассматривать вопрос и о применении меры дисциплинарного воздействия в связи с ненадлежащей организацией надзора на сотрудника прокуратуры, осуществляющего надзор в указанном направлении деятельности.

Ключевые слова: полномочия, прокурор, уголовное дело, дознание, орган дознания, начальник органа дознания, начальник подразделения дознания, расследование уголовных дел, требование, приостановление, прекращение, проект акта реагирования.

BEISEMBAEVA Natalia Aleksandrovna,
Applicant for the degree of Candidate of Legal
Sciences, Prosecutor of the Department for
Supervision of the Procedural Activities of the Internal
Affairs Bodies and Justice of the Prosecutor's Office
of Moscow Lawyer of the 2nd Class

POWERS OF THE PROSECUTOR IN THE INVESTIGATION OF CRIMES IN THE FORM OF INQUIRY OF INTERNAL AFFAIRS BODIES IN THE RUSSIAN FEDERATION: QUESTIONS OF THEORY AND PRACTICE

Annotation. Based on an analysis of scientific views, current criminal procedure legislation of the Russian Federation, and personal experience in prosecutorial supervision, the author of this article examines the prosecutor's key powers during criminal investigations by investigators and inquiry bodies, identifies specific issues in their implementation, and proposes solutions.

In the course of this research, the author introduces a new concept into the Criminal Procedure Law of the Russian Federation (Clause 54.1, Article 5 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation) containing the following content: "a demand to eliminate violations of federal legislation committed during an inquiry or preliminary investigation," amends Clause 3, Part 2, Article 37 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, and proposes the introduction of an important legal provision—an addition to the order of the Prosecutor General of the Russian Federation—to ensure its effective implementation.

Furthermore, in order to effectively implement the authority provided for in Clause 6, Part 2, Article In addition to Article 37 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, which addresses the reversal of unlawful and unfounded decisions of the investigator, the investigative body, the head of the investigative body, the head of the investigative unit, and ensuring the effectiveness of criminal proceedings, it is proposed to amend Part 2 of Article 208 and Part 1 of Article 213 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. These amendments require investigative bodies to send the prosecutor a copy of the decision to suspend the investigation or terminate the criminal case, along with supporting materials, within 24 hours of its issuance.

Furthermore, in order to encourage effective prosecutorial oversight in this area of activity, the researcher proposes applying disciplinary measures for the decision to return a criminal case for additional investigation, as well as for failure to comply with prosecutorial instructions. The issue of applying disciplinary measures for improper supervision of the prosecutor's office employee overseeing this area of activity should also be considered.

Key words: authority, prosecutor, criminal case, inquest, inquest body, head of the inquest body, head of the inquest unit, investigation of criminal cases, requirement, suspension, termination, draft act of response.

Актуальность настоящего исследования состоит в законодательной неурегулированности вопросов по реализации полномочий прокурором при осуществлении им надзора за исполнением уголовно – процессуального закона России в деятельности должностных лиц органов дознания при расследовании преступлений. Недолжное отношение к исполнению своих должностных обязанностей органом дознания влияет, в целом, на состояние преступности в Российской Федерации и не достижения поставленной цели по защите прав потерпевших лиц от преступлений. Прокурору, осуществляющему уголовное преследование, от имени государства в период расследования преступлений определена главная роль по обеспечению законности производства по уголовным делам, поскольку на него возложена ответственность за качество предварительного расследования, за его полноту и обоснованность.

При исполнении предоставленных уголовно – процессуальным законом, ведомственными актами Генпрокуратуры России комплекса надзорных полномочий за расследованием преступ-

лений выявляется значительное количество нарушений уголовного и уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации, допускаемых должностными лицами органов дознания, дознавателями органов внутренних дел России при расследовании уголовных дел. Однако, реализовать и добиться реального устранения выявленных нарушений прокурором, повлиять на качество расследования уголовных дел, добиться исполнения прокурорских указаний по их устранению затруднительно в связи с законодательной неурегулированностью отдельных первостепенных прокурорских полномочий, что и находит свое отражение в интенсивных дискуссиях научной и практической среды.

В современной России процессуальный статус должностного лица - прокурора, выступающего от имени российского государства в обеспечении законности при производстве расследования уголовных дел необходим в укреплении, а его имеющиеся полномочия – в конкретизации и формировании действенных процессуальных механизмов их реализации.

Целью исследования выступает рассмотрение основных полномочий прокурора по надзору за законностью в деятельности дознавателя, органов дознания при расследовании уголовных дел современной России, выявление проблем по их реализации и внесение предложений - путей их разрешения.

Задачи исследования состоят в изучении законодательных и ведомственных положений, направленных на определение объема имеющихся полномочий прокурора, в обозначении проблем реализации прокурорских полномочий по надзору за расследованием преступлений в форме дознания, в определении путей их разрешения в целях обеспечения законности и эффективности производства по уголовным делам на современном этапе развития России.

Методология исследования представлена диалектическим методом, формально-логическим методом, методами анализа и синтеза.

Результаты

Дознание является одной из форм предварительного расследования в России, в которой расследование преступлений проходит в сжатые процессуальные сроки, которые в некоторых случаях определяют поверхностное и халатное отношение к установлению обстоятельств совершенного преступления со стороны дознавателя и органа дознания. Согласно ведомственному приказу [18], одним из квалификационных допусков, предъявляемых к должностному лицу, осуществляющему уголовное преследование по расследованию преступлений небольшой и средней тяжести в форме дознания, является наличие среднего профессионального образования. Как показывает прокурорская практика, что такие ведомственные фигуры уголовного процесса, как начальник подразделения дознания и начальник органа дознания, при осуществлении ими ведомственного контроля над организацией работы по расследованию преступлений в виде дознания, к сожалению, не выявляют не законность и не дают должных указаний по ее устранению. При таких сложившихся обстоятельствах только качественный прокурорский надзор и активная позиция надзирающего прокурора является гарантом защиты прав и законных интересов лиц, потерпевших от преступления и уголовно преследуемых за совершенное преступление.

Рассмотрев основные полномочия прокурора на стадии возбуждения уголовного дела [19], автор настоящей статьи переходит к рассмотрению основополагающих полномочий должностного лица - прокурора, осуществляющего надзор за деятельностью дознавателя, органов дознания при расследовании уголовных дел. Приказ Генерального прокурора Российской Федерации [20] акцентирует особое внимание прокуроров

на эффективную реализацию их полномочий при выявлении нарушений закона при производстве дознания, в том числе в органах внутренних дел, подчеркивая значимость данного направления деятельности прокураторы в России. В настоящее время в науке вопрос о роли прокурора в осуществлении уголовного преследования, включающего процессуальное руководство в деятельности дознавателя, органов дознания в органах внутренних дел его соотношение с функцией надзора в досудебном производстве в научной среде, не находит единого мнения.

О важности реализации прокурором функции уголовного преследования имело место и в исследованиях XIX века [1], как одной из важнейших его функций, от эффективности реализации, которой зависело и зависит достижение цели уголовного судопроизводства.

Исследователь Е.М. Коломеец считает, что прокурор, утратив полномочие по прекращению уголовного дела (уголовного преследования) не несет ответственность за законность уголовного преследования [2]. Аналогичной позицией выступил Р.В. Жубрин, полагая, что в связи с отсутствием ключевых полномочий, в частности по возбуждению уголовного дела, предъявлению обвинения, избранию меры пресечения, говорить о руководстве прокурором уголовным преследованием и ответственности за законность также не следует [3]. По мнению К.А. Таболиной, составным элементом прокурорского надзора является процессуальное руководство за предварительным следствием и дознанием [4, с. 11]. А.Г. Тетерюк рассматривая данный вопрос, в своем исследовании отмечает, что от разноплановой деятельности прокурора, от ее характера и содержания зависит и процессуальная деятельность дознавателей, органов дознания при осуществлении функции по борьбе с преступностью [5]. М.В. Курилов и Н.Ю. Литвинцева, полагают, что прокурором при осуществлении прокурорского надзора реализуется и функция уголовного преследования [6, с. 617].

Рассмотрев различные взгляды относительно данного вопроса, можно прийти к выводу о том, что надзирающий прокурор, обеспечивая законность принимаемых решений органами дознания в ходе расследования уголовных дел создает, тем самым условия, необходимые для продолжения уголовного преследования в ходе рассмотрения уголовного дела судом. Прокурорская практика показывает, что, бездействие дознавателей и органа дознания органов внутренних дел, их неправильная тактика действий в организации текущей работы, низкий уровень межведомственного взаимодействия, недолжный ведомственный контроль со стороны руководства приводят к процессуальным нарушениям, ведущим к недо-

пустимым нарушениям разумного срока уголовного судопроизводства в различных его видах (Несвоевременное принятие к производству уголовного дела после отмены незаконного решения о приостановлении предварительного расследования надзирающим прокурором; необоснованное продление сроков предварительного расследования; несвоевременное проведение необходимых следственных действий, направленных на установление обстоятельств, подлежащих доказыванию в порядке ст. 73 УПК РФ, и ряд других). Проведенный анализ различных научных суждений о роли надзирающего прокурора за дознанием показал, что на протяжении уже многих лет не утихают дискуссии о пересмотре его полномочий за деятельностью должностных лиц органов внутренних дел при расследовании уголовных дел.

В ходе изучения данного вопроса в научной среде большинство ученых склоняются к унификации надзорных полномочий прокурора, об исключении ряда его полномочий с предложением делегировать участнику уголовного процесса, осуществляющему ведомственный контроль над организацией работы дознавателей, органа дознания, тем самым, понизить влияние прокурора за деятельностью вышеуказанных должностных лиц, с чем автор статьи не согласен. В частности, ученые-процессуалисты видят решение в передаче начальнику подразделения дознания ряда прокурорских полномочий (Отстранение дознавателя от дальнейшего производства предварительного расследования в случае нарушения им уголовно-процессуального закона; продление срока рассмотрения заявления или сообщения о преступлении; возможность отменять незаконные или необоснованные постановления об отказе в возбуждении уголовного дела; принимать решения о соединении уголовных дел и так далее). Так, например, по мнению И.А. Ишина перераспределение полномочий между указанными должностными лицами исключит их дублирование и повысит ответственность должностных лиц, осуществляющих ведомственный контроль [7. - С. 84]. О.А. Чукаева рассматривая данный вопрос, считает, что контроль со стороны прокурора излишен, а предоставление дополнительных процессуальных полномочий начальнику подразделения дознания повысит его процессуальный статус, что отразится на эффективности при производстве дознания [8]. И.В. Стуканог на базе своего исследования выражает свою позицию о целесообразности и необходимости унификации процессуальных надзорных полномочий прокурора по соблюдению процессуальных сроков предварительного расследования, приводя критерии эффективности деятельности в целях обеспечения их соблюдения иными участниками уголовного процесса со стороны обвинения (Законность, обоснован-

ность и мотивированность выносимых прокурором решений; своевременность принятия прокурором мер прокурорского реагирования; качество составленных прокурором процессуальных документов). Б. Я. Гаврилов и В. П. Божьев видят решение проблемы в разграничении полномочий прокурора и начальника подразделения дознания по аналогии уголовно-правовых отношений прокурора с руководством следственного органа [9. - С. 78].

Основные полномочия прокурора при расследовании уголовных дел дознавателем, органом дознания органов внутренних дел

В действующем российском уголовно – процессуальном законодательстве прокурору предоставлен комплекс полномочий в целях оперативного реагирования на выявленные нарушения уголовного и уголовно-процессуального закона, одним из которых является его требование от поднадзорных органов об устранении выявленных нарушений, допущенных при производстве дознания и предварительного следствия. Доктор юридических наук, профессор О. С. Капинус, рассматривая данный вопрос, считает, что требование должностного лица, представляющего интересы государства, служит универсальной формой прокурорского реагирования [10, с. 57]. М. В. Серебрянникова рассматривает требование прокурора как средство прокурорского реагирования, которое следует из его процессуальных полномочий за исполнением законов дознавателями и следователями [11, с. 36]. Я.А. Климова считает, что целью требования прокурора – устранить выявленные нарушения в максимально сжатые сроки [12]. Прокурорская практика показывает, что данное полномочие получило широкое распространение, как оперативное средство реагирования на выявленные нарушения законодательства дознавателем, органом дознания в ОВД, призванное в максимально короткие сроки на их устранение, которое, к сожалению, игнорируется дознавателями, органом дознания органов внутренних дел, которые формально относятся к его исполнению.

Автор статьи согласен с мнением ученых и придерживается мнения о необходимости и важности использования данного полномочия. Рассматривает его, как самостоятельный акт прокурорского реагирования, адресованный должностному лицу органа дознания, призванный в кратчайшие сроки устранить выявленные нарушения в ходе проведенной проверки учетно-регистрационной дисциплины, в том числе и в ходе изучения - проверки уголовного дела. Главной проблемой в организации прокурорского надзора остается, и по сей день – формальность исполнения дознавателями, органами дознания требований прокурора и причиной тому служит, как

недолжное отношение к исполнению своих обязанностей сотрудниками органов дознания ОВД, так и некачественный, поверхностный надзор со стороны сотрудников прокуратуры.

Как показывает прокурорская практика дополнительным инструментом, призванным устранить выявленные нарушения является вышестоящая прокуратура России, в связи с чем, прокурорская практика по внесению проектов актов мер прокурорского реагирования надзирающих прокуроров, служит одним из эффективных механизмов устранения выявленных нарушений органами дознания.

Делая вывод, автор настоящего исследования, предлагает внести важное правовое положение – дополнение в приказ Генерального прокурора Российской Федерации [21], следующего содержания: «С целью контроля за внесенными актами мер прокурорского реагирования прокурорам не реже 1 раза в месяц по вскрытым фактам формального устранения выявленных нарушений при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях и при производстве дознания направлять проект требования или представления в вышестоящую прокуратуру, в том числе с постановкой вопроса о привлечении к дисциплинарной ответственности должностных лиц органов дознания». Кроме того, автор статьи предлагает внести изменения в действующий российский уголовно-процессуальный закон с целью исключения дальнейших дискуссии о сущности слова «требовать» и об установлении оптимального срока исполнения требования прокурора для конкретного уголовного дела, изложив п. 3 ч. 2 ст. 37 УПК РФ в следующей редакции: «Вносить требование органам дознания и следственным органам об устранении нарушений федерального законодательства, допущенных в ходе дознания или предварительного следствия, с указанием сроков устранения нарушений, обязательных для исполнения».

Изыскатель статьи предлагает внести в статью 5 УПК РФ пункт 54.1, следующего содержания: «требование об устранении нарушений федерального законодательства допущенных в ходе дознания или предварительного следствия - акт прокурорского реагирования адресованный должностному лицу органа дознания или следственного органа, уполномоченному устранить выявленные нарушения закона, призванный в кратчайшие сроки устранить выявленные нарушения при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях, производстве дознания или предварительного следствия с указанием сроков его устранения и обязательностью его исполнения».

Реализуя свои полномочия за деятельностью должностных лиц при производстве дозна-

ния, прокурор вправе давать дознавателю письменные указания о направлении расследования, а также о производстве процессуальных действий. Генеральный прокурор Российской Федерации ориентирует прокуроров давать указания, исключая очевидно – автоматический перечень следственных действий, а опираться на конкретные обстоятельства произошедшего. В ходе изучения научных исследований большинство склоняется к исключению указанного полномочия.

По мнению Д.А. Емельяновой указанное полномочие существенно ограничивает самостоятельность дознавателя при принятии решения и относится к процессуальному контролю, нежели к прокурорскому надзору, с чем согласен и Ситник В.В. [13, 14]. В своем исследовании А.М. Зацепин и И.А. Доборез, считают, что указанное полномочие реального влияния на качество дознания зачастую не оказывают, поскольку сводятся к формальному перечислению очевидных следственных действий [15].

Генеральный прокурор Российской Федерации ориентирует прокуроров ответственно подходить к вопросу о даче согласия дознавателю на возбуждение перед судом ходатайства об избрании, отмене или изменении меры пресечения либо о производстве иного процессуального действия, которое допускается на основании судебного решения. Он указывает на тщательное изучение поступивших материалов, опираясь на данные о личности, возрасте, семейном положении, а также на другие существенные обстоятельства; принимать такие решения только в тех случаях, когда имеются основания, предусмотренные ч. 1 ст. 108 УПК РФ, а применение иных мер пресечения невозможно [22]. Закрепленное полномочие прокурора по разрешению отводов, заявленных дознавателю, и его самоотводов, а также отстранению дознавателя от дальнейшего производства расследования, если им допущено нарушение требований закона ученые – процессуалисты Д.А. Емельянова, К.А. Синкин считают излишним и предлагают его передать должностным лицам, осуществляющим ведомственный контроль [16]. Однако, следует согласиться с мнением Т.Ю. Сабальфельда, что указанное прокурорское полномочие выступает дополнительной гарантией конституционных прав граждан [17].

Одним из важных и широко применяемым прокурорским полномочием в целях соблюдения и восстановления прав и законных интересов граждан является его право отменять незаконные или необоснованные постановления дознавателей, органов дознания. Действительно, на реализацию и исполнение данного полномочия прокурор тратит значительное время, в том числе в связи со значительным количеством поданных жалоб граждан об отмене незаконных и необос-

нованных решений.

В ходе осуществления надзора прокурорам особое внимание следует уделять незаконным решениям дознавателей, органов дознания о приостановлении расследования преступлений в форме дознания, в частности акцентировать внимание на повторных решениях без выполнения необходимых следственных действий и принятия мер к раскрытию преступления. На качество прокурорского надзора влияет одна из нерешенных проблем в действующем законодательстве - несвоевременное предоставление прокурору копий вынесенных решений, как о приостановлении, так и прекращении уголовных дел. В этой связи, прокурору необходимо на постоянной основе подготавливать запросы для их предоставления в прокуратуру для изучения, проверяя законность и обоснованность уже с некоторым промедлением. Таким образом, для эффективной реализации указанного полномочия в целях обеспечения законности принятых решений по уголовным делам, производство которых приостановлено должностными лицами органов дознания предлагается внести изменения в ч. 2 ст. 208 и ч. 1 ст. 213 УПК РФ, которые по содержанию, будут обязывать органы расследования направлять прокурору копию постановления о приостановлении расследования, о прекращении уголовного дела с материалами в течение 24 часов с момента его вынесения.

Наряду с большим объемом полномочий, следует отметить, что прокурор также должен свободно ориентироваться и в правилах определения подсудности, где он занимает в этом вопросе важную роль (п. 11, 12 ч. 2 ст. 37, ч. 7, 8 ст. 151 УПК РФ). Заключительным решением надзирающего прокурора при завершающем этапе расследования уголовных дел является утверждение им итоговых процессуальных документов - решений на принятие, которого по уголовному делу, поступившему с обвинительным актом, у надзирающего прокурора законом определено пять суток [23], с обвинительным постановлением обозначено трое и иные особенности в связи с формой проведенного расследования [24]. При реализации указанного полномочия внимание вышестоящей прокуратуры акцентируется на фактах возврата прокурором уголовных дел для дополнительного расследования дознанием.

Автор статьи полагает, что должностное лицо, обеспечивающее законность при производстве дознания, осуществляя руководство за его деятельностью на протяжении всего расследования уголовного дела, в связи со сжатыми сроками должен - обязан оперативно реагировать на выявленные нарушения закона до завершающего этапа его расследования. В целях соблюдения разумного срока уголовного судопроизводства,

соблюдения гарантированных конституционных прав граждан при возврате прокурором уголовного дела для дополнительного расследования дознавателям, органу дознания следует рассматривать вопрос и о применении меры дисциплинарного воздействия в связи с ненадлежащей организацией надзора на сотрудника прокуратуры, осуществляющего надзор в указанном направлении деятельности.

Заключение

За прокурором уголовно-процессуальным законом России закреплен широкий объем полномочий, наличие которых в научной среде, по большей части, видится излишним, является не всегда обоснованным.

Вопросы квалификации деятельности по дознанию, ведомственного контроля, правильной организации работы надзирающего прокурора, его образованность - квалификация, оперативность, принципиальность, коммуникативность за законностью над деятельностью дознания по расследованию преступлений играют ключевую роль в укреплении законности, как на досудебном производстве уголовного процесса так и в целом на протяжении всего производства по уголовным делам в России.

Прокурор в Российской Федерации выступает главной фигурой уголовного процесса, целью которого является обеспечение соблюдения законов, их единообразного понимания и неукоснительного соблюдения принципов уголовного судопроизводства, от которого зависит достижение цели, заложенной в российском уголовно-процессуальном законе. Как на стадии возбуждения уголовного дела, так и при расследовании уголовных дел прокурор является гарантом обеспечения прав и законных интересов участников уголовного процесса.

В настоящее время, как в научной среде, так и на практике следует актуализировать и акцентировать внимание прокуроров на эффективном использовании имеющихся широких полномочий и о повышении должного прокурорского реагирования на нарушения требований уголовно-процессуального законодательства при расследовании уголовных дел в форме дознания.

Список литературы:

[1] Муравьев, Н. В. Прокурорский надзор в его устройстве и деятельности. Пособие для прокурорской службы. Т. 1. Прокуратура на Западе и в России. Москва: Университетская типография. 1889. С. 36.

[2] Коломеец, Е.В. Требование об устранении нарушений закона как самостоятельный акт прокурорского реагирования в уголовном досудебном производстве // Сибирское юридическое обозрение. 2017. № 2.

URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/trebovanie-ob-ustraneni-naruseniy-zakona-kak-samostoyatelnyy-akt-prokurorskogo-reagirovaniya-v-ugolovnom-dosudebnom-proizvodstve> (дата обращения: 11.06.2026).

[3] Жубрин, Р.В. Уголовное преследование как функция прокуратуры Российской Федерации / Р.В. Жубрин. — EDN JHMNJZ // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. — 2020. — № 2 (76). — С. 22-25.

[4] Таболина, К. А. О необходимости усиления роли прокурора в процедуре возбуждения и расследования уголовных дел // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2018. № 2 (42). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-neobhodimosti-usileniya-rol-i-prokurora-v-protsedure-vozbuzhdeniya-i-rassledovaniya-ugolovnyh-del> (дата обращения: 02.06.2026).

[5] Тетерюк, А.Г. Прокурорский надзор за производством дознания : уголовно-процессуальный и организационный аспекты : диссертация ... кандидата юридических наук : 12.00.09 / Тетерюк Александр Григорьевич; [Место защиты: Нижегород. акад. МВД России]. — Нижний Новгород, 2011. — 242 с.

[6] Курилов, М.В. Уголовное преследование как функция российской прокуратуры / М.В. Курилов, Н.Ю. Литвинцева. — EDN VXFITM // Global&RegionalResearch. — 2020. — Т. 2, № 1. — С. 616-619.

[7] Ишин, И. А. Актуальные проблемы процессуального контроля начальника органа дознания в территориальном органе внутренних дел // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. — 2020. — № 4 (62). — С. 81—85.

[8] Чукаева, О.А. К вопросу о расширении процессуальных полномочий начальника подразделения дознания в уголовном судопроизводстве // Законодательство и экономика. 2015. № 4. С. 61.

[9] Гаврилов Б. Я., Божьев В. П. Концепция совершенствования досудебного производства в XXI веке: мнение науки и практики // Вестник Нижегородской академии МВД России. — 2017. — № 2 (38). — С. 74—81.

[10] Актуальные проблемы прокурорской деятельности [Текст] : курс лекций / [В. Г. Бессарабов и др.] ; под редакцией О. С. Капинус ; Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации. - Москва : Проспект, 2016. [Вып. 1]. - 2016. - 223 с.

[11] Серебрянникова, М. В. Прокурорский надзор за уголовно-процессуальной деятельностью органов, осуществляющих предварительное расследование: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. 203 с.

[12] Климова, Я.А., Шматов М.А. Требование об устранении нарушений законодательства – эф-

фективный инструмент прокурорского надзора в досудебном производстве? // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2018. № 4 (47). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/trebovanie-ob-ustraneni-naruseniy-zakonodatelstva-effektivnyy-instrument-prokurorskogo-nadzora-v-dosudebnom-proizvodstve> (дата обращения: 17.06.2026).

[13] Емельянова, Д. А. Полномочия прокурора при осуществлении надзора за органами, осуществляющими дознание, и их реализация в стадии предварительного расследования / Д. А. Емельянова, К. А. Синкин // Российско-азиатский правовой журнал. – 2022. – № 2. – С. 4-9. – DOI 10.14258/ralj(2022)2.1. – EDN FGKDHM.

[14] Ситник, В.В. Теоретические аспекты прокурорского надзора за исполнением законов органами, осуществляющими дознание // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 4 (89). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-aspekty-prokurorskogo-nadzora-za-ispolnieniem-zakonov-organami-osuschestvlyayuschimi-doznanie> (дата обращения: 04.06.2026).

[15] Зацепин, А. М., Доборез И. А. Криминологическая политика осуществления прокурорского надзора за органами предварительного расследования // Правопорядок: история, теория, практика. 2025. № 4 (47). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriminologicheskaya-politika-osuschestvleniya-prokurorskogo-nadzora-za-organami-predvaritelnogo-rassledovaniya> (дата обращения: 06.06.2026).

[16] Емельянова, Д. А. Полномочия прокурора при осуществлении надзора за органами, осуществляющими дознание, и их реализация в стадии предварительного расследования / Д. А. Емельянова, К. А. Синкин // Российско-азиатский правовой журнал. – 2022. – № 2. – С. 4-9. – DOI 10.14258/ralj(2022)2.1. – EDN FGKDHM.

[17] Сабельфельд, Т. Ю. Процессуальные полномочия прокурора по осуществлению надзора за деятельностью органов дознания // Российский следователь. — 2021. — № 2. — С. 33–36.

[18] Приказ МВД РФ от 28.08.2025 № 620 «О внесении изменений в порядок организации прохождения службы в органах внутренних дел Российской Федерации, утвержденный приказом МВД России от 01.08.2018 № 50» (Зарегистрировано в Минюсте РФ 03.10.2025 № 83752) // [Электронный ресурс] // <https://www.law.ru/npd/doc/docid/1314089569/modid/99> / (дата обращения: 25.06.2026).

[19] Бейсембаева Н.А. Прокурор - гарант обеспечения законности принятых процессуальных решений органами дознания на стадии возбуждения уголовного дела в Российской Федерации // Российский научный вестник. – 2026. – № 5. – С. 424-430. – DOI: 10.24412/2782-3830-2026-5-

[20] Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 19.01.2022 № 11 (ред. от 12.03.2026) «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания» [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_407902/ / (дата обращения: 25.06.2026).

[21] Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 19.01.2022 № 11 (ред. от 12.03.2026) «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания» [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_407902/ / (дата обращения: 25.06.2026).

[22] Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 27.11.2007 № 189 (ред. от 19.08.2021) «Об организации прокурорского надзора за соблюдением конституционных прав граждан в уголовном судопроизводстве» [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_74128/ (дата обращения: 25.06.2026).

[23] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 10.06.2026) // [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 30.06.2026). Режим доступа: Некоммерч. интернет-версия. Об утверждении обвинительного акта и о направлении уголовного дела в суд; возвращении уголовного дела для производства дополнительного дознания либо пересоставления обвинительного акта в случае его несоответствия требованиям ст. 225 УПК РФ. При этом прокурор может установить срок для производства дополнительного дознания не более 10 суток, а для пересоставления обвинительного акта — не более трех суток. Дальнейшее продление срока дознания осуществляется на общих основаниях и в порядке, которые установлены чч. 3—5 ст. 223 УПК РФ; прекращении уголовного дела по основаниям, предусмотренным ст.ст. 24—28 УПК РФ; направлении уголовного дела для производства предварительного следствия.

[24] Ст. 226.8 УПК РФ. Об утверждении обвинительного постановления и о направлении уголовного дела в суд; возвращении уголовного дела для пересоставления обвинительного постановления в случае его несоответствия требованиям, указанным в ч. 1 ст. 226.7 УПК РФ, согласно которым в обвинительном постановлении указываются те же обстоятельства, что и в обвинительном акте, устанавливая для этого срок не более двух суток; направлении уголовного дела дознавателю

для производства дознания в общем порядке; о прекращении уголовного дела по основаниям, предусмотренным ст. 24, 25, 27, 28, 28.1 УПК РФ.

References:

[1] Muravyov, N.V. Prosecutorial supervision in its structure and activities. Benefit for the prosecutor's service. VOL. 1. Prosecutors in the West and Russia. Moscow: University Printing House. 1889. S. 36.

[2] Kolomeets, E.V. Requirement to eliminate violations of the law as an independent act of prosecutorial response in criminal pre-trial proceedings // Siberian Legal Review. 2017. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/trebovanie-ob-ustraneni-narusheniy-zakona-kak-samostoyatelnyy-akt-prokurorskogo-reagirovaniya-v-ugolovnom-dosudebnom-proizvodstve> (дата обращения: 11.06.2026).

[3] Zhubrin, R.V. Criminal prosecution as a function of the prosecutor's office of the Russian Federation/R.V. Zhubrin. - EDN JHMNJZ // Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation. — 2020. — № 2 (76). - S. 22-25.

[4] Tabolin, K. A. On the need to strengthen the role of the prosecutor in the procedure for initiating and investigating criminal cases // Bulletin of the O. E. Kutafin University. 2018. № 2 (42). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-neobkhodimosti-usileniya-rol-i-prokurora-v-protsedure-vozbuzhdeniya-i-rassledovaniya-ugolovnyh-del> (дата обращения: 02.06.2026).

[5] Teteryuk, A.G. Prosecutorial supervision of inquiry proceedings: criminal procedural and organizational aspects: dissertation... Candidate of Law: 12.00.09/Teteryuk Alexander Grigorievich; [Place of protection: Nizhegor. acad. of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. - Nizhny Novgorod, 2011. - 242 s.

[6] Kurilov, M.V. Criminal prosecution as a function of the Russian prosecutor's office/ M.V. Kurilov, N.Yu. Litvintseva. — EDN VXFITM // Global&RegionalResearch. — 2020. - T. 2, NO. 1. - S. 616-619.

[7] Ishin, I. A. Actual problems of procedural control of the head of the inquiry body in the territorial body of internal affairs // Bulletin of the Kaliningrad branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. — 2020. — № 4 (62). - S. 81 - 85.

[8] Chukaeva, O.A. On the issue of expanding the procedural powers of the head of the investigation unit in criminal proceedings // Legislation and Economics. 2015. № 4. S. 61.

[9] Gavrilov B. Ya., Bozhiev V. P. The concept of improving pre-trial production in the XXI century: the opinion of science and practice // Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal

Affairs of Russia. — 2017. — № 2 (38). - S. 74-81.

[10] Actual problems of prosecutorial activity [Text]: course of lectures/[V. G. Bessarabov et al.]; edited by O.S. Kapinus; Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation. - Moscow: Prospect, 2016. [Vol. 1]. - 2016. - 223 s.

[11] Serebryannikova, M.V. Prosecutorial supervision of the criminal procedural activities of the bodies carrying out the preliminary investigation: dis.... cand. jurid. sciences. M., 2013. 203 pp.

[12] Klimova, Y.A., Shmatov M.A. The requirement to eliminate violations of the law is an effective tool for prosecutorial supervision in pre-trial proceedings ? // Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. № 4 (47). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/trebovanie-ob-ustraneni-narusheniy-zakonodatelstva-effektivnyy-instrument-prokurorskogo-nadzora-v-dosudebnom-proizvodstve> (дата обращения: 17.06.2026).

[13] Emelyanova, D. A. Powers of the prosecutor in the supervision of bodies carrying out inquiries and their implementation at the stage of preliminary investigation/D. A. Emelyanova, K. A. Sinkin // Russian-Asian legal journal. - 2022. - № 2. - S. 4-9. - DOI 10.14258/ralj(2022)2.1. - EDN FGKDHM.

[14] Sitnik, V.V. Theoretical aspects of prosecutorial supervision of the execution of laws by bodies carrying out inquiries // Actual problems of Russian law. 2018. № 4 (89). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-aspekty-prokurorskogo-nadzora-za-ispolneniem-zakonov-organami-osuschestvlyayuschimi-doznanie> (дата обращения: 04.06.2026).

[15] Zatsepin, A.M., Dobrorez I.A. Criminological policy of prosecutorial supervision of preliminary investigation bodies // Law and order: history, theory, practice. 2025. № 4 (47). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriminologicheskaya-politika-osuschestvleniya-prokurorskogo-nadzora-za-organami-predvaritelnogo-rassledovaniya> (дата обращения: 06.06.2026).

[16] Emelyanova, D. A. Powers of the prosecutor in the supervision of bodies carrying out inquiries and their implementation at the stage of preliminary investigation/D. A. Emelyanov, K. A. Sinkin // Russian-Asian Legal Journal. - 2022. - № 2. - S. 4-9. - DOI 10.14258/ralj(2022)2.1. - EDN FGKDHM.

[17] Sabelfeld, T. Yu. Procedural powers of the prosecutor to supervise the activities of the inquiry bodies // Russian investigator. — 2021. — № 2. - S. 33-36.

[18] Order of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation of 28.08.2025 No. 620" On Amendments to the Procedure for Organizing Service in the Internal Affairs Bodies of the Russian

Federation, approved by order of the Ministry of Internal Affairs of Russia of 01.08.2018 No. 50" (Registered with the Ministry of Justice of the Russian Federation 03.10.2025 No. 83752) // [Electronic resource] // <https://www.law.ru/npd/doc/docid/1314089569/modid/99/> (date of appeal: 25.06.2026).

[19] N. Beisembaeva. Prosecutor - guarantor of ensuring the legality of procedural decisions made by inquiry bodies at the stage of initiating a criminal case in the Russian Federation // Russian Scientific Bulletin. - 2026. - № 5. - S. 424-430. - DOI: 10.24412/2782-3830-2026-5-424-430..

[20] Order of the Prosecutor General of the Russian Federation No. 11 dated 19.01.2022 (ed. 12.03.2026) "On the Organization of Prosecutorial Supervision of the Procedural Activities of Inquiry Bodies" [Electronic Resource] // SPS Consultant Plus // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_407902 // (date of appeal: 25.06.2026).

[21] Order of the Prosecutor General of the Russian Federation No. 11 dated 19.01.2022 (ed. 12.03.2026) "On the Organization of Prosecutorial Supervision of the Procedural Activities of Inquiry Bodies" [Electronic Resource] // SPS Consultant Plus // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_407902 // (date of appeal: 25.06.2026).

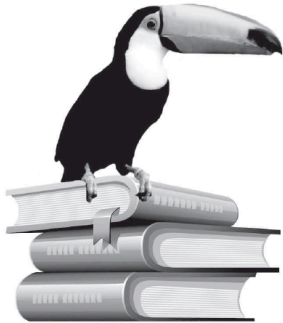
[22] Order of the Prosecutor General of the Russian Federation of 27.11.2007 No. 189 (ed. 19.08.2021) "On the organization of prosecutorial supervision over the observance of the constitutional rights of citizens in criminal proceedings" [Electronic resource] // SPS Consultant Plus // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_74128/ (date of appeal: 25.06.2026).

[23] Code of Criminal Procedure of the Russian Federation dated 18.12.2001 No. 174-FZ (as amended by 10.06.2026) // [Electronic Resource] // SPS ConsultantPlus // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (date of reference: 30.06.2026). Access mode: Non-commercial. internet version. On approval of the indictment and on sending the criminal case to court; return of the criminal case for additional inquiry or re-filing of the indictment in case of non-compliance with the requirements of Art. 225 Code of Criminal Procedure. At the same time, the prosecutor can set a period for the production of an additional inquiry no more than 10 days, and for the restatement of the indictment - no more than three days. Further extension of the inquiry period is carried out on a general basis and in the manner established by hh. 3 - 5 Art. 223 Code of Criminal Procedure; termination of the criminal case on the grounds provided for by Art. 24 - 28 CODE OF CRIMINAL PROCEDURE OF THE RUSSIAN FEDERATION; sending a criminal case for preliminary investigation.

[24] Art. 226.8 CODE OF CRIMINAL

PROCEDURE OF THE RUSSIAN FEDERATION. On the approval of the indictment and on the referral of the criminal case to the court; the return of the criminal case for the restatement of the indictment in case of its non-compliance with the requirements specified in Part 1 of Art. 226.7 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation,

according to which the indictment indicates the same circumstances as in the indictment, setting a period of no more than two days; sending the criminal case to the investigator for inquiry in a general manner; on the termination of the criminal case on the grounds provided for by Art. 24, 25, 27, 28, 28.1 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation.

**ЮРИДИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ЮРКОМПАНИ»**

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

ТЕОРИЯ УГОЛОВНОГО ПРАВА

Дата поступления рукописи в редакцию: 19.07.2026 г.

DOI: 10.24412/2224-9133-2026-8-209-213

Дата принятия рукописи в печать: 01.09.2026 г.

СОРОЧКИН Роман Александрович,
доктор юридических наук, профессор кафедры
уголовного процесса и криминалистики
Федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего
образования «Всероссийский государственный
университет юстиции (РПА Минюста России)»,
e-mail: roman4789@rambler.ru

КОНФИСКАЦИЯ ИМУЩЕСТВА: ПРОБЛЕМЫ МЕЖОТРАСЛЕВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Аннотация. Актуальность исследования определяется необходимостью развития правоотношений уголовно-правовой конфискации имущества. Цель исследования – совершенствование модели такого регулирования для исключения злоупотреблений правом участниками процесса. Научная новизна исследования состоит в выработке обоснованной позиции по совершенствованию доктрины и практики правового регулирования в исследуемой области отношений. Предмет статьи составляет теоретическое исследование пробелов уголовно-правового и уголовно-процессуального регулирования этих правоотношений, на основе всеобщего диалектического метода и метода системного толкования комплекса подлежащих применению норм отечественного уголовного и уголовно-процессуального законодательства; результаты исследования представляют собой предложения об изменении федерального законодательства и правоприменительной практики в целях повышения эффективности уголовного судопроизводства. Самостоятельность сделанных выводов определяется впервые предложенными оригинальными инициативами о дополнении уголовного и уголовно-процессуального закона и руководящих разъяснений высшей судебной инстанции страны по результатам анализа выявленных лично автором уголовно-правовых и уголовно-процессуальных детерминант, иных содержательных и процессуальных особенностей и проблем.

Ключевые слова: конфискация имущества, процедура банкротства, наложение ареста на имущество должника, реализация арестованного имущества, потерпевший от преступления как кредитор.

SOROCHKIN Roman Alexandrovich,
Doctor of Law, Professor of the Department of
Criminal Procedure and Criminalistics of the Federal
State Budgetary Educational Institution of Higher
Education "All-Russian State University of Justice
(RPA Ministry of Justice of Russia)"

CONFISCATION OF PROPERTY: PROBLEMS OF INTER-INDUSTRY REGULATION

Annotation. The relevance of the study is determined by the need to develop legal relations of criminal law confiscation of property. The purpose of the study is to improve the model of such regulation to exclude abuse of the right of participants in the process. The scientific novelty of the study is the development of a reasonable position on improving the doctrine and practice of legal regulation in the field of relations under study. The subject of the article is a theoretical study of the gaps in the criminal law and criminal procedure regulation of these legal relations, based on the general dialectical method and the method of systematic interpretation of the set of norms of domestic criminal and criminal procedure legislation to be applied; the results of the study are proposals to change federal law and law enforcement practices in order to increase

the efficiency of criminal proceedings. The independence of the conclusions drawn is determined by the first proposed original initiatives to supplement the criminal and criminal procedure law and the guiding explanations of the country's highest court based on the results of an analysis of the criminal law and criminal procedure determinants personally identified by the author, other substantive and procedural features and problems.

Key words: *confiscation of property, bankruptcy procedure, seizure of property of the debtor, sale of seized property, victim of a crime as a creditor.*

Введение

Публикация предлагает дискуссию о необходимости дополнительного регулирования производства уголовно-правовой конфискации имущества. Оценка законодательства и судебной практики приводит к выводу о возможности не допустить исполнения такой конфискации, ущемить конституционно признанные права потерпевших – гражданских истцов, путем использования процедуры банкротства, в силу пробелов имеющегося регулирования.

1. Недостаточность уголовно-правового и уголовно-процессуального регулирования

Уголовный закон предусматривает в качестве иной меры уголовно-правового характера конфискацию имущества. Таковая:

является механизмом изъятия и обращения в государственную собственность преступно нажитого имущества, предупреждающим его участие в легальном экономическом обороте (подчеркнем – изъятия имущества в натуре);

обеспечивает изъятие орудий и иных средств совершения преступления.

Имущество, подлежащее конфискации, включает: собственно имущество, непосредственно нажитое преступным путем; при отсутствии такого имущества – иное имущество (ст. ст. 1041, 1042 УК РФ). После такого изъятия и обращения потерпевший вправе получить от государства возмещение вреда в пределах, установленном судом по его гражданскому иску.

Эти правила являются правовым средством обеспечения конституционных прав потерпевших. Согласно статье 52 Конституции РФ права последних охраняются законом, государство обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба.

Эти нормы прямого действия предусматривают:

конституционный приоритет охраны прав потерпевших от преступлений в сравнении с правами лиц, пострадавших от иных видов правонарушений, менее общественно опасных;

следующую из этого приоритета обязанность государства по обеспечению потерпевшим их права на компенсацию причиненного ущерба, в том числе в рамках правосудия.

Эта обязанность реализуется путем принятия и применения уголовного и уголовно-про-

цессуального законодательства, регулирующего правоотношения по обеспечению потерпевшим их права на компенсацию причиненного ущерба. Соответствующие кодексы – единственные источники такого законодательства (ч. 1 ст. 1 УК РФ, ч. 1 ст. 1 УПК РФ).

В этой связи, по нашему мнению, правовой статус потерпевшего как кредитора не должен считаться аналогичным, равным правовому статусу кредитора, предусмотренному законодательством о банкротстве. Конституция РФ непосредственно и прямо дифференцирует потерпевшего среди иных кредиторов.

Указанное законодательство (УК РФ и УПК РФ) устанавливает особые правовые механизмы защиты конфискационных интересов государства и прав потерпевшего. В частности – возможность наложения ареста на имущество, отменяемого лишь в порядке, установленном не законодательством о банкротстве, а уголовно-процессуальным законодательством, что неоднократно подчеркивал Верховный Суд России, например, в определении от 08.09.2020 № 307-ЭС20-10234 по делу N A26-8284/2019.

Закон требует, чтобы при решении вопроса о конфискации имущества «в первую очередь» решался вопрос о возмещении вреда, причиненного законному владельцу; при отсутствии у виновного иного имущества, на которое может быть обращено взыскание, кроме подлежащего конфискации, «из его стоимости» возмещается вред, причиненный законному владельцу, а оставшаяся часть обращается в доход государства (ст. 1043 УК РФ). Суд, принимая решение конфисковать имущество, то есть признать право собственности государства на это имущество в натуре, обязывает государство «из его стоимости» (стоимости конфискованного имущества) возместить, в пределах этой стоимости, вред потерпевшему в размере, установленном решением суда по гражданскому иску. Таким образом, после конфискации имущества возникает правоотношение о праве требования потерпевшего к государству, лишь между ними двумя, не подлежащее рассмотрению в банкротстве третьего лица (осужденного).

Представляется, что иное толкование приведенных правовых норм отрицает конституционный принцип особой правовой охраны права потерпевшего на компенсацию причиненного ущер-

ба, делает откровенно декларативным, обесценивает уголовно-правовой механизм конфискации имущества – важнейшее средство борьбы с преступлениями (в том числе коррупционной, экстремистской и террористической направленности).

Тем не менее, названный принцип не полностью отражается в современном уголовном законодательстве:

уголовно-правовые нормы, устанавливающие приоритет правил УК РФ над правилами Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве) для регулирования конфискационных правоотношений, отсутствуют в кодексе;

глава 151 или другие статьи УК РФ не содержат правила о том, в какой момент государство становится собственником конфискованного имущества (с момента вынесения приговора или иного уголовно-процессуального решения о конфискации; или с момента фактического исполнения такого решения судебным приставом – исполнителем).

воздействие этих материально-правовых пробелов усугубляется недостатками уголовно-процессуального регулирования. По нашему мнению, они включают:

игнорирование названного конституционно-го принципа (отсутствие уголовно-процессуальных норм, устанавливающих приоритет норм УПК РФ над правилами Закона о банкротстве для регулирования правоотношений конфискации);

отсутствие регулирования исполнения приговора или иного уголовно-процессуального решения о конфискации (не предусматриваются участники судопроизводства со стороны обвинения, уполномоченные на инициирование конфискации имущества; не устанавливается процедура передачи имущества и сопутствующие процессуальные гарантии заинтересованных участников процесса).

В результате участники процедуры банкротства могут вовлечь имущество, подлежащее конфискации, в конкурсную массу должника. Наличие процедуры банкротства, должником в которой является обвиняемый (осужденный), до момента конфискации имущества может быть основанием для снятия уголовно-процессуального ареста имущества, для его вовлечения в конкурсную массу должника. Такой арест не лишает должника права собственности на имущество. Арбитражный суд уполномочен включить такое имущество в конкурсную массу должника. В случае признания должника банкротом и открытия конкурсного производства судебный пристав-исполнитель оканчивает исполнительное производство (п. 4 ст. 96 Федерального закона от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве»).

Взыскатель, уполномоченный на получение исполнительного листа в части исполнения конфискации имущества, не определяется в УПК РФ. Буквальное толкование п. 6 Положения о распоряжении имуществом, обращенным в собственность государства (утв. постановлением Правительства РФ от 23.09.2019 N 1238) приводит к выводу, что таким взыскателем должно быть Федеральное агентство по управлению государственным имуществом РФ. Представляется правильным заменить его на прокурора и потерпевшего: они знакомы с уголовным делом и перечнем арестованного имущества.

До перехода права собственности от осужденного к государству (не определенного в уголовном или уголовно-процессуальном законодательстве) для обращения имущества осужденного в конкурсную массу должника нет законных препятствий. И в случае такого обращения указанный взыскатель становится лишь одним из кредиторов, требования которого не имеют какого-либо приоритета по действующему законодательству.

2. Противоречия правоприменительной практики

На наш взгляд, актуальная судебная практика несколько противоречива в определении иерархии социальных ценностей. Это чревато нарушением интересов государства и прав личности, конституционно признанных и закрепленных в качестве основных.

Некоторый кризис толкования создан определением СКЭС ВС РФ от 24.10.2024 по делу №А33-18794/2021 по делу о банкротстве гражданина Сметанина О.А.

Из этого определения можно сделать следующие выводы:

требование кредитора о возмещении имущественного вреда, основанное на удовлетворенном приговором гражданском иске потерпевшего, не имеет какого-либо приоритета перед требованием любого другого кредитора;

в условиях банкротства осужденного должника, являвшегося гражданским ответчиком в уголовном деле, требования кредитора о возмещении причиненного преступлением вреда подлежат удовлетворению в деле о банкротстве этого должника;

ни УК РФ, ни Закон о банкротстве не дифференцируют требования кредиторов в зависимости от характера и степени общественной опасности правонарушения, которым причинен имущественный вред;

в связи с этим кредиторы по такому обязательству из преступления являются такими же кредиторами, как и любые иные;

их требования подлежат удовлетворению в составе третьей очереди реестра требований кредиторов.

Возникает риск формирования единообразной судебной практики, в которой применение публично-правовых норм о гражданском иске в уголовном процессе и уголовно-правовой конфискации отчасти нивелируется процедурой банкротства осужденного.

На наш взгляд, такой подход:

может использоваться осужденными должниками для ухода от исполнения приговоров в части, касающейся гражданского иска и уголовно-правовой конфискации имущества, в случае безынициативности арбитражных судей на местах, при недостаточно активной процессуальной деятельности прокуроров;

неверно определяет степень социального значения тех или иных объектов правовой охраны, приравнивая потерпевших от преступлений и иных кредиторов в процедуре банкротства.

3. Перспективы решения проблемы

Полагаем правильным в подобных спорах признавать отсутствие компетенции арбитражного суда.

Единство судебной системы Российской Федерации обеспечивается путем соблюдения всеми федеральными судами и мировыми судьями установленных федеральными законами правил судопроизводства; признания обязательности исполнения на всей территории Российской Федерации судебных постановлений, вступивших в законную силу (ст. 3 Федерального конституционного закона от 31.12.1996 № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации»).

Правила судопроизводства предусматривают и разграничивают компетенцию судов общей юрисдикции и арбитражных судов, в том числе исходя из содержания правоотношений, являющихся предметом судебного разбирательства.

Так, судебное разбирательство, предметом которого является определение преступности действий физического лица, назначение ему наказания и иных мер уголовно-правового характера, устанавливаемых исключительно УК РФ (ст. ст. 1 и 2), осуществляется в уголовном судопроизводстве, порядок которого устанавливается исключительно УПК РФ (ст. 1).

Судебное разбирательство, предметом которого является определение содержания и принадлежности гражданских прав и обязанностей, устанавливаемых гражданским законодательством Российской Федерации (ст. ст. 1 и 2 ГК РФ), осуществляется в том числе в арбитражном судопроизводстве, порядок которого устанавливается Арбитражным процессуальным кодексом Российской Федерации (ст. 1 АПК РФ).

Обязательность исполнения на всей территории Российской Федерации судебных постановлений, вступивших в законную силу, предполагает исполнение судебных постановлений, при-

нятых судами в соответствии с их компетенцией.

Пункт 1 статьи 1 Закона о банкротстве гласит, что этот закон «в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации» устанавливает основания для признания должника несостоятельным (банкротом), регулирует порядок и условия осуществления мер по предупреждению несостоятельности (банкротства), порядок и условия проведения процедур, применяемых в деле о банкротстве, и иные отношения, возникающие при неспособности должника удовлетворить в полном объеме требования кредиторов.

В соответствии с п. 3 ст. 1 ГК РФ к имущественным отношениям, основанным на административном или ином властном подчинении одной стороны другой, в том числе к налоговым и другим финансовым и административным отношениям, гражданское законодательство не применяется, если иное не предусмотрено законодательством.

Положения главы 15.1 УК РФ о конфискации имущества определяют основания ее применения в качестве одной из мер уголовно-правового характера в уголовно-правовых имущественных отношениях, основанных на властном подчинении государству лица, у которого производится такая конфискация, то есть одной стороны другой.

Совокупность приведенных положений материального и процессуального законодательства исключает компетенцию арбитражного суда по разрешению вопросов:

о распоряжении имуществом, подлежащим принудительному безвозмездному изъятию и обращению в собственность государства на основании обвинительного приговора суда (включая имущество, арестованное в связи с этим в уголовном судопроизводстве), в том числе – о включении такого имущества в конкурсную массу должника;

об отмене ареста этого имущества, наложенного в уголовном судопроизводстве.

Заключение

На основании изложенного предлагается:

изложить первый абзац части 1 статьи 1041 УК РФ в следующей редакции: «Конфискация имущества есть принудительное безвозмездное изъятие и обращение в собственность государства на основании обвинительного приговора или иного судебного решения в уголовном судопроизводстве, с момента его вступления в законную силу, следующего имущества»;

дополнить часть 1 статьи 396 УПК РФ после цифр «22» запятой и цифрами «24»;

дополнить статью 397 УПК РФ пунктом 24 следующего содержания: «24) о конфискации имущества по основаниям, предусмотренным статьями главы 151 Уголовного кодекса Российской Федерации»;

дополнить часть 1 статьи 399 УПК РФ пунк-

том 7 следующего содержания: «7) по ходатайству прокурора или потерпевшего – в случаях, предусмотренных пунктом 24 статьи 397 настоящего кодекса»;

дополнить пункт 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 14.06.2018 № 17 «О некоторых вопросах, связанных с применением конфискации имущества в уголовном судопроизводстве» следующим абзацем: «Разъяснить судам, что арбитражный суд не имеет компетенции по разрешению вопросов о распоряжении имуществом, подлежащим принудительному безвозмездному изъятию и обращению в собственность государства на основании обвинительного приговора суда или иного судебного решения в уголовном судопроизводстве (в том числе имуществом, арестованным в таком судопроизводстве), в том числе – о включении такого имущества в конкурсную массу должника, поскольку в силу п. 3 ст. 1 ГК РФ к имущественным отношениям, основанным на административном или ином властном подчинении одной стороны другой, в том числе к уголовно-правовым отношениям конфискации имущества, гражданское законодательство не применяется, а порядок уголовного судопроизводства регулируется исключительно Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации согласно статье 1 этого кодекса».

Список литературы:

- [1] Бастрыкин А.И. К вопросу о введении в России уголовной ответственности юридических лиц // Расследование преступлений. Проблемы и пути их решения. Сборник научно-практических трудов. М.: Институт повышения квалификации СК России. 2013. № 2.
- [2] Бастрыкин А.И. Уголовная ответственность юридических лиц как мера противодействия коррупции // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2014. № 1.
- [3] Босхолов С. С., Татарников В.Г. О конфискации имущества как мере уголовного наказания // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2014. № 5 (88).
- [4] Векленко С.В., Карпов К.Н. Конфискация имущества: противоречия законодательства // Вестник Воронежского института МВД России.

2010. № 1.

[5] Кириленко В.П., Фирсов В.В. Международно-правовое противодействие коррупции на современном этапе // Управленческое консультирование. 2013. № 6.

[6] Максимов С.В. Коррупция. Закон. Ответственность. М. 2008.

[7] Михеев Р.И., Корчагин А.Г., Шевченко А.С. Уголовная ответственность юридических лиц: за и против. Владивосток, 1999.

[8] Румянцева Ю.Н. Конфискация имущества и ее роль в совершенствовании законодательства об ответственности за злоупотребление должностными полномочиями в России и Франции // Пролог: журнал о праве. 2018. № 2.

References:

- [1] Bastrykin A.I. On the issue of introducing criminal liability of legal entities in Russia // Investigation of crimes. Problems and ways to solve them. Collection of scientific and practical works. M.: Institute for Advanced Studies of the Investigative Committee of Russia. 2013. № 2.
- [2] Bastrykin A.I. Criminal liability of legal entities as a measure to combat corruption // Bulletin of the Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation. 2014. № 1.
- [3] Boskholov S. S., Tatarnikov V. G. On confiscation of property as a measure of criminal punishment // Bulletin of the Irkutsk State Technical University. 2014. № 5 (88).
- [4] Veklenko S.V., Karpov K.N. Confiscation of property: contradictions of legislation // Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2010. № 1.
- [5] Kirilenko V.P., Firsov V.V. International legal counteraction to corruption at the present stage // Management consulting. 2013. № 6.
- [6] Maximov S.V. Corruption. Law. Responsibility. M. 2008.
- [7] Mikheev R.I., Korchagin A.G., Shevchenko A.S. Criminal liability of legal entities: for and against. Vladivostok, 1999.
- [8] Rumyantseva Yu.N. Confiscation of property and its role in improving legislation on liability for abuse of office in Russia and France // Prologue: Journal of Law. 2018. № 2.

ЛОНЦАКОВА Анжелла Рашитовна,
кандидат юридических наук, доцент, доцент
кафедры уголовного права и криминологии,
Уфимский юридический институт Министерства
внутренних дел Российской Федерации,
Уфа, Россия,
e-mail: L89170498294@yandex.ru

ОБЩИЕ ПРИНЦИПЫ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Аннотация. Статья посвящена обоснованию общих принципов криминалистического обеспечения предупреждения преступлений, а также определению их значения для установления и устранения причинного комплекса преступления. Криминалистическое обеспечение предупреждения преступлений рассматривается как взаимосвязанная совокупность теоретических положений и основанных на них технических, тактических и методических криминалистических средств, приемов и рекомендаций, разрабатываемых и используемых для установления и устранения причинного комплекса конкретного преступления.

Ключевые слова: криминалистическое обеспечение предупреждения преступлений, общие принципы, система принципов, причинный комплекс преступления, материальная истина, процессуальное доказывание, объективность, всесторонность, полнота, конкретность, детерминизм, нравственность (добропорядочность), предиктивная криминалистика.

LONSHCHAKOVA Angella Rashitovna,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Criminal
Law and Criminology, Ufa Law Institute of the
Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation,
Ufa, Russia

GENERAL PRINCIPLES OF FORENSIC SUPPORT FOR CRIME PREVENTION

Annotation. The article substantiates the general principles of forensic support for crime prevention and determines their significance for establishing and eliminating the causal complex of a crime. Forensic support for crime prevention is understood as an interrelated set of theoretical provisions and the technical, tactical and methodological forensic means, techniques and recommendations based on them, developed and used to establish and eliminate the causal complex of a particular crime. General principles are defined as provisions that perform a philosophical-methodological or general legal function for the theory being formed and whose scope extends beyond that theory. The article examines the principles of establishing material (objective) truth; of objectivity, comprehensiveness, completeness and concreteness; of determinism; and of morality (integrity). It is concluded that these principles form an interrelated system, that in criminalistics the task of crime prevention cannot be separated from proof, and that the general group of principles sets the limits for the further development of the particular and special levels of the theory.

Key words: forensic support for crime prevention, general principles, system of principles, causal complex of a crime, material truth, procedural proof, objectivity, comprehensiveness, completeness, concreteness, determinism, morality (integrity), predictive criminalistics.

Введение. Криминалистическое обеспечение предупреждения преступлений понимается в настоящем исследовании как взаимосвязанная совокупность теоретических положений и основанных на них технических, тактических и методических криминалистических средств, приемов и рекомендаций, разрабатываемых и используемых для установления и устранения причинного комплекса конкретного преступления. Доказывание при этом понимается вслед за Р.С. Белкиным и А.И. Винбергом как «процесс установления истины по уголовным делам, заключающийся в собирании, исследовании, оценке и использовании доказательств» [2, с. 8].

Процессуальная обязанность выявлять обстоятельства, способствовавшие совершению преступления, закреплена в ч. 2 ст. 73 УПК РФ; формой реагирования на установленные причины и условия служит представление, предусмотренное ч. 2 ст. 158 УПК РФ. Однако по результатам проведенного нами исследования (см. раздел «Методология») процессуальная деятельность по предупреждению преступлений криминалистическими средствами и приемами носит декларативно-формальный характер: ни в одном из изученных нами 920 архивных уголовных дел причинный комплекс преступления не устанавливался процессуальными средствами доказывания – представления вносились на основе типовых формулировок, не опирающихся на собранные по делу доказательства. Причина видится в том, что такая деятельность до сих пор не получила целостной теоретической основы.

Степень разработанности проблемы. Теоретические предпосылки формирования теории криминалистического обеспечения предупреждения преступлений складывались в рамках нескольких исследовательских направлений.

Отправными основаниями послужили общие принципы криминалистической науки, выделенные Р.С. Белкиным, и предложенное И.А. Возриным трехуровневое деление принципов криминалистической методики на общие, частные и специальные [3; 4]; в работах Р.С. Белкина и А.Я. Гинзбурга раскрыта общетеоретическая и системная природа принципов криминалистики [2; 5; 6; 7]. М.С. Строгович связал процессуальное познание с установлением истины, а Г.Ф. Горский – с процессуальным установлением причин и условий преступления [8]; детерминированность преступного поведения обосновал Б.С. Волков [9]; методологические основы научного предвидения в сфере борьбы с преступностью разработал Г.А. Аванесов [10]. Криминалистическое учение о механизме преступления разработано А.М. Кустовым [11], частная теория криминалистической характеристики преступлений разработана А.А. Бессоновым [12].

В наших ранее опубликованных работах анализировались системообразующие факторы криминалистического обеспечения предупреждения преступлений, а также значение виктимологического подхода для формируемой теории [13; 14].

Однако ни указанные публикации, ни обозначенные научные направления не предлагают системного решения рассматриваемой задачи: до настоящего времени не определены признаки общего принципа, равно как и не раскрыты ни связи между отдельными положениями, ни их роль в формировании частного и специального уровней. Восполнение отмеченного пробела составляет цель настоящего исследования.

Цель и задачи. Цель статьи – обосновать состав и системные связи общих принципов криминалистического обеспечения предупреждения преступлений, а также определить их значение для установления причинного комплекса преступления. Достижение этой цели предполагает решение трех вопросов: по каким признакам принцип следует относить к общей, а не к частной или специальной группе; какие положения образуют общую группу и как они взаимодействуют между собой; какие требования система общих принципов предъявляет к последующей разработке частных и специальных принципов и основанных на них методик предупреждения отдельных видов преступлений.

Благодаря названному трехуровневому построению принципов становится возможным разграничение требований разного масштаба и назначения. В рамках настоящей статьи анализ ограничивается общим уровнем – теми положениями, которые задают мировоззренческую и методологическую основу формируемой теории в целом. Частные и специальные принципы составят предмет последующих публикаций; здесь они затрагиваются лишь настолько, насколько их содержание обусловлено положениями общей группы. Этим определяются границы настоящей статьи и логика продолжения исследования.

Методология. Исследование носит теоретико-методологический характер. Системный анализ послужил средством соотнесения трех уровней принципов и проверки внутренней согласованности их общей группы; при помощи сравнительного анализа определялась применимость положений различных отраслей науки к сфере предупреждения преступлений; формально-юридический метод применялся для определения нормативных пределов установления и устранения причинного комплекса преступления.

Отбор положений велся по следующему критерию: к общей группе относилось положение, действие которого выходит за пределы формируемой теории и которое выполняет для нее

философско-методологическую либо общеправовую функцию. Чтобы соотнести теоретическое построение с практикой предупреждения преступлений специальными субъектами, нами привлечены материалы более широкого эмпирического исследования; по специально разработанной программе изучено 920 архивных уголовных дел и по авторской анкете опрошены 420 практических работников. Материалы изучались по единой программе; развернутый количественный анализ полученных данных составляет предмет отдельной публикации, здесь же приводится лишь тот результат, который непосредственно обосновывает постановку проблемы.

Способами обращения с предиктивной криминалистически значимой информацией мы считаем предиктивное квалифицированное наблюдение и знаковое моделирование; как основные начала построения методик предупреждения они рассматриваются в последующих статьях цикла. Этим же определяется отношение к алгоритмическим средствам. Использование алгоритмических систем, к которым относятся и большие языковые модели, возможно лишь как вспомогательное – в целях выдвижения и представления гипотез; формулируемые такими системами выводы нуждаются в проверке предусмотренными законом средствами и приемами, а доказательственным значением сами по себе не обладают.

Результаты. Под принципом в криминалистике понимают «какое-либо исходное положение (теории, учения, науки и т. п.) либо внутреннее убеждение человека, его взгляд на вещи» [5, с. 234]. По утверждению Р.С. Белкина, «в указанном смысле нет и не может быть никаких специфических принципов данной отрасли знаний, а есть применение общих принципов науки к познанию специфического предмета криминалистики» [5, с. 238]. Такими принципами он называет принципы объективности, историзма и системности науки [5, с. 238–241]. Отметим, что речь здесь идет о принципах криминалистики как науки; трехуровневое же деление, к которому мы обращаемся далее, относится к принципам криминалистической методики, то есть к иному уровню теоретического построения. Названные общие принципы науки – объективности, историзма, системности – составляют фундамент криминалистического обеспечения предупреждения преступлений и явились первым отправным основанием разрабатываемой системы общих принципов. Вторым основанием послужило предложенное И.А. Возгриным трехуровневое деление принципов криминалистической методики на общие, частные и специальные [3; 4]. Общим принципам формируемой теории принадлежит системообразующая роль, которая проявляется как при установлении главного факта, так и при установлении причин-

ного комплекса преступления.

Общие принципы криминалистического обеспечения предупреждения преступлений определяют допустимый способ познания либо очерчивают предел предупредительной деятельности – безотносительно к тому, для какого вида преступлений разрабатывается методика предупреждения. Общими признаются те принципы, которые выполняют для формируемой теории философско-методологическую либо общеправовую функцию, а действие их выходит за пределы этой теории, охватывая все направления криминалистического обеспечения предупреждения преступлений.

В предлагаемом критерии получает развитие подход

И.А. Возгрина, согласно которому принципы понимаются как отправные положения, обладающие свойствами относимости и информативности [3]. Разграничение общего, частного и специального уровней находится в согласии и с тем делением методологии, которое различает положения, применимые к научному познанию в целом, и средства, обусловленные предметом отдельной научной системы [10, с. 206]. Однако ни один из указанных подходов не дает системного перечня принципов применительно к формируемой теории. Приводимые ниже четыре принципа образуют авторскую систематизацию; основанием для отнесения каждого из них к общей группе послужило то, что соответствующий принцип устанавливает требования ко всему предмету теории, а не к какой-либо методике предупреждения отдельных видов преступлений.

Частные и специальные принципы, напротив, конкретизируют общие положения названной теории применительно к определенным методам и условиям их применения.

1. Принцип установления материальной (объективной) истины

В трактовке М.С. Строговича цель уголовно-процессуального доказывания состоит в установлении достоверного знания, соответствующего объективной действительности [1]. В настоящем исследовании из приведенной позиции следует, что требованием истины охватываются не только выводы о главном факте, но и выводы о причинном комплексе конкретного преступления. Существенное уточнение содержится в подходе Г.Ф. Горского, согласно которому признание обстоятельства причиной недопустимо, если такое признание основывается единственно на временной либо внешней связи этого обстоятельства с деянием; исследованию наряду с самой причиной подлежат и те условия, которые обеспечили возможность ее проявления [8].

Из положений М.С. Строговича и Г.Ф. Горского вытекают два следствия. Первое:

установление причинного комплекса преступления не исчерпывается его разграничением (дифференциацией) на причины и условия, поскольку разграничение отвечает на вопрос о роли каждого обстоятельства, но не о достоверности вывода в целом. Второе: коль скоро требованием истины охватываются выводы и о главном факте, и о причинном комплексе, последний подлежит установлению теми же процессуальными средствами доказывания, что и главный факт, а форма и содержание такого установления подлежат процессуальному обоснованию.

2. Принцип объективности, всесторонности, полноты и конкретности

Методологическую основу рассматриваемого принципа образуют работы Р.С. Белкина, посвященные теории отражения, методологическим проблемам и общей теории криминалистики [5; 6], а равно выполненное им совместно с А.И. Винбергом исследование общетеоретических проблем криминалистики [2]. В работе М.Е. Игнатьева и И.М. Комарова, где установление причинно-следственных связей трактуется как самостоятельная задача расследования, раскрыто прикладное значение названных далее требований [15]. Опора на приведенные позиции дает основание для выделения четырех взаимосвязанных критериев качества вывода о причинном комплексе преступления.

Первый из них – объективность – обязывает подвергать проверке как сведения, подтверждающие вывод, так и сведения, вступающие с ним в противоречие. Второй – всесторонность – состоит в требовании сопоставить данные о личности лица, совершившего деяние, потерпевшего и других участников события; о ситуации в пространственно-временном аспекте; о материальных и идеальных следах, обстановке; о внешних и внутренних причинах и условиях преступления. Третий – полнота – означает установление совокупности обстоятельств, характеризующих главный факт и причинный комплекс преступления, в объеме, достаточном для установления механизма преступления [11] и его криминалистической характеристики [12], а также для разработки адресных предупредительных мер. Четвертый – конкретность – обеспечивает привязку вывода к определенному преступлению, лицу, времени и обстановке его совершения.

Названные критерии используются как средство анализа причинного комплекса преступления: их применение дает возможность определить роль, которую в исследуемом механизме играет каждое обстоятельство.

3. Принцип детерминизма

Детерминированность преступного поведения не тождественна его неизбежности и не исключает ответственности лица.

Б.С. Волков рассматривал причинную обусловленность поступка во взаимосвязи со свободой воли субъекта [9].

Предметом исследования индивидуального механизма преступного поведения охватываются и обстоятельства психологической природы – мотивация, установки, эмоциональные состояния; на необходимость устанавливать их криминалистическими средствами в процессуальной форме особое внимание обращал Д.П. Котов [16]. Вместе с тем ограничивать причинный анализ рамками одной лишь личности совершившего деяние было бы неверным: многообразие причинных связей, действующих в исследуемом механизме, раскрыто В.Н. Кудрявцевым [17]. Именно совокупность приведенных позиций определяет границы данного принципа, исключая возможность его сведения к линейной формуле, где одно обстоятельство с необходимостью влечет совершение преступления.

Из нелинейного характера детерминации вытекает и разделение задач: криминалистические средства и приемы дают достоверную информацию о причинном комплексе конкретного преступления, тогда как обобщение таких данных образует материал криминологического познания [13; 14].

4. Принцип нравственности (добропорядочности)

Нравственные ориентиры установления и устранения причинного комплекса преступления влияют не только на правомерность действий специальных субъектов предупреждения преступлений, но и на обеспечение достоверности совокупной предиктивной криминалистически значимой информации. Только на основе достоверно установленного процессуальными средствами доказывания причинного комплекса преступления возможна разработка мер по его устранению (нейтрализации).

Ориентиром здесь служит восходящее к В.С. Соловьеву представление о взаимосвязи трех защищаемых интересов: потерпевшему гарантируются защита и восстановление нарушенного права, обществу – безопасность, лицу, совершившему преступление, – возможность исправления [18, с. 293]. Ни один из перечисленных интересов не может быть оставлен без внимания при осуществлении криминалистического обеспечения предупреждения преступлений, а перекос в пользу любого из них разрушает требуемый баланс.

По этой причине с данным принципом не согласуются ни обвинительный уклон уголовного судопроизводства, ни пренебрежение законными интересами обвиняемого и потерпевшего, ни пренебрежение правом потерпевшего на возмещение причиненного преступлением вреда.

Аксиологическое измерение предупредительной деятельности состоит в том, что устанавливаемые причины и условия затрагивают права и свободы всех перечисленных лиц, а адресуемые им меры должны быть соразмерны [19].

Заключение. Общую группу принципов криминалистического обеспечения предупреждения преступлений образуют положения философско-методологического либо общеправового содержания, действие которых не ограничивается формируемой теорией и которые задают допустимые пределы ее последующей разработки. Благодаря названным признакам общие принципы предстают как взаимосвязанная система, а не как совокупность идей, заимствованных из смежных областей знания. Обоснованные выше четыре принципа и составляют эту систему.

Отсюда вытекает и второй вывод: в криминалистике задача предупреждения преступлений не подлежит обособлению от доказывания. Решение о выборе предупредительных мер должно основываться на установленных процессуальными средствами фактические сведения о главном факте, а равно о причинах и условиях преступления.

Общая группа принципов задает требования и к дальнейшей разработке теории: частные и специальные принципы, а также основанные на них методики предупреждения отдельных видов преступлений должны формироваться в очерченных ею пределах. Эти пределы состоят в том, что ни одно положение частного и специального уровней не может допускать установления причинного комплекса вне процессуальной формы, вне требований объективности, всесторонности, полноты и конкретности, вне признания детерминированности преступного поведения и вне нравственных ориентиров установления и устранения причинного комплекса преступления. Их обоснование составит предмет последующих публикаций.

Список литературы:

- [1] Строгович М.С. Учение о материальной истине в уголовном процессе. М.: Изд-во АН СССР, 1947. 276 с.
- [2] Белкин Р.С., Винберг А.И. Криминалистика и доказывание (методологические проблемы). М.: Юридическая литература, 1969. 216 с.
- [3] Возгрин И.А. Принципы методики расследования отдельных видов преступлений: учебное пособие. Л.: ВПУ МВД СССР, 1977. 80 с.
- [4] Возгрин И.А. Общие положения методики расследования отдельных видов преступлений. Л.: ВПУ МВД СССР, 1976. 138 с.
- [5] Белкин Р.С. Курс криминалистики: в 3 т. Т. 1: Общая теория криминалистики. М.: Юристъ,

1997. 408 с.

[6] Белкин Р.С. Ленинская теория отражения и методологические проблемы советской криминалистики. М.: Высшая школа МВД СССР, 1970. 130 с.

[7] Гинзбург А.Я. Принципы советской криминалистики. Караганда: Изд-во Карагандинской высшей школы МВД СССР, 1974. 79 с.

[8] Горский Г.Ф. Выявление и изучение причин преступности в стадии предварительного расследования: дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 1965. 301 с.

[9] Волков Б.С. Детерминистическая природа преступного поведения. Казань: Изд-во Казанского университета, 1975. 109 с.

[10] Аванесов Г.А. Криминология, прогностика, управление: учебное пособие. Горький: Горьковская высшая школа МВД СССР, 1975. 423 с.

[11] Кустов А.М. Криминалистическое учение о механизме преступления: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1997. 355 с.

[12] Бессонов А.А. Частная теория криминалистической характеристики преступлений: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2017. 456 с.

[13] Лонцакова А.Р. Системообразующие факторы, определяющие особенности криминалистического обеспечения предупреждения преступлений // Евразийский юридический журнал. 2024. № 1 (188). С. 387–389.

[14] Лонцакова А.Р. Виктимология в формировании теории криминалистического обеспечения предупреждения преступлений // Закон и право. 2024. № 3. С. 255–261. DOI: 10.24412/2073-3313-2024-3-255-261..

[15] Игнатьев М.Е., Комаров И.М. Установление причинно-следственных связей в расследовании преступлений: монография. М.: Юрлитинформ, 2021. 328 с.

[16] Котов Д.П. Установление следователем обстоятельств, имеющих психологическую природу: монография. Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1987. 214 с.

[17] Кудрявцев В.Н. Проблемы причинности в криминологии // Вопросы философии. 1971. № 10. С. 76–87.

[18] Соловьев В.С. Сочинения: в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1988. 899 с.

[19] Шайхуллин М.С. Защита прав и свобод человека и гражданина: аксиологический подход // Право и государственность. 2024. № 4(5). С. 16–22.

References:

- [1] Strogovich M.S. The doctrine of material truth in criminal procedure. – M.: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1947. 276 p.
- [2] Belkin R.S., Vinberg A.I. Criminalistics and proof (methodological problems). – M.: Legal

Literature, 1969. 216 p.

[3] Vozgrin I.A. Principles of the methodology of investigating certain types of crimes: a study guide. – L.: Higher Political School of the Ministry of Internal Affairs of the USSR, 1977. 80 p.

[4] Vozgrin I.A. General provisions of the methodology of investigating certain types of crimes. – L.: Higher Political School of the Ministry of Internal Affairs of the USSR, 1976. 138 p.

[5] Belkin R.S. A course of criminalistics: in 3 vols. Vol. 1: General theory of criminalistics. – M.: Yurist, 1997. 408 p.

[6] Belkin R.S. Lenin's theory of reflection and methodological problems of Soviet criminalistics. – M.: Higher School of the Ministry of Internal Affairs of the USSR, 1970. 130 p.

[7] Ginzburg A.Ya. Principles of Soviet criminalistics. – Karaganda: Publishing House of the Karaganda Higher School of the Ministry of Internal Affairs of the USSR, 1974. 79 p.

[8] Gorsky G.F. Identification and study of the causes of crime at the stage of preliminary investigation: thesis ... Candidate of Law. – Voronezh, 1965. 301 p.

[9] Volkov B.S. The deterministic nature of criminal behaviour. – Kazan: Kazan University Press, 1975. 109 p.

[10] Avanesov G.A. Criminology, prognostics, management: a study guide. – Gorky: Gorky Higher School of the Ministry of Internal Affairs of the USSR, 1975. 423 p.

[11] Kustov A.M. The forensic doctrine of the mechanism of a crime: thesis ... Doctor of Law. – M., 1997. 355 p.

[12] Bessonov A.A. A particular theory of the forensic characteristics of crimes: thesis ... Doctor of Law. – M., 2017. 456 p.

[13] Lonshchakova A.R. System-forming factors determining the features of forensic support for crime prevention // Eurasian Law Journal. – 2024. – № 1 (188). P. 387–389.

[14] Lonshchakova A.R. Victimology in the formation of the theory of forensic support for crime prevention // Law and Legislation. – 2024. – № 3. P. 255–261. DOI: 10.24412/2073-3313-2024-3-255-261..

[15] Ignatiev M.E., Komarov I.M. Establishing cause-and-effect relations in crime investigation: a monograph. – M.: Yurлитinform, 2021. 328 p.

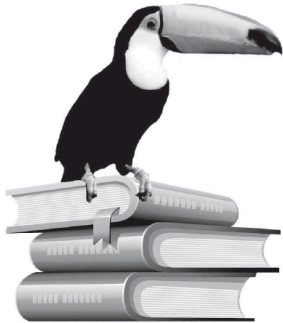
[16] Kotov D.P. The investigator's establishment of circumstances of a psychological nature: a monograph. – Voronezh: Voronezh University Press, 1987. 214 p.

[17] Kudryavtsev V.N. Problems of causality in criminology // Problems of Philosophy. – 1971. – № 10. P. 76–87.

[18] Solovyov V.S. Works: in 2 vols. Vol. 1. – M.: Mysl, 1988. 899 p.

[19] Shaikhullin M.S. Protection of human and civil rights and freedoms: an axiological approach // Law and Statehood. – 2024. – № 4(5). P. 16–22.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

РУСТАМОВА Людмила Рустамовна,
Доцент кафедры Информационных систем
и технологий ФГБОУ ВО «Ингушский
государственный университет»,
e-mail: rustamoval@mail.ru

МАТЕМАТИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ В КРИМИНАЛИСТИКЕ: ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АЛГОРИТМОВ И СТАТИСТИКИ ДЛЯ АНАЛИЗА ВЕРОЯТНОСТИ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ИЛИ ВЫЯВЛЕНИЯ ПАТТЕРНОВ В ПОВЕДЕНИИ ПРАВОНАРУШИТЕЛЕЙ

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению некоторых аспектов применения математических методов в криминалистике, в частности того, какую помощь специалистам могут оказать алгоритмы для анализа вероятности совершения преступлений. Интерес к теме связан с тем, что в современном обществе все более широкое применение находят информационные технологии, работа которых немыслима без математического фундамента. Подтверждением этого служит наличие в нашей стране концепции развития математических наук, которое характеризуется как необходимое условие для прогресса во всех областях научных знаний. С точки зрения автора, не является исключением и юриспруденция, в связи с этим целью работы является аналитическое изучение того, как именно применяются алгоритмы и статистика в сфере криминалистики. В статье приводятся некоторые статистические данные, указывающие на неуклонное повышение точности и эффективности предиктивных алгоритмов в вопросах анализа вероятности совершения преступлений и увеличение массовости их применения. Также автор останавливает внимание на возможностях математических методов для выявления паттернов в поведении правонарушителей. В заключительной части статьи автор, высоко оценивая и текущее состояние применения алгоритмов и обученных нейросетей, и перспективы развития, констатирует наличие определенных технических трудностей, связанных с внедрением искусственного интеллекта в криминалистику, а также необходимость учитывать этическую сторону вопроса.

Ключевые слова: математические методы; алгоритмы; анализ вероятности; пространственно ориентированные алгоритмы; персонально ориентированные алгоритмы; обучение нейросетей; паттерны в поведении правонарушителей.

RUSTAMOVA Lyudmila Rustamovna,
Associate Professor of the Department of
Information Systems and Technologies of the Ingush
State University

MATHEMATICAL METHODS IN FORENSICS: USING ALGORITHMS AND STATISTICS TO ANALYZE THE LIKELIHOOD OF COMMITTING CRIMES OR IDENTIFY PATTERNS IN THE BEHAVIOR OF OFFENDERS

Annotation. This article examines some aspects of the application of mathematical methods in forensic science, specifically the assistance algorithms can provide to specialists in crime probability analysis. The topic is interesting due to the fact that information technologies, the operation of which is unthinkable without a mathematical background, are increasingly being used in modern society. This is confirmed by the existence of a concept for the development of mathematical sciences in our country, which is characterized as a necessary condition for progress in all areas of scientific knowledge. The author believes that jurisprudence is no

exception, and therefore the aim of this work is to analytically study how algorithms and statistics are applied in forensic science. The article presents some statistical data indicating a steady increase in the accuracy and effectiveness of predictive algorithms in crime probability analysis and an increase in their widespread use. The author also focuses on the potential of mathematical methods for identifying patterns in offender behavior. In the final section of the article, the author, while highly assessing both the current state of application of algorithms and trained neural networks and the prospects for development, acknowledges the existence of certain technical difficulties associated with the implementation of artificial intelligence in forensics, as well as the need to consider the ethical side of the issue.

Key words: *mathematical methods; algorithms; probability analysis; space-based algorithms; person-based algorithms; neural network training; patterns in offender behavior.*

Один из величайших математиков всех времен, разносторонний немецкий ученый XVIII-XIX вв. К.Ф. Гаусс называл математику «царицей наук». Задолго до него пифагорейцы говорили, что «числа управляют миром». Но наиболее точным автору кажется высказывание выдающегося советского математика и физика А.А. Дородницына о том, что «числа дают возможность человеку управлять миром», подтверждением чего является «весь ход развития науки и техники» [1]. Именно благодаря математике выстраиваются тесные взаимосвязи между различными сферами науки, даже на первый взгляд далеко отстоящими друг от друга. Математические формулы, кажущиеся абстрактными, в реальности составляют фундамент и фактически центр управления современными технологиями, которые применяются в различных сферах человеческой жизнедеятельности. Чтобы не быть голословным, достаточно привести некоторые примеры того, где и как применяются математические методы и модели. Это естественные науки, к которым относятся физика, химия, для которых математические методы составляют фундамент описания систем и процессов; биология и медицина – построение моделей молекулярных, физиологических и других процессов; информационные технологии, которые практически полностью базируются на математических знаниях, начиная с простейших алгоритмов, применения математической логики и статистики до современных методов машинного обучения и анализа big data.

Понимание важности математики присутствует на самом высоком уровне, на что указывают положения «Концепции развития математических наук в Российской Федерации до 2030 года с горизонтом до 2036 года», в частности утверждение, что «опережающее развитие математических наук является необходимым условием для прогресса во всех областях научных знаний и наукоемких технологий» [2].

Не является исключением в качестве сферы приложения математических знаний и юриспруденция в широком смысле – на уровне применения формализованных методов для анализа правовых систем, криминологических данных, моде-

лирования норм права и особенностей их применения. С учетом этого целью работы является изучение того, какие возможности открывает применение математических методов в сфере криминалистики.

Актуальность данной темы не вызывает сомнения, поскольку для безопасности общества и нерушимости его правовых основ критически важным является взвешенное представление о вероятности совершения тех или иных видов преступных деяний и знание поведенческих особенностей правонарушителей.

Учитывая, что речь пойдет о математических методах, видится целесообразным в первую очередь остановиться на основных определениях и характеристике каждого из рассматриваемых методов, чтобы затем подробно проанализировать возможности их применения в криминалистике.

Математические методы позволяют обрабатывать различные данные, полученные путем эксперимента или сбора, для установления имеющихся между изучаемыми явлениями корреляций и количественных зависимостей. Важность такой обработки заключается в более точной оценке результатов исследований, что в свою очередь повышает надежность выводов и позволяет сделать обоснованные теоретические обобщения. Очевидно, что наиболее употребительными являются логические методы математики, носящие универсальный характер, – анализ, сравнение, однако в зависимости от потребностей конкретной сферы выбор может быть сделан в пользу специальных методов. В частности, с учетом темы статьи, особый интерес представляет применение теории вероятности и математической статистики, поскольку именно эти методы позволяют установить степень совпадения (например, анализа ДНК, баллистических данных, почерковедческой экспертизы) или же вероятность случайного события. Кроме того, в современной криминалистике все более активно начинают использоваться возможности искусственного интеллекта в качестве базы для распознавания биометрических данных.

Рассмотрим теперь непосредственно, как именно используются математические алгоритмы

и методы математической статистики для анализа того, с какой вероятностью может быть совершено преступление.

Для начала немного статистики, отражающей развитие данной сферы применения алгоритмов. Пятнадцать лет назад в США была апробирована автоматическая система, позволяющая предсказывать время и место совершения правонарушений. Специалисты в сфере информационно-коммуникационных технологий указывают, что принцип действия данного алгоритма аналогичен тому, который используется сейсмологами для предсказания повторных толчков, происходящих вслед за основным ударом землетрясения [3]. Фактически разработчики предиктивного алгоритма опираются на логику, согласно которой за одним правонарушением неизбежно происходит следующее. Эффективность указанного алгоритма (при ретроспективной проверке) находилась на уровне успешного предсказания 25 % правонарушений (система тестировалась в Лос-Анджелесе), что на тот момент было хорошим показателем. Однако в настоящее время точность, с которой аналогичные алгоритмы определяют вероятность совершения преступлений, составляет порядка 90 % [3].

Следует заметить, что речь идет не об отдельном алгоритме, а о существовании двух глобальных направлений, основы которых принципиально различны, а именно:

пространственно ориентированные (place-based) – алгоритмы разрабатываются с учетом «географии» совершения преступлений; условно говоря, программа делит населенный пункт или территорию на одинаковые квадраты, подвергает анализу данные предшествующих периодов, прогнозируя на основе этого вероятность будущих событий;

персонально ориентированные (person-based) – в этом случае при разработке алгоритмов в расчет берется широкий спектр параметров, включающий в себя возрастную группу, социальные связи, наличие прошлых судимостей, пройденные психологические тесты, что позволяет оценить вероятность совершения преступления или же рецидива в случае освобожденного заключенного [3].

Логика построения алгоритмов обоих названных направлений заключается в использовании машинного обучения и содержит три основных этапа.

В первую очередь осуществляется сбор больших объемов данных, связанных с правонарушениями, и их дальнейшая обработка. В Российской Федерации сбор данных для обучения нейросетей для целей криминалистики в рамках открытых и закрытых проектов занимают государственные структуры (например, Ми-

нистерство внутренних дел, Следственный комитет); ряд научно-исследовательских институтов, подведомственных Генеральной прокуратуре и Министерству внутренних дел. Силами специалистов криминалистических центров осуществляется сбор и оцифровка фотографий, видео- и аудиоматериалов, и других вещественных доказательств, формирование из них массивов для обучения нейросетей [4]. Кроме того, к этой деятельности привлекаются IT-компании и лаборатории, специализирующиеся на работе с искусственным интеллектом, поскольку ряд задач относится к компетенции специалистов в сфере информационных технологий. Так, IT-компании собирают открытые данные из сети, к которым относятся цифровые следы, оставляемые человеком в интернете и социальных сетях, а также данные камер видеонаблюдения. Эту информацию IT-специалисты используют для разработки структурированных наборов данных (dataset), с помощью которых легко осуществлять поиск и анализ данных, а также обучение нейросетей.

На втором этапе производится анализ факторов, которые коррелируют с преступностью. И вот здесь следует указать различия между пространственно ориентированными и персонально ориентированными факторами. Так, в первом случае используются базовые исторические сведения о типе, геолокации и времени совершения преступлений; пространственные факторы (инфраструктура с особым вниманием к объектам повышенного риска или массового скопления людей, социальные объекты и планировка дорожной сети); динамически обновляемые социально-демографические и экологические данные (плотность, состав, уровень дохода населения и его мобильность; погодные условия) [5]. Для персонально ориентированных предиктивных алгоритмов собирают данные другого характера, поскольку требуется оценка вероятности совершения преступления конкретным лицом. К таким данным относятся структуры big data, включающие в себя так называемую «криминальную историю» (какие преступления человек совершал в прошлом, как часто подвергался арестам, сколько судимостей имеет, сроки наказания и прецеденты нарушения испытательного срока); социальные связи (окружение человека, его вхождение в криминальные сети или группировки); демографические факторы (возраст, трудовая занятость, перемещения, включая посещение криминогенных районов) [6]. Перечисленные предикторы, хотя и разные для указанных направлений, позволяют выявить те факторы, которые с большой долей вероятности связаны с преступностью.

Наконец, на заключительном третьем этапе осуществляется непосредственно обучение модели, для чего с помощью методов регресси-

онного анализа устанавливается вес каждого из установленных факторов.

Как уже было отмечено ранее, использование больших объемов разноплановых данных и постоянное их дополнение неуклонно увеличивает точность оценки вероятности совершения преступления либо на какой-то территории, либо конкретным лицом. В то же время, один из наиболее известных и старых (разработан в 1998 г.), но постоянно совершенствующихся персонально ориентированных алгоритмов «COMPAS» даже в настоящее время, оценивая вероятность рецидива по 137 параметрам, дает точный прогноз только в 65 % случаев [7], что указывает на необходимость расширения и совершенствования использования алгоритмов и более точного анализа статистических данных.

Другим вариантом применения математических методов в криминалистике, хотя и близко примыкающим к рассмотренному анализу вероятности совершения преступлений, является алгоритмическое и статистическое выявление паттернов в поведении правонарушителей. Ориентируясь на значение термина «паттерн», которое указывает на систематически повторяющийся устойчивый элемент или последовательность элементов поведения, приходим к пониманию того, что для его (паттерна) установления требуется анализ значительного объема данных. Соответственно, логичным выглядит применение математических методов – в частности алгоритмизации изучения статистических данных для предиктивного анализа действий правонарушителей. Определенная сложность рассмотрения этого вопроса в широком смысле заключается в том, что актуальные публикации в основном посвящены конкретным видам преступлений и типам правонарушителей: преступления на транспорте, криминальная деятельность в виртуальном пространстве, экономические преступления, серийные преступники. В связи с этим, поскольку формат статьи не позволяет подробно изложить особенности применения алгоритмов и статистики для выявления паттернов поведения различных групп правонарушителей, приведем некоторые универсальные подходы к применению математических методов для решения указанных задач.

Заметим, что, независимо от вида правонарушения, речь идет о том, что специалисты, анализируя большие массивы данных, составляют психологический или поведенческий профиль, т.е. реализуют профайлинг (от англ. *profiling*) – методику, основанную на анализе совокупности наблюдаемых и диагностируемых характеристик индивида. И.И. Аминов указывает, что в прикладном смысле, актуальном для предотвращения правонарушений различного вида, профайлинг представляет собой систему наблюдения, анали-

за и оценки поведения человека с целью выявления признаков, свидетельствующих о возможной причастности к подготовке преступного деяния или же наличии у индивида преступного умысла [8]. Очевидно, что паттерны в каждом конкретном случае будут отличаться и в зависимости от личности правонарушителя, и в зависимости от типа возможного правонарушения. Общим является то, что они подвергаются математическому анализу. Так, в случае криминального профайлинга (в России не используется) алгоритмы обрабатывают данные, связанные с особенностями нанесенных ран, следов на месте преступления; поведенческий анализ в толпе (часто применяется для предиктивного анализа преступлений на транспорте) учитывает специфические маркеры психологического и эмоционального напряжения; иерархический кластерный анализ дает возможность выявлять серийных преступников по паттернам их поведения. В частности, именно в рамках кластерного анализа можно сгруппировать статистические данные, например, о нераскрытых преступлениях, по параметру способа действия или иным поведенческим признакам, и установить, что эти преступления совершены одним лицом [9, с. 263].

Говоря о выявлении паттерна, следует обратить внимание и на такой важный момент, что речь идет не о фокусировке на конкретной личности, а именно об установлении особенностей поведения и стереотипов, которые характеризуют именно правонарушителей в той или иной сфере в целом. Приведем актуальный в современных условиях пример. В своем исследовании Н.Н. Нечипоренко с соавторами раскрывает возможности применения разработанного в 2018 г. «Протокола террористической радикализации» для анализа совокупности проксимальных и дистальных поведенческих признаков, которые можно использовать для предиктивного анализа действий террориста-одиночки. В качестве проксимальных поведенческих реакций выделяются фиксация, идентификация, прямая угроза и ряд других признаков; дистальными характеристиками могут быть психическое расстройство, идеологическая фиксация, личная обида и другие особенности. Такой аналитический подход направлен на оценку именно паттерна, а не отдельных факторов, что позволяет превентивно установить необходимость активного вмешательства правоохранительных органов (при наличии суммы признаков) или же допустимость применения только процедур мониторинга (если присутствуют только дистальные признаки) [10, с. 18]. Таким образом, паттерн как устойчивая модель поведения по совокупности признаков, которые могут быть обработаны методами математического анализа и статистики, становится информативным для выявления склонности к

правонарушениям различного вида при условии правильного выбора характеристических признаков для анализа.

Завершая рассмотрение возможностей применения математических методов в криминалистике, обратим внимание не только на широкие перспективы применения алгоритмов и статистических данных для предиктивного анализа, но и на наличие определенных технических трудностей и вопросов этики, требующих решения.

Технические трудности в основном обусловлены сложностью и громоздкостью искусственного интеллекта как инструмента. Во-первых, для того, чтобы алгоритмы высокоэффективно предсказывали вероятность совершения преступлений или выявляли паттерны в поведении правонарушителей, сначала требуется собрать колоссальные объемы данных, обработать их и обучить с их помощью нейросеть. Все это требует мощных серверов и специальных вычислительных центров, а также квалифицированных сотрудников для работы с нейросетями. Хотя, как отмечает М. Болвачев, преподаватель Балтийского федерального университета, в настоящее время нейросети имеют интуитивно понятный интерфейс, который принимает запрос на обычном языке и на нем же выдает ответ, что значительно удобнее по сравнению с работой с традиционными базами данных [4]. Во-вторых, встают вопросы чисто этического характера, поскольку непонятно, кто должен нести ответственность за данные, обработанные искусственным интеллектом с помощью математических методов. Особую сложность в данном случае представляет то, что система может начать действовать на основе стереотипов. В частности существуют данные о том, что алгоритмы могут воспроизводить имеющиеся предубеждения, сформировавшиеся на основе исторических данных о патрулировании тех или иных кварталов, в которых проживают люди определенной расовой и социальной принадлежности. Спорным с этической и правовой точки зрения является вопрос и о допустимости сбора данных о круге общения человека, его перемещениях. Наконец, не исключено ложное срабатывание предиктивных алгоритмов при изучении паттерна поведения конкретного человека [11]. С учетом этого приходим к пониманию, что при всех возможностях применения алгоритмов и обученных нейросетей их решения могут носить лишь рекомендательный характер, тогда как окончательный выбор и ответственность лежит на специалисте-криминалисте.

Подводя итог, заметим, что в настоящее время существует более двух тысяч математико-статистических алгоритмов, «заточенных» под прогнозирование и предупреждение правонарушений. Многие из этих алгоритмов прошли апробацию в действии, показав точность на уровне

80-93 % [12]. Важно и наличие разнонаправленных алгоритмов – пространственно ориентированных и персонально ориентированных, что позволяет гибко и комплексно использовать их для анализа данных. Тем не менее, не следует забывать об этическом и правовом аспекте применения математических моделей обученными нейросетями и понимать, что окончательное решение всегда остается за компетентным специалистом, тогда как любые методы и искусственный интеллект остаются лишь вспомогательными, хотя и весьма эффективными инструментами.

Список литературы:

- [1] Чушкин П.И. Дородницын Анатолий Алексеевич // Музей истории МФТИ [Электронный ресурс]. URL: <https://museum.mipt.ru/выдающиеся-личности-д/дородницын-анатолий-алексеевич/> (дата обращения 07.07.2026).
- [2] Безродных С. Роль математики в развитии других научных направлений и в создании наукоемких технологий обсудили на «Технопроме – 2025» // Российская академия наук [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ras.ru/news/shownews.aspx?id=13cfd25b-038d-476e-a916-b11b2ac52a0c> (дата обращения 08.07.2026).
- [3] Вердикт алгоритмов: как технологии предсказывают преступления // Компьютерра. 2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.computerra.ru/280646/verdikt-algoritmov-kak-tehnologii-predskazyvayut-prestupleniya/> (дата обращения 10.07.2026).
- [4] Каменская Р. Предугадать поведение мажорки и вычислить дипфейк: как ИИ меняет работу следователей // Право.ру. 2024. [Электронный ресурс]. URL: <https://pravo.ru/story/254219/> (дата обращения 10.07.2026).
- [5] Hunt J. From Crime Mapping to Crime Forecasting: the Evolution of Place-Based Policing // National Institute of Justice. 2019. July.
- [6] Verte V. Person-Based Predictive Policing under the AI Act // Rails. 2024. April.
- [7] Компьютер не смог эффективно выявить преступников-рецидивистов // Naked Science [Электронный ресурс]. URL: <https://naked-science.ru/article/sci/kompyuter-ne-smog-effekti> (дата обращения 10.07.2026).
- [8] Аминов И.И. Профайлинг: технологии предотвращения противоправных действий: учебное пособие / И.И. Аминов; под ред. Ю.М. Волынского-Басманова, Н.Д. Эриашвили. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2012. 201 с.
- [9] Косян А.А. Практическое применение криминалистического моделирования личности преступника в раскрытии неочевидных преступлений // Молодой ученый. 2025. № 21(572). С. 262-265.
- [10] Нечипоренко Н.П., Пацакула И.И., Гал-

лиев И.Ш. От диагностики личности к диагностике паттерна: опыт исследования лиц, совершивших преступления террористической направленности // Психология и право. 2025. № 15(1). С. 16-28.

[11] Как открытые данные могут предсказать преступления // habr [Электронный ресурс]. URL: <https://habr.com/ru/articles/237649/> (дата обращения 11.07.2026).

[12] Туробов А., Чумакова М., Вечерин А. Международный опыт применения математико-статистических алгоритмов прогнозирования преступности // Международные процессы. Том 17. № 4(59). С. 153-177.

References:

[1] Chushkin P.I. Dorodnitsyn Anatoly Alekseevich // Museum of the History of MIPT [Electronic Resource]. URL: <https://museum.mipt.ru/выдающиеся-личности-д/дородницын-анатолий-алексеевич/> (date of contact 07.07.2026).

[2] Bezrodnykh S. The role of mathematics in the development of other scientific areas and in the creation of high-tech technologies was discussed at Technoprom 2025 // Russian Academy of Sciences [Electronic Resource]. URL: <https://www.ras.ru/news/shownews.aspx?id=13cfd25b-038d-476e-a916-b11b2ac52a0c> (date of contact 08.07.2026).

[3] The verdict of algorithms: how technology predicts crime // Computerra. 2022. [Electronic resource]. URL: <https://www.computerra.ru/280646/verdict-algoritmov-kak-tehnologii-predskazyvayut-prestupleniya/> (дата обращения 10.07.2026).

[4] Kamenskaya R. Predict the behavior of a

maniac and calculate deepfake: how AI changes the work of investigators // Право.ру. 2024. [Electronic resource]. URL: <https://pravo.ru/story/254219/> (date of contact 10.07.2026).

[5] Hunt J. From Crime Mapping to Crime Forecasting: the Evolution of Place-Based Policing // National Institute of Justice. 2019. July.

[6] Verte V. Person-Based Predictive Policing under the AI Act // Rails. 2024. April.

[7] The computer failed to effectively identify repeat offenders // Naked Science [Electronic Resource]. URL: <https://naked-science.ru/article/sci/kompyuter-ne-smog-effekti> (дата обращения 10.07.2026).

[8] Aminov I.I. Profiling: technologies for preventing illegal actions: a textbook/I.I. Aminov; ed. Yu.M. Volynsky-Basmanov, N.D. Eriashvili. M.: UNITY-DANA: Law and Law, 2012. 201 s.

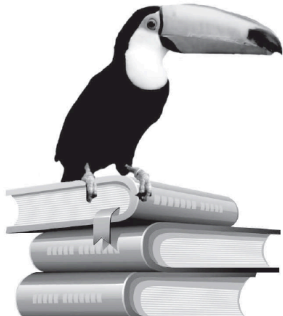
[9] Kosyan A.A. Practical application of forensic modeling of the personality of a criminal in solving non-obvious crimes // Young scientist. 2025. № 21(572). S. 262-265.

[10] Nechiporenko N.P., Patsakula I.I., Galliev I.Sh. From personality diagnostics to pattern diagnostics: experience in researching persons who have committed terrorist crimes // Psychology and Law. 2025. № 15(1). S. 16-28.

[11] How open data can predict crimes // habr [Electronic resource]. URL: <https://habr.com/ru/articles/237649/> (date of contact 11.07.2026).

[12] Turobov A., Chumakova M., Vecherin A. International experience in the use of mathematical and statistical crime prediction algorithms // International processes. Volume 17. № 4(59). S. 153-177.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ОМЕЛИН Виктор Николаевич,
Главный научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН
России, доктор юридических наук, профессор,
e-mail: v.omelin@mail.ru

КРИТЕРИИ ОБОСНОВАННОГО РИСКА В ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация. В статье рассматриваются критерии обоснованного риска в оперативно-розыскной деятельности: общественно полезная цель рискованных действий, невозможность достичь цели ОРМ без риска, соответствие закону, меры по минимизации вреда, адекватная оценка оперативно-розыскной ситуации риска и ее развития.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, оперативно-розыскные мероприятия, оперативный риска, обоснованность риска.

OMELIN Victor Nikolaevich,
Chief research scientist of the Scientific research
institute of the Federal service for execution of
punishment of Russia Doctor of law, Professor

CRITERIA FOR A REASONABLE RISK IN OPERATIONAL AND INVESTIGATIVE ACTIVITY

Annotation. The article examines the criteria for justified risk in operational-investigative activities: the socially beneficial purpose of the risky actions, the impossibility of achieving the objective of operational-investigative measures without risk, compliance with the law, measures to minimize harm, and an adequate assessment of the operational-investigative risk situation and its development.

Key words: Operational investigative activities, operational investigative measures, operational risk, justification of the risk.

В специальной литературе в области теории ОРД утвердился термин «оперативный (профессиональный) риск». И это не случайно, так как риск нередко возникает при проведении оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ), работе с лицами, оказывающими содействие на конфиденциальной основе, и пр.. Так, когда оперативные сотрудники проводят проверочную закупку, оперативный эксперимент, оперативное внедрение, контролируруемую поставку, они действительно сталкиваются с ситуациями, где есть элемент риска: риск ошибочного выбора вида, организации и тактики проведения ОРМ (места, времени, субъекта ОРМ); риск нарушения прав и свобод человека и гражданина при проведении ОРМ (спровоцировать объект ОРМ на совершение противоправных действий); риск расшифровки ОРМ.

В научной литературе не существует единого мнения о том, что именно, следует понимать под риском в ОРД [1, С. 21; 2, С. 265]. Нет такого термина в Федеральном законе от 12.08.1995

№ 144-ФЗ (ред. от 04.01.2025) «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон об ОРД). Не вступая в дискуссию по данному вопросу, полагаем, что можно предложить следующее определение: оперативный риск (риск в ОРД) представляет собой обоснованные, подготовленные действия субъектов ОРД, направленные на достижение целей и задач ОРД, когда существует вероятность наступления неблагоприятных последствий в ходе осуществления оперативно-розыскных мероприятий и иных оперативных действий.

Одним из существенных признаков оперативного риска является его обоснованность. Обобщение научной литературы, а также оперативной практики позволяет сформулировать ключевые критерии, которыми руководствуются оперативные сотрудники и их руководители при принятии рискованных решений. Сразу оговоримся, что в уголовном законе, в частности, в ст. 41 УК РФ (Обоснованный риск) эти критерии сформулированы шире, но для ОРД они адаптированы с учетом специфики данного вида правоохрани-

тельной деятельности.

Общественно полезная цель рискованных действий.

Риск допустим, только если действия органов, осуществляющих ОРД, направлены на достижение цели и задач ОРД: выявление, предупреждение, пресечение или раскрытие преступления, защита жизни, здоровья, прав граждан, безопасности общества или государства от преступных посягательств. Данная цель и задачи отвечает требованиям морали и нравственности. Рискующий стремится к успеху, польза от которого будет для общества и государства, хотя рискующий осознает, что планируемое ОРМ может привести к возможному отрицательному результату.

К примеру, в ходе оперативного эксперимента негласно создаются контролируемые условия, чтобы наблюдать за лицом, обоснованно подозреваемым в подготовке или совершении преступлений средней тяжести, тяжкого или особо тяжкого преступления, и зафиксировать его противоправные действия (например, при вымогательстве или даче взятки). Риск возникает, когда есть вероятность, что объект эксперимента выйдет из-под контроля, совершит необдуманные действия или раскроет участников оперативного эксперимента. В данной ситуации обоснованность риска подтверждается, если оперативный эксперимент направлен на выявление и пресечение опасного преступления, а все возможные опасности заранее просчитаны и приняты меры для их нейтрализации.

Достичь цели ОРМ иными средствами и методами, не связанными с риском, невозможно или крайне затруднительно.

Ключевой момент: цель ОРМ не может быть достигнута средствами и методами без совершения рискованных действий или когда отсутствует свобода выбора более благоприятного пути к намеченной цели. Если есть иные возможности достичь положительного результата без совершения рискованных действий - рискованный вариант не оправдан.

Например, оперативные сотрудники организуют проверочную закупку (мнимую сделку купли-продажи) товара, оборот которого ограничен или запрещен. Под видом покупателя приобретают товар у лица, обоснованно подозреваемого в незаконном обороте наркотиков, оружия. Риск здесь в том, что подозреваемый может распознать «закупщика», уничтожить улики или оказать сопротивление. Однако риск признают обоснованным, если у оперативных сотрудников были веские основания (например, достоверная и проверенная оперативная информация о сбыте указанным лицом наркотиков, оружия). При этом других альтернатив для документирования проти-

воправных действий сбытчика не было.

Соответствие возможных негативных последствий требованиям норм оперативно-розыскного и уголовного законодательства.

Как отмечалось выше, в Законе об ОРД отсутствует термин «риск». Вместе с тем в данном законе закреплены конституционные принципы ОРД (законность, уважение и соблюдение прав и свобод человека и гражданина), правила проведения конкретных ОРМ, права и обязанности органов, осуществляющих ОРД. Иными словами, Закон об ОРД задает рамки, в которых риск вообще допустим. Рискованные действия не должны нарушать прямых предписаний нормативных актов, регулирующих ОРД. Например, есть жесткие ограничения на проведение отдельных ОРМ (проверочная закупка, оперативный эксперимент) — их нарушение сразу ставит под сомнение обоснованность оперативного риска.

В большинстве своем риск в ОРД не связывается с обстоятельством, исключающим преступность деяния, а рассматривается как обстоятельство, которое сопровождает оперативных сотрудников, осуществляющих ОРД, или лиц, оказывающих им содействие, как элемент возможного причинения вреда проводимыми ОРМ и иными оперативными действиями.

В уголовном праве обоснованный риск (ст. 41 УК РФ) трактуется как стремление достичь общественно полезную цель путем поставления в опасность правоохраняемых интересов, если указанная цель не может быть достигнута не связанными с риском действиями (бездействием) и лицо, допустившее риск, предприняло достаточные меры для предотвращения вреда охраняемым уголовным законом интересам [3, С. 231]. Как представляется, такой подход вполне применим к оценке обоснованности риска в ОРД.

Статья 41 УК РФ помогает оценить, был ли этот риск в ОРД в конкретной ситуации правомерным с точки зрения уголовного права. Если в ходе ОРМ произошел инцидент, вопрос о том, был ли риск обоснованным, решается индивидуально. Будут анализироваться все обстоятельства: была ли цель ОРМ общественно полезной, существовали ли безопасные альтернативы, какие меры предосторожности принял оперативный сотрудник, не было ли заведомой угрозы тяжких последствий. И если условия ст. 41 УК РФ соблюдены — это аргумент в пользу того, что действия оперативного сотрудника не являются преступлением. А если условия нарушены, но есть смягчающие обстоятельства, это могут учесть при назначении наказания (п. «ж» ч. 1 ст. 61 УК РФ — совершение преступления при нарушении условий обоснованного риска).

При анализе рассматриваемого критерия обоснованного риска необходимо также обратить

внимание на следующее важное обстоятельство. В ч. 4 ст. 16 Закона об ОРД законодатель допускает со стороны органа, осуществляющего ОРД, а также лиц, оказывающих ему содействие, вынужденное причинение вреда правоохраняемым интересам, совершаемое при правомерном выполнении указанными лицами своего служебного или общественного долга. Иными словами, Закон об ОРД допускает возможность правомерного причинения вреда правоохраняемым отношениям. Следует заметить, что названное правовое предписание находится в полном соответствии с уголовным законодательством и согласуются с такими уголовно-правовыми институтами, как необходимая оборона (ст. 37 УК РФ), причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление (ст. 38 УК РФ) и крайняя необходимость (ст. 39 УК РФ).

По мнению профессора А.Ю. Шумилова, причинение вреда при выполнении должностных обязанностей и общественного долга в условиях профессионального риска признается правомерным при наличии следующих условий:

- общественной признанности и допустимости конкретных действий в рамках социально необходимой и полезной деятельности;

- наличия закона или иного нормативного правового акта, регламентирующего этот вид профессиональной или иной общественно значимой деятельности и содержащего указание на возможность совершения конкретных действий при определенных обстоятельствах;

- невозможности иными, без причинения ущерба правоохраняемым отношениям, средствами выполнить служебные обязанности или общественный долг в конкретной обстановке специально уполномоченным на то законом или иным нормативным правовым актом лицом;

- соблюдении всех необходимых для конкретного случая правил, закрепленных в нормативном правовом акте, регулирующем данный вид служебных обязанностей, деятельности или общественного долга;

- причинении вреда значительно менее важным интересам, чем те, которые бы пострадали при невыполнении профессиональной функции или другой юридической обязанности [4, С. 34].

Таким образом, выполнение оперативными сотрудниками должностных обязанностей при данных условиях исключает преступность совершаемых ими деяний и гарантирует обеспечение их правовой защиты при осуществлении ОРД в сложных оперативных ситуациях.

Осуществление мер по предотвращению (минимизации) возможных отрицательных последствий при проведении рискованных действий. Это один из самых важных объективных критериев обоснованного риска в ОРД. Отсут-

ствие таких мер превращает риск в намеренное причинение негативных последствий. Поэтому оперативный сотрудник либо лицо, оказывающее ему содействие, должны принимать все необходимые меры к тому, чтобы вред рискованных действий не насутил или по крайней мере был минимальным.

Имея в виду многовариантность возникающих оперативно-розыскных ситуаций, можно дать только общие рекомендации по нейтрализации (минимизации) возможных отрицательных последствий при проведении ОРМ в условиях оперативного риска.

Как правило, инициатива в подготовке и принятии решения о проведении ОРМ в условиях риска принадлежит оперативному сотруднику. Принятие такого решения определяют состояние сложившейся оперативно-розыскной ситуации и возникшие задачи. Реализация рискованного решения должна быть тщательно спланирована и подготовлена. В момент принятия решения возможность негативных последствий рискованных действий - неопределенная. В этом случае для минимизации негативных последствий лицо, принявшее решение об осуществлении рискованного действия, должно предпринять необходимые меры. Для того, чтобы предпринять их, рискующему субъекту необходимо разобраться в ситуации неопределенности, выявить возможные негативные последствия и уже с их учетом предпринимать объективно достаточные в сложившейся ситуации меры по минимизации возможных негативных последствий рискованных действий.

Практика работы оперативных подразделений показывает, что лицо, сотрудничающее на конфиденциальной основе, иногда вынуждено идти на рискованные шаги: поддерживать легенду в процессе общения с объектами оперативного внедрения, участвовать в обсуждении преступных намерений, чтобы не вызвать подозрений и продолжать сбор оперативно значимой информации. Если такие действия сопряжены с угрозой для его безопасности, но при этом направлены на раскрытие тяжкого преступления, а оперативные сотрудники заранее оценили риски и приняли меры для защиты конфиденнта от расшифровки (если он действовал правомерно), это тоже можно расценить как обоснованный риск. Без таких мер риск рискует превратиться в намеренное причинение вреда.

Адекватная оценка оперативно-розыскной ситуации риска и ее развития.

В этом контексте можно говорить об обдуманности рискованных действий, максимальном использовании опыта и знаний субъектом, который идет на риск осознанно. Осознанность рискованных действий означает, что оперативный сотрудник понимает, что при реализации риско-

ванного решения есть вероятность негативных последствий для себя, других лиц, для хода ОРМ. При этом эти последствия осознаются не как неизбежные, а как возможный, но не обязательный побочный эффект рискованных действий. В случаях принятия решений, связанных с участием конфиденентов при подготовке и проведении ОРМ, степень риска для их жизни и здоровья, привлечения к уголовной ответственности как соучастников совершения преступлений или расшифровки должна быть минимальной. Действовать в условиях оперативного риска побуждает ряд обстоятельств:

недостаточность и неполнота имеющейся информации о намерениях и преступных действиях проверяемых лиц;

незначительная или маловероятная возможность достижения положительного результата другими нерискованными средствами и методами;

интуитивное предвидение оперативным сотрудником успешности своих действий в условиях риска.

На практике отдельные оперативные сотрудники, осознавая необходимость принятия рискованных решений при выполнении оперативно-служебных задач, ориентируются на минимальный риск, либо на то, чтобы избежать риска вообще. Стремление «подстраховаться», избежать проведения активных целеустремленных наступательных ОРМ отнюдь не способствует принятию обоснованных рискованных решений по изобличению объектов оперативной заинтересованности, приводит к тому, что не используются в полной мере агентурные и иные оперативные возможности оперативных подразделений. Таким образом, от оперативного сотрудника, его опыта, наблюдательности, способности к анализу, объема и качества собранной им оперативной информации зависит правильная оценка оперативно-розыскной ситуации в условиях оперативного риска. Такая оценка носит субъективный характер и у опытного оперативного сотрудника она точнее, чем у начинающего.

На практике оценку оперативно-розыскной ситуации часто проводит руководитель оперативного подразделения: он анализирует все «за» и «против», проверяет, были ли оперативные меры адекватны, и принимает финальное решение о допустимости риска. В спорных случаях именно такая внутренняя оценка становится основой для правовой оценки действий оперативного сотруд-

ника. Следует отметить, что если в какой-то из оперативно-розыскных ситуаций выяснится, что существовала безопасная альтернатива, риск не был должным образом минимизирован или действия вышли за рамки (например, перешли в провокацию — склонению в прямой или косвенной форме к совершению преступления), риск не признают обоснованным, и могут последовать правовые последствия для рискующего. Поэтому в каждом случае решение о проведении рискованного действия принимают индивидуально, взвешивая все «за» и «против».

Руководствуясь изложенными критериями, оперативные сотрудники и их непосредственные руководители, принимающие решения о проведении ОРМ в конкретной ситуации, имеют возможность не допустить нарушения закона, неправомерного ущемления прав и законных интересов объектов ОРМ.

Список литературы:

[1] Соболев Ю.В. Профессиональный риск в борьбе с организованной преступностью (оперативно-розыскной аспект). Дис. ...канд. юрид. наук. – М., 1999. С. 21.

[2] Оперативно-розыскная энциклопедия / Авт.-сост. проф. А.Ю. Шумилов. – М., 2004. С. 265.

[3] Понятия и термины в уголовном праве России. Общая и особенная части: учебное пособие / отв. редакторы д-р юрид. наук, проф. А.И. Чучаев; канд. юрид. наук Е.В. Лошенкова. – М.: КОНТРАКТ, 2014. С. 231.

[4] Шумилов А.Ю. Оперативно-розыскная деятельность в схемах и определениях: учебное наглядное пособие. 4-е изд. исправ. и доп. – М.: Издательский дом Шумиловой И.И., 2008. С. 34.

References:

[1] Sobolev Yu.V. Professional risk in the fight against organized crime (operational-search aspect). Dis.... cand. jurid. sciences. – M., 1999. S. 21.

[2] Operational-search encyclopedia/Aut.-cost. Prof. A.Yu. Shumilov. – M., 2004. S. 265.

[3] Concepts and terms in Russian criminal law. General and special parts: tutorial/resp. editors Dr. Jurid. Sciences, prof. A.I. Chuchaev; cand. jurid. E.V. Loshenkova. – M.: CONTRACT, 2014. S. 231.

[4] A.Yu. Shumilov. Operational-search activities in schemes and definitions: a textbook visual aid. 4th ed. serviceability. and add. – M.: Publishing house Shumilova I.I., 2008. S. 34.

АБРОСИМОВА Евгения Михайловна,
кандидат технических наук, старший
преподаватель кафедры радиотехнических
систем и комплексов охранного мониторинга
Воронежского института МВД России,
e-mail: Chip_jk@mail.ru

КУЗНЕЦОВ Игорь Борисович,
преподаватель кафедры тактико-специальной
подготовки Волгодонского филиала Ростовского
юридического института МВД России,
e-mail: igor_3217@mail.ru

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ АНАЛИЗА И ПРОГНОЗА ОПЕРАТИВНОЙ ОБСТАНОВКИ В СФЕРЕ ОХРАНЫ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА И ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые теоретические вопросы и актуальные подходы к анализу и прогнозу оперативной обстановки в сфере охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности. Особое внимание уделено современному состоянию этой проблемы в части подготовки и принятия эффективных управленческих решений руководителями органов внутренних дел различного уровня в чрезвычайных ситуациях на основе аналитических данных и прогнозных выводов.

Ключевые слова: органы внутренних дел охрана общественного порядка, обеспечения общественной безопасности, оперативная обстановка, анализ, прогнозирование, массовые мероприятия.

ABROSIMOVA Evgeniya Mikhailovna,
Candidate of Technical Sciences, Senior Lecturer at
the Department of Radio Engineering Systems and
Security Monitoring Complexes Voronezh Institute of
the Ministry of Internal Affairs of Russia

KUZNETSOV Igor Borisovich,
Lecturer at the Department of Tactical and Special
Training of the Volgodonsk Branch of the Rostov Law
Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

ON CERTAIN ISSUES RELATED TO THE ANALYSIS AND FORECASTING OF THE OPERATIONAL SITUATION IN THE FIELD OF PUBLIC ORDER PROTECTION AND PUBLIC SAFETY

Annotation. The article examines certain theoretical issues and current approaches to the analysis and forecasting of the operational situation in the field of maintaining public order and ensuring public safety. Special attention is paid to the current state of this problem in terms of the preparation and adoption of effective management decisions by leaders of internal affairs bodies at various levels in emergency situations, based on analytical data and forecast conclusions.

Key words: the internal affairs bodies are responsible for maintaining public order, ensuring public safety, monitoring the operational situation, conducting analysis and forecasting, and organizing mass events.

В практике деятельности органов внутренних дел (далее-ОВД) на обслуживаемой территории может создаваться обстановка, которая по своему характеру близка к чрезвычайной либо является таковой (охрана общественного порядка при проведении массовых мероприятий; оказание помощи в обеспечении режимно-карантинных мероприятий; участие в ликвидации последствий стихийных бедствий, техногенных аварий и катастроф). Для оказания помощи органам государственной власти и управления, министерствам и ведомствам, организациям в случаях чрезвычайных обстоятельств полиция имеет все законные основания и практический опыт такого взаимодействия. В зависимости от масштабов угрозы и сложности оперативной обстановки территориальные органы получают соответствующие распоряжения вышестоящего руководства и помощь, не только на местном, но и при необходимости на региональном и федеральном уровнях. «Практика показывает, что грамотная координация всех действий союзных сил, позволяет значительно повысить эффективность при выполнении задач в особых условиях» [1]. Условия, в которых сотрудники ОВД решают возложенные на них задачи, можно определить понятием «оперативная обстановка». Оперативная обстановка представляет собой совокупность факторов, прямо или косвенно влияющих на организацию охраны общественного порядка и обеспечение общественной безопасности.

Важность правильной оценки оперативной обстановки заключается в том, что неверно или не вовремя принятое управленческое решение может иметь значительные, а подчас и катастрофические последствия: увеличиваются риск и масштабы негативных влияний; угроза жизни и здоровью людей; материальный и экономический ущерб; наблюдается снижение репутации правоохранительных органов в глазах населения и др. «С целью недопущения нежелательного развития событий во всех сферах жизни общества, в том числе и правоохранительной, все шире применяются различные методы анализа и прогнозирования» [2]. Силы и средства ОВД привлекаются к выполнению задач по охране общественного порядка, как в плановом режиме, так и при чрезвычайных ситуациях различного характера. Соответственно, характер и тактика несения службы в различных условиях имеют свои отличия и особенности. Сложность условий определяется различными факторами. Совокупность факторов определяют условия, в которых сотрудники ОВД призваны выполнять оперативно-служебные и служебно-боевые задачи. Эти условия, применительно к правоохранительным органам, обозначаются понятием «оперативная обстановка» на территории обслуживания или в зоне ответствен-

ности. В таком случае под оперативной обстановкой следует понимать совокупность факторов и обстоятельств, которые сложились (или могут сложиться) на определенный момент времени в районе (зоне) ответственности подразделения ОВД. Все события или явления общественно-политического, техногенного или природного характера могут влиять на динамику развития нежелательных процессов на определенной территории, что, соответственно, отражается на системе количественных и качественных характеристик состояния преступности. Например, когда все предприятия, организации и учреждения работают в штатном режиме, мы можем полагать, что оперативная обстановка на территории обслуживания ОВД является условно стабильной.

Мы объективно можем наблюдать нормальный ритм жизни общества на определенной территории, в конкретном регионе и т.д. В таком случае оперативная обстановка определяется как сумма усредненных количественных и качественных показателей, характеризующих повседневную деятельность, что в свою очередь, определяет необходимое количество сил и средств, режим функционирования органов государственной власти и управления, организационно-штатные структуры, необходимые для выполнения возложенных на них задач. Обычную обстановку возможно представить также как обстановку без осложнений, характеризующуюся отсутствием факторов ее осложнения. Но условия выполнения задач могут усложняться, ухудшаться, характеризоваться определенной напряженностью и т.д. Мы можем говорить в таком случае об изменении оперативной обстановки под влиянием определенных факторов. При этом следует отметить, что факторы влияния на оперативную обстановку будут иметь различные качественные и количественные характеристики, определенные сочетания и динамику развития.

От этого, во многом, и будет зависеть состояние оперативной обстановки. Например, осложнение оперативной обстановки в сфере охраны общественного порядка может зависеть от различных по своей природе явлений (социального, природного, техногенного, криминального характера), создающими для ОВД особые условия деятельности. В зависимости от условий, влияющих на состояние оперативной обстановки, на определенной территории она может варьироваться от обычной, присущей повседневной жизни, до требующей дополнительных мер воздействия, в том числе и силовых, для приведения ее состояния к нормальному или стабильному. Из этого следует, что возникает необходимость во введении и определении такого понятия как сложность оперативной обстановки. При этом следует отметить, что в зависимости от того, какие факторы и

условия будут влиять на оперативную обстановку, она будет изменяться неравномерно. Таким образом, возникает необходимость выявить круг факторов, которые влияют на оперативную обстановку и определяют условия выполнения задач.

В основе факторов, существенно изменяющих оперативную обстановку в сфере охраны общественного порядка, лежат события, которые происходят в общественной жизни населения, а также в окружающей среде. Следует отметить, что уровень данных событий (происшествий) и их характер существенно влияет на определение состояния оперативной обстановки. При этом в различных классификациях применяется следующее определение – чрезвычайное происшествие (происшествие).

Первой группой обстоятельств, влияющих на изменение уровня оперативной обстановки, будут события социального характера некриминального содержания:

- мероприятия с массовым участием граждан (политического, культурного, спортивного, религиозного и другого характера, которые прямо не несут в себе угроз общественной безопасности);

- массовые акции граждан в поддержку какого-либо политического направления;

- массовые акции протеста социального или экономического характера, проводимые в рамках действующего законодательства;

- массовые несанкционированные выступления групп граждан и самоорганизованных объединений.

Ко второй группе обстоятельств относятся события природного характера (наводнения, эпидемии, эпизоотии, природные пожары и т.д.).

Третья группа обстоятельств определяется событиями технического или производственного характера (аварии, катастрофы, закрытие производств, нарушение логистики товаров, дефицит топлива, продуктов питания и др.).

Четвертую группу обстоятельств составляют события социального характера криминального содержания.

Рассмотрим подробнее влияние этих обстоятельств на состояние оперативной обстановки применительно к охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности. Проведение мероприятий с массовым участием граждан не несет в себе прямых угроз общественному порядку, но усложняют режим деятельности правоохранительных органов. При этом оперативная обстановка может осложниться под влиянием таких факторов:

- изменение направленности массового мероприятия;

- расширение масштаба территориального охвата;

- увеличение количества и расширение состава

- участников мероприятия;

- организованные деструктивные действия третьих сил провокации; диверсии; теракты и др.);

- изменение продолжительности проведения мероприятия;

- нарушение повседневного ритма жизни района, города или региона;

- непрогнозируемые события;

- возникновение групповых нарушений общественного порядка, массовых беспорядков, уничтожение или повреждение имущества, блокада транспортных коммуникаций, что создает прямую угрозу общественному порядку и общественной безопасности.

Учитывая эти факторы, все правоохранительные органы переводятся на усиленный режим несения службы, возникает необходимость введения временных административно-правовых режимов на определенной территории, включающих:

- ограничения движения транспорта, работы предприятий и организаций, объектов торговли и общественного питания, ведения другой хозяйственной деятельности и т.п.;

- необходимость привлечения дополнительных сил, в том числе из других регионов, что в свою очередь ставит задачи по координации деятельности и всестороннему обеспечению личного состава (транспортному, продовольственному, хозяйственно-бытовому, медицинскому и т.д.).

К условиям оперативной обстановки в сфере охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности можно отнести:

- характер и уровень нарушений общественного порядка;

- способность органов власти, местного самоуправления, правоохранительных органов контролировать обстановку, обеспечивать нормальный режим функционирования всех сфер жизни общества;

- необходимость перехода на усиленный режим работы органов государственной власти, местного самоуправления, правоохранительных органов;

- возможные способы разрешения социально-политического конфликта (компромисс, консенсус, солидарность, интеграция, локализация, социальное принуждение и др.);

- необходимость приведения в готовность дополнительных сил и средств, их возможная численность, сроки прибытия, средства их технического оснащения, возможности по их расположению и всестороннему обеспечению (разведывательное, инженерное – техническое, материальное, медицинское, связь и др.);

- допустимое время реакции на осложненную обстановку;

- необходимое время для накопления доста-

точных резервов и создания группировки сил охраны правопорядка;

численность и техническое оснащение личного состава подразделений, задействованных в охране общественного порядка (патрульно-постовая служба, ГИБДД, Росгвардия, военная полиция и др.) в обычной оперативной обстановке;

необходимый уровень планирования, руководства и координации деятельности по проведению специальных операций (мероприятий);

характер местности, климатические и гидрометеорологические условия;

время года, время суток и др.

Перечень влияющих на оперативную обстановку факторов достаточно широк, а их сочетание может быть довольно многовариантным, что представляет значительные трудности при оперативном прогнозировании ситуации. Необходимо также учитывать, что с одной стороны, оперативная обстановка зависит от социально-политической обстановки, а с другой – влияет на нее. Такое разнообразие факторов и их влияний очень трудно формализовать, чтобы можно было применять количественные методы для его оценки. Тем не менее «использование систем видеонаблюдения и анализа данных для прогнозирования угроз представляет собой мощный инструмент для повышения уровня безопасности» [3]. Таким образом, сложность оперативной обстановки в сфере охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности можно охарактеризовать как сочетание уровня и характера опасности, возможных ее изменений под влиянием

определенных факторов, а также способов разрешения социальных конфликтов, которые могут возникать вследствие обострения ситуации.

Список литературы:

[1] Шувалов А. П. Актуальные вопросы тактико-специальной подготовки сотрудников полиции для несения службы в особых условиях / А. П. Шувалов, Е. М. Абросимова // Закон и право. – 2023. – № 3. – С. 253-256.

[2] Шувалов А. П. О некоторых вопросах анализа и прогнозирования преступности на современном этапе / А. П. Шувалов, С. А. Гречаный // Право и управление. – 2026. – № 5. – С. 222-225.

[3] Абросимова Е. М. Использование систем видеонаблюдения и анализа данных для прогнозирования угроз / Е. М. Абросимова // Охрана, безопасность, связь. – 2025. – № 10-1. – С. 6-10.

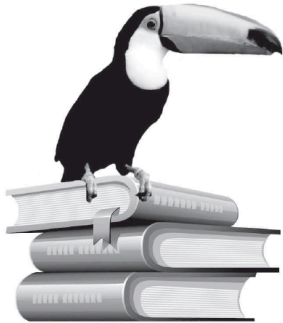
References:

[1] Shuvalov A.P. Topical issues of tactical and special training of police officers for service in special conditions / A.P. Shuvalov, E.M. Abrosimova // Law and Law. – 2023. – № 3. – S. 253-256.

[2] Shuvalov A.P. On some issues of analysis and forecasting of crime at the present stage / A.P. Shuvalov, S.A. Grechany // Law and management. – 2026. – № 5. – S. 222-225.

[3] Abrosimova E. M. Use of video surveillance systems and data analysis to predict threats / E. M. Abrosimova // Security, security, communications. – 2025. – № 10-1. – S. 6-10.

**ЮРИДИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ЮРКОМПАНИ»**

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

ТАРАСОВ Александр Анатольевич,
старший преподаватель Департамента уголовного
права, процесса и криминалистики Факультета
права Национального исследовательского
университета «Высшая школа экономики»
(НИУ ВШЭ), ORCID:0000-0078-9276-5211,
ResearcherID: T-8912-2023,
Scopus AuthorID: 82640173651,
e-mail: tarasov.aa@hse.ru

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕТОДОВ OSINT

Аннотация. В статье показаны результаты комплексного исследования уголовно-правовых рисков и вызовов, возникающих в результате криминального использования аналитических инструментов разведки по открытым источникам (OSINT).

Автор раскрывает уникальный двойственный характер OSINT-технологии, являющейся законным средством сбора, анализа данных для расследований и журналистики, одновременно криминализирующейся в современных условиях. Инструменты поиска по открытым источникам все чаще адаптируются преступным сообществом для подготовки таргетированных фишинговых атак, социальной инженерии, доксинга, незаконного оборота персональных данных и конфиденциальной информации, а также кибермошенничества и вовлечения в террористическую деятельность. В статье сделана попытка классификация OSINT-методов, применяемых в преступной деятельности. Сформулированы предложения по совершенствованию уголовного законодательства. Автор акцентирует внимание на нормативных пробелах и межотраслевых коллизиях, которые сопровождают процесс юридической оценки противоправного использования открытых сведений, разграничивая легитимный поиск информации от уголовно наказуемых деяний. На основе обобщения правоприменительной практики обосновывается необходимость введения квалифицирующего признака "с использованием методов OSINT". Аргументирована целесообразность модернизации уголовно-правовых норм, регламентирующих ответственность за нелегальный оборот персональных данных и законодательного закрепления специфики использования методов OSINT в рамках оперативно-розыскных мероприятий.

Ключевые слова: OSINT; персональные данные; уголовная ответственность; квалификация преступлений; доксинг; кибермошенничество, вовлечение в террористическую деятельность.

TARASOV Aleksandr Anatolyevich,
Senior Lecturer at the Department of Criminal Law,
Procedure and Criminology, Faculty of Law, National
Research University Higher School of Economics
(HSE University)

CRIMINAL LAW ASPECTS OF UTILIZING OSINT METHODS

Annotation. The article presents the results of a comprehensive study on criminal law risks and challenges arising from the criminal exploitation of open-source intelligence (OSINT) analytical tools.

The author reveals the unique dual nature of OSINT technology: while serving as a legitimate means of data collection and analysis for investigations and journalism, it is simultaneously weaponized under modern conditions. Open-source intelligence (OSINT) tools are increasingly being adapted by the criminal community to prepare targeted phishing attacks, social engineering, doxing, trafficking of personal data and confidential information, as well as cyber fraud and recruitment into terrorist activities. The paper provides a classification of OSINT methods utilized in criminal activities and formulates proposals to improve criminal legislation. The author highlights the regulatory gaps and cross-sectoral conflicts that accompany the legal assessment of the unlawful use of open-source data, distinguishing legitimate information retrieval from criminal acts. Based on

the generalization of law enforcement practice, the necessity of introducing a new aggravating circumstance — committing an offense "using OSINT methods" — is substantiated. The study highlights the need to clarify crime elements in the field of illicit personal data trafficking and to separately regulate the use of OSINT in operational-search activities.

Key words: OSINT (Open-Source Intelligence); personal data; criminal liability; qualification of crimes; doxing; cyber fraud; recruitment into terrorist activities.

Стремительная цифровизация современного общества не только открывает новые перспективы развития, но и формирует беспрецедентные угрозы безопасности. Одним из таких вызовов выступает криминальная эксплуатация методов разведки по открытым источникам (OSINT). Следует отметить, что изначально данная технология создавалась и использовалась исключительно в легальном сегменте для журналистских расследований и в целях обеспечения корпоративной безопасности. В настоящее время сбор общедоступных данных из социальных сетей, форумов, государственных реестров и других открытых ресурсов стал для злоумышленников удобным инструментом подготовки и совершения преступлений, от фишинговых атак и социальной инженерии до шантажа и мошенничества [1, с. 98].

Актуальность исследования обусловлена тем, что криминальное использование методов OSINT обеспечено колоссальным массивом утечек сведений. По данным экспертных центров, объем похищенных персональных данных граждан России увеличился на 70%, а общий объем утечек за последние три года превысил 4,5 млрд записей. Накопление указанных данных в открытом доступе привело к качественному изменению структуры ИТ-преступности. Так, атаки с применением социальной инженерии стали таргетированными, а наносимый ими финансовый ущерб увеличился на 36%, достигнув 200 млрд рублей, что подтверждает рост криминального использования OSINT-технологий злоумышленниками [17]. На этом фоне отсутствуют четкие правовые критерии, по которым можно было бы квалифицировать сбор открытых данных как часть противоправной деятельности. Действующие нормы Уголовного кодекса РФ, в том числе статьи 137, 138, 272 и другие, не всегда позволяют эффективно пресекать такие действия, т. к. сам по себе сбор информации из открытых источников юридически не считается незаконным. Для правоохранительных органов это создаёт серьёзные трудности. Сложно доказать преступный умысел и привлечь виновных к ответственности. В этой связи на практике это отражается отсутствием единого подхода в судебном сообществе [13, с. 254].

Целью проведенного исследования являлось выявление и систематизация пробелов в уголовном законодательстве Российской Федерации (в части противодействия преступному ис-

пользованию OSINT, а также выработка научно обоснованных мер по его совершенствованию. В рамках выполнения задач автором проведен анализ теоретических основ OSINT, дана классификация применяемых в киберпреступности методов сбора данных, проанализированы действующие нормы УК России и смежного законодательства, изучена правоприменительная практика по уголовным делам, связанным с преступным использованием открытых данных [1, с. 104]. Методологическую основу исследования составили общенаучные методы познания (анализ, синтез и системный подход), а также специальные юридические методы (сравнительно-правовой и формально-юридический).

В работе использованы материалы уголовных дел, статистика и научные публикации о проблемах OSINT и уголовно-правовой защите информации [11, с. 503]. Новизна исследования заключается в рассмотрении проблемы одновременно с двух сторон: с технической и с правовой. Данный подход помогает связать особенности OSINT с оценкой того, насколько эффективно работают существующие правовые механизмы, и уже на этой основе сформулировать конкретные предложения по изменению уголовного законодательства. В результате изучения сущности и теоретических основ OSINT (Open Source Intelligence) в контексте информационной безопасности установлено, что указанный термин обозначает "деятельность по сбору, обработке и анализу информации, полученной из общедоступных, открытых источников, осуществляемую в целях дальнейшего использования в решении прикладных задач в сфере безопасности, управления, расследования преступлений и административных правонарушений" [2, с. 618]. В данной дефиниции зафиксирован главный теоретический принцип: берётся массив открытых данных, а потом он анализируется для практических целей, из-за чего OSINT получил широкую сферу применения и понятную методологию. При этом мультимедийный характер открытых данных (публикаций, пользовательского контента, метаданных) существенно повышает информативность OSINT-анализа при условии строгого соблюдения правовых и этических стандартов [15, с. 539].

Внутри методологии OSINT исследователи выделяют типологические направления, ориентированные на изучение организаций, отдельных

людей и фрагментов кода, что оптимизирует целеполагание при сборе информации и выбор адекватного аналитического инструментария [5, с. 4]. С помощью OSINT можно собрать о человеке или компании самую разную информацию: имя, фотографии, контакты, местонахождение, профессиональные связи [5, с. 3]. Полученные сведения способны как детерминировать применение социальной инженерии, так и послужить инструментом ее нейтрализации. С одной стороны, правоохранные органы эффективно имплементируют OSINT для пресечения угроз и розыска преступников, а журналистское сообщество — для верификации информации и дезавуирования фейков, что имеет ключевое значение для обеспечения публичной безопасности [15, с. 542]. С другой стороны, доступность методик и инструментов открытой разведки делает их удобными для злоумышленников: с их помощью можно находить уязвимые цели, готовить точечные атаки через социальную инженерию и заниматься доксингом, то есть несанкционированным сбором и публичным обнародованием персональных данных либо сведений о частной жизни лица без его согласия, осуществляемыми в целях травли, шантажа или подготовки иных преступлений [15, с. 543]. Таким образом, высокая результативность OSINT на фоне колоссального объема открытых данных обуславливают его дуализм и при условии достаточного объема, а также качества информации данная технология одинаково эффективно служит как целям киберзащиты, так и оптимизации преступных посягательств [5, с. 3]. М. О. Кузнецова отмечает, что "на основе анализа существующих исследований автором осуществлена классификация методов криминального OSINT по двум ключевым группам в целях повышения точности квалификации преступлений и оптимизации их применения в оперативно-розыскной деятельности" [18].

Так, первая группа методов OSINT, применяемых в преступной деятельности, связана со сбором данных о личности, то есть "Персонифицированный OSINT". В нее входит поиск информации в социальных сетях, профессиональных профилях и публичных базах данных. Исследователи подчеркивают, что посредством OSINT о человеке или организации собирается разнородная информация: от имени и контактов до фотоматериалов, пространственных координат и профессионального круга общения [5, с. 3]. В дальнейшем полученные сведения злоумышленники активно используют в социальной инженерии и фишинге. В научной литературе прямо говорится, что "преступники могут использовать OSINT для выявления перспективных мишеней и слабых мест в защите потенциальной жертвы, подготовки к целевым атакам с использованием социаль-

ной инженерии, а также в целях доксинга"[15]. Н. Н. Романова отмечает: "Особую опасность представляет целевой фишинг. Для него сначала проводится разведка по открытым источникам, чтобы собрать контекстную информацию о жертве, например о хобби, семье, работе или отпуске, а потом эти детали идут в сценарий атаки" [14].

Вторая категория включает технические методы OSINT, которые направлены на анализ цифровых следов, вредоносного кода и инфраструктуры атак. Это помогает злоумышленникам находить уязвимости и планировать целевые кибератаки. В рамках данного направления можно выделить тип OSINT, ориентированный на анализ фрагментов используемого злоумышленниками программного кода. Анализ фрагментов вредоносного программного обеспечения позволяет идентифицировать автора, его электронную почту или страну происхождения, что помогает установить личность преступника и его мотивы [5]. Для сбора технической информации преступники активно используют пассивную разведку, в том числе сервисы WHOIS, Shodan, картографические инструменты Google Maps. Данный инструментарий позволяет детально изучить цифровую инфраструктуру жертвы без прямого взаимодействия с ней. В научных исследованиях подчеркивается, что любая кибератака начинается с разведывательной аналитической операции, и именно OSINT обеспечивает первоначальное пассивное получение разведданных, которые потом нужны для планирования атаки [15].

Сбор общедоступных данных в рамках OSINT признаётся законным, при условии соблюдения процессуальных норм, при этом информация релевантна и достоверна, а результаты зафиксированы на материальном носителе. При этом использование автоматизированных инструментов требует отдельной правовой регламентации и аккуратной фиксации полученных массивов данных, чтобы потом не возникло сомнений в их допустимости в процессе. Легитимность OSINT подтверждается тем, что его используют в специальных службах, правоохранных органах, структурах корпоративной безопасности и журналистике. При этом Г. А. Рукавишников и А. В. Константинов указывают на необходимость соблюдения этических ограничений и проявления особой осторожности при обращении с чувствительными категориями информации [с. 542; 9, с. 51].

Результаты исследования указывают, что преступное использование OSINT начинается в тот момент, когда собранные данные умышленно направляются на подготовку и совершение противоправных деяний (шантаж, мошенничество, вовлечение в террористическую деятельность и другие). В данном контексте деятельность зло-

умышленников полностью выходит за рамки ординарного информационного поиска. Преступники используют методы OSINT как деструктивный инструмент для выявления уязвимостей в защите потенциальной жертвы, реализации доксинга, а также планирования целевых атак с применением социальной инженерии [15, с. 543]. Таким образом, в подобных случаях изначально правомерный пассивный сбор информации трансформируется в стадию приготовления к совершению преступления. Выступает основой для моделирования угроз и планирования атаки. Следовательно, разграничение легитимного и преступного использования сведений должно осуществляться по критериям их последующего целевого назначения и реальной направленности умысла лица.

Регулирование применения OSINT-анализа в уголовном процессе осуществляется Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации. При этом для признания полученных данных доказательствами требуется соблюдение ряда условий: достоверности и релевантности информации, соблюдения законных прав и интересов лиц, в отношении которых проводится проверка [1, с. 104]. Информация, полученная в результате OSINT-анализа, приобретает правовой статус доказательств после её официальной фиксации в протоколе следственного действия и закрепления на электронном носителе неизменяемого типа [1, с. 99]. На практике это обуславливает необходимость проведения комплекса следственных действий, обязательного составления протоколов и надлежащего оформления всех этапов сбора данных, включая их фиксацию на специальных электронных носителях. Таким образом обеспечиваются сохранность и неизменность доказательственной информации [1, с. 100]. OSINT объединяет разные инструменты и методики обработки открытых источников в единую систему анализа и позволяет следователю получать нужные сведения на всех стадиях доказывания, от выявления факта до представления материала в суде [1, с. 63]. Методы OSINT-анализа интернет-ресурсов применимы при расследовании киберпреступлений, посягательств против личности, а также преступлений в экономической сфере и в области авторских прав [1, с. 99].

Таким образом, цифровая трансформация превратила информацию в базовый ресурс уголовного судопроизводства, существенно повысив значимость открытых источников при раскрытии преступлений, установлении связей и сборе доказательств. При этом в научной литературе исследователями подчеркивается необходимость нормативного регулирования и систематизации процессуальных подходов к оформлению результатов OSINT-анализа, определению критериев их допустимости и выработке методических реко-

мендаций для следственной и судебной практики [1, с. 98].

Проведённый анализ действующих норм УК РФ и смежного законодательства показывает, что применение OSINT-методов в деятельности правоохранительных органов специально не регулировано. При этом открытые источники активно используют при расследовании самых разных преступлений, правовая форма такого использования остаётся неопределённой, а критерии допустимости полученных данных как доказательств выглядят размыто. В научной литературе отдельно отмечается растущая роль информационных технологий в современном судопроизводстве и необходимость правового регулирования работы с открытыми источниками данных [1, с. 98]. В условиях правовой неопределённости результаты OSINT-анализа могут быть легко оспорены стороной защиты. Признание полученных сведений допустимыми доказательствами требует соблюдения строгих процессуальных правил, включая фиксацию данных специализированным программным обеспечением и привлечение специалистов. Однако из-за отсутствия профильного регулирования данные требования не систематизированы и применяются правоприменителем по аналогии с осмотром предметов и документов. Только после выполнения формально-процессуальных требований информация, добытая методом OSINT-анализа, приобретает статус допустимого доказательства и может быть использована при расследовании уголовных дел. Кроме того, нормативно не закреплены и критерии достоверности таких сведений (множественность источников, согласованность данных, отсутствие признаков фальсификации), что создает дополнительные сложности в правоприменительной практике. Серьёзной проблемой остаётся и соблюдение баланса между эффективностью OSINT-анализа и защитой законных прав и интересов тех лиц, которых проверяют. Право на свободу информации, закреплённое в Конституции РФ, не является абсолютным и ограничивается необходимостью защищать личную жизнь и государственную безопасность [9, с. 52]. По мере роста возможностей OSINT чаще возникают вопросы защиты интересов граждан и надлежащего уровня охраны персональных данных [14]. Коллизия между публичным интересом в раскрытии информации и частным интересом в сохранении конфиденциальности также требует нормативного разрешения.

Анализ правоприменительной практики демонстрирует эффективность использования методов OSINT при расследовании различных деяний — от экономических до киберпреступлений [1, с. 98]. Вместе с тем неправомерное обращение к общедоступным информационным ресурсам способно повлечь нарушение законодательства

о персональных данных, затронув права на конфиденциальность и неприкосновенность частной жизни. Следовательно, результативность OSINT в следственной практике напрямую зависит от строгого соблюдения процессуальных норм, а также требований к релевантности и достоверности информации, что позволяет обеспечить баланс между эффективностью расследования и защитой прав граждан.

С учетом того, что предварительный сбор сведений о жертве выступает обязательным этапом приготовления к преступлению и существенно повышает его общественную опасность автором предлагается введение в Уголовный кодекс Российской Федерации нового квалифицирующего признака — совершение деяния «с использованием методов OSINT». Данный шаг обоснован, поскольку для широкого спектра посягательств аккумуляция информации о потерпевшем является неотъемлемым элементом приготовления к преступлению [3, с. 125].

А. А. Семочкина утверждает, что законодательная практика и доктрина обуславливают необходимость отказа от формальной дифференциации персональных данных по форме их выражения и точного определения предмета нормы, во избежание ограничения уголовно-правовой квалификации исключительно компьютерной информацией [3, с. 126]. Предложенный квалифицирующий признак позволит разграничить ответственность и учесть более высокую общественную опасность действий, совершённых с применением методов открытого сбора информации, не смешивая их с обычными подготовительными действиями. Вместе с тем расширение системы квалифицирующих признаков обуславливает необходимость незамедлительной конкретизации критериев разграничения преступного использования OSINT и легитимной работы с открытыми источниками и сервисами. В этой связи нельзя не согласиться с предложением Л. Ю. Лариной о расширении системы квалифицирующих признаков состава преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 272.1 УК РФ, посредством включения указания на совершение деяния в отношении двух и более лиц, а также в отношении персональных данных, составляющих коммерческую, банковскую или иную охраняемую законом тайну [12, с. 10]. Автор поддерживает мнение Д. С. Корешникова о том, что критерии разграничения законного сбора общедоступной информации и её неправомерного получения также требуют четкой нормативной фиксации, поскольку использование размещенных в сети Интернет данных само по себе не влечет уголовную ответственность при отсутствии признака незаконности их приобретения [10, с. 52].

Таким образом, нормативная регламентация

квалифицирующих признаков и внедрение методических рекомендаций для правоприменителей позволят избежать избыточной пенализации и снизить риск избыточной квалификации одних и тех же деяний по нескольким статьям уголовного закона. Реализация данного подхода также требует официальных разъяснений высших судебных инстанций. Помимо квалифицирующего признака, есть смысл ввести и отдельную норму, которая прямо предусматривала бы ответственность за незаконный сбор, хранение и распространение персональных данных, полученных методами OSINT, если эти данные потом планируется использовать для совершения других преступлений. Так, исследователями констатируется необходимость изменить главу 28 УК РФ, включив понятие "киберпреступление" и добавив дополнительные составы [16, с. 151]. Формулировка новой статьи должна опираться на предмет исследования правовых отношений в сфере охраны персональных данных и показывать общественную опасность их незаконного обращения как части подготовки и совершения других посягательств [12, с. 10]. При разработке такой нормы нужно согласовать её с уже действующими составами и предусмотреть соразмерные санкции, чтобы предупредить злоупотребления, но без лишней уголовно-правовой репрессии.

Учитывая, что в доктрине подчеркивается необходимость четкой регламентации правовой формы применения методов OSINT [11, с. 511], автором предлагается нормативно закрепить порядок использования данных действий в Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности» для устранения правовой неопределенности и обеспечения процессуальных гарантий. Это позволит согласовать нормы оперативно-розыскного и уголовно-процессуального законодательства, минимизировав риски признания полученных сведений недопустимыми доказательствами по формальным основаниям.

Отсутствие единой методологии в уголовном процессе обуславливает потребность в стандартизации алгоритмов исследования и легитимной фиксации данных при применении автоматизированных инструментов. В этой связи другим необходимым шагом выступает разработка ведомственных нормативных актов субъектов оперативно-розыскной деятельности, регламентирующих фиксацию, оформление и использование результатов OSINT-анализа. Ведомственная регламентация должна аккумулировать требования к протоколированию этапов сбора информации, правила её хранения на электронных носителях и процедуры верификации, что повысит доказательственное значение результатов и защитит права участников судопроизводства.

Развитие автоматизированных OSINT-

инструментов и технологий искусственного интеллекта создаёт почву для появления новых составов преступлений, связанных с массовым сбором и анализом открытых данных. Так, по мнению Н. Н. Романовой, "инструменты искусственного интеллекта, машинного обучения и автоматизации способны сканировать огромные объёмы данных и коммуникаций, довольно точно выявляя связи и риски, которые требуют дальнейшего изучения" [14, с. 138]. Данный инструментарий активно эксплуатируется злоумышленниками для выявления уязвимостей потенциальных жертв, моделирования угроз, планирования атак и реализации доксинга с применением социальной инженерии. Высокая деструктивность указанных методов обуславливает необходимость упреждающего прогнозирования новых форм преступного использования открытых данных и своевременного формирования уголовно-правовых мер противодействия [15, с. 543]. Таким образом, проведённое исследование подтвердило двойственную природу OSINT. С одной стороны, это вполне легитимный инструмент разведки и расследования, потому что речь идёт о работе с общедоступными данными. С другой стороны, те же методы активно используют киберпреступники, когда готовят фишинговые атаки, занимаются социальной инженерией, собирают персональные данные и совершают другие противоправные действия. Разработанная классификация таких методов помогла разложить по полочкам инструментарий злоумышленников и очертить предмет и границы уголовно-правового воздействия.

Анализ уголовного законодательства РФ показал, что действующие нормы, в том числе статьи 137, 138 и 272 УК РФ, не дают чётких критериев, по которым можно квалифицировать сбор общедоступных данных, если он связан с подготовкой или совершением киберпреступлений. Из-за этого возникают пробелы и коллизии. Изучение правоприменительной практики показало, что результаты OSINT-анализа могут быть серьёзным доказательственным материалом при расследовании киберпреступлений. Однако их применение допустимо лишь при строгом соблюдении процессуальных требований к фиксации и оформлению результатов. В условиях отсутствия единообразной судебной практики и специализированного нормативного регулирования эффективность противодействия преступности снижается, что обуславливает необходимость внедрения дополнительных правовых механизмов.

Минимизация выявленных недостатков требует модернизации уголовного законодательства и смежных нормативных правовых актов. Предложенные меры направлены на укрепление безопасности информационной сферы и повышение результативности противодействия кибер-

преступности.

Список литературы:

- [1] Нисневич, А. К. OSINT-анализ сайтов как метод сбора доказательств по уголовным делам / А. К. Нисневич // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина. — 2026. — № 2. — С. 98–105. — DOI: 10.56972/2411-1716.2026.2.98..
- [2] Аветисян К. Р. Опыт использования OSINT при противодействии преступлениям в сфере IT / К. Р. Аветисян // Образование и право. — 2026. — № 3. — С. 618–622. — DOI: 10.24412/2076-1503-2026-3-618-622..
- [3] Семочкина А. А. Уголовно-правовая характеристика незаконного использования и (или) передачи, сбора и (или) хранения компьютерной информации, содержащей персональные данные, а равно создания и (или) обеспечения functioning информационных ресурсов, предназначенных для её незаконных хранения и (или) распространения / А. А. Семочкина, Д. И. Изюмский // Судебная экспертиза и исследования. — 2025. — № 2. — С. 121–128. — DOI: 10.5281/zenodo.2025.02.121..
- [4] Батоев В. Б. О технологии поиска по открытым источникам «OSINT» в оперативно-розыскной деятельности / В. Б. Батоев // Вестник Уфимского юридического института МВД России. — 2023. — № 2 (100). — С. 66–71. — DOI: 10.52180/1995-1639_2023_2_100_66..
- [5] Власенко Д. В. Социальная инженерия. Сбор информации о человеке с помощью метода OSINT, его типы, значение и способы защиты / Д. В. Власенко // Математическое моделирование, компьютерный и натурный эксперимент в естественных науках. — 2024. — № 2. — С. 2–11. — DOI: 10.24411/2541-9269-2024-2-2..
- [6] Тимофеев С. В. К вопросу добывания оперативно значимой информации в сети Интернет: проблемы и пути их решения / С. В. Тимофеев // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. — 2021. — Т. 18, № 2. — С. 111–117. — DOI: 10.24412/2587-9820-2021-2-111-117..
- [7] Щепельков В. Ф. Уголовная ответственность за незаконный оборот персональных данных (статья 272.1 Уголовного кодекса Российской Федерации) / В. Ф. Щепельков // Вестник Волгоградской академии МВД России. — 2025. — № 3 (74). — С. 35–42. — DOI: 10.25726/vvd.2025.74.3.005..
- [8] Капинус О. С. Цифровизация преступности и уголовное право / О. С. Капинус // Baikal Research Journal. — 2022. — Т. 13, № 1. — URL: brj-bguer.ru (дата обращения: 28.08.2026). — DOI: 10.17150/2411-6262.2022.13(1).25..
- [9] Константинов А. В. Правовые и этические основы поиска и анализа информации с помощью методов OSINT / А. В. Константинов // Вестник

Московского университета МВД России. — 2025. — № 3. — С. 51–55. — DOI: 10.24412/2073-0454-2025-3-51-55..

[10] Корешников Д. С. Конкуренция стандартов защиты персональных данных: разграничение статьи 272.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и статьи 13.11 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях / Д. С. Корешников // Правопорядок: история, теория, практика. — 2025. — № 3 (46). — С. 49–54. — DOI: 10.47475/2311-696X-2025-46-3-49-54..

[11] Кочергин Я. А. Использование открытых источников информации (OSINT) в следственной и оперативно-розыскной деятельности / Я. А. Кочергин // Вестник науки. — 2025. — № 5 (86). — С. 503–512. — DOI: 10.24412/2712-8849-2025-586-503-512..

[12] Ларина Л. Ю. Проблемы квалификации преступлений, связанных с незаконным оборотом персональных данных / Л. Ю. Ларина, И. В. Пантюхина // Вестник Югорского государственного университета. — 2026. — № 2. — С. 10–20. — DOI: 10.17816/byusu20260210-20..

[13] Родивилин И. П. Уголовно-правовая характеристика преступлений, связанных с разглашением сведений о гражданах / И. П. Родивилин, В. В. Коломинов // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2024. — № 2 (109). — С. 254–264. — DOI: 10.55001/2312-3184.2024.28.39.023..

[14] Романова Н. Н. Исследование методом расширенного систематического обзора литературы E-SLR проблемы обеспечения безопасности персональных данных при использовании OSINT / Н. Н. Романова, В. В. Грызунов // Вестник Дагестанского государственного технического университета. Технические науки. — 2024. — № 3. — С. 130–144. — DOI: 10.21822/2073-6185-2024-51-3-130-144..

[15] Рукавишникова Г. А. Общая характеристика технологий OSINT на платформе Telegram для использования в получении значимой информации / Г. А. Рукавишникова, П. М. Титов // Вопросы российской юстиции. — 2023. — № 27. — С. 537–546. — DOI: 10.24412/2658-4506-2023-27-537-546..

[16] Христинина Е. В. К вопросу об уголовно-правовом противодействии киберпреступности / Е. В. Христинина // Вестник Сибирского юридического института МВД России. — 2021. — № 2 (43). — С. 150–154. — DOI: 10.51980/2542-1735_2021_2_150..

[17] Число киберпреступлений в России // TAdviser: государственный и корпоративный ИТ-портал. — 2026. — 15 мая. — URL: tadviser.ru (дата обращения: 28.08.2026).

[18] Кузнецова М. О. Тактические особенности расследования преступлений экстремист-

ской направленности, совершенных молодежными неформальными группировками // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2024. № 1 (54). С. 102–107. DOI: 10.51980/2542-1735_2024_1_102..

References:

[1] Nisnevich, A.K. OSINT-analysis of sites as a method of collecting evidence in criminal cases/ A.K. Nisnevich // Bulletin of the Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin. — 2026. — № 2. - S. 98-105. — DOI: 10.56972/2411-1716.2026.2.98..

[2] Avetisyan K. R. Experience in using OSINT in countering IT crimes/K. R. Avetisyan // Education and law. — 2026. — № 3. - S. 618-622. — DOI: 10.24412/2076-1503-2026-3-618-622..

[3] Semochkina A. A. Criminal law characterization of the illegal use and (or) transfer, collection and (or) storage of computer information containing personal data, as well as the creation and (or) provision of functioning information resources intended for its illegal storage and (or) distribution/ A. A. Semochkina, D. I. Izyumsky // Forensic examination and research. — 2025. — № 2. - S. 121-128. — DOI: 10.5281/zenodo.2025.02.121..

[4] Batoev V. B. On the technology of searching for open sources "OSINT" in operational-search activities/V. B. Batoev // Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. — 2023. — № 2 (100). - S. 66-71. — DOI: 10.52180/1995-1639_2023_2_100_66..

[5] Vlasenko D.V. Social Engineering. Collecting information about a person using the OSINT method, its types, meaning and methods of protection/ D.V. Vlasenko // Mathematical modeling, computer and field experiment in natural sciences. — 2024. — № 2. - S. 2-11. — DOI: 10.24411/2541-9269-2024-2-2..

[6] Timofeev S.V. On the issue of obtaining promptly significant information on the Internet: problems and ways to solve them / S.V. Timofeev // Forensics: yesterday, today, tomorrow. — 2021. - T. 18, NO. 2. - S. 111-117. — DOI: 10.24412/2587-9820-2021-2-111-117..

[7] Schepelkov V.F. Criminal liability for illegal circulation of personal data (Article 272.1 of the Criminal Code of the Russian Federation) V.F. Schepelkov // Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. — 2025. — № 3 (74). - S. 35-42. — DOI: 10.25726/vvd.2025.74.3.005..

[8] Kapinus O.S. Digitalization of Crime and Criminal Law/O.S. Kapinus // Baikal Research Journal. — 2022. - T. 13, NO. 1. - URL: brj-bgupep.ru (access date: 28.08.2026). — DOI: 10.17150/2411-6262.2022.13(1).25..

[9] Konstantinov A. V. Legal and ethical

foundations for the search and analysis of information using OSINT methods/A. V. Konstantinov // Bulletin of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. — 2025. — № 3. - S. 51-55. — DOI: 10.24412/2073-0454-2025-3-51-55..

[10] Koreshnikov D. S. Competition of personal data protection standards: distinction between Article 272.1 of the Criminal Code of the Russian Federation and Article 13.11 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation/ D. S. Koreshnikov // Law and order: history, theory, practice. — 2025. — № 3 (46). - S. 49-54. — DOI: 10.47475/2311-696X-2025-46-3-49-54..

[11] Kochergin Ya. A. The use of open sources of information (OSINT) in investigative and operational-search activities / Ya. A. Kochergin // Bulletin of Science. — 2025. — № 5 (86). - S. 503-512. — DOI: 10.24412/2712-8849-2025-586-503-512..

[12] Larina L. Yu. Problems of qualification of crimes related to illegal circulation of personal data/ L. Yu. Larina, I.V. Pantyukhina // Bulletin of Ugra State University. — 2026. — № 2. - S. 10-20. — DOI: 10.17816/byusu20260210-20..

[13] Rodivilin I.P. Criminal law characteristics of crimes related to the disclosure of information about citizens / I.P. Rodivilin, V.V. Kolominov // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. — 2024. — № 2 (109). - S. 254-264. — DOI: 10.55001/2312-3184.2024.28.39.023..

[14] Romanova N. N. Research by the method of an extended systematic review of the E-SLR literature on the problem of ensuring the security of personal data when using OSINT N. N. Romanova, V. V. Gryzunov // Bulletin of Dagestan State Technical University. Technical sciences. — 2024. — № 3. - S. 130-144. — DOI: 10.21822/2073-6185-2024-51-3-130-144..

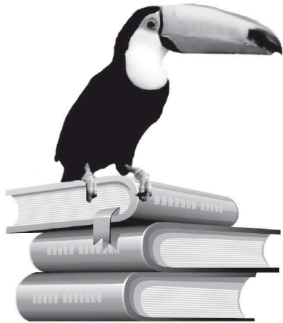
[15] Rukavishnikova G. A. General characteristics of OSINT technologies on the Telegram platform for use in obtaining significant information / G. A. Rukavishnikov, P. M. Titov // Issues of Russian justice. — 2023. — № 27. - S. 537-546. — DOI: 10.24412/2658-4506-2023-27-537-546..

[16] Khristinina E.V. On the issue of criminal legal counteraction to cybercrime / E.V. Khristinina // Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. — 2021. — № 2 (43). - S. 150-154. — DOI: 10.51980/2542-1735_2021_2_150..

[17] Number of cybercrimes in Russia // TAdviser: government and corporate IT portal. — 2026. - May 15. - URL: tadviser.ru (access date: 28.08.2026).

[18] Kuznetsova M. O. Tactical features of the investigation of extremist crimes committed by youth informal groups // Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. № 1 (54). S. 102-107. DOI: 10.51980/2542-1735_2024_1_102..

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.07.2026 г.

DOI: 10.24412/2224-9133-2026-8-242-250

Дата принятия рукописи в печать: 01.09.2026 г.

МАЙСТРЕНКО Григорий Александрович,
кандидат юридических наук, старший научный
сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России, ORCID
-0000-0001-5668-615X,
e-mail: g.maystrenko@yandex.ru

МОШЕННИЧЕСТВО С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ДИПФЕЙК-ТЕХНОЛОГИЙ И ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ КВАЛИФИКАЦИИ И НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Аннотация. Статья посвящена уголовно-правовой оценке мошенничества, совершаемого с применением генеративного искусственного интеллекта, включая технологии синтеза голоса, изображения и видео конкретного лица. Цель исследования состоит в определении места дипфейка в механизме мошеннического обмана, разграничении составов, предусмотренных статьями 159, 159.3, 159.6 и 187 УК РФ, а также в разработке предложений по обеспечению единообразной квалификации. Методологическую основу составили формально-юридический, системно-структурный, сравнительно-правовой и моделирующий методы. Обосновано, что дипфейк не образует самостоятельного способа хищения, а выступает высокотехнологичной формой сообщения ложных сведений о личности, полномочиях, воле либо фактическом положении мнимого коммуникатора. Квалификация по статье 159.6 УК РФ допустима только при наличии предусмотренного ею воздействия на компьютерную информацию или функционирование средств ее обработки; одно лишь использование нейросети или мессенджера такого основания не создает. Рассмотрены критерии отграничения мошенничества от кражи с банковского счета и неправомерного оборота средств платежей. Предложено дополнить разъяснения Пленума Верховного Суда РФ положениями о синтетическом медиаконтенте, а после накопления репрезентативной практики — предусмотреть квалифицирующий признак использования искусственного интеллекта для достоверной имитации личности другого лица.

Ключевые слова: мошенничество; дипфейк; искусственный интеллект; обман; социальная инженерия; электронное средство платежа; дроппер; квалификация преступлений.

MAISTRENKO Grigory Aleksandrovich,
Candidate of Law, Senior Researcher, Federal State
Budgetary Institution Research Institute of the Federal
Penitentiary Service of Russia

FRAUD USING DEEPFAKE TECHNOLOGIES AND ARTIFICIAL INTELLIGENCE: CRIMINAL-LAW CLASSIFICATION AND DIRECTIONS FOR LEGISLATIVE DEVELOPMENT

Annotation. The article examines the criminal-law assessment of fraud committed through generative artificial intelligence, including technologies that synthesize the voice, image, and video of a particular person. The study aims to determine the role of deepfakes in fraudulent deception, distinguish the offences under Articles 159, 159.3, 159.6, and 187 of the Criminal Code of the Russian Federation, and formulate proposals for consistent legal classification. The research relies on formal legal, systemic, comparative, and legal modelling methods. It is argued that a deepfake does not constitute an autonomous method of theft; rather, it is

a technologically enhanced form of communicating false information about the identity, authority, intention, or factual situation of an apparent communicator. Article 159.6 may be applied only where the conduct involves the legally specified manipulation of computer information or interference with information-processing systems; the mere use of a neural network, messenger, or digital platform is insufficient. The paper develops criteria for separating deepfake fraud from theft from a bank account and unlawful circulation of payment instruments. It proposes Supreme Court guidance on synthetic media and, after sufficient empirical practice has accumulated, a qualifying circumstance for the use of artificial intelligence to convincingly impersonate another person.

Key words: *fraud; deepfake; artificial intelligence; deception; social engineering; electronic payment instrument; money mule; criminal classification.*

Введение

Цифровая трансформация мошенничества выражается не только в переносе традиционных схем в дистанционную среду, но и в изменении качества самого обмана. Генеративные модели позволяют автоматизировать подготовку легенды, анализировать открытые данные о потерпевшем, воспроизводить голос близкого человека или руководителя, создавать реалистичное видеосообщение и поддерживать длительный персонализированный диалог. В результате ложная информация приобретает внешние признаки подлинной коммуникации, а классический психологический прием социальной инженерии соединяется с технологией синтетического воспроизведения личности.

Актуальность проблемы подтверждается устойчиво высоким уровнем финансовых хищений. По данным Банка России, в 2025 г. кредитные организации предотвратили 134,2 млн мошеннических операций, однако объем фактически похищенных средств достиг 29,3 млрд руб., а количество успешных операций увеличилось на 31,2 % [5]. Эти показатели не отражают исключительно дипфейк-мошенничество, но демонстрируют масштаб среды, в которой синтетический контент становится усилителем уже действующих преступных моделей. Одновременно законодатель сформировал комплекс превентивных механизмов: Федеральный закон от 1 апреля 2025 г. № 41-ФЗ предусмотрел государственную информационную систему противодействия правонарушениям, совершаемым с использованием информационных и коммуникационных технологий [3], а Федеральный закон от 24 июня 2025 г. № 176-ФЗ существенно расширил статью 187 УК РФ, установив специальные основания ответственности за дропперскую деятельность [4].

Научная дискуссия развивается по двум основным направлениям. Представители первого предлагают специальную криминализацию изготовления либо применения дипфейков в преступных целях [9; 10]. Сторонники второго рассматривают синтетический медиаконтент преимущественно как средство или способ совершения уже предусмотренных преступлений, полагая, что

действующие составы способны охватить причиненный вред при условии корректного толкования [7; 13]. Обе позиции отражают реальные риски: чрезмерно ранняя криминализация может нарушить принципы правовой определенности и экономики уголовной репрессии, тогда как отказ от адаптации законодательства способен привести к недооценке повышенной опасности масштабируемого и персонализированного обмана.

Цель настоящей статьи — сформировать уголовно-правовую модель квалификации мошенничества, в котором генеративный искусственный интеллект используется для имитации личности и побуждения потерпевшего к имущественному распоряжению. Для достижения цели необходимо: определить юридическую природу дипфейка как элемента обмана; разграничить общую и специальные нормы о мошенничестве; установить пределы применения статьи 187 УК РФ к участникам платежной инфраструктуры; исследовать значение синтетического контента для стадий преступления и соучастия; предложить направления совершенствования судебного толкования и уголовного закона.

1. Дипфейк как форма мошеннического обмана

В соответствии с частью 1 статьи 159 УК РФ мошенничество представляет собой хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем обмана либо злоупотребления доверием [1]. Пленум Верховного Суда РФ разъясняет, что ложные сведения могут относиться к любым обстоятельствам, в том числе к личности виновного, его полномочиям и намерениям; умолчание также способно образовывать обман [2, п. 2]. Следовательно, технологический способ формирования ложного сообщения сам по себе не меняет юридическую природу обмана. Дипфейк лишь повышает убедительность недостоверной информации и затрудняет ее критическую проверку.

Для целей уголовно-правового анализа под дипфейком целесообразно понимать синтетический аудио-, визуальный или аудиовизуальный материал, созданный либо существенно преобразованный с использованием алгоритмов искус-

ственного интеллекта и способный сформировать у воспринимающего лица ложное представление о том, что конкретный человек произнес определенные слова, совершил действия или участвовал в коммуникации. Подобное определение должно быть функциональным: решающее значение имеет не архитектура модели, а способность результата имитировать идентичность и участвовать в причинном механизме имущественного распоряжения. В научной литературе справедливо подчеркивается необходимость отделять вредоносный синтетический контент от правомерного художественного, образовательного и технического использования [14].

В механизме мошенничества дипфейк может выполнять по меньшей мере четыре функции. Во-первых, он подтверждает ложную личность коммуникатора: потерпевший видит или слышит родственника, руководителя, представителя банка либо государственного органа. Во-вторых, синтетический материал легитимирует фиктивное полномочие, например поручение о срочном переводе средств. В-третьих, он создает мнимое событие — похищение человека, задержание, аварию, необходимость медицинской помощи. В-четвертых, дипфейк поддерживает длительное заблуждение, последовательно отвечая на вопросы и нейтрализуя сомнения. Во всех вариантах юридически значим не файл как таковой, а ложное представление, которое он вызывает и которое становится причиной передачи имущества или права на него.

Ключевым критерием мошенничества остается добровольно-волевой внешний характер передачи. Потерпевший совершает платеж, сообщает код подтверждения, оформляет кредит, передает наличные курьеру либо подписывает документ, полагая распоряжение соответствующим своим интересам или обязанностям. Его воля сформирована дефектно, но не исключена. Если же обман используется только для получения доступа к счету, а последующее списание осуществляется тайно без нового волевого акта потерпевшего, содеянное может образовывать кражу, а не мошенничество. Пленум Верховного Суда РФ прямо указывает, что обман, не направленный непосредственно на завладение имуществом, а лишь облегчающий доступ к нему, квалифицируется с учетом фактического способа хищения [2, п. 2].

Поэтому типичная схема «видеозвонок руководителя — поручение бухгалтеру — добровольное перечисление» образует мошенничество: ложная имитация полномочий непосредственно обусловила платеж. Напротив, схема «дипфейк родственника — получение от потерпевшего данных карты — самостоятельное тайное списание» требует разграничения. Если потерпевший сам

подтверждает конкретный перевод, сохраняется конструкция мошенничества. Если он лишь сообщает реквизиты, а виновный затем без его волевого участия извлекает деньги, более обобщенная квалификация как кражи с банковского счета при наличии предусмотренных законом признаков. Технологическая эффективность первоначального обмана не должна подменять анализ причинной связи между заблуждением и способом изъятия.

2. Основная квалификация и разграничение специальных составов

Базовой нормой для большинства случаев дипфейк-мошенничества является статья 159 УК РФ. Ее применение оправдано, когда синтетический образ воздействует на человека, уполномоченного распоряжаться имуществом, и побуждает его совершить имущественное действие. Предметом могут быть наличные и безналичные деньги, цифровые права, вещи, а также право на имущество. Мошенничество с безналичными денежными средствами признается оконченным с момента их изъятия со счета владельца, в результате которого причинен ущерб [2, п. 5]. Для дипфейк-схем это важно, поскольку последующее дробление, конвертация либо обналичивание средств относится уже к распоряжению похищенным и деятельности соучастников.

Статья 159.3 УК РФ предусматривает мошенничество с использованием электронных средств платежа. Сам факт перевода через банковское приложение не делает норму специальной по отношению к статье 159. Электронное средство платежа должно выступать юридически значимым инструментом совершения преступления, а обстоятельства должны соответствовать конструкции специального состава. Если дипфейк используется для того, чтобы владелец счета самостоятельно инициировал перевод по реквизитам злоумышленника, предметная сторона обмана обычно не сводится к использованию чужого электронного средства платежа виновным; в таких случаях статья 159 сохраняет приоритет. Иное возможно, когда виновный применяет полученное или поддельное средство платежа и вводит в заблуждение лицо, участвующее в расчетной операции.

Статья 159.6 УК РФ также не должна применяться лишь потому, что преступник воспользовался нейросетью, программным обеспечением или сетью Интернет. Объективная сторона компьютерного мошенничества связана с хищением имущества или приобретением права на него посредством ввода, удаления, блокирования, модификации компьютерной информации либо иного вмешательства в функционирование средств ее хранения, обработки или передачи [1]. Создание синтетического голоса и его воспроизведение

потерпевшему не является вмешательством в компьютерную информацию потерпевшего или банка. Здесь программный инструмент производит содержание обмана, но само изъятие обусловлено решением человека. Следовательно, квалификация по статье 159.6 возможна только тогда, когда генеративная технология включена в непосредственный алгоритм воздействия на информационную систему: например, синтетические биометрические данные используются для обхода автоматической идентификации, изменения учетной записи или инициирования операции без волевого решения уполномоченного лица.

Разграничение статей 159 и 159.6 целесообразно проводить по адресату и механизму воздействия. Если ложная информация воспринимается человеком и вызывает имущественное распоряжение, имеет место классический обман. Если же технически сформированный сигнал воздействует на автоматизированную систему, изменяя состояние компьютерной информации либо порядок функционирования системы, речь может идти о компьютерном мошенничестве. Гибридная схема способна образовывать совокупность либо конкуренцию норм, но только при наличии самостоятельных действий и последствий. Нельзя считать любое прохождение цифровой идентификации вмешательством: необходимо доказать предусмотренный законом способ воздействия, а также причинную связь между ним и хищением.

Отдельную проблему представляет использование синтетической биометрии. Голосовая или видеоимитация может быть адресована оператору банка, сотруднику организации либо автоматической системе. В первом случае ложные сведения о личности охватываются общим понятием обмана. Во втором необходим анализ архитектуры идентификации: если система принимает синтетический шаблон как подлинный вследствие обычного выполнения заложенного алгоритма, доктринально возникает вопрос, является ли это «вводом компьютерной информации» или «иным вмешательством». Для соблюдения принципа *nullum crimen sine lege* расширительное толкование недопустимо. Более устойчивым решением станет специальное разъяснение Пленума Верховного Суда РФ, устанавливающее, при каких условиях представление искусственно сформированных биометрических данных образует способ статьи 159.6 УК РФ.

Необходимо учитывать и совокупность с преступлениями против личности, информационной безопасности и порядка управления. Получение исходных записей путем неправомерного доступа может образовывать самостоятельный состав; незаконное собирание и распространение сведений о частной жизни — статью 137 УК РФ; подделка официального электронного документа

— соответствующие нормы о документах. Однако совокупность допустима лишь при наличии самостоятельного объекта и действия, не охватываемого мошенничеством. Само использование внешности или голоса другого лица в обмане, направленном на хищение, не требует автоматического вменения дополнительной нормы. Иначе одно средство преступления искусственно дробится на несколько составов.

3. Субъективная сторона, стадии и соучастие

Мошенничество совершается с прямым умыслом и корыстной целью. В делах о синтетическом контенте доказыванию подлежит осознание виновным ложности создаваемой идентичности, ее назначения для введения конкретного либо неопределенного круга лиц в заблуждение и направленность умысла на безвозмездное обращение имущества. Поскольку многие генеративные сервисы имеют правомерное назначение, факт создания аудио- или видеоматериала не доказывает преступного умысла. Необходима совокупность данных: содержание задания модели, подбор образца голоса, сценарий коммуникации, подготовка платежных реквизитов, распределение ролей, переписка, тестовые звонки и действия по сокрытию следов.

Изготовление дипфейка для последующего хищения может рассматриваться как приготовление, если лицо создает средство совершения преступления, подыскивает потерпевшего и организует инфраструктуру, но еще не приступило к непосредственному введению в заблуждение. Уголовная ответственность за приготовление ограничена тяжкими и особо тяжкими преступлениями, что требует учитывать планируемый размер ущерба и квалифицирующие признаки. Покушение начинается тогда, когда синтетическое сообщение направлено потерпевшему либо используется в коммуникации, непосредственно ориентированной на получение имущества, но передача не состоялась по независящим от виновного обстоятельствам. Массовая рассылка может образовывать множественность покушений, если умысел конкретизирован относительно каждого адресата, либо единое продолжаемое деяние при заранее сформированном общем замысле и однородном механизме.

Особенно сложна оценка разработчиков, операторов моделей, владельцев аккаунтов и лиц, предоставляющих исходные данные. Нейтральное создание программного продукта, предоставление облачной инфраструктуры либо технической консультации не образует соучастия без доказанного умысла на конкретное преступление. Интеллектуальное пособничество возможно, когда специалист осознает мошеннический план и дает советы по обходу проверки, повышению

реалистичности имитации или сокрытию происхождения контента. Физическое пособничество имеет место при предоставлении моделей, аккаунтов, вычислительных ресурсов, баз данных или средств связи, заранее предназначенных для реализации хищения.

Распределение ролей в современной мошеннической группе часто носит платформенный характер: один участник собирает данные, другой генерирует синтетический контент, третий ведет диалог, четвертый принимает денежные средства, пятый конвертирует их в цифровые активы. Для признания организованной группы недостаточно технологической связанности операций; требуется устойчивость, предварительное объединение и общая направленность на совершение преступлений. Вместе с тем цифровая специализация и наличие единой инфраструктуры могут выступать доказательствами устойчивости. Публичное предложение «услуг по озвучке» либо «аренды карты» само по себе не исключает соучастия, если фактический контекст показывает осознание преступного назначения.

При оценке исполнителя следует исходить из теории функционального выполнения объективной стороны. Лицо, которое непосредственно общается с потерпевшим, используя заранее созданный дипфейк, является исполнителем мошенничества. Создатель синтетического образа может быть соисполнителем, если в рамках общего плана его действия составляют необходимую часть единого обмана и охватываются совместным умыслом; в иных случаях — пособником. Автоматизация не превращает модель искусственного интеллекта в субъекта преступления: юридически значимые решения о цели, настройке, запуске и использовании результата принимаются физическими лицами. Ошибка модели может влиять на доказанность умысла и причинной связи, но не порождает самостоятельной «ответственности алгоритма».

4. Дропперы и статья 187 УК РФ в инфраструктуре дипфейк-мошенничества

Федеральный закон от 24 июня 2025 г. № 176-ФЗ дополнил статью 187 УК РФ частями 3–6, установив ответственность за передачу, приобретение и использование электронных средств платежа и доступа к ним для неправомερных операций [4]. Эти изменения принципиально важны для дистанционного мошенничества, поскольку вывод похищенных средств нередко обеспечивается сетью дропперов. Специальная норма позволяет оценивать действия посредника даже тогда, когда доказательств его осведомленности о конкретном эпизоде мошенничества недостаточно, но установлено понимание неправомерного характера платежных операций.

Однако статья 187 УК РФ не должна погло-

щать соучастие в мошенничестве. Если владелец карты заранее знает о готовящемся хищении, предоставляет реквизиты именно для приема денег потерпевшего, согласует лимиты, порядок обналичивания и размер вознаграждения, его действия охватываются общим умыслом и подлежат квалификации как пособничество либо соисполнительство в мошенничестве — в зависимости от фактической роли. Статья 187 может применяться по совокупности лишь при наличии самостоятельного деяния, выходящего за пределы участия в конкретном хищении. Напротив, когда лицо не осведомлено о способе получения средств и конкретных потерпевших, но сознательно передает доступ для проведения незаконных операций, специальный состав статьи 187 становится основной формой ответственности.

Новая конструкция требует осторожного разграничения умысла и неосторожного вовлечения. Молодой человек, который передает карту под видом легальной работы и не осознает неправомерность операций, не отвечает по уголовному закону при отсутствии доказанного умысла. Формальные предупреждения банка, необычный размер вознаграждения, инструкции скрывать назначение платежей, использование множества карт, быстрое снятие наличных и передача их неизвестным лицам могут подтверждать осознание. Но ни один из этих признаков не должен автоматически заменять доказывание субъективной стороны. Доктрина уже отмечает, что специальные части статьи 187 устранили часть прежней неопределенности, однако нуждаются в единых правоприменительных ориентирах [12].

Для дипфейк-мошенничества типична многоэпизодность: один и тот же счет используется для поступлений от нескольких потерпевших. Вопрос о единичном или множественном преступлении должен решаться с учетом единства умысла, источника средств и характера операций. Если дроппер последовательно обслуживает неопределенное число хищений в рамках постоянной договоренности, возможна оценка совокупности его самостоятельного преступления по статье 187 и соучастия в тех эпизодах мошенничества, осведомленность о которых доказана. Механическое вменение участия во всех переводах только на основании принадлежности счета нарушало бы принцип личной виновной ответственности.

5. Доказывание синтетического характера контента и причинной связи

Квалификация невозможна без надежного установления того, что спорный материал является синтетическим или существенно модифицированным. При этом экспертный вывод должен отвечать не на правовой вопрос о наличии мошенничества, а на технические вопросы: имеются ли признаки генерации, монтажа, клонирования

голоса, подмены лица; каким программным способом создан файл; сохранены ли метаданные; соответствует ли запись исходным образцам. Значение имеют оригинальные файлы, журналы платформ, сведения о времени и устройствах, данные облачных сервисов, история запросов к модели, платежи за вычислительные ресурсы и криптографические контрольные суммы.

Особая проблема — утрата исходного файла при пересылке через мессенджер. Компрессия и повторное кодирование могут уничтожать технические маркеры, поэтому отрицательный вывод эксперта не всегда означает подлинность. Следствию необходимо обеспечивать раннее изъятие устройств, получать серверные данные, фиксировать цепочку хранения и исследовать коммуникацию в совокупности. Авторство дипфейка нельзя выводить исключительно из факта владения компьютером: требуется связь между аккаунтом, заданием модели, исходными материалами и последующим использованием результата.

Причинная связь также имеет самостоятельное значение. Не каждый дипфейк, предъявленный потерпевшему, обуславливает передачу имущества. Потерпевший мог действовать из-за последующего телефонного давления, подложного документа либо угрозы, а синтетическое видео имело лишь фоновую роль. Для состава мошенничества достаточно, чтобы обман был существенным фактором имущественного решения, но суд должен установить, какие именно ложные сведения сформировали заблуждение. Это влияет и на квалификацию соучастников: создатель контента отвечает за хищение лишь тогда, когда его вклад включен в общий умысел и причинный механизм преступления.

Синтетический контент одновременно способен быть доказательством и объектом манипуляции доказательствами. Поэтому процессуальная проверка должна включать не только экспертизу содержания, но и оценку происхождения, целостности, способа получения и воспроизводимости исследования. В научной литературе справедливо предлагается формировать междисциплинарные методики, объединяющие компьютерно-технический, фоноскопический, портретный и лингвистический анализ [8; 13]. Для уголовного права это означает, что новые технологии требуют прежде всего повышения качества доказывания, а не автоматического расширения диспозиций.

6. Направления совершенствования законодательства и судебного толкования

Первым и наиболее оперативным направлением должно стать дополнение постановления Пленума Верховного Суда РФ № 48. В нем целесообразно прямо указать, что обман при мошенничестве может осуществляться посредством ис-

кусственно созданного или измененного аудио-, визуального либо аудиовизуального материала, имитирующего личность, голос, изображение, действия или волеизъявление другого лица. Такое разъяснение не создает новый состав, но снимает сомнения относительно охвата технологически сложной формы ложных сведений действующим понятием обмана.

Второе разъяснение должно касаться разграничения статей 159 и 159.6 УК РФ. Предлагается закрепить, что использование программ искусственного интеллекта для подготовки сообщения, воспринимаемого человеком, само по себе не является вмешательством в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации. Статья 159.6 применяется, когда синтетические данные непосредственно воздействуют на автоматизированную систему в предусмотренной диспозицией форме и это воздействие причинно связано с изъятием имущества. Данный критерий «человек — система» не решает всех пограничных случаев, но обеспечивает понятную исходную модель.

Третье направление связано с оценкой повышенной общественной опасности. Дипфейк способен резко повысить достоверность обмана, масштабировать атаки и использовать биометрическую идентичность потерпевших или третьих лиц. В литературе предложено учитывать его применение в качестве квалифицирующего признака [9], тогда как более осторожная позиция предостерегает от криминализации любого использования информационных технологий [15]. Представляется, что общий признак «с использованием информационно-телекоммуникационных технологий» действительно чрезмерно широк: почти любое современное мошенничество совершается с помощью телефона или сети. Квалифицирующее значение должно иметь не цифровая среда как таковая, а достоверная имитация конкретного человека, существенно снижающая способность адресата распознать ложь.

После накопления репрезентативной судебной практики часть 2 статьи 159 УК РФ может быть дополнена признаком: «с использованием технологий искусственного интеллекта для создания синтетического аудио-, визуального или аудиовизуального образа другого лица в целях достоверной имитации его личности или волеизъявления». Для правовой определенности в примечании либо межотраслевом законодательстве потребуется понятие синтетического медиа-контента. Вместе с тем вводить отдельную статью «дипфейк-мошенничество» нецелесообразно: она дублировала бы общий состав, быстро устаревала технологически и провоцировала конкуренцию норм в зависимости от разновидности модели.

Четвертое направление — согласование уголовно-правовых и превентивных механизмов. Федеральный закон № 41-ФЗ создает инфраструктуру межведомственного обмена данными и блокирования мошеннических коммуникаций [3]. Уголовно-правовая политика должна учитывать результаты этой системы: типовые сценарии, признаки синтетического голоса, цепочки дропперских счетов, повторное использование идентификаторов. Однако автоматизированный риск-профиль не может выступать достаточным доказательством виновности; он служит ориентиром для проверки. Баланс эффективности и презумпции невиновности требует прозрачности происхождения аналитических данных и возможности их процессуального оспаривания.

Пятое направление — развитие правил ответственности профессиональных участников. Провайдер генеративной модели не должен отвечать за каждое противоправное применение универсального инструмента. Уголовная ответственность возможна при намеренном содействии конкретному преступлению, а гражданско-правовые и административные обязанности могут включать маркировку синтетического контента, ведение журналов высокорисковых операций, реагирование на обоснованные запросы и защиту биометрических образцов. Такой многоуровневый подход соответствует выводу о том, что противодействие дипфейкам не сводится к расширению уголовной репрессии и требует технологических, организационных и образовательных мер [11; 14].

Шестое направление касается статьи 187 УК РФ. Пленуму Верховного Суда РФ целесообразно разъяснить соотношение новых частей этой статьи с соучастием в хищениях: осведомленность о конкретном мошенническом эпизоде и заранее обещанное содействие приему либо обналичиванию средств должны оцениваться по правилам соучастия; осознание лишь неправомерного характера операций без знания способа завладения средствами — по статье 187. Необходимо также раскрыть критерии добровольного сообщения и активного содействия, предусмотренные примечанием к статье, чтобы стимулировать выход вовлеченных лиц из преступной инфраструктуры.

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы.

Дипфейк в мошенничестве является не самостоятельным предметом посягательства и не новой формой хищения, а технологически усиленной разновидностью обмана — сообщения ложных сведений о личности, полномочиях, намерениях или фактических обстоятельствах.

Основной нормой для случаев, когда синтетический контент воздействует на человека и побуждает его к имущественному распоряжению,

выступает статья 159 УК РФ. Технология создания ложного сообщения не меняет конструкции состава.

Статья 159.6 УК РФ применима не по факту использования нейросети, а только при доказанном вводе, удалении, блокировании, модификации компьютерной информации либо ином вмешательстве в функционирование соответствующих средств, непосредственно обусловившем хищение.

Разграничение мошенничества и кражи с банковского счета зависит от роли заблуждения в изъятии: добровольное подтверждение конкретной операции под влиянием дипфейка указывает на мошенничество; тайное списание после получения данных доступа — на иной способ хищения.

Список литературы:

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. по состоянию на 31 июля 2026 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

[2] О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 (ред. от 15 декабря 2022 г.) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2018. № 2.

[3] О создании государственной информационной системы противодействия правонарушениям, совершаемым с использованием информационных и коммуникационных технологий, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 1 апреля 2025 г. № 41-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2025.

[4] О внесении изменений в статью 187 Уголовного кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 24 июня 2025 г. № 176-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202506240043> (дата обращения: 31.07.2026).

[5] Противодействие кибермошенничеству: статистика хищений и обзор атак на финансовые организации // Банк России: официальный сайт. 13 февраля 2026 г. URL: <https://www.cbr.ru/press/event/?id=28300> (дата обращения: 31.07.2026).

[6] Годовой отчет Банка России за 2025 год. М.: Банк России, 2026. URL: https://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/59752/ar_2025.pdf (дата обращения: 31.07.2026).

[7] Долгиева М. М. Квалификация дипфейк-мошенничества и киберпохищения человека // Актуальные проблемы российского права. 2024. Т. 19. № 11. С. 106–113. DOI: 10.17803/1994-1471.2024.168.11.106-113..

[8] Палий Е. С. Криминологические и уго-

ловно-правовые аспекты дистанционного мошенничества с применением deepfake-технологий и социальной инженерии // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 4 (108). С. 149–157.

[9] Ситник В. Н. Перспективы установления уголовной ответственности за преступления, совершенные с использованием технологии дипфейк // Уральский журнал правовых исследований. 2022. № 3. С. 76–83. DOI: 10.34076/2658_512X_2022_3_76..

[10] Белых Е. С., Грабчев М. А. К вопросу о введении уголовной ответственности за изготовление дипфейков в преступных целях // Право и государство: теория и практика. 2024. № 5. С. 372–377. DOI: 10.24412/2224-9133-2024-5-372-377..

[11] Малышева Ю. Ю. Мошеннические проявления фейков и дипфейков: проблемы противодействия // Российско-азиатский правовой журнал. 2025. № 1. DOI: 10.14258/ralj(2025)1.16.

[12] Петрикова С. В., Подтергера Н. С. Уголовно-правовое регулирование ответственности за преступления, совершенные дропперами (посредниками в сфере незаконных финансовых операций) // Проблемы экономики и юридической практики. 2026. № 1. С. 119–126. DOI: 10.33693/2541-8025-2026-22-1-119-126..

[13] Асадов Р. Б. Цифровая мимикрия: защита прав личности от противоправного применения дипфейк-технологий // Полицейская и следственная деятельность. 2025.

[14] Ефремова М. А., Русскевич Е. А. Дипфейк (deepfake) и уголовный закон // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2024. Т. 15. № 2 (56). С. 97–105.

[15] Зотина Е. В. Уголовно-правовой аспект предупреждения мошенничества с использованием информационно-телекоммуникационных технологий и приемов социальной инженерии // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2024. Т. 15. № 3 (57). С. 72–82. DOI: 10.37973/VESTNIKKUI-2024-57-8..

[16] Бодров Н. Ф., Лебедева А. К. Понятие дипфейка в российском праве, классификация дипфейков и вопросы их правового регулирования // Юридические исследования. 2023. № 11.

[17] Зямилова Р. Р., Мартынова А. О., Ситдикова Г. З. Мошенничество с использованием дипфейков: проблемы квалификации по ст. 159 УК РФ и перспективы законодательного регулирования // Экономика и социум. 2026. № 5-2. С. 203–207. DOI: 10.24412/2500-1000-2026-5-2-203-207..

References:

[1] Criminal Code of the Russian Federation No. 63-FZ dated June 13, 1996 (as amended on July

31, 2026) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1996. № 25. Art. 2954.

[2] On judicial practice in cases of fraud, misappropriation and embezzlement: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of November 30, 2017 No. 48 (as amended on December 15, 2022) // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2018. № 2.

[3] On the creation of a state information system for countering offenses committed using information and communication technologies, and on amending certain legislative acts of the Russian Federation: Federal Law of April 1, 2025 No. 41-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2025.

[4] On Amendments to Article 187 of the Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law of June 24, 2025 No. 176-FZ // Official Internet Portal of Legal Information. URL: <https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202506240043> (access date: 31.07.2026).

[5] Countering cyber fraud: theft statistics and an overview of attacks on financial institutions // Bank of Russia: official website. February 13, 2026 URL: <https://www.cbr.ru/press/event/?id=28300> (Accessed 31.07.2026).

[6] Bank of Russia Annual Report 2025. M.: Bank of Russia, 2026. URL: https://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/59752/ar_2025.pdf (access date: 31.07.2026).

[7] Dolgieva M. M. Qualification of deepfake fraud and human cyber theft // Actual problems of Russian law. 2024. VOL. 19. № 11. S. 106-113. DOI: 10.17803/1994-1471.2024.168.11.106-113..

[8] Paliy E. S. Criminological and criminal legal aspects of remote fraud using deepfake technologies and social engineering // Bulletin of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. № 4 (108). S. 149-157.

[9] Sitnik V.N. Prospects for criminalizing crimes committed using deepfake technology // Ural Journal of Legal Research. 2022. № 3. S. 76-83. DOI: 10.34076/2658_512X_2022_3_76..

[10] Belykh E. S., Grabchev M. A. On the issue of introducing criminal liability for the manufacture of deepfakes for criminal purposes // Law and state: theory and practice. 2024. № 5. PP. 372-377. DOI: 10.24412/2224-9133-2024-5-372-377..

[11] Malysheva Yu. Yu. Fraudulent manifestations of fakes and deepfakes: problems of counteraction // Russian-Asian legal journal. 2025. № 1. DOI: 10.14258/ralj(2025)1.16.

[12] Petrikova S.V., Podtergera N.S. Criminal law regulation of liability for crimes committed by droppers (intermediaries in the field of illegal financial transactions) // Problems of economics and legal practice. 2026. № 1. S. 119-126. DOI: 10.33693/2541-8025-2026-22-1-119-126..

[13] Asadov R. B. Digital mimicry: protection

of individual rights from illegal use of deepfake technologies // Police and investigative activities. 2025.

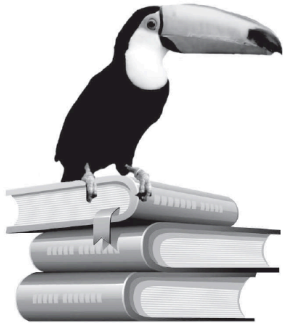
[14] Efremova M.A., Russkevich E.A. Deepfake (deepfake) and the criminal law // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. VOL. 15. № 2 (56). S. 97-105.

[15] Zotina E. V. Criminal law aspect of fraud prevention using information and telecommunication technologies and social engineering techniques // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. VOL. 15. № 3 (57). S.

72-82. DOI: 10.37973/VESTNIKKUI-2024-57-8..

[16] Bodrov N.F., Lebedeva A.K. The concept of deepfake in Russian law, classification of deepfakes and issues of their legal regulation // Legal research. 2023. № 11.

[17] Zyamileva R.R., Martynova A.O., Sitdikova G.Z. Fraud using deepfakes: qualification problems under Art. 159 of the Criminal Code of the Russian Federation and prospects for legislative regulation // Economy and Society. 2026. № 5-2. S. 203-207. DOI: 10.24412/2500-1000-2026-5-2-203-207..

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

АКИМОВ Сергей Владимирович,
Старший научный сотрудник НИЦ № 3 ВНИИ МВД
России, подполковник полиции,
e-mail: yan.sahatoff@gmail.com

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И БИОМЕТРИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ В РОЗЫСКЕ ЛИЦ, СКРЫВАЮЩИХСЯ ОТ ОРГАНОВ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ И СУДА

Аннотация. Настоящая статья посвящена исследованию возможностей, пределов и правовых условий применения технологий искусственного интеллекта и биометрической идентификации в деятельности по розыску лиц, скрывающихся от органов предварительного расследования и суда. В статье отмечено, что с ростом мобильности населения, цифровизацией коммуникаций, распространением трансграничной преступности и увеличением объема разнородной информации, подлежащей анализу правоохранительными органами, традиционные способы розыска, основанные преимущественно на оперативной проверке адресов, опросах, ориентировках и межведомственном обмене сведениями, сохраняют значение, однако недостаточно эффективны при обработке больших массивов цифровых данных. Искусственный интеллект способен автоматизировать поиск закономерностей, ранжировать розыскные версии, сопоставлять сведения из ведомственных баз данных, выявлять связи между лицами, событиями, транспортными средствами и геолокационными данными. Биометрические технологии, включающие распознавание лица, дактилоскопическую идентификацию, анализ голоса, радужной оболочки глаза и иных устойчивых физиологических признаков, создают основу для установления личности разыскиваемого лица в условиях изменения им внешности, документов либо места пребывания. Вместе с тем их применение связано с рисками ошибочной идентификации, дискриминационных алгоритмических решений, неправомерного вмешательства в частную жизнь и расширения практик массового наблюдения. Обосновывается вывод о том, что результаты работы интеллектуальных и биометрических систем должны иметь ориентирующее, а не предрешающее доказательственное значение. Эффективное внедрение рассматриваемых технологий требует нормативной определенности, человеческого контроля, аудита алгоритмов, защиты персональных данных и процессуальной проверяемости получаемой информации.

Ключевые слова: искусственный интеллект, биометрия, розыск, идентификация личности, предварительное расследование, судебное производство, персональные данные, распознавание лица, цифровые доказательства, алгоритмический контроль.

AKIMOV Sergey Vladimirovich,
Senior researcher of the Research Center No. 3 of
the All-Russian Research Institute of the Ministry of
Internal Affairs of Russia, police lieutenant colonel

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND BIOMETRIC TECHNOLOGIES IN THE SEARCH FOR PERSONS HIDING FROM PRELIMINARY INVESTIGATION AUTHORITIES AND THE COURT

Annotation. This article explores the potential, limits, and legal conditions for using artificial intelligence and biometric identification technologies in the search for individuals absconding from pretrial investigation and prosecution authorities. The article notes that with the increasing mobility of the population, the digitalization of communications, the spread of cross-border crime, and the growing volume of heterogeneous information that must be analyzed by law enforcement agencies, traditional search methods based primarily on prompt address verification, interviews, alerts, and interagency information exchange remain valuable,

but are insufficiently effective when processing large amounts of digital data. Artificial intelligence can automate the search for patterns, rank search leads, compare information from departmental databases, and identify connections between individuals, events, vehicles, and geolocation data. Biometric technologies, including facial recognition, fingerprint identification, voice analysis, iris analysis, and other stable physiological characteristics, provide the basis for establishing the identity of a wanted person even if their appearance, documents, or location changes. However, their use is associated with risks of misidentification, discriminatory algorithmic decisions, unlawful interference with privacy, and the expansion of mass surveillance practices. It is concluded that the results of intelligent and biometric systems should have indicative, rather than prejudicial, evidentiary value. Effective implementation of these technologies requires regulatory certainty, human oversight, algorithm auditing, personal data protection, and procedural verifiability of the information obtained.

Key words: artificial intelligence, biometrics, search, personal identification, preliminary investigation, legal proceedings, personal data, facial recognition, digital evidence, algorithmic control.

Розыск лиц, скрывающихся от органов предварительного расследования и суда, представляет собой одно из важных направлений правоохранительной деятельности. Его эффективность непосредственно влияет на реализацию принципа неотвратимости уголовной ответственности, соблюдение разумных сроков уголовного судопроизводства, обеспечение прав потерпевших, а также на возможность исполнения судебных решений. Лицо, уклоняющееся от следствия или суда, как правило, предпринимает меры к сокрытию своего местонахождения: изменяет внешность, использует чужие либо поддельные документы, меняет номера телефонов, ограничивает контакты с родственниками, перемещается между регионами и государствами.

В этих условиях возрастают возможности цифровых технологий. Современная информационная среда формирует значительный массив данных о перемещениях, коммуникациях, финансовых операциях и визуальном образе человека. Системы видеонаблюдения, государственные информационные ресурсы, базы дактилоскопического учёта, сведения о пересечении границы, цифровые следы в телекоммуникационных сетях и открытых источниках способны существенно расширить поисковые возможности правоохранительных органов. Однако получение полезной информации из таких массивов невозможно без автоматизированной аналитики и механизмов быстрого сопоставления данных.

Искусственный интеллект в правоохранительной сфере следует рассматривать не как самостоятельного субъекта принятия решения, а как комплекс технологий обработки данных, прогнозирования, классификации, распознавания образов и поиска статистических взаимосвязей. Его использование в розыске предполагает автоматизацию рутинных операций, сокращение времени анализа информации и повышение вероятности обнаружения значимых связей, которые трудно установить исключительно традиционными средствами.

В российской правовой политике развитие

искусственного интеллекта связывается с необходимостью сочетать технологическое развитие с обеспечением безопасности и защитой прав граждан. Концепция развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники ориентирована на формирование условий для безопасного и ответственного применения соответствующих технологий, включая работу с данными при соблюдении интересов субъектов персональных данных. Вместе с тем внедрение подобных решений в уголовно-процессуальную и оперативно-розыскную практику требует особой осторожности, поскольку последствия ошибочного алгоритмического вывода могут затрагивать конституционные права личности [2].

Биометрическая идентификация основывается на сравнении уникальных физиологических либо поведенческих характеристик человека с эталонными данными. Для розыскной деятельности наибольшее значение имеют следующие виды биометрии:

- дактилоскопическая идентификация по отпечаткам пальцев и ладоней;
- распознавание лица по фотографии, видеозаписи или кадрам камер наблюдения;
- идентификация по радужной оболочке глаза;
- распознавание голоса;
- анализ походки, динамики движений и иных поведенческих характеристик;
- сопоставление профилей ДНК при наличии предусмотренных законом оснований [1].

Наиболее распространённой является технология распознавания лиц. Она предполагает преобразование изображения лица в цифровой шаблон, включающий набор математически описываемых признаков, после чего этот шаблон сопоставляется с массивом ранее сформированных биометрических образцов. Результатом работы системы обычно является не категорический вывод о тождестве лиц, а перечень наиболее вероятных совпадений. Следовательно, алгоритм создаёт основание для дальнейшей проверки, но

не заменяет процессуально значимую процедуру установления личности.

Международная практика демонстрирует востребованность таких механизмов. Система распознавания лиц Интерпола формирует список кандидатов путём алгоритмического сравнения введённого изображения с биометрическими шаблонами, содержащимися в международной базе данных. При этом окончательное решение предполагает последующую оценку полученного совпадения компетентными специалистами. Биометрический центр Интерпола объединяет возможности поиска по отпечаткам пальцев, изображениям лиц и иным биометрическим данным; система была введена в эксплуатацию в октябре 2023 года и рассчитана на проведение до одного миллиона криминалистических поисковых запросов в сутки [5].

Для российской практики особое значение имеет интеграция различных учётов и информационных ресурсов. Эффективность биометрического поиска возрастает, если изображение, отпечаток либо иной идентификатор сопоставляется не с изолированной базой, а с совокупностью данных о гражданах, подозреваемых, обвиняемых, осуждённых, лицах без вести пропавших, неопознанных трупах, пересечении государственной границы, регистрации транспортных средств и иных юридически значимых обстоятельствах.

Искусственный интеллект может применяться в розыске по нескольким направлениям [4].

Во-первых, он позволяет автоматически обрабатывать большие объёмы визуальной информации. При наличии законных оснований система способна выделять из видеопотока изображения, схожие с биометрическим шаблоном разыскиваемого лица, фиксировать место и время предполагаемого обнаружения, а также передавать информацию сотруднику для проверки.

Во-вторых, интеллектуальные методы применимы для выявления связей между людьми, событиями и объектами. Анализ телефонных соединений, данных о маршрутах, финансовых операциях, цифровых профилях и контактах может указывать на лиц, способных поддерживать разыскиваемого, предоставлять ему жильё, денежные средства или средства связи. При этом сам факт статистической связи не означает участия лица в преступлении и не может подменять доказывание.

В-третьих, алгоритмы могут использоваться для приоритизации розыскных мероприятий. Например, система способна ранжировать версии о возможном местонахождении лица по степени соответствия имеющимся сведениям: наличию родственников в определённом регионе, преж-

ним адресам, частоте контактов, данным о поездках или использованию банковских продуктов, что позволяет рациональнее распределять ресурсы, но не освобождает должностное лицо от обязанности самостоятельно оценивать фактические данные.

В-четвертых, искусственный интеллект применим в анализе неструктурированных документов. Большие массивы протоколов, ориентировок, судебных актов, сообщений граждан и иных текстовых материалов могут обрабатываться средствами семантического поиска. Такая технология помогает выявлять повторяющиеся адреса, псевдонимы, номера документов, транспортные средства, географические точки и связанные уголовные производства.

Следственный комитет Российской Федерации заявлял о намерении развивать нейросетевые инструменты и биометрическую идентификацию при розыске лиц, скрывающихся от следствия, в том числе через подключение к базам МВД России. Данное направление отражает общий переход от фрагментарного использования цифровых ресурсов к построению более взаимосвязанной аналитической инфраструктуры [6].

Применение биометрических технологий связано с обработкой персональных данных повышенной чувствительности. Биометрические персональные данные позволяют установить личность человека на основе его физиологических или биологических особенностей, вследствие чего их сбор, хранение, передача и использование требуют специальных организационных и правовых гарантий.

Федеральный закон от 29 декабря 2022 года № 572-ФЗ регулирует отношения, связанные с идентификацией и аутентификацией физических лиц с использованием биометрических персональных данных, а также функционирование соответствующей государственной информационной системы [7]. Однако механизмы биометрической идентификации в сфере публичной безопасности и уголовного преследования должны оцениваться не только через призму законодательства о персональных данных, но и с учётом норм уголовно-процессуального законодательства, законодательства об оперативно-розыскной деятельности, конституционных гарантий неприкосновенности частной жизни и принципа соразмерности ограничений прав личности.

Правовая допустимость применения искусственного интеллекта в розыске предполагает соблюдение ряда условий:

наличие нормативного основания для получения и обработки конкретной категории сведений;

определённость целей обработки данных и запрет их использования вне пределов постав-

ленной розыскной задачи;

соразмерность применяемого средства степени общественной опасности расследуемого деяния и характеру имеющихся оснований для розыска;

ограничение круга должностных лиц, имеющих доступ к биометрическим и аналитическим системам;

документирование действий по формированию запроса, получению результата и его последующей проверке;

обеспечение информационной безопасности, предотвращение утечек и несанкционированного доступа;

возможность ведомственного, прокурорского, судебного и общественного контроля в пределах, совместимых с охраняемой законом тайной [3].

Особое значение имеет различие между ориентирующей и доказательственной информацией. Результат автоматического сопоставления изображения с базой данных не должен автоматически признаваться доказательством тождества личности. Алгоритм может ошибиться из-за низкого качества изображения, недостаточного освещения, изменения ракурса, возрастных изменений внешности, ношения головного убора, маски, очков или намеренного изменения внешности. Поэтому совпадение, установленное программным комплексом, требует подтверждения посредством процессуальных действий: предъявления для опознания при соблюдении установленных требований, экспертного исследования, проверки документов, допросов, осмотра, получения образцов для сравнительного исследования и иных предусмотренных законом процедур.

Следует также разграничивать идентификацию и аутентификацию. Идентификация отвечает на вопрос о том, кем является неизвестное лицо, сопоставляя его признаки с множеством записей. Аутентификация подтверждает, соответствует ли предъявляемый человек уже заявленной личности. В розыскной деятельности преимущественно используется идентификационный подход, поскольку задача состоит в обнаружении лица, местонахождение которого неизвестно или которое использует иную персональную информацию.

Оптимальная модель использования искусственного интеллекта и биометрических технологий в розыске должна строиться на принципе «человек принимает решение, технология помогает его обосновать». Алгоритм может быстро обработать информацию и сформировать перечень вероятных совпадений, но юридически значимая оценка должна производиться сотрудником, обладающим соответствующими полномочиями и несущим ответственность за принятое решение.

Представляется целесообразным закрепить

многоступенчатый порядок использования биометрического поиска. На первом этапе формируется законный запрос, содержащий сведения о разыскиваемом лице и основание для проведения розыскного мероприятия. На втором этапе система выполняет автоматизированное сопоставление и формирует список вероятных кандидатов. На третьем этапе сотрудник оценивает качество исходных данных, вероятность совпадения и наличие иных подтверждающих сведений. На четвертом этапе проводится проверка через процессуальные или оперативно-розыскные средства. На пятом этапе результаты проверки документируются и при необходимости получают надлежащую процессуальную форму.

Для обеспечения законности представляется необходимым внедрение следующих механизмов:

обязательная валидация используемых алгоритмов на репрезентативных наборах данных;

периодическая оценка точности, числа ложных совпадений и причин технических ошибок;

независимый аудит программных решений, применяемых в наиболее чувствительных сферах;

закрепление регламентов участия человека в принятии решений;

ведение журналов обращений к биометрическим базам данных;

установление сроков хранения полученной информации и процедур её уничтожения при отсутствии законных оснований;

подготовка сотрудников, способных критически оценивать результаты автоматизированного анализа;

разработка процессуальных правил проверки и использования сведений, полученных с применением искусственного интеллекта.

Таким образом, искусственный интеллект и биометрические технологии способны существенно повысить результативность розыска лиц, скрывающихся от органов предварительного расследования и суда. Их основное преимущество заключается в ускорении поиска по крупным массивам данных, автоматизации сравнения биометрических признаков, выявлении связей и формировании обоснованных версий о возможном местонахождении разыскиваемого лица.

Вместе с тем технологическая эффективность не может рассматриваться как самостоятельная ценность, превосходящая требования законности, необходимости и соразмерности. Биометрическое совпадение и алгоритмический прогноз должны служить ориентиром для дальнейшей проверки, но не подменять процессуальные гарантии и оценку доказательств уполномоченным лицом.

Дальнейшее развитие данного направления

требует специальной нормативной регламентации, единых стандартов качества алгоритмов, технической защищённости баз данных, прозрачности процедур и постоянного контроля со стороны компетентных органов.

Список литературы:

- [1] Кузнецова С.С., Мочалов А.Н. Цифровые следы человека, цифровое профилирование и скоринг: правовое регулирование в России и за рубежом. – Екатеринбург: Издательство УМЦ УПИ, 2025. – 300 с.
- [2] Кутейников Д. Л., Ижаев О. А., Лебедев В. А., Зенин С. С. Неприкосновенность частной жизни в условиях использования систем искусственного интеллекта для удаленной биометрической идентификации личности // Lex russica. — 2022. — Т. 75, № 2. — С. 121 – 131.
- [3] Надежина И.В., Пшеничных С.Н. Использование возможностей искусственного интеллекта по розыску лиц // Вестник экономики, права и социологии. - 2025. - № 3. - С. 367 – 371.
- [4] Хамидуллин Р. С. Криминалистическое обеспечение использования технологии искусственного интеллекта в раскрытии и расследовании преступлений // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». - 2024. - № 2. - С. 19 – 29.
- [5] Биометрический центр Интерпола [Электронный ресурс]/ INTERPOL : официальный сайт. — URL: <https://www.interpol.int/How-we-work/Forensics/Biometric-Hub> (дата обращения: 21.08.2026).
- [6] Бастрыкин: в процесс розыска скрывающихся от следствия лиц внедряют нейросеть [Электронный ресурс]. Тасс, 2025. - URL: <https://tass.ru/obschestvo/22880321> (дата обращения: 21.08.2026).

[7] Федеральный закон от 29.12.2022 г. № 572-ФЗ [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента Российской Федерации. - URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48740> (дата обращения: 21.08.2026).

References:

- [1] Kuznetsova S.S., Mochalov A.N. Digital human traces, digital profiling and scoring: legal regulation in Russia and abroad. - Yekaterinburg: Publishing House UMC UPI, 2025. - 300 s.
- [2] Kuteinikov D. L., Izhaev O. A., Lebedev V. A., Zenin S. S. Privacy in the conditions of using artificial intelligence systems for remote biometric personality identification // Lex russica. — 2022. - T. 75, NO. 2. - S. 121-131.
- [3] Nadezhina I.V., Pshenichnykh S.N. Using the capabilities of artificial intelligence to search for persons // Bulletin of Economics, Law and Sociology. - 2025. - № 3. - S. 367-371.
- [4] Khamidullin R. S. Forensic support for the use of artificial intelligence technology in the disclosure and investigation of crimes // Electronic Appendix to the Russian Legal Journal. - 2024. - № 2. - S. 19-29.
- [5] Interpol Biometric Center [Electronic Resource]/INTERPOL: official website. — URL: <https://www.interpol.int/How-we-work/Forensics/Biometric-Hub> (дата обращения: 21.08.2026).
- [6] Bastrykin: a neural network [Electronic resource] will be introduced into the process of searching for persons hiding from the investigation. Tass, 2025. - URL: <https://tass.ru/obschestvo/22880321> (access date: 21.08.2026).
- [7] Federal Law of 29.12.2022 No. 572-FZ [Electronic Resource] // Official Website of the President of the Russian Federation. - URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48740> (access date: 21.08.2026).

КОВАЛЬЧЕНКО Алексей Александрович,
старший преподаватель кафедры физической
подготовки Волгоградской академии МВД России,
капитан полиции,
e-mail: alzmche@yandex.ru.

КУДИНОВ Александр Петрович,
преподаватель кафедры огневой и физической
подготовки Волгодонского филиала Ростовского
юридического института МВД России,
майор полиции,
e-mail: cool.kostya1984@gmail.com.

КЛИМОВСКИЙ Антон Сергеевич,
преподаватель кафедры специальных
дисциплин Крымского филиала Краснодарского
университета МВД России, капитан полиции,
e-mail: v.shanko@mail.ru.

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ОСМОТРА И ИЗЪЯТИЯ СЛУЖЕБНОГО ОРУЖИЯ, БОЕПРИПАСОВ И НОСИМЫХ РЕГИСТРАТОРОВ В КОНТЕКСТЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Аннотация. В статье рассматриваются уголовно-процессуальные проблемы осмотра и изъятия служебного оружия, боеприпасов и носимых регистраторов в контексте профессиональной подготовки курсантов и слушателей вузов МВД России. Обосновывается необходимость интеграции процессуальных знаний с навыками огневой подготовки и учёта психолого-педагогических факторов. Сложность обращения с объектами обусловлена сочетанием правовых режимов: оружие и боеприпасы выступают источниками криминалистической информации, предметами повышенной опасности и объектами служебного учёта, а регистраторы – материальным носителем и источником цифровых данных. Показано, что основные трудности возникают при выборе следственного действия, определении пределов осмотра до возбуждения дела, сохранности следов и решении вопроса об изъятии предмета, носителя или копии. Делается вывод о необходимости комплексного преподавания темы с учётом криминалистических и психологических аспектов.

Ключевые слова: уголовный процесс, осмотр, изъятие, служебное оружие, боеприпасы, носимый регистратор, электронные носители информации, вещественные доказательства, огневая подготовка, профессиональное обучение, психолого-педагогические аспекты.

KOVALCHENKO Aleksey Aleksandrovich,
Senior Lecturer, Physical Training Department,
Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs
of Russia, Police Captain

KUDINOV Aleksandr Petrovich,
Lecturer, Firearms and Physical Training Department,
Volgodonsk Branch of the Rostov Law Institute of the
Ministry of Internal Affairs of Russia, Police Major

CRIMINAL PROCEDURAL ASPECTS OF INSPECTION AND SEIZURE OF SERVICE WEAPONS, AMMUNITION AND WEARABLE RECORDERS IN THE CONTEXT OF PROFESSIONAL TRAINING OF INTERNAL AFFAIRS OFFICERS

Annotation. *This article examines criminal procedural issues related to the inspection and seizure of service weapons, ammunition, and wearable recorders in the context of the professional training of cadets and students of higher education institutions of the Russian Ministry of Internal Affairs. It substantiates the need to integrate procedural knowledge with firearms training skills and consideration of psychological and pedagogical factors. The complexity of handling these objects stems from the combination of legal regimes: weapons and ammunition act as sources of forensic information, high-risk items, and official records, while recorders serve as a physical medium and a source of digital data. It is shown that the main difficulties arise in choosing an investigative action, determining the scope of the inspection before initiating a case, preserving traces, and deciding whether to seize the item, medium, or copy. It concludes that comprehensive teaching of this topic, taking into account forensic and psychological aspects, is essential.*

Key words: *criminal proceedings, inspection, seizure, service weapons, ammunition, wearable recorder, electronic storage media, material evidence, firearms training, professional training, psychological and pedagogical aspects.*

Как показывает практика, осмотр и изъятие служебного оружия, боеприпасов и носимых регистраторов занимают особое место в системе следственных действий, поскольку обычно производятся в условиях высокой конфликтности, дефицита времени и повышенных требований к сохранению доказательственной информации. По нашему мнению, для сотрудников органов внутренних дел именно умение грамотно и в строгом соответствии с уголовно-процессуальным законом осуществить данные действия является не просто профессиональной компетенцией, а необходимым условием правомерного применения оружия и последующего доказывания его обоснованности, в связи с чем, вопрос о качестве подготовки курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России к решению указанных задач, приобретает особую актуальность. И здесь, считаем необходимым остановиться на дисциплине «Огневая подготовка», которая играет важнейшую роль в профессионально-личностном развитии курсантов и слушателей, поскольку формирование навыков применения огнестрельного оружия требует не только технической, но и психологической составляющей. То есть, преподаватель, помимо формирования практических навыков владения оружием, должен сформировать психологическую составляющую будущего сотрудника. Вместе с тем, как показывает прак-

тика, вопросы процессуального оформления применения и изъятия оружия зачастую остаются на периферии учебного процесса, что порождает серьезные проблемы на стадии предварительного расследования.

Настоящая статья ставит своей целью не только обозначить уголовно-процессуальные проблемы осмотра и изъятия служебного оружия, боеприпасов и носимых регистраторов, но и рассмотреть их в контексте задач профессиональной подготовки сотрудников органов внутренних дел, выделив психолого-педагогические аспекты, которые необходимо учитывать при преподавании данной темы.

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации закрепляет, что осмотр места происшествия, предметов и документов производится в целях обнаружения следов преступления и выяснения иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, причем осмотр места происшествия, документов и предметов может быть проведен и до возбуждения уголовного дела. Обратим внимание на тот факт, что закон допускает изъятие предметов в ходе проведения осмотра места происшествия, если их исследование на месте затруднено или требует продолжительного времени, предписывая упаковывать, опечатывать и индивидуализировать такие объекты в протоколе [1]. И здесь проявляется первая

существенная проблема, имеющая прямое отношение к профессиональной подготовке курсантов и слушателей, поскольку довольно сложно установить границу между допустимым осмотром с последующим изъятием и фактической подменой им иных следственных действий, поскольку она остается оценочной, а потому нередко становится предметом последующих споров о допустимости полученных доказательств. Вот почему для курсанта или слушателя, впервые сталкивающегося с подобной ситуацией в учебном процессе, отсутствие четких алгоритмов действий может обернуться серьезными процессуальными ошибками в будущей практической деятельности, тем более когда речь идет именно о служебном оружии сотрудника полиции и боеприпасах к нему. Поскольку в отличие от обычных предметов, они находятся в особом правовом режиме и их применение, хранение, выдача и последующая отчетность связаны с положениями Федерального закона «О полиции», закрепляющего, как основания применения огнестрельного оружия, так и обязанности сотрудника после его применения, включая оказание помощи пострадавшему, уведомление уполномоченных лиц и сохранение по возможности обстановки места происшествия [2]. И мы видим, что в подобных случаях оружие и боеприпасы одновременно становятся предметом служебной проверки, объектом ведомственного учета и потенциальным вещественным доказательством по уголовному делу, что порождает коллизию между задачами немедленного процессуального закрепления, требованиями безопасности и необходимостью не допустить утраты служебно-учетной информации [4].

На наш взгляд, ключевая уголовно-процессуальная трудность, которую необходимо отрабатывать в учебном процессе, состоит в первую очередь в правильном выборе формы процессуального изъятия, поскольку если оружие, патроны и носимый регистратор обнаружены непосредственно на месте происшествия сразу после инцидента, наиболее естественным выглядит их фиксация в протоколе осмотра места происшествия с последующим изъятием по правилам статьи 177 УПК РФ [1]. Однако, посмотрим с другой стороны, если местонахождение предметов точно известно заранее, а сами объекты находятся, например, в комнате хранения оружия, в служебном кабинете, у дежурного или у конкретного должностного лица, более корректной процессуальной формой здесь будет несомненно выемка [4]. Сам по себе ошибочный выбор формы нередко приводит к тому, что сторона защиты ставит вопрос о подмене выемки осмотром либо, напротив, о необоснованном расширении принудительного воздействия там, где достаточно было осмотра с изъятием и в результате спор смещается с

фактических обстоятельств события на вопрос о законности самой процедуры получения доказательства, что в конечном итоге может обернуться признанием протокола следственного действия недопустимым доказательством. Поэтому с педагогической точки зрения здесь важно не просто заучить различия между осмотром и выемкой, а сформировать у обучающихся алгоритм ситуационного выбора, основанный на анализе конкретных обстоятельств, поскольку, на наш взгляд, рациональное сочетание компонентов огневой подготовки положительно влияет на формирование у сотрудников необходимых умений и навыков безопасного обращения с оружием и боеприпасами и способствует формированию процессуальных компетенций.

Еще одна проблема, требующая пристального внимания в процессе профессиональной подготовки, связана с тем, что оружие и боеприпасы являются объектами повышенной опасности, а потому их осмотр не может сводиться к обычному визуальному описанию предмета, следовательно обязан максимально полно индивидуализировать оружие, указав вид, модель, калибр, серию, номер, комплектность, состояние, количество патронов, характер упаковки, наличие следов копоти, крови, деформаций и иных признаков, имеющих значение для дела. Но в тоже время, чрезмерное манипулирование оружием на месте может привести к утрате микроследов, изменению положения механизмов, нарушению следовой картины и даже к созданию угрозы безопасности участников следственного действия, что недопустимо. Поэтому на практике особенно значимо участие специалиста, а также точное соблюдение правила о том, что в протоколе должны быть отражены индивидуальные признаки и особенности изымаемых предметов, а сами объекты — надлежащим образом упакованы и опечатаны. При этом, отметим, что для боеприпасов добавляется еще один аспект: их изъятие требует не только описания каждого патрона или гильзы как возможного носителя следов, но и сверки с ведомственным учетом, поскольку расхождение между фактическим количеством и учетными данными способно приобрести самостоятельное доказательственное значение [5]. Поэтому курсанты и слушатели должны не только знать правила безопасного обращения с оружием в ходе штатных учебных стрельб, но и понимать специфику работы с оружием как с вещественным доказательством. Вот почему формирование стрессоустойчивости у обучающихся на занятиях по огневой подготовке должно дополняться формированием алгоритмизированных действий по процессуальному оформлению применения оружия [7].

Не менее сложным является и вопрос о процессуальном обращении с носимым регистра-

тором, поскольку в уголовно-процессуальном смысле такой регистратор редко представляет интерес только как вещь, решающее доказательственное значение обычно имеет содержащаяся на нем цифровая информация — видеозапись, аудиоряд, дата и время создания файла, служебные метаданные, последовательность включения и выключения устройства и т.д. И вот здесь то и возникает принципиальная дилемма: подлежит ли изъятию сам прибор, карта памяти, иная форма электронного носителя либо возможно ограничиться копированием содержащейся информации. И тут может помочь статья 164.1 УПК РФ, введенная Федеральным законом от 27.12.2018 № 533-ФЗ, которая закрепила специальные правила изъятия электронных носителей информации и копирования с них информации при производстве следственных действий, в том числе с участием специалиста и с отражением в протоколе факта копирования и передачи носителя со скопированной информацией законному владельцу либо обладателю информации [3]. Хотя первоначально она и была ориентирована, прежде всего, на защиту от необоснованного изъятия электронных носителей в определенных категориях дел, ее значение оказалось значительно шире, поскольку она задала стандарт процессуального обращения с цифровой информацией вообще. Но именно в отношении носимых регистраторов на первый план выходит проблема разграничения вещественного доказательства и источника копируемой информации, поскольку в одних ситуациях достаточным оказывается осмотр файла с его копированием на иной носитель при участии специалиста, а в других — необходимым является изъятие всего устройства, поскольку только оно позволяет проверить целостность записи, отсутствие монтажа, сохранность исходных метаданных, последовательность системных событий и возможные следы вмешательства в программное обеспечение. В тоже время если следствие ограничивается лишь копией видеофайла без фиксации способа копирования, без описания исходного устройства и без подтверждения неизменности данных, возрастает риск оспаривания доказательства как неполного и потенциально модифицированного [4]. Современная литература обособленно обращает внимание на значение контрольных сумм, участия специалиста и подробного отражения в протоколе, как самого устройства, так и структуры файлов, длительности записи, названий каталогов и иных технических параметров, влияющих на достоверность цифрового доказательства [5]. Тем более, что в делах, связанных с применением оружия сотрудниками полиции, дополнительные трудности создает необходимость синхронного изъятия взаимосвязанных объектов: самого оружия, магазина, патронов, стреляных

гильз, регистраторов, служебной документации о выдаче оружия и записей из систем ведомственного видеонаблюдения, поскольку изолированное изъятие только одного элемента нередко разрушает целостную доказательственную картину, сам по себе осмотр оружия без сопоставления с данными носимого регистратора не позволяет достоверно реконструировать последовательность действий сотрудника, а видеозапись без немедленного изъятия оружия и боеприпасов лишает следствие возможности оперативно выявить следы выстрела, количество произведенных выстрелов, соответствие использованных патронов табельным боеприпасам и иные существенные обстоятельства. Отсюда, как очевидное, вытекает требование комплексного процессуального подхода, когда осмотр и изъятие должны планироваться не по принципу формального перечня предметов, а по критерию доказательственной связности объектов [9]. С педагогической точки зрения это означает необходимость междисциплинарной интеграции при преподавании соответствующих тем, курсанты и слушатели должны видеть взаимосвязь между огневой подготовкой, уголовным процессом, криминалистикой и административной деятельностью органов внутренних дел. По нашему мнению только такой комплексный подход позволит сформировать у будущих сотрудников целостное представление о правовых последствиях применения оружия и о порядке процессуального закрепления его результатов.

Хотим остановиться еще на моменте нарушения правил упаковки, опечатывания, хранения и последующего признания изъятых предметов вещественными доказательствами, поскольку это может иметь серьезные последствия для допустимости доказательств. УПК РФ требует, чтобы предметы, обладающие признаками, указанными в статье 81, были осмотрены, признаны вещественными доказательствами и приобщены к уголовному делу соответствующим постановлением, а их хранение осуществлялось по правилам статьи 82 УПК РФ [1]. Отметим, что для оружия и боеприпасов нарушение цепочки изъятия и хранения особенно опасно, поскольку любое сомнение в неизменности состояния объекта способно поставить под вопрос результаты последующей баллистической, трасологической либо дактилоскопической экспертизы. А для носимых регистраторов и записей аналогичный риск проявляется в утрате исходных файлов, нарушении их целостности, перезаписи данных и невозможности подтвердить происхождение конкретной копии. Вот почему проблема хранения в рассматриваемой сфере имеет не вспомогательное, а ключевое доказательственное значение и в учебном процессе необходимо не только информировать обучающихся о данных требованиях, но и отрабатывать

практические навыки упаковки, опечатывания и составления соответствующей документации [8].

И, наконец, одной из наиболее существенных современных проблем является неполная нормативная адаптация классических уголовно-процессуальных конструкций к объектам смешанной природы, поскольку служебное оружие и боеприпасы традиционно воспринимаются как вещественные доказательства в их материальном измерении, тогда как носимый регистратор представляет собой одновременно вещь, программно-аппаратный комплекс и контейнер цифровой информации. Уголовно-процессуальный закон же пока не дает детализированного ответа на вопросы о достаточности копирования, стандартах проверки подлинности цифровой записи, порядке работы с метаданными и критериях разграничения между осмотром устройства и осмотром содержащейся на нем информации и отсюда соответственно вытекают разнонаправленные практики, от чрезмерного изъятия всей техники до неоправданного ограничения доказательственной базы одной видеокопией сомнительного происхождения. Поддерживая позицию В. В. Шанько о необходимости уточнения понятийного аппарата в юридической науке, полагаем, что аналогичный методологический подход должен быть применён и к уголовно-процессуальной регламентации изъятия электронных носителей и оружия как объектов двойного правового режима [10]. Вот почему в научной литературе все чаще указывается, что без унификации процессуальных и криминалистических стандартов собрать, проверить и оценить такие доказательства без потери их убедительности становится все труднее [7], [8].

Таким образом, мы видим, что уголовно-процессуальные проблемы осмотра и изъятия служебного оружия, боеприпасов и носимых регистраторов обусловлены сочетанием срочности, опасности, служебного режима и цифровой специфики соответствующих объектов. Для оружия и боеприпасов основное значение имеют правильный выбор процессуальной формы, безопасность обращения, индивидуализация, упаковка, опечатывание и обеспечение непрерывной цепочки хранения. Для носимых регистраторов решающими становятся участие специалиста, фиксация способа получения информации, сохранение исходных файлов и метаданных, а также ясное определение того, что именно выступает доказательством: устройство, носитель, цифровой файл или их совокупность.

Представляется, что совершенствование профессиональной подготовки курсантов и слушателей по данной проблематике возможно по трем направлениям:

во-первых, через более четкое разграниче-

ние в учебном процессе осмотра, выемки и иных способов процессуального изъятия с отработкой практических навыков ситуационного выбора;

во-вторых, через обязательную стандартизацию действий по фиксации, копированию и проверке целостности цифровой информации с использованием современных методик обучения, включая моделирование условий, максимально приближенных к реальным;

в-третьих, через формирование единых межведомственных алгоритмов обращения с комплексом взаимосвязанных объектов после инцидентов, связанных с применением служебного оружия, и внедрение этих алгоритмов в образовательный процесс с учетом психолого-педагогических особенностей восприятия материала курсантами и слушателями.

По нашему мнению, только при таком подходе процессуальная форма сможет в полной мере обеспечить одновременно и интересы доказывания, и права участников процесса, и достоверность выводов о фактических обстоятельствах произошедшего, а профессиональная подготовка сотрудников органов внутренних дел — соответствовать современным вызовам правоприменительной практики.

Список литературы:

- [1] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <https://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102073942> (дата обращения: 17.04.2026).
- [2] Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <https://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102145133> (дата обращения: 17.04.2026).
- [3] Федеральный закон от 27.12.2018 № 533-ФЗ «О внесении изменений в статьи 76.1 и 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <https://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102314650> (дата обращения: 17.04.2026).
- [4] Гончар В.В., Галиев Д.В. Особенности осмотра и изъятия электронных носителей информации с учетом требований ст. 164.1 УПК РФ // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 2. С. 134–138.
- [5] Васюков В.Ф. Изъятие электронных носителей информации при производстве следственных действий: новеллы законодательства и проблемы правоприменения // Вестник Томского государственного университета. Право. 2020. № 37. С. 32–39.

[6] Назырова Н.А. Тактические особенности изъятия и последующего осмотра видеозаписи по уголовным делам, расследуемым по признакам преступления, предусмотренного ст. 173.1 Уголовного кодекса Российской Федерации // Полицейская и следственная деятельность. 2019. № 3. С. 45–52.

[7] Туршин А.И. Осмотр электронных доказательств в уголовном процессе: судебный аспект // Юридические исследования. 2025. № 8. С. 18–30.

[8] Смахтин Е.В., Щербич С.В. Некоторые вопросы использования систем видеонаблюдения в деятельности правоохранительных органов по раскрытию и расследованию преступлений // Российское право: образование, практика, наука. 2017. № 6 (102). С. 77–82.

[9] Курсаев А.В. Грани правомерного и уголовно-наказуемого применения сотрудниками полиции физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия (по материалам судебной практики) // Актуальные проблемы государства и права. 2022. Т. 6. № 3 (23). С. 349–361.

[10] Шанько, В. В. Понятийные и методологические подходы к проблемам современного правопонимания / В. В. Шанько, Е. Г. Светличный // Философия права. – 2021. – № 3(98). – С. 64–67.

References:

[1] Code of Criminal Procedure of the Russian Federation of 18.12.2001 No. 174-FZ // Official Internet Portal of Legal Information. URL: <https://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102073942> (access date: 17.04.2026).

[2] Federal Law of 07.02.2011 No. 3-FZ "On the Police" // Official Internet portal of legal information. URL: <https://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102145133> (access date: 17.04.2026).

[3] Federal Law of 27.12.2018 No. 533-FZ

"On Amendments to Articles 76.1 and 145.1 of the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation" // Official Internet portal of legal information. URL: <https://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102314650> (access date: 17.04.2026).

[4] Gonchar V.V., Galiev D.V. Features of inspection and removal of electronic media taking into account the requirements of Art. 164.1 Code of Criminal Procedure of the Russian Federation // Bulletin of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. № 2. S. 134–138.

[5] Vasyukov V.F. Removal of electronic media during investigative actions: novelties of legislation and problems of law enforcement // Bulletin of Tomsk State University. Right. 2020. № 37. S. 32–39.

[6] Nazzyrova N.A. Tactical features of the seizure and subsequent examination of video recordings in criminal cases investigated on the grounds of a crime under Art. 173.1 of the Criminal Code of the Russian Federation // Police and investigative activities. 2019. № 3. S. 45–52.

[7] Turshin A.I. Examination of electronic evidence in criminal proceedings: judicial aspect // Legal research. 2025. № 8. S. 18–30.

[8] Smakhtin E.V., Shcherbich S.V. Some issues of the use of video surveillance systems in the activities of law enforcement agencies to solve and investigate crimes // Russian law: education, practice, science. 2017. № 6 (102). S. 77–82.

[9] A.V. Kursayev. The facets of the lawful and criminal use by police officers of physical force, special means and firearms (based on judicial practice) // Current problems of the state and law. 2022. Т. 6. № 3 (23). S. 349–361.

[10] Shanko, V.V. Conceptual and methodological approaches to the problems of modern legal understanding/V.V. Shanko, E.G. Svetlichny // Philosophy of Law. – 2021. – № 3(98). – S. 64–67.

ПЛЕХОДАНОВ Владислав Дмитриевич,
аспирант ФГБОУ ВО «Юго-Западный
государственный университет»,
e-mail: vladan13.kursk@yandex.ru

БАЛАШОВ Константин Геннадьевич,
аспирант ФГБОУ ВО «Югорский государственный
университет»,
e-mail: balashoffkonstantin@yandex.ru

ВИКТИМОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОФИЛАКТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ, СОВЕРШАЕМЫХ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Аннотация. Объектом исследования выступают общественные отношения, складывающиеся в сфере предупреждения посягательств на несовершеннолетних, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей. Предмет исследования образуют нормы Уголовного кодекса Российской Федерации об ответственности за такие посягательства (ст. 110, 110.1, 110.2, 132, 133, 135, 137, 151.2, 242.1, 242.2 УК РФ), положения федерального законодательства о защите детей от вредоносной информации, программные документы государственной политики в сфере информационной безопасности детей, доктринальные разработки категорий «виктимность» и «виктимологическая профилактика», а также материалы правоприменительной практики. Авторами рассмотрены понятие и содержание виктимологической профилактики, дана криминологическая характеристика личности несовершеннолетнего потерпевшего от киберпосягательств, проанализированы факторы его виктимности: возрастная незрелость и повышенная внушаемость, дефицит цифровой грамотности, разрыв доверительной коммуникации в семье, склонность к избыточному самораскрытию в сети (феномен «душевного сетевого эксгибиционизма»). Прослежен стадийный механизм виктимизации при груминге, кибербуллинге, сексуальной эксплуатации, вовлечении в деструктивные сообщества и склонении к суицидальному поведению. Обоснован вывод о том, что действующая система предупреждения выстроена вокруг фигуры преступника и оставляет потенциальную жертву без должной правовой защиты, а само понятие виктимологической профилактики законодателем до настоящего времени не воспринято. Предложена трёхуровневая модель совершенствования профилактической деятельности: от закрепления виктимологической профилактики в федеральном законодательстве и обязательного обучения цифровой гигиене до адресной психокоррекционной работы с виктимными подростками и реабилитации пострадавших. Отдельно очерчены конституционные пределы профилактического вмешательства в частную жизнь несовершеннолетнего.

Ключевые слова: виктимологическая профилактика; несовершеннолетний; жертва преступления; виктимность; киберпреступность; информационно-телекоммуникационные сети; кибербуллинг; груминг; цифровая среда; предупреждение преступлений.

PLEKHODANOV Vladislav Dmitrievich,
graduate student of FSBEI HE "Southwest
State University"

BALASHOV Konstantin Gennadievich,
graduate student of FSBEI HE "Ugra State University"

VICTIMOLOGICAL PREVENTION OF CRIMES AGAINST MINORS COMMITTED ON THE INTERNET: CURRENT STATE OF THE ART AND AREAS OF IMPROVEMENT

Annotation. The object of the study is public wear, which develops in the field of preventing attacks on minors committed using information and telecommunication networks. The subject of the study is the norms of the Criminal Code of the Russian Federation on liability for such encroachments (Articles 110, 110.1, 110.2, 132, 133, 135, 137, 151.2, 242.1, 242.2 of the Criminal Code of the Russian Federation), provisions of federal legislation on the protection of children from malicious information, program documents of state policy in the field of information security of children, doctrinal developments of the categories "victimization" and "victimological profiling," as well as materials of law enforcement practice. The authors considered the concept and content of victimological prevention, gave a criminological description of the personality of a minor victim of cyberattacks, analyzed the factors of his victimhood: age immaturity and increased suggestibility, a shortage of digital literacy, a break in trust in the family, a tendency to excessive self-disclosure in the network (the phenomenon of "mental network exhibitionism"). The stadium mechanism of victimization in grooming, cyberbullying, sexual exploitation, involvement in destructive communities and inclination to suicidal behavior has been traced. The conclusion is justified that the current warning system is built around the figure of the criminal and leaves the potential victim without proper legal protection, and the very concept of victimological prevention has not yet been accepted by the legislator. A three-level model for improving preventive activities is proposed: from consolidating victimological prevention in federal legislation and compulsory training in digital literacy to targeted psychocorrection work with victimized adolescents and rehabilitation of victims. The constitutional procedures for preventive intervention in the private life of the imperfect-year-old are outlined separately.

Key words: victimological prevention; imperfect summer; victim of crime; victimhood; cybercrime; information and telecommunication networks; cyberbullying; grooming; digital environment; crime prevention.

Введение

Интернет давно перестал быть для подростка «дополнительной» средой обитания. Он стал основной. Социализация, дружба, конфликты, поиск признания переместились в мессенджеры и социальные сети, и туда же, вслед за детьми, закономерно переместился преступник. Официальная статистика фиксирует устойчивый рост посягательств, совершаемых дистанционно, причём заметная их доля бьёт по самому уязвимому: половой неприкосновенности, психике и нравственному развитию лиц, не достигших восемнадцати лет. Государство на этот вызов реагирует, о чём свидетельствует, в частности, утверждение Концепции информационной безопасности детей в Российской Федерации [5], однако программный документ сам по себе преступности не останавливает.

Особенность рассматриваемых посягательств состоит в том, что их механизм в решающей степени завязан на поведении самой жертвы. Не на замке, который взломали, а на двери, которую ребёнок открыл сам: выложенные фотографии, откровенная переписка с незнакомцем, некритичное доверие к виртуальному собеседнику. Уголовный закон здесь опаздывает по определению, поскольку реагирует на уже состоявшееся зло. Отсюда вырастает виктимологический ракурс проблемы: работать необходимо не только с

тем, кто нападает, но прежде всего с тем, на кого нападают, снижая уязвимость потенциального потерпевшего до момента его контакта с преступником.

Состояние этого направления в отечественном праве нас как исследователей не удовлетворяет. Термин «виктимологическая профилактика» законодателю неизвестен, механизм раннего распознавания виктимогенного поведения подростка в сети не выстроен, а обязанности цифровых платформ перед детьми прописаны настолько скупо, что практика вынуждена достраивать их сама. Целью настоящей статьи является анализ сложившегося положения дел, выявление факторов и механизма виктимизации несовершеннолетних в цифровой среде и формулирование предложений, пригодных для законодательного воплощения.

Обсуждение и результаты исследования

Виктимологическая профилактика переопределяет привычную оптику предупредительной деятельности. Не преступник в центре внимания, а жертва. Отечественная виктимология обязана этим поворотом прежде всего Д.В. Ривману, понимавшему её как выявление лиц с повышенной виктимностью, нейтрализацию этой виктимности и устранение ситуаций, чреватых причинением вреда [7, с. 34]. Применительно к детям такой подход требует существенной оговорки, и оговорка

эта принципиальна. Виктимность несовершеннолетнего коренится не в «порочности» его поведения, в чём подростков охотно упрекают взрослые, а в объективной возрастной незавершённости: эмоционально-волевая сфера не сформирована, внушаемость высока, критическое мышление и способность прогнозировать последствия собственных поступков только складываются. На эту закономерность давно указывали исследователи делинквентности подросткового возраста В.Ф. Моргун и К.В. Седых, подчёркивавшие многомерность личностных деформаций в этот период [9, с. 96]. Упрекать ребёнка за возрастную незрелость всё равно что ставить в вину слабое зрение.

Здесь уместно еще одно доктринальное уточнение. Н.Р. Сидоров справедливо предостерегал от смешения психологической и этической плоскостей при оценке отклоняющегося поведения несовершеннолетних: квалификация поведения как «нарушающего нормы» уводит анализ от собственно психологических предпосылок в область морализаторства [11, с. 69]. Тот же упрек, полагаем, применим и к виктимологической оценке. Рассуждения о «легкомыслии» подростка, ставшего жертвой сетевого хищника, подменяют исследование причин их осуждением. Продуктивнее иной взгляд, разделяемый Я.И. Гилинским и его соавторами: и девиантность, и виктимность в значительной мере конструируются социальной средой, а не заданы природой индивида [8, с. 41]. Среда же, о которой идёт речь, сегодня цифровая.

Из чего складывается уязвимость подростка в сети? Проведённый нами анализ позволяет нащупать несколько сплетающихся линий.

Первая упирается в психологию возраста. Потребность в признании, жажда принадлежности к референтной группе, тяга к риску толкают подростка туда, где одобрение раздают щедро и без проверки. Виртуальное пространство именно таково. Собеседник, который «понимает» и «не осуждает», получает кредит доверия, какого не удостоивается ни один взрослый из реального окружения ребёнка.

Вторая линия поведенческая, и здесь картина парадоксальна. Подросток выкладывает в общий доступ фотографии, адрес школы, расписание дня, подробности семейных конфликтов, обнажая душу перед неопределённым кругом лиц, и одновременно наглухо закрывается от родителей. В литературе этот перекося метко назван «душевым сетевым эксгибиционизмом» [10, с. 78]. Именно он, по нашему убеждению, образует ядро виктимогенной ситуации: открытость анониму при закрытости от семьи. Преступнику остаётся лишь занять пустующее место доверенного взрослого.

Третья линия семейная. Там, где эмоци-

ональное внимание подменено материальным обеспечением, ребёнок уходит искать тепло в сеть. Эмпирические данные это подтверждают: дефицит взаимопонимания с родителями сопряжён у подростков с ростом тревожности, страхами в межличностных контактах и падением статуса в группе сверстников [10, с. 81], причём, как показала Л.И. Макадей, у девочек реакция на отсутствие родительского понимания выражена острее и чаще выливается в устойчивые страхи, снижающие уверенность в себе и способность к полноценной коммуникации [12, с. 154]. Гендерное измерение виктимности, заметим попутно, отечественной виктимологией почти не разработано, хотя для дифференциации профилактических программ оно очевидно значимо. Круг замыкается: чем хуже дома, тем глубже в сеть; чем глубже в сеть, тем доступнее для хищника.

Четвёртая линия банальна, но опасна не менее прочих: элементарная цифровая безграмотность. Ребёнок не распознаёт признаков груминга и фишинга просто потому, что его этому никто не учил.

Сам механизм виктимизации разворачивается стадийно, и стадийность эта прослеживается в материалах практики с удручающим однообразием. Сначала контакт, нередко под вымышленной личиной сверстника. Затем терпеливое выращивание доверия и эмоциональной привязанности, на что у преступника уходят недели, а порой месяцы. Далее получение компрометирующих материалов. И финал: шантаж, принуждение, эксплуатация. Схема, что показательно, воспроизводится почти на любом составе: при склонении к действиям сексуального характера (ст. 132, 133, 135 УК РФ), при вымогательстве с использованием интимных изображений, при вовлечении в изготовление порнографических материалов (ст. 242.1, 242.2 УК РФ), при доведении до самоубийства и склонении к нему (ст. 110, 110.1, 110.2 УК РФ), при втягивании в занятия, опасные для жизни несовершеннолетнего (ст. 151.2 УК РФ) [1]. Особняком стоит кибербуллинг. Самостоятельного состава он зачастую не образует, однако как виктимогенный и криминогенный фактор работает безотказно, загоняя жертву в депрессию, социальную изоляцию, а в крайних случаях подводя к суициду [10, с. 76]. Травля, добавим, разрушает и то, что И.А. Баева обоснованно относит к базовым условиям нормального развития ребёнка, а именно психологическую безопасность среды, понимаемую как защищённость от неблагоприятных воздействий и способность им противостоять [6, с. 27]. Образовательная организация, в стенах которой процветает сетевая травля учеников, безопасной средой считаться не может, какие бы тревожные кнопки ни висели у входа. Нужна ли типология несовершеннолетних потерпевших?

Полагаем, что нужна, ибо без неё профилактика превращается в стрельбу по площадям. Наши наблюдения позволяют различить как минимум четыре характера виктимного поведения. Есть доверчивые и пассивные дети, которых берут внушением; таковы типичные жертвы груминга и мошенничества. Есть демонстративно рискующие подростки, щедро раскрывающие себя сети и оттого становящиеся добычей шантажистов. Есть изолированные, депривированные, отчаянно ищущие принадлежности; их ловят закрытые деструктивные сообщества, в том числе суицидальной направленности. Наконец, конформный тип, ломающийся под групповым давлением. Каждому типу нужен свой инструмент, и стричь их под одну гребёнку значит заведомо обесценить усилия.

Теперь о том, чем государство на всё это отвечает. Нормативный фундамент предупредительной работы образуют два акта: Федеральный закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ [2] и Федеральный закон от 29.12.2010 № 436-ФЗ [3]. Присмотримся к ним внимательнее. Первый заточен под профилактику правонарушающего поведения самих несовершеннолетних, то есть видит в подростке потенциального нарушителя, а не потенциальную жертву. Второй регулирует оборот информационной продукции, ограждая ребёнка от вредного контента, но с живым преступником, охотящимся в мессенджерах, никак не соприкасается. Между двумя законами зияет пробел, и в этот пробел проваливается именно виктимологическая составляющая. Упомянутая Концепция информационной безопасности детей [5] декларирует формирование у несовершеннолетних навыков безопасного поведения в цифровой среде, однако декларация, не подкреплённая механизмом реализации и ответственным субъектом, остаётся благим пожеланием. Само понятие виктимологической профилактики нормативно не закреплено, а значит, у направления нет ни правового статуса, ни строки в бюджете. Здесь законодатель явно недоработал. Правоприменение, лишённое опережающего инструментария, действует реактивно. Возбудили дело, изобличили, осудили. Попретерпевшему от этого легче едва ли: вред уже причинён, и никакой приговор его не отменит.

Отдадим должное высшей судебной инстанции. Пленум Верховного Суда РФ ориентировал суды на учёт особой уязвимости несовершеннолетних потерпевших и признал, что действия сексуального характера, совершённые с использованием сети Интернет без непосредственного физического контакта, подлежат квалификации по статьям главы 18 УК РФ [4]. Уголовный закон, таким образом, к цифровой реальности адаптируется. Но репрессия виктимогенных факторов не устраняет; она лишь фиксирует их последствия.

Что предлагается взамен реактивной моде-

ли? Нами отстаивается трёхуровневое построение виктимологической профилактики, и логика уровней здесь классическая для криминологической науки. Общесоциальный уровень требует прежде всего законодательного оформления самого института. В Федеральный закон № 120-ФЗ следует ввести понятие виктимологической профилактики и отнести к её объектам несовершеннолетних с повышенной виктимностью в цифровой среде. Параллельно необходим обязательный образовательный модуль цифровой гигиены в школьных стандартах: распознавание манипулятивных техник, обращение с персональными данными, алгоритм действий при столкновении с сетевой агрессией. Такое решение прямо развивало бы положения Концепции [5], переводя её из плоскости деклараций в плоскость обязательств. И нельзя забывать родителей. Семья остаётся первым рубежом защиты ребёнка, однако рубеж этот нередко беззащитен сам, поскольку цифровая компетентность взрослых уступает детской.

Специально-криминологический уровень предполагает работу тоньше. Педагоги-психологи образовательных организаций, вооружённые валидированным диагностическим инструментарием, способны улавливать виктимогенные признаки сетевого поведения подростка задолго до беды; этот потенциал следует институционализировать, встроив его в систему обеспечения психологической безопасности образовательной среды в том её понимании, которое обосновано И.А. Баевой [6, с. 105]. Отдельный и болезненный вопрос касается цифровых платформ. Их обязанности по выявлению и блокированию груминговых контактов и деструктивных сообществ, равно как и по оперативному взаимодействию с правоохранительными органами, должны быть закреплены нормативно, а не оставлены на усмотрение корпоративной этики. Практика показывает: добровольно платформы двигаются в эту сторону неохотно. Назрело, наконец, развитие специализированных подразделений по противодействию киберпосягательствам на детей с обязательным включением в их состав психологов.

Индивидуальный уровень адресован конкретному ребёнку. Тому, чья виктимность уже проявилась, нужны тренинги ассертивности, отстаивания личностных границ, критического мышления. Тому, кто уже пострадал, нужна реабилитация, и промедление здесь особенно опасно: пережитый уничижительный опыт формирует стойкий дефицит адаптационных ресурсов личности [10, с. 84], а неотработанная травма превращает жертву разовую в жертву рецидивную.

Было бы, впрочем, наивно подавать эти предложения как лишённые издержек. Расширение мониторинга сетевой активности детей неизбежно трётся о конституционные гарантии непри-

косновенности частной жизни и тайны переписки (ст. 23, 24 Конституции РФ). Профилактика, переросшая в тотальную слежку, сама становится фактором виктимизации, только уже со стороны государства. Выход видится в жёстком законодательном очерчивании пределов: мониторингу подлежит лишь общедоступная информация либо сведения, полученные с согласия законных представителей, а индивидуальная работа строится на началах добровольности и конфиденциальности. Иначе лекарство окажется горше болезни.

Заключение

Проведённое исследование убеждает: виктимизация несовершеннолетнего в сети Интернет не одномоментный акт, а процесс, вызревающий стадийно и питающийся сразу несколькими корнями. Возрастная незрелость, поведенческая неосторожность, семейное отчуждение и цифровая безграмотность сплетаются в один узел. Сердцевиной виктимогенной ситуации выступает коммуникативный перекос: ребёнок распахнут перед анонимным виртуальным окружением и закрыт от собственной семьи. Действующая система профилактики этому вызову не отвечает. Она фрагментарна, репрессивно ориентирована и близорука: видит преступника, но не видит жертву до тех пор, пока та не приобретёт процессуальный статус потерпевшего. Понятие виктимологической профилактики законодателем не воспринято, механизм раннего выявления виктимности не создан, обязанности цифровых платформ размыты, а программные документы государственной политики не подкреплены механизмами реализации.

Предложенная нами трехуровневая модель призвана этот разрыв закрыть. На общесоциальном уровне речь идёт о законодательном закреплении института виктимологической профилактики и обязательном обучении цифровой гигиене, на специально-криминологическом о раннем выявлении виктимогенного поведения силами школьных психологических служб и нормативной нагрузке на операторов платформ, на индивидуальном об адресной психокоррекции виктимных подростков и реабилитации пострадавших ради недопущения вторичной виктимизации. Одна оговорка остаётся сквозной для всех трёх уровней: защита ребёнка не должна оборачиваться вторжением в его конституционные права. Профилактика, глухая к гарантиям частной жизни, рискует сама причинить тот вред, который призвана предупреждать.

Список литературы:

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (с посл. изм. и доп.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

[2] Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: Федеральный закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 26. Ст. 3177.

[3] О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию: Федеральный закон от 29.12.2010 № 436-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 1. Ст. 48.

[4] О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 № 16 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 2.

[5] Об утверждении Концепции информационной безопасности детей в Российской Федерации: Распоряжение Правительства РФ от 28.04.2023 № 1105-р // Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 19. Ст. 3469.

[6] Баева И.А. Психологическая безопасность в образовании: монография / И.А. Баева. СПб.: СОЮЗ, 2002. 271 с.

[7] Ривман Д.В. Криминальная виктимология / Д.В. Ривман. СПб.: Питер, 2002. 304 с.

[8] Гилинский Я.И. Конструирование девиантности / Я.И. Гилинский [и др.]. СПб.: Деан, 2011. 223 с.

[9] Моргун В.Ф., Седых К.В. Делинквентный подросток: учеб. пособие / В.Ф. Моргун, К.В. Седых. Полтава, 1995. 161 с.

[10] Челпанов В.Б. Профессиональная деятельность практического психолога образования: обеспечение психологической безопасности школьников / В.Б. Челпанов. Курск: Юго-Зап. гос. ун-т, 2012. 315 с.

[11] Сидоров Н.Р. Психологические предпосылки девиантного поведения / Н.Р. Сидоров // Вестник практической психологии образования. 2009. Т. 6. № 2. С. 68–72.

[12] Макадей Л.И. Гендерные различия тревоги и страха у подростков / Л.И. Макадей // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2010. № 7. С. 152–157.

References:

[1] Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law of 13.06.1996 No. 63-FZ (from the last rev. and addendum) // Collection of legislation of the Russian Federation. 1996. № 25. Art. 2954.

[2] On the Basics of the System for the Prevention of Neglect and Juvenile Delinquency: Federal Law of 24.06.1999 No. 120-FZ // On the Implementation of the Legislation of the Russian Federation. 1999. № 26. Art. 3177.

[3] On the protection of children from information harmful to their health and development: Federal Law No. 29.12.2010 of 436-FZ // Collection

of Legislation of the Russian Federation. 2011. № 1. Art. 48.

[4] On judicial practice in cases of crimes against sexual inconsistency and sexual freedom of the individual: Decision of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 04.12.2014 No. 16 // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2015. № 2.

[5] On the approval of the Concept of Information Security of Children in the Russian Federation: Order of the Government of the Russian Federation of 28.04.2023 No. 1105-r // Collection of legislation of the Russian Federation. 2023. № 19. Art. 3469.

[6] Baeva I.A. Psychological safety in education: monograph/I.A. Baeva. St. Petersburg: SOYUZ, 2002. 271 pp.

[7] Rivman D.V. Criminal Victimology / D.V. Rivman. St. Petersburg: Peter, 2002. 304 pp.

[8] Gilinsky Y.I. Construction of deviance / Y.I. Gilinsky [et al.]. St. Petersburg: Dean, 2011. 223 pp.

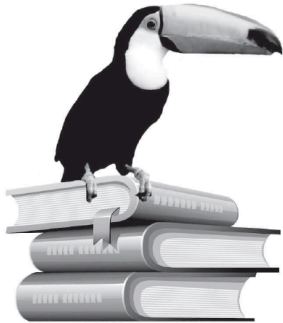
[9] Morgun V.F., Sedykh K.V. Delinquent teenager: study. Manual / V.F. Morgun, K.V. Sedykh. Poltava, 1995. 161 pp.

[10] Chelpanov V.B. Professional activities of the practical psycho-log of education: ensuring the psychological safety of schoolchildren/ V.B. Chelpanov. Kursk: Yugo-Zap. state university, 2012. 315 s.

[11] Sidorov N.R. Psychological prerequisites for deviant behavior/N.R. Sidorov // Bulletin of practical psychology of education. 2009. T. 6. № 2. S. 68-72.

[12] McAday L.I. Gender Differences in Anxiety and Fear in Adolescents/L.I. McAday // Scientific Problems of Humanities Research. 2010. № 7. S. 152-157.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Дата поступления рукописи в редакцию: 21.07.2026 г.

DOI: 10.24412/2224-9133-2026-8-268-272

Дата принятия рукописи в печать: 01.09.2026 г.

ОМЕЛИН Виктор Николаевич,

Главный научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН
России, доктор юридических наук, профессор,
e-mail: v.omelin@mail.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНАМ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Аннотация. В статье анализируется порядок представления результатов оперативно-розыскной деятельности органам предварительного расследования. Автор констатирует, что решение данного вопроса возможно только при оптимальном сочетании процессуальных и оперативно-розыскных мер, направленных на совершенствование гарантий безопасности негласных участников ОРД и правовых механизмов их реализации.

Ключевые слова: Оперативно-розыскная деятельность, оперативно-розыскные мероприятия, результаты оперативно-розыскной деятельности, представление результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд.

OMELIN Victor Nikolaevich,

Chief research scientist of the Scientific research
institute of the Federal service for execution of
punishment of Russia Doctor of law, Professor

CURRENT PROBLEMS IN PRESENTING THE RESULTS OF OPERATIONAL AND INVESTIGATIVE ACTIVITY TO PRELIMINARY INVESTIGATION BODIES

Annotation. The article analyzes the procedure for presenting the results of operational investigative activities to the preliminary investigation bodies. The author states that this issue can be resolved only through an optimal combination of procedural and operational investigative measures aimed at improving the safety guarantees for covert participants in operational investigative activities and the legal mechanisms for their implementation.

Key words: Operational investigative activities, operational investigative measures, results of operational investigative activities, submission of the results of operational investigative activities to the investigative body, the investigator, or the court.

Анализ предписаний Федерального закона от 12 августа 1995 года № 144-ФЗ (ред. от 04.01.2025) «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее - Закон об ОРД) свидетельствует, что законодатель использует термин «результаты оперативно-розыскной деятельности», но не раскрывает вкладываемого в него содержания (ст. 11). Можно предложить следующее определение результатов ОРД - это любые фактические данные (сведения, информация), полученные при проведении оперативно-розыскных мероприятий

в соответствии с Законом об ОРД оперативными подразделениями в установленном порядке и зафиксированные в оперативно-служебных документах, используемые для успешного решения задач оперативно-розыскной деятельности, а также конкретные события, действия и их последствия являющиеся итогом практического использования указанных сведений (информации).

Одним из наиболее острых вопросов, стоящих перед сотрудниками оперативных подразделений при осуществлении ОРД, является пред-

ставление результатов такой деятельности органам предварительного расследования. Порядок представления результатов ОРД, в свою очередь, прямо зависит от ясности такой процедуры, четко прописанной в нормативных правовых актах.

В качестве подзаконного нормативного правового акта в настоящее время выступает Инструкция о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд (далее Инструкция), утвержденная 27 сентября 2013 г. совместным приказом девяти силовых ведомств [1]. В сравнении с аналогичными предыдущими Инструкциями 1998 г. и 2007 г. новая, по мнению специалистов, обладает рядом преимуществ и является более совершенной

Положительно оценивая данные предписания данной Инструкции, вместе с тем полагаем, что существуют и резервы, которые способны интенсифицировать данное направление ОРД.

В Инструкции предусмотрена возможность представления результатов ОРД, полученных в порядке выполнения поручения дознавателя, органа дознания, следователя, судебного решения о проведении оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ) по уголовным делам и материалам проверки сообщений о преступлениях, находящимся в их производстве (п. 1).

Однако следует заметить, что УПК РФ не наделяет орган дознания правом направлять поручения о проведении ОРМ (см. ст. 40 УПК РФ). Таким правом, согласно УПК РФ, обладает начальник органа дознания, который уполномочен поручать должностным лицам органа дознания исполнение письменных поручений следователя, дознавателя о проведении ОРМ (подпункт 6 п. 1 ст. 40.2).

Закон об ОРД предусматривает в качестве одного из оснований для проведения ОРМ поручение органа дознания (пункт 3 ч. 1 ст. 7), но о поручении начальника органа речь не идет. Считаю, что указанные коллизии между названными нормами необходимо устранить путем уточнения редакции пункта 1 Инструкции 2013 г. и пункт 3 ч. 1 ст. 7 Закона об ОРД. Предлагаем в упомянутых нормах термин «орган дознания» заменить на термин «начальник органа дознания».

Согласно п. 6 Инструкции, результаты ОРД представляются в виде рапорта об обнаружении признаков преступления (ст. 143 УПК РФ) или сообщения о результатах ОРД (приложение № 1 к Инструкции). Указанные документы несут конкретную юридическую нагрузку и по сути выполняют роль официального повода к возбуждению уголовного дела в соответствии с п. 3 ч. 1 ст. 140 УПК РФ как сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, полученное из иных источников.

Кроме рапорта об обнаружении признаков преступления или сообщения о результатах ОРД, органам предварительного расследования представляются также другие документы и материальные объекты:

постановление руководителя органа (подразделения), осуществляющего ОРД (начальника или его заместителя о представлении результатов ОРД (приложение № 2) (п. 9);

постановление руководителя органа, осуществляющего ОРД (начальника или его заместителя), о проведении проверочной закупки или контролируемой поставки предметов, веществ и продукции, свободная реализация которых запрещена либо оборот которых ограничен, а также оперативного эксперимента или оперативного внедрения (п. 10);

копии судебных решений о проведении ОРМ, которые ограничивают конституционные права человека и гражданина на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, передаваемых по сетям электрической и почтовой связи, а также право на неприкосновенность жилища (п. 12) (Направленная органам предварительного расследования копия постановления судьи не противоречит законодательной установке (ч. 3 ст. 12 Закона об ОРД) о том, что судебное решение на право проведения ОРМ хранится только в органах, осуществляющих ОРД. Если результаты ОРД передаются органам предварительного расследования для решения вопроса о возбуждении уголовного дела с подлинника судебного решения снимается его копия. В противном случае без копии этого документа полученные результаты однозначно не будут допустимы в уголовном процессе);

постановление руководителя органа, осуществляющего ОРД (начальником или его заместителем) о рассекречивании сведений, составляющих государственную тайну, и их носителей (приложение № 3) (п. 14);

материалы фото- и киносъемки, аудио- и видеозаписи, и иные носители информации, а также материальные объекты, которые в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством могут быть признаны вещественными доказательствами (п.16).

Наряду с указанными могут представляться и другие документы, фиксирующие порядок проведения конкретных ОРМ и полученные при этом сведения, например, акт о проведении оперативного эксперимента, объяснения лиц, привлекаемых к участию в проведении ОРМ, протокол изъятия документов, предметов, материалов при проведении гласных ОРМ в порядке п. 2 ч. 1 ст. 15 Закона об ОРД, акт выдачи заявителю звукозаписывающей аппаратуры для осуществления звукозаписи и др.).

В уголовный процесс полученные при проведении ОРМ сведения вводятся не прямым общением к делу. К примеру, может проводиться допрос оперативного сотрудника, лиц, привлекаемых к участию в проведении ОРМ, осмотр представленных материалов, документов и иных объектов, полученные при проведении ОРМ, другие следственные действия.

В Инструкции не уточняется, в каком случае результаты ОРД представляются в виде рапорта об обнаружении признаков преступления или сообщения о результатах ОРД. Составление рапорта об обнаружении признаков преступления предусмотрено ст. 143 УПК РФ. Данный документ составляется должностным лицом, получившим сообщение о совершенном или готовящемся преступлении из иных источников, чем указанных в ст. 140 УПК РФ (заявление о преступлении, явка с повинной и др.). В целях решения вопроса о возбуждении уголовного дела или об отказе в возбуждении уголовного дела результаты ОРД надлежит представлять в виде рапорта об обнаружении признаков преступления.

Результаты ОРД в виде сообщения правомерно представлять:

в порядке выполнения поручения дознавателя, начальника органа дознания, следователя, судебного решения о проведении оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ) по уголовным делам и материалам проверки сообщений о преступлениях, находящимся в их производстве;

при инициативном представлении результатов ОРД для возбуждения уголовного дела (при этом обязательно должен быть также и рапорт об обнаружении признаков преступления), подготовки и осуществления следственных и судебных действия, использования в доказывании по уголовным делам (ч. 1 и 2 ст. 11 Закона об ОРД);

в соответствии с запросами международных правоохранительных организаций, правоохранительных органов иностранных государств (п. 2 Инструкции).

Согласно ч. 1 ст. 13 Федерального закона от 21.07.1993 г. № 5485-1 (ред. от 08.08.2024) «О государственной тайне» «рассекречивание сведений и их носителей - снятие ранее введенных в предусмотренном настоящим Законом порядке ограничений на распространение сведений, составляющих государственную тайну, и на доступ к их носителям».

Названная выше Инструкция предписывает, что постановление руководителя органа, осуществляющего ОРД (начальника или его заместителя), о рассекречивании сведений, составляющих государственную тайну, и их носителей составляется в двух экземплярах, первый из которых направляется уполномоченному должностному лицу (органу), второй приобщается к мате-

риалам дела оперативного учета или, в случае его отсутствия, - к материалам номенклатурного дела (п. 14).

Данное правило имеет одно исключение. Судебное решение на проведение негласного ОРМ, ограничивающего конституционные права граждан, является секретным, и правом на его рассекречивание и снятие с него копии обладает только суд. При этом орган, осуществляющий ОРД, в соответствии с «Информацией о рассмотрении судами материалов об ограничении конституционных прав граждан при проведении оперативно-розыскных мероприятий» от 5 июня 2014 г., подготовленной Судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации и Управлением систематизации законодательства и анализа судебной практики Верховного Суда Российской Федерации, должен направить в суд ходатайство о рассекречивании постановления суда для представления его копии следователю, дознавателю или в суд. К ходатайству прилагается копия постановления руководителя органа, осуществляющего ОРД, о рассекречивании оперативно-служебных документов, содержащих аналогичные сведения, а при необходимости и иные материалы. Рассмотрев представленные материалы, свидетельствующие о наличии обстоятельств, вследствие которых дальнейшая защита сведений, составляющих государственную тайну, будет являться нецелесообразной, судья выносит постановление о рассекречивании соответствующего постановления о проведении ОРМ [2, С. 31]. Таким образом, в этом случае постановление о рассекречивании результатов ОРД выносится не в двух, а в трех экземплярах.

Использование оперативных данных в уголовном процессе всегда ставит задачу приемлемого разрешения сложной двудеиной проблемы – максимально полного использования оперативных материалов в доказывании по уголовным делам и обеспечение конспирации проведенных ОРМ (когда это требуется), а также защиты негласных участников ОРД.

Одним из важных и сложных вопросов здесь является использование негласных участников ОРД – конфиденциальных носителей информации в уголовном процессе в качестве свидетелей. Согласно п. 19 Инструкции «результаты ОРД, представляемые для подготовки и осуществления процессуальных действий, должны содержать сведения ... о лицах, которым известны обстоятельства и факты, имеющие значение для уголовного дела ...».

Согласно прямому предписанию Инструкции в случаях необходимости привлечения к участию в производстве процессуальных действий лиц, внедренных (внедрявшихся) в организованные преступные группы, преступные сообщества

(преступные организации), штатных негласных сотрудников органов, осуществляющих ОРД, а также лиц, оказывающих или оказывавших этим органам содействие на конфиденциальной основе, обеспечение их безопасности в условиях конспирации и конфиденциальности осуществляется в порядке, определяемом законодательными и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, нормативными правовыми актами органов, осуществляющих ОРД (п. 5).

Из текста нормы напрямую вытекает, что она носит бланкетно-отсылочный характер. Для полного ее уяснения необходимо, в частности, руководствоваться ч. 2 ст. 12 Закона об ОРД, которая предусматривает два условия предания гласности сведений о перечисленных лицах: письменное согласие; прямое указание в федеральном законодательстве на возможность расшифровки персонифицирующих данных. Исключение составляют случаи привлечения к уголовной ответственности вышеуказанных лиц, сведения о которых могут быть представлены соответствующим прокурорам и без их согласия (ч. 3 ст. 21). Под преданием гласности сведений в ОРД предлагается понимать распространение сведений в любой форме (устной, письменной, наглядно-демонстрационной, с использованием средств массовой информации либо технических средств и т.д.), в результате чего они становятся известными любым третьим лицам [3, С.98]. Подобный подход сохраняет свое значение и для предания гласности о перечисленных лицах.

При анализе содержания ч. 2 ст. 12 Закона об ОРД возникает вопрос: на каком этапе проведения ОРМ необходимо получить письменное согласие перечисленных лиц. В юридической литературе некоторые авторы справедливо отмечают, что при представлении результатов ОРД в уголовном процессе это согласие нужно получать еще до начала ОРМ, поскольку, если оно будет отбираться после их проведения, может возникнуть проблемная ситуация, когда проведенным ОРМ будет выявлено и задокументировано преступление, а лицо, участвовавшее в его проведении, будет против представления его результатов. В таком случае оперативный сотрудник не может представить результаты ОРД, поскольку предание гласности сведений об указанных лицах будет расцениваться как разглашение государственной тайны согласно ч. 1. ст. 12 Закона об ОРД. С другой стороны, он не может не представить полученные результаты, так как предусмотрена уголовная ответственность за укрывательство преступлений (ст. 316 УК РФ) [4, С. 37].

Как представляется, такой подход заслуживает поддержки и его можно считать одним из вариантов решения рассматриваемого вопроса. Получение согласия еще до проведения ОРМ бу-

дет способствовать решению вопроса об обеспечении безопасности участников негласных ОРМ.

Обратим внимание, что в уголовно-процессуальном законодательстве России предусмотрено недостаточно возможностей для защиты субъектов оперативного внедрения и иных негласных участников ОРД. В результате важная для судьбы уголовного дела и привлечения к ответственности виновных информация не реализуется, в интересах зашифровки не используется. Согласимся с точкой зрения о том, что наиболее приемлемыми формами защиты в уголовном процессе субъектов оперативного внедрения, всех категорий лиц, конфиденциально сотрудничающих с органами правопорядка, могли бы следующие:

создание специализированных судов для рассмотрения уголовных дел, по которым проходят организаторы и другие участники преступных сообществ;

зашифровка субъектов внедрения в уголовно-процессуальных документах; допрос указанных лиц в судебном заседании в отсутствие подсудимых и их адвокатов;

скрытое предъявление этим свидетелям подозреваемых, обвиняемых и подсудимых для опознания [5, С. 9-10].

Для защиты сведений о лицах, оказывающих негласное содействие оперативно-розыскным органам, в случаях, когда суд или следователь сочтут необходимым их участие в следственных действиях (допросы, очная ставка и др.), признается также целесообразным по примеру западных стран использовать такие известные формы процессуального получения от конфиденотов доказательственной информации, как представление следователю и оглашение в суде письменных показаний конфиденота без фиксации его установочных данных или допрос оперативного работника, поддерживающего связь с осведомителем, об интересующих следователя и суд события (полагая, что содержание сообщенных оперативным работником сведений идентично информации, переданной ему конфиденотом).

Сказанное тем более оправдано, что получение письменного согласия конфиденотов на участие в уголовном процессе, как показывает практика, бывает крайне затруднительно. При этом их больше беспокоит не выступление в качестве свидетелей, а отсутствие реального механизма защитных мер по обеспечению личной безопасности жизни и здоровья их и членов семей.

Список литературы:

[1] Приказ ФТС РФ, МВД РФ, Минобороны РФ, ФСБ РФ, ФСО РФ, СВР РФ, ФСИН РФ, ФСКН РФ, СК РФ от 27 сентября 2013 года N 776/703/509/507/1820/42/535/398/68 «Об утверждении Инструкции о порядке представления

результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд».

[2] Баженов С. В. , Пилушин И. П. , Павлов А. В. Представление результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд // Научный вестник Омской академии МВД России № 3(58), 2015. С. 31.

[3] Павличенко Н.В. Правовые и теоретические проблемы обеспечения негласности в оперативно-розыскной деятельности: монография / Н.В. Павличенко. – М., 2016. С. 98.

[4] Кукарцев В.Н., Ударцев С.Ю. Некоторые проблемы порядка представления результатов оперативно-розыскной деятельности // Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном процессе : материалы межвузовской научно-практической конференции / отв. ред. А.Г. Калугин. – Красноярск : Сибирский юридический институт МВД России, 2008. С. 37.

[5] Горяинов К.К. Проблемы использования данных оперативно-розыскной деятельности в уголовном процессе // Теория и практика использования результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном процессе : Материалы международной научно-практической конференции / Под ред К.К. Горяинова. – М.: ВНИИ МВД России, 2002. С. 9-10.

References:

[1] Order of the Federal Customs Service of the Russian Federation, the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, the Ministry of Defense of the Russian Federation, the Federal Security Service

of the Russian Federation, the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation, Federal Security Service of the Russian Federation of September 27, 2013 No. 776/703/509/507/1820/42/535/398/68 "On Approval of the Instructions on the Procedure submission of the results of operational-search activities to the inquiry body, investigator or court".

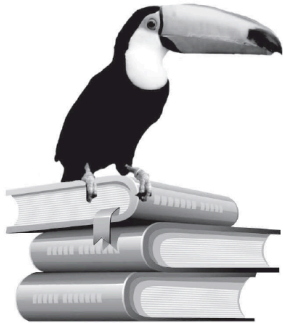
[2] Bazhenov S.V., Pilyushin I.P., Pavlov A.V. Presentation of the results of operational-search activities to the inquiry body, investigator or court // Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia No. 3 (58), 2015. S. 31.

[3] N.V. Pavlichenko. Legal and theoretical problems of ensuring transparency in operational-search activities: monograph/N.V. Pavlichenko. - M., 2016. S. 98.

[4] Kukartsev V.N., Udartsev S.Yu. Some problems of the procedure for presenting the results of operational-search activities // Use of the results of operational-search activities in criminal proceedings: materials of the interuniversity scientific-practical conference/resp. ed. A.G. Kalugin. - Krasnoyarsk: Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2008. C. 37.

[5] Goryainov K.K. Problems of using operational-search activity data in criminal proceedings // Theory and practice of using the results of operational-search activity in criminal proceedings: Materials of an international scientific-practical conference/Ed. K.K. Goryainova. - M.: All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2002. C. 9-10.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

КОВАЛЕВ Олег Геннадьевич,
доктор
юридических наук, кандидат психологических
наук, профессор, главный научный сотрудник
ФКУ научно-исследовательский институт
ФСИН России,
e-mail: okovalev66@gmail.com

ОБЯЗАТЕЛЬНЫЕ, ИСПРАВИТЕЛЬНЫЕ И ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ РАБОТЫ: ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ НАЗНАЧЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ И ИСПОЛНЕНИЯ УЧРЕЖДЕНИЯМИ И ОРГАНАМИ УИС

Аннотация. Настоящее исследование посвящено комплексному анализу проблемных аспектов назначения уголовных наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества, а именно обязательных, исправительных и принудительных работ. Актуальность темы обусловлена последовательной гуманизацией уголовной политики Российской Федерации, расширением практики применения альтернативных лишению свободы видов наказания и необходимостью совершенствования механизмов их реализации. Целью исследования стали выявление правовых и организационных проблем, возникающих при назначении наказаний, связанных с обязательной трудовой деятельностью, а также формулирование предложений по их устранению. Для реализации поставленной цели использовались диалектический метод познания, общенаучные методы (анализ, синтез, сравнение, обобщение) и частнонаучные методы (формально-юридический, сравнительно-правовой, метод толкования правовых норм). В ходе исследования проанализированы нормы Уголовного кодекса РФ, Уголовно-исполнительного кодекса РФ, Федерального закона от 15.07.1995 № 103-ФЗ, а также ведомственные правовые акты Минюста и ФСИН России. Особое внимание уделено анализу изменений, внесенных Федеральным законом от 23.07.2025 № 218-ФЗ в статью 50 УК РФ, согласно которым исправительные работы с 20 января 2026 года назначаются только осужденному, имеющему основное место работы, а также новшества назначения принудительных работ. Рассмотрены правовые коллизии по проблематике исследования, проблемы взаимодействия уголовно-исполнительных инспекций с организациями и работодателями. Изучены недостатки правового регулирования порядка замены исправительных работ более строгими видами наказания при злостном уклонении от их отбывания. По результатам исследования сформулированы предложения по совершенствованию уголовного и уголовно-исполнительного законодательства, направленные на повышение эффективности применения наказаний, связанных с обязательной трудовой деятельностью.

Ключевые слова: наказания без изоляции, обязательные работы, исправительные работы, принудительные работы, уголовно-исполнительные инспекции, проблемы назначения наказания, гуманизация уголовной политики, удержания из заработной платы, злостное уклонение, трудовая деятельность осужденных.

KOVALEV Oleg Gennadievich,
Doctor of Law, Candidate of Law of Psychological
Sciences, Professor, Chief Researcher of the FKU
Scientific Research Institute Federal Penitentiary
Service of Russia

COMPULSORY, CORRECTIONAL AND FORCED LABOR: PROBLEMATIC ASPECTS OF APPOINTMENT IN MODERN JUDICIAL PRACTICE AND EXECUTION BY INSTITUTIONS AND BODIES OF THE PENITENTIARY SYSTEM

Annotation. *This study provides a comprehensive analysis of the problematic aspects of imposing criminal penalties that do not involve the isolation of the convicted person from society, namely compulsory labour, corrective labour, and forced labour. The relevance of the topic is conditioned by the consistent humanisation of the criminal policy of the Russian Federation, the expanding practice of applying alternatives to deprivation of liberty, and the need to improve the mechanisms for their implementation.*

The objective of the study is to identify the legal and organisational problems arising during the imposition of punishments involving compulsory labour activity, as well as to formulate proposals for their elimination. To achieve the stated objective, the dialectical method of cognition, general scientific methods (analysis, synthesis, comparison, generalisation), and specific legal methods (formal-legal, comparative-legal, method of interpreting legal norms) were employed. In the course of the research, the norms of the Criminal Code of the Russian Federation, the Penal Enforcement Code of the Russian Federation, Federal Law No. 103-FZ of 15 July 1995, as well as departmental legal acts of the Ministry of Justice and the Federal Penitentiary Service of Russia, were analysed. Particular attention is paid to the analysis of the amendments introduced by Federal Law No. 218-FZ of 23 July 2025 to Article 50 of the Criminal Code of the Russian Federation, according to which, from 20 January 2026, corrective labour shall be imposed only on a convict having a principal place of work, as well as to innovations in the imposition of forced labour.

Legal collisions pertaining to the research problem, as well as issues of interaction between penal enforcement inspectorates and organisations and employers, are examined. Deficiencies in the legal regulation of the procedure for substituting corrective labour with more severe types of punishment in the event of malicious evasion of serving it are studied. Based on the results of the research, proposals are formulated for improving criminal and penal enforcement legislation, aimed at enhancing the effectiveness of the application of punishments involving compulsory labour activity.

Key words: *punishments without isolation, compulsory labour, corrective labour, forced labour, penal enforcement inspectorates, problems of sentencing, humanisation of criminal policy, deductions from wages, malicious evasion, labour activity of convicts.*

Введение. Одним из приоритетных направлений современной уголовной и уголовно-исполнительной политики Российской Федерации является расширение сферы применения наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества. В прошедшем году реальное лишение свободы было назначено лишь в отношении 26% осужденных, об этом заявил председатель Верховного суда (ВС) РФ Игорь Краснов в ходе совещания судей судов общей юрисдикции, арбитражных и военных судов РФ [1]. К числу наиболее распространенных наказаний, не связанных с изоляцией от общества, относятся обязательные работы (ст. 49 УК РФ), исправительные работы (ст. 50 УК РФ) и принудительные работы (ст. 53.1 УК РФ), объединяемые обязательным привлечением осужденного к трудовой деятельности [2, с. 219-236].

Вместе с тем практика применения указанных видов наказания выявляет ряд системных проблем правового и организационного характера. Отсутствие четкого законодательного регулирования некоторых механизмов трудоустройства осужденных, правовые коллизии, возникающие при взаимодействии уголовно-исполнительных инспекций с работодателями и органами местного самоуправления, недостаточная эффективность контроля за поведением осужденных – эти и другие проблемы негативно сказываются на достижении целей наказания, предусмотренных ст. 43

УК РФ (восстановление социальной справедливости, исправление осужденного, предупреждение совершения новых преступлений) [3, с. 81].

Особую актуальность приобретает анализ последних изменений законодательства, в частности, принятие Федерального закона от 23.07.2025 № 218-ФЗ, которым с 20 января 2026 года существенно изменена редакция ст. 50 УК РФ. Согласно новой редакции, исправительные работы назначаются осужденному, имеющему основное место работы. Данное изменение требует переосмысления сложившихся подходов к назначению и исполнению исправительных работ [4, с. 418].

Методы и принципы исследования. Для изучения проблемных аспектов назначения наказаний, связанных с обязательной трудовой деятельностью, использовался комплекс общенаучных и частнонаучных методов познания. Диалектический метод позволил рассмотреть исследуемые правовые явления в развитии и взаимосвязи с иными институтами уголовного и уголовно-исполнительного права. Методы анализа и синтеза применены при изучении норм действующего законодательства, выявлении правовых пробелов и коллизий. Сравнительно-правовой метод использован для сопоставления правового регулирования различных видов наказаний (обязательных, исправительных, принудительных работ), а также для сравнения ранее действовавшей и новой ре-

дакции ст. 50 УК РФ. Формально-юридический метод позволил провести толкование правовых норм, регулирующих порядок назначения и исполнения анализируемых наказаний. Метод обобщения применен при формулировании выводов и предложений по совершенствованию законодательства.

Основные результаты. Анализ действующего уголовного законодательства позволяет выделить три вида наказаний, связанных с обязательной трудовой деятельностью и не связанных с изоляцией осужденного от общества: обязательные работы (ст. 49 УК РФ), исправительные работы (ст. 50 УК РФ) и принудительные работы (ст. 53.1 УК РФ). Каждый из этих видов обладает специфическими признаками и порождает уникальные проблемы правоприменения.

Обязательные работы заключаются в выполнении осужденным в свободное от основной работы или учебы время бесплатных общественно полезных работ [5, с. 39]. Срок обязательных работ составляет от 60 до 480 часов. Основной проблемой назначения обязательных работ является определение перечня объектов, на которых они отбываются. Статья 25 УИК РФ предусматривает, что обязательные работы отбываются на объектах, определяемых органами местного самоуправления по согласованию с уголовно-исполнительными инспекциями. Однако на практике органы местного самоуправления не всегда располагают достаточным перечнем подходящих объектов и видов работ, что создает трудности в исполнении наказания. Кроме того, отсутствие законодательно закрепленного механизма формирования и утверждения перечня видов и объектов отбывания обязательных работ приводит к неравномерности нагрузки на различные муниципальные образования и, как следствие, к нарушению принципа равенства осужденных перед законом [6, с. 72-73].

Исправительные работы представляют собой наказание, которое отбывается по месту работы осужденного с удержанием в доход государства от 5 до 20 процентов его заработной платы. Как уже отмечалось, с 20 января 2026 года вступили в силу изменения, внесенные Федеральным законом от 23.07.2025 № 218-ФЗ, согласно которым исправительные работы назначаются осужденному, имеющему основное место работы. Данное изменение принципиально меняет сущность данного вида наказания: если ранее исправительные работы могли назначаться как имеющим, так и не имеющим основного места работы осужденным (с отбыванием в местах, определяемых органами местного самоуправления), то теперь они ориентированы исключительно на трудоустроенных лиц.

На начало прошлого года около трети осуж-

денных к исправительным работам не имели постоянного места работы на момент вынесения приговора. Принятие новой редакции ст. 50 УК РФ кардинальным образом решает действующую проблему. Но при этом порождает увеличение числа назначения наказаний в виде обязательных работ (для лиц, совершивших преступления небольшой тяжести) либо принудительных работ (для более тяжких деяний). Однако, как показывает анализ судебной практики, не всегда имеются основания для назначения указанных альтернативных видов наказания, что может привести к необоснованному ужесточению наказания (назначению наказания в виде лишения свободы) в отношении лиц, не имеющих постоянной работы [7].

Другой проблемой является правовое положение иностранных граждан при назначении исправительных работ. Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 22.12.2015 № 58 (ред. от 23.12.2025) разъяснил, что положения ч. 5 ст. 50 УК РФ не содержат запрета на назначение исправительных работ имеющим основное место работы иностранным гражданам и лицам без гражданства. Однако одновременно с этим, судам следует учитывать, что в соответствии с Федеральным законом от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» при осуждении иностранного гражданина за совершение преступления патент или разрешение на работу ему не выдается, а выданный – аннулируется. Таким образом, иностранный гражданин, формально имеющий право на назначение исправительных работ, фактически лишается возможности их отбывания из-за особенностей миграционного законодательства [9; 10, с. 269].

Значительной проблемой является также порядок замены исправительных работ при злостном уклонении от их отбывания [11]. Согласно ч. 4 ст. 50 УК РФ, суд может заменить неотбытое наказание принудительными работами или лишением свободы из расчета один день принудительных работ или один день лишения свободы за три дня исправительных работ. Данный коэффициент (1:3) представляется необоснованно заниженным. Максимальный срок исправительных работ составляет два года, следовательно, при замене максимальный срок лишения свободы составит лишь восемь месяцев. При этом многие санкции статей Особенной части УК РФ устанавливают максимальный срок исправительных работ менее двух лет (например, за преступление, предусмотренное ст. 157 УК РФ, – 1 год, за ст. 116.1 УК РФ – 6 месяцев). Замена в таких случаях приводит к еще более коротким срокам лишения свободы (4 и 2 месяца соответственно), что ставит под сомнение соразмерность наказания и его способность обеспечить достижение

целей, предусмотренных уголовным законом [12, с. 247].

Принудительные работы, введенные в действие с 1 января 2017 года, являются относительно новым видом наказания, который применяется как альтернатива лишению свободы. Согласно Федеральному закону от 23.07.2025 № 218-ФЗ, принудительные работы отнесены к самостоятельному виду наказаний. Сущность принудительных работ заключается в привлечении осужденного к труду в местах, определяемых учреждениями и органами УИС (исправительных центрах), с удержанием из заработной платы от 5 до 20 процентов в доход государства [13, с. 50]. Основной проблемой применения принудительных работ является недостаточное количество исправительных центров и мест в них, несмотря на стремительный рост ИЦ (УФИЦ) в последние годы.

Обсуждение. Результаты исследования обсуждались на следующих научно-практических форумах, где автор выступал с докладами на:

Межрегиональной научно-практической конференции «Исполнение наказаний, не связанных с лишением свободы: исторические, теоретические, правовые и организационные аспекты», 07.12.2023 во Владимирском юридическом институте ФСИН России с докладом на тему «Организация исполнения наказаний без изоляции от общества в развитых зарубежных странах: опыт и перспективы использования в отечественной пенитенциарной практике»;

Международной научно-практической конференции «Проблемы правового регулирования применения различных видов наказаний: уголовно-правовой, криминологический и уголовно-исполнительный аспекты», посвященной 145-летию создания уголовно-исполнительной системы Российской Федерации и 30-летию со дня образования учебного заведения, 11.01.2024 в Самарском юридическом институте ФСИН России с докладом на пленарном заседании на тему: «Современные подходы организации исполнения наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества: проблемы и перспективы»;

Научно-практической конференции «Пенитенциарная наука: история и современность», посвященная 25-летию образования НИИ ФСИН России, состоявшейся 25.04.2024 с докладом на пленарном заседании на тему: «Современные векторы развития пенитенциарной науки»;

24 Всероссийской научно-практической конференции «Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики», состоявшейся в ФКОУ ВО Кузбасский институт ФСИН (г. Новокузнецк) 16-17.10.2024 с докладом на пленарном заседании на тему «Актуальные вопросы исполнения принудительных работ: организационно-правовой и психолого-педагогиче-

ский анализ».

Закключение. Проведенное исследование проблемных аспектов назначения наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества (обязательных, исправительных и принудительных работ), позволяет сформулировать следующие выводы и предложения.

Наказания, не связанные с изоляцией осужденного от общества (обязательные, исправительные и принудительные работы), являются важным инструментом уголовной политики, позволяющим достигать целей наказания без применения крайней меры – лишения свободы. Однако эффективность их применения напрямую зависит от качества правового регулирования и организационного обеспечения. Принятые в 2025-2026 годах изменения законодательства свидетельствуют о стремлении законодателя совершенствовать данный институт. Вместе с тем, как показало исследование, сохраняется ряд системных проблем, требующих дальнейшего научного осмысления и законодательного решения.

Проведенный анализ подтверждает, что эффективная реализация наказаний, связанных с обязательной трудовой деятельностью, невозможна без налаженного взаимодействия уголовно-исполнительных инспекций с органами местного самоуправления, центрами занятости населения, налоговыми органами, Социальным фондом России и др. В этой связи считаем целесообразным разработать и утвердить на уровне Правительства РФ единый регламент межведомственного информационного обмена при исполнении наказаний без изоляции от общества, который определит порядок, сроки и объем передаваемой информации, а также улучшит качество обмена цифровой информации между учреждениями [14, с. 20].

Список литературы:

- [1] ВС: за 2025 год только четверть осужденных была приговорена к лишению свободы. URL: https://rapsinews.ru/judicial_news/20260219/311612879.html?ysclid=mqq6nkpoo0507845321 (дата обращения: 22.06.2026).
- [2] Уголовное право России. Особенная часть: Учебник // Ковалев О.Г., Баев О.Я. Москва, 2007. 374 с.
- [3] Комментарий к уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации / Трунов И.Л., Филимонов О.В., Айвар Л.К., Михлин А.С., Гришко А.Я., Гейхман В.Л., Ковалев О.Г., Толкаченко А.А., Трунцевский Ю.В., Лобов Я.В., Самойлов А.С., Шабанов Г.Х., Шарапов С.Н., Серела Е.В., Казакова В.А. Москва, 2006. 148 с.
- [4] Ковалев О.Г. Правовое регулирование психолого-педагогических механизмов социальной адаптации осужденных, состоящих на учете

уголовно-исполнительных инспекций // Образование и право. 2024. № 10. С. 418–423.

[5] Ковалев О.Г. Психолого-педагогическое обеспечение исполнения уголовно-исполнительными инспекциями обязательных работ // Глобальный научный потенциал. 2024. № 10 (163). С. 39–41.

[6] Ковалев О.Г. Ответственность осужденных к обязательным работам: современные правовые и психолого-педагогические механизмы // Международный научный вестник. 2025. № 8. С. 72–78.

[7] Ковалев О.Г. Современные правовые и организационные проблемы применения и исполнения условного осуждения // Право и управление. 2024. № 9. С. 333–337.

[8] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58 (ред. от 23.12.2025) «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_190932/?ysclid=mqqa7js2at143612270 (дата обращения: 22.06.2026).

[9] Ковалев О.Г. Право осужденных – иностранных граждан на поддержание связей с дипломатическими представительствами и консульскими учреждениями при отбывании уголовных наказаний // Международный научный вестник. 2025. № 7. С. 110–115.

[10] Комментарий к уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации: (постатейный) / А. В. Бриллиантов, В. В. Геранин, С. М. Зубарев [и др.] ; Под редакцией В.И. Селиверстова. Москва: Издательство Проспект, 2008. 448 с.

[11] Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности». С приложением решений Конституционного суда Российской Федерации и Европейского суда по правам человека / Федоров А.В., Вагин О.А., Гаврилов Б.Я., Горяинов К.К., Кикоть В.Я., Ковалев О.Г., Овчинский В.С., Черников В.В. Москва, 2006. 426 с.

[12] Ковалев О.Г. Обязанности администрации организаций, в которых работают осужденные как фактор эффективного исполнения исправительных работ // Право и управление. 2025. № 9. С. 244–248.

[13] Ковалев О.Г. Правовые и организационные вопросы влияния условий труда осужденных к принудительным работам на их правовое положение // Международный научный вестник. 2026. № 2. С. 46–50.

[14] Ковалев О.Г., Мельникова О.В. Информационные вызовы современного государства и общества и пути их преодоления уголовно-исполнительной системой России // Вестник Владимирского юридического института.

2025. № 3 (76). С. 19–24.

References:

[1] Supreme Court: In 2025, Only a Quarter of Convicted Persons Were Sentenced to Deprivation of Liberty. URL: https://rapsinews.ru/judicial_news/20260219/311612879.html?ysclid=mqq6nkpoo0507845321 (accessed: 22.06.2026).

[2] Kovalev O.G., Baev O.Ya. Criminal Law of Russia. Special Part: Textbook. Moscow, 2007. 374 p.

[3] Trunov I.L., Filimonov O.V., Ayvar L.K., Mikhlin A.S., Grishko A.Ya., Geykhman V.L., Kovalev O.G., Tolkachenko A.A., Truntsevsky Yu.V., Lobov Ya.V., Samoilov A.S., Shabanov G.Kh., Sharapov S.N., Serela E.V., Kazakova V.A. Commentary on the Penal Enforcement Code of the Russian Federation. Moscow, 2006. 148 p.

[4] Kovalev O.G. Legal Regulation of Psychological and Pedagogical Mechanisms of Social Adaptation of Convicts Registered with Penal Enforcement Inspectorates. Education and Law, 2024, no. 10, pp. 418–423.

[5] Kovalev O.G. Psychological and Pedagogical Support for the Execution of Compulsory Labour by Penal Enforcement Inspectorates. Global Scientific Potential, 2024, no. 10 (163), pp. 39–41.

[6] Kovalev O.G. Liability of Convicts Sentenced to Compulsory Labour: Contemporary Legal, Psychological and Pedagogical Mechanisms. International Scientific Bulletin, 2025, no. 8, pp. 72–78.

[7] Kovalev O.G. Contemporary Legal and Organizational Problems of the Application and Execution of Conditional Sentence. Law and Governance, 2024, no. 9, pp. 333–337.

[8] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 22.12.2015 No. 58 (as amended on 23.12.2025) “On the Practice of Imposing Criminal Punishment by the Courts of the Russian Federation”. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_190932/?ysclid=mqqa7js2at143612270 (accessed: 22.06.2026).

[9] Kovalev O.G. The Right of Convicted Foreign Nationals to Maintain Contacts with Diplomatic Missions and Consular Posts While Serving Criminal Sentences. International Scientific Bulletin, 2025, no. 7, pp. 110–115.

[10] Brilliantov A.V., Geranin V.V., Zubarev S.M. [et al.] Commentary on the Penal Enforcement Code of the Russian Federation (article-by-article). Ed. by V.I. Seliverstov. Moscow, Prospekt Publ., 2008. 448 p.

[11] Fedorov A.V., Vagin O.A., Gavrilov B.Ya., Goryainov K.K., Kikot V.Ya., Kovalev O.G., Ovchinsky V.S., Chernikov V.V. Commentary on the Federal Law “On Operational-Search Activity”. With the

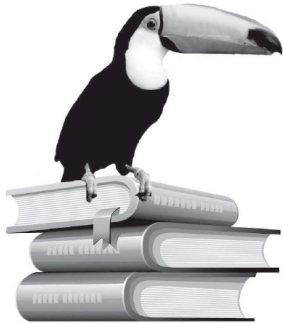
Appendix of Decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation and the European Court of Human Rights. Moscow, 2006. 426 p.

[12] Kovalev O.G. The Obligations of the Administration of Organizations in Which Convicts Work as a Factor in the Effective Execution of Corrective Labour. *Law and Governance*, 2025, no. 9, pp. 244–248.

[13] Kovalev O.G. Legal and Organizational

Issues of the Influence of Working Conditions of Convicts Sentenced to Forced Labour on Their Legal Status. *International Scientific Bulletin*, 2026, no. 2, pp. 46–50.

[14] Kovalev O.G., Melnikova O.V. Information Challenges of the Modern State and Society and Ways of Overcoming Them by the Penal Enforcement System of Russia. *Bulletin of the Vladimir Law Institute*, 2025, no. 3 (76), pp. 19–24.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

ПОЛЯКОВА Янина Николаевна,
кандидат психологических наук ведущий научный
сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России,
e-mail: ynpolyakova@yandex.ru

АКТУАЛЬНОСТЬ ВОПРОСА СОЦИАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОСУЖДЕННЫХ

Аннотация. Проблема ресоциализации несовершеннолетних осужденных является одной из наиболее актуальных в современном обществе. Её значимость обусловлена множеством факторов, которые затрагивают как индивидуальное развитие подростков, так и социальные, экономические и правовые аспекты функционирования общества.

Ключевые слова: ресоциализация, несовершеннолетние осужденные, социальная безопасность, права ребенка, цифровизация, глобализация.

POLYAKOVA Ya.N.,
Candidate of Psychological Sciences, leading
researcher, Federal State Institution Research
Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

RELEVANCE OF THE ISSUE OF SOCIAL SECURITY AND RESOCIALIZATION OF JUVENILE CONVICTS

Annotation. The problem of resocialization of juvenile convicts is one of the most urgent in modern society. Its importance is due to many factors that affect both the individual development of adolescents and the social, economic and legal aspects of the functioning of society.

Key words: resocialization, juvenile convicts, social security, child rights, digitalization, globalization.

1. Социальная безопасность

Одной из ключевых причин актуальности данной проблемы является необходимость обеспечения социальной безопасности. Подростки, совершившие правонарушения, часто находятся на перепутье между возвращением к нормальной жизни и повторным попаданием в криминальную среду. Без эффективной программы ресоциализации существует высокий риск рецидива преступлений. Согласно статистическим данным, уровень рецидивизма среди несовершеннолетних может достигать 40-60% без адекватной реабилитационной поддержки. Это угрожает общественной безопасности и ставит под сомнение эффективность всей системы профилактики правонарушений [1; 2; 3].

Ресоциализация – это комплексный процесс, направленный на изменение установок, поведения и социальных навыков человека с целью его успешной интеграции в общество. Для несовершеннолетних осужденных этот процесс особенно важен, так как они находятся в периоде

активного становления своей личности. Несформированные ценности и уязвимость перед внешним влиянием могут привести к тому, что такие подростки легко попадают в криминальную среду или продолжают совершать противоправные действия после освобождения [4; 5].

2. Защита прав ребенка

Международные конвенции, такие как Конвенция ООН о правах ребенка (1989), обязывают государства обеспечивать права несовершеннолетних, даже если они совершили противоправные действия. Основной принцип этой конвенции – интересы ребенка должны быть приоритетными во всех решениях, связанных с ним. Ресоциализация направлена именно на защиту этих прав, позволяя подросткам получить вторую возможность начать жизнь заново, минуя путь к долгосрочной маргинализации или уголовной карьере [6; 7].

3. Экономическая целесообразность

С экономической точки зрения, инвестиции в ресоциализацию значительно выгоднее, чем содержание подростков в исправительных учре-

ждениях или борьба с последствиями их дальнейших преступлений. Согласно исследованиям, расходы на одного заключенного в год могут составлять значительную сумму, тогда как программы ресоциализации требуют меньших затрат и дают долгосрочные положительные результаты. Обучение, профессиональная ориентация и трудовая деятельность снижают риск повторного правонарушения и способствуют экономическому развитию общества за счет подготовки новых специалистов [8; 9; 10].

4. Профилактика социального неравенства

Ресоциализация играет важную роль в преодолении социального неравенства. Многие несовершеннолетние осужденные происходят из социально неблагополучных семей или районов, где отсутствуют возможности для развития. Программы ресоциализации помогают компенсировать этот недостаток, предоставляя доступ к образованию, работе и социальным услугам. Таким образом, создаются условия для равных возможностей вне зависимости от предыдущих ошибок [11; 12; 13].

5. Изменение общественного мнения

Общество часто относится к несовершеннолетним правонарушителям с предвзятостью, что затрудняет их интеграцию после освобождения. Актуальность ресоциализации заключается также в необходимости изменения этого отношения. Программы, направленные на восстановление личности подростка, демонстрируют, что каждый человек имеет право на исправление и новое начало. Повышение осведомленности общества о важности ресоциализации способствует формированию более толерантного и поддерживающего сообщества [14; 15].

6. Современные вызовы: цифровизация и глобализация

В условиях цифровизации и глобализации появляются новые формы правонарушений, особенно среди молодежи. Киберпреступления, хакерство, мошенничество в интернете – эти явления требуют модернизации подходов к ресоциализации. Подготовка подростков к жизни в цифровом мире становится неотъемлемой частью процесса реабилитации. Важно не только исправить поведение, но и научить использовать технологии правильно и безопасно [16; 17].

7. Национальные и международные тренды

В последние годы многие страны активно внедряют инновационные подходы к ресоциализации несовершеннолетних. Например, скандинавские модели, основанные на гуманизме и воспитании ответственности, показывают высокую эффективность. Международное сотрудничество позволяет обмениваться опытом и адаптировать лучшие практики к местным условиям. Россия также стремится соответствовать этим стандар-

там, однако существующая система нуждается в серьезных реформах [18; 19; 20].

Заключение

Актуальность вопроса ресоциализации несовершеннолетних осужденных обусловлена комплексом социальных, экономических, правовых и моральных факторов [21]. Эффективная программа ресоциализации не только защищает права подростков, но и способствует укреплению общественной безопасности, снижению уровня преступности и созданию условий для успешной социальной интеграции. Инвестиции в эту сферу являются инвестицией в будущее общества, которое должно быть безопасным, справедливым и развитым.

Список литературы:

- [1] Полякова Я.Н. Формирование культуры информационной безопасности в Федеральной службе исполнения наказаний/Международный научный вестник. 2025. № 10. С. 449-454.
- [2] Вилкова А.В., Швырев Б.А., Полякова Я.Н. Методология формирования знаний об информационной безопасности в уголовно-исполнительной системе/В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание. Москва. 2024. С.77-81.
- [3] Полякова Я.Н. Профилактические меры информационной безопасности в уголовно-исполнительной системе / В сборнике: Обеспечение безопасности в учреждениях УИС. Сборник статей круглого стола. Москва. 2024. С. 138-142.
- [4] Швырев Б.А., Полякова Я.Н. Педагогический процесс формирования культуры информационной безопасности в ФСИН России/ Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2024. № 2(104). С. 174-181.
- [5] Лукашенко Д.В. Нейротехнологии в моделировании задач обработки данных ФСИН России / Естественные и технические науки. 2025. 3 1(200). С. 27-29.
- [6] Чорный В.Н., Сенатова Е.В. Законодательство, регулирующее обеспечение безопасности уголовно-исполнительной системы Российской Федерации // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2022. № 12. С. 30–39.
- [7] Федеральный государственный образовательный стандарт дошкольного образования [Электронный ресурс]. – http://www.edu.ru/db-minobr/mo/Data/d_13/m1155.html.
- [8] Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования [Электронный ресурс].
- [9] Ананьев, Б. Г. Человек как предмет познания [Текст] / Б. Г. Ананьев. – СПб.: Питер, 2001. – 288 с.
- [10] Андреева, Г. М. Социальная психология

[Текст] / Г. М. Андреева. М.: – Аспект Пресс, 2001. – 376 с.

[11] Бодалев, А. А. Личность и общение [Текст] / А. А. Бодалев. – М., 1995. – 328 с.

[12] Tsahaeva A.A. FORMATION OF A TOLERANT WORLDVIEW BY REDUCTION OF DESTRUCTIVE AGGRESSION / Tsahaeva A.A., Onzimba Legnongo Zh.B., Bratanovskiy S.N., Vilkova A.V., Kadyrov M.A. // Ponte. 2018. T. 74. № 1. С. 81-87.

[13] Вилкова А. В. Гендерная концепция и методология формирования духовно-нравственных ценностей несовершеннолетних осужденных женского пола: дис. ... док-ра пед. наук: 13.00.01 / Вилкова Алевтина Владимировна. – Великий Новгород, 2016. – 444 с.

[14] Гузеев М. С., Кулакова С. В., Вилкова А. В. База данных тестовых заданий к авторскому курсу лекций «Роль и место современных СМИ и социальных медиа в развитии уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. Свидетельство о регистрации базы данных RU 2022622073, 17.08.2022. Заявка № 2022621591 от 01.07.2022.

[15] Литвишков В. М. Дефицитное образование как социально-педагогическая причина, отрицательно влияющая на развитие духовно-нравственных ценностей подростков, совершающих правонарушения / А. В. Вилкова, В. М. Литвишков // Образование и наука в России и за рубежом. 2018. № 7 (42). С. 32-36.

[16] Антопольская, Т. А. Психолого-педагогическое моделирование социально-коммуникативного развития старших дошкольников в организации дополнительного образования детей [Текст] / Т. А. Антопольская, С. С. Журавлева // Электронный журнал Курского государственного университета. – 2014. – № 4(32). – С.178-194.

[17] Дюркгейм, Э. Социология. Её предмет, метод, предназначение [Текст] / Э. Дюркгейм, пер. с фр., составление, послесловие и примечания А. Б. Гофмана. – М.: Канон, 1995. – 352 с.

[18] Емельянов, Ю.Н. Теоретические и методические основы социально-психологического тренинга: Учеб. пособие [Текст] / Ю.Н. Емельянов, Е.С. Кузьмин. – Л.: ЛГУ, 1983. – 103 с.

[19] Парсонс, Т. О структуре социального действия [Текст] / Т. Парсонс. – М.: Академический Проект, 2000. – 880 с.

[20] Кан-Калик, В. А. Грамматика общения [Текст] / В. А. Кан-Калик. – М.: Роспедагентство, 1995. – 108 с.

[21] Вилкова А. В. Гендерная концепция и методология формирования духовно-нравственных ценностей несовершеннолетних осужденных женского пола: дис. ... док-ра пед. наук: 13.00.01 / Вилкова Алевтина Владимировна. – Великий Новгород, 2016. – 444 с.

References:

[1] Y. Polyakova. Formation of a culture of information security in the Federal Penitentiary Service/International Scientific Bulletin. 2025. № 10. S. 449-454.

[2] Vilkova A.V., Shvyrev B.A., Polyakova Y.N. Methodology for the formation of knowledge about information security in the penal system/In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication. Moscow. 2024. S.77-81.

[3] Y. Polyakova. Preventive information security measures in the penal system/In the collection: Ensuring security in penal institutions. Collection of roundtable articles. Moscow. 2024. S. 138-142.

[4] Shvyrev B.A., Polyakova Y.N. Pedagogical process of forming a culture of information security in the Federal Penitentiary Service of Russia/Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. № 2(104). S. 174-181.

[5] Lukashenko D.V. Neurotechnology in modeling data processing tasks of the Federal Penitentiary Service of Russia/Natural and technical sciences. 2025. 3 1(200). S. 27-29.

[6] Chorny V.N., Senatova E.V. Legislation regulating the security of the penitentiary system of the Russian Federation // Vedomosti of the penitentiary system. 2022. № 12. S. 30-39.

[7] Federal State Educational Standard for Early Childhood Education [Electronic Resource]. – http://www.edu.ru/db-minobr/mo/Data/d_13/m1155.html.

[8] Federal State Educational Standard for Primary General Education [Electronic Resource].

[9] Ananyev, B. G. Man as a subject of knowledge [Text] /B. G. Ananyev. - St. Petersburg: Peter, 2001. - 288 p.

[10] Andreeva, G. M. Social Psychology [Text] / G. M. Andreeva. М.: – Aspect Press, 2001. - 376 p.

[11] Bodalev, A. A. Personality and communication [Text] /A. A. Bodalev. - М., 1995. - 328 s.

[12] Tsahaeva A.A. FORMATION OF A TOLERANT WORLDVIEW BY REDUCTION OF DESTRUCTIVE AGGRESSION / Tsahaeva A.A., Onzimba Legnongo Zh.B., Bratanovskiy S.N., Vilkova A.V., Kadyrov M.A. // Ponte. 2018. T. 74. № 1. S. 81-87.

[13] A. V. Vilkova. Gender concept and methodology for the formation of spiritual and moral values of female juvenile convicts: dis.... dock ped. Sciences: 13.00.01/Vilkova Alevtina Vladimirovna. - Veliky Novgorod, 2016. - 444 s.

[14] Guzeev M.S., Kulakova S.V., Vilkova A.V. Database of test assignments for the author's course of lectures "The role and place of modern

media and social media in the development of the penal system of the Russian Federation. Certificate of registration of RU 2022622073 database, 17.08.2022. Application No. 2022621591 dated 01.07.2022.

[15] Litvishkov V. M. Deficit education as a socio-pedagogical reason that negatively affects the development of the spiritual and moral values of adolescents who commit offenses/A. V. Vilkova, V. M. Litvishkov // Education and science in Russia and abroad. 2018. № 7 (42). S. 32-36.

[16] Antopolskaya, T. A. Psychological and pedagogical modeling of the socio-communicative development of older preschoolers in the organization of additional education for children [Text]/T. A. Antopolskaya, S. S. Zhuravleva // Electronic Journal of Kursk State University. – 2014. – № 4(32). – P.178-194.

[17] Durkheim, E. Sociology. Its subject,

method, purpose [Text]/E. Durkheim, per. from fr., compilation, afterword and notes by A. B. Hoffmann. - M.: Canon, 1995. - 352 s.

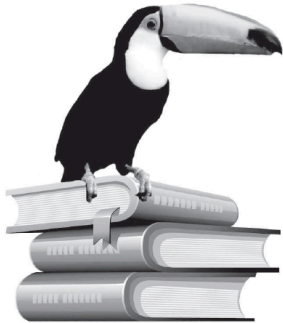
[18] Emelyanov, Yu.N. Theoretical and methodological foundations of socio-psychological training: Tutorial [Text]/Yu.N. Emelyanov, E.S. Kuzmin. - L.: LENINGRAD STATE UNIVERSITY, 1983. - 103 s.

[19] Parsons, T. On the structure of social action [Text]/T. Parsons. - M.: Academic Project, 2000. - 880 s.

[20] Kan-Kalik, V. A. Grammar of communication [Text]/V. A. Kan-Kalik. - M.: Rospedagentstvo, 1995. - 108 s.

[21] A. V. Vilkova. Gender concept and methodology for the formation of spiritual and moral values of female juvenile convicts: dis.... dock ped. Sciences: 13.00.01/Vilkova Alevtina Vladimirovna. - Veliky Novgorod, 2016. - 444 s.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

КАШКИНА Екатерина Валерьевна,
кандидат юридических наук, ведущий научный
сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России,
e-mail: 0000400@bk.ru

МОТИВАЦИОННЫЕ МЕТОДЫ И ИХ ВЛИЯНИЯ НА ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СЛУЖЕБНЫХ ОБЯЗАННОСТЕЙ СОТРУДНИКОВ УИС

Аннотация. В статье рассматривается мотивационный комплекс, являясь системной совокупностью стимулов, которые побуждают сотрудника к качественному выполнению своих обязанностей.

Ключевые слова: мотивационные методы, служебные обязанности, сотрудник, уголовно-исполнительная система.

KASHKINA Ekaterina Valerievna,
Candidate of Law, Leading Researcher, PKU
Research Institute of the Federal Penitentiary Service
of Russia

MOTIVATIONAL METHODS AND THEIR IMPACT ON THE USE OF OFFICIAL DUTIES OF MIS EMPLOYEES

Annotation. The article discusses the motivation complex, being a systemic set of incentives that encourage an employee to perform their duties in a high-quality manner.

Key words: Motivational methods, official duties, employee, penal system.

Тема мотивационных методов в рамках мотивационного комплекса и их влияния на использование служебных обязанностей сотрудников уголовно-исполнительной системы (УИС) является одной из ключевых в ведомственном менеджменте и психологии служебной деятельности.

Мотивационный комплекс – это системная совокупность стимулов, которые побуждают сотрудника к качественному выполнению своих обязанностей. В УИС он традиционно делится на три большие группы методов:

Материальные (финансовые) методы

Денежное довольствие и его структурные элементы: оклад по званию и должности, надбавки за выслугу лет, классность (квалификационную категорию), особые условия службы и работу с гостайной.

Премирование: ежемесячные, квартальные и годовые премии за добросовестное выполнение обязанностей, успешное проведение спецопераций или предотвращение ЧП.

Единовременные выплаты: поощрительные выплаты к праздникам (День сотрудника УИС, День народного единства и др.) или при уходе в отпуск.

Нематериальные (моральные и статусные) методы

Ведомственные и государственные награды: медали, нагрудные знаки («За отличие в службе», «Почетный сотрудник УИС»), грамоты и благодарности Минюста и ФСИН.

Публичное признание: занесение на Доску Почета, освещение достижений в ведомственных СМИ, вручение оружия (холодного или огнестрельного) в качестве награды.

Досрочное присвоение специальных званий: повышение в звании на ступень выше положенного по срокам за особые заслуги.

Организационные и социальные методы
Карьерный рост: прозрачная система выдвижения на руководящие должности.

Социальный пакет и льготы: льготное пенсионное обеспечение (выслуга лет), ведомственное медицинское обслуживание и санаторно-курортное лечение.

Жилищные программы: выделение служебного жилья, предоставление жилищных субсидий (ЕДВ) на приобретение недвижимости.

Обучение и развитие: направление на учебу в ведомственные вузы за счет государства, курсы

повышения квалификации.

Психологические методы

Формирование здорового морально-психологического климата в коллективе.

Оказание психологической помощи, тренинги по стрессоустойчивости и профилактике эмоционального выгорания.

Грамотное применение перечисленных методов оказывает прямое и косвенное позитивное влияние на результаты служебной деятельности:

1.Повышение уровня дисциплины и законности

Сотрудник, который чувствует заботу государства и ведомства (через социальные гарантии, жилье, достойную пенсию), дорожит своим местом службы. Это снижает риск совершения дисциплинарных проступков и коррупционных правонарушений. Страх потерять социальные привилегии (например, льготную пенсию или субсидию на жилье) выступает мощным сдерживающим фактором перед соблазнами криминальной среды.

2.Снижение текучести кадров и удержание профессионалов.

Работа в исправительных учреждениях и СИЗО требует специфических навыков и психологической закалки. Мотивационный комплекс (особенно надбавки за выслугу лет и жилищные программы) удерживает опытных сотрудников от увольнения в гражданский сектор или коммерческие охранные структуры. Сохранение кадрового ядра напрямую влияет на безопасность объектов УИС.

3.Профилактика профессионального выгорания и деформации личности

Сотрудники УИС ежедневно сталкиваются с агрессией, манипуляциями со стороны спецконтингента и изоляцией от общества. Методы нематериальной мотивации (награды, признание) и психологической поддержки компенсируют эмоциональные затраты. Ощущение собственной значимости и причастности к важной государственной миссии помогает сохранить психическое здоровье и гуманизм.

4.Стимулирование инициативы и качества выполнения спецзадач

Премирование за конкретные результаты (например, изъятие запрещенных предметов, пресечение бунта, раскрытие преступления внутри ИУ) побуждает сотрудников не просто «отсиживать смены», а проявлять бдительность, проводить качественную оперативно-розыскную и воспитательную работу с осужденными.

5.Формирование корпоративной культуры и чувство локтя.

Награждения, спортивные мероприятия между отделами, ведомственные конкурсы профессионального мастерства («Лучший по про-

фессии») сплачивают коллектив. В условиях замкнутого пространства и постоянной опасности взаимовыручка и доверие к коллегам и руководству являются критически важными для выживания и выполнения задач.

Несмотря на наличие развитого мотивационного комплекса, на практике его влияние на исполнение обязанностей иногда нивелируется из-за системных проблем:

«уравниловка» при премировании: когда премии распределяются поровну или не зависят от реальных KPI (ключевых показателей эффективности), у инициативных сотрудников пропадает желание работать лучше остальных;

субъективизм начальства: зависимость поощрений от личных симпатий руководителя, а не от объективных заслуг, ведет к демотивации и апатии;

бюрократизация поощрений: сложность и затянутость процедур награждения ведомственными знаками отличия обесценивают сам факт награды в глазах сотрудника.

Мотивационный комплекс в УИС является фундаментом, на котором держится исполнительская дисциплина и профессионализм сотрудников. Позитивное влияние на исполнение обязанностей достигается только при условии синергии материальных и нематериальных стимулов.

Финансовое обеспечение закрывает базовые потребности и гарантирует лояльность, социальные льготы дают уверенность в завтрашнем дне, а моральное стимулирование (чувство долга, честь мундира, признание) трансформирует службу из «способа заработка» в «личную миссию». Для максимального, позитивного эффекта система мотивации должна быть прозрачной, справедливой и ориентированной на реальный вклад конкретного сотрудника в обеспечение правопорядка и безопасности.

Список литературы:

[1] Полякова Я.Н. Формирование культуры информационной безопасности в Федеральной службе исполнения наказаний/Международный научный вестник. 2025. № 10. С. 449-454.

[2] Вилкова А.В., Швырев Б.А., Полякова Я.Н. Методология формирования знаний об информационной безопасности в уголовно-исполнительной системе/В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание. Москва. 2024. С.77-81.

[3] Полякова Я.Н. Профилактические меры информационной безопасности в уголовно-исполнительной системе / В сборнике: Обеспечение безопасности в учреждениях УИС. Сборник статей круглого стола. Москва. 2024. С. 138-142.

[4] Швырев Б.А., Полякова Я.Н. Педагогический процесс формирования

культуры информационной безопасности в ФСИН России/ Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2024. № 2(104). С. 174-181.

[5] Лукашенко Д.В. Нейротехнологии в моделировании задач обработки данных ФСИН России / Естественные и технические науки. 2025. 3 1(200). С. 27-29.

[6] Чорный В.Н., Сенатова Е.В. Законодательство, регулирующее обеспечение безопасности уголовно-исполнительной системы Российской Федерации // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2022. № 12. С. 30-39.

[7] Федеральный государственный образовательный стандарт дошкольного образования [Электронный ресурс]. – http://www.edu.ru/db-minobr/mo/Data/d_13/m1155.html.

[8] Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования [Электронный ресурс].

[9] Ананьев, Б. Г. Человек как предмет познания [Текст] / Б. Г. Ананьев. – СПб.: Питер, 2001. – 288 с.

[10] Андреева, Г. М. Социальная психология [Текст] / Г. М. Андреева. М.: – Аспект Пресс, 2001. – 376 с.

[11] Бодалев, А. А. Личность и общение [Текст] / А. А. Бодалев. – М., 1995. – 328 с.

[12] Tsahaeva A.A. FORMATION OF A TOLERANT WORLDVIEW BY REDUCTION OF DESTRUCTIVE AGGRESSION / Tsahaeva A.A., Onzimba Legnungo Zh.B., Bratanovskiy S.N., Vilкова A.V., Kadyrov M.A. // Ponte. 2018. T. 74. № 1. С. 81-87.

[13] Вилкова А. В. Гендерная концепция и методология формирования духовно-нравственных ценностей несовершеннолетних осужденных женского пола: дис. ... док-ра пед. наук: 13.00.01 / Вилкова Алевтина Владимировна. – Великий Новгород, 2016. – 444 с.

[14] Гузеев М. С., Кулакова С. В., Вилкова А. В. База данных тестовых заданий к авторскому курсу лекций «Роль и место современных СМИ и социальных медиа в развитии уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. Свидетельство о регистрации базы данных RU 2022622073, 17.08.2022. Заявка № 2022621591 от 01.07.2022.

[15] Литвишков В. М. Дефицитное образование как социально-педагогическая причина, отрицательно влияющая на развитие духовно-нравственных ценностей подростков, совершающих правонарушения / А. В. Вилкова, В. М. Литвишков // Образование и наука в России и за рубежом. 2018. № 7 (42). С. 32-36.

[16] Антопольская, Т. А. Психолого-педагогическое моделирование социально-коммуникативного развития старших дошкольников

в организации дополнительного образования детей [Текст] / Т. А. Антопольская, С. С. Журавлева // Электронный журнал Курского государственного университета. – 2014. – № 4(32). – С.178-194.

[17] Дюркгейм, Э. Социология. Её предмет, метод, предназначение [Текст] / Э. Дюркгейм, пер. с фр., составление, послесловие и примечания А. Б. Гофмана. – М.: Канон, 1995. – 352 с.

[18] Емельянов, Ю.Н. Теоретические и методические основы социально-психологического тренинга: Учеб. пособие [Текст] / Ю.Н. Емельянов, Е.С. Кузьмин. – Л.: ЛГУ, 1983. – 103 с.

[19] Парсонс, Т. О структуре социального действия [Текст] / Т. Парсонс. – М.: Академический Проект, 2000. – 880 с.

[20] Кан-Калик, В. А. Грамматика общения [Текст] / В. А. Кан-Калик. – М.: Роспедагентство, 1995. – 108 с.

[21] Вилкова А. В. Гендерная концепция и методология формирования духовно-нравственных ценностей несовершеннолетних осужденных женского пола: дис. ... док-ра пед. наук: 13.00.01 / Вилкова Алевтина Владимировна. – Великий Новгород, 2016. – 444 с.

References:

[1] Y. Polyakova. Formation of a culture of information security in the Federal Penitentiary Service/International Scientific Bulletin. 2025. № 10. S. 449-454.

[2] Vilкова A.V., Shvyrev B.A., Polyakova Y.N. Methodology for the formation of knowledge about information security in the penal system/In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication. Moscow. 2024. S.77-81.

[3] Y. Polyakova. Preventive information security measures in the penal system/In the collection: Ensuring security in penal institutions. Collection of roundtable articles. Moscow. 2024. S. 138-142.

[4] Shvyrev B.A., Polyakova Y.N. Pedagogical process of forming a culture of information security in the Federal Penitentiary Service of Russia/Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. № 2(104). S. 174-181.

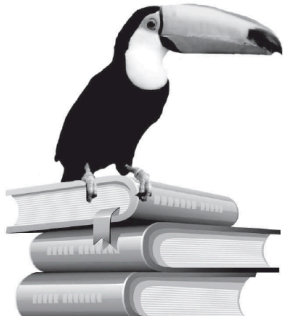
[5] Lukashenko D.V. Neurotechnology in modeling data processing tasks of the Federal Penitentiary Service of Russia/Natural and technical sciences. 2025. 3 1(200). S. 27-29.

[6] Chorny V.N., Senatova E.V. Legislation regulating the security of the penitentiary system of the Russian Federation // Vedomosti of the penitentiary system. 2022. № 12. S. 30-39.

[7] Federal State Educational Standard for Early Childhood Education [Electronic Resource]. – http://www.edu.ru/db-minobr/mo/Data/d_13/m1155.html.

- [8] Federal State Educational Standard for Primary General Education [Electronic Resource].
- [9] Ananyev, B. G. Man as a subject of knowledge [Text]/B. G. Ananyev. - St. Petersburg: Peter, 2001. - 288 p.
- [10] Andreeva, G. M. Social Psychology [Text]/G. M. Andreeva. M.: - Aspect Press, 2001. - 376 p.
- [11] Bodalev, A. A. Personality and communication [Text]/A. A. Bodalev. - M., 1995. - 328 s.
- [12] Tsahaeva A.A. FORMATION OF A TOLERANT WORLDVIEW BY REDUCTION OF DESTRUCTIVE AGGRESSION / Tsahaeva A.A., Onzimba Legnungo Zh.B., Bratanovskiy S.N., Vilkova A.V., Kadyrov M.A. // Ponte. 2018. T. 74. № 1. S. 81-87.
- [13] A. V. Vilkova. Gender concept and methodology for the formation of spiritual and moral values of female juvenile convicts: dis.... dock ped. Sciences: 13.00.01/Vilkova Alevtina Vladimirovna. - Veliky Novgorod, 2016. - 444 s.
- [14] Guzeev M.S., Kulakova S.V., Vilkova A.V. Database of test assignments for the author's course of lectures "The role and place of modern media and social media in the development of the penal system of the Russian Federation. Certificate of registration of RU 2022622073 database, 17.08.2022. Application No. 2022621591 dated 01.07.2022.
- [15] Litvishkov V. M. Deficit education as a socio-pedagogical reason that negatively affects the development of the spiritual and moral values of adolescents who commit offenses/A. V. Vilkova, V. M. Litvishkov // Education and science in Russia and abroad. 2018. № 7 (42). S. 32-36.
- [16] Antopolskaya, T. A. Psychological and pedagogical modeling of the socio-communicative development of older preschoolers in the organization of additional education for children [Text]/T. A. Antopolskaya, S. S. Zhuravleva // Electronic Journal of Kursk State University. – 2014. – № 4(32). - P.178-194.
- [17] Durkheim, E. Sociology. Its subject, method, purpose [Text]/E. Durkheim, per. from fr., compilation, afterword and notes by A. B. Hoffmann. - M.: Canon, 1995. - 352 s.
- [18] Emelyanov, Yu.N. Theoretical and methodological foundations of socio-psychological training: Tutorial [Text]/Yu.N. Emelyanov, E.S. Kuzmin. - L.: LENINGRAD STATE UNIVERSITY, 1983. - 103 s.
- [19] Parsons, T. On the structure of social action [Text]/T. Parsons. - M.: Academic Project, 2000. - 880 s.
- [20] Kan-Kalik, V. A. Grammar of communication [Text]/V. A. Kan-Kalik. - M.: Rospedagentstvo, 1995. - 108 s.
- [21] A. V. Vilkova. Gender concept and methodology for the formation of spiritual and moral values of female juvenile convicts: dis.... dock ped. Sciences: 13.00.01/Vilkova Alevtina Vladimirovna. - Veliky Novgorod, 2016. - 444 s.

**ЮРИДИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ЮРКОМПАНИ»**

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

КУПЦОВ Иван Андреевич,
Старший преподаватель кафедры уголовного
права и процесса юридического факультета
НИУ ВШЭ г. Санкт-Петербурга,
e-mail: kuptsov.ivan@gmail.com

ДИАЛЕКТИКА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПУБЛИЧНЫХ И ЗАЩИТЫ ЧАСТНЫХ ИНТЕРЕСОВ НАЛОГОПЛАТЕЛЬЩИКОВ ПРИ ИНИЦИИРОВАНИИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Аннотация. Статья посвящена выявлению целевой причины исключительного повода для возбуждения уголовных дел по налоговым преступлениям и разрешается вопрос о публичности процедуры возбуждения подобных категорий уголовных дел.

Ключевые слова: возбуждение уголовного дела; исключительный повод для возбуждения уголовных дел; правовая определенность; основание уголовной ответственности; налоговые преступления.

KUPTSOV Ivan Andreevich,
Senior Lecturer at the Department of Criminal Law
and Process, HSE Faculty of Law, St. Petersburg

THE DIALECTIC OF ENSURING PUBLIC AND PROTECTING PRIVATE INTERESTS OF TAXPAYERS WHEN INITIATING CRIMINAL PROCEEDINGS

Annotation. The article is devoted to the identification of the target reason for the exceptional reason for the initiation of criminal cases on tax crimes and resolves the issue of the publicity of the procedure for initiating such categories of criminal cases.

Key words: initiation of criminal proceedings; exceptional reason for initiation of criminal cases; legal certainty; tax crime.

По мнению многих исследователей, ранее закрепленная в уголовно-процессуальном законе ч. 1.1 ст. 140 УПК РФ (в настоящее время – ч. 1.3 ст. 140 УПК РФ), нарушала принцип публичности (официальности) уголовного судопроизводства, так как уголовное преследование было поставлено в зависимость от направления в следственные органы соответствующих материалов о выявлении нарушений законодательства о налогах и сборах налоговыми органами (или применительно к ч. 1.2 ст. 140 УПК РФ – от направления таких материалов со стороны Центрального Банка РФ или конкурсного управляющего) [1, с. 14-18; 2, с. 6; 7, с. 28-29]. Высказывалось также суждение о том, что в результате описанной процедуры происходило вторжение в компетенцию следственных органов, превращение следователя в пассивного наблюдателя и нарушение его процессуальной

самостоятельности [1, с. 16-17; 5, с. 38; 6, с. 33].

Сложно согласиться с подобного рода утверждениями. Во-первых, в приведенных точках зрения ученых искажается содержание конституционного принципа равенства граждан перед законом и судом. Как хорошо известно, равенство перед законом включает одинаковую обязанность граждан соблюдать закон и равное отношение правоохранительных органов к различным нарушителям одних и тех же норм (в нашем случае налогового законодательства). В свою очередь, равенство перед судом содержит требование, согласно которому правосудие не должно принимать во внимание происхождение, власть, обеспеченность или общественное положение стоящих перед ним лиц. Юрисдикция судов, которые выносят постановления по делам «обычных» граждан, должна распространяться

на всех. Не трудно заметить, что процедура формирования «исключительного» повода налоговыми органами, его проверка органами предварительного следствия в порядке ст. 144 УПК РФ и все последующее производство, включая судебное разбирательство, ни в коей мере не зависят от имущественного, должностного, расового и др. положения налогоплательщика. Кроме того, одни и те же суды рассматривают уголовные дела о налоговых преступлениях независимо от статуса налогоплательщика.

Во-вторых, трудно согласиться с мнением о том, что «исключительный» повод нарушает процессуальную самостоятельность следователя и превращает его в пассивного наблюдателя при совершении налоговых преступлений. Специфика процедуры формирования «исключительного» повода по налоговым преступлениям обусловлена тем, что в системе исполнительной власти налоговые органы представлены государством в качестве единой централизованной системы контроля за соблюдением законодательства о налогах и сборах, за правильностью исчисления, полнотой и своевременностью уплаты и перечисления в бюджетную систему налогов, сборов и страховых взносов, соответствующих пеней, штрафов, процентов, то есть являются единственным уполномоченным государственным органом по контролю и надзору в области налогов и сборов. Поэтому вполне логично, что органы предварительного следствия не должны подменять налоговые органы в их профессиональной деятельности по осуществлению контроля за соблюдением законодательства о налогах и сборах, за правильностью исчисления, полнотой и своевременностью уплаты и перечисления в бюджет налогов и сборов.

В свете закрепления «исключительного» повода для возбуждения уголовных дел по налоговым преступлениям, раскрытие таких преступлений происходит опосредованным путем. По отношению к налогоплательщику следователь больше не имеет полномочий по собственной инициативе (без получения соответствующих материалов налоговых органов) производить проверку в порядке ст. 144 УПК РФ. Признаки налоговых преступлений могут быть обнаружены (предустановлены) только по результатам налогового контроля. Однако, в ситуациях, когда со стороны должностных лиц налоговых органов имеет место использование своих служебных полномочий вопреки интересам службы из корыстной или иной личной заинтересованности, повлекшее существенное нарушение прав граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества и государства, у правоохранительных органов есть все необходимые полномочия по решению вопроса об инициировании уголовного преследования и

привлечению виновных должностных лиц налоговых органов к уголовной ответственности.

Во-третьих, «исключительный» повод не нарушает публичные начала уголовного судопроизводства. Речь идет об особенностях их реализации по некоторым составам преступлений в зависимости от иерархии охраняемых государством социальных ценностей. По нашему мнению, именно в этом должна проявляться современная уголовная политика российского государства. И современной уголовно-процессуальной политике, помимо собственно борьбы с преступностью, в той же мере присущи такие признаки, как «институциональная и процессуальная организация деятельности» и «охрана прав и свобод человека и гражданина в ходе производства по уголовному делу» [8, с. 29]. Соответственно, задача по борьбе с преступностью не может абсолютизироваться, и закрепленная сегодня в законе ч. 1.3 ст. 140 УПК РФ есть яркое тому подтверждение.

Не случайно после небольшого временного перерыва и дополнительной оценки наличия и отсутствия закрепленного в уголовно-процессуальном законе «исключительного» (налогового) повода для возбуждения уголовного дела Федеральным законом от 09.03.2022 № 51-ФЗ была введена ч. 1.3 ст. 140 УПК РФ, согласно которой вновь единственным поводом для возбуждения уголовного дела по налоговым преступлениям (ст. 198-199.2 УК РФ) стали выступать только материалы, которые направлены налоговыми органами в соответствии с законодательством о налогах и сборах для решения вопроса о возбуждении уголовного дела. Иначе говоря, инициирование процессуальной проверки в порядке ст. 144 УПК РФ о признаках преступлений, предусмотренных ст. 198-199.2 УК РФ, стало возможным лишь по результатам формирования налоговыми органами соответствующих материалов, содержанием которых является налоговая предостановленность, которая, в свою очередь, будучи сложным юридическим фактом обуславливает наделение налоговых органов полномочиями по обращению в органы предварительного следствия с целью инициирования уголовного преследования в отношении неплательщика налогов.

Закрепление «исключительного» повода для возбуждения уголовного дела по налоговым преступлениям и процедура его формирования налоговыми органами направлены на конкретизацию механизма налогового контроля таким образом, чтобы поддерживался баланс частных и публичных интересов в процессе выявления и последующего расследования налоговых преступлений, и указывают на обстоятельства и условия, которые принимаются во внимание налоговым органом при квалификации действий налогоплательщика как незаконных.

При этом нельзя не отметить, что сама процедура направления материалов налоговой проверки несколько изменилась по сравнению с той, что применялась в момент действия ч. 1.1 ст. 140 УПК РФ.

Согласно действующему законодательству, изначально налоговый орган в соответствии с главой 14 НК РФ осуществляет налоговую проверку, в рамках которой выявляется недоимка, определяется пени, а также назначается штраф за совершенное нарушение законодательства о налогах и сборах. Согласно ст. 100, 101 НК РФ составляется акт и выносится решение о привлечении налогоплательщика к налоговой ответственности. Если в течение 75 дней со дня вступления в силу решения о привлечении к ответственности за совершение налогового правонарушения налогоплательщик не исполнит в полном объеме обязанность по уплате сумм недоимок, указанных в таком решении, размер которых позволяет предполагать факт нарушения законодательства о налогах и сборах, содержащего признаки преступления, налоговые органы обязаны в течение 10 дней со дня выявления указанных обстоятельств направить материалы в следственные органы для решения вопроса о возбуждении уголовного дела (п. 3 ст. 32 НК РФ).

Описанная процедура преследует общую политико-правовую цель ограничения уголовно-правовой репрессии для того, чтобы снизить «давление» на бизнес. Предпринимательская деятельность представляет собой весьма сложную структуру с высокой вероятностью недостижения желаемого экономического эффекта, и данная деятельность осуществляется «на свой риск» – предприниматель должен принять на себя все потери, связанные с бизнесом. Поскольку предпринимательская деятельность воплощается преимущественно в рамках гражданско-правовых формах, исходно лишенных компонентов, гарантирующих ожидаемый положительный результат, и поэтому требуются специальные усилия для его достижения, постольку вполне логичным представляется наделение именно налоговых органов дискреционными полномочиями по констатации соответствующих юридических фактов (фактического состава), имеющих место в ходе налоговых правоотношений, в форме соответствующих материалов и последующую их передачу в органы предварительного следствия.

В этой связи по действующему уголовно-процессуальному законодательству публичные начала процедуры инициирования уголовного судопроизводства по налоговым преступлениям имеют свою специфику и в большей степени подчинены обеспечению прав и законных интересов налогоплательщиков.

По этому вопросу необходимо отметить, что

в отечественном государстве и праве наблюдается новый концептуальный подход к досудебной защите прав и законных интересов налогоплательщиков. Механизм их обеспечения может быть представлен в качестве самостоятельной правовой формы деятельности ее участников, которая обладает обособленной системой правовых средств, предусмотренных в нормах законодательства о налогах и сборах и иного смежного законодательства, имеющих место до обращения налоговых органов для последующего уголовного преследования.

Одним из основных движущих факторов в развитии досудебной защиты (обеспечения) прав и законных интересов налогоплательщиков стало закрепление дискреционных полномочий налоговых органов, направленных на урегулирование в административном порядке фактов неисполнения налогоплательщиками законодательства о налогах и сборах.

Необходимо также отметить, что предоставление законодателем налоговым органам дискреционных полномочий по осуществлению процедуры формирования повода для возбуждения уголовного дела и последующая деятельность органов предварительного следствия по его проверке в порядке ст. 144 УПК РФ, обуславливает необходимость более широкого рассмотрения (понимания) принципа публичности и его отнесения к деятельности всех без исключения компетентных органов публичной власти, то есть государственной и местной власти. К числу таких субъектов, безусловно, относятся и налоговые органы. Именно в этом ключе норма, закрепленная в п. 2 ч. 1 ст. 32 НК РФ, возлагает на налоговые органы публично-правовую обязанность осуществлять контроль за соблюдением законодательства о налогах и сборах и принятых в соответствии с ним нормативных правовых актов. А в случаях выявления признаков налогового преступления в соответствии с ч. 3 ст. 32 НК РФ налоговые органы обязаны в течение 10 дней со дня выявления указанных обстоятельств направить материалы в органы, уполномоченные производить предварительное следствие по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ст. 198-199.2 УК РФ, для решения вопроса о возбуждении уголовного дела.

Глубоко убеждены, что сама по себе зависимость инициирования уголовного судопроизводства по налоговым преступлениям от направления соответствующих материалов не говорит о нарушении принципа публичности. Несмотря на введение ч. 1.3 ст. 140 УПК РФ особого порядка возбуждения уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ст. 198-199.2 УК РФ, уголовное преследование по ним осталось в руках государства и определяется исключительно публичными интересами, никак не зависящими от воли част-

ных лиц (а именно это составляет основу принципа публичности) [9, с. 5-6; 10, с. 6]. Направление материалов налоговой проверки для инициирования уголовного преследования в отношении налогоплательщика определяется не произвольно самим налоговым органом, а на основании п. 3 ст. 32 НК РФ, где прямо закреплены обстоятельства, при наличии которых данный субъект имеет полномочие (обязанность) направить соответствующие материалы в следственные органы.

Таким образом, публичность предполагает возложение на всех без исключения субъектов публичной власти прав и обязанностей (полномочий), направленных на защиту интересов государства, общества и личности при производстве по уголовным делам о налоговых преступлениях.

Именно публичные начала процедуры инициирования и дальнейшего осуществления уголовного преследования по уголовным делам о налоговых преступлениях (по материалам налоговых органов) принципиально отличают их от инициирования уголовного преследования по уголовным делам частного и частно-публичного обвинения (на основании заявления потерпевшего). В основании процедуры инициирования уголовного преследования по делам частного и частно-публичного обвинения лежат диспозитивные начала. На потерпевшего, в отличие от налоговых органов, не возложена обязанность подачи заявления о совершении в отношении него преступления.

Поэтому в случае с инициированием уголовного преследования по уголовным делам частного и частно-публичного обвинения общий перечень поводов ограничивается исходя из специфики таких уголовных дел. Само по себе заявление потерпевшего как повод к возбуждению уголовного дела (инициированию уголовного преследования) не делается исключительным. Оно остается обычным поводом, одним из возможных поводов, предусмотренных ч. 1 ст. 140 УПК РФ. Невозможность возбудить уголовное дело (инициировать уголовное преследование) частного и частно-публичного обвинения без заявления потерпевшего обусловлена защитой частных интересов потерпевшего и оценкой с его стороны вреда, причиненного уголовно-противоправными действиями [4, с. 99; 10, с. 31].

В отличие от дел частного и частно-публичного обвинения исключительность налогового повода никак не обуславливается особенностями производства по делам о налоговых преступлениях. Несмотря на введение ч. 1.3 ст. 140 УПК РФ, эти дела так и остались делами публичного обвинения, что подтвердил и Конституционный Суд РФ, в частности, в п. 3.1 мотивировочной части Определения от 27.09.2016 № 2153-О. Кроме того, данный повод не входит в общий перечень поводов к возбуждению уголовного дела, установлен-

ный ч. 1 ст. 140 УПК РФ, и полностью обособлен от них.

Такое широкое понимание публичности как «суверенной власти государства» применительно к производству по налоговым преступлениям проявляется в том, что суверенное государство самостоятельно выстраивает определенную иерархию публичных и частных ценностей. Закрепляя «исключительный» повод для возбуждения уголовного преследования по налоговым преступлениям, государство официально предоставляет субъектам налогообложения дополнительную и эффективную гарантию беспрепятственного осуществления предпринимательской деятельности, обеспечивая при этом надежность и устойчивость форм ее осуществления, не допуская при этом произвольного вмешательства в деятельность налогоплательщиков со стороны различных надзорных, контрольных органов и должностных лиц, включая органы дознания и предварительного следствия. При обнаружении признаков налоговых преступлений инициирование уголовного преследования в отношении определенных лиц ставится в зависимость от неуплаты недоимки, констатированной именно налоговым органом. Обращению в орган предварительного следствия предшествует регламентированная налоговым законом процедура выявления нарушения налогового законодательства и обращения к налогоплательщику с целью добиться от него уплаты налога. Лишь в случае невыполнения налогоплательщиком этой обязанности и только после истечения определенных сроков налоговый орган передает информацию в орган предварительного следствия с целью инициирования уголовного преследования в отношении определенного субъекта (неплательщика) (ч. 3 ст. 32 НК РФ).

Из приведенной процедуры инициирования уголовного преследования в отношении неплательщика налогов очевидно, что требование публичности (официальности) в равной мере распространяется как на налоговые органы, обязанные в интересах общества и государства обеспечивать взыскание налогов, устанавливать факты их неуплаты, так и на органы предварительного следствия по привлечению виновных к уголовной ответственности. Инициирование уголовного преследования ставится в зависимость от выявления и предварительного установления налоговыми органами определенных условий (налоговой предустановленности), выступающих в качестве надежных гарантий от необоснованного уголовного преследования со стороны органов предварительного следствия.

Публичные начала при производстве по налоговым преступлениям, предусмотренным ст. 198-199.2 УК РФ, выступают в качестве связующего звена по инициированию и последующему

осуществлению уголовного преследования, направленного на реализацию всех его исходных (руководящих положений), включая достижение уголовным судопроизводством своего конечного назначения, поскольку сама сущность публичности в определенной мере будет прослеживаться в каждом из представленных в уголовном процессе принципов без исключения. Обусловлено это тем, что обеспечение соблюдения принципов уголовного судопроизводства при производстве по уголовным делам о налоговых преступлениях в полной мере зависит от государства в лице активно взаимодействующих публично-властных субъектов (налоговых органов и органов предварительного следствия), осуществляющих и принимающих активное участие в реализации целевого назначения уголовного судопроизводства. Исключение публичных начал в их взаимодействии между собой и в реализации уголовного преследования по налоговым преступлениям нивелирует сам факт существования уголовного процесса, поскольку объективно усложняется возможность достичь его целевой направленности; отпадет: во-первых, способность принимать меры к защите личности, общества и государства от совершения налоговых преступлений, во-вторых, возможность защищать права и законные интересы всех участников уголовного судопроизводства вне зависимости от их процессуального статуса.

Таким образом, именно публичные начала по инициированию и последующему осуществлению уголовного преследования за совершение налоговых преступлений, предусмотренных ст. 198-199.2 УК РФ, являются объединяющим (системообразующим) элементом (фактором), охватывающим собой все остальные базовые начала (принципы) деятельности как налоговых органов, так и органов предварительного следствия по возмещению вреда, причиненного бюджетной системе, и привлечению виновных к уголовной ответственности. Такая взаимосвязанная деятельность государственных органов внешне проявляется в качестве высокоорганизованной процедуры инициирования и последующего осуществления уголовного преследования, предполагающей возложение на всех субъектов публичной власти полномочий и обязанностей по защите интересов государства, общества и личности при производстве по уголовным делам о налоговых преступлениях, предусмотренных ст. 198-199.2 УК РФ.

В целом публичные начала процедуры инициирования и последующего осуществления уголовного преследования за совершение налоговых преступлений, предусмотренных ст. 198-199.2 УК РФ, могут быть охарактеризованы с позиции следующих положений:

во-первых, публичность является базовым (системообразующим) началом в правовой регла-

ментации процедуры инициирования и последующего осуществления уголовного преследования по налоговым преступлениям, которая включает в себя:

деятельность налоговых органов по выявлению фактов совершения налоговых преступлений и отражение налоговой предустановленности при последующем формировании «исключительного» повода для инициирования уголовного судопроизводства посредством предварительного установления определенного законом круга обстоятельств и направления соответствующих материалов в органы предварительного следствия для принятия решения о наличии признаков преступления и возбуждения уголовного дела;

последующую деятельность органов предварительного следствия, направленную на привлечение виновных к уголовной ответственности;

во-вторых, представленный принцип определяет заинтересованность государства в эффективном и качественном осуществлении уголовного преследования за совершение налоговых преступлений, предусмотренных ст. 198-199.2 УК РФ, исходя из стремлений достижения установленной законом ее целевой направленности – возмещение вреда, причиненного бюджетной системе государства, и защиты прав и законных интересов налогоплательщиков (интересов бизнеса);

в-третьих, публичность в инициировании и последующем осуществлении уголовного преследования за совершение налоговых преступлений, предусмотренных ст. 198-199.2 УК РФ, ни при каких обстоятельствах не предполагает уклонения уполномоченных публично-властных субъектов от исполнения обязанностей по уголовному преследованию лиц, избобличаемых в совершении налоговых преступлений, но при этом инициирование начала данного процесса (формирования «исключительного» повода) передается налоговым органам.

Список литературы:

- [1] Брижак З.И., Розовская Т.И. Реализация уголовной политики государства в сфере налогообложения Следственным комитетом Российской Федерации // Российский следователь. 2014. № 14.
- [2] Брижак З.И., Стаценко В.Г. Некоторые проблемы действия принципа публичности в уголовном процессе // Российский следователь. 2014. № 24.
- [3] Дикарев И.С. Повод для возбуждения уголовных дел о налоговых преступлениях // На логи. 2012. № 3.
- [4] Жогин Н.В., Фаткуллин Ф.Н. Возбуждение уголовного дела. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1961.

[5] Курочкин Д.Б. Изменения в НК РФ не могут ограничивать процессуальную самостоятельность следователей // Уголовный процесс. 2010. № 8.

[6] Курченко В.Н. Возбуждение уголовного дела без решения налоговиков не просто возможно, но порой необходимо // Уголовный процесс. 2010. № 8.

[7] Смирнов Г.К. Налоговые преступления: текущая практика и перспективы. // Уголовный процесс. 2013. № 1.

[8] Стойко Н.Г. Уголовно-процессуальная политика России: научное наследие профессора Н.С. Алексеева и современные научные представления // Обвинение и защита по уголовным делам: сборник статей. СПб., 2015.

[9] Рахунов Р.Д. Возбуждение уголовного дела в советском уголовном процессе. М., 1954.

[10] Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. В 2-х т. / Общ. ред. А.В. Смирнова. СПб.: Альфа, 1996. Т. 2.

References:

[1] Brizhak Z.I., Rozovskaya T.I. Implementation of the criminal policy of the state in the field of taxation by the Investigative Committee of the Russian Federation // Russian investigator. 2014. № 14.

[2] Brizhak Z.I., Statsenko V.G. Some problems of the principle of publicity in criminal proceedings // Russian investigator. 2014. № 24.

[3] Dikarev I.S. Reason for initiating criminal cases on tax crimes // Taxes. 2012. № 3.

[4] Zhogin N.V., Fatkullin F.N. Initiation of a criminal case. M.: State Publishing House of Legal Literature, 1961.

[5] Kurochkin D.B. Changes in the Tax Code of the Russian Federation cannot limit the procedural independence of investigators // Criminal process. 2010. № 8.

[6] Kurchenko V.N. Initiation of a criminal case without a decision of the tax authorities is not only possible, but sometimes necessary // Criminal process. 2010. № 8.

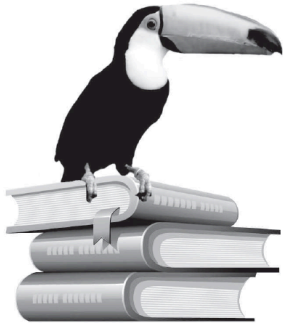
[7] Smirnov G.K. Tax crimes: current practice and prospects. // Criminal process. 2013. № 1.

[8] Stoiko N.G. Criminal procedure policy of Russia: the scientific heritage of Professor N.S. Alekseev and modern scientific ideas // Prosecution and defense in criminal cases: a collection of articles. St. Petersburg, 2015.

[9] Rakhunov R.D. Initiation of a criminal case in the Soviet criminal process. M., 1954.

[10] Foinitsky I.Ya. Course of Criminal Proceedings. In 2 tons/Total. ed. A.V. Smirnova. St. Petersburg: Alpha, 1996. VOL. 2.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ТОРБИН Юрий Григорьевич,
доктор юридических наук, профессор, профессор
кафедры уголовного процесса и криминалистики
Всероссийского государственного университета
юстиции (РПА Минюста России), Заслуженный
юрист Российской Федерации,
e-mail: torbinug@rambler.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ ОЦЕНКИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Аннотация. Стремительное развитие и внедрение цифровых технологий и технологий искусственного интеллекта во всех сферах общественных отношений ставят под вопрос применимость традиционных средств уголовно-процессуального доказывания и оценки доказательств, в частности. В связи с чем возникает потребность в дополнительном доктринальном осмыслении указанных положений уголовно-процессуального законодательства России с целью выработки научно-обоснованной позиции относительно применимости существующих критериев оценки доказательств и необходимости их совершенствования. В рамках настоящей статьи также рассматриваются проблемы «черного ящика» технологий искусственного интеллекта, не позволяющие выявить логику и закономерности, являющиеся основой для принятия решений, и особенности оценки цифровых доказательств, верификация которых требует обеспечения их прослеживаемости и целостности на всем протяжении производства по уголовному делу.

Ключевые слова: цифровизация уголовного судопроизводства, уголовный процесс, доказывание, оценка доказательств, цифровые доказательства, искусственный интеллект.

TORBIN Yuri G.,
Doctor of Law, Professor in the Department of
Criminal Procedure and Forensic Science at the
All-Russian State University of Justice (RPA of the
Ministry of Justice of Russia), Honored Lawyer of
the Russian Federation

TRANSFORMATION OF EVIDENCE ASSESSMENT IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION OF CRIMINAL PROCEEDINGS

Annotation. The rapid development and implementation of digital and artificial intelligence technologies in all areas of public relations is challenging the applicability of traditional methods of proving and evaluating evidence in criminal proceedings. This necessitates further doctrinal analysis of these provisions of Russian criminal procedure legislation in order to develop a scientifically sound position regarding the applicability of existing criteria for evaluating evidence and the need for their improvement. This article examines the "black box" nature of artificial intelligence technologies, which prevents the identification of the logic and patterns that underlie decision-making, as well as the specifics of evaluating digital evidence, the verification of which requires ensuring its traceability and integrity throughout criminal proceedings.

Key words: digitalization of criminal proceedings, criminal procedure, proof, evidence assessment, digital evidence, artificial intelligence.

Введение

Современное общество характеризуется активным внедрением цифровых технологий и технологий искусственного интеллекта во всех сферах общественных отношений, что объективно ставит под вопрос применимость традиционных средств уголовно-процессуального доказывания, которые прямо не предусматривают ни регулирования цифровых доказательств и правил их оценки, ни возможности применения технологий искусственного интеллекта в рамках уголовно-процессуальной деятельности. Одновременно с этим число киберпреступлений в 2025 году по данным МВД России [17] и Генеральной прокуратуры Российской Федерации [18] составило 650 тысяч преступлений, что создает обоснованную необходимость в дополнительной доктринальной проработке положений института оценки доказательств, поскольку в таких ситуациях основную роль играют именно цифровая информация, которая в последующем признается доказательствами, а результат оценки доказательств становится основой для принятия всех процессуальных решений, что в свою очередь оказывает влияние на качество отправляемого правосудия и достижение назначения уголовного судопроизводства.

Актуальность рассматриваемого вопроса также находит свое отражение в нормативных правовых актах, принимаемых в целях введения регулирования цифровых технологий [19], а также международных соглашениях, стороной которых является Российская Федерация [20].

Ключевой проблемой, рассматриваемой в настоящем исследовании, является отсутствие в действующей редакции Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) специальных норм, посвященных цифровым доказательствам, их оценке и возможности применения технологий искусственного интеллекта, правил и пределов его применения. Разрешение поставленного вопроса необходимо осуществлять посредством проведения комплексного научно-практического исследования, результаты которого, как нам представляется, и правоприменителям, и законодателю определить оптимальную форму решения рассматриваемой проблемы.

Основная часть

В современной доктрине уголовного процесса вопросы особенностей применения в целях доказывания цифровых доказательств и перспектив внедрения технологий искусственного интеллекта (далее также – ИИ) в систему уголовно-процессуальной деятельности являются одними из наиболее обсуждаемых.

Данное обстоятельство объясняется разночтениями, содержащимися в позиции ученых. Так, некоторые авторы считают, что действующий

УПК РФ не нуждается во внесении каких-либо изменений в связи с появлением новых видов доказательств, поскольку действующие нормы способны гармонично интегрировать цифровые доказательства в существующую систему уголовно-процессуального доказывания [1, с. 325; 2, с. 166].

Другая группа ученых придерживается иной позиции, предполагающих выделение цифровых доказательств в самостоятельную категорию, поскольку их характеристики и особенности не позволяют полноценно соотнести такие доказательства с традиционными категориями. При этом данная позиция получила свое отражение еще в начале 2000-х годов в трудах К.Б. Калиновского, который отмечал, что: «электронная информация стала широко использоваться во всех областях человеческой жизни, в том числе и криминальной» [3, с. 18]. Аналогичной позиции придерживается и С.В. Власова, которая отмечает, что: «информационные преступления оставляют информационные следы» [4, с. 15].

В контексте же применения технологий искусственного интеллекта научная дискуссия концентрируется вокруг вопросов пределов и перспективных направлений применения ИИ. При этом отдельные ученые справедливо подчеркивают принципиальную недопустимость применения ИИ для принятия процессуальных решений без руководящей роли человека [5, с. 65].

Рассмотрение указанных проблем требует раскрытия содержания действующего уголовно-процессуального регулирования, вокруг применения которого и сосредоточена основная масса вопросов. Так, ключевыми положениями УПК РФ, регулирующими институт оценки доказательств, являются ст. 17 УПК РФ, в которой закрепляется принцип свободы оценки доказательств и ст. 88 УПК РФ, регулирующая правила оценки доказательств и устанавливающая относимость, допустимость, достоверность и, в своей совокупности, достаточность в качестве критериев оценки доказательств.

Однако данные нормы, как и иные положения УПК РФ не предусматривают выделения в самостоятельную категорию цифровых доказательств и, соответственно, не содержат особенностей их оценки, что также отмечается в трудах ряда ученых [6, с. 85; 7, с. 127; 8, с. 44], которые полагают, что отнесение цифровых доказательств к «иным документам» игнорирует их уникальную природу, которая принципиально отличается от традиционных доказательств.

В рамках настоящего исследования под цифровыми доказательствами понимаются сведения, признаваемые в качестве доказательства и имеющие значение для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, которые представлены в виде цифровых

файлов вне зависимости от формы представления или электронного носителя, на которые они записаны. Данное понимание цифровых доказательств позволяет учесть их особенности, поскольку процессуально значимым является именно содержание файла, а не его внешнее выражение (носитель информации). Аналогичной позиции придерживаются В.А. Новицкий [9, с. 216] и С.В. Калигин [10, с. 3587].

Для надлежащего правового оформления статуса цифровых доказательств необходимо внести соответствующие изменения в ст. 74 УПК РФ, за счет чего становится возможным в рамках корреспондирующих норм определить особенность цифровых доказательств как вида доказательств, включая многоресурсность и копируемость [11, с. 122], а также особенности их оценки.

В контексте оценки доказательств ключевыми рисками, связанными с цифровыми доказательствами, является их подверженность манипуляции, а также возможность различия их восприятия в зависимости от применяемого программного обеспечения. Так, М.А. Егорова отмечает риски скрытой компрометации, изменения и подмены цифрового доказательства аналогичным [12, с. 28]. В качестве подобной манипуляции могут служить случаи подмены идентификационного номера устройства сотовой связи (IMEI-номера), что позволят исказить сведения, получаемые при выгрузке детализации абонентских соединений в порядке ст. 186.1 УПК РФ.

Указанные риски с точки зрения правовой конструкции возможно минимизировать за счет введения дополнительных требований при оценке достоверности цифровых доказательств посредством фиксации расширенного количества сведений о них. Так, при первичном собирании предлагается фиксировать помимо внешне выраженных сведений (наименование файла, его тип и вес) также и метаданные цифрового доказательства, под которыми понимаются сведения, детально описывающие содержание, структуру, свойства и происхождение информации внутри цифрового доказательства. В частности, к метаданным, фиксация которых является целесообразной с точки зрения уголовного процесса, можно отнести следующие сведения:

Из фото- и видеоматериалов возможно извлечь сведения о камере, на которую осуществлялась съемка, ее разрешение, аппаратно-фиксируемые дата и время съемки, а также геометку в случае, если аппарат снабжен системой глобального позиционирования (GPS).

В текстовых электронных документах фиксируются сведения об авторе, наименовании его устройства, поддерживаемой для открытия файла программе, а также в отдельных случаях исто-

рия правок.

Метаданные веб-страниц и баз данных содержат краткое описание самой страницы и ее элементов, основные каналы связи (сведения об API-шлюзе), лицензионные сведения о применении цифрового продукта, а также код встроенных функций и кэшированные (временно хранимые) данные.

Дополнительно при оценке цифровых доказательств необходимо учитывать особенность оценки их допустимости, которая заключается в соблюдении установленных УПК РФ требований к обязательному участию специалиста при изъятии в ходе выемки или обыска любых электронных носителей информации.

Внедрение указанных положений в текст УПК РФ способно исключить складывающуюся в настоящее время правовую неопределенность относительно статуса и особенностей процессуальной деятельности, связанной с цифровыми доказательствами, что в свою очередь приведет к снижению количества допускаемых процессуальных ошибок и повышению качества отправляемого правосудия.

Другим значимым вызовом современной уголовной юстиции, обусловленным цифровизацией общества, является вопрос правил и пределов применения технологий искусственного интеллекта в уголовно-процессуальной деятельности.

Легальное определение ИИ, приведенное в Федеральном законе от 26.07.2026 № 243-ФЗ «О поддержке развития технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации», описывает искусственный интеллект как комплекс технологических решений, позволяющих имитировать когнитивные функции человека и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их. До момента принятия указанного Федерального закона ученые выражали аналогичную позицию относительно правовой сущности ИИ [13, с. 18-19; 14, с. 43].

Данное определение позволяет понять, что технологии искусственного интеллекта способны применяться практически во всех сферах деятельности человека. Однако уголовный процесс обладает специфическими требованиями, содержащимися в УПК РФ, которые хотя и не содержат прямого запрета или порядка применения ИИ, фактически устанавливают ключевые границы его применения.

Так, ст. 17 УПК РФ предписывает суду, прокурору, следователю, дознавателю и присяжным заседателям оценивать доказательства по своему внутреннему убеждению, а ст. 74 УПК РФ относит к компетенции указанных лиц, за ис-

ключением присяжных заседателей, определение наличия или отсутствия обстоятельств, подлежащих доказыванию. Таким образом, при оценке доказательств решающее значение имеет решение суда, прокурора, следователя, дознавателя и присяжных заседателей, которое не может быть подменено результатом работы ИИ или иного алгоритма.

Одновременно с этим ст. 164 УПК РФ допускает применение технических средств в ходе следственных действий, а ст. 259 УПК РФ предусматривает применение технических средств для протоколирования хода судебного заседания. Смысл указанных статей позволяет прийти к очевидному выводу о возможности применения технологий искусственного интеллекта для автоматического перевода речевой информации в текстовый формат, что может быть полезно при расшифровке аудиозаписи допроса, судебного заседания, иных следственных и процессуальных действий, за счет чего возможно оптимизировать деятельность уполномоченных лиц.

Необходимо также отметить, что в соответствии со ст. 58 УПК РФ специалист вправе применять технические средства. Наиболее очевидным представляется применение ИИ переводчиком. Однако, в науке встречается мнение о том, что такое использование может использоваться только в исключительных случаях [15, с. 310].

Другим перспективным направлением применения технологий искусственного интеллекта являются направления технической проверки текста процессуальных документов в части орфографии и указания обязательных реквизитов и структурных элементов документов, а также поиск релевантных примеров судебной практики и научно-практических разъяснений.

Данные примеры обеспечивают проверяемость результата работы ИИ человеком, что является особенно важным в контексте проблемы «черного ящика», под которой понимается невозможность интерпретации и раскрытия логики работы ИИ и закономерностей, на основе которых было принято то или иное решение [16, с. 69].

Заключение

Проведенное исследование позволило прийти к следующим выводам.

Во-первых установлено, что действующее уголовно-процессуальное регулирование не содержит специального нормативного закрепления цифровых доказательств, что порождает правовую неопределенность при их использовании в процессуальной деятельности, включая оценку, а также не позволяют отразить их отличия от классических видов доказательств, что создает предпосылки к неоднозначному пониманию как содержания цифровых доказательств, так и порядка

взаимодействия с ними.

Для решения данной проблемы необходимо внести изменения в ст. 74 УПК РФ в части закрепления цифровых доказательств в качестве самостоятельного вида доказательств. Как нам представляется целесообразно определить особенности их оценки, заключающиеся в проверке целостности и аутентичности цифрового доказательства при оценке его достоверности с целью исключения возможности подмены или иной скрытой компрометации. Также необходимо отдельно указать на необходимость проверки соответствия требованиям к собиранию цифровых доказательств при оценке их допустимости.

Во-вторых, в контексте применения технологий искусственного интеллекта установлено, что определяющим показателем при их использовании является роль человека. Одновременно с этим внедрение ИИ в процессуальную деятельность участников уголовного судопроизводства может быть осуществлено в качестве вспомогательного инструмента при обязательной проверке и верификации результатов его деятельности лицом, осуществляющим его применение. Данная модель применения ИИ позволяет нивелировать проблему «черного ящика» и сохранить руководящую роль человека.

Таким образом, предлагаемое решение способно учесть особенности современных технологий, повысить качество отправляемого правосудия и снизить количество процессуальных ошибок, сохраняя при этом существующую структуру и основные характеристики уголовно-процессуальных правоотношений в условиях продолжающейся цифровизации уголовного судопроизводства.

Список литературы:

- [1] Пастухов П.С. Электронные доказательства в уголовном судопроизводстве: правовое регулирование и перспективы развития // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2023. Вып. 60. С. 312-329.
- [2] Россинский С.Б. Доказательства по уголовному делу: требуется ли вносить коррективы в статью 74 УПК РФ? // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра : сб. науч. тр. Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД России. 2023. Т. 26. № 2. С. 161-171.
- [3] Калиновский К.Б., Маркелова Т.Ю. Доказательственное значение «электронной» информации в российском уголовном процессе // Российский следователь. 2001. № 6. С. 18-19.
- [4] Власова С.В. К вопросу о приспособлении уголовно-процессуального механизма к цифровой реальности // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2018. № 1. С. 9-18.

[5] Веревошников Е.А. Перспективы применения технологий искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2025. N 1 (71). С. 59-67.

[6] Шарипова А.Р. Новые источники уголовно-процессуальных и иных судебных доказательств в цифровой реальности // Вестник СПбГУ. Серия 14. Право. 2023. № 1. С. 73-89.

[7] Воронин М.И. Особенности оценки электронных (цифровых) доказательств // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 8. С. 118-128.

[8] Использование информации, содержащейся на электронных носителях, в уголовно-процессуальном доказывании : учебное пособие / Балашова А.А., Васюков В.Ф., Гаврилин Ю.В. [и др.] ; под ред. Ю.В. Гаврилина и А.В. Победкина. – Москва : Академия управления МВД России, 2021. 140 с.

[9] Оконенко Р.И. Электронные доказательства как новое направление совершенствования российского уголовно-процессуального права // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 3 (52). С. 120-124.

[10] Новицкий В.А., Новицкая Л.Ю. Понятие и виды цифровых доказательств // Ленинградский юридический журнал. 2019. № 1(55). С. 213-220.

[11] Калитин С.В. Доказательства электронные и цифровые // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2014. Т. 20. С. 3586-3590.

[12] Егорова М.А. Проблема доверия суда к доказательствам, полученным с использованием современных цифровых технологий // Право и цифровая экономика. 2025. № 1. С. 27-34.

[13] Синельникова В.Н., Ревинский О.В. Права на результаты искусственного интеллекта // Копирайт (вестник Академии интеллектуальной собственности). 2017. N 4. С. 17-27.

[14] Бахтеев Д.В. Искусственный интеллект в криминалистике: состояние и перспективы использования // Российское право: образование, практика, наука. 2018. N 2. С. 43-49.

[15] Вилкова Т.Ю. Реализация принципа языка уголовного судопроизводства на стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования в условиях развития цифровых технологий // Вопросы российского и международного права. 2019. Т. 9. № 3А. С. 306-313.

[16] Алферов А.В., Кирьянова В.М. Проблема «черного ящика» искусственного интеллекта в гражданском и арбитражном процессе: между судебным усмотрением и технологическим детерминизмом // Вестник науки. 2025. № 12 (93). С. 61-72.

[17] МВД: число киберпреступлений в России снизилось на 12% // Коммерсантъ : информационный портал. 2026. 18 февр. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8442339> (дата обращения: 08.08.2026).

мационный портал. 2026. 18 февр. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8442339> (дата обращения: 08.08.2026).

[18] Число IT-преступлений в России уменьшилось на 12% за 2025 год // Коммерсантъ : информационный портал. 2026. 9 февр. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8419685> (дата обращения: 08.08.2026).

[19] См.: Федеральный закон от 26.07.2026 № 243-ФЗ «О поддержке развития технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс»; Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

[20] Конвенция Организации Объединенных Наций против киберпреступности; укрепление международного сотрудничества в борьбе с определенными преступлениями, совершаемыми с использованием информационно-коммуникационных систем, и в обмене доказательствами в электронной форме, относящимися к серьезным преступлениям: принята резолюцией Генеральной Ассамблеей от 24 декабря 2024 г. № 79/243 // СПС «КонсультантПлюс».

References:

[1] Pastukhov P.S. Electronic evidence in criminal proceedings: legal regulation and development prospects // Bulletin of Perm University. Legal sciences. 2023. No. 60. S. 312-329.

[2] Rossinsky S.B. Evidence in a criminal case: is it required to make adjustments to Article 74 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation ? // Forensics: yesterday, today, tomorrow: Sat. scientific. tr. Irkutsk: East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. T. 26. № 2. S. 161-171.

[3] Kalinovskiy K.B., Markelova T.Yu. Evidentiary value of "electronic" information in the Russian criminal process // Russian investigator. 2001. № 6. S. 18-19.

[4] Vlasova S.V. On the issue of adapting the criminal procedure mechanism to digital reality // Forensic Library. Scientific journal. 2018. № 1. S. 9-18.

[5] Verevoshnikov E.A. Prospects for the use of artificial intelligence technologies in criminal proceedings // Legal science and law enforcement practice. 2025. N 1 (71). S. 59-67.

[6] Sharipova A.R. New sources of criminal procedural and other judicial evidence in digital reality // Bulletin of St. Petersburg State University. Series 14. Right. 2023. № 1. S. 73-89.

[7] Voronin M.I. Features of the evaluation of electronic (digital) evidence // Actual problems of Russian law. 2021. T. 16. № 8. S. 118-128.

[8] The use of information contained on electronic media in criminal procedure evidence: a textbook/A.A. Balashova, V.F. Vasyukov, Yu.V. Gavrilin [et al.]; ed. Yu.V. Gavrilina and A.V. Pobedkina. - Moscow: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2021. 140 s.

[9] Okonenko R.I. Electronic evidence as a new direction of improvement of Russian criminal procedure law // Actual problems of Russian law. 2015. № 3 (52). S. 120-124.

[10] Novitsky V.A., Novitskaya L.Yu. Concept and types of digital evidence // Leningrad Law Journal. 2019. № 1(55). S. 213-220.

[11] Kalitin S.V. Electronic and digital evidence // Scientific and methodological electronic journal "Concept." 2014. T. 20. S. 3586-3590.

[12] Egorova M.A. The problem of court confidence in evidence obtained using modern digital technologies // Law and the digital economy. 2025. № 1. S. 27-34.

[13] Sinelnikova V.N., Revinsky O.V. Rights to the results of artificial intelligence // Copyright (Bulletin of the Academy of Intellectual Property). 2017. N 4. S. 17-27.

[14] Bakhteev D.V. Artificial intelligence in forensics: state and prospects of use // Russian law: education, practice, science. 2018. N 2. S. 43-49.

[15] Vilko T.Yu. Implementation of the principle of the language of criminal proceedings at the stages of initiating a criminal case and preliminary investigation in the context of the development

of digital technologies // Issues of Russian and international law. 2019. VOL. 9. No. 3A. S. 306-313.

[16] Alferov A.V., Kiryanova V.M. The problem of the "black box" of artificial intelligence in civil and arbitration proceedings: between judicial discretion and technological determinism // Bulletin of Science. 2025. № 12 (93). S. 61-72.

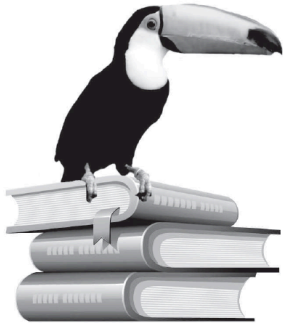
[17] Ministry of Internal Affairs: the number of cybercrimes in Russia decreased by 12 % // Kommersant: information portal. 2026. Feb. 18 URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8442339> (access date: 08.08.2026).

[18] The number of IT crimes in Russia decreased by 12% in 2025 // Kommersant: information portal. 2026. Feb. 9 URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8419685> (access date: 08.08.2026).

[19] See: Federal Law of 26.07.2026 No. 243-FZ "On Support for the Development of Artificial Intelligence Technologies in the Russian Federation" // SPS "ConsultantPlus"; Decree of the President of the Russian Federation of October 10, 2019 No. 490 "On the development of artificial intelligence in the Russian Federation" // SPS "ConsultantPlus".

[20] United Nations Convention against Cybercrime; strengthening international cooperation in combating certain crimes committed using information and communication systems and in the exchange of evidence in electronic form related to serious crimes: adopted by the General Assembly resolution of December 24, 2024 No. 79/243 // SPS Consultant Plus.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

АКИМОВ Сергей Владимирович,
Старший научный сотрудник НИЦ № 3 ВНИИ МВД
России, подполковник полиции,
e-mail: yan.sahatoff@gmail.com

ОСОБЕННОСТИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБОРОННОГО ЗАКАЗА И МЕРЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ИМ

Аннотация. Статья посвящена исследованию особенностей экономических преступлений, совершаемых в сфере государственного оборонного заказа (ГОЗ), а также оценке действующих и перспективных мер противодействия данным деяниям. В статье раскрываются основные формы противоправного поведения: хищение и нецелевое расходование средств, завышение себестоимости и цены продукции, представление недостоверной отчетности, фиктивное исполнение обязательств, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп, мошенничество при заключении и исполнении контрактов. Рассматривается специфика субъектного состава преступлений, включающего должностных лиц государственных заказчиков, руководителей головных исполнителей, участников кооперации, представителей финансовых организаций и иных лиц. Отдельное внимание уделено правовому и организационному механизму контроля, основанному на положениях Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 275-ФЗ «О государственном оборонном заказе», банковском и казначейском сопровождении расчетов, раздельном учете результатов финансово-хозяйственной деятельности, ведомственном и финансовом контроле. Выявлены слабые стороны существующей системы: фрагментарность межведомственного информационного обмена, ограниченная аналитическая интеграция данных, сложность выявления завышения затрат, использование номинальных контрагентов и недостаточная превентивная направленность контроля. Обоснованы предложения по совершенствованию противодействия преступлениям, включая внедрение риск-ориентированной цифровой аналитики, унификацию информационных контуров, усиление проверки кооперационных цепочек, повышение качества ценового аудита и развитие специализированной подготовки кадров.

Ключевые слова: государственный оборонный заказ, экономические преступления, оборонно-промышленный комплекс, бюджетные средства, банковское сопровождение, казначейский контроль, ценообразование, финансовый мониторинг, коррупция, противодействие преступности.

AKIMOV Sergey Vladimirovich,
Senior researcher of the Research Center No. 3 of
the All-Russian Research Institute of the Ministry of
Internal Affairs of Russia, police lieutenant colonel

FEATURES OF ECONOMIC CRIMES IN THE SPHERE OF STATE DEFENSE ORDERS AND MEASURES TO COUNTER THEM

Annotation. This article examines the specifics of economic crimes committed in the sphere of state defense procurement (SDO), as well as an assessment of current and prospective measures to combat these acts. The article covers the main forms of unlawful behavior: embezzlement and misappropriation of funds, inflated costs and prices of products, false reporting, fictitious fulfillment of obligations, abuse of authority, commercial bribery, and fraud in the conclusion and execution of contracts. The article examines the specifics of the subject of the crime, including officials of state customers, heads of prime contractors, participants in cooperation, representatives of financial institutions, and other persons. Special attention is paid to the legal and organizational control mechanism based on the provisions of Federal Law No. 275-FZ of December 29, 2012 "On State Defense Procurement", banking and treasury support for settlements, separate accounting of

the results of financial and economic activities, departmental and financial control. Weaknesses in the existing system were identified: fragmented interdepartmental information exchange, limited analytical data integration, difficulty detecting cost overstatement, the use of nominal counterparties, and insufficient preventative control. Proposals for improving crime prevention were substantiated, including the implementation of risk-based digital analytics, unification of information loops, enhanced verification of supply chains, improved price audit quality, and the development of specialized personnel training.

Key words: *state defense procurement, economic crimes, defense-industrial complex, budget funds, banking support, treasury control, pricing, financial monitoring, corruption, crime prevention.*

Государственный оборонный заказ представляет собой особую сферу публичных закупок, связанную с поставкой вооружения, военной и специальной техники, выполнением научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, ремонтом продукции военного назначения, а также материально-техническим обеспечением нужд обороны и безопасности. Его функционирование непосредственно влияет на состояние национальной безопасности, выполнение задач Вооруженных Сил Российской Федерации и развитие предприятий оборонно-промышленного комплекса.

Экономические преступления в сфере ГОЗ характеризуются повышенной общественной опасностью. Их последствия не сводятся к прямому ущербу бюджету: противоправное изъятие либо неэффективное использование ресурсов способно вызвать срыв сроков поставки критически важной продукции, снижение ее качества, нарушение производственной кооперации и ослабление оборонного потенциала. По данным Следственного комитета Российской Федерации, за восемь месяцев 2024 года было возбуждено 497 уголовных дел, связанных с преступлениями в сфере оборонно-промышленного комплекса и исполнения государственного оборонного заказа; за сопоставимый период 2023 года было возбуждено 357 таких дел [2].

Нормативную основу регулирования образует Федеральный закон № 275-ФЗ «О государственном оборонном заказе». Он устанавливает особые правила исполнения контрактов, режим отдельных счетов, требования к раздельному учету и механизмы банковского сопровождения расчетов. В частности, банковское сопровождение предполагает мониторинг расчетов и контроль распоряжений о переводе денежных средств с использованием отдельного счета. Однако наличие специальных ограничений не исключает возможности их обхода через сложные финансово-хозяйственные схемы, фиктивное документирование и использование подконтрольных организаций.

Экономические преступления в рассматриваемой сфере имеют комплексный характер. Они нередко сочетают признаки преступлений против собственности, преступлений в сфере

экономической деятельности, коррупционных деяний и служебных злоупотреблений. Преступный результат может достигаться как путем непосредственного хищения денежных средств, так и через формально легитимные хозяйственные операции, экономическая необоснованность которых скрывается в документации.

К числу наиболее распространенных способов относятся следующие:

- завышение стоимости сырья, материалов, комплектующих, работ и услуг, включаемых в себестоимость продукции по ГОЗ;

- использование фиктивных или аффилированных посреднических организаций для искусственного увеличения цены поставок;

- включение в состав затрат расходов, не связанных с исполнением конкретного оборонного контракта;

- представление недостоверных сведений о фактическом объеме выполненных работ, степени готовности продукции и расходовании денежных средств;

- поставка продукции, не соответствующей установленным техническим характеристикам, либо замена предусмотренных контрактом материалов на более дешевые аналоги;

- хищение денежных средств через фиктивное выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских, ремонтных или логистических работ;

- получение незаконного вознаграждения за содействие в выборе поставщика, приемке продукции, согласовании цены или непринятии мер реагирования на выявленные нарушения [3].

Существенной особенностью является многоуровневая кооперация. Головной исполнитель привлекает исполнителей и поставщиков последующих уровней, которые, в свою очередь, могут заключать новые договоры. По мере удлинения такой цепочки снижается прозрачность формирования конечной цены и усложняется установление действительного получателя денежных средств. Формально правомерная оплата товара или услуги может скрывать перевод средств в адрес технической компании, не обладающей ресурсами для реального исполнения договора.

Например, головной исполнитель может приобрести комплектующие у аффилированного

поставщика по цене, существенно превышающей рыночный уровень. Поставщик далее приобретает тот же товар у реального производителя по обычной цене, а разница остается в распоряжении посредника. При включении этой разницы в цену контракта бюджетные средства расходуются не на создание оборонной продукции, а на извлечение необоснованной прибыли.

Для преступлений в ГОЗ характерна также высокая латентность. В отличие от очевидного хищения имущества, завышение цены, фиктивность кооперации или необоснованность отдельных затрат требуют проведения финансово-экономических, бухгалтерских, товароведческих и технических исследований. Кроме того, часть документации может относиться к сведениям ограниченного доступа, что объективно усложняет проверочную и следственную деятельность [4].

Противодействие преступлениям в сфере ГОЗ строится на сочетании правовых, финансовых, контрольных и уголовно-процессуальных механизмов. Базовое значение имеет специальный режим расчетов, направленный на обеспечение целевого характера использования средств.

Федеральный закон № 275-ФЗ предусматривает банковское сопровождение сопровождаемых сделок. Уполномоченный банк осуществляет мониторинг расчетов, контроль распоряжений о переводе денежных средств и вправе отказывать в проведении операций, не соответствующих требованиям закона. Отдельный банковский счет позволяет обособить финансовые потоки по оборонному контракту от иных средств предприятия и повысить прослеживаемость расходования бюджетного финансирования.

В случаях, предусмотренных законодательством, применяется казначейское сопровождение. Его содержанием является контроль операций через лицевые счета, открываемые в территориальных органах Федерального казначейства. В отличие от банковского сопровождения, такой механизм предполагает более прямое участие казначейской системы в санкционировании и проверке операций.

Важное значение имеют также:

- раздельный учет результатов финансово-хозяйственной деятельности по каждому государственному контракту;
- государственный контроль в сфере ГОЗ;
- антимонопольный контроль и контроль соблюдения порядка ценообразования;
- финансовый мониторинг подозрительных операций;
- прокурорский надзор;
- оперативно-розыскная деятельность и предварительное расследование;
- применение уголовной, административной, гражданско-правовой и дисциплинарной ответ-

ственности.

Банковский контроль не является исключительно технической процедурой. Уполномоченный банк обязан осуществлять мониторинг расчетов и вправе не принимать к исполнению распоряжения, если операция противоречит установленному режиму использования отдельного счета. Тем самым финансовая организация выполняет функцию первичного барьера, предотвращающего вывод средств через недопустимые платежи.

Несмотря на развитие механизмов сопровождения, действующая система не устраняет все криминогенные риски. Ее слабые стороны связаны прежде всего с тем, что финансовая прозрачность отдельных операций не всегда позволяет установить их экономическую обоснованность. Далее представим выявленные проблемы [1].

Первая проблема заключается в сложности проверки фактической цены продукции. Формально подтвержденные расходы могут быть документально безупречны, однако экономически не оправданы. Особенно это характерно для уникальной продукции, опытно-конструкторских работ, импортозамещающих компонентов и поставок с ограниченным числом производителей. При отсутствии сопоставимых рыночных предложений доказывание завышения цены требует специальной методики и привлечения компетентных экспертов.

Вторая проблема состоит в использовании аффилированных лиц и номинальных организаций. Даже при контроле операций по отдельным счетам могут возникать схемы, в которых денежные средства перечисляются за реально оформленные поставки, но прибыль концентрируется у посредников, не создающих самостоятельной экономической ценности. Формальное соответствие документов требованиям закона не всегда свидетельствует о добросовестности участников сделки.

Третья проблема связана с недостаточной интеграцией межведомственных данных. Информация о расчетах, налоговой нагрузке, контрагентах, судебных спорах, банкротствах, лицензиях, производственных мощностях и участии в иных закупках может находиться в различных информационных системах. Отсутствие единого аналитического контура затрудняет раннее выявление взаимосвязанных признаков риска.

Четвертая проблема выражается в преобладании последующего контроля над предупреждением. Уголовное дело часто возбуждается после выявления существенного ущерба, нарушения сроков или фактического неисполнения обязательств. Между тем наиболее эффективным является предотвращение незаконной операции

до ее совершения либо на ранней стадии исполнения контракта.

Пятая проблема — кадровая и экспертная. Расследование преступлений в сфере ГОЗ требует знаний уголовного права, экономики, бухгалтерского учета, контрактной системы, технического регулирования и специфики оборонного производства. Нехватка специалистов, способных комплексно анализировать финансово-производственные схемы, снижает оперативность и качество принимаемых решений.

Совершенствование противодействия экономическим преступлениям в сфере ГОЗ должно быть направлено на переход от преимущественно формального контроля платежей к комплексной оценке экономической обоснованности всех этапов исполнения контракта.

Во-первых, целесообразно внедрить единую межведомственную цифровую платформу аналитики рисков в сфере ГОЗ. Она должна обеспечивать защищенный обмен данными между государственными заказчиками, Федеральным казначейством, уполномоченными банками, налоговыми органами, антимонопольным органом, Росфинмониторингом и правоохранительными органами. Доступ к сведениям должен осуществляться дифференцированно, с соблюдением требований защиты государственной тайны и иной охраняемой законом информации.

Во-вторых, необходимо расширить применение риск-ориентированной модели контроля. Автоматическая система может присваивать контрактам и участникам кооперации индикаторы риска на основе совокупности признаков: резкого роста цены, частой смены поставщиков, отсутствия персонала и основных средств у контрагента, несоразмерной посреднической наценки, повторяющихся платежей связанным организациям, несоответствия налоговой нагрузки объемам контрактов.

В-третьих, следует усовершенствовать методики контроля ценообразования. Для этого требуется формирование специализированных реестров цен на материалы, комплектующие, работы и услуги, применяемые при исполнении ГОЗ. При уникальности продукции следует использовать не только сравнительный, но и затратный метод анализа: оценивать нормативную трудоемкость, стоимость материальных ресурсов, уровень производственной загрузки, необходимость привлечения субподрядчиков и обоснованность прибыли.

В-четвертых, представляется оправданным усиление проверки бенефициарных владельцев участников кооперации. В ходе допуска к исполнению контрактов необходимо оценивать не только наличие необходимых лицензий и формальное соответствие требованиям, но и произ-

водственные возможности организации, деловую репутацию, структуру собственности, финансовую устойчивость и признаки аффилированности с иными участниками цепочки поставок.

В-пятых, требуется развитие специализированной подготовки сотрудников контрольных и правоохранительных органов. Практико-ориентированные программы должны включать анализ себестоимости оборонной продукции, выявление фиктивной кооперации, исследование банковских операций, оценку технической документации и доказывание преступных схем с использованием цифровых следов.

Таким образом, противодействие экономическим преступлениям в сфере государственного оборонного заказа должно основываться на сочетании финансового сопровождения, прозрачности кооперационных связей, профессионального ценового контроля и межведомственной аналитики. Действующие механизмы банковского и казначейского сопровождения создают необходимую правовую основу контроля, однако их эффективность зависит от способности государства своевременно выявлять не только незаконные платежи, но и скрытую экономическую необоснованность хозяйственных операций.

Список литературы:

- [1] Жалсанов М.К., Ростовцев А.В. Особенности трансформации криминальных угроз в бюджетной сфере в условиях цифровизации экономики // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. - 2026. - № 2. - С. 124 - 132.
- [2] Исаичева М.М. Особенности уголовно-правовой оценки преступлений в сфере государственного оборонного заказа // Закон и право. - 2025. - № 9. - С. 212 - 219.
- [3] Лукпанов А.Н. Деятельность подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции по выявлению экономических преступлений в сфере государственного оборонного заказа // Полицейская и следственная деятельность. - 2024. - № 3. - С. 13 - 26.
- [4] Пивоварова Е.Г., Пивоваров Ф.Ю. Особенности экспертных экономических исследований при расследовании мошенничества в рамках государственного оборонного заказа // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. - 2026. - № 4. - С. 230 - 236.

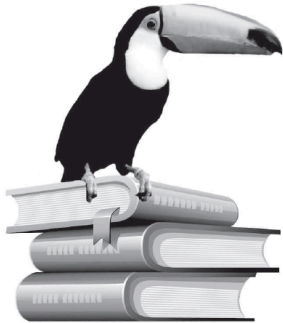
References:

- [1] Zhalsanov M.K., Rostovtsev A.V. Features of the transformation of criminal threats in the public sector in the context of the digitalization of the economy // Izvestia TuiSU. Economic and legal sciences. - 2026. - № 2. - S. 124-132.
- [2] Isaicheva M.M. Features of criminal law assessment of crimes in the field of state defense

order // Law and law. - 2025. - № 9. - S. 212-219.

[3] Lukpanov A.N. Activities of economic security and anti-corruption units to identify economic crimes in the state defense order // Police and investigative activities. - 2024. - № 3. - S. 13-26.

[4] Pivovarova E.G., Pivovarov F.Yu. Features of expert economic research in the investigation of fraud within the framework of the state defense order // Humanitarian, socio-economic and social sciences. - 2026. - № 4. - S. 230-236.

**ЮРИДИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ЮРКОМПАНИ»**

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

КОВАЛЕВ Олег Геннадьевич,
доктор
юридических наук, кандидат психологических
наук, профессор, главный научный сотрудник
ФКУ научно-исследовательский институт
ФСИН России,
e-mail: okovalev66@gmail.com

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПОВЕДЕНИЯ ОСУЖДЕННЫХ, ПОЛЬЗУЮЩИХСЯ ПРАВОМ ПЕРЕДВИЖЕНИЯ БЕЗ КОНВОЯ ИЛИ СОПРОВОЖДЕНИЯ ЗА ПРЕДЕЛАМИ ИСПРАВИТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Аннотация. Целью исследования явились правовые основы поведения осужденных, пользующихся правом передвижения без конвоя или сопровождения за пределами исправительного учреждения уголовно-исполнительной системы. Для ее выполнения применялись принцип диалектического познания, статистический и аналитический методы, включенное наблюдение. Анализировались законодательные и ведомственные правовые акты, научные публикации, а также материалы, раскрывающие правовые основы поведения осужденных, пользующихся правом передвижения без конвоя или сопровождения за пределами ИУ УИС. В современных условиях гуманизации национальной уголовно-исполнительной политики в сфере исполнения уголовных наказаний, актуальное значение приобретает правовой институт передвижения осужденных к лишению свободы без конвоя или сопровождения за пределами ИУ УИС. Данный правовой институт получил свое правовое оформление в уголовно-исполнительном кодексе Российской Федерации, других законодательных и ведомственных правовых актах Минюста и ФСИН России, в числе особо выделяются Правила внутреннего распорядка (далее ПВР ИУ УИС ИУ УИС), утвержденные Приказом Министерства юстиции РФ № 110 от 04.07.2022 г. Условия и порядок передвижения осужденных к лишению свободы без конвоя закрепились в статье 96 УИК РФ. Основным принципом, используемым законодателем при формулировке указанной правовой нормы явилась положительная характеристика осужденных, отбывающих лишение свободы в ИУ УИС. Документом, удостоверяющим данное право осужденных, является выданный администрацией ИУ в установленном порядке пропуск, образец которого приведен в приложении № 9 ПВР ИУ УИС 2022 г. Предусмотрен запрет передвижения осужденных к лишению свободы без конвоя и сопровождения в период действия особых условий в конкретных случаях. Передвижение осужденных к лишению свободы без конвоя или сопровождения за пределами ИУ УИС предполагает реализацию конкретных запретов, ограничений, обязанностей и предписаний, накладываемых уголовно-исполнительным законом и ведомственными правовыми актами Минюста и ФСИН России на осужденных. Их эффективная организация способствует исправлению осужденных, ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации. Она органически взаимосвязана с пенитенциарной и постпенитенциарной пробацией, осуществляемой в отношении нуждающихся осужденных, лиц отбывших уголовное наказание в виде лишения свободы.

Ключевые слова: лишение свободы, поведение осужденных, правовое регулирование, передвижение без конвоя или сопровождения, пределы исправительные учреждения, уголовно-исполнительная система.

KOVALEV Oleg Gennadievich,
Doctor of Law, Candidate of Law of Psychological
Sciences, Professor, Chief Researcher of the FKU
Scientific Research Institute Federal Penitentiary
Service of Russia

LEGAL REGULATION OF THE BEHAVIOR OF CONVICTS USING THE RIGHT TO TRAVEL WITHOUT ESCORT OR ESCORT OUTSIDE THE CORRECTIONAL INSTITUTION OF THE PENAL SYSTEM

Annotation. The purpose of the study was the legal basis of the behavior of convicts who use the right to travel without escort or escort outside the correctional institution of the penal system. To carry it out, the principle of dialectical cognition, statistical and analytical methods, and included observation were applied. Legislative and departmental legal acts, scientific publications, as well as materials revealing the legal basis of the behavior of convicts using the right to travel without escort or escort outside the penitentiary institution were analyzed. In modern conditions of the humanization of the national penal enforcement policy in the field of the execution of criminal penalties, the legal institution of movement of persons sentenced to imprisonment without escort or escort outside the penitentiary institution acquires urgent importance. This legal institution has received its legal formalization in the Penal Enforcement Code of the Russian Federation, other legislative and departmental legal acts of the Ministry of Justice and the Federal Penitentiary Service of Russia, among which the Internal Regulations (hereinafter referred to as the Internal Regulations of the Criminal Code of the Russian Federation), approved by Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation No. 110 dated 07/04/2022, the conditions and procedure for the movement of persons sentenced to imprisonment without Convoys are fixed in Article 96 of the Criminal Code of the Russian Federation. The main principle used by the legislator in the formulation of this legal norm was the positive characterization of convicts serving imprisonment in the penal institution. The document certifying this right of convicts is a pass issued by the administration of the IU in accordance with the established procedure, a sample of which is given in Appendix No. 9 of the IU UIS 2022. It provides for a ban on the movement of persons sentenced to imprisonment without escort and escort during the period of special conditions in specific cases. The movement of persons sentenced to imprisonment without escort or escort outside the Penitentiary Institution involves the implementation of specific prohibitions, restrictions, duties and regulations imposed by the penal enforcement Act and departmental legal acts of the Ministry of Justice and the Federal Penitentiary Service of Russia on convicts. Their effective organization contributes to the correction of convicts, re-socialization, social adaptation and social rehabilitation. It is organically interconnected with penitentiary and post-penitentiary probation, carried out in relation to needy convicts, persons who have served a criminal sentence in the form of imprisonment.

Key words: deprivation of liberty, behavior of convicts, legal regulation, movement without escort or escort, limits of correctional institutions, penal enforcement system.

Введение. В современных условиях гуманизации национальной уголовно-исполнительной политики в сфере исполнения уголовных наказаний, актуальное значение приобретает правовой институт передвижения осужденных к лишению свободы без конвоя или сопровождения за пределами исправительного учреждения уголовно-исполнительной системы (далее ИУ УИС) [1, с. 26-32].

Данный правовой институт получил свое правовое оформление в уголовно-исполнительном кодексе Российской Федерации, других законодательных и ведомственных правовых актах Минюста и ФСИН России, в числе особо выделяются Правила внутреннего распорядка (далее ПВР УИС ИУ УИС), утвержденные Приказом Министерства юстиции РФ № 110 от 04.07.2022 г.

Условия и порядок передвижения осужденных к лишению свободы без конвоя закреплены в статье 96 УИК РФ. Основным принципом, ис-

пользуемом законодателем при формулировке указанной правовой нормы явилась положительная характеристика осужденных, отбывающих лишение свободы в ИУ УИС. Таким лицам может быть разрешено передвижение без конвоя или сопровождения за пределами ИУ, если это необходимо по характеру выполняемой ими работы [2]. Таким образом, уголовно-исполнительный закон в контексте устойчивой тенденции по гуманизации исполнения уголовных наказаний, более широкого использования общественно полезного труда осужденных к лишению свободы, в том числе оплачиваемого, за пределами ИУ регламентирует их передвижение без конвоя и сопровождения [3, с. 459-464]. Рассматриваемый правовой институт также оказывает положительное воздействие на осужденных при достижении цели их исправления, решения задач ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации [4, с. 337-342].

При этом закон выделяет отдельные категории осужденных, к которым запрещено применять передвижение без конвоя и сопровождения за пределами ИУ [5]. К ним относятся осужденные, отбывающие лишение свободы при:

особо опасном рецидиве преступлений [6, с. 303-307];

которым смертная казнь заменена пожизненным лишением свободы;

приговоренных судом к пожизненному лишению свободы;

находящихся в данном ИУ менее шести месяцев (то есть не прошедшие полного психолого-диагностического и социального-правового обследования пенитенциарными психологами и представителями других служб и подразделений учреждения), не в полной мере адаптированных к условиям конкретного ИУ;

имеющих неснятые и непогашенные взыскания;

совершивших особо тяжкие преступления; находящиеся в строгих условиях содержания;

осужденных за умышленные преступления, совершенные в период отбывания наказания;

больных открытой формой туберкулеза;

не прошедшие полного курса лечения венерического заболевания, алкоголизма, токсикомании, наркомании;

ВИЧ – инфицированных;

страдающих психическими расстройствами, не исключающими вменяемости.

Закон наделил начальника ИУ УИС правом выносить постановления о предоставлении осужденным к лишению свободы передвигаться без конвоя и сопровождения за пределами учреждения. При этом указанные лица размещаются в отдельных жилых помещениях ИУ. Им также может быть разрешено проживание в общежитии за пределами ИУ, в границах, установленных администрацией учреждения по согласованию с органами местного самоуправления [7].

Также уголовно-исполнительный закон (в части пятой статьи 96 УИК РФ) определил, что поведение осужденных, пользующихся правом передвижения без конвоя и сопровождения или сопровождения за пределами учреждения, регулируется ПВР ИУ УИС 2022 года.

Таким образом, анализируемый в настоящей научной статье механизм реализации права осужденных к лишению свободы на передвижение без конвоя или сопровождения за пределами ИУ УИС является современным правовым институтом, актуальным для отечественной пенитенциарной практики и теории уголовно-исполнительного права, ожидающим своего дальнейшего изучения с использованием специальных методов и научного инструментария.

Методы и принципы исследования. Для изучения правовых основ поведения осужденных, пользующихся правом передвижения без конвоя или сопровождения за пределами исправительного учреждения уголовно-исполнительной системы применялись принцип диалектического познания, статистический и аналитический методы, включенное наблюдение. Анализировались законодательные и ведомственные правовые акты, научные публикации, а также материалы, раскрывающие правовые основы поведения осужденных, пользующихся правом передвижения без конвоя или сопровождения за пределами ИУ УИС.

Основные результаты. Особенности поведения осужденных к лишению свободы, реализующих право на передвижение без конвоя или сопровождения за пределами ИУ УИС, регулируются разделом 18 (пунктами 303-310.5) ПВР ИУ УИС 2022 г.

Документом, удостоверяющим данное право осужденных, является выданный администрацией ИУ в установленном порядке пропуск, образец которого приведен в приложении № 9 ПВР ИУ УИС 2022 г. В нем указывается время и маршрут передвижения осужденного без конвоя и сопровождения. Выдача такого документа осуществляется после объявления их обязанностей и запретов, которое оформляется распиской, приобретаемой к личному делу осужденного. Подобный порядок соблюдения рассматриваемого права осужденных к лишению свободы позволяет эффективно обеспечивать режимные требования, отраженные в уголовно-исполнительном законодательстве [8, с. 126-128].

В пункте 305 (1) ПВР ИУ УИС 2022 г. предусмотрен запрет передвижения осужденных к лишению свободы без конвоя и сопровождения в период действия особых условий в случаях:

введения на территории РФ или в ее отдельных местностях чрезвычайного или военного положения;

объявления режима повышенной готовности или чрезвычайной ситуации;

при захвате заложников, массовых беспорядках или групповом неповиновении осужденных к лишению свободы законным требованиям администрации ИУ УИС [9, с. 166-174];

при наличии реальной угрозы вооруженного нападения на ИУ [10].

Передвижение осужденных к лишению свободы без конвоя или сопровождения за пределами ИУ УИС ограничивается в случаях введения карантина, и разрешается только на основании постановления должностного лица, осуществляющего федеральный государственный санитарно-эпидемиологический контроль на объектах УИС.

ПВР ИУ УИС предусматривают принятие

администраций учреждения мер воздействия в отношении осужденных, нарушающих установленные правила передвижения без конвоя или сопровождения. Также предусмотрены обязанности осужденных, которым администрацией ИУ УИС предоставлено право передвижения без конвоя или сопровождения, к основным из которых относятся:

соблюдение маршрута и времени передвижения;

своевременное возвращение после работы в общежитие (объект проживания), сообщение о прибытии к месту проживания ДПНУ;

предъявление пропуска по первому требованию работников УИС, сдача его ДПНУ при возвращении в ИУ;

нахождение в пределах общежития (объекта проживания) в свободное от работы время;

запрет на выход за пределы локального участка общежития в неустановленное распоряжением дня осужденных к лишению свободы время;

оставление в рабочее время объекта, на котором работает осужденный;

принятие для отправки, передачи письма и выполнение других поручений осужденных к лишению свободы и иных лиц;

передача пропусков другим лицам;

передвижение по не установленным администрацией ИУ маршрутам, в целях исключения возможности совершения побега из под надзора [11, с. 31-37].

Таким образом, теоретико-правовой анализ института передвижения осужденных к лишению свободы без конвоя или сопровождения за пределами ИУ УИС предполагает реализацию конкретных запретов, ограничений, обязанностей и предписаний, накладываемых уголовно-исполнительным законом и ведомственными правовыми актами Минюста и ФСИН России на осужденных. Их эффективная организация способствует исправлению осужденных, ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации. Она органически взаимосвязана с пенитенциарной и постпенитенциарной пробацией, осуществляемой в отношении нуждающихся осужденных, лиц отбывших уголовное наказание в виде лишения свободы [12, с. 2-7].

Обсуждение. Результаты исследования обсуждались на следующих научно-практических форумах, где автор выступал с докладами:

VIII Международной научно-практической конференции «Пенитенциарная система и общество: опыт взаимодействия», состоявшейся в ФКОУ ВО Пермский институт ФСИН России 13.04.2021 г. Доклад на тему «Взаимодействие органов прокуратуры с общественными наблюдательными комиссиями при осуществлении надзора за законностью исполнения уголовных нака-

заний»;

V Международном пенитенциарном форуме «Преступление, наказание, исправление» (приуроченном к проведению в 2021 году в Российской Федерации Года науки и технологий), состоявшемся 17-19.10.2021 г. в Академии ФСИН России. Доклад на тему «Организация и методика проведения прокурорских проверок в исправительных колониях уголовно-исполнительной системы в условиях ее реформирования»;

10 Международной научно-практической конференции «Пенитенциарная система и общество: опыт взаимодействия» в Пермском институте ФСИН России 15.04.2023. Доклад на тему: «Современная оперативно-розыскная политика в УИС и ее влияние на комплексное обеспечение безопасности пенитенциарных учреждений»;

6 Международном пенитенциарном форуме «Преступление, наказание, исправление», приуроченном к 30-летию со дня принятия Конституции Российской Федерации и Закона Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации», состоявшемся в Академии ФСИН России 15.11.2023. Доклад на тему: «Значение прокурорского надзора при реализации основных направлений деятельности уголовно-исполнительной системы на современном этапе ее развития»;

XI Международной научно-практической конференции «Пенитенциарная система и общество: опыт взаимодействия», посвященной 145-летию уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, состоявшейся в ФКОУ ВО Пермский институт ФСИН России 05.04. 2024 г., на секции «Правовое регулирование деятельности подразделений УИС по обеспечению режима, охраны и конвоирования». Доклад на тему: «Особенности деятельности оперативных подразделений по обеспечению режима исправительных учреждений».

Заклучение. В современных условиях гуманизации национальной уголовно-исполнительной политики в сфере исполнения уголовных наказаний, актуальное значение приобретает правовой институт передвижения осужденных к лишению свободы без конвоя или сопровождения за пределами ИУ УИС.

Данный правовой институт получил свое правовое оформление в уголовно-исполнительном кодексе Российской Федерации, других законодательных и ведомственных правовых актах Минюста и ФСИН России, в числе особо выделяются Правила внутреннего распорядка (далее ПВР УИС ИУ УИС), утвержденные Приказом Министрства юстиции РФ № 110 от 04.07.2022 г.

Условия и порядок передвижения осужденных к лишению свободы без конвоя закреплены в

статье 96 УИК РФ. Основным принципом, используемым законодателем при формулировке указанной правовой нормы явилась положительная характеристика осужденных, отбывающих лишение свободы в ИУ УИС.

Документом, удостоверяющим данное право осужденных, является выданный администрацией ИУ в установленном порядке пропуск, образец которого приведен в приложении № 9 ПВР ИУ УИС 2022 г. Предусмотрен запрет передвижения осужденных к лишению свободы без конвоя и сопровождения в период действия особых условий в конкретных случаях.

Передвижение осужденных к лишению свободы без конвоя или сопровождения за пределами ИУ УИС предполагает реализацию конкретных запретов, ограничений, обязанностей и предписаний, накладываемых уголовно-исполнительным законом и ведомственными правовыми актами Минюста и ФСИН России на осужденных. Их эффективная организация способствует исправлению осужденных, ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации. Она органически взаимосвязана с пенитенциарной и постпенитенциарной пробацией, осуществляемой в отношении нуждающихся осужденных, лиц отбывших уголовное наказание в виде лишения свободы.

Список литературы:

- [1] Ковалев Применение уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации и международно-правовых актов в условиях современной уголовно-исполнительной политики // Право и управление. 2025. № 7. С. 26-32.
- [2] Комментарий к уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации / Трунов И.Л., Филимонов О.В., Айвар Л.К., Михлин А.С., Гришко А.Я., Гейхман В.Л., Ковалев О.Г., Толкаченко А.А., Трунцевский Ю.В., Лобов Я.В., Самойлов А.С., Шабанов Г.Х., Шарапов С.Н., Середа Е.В., Казакова В.А. Москва, 2006. 148 с.
- [3] Ковалев О.Г. Организационно-правовые и психолого-педагогические вопросы привлечения к общественно полезному труду осужденных к лишению свободы // Международный научный вестник. 2025. № 12. С. 459-464.
- [4] Ковалев О.Г. Исправление, ресоциализация, социальная адаптация и социальная реабилитация осужденных как цель и задачи современной теории отечественного уголовно-исполнительного права // Право и управление. 2025. № 6. С. 337-342.
- [5] Комментарий к уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации / Бриллиантов А.В., Геранин В.В., Зубарев С.М., Дубровицкий Л.П., Епанешников В.С., Казакова В.А., Ковалев О.Г., Куденеев С.В., Лысягин О.Б., Лядов Э.В.,

Михлин А.С., Филимонов О.В., Селиверстов В.И. (постатейный) / Москва, 2008. 448 с.

[6] Ковалев О.Г., Семенова Н.В. Историко-правовой анализ регулирования рецидива в отечественном законодательстве // Инновации. Наука. Образование. 2021. № 33. С. 303-307.

[7] Комментарий к уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации (постатейный) // Бриллиантов А.В., Геранин В.В., Зубарев С.М., Дубровицкий Л.П., Епанешников В.С., Казакова В.А., Ковалев О.Г., Куденеев С.В., Лысягин О.Б., Лядов Э.В., Михлин А.С., Селиверстов В.И., Филимонов О.В. Москва, 2011.

[8] Ковалев О.Г., Александрова А.Ю. Современные факторы, влияющие на организацию режима в исправительных учреждениях (на примере правил внутреннего распорядка ИУ и ИЦ) // Тенденции развития науки и образования. 2023. № 96-5. С. 126-128.

[9] Карпов А.А., Ковалев О.Г. Детерминанты совершения групповых неповиновений и массовых беспорядков в отечественных пенитенциарных учреждениях // Вестник Воронежского института ФСИН России. 2023. № 3. С. 166-174.

[10] Приказ Министерства юстиции РФ от 4 июля 2022 г. № 110 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы» // Garant.ru (дата обращения 15.06.2026).

[11] Ковалев О.Г., Кучмук Е.В. Современная характеристика побегов из мест лишения свободы, совершенных осужденными, находящимися под надзором (организационно-правовые и психологические аспекты) // Вестник Кузбасского института. 2023. № 4 (57). С. 31-37.

[12] Ковалев О.Г., Мельникова О.В. Становление и развитие института пробации в современных условиях функционирования уголовно-исполнительной системы России // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2026. № 1. С. 2-7.

References:

- [1] Kovalev Application of the penal enforcement legislation of the Russian Federation and international legal acts in the context of modern penal enforcement policy // Law and management. 2025. No. 7. pp. 26-32.
- [2] Commentary to the Penal Enforcement Code of the Russian Federation / Trunov I.L., Filimonov O.V., Aivar L.K., Mikhlin A.S., Grishko A.Ya., Geikhman V.L., Kovalev O.G., Tolkachenko A.A., Truntsevsky Yu.V., Lobov Ya.V., Samoilov A.S., Shabanov G.Kh., Sharapov S.N., Sereda E.V., Kazakova V.A. Moscow, 2006. 148 p.

[3] Kovalev O.G. Organizational, legal, psychological and pedagogical issues of attracting prisoners to socially useful work // International Scientific Bulletin. 2025. No. 12. pp. 459-464.

[4] Kovalev O.G. Correction, re-socialization, social adaptation and social rehabilitation of convicts as the goal and objectives of the modern theory of domestic penal enforcement law // Law and management. 2025. No. 6. pp. 337-342.

[5] Commentary to the Penal Enforcement Code of the Russian Federation / Brilliantov A.V., Geranin V.V., Zubarev S.M., Dubrovitsky L.P., Epaneshnikov V.S., Kazakova V.A., Kovalev O.G., Kudeneev S.V., Lysyagin O.B., Lyadov E.V., Mikhlin A.S., Filimonov O.V., Seliverstov V.I. (article-by-article) / Moscow, 2008. 448 p.

[6] Kovalev O.G., Semenova N.V. Historical and legal analysis of the regulation of recidivism in domestic legislation // Innovations. Science. Education. 2021. No. 33. pp. 303-307.

[7] Commentary to the Penal Enforcement Code of the Russian Federation (article by article) // Brilliantov A.V., Geranin V.V., Zubarev S.M., Dubrovitsky L.P., Epaneshnikov V.S., Kazakova V.A., Kovalev O.G., Kudeneev S.V., Lysyagin O.B., Lyadov E.V., Mikhlin A.S., Seliverstov V.I., Filimonov O.V. Moscow, 2011.

[8] Kovalev O.G., Alexandrova A.Yu. Modern factors influencing the organization of the regime

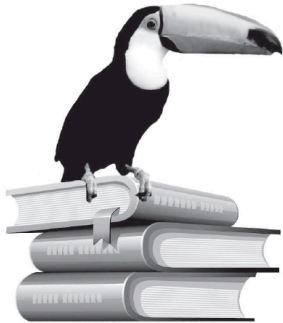
in correctional institutions (on the example of the internal regulations of the IU and IC) // Trends in the development of science and education. 2023. No. 96-5. pp. 126-128.

[9] Karpov A.A., Kovalev O.G. Determinants of group disobedience and mass riots in domestic penitentiary institutions // Bulletin of the Voronezh Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. 2023. No. 3. pp. 166-174.

[10] Order No. 110 of the Ministry of Justice of the Russian Federation dated July 4, 2022 "On Approval of the Internal Regulations of Pre-trial Detention Facilities of the Penal Correction System, the Internal Regulations of Correctional Institutions and the Internal Regulations of Correctional Centers of the Penal Correction system" // Garant.ru (accessed 06/15/2026).

[11] Kovalev O.G., Kuchmuk E.V. Modern characteristics of escapes from places of deprivation of liberty committed by convicts under supervision (organizational, legal and psychological aspects) // Bulletin of the Kuzbass Institute. 2023. No. 4 (57). pp. 31-37.

[12] Kovalev O.G., Melnikova O.V. The formation and development of the probation institute in the modern conditions of the functioning of the Russian penal system // Penal system: law, economics, management. 2026. No. 1. pp. 2-7.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

СТОЛЯРОВ Станислав Олегович,
руководитель четвертого отдела по
расследованию особо важных дел (о
преступлениях в сфере экономики) следственного
управления Следственного комитета РФ
по Республике Татарстан (г. Казань),
e-mail: stolyarov-stas@mail.ru

РОССИЙСКАЯ МОДЕЛЬ СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА В КОНТЕКСТЕ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ ГОСУДАРСТВ-УЧАСТНИКОВ ШОС И БРИКС: ПРОБЛЕМЫ ТРАНСФОРМАЦИИ

Аннотация. В статье представлен сравнительно-правовой анализ моделей начала уголовного процесса в государствах – участниках ШОС, БРИКС и ЕАЭС. Исследуется функциональное назначение стадии возбуждения уголовного дела на примере российской правовой системы, сохраняющей постсоветскую модель обязательного процессуального фильтра. В ходе анализа опыта стран континентальной (КНР, Бразилия), англосаксонской (Индия, Пакистан) и мусульманской (Иран, ОАЭ) правовых семей установлено, что стадия возбуждения в ее классическом понимании не является универсальным элементом судопроизводства. Выявлено, что защитная функция начального этапа может эффективно реализовываться через механизмы регистрации сообщений о преступлении, прокурорский надзор и последующий судебный контроль. Доказана необходимость комплексного реформирования российского института возбуждения уголовного дела с целью устранения формализма и затягивания сроков проверки при сохранении баланса между эффективностью преследования и процессуальными гарантиями личности.

Ключевые слова: уголовный процесс, возбуждение уголовного дела, стадия возбуждения, сравнительно-правовой анализ, правовые семьи, ШОС, БРИКС, начало расследования, процессуальные гарантии.

STOLYAROV Stanislav Olegovich,
Head of the Fourth Department for the Investigation
of Particularly Important Cases (crimes in the
economic sphere) of the Investigative Directorate
of the Investigative Committee of the Russian
Federation for the Republic of Tatarstan (Kazan)

THE RUSSIAN MODEL OF THE CRIMINAL CASE INITIATION STAGE IN THE CONTEXT OF THE LEGAL SYSTEMS OF THE SCO AND BRICS MEMBER STATES: PROBLEMS OF TRANSFORMATION

Annotation. The article presents a comparative legal analysis of the models for initiating criminal proceedings in the member states of the SCO, BRICS, and EAEU. The functional purpose of the stage of initiating a criminal case is examined using the example of the Russian legal system, which retains the post-Soviet model of a mandatory procedural filter. Through the analysis of the experience of countries belonging to continental (China, Brazil), common law (India, Pakistan), and Islamic (Iran, UAE) legal families, it is established that the initiation stage in its classical sense is not a universal element of justice. It is revealed that the protective function of the initial stage can be effectively implemented through mechanisms for registering crime reports, prosecutorial supervision, and subsequent judicial review. The necessity of a comprehensive reform of the Russian institution of initiating a criminal case is proven to eliminate formalism and delays in verification

while maintaining a balance between the effectiveness of prosecution and the procedural guarantees of the individual.

Key words: *criminal procedure, initiation of a criminal case, initiation stage, comparative legal analysis, legal families, SCO, BRICS, start of the investigation, procedural guarantees.*

Выбор государств – членов Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), БРИКС и Евразийского экономического союза (ЕАЭС) для анализа правового регулирования начала уголовного процесса обусловлен не только их внешне-политической и интеграционной значимостью для Российской Федерации, но и методологической ценностью соответствующего сравнительно-правового материала. Российская Федерация является участником всех трех объединений, что предопределяет практическую значимость изучения правовых систем стран-партнеров для целей гармонизации законодательства, взаимной правовой помощи и выработки согласованных подходов к уголовному судопроизводству. Одновременно указанные организации объединяют государства, относящиеся к различным правовым семьям – континентальной (романо-германской), общего права, мусульманской и смешанным системам, – что позволяет рассмотреть начало уголовного процесса не как изолированный национальный институт, а как функциональный элемент уголовного преследования, по-разному оформляемый в зависимости от историко-правовой традиции. В этом смысле анализ опыта стран ШОС, БРИКС и ЕАЭС дает возможность оценить не только эффективность российской модели возбуждения уголовного дела, но и пределы ее универсальности в сопоставлении с альтернативными способами процессуального оформления начала расследования [1-6; 13-14].

В качестве исходной точки сравнительного анализа целесообразно рассмотреть российскую модель, поскольку именно она задает критерии последующего сопоставления с зарубежными правовыми порядками. Российская Федерация, являясь членом ШОС, БРИКС и ЕАЭС, сохраняет традиционную для советской правовой системы модель обязательной стадии возбуждения уголовного дела, которая выполняет фильтрующую функцию: на основе проверки сообщения о преступлении компетентный орган (дознатель, следователь, руководитель следственного органа) принимает одно из процессуальных решений – о возбуждении уголовного дела либо об отказе в его возбуждении. Обязательность стадии возбуждения обосновывается необходимостью защиты граждан от необоснованного уголовного преследования, а также обеспечением законности и обоснованности начала расследования. Вместе с тем в доктрине и правоприменительной практике отмечаются существенные недостатки

данной модели: искусственное затягивание сроков проверки сообщений о преступлениях, формализм при принятии решений, статистическое давление на органы предварительного расследования, приводящее к необоснованным отказам в возбуждении уголовного дела с целью улучшения показателей раскрываемости.

Ближайшим к российской модели примером выступает Республика Беларусь, входящая в ШОС и ЕАЭС и воспроизводящая в своем Уголовно-процессуальном кодексе сходную конструкцию начала уголовного процесса. Стадия возбуждения уголовного дела является обязательной, решение принимается органом дознания, следователем или прокурором на основе проверки сообщения о преступлении [11].

Если российская, белорусская, казахстанская и киргизская модели позволяют проследить внутреннюю эволюцию постсоветского уголовного процесса, то последующее обращение к иным правовым семьям необходимо для выявления того, насколько сама идея обязательного формального возбуждения уголовного дела соотносится с более широкими тенденциями современного уголовного судопроизводства.

В рамках континентальной правовой традиции особый интерес представляет Китайская Народная Республика, член ШОС и БРИКС, поскольку ее уголовно-процессуальное законодательство не предусматривает стадии возбуждения уголовного дела в том виде, в каком она существует в России или Беларуси. Уголовно-процессуальный кодекс КНР в редакциях 2012 и 2018 годов устанавливает процедуру регистрации уголовного дела: органы публичной безопасности, народная прокуратура или народный суд, получив сообщение о преступлении, принимают решение о регистрации дела и начале расследования либо об отказе в регистрации [9].

Уголовно-процессуальный кодекс Бразилии 1941 года с многочисленными последующими реформами не предусматривает отдельной стадии возбуждения уголовного дела [7]. Полиция проводит предварительное расследование, по результатам которого материалы направляются прокурору. Прокурор обладает широкой дискрецией: он принимает решение о предъявлении обвинения и направлении дела в суд либо о прекращении производства. Следовательно, бразильская модель показывает, что и в пределах континентальной традиции возможно смещение центра тяжести с формального акта возбуждения на про-

курорскую оценку перспектив уголовного преследования и достаточности собранных материалов.

Иной нормативный контекст задают государства общего права, где отсутствие самостоятельной стадии возбуждения уголовного дела обусловлено не реформированием советской или континентальной модели, а самой логикой построения уголовного преследования, основанной на первичной полицейской регистрации сообщения и последующей судебной проверке наиболее существенных ограничений прав личности.

Республика Индия, являясь членом ШОС и БРИКС, представляет классический пример страны общего права. Уголовно-процессуальный кодекс Индии 1973 года (Code of Criminal Procedure, CrPC) не содержит института возбуждения уголовного дела [8]. Начало уголовного процесса связывается с регистрацией первичного информационного отчета (First Information Report, FIR) – документа, фиксирующего сообщение о совершении преступления, относящегося к категории *cognizable offences*, то есть преступлений, по которым полиция вправе производить арест без судебного ордера. После регистрации FIR полиция обязана начать расследование; формального решения о возбуждении дела не требуется. Магистрат может приказать полиции провести расследование либо сам осуществить *preliminary inquiry*, однако его участие на стадии начала расследования не является обязательным. Поэтому индийская модель иллюстрирует принципиально иной баланс процессуальных гарантий: начальный этап максимально упрощен, а основная нагрузка по защите прав личности переносится на последующие судебные процедуры, связанные с арестом, залогом, выдачей ордеров и проверкой законности действий полиции.

Исламская Республика Пакистан, член ШОС, также принадлежит к семье общего права, унаследовав британскую правовую систему, и потому во многом воспроизводит индийский подход к началу уголовного процесса. Уголовно-процессуальный кодекс Пакистана 1898 года (CrPC 1898) связывает начало уголовного процесса с регистрацией FIR, после чего полиция проводит расследование и направляет обвинительное заключение (*challan*) в суд [10]. Формальной стадии возбуждения уголовного дела не существует; решение о начале преследования принимается полицией или магистратом на основе дискреционных полномочий. Несмотря на проблемы коррупции, задержек в расследовании и злоупотреблений со стороны полиции, обусловившие реформы 2000-х годов, базовая конструкция начала уголовного процесса осталась неизменной. Тем самым пакистанский опыт подтверждает устойчивость модели, в которой отсутствие стадии возбуждения компенсируется не предварительным судебным

разрешением на расследование, а последующим контролем за законностью полицейских и прокурорских действий. Наряду с континентальными системами и системами общего права существенное значение для исследования имеют правовые ряды с мусульманским компонентом, поскольку они позволяют установить, влияет ли религиозно-правовая природа отдельных норм на саму конструкцию начала уголовного преследования.

Исламская Республика Иран, член ШОС и БРИКС, представляет пример синтеза мусульманского, или шариатского, права и континентальной правовой традиции. Уголовно-процессуальный кодекс Ирана 2013 года, принятый после Исламской революции, основан на принципах шариата, однако заимствует ряд институтов из романо-германской правовой семьи. Начало уголовного процесса в Иране регулируется в зависимости от категории преступления. Для преступлений категории *ta'zir*, то есть дискреционных наказаний, не установленных непосредственно Кораном или Сунной, применяется процедура, близкая к континентальной модели: прокурор или судья расследования принимают решение о начале производства на основе проверки сообщения о преступлении. Для преступлений категорий *hudud* (наказания, прямо предписанные шариатом) и *qisas* (возмездие) процедура упрощена: религиозный судья может самостоятельно инициировать производство, минуя формальную стадию возбуждения. Следовательно, значение иранского опыта состоит в том, что мусульманское право не исключает использования процессуальных институтов континентального типа, но модифицирует их в зависимости от религиозно-правовой классификации преступлений.

Объединенные Арабские Эмираты, член БРИКС с 2024 года, представляют смешанную правовую систему, сочетающую элементы континентального права, сформированные под влиянием французской и египетской правовых традиций, и исламского права. Федеральный Уголовно-процессуальный кодекс ОАЭ основан на континентальной модели: прокурор является центральной фигурой на стадии начала уголовного преследования [12]. Формальной стадии возбуждения уголовного дела в российском понимании не существует; прокурор начинает расследование по поступившему сообщению о преступлении либо по собственной инициативе. Решение о начале преследования принимается прокурором дискреционно, без обязательного судебного контроля. Вместе с тем для преступлений, затрагивающих религиозные и семейные отношения, применяются нормы шариата, и дела могут рассматриваться шариатскими судами, действующими параллельно со светской судебной системой. Таким образом, в ОАЭ сосуществуют две модели начала

уголовного процесса: светская, прокурорская и континентальная, а также религиозная, шариатская, применяемые в зависимости от характера преступления и статуса обвиняемого.

Подводя итоги, отметим, что стадия возбуждения уголовного дела в ее классическом постсоветском понимании не является универсальным элементом уголовного процесса и сохраняется преимущественно в российской и белорусской моделях, тогда как большинство рассмотренных государств либо не знают такой стадии, либо существенно упростили процедуру начала расследования. Принадлежность государства к определенной правовой семье не предопределяет модель начала уголовного процесса, поскольку даже в рамках континентальной традиции сосуществуют различные подходы – от сохранения формальной стадии возбуждения до ее полной отмены или замены регистрационными и прокурорскими механизмами. В государствах, не предусматривающих самостоятельной стадии возбуждения уголовного дела, защитная функция данного этапа компенсируется иными процессуальными гарантиями, прежде всего прокурорским надзором, судебным контролем на последующих стадиях и проверкой законности мер процессуального принуждения. Реформирование российской стадии возбуждения уголовного дела возможно только при комплексном подходе, сочетающем упрощение процедуры начала расследования, усиление прокурорского надзора, расширение судебного контроля за ограничением прав личности и сохранение баланса между эффективностью уголовного преследования и процессуальными гарантиями.

Список литературы:

- [1] Бегова Д.Я. Зарубежный опыт правового регулирования возбуждения уголовных дел / Д.Я. Бегова, А.А. Загалов // Закон и право. 2024. № 2. С. 223–226.
- [2] Канатов Е.С. Возбуждение уголовных дел о преступлениях в сфере экономической деятельности. Москва, 2021. 33 с.
- [3] Коновалов С.Г. Элементы германской модели досудебного производства в уголовном процессе постсоветских государств: 12.00.09: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. 31 с.
- [4] Корнакова С.В. Полномочия прокурора в сфере уголовного судопроизводства в России и за рубежом / С.В. Корнакова // Актуальные проблемы российского права. 2025. № 3 (172). С. 149–155.
- [5] Правовые системы стран мира. Энциклопедический справочник. М.: НОРМА, 2007. 943 с.
- [6] Сидорова Н.В. Компаративное исследование правового регулирования международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства на Евразийском пространстве / Н.В. Сидорова, А.М. Серикбаев // Вестник Карагандинского университета. Серия «Право». 2023. № 2 (110). С. 32–41.

[7] Уголовно-процессуальный кодекс Бразилии 1941 года. Текст: электронный. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/18680> (дата обращения: 28.03.2026).

[8] Уголовно-процессуальный кодекс Индии 1973 года. Текст: электронный. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/8578> (дата обращения: 28.03.2026).

[9] Уголовно-процессуальный кодекс КНР. Текст: электронный. URL: https://chinalawinfo.ru/procedural_law/law_criminal_procedure (дата обращения: 28.03.2026).

[10] Уголовно-процессуальный кодекс Пакистана 1898 года. Текст: электронный. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/3489> (дата обращения: 28.03.2026).

[11] Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. № 295-З. Текст: электронный. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9900295> (дата обращения: 28.03.2026).

[12] Уголовный кодекс Объединённых Арабских Эмиратов. Уголовно-процессуальный кодекс Объединённых Арабских Эмиратов: монография. Санкт-Петербург: Юридический центр, 2015. 400 с. Текст: электронный. URL: <https://e.lanbook.com/book/146424> (дата обращения: 02.08.2026).

[13] Уголовный процесс России и стран Европы: сравнительно-правовое исследование: монография / П.А. Смирнов, С.П. Щерба и др.; под общ. и науч. ред. С.П. Щербы. М.: Проспект, 2023. 280 с.

[14] Zhiyuan, G. The Influence of the Soviet Law Model on Criminal Procedure Law in China / G. Zhiyuan, Y. Jiajia // VNU Journal of Science: Legal Studies. 2024. Vol. 40, no. 1. P. 1–12.

References:

- [1] Begova D.Ya. Foreign experience in the legal regulation of the initiation of criminal cases / D.Ya. Begova, A.A. Zagalov // Law and Law. 2024. № 2. S. 223–226.
- [2] Kanatov E.S. Initiation of criminal cases of crimes in the field of economic activity. Moscow, 2021. 33 pp.
- [3] Konovalov S.G. Elements of the German model of pre-trial proceedings in the criminal process of post-Soviet states: 12.00.09: author. dis.... cand. jurid. sciences. M., 2018. 31 pp.
- [4] Kornakova S.V. Powers of the prosecutor in the field of criminal proceedings in Russia and abroad/S.V. Kornakova // Actual problems of Russian law. 2025. № 3 (172). S. 149–155.
- [5] Legal systems of the countries of the world.

Encyclopedic Handbook. M.: NORMA, 2007. 943 p.

[6] Sidorova N.V. Comparative study of the legal regulation of international cooperation in the field of criminal proceedings in the Eurasian space/N.V. Sidorova, A.M. Serikbaev // Bulletin of Karaganda University. "Right" series. 2023. № 2 (110). S. 32-41.

[7] Brazilian Code of Criminal Procedure 1941. Text: electronic. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/18680> (access date: 28.03.2026).

[8] Indian Code of Criminal Procedure 1973. Text: electronic. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/8578> (access date: 28.03.2026).

[9] PRC Code of Criminal Procedure. Text: electronic. URL: https://chinalawinfo.ru/procedural_law/law_criminal_procedure (дата обращения: 28.03.2026).

[10] Pakistan Code of Criminal Procedure 1898.

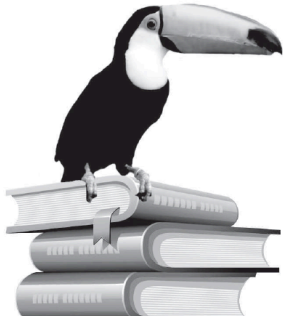
Text: electronic. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/3489> (access date: 28.03.2026).

[11] Code of Criminal Procedure of the Republic of Belarus No. 295-Z of 16 July 1999. Text: electronic. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9900295> (access date: 28.03.2026).

[12] Penal Code of the United Arab Emirates. United Arab Emirates Code of Criminal Procedure: monograph. St. Petersburg: Legal Center, 2015. 400 s. Text: electronic. URL: <https://e.lanbook.com/book/146424> (accessed: 02.08.2026).

[13] Criminal procedure in Russia and European countries: comparative legal research: monograph / P.A. Smirnov, S.P. Shcherba et al.; under general. and scientific. ed. S.P. Shcherba. M.: Prospect, 2023. 280 s.

[14] Zhiyuan, G. The Influence of the Soviet Law Model on Criminal Procedure Law in China / G. Zhiyuan, Y. Jiajia // VNU Journal of Science: Legal Studies. 2024. Vol. 40, no. 1. P. 1–12.

**ЮРИДИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ЮРКОМПАНИ»**

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

БОГДАНОВ Максим Николаевич,
кандидат юридических наук, доцент кафедры
организации режима, Псковского филиала
Университета ФСИН России,
e-mail: mbogdanov75@mail.ru

КАРПУШКИНА Галина Владимировна,
преподаватель кафедры уголовного процесса,
Московского областного филиала Московского
ордена Почёта университета МВД России имени
В.Я. Кикотя,
e-mail: galina_karpushki@mail.ru

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СЛЕДСТВЕННЫХ ИЗОЛЯТОРАХ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В статье проводится комплексный анализ проблем реализации уголовно-процессуальной деятельности в следственных изоляторах (СИЗО) Федеральной службы исполнения наказаний России. Исследование фокусируется на системных противоречиях между требованиями уголовного судопроизводства и особым режимом содержания под стражей, которые усугубляются в условиях функционирования новых территориальных органов РФ. Автор рассматривает ключевые препятствия в организации доступа защитников и следователей, производстве следственных действий, обеспечении прав подследственных и поддержании необходимого уровня процессуальной автономии в условиях тотального административного контроля. Особое внимание уделяется проблемам, возникающим в новых субъектах Федерации, связанным с интеграцией пенитенциарных систем, кадровым дефицитом, логистической сложностью и повышенными рисками нарушения процессуальных гарантий. На основе анализа предлагается система мер, включающая совершенствование нормативной базы, внедрение технологий видеоконференц-связи (ВКС), создание специализированных следственных кабинетов, усиление прокурорского надзора и разработку адаптированных программ профессиональной подготовки для сотрудников СИЗО в новых регионах.

Ключевые слова: уголовно-процессуальная деятельность, следственный изолятор (СИЗО), Уголовно-исполнительная система (УИС), подследственный, право на защиту, следственные действия, режим содержания под стражей, новые территории, процессуальные гарантии, видеоконференц-связь (ВКС), административное противодействие.

BOGDANOV Maxim Nikolaevich,
Candidate of Law, Associate Professor at the
Department of Regime Organization, Pskov Branch
of the University of the Federal Penitentiary Service
of Russia

KARPUSHKINA Galina Vladimirovna,
lecturer at the Department of Criminal Procedure,
Moscow Regional Branch of the Moscow Order of
Honor University of the Ministry of Internal Affairs of
Russia named after V.Ya. Kikot

SOME PROBLEMS IN THE IMPLEMENTATION OF CRIMINAL PROCEEDINGS IN THE DETENTION CENTERS OF THE RUSSIAN FEDERATION'S PENAL SYSTEM

Annotation. The article provides a comprehensive analysis of the problems of implementing criminal procedural activities in pre-trial detention centers Federal Penitentiary Service of Russia. The study focuses on the systemic contradictions between the requirements of criminal proceedings and the special regime of detention, which are aggravated by the functioning of the new territorial authorities of the Russian Federation. The author examines the key obstacles in organizing access for defenders and investigators, conducting investigative actions, ensuring the rights of persons under investigation and maintaining the necessary level of procedural autonomy in conditions of total administrative control. Special attention is paid to the problems arising in the new regions of the Federation related to the integration of penitentiary systems, staffing shortages, logistical complexity and increased risks of violation of procedural guarantees. Based on the analysis, a system of measures is proposed, including the improvement of the regulatory framework, the introduction of videoconferencing technologies (VCS), the creation of specialized investigative rooms, strengthening prosecutor's supervision and the development of adapted professional training programs for prison staff in new regions.

Key words: criminal procedural activity, pre-trial detention center (SIZO), Penal enforcement system (Penal correction system), pre-trial detention, right to defense, investigative actions, detention regime, new territories, procedural guarantees, videoconference communication (VCS), administrative counteraction.

Следственный изолятор (СИЗО) как вид учреждения уголовно-исполнительной системы (УИС) выполняет уникальную и социально нагруженную функцию: обеспечение изоляции лиц, в отношении которых избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, на период предварительного расследования и судебного разбирательства. Эта функция помещает СИЗО в эпицентр ключевого противоречия современного правового государства: с одной стороны, необходимость неукоснительного соблюдения жесткого режима безопасности и изоляции, с другой – обеспечение полной и беспрепятственной реализации всего комплекса уголовно-процессуальных прав как обвиняемого (подозреваемого), так и иных участников процесса (защитника, следователя, прокурора). Данное противоречие носит не случайный, а системный характер, заложенный в самой природе предварительного заключения [1, с. 24]. Однако в современных условиях, особенно в контексте вхождения в правовое поле России новых территорий (Донецкая и Луганская Народные Республики, Запорожская и Херсонская области), эти традиционные проблемы приобретают новое измерение, связанное с процессами интеграции, кадрового и инфраструктурного дефицита, а также повышенными рисками в сфере обеспечения прав человека.

Актуальность исследования обусловлена несколькими факторами. Во-первых, от эффективности и законности процессуальной деятельности в СИЗО напрямую зависят сроки и качество предварительного расследования, что является краеугольным камнем правосудия. Во-вторых,

СИЗО остаются учреждениями с наиболее строгим режимом, где риск нарушения прав задержанных (на защиту, на обжалование, на гуманное обращение) максимален, что регулярно фиксируется в отчетах правозащитных организаций и Европейского суда по правам человека [2, с. 58]. В-третьих, интеграция пенитенциарных систем новых территорий требует срочного научно-практического осмысления возникающих вызовов для процессуальной деятельности, дабы не допустить формирования «серых зон» правового регулирования и не создать условий для безнаказанного произвола. Целью настоящей статьи является выявление и анализ комплекса проблем, препятствующих эффективной и соответствующей закону реализации уголовно-процессуальной деятельности в следственных изоляторах УИС России, включая учреждения, расположенные в новых субъектах Федерации, и разработка на этой основе практических рекомендаций по их минимизации. Задачи исследования:

Проанализировать правовые основы и режимные ограничения как факторы, формирующие среду для процессуальной деятельности в СИЗО.

Систематизировать основные проблемы организации доступа защитников, следователей и судей к подследственным.

Исследовать специфические трудности производства следственных действий (допрос, очная ставка, опознание) в условиях СИЗО.

Выявить особые риски и вызовы, характерные для процессуальной деятельности в СИЗО на новых территориях РФ.

Сформулировать комплекс мер правового, организационного и технологического характера, направленных на оптимизацию процессуальной деятельности и усиление гарантий прав личности.

Объектом исследования выступают общественные отношения, складывающиеся в процессе организации и осуществления уголовно-процессуальной деятельности на территории следственных изоляторов ФСИН России. Предмет исследования – нормы уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного права, регулирующие данную деятельность, правоприменительная практика, а также организационные и инфраструктурные условия ее реализации.

Теоретико-методологическая основа работы включает общенаучные методы (анализ, синтез, системный подход), частнонаучные методы юридического исследования (формально-догматический, сравнительно-правовой, историко-правовой), а также методы анализа документов и обобщения практики.

Правовые основы и режимные противоречия как системная проблема:

Уголовно-процессуальная деятельность в СИЗО протекает в условиях уникального правового дуализма. С одной стороны, она регулируется Уголовно-процессуальным кодексом РФ (УПК РФ), закрепляющим широкий спектр прав подследственного (ст. 46, 47 УПК РФ) и полномочия участников процесса. С другой стороны, повседневный порядок, безопасность и условия содержания определяются Уголовно-исполнительным кодексом РФ (УИК РФ) и ведомственными приказами ФСИН, в первую очередь Федеральным законом от 15.07.1995 № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» [3, с. 12]. Этот закон и подзаконные акты устанавливают детальный режимный регламент, который де-факто имеет приоритет в оперативном управлении учреждением. Таким образом, любое процессуальное действие должно быть имплементировано в жесткую систему режимных требований, что неизбежно порождает коллизии.

Главное противоречие заключается в различной целеполагании. Цель уголовного процесса (ст. 6 УПК РФ) – защита прав и законных интересов лиц, а также справедливое судебное разбирательство. Цель администрации СИЗО, вытекающая из режимных норм, – обеспечение изоляции, безопасности, порядка и недопущение побегов. Для администрации любой внешний субъект (адвокат, следователь из другого ведомства) – это, прежде всего, угроза стабильности режима, источник неопределенности и потенциальных нарушений (пронес запрещенных предметов, передача информации, подкуп сотрудников) [4, с. 89]. Поэтому администрация инстинктив-

но стремится минимизировать, контролировать и ограничивать процессуальные контакты, превращая предусмотренные законом права в регулируемые «услуги», доступ к которым зависит от внутренних инструкций, графика и доброй воли начальника смены.

Проблемы организации доступа участников процесса к подследственному

Одной из наиболее острых проблем является реализация права на защиту (ст. 48 Конституции РФ, ст. 49 УПК РФ) через беспрепятственные свидания защитника с клиентом. На практике этот принцип сталкивается с рядом барьеров [5, с. 33-37]:

Формальные и неформальные ограничения времени и продолжительности свиданий. Хотя закон не ограничивает число и длительность свиданий с адвокатом, администрация СИЗО часто устанавливает внутренние регламенты, связывая их с «режимом дня» учреждения, графиком работы комнат для свиданий, необходимостью проведения проверок и т.д. Адвокат, приехавший вне «приемных часов», может столкнуться с отказом или затягиванием процедуры допуска под формальными предлогами («нет свободного помещения», «подследственный на прогулке/медицинской процедуре»).

Чрезмерный административный контроль за содержанием беседы. Закон гарантирует конфиденциальность свидания (ч. 2 ст. 18 Закона № 103-ФЗ). Однако на практике сотрудники часто находятся в непосредственной близости от места свидания, визуально наблюдают за беседой, а в ряде случаев (особенно в регионах с низкой правовой культурой) используют технические средства прослушивания. Это создает атмосферу давления, мешает выстраиванию доверительных отношений и нарушает адвокатскую тайну.

Сложности с допуском нескольких защитников или специалистов. Если по делу проходит несколько обвиняемых или требуется присутствие специалиста (например, психолога, независимого эксперта в рамках защиты), согласование их одновременного допуска превращается в сложную логистическую задачу, которую администрация может использовать для затягивания процесса.

Проблемы доступа следователя, ведущего дело. Следователь, не входящий в структуру ФСИН (СК РФ, МВД, ФСБ), также сталкивается с необходимостью согласования каждого визита. При производстве неотложных следственных действий (обыска, осмотра) это может привести к потере времени и улики. Администрация может настаивать на своем присутствии во время допроса в кабинете следователя на территории СИЗО, что психологически давит на подследственного и нарушает атмосферу процессуальной нейтраль-

ности.

Производство следственных действий на территории СИЗО связано с рядом специфических тактических и психологических сложностей, которые могут влиять на их результаты и доказательственную ценность [6, с. 101-105].

Допрос. Классический допрос в кабинете следователя на территории СИЗО проходит в обстановке, которая подследственным однозначно воспринимается как «враждебная территория». Даже если сотрудники СИЗО не присутствуют в кабинете, сам факт, что следователь находится в «их» учреждении, косвенно указывает на его связь с администрацией. Это может усиливать чувство страха, безысходности и побуждать к даче показаний, продиктованных желанием угодить или избавиться от давления, а не стремлением к истине. Кроме того, после допроса подследственный возвращается в камеру, где может подвергнуться давлению со стороны других лиц, содержащихся под стражей, что ставит под вопрос сохранность его показаний в дальнейшем.

Организация очной ставки между двумя подследственными, содержащимися в одном СИЗО, требует обеспечения их полной изоляции друг от друга до и после действия, что сложно в условиях ограниченных помещений и персонала. При предъявлении для опознания администрация обязана обеспечить безопасность опознающего и участвующих в процедуре статистов, что на практике может вылиться в избыточные меры (например, присутствие вооруженной охраны в том же помещении), психологически искажающие процесс опознания.

Следственный эксперимент и проверка показаний на месте. Проведение этих действий за пределами СИЗО связано с огромными организационными и материальными затратами (конвоирование, обеспечение безопасности), из-за чего следователи и суды часто от них отказываются, даже если они объективно необходимы. Это обедняет доказательственную базу.

Получение образцов крови, слюны, почерка должно проходить с соблюдением санитарных норм СИЗО, что иногда вызывает сложности. Выемка личных вещей, писем, записей, хранящихся в камере, требует присутствия понятых, которыми часто выступают сами сотрудники СИЗО, что ставит под сомнение их беспристрастность.

Особые риски в новых территориальных органах РФ:

Включение новых субъектов в правовое поле России создало для процессуальной деятельности в СИЗО качественно новые, усугубленные вызовы [7, с. 15-19; 8, с. 77]:

Интеграционный разрыв в правовой культуре и процедурах. Персонал СИЗО, унаследованный от прежних правоохранительных систем,

зачастую имеет слабое представление о тонкостях российского уголовно-процессуального законодательства, особенно в части гарантий прав обвиняемого. Могут сохраняться укоренившиеся практики, полностью игнорирующие принципы состязательности, презумпции невиновности и неприкосновенности частной жизни защитника. Это приводит к массовым нарушениям при допуске адвокатов, контроле переписки, организации свиданий.

Кадровый дефицит и профессиональная деформация. Острая нехватка квалифицированных юридических кадров, в том числе среди сотрудников СИЗО и местных следственных органов, ведет к упрощению и формализации процессуальных действий. Профессиональная деформация персонала, привыкшего работать в условиях вооруженного конфликта и чрезвычайного положения, может проявляться в излишней подозрительности, агрессивности и нежелании идти на диалог с защитниками, воспринимаемыми как «агенты влияния».

Логистическая и инфраструктурная отсталость. Многие СИЗО в новых регионах имеют устаревшую материально-техническую базу: отсутствуют оборудованные кабинеты для адвокатских свиданий, помещения для следственных действий, соответствующие санитарным нормам, системы надежной и независимой видеозаписи. Удаленность многих учреждений от крупных юридических центров затрудняет оперативный приезд защитников и следователей, особенно по назначению.

Повышенные риски безопасности и их использование для ограничений. Реальная или декларируемая сложная оперативная обстановка используется администрацией как универсальное обоснование для любых ограничений: введения «особого режима», запрета на свидания, тотального досмотра адвокатов, изоляции конкретных подследственных под предлогом их защиты. Проверить обоснованность таких мер крайне сложно, что создает почву для злоупотреблений.

Проблемы с языковым барьером и обеспечением переводчика. Для части подследственных, а также для некоторых адвокатов русский язык не является родным. Своевременное и качественное обеспечение услуг профессионального переводчика в ходе следственных действий и свиданий с защитником представляет собой серьезную практическую проблему, нарушающую право на защиту. Разрешение системных проблем процессуальной деятельности в СИЗО требует последовательных мер на нескольких уровнях. Уточнение в законе гарантий конфиденциальности. Необходимо внести поправки в Закон № 103-ФЗ, прямо запрещающие визуальное и аудио наблюдение за свиданиями с адвокатом, кроме

случаев, когда есть судебное решение о рисках насилия или передачи запрещенных предметов, и с уведомлением адвоката о характере контроля.

Легализация и регламентация использования ВКС. Закрепить в УПК РФ и подзаконных актах порядок проведения процессуальных действий (допрос, судебные заседания по продлению меры пресечения) с использованием защищенных линий ВКС, что снимет проблемы логистики и безопасности при конвоировании.

Разработка единого межведомственного регламента (инструкции) для СИЗО, подробно разъясняющего права и обязанности администрации при организации доступа защитников, следователей и производстве следственных действий, с установлением точных сроков и запретом на произвольные отказы.

Организационно-технические меры:

Создание в каждом СИЗО независимых «процессуальных кабинетов». Эти помещения, оборудованные средствами видеонаблюдения с записью (но без звука, для свиданий с адвокатом), должны находиться в ведении суда или прокуратуры, а не администрации СИЗО. Доступ в них защитника и подследственного должен осуществляться без присутствия сотрудников учреждения.

Внедрение электронных систем записи и учета всех посещений. Прозрачный электронный журнал, фиксирующий время прибытия и ухода защитника, причины задержек или отказов, доступный для контролирующих органов, позволит минимизировать злоупотребления.

Обязательное обучение персонала СИЗО, особенно в новых регионах, основам российского уголовного процесса и стандартам обращения с подследственными, с привлечением преподавателей из ведущих юридических вузов России.

Усиление прокурорского и общественного контроля:

Наделение прокуроров, осуществляющих надзор за СИЗО, правом проводить внезапные проверки условий содержания и порядка допуска защитников.

Развитие системы общественных наблюдательных комиссий (ОНК), обеспечение их реального, а не формального доступа во все помещения СИЗО, включая кабинеты для свиданий в момент их проведения.

Создание горячих линий и механизмов быстрого реагирования для адвокатов, чьи права на доступ к клиенту были нарушены, с обязательным рассмотрением таких жалоб прокуратурой в течение 24 часов.

Специальные меры для новых территорий:

Ускоренная программа материально-технического переоснащения СИЗО, включающая закупку оборудования для ВКС, ремонт помещений для свиданий.

Командирование опытных сотрудников ФСИН и юристов-методистов из «старых» регионов России для наставничества и помощи в налаживании работы по российским стандартам.

Создание мобильных групп адвокатов и переводчиков, готовых оперативно выезжать в отдаленные СИЗО для оказания квалифицированной юридической помощи.

Проблемы реализации уголовно-процессуальной деятельности в следственных изоляторах УИС России носят глубинный, системный характер, коренящийся в изначальном конфликте целей уголовного судопроизводства и режима содержания под стражей. Этот конфликт проявляется в создании административных барьеров на пути защитников и следователей, в психологически неблагоприятной обстановке для следственных действий, в рисках нарушения базовых процессуальных гарантий. В условиях новых территорий эти проблемы многократно усугубляются из-за интеграционных разрывов, кадрового дефицита, инфраструктурной отсталости и сохраняющейся напряженной обстановки.

Преодоление этих вызовов невозможно путем точечных изменений. Требуется комплексная стратегия, сочетающая четкое законодательное закрепление неприкосновенных гарантий (прежде всего, конфиденциальности защиты), масштабное технологическое перевооружение СИЗО (ВКС, электронные системы), коренное изменение профессиональной культуры персонала через обучение и жесткий контроль, а также выстраивание эффективных механизмов внешнего надзора (прокуратура, ОНК). Особое внимание должно быть уделено новым субъектам Федерации, где процессуальная деятельность в СИЗО должна стать приоритетным полем для инвестиций и методической помощи, чтобы не допустить консервации правового вакуума и безнаказанности. Только при таком подходе следственный изолятор может перестать быть «черной дырой» в правовом поле и начать выполнять свою истинную функцию – обеспечивать не только изоляцию, но и полную реализацию всех процессуальных прав личности на стадии предварительного расследования, что является необходимым условием справедливого правосудия.

Список литературы:

[1] Петров М.И. Процессуальный статус подследственного в условиях изоляции: теория и практика. М.: Юрлитинформ, 2020. 256 с.

[2] Абашидзе А.Х., Алиев А.Г. Права человека в местах принудительного содержания: международные стандарты и российская практика. М.: Юрайт, 2021. 384 с.

[3] О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений:

Федеральный закон от 15.07.1995 № 103-ФЗ (ред. от 24.09.2024).

[4] Зуев С.В. Административный ресурс как препятствие для защиты в СИЗО // Адвокатская практика. 2022. № 4. С. 88-94.

[5] Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Уголовный процесс: учебник для вузов. М.: Кнорус, 2023. 704 с.

[6] Калинин В.Н. Тактика следственных действий в учреждениях ФСИН: особенности производства в СИЗО. Рязань: Академия ФСИН России, 2019. 187 с.

[7] Отчет о работе Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2023 год. М., 2024. 210 с.

[8] Григорьев В.Н., Шмаров И.В. Проблемы интеграции пенитенциарных систем новых субъектов РФ в правовое поле России // Государство и право. 2024. № 2. С. 75-84.

[9] Рекомендации Комитета министров Совета Европы CM/Rec (2022)5 о правах лиц, лишенных свободы.

[10] Обзор практики Европейского суда по правам человека по делам, связанным с условиями содержания под стражей в РФ (2020-2023 гг.). Страсбург, 2024.

[11] Якимов О.Ю., Борисов А.В. Видеоконференц-связь в уголовном судопроизводстве: процессуальные и организационные аспекты. СПб.: Петрополис, 2022. 176 с.

[12] Лукичев Н.П. Обеспечение прав защиты в условиях особого режима в СИЗО // Законность. 2023. № 7. С. 41-45.

References:

[1] Petrov M.I. Procedural status of the person under investigation in isolation: theory and practice. M.: Yurlitinform, 2020. 256 s.

[2] Abashidze A.Kh., Aliyev A.G. Human rights in places of detention: international standards and Russian practice. M.: Yurayt, 2021. 384 pp.

[3] Detention of suspects and accused persons: Federal Act No. 15.07.1995 of 103-FZ (as amended 24.09.2024).

[4] Zuev S.V. Administrative resource as an obstacle to protection in a pre-trial detention center // Legal practice. 2022. № 4. S. 88-94.

[5] Smirnov A.V., Kalinovskiy K.B. Criminal process: textbook for universities. M.: Knorus, 2023. 704 p.

[6] Kalinin V.N. Tactics of investigative actions in the institutions of the Federal Penitentiary Service: features of production in a pre-trial detention center. Ryazan: Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2019. 187 pp.

[7] Report on the work of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation for 2023. M., 2024. 210 s.

[8] Grigoriev V.N., Shmarov I.V. Problems of integration of penitentiary systems of new subjects of the Russian Federation into the legal field of Russia // State and law. 2024. № 2. S. 75-84.

[9] Recommendations of the Committee of Ministers of the Council of Europe CM/Rec (2022) 5 on the rights of persons deprived of their liberty.

[10] Review of the practice of the European Court of Human Rights in cases related to the conditions of detention in the Russian Federation (2020-2023). Strasbourg, 2024.

[11] Yakimov O.Yu., Borisov A.V. Video conferencing in criminal proceedings: procedural and organizational aspects. St. Petersburg: Petropolis, 2022. 176 s.

[12] Lukichev N.P. Ensuring the rights of protection in a special regime in a pre-trial detention center // Legality. 2023. № 7. S. 41-45.

Дата поступления рукописи в редакцию: 14.07.2026 г.

DOI: 10.24412/2224-9133-2026-8-321-324

Дата принятия рукописи в печать: 01.09.2026 г.

БЕТРОЗОВА Мадина Амирхановна,
преподаватель кафедры
организации правоохранительной деятельности
Северо-Кавказского института повышения
квалификации (филиал) Краснодарского
университета МВД России, кандидат
исторических наук,
e-mail: mail@law-books.ru

К ВОПРОСУ О ПРИМЕНЕНИИ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СФЕРЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация. В представленной статье проведен анализ современного состояния административного законодательства и правоприменительной практики в сфере информационной безопасности. Авторы положительно характеризуют динамику совершенствования законодательства об административной ответственности, начиная от ужесточения санкций и заканчивая введением новых составов правонарушений. Акцентируется внимание на практических проблемах и сложностях применения административной ответственности, которые получили распространение в современной практике.

Ключевые слова: административная ответственность, информационная безопасность, правоприменение, административное законодательство.

BETROZOVA Madina Amirkhanovna,
Lecturer at the Department of Law Enforcement
Organization of the North Caucasus Institute for
Advanced Studies (branch) of the Krasnodar
University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
candidate of historical sciences

ON THE APPLICATION OF ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY IN THE FIELD OF INFORMATION SECURITY

Annotation. This article analyzes the current state of administrative legislation and law enforcement practice in the field of information security. The authors positively characterize the dynamics of improvements in administrative liability legislation, ranging from the tightening of sanctions to the introduction of new offenses. They also highlight the practical problems and complexities of applying administrative liability, which have become widespread in modern practice.

Key words: administrative liability, information security, law enforcement, administrative legislation.

В современном российском государстве особое практическое значение для обеспечения стабильного развития современного российского государства имеет информационная безопасность, поскольку в условиях повсеместной информатизации и цифровизации происходит серьезная трансформация информационных правоотношений, а в контексте обострения геополитической напряженности и антироссийской про-

паганды – регулярно возникают новые вызовы и угрозы национальной безопасности, проявляющиеся непосредственно в информационной среде. Информация в современном мире активно используется в целях дестабилизации обстановки на определенных территориях, что происходит как посредством системного и организованного информационно-психологического воздействия, так и путем активизации противоправных посяга-

тельств различной направленности.

Проблематика информационной безопасности активно исследуется в современной правовой науке, что объективно обусловлено значительной интенсификацией и масштабированием угроз, возникающих в данной сфере. На наш взгляд особого внимания заслуживает институт юридической ответственности и особенности его развития в сфере информационной безопасности. Во-первых, справедливым представляется сочетание мер административной и уголовной ответственности с учетом степени общественной опасности совершаемых деяний и различного субъектного состава правонарушителей. Во-вторых, институт ответственности имеет важнейшее практическое значение не только для наказания виновных лиц и определения справедливых правовых последствий их деяний, но и наглядно проявляется его профилактический и предупредительный потенциал. В-третьих, ответственность в сфере информационной безопасности активно изменяется за последние годы, что предопределяет необходимость своевременной оценки эффективности данного института в целях его дальнейшего совершенствования.

В рамках представленного исследования видится необходимым сконцентрировать внимание на актуальных вопросах применения административной ответственности в сфере информационной безопасности, поскольку данная разновидность ответственности подвергается наибольшему количеству изменений. Именно выявление и пресечение противоправного функционирования в анализируемой сфере в совокупности с мерами административной ответственности способны наиболее результативно повлиять на отсутствие дальнейшего развития противоправного функционирования. Кроме того, институт административной ответственности характеризуется качественным субъектным составом, что позволяет определить справедливый объем правовых последствий не только для индивидов, но и для юридических лиц, что выступает основой комплексного адресного воздействия с учетом специфики противоправного функционирования конкретной направленности.

Отметим, что согласно действующему российскому законодательству, информационная безопасность определяется как «состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних информационных угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод человека и гражданина, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальная целостность и устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации, оборона и безопасность государства» [3]. Данная сфера затра-

гивает не только интересы государства, на чем активно акцентируется внимание в рамках исследования процесса обеспечения информационной безопасности в контексте национальной безопасности, но и в равной степени актуальна для общества и индивидов, что наглядно проявляется в современных реалиях в части активизации адресного информационно-психологического воздействия на отдельные категории населения и серьезных общественных последствиях интенсификации противоправных посягательств в информационной сфере.

Институт административной ответственности традиционно формируется за счет целого ряда норм КоАП РФ, где выделена отдельная глава 13, регламентирующая ответственность за деяния в области связи и информации. Данная глава достаточно объемная – более 70 статей, закрепляющих ответственность за действия/бездействия различного характера, связанные не только с реализацией и обеспечением права на информацию, но и с противоправным использованием различных средств связи и информационного обмена, а также функционированием средств массовой информации. Однако если говорить о широком понимании информационной безопасности, следует подчеркнуть наличие ряда других административно-правовых норм, которые хоть и структурно отнесены к иным главам КоАП РФ, но в полной мере актуальны для анализируемой сферы общественных отношений (например, ст. 19.7.15 КоАП РФ и др.).

Глава 13 КоАП РФ характеризуется качественным и количественным многообразием составов административных правонарушений, что в полной мере коррелирует с многоаспектностью обеспечения информационной безопасности. В современной научной литературе содержится множество подходов к классификации правонарушений в данной сфере, однако большинство подходов в качестве критерия классификаций объекты и предметы противоправного посягательства [1, с. 29]. На основе анализа действующего административного законодательства следует сделать вывод о том, что его состояние и оперативность совершенствования в полной мере удовлетворяет современным вызовам и угрозам. Однако подчеркнем, что в отдельных сферах информационных правоотношений по-прежнему не удается достигнуть опережающего ограничительного воздействия, что объективно обусловлено непосредственно динамикой развития и трансформации информационной среды, в том числе в трансграничном формате. Представляется, что тенденция введения новых составов административной ответственности в сфере информационной безопасности и совершенствование ранее закрепленных сохранится на протяжении

длительного времени, что напрямую связано с интенсификацией процессов информатизации и цифровизации различных сфер жизнедеятельности российского общества.

Еще одной справедливой современной тенденцией института административной ответственности в сфере информационной безопасности видится не просто соразмерное ужесточение санкций с учетом развития противоправной практики различной направленности, но и введение так называемых «оборотных» штрафов, которые определяют объем от суммы годовой выручки индивидуальных предпринимателей и юридических лиц. Таким образом, административные санкции перестают быть незначительными и слабо ощутимыми для субъектов экономической деятельности, что значительно усиливает превентивное воздействие (например, ч. 4 ст. 13.46, чч. 5 и 6 ст. 13.41 КоАП РФ).

Однако эффективность института административной ответственности зависит не только от состояния отраслевого законодательства, но и от непосредственной его реализации. Анализируя правоприменительную практику, видится необходимым выделить некоторые проблемы, а также предложить пути их решения:

сложности идентификации правонарушителей в случае трансграничного противоправного посягательства. Данная проблема особо актуальна для правонарушений, совершаемых в сети «Интернет» и иных информационных системах. Представляется целесообразным предложить нормативное закрепление принципа экстерриториальности в КоАП РФ: Введение в КоАП РФ нормы (по аналогии со ст. 4.5 или ст. 1.8 УК РФ), согласно которой административная ответственность наступает независимо от места совершения правонарушения, если оно направлено против критической информационной инфраструктуры (КИИ), граждан или организаций РФ.

сложности определения самого события правонарушения, включающего в себя место и время его совершения. На практике распространяется фрагментарная фиксация видимых материальных следов. В данном контексте предлагается введение законодательного переосмысления «места» и «времени» правонарушения, например, введение в процессуальную часть КоАП РФ понятие «виртуального места совершения правонарушения», определяя его по выбору: место нахождения потерпевшего (цели атаки), место нахождения сервера/ресурса или место обнаружения цифрового следа, а также определять время правонарушения как период от начала противоправного воздействия до момента его пресечения или обнаружения (применяя концепцию длящегося правонарушения).

высокая степень латентности правонаруше-

ний в сфере информационной безопасности. С одной стороны, в условиях динамики совершенствования информационных и цифровых технологий отдельные деяния крайне сложно выявить. С другой стороны - лица, чьи права нарушаются, далеко не всегда обращаются в компетентные органы в целях пресечения противоправного воздействия, что в итоге приводит к его дальнейшему масштабированию. В данном случае, в качестве решения указанной проблемы, следует предложить установление административной ответственности за сокрытие факта утечки персональных данных или взлома ИС (с возможностью смягчения наказания при добровольном и оперативном декларировании).

Вышеназванные проблемы и сложности объективно обусловлены динамикой внедрения информационных и цифровых технологий в различных сферах жизнедеятельности российского общества и государства. В настоящее время большинство информации переведено в электронный формат, а процесс ее создания, хранения и распространения предполагает вовлеченность целого ряда субъектов, от законопослушного поведения которых постоянно зависит эффективность обеспечения информационной безопасности. В данном контексте следует подчеркнуть, что на эффективность института административной ответственности также влияет своевременное совершенствование иных административных процедур, например, таких как лицензирование, сертификация, надзор и др. С одной стороны, их состояние в полной мере должно соответствовать современной практике с учетом возникающих вызовов и угроз. С другой стороны, фрагментарность информирования о нововведениях участников информационных правоотношений приводят одновременно не только к увеличению количества правонарушений, но и исключают возможность выявления рисков противоправных посягательств в отношении их прав и свобод в информационной сфере в целом. В данном контексте значительно актуализируется системная интеграция всех современных административно-правовых механизмов [2, с. 162], а также сопровождение их активным информированием населения.

Таким образом, на основе проведенного анализа следует сделать вывод о том, что решение указанных проблем требует комплексного реформирования как материального и процессуального административного законодательства, так и организационно-технических подходов правоохранительных и иных исполнительных органов государственной власти.

Последние годы институт административной ответственности в области информационной безопасности претерпел существенные изменения:

введены новые составы правонарушений, увеличены сроки привлечения к административной ответственности за отдельные деяния, а также ужесточены санкции административно-правовых норм. Наиболее актуальными представляются практические проблемы и сложности, которые негативно отражаются на эффективности института административной ответственности в целом. Борьба с распространением противоправного поведения в указанной сфере является одним из приоритетных направлений российского государства в современных реалиях.

Список литературы:

[1] Ивакин, А. А. Совершенствование административной ответственности в области защиты информации в условиях гибридной войны против России на современном этапе / А. А. Ивакин, А. Н. Прокопенко // Проблемы правоохранительной деятельности. 2025. № 2(60). С. 26-35.

[2] Нурмухаммадзода, Ф. Д. Системность административно-правового обеспечения информационной безопасности в Российской Федерации и Республике Таджикистан /

Ф. Д. Нурмухаммадзода // Евразийский юридический журнал. 2025. № 5(204). С. 161-163.

[3] Указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 50. Ст. 7074.

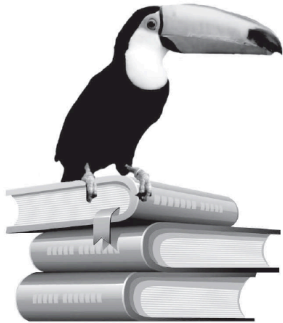
References:

[1] Ivakin, A. A. Improving administrative responsibility in the field of information protection in the context of a hybrid war against Russia at the present stage/A. A. Ivakin, A. N. Prokopenko // Problems of law enforcement. 2025. № 2(60). S. 26-35.

[2] Nurmukhammadzoda, F. D. Consistency of administrative and legal support of information security in the Russian Federation and the Republic of Tajikistan/F. D. Nurmukhammadzoda // Eurasian Legal Journal. 2025. № 5(204). S. 161-163.

[3] Decree of the President of the Russian Federation of 05.12.2016 No. 646 "On Approval of the Information Security Doctrine of the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2016. № 50. Art. 7074.

**ЮРИДИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ЮРКОМПАНИ»**

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

КУМЫШЕВА Марина Кадировна,
старший преподаватель кафедры
организации правоохранительной деятельности
Северо-Кавказского института повышения
квалификации (филиал) Краснодарского
университета МВД России, полковник полиции,
e-mail: mail@law-books.ru

КУЛИКЕВИЧ Игорь Васильевич,
преподаватель кафедры административного права
и административной ответственности органов
внутренних дел Омской академии МВД России,
подполковник полиции,
e-mail: mail@law-books.ru

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРЕДУПРЕДИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ПО ПРОФИЛАКТИКЕ ПРОТИВОПРАВНЫХ ДЕЙСТВИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ

Аннотация. В статье рассматриваются современные проблемы, возникающие при реализации органами внутренних дел административно-предупредительных мер по выявлению правонарушений несовершеннолетних в цифровой среде. Анализируются существующие риски, связанные с использованием подростками информационно-коммуникационных технологий, включая вовлечение в противоправную деятельность, распространение деструктивного контента, кибербуллинг, мошенничество и иные формы девиантного поведения. Особое внимание автором уделяется вопросам взаимодействия подразделений по делам несовершеннолетних, подразделений по противодействию экстремизму, участковых уполномоченных полиции, образовательных организаций и родителей. Обосновывается необходимость перехода от преимущественно реагирующей модели к системной профилактике, основанной на раннем выявлении факторов риска, правовом просвещении и защите несовершеннолетних.

Ключевые слова: несовершеннолетние, профилактика правонарушений, органы внутренних дел, цифровая среда, подразделения по делам несовершеннолетних, кибербуллинг, деструктивный контент, административная деятельность полиции.

KUMYSHEVA Marina Kadirovna,
Senior Lecturer, Department of Law Enforcement
Organization, North Caucasus Institute for Advanced
Training (branch) of the Krasnodar University of the
Ministry of Internal Affairs of Russia, Police Colonel

KULIKEVICH Igor Vasilyevich,
Lecturer, Department of Administrative Law and
Administrative Responsibility of Internal Affairs
Agencies, Omsk Academy of the Ministry of Internal
Affairs of Russia, Police Lieutenant Colonel

ADMINISTRATIVE AND PREVENTIVE ACTIVITIES OF INTERNAL AFFAIRS AGENCIES TO PREVENT ILLEGAL ACTIONS OF MINORS IN THE DIGITAL ENVIRONMENT

Annotation. *This article examines current challenges arising in the implementation of administrative and preventive measures by internal affairs agencies to detect juvenile delinquency in the digital environment. It analyzes the existing risks associated with adolescent use of information and communication technologies, including involvement in illegal activities, the dissemination of destructive content, cyberbullying, fraud, and other forms of deviant behavior. The author focuses on the interaction between juvenile affairs units, counter-extremism units, district police officers, educational institutions, and parents. The article substantiates the need to shift from a primarily reactive model to a systemic prevention approach based on the early identification of risk factors, legal education, and the protection of minors.*

Key words: *minors, offense prevention, internal affairs agencies, digital environment, juvenile affairs units, cyberbullying, destructive content, administrative police activities.*

Развитие цифровых технологий в Российской Федерации существенно преобразовало основы жизнедеятельности общества. Современные достижения информационной и цифровой науки и техники позволяют не просто повысить качество конкретных процессов, но и существенно уменьшают сроки осуществления отдельных действий, а также предоставляют удаленный доступ для субъектов различных отношений. [1] Вместе с тем, цифровизация открыла доступ к новому направлению осуществления противоправных действий. Особо уязвимой категорией населения, подверженной указанным деструктивным процессам, являются несовершеннолетние. Цифровая среда стала пространством, в котором могут формироваться и распространяться различные угрозы, негативно влияющие на поведение и психологическое состояние несовершеннолетних.

Особенности психологического развития несовершеннолетних лиц не всегда позволяет разграничивать положительное и отрицательное в обществе. На протяжении всего периода существования органов внутренних дел, МВД России при взаимодействии с иными органами власти осуществляет целый комплекс профилактических мер, направленных на предупреждение девиантного поведения несовершеннолетних лиц. [2] Однако, к сожалению, практика показала, что существует необходимость существенно нового подхода в противодействии зарождающегося умысла на совершение противоправных действий у несовершеннолетнего. Указанная категория граждан нередко становится участниками конфликтов в социальных сетях, жертвами мошенничества, шантажа и травли, а также получают доступ к материалам деструктивного характера либо вовлекаются в противоправную деятельность через интернет-сообщества и мессенджеры. Особую сложность представляет то, что данные процессы развиваются скрытно и своевременное их обнаружение родителями, педагогами и сотрудниками органов внутренних дел становится затруднительным.

Таким образом, логичным является вывод о том, что условиях повсеместного распростра-

нения цифровизации профилактика правонарушений, совершаемых несовершеннолетними, не должна ограничиваться мероприятиями, проводимыми исключительно в реальном пространстве. Традиционные формы работы подразделений по делам несовершеннолетних требуют дополнения механизмами выявления и предупреждения негативных явлений в цифровой среде. При этом особая роль должна быть уделена соблюдению прав несовершеннолетних и требований законодательства о защите персональных данных.

Использование сети Интернет, к сожалению, оказывает неоднозначное влияние на становление личности подростка. С одной стороны, использование цифровых ресурсов предоставляет неограниченные возможности для образования, развития творческой деятельности, а также социальным связям. Вместе с тем, неоспоримым является факт наличия в цифровом пространстве условий для распространения агрессивного, противоправного и деструктивного поведения. Данное обстоятельство обусловлено, в первую очередь, доступностью информации. Несовершеннолетний получает материалы, содержащие сцены насилия, инструкции по совершению противоправных действий, наблюдает пропаганду употребления запрещённых веществ или призывы о присоединении к опасным сообществам. При этом, в силу своего психологического развития, подросток часто не способен критически оценить содержание такой информации и беспечно относится к последствиям взаимодействия с ее распространителями. Серьезной проблемой последнего десятилетия стало вовлечение несовершеннолетних в противоправную деятельность посредством персонального общения. Так, согласно данным пресс-центра «ТАСС-Медиа», почти каждое третье (30,4%) преступление совершено несовершеннолетними с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Из них каждое пятое содержит признаки вовлечения несовершеннолетнего в противоправные действия посредством личного общения через сеть Интернет. В 2025 году в 74 раза возросло вовлечение детей в совершение киберпреступлений

относительно 2023 года. [3]

Для вовлечения в преступные деяния вербовщики используют доверие подростка, его стремление к признанию среди сверстников, потребность в общении или конфликт с родителями и педагогами. Общение часто начинается с нейтральных тем, а затем постепенно переходит к обсуждению радикальных идей, противоправных способов заработка или участия в закрытых группах.

Среди форм преступных деяний можно выделить «дропперство» (выманивание денег путем передачи номера банковской карты), а также различные «челленджи». «Челленджи» в форме игры побуждают подростка в рискованным действиям, часто по причинению вреда себе или окружающим, совершению иных противоправных действий с фиксацией происходящего на видео для последующей публикации в социальных сетях. Таким образом, нехватка внимания и желание получить одобрение аудитории может побуждать несовершеннолетних к действиям, несвойственным им в обычной обстановке.

Отдельного внимания заслуживает кибербуллинг. В отличие от традиционной травли, происходящей в конкретном коллективе, цифровая травля может продолжаться круглосуточно и распространяться среди значительного количества пользователей. Оскорбления, угрозы, публикация личных фотографий и распространение порочащей информации способны причинить несовершеннолетнему существенный психологический вред. Вышеуказанное свидетельствует о необходимости адаптации профилактической деятельности органов внутренних дел к новым условиям.

Предупреждение противоправных деяний среди несовершеннолетних и их вовлечения в преступную среду – является одной из основных задач, стоящих перед правоохранительными органами. Ключевая роль в профилактике правонарушений несовершеннолетних отведена подразделениям по делам несовершеннолетних (далее – ПДН). Основными направлениями деятельности ПДН являются: выявление несовершеннолетних, находящихся в социально опасном положении, проведение индивидуальной профилактической работы, взаимодействие с родителями и образовательными организациями, а также участие в предупреждении повторных правонарушений [4]. В цифровой среде работа сотрудника ПДН приобретает дополнительные направления. При реализации своих функций по защите прав и свобод несовершеннолетнего, инспектор должен учитывать не только поведение подростка в семье, образовательной организации и общественных местах, но и обстоятельства его онлайн-коммуникации. Разумеется, речь не идет о контроле за личной перепиской несовершеннолетних. Про-

филактическая работа должна основываться на конкретных законных основаниях и объективных данных о наличии угрозы.

На практике решающее значение имеет информация, поступающая от родителей, педагогов, самих несовершеннолетних и иных лиц. Такой информацией могут выступать сведения об изменении поведения подростка в социальной среде, появление замкнутости, снижение успеваемости, конфликтность, агрессия, а также возникновение новых неизвестных взрослых знакомых. Здесь следует учитывать, что отдельные признаки не могут рассматриваться в качестве доказательства наличия противоправного мышления, сотрудник полиции должен оценивать совокупность обстоятельств, избегая формального и необоснованного отнесения подростка к группе риска. В связи с этим представляется целесообразным проведение индивидуальных профилактических бесед, сопровождаемое разъяснением возможных последствий и предложением помощи. Вместе с тем следует отметить, что результативность указанного мероприятия повышается в том случае, если инспектор ПДН разъяснит подростку практические способы безопасного поведения в сети, такие как отказ от передачи посторонним лицам фотографий документов и личных данных, осторожность при общении с незнакомцами, сохранение сообщений с угрозами, блокировка агрессивных пользователей и своевременное обращение за помощью.

Безусловно, профилактика правонарушений несовершеннолетних в цифровой среде невозможна силами одного подразделения. Для выявления и предупреждения неблагоприятных последствий необходимо взаимодействие полиции с иными субъектами защиты прав и законных интересов несовершеннолетних – образовательными организациями, органами опеки и попечительства, комиссиями по делам несовершеннолетних, медицинскими и социальными учреждениями, а также с родителями или лицами их замещающими. [5] Взаимодействие органов внутренних дел с указанными субъектами должно строиться на принципах законности, своевременности и конфиденциальности. Недопустимо публичное обсуждение информации о подростке, если это может привести к его дополнительной травматизации или стигматизации. Любые профилактические меры должны быть соразмерны существующей угрозе.

Важнейшей средой обитания, формирующей и определяющей комплекс нравственных ценностей и ориентиров, является, в первую очередь, семья. Семья предопределяет на начальной стадии развития ребенка важнейшие воспитательные функции. В работах большинства исследователей, именно этот социальный институт ак-

кумулятирует весь спектр информации, получаемой и в школе, и средствах массовой информации, общественных организациях и т.д. Таким образом, наличие взаимосвязи вышеуказанных факторов подростковой девиации является неоспоримым фактом. Родителям необходимо разъяснять, что тотальный запрет на использование интернета не всегда решает проблему. Подросток может продолжить общение втайне, используя чужое устройство или аккаунт.

Более результативным является формирование доверительных отношений, при которых несовершеннолетний может рассказать о полученных угрозах, подозрительных предложениях или конфликте в сети, не опасаясь немедленного наказания.

Отдельным направлением взаимодействия является проведение совместных мероприятий в образовательных учреждениях. Встречи сотрудников полиции с обучающимися должны быть ориентированы не только на последствия за противоправные действия, но и на обсуждение конкретных ситуаций с использованием цифровых технологий. Подросткам необходимо объяснять, как распознать попытку манипуляции, почему нельзя выполнять сомнительные задания, каким образом сохранить доказательства угроз и куда обращаться за помощью.

В качестве одной из проблем, возникающих при реализации профилактических мероприятий сотрудниками органов внутренних дел, можно назвать отсутствие универсального и однозначного определения признаков цифровой радикализации, деструктивного поведения или вовлечения несовершеннолетнего в противоправную деятельность. Внешние проявления могут быть схожими, но иметь совершенно разную природу. Так, например, подросток может распространять спорный материал без осознания его содержания, участвовать в интернет-дискуссии из любопытства или использовать агрессивную лексику, не имея намерения причинить кому-либо вред. Поэтому профилактическая оценка должна учитывать контекст, возраст, уровень понимания, происхождения и фактические последствия поведения.

Не менее важной проблемой является неукоснительное соблюдение права на частную жизнь. Получение, хранение и использование цифровой информации должны осуществляться только при наличии законных оснований и в пределах, необходимых для решения конкретной задачи. Таким образом, можно констатировать, что повышение эффективности профилактики правонарушений несовершеннолетних в цифровой среде требует комплексного подхода. Прежде всего, необходимо совершенствовать подготовку сотрудников подразделений по делам несовер-

шеннолетних в части работы с цифровыми элементами. Особое внимание необходимо уделить разработке единых методических рекомендаций для сотрудников полиции при поступлении информации о вовлечении несовершеннолетнего в интернет-сообщество, алгоритмы взаимодействия с образовательной организацией и родителями, а также правила проведения профилактической беседы.

Целесообразным также представляется включение в образовательные программы вопросов цифровой безопасности, особенностей интернет-коммуникации подростков, выявления кибербуллинга и порядка фиксации цифровой информации. Перспективным направлением представляется развитие программ цифрового правового просвещения. Их следует реализовывать совместно с образовательными организациями и психологами с учетом возраста обучающихся. Кроме того, необходимо укреплять и механизм обратной связи. Несовершеннолетний должен знать, куда можно обратиться в случае угроз, шантажа, травли или подозрительного общения.

Цифровая среда стала важной частью жизни несовершеннолетних и одновременно новым пространством возникновения социальных и правовых рисков. Интернет может использоваться для распространения противоправного контента, вовлечения подростков в деструктивные сообщества и формирования иных видов девиантного поведения. В этих условиях административно-предупредительная деятельность органов внутренних дел должна развиваться с учётом особенностей цифровой коммуникации. Основной акцент необходимо делать не на тотальном контроле, а на раннем выявлении угроз, правовом просвещении, взаимодействии с семьёй и образовательными организациями, а также своевременном оказании помощи несовершеннолетнему. Эффективная профилактика возможна только при сочетании правовых, организационных, педагогических и психологических мер. Сотрудник полиции должен не просто реагировать на уже совершённое правонарушение, а уметь распознавать факторы риска, корректно взаимодействовать с подростком и направлять его к законным формам поведения. При этом цифровая профилактика должна осуществляться с обязательным соблюдением прав несовершеннолетних, требований о защите персональных данных и принципа соразмерности вмешательства. Только такой подход позволит обеспечить безопасность подростков, повысить результативность деятельности органов внутренних дел и сформировать устойчивую систему предупреждения правонарушений в цифровой среде.

Список литературы:

- [1] Геляхова Л.А. «Некоторые размышления

о совершенствовании законодательства Российской Федерации в условиях цифровизации // административно-правовое регулирование правоохранительной деятельности: теория и практика. Материалы Международной научно-практической конференции. Краснодар, 2024.

[2] Геляхова Л.А. «Потенциал семьи в предупреждении девиантного поведения детей». Пробелы в российском законодательстве. 2021. Т. 14. № 3. С. 129-132.

[3] [Электронный ресурс] <https://tass.ru/obschestvo/26956827>.

[4] Приказ МВД «Об утверждении Инструкции по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации» от 15 октября 2013 года № 845 [Электронный ресурс] // Доступ из справочной правовой системы «Гарант».

[5] Грибанов Е.В., Помогалова Ю.В., Богатырева Н.В. Комментарий к Федеральному закону от 24 июня 1999 г. N 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» - Специально для системы ГАРАНТ, 2019 г.

References:

[1] Gelyakhova L.A. "Some reflections on improving the legislation of the Russian Federation in the context of digitalization // administrative and legal regulation of law enforcement: theory and practice. Materials of the International Scientific and Practical Conference. Krasnodar, 2024.

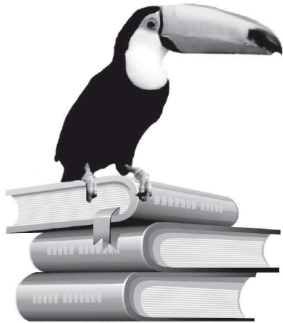
[2] Gelyakhova L.A. "Family potential in preventing deviant behavior of children." Gaps in Russian legislation. 2021. T. 14. № 3. S. 129-132.

[3] [Electronic Resource] <https://tass.ru/obschestvo/26956827>.

[4] Order of the Ministry of Internal Affairs "On approval of the Instructions for organizing the activities of units for juvenile affairs of the internal affairs bodies of the Russian Federation" dated October 15, 2013 No. 845 [Electronic resource] // Access from the reference legal system "Guarantor".

[5] Gribanov E.V., Pomogalova Yu.V., Bogatyreva N.V. Commentary to the Federal Law of June 24, 1999 No. 120-FZ "On the Basics of the System for the Prevention of Neglect and Juvenile Delinquency" - Specially for the GARANT system, 2019.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ДУМНОВ Сергей Николаевич,
начальник кафедры профессиональной
подготовки Восточно-Сибирского института
МВД России,
e-mail: serg-dum@rambler.ru

ОСОБЕННОСТИ ОСМОТРА ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ РЕГИСТРАЦИОННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Аннотация. В данной научной статье представлены сведения о транспортных средствах подвергшихся кузовному разрезу (распилу), которые в последующем сваренные кустарным способом эксплуатируются на дорогах общего пользования на территории Российской Федерации. Приведены основные признаки установления «распила» при внешнем визуальном осмотре транспортного средства и предложены поправки внесения изменений в осмотр транспортных средств, при осуществлении регистрационных действия в ГИБДД МВД России.

Ключевые слова: транспортное средство, распил, кузов, осмотр транспортного средства, регистрационные действия.

DUMNOV Sergey Nikolaevich,
Head of the Department of Professional preparation
of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal
Affairs of Russia

PECULIARITIES OF VEHICLE INSPECTION DURING REGISTRATION ACTIONS

Annotation. This scientific article presents information about vehicles that have undergone a body cut (saw cut), which are subsequently welded using a makeshift method and are used on public roads in the Russian Federation. The main signs of establishing a “cut” during an external visual inspection of a vehicle are given and amendments are proposed to introduce changes in the inspection of vehicles when registering with the traffic police of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Key words: vehicle, cut, bodywork, vehicle inspection, registration actions.

На сегодняшний день остается актуальным вопрос обеспечения безопасности дорожного движения, связанный с эксплуатацией транспортных средств, подвергшихся кузовному разрезу (распилу). Появление так называемых «распилов» началось с 2008 года с целью уменьшения пошлин (примерно 200-300 тыс. рублей) ввозимых автомобилей на территорию Российской Федерации [2]. Кузов автомобиля специальным инструментом режется по стойкам и днищу на две или более частей, которые в дальнейшем провозятся через границу уже в качестве запасных частей. Резка по сварным швам завода изготовителя слишком трудоёмка и потому не производится. Несущая рама внедорожников не режется, а отделяется от кузова [4]. После ввоза и оформления оплаты таможенной пошлины за ввоз запчастей, эти половинки снова свариваются в единое целое, и

получается полноценный автомобиль на первый взгляд (см. рис. 1).

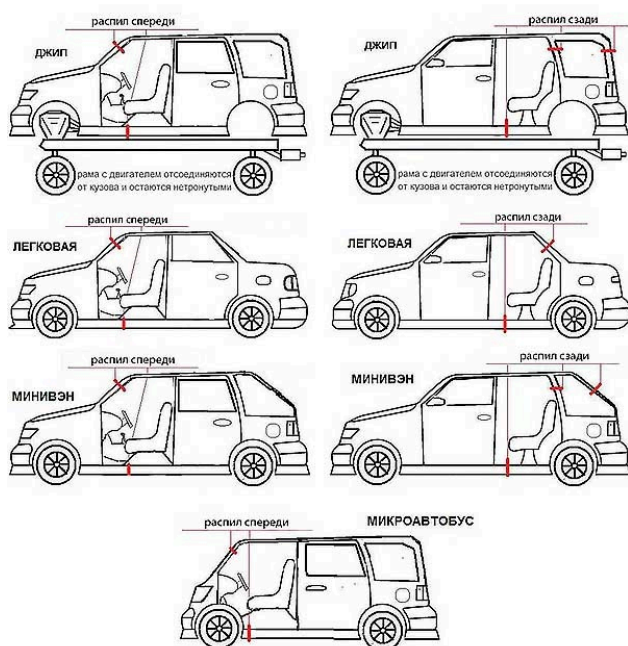

Рис. 1. Места распила по типу кузова автомобиля

Законных способов прохождения регистрационных действий в подразделении ГИБДД МВД России «распила» не существует, поскольку для таких автомобилей нет грузовой таможенной декларации на кузов как на полноценную составную часть транспортного средства [3].

Основными криминальными схемами регистрационных действий собранных «распилов» являются:

заказ «распила» под существующие документы на аварийный, неисправный или выработавший ресурс автомобиль с последующими заменой маркировочных табличек с номером кузова и оформлением замены двигателя;

подделка грузовой таможенной декларации на кузов с последующим оформлением замены кузова и двигателя;

оформление паспорта транспортного средства (ПТС) взамен утраченного на аналогичный автомобиль с последующим получением свидетельства о регистрации транспортного средства (СТС);

покупка грузовой таможенной декларации от ранее ввезённого кузова (для японских рамных внедорожников, где номер кузова находится на раме).

Признаками установления «распила» при внешнем визуальном осмотре транспортного средства являются:

отсутствие пробега (либо минимальный пробег) у автомобиля старше пяти лет;

свежая покраска автомобиля, отсутствие сколов и микроцарапин краски, наличие потёков лакокрасочного покрытия, следов краски на мол-

дингах и уплотнителях деталей;

следы сварного шва под обшивкой стоек и на порогах, на днище, под ковриками и обшивкой салона;

наличие нового звукоизоляционного материала на полу автомобиля;

неровности, бугры резинок молдингов-уплотнителей задних окон (у внедорожников – молдингов-уплотнителей окошек багажного отсека, уплотнительных резинок дверцы багажника) и лобового и заднего стёкол над местами сварки;

свежая антикоррозийная обработка днища кузова, пола под звукоизоляционным материалом;

нарушение общей геометрии кузова, увеличенные, уменьшенные или неодинаковые зазоры передних и задних дверей, багажника, капота;

новые накладки на порогах;

несоответствие года выпуска на частях кузова (светосигнальной арматуре, полимерных частях) году выпуска автомобиля, указанного в документах.

Основным признаком «распила» при проверке документов может служить произведенная после ноября 2008 года запись в ПТС: «дубликат», «замена кузова», «замена двигателя».

Внешний осмотр транспортного средства рекомендуется производить при ярком или дневном естественном освещении (по возможности в солнечную погоду).

Осмотр производится от капота по кругу – по часовой стрелке, со всех сторон под различными углами. Таким образом, представляется возможность выявить дефекты кузова, различие цветовых оттенков его лакокрасочного покрытия. Оценивается величина зазоров между деталями кузова: по ширине они должны быть одинаковыми со всех сторон [5].

Для обнаружения следов сварки и антикоррозионной обработки осматривается днище, пол, пороги автомобиля.

При обнаружении косвенных признаков разреза кузова рекомендуется использовать прибор для исследования маркировки кузова транспортных средств (например, ВНИК-04), позволяющий установить наличие сварных швов или точечной сварки под лакокрасочным покрытием кузова. Принцип действия ВНИК-04 основан на эффекте изменения величины индуктивности датчика в зависимости от изменения электромагнитных свойств участка детали, находящегося под датчиком. Проверку наличия сварных швов с использованием вышеуказанного прибора рекомендуется проводить в местах, где находятся сварные швы.

В настоящее время имеются разнообразные электромагнитные толщинометры лакокрасочных покрытий, которые позволяют выявить перепад

толщины лакокрасочного покрытия, что, в свою очередь, указывает на наличие шпаклевки, скрывающей дефекты кузова, и места возможного сварного шва.

На основании выше изложенного необходимо сделать вывод о том, что произвести легальные регистрационные действия с «распилом» в Госавтоинспекции не представляется возможным, но это лишь при одном условии что сотрудник регистрационного подразделения ГИБДД МВД России квалифицированно установит факт разреза (распила) кузова представленного на осмотр транспортного средства, что безусловно крайне сложно сделать не обладая определенными знаниями и навыками. В соответствии с п. 83 и п. 84 Приказа МВД России от 21.12.2019 № 950 «Об утверждении Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации предоставления государственной услуги по регистрации транспортных средств» уполномоченный на это сотрудник специализированной организации при осмотре транспортного средства осуществляет [1]:

Его идентификацию и проверку отсутствия признаков изменения, сокрытия, уничтожения идентификационного номера транспортного средства или идентификационного номера основного компонента транспортного средства, а также фотофиксацию внешнего вида транспортного средства и нанесенного на него или его основной компонент идентификационного номера.

Проверку соответствия конструкции представленным документам, а в необходимых случаях - проверка соответствия изменений, внесенных в конструкцию транспортного средства, документам о соответствии транспортного средства с внесенными в его конструкцию изменениями требованиям безопасности.

В свою очередь считаю необходимым внести поправки в раздел «Осмотр транспортного средства» Приказа МВД России от 21.12.2019 № 950 «Об утверждении Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации предоставления государственной услуги по регистрации транспортных средств» в виде осуществления при осмотре

транспортного средства детальную проверку отсутствия признаков изменения, сокрытия целостности кузова транспортного средства.

Список литературы:

[1] Приказ МВД России от 21.12.2019 № 950 «Об утверждении Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации предоставления государственной услуги по регистрации транспортных средств».

[2] Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9.12.2008 № 25 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения» (в ред. от 24.04.2016 г.).

[3] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // М., «Юрист» 2002 г.

[4] Технический регламент Таможенного союза ТР ТС 018/2011 «О безопасности колесных транспортных средств».

[5] Статуса В.Ф. Осмотр места происшествия. М.: ЭКЦ МВД России, 1995. 180 с.

References:

[1] Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia of 21.12.2019 No. 950 "On approval of the Administrative Regulations of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation for the provision of state services for the registration of vehicles."

[2] Decisions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 9.12.2008 No. 25 "On judicial practice in cases of crimes related to violation of traffic rules and the operation of vehicles, as well as their unlawful seizure without the purpose of theft" (as amended on 24.04.2016).

[3] Code of Criminal Procedure of the Russian Federation dated December 18, 2001 No. 174-FZ // M., "Lawyer" 2002.

[4] Technical Regulation of the Customs Union TR CU 018/2011 "On the safety of wheeled vehicles."

[5] Statkus V.F. Inspection of the scene. M.: ECC Ministry of Internal Affairs of Russia, 1995. 180 s.

ПЕТРОВА Елена Анатольевна,
кандидат политических наук, Ставропольский
филиал Краснодарского университета МВД
России, старший преподаватель кафедры
административного права и административной
деятельности ОВД, майор полиции,
e-mail: elena_kleshahr@mail.ru

КОЛОСОВА Инна Викторовна,
Ставропольский филиал Краснодарского
университета МВД России, старший
преподаватель кафедры административного
права и административной деятельности ОВД,
подполковник полиции,
e-mail: in4kolosova@yandex.ru

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА «ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ И СОТРУДНИЧЕСТВО» В СЛУЖЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧАСТКОВОГО УПОЛНОМОЧЕННОГО ПОЛИЦИИ

Аннотация. В статье анализируются механизмы реализации принципа «взаимодействие и сотрудничество» в деятельности участковых уполномоченных полиции, рассматриваются полномочия участкового уполномоченного полиции при взаимодействии с различными субъектами, раскрывается понятие «взаимодействие» применительно к деятельности полиции.

Ключевые слова: органы внутренних дел, взаимодействие и сотрудничество, принципы деятельности полиции, доверие граждан, участковый уполномоченный полиции.

PETROVA Elena Anatolyevna,
Candidate of Political Sciences, Stavropol Branch of
the Krasnodar University of the Ministry of Internal
Affairs of Russia, Senior Lecturer at the Department
of Administrative Law and Administrative Activities of
the Department of Internal Affairs, Police Major

KOLOSOVA Inna Viktorovna,
Stavropol Branch of the Krasnodar University of
the Ministry of Internal Affairs of Russia, Senior
Lecturer at the Department of Administrative Law and
Administrative Activities of the Department of Internal
Affairs, Police Lieutenant Colonel

IMPLEMENTATION OF THE PRINCIPLE OF "INTERACTION AND COOPERATION" IN THE OFFICIAL ACTIVITIES OF THE DISTRICT POLICE COMMISSIONER

Annotation. The article analyzes the mechanisms for implementing the principle of "interaction and cooperation" in the activities of district police officers, examines the powers of the district police commissioner when interacting with various subjects, and reveals the concept of "interaction" in relation to police activities.

Key words: internal affairs bodies, interaction and cooperation, principles of police activity, trust of citizens, district police commissioner.

В условиях роста преступности и появления новых видов преступлений повышение доверия граждан к силовым структурам становится все более актуальным, так как позволяет судить об эффективности государственной политики в данной сфере. Ключевым аспектом при оценке деятельности государственного механизма является взаимодействие органов внутренних дел и органов публичной власти, так как именно координация усилий обеспечивает стабильность существования правового государства.

В содержание оперативно-служебной деятельности участкового уполномоченного полиции (далее – УУП) помимо профилактики преступлений и административных правонарушений включены также: защита прав граждан, охрана общественного порядка и многое другое в пределах обслуживаемого им административного участка. Однако реализация каждой из этих задач невозможна без эффективного взаимодействия с представителями иных служб и подразделений ОВД, с органами государственной власти и органами местного самоуправления, в частности, местной администрацией, а также гражданами, проживающими на определенном административном участке. Принцип «взаимодействие и сотрудничество» в деятельности сотрудников полиции находит свое отражение в ст. 10 ФЗ № 3 «О полиции» [2], что подчеркивает невозможность решения отдельных задач разобщенными действиями или единолично. Взаимодействие как между УУП и другими службами и подразделениями, так и иными субъектами профилактики, несмотря на вышеперечисленные преимущества, на практике носит зачастую формальный и несистемный характер, то есть отсутствует заинтересованность одной из сторон или, к примеру, происходит несвоевременный обмен информацией. Поэтому улучшение как теоретических основ взаимодействия, так и разработка практических рекомендаций по его усовершенствованию становится все более актуальной.

Конституция Российской Федерации провозглашает права и свободы человека высшей ценностью. Наиболее важную роль в механизме обеспечения прав и свобод человека и гражданина играют органы внутренних дел как один из органов исполнительной власти, так как именно они наиболее приближены к повседневной деятельности граждан. В данном контексте служба участковых уполномоченных полиции занимает центральное место. Эффективность функционирования МВД в целом складывается из индекса доверия граждан сотрудникам полиции своего региона. На протяжении всего существования ведомства достижение высоких показателей в указанной сфере и выстраивание доверительных отношений между гражданином и полицией явля-

лось приоритетной задачей.

Согласно исследованиям Аналитического центра ВЦИОМ, посвященного оценкам деятельности полиции в марте 2026 года, прослеживается снижение осведомленности граждан о своем УУП, это, по нашему мнению, связано с такими факторами как:

острый кадровый дефицит и непрекращающаяся текучесть личного состава в данной службе. Согласно официальному выступлению Министра внутренних дел Российской Федерации Колокольцева В.А. на расширенном заседании коллегии МВД России 4 марта 2026 года некомплект участковых уполномоченных составил 25% [1]. Высокий отток кадров не позволяет УУП в должной мере изучить свой административный участок, собрать информацию, установить социальные контакты и сформировать доверительные отношения с населением, на что, как правило, требуется не менее 2-3 лет;

Снижение интенсивности взаимодействия УУП и иных подразделений полиции. В настоящее время нерегулярно проводятся подворно-квартирные обходы, встречи с жителями, которые ранее составляли основу работы участкового. Кроме того, снижение физического присутствия представителей правопорядка в жилых кварталах должно рассматриваться не только в разрезе деятельности сотрудников УУП, но и таких служб как патрульно-постовая служба полиции, государственная автомобильная инспекция.

Низкая профессиональная мотивация сотрудников службы УУП. Напряженный график работы, сравнительно невысокий уровень оплаты труда, не соответствующий фактической нагрузке и недостаточное общественное признание важности работы в совокупности способствуют профессиональному выгоранию УУП. Как отмечает М.О. Титова, «у сотрудников, которые подверглись профессиональному выгоранию, снижается трудовая мотивация, развивается безразличие к работе, происходит ухудшение качества и производительности труда» [4; 94].

Таким образом, из-за непрекращающегося оттока кадров растет нагрузка на других сотрудников службы УУП, которые становятся тем самым более подвержены выгоранию, что снижает качество взаимодействия с населением;

Бюрократическая нагрузка, особенно в условиях нехватки времени. Оформление отчетной и сопроводительной документации занимает значительную часть служебного времени, что приводит к снижению взаимодействия с гражданами на обслуживаемой территории;

Система статистической оценки УУП, которая в качестве показателя эффективности определяет количество выявленных правонарушений, составленных протоколов об административных

правонарушениях и т.д., отдавая УУП от реальной профилактической работы с населением.

Именно участковый уполномоченный полиции в силу специфики осуществляемой им деятельности отвечает за формирование взаимоотношений «гражданин-государство», поэтому развитие и решение проблемных вопросов данной службы особо актуально. Можно сказать, что в системе органов внутренних дел служба УУП является единственной службой, которая решает максимальное количество задач, стоящих перед полицией.

Правовое положение участкового уполномоченного, как и любого сотрудника органов внутренних дел, включает в себя права, основные обязанности, требования, ограничения, обязанности и запреты, связанные со службой, а также ответственность [3].

В современной науке наблюдается плюрализм мнений относительно определения момента возникновения службы УУП. Объясняется это тем обстоятельством, что осуществляемые современным УУП функции в дореволюционный период реализовывалась не одним должностным лицом.

Отметим, что наиболее приближенной по направленности своей деятельности была образованная в 1878 году должность полицейского урядника, который осуществлял профилактические мероприятия, к примеру, наблюдение за «неблагонадежными» лицами на своем участке, за состоянием дорог, противопожарных средств, а также отвечал за обеспечение личной и имущественной безопасности, осуществлял предупреждение и пресечение преступлений. Так, образование института полицейских урядников являлось первым закреплением правового статуса УУП на централизованном уровне [5; 200].

Служба участковых неустанно реформируется, при этом наиболее часто уделялось внимание решению проблемы систематического делегирования участковым функциональных обязанностей, выходящих за пределы их нормативно закрепленной компетенции. Эта проблема способствовала появлению кадрового дефицита, ухудшению криминогенной обстановки на обслуживаемой территории ввиду нехватки времени для осуществления индивидуальной профилактической работы и впоследствии снижению доверия проживающего на закрепленной территории населения к своему участковому. Как отмечает Е.А. Перепелова, «представляет особый интерес немаловажный факт, что за все эти годы, несмотря на многочисленные изменения нормативной правовой базы, функционал участковых мало в чем менялся в их взаимоотношениях с гражданами, которые всегда были уверены, что обращение к участковому — надежный способ решения самых разных криминальных и бытовых проблем»

[6; 133]. Исследования фиксируют прямую корреляцию между личным знакомством граждан с участковым и уровнем доверия к его деятельности и соответственно к деятельности всех правоохранительных органов. Эффективность работы всей системы ОВД оценивается по работе УУП, так как:

сотрудник подразделения УУП - это первый представитель власти, с которым гражданин взаимодействует в повседневной жизни, то есть именно профессионализм участкового, его внешний вид, этика общения позволяют судить о всей системе МВД;

каждый УУП закреплен за отдельным административным участком и каждый гражданин на этом участке владеет информацией о своем участке и возлагает на него определенные ожидания, связанные с безопасностью своего района или защитой своих прав. Так, если криминогенная обстановка на участке растет, то граждане возлагают вину в первую очередь на единственного представителя власти, с которым они знакомы, то есть участкового;

на рассмотрение участковым часто первым передаются поступившие заявления и сообщения и от того, насколько грамотно будет проведена первоначальная проверка, будет зависеть доверие граждан и к органам внутренних дел в целом;

зачастую полиция ассоциируется у граждан с «наказанием», однако участковый выступает посредником в решении даже мелких соседских споров или бытовых конфликтов, что создает у граждан устойчивое суждение об успешности проводимой государством политики в области охраны общественного порядка и безопасности.

Повседневная деятельность сотрудника полиции требует слаженных и совместных действий всех служб и подразделений в целях реализации предназначения полиции, а также преодоления внешних проблем. Скоординированность их деятельности позволяет не только оперативно реагировать на преступления и административные правонарушения, но и предотвращать их, что особенно важно в условиях возникновения новых форм преступности. Существуют различные определения термина «взаимодействие», рассмотрим некоторые из них, обратившись к толковым словарям. Взаимодействие в «Кратком психологическом словаре» под редакцией А.В. Петровского понимается как «процесс непосредственного или опосредованного воздействия объектов (субъектов) друг на друга, порождающий их взаимную обусловленность и связь» [7; 304].

Словарь русского языка под редакцией А.П. Евгеньевой дает следующее толкование: «взаимодействие - взаимная связь предметов, явлений, их обусловленность друг другом; согласованность действий» [8; 346].

Применительно к деятельности ОВД предлагается рассматривать взаимодействие в ОВД как направленное на решение задач полиции, эффективное функционирование ОВД и основанная на единстве усилий совместная деятельность подразделений и служб ОВД, а в отдельных случаях органов государственной власти и органов местного самоуправления. Основной целью является взаимопомощь, что отражается в разделении функций, систематизации форм и методов, в том числе по цели, месту и времени.

До настоящего времени законодатель не регламентировал определение изучаемого термина, не смотря на то, что «взаимодействие и сотрудничество» является одним из основополагающих принципов деятельности полиции, а отсутствие единого подхода порождает правовую неопределенность, что в некоторых случаях затрудняет осуществление совместной оперативно-служебной деятельности.

В качестве основных составляющих принципа взаимодействия, можно выделить:

соблюдение законности предполагает, что взаимодействие основано на нормах права и реализация любой деятельности в данном контексте осуществляется в соответствии с ними;

комплексность использования сил и средств означает, что использование всех возможностей, которыми располагают субъекты совместной деятельности, в целях решения стоящих задач;

научность указывает, что взаимодействие должно быть основано на современных научных и технологических достижениях);

разграничение компетенций и обязанностей означает, что взаимодействие происходит в пределах предоставленных полномочий;

самостоятельность предполагает, что участники взаимодействия свободны в выборе средств и методов своей работы, но это влечет персональную ответственность за полученные результаты;

целеустремленность, плановость и динамичность взаимодействия;

четкое уяснение участниками взаимодействия его целей и задач.

Данный перечень не является исчерпывающим, а лишь отражает наиболее существенные значимые стороны взаимодействия в деятельности ОВД.

Взаимодействие УУП с иными службами и подразделениями ОВД является деятельностью, имеющей многоаспектный и упорядоченный характер, такое взаимодействие может быть классифицировано по различным основаниям, например по взаимодействующему субъекту:

сотрудники подразделений следствия и дознания – в рамках расследования уголовного дела УУП выполняет поручения следователя, дознава-

теля в пределах своей компетенции, может собирать и передавать характеризующий материал на лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве и проживающих на территории его административного участка;

Сотрудники полиции, замещающие должность следователя, отмечают в качестве недостатка отсутствие УУП в составе следственно-оперативной группы. Несмотря на то, что УУП выезжают на преступление совершенное на его участке, на практике это происходит не всегда, так как УУП может быть занят выполнением своих должностных обязанностей или быть на другом вызове. Для следственно-оперативной группы это создает трудности, к примеру, в виде временных затрат на поиск свидетелей и очевидцев произошедшего, так как они не знают особенностей местности и проживающих на данной территории граждан.

В основном, взаимодействие складывается из выполнения участковыми поручений следователя в рамках расследования уголовных дел. Как правило, участковый, который осуществлял первоначальную проверку по материалу и передал его в следствие, в дальнейшем «сопровождает» данное уголовное дело вплоть до окончания предварительного расследования. Под «сопровождением» здесь подразумевается как выполнение письменных поручений (допрос, назначение экспертиз, привод, установление местонахождения лица и его явка в следственный отдел, поиск свидетелей и очевидцев, проведение подворно-поквартирного обхода) следователя, так и устных, полученных на месте происшествия и т.д.

сотрудниками подразделений уголовного розыска и иных оперативных служб – такое взаимодействие заключается в предоставлении УУП информации полученной в ходе осуществления форм несения службы, в частности: профилактического обхода, рассмотрения обращений граждан и личного общения с жителями, а также участие в проведении оперативно-профилактических мероприятий, к примеру, ОПМ «Оружие», основной задачей которого является выявление преступлений и административных правонарушений в сфере незаконного оборота оружия, в том числе выявление и перекрытие каналов поступления оружия в криминальную среду, «цехов» и «мастерских» по кустарному изготовлению боевого стрелкового оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств. УУП участвуют в подготовительных мероприятиях по сбору необходимой информации, которую в дальнейшем передают в оперативные службы, а также проводят с гражданами разъяснительную работу с целью убеждения в случае наличия у них указанных выше предметов ограниченных в обороте, добровольно сдать их.

сотрудниками подразделений полиции по охране общественного порядка для корректировки постов и маршрутов патрулирования с учетом анализа оперативной обстановки, мест скопления антиобщественного элемента, а также мест, в которых систематически нарушается общественный порядок. В этом случае проводится инструктаж, в процессе которого сотрудникам ППСП указывают на особенности маршрутов патрулирования и методику выявления правонарушений, если сотрудники ППСП не обладают необходимыми навыками по охране общественного порядка (далее – ООП), то содействие им оказывает УУП, который разъясняет отдельные положения КоАП РФ и УК РФ, а также меры профилактического воздействия.

УУП в ходе задействования сотрудников ППСП в мероприятиях по ООП может оказывать им как консультативную, так и иную помощь по выявлению правонарушений, закреплению полученных доказательств, составлению необходимой документации и т.д.

Взаимодействие не всегда осуществляется только в рамках разъяснения положений законодательства, будь то ведомственные или иные правовые акты, на практике оно также может возникать ввиду сложившейся ситуации и с учетом оперативной обстановки. К примеру, сотрудники ППСП могут оказывать помощь, когда УУП, ввиду большого количества нарушителей общественно-порядка или их активного сопротивления, не способен самостоятельно доставить их в дежурную часть территориального органа МВД.

Взаимодействие не может рассматриваться только как разовая задача (к примеру, участие в совместном профилактическом мероприятии или выполнении поручения следователя, дознавателя), а подразумевает под собой непрерывную деятельность по обмену оперативно-значимой информацией и координации усилий, проведению совместной индивидуально-профилактической работы, розыску скрывшихся преступников и без вести пропавших лиц и т.д.

В деятельности участкового многое зависит от налаженности его взаимодействия с гражданами, проживающими на обслуживаемом им административном участке, так как оно носит в большинстве своем неформальный характер, то зависит во многом от коммуникативных навыков УУП, его умения устанавливать психологический контакт, налаживать доверительные отношения, вовлекать в реализацию мер общей, индивидуальной превенции и ООП.

Грамотная работа УУП, основанная в первую очередь на проведении профилактической работы, позволяет повысить эффективность деятельности участников воспитательного процесса в отношении несовершеннолетних.

УУП совместно с сотрудниками подразделений по вопросам миграции проводят мероприятия по установлению нелегально проживающих иностранных граждан и лиц без гражданства, особое внимание обращая на строительные площадки, курортные кластеры, принимают меры административного воздействия к нарушителям миграционного законодательства. При этом, если УУП устанавливает лиц, представляющих оперативный интерес, то он передает информацию в оперативные подразделения для дальнейшей проверки.

Можно выделить два основных критерия успешности взаимодействия между службами и подразделениями ОВД:

единое понимание задач полиции и конкретных задач, поставленных в определенной ситуации перед отдельно взятым подразделением;

ответственное отношение к выполнению своих обязанностей.

Взаимодействие по своей сути предполагает объединение усилий нескольких субъектов по достижению общей цели.

Таким образом, «взаимодействие и сотрудничество» является фундаментальным принципом организации служебной деятельности полиции, а не просто одним из средств решения стоящих задач. От эффективного совместного планирования, постоянного информационного обмена и слаженности действий зависит успешность реализации государственной политики в сфере борьбы с преступностью.

Список литературы:

[1] Текст официального выступления Владимира Колокольцева на расширенном заседании коллегии МВД России // Министерство Внутренних Дел Российской Федерации - URL: <https://мвд.рф/document/80763760> - (Дата обращения: 10.08.2026).

[2] О полиции: федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ // Консультант Плюс: ком. справ. правовая система. - URL: <http://www.consultant.ru>. - (дата обращения 10.08.2026г.).

[3] О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации. - Федеральный закон от 30.11.2011 № 342-ФЗ // Консультант Плюс: ком. справ. правовая система. - URL: <http://www.consultant.ru>. - (дата обращения 10.08.2026).

[4] Титова М.О. Системная детерминация профессионального выгорания участковых уполномоченных полиции // Психология и педагогика служебной деятельности. - 2021. - № 3. - С. 94.

[5] Онякова, Е.А. Развитие службы участковых уполномоченных в истории России / Е.А. Онякова // Молодой ученый. — 2026. — № 8

(611). — С. 200.

[6] Перепелова, Е.А. Становление и развитие службы участковых уполномоченных полиции: историко-правовой аспект / Е.А. Перепелова // Академическая мысль. - 2022. - № 3 (20). - С. 133.

[7] Петровский, А.В. Краткий психологический словарь / А.В. Петровский, М.Г. Ярошевский, Л.А. Карпенко. - Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. - С. 304.

[8] Евгеньева П.А. Словарь русского языка: В 4-х т. /А.П. Евгеньева. - М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. - С. 346.

References:

[1] The text of the official speech of Vladimir Kolokoltsev at an expanded meeting of the board of the Ministry of Internal Affairs of Russia // Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation - URL: <https://мвд.рф/document/80763760> - (Date of appeal: 10.08.2026).

[2] On the police: federal law of February 7, 2011 No. 3-FZ // Consultant Plus: com. ref. legal system. - URL: <http://www.consultant.ru>. - (circulation date 10.08.2026).

[3] On serving in the internal affairs bodies of the Russian Federation and amending certain legislative acts of the Russian Federation. - Federal Law of 30.11.2011 No. 342-FZ // Consultant Plus: com. ref. legal system. - URL: <http://www.consultant.ru>. - (date of application 10.08.2026).

[4] Titova M.O. Systemic determination of professional burnout of district police officers // Psychology and pedagogy of official activities. - 2021. - № 3. - S. 94.

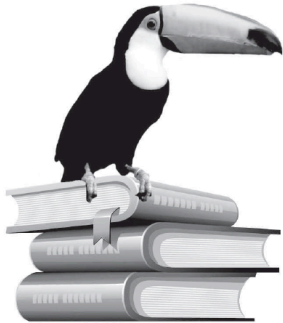
[5] Onyakova, E.A. Development of the service of district commissioners in the history of Russia/ E.A. Onyakova // Young scientist. — 2026. — № 8 (611). - S. 200.

[6] Perepelova, E.A. Formation and development of the service of district police officers: historical and legal aspect/E.A. Perepelova // Academic thought. - 2022. - № 3 (20). - S. 133.

[7] Petrovsky, A.V. Brief Psychological Dictionary/ A.V. Petrovsky, M.G. Yaroshevsky, L.A. Karpenko. - Rostov-on-Don: Phoenix, 1998. - S. 304.

[8] Evgenieva P.A. Dictionary of the Russian language: In 4 volumes/A.P. Evgenieva. - M.: Rus. language; Polygraphresursy, 1999. - S. 346.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Дата поступления рукописи в редакцию: 01.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 01.09.2026 г.

DOI: 10.24412/2224-9133-2026-8-339-343

БАШЛЫКОВА Александра Александровна,
Студентка 2 курса магистратуры
Международного института энергетической
политики и дипломатии Федерального
государственного автономного образовательного
учреждения высшего образования «Московский
государственный институт международных
отношений (университет) Министерства
иностраннных дел Российской Федерации»,
e-mail: bashlykovaaa@bk.ru

ТАМОЖЕННЫЙ МОНИТОРИНГ ЭКСПОРТА НЕФТЕПРОДУКТОВ КАК АЛЬТЕРНАТИВА ТРАДИЦИОННОМУ КОНТРОЛЮ: АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫЕ РИСКИ ДЛЯ КРУПНЫХ ВЕРТИКАЛЬНО-ИНТЕГРИРОВАННЫХ КОМПАНИЙ

Аннотация. Таможенный мониторинг рассматривается применительно к экспорту нефтепродуктов как профилактический механизм, который может частично заменить проверки после выпуска товаров. Действующий эксперимент охватывает только иностранные товары, ввезенные для внутреннего потребления, поэтому экспорт пока остается вне его рамок. Основной риск связан с отсутствием четкой границы между мониторингом и таможенным контролем после выпуска. От такой границы зависит, сможет ли компания добровольно исправить сведения и воспользоваться освобождением от административной ответственности. Предлагается закрепить таможенный мониторинг в статье 238 Федерального закона от 03.08.2018 № 289-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и уточнить в статье 16.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях момент, после которого исправление уже не считается добровольным.

Ключевые слова: таможенный мониторинг, экспорт нефтепродуктов, таможенный контроль, административная ответственность, вертикально-интегрированная компания, добровольное исправление, запреты и ограничения.

BASHLYKOVA Alexandra Alexandrovna,
2nd year graduate student of the International
Institute of Energy Policy and Diplomacy of the
Federal State Autonomous Educational Institution
of Higher Education "Moscow State Institute of
International Relations (University) of the Ministry of
Foreign Affairs of the Russian Federation"

CUSTOMS MONITORING OF PETROLEUM PRODUCT EXPORTS AS AN ALTERNATIVE TO TRADITIONAL CONTROL: ADMINISTRATIVE AND LEGAL RISKS FOR LARGE VERTICALLY INTEGRATED COMPANIES

Annotation. Customs monitoring is considered in relation to the export of petroleum products as a preventive mechanism that can partially replace inspections after the release of goods. The current experiment covers only foreign goods imported for domestic consumption, so exports are still outside its framework. The main risk is associated with the lack of a clear border between monitoring and customs control after release. It depends on such a border whether the company will be able to voluntarily correct the information and take advantage of the exemption from administrative responsibility. It is proposed to consolidate customs monitoring in Article 238 of the Federal Law of 03.08.2018 No. 289-FZ "On Customs Regulation in the Russian Federation and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" and to clarify in Article 16.2 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation the moment after which the correction is no longer considered voluntary.

Key words: customs monitoring, export of petroleum products, customs control, administrative responsibility, vertically integrated company, voluntary correction, prohibitions and restrictions.

Таможенный контроль внешней торговли постепенно смещается от повторных проверок к анализу сведений и оценке рисков. Для экспорта нефтепродуктов такой подход особенно полезен. Режим конкретной партии зависит от кода ТН ВЭД ЕАЭС, состава продукции и действующих ограничений на вывоз. Постановление Правительства Российской Федерации от 30.07.2026 № 954 «О введении временного запрета на вывоз отдельных видов топлива из Российской Федерации» устанавливает с 1 августа 2026 г. по 31 января 2027 г. временный запрет на вывоз отдельных видов топлива [6].

Правовая основа для мониторинга уже сформирована, однако его место среди таможенных процедур остается не до конца определенным. Статья 322 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза перечисляет формы таможенного контроля. Одновременно подпункт 14 пункта 1 статьи 338 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза разрешает государствам-членам применять иные меры, которые обеспечивают проведение такого контроля [1]. Российское регулирование развивает названное правило. Статья 238 Федерального закона от 03.08.2018 № 289-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» закрепляет две обеспечивающие меры, но мониторинга среди них пока нет [2].

Сам эксперимент введен на основании статьи 2 Федерального закона от 14.07.2022 № 314-ФЗ «О внесении изменения в статью 120 Федерального закона «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»» [3]. Пункт 14 Положения, утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 16.02.2023 № 240 «О проведении эксперимента по мониторингу таможенными органами сведений, имеющихся в их распоряжении и полученных от лиц, участвующих в данном эксперименте, из систем учета товаров», ограничи-

вает объект мониторинга иностранными товарами, выпущенными для внутреннего потребления. Экспорт нефтепродуктов пока остается за пределами эксперимента [4].

В научной литературе нет оснований считать мониторинг самостоятельной формой таможенного контроля. С.А. Агамагомедова обращает внимание на незавершенность его административно-правового регулирования и относит такой механизм к мерам, обеспечивающим проведение контроля [10, с. 94]. Близкую позицию занимают О.В. Варданян и Т.Н. Кошелева. Авторы предлагают закрепить мониторинг как обеспечивающую меру, основанную на автоматизированной обработке сведений [11, с. 462]. М.А. Зиманова рассматривает его среди перспективных инструментов контроля после выпуска, которые помогают обнаружить признаки возможного нарушения [12, с. 14]. Можно согласиться с таким подходом, но с одной оговоркой. Цифровой анализ, на наш взгляд, должен предшествовать формальной проверке, а не незаметно превращаться в нее.

Для вертикально-интегрированной нефтяной компании граница между мониторингом и проверкой особенно заметна на практике. Производство, лабораторный контроль, хранение и декларирование могут отражаться в разных информационных системах. Поэтому расхождение между паспортом качества, внутренним учетом и декларацией иногда обнаруживается не сразу. Мониторинг при экспорте мог бы выявлять такие расхождения раньше.

Проблема появляется тогда, когда компания уже получила от таможенного органа информацию о найденном расхождении и хочет исправить сведения самостоятельно. Федеральная таможенная служба, описывая модернизацию эксперимента, указала на предложение освобождать от административной ответственности при добровольном сообщении о недекларировании или недостоверном декларировании [9]. Сам порядок эксперимента также рассчитан на добровольную реакцию участника. Пункты 15, 17 и 18 Положения, утвержденного Постановлением Правитель-

ства Российской Федерации от 16.02.2023 № 240 «О проведении эксперимента по мониторингу таможенными органами сведений, имеющих в их распоряжении и полученных от лиц, участвующих в данном эксперименте, из систем учета товаров», регулируют получение и анализ сведений, а также оформление заключения. По пункту 22 участнику дается до одного месяца, чтобы оценить выводы и устранить возможные последствия. Если признаки нарушения не устранены, пункт 23 допускает применение форм таможенного контроля после выпуска [4].

При сопоставлении такого порядка со статьей 16.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее - КоАП РФ) возникает конкретный вопрос о моменте утраты добровольности. Примечание 2 к статье 16.2 КоАП РФ допускает освобождение по части 1 при добровольном сообщении, а примечание 4 предусматривает сходное правило для части 2. При этом пункт 2 примечания 2 требует, чтобы до обращения таможенный орган не уведомил лицо о контроле после выпуска товаров и не начал такой контроль без уведомления. Для части 3 статьи 16.2 КоАП РФ, связанной с недостоверными сведениями о соблюдении запретов и ограничений, специального освобождения нет [7].

Трудность возникает из-за самого начала мониторинга. По пунктам 9 и 10 Положения, утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 16.02.2023 № 240 «О проведении эксперимента по мониторингу таможенными органами сведений, имеющих в их распоряжении и полученных от лиц, участвующих в данном эксперименте, из систем учета товаров», таможенный орган принимает решение о проведении мониторинга и направляет его участнику. Если считать такое решение лишь началом аналитической процедуры, исправление сведений в срок по пункту 22 сохраняет добровольный характер. Иной подход дает противоположный результат. Получение решения можно приравнять к уведомлению о контроле после выпуска, после чего освобождение по статье 16.2 КоАП РФ окажется недоступным еще до истечения срока на исправление. Мы считаем такое толкование слишком широким. Оно фактически лишает участника возможности воспользоваться профилактическим этапом, ради которого мониторинг и проводится.

Статья 3 Федерального закона от 04.08.2026 № 292-ФЗ «О внесении изменений в статью 41 части первой и часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации и статью 2 Федерального закона «О внесении изменения в статью 120 Федерального закона «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Рос-

сийской Федерации»»» вступает в силу 4 сентября 2026 г. и разрешает Правительству Российской Федерации определять особенности контроля после выпуска товаров в рамках эксперимента [5]. Момент утраты добровольного характера исправления при этом прямо не установлен.

В Постановлении Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 11.07.2025 № 15АП-6040/25 по делу № А32-47121/2024 рассматривался экспорт продукта, заявленного как высокооктановый компонент. Таможенная экспертиза установила иные характеристики части проб. Первоначальные штрафы составляли 154 811 414,30 руб. и 84 257 005,81 руб., а после снижения судом первой инстанции были сохранены суммы 77 405 707,15 руб. и 42 128 502,90 руб. [8]. Спор не касался мониторинга, но наглядно показывает финансовый риск расхождения между декларацией и фактическими свойствами нефтепродукта.

Статью 238 Федерального закона от 03.08.2018 № 289-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» предлагается дополнить пунктом 3 в следующей редакции - «3) проводить таможенный мониторинг сведений, имеющих в распоряжении таможенных органов и получаемых с согласия лица из его информационных систем учета товаров, в порядке, установленном Правительством Российской Федерации, с оформлением решения о начале мониторинга и заключения о его результатах». Такой вариант закрепляет мониторинг как обеспечивающую меру, а не новую форму контроля, и соответствует подпункту 14 пункта 1 статьи 338 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза и позициям исследователей [1; 2; 10, с. 94; 11, с. 462].

Одного закрепления статуса недостаточно, поскольку спор о добровольном исправлении останется. Поэтому примечания к статье 16.2 КоАП РФ предлагается дополнить примечанием 7 следующего содержания - «7. Для целей примечаний 2 и 4 к настоящей статье решение о проведении таможенного мониторинга и направление заключения о его результатах не признаются уведомлением о проведении таможенного контроля после выпуска товаров и не прекращают добровольный характер сообщения или обращения до принятия таможенным органом решения о применении формы таможенного контроля вследствие неустранения выявленных признаков нарушения либо до возбуждения дела об административном правонарушении, в зависимости от того, какое событие наступило ранее». При таком подходе момент утраты льготы связывается не с аналитической работой таможенного органа, а с конкретным процессуальным действием. У компании со-

храняется предусмотренный экспериментом срок для самостоятельного исправления сведений.

Распространять такую гарантию на часть 3 статьи 16.2 КоАП РФ, на наш взгляд, не нужно. Нарушение экспортного запрета связано уже не только с точностью сведений в декларации. Пункт 27 Положения, утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 16.02.2023 № 240 «О проведении эксперимента по мониторингу таможенными органами сведений, имеющихся в их распоряжении и полученных от лиц, участвующих в данном эксперименте, из систем учета товаров», предусматривает приостановление участия и таможенную проверку при получении сведений о факте нарушения [4]. В такой ситуации простого исправления декларации недостаточно.

Если названные границы будут закреплены, мониторинг экспорта нефтепродуктов можно апробировать для декларантов низкого уровня риска. Для вертикально-интегрированных компаний единый обмен сведениями способен уменьшить число повторных запросов. Однако постоянный доступ таможенного органа к информации компании не должен автоматически означать начало процессуальной проверки. Поэтому мониторинг сможет работать как альтернатива традиционному контролю лишь при четком разделении двух этапов. Сначала проводится профилактический анализ и сохраняется возможность исправить сведения добровольно. Постконтроль начинается позже и уже влечет иные правовые последствия.

Список литературы:

[1] Договор о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза : подписан в г. Москве 11.04.2017 : приложение № 1 «Таможенный кодекс Евразийского экономического союза» // Официальный сайт Евразийского экономического союза. - URL: <https://eec.eaeunion.org/upload/iblock/93c/TK-EAES.pdf> (дата обращения: 13.08.2026).

[2] Федеральный закон от 03.08.2018 № 289-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред. от 04.08.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2018. - № 32 (ч. I). - Ст. 5082.

[3] Федеральный закон от 14.07.2022 № 314-ФЗ «О внесении изменения в статью 120 Федерального закона «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»» // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2022. - № 29 (ч. III). - Ст. 5281.

[4] Постановление Правительства Российской Федерации от 16.02.2023 № 240 «О проведении эксперимента по мониторингу таможенными органами сведений, имеющихся в их распоряжении и полученных от лиц, участвующих в данном эксперименте, из систем учета товаров» (ред. от 11.08.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2023. - № 9. - Ст. 1476.

[5] Федеральный закон от 04.08.2026 № 292-ФЗ «О внесении изменений в статью 41 части первой и часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации и статью 2 Федерального закона «О внесении изменения в статью 120 Федерального закона «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»» // Официальный интернет-портал правовой информации. - 2026. - 4 августа. - № 0001202608040036.

[6] Постановление Правительства Российской Федерации от 30.07.2026 № 954 «О введении временного запрета на вывоз отдельных видов топлива из Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. - 2026. - 30 июля. - № 0001202607300019.

[7] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 26.07.2026, с изм. и доп., вступ. в силу с 06.08.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2002. - № 1 (ч. I). - Ст. 1.

[8] Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 11.07.2025 № 15АП-6040/25 по делу № А32-47121/2024 // СПС «ГАРАНТ».

[9] Федеральная таможенная служба. Эксперимент по таможенному мониторингу будет модернизирован // Федеральная таможенная служба : официальный сайт. - 2026. - 21 апреля. - URL: <https://limited.customs.gov.ru/press/federal/document/689245> (дата обращения: 13.08.2026).

[10] Агагомедова, С. А. Эксперимент по таможенному мониторингу: административно-правовая характеристика / С. А. Агагомедова // Административное и муниципальное право. - 2024. - № 1. - С. 94–104.

[11] Варданян, О. В. Разработка модели проведения таможенного мониторинга / О. В. Варданян, Т. Н. Кошелева // Экономика и управление. - 2022. - Т. 28, № 5. - С. 462–470.

[12] Зиманова, М. А. Таможенный мониторинг и таможенный аудит как инструменты таможенного контроля после выпуска товаров / М. А. Зиманова // Бюллетень инновационных технологий. - 2023. - Т. 7, № 3 (27). - С. 14–18.

References:

[1] Agreement on the Customs Code of the Eurasian Economic Union: signed in Moscow

11.04.2017: Appendix No. 1 "Customs Code of the Eurasian Economic Union" // Official website of the Eurasian Economic Union. - URL: <https://eec.eaeunion.org/upload/iblock/93c/TK-EAES.pdf> (access date: 13.08.2026).

[2] Federal Law of 03.08.2018 No. 289-FZ "On Customs Regulation in the Russian Federation and on Amending Certain Legislative Acts of the Russian Federation" (as amended by 04.08.2026) // Collection of Legislation of the Russian Federation. - 2018. - No. 32 (part I). - Art. 5082.

[3] Federal Law of 14.07.2022 No. 314-FZ "On Amending Article 120 of the Federal Law "On Customs Regulation in the Russian Federation and on Amending Certain Legislative Acts of the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation. - 2022. - No. 29 (part III). - Art. 5281.

[4] Decree of the Government of the Russian Federation of 16.02.2023 No. 240 "On conducting an experiment on monitoring by customs authorities of information available to them and received from persons participating in this experiment from goods accounting systems" (ed. 11.08.2025) // Collection of legislation of the Russian Federation. - 2023. - № 9. - Art. 1476.

[5] Federal Law of 04.08.2026 No. 292-FZ "On Amendments to Article 41 of Part One and Part Two of the Tax Code of the Russian Federation and Article 2 of the Federal Law "On Amendments to Article 120 of the Federal Law "On Customs Regulation in the Russian Federation and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" // Official Internet portal of legal information. - 2026.

- Aug. 4. - № 0001202608040036.

[6] Decree of the Government of the Russian Federation of 30.07.2026 No. 954 "On the introduction of a temporary ban on the export of certain types of fuel from the Russian Federation" // Official Internet portal of legal information. - 2026. - July 30. - № 0001202607300019.

[7] Code of Administrative Offenses of the Russian Federation of 30.12.2001 No. 195-FZ (rev. dated 26.07.2026, rev. and addendum, entry as of 06.08.2026) // Collection of legislation of the Russian Federation. - 2002. - No. 1 (part I). - Art. 1.

[8] Decision of the Fifteenth Arbitration Court of Appeal of 11.07.2025 No. 15AP-6040/25 in case No. A32-47121/2024 // SPS "GARANT".

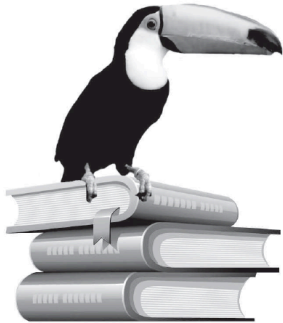
[9] Federal Customs Service. The experiment on customs monitoring will be modernized // Federal Customs Service: official website. - 2026. - April 21. - URL: <https://limited.customs.gov.ru/press/federal/document/689245> (access date: 13.08.2026).

[10] Agamagomedova, S. A. Experiment on customs monitoring: administrative and legal characteristics/S. A. Agamagomedova // Administrative and municipal law. - 2024. - № 1. - S. 94-104.

[11] Vardanyan, O. V. Development of a customs monitoring model/O. V. Vardanyan, T. N. Kosheleva // Economics and Management. - 2022. - T. 28, NO. 5. - S. 462-470.

[12] Zimanova, M. A. Customs monitoring and customs audit as tools of customs control after the release of goods/M. A. Zimanova // Bulletin of innovative technologies. - 2023. - T. 7, NO. 3 (27). - S. 14-18.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, Е-Library.

ДИЛАНЯН Ирина Карпетовна,
преподаватель кафедры гражданского права
Крымского филиала ФГБОУВО «РГУП
им. В.М. Лебедева», г. Симферополь, Россия,
e-mail: dilanian@list.ru

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ ВОПРОСЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ВОЗМЕЩЕНИЯ УБЫТКОВ В РАМКАХ КОНКУРЕНТНЫХ ПРОЦЕДУР

Аннотация. В статье анализируются положения специального законодательства в сфере закупок, посвященные заключению контрактов по итогам проведения конкурса. Исследуются на основе анализа судебной практики актуальные трудности взыскания убытков, возникших в результате отказа в заключении контрактов по итогам проведенных торгов, затрагивается вопрос злоупотребления правом участниками закупок, а также предлагаются дополнения толкований норм в сфере закупочной деятельности с учетом специфики правоотношений.

Ключевые слова: Убытки, заказчик, контракт, упущенная выгода, реальный ущерб, закупки товаров, работ и услуг, закупки, контрактная система, участник закупки.

DILANYAN Irina Karapetovna,
lecturer at the Department of Civil Law of the
Crimean branch of the Federating State Educational
Institution of Higher Education «Russian State
University of Justice named after V.M. Lebedev»,
Simferopol, Russia

INTERSECTORAL ISSUES OF DAMAGE COMPENSATION REGULATION WITHIN THE FRAMEWORK OF COMPETITIVE PROCEDURES

Annotation. The article analyzes the provisions of special legislation in the field of procurement, which are devoted to the conclusion of contracts following the holding of a tender. Based on an analysis of judicial practice, the article examines the current difficulties in recovering damages arising as a result of refusal to conclude contracts following the holding of tenders; it addresses the issue of abuse of rights by procurement participants and proposes additions to the interpretation of norms in the field of procurement activities, taking into account the specifics of legal relations.

Key words: Losses, customer, contract, lost profits, actual damage, procurement of goods, works and services, procurement, contract system, procurement participant.

Государственные закупки – один из инструментов регулирования, позволяющий решать экономические и социально-политические проблемы в стране [1, с. 284].

Судебные споры в рамках закупочной деятельности обладают как определенными особенностями, связанными с проведением конкурентных процедур, так и со специфическим субъектным составом, его полномочиями, ответственностью и интересами.

Возмещению убытков являются вполне распространенным явлением в практике разрешения

разного рода экономических споров; такие требования получили широкое распространение и по искам участников закупок.

Исходя из анализа судебной практики в рамках конкурентных процедур перечень субъектов, выступающих ответчиками по искам участников закупок о возмещении убытков достаточно разнообразен. Споры по искам участников о взыскании убытков при осуществлении закупочной деятельности можно классифицировать по субъектному составу, где ответчиками выступают участники-конкуренты, банковские учреждения,

Федеральная антимонопольная служба и ее территориальные органы, а также заказчики.

Основополагающим принципом контрактной системы в сфере закупок является, в частности, принцип обеспечения конкуренции, что, согласно ст. 8 Федерального закона «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее - Федеральный Закон) предполагает создание равных условий между участниками закупки. Не менее важным положением является также статья 9 Федерального закона, закрепляющая принцип профессионализма заказчика, призванного принимать меры по сохранению и повышению квалификации должностных лиц, участвующих в проведении закупок.

Вместе с тем, судебной практикой демонстрируется достаточное число оснований для обжалования действий должностных лиц заказчиков, в том числе, связанных с решениями об отклонении заявки на участие в закупке, необоснованном отказе в заключении контракта по итогам конкурса, которые, нередко являются основанием для обжалования заключённых контрактов.

Верховным судом указано на возможность лица, которое должно было стать победителем, требовать возмещения убытков вне зависимости от предъявления самостоятельного иска о признании обязательной процедуры, конкурентной закупки недействительными и о применении последствий их недействительности [2].

Практикой демонстрируются примеры реализации права на взыскание убытков в связи с отказом в заключении контракта по результатам проведённой конкурсной процедуры по основаниям, не связанным с проведением торгов, когда уклонение от заключения контракта со стороны заказчика повлекло для истца убытки в виде упущенной выгоды, которую потенциальный подрядчик (исполнитель) получил бы в случае надлежащего исполнения заказчиком законодательства при заключении контракта.

Так, согласно Постановлению Арбитражного суда Московского округа от 6 марта 2020 г. N Ф05-1477/20 по делу N А40-92217/2019 в качестве обоснования возникновения у подрядчика (исполнителя) убытков в виде упущенной выгоды судом признаются мероприятия, связанные, к примеру, с освобождением производства для выполнения работ по контракту, на который рассчитывал подрядчик (исполнитель) и отказами в связи с этим от контрактов с иными контрагентами.

Упущенной выгодой является неполученный доход, на который увеличилась бы имущественная масса лица, право которого нарушено, если бы нарушения не было [3].

В качестве примера уместно также привести постановление Арбитражного суда Уральского

округа от 14 августа 2019 г. N Ф09-4113/19 по делу N А07-13700/2018. Заказчик неправомерно уклонился от заключения договора на клининговые услуги с предпринимателем, победившим в аукционе, в результате чего судом признан доказанным факт причинения истцу убытков, в том числе, упущенной выгоды - 10 месяцев простоя.

Анализ приведенных судебных актов указывает на некорректность сравнения убытков в форме упущенной выгоды, возникающих при нарушении договорных обязательств (ст. 15, 393 ГК РФ), с аналогичными потерями, вызванными недостижением ожидаемого результата в рамках закупочной деятельности. Указанные категории требуют дифференцированного подхода ввиду различий в основаниях возникновения гражданско-правовой ответственности. В стремлении обеспечить условия для недопущения недобросовестности конкуренции, такой подход все же может привести к недобросовестности участников, представляющих, например, сведения или пакет документов в спорном объеме или качестве, необходимых для заключения контракта по итогам конкурсной процедуры. Так, особое внимание следует уделить спорам, возникшим в результате оспаривания решений антимонопольной службы о признании необоснованной жалобы участника закупки на действия комиссии заказчика, поскольку между поставщиком (победителем) и заказчиком заключается контракт, который исполняется сторонами наряду с судебным оспариванием такого решения антимонопольной службы.

Перспектива взыскания упущенной выгоды в случае признания судом недействительным такого решения антимонопольного органа создает для участников, не ставших победителями, определенный соблазн приобретения дохода, который такой участник получил бы в результате фактического оказания услуги или выполнения работы по контракту.

Частью 23 статьи 95 Федерального закона предусмотрено, что при расторжении контракта в связи с односторонним отказом стороны контракта от исполнения контракта другая сторона контракта вправе потребовать возмещения только фактически понесенного ущерба.

Таким образом, поскольку положениями специального закона закреплена ответственность стороны уже заключенного контракта в пределах реального ущерба, для споров, связанных с незаключением контракта, должно применяться такое же правило. Подготовка к исполнению незаключенного контракта является риском участника закупки, поэтому возможное возникновение упущенной выгоды не может быть поставлено в причинно-следственную связь с виной заказчика, проводившего торги. Процедура государственных закупок носит многоэтапный ха-

ракт и накладывает взаимные обязательства на обе стороны. Участие в тендере не гарантирует автоматического заключения контракта, а процесс предполагает строгое соблюдение регламента: подачу полного пакета документов, прохождение конкурентных процедур, признание заявки соответствующей требованиям, а также своевременное подписание проекта контракта победителем.

На основании изложенного, в результате проведенного анализа видится некая неопределенность в правовом регулировании возмещения убытков в сфере закупочной деятельности, что не может не сказываться на стабильности гражданского оборота в этой сфере. С учетом изложенного, принимая во внимание недостаточную систематизацию положений по указанному вопросу, представляется актуальным внесение дополнений в Федеральный закон, закрепляющих положения, исключающие возможность взыскания упущенной выгоды в результате незаключения контракта с участником закупки.

Список литературы:

[1] Косов М.Е. Проблемы осуществления государственных закупок и пути их решения // Финансовая аналитика: проблемы и решения. – 2019. – Т. 12, № 3. – С. 284 – 298.

[2] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 4 марта 2021 г. N 2 «О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением судами антимонопольного законодательства» // Российская газета. N 61. 24 марта 2021.

[3] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. N 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. N 140. 30 июня 2015.

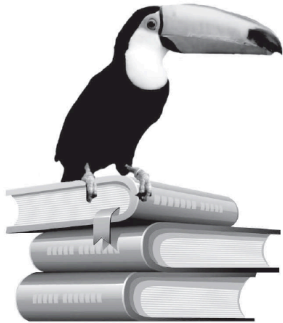
References:

[1] Kosov M.E. Problems of public procurement and ways to solve them // Financial analytics: problems and solutions. – 2019. – T. 12, NO. 3. – S. 284-298.

[2] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of March 4, 2021 No. 2 "On some issues arising in connection with the application of antimonopoly legislation by the courts" // Rossiyskaya Gazeta. N 61. March 24, 2021.

[3] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 23, 2015 No. 25 "On the application by the courts of certain provisions of section I of part one of the Civil Code of the Russian Federation" // Rossiyskaya Gazeta. N 140. June 30, 2015.

**ЮРИДИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ЮРКОМПАНИ»**

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

РОДЬКИНА Наталья Львовна,
Старший преподаватель кафедры КБ-12
«Правовое обеспечение национальной
безопасности», Институт кибербезопасности
и цифровых технологий, МИРЭА-Российский
технологический университет, Москва,
e-mail: Stepanova13kb@mail.ru

АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ МЕТОДЫ РАЗРЕШЕНИЯ СЕМЕЙНО-ПРАВОВЫХ СПОРОВ: СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Аннотация. В статье рассматривается ряд проблем правового регулирования института альтернативного разрешения споров (АРС) в сфере семейного права, исследуется специфика применения примирительных процедур в семейных конфликтах, проблеме обеспечения интересов ребенка, балансу сил сторон и недопустимости применения АРС в случаях домашнего насилия, а также, обосновывается необходимость создания специализированного института семейных медиаторов и введения элементов обязательного досудебного урегулирования споров.

Ключевые слова: альтернативное разрешение споров, медиация, семейное право, примирительные процедуры, наилучшее обеспечение интересов ребенка, коллаборативная практика, домашнее насилие, восстановительный подход.

RODKINA Natalia Lvovna,
Lecturer at the KB-12 "Legal Support of National
Security" Department of the Institute of Cybersecurity
and Digital Technologies RTU MIREA

ALTERNATIVE METHODS OF RESOLVING FAMILY LAW DISPUTES: CURRENT TRENDS, PROBLEMS AND DEVELOPMENT PROSPECTS

Annotation. The article examines a number of issues related to the legal regulation of the institution of alternative dispute resolution in the field of family law, explores the specifics of applying conciliation procedures in family conflicts, the problem of ensuring the interests of the child, the balance of power between the parties, and the inadmissibility of using in cases of domestic violence. The article also substantiates the need to create a specialized institution of family mediators and introduce elements of mandatory pre-trial dispute settlement.

Key words: alternative dispute resolution, mediation, family law, conciliation procedures, best interests of the child, collaborative practice, domestic violence, restorative approach.

Неизбежная трансформация института семьи в современном обществе нередко сопровождается ростом числа внутрисемейных конфликтов, требующих юридического вмешательства. Состязательная модель судебного разбирательства, определяющая, своего рода, «победителя спора» и «проигравшего в споре», в ряде случаев, оказывается деструктивной для семейных правоотношений, особенно когда речь идет о необходимости сохранения коммуникации между супругами после расторжения брака. В связи с этим альтернативное разрешение споров (АРС)

выступает не только как способ разгрузки судебной системы, но и как самостоятельная целостная категория, направленная на минимизацию психологической травмы бывших супругов и защиту прав несовершеннолетних.

Неоспоримо, что семейно-правовые споры имеют основой особый предмет, уникальную правовую природу. Так, в отличие, в частности, от гражданско-правовых конфликтов, где преобладает имущественный интерес, в семейном праве тесно переплетаются эмоциональные, психологические и моральные факторы. Нельзя не согла-

ситься с Т.В. Сахновой, которая, в своей работе «Курс гражданского процесса: теоретические основы и базовые институты» обращает внимание на то, что семейный спор «всегда выходит за рамки чисто правового регулирования, затрагивая сферу личных неимущественных отношений и моральных обязательств» [9].

Семейный конфликт, в отличие от любого коммерческого спора, характеризуется высокой эмоциональной напряженностью, вызванной наличием длительных психотравмирующих отношений, отсутствием у участников конфликта к поиску компромисса, а зачастую, напротив, желание «отомстить» бывшему супругу либо супруге любым доступным способом, наличие долгосрочных связей между сторонами и уязвимостью отдельных участников. В практике семейной медиации нередки случаи, когда в ходе приватных сессий (кокусов) медиатор узнает, в частности, о фактах психологического или физического насилия в семье. В таком случае, непосредственное следование положениям ст. 5 Федерального закона от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» [1] ставит медиатора перед этической дилеммой: сохранить юридическую чистоту процедуры или нарушить закон ради защиты подвергающегося насилию члена семьи.

Как отмечает Е.Ю. Чефранова [10], семейная медиация не может быть слепой к вопросам безопасности. Согласно положениям ст. 1 Федерального закона от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)», процедура медиации, согласно ее основным принципам, базируется на добровольности и диспозитивности, то есть, стороны вправе самостоятельно определять условия соглашения. Однако семейное законодательство, наряду с диспозитивными положениями, (ст. 9 СК РФ) [3] содержит и императивные нормы, защищающие слабую сторону. На практике это, означает, что не все споры, вытекающие из семейных правоотношений, медиабельны. Так, нельзя путем медиативного соглашения разрешить, в частности, следующие вопросы:

отказаться от права ребенка на получение алиментов (ст. 60, 101 СК РФ);

ограничить право ребенка на общение с родственниками, если это не противоречит его интересам;

определить порядок проживания ребенка таким образом, который нарушает его право на достойное воспитание.

Следует отметить, что применение методов АРС (медиации, примирительных процедур, коллаборативной практики) в семейном праве базируется на нескольких фундаментальных принци-

пах, к которым относятся:

Конфиденциальность, позволяющая сторонам открыто обсуждать болевые точки без страха публичности.

Ориентация на будущее, а не на ретроспективный анализ вины (что критично при определении порядка общения с ребенком).

Приоритет принципа наилучшего обеспечения интересов ребенка (ст. 65 Семейного кодекса РФ), который в процедуре медиации реализуется через создание «детско-ориентированного» соглашения.

Внедрение в российскую правовую систему института медиации имело целью разгрузить судебную систему, значительную часть нагрузки которой составляют гражданские дела, вытекающие из семейных правоотношений, предложение сторонам таких конфликтов гибкий, внесудебный механизм примирения, поскольку, как уже отмечалось выше, специфика семейно-правовых споров, затрагивающих не только частные, но и публичные интересы, в частности, права и охраняемые законом интересы несовершеннолетних, выявляет наличие уникального сочетания правовых и этических проблем. Судебная практика исходит из того, что медиативное соглашение по семейным спорам не должно ущемлять права несовершеннолетних, однако на практике встречаются случаи, когда медиаторы, не обладающие специфическими познаниями в области семейных правоотношений, могут способствовать заключению соглашений, которые будут приняты и согласованы участниками конфликта, но по своей сути не будут отвечать требованиям закона, разумности, справедливости, вопросам защиты интересов участников соглашения.

К одной из основных процессуальных проблем можно отнести утверждение судом медиативных соглашений, затрагивающих интересы детей (например, соглашений о порядке осуществления родительских прав родителем, проживающим отдельно). Согласно п. 3 ст. 24 СК РФ и сложившейся судебной практике, при разрешении споров, связанных с воспитанием детей, суд обязан привлекать к участию орган опеки и попечительства. Противоречие состоит в том, что участники конфликта затрачивают свое время и ресурсы на процедуру медиации, и, возможно, после неоднократных обсуждений, наконец, достигают компромисса, но для придания медиативному соглашению силы исполнительного документа (через нотариальное удостоверение или утверждение судом по ст. 333.6 ГПК РФ) [4] требуется заключение третьего лица – органа опеки, стороной конфликта не являющегося, поэтому, ограниченного в объективной возможности дать оценку проведенной работе и выработанному соглашению- органа опеки. Таким образом, органы опеки,

не участвовавшие в процедуре медиации и не знающие ее всей глубины сложившейся в семье ситуации и ее контекста (поскольку она конфиденциальна), часто дают отрицательные заключения или требуют проведения дополнительных экспертиз, что полностью нивелирует преимущества процедуры медиации (скорость и гибкость).

Федеральный закон № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (далее – Закон о медиации) введен в действие 27 июля 2010 года, став правовой основой развития медиации как правового и общественного института, то есть, альтернативной процедуры урегулирования споров с участием медиатора – независимого посредника. Нельзя не согласиться с точкой зрения Е.С. Дугарон о том, что для полноценного внедрения в жизнь альтернативных процедур урегулирования споров необходима научно-обоснованная концепция развития института медиации, базирующиеся на ней изменения законодательства, и, пожалуй, это самое сложное, преодоление незнания, недоверия либо излишне скептического отношения к процедуре со стороны участников гражданского процесса, юридического сообщества и общества в целом.

Однако, как указывает исследователь, несмотря на то, что предполагалось широкое внедрение процедур медиации в качестве механизмов реализации положений законов Российской Федерации, предусматривающих возможность примирения сторон, практика показывает, что медиация применяется не широко, а скорее эпизодически, что позволяет сделать вывод о том, что широкого внедрения медиации в правовое поле в настоящее время не произошло. [12].

Президиум Верховного Суда РФ 1 апреля 2015 года утвердил Справку о практике применения судами Федерального закона от 27 июля 2010 года № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» за период с 2013 по 2014 год (далее – Справка) [5]. Согласно п. 16 указанной справки, по мнению судов, процессуальными препятствиями для более частого и эффективного использования института примирения в гражданском и арбитражном процессе являются короткие сроки рассмотрения дел, небольшие размеры государственной пошлины, уменьшение судами расходов на оплату услуг представителя, отсутствие института обязательной медиации, отсутствие у судей права направлять лиц, участвующих в деле, на обязательное прохождение процедуры медиации, неурегулированность процессуальным законодательством вопроса о течении процессуальных сроков на период прохождения сторонами процедуры медиации.

Вместе с тем судами отмечались следующие

причины низкой популярности примирительных процедур:

- организационные:
 - относительная новизна процедуры медиации;
 - отсутствие медиаторов;
 - отсутствие рекламы на рынке профессиональных медиаторов;
 - отсутствие распространенной практики использования медиации;
 - отсутствие в суде помещений, которые можно было бы предоставлять для проведения примирительных процедур;
 - низкая активность просветительской работы на уровне государственных органов всех уровней и органов местного самоуправления, средств массовой информации, медиаторов;
 - необязательность проведения процедуры медиации до обращения в суд [16]. Кроме того, очередным препятствием к активному внедрению альтернативных способов разрешения судебным спорам является отсутствие обязательного досудебного медиативного этапа.
- В отличие от трудовых или корпоративных споров, где законодатель по ряду споров предусматривает обязательный претензионный порядок, в семейном праве (за редким исключением, например, ст. 66 СК РФ в части споров с родственниками) обращение к медиатору является факультативным.
- Анализ доктринальных источников и правоприменительной практики позволяет говорить о целесообразности внесения изменений в ГПК РФ и СК РФ, обязав стороны по спорам, связанным с воспитанием детей (определение места жительства, порядок общения), перед подачей искового заявления пройти обязательную консультацию у профессионального семейного медиатора. Данная стадия не является принуждением к заключению соглашения, но она позволит определить готовность сторон к участию в альтернативных способах разрешения споров, и, возможно, снизить уровень конфликтности;
- экономические:
 - высокая стоимость услуг профессиональных медиаторов;
 - процессуальная пассивность сторон при разрешении гражданских споров, нежелание нести дополнительные финансовые затраты;
 - отсутствие стремления у судебных представителей к примирению сторон, поскольку это существенно снижает размер оплаты их услуг;
 - субъективные (психологические):
 - высокая степень конфликтности отношений в обществе;
 - неосведомленность сторон о медиации;
 - отсутствие навыков и традиций по ведению переговоров [17];

недоверие к медиатору.

Семейное право носит ярко выраженный социальный и императивный характер. Анализ судебной практики по семейным спорам иллюстрирует отсутствие тенденции к заключению, в частности, мировых соглашений по алиментным обязательствам и разделу имущества. Такая ситуация складывается, в частности, и в результате ненадлежащего отношения обязанной стороны к своим обязательствам, утвержденным таким соглашением. Зачастую, лица, обязанные выплачивать алименты, передать имущество, предоставить возможность, игнорируют заключенные мировые соглашения, считая, что «это же не решение суда» и «что-то там подписал с бывшей». Да, соглашение, достигнутое в ходе внесудебной медиации и удостоверенное нотариусом, является исполнительным документом, но на практике стороны по семейным спорам все-таки предпочитают обращаться в суд за утверждением мирового соглашения. Это связано с тем, что судебное утверждение придает договоренностям определенный статус и обеспечивает дополнительный контроль за его исполнением со стороны органа правосудия.

Такое отношение приводит к новым судебным разбирательствам: производствам по получению исполнительных листов, либо к искам о расторжении заключенных ранее мировых соглашений и внесудебная медиация по семейным спорам остается невостребованной из-за отсутствия механизма оперативного принуждения к исполнению неимущественных обязательств;

стремление лица, право которого нарушено, любыми способами привлечь к ответственности нарушителя субъективного права;

неучастие в судебных заседаниях руководителей, которые вправе принимать решения, в том числе и в отношении предмета спора;

восприятие судебного решения как более "ценного" судебного акта по сравнению с определением о прекращении производства по делу;

нежелание брать ответственность за разрешение конфликта на себя;

разрешение спора в судебном порядке является отсрочкой исполнения своих обязательств перед контрагентами для недобросовестных лиц;

низкий уровень правовой культуры [13].

Цифровизация АРС также повышает доступность процедуры, однако требует выработки новых этических стандартов обеспечения конфиденциальности в цифровой среде.

Значительная часть доли гражданско-правовых споров - это споры, вытекающие из семейных правоотношений, в частности, алиментарные споры. По своим правовым характеристикам, в том числе, и с учетом положений ст. 104 Семейного кодекса РФ, алиментарные споры в до-

статочной степени медиабельны, ведь основные вопросы об обоснованности размера требуемых алиментов логичнее, удобнее и эффективнее было бы как раз при участии медиатора. Так, в 2015 году в производстве Перовского районного суда г. Москвы рассматривалось гражданское дело по иску С. к К. об изменении размера задолженности по алиментам, и к УФССП г. Москвы о производстве перерасчета задолженности по алиментам. В обоснование иска указано следующее, что С. и К. состояли в браке до 2008 г., от брака стороны имеют несовершеннолетнего сына, С.Д. 2002 года рождения. Решением мирового судьи в 2008 году с С. в пользу К. были взысканы алименты на содержание сына С.Д. в размере 4,35 минимального размера оплаты труда, что на день вынесения решения составило 10 000 руб. После расторжения брака С. и К. продолжили проживать вместе и сохраняли фактические брачные отношения до середины 2012 года. При этом, до 2012 года семья проживала вместе, имела единый бюджет, С. нес расходы по ее обеспечению, оплачивал коммунальные платежи за квартиру, в которой зарегистрированы ответчица и их несовершеннолетний сын, бывшие супруги вместе ездили отдыхать. Окончательный распад семьи состоялся в июле 2012 года, выехав с жилой площади С., ответчица оставила сына проживать с отцом, и С., еще год проживал с отцом, после чего, совместным решением родителей был определен в Суворовское училище на полное государственное обеспечение. Несмотря на вышеизложенное, в марте 2014 года, К. предъявила в службу судебных приставов исполнительный лист на взыскание со С. Д.И. алиментов на содержание несовершеннолетнего сына, за период с марта 2011 года, таким образом, судебный пристав-исполнитель определил наличие задолженности за указанный период времени в размере 519673 руб. 65 коп. С указанным размером задолженности не согласен заявитель. В ходе судебного разбирательства указанные истцом доводы нашли свое подтверждение. Сложно не согласиться с выводом о том, что при своевременной обращении за медиацией данный конфликт мог бы быть разрешен во внесудебном порядке.

К 2026 году в правоприменительной практике сформировался устойчивый запрос на дифференциацию медиации. В последние годы в юридическом сообществе активно обсуждается и частично внедряется на уровне пилотных проектов при судах концепция специализированной семейной медиации. Так, например, если классический медиатор выступает нейтральным фасилитатором, то семейный медиатор (обладающий базовыми знаниями в области детской психологии) помогает сторонам сфокусироваться непосредственно на потребностях ребенка, минимизируя

влияние на существо спора межличностных отношений родителей. Так, как установлено в ходе судебного заседания по рассмотренному Перовским судом г. Москвы гражданскому делу № 2-2354/2015 по иску об определении порядка общения с четырехлетней дочерью, истец, отец ребенка, запрещал ответчице-матери девочке, пользоваться любым имуществом, приобретенным до брака. К такому «добрачному имуществу» относились, например, плита и стиральная машина. Видя, что бывшая супруга наливает себе суп из кастрюли, где варился суп для дочери, отец ребенка при дочери плевал бывшей жене в тарелку. Видя, что помимо дочкиных вещей, в стиральной машине находится, например, футболка бывшей супруги, он останавливал стирку, доставал футболку и кидал ее в унитаз. В результате таких остро конфликтных отношений, ответчица была вынуждена готовить себе на портативной плите в своей комнате. В свою очередь, она не просто ограничивала право бывшего супруга на общение с дочерью, а игнорировала любые вопросы и обращения, касающиеся ребенка - будь то болезнь девочки или возможность ее поездки с отцом в отпуск или на выходные к бабушке и дедушке.

В другом споре, также рассмотренном Перовским районным судом г. Москвы, ответчица по делу № 2-3654/17 об определении порядка общения отца с дочерьми 15 и 8 лет, демонстрировала в судебном заседании кружевные трусы 15-летней дочери в подтверждение своих доводов о ненадлежащем отношении отца к ребенку. В связи с этим альтернативные методы разрешения споров (АРС) приобретают статус процессуальной альтернативы традиционному судебному разбирательству и призваны оказать конструктивное влияние на общение бывших супругов по наиболее болезненным и сложным для них вопросам.

Одной из эффективных тенденций разрешения конфликтов, вытекающих из семейных правоотношений, стало развитие коллаборативной практики (совместного права), в ходе которых участники спора и их представители заключают «участие в совместном праве». К процессу разрешения спорных вопросов привлекаются нейтральные эксперты (детские психологи, финансовые консультанты). Данный метод показывает высокую эффективность, например, при разделе имущества и определении места жительства детей, снижая уровень конфликтности. Однако, несмотря на позитивную динамику, институт альтернативного разрешения споров в семейном праве сталкивается с рядом системных проблем:

Во-первых, проблема дисбаланса сил и домашнего насилия. Это наиболее острый аспект. Применение АРС предполагает равенство сторон и свободу волеизъявления. Однако в условиях скрытого или явного экономического, психологи-

ческого или физического насилия в семье жертва не способна адекватно отстаивать свои интересы и интересы детей. На сегодняшний день в российском законодательстве отсутствует прямой императивный запрет на применение процедуры медиации в случаях, отягощенных домашним насилием;

Во-вторых, проблема исполнимости медиативных соглашений. Соглашение, достигнутое в ходе медиации, может быть нотариально удостоверено и приобретать силу исполнительного листа (ст. 101.1 ГПК РФ). Однако на практике нотариусы часто отказывают в удостоверении медиативных соглашений по спорам о детях, ссылаясь на то, что условия общения с ребенком не могут быть жестко детерминированы (например, «отец забирает ребенка по мере его желания»), так как это противоречит требованию об определенности условий сделки [15]. Требуется разъяснение Пленума Верховного Суда РФ, устанавливающее границы диспозитивности родителей при нотариальном удостоверении таких соглашений.

В-третьих, низкий уровень правовой культуры и информированности. Граждане по-прежнему рассматривают суд как единственную инстанцию, способную «восстановить справедливость». Государственная поддержка АРС (в том числе через институт бесплатной юридической помощи) развита недостаточно, что делает услуги профессиональных семейных медиаторов недоступными для социально уязвимых слоев населения.

Специфика семейных споров (смешение имущественных и личных неимущественных прав, высокая эмоциональная насыщенность, наличие субъекта, не являющегося стороной спора, но чьи права затрагиваются — ребенка) обусловила формирование ряда современных тенденций, к числу которых можно отнести:

все большее вовлечение медиации в разрешение не только имущественных, а и личных, неимущественных споров. Если в 2010-х годах медиация применялась преимущественно для разрешения семейных споров, связанных с разделом имущества, то к 2026 году с помощью медиации разрешаются споры, связанные и с определением места жительства детей, и порядком осуществления родительских прав и с порядком уплаты алиментов;

цифровизация примирительных процедур [14]. Развитие платформ для онлайн-медиации позволяет снизить географические и психологические препятствия, что, зачастую, критически важно для сторон, проживающих в разных регионах или испытывающих стресс от очного контакта;

развитие института «сотрудничающего права» (collaborative law). В российскую семейно-пра-

вовую практику постепенно внедряется модель, при которой стороны заключают соглашение об отказе от обращения в суд на время переговоров, а к процессу разрешения противоречий в случае необходимости, привлекаются независимые эксперты (детские психологи, финансовые консультанты).

Несмотря на позитивную динамику, внедрение APC в семейное право сталкивается с рядом системных проблем:

во-первых, это проблема соотношения свободы договора и императивной защиты слабой стороны.

Статья 153.2 ГПК РФ обязывает судью разъяснять сторонам право на примирение, а ст. 66 СК РФ прямо указывает, что родители могут урегулировать порядок общения с ребенком посредством заключения соглашения (в том числе медиативного).

Анализ судебной практики (на основе обзоров Верховного Суда РФ и данных Судебного департамента) показывает устойчивый тренд: суды все чаще утверждают медиативные соглашения по спорам о порядке общения с детьми и определении места их жительства. Вместе с тем, Постановление Пленума ВС РФ от 11.11.2015 № 1 (в ред. 2023 г.) ориентирует нижестоящие суды на активное содействие примирению [6]. В то же время, суды отказывают в утверждении мировых соглашений, условия которых содержат отказ от взыскания алиментов в обмен на передачу каких-либо иных прав несмотря на то, что взыскание алиментов является правом, а не обязанностью, и предлагаемая альтернатива полностью удовлетворяет интересы обеих сторон спора и, в соответствующих случаях, не нарушает прав несовершеннолетних членов семьи. В результате, отсутствие уверенности в том, что суд утвердит достигнутое в процессе медиации мировое соглашение, также снижает мотивацию к участию в альтернативных способах разрешения семейных споров.

Необходимо создание единого реестра семейных медиаторов, которые, помимо базовой квалификации медиатора, будут иметь подтвержденную квалификацию в области детской психологии и психологии семейных отношений. В целях совершенствования механизма утверждения мировых соглашений по исследуемой категории споров, необходимы разъяснения, содержащие методы и критерии оценки судом мировых соглашений по семейным спорам, а также, порядок контроля их исполнения.

На сегодняшний день в РФ отсутствует единый стандарт и реестр медиаторов, специализирующихся именно на семейных спорах и ювенальных технологиях. Распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 мая 2015 года № 996-р утверждена Стратегия развития

воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года [7]. Приоритетной задачей Российской Федерации в сфере воспитания детей Стратегия называет развитие высоконравственной личности, разделяющей российские традиционные духовные ценности, обладающей актуальными знаниями и умениями, способной реализовать свой потенциал в условиях современного общества, готовой к мирному созиданию и защите Родины. Правовые механизмы реализации Стратегии включают среди прочих развитие инструментов медиации для разрешения потенциальных конфликтов в детской среде и в рамках образовательного процесса, а также при осуществлении деятельности других организаций, работающих с детьми.

Отдельное место среди конфликтов, вытекающих из правоотношений, с участием несовершеннолетних, занимает так называемая «школьная медиация», обусловленная ростом количества межличностных конфликтов в образовательной среде, проявлений буллинга и кибербуллинга, а также увеличением числа правонарушений среди несовершеннолетних. Традиционные дисциплинарные и карательные меры не обладают превентивным эффектом и часто усугубляют латентность конфликтов. В связи с этим институт школьной медиации, базирующийся на идеях восстановительного правосудия приобретает особое социально-правовое значение. Однако его развитие в России сталкивается с рядом доктринальных и нормативных проблем.

Основой альтернативного урегулирования споров в РФ является Федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)». Однако, как справедливо отмечает В.В. Шамликашвили, применение императивных норм данного закона к школьным конфликтам является методологически неверным [11], поскольку Федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» ориентирован на гражданско-правовые, трудовые и семейные споры, где медиатор — это независимое профессиональное лицо, а соглашение сторон имеет силу гражданско-правовой сделки.

Школьная медиация носит преимущественно восстановительный, педагогический и профилактический характер. Ее субъектами часто выступают сами обучающиеся (программы «равный – равному») или педагоги, не обладающие статусом профессионального медиатора из реестра Минюста РФ. Базовым документом, регулирующим эту сферу, выступает не закон, а подзаконные акты и концепции, в частности, Концепция развития сети служб школьной медиации в Рос-

сийской Федерации, а также Методические рекомендации Минпросвещения России по организации служб медиации [7]. В соответствии со ст. 28 и ст. 34 Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [2], образовательная организация обязана создавать безопасные условия обучения и защищать права обучающихся, что косвенно легитимирует создание школьных служб примирения. Кроме того, ст. 23 Федерального закона от 24.06.1999 № 120-ФЗ [3] возлагает на комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав (КДНиЗП) обязанность применять технологии восстановительного правосудия, что формирует межведомческий запрос на школьную медиацию.

Анализ правоприменительной практики и научных источников позволяет выделить три ключевые проблемы развития школьной медиации в РФ:

1. Правовая неопределенность статуса школьного медиатора и медиативного соглашения.

Поскольку школьные конфликты (особенно с участием детей до 14 лет) не всегда подпадают под предметное регулирование Федерального закона от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)», медиативное соглашение, достигнутое в школе, не обладает юридической силой исполнительного документа. Оно носит морально-этический и воспитательный характер. Отсутствие законодательного закрепления понятия «школьный медиатор» и «ведущий восстановительных программ» создает риски нарушения конфиденциальности: педагог-медиатор может быть допрошен в суде или привлечен к дисциплинарной ответственности за несообщение о правонарушении (ст. 16 ФЗ № 120-ФЗ), что разрушает базовый принцип медиации — конфиденциальность.

2. Проблема конфликта интересов и независимости.

В школьной среде сложно обеспечить принцип нейтральности. Если медиатором выступает учитель, он обладает властными полномочиями по отношению к ученику, что может подавлять волю несовершеннолетнего. Если медиатором выступает обученный ученик (равный медиатор), возникает проблема эмоциональной вовлеченности и отсутствия юридической ответственности за разглашение сведений.

3. Отсутствие системного финансирования и кадрового дефицита.

Деятельность служб школьной медиации носит очаговый характер и часто держится на энтузиазме отдельных педагогов-психологов. В Федеральных государственных образовательных стандартах (ФГОС) отсутствует прямая норма,

обязывающая или наделяющая правом образовательные организации внедрять восстановительные технологии, что не позволяет включать расходы на обучение медиаторов и супервизию в базовое финансирование школ.

В целях повышения доверия альтернативным способам разрешения семейных споров, необходимо разработать и внедрить механизм государственного финансирования (или софинансирования) услуг семейного медиатора для социально незащищенных слоев населения в спорах, затрагивающих интересы детей и женщин, особенно в подтвержденных случаях домашнего насилия в семье.

Разработать и утвердить на федеральном уровне Профессиональный стандарт «Семейный медиатор», включающий требования по детской психологии и навыкам скрининга домашнего насилия.

Альтернативные методы разрешения семейно-правовых споров являются полноценным средством защиты нарушенных семейных прав. Однако тотальное копирование коммерческих моделей медиации на семейные отношения не представляется возможным, поскольку семейный конфликт требует особого подхода, где основной задачей является разрешение не только и не столько имущественных споров, но психологическое восстановление и защита наиболее уязвимых участников таких правоотношений. В отличие от коммерческих споров, где стороны после разрешения конфликта, как правило, прекращают взаимодействие, участники семейного спора (разводящиеся супруги, имеющие общих детей) вынуждены поддерживать коммуникацию в течение многих лет.

Именно эта необходимость длительных будущих отношений диктует необходимость смещения фокуса с защиты строгих юридических прав (позиционный торг) на удовлетворение скрытых потребностей и интересов (интерес-ориентированный подход). Принципы APC в семейном праве выступают не просто процессуальными правилами, а этическим и психологическим каркасом, позволяющим сохранить конструктивный диалог.

На основании проведенного исследования, предлагается внести следующие изменения в действующее законодательство и правоприменительную практику:

модифицировать нормы семейного и гражданского процессуального законодательства, предусмотрев обязательный досудебный этап урегулирования конфликтов по определенным категориям семейных дел, затрагивающим интересы, в том числе, несовершеннолетних (взыскание алиментных обязательств, определение территории проживания ребенка, регламентация порядка общения с ним). Законодательно закрепить

обязанность сторон пройти краткую информационную сессию у судебного примирителя или аккредитованного медиатора до принятия искового заявления к производству по определенным категориям споров (определение места жительства ребенка, порядок общения). Императивным исключением из данного правила должны стать конфликты, отягощенные фактами семейно-бытовой агрессии;

инициировать разработку стандарта требований к семейным медиаторам, фундаментальным критерием допуска к такой деятельности должно признаваться наличие базового высшего образования (по юридическому либо психологическому профилю) в совокупности с обязательной углубленной переподготовкой в сферах возрастной (детской) психологии и теории конфликтов. Семейный медиатор должен иметь базовые знания не только в праве и психологии переговоров, но и в детской психологии развития и финансовом планировании (для раздела активов). Узкая специализация повысит качество соглашений;

разработать упрощенный механизм «регистрации» медиативного соглашения в реестре при суде или нотариате с автоматическим наделением его силой исполнительного листа, при условии соблюдения императивных норм закона (не ущемление прав ребенка), что снизит издержки.

в определенной степени интегрировать сервисы профессионального медиативного сопровождения в систему государственного обеспечения бесплатной юридической поддержки, в первую очередь, для социально уязвимых слоев населения;

в семейных конфликтах нередко случаи, когда интересы ребенка часто подменяются амбициями родителей. Предлагается разработать рекомендации по участию «детского консультанта» (специально обученного психолога) в процедуре медиации.

Список литературы:

[1] Федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (в ред. Федеральных законов от 02.07.2013 № 185-ФЗ, от 23.07.2013 № 233-ФЗ, от 26.07.2019 № 197-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. — 2010. — № 31.

[2] Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2012. № 53. Ст. 7598.

[3] Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 года № 223-ФЗ (ред. от 23.03.2026, с изм. от 15.05.2026) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 1. — Ст. 16.

[4] Гражданский процессуальный кодекс

Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (в ред. от 28.06.2021) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 46. — Ст. 4532.

[5] Справка о практике применения судами Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» за период с 2013 по 2014 год : утверждена Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 1 апреля 2015 года.

[6] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11 ноября 2015 г. № 1 (в ред. Постановления Пленума ВС РФ от 26.12.2023 № 59).

[7] «Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года (утверждена распоряжением Правительства РФ от 29 мая 2015 г. № 996-р)».

[8] Методические рекомендации по организации деятельности служб медиации и примирения / Минпросвещения России. — Письмо от 11.04.2025 № 07-1660.

[9] Курс гражданского процесса [Текст] / Т. В. Сахнова. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва : Статут, 2014. — 782, с. — ISBN 978-5-8354-1046-0.

[10] Чефранова Е. Ю. Семейное право : учебник / Е. Ю. Чефранова. — Москва: Проспект, 2011. — 480 с.

[11] Шамликашвили В.В. Восстановительное правосудие: идеи, ценности, практики. — М.: Институт права и публичной политики, 2021. — 312 с.

[12] Дугарон Е. С. Правовое регулирование и практика медиации в России / Е. С. Дугарон // Право. Журнал Высшей школы экономики. — 2015. — № 2. — С. 45–62.

[13] Арутюнова Г. З. Правовые основы построения судебной системы Российской Федерации на современном этапе // Постулат. — 2017. — № 1 (15). — С. 97–101.

[14] Файрузова, Ю. М. (2015). Дети после развода родителей: проблемы правового статуса. In Бакалавр (pp. 65–67). Коллоквиум.

[15] Захарова, А. А. Налоговая медиация: проблемы и перспективы развития / А. А. Захарова // Вестник науки. — 2022. — № 8 (53), т. 2. — С. 26–31. — ISSN 2712-8849.

[16] Сидельников П. А. Понятие и значение процедуры медиации как альтернативной формы урегулирования споров // Вестник науки. 2024. № 6 (75). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-znachenie-protsedury-mediatsii-kak-alternativnoy-formy-uregulirovaniya-sporov> (дата обращения: 29.08.2026).

[17] Кошкин, А. П. Разрешение конфликтов в сфере интеллектуальной собственности с использованием процедуры медиации / А. П. Кошкин, Ю. А. Давыдова, Т. Н. Евсеева // ЦИТИСЭ. — 2019. — № 2 (19). — С. 9. —

References:

- [1] Federal Law No. 193-FZ, dated 27 July 2010, "On Alternative Mediator Dispute Settlement Procedure (Mediation Procedure)" (as amended by Federal Laws No. 185-FZ, dated 2 July 2013, No. 233-FZ, dated 23 July 2013, No. 197-FZ, dated 26 July 2019). — 2010. — № 31.
- [2] Federal Law of 29.12.2012 No. 273-FZ "On Education in the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2012. № 53. Art. 7598.
- [3] Family Code of the Russian Federation dated December 29, 1995 No. 223-FZ (as amended on 23.03.2026, as amended on 15.05.2026) // Collection of Legislation of the Russian Federation. — 1996. — № 1. - Art. 16.
- [4] Civil Procedure Code of the Russian Federation No. 138-FZ dated November 14, 2002 (as amended by 28.06.2021) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2002. – № 46. - Art. 4532.
- [5] Certificate of Application by the Courts of Federal Law No. 193-FZ of July 27, 2010 "On an Alternative Dispute Settlement Procedure with the Participation of an Intermediary (Mediation Procedure)" for the period from 2013 to 2014: approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on April 1, 2015.
- [6] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of November 11, 2015 No. 1 (as amended by Resolution of the Plenum of the Armed Forces of the Russian Federation of 26.12.2023 No. 59).
- [7] "Strategy for the development of education in the Russian Federation for the period up to 2025 (approved by order of the Government of the Russian Federation of May 29, 2015 No. 996-r)".
- [8] Guidelines for organizing the activities of mediation and reconciliation services/Ministry of Education of Russia. - Letter No. 07-1660 dated 11.04.2025.
- [9] Civil procedure course [Text] / T. V. Sakhnov. - 2nd ed., Revised and add. - Moscow: Statute, 2014. - 782, p. - ISBN 978-5-8354-1046-0.
- [10] Cefranova E. Yu. Family law: textbook/ E. Yu. Cefranova. - Moscow: Prospect, 2011. - 480 s.
- [11] Shamlikashvili V.V. Restorative justice: ideas, values, practices. - M.: Institute of Law and Public Policy, 2021. - 312 s.
- [12] Dugaron E. S. Legal regulation and practice of mediation in Russia/E. S. Dugaron // Law. Journal of the Higher School of Economics. — 2015. — № 2. - S. 45-62.
- [13] Harutyunova G.Z. Legal foundations of building the judicial system of the Russian Federation at the present stage // Postulate. — 2017. — № 1 (15). - S. 97-101.
- [14] Fayruzova Yu. M. (2015). Children after the divorce of their parents: problems of legal status. In Bachelor (pp. 65–67). Colloquium.
- [15] Zakharova, A. A. Tax mediation: problems and development prospects/A. A. Zakharova // Bulletin of Science. — 2022. - No. 8 (53), vol. 2. - S. 26-31. — ISSN 2712-8849.
- [16] Sidelnikov P. A. The concept and significance of the mediation procedure as an alternative form of dispute settlement // Bulletin of Science. 2024. № 6 (75). URL: [https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-znachenie-protsedury-mediatsii-kak-alternativnoy-formy-uregulirovaniya-sporov_\(data_obrasheniya:_29.08.2026\)](https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-znachenie-protsedury-mediatsii-kak-alternativnoy-formy-uregulirovaniya-sporov_(data_obrasheniya:_29.08.2026)).
- [17] Koshkin, A.P. Resolution of conflicts in the field of intellectual property using the mediation procedure/A.P. Koshkin, Yu. A. Davydova, T. N. Evseeva // CITISE. — 2019. — № 2 (19). - S. 9. — URL: elibrary.ru.

ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Дата поступления рукописи в редакцию: 12.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 01.09.2026 г.

DOI: 10.24412/2224-9133-2026-8-356-364

АЗИМКОВ Евгений Аскольдович,
аспирант Российского государственного
гуманитарного университета (РГГУ),
e-mail: mail@law-books.ru

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ МАРКЕТПЛЕЙСА КАК ИНФОРМАЦИОННОГО ПОСРЕДНИКА: ПРЕДЕЛЫ И ОСНОВАНИЯ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Аннотация. В статье исследуются особенности гражданско-правовой ответственности маркетплейсов, квалифицируемых в качестве информационных посредников, по статье 1253.1 Гражданского кодекса Российской Федерации. На основе анализа действующего законодательства, судебной практики и Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 16 июня 2026 г. № 39-П определяются пределы такой ответственности, условия её возникновения и основания освобождения. Особое внимание уделяется влиянию сопутствующих услуг маркетплейса (хранение, логистика, приём платежей) на квалификацию статуса информационного посредника, а также критериям «знания» и «достаточности мер». Формулируются предложения по совершенствованию правового регулирования.

Ключевые слова: маркетплейс, информационный посредник, статья 1253.1 ГК РФ, гражданско-правовая ответственность, освобождение от ответственности, нарушение исключительных прав, Конституционный Суд РФ.

AZIMKOV Evgeny Askoldovich,
graduate student of the Russian State University for
the Humanities (RSUH)

MARKETPLACE'S CIVIL LIABILITY AS AN INFORMATION INTERMEDIARY: LIMITS AND GROUNDS FOR EXEMPTION FROM LIABILITY

Annotation. The article examines the features of civil liability of marketplaces qualified as information intermediaries under Article 1253.1 of the Civil Code of the Russian Federation. Based on the analysis of current legislation, judicial practice and the Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation of June 16, 2026 No. 39-P, the limits of such liability, the conditions for its occurrence and the grounds for exemption are determined. Special attention is paid to the impact of related services of the marketplace (storage, logistics, payment acceptance) on the qualification of the status of an information intermediary, as well as the criteria of “knowledge” and “sufficiency of measures”. Proposals for improving legal regulation are formulated.

Key words: marketplace, information intermediary, Article 1253.1 of the Civil Code of the Russian Federation, civil liability, exemption from liability, infringement of exclusive rights, Constitutional Court of the Russian Federation.

Введение

Развитие платформенной экономики в Российской Федерации в последние годы приобрело беспрецедентные масштабы и качественно изменило структуру товарного оборота. Цифровые торговые платформы (маркетплейсы) превратились из вспомогательного инструмента электронной коммерции в доминирующую модель организации розничной и оптовой торговли.

По данным отраслевых исследований, совокупный объём продаж ведущих российских маркетплейсов (Wildberries, Ozon, «Яндекс Маркет» и др.) в 2025 году превысил 8,5 трлн рублей, а количество активных продавцов на этих площадках исчисляется сотнями тысяч. В этих условиях маркетплейс перестал быть лишь техническим посредником и превратился в особого субъекта гражданского оборота, который посредством сложной цифровой инфраструктуры обеспечивает не только размещение информации о товарах, но и организацию логистики, хранения, приёма платежей, разрешения споров и продвижения товаров.

Именно многофункциональный характер деятельности современных маркетплейсов порождает одну из наиболее острых и дискуссионных проблем современного гражданского права - квалификацию владельца платформы в качестве информационного посредника и определение связанного с этим специального режима гражданско-правовой ответственности за нарушения исключительных прав, совершаемые третьими лицами (продавцами).

От решения данного вопроса напрямую зависит распределение рисков между правообладателями, продавцами и операторами цифровых платформ, а также баланс между защитой интеллектуальной собственности и развитием цифровой экономики.

Нормативной основой правового режима информационного посредника выступает статья 1253.1 Гражданского кодекса Российской Федерации, введённая Федеральным законом от 2 июля 2013 г. № 187-ФЗ. Указанная норма устанавливает принципиально иной - ограниченный и основанный на наличии вины - режим ответственности по сравнению с общим правилом пункта 3 статьи 1250 ГК РФ, предусматривающим безвиновную ответственность лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность, за нарушение исключительных прав.

Признание маркетплейса информационным посредником фактически предоставляет ему «льготный» правовой статус: он освобождается от возмещения убытков и выплаты компенсации при соблюдении установленных законом условий.

Однако на протяжении длительного периода (2018–2025 гг.) судебная практика демонстриро-

вала существенные и нередко противоположные подходы к оценке правового статуса маркетплейсов. Одни суды, ориентируясь на формальные признаки статьи 1253.1 ГК РФ, признавали владельцев платформ информационными посредниками даже при наличии развитой системы фулфилмента (модели FBO), собственной логистики и приёма платежей от покупателей.

Другие, напротив, отказывали в таком статусе, указывая на высокую степень контроля платформы над процессом продажи, получение существенной комиссии и активное участие в исполнении договора купли-продажи, и привлекали маркетплейсы к солидарной ответственности на общих основаниях.

Наиболее остро эти противоречия проявлялись в спорах о контрафактной продукции, где правообладатели пытались возложить ответственность не только на непосредственных продавцов, но и на операторов крупнейших площадок.

Ключевое значение для преодоления указанной правовой неопределённости имеет Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16 июня 2026 г. № 39-П, принятое по жалобе ООО «Мир Хобби». В данном Постановлении Конституционный Суд дал развёрнутый конституционно-правовой анализ пунктов 1 и 3 статьи 1253.1 ГК РФ применительно именно к деятельности маркетплейсов. Суд подтвердил возможность признания владельца цифровой торговой платформы информационным посредником даже при оказании широкого спектра сопутствующих услуг (хранение, доставка, выдача товаров, приём платежей), сформулировал критерии оценки «знания» и «долженствования знать» о нарушении, а также конкретизировал требования к необходимым и достаточным мерам, которые должен принять посредник после получения уведомления правообладателя.

В свете изложенного целью настоящей статьи является комплексный анализ пределов гражданско-правовой ответственности маркетплейса, квалифицируемого в качестве информационного посредника, а также оснований и условий освобождения от такой ответственности. Исследование проводится с учётом положений статьи 1253.1 ГК РФ, правовых позиций Конституционного Суда РФ, выраженных в Постановлении от 16 июня 2026 г. № 39-П, актуальной судебной практики арбитражных судов и судов общей юрисдикции, а также доктринальных подходов.

Правовой статус маркетплейса как информационного посредника

Согласно пункту 1 статьи 1253.1 Гражданского кодекса Российской Федерации информационным посредником признаётся лицо, осуществляющее передачу материала в информаци-

онно-телекоммуникационной сети, в том числе в сети «Интернет», лицо, предоставляющее возможность размещения материала или информации, необходимой для его получения с использованием информационно-телекоммуникационной сети, а также лицо, предоставляющее возможность доступа к материалу в этой сети.

Законодатель, таким образом, выделяет три функционально различных вида информационных посредников, каждый из которых характеризуется определённой степенью участия в обороте информации.

Маркетплейс по своей правовой и технологической природе преимущественно подпадает под вторую и третью категории. Он предоставляет продавцам (третьим лицам) техническую возможность размещения материалов - карточек товаров, содержащих описание, изображения, характеристики и условия продажи, - а также обеспечивает неограниченному кругу лиц (покупателям) возможность доступа к указанным материалам посредством поисковых, рекомендательных и навигационных сервисов платформы. При этом сам оператор маркетплейса, как правило, не выступает инициатором передачи конкретного материала и не определяет его конечного получателя в смысле пункта 2 статьи 1253.1 ГК РФ.

Особое значение для квалификации статуса маркетплейса имеет позиция Конституционного Суда Российской Федерации, выраженная в Постановлении от 16 июня 2026 г. № 39-П. Рассматривая жалобу правообладателя, оспаривавшего отказ судов в привлечении крупного маркетплейса к ответственности за продажу контрафактной продукции, Конституционный Суд прямо указал, что осуществление владельцем платформы сопутствующих (сопутствующих основной информационной функции) видов деятельности - хранения товаров на складах, их рекламного продвижения, организации доставки и выдачи покупателям, приёма и обработки платежей - само по себе не исключает возможности признания такого владельца информационным посредником.

Принципиальный отказ от применения к маркетплейсам специального режима статьи 1253.1 ГК РФ во всех случаях оказания ими дополнительных услуг, по мнению Суда, нарушал бы необходимый баланс частных и публичных интересов, создавая чрезмерные риски для развития цифровой торговли и одновременно не обеспечивая эффективной защиты интеллектуальных прав. Из правовой позиции Конституционного Суда следует, что решающим критерием квалификации является не сам факт оказания логистических, складских или платёжных услуг, а степень реальной вовлечённости платформы в формирование содержания размещаемого материала и ха-

рактер получаемого ею экономического интереса. Если маркетплейс сохраняет преимущественно пассивную роль - не иницирует создание карточек товаров, не определяет их содержание, не вносит в них существенных изменений и не извлекает доход непосредственно от неправомерного использования конкретного объекта интеллектуальной собственности, - он сохраняет статус информационного посредника.

Напротив, активное участие в создании или модификации контента, а также получение прямой экономической выгоды именно от нарушения исключительных прав могут служить основанием для отказа в применении специального режима ответственности, предусмотренного статьёй 1253.1 ГК РФ. Таким образом, современный подход, закреплённый Конституционным Судом, требует в каждом конкретном случае проведения дифференцированного анализа фактических обстоятельств деятельности маркетплейса, а не формального отнесения его к той или иной категории субъектов исключительно на основании наличия или отсутствия отдельных сервисных функций.

Основания и пределы ответственности.

В основе правового режима ответственности информационного посредника лежит принципиальное отличие от общего правила, закреплённого в пункте 3 статьи 1250 Гражданского кодекса Российской Федерации. Согласно указанной норме, лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность, несут ответственность за нарушение исключительных прав независимо от вины (безвиновная, или строгая, ответственность). Статья 1253.1 ГК РФ устанавливает специальный, более благоприятный для посредника режим: информационный посредник отвечает за нарушение интеллектуальных прав в информационно-телекоммуникационной сети только при наличии вины (пункт 1 статьи 1253.1 ГК РФ). Тем самым законодатель создал исключение из общего принципа безвиновной ответственности предпринимателей, обусловленное особой ролью информационных посредников в обеспечении функционирования сети Интернет и цифровой экономики.

Применительно к маркетплейсам вина как основание ответственности проявляется в двух взаимосвязанных формах.

Во-первых, ответственность наступает, если оператор платформы знал или должен был знать о том, что использование размещённых на ней результатов интеллектуальной деятельности или средств индивидуализации является неправомерным.

Критерий «знал» предполагает наличие у посредника действительного (фактического) знания о конкретном нарушении. Критерий «должен был знать» носит оценочный характер и предполагает

наличие у добросовестного и разумного участника оборота оснований предполагать неправомерность использования объекта интеллектуальной собственности с учетом всех обстоятельств дела. Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 16 июня 2026 г. № 39-П подчеркнул, что сам по себе факт оказания маркетплейсом дополнительных услуг не порождает обязанности осуществлять сплошной предварительный контроль за всеми размещаемыми материалами. Вместе с тем при наличии обстоятельств, свидетельствующих о систематических нарушениях со стороны одного и того же продавца в отношении одних и тех же объектов, стандарт должной осмотрительности повышается.

Во-вторых, даже при наличии знания (или обязанности знать) о нарушении ответственность наступает лишь в том случае, если информационный посредник не принял своевременных необходимых и достаточных мер для его прекращения после получения надлежащего уведомления правообладателя. Таким образом, законодатель связывает наступление имущественной ответственности не только с субъективным отношением посредника к нарушению, но и с его последующим поведением - с реакцией на полученную информацию о нарушении.

Важным элементом правового режима, установленного статьёй 1253.1 ГК РФ, является разграничение имущественной ответственности и иных способов защиты интеллектуальных прав. Согласно пункту 4 указанной статьи к информационному посреднику, который в соответствии с настоящей статьёй не несёт ответственности за нарушение интеллектуальных прав (то есть освобождён от возмещения убытков и выплаты компенсации), могут быть предъявлены требования о защите интеллектуальных прав, не связанные с применением мер гражданско-правовой ответственности. К числу таких требований относятся, в частности, требования об удалении информации, нарушающей исключительные права, или об ограничении доступа к ней (пункт 1 статьи 1250, пункт 1 статьи 1251, пункт 1 статьи 1252 ГК РФ).

Следовательно, даже при полном соблюдении условий освобождения от имущественной ответственности маркетплейс не освобождается от обязанности содействовать пресечению нарушения. Правообладатель сохраняет возможность требовать от платформы принятия мер, направленных на прекращение дальнейшего распространения контрафактного материала. Таким образом, пределы гражданско-правовой ответственности маркетплейса как информационного посредника определяются сочетанием двух факторов: наличием вины (в форме знания или долженствования знать) и непринятием своевременных необходимых и достаточных мер после

получения уведомления. При отсутствии хотя бы одного из этих элементов имущественная ответственность исключается, однако возможность применения мер по пресечению нарушения сохраняется.

Основания освобождения от ответственности

Пункт 3 статьи 1253.1 Гражданского кодекса Российской Федерации устанавливает специальный механизм освобождения от гражданско-правовой ответственности информационного посредника, предоставляющего возможность размещения материала в информационно-телекоммуникационной сети. В отличие от общего правила о безвиновной ответственности предпринимателей, данная норма предусматривает исчерпывающий перечень условий, при одновременном соблюдении которых посредник не несёт ответственности за нарушение интеллектуальных прав, произошедшее в результате размещения материала третьим лицом.

К числу таких условий относятся:

информационный посредник не знал и не должен был знать о том, что использование соответствующих результатов интеллектуальной деятельности или средств индивидуализации, содержащихся в размещённом материале, является неправомерным;

в случае получения в письменной форме заявления правообладателя о нарушении интеллектуальных прав с указанием страницы сайта и (или) сетевого адреса в сети «Интернет», на которых размещён спорный материал, посредник своевременно принял необходимые и достаточные меры для прекращения нарушения интеллектуальных прав.

Закон прямо требует, чтобы оба условия соблюдалась одновременно. Невыполнение хотя бы одного из них исключает возможность освобождения от ответственности. Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 16 июня 2026 г. № 39-П существенно конкретизировал содержание указанных условий применительно к деятельности маркетплейсов.

Во-первых, Суд подтвердил отсутствие у информационного посредника общей обязанности осуществлять предварительный (проактивный) контроль за всеми размещаемыми на платформе материалами. Сам по себе факт предоставления возможности размещения карточек товаров не порождает обязанности маркетплейса самостоятельно выявлять возможные нарушения исключительных прав. Требование о сплошном мониторинге всего контента было бы несоразмерным и создавало бы чрезмерную нагрузку на операторов цифровых платформ.

Во-вторых, Конституционный Суд указал на возможность повышения стандарта должной

осмотрительности в определённых ситуациях. Если один и тот же продавец неоднократно допускает нарушения исключительных прав в отношении одних и тех же или однородных объектов интеллектуальной собственности, у маркетплейса появляются основания предполагать наличие риска новых нарушений. В таких случаях критерий «должен был знать» может применяться более строго.

В-третьих, Суд раскрыл содержание понятия «необходимые и достаточные меры». После получения надлежащего письменного уведомления правообладателя (с указанием конкретной страницы или сетевого адреса) маркетплейс, как правило, обязан принять меры по временному ограничению (приостановлению) размещения спорного материала. Такое ограничение должно действовать в течение периода, достаточного для того, чтобы правообладатель мог обратиться в суд или принять иные меры по защите своих прав. При этом Конституционный Суд подчеркнул, что простое перенаправление претензии продавцу, направление ему уведомления либо ожидание вступления в силу судебного акта без принятия собственных оперативных мер со стороны платформы не может быть признано достаточным для освобождения от ответственности. Таким образом, механизм освобождения от ответственности, закреплённый в пункте 3 статьи 1253.1 ГК РФ, носит условный характер. Он защищает добросовестного информационного посредника, который не имел и не должен был иметь знания о нарушении и который после получения конкретной информации о нем оперативно принял меры, направленные на его прекращение. Вместе с тем, данный механизм не предоставляет маркетплейсу абсолютного иммунитета и требует от него активной и своевременной реакции на обоснованные обращения правообладателей.

Проблемы правоприменения

Судебная практика до принятия Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 16 июня 2026 г. № 39-П характеризовалась устойчивым наличием двух противоположных подходов к квалификации правового статуса маркетплейсов и определению пределов их ответственности.

Первый подход заключался в широком признании владельцев цифровых торговых платформ информационными посредниками.

Суды, придерживавшиеся данной позиции, исходили из того, что основная функция маркетплейса состоит в предоставлении технической возможности размещения предложений о продаже товаров и обеспечения доступа к ним. При формальном соблюдении процедуры notice-and-takedown (получение письменного уведомления правообладателя и последующее удаление или блокировка спорного материала) платформы

освобождались от имущественной ответственности на основании пункта 3 статьи 1253.1 ГК РФ.

Дополнительные услуги - хранение товаров, организация доставки, приём платежей - в рамках этого подхода не рассматривались как обстоятельство, автоматически исключающее статус информационного посредника.

Второй подход, напротив, характеризовался отказом в признании маркетплейса информационным посредником в тех случаях, когда платформа оказывала существенное влияние на процесс исполнения договора купли-продажи. Особенно часто такой подход применялся при использовании модели FBO (Fulfillment by Operator), при которой товар хранится на складах маркетплейса, комплектуется и доставляется силами самой платформы, а также при активном участии оператора в приёме и распределении денежных средств покупателей.

В подобных ситуациях суды квалифицировали маркетплейс как активного участника торгового оборота и возлагали на него солидарную ответственность с продавцом на общих основаниях, предусмотренных статьями 1250 и 1252 ГК РФ.

Указанные расхождения создавали значительную правовую неопределённость и приводили к противоположным судебным решениям по фактически сходным делам. Правообладатели и операторы платформ были лишены возможности с достаточной степенью предсказуемости оценивать свои риски.

Постановление Конституционного Суда РФ № 39-П существенно снизило уровень этой неопределённости. Суд подтвердил принципиальную возможность сохранения статуса информационного посредника даже при оказании широкого спектра сопутствующих услуг и сформулировал ориентиры для оценки условий освобождения от ответственности. Вместе с тем ряд важных вопросов остался открытым и продолжает вызывать дискуссии в судебной практике и доктрине.

Во-первых, недостаточно определёнными остаются критерии применения понятия «должен был знать» в условиях использования маркетплейсами сложных алгоритмических систем ранжирования, рекомендаций и автоматизированной модерации. Остаётся неясным, в какой мере знание, сформированное алгоритмом, может быть вменено оператору платформы, и при каких условиях платформа обязана учитывать результаты работы собственных алгоритмов как основание для повышенной осмотрительности.

Во-вторых, сохраняется проблема соотношения специального режима статьи 1253.1 ГК РФ с нормами Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей», в частности с положениями о ответственности владельца агрегатора информации о товарах (услугах). Суды пока не вы-

работали единообразного подхода к тому, в каких случаях применяется льготный режим информационного посредника, а в каких - специальные правила потребительского законодательства.

В-третьих, остаётся дискуссионным вопрос о возможности и пределах возложения на маркетплейс обязанности по предотвращению повторных нарушений со стороны конкретных продавцов (так называемый механизм repeat infringer). Конституционный Суд указал на возможность повышения стандарта осмотристельности при систематических нарушениях, однако не определил, какие именно меры платформа обязана принимать в отношении продавцов, неоднократно допускаявших нарушения исключительных прав.

Таким образом, несмотря на значительное прояснение правовых позиций, достигнутое Постановлением № 39-П, ряд существенных вопросов правоприменения продолжает оставаться открытым и требует дальнейшей конкретизации как на уровне судебной практики, так и, возможно, путём законодательного уточнения.

5. Предложения по совершенствованию законодательства

На основе проведённого анализа правового регулирования и правоприменительной практики представляется необходимым внесение ряда изменений и уточнений, направленных на повышение правовой определённости, обеспечение баланса интересов правообладателей, продавцов и операторов цифровых платформ, а также на создание предсказуемых условий функционирования маркетплейсов.

Во-первых, целесообразно дополнить статью 1253.1 Гражданского кодекса Российской Федерации специальным пунктом, посвящённым особенностям правового статуса цифровых торговых платформ (маркетплейсов). В данном пункте следует прямо закрепить, что оказание владельцем платформы логистических, складских, рекламных и расчётных услуг само по себе не исключает возможности признания его информационным посредником. Одновременно необходимо установить критерии, при наличии которых статус информационного посредника сохраняется: отсутствие активного участия в формировании содержания карточек товаров, отсутствие прямого экономического интереса именно в неправомерном использовании объектов интеллектуальной собственности, а также сохранение преимущественно технической роли в организации взаимодействия продавцов и покупателей. Такая законодательная конкретизация позволит устранить сохраняющуюся неопределённость и снизить риски противоположных судебных решений по фактически сходным делам.

Во-вторых, требует законодательного закрепления минимальный перечень «необходимых

и достаточных мер», которые информационный посредник обязан принять после получения надлежащего уведомления правообладателя. В настоящее время содержание данного понятия остаётся оценочным и формируется преимущественно судебной практикой, что создаёт правовую неопределённость. Предлагается установить, что к необходимым и достаточным мерам относится, в частности, временное ограничение (приостановление) размещения спорного материала на срок не менее пятнадцати рабочих дней с момента получения уведомления, содержащего указание конкретной страницы сайта или сетевого адреса. Данный срок представляется разумным и достаточным для того, чтобы правообладатель мог обратиться в суд или принять иные меры защиты, не возлагая при этом на маркетплейс чрезмерных обязанностей по длительной блокировке контента.

В-третьих, целесообразно введение специального механизма реагирования на повторные нарушения (repeat infringer).

При выявлении систематических нарушений исключительных прав одним и тем же продавцом (например, неоднократного размещения контрафактных товаров в отношении одних и тех же или однородных объектов интеллектуальной собственности) на маркетплейс должна возлагаться обязанность применять повышенные меры контроля. К числу таких мер могут относиться блокировка или ограничение аккаунта продавца, введение обязательной предварительной проверки новых карточек товаров данного продавца, а также иные меры, направленные на предотвращение повторных нарушений.

Введение данного механизма позволит повысить эффективность защиты интеллектуальных прав без возложения на платформы обязанности сплошного предварительного мониторинга всего контента.

В-четвёртых, необходимым представляется уточнение на уровне постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации соотношения специального режима ответственности информационного посредника, установленного статьёй 1253.1 ГК РФ, и норм Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей» в части ответственности владельца агрегатора информации о товарах (услугах). В настоящее время суды нередко испытывают затруднения при определении того, какой именно правовой режим подлежит применению в конкретном споре. Разъяснения высшего судебного органа позволили бы обеспечить единообразие судебной практики и повысить предсказуемость правовых последствий для всех участников оборота. Реализация предложенных мер будет способствовать формированию более сбалансированного и предсказуемого правового

режима деятельности маркетплейсов, обеспечивая как эффективную защиту исключительных прав, так и стабильные условия развития цифровой экономики.

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие основные выводы.

Гражданско-правовая ответственность маркетплейса, квалифицируемого в качестве информационного посредника, носит специальный и ограниченный характер. В отличие от общего правила о безвиновной ответственности предпринимателей за нарушение исключительных прав (п. 3 ст. 1250 ГК РФ), информационный посредник отвечает только при наличии вины. Основаниями ответственности выступают знание или должностное знание о нарушении, а также непринятие своевременных необходимых и достаточных мер после получения надлежащего уведомления правообладателя. Ключевое значение для определения правового статуса маркетплейса имеет Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16 июня 2026 г. № 39-П. Конституционный Суд подтвердил, что оказание платформой сопутствующих услуг (хранение, логистика, приём платежей, реклама) само по себе не исключает возможности признания её информационным посредником.

Решающим критерием выступает степень реальной вовлечённости оператора в формирование содержания размещаемого материала и характер получаемого им экономического интереса. Тем самым был заложен фундамент для более предсказуемого и сбалансированного подхода к квалификации статуса цифровых торговых платформ.

Механизм освобождения от ответственности, закреплённый в пункте 3 статьи 1253.1 ГК РФ, носит условный характер и требует одновременного соблюдения двух условий: отсутствия знания (и обязанности знать) о нарушении и своевременного принятия необходимых и достаточных мер после получения письменного уведомления.

Конституционный Суд конкретизировал содержание этих условий, указав на отсутствие обязанности сплошного предварительного контроля, возможность повышения стандарта осмотрительности при повторных нарушениях и недопустимость формального реагирования (простого перенаправления претензии продавцу).

Несмотря на существенное снижение правовой неопределённости, достигнутое Постановлением № 39-П, ряд вопросов остаётся открытым. К ним относятся критерии вменения знания, сформированного алгоритмическими системами, соотношение специального режима статьи 1253.1 ГК РФ с нормами Закона о защите прав потребителей, а также пределы обязанности маркетплейса по предотвращению повторных нарушений со

стороны конкретных продавцов.

Предложенные в настоящей статье меры - законодательное закрепление особенностей статуса маркетплейсов, установление минимального перечня необходимых и достаточных мер, введение механизма реагирования на повторные нарушения, а также разъяснения Пленума Верховного Суда РФ - направлены на устранение сохраняющихся пробелов и повышение предсказуемости правового регулирования.

В целом современный правовой режим ответственности маркетплейсов как информационных посредников отражает стремление законодателя и высших судебных органов обеспечить баланс между эффективной защитой исключительных прав и созданием благоприятных условий для развития цифровой экономики. Дальнейшее совершенствование данного режима должно осуществляться с учётом динамичного характера платформенной торговли и необходимости поддержания правовой определённости для всех участников оборота.

Список литературы:

- [1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвёртая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 2026 г.) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 52 (ч. 1). Ст. 5496.
- [2] Федеральный закон от 02.07.2013 № 187-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам защиты интеллектуальных прав в информационно-телекоммуникационных сетях» // Собрание законодательства РФ. 2013. № 27. Ст. 3479.
- [3] Закон Российской Федерации от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» (ред. от 2026 г.) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 3. Ст. 140.
- [4] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16.06.2026 № 39-П «По делу о проверке конституционности пунктов 1 и 3 статьи 1253.1 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью “Мир Хобби”» // Российская газета. 2026. 22 июня.
- [5] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвёртой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 7.
- [6] Обзор судебной практики по делам, связанным с разрешением споров о защите интеллектуальных прав (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 23.09.2015, с последующими изменениями).
- [7] Гаврилов Э.П. Комментарий к части четвёртой Гражданского кодекса Российской Федерации (постатейный). 2-е изд. М.: Эксмо, 2023.

784 с.

[8] Савельев А.И. Электронная коммерция в России и за рубежом: правовое регулирование. 3-е изд. М.: Статут, 2024. 640 с.

[9] Сергеев А.П. Право интеллектуальной собственности в Российской Федерации: учебник. 3-е изд. М.: Проспект, 2023. 752 с.

[10] Нечепалева (Грязева) М.А. Маркетплейс как информационный посредник: вопросы квалификации // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2025. № 1. С. 75–82.

[11] Николаев А.А. Применимость статуса информационного посредника к операторам цифровых платформ // Право и политика. 2025. № 11. С. 150–165.

[12] Войниканис Е.А. Право интеллектуальной собственности в цифровую эпоху: доктрина и практика. М.: Юстицинформ, 2022. 368 с.

[13] Калятин В.О. Интеллектуальная собственность (исключительные права). М.: Норма, 2021. 512 с.

[14] Рожкова М.А. Интеллектуальная собственность: основные аспекты охраны и защиты. М.: Статут, 2023. 288 с.

[15] Еременко В.И. Об ответственности информационных посредников за нарушение интеллектуальных прав // Патенты и лицензии. 2024. № 4. С. 12–21.

[16] Близнац И.А., Леонтьев К.Б. Авторское право и смежные права: учебник. 3-е изд. М.: Проспект, 2024. 456 с.

[17] Гульбин Ю.Т. Исключительные права на средства индивидуализации товаров, работ, услуг и предприятий. М.: Юрайт, 2023. 320 с.

[18] Судариков С.А. Право интеллектуальной собственности: учебник. М.: Проспект, 2022. 368 с.

[19] Энтин В.Л. Интеллектуальная собственность в праве Европейского союза. М.: Статут, 2021. 416 с. (для сравнительного анализа).

[20] Directive (EU) 2019/790 of the European Parliament and of the Council of 17 April 2019 on copyright and related rights in the Digital Single Market // Official Journal of the European Union. L 130. 17.05.2019. (для сравнительного аспекта режима ответственности платформ).

[21] Постановление Суда по интеллектуальным правам от 18.01.2024 по делу № А41-5070/2023.

[22] Постановление Суда по интеллектуальным правам от 23.04.2024 № С01-495/2024 по делу № А40-154020/2023.

[23] Обзор судебной практики споров с участием маркетплейсов за 2023–2025 годы / Fox Legal Consulting. М., 2025.

[24] Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации (часть четвертая) / под

ред. А.Л. Маковского, Е.А. Суханова. М.: Статут, 2024. Т. 1.

[25] Актуальные проблемы права интеллектуальной собственности: сборник научных трудов / отв. ред. А.П. Сергеев. СПб.: Издательство СПбГУ, 2025.

References:

[1] Civil Code of the Russian Federation (part four) dated 18.12.2006 No. 230-FZ (as amended on 2026) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2006. No. 52 (part 1). Art. 5496.

[2] Federal Law of 02.07.2013 No. 187-FZ "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation on the Protection of Intellectual Rights in Information and Telecommunication Networks" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2013. № 27. Art. 3479.

[3] Law of the Russian Federation dated 07.02.1992 No. 2300-1 "On Protection of Consumer Rights" (as amended on 2026) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1996. № 3. Art. 140.

[4] Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of 16.06.2026 No. 39-P "In the case of checking the constitutionality of paragraphs 1 and 3 of Article 1253.1 of the Civil Code of the Russian Federation in connection with the complaint of the Mir Hobby limited liability company" // Rossiyskaya Gazeta. 2026. June 22.

[5] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 23.04.2019 No. 10 "On the Application of Part Four of the Civil Code of the Russian Federation" // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2019. № 7.

[6] Review of judicial practice in cases related to the resolution of disputes on the protection of intellectual rights (approved by Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation 23.09.2015, with subsequent amendments).

[7] E.P. Gavrilov. Commentary on Part 4 of the Civil Code of the Russian Federation (article-by-article). 2nd ed. М.: Eksmo, 2023. 784 p.

[8] Savelyev A.I. E-commerce in Russia and abroad: legal regulation. 3rd ed. М.: Statute, 2024. 640 p.

[9] Sergeev A.P. Intellectual property law in the Russian Federation: textbook. 3rd ed. М.: Prospect, 2023. 752 pp.

[10] Nechepaeva (Gryazeva) M.A. Marketplace as an information intermediary: qualification issues // Intellectual property. Copyright and related rights. 2025. № 1. S. 75–82.

[11] Nikolaev A.A. Applicability of Information Intermediary Status to Digital Platform Operators // Law and Policy. 2025. № 11. S. 150–165.

[12] Voynikanis E.A. Intellectual property law in the digital age: doctrine and practice. М.:

Justicinform, 2022. 368 pp.

[13] Kalyatin V.O. Intellectual property (exclusive rights). M.: Norma, 2021. 512 s.

[14] Rozhkova M.A. Intellectual property: main aspects of protection and protection. M.: Statute, 2023. 288 pp.

[15] Eremenko V.I. On the responsibility of information intermediaries for violation of intellectual rights // Patents and licenses. 2024. № 4. S. 12-21.

[16] Bliznets I.A., Leontyev K.B. Copyright and related rights: textbook. 3rd ed. M.: Prospect, 2024. 456 pp.

[17] Gulbin Y.T. Exclusive rights to means of individualization of goods, works, services and enterprises. M.: Yurayt, 2023. 320 s.

[18] Sudarikov S.A. Intellectual property law: textbook. M.: Prospect, 2022. 368 pp.

[19] Entin V.L. Intellectual Property in European Union Law. M.: Statute, 2021. 416 s. (for comparative analysis).

[20] Directive (EU) 2019/790 of the European Parliament and of the Council of 17 April 2019 on copyright and related rights in the Digital Single Market // Official Journal of the European Union. L 130. 17.05.2019. (for the comparative aspect of the platform responsibility regime).

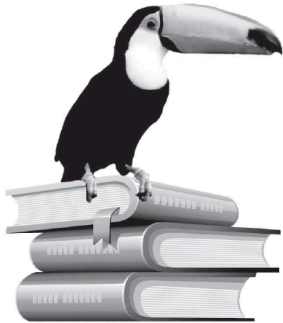
[21] Intellectual Property Court ruling of 18.01.2024 in case No. A41-5070/2023.

[22] Intellectual Property Rights Court Ruling of 23.04.2024 No. C01-495/2024 in case No. A40-154020/2023.

[23] Review of Litigation Practices Involving Marketplaces 2023-2025/Fox Legal Consulting. M., 2025.

[24] Commentary on the Civil Code of the Russian Federation (part four)/ed. A.L. Makovsky, E.A. Sukhanova. M.: Statute, 2024. VOL. 1.

[25] Current problems of intellectual property law: collection of scientific papers/ed. ed. A.P. Sergeev. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg State University, 2025.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

ПАНОВА Юлия Константиновна,
Магистрант, Северо-Западный институт (филиал)
Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА),
e-mail: yu_k_ch@list.ru

КРИТЕРИИ ДОСТАТОЧНОСТИ ЖИЛЬЯ ДЛЯ ЦЕЛЕЙ СНЯТИЯ ИСПОЛНИТЕЛЬСКОГО ИММУНИТЕТА ПРИ БАНКРОТСТВЕ В КОНТЕКСТЕ ЦЕЛЕЙ НАЦИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Аннотация. В статье исследуется вопрос о том, какие нормативы площади жилья следует использовать в деле о банкротстве при оценке жилья на предмет роскошности, то есть превышения размеров над разумной потребностью в жилище. Делается вывод о необходимости применения единых федеральных стандартов, в частности, целей национального развития, определенных Президентом РФ. Также выделяются особенности применения таких нормативов для целей банкротства: использование максимального значения на день вынесения судебного акта, недопустимость пересмотра судебного акта в связи с увеличением целевых показателей.

Ключевые слова: единственное жилье, исполнительский иммунитет, банкротство, роскошное жилье, достаточность жилья, цели национального развития, нормативы жилья, снятие исполнительского иммунитета, должник.

PANOVA Iuliia Konstantinovna,
Master's student at the Northwestern Institute
(branch) O.E. Kutafin University (MGUA)

CRITERIA FOR HOUSING SUFFICIENCY FOR THE PURPOSE OF LIFTING EXECUTIVE IMMUNITY IN BANKRUPTCY IN THE CONTEXT OF NATIONAL DEVELOPMENT GOALS

Annotation. The article examines the question of what housing area standards should be used in bankruptcy proceedings when assessing whether a property is excessive in terms of luxury, i.e., whether its size exceeds the reasonable need for housing. The conclusion is drawn that it is necessary to apply uniform federal standards, in particular, the national development goals set by the President of the Russian Federation. The article also highlights the specific features of applying such standards for bankruptcy purposes: using the maximum value as of the date the judicial act is issued, and the impossibility of reviewing the judicial act due to an increase in target indicators.

Key words: sole dwelling, executive immunity, bankruptcy, luxury dwelling, dwelling sufficiency, national development goals, dwelling standards, lifting executive immunity, debtor.

Введение

Вопросы обеспечения граждан жильем во исполнение ст. 40 Конституции РФ всегда актуальны с точки зрения правотворчества и правоприменения. В ситуации банкротства они приобретают особую значимость в связи с очевидным конфликтом интересов: жилье как ликвидный и, зачастую, единственный актив является предметом интересов и должника, и кредиторов. Провозгласив концепцию относительного исполнительского иммунитета на единственное жилье в Постановлениях от 14.05.2012 № 11-П и от

26.04.2021 № 15-П, Конституционный Суд РФ, с одной стороны, обеспечил для кредиторов правовую возможность снятия этого иммунитета и получения реального удовлетворения своих требований. С другой стороны, сформулированные им оценочные критерии породили правовую неопределенность относительно их практического применения [1, с. 265], что недопустимо с учетом существа затрагиваемого права. В частности, в отношении формулировки «жилое помещение, чрезмерно превышающее разумную потребность в жилище» Верховный Суд РФ, например, в Опре-

делении от 22.01.2025 № 305-ЭС24-16011(2), указал, что для определения ее содержания нормы предоставления применению не подлежат. Возникает вопрос: чем в таком случае должны руководствоваться суды, оценивая размеры жилья должника на предмет роскошности? Представляется, что отсутствие единообразных критериев неизбежно приведет к разрозненности судебной практики. Научная разработанность темы не слишком высока. С точки зрения оценки площади помещения как критерия роскошности жилья исследования, в основном, сводятся к анализу норм предоставления по договорам социального найма [например: 2, с. 99; 3, с. 50], что объясняется отсутствием адекватного правового регулирования. Иные же подходы по анализируемому вопросу не разработаны. В связи с этим отсутствует доктринальная база для совершенствования законодательства и практики.

Цель настоящей работы – выявить нормативы, которые могут применяться для оценки площади единственного жилья должника, а также обосновать с правовой и научной точки зрения возможность их использования в деле о банкротстве.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

проанализировать существующие нормативы площади жилья с точки зрения масштаба, субъектного состава и источника правового регулирования;

определить надлежащие уровень правового регулирования и тип нормативных актов для решения вопроса о том, какая площадь жилья соответствует разумной потребности в жилище для целей банкротства;

выявить особенности применения искомых нормативов.

Материально-правовое обоснование выбора нормативов, которые должны использоваться для оценки размера жилья

В настоящее время стандарты площади жилых помещений складываются на различных уровнях правового регулирования в зависимости от целей их использования и субъектного состава соответствующих правоотношений.

Приведем некоторые примеры. Так, муниципалитеты устанавливают нормы предоставления жилья по договорам социального найма (например, Постановление Главы г. Вологды от 15.07.2005 № 2032). Органы исполнительной власти субъектов вправе определять минимальную площадь жилых помещений для целей предоставления их детям-сиротам (например, Постановление Правительства Вологодской области от 20.03.2025 № 400). Федеральные нормы, в том числе, регламентируют жилищные льготы для отдельных категорий субъектов (например, Феде-

ральный закон от 30.12.2012 № 283-ФЗ). Разнообразие нормативного материала, основанное на п. «к» ч. 1 ст. 72 Конституции РФ, обуславливает необходимость определения, в первую очередь, того, актами какого уровня должны быть установлены ориентиры для оценки единственного жилья именно в деле о банкротстве.

С формально-юридической точки зрения законодательство о банкротстве, развивающее положения гражданского законодательства и неразрывно связанное с арбитражно-процессуальным законодательством, относится к исключительному ведению Российской Федерации. В таком случае справедливо предположить, что и частный вопрос о снятии исполнительского иммунитета в деле о банкротстве должен регулироваться на том же уровне.

Помимо указанного правового аспекта, предлагается обратить внимание и на социальную составляющую вопроса.

Равенство граждан является одним из столпов общепризнанного стандарта прав человека. Его частный аспект – принцип равенства участников жилищных правоотношений – получил активное развитие в рамках жилищного законодательства [4, с. 574]. Несмотря на то, что принцип равенства должников в специальной литературе не выделяется, можно говорить, как минимум, о действии в процедурах банкротства межотраслевого принципа равенства в целом и его распространении на граждан-банкротов [5, с. 254]. Безусловно, равенство не абсолютно, однако представляется, что базовые гарантии прав человека должны быть едины на всей территории страны, что восходит к принципу недискриминации, закрепленному в ч. 2 ст. 19 Конституции РФ. Право на жилище, являющееся основой жизнедеятельности человека [6, с. 18], относится к числу таковых. Действительно, для иных целей могут быть использованы дифференцированные нормативы площади жилья. Вместе с тем, указанное обусловлено не разницей в потребностях граждан, а различием в размерах соответствующего жилищного фонда и в уровне материального обеспечения властного субъекта, предоставляющего льготы. Думается, что потребность в жилище, то есть в наличии достаточного по размеру и иным характеристикам помещения, относится к категории тех, которые не имеют прямой зависимости от места нахождения человека. Таким образом, когда речь идет не о предоставлении жилища, что зависит от возможностей публично-правовых образований, а о его лишении, следует руководствоваться едиными общегосударственными стандартами.

Обоснованность такого подхода подтверждается, в том числе, с помощью метода правового моделирования.

Так, использование для оценки площади

жилья различных нормативов в зависимости от местоположения имущества может привести к «расщеплению» правового статуса гражданина. То есть при рассмотрении жилья, расположенного в нескольких субъектах или муниципальных образованиях, в качестве единственного возникнет ситуация, в которой к одному и тому же должнику будет применен разный стандарт достаточности жилья. Подобное видится нам некорректным и недопустимым.

В случае же, если применимые нормы будут определяться, например, по месту рассмотрения дела о банкротстве, велик риск так называемого «банкротного туризма». Должники будут намеренно выбирать адрес регистрации в регионе/муниципальном образовании с наиболее высокими нормами предоставления жилья, что является злоупотреблением правом. Таким образом, в настоящее время отсутствует убедительное обоснование того, что нормативы площади жилых помещений для целей снятия исполнительского иммунитета на единственное жилье могут регулироваться чем-либо, помимо норм федерального уровня.

Во вторую очередь, учитывая структуру правовой системы России, необходимо определить, каким видом (видами) нормативных правовых актов федерального уровня должны быть установлены анализируемые нормативы.

Сложность и длительность законотворческого процесса наводят на мысль о том, что искомые критерии достаточности жилья должны определяться не на законодательном уровне, в частности, не в Федеральном законе «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 № 127-ФЗ (далее – Закон о банкротстве), а на подзаконном, характеризующимся большей мобильностью. На данный момент, помимо отдельных случаев установления законом конкретных льгот, на федеральном уровне имеются документы стратегического планирования, закрепляющие ожидаемые стандарты обеспеченности граждан жильем. Например, Распоряжением Правительства РФ от 31.10.2022 № 3268-р в рамках стратегии развития строительной отрасли установлена планируемая площадь жилья к 2030 году – 33,3 кв.м. на человека. А в 2024 году Президент РФ Указом от 07.05.2024 № 309 в качестве одной из целей национального развития определил необходимость обеспечения каждого жильем в размере 38 кв.м. на человека к 2036 году.

Преимущество подобных документов состоит в том, что их действие имеет перспективный характер, а значит позволит защитить права должников на будущий период. Ни один из указанных актов не регламентирует площадь жилья для целей снятия исполнительского иммунитета в рамках дела о банкротстве. Однако взаимосвязь

норм в единой правовой системе России позволяет использовать аналогию закона.

В свою очередь, конкуренция норм по юридической силе разрешается однозначно: правовые акты Президента РФ имеют приоритет. Следовательно, оценивать площадь жилья на предмет роскошности следует на основании целей национального развития, определенных Президентом РФ. Более того, относимость этих показателей именно к целям национального развития, а не к отдельным отраслевым стандартам, позволяет говорить об их универсальности и применимости в рамках дела о банкротстве. В качестве промежуточного вывода отметим, что нормативами, которые должны использоваться для оценки размера единственного жилья в деле о банкротстве, являются показатели, установленные Президентом РФ в соответствующем указе как цели национального развития. Единство критериев в рамках федеративного государства обеспечит равенство граждан, а их определение гарантом Конституции РФ, коим является Президент РФ, позволит поддерживать надлежащий уровень защищенности жилищных прав должников в банкротстве.

Особенности применения критериев оценки площади жилья

Предлагаемые изменения неизбежно приведут к возникновению в ходе судебного разбирательства вопроса о том, как с учетом темпоральных коллизий следует использовать подобные нормативы. Думается, что правовая проблема может заключаться в выборе редакции источника правового регулирования, а также в изменении его содержания с течением времени. Правоотношения в рамках дела о банкротстве носят длящийся характер [7, с. 241]. В зависимости от их существа предусмотрены несколько вариантов определения применимых к ним правовых предписаний. Так, если речь идет о деликте – основании для субсидиарной ответственности – используются нормы, действовавшие в момент его совершения (п. 2 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 27.04.2010 № 137). В других же случаях, например, при решении вопроса об обоснованности заявления о признании должника банкротом, применяются положения, актуальные на момент разрешения спора судом (п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17.12.2024 № 40).

В случае с рассмотрением вопроса о применении или снятии исполнительского иммунитета с момента подачи заявления до вынесения судебного акта может пройти неопределенное количество времени, в течение которого имеется вероятность изменения нормативов в сторону увеличения. Подтверждение этому содержится в документах стратегического планирования различных периодов: в 2010 году максимальный целевой

показатель составлял 24,2 кв.м. на человека (Постановление Правительства РФ от 17.12.2010 № 1050), в 2020 году он возрос до 33,3 кв.м. на человека (Распоряжение Правительства РФ от 31.10.2022 № 3268-р), а в 2024 году – до 38 кв.м. на человека (Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309).

Ретроспективный анализ подтверждает гипотезу о том, что применение критериев, не соответствующих текущим представлениям о достаточном жилье, ущемляло бы права граждан-банкротов. Следовательно, необходимо оценивать достаточность имеющегося и замещающего жилья по нормативам, актуальным на момент вынесения судом соответствующего определения. Указанное позволит в наибольшей степени учесть жилищные интересы должника. Здесь же отметим, что из пп. «б» п. 4 Указа Президента РФ от 07.05.2024 № 309 следует дифференцированный подход к формулированию нормативов: указанный акт содержит ближний и дальний горизонт планирования. С учетом того, что оба из содержащихся в нем показателей – 33 кв.м. на человека к 2030 году и 38 кв.м. к 2036 году – имеют перспективный характер, для правоприменителя также важно определить, какой из них должен использоваться в деле о банкротстве.

В качестве основных начал института исполнительского иммунитета на единственное жилье граждан-банкротов следует выделить принципы гуманизма [8, с. 333] и экономической целесообразности [9, с. 269], которая, в целом, является генеральной идеей процедур банкротства.

Неизменность судебного акта, который состоит по соответствующему обособленному спору, обуславливает, на наш взгляд, необходимость использования наибольшего из возможных значений. Во-первых, в таком случае должник окажется в наиболее благоприятном положении, что соответствует гуманистическому подходу. Во-вторых, учитывая требование именно о кратном превышении разумной потребности в жилище (п. 23 Обзора судебной практики по делам о банкротстве граждан, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 18.06.2025), применение хоть и максимальных, но не существенно отличающихся нормативов не повлияет на эффективность пополнения конкурсной массы. Также длящийся характер правоотношений в банкротстве предопределяет возможность применения к ним индексации и схожих правовых механизмов. Например, на основании п. 3 ст. 213.25 Закона о банкротстве и ч. 1 ст. 446 ГПК РФ финансовый управляющий исключает из конкурсной массы и выплачивает должнику прожиточный минимум, размер которого ежегодно актуализируется. Также непосредственно индексация доступна кредиторам при определении размера их требований [10, с. 53].

Может ли подобный механизм «индексации» применяться и в случае с исполнительским иммунитетом на единственное жилье? Иными словами, необходимо ли пересматривать размер жилья должника, в том числе, предоставлять ему более большое в качестве замещающего, если после вынесения судебного акта нормативы увеличились?

Думается, что подобное недопустимо ввиду следующего.

Во-первых, в отличие от жилья, денежные средства имеют высокую обращаемость, и не требуют всех формальных процедур, которые характерны для оборота недвижимости. Правоотношения, опосредующие финансовые потоки, более динамичны и напрямую зависят от инфляции, чего нельзя сказать о жилище. Аналогия же допустима только при необходимом уровне сходства отношений. В связи с этим полагаем, что все механизмы защиты от инфляции, в том числе индексация и т.п., на единственное жилье должника не должны распространяться.

Во-вторых, дальнейший пересмотр площади жилья на предмет роскошности, оценка которой уже дана судом, негативно повлияет на стабильность правоотношений, и так осложненных в рамках банкротства множественностью субъектов и сочетанием частных и публичных элементов.

Думается, что потенциальные изменения целевых показателей площади жилья, на которые предлагается ориентироваться при снятии исполнительского иммунитета, компенсируются перспективным характером нормативов. То есть защита прав должника будет осуществляться на максимально возможный (предвидимый) период.

Указанное позволит обеспечить баланс между интересами должника, желающего сохранить жилье наибольшей площади, и кредиторов, которые в случае вступления в законную силу судебного акта о снятии исполнительского иммунитета вправе рассчитывать на его окончательность и полагаться на получение денежных средств от реализации роскошного жилья.

В качестве промежуточного вывода отметим, что применение предлагаемых критериев для оценки площади жилья должника не должно быть произвольным. Для защиты прав граждан и обеспечения баланса интересов должника и кредиторов следует использовать нормативы с учетом определенных правил: учет наибольшего значения целевого показателя на день вынесения судебного акта и недопустимость «индексации» путем его пересмотра в связи с последующим увеличением нормативов.

Заключение

Имеющаяся в законодательстве, науке и практике неопределенность относительно критериев оценки площади единственного жилья долж-

ника для целей снятия исполнительского иммунитета обуславливает необходимость поиска норм, могущих применяться для решения этого вопроса по аналогии.

Представляется, что для обеспечения равенства жилищных прав граждан следует использовать показатели, определенные Президентом РФ как цели национального развития, которые характеризуются универсальностью и имеют перспективный характер. Причем необходимо ориентироваться на максимальный норматив, указанный в соответствующем акте.

В случае применения подобного подхода темпоральные коллизии должны разрешаться следующим образом. Во-первых, с учетом длящегося характера правоотношений в банкротстве, оценку площади жилого помещения надлежит проводить по нормам, действующим на момент вынесения судебного акта по обособленному спору. Во-вторых, в целях обеспечения стабильности правоотношений и предсказуемости хода процедуры банкротства не допустимо в дальнейшем пересматривать такой судебный акт при увеличении целевых показателей.

Список литературы:

- [1] Черкашина Ю.К. К вопросу о критериях роскошности жилья в рамках применения института исполнительского иммунитета в деле о банкротстве // Вопросы российской юстиции. 2024. № 33. С. 263-271.
- [2] Пенькова С.С. Обращение взыскания на роскошное жилье должника // Вестник магистратуры. 2025. № 3-1(162). С. 99-101.
- [3] Зинченко Я.И. Обращение взыскания на единственное (роскошное) жилье в обособленном споре по делам о несостоятельности (банкротстве) // Глаголь правосудия. 2024. № 3(37). С.48-54.
- [4] Овинников В.А. Проблемные вопросы реализации прав граждан на жилище: теоретические аспекты // Вестник науки. 2023. № 6(63). С. 573-581.
- [5] Сычев А.Ю. К вопросу о принципах несостоятельности (банкротства) // Образование и право. 2023. № 9. С.253-256.
- [6] Озеров И.Н., Максименко А.В., Колесова Т.С. Право на жилище как одно из основных прав человека // Юристъ-Правоведъ. 2019. № 4(91). С. 18-24.
- [7] Любимова Е.В., Суханова М.Г. Темпоральные нормы института банкротства // Правоприменение. 2022. № 3. С. 240-251.
- [8] Насонов А.Д., Боков Ю.А. Конституционно-правовые основы процедуры банкротства физических лиц // Вестник науки. 2024. № 1(70). С.329-335.
- [9] Шакирова А.Е. Проблемы реализации единственного жилья в процедуре банкротства // Вопросы российской юстиции. 2024. № 34. С. 263-272.
- [10] Воронов В.П. Индексация присужденных судебными актами сумм в делах о несостоятельности (банкротстве): вопросы правоприменительной практики // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. 2023. № 1. С. 50-56.

References:

- [1] Cherkashina Iu.K. Regarding the criteria for determining the luxury status of housing within the framework of applying the institution of enforcement immunity in bankruptcy proceedings // Issues of Russian justice. 2024. № 33. P. 263-271.
- [2] Pen'kova S.S. Foreclosure on the debtor's luxurious residence // Bulletin of the Master's Degree. 2025. № 3-1(162). P. 99-101.
- [3] Zinchenko Ia.I. Foreclosure on a single (luxurious) residence in a separate dispute related to insolvency (bankruptcy) cases // Glagol of Justice. 2024. № 3(37). P.48-54.
- [4] Ovinnikov V.A. Problematic issues related to the realization of citizens' rights to housing: theoretical aspects // Vestnik nauki. 2023. № 6(63). P. 573-581.
- [5] Sychev A.Iu. On the issue of the principles of insolvency (bankruptcy) // Education and Law. 2023. № 9. P.253-256.
- [6] Ozerov I.N., Maksimenko A.V., Kolesova T.S. The right to housing as one of the fundamental human rights // Yurist-Pravoved. 2019. № 4(91). P. 18-24.
- [7] Liubimova E.V., Sukhanova M.G. Temporal norms of the bankruptcy institution // Law enforcement. 2022. № 3. P. 240-251.
- [8] Nasonov A.D., Bokov Iu.A. Constitutional and legal foundations of the bankruptcy procedure for individuals // Vestnik nauki. 2024. № 1(70). P.329-335.
- [9] Shakirova A.E. Problems with the implementation of the only home in bankruptcy proceedings // Issues of Russian Justice. 2024. № 34. P. 263-272.
- [10] Voronov V.P. Indexation of amounts awarded by judicial acts in insolvency (bankruptcy) cases: issues of law enforcement practice // Bulletin of the South Ural State University. Series: Law. 2023. № 1. P. 50-56.

ЛЕМИНОВ Михаил Валерьевич,
старший преподаватель кафедры деятельности
органов внутренних дел в особых условиях
Восточно-Сибирского института Министерства
внутренних дел Российской Федерации,
e-mail: Leminov.mv@mail.ru

СЕМАГИН Андрей Владимирович,
Начальник кафедры специальной подготовки
Нижегородской академии Министерства
внутренних дел Российской Федерации,
e-mail: Ansemagin@gmail.com

СУХАРЕВ Ярослав Эдуардович,
преподаватель кафедры специальной подготовки
Нижегородской академии Министерства
внутренних дел Российской Федерации,
e-mail: sukharev_99_99@mail.ru

АГАФОНОВ Сергей Юрьевич,
доцент кафедры криминалистики Нижегородской
академии Министерства внутренних дел
Российской Федерации,
e-mail: agafonov334@list.ru

БЕЛЯВСКИЙ Роман Александрович,
старший преподаватель кафедры
информационных технологий в деятельности
Орловского юридического института МВД России
имени В.В. Лукьянова,
e-mail: belevskiy@gmail.com

ДУНАЕВ Герман Робертович,
старший преподаватель кафедры
специальной подготовки Нижегородской
академии Министерства внутренних дел
Российской Федерации,
e-mail: z197ger152rus@mail.ru

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРАВОВЫХ ОСНОВ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ ПО УПРАВЛЕНИЮ БЕСПИЛОТНЫМИ АВИАЦИОННЫМИ СИСТЕМАМИ В СИСТЕМЕ МВД РОССИИ

Аннотация. Внедрение беспилотных авиационных систем выступает фактором трансформации служебной авиации в органах внутренних дел. Подготовка компетентных операторов БВС приобретает статус стратегического приоритета МВД России, при этом ее эффективность напрямую зависит от гибкости действующей нормативной правовой базы. В представленной работе рассмотрены актуальные нормативные положения, выявлены системные проблемы правоприменения и обоснованы предложения по корректировке законодательства с целью формирования эффективной системы подготовки специалистов. Отдельный акцент сделан на противоречиях между устоявшимися нормами авиационного права и современными потребностями эксплуатации беспилотных технологий в ведомственной практике.

Ключевые слова: UAV, UAV operator, Russian Ministry of Internal Affairs, legal regulation, flight training, aviation legislation, educational standards, unmanned aviation, official activities, and digital transformation.

LEMINOV Mikhail Valerevich,
Senior lecturer PhD in Biological Sciences
Department of internal affairs in special condition East
Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of
the Russian Federation

SEMAGIN Andrey Vladimirovich,
Chief Department of special training Nizhny Novgorod
academy of the Ministry of Internal Affairs of
the Russian Federation

SUHAREV Yaroslav Eduardovich,
Lecturer Department of special training Nizhny
Novgorod academy of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation

AGAFONOV Sergey Yurievich,
Associate Professor, Department of criminalistic
Nizhny Novgorod academy of the Ministry of Internal
Affairs of the Russian Federation

BELYAVSKY Roman Alexandrovich,
Senior Lecturer Department of Information
Technologies in Law Enforcement Activities Oryol
Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of
Russia named after V.V. Lukyanov

DUNAEV German Robertovich,
Senior lecturer Department of special training Nizhny
Novgorod academy of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation

LEGAL SUPPORT FOR TRAINING AIRCRAFT OPERATORS IN THE RUSSIAN MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS: CHALLENGES OF THE TECHNOLOGICAL ERA

Annotation. The introduction of unmanned aircraft systems serves as a factor in the transformation of service aviation within the internal affairs bodies. The training of competent BVS operators is acquiring the status of a strategic priority for the Ministry of Internal Affairs of Russia, and its effectiveness directly depends on the flexibility of the current regulatory legal framework. This paper examines the current regulatory provisions, identifies systemic problems of law enforcement, and substantiates proposals for adjusting legislation in order to form an effective system for training specialists. Particular emphasis is placed on the contradictions between the established norms of aviation law and the modern needs of operating unmanned technologies in departmental practice.

Key words: UAV, UAV operator, Russian Ministry of Internal Affairs, legal regulation, flight training, aviation legislation, educational standards, unmanned aviation, official activities, digital transformation.

Активное внедрение беспилотных летательных аппаратов в деятельность органов внутренних дел обуславливает глубинные изменения технологической базы МВД России и актуализиру-

ет проблему кадрового сопровождения данного процесса. Беспилотники уже стали неотъемлемым инструментом при патрулировании, поисковых мероприятиях, мониторинге чрезвычайных

ситуаций, фиксации правонарушений и охране общественного порядка при массовых мероприятиях [1, с. 45]. Указанная тенденция объективно требует перестройки сложившейся системы профессиональной подготовки. В отличие от пилотируемой авиации, где правовые и методические основы отработаны десятилетиями и закреплены федеральными авиационными правилами, подготовка операторов БВС в правоохранительной сфере находится на этапе становления, протекающего неравномерно и противоречиво [2, с. 112]. Нормативное регулирование в данной области страдает фрагментарностью, множественностью актов различной юридической силы и внутренней несогласованностью, что порождает системные барьеры и затрудняет выстраивание унифицированного образовательного процесса. Необходимость преодоления разрыва между стремительно растущими потребностями ведомства в квалифицированных кадрах и инерционностью право творчества определяет научную и практическую значимость предпринятого исследования.

Правовое пространство, регламентирующее подготовку операторов БВС для нужд МВД России, представляет собой не монолитную конструкцию, а сложную, многозвенную систему, образованную несколькими пересекающимися и зачастую слабо коррелирующими между собой уровнями регулирования. Подобная архитектура, с одной стороны, создает известную степень правовой определенности, с другой — порождает многочисленные сложности организационно-правового характера.

Первый уровень — общегосударственное авиационное законодательство, фундаментом которого выступают Воздушный кодекс РФ и Федеральные авиационные правила (ФАП). Долгие годы вся инфраструктура ФАП была ориентирована исключительно на пилотируемую авиацию, что создавало объективный дисбаланс. Принятие в 2023 году новых ФАП полетов беспилотных воздушных судов (Приказ Минтранса № 841) ознаменовало значимый сдвиг, установив единые для всех субъектов эксплуатации правила [3]. Вместе с тем данные нормы обладают рамочным характером и не учитывают ведомственную специфику, в особенности образовательные аспекты: они детализируют порядок выполнения полетов, но обходят стороной вопросы кадровой подготовки для нужд государственных структур.

Второй уровень — ведомственное регулирование МВД России, представленное приказами, наставлениями и инструкциями, определяющими порядок применения авиации в служебных целях. Отличительная черта данного сегмента — его реактивный, «догоняющий» характер: правовые акты принимаются преимущественно как отклик на уже возникшие технологические вызовы,

не формируя упреждающей стратегии [4, с. 23]. Наиболее чувствительный пробел — отсутствие единого системного документа, закрепляющего правовой статус оператора БВС (как штатной единицы либо специальной должности), его полномочия, границы ответственности и, главное, детализированные квалификационные требования к объему и характеру подготовки.

Третий уровень — образовательное право, включающее Федеральные государственные образовательные стандарты и профессиональные стандарты. Профстандарт «Специалист по эксплуатации беспилотных авиационных систем» формально определяет квалификационную рамку [5], однако его внедрение в ведомственные образовательные программы вузов МВД и системы повышения квалификации отличается медлительностью, бессистемностью и выраженной неравномерностью. Возникает глубокая дивергенция между нормативно закреплёнными требованиями и реальным содержанием учебного процесса, его материально-техническим оснащением и методической базой. Эта дихотомия ставит под угрозу унификацию требований и взаимное признание квалификаций выпускников различных образовательных организаций системы МВД.

2. Системные правовые преграды в формировании контура подготовки.

Сопряжение разнородных нормативных плоскостей порождает комплекс взаимосвязанных противоречий, которые в совокупности блокируют выстраивание целостной и работоспособной системы профессиональной подготовки операторов БВС в ведомственной структуре.

Первая и наиболее глубокая проблема — правовая амбивалентность фигуры «оператора БВС МВД». Кто он по своему юридическому статусу? Авиационный специалист, аналогичный пилоту, с распространением на него всей полноты авиационных норм — от врачебно-лётной экспертизы до материальной ответственности за вверенное воздушное судно? Технический эксперт, инженер-оператор, работающий со сложным оборудованием? Или же сотрудник строевого подразделения (ППС, уголовный розыск, ГИБДД), для которого управление дроном — лишь одна из множества дополнительных функций, надстроенная над основной служебной деятельностью? От разрешения этой концептуальной дилеммы в нормативном поле зависит выбор фундаментального акта, регламентирующего всю траекторию: от профессионального отбора и обучения до допуска к полетам и определения зон ответственности. На сегодняшний день этот вопрос отдан на откуп локальному усмотрению, что неизбежно порождает правовую мозаичность и неоднородность практик [2, с. 115].

Вторая проблема, логически проистекаю-

щая из первой, — отсутствие унифицированных, типовых ведомственных образовательных программ. В сфере пилотируемой авиации подготовка персонала жестко привязана к требованиям ФАП-147 и ФАП-128, образующим незыблемый методический каркас. Для беспилотных систем подобного детализированного сквозного норматива не существует. Обучение операторов зачастую носит локальный, ситуативный, а порой и импровизационный характер. Каждый территориальный орган, учебный центр или ведомственный вуз вынужден самостоятельно конструировать учебные программы, опираясь на собственные представления о необходимом объеме и содержании подготовки. Итогом становится вопиющая вариативность в качестве и продолжительности обучения, отсутствие единых критериев минимального часового объема, обязательных пропорций теории и практики, перечня типовых оперативно-тактических задач, подлежащих отработке [6, с. 78].

Третий барьер — административные и юридические препятствия для организации практической летной подготовки. Реальный налет остается стержневым элементом профессионализации. Однако организация учебных полетов БВС, особенно за границами специально выделенных и оборудованных зон (которые, к тому же, присутствуют далеко не во всех регионах), наталкивается на сложную и многоступенчатую процедуру получения разрешений на использование воздушного пространства. Для обучаемых и инструкторов это оборачивается искусственным, но весьма ощутимым дефицитом практики, вынуждающим замещать живое пилотирование абстрактными теоретическими конструкциями. Нормативная база не предлагает упрощенных или ускоренных регламентов для регулярных учебных вылетов, особенно на легких и средних БВС, в пределах закрытых ведомственных полигонов или на территориях аэродромов, закрепленных за МВД [3].

Четвертая проблема — многомерная, «эшелонированная» ответственность инструкторского состава. Инструктор, передающий навыки управления БВС, несет бремя ответственности не только за освоение курсантами техники пилотирования и эффективного применения полезной нагрузки. Он обязан гарантировать глубокое понимание обучаемыми целого спектра законодательных актов: воздушного права (для исключения авиационных инцидентов), административного законодательства (особенно при съемке в общественных пространствах), норм о защите персональных данных (при обработке изображений граждан), положений об интеллектуальной собственности и т.д. [6, с. 82]. При этом единых методических и правовых руководств для инструкторов, которые бы систематизировали этот

массив информации и облегчали ее трансляцию в образовательный процесс, на сегодня не создано [4, с. 30].

Правовой контур подготовки операторов БВС в системе МВД России сегодня заметно отстает от динамики технологических изменений и реальных запросов оперативных подразделений. Фрагментарность и внутренняя несогласованность регулирования создают зону риска: недостаточный уровень компетенций персонала, потенциальные нарушения законности в ходе учебного процесса и, как итог, снижение отдачи от внедрения беспилотных технологий в служебную деятельность.

Для преодоления обозначенного системного разрыва необходима серия взаимосвязанных и последовательных шагов, направленных на формирование непротиворечивого правового поля. Первоочередная мера — разработка и введение в действие специального ведомственного приказа МВД России «Об утверждении Порядка подготовки и допуска к самостоятельной работе операторов БВС в системе МВД России». Этот документ призван стать нормативным стержнем, замыкающим сквозную цепочку: от унифицированных критериев профессионального отбора и внятных требований к состоянию здоровья (возможно, в формате адаптированного перечня по аналогии с ВЛЭК) до стандартизированной архитектуры учебных программ, единой процедуры итоговой аттестации и регламента периодического повышения квалификации. Именно в этом акте должен обрести четкость и определенность юридический статус оператора.

Второй стратегический шаг, наполняющий нормативные предписания реальным содержанием, — утверждение единой Типовой основной программы профессиональной подготовки и переподготовки операторов БВС для нужд МВД России. Данный документ должен выступить концептуальным ядром ведомственного образовательного стандарта, конкретизирующим общий Порядок. Разработка программы требует обязательного межведомственного согласования. Взаимодействие с Министерством транспорта России (Росавиацией) обеспечит синхронизацию с воздушным законодательством, федеральными правилами, включая новые ФАП полетов БВС, а также порядком организации воздушного движения. Согласование с Министерством науки и высшего образования РФ придаст программе легитимность в общеобразовательной системе, гарантирует соответствие требованиям к структуре дополнительных профессиональных программ и создаст основу для признания выдаваемых документов об образовании.

В-третьих, для адекватного охвата всего многообразия оперативно-служебных задач и

технологической вариативности парка БВС программа должна строиться по четкой модульной логике. Ее основу образует базовый (общепрофессиональный) блок, формирующий универсальные компетенции: знание авиационного и административного законодательства, основ аэродинамики и конструкции БВС, регламентов эксплуатации и безопасности, авиационной метеорологии. Дальнейшая подготовка реализуется через систему специализированных модулей, дифференцированных по двум векторам. Первый — классовая принадлежность БВС (малые, средние, тяжелые), определяющая различия в порядке допуска к полетам, использовании воздушного пространства, материальной ответственности и применяемых технических регламентах. Второй — целевая специализация оператора, определяемая спецификой служебных задач. Целесообразно выделить модули для подготовки оператора-наблюдателя (патрулирование, розыск, сопровождение), оператора-картографа или мониторинга (аэрофотосъемка, построение ортофотопланов, работа с ГИС в чрезвычайных ситуациях), а также оператора-техника (эксплуатационное обслуживание, предполетная и послеполетная диагностика). Каждый из модулей должен содержать развернутый учебно-тематический план, перечень осваиваемых практических навыков, систему оценочных критериев и требования к материально-техническому оснащению. Только такая структурированная и одновременно гибкая архитектура программы позволит осуществлять адресную и качественную подготовку кадров, адекватных конкретным служебным потребностям подразделений МВД [5].

Третье направление — нивелирование административных барьеров, сдерживающих практическую летную подготовку. Необходима консолидированная работа на межведомственном уровне, нацеленная на кардинальное упрощение порядка оформления разрешений на использование воздушного пространства для учебно-тренировочных вылетов. Инструментом достижения этой цели могло бы стать заключение долгосрочных рамочных соглашений между МВД и Росавиацией о резервировании постоянных учебных коридоров и зон в воздушном пространстве на базе ведомственных аэродромов, полигонов и прилегающих территорий с введением для них льготного, сокращенного регламента запроса и получения разрешительной документации [3].

Четвертое направление — придание юридической силы и нормативная унификация симуляционного компонента подготовки. Назрела необходимость внесения точечных изменений и дополнений в действующие ведомственные нормативные акты с тем, чтобы время, проведенное обучаемыми за сертифицированными и аттесто-

ванными тренажерами, получило статус полноценной учебной нагрузки с правом зачета в общий налет либо в часы отработки практических умений [6, с. 85].

И наконец, стержневым элементом обновления образовательной парадигмы выступает институционализация и нормативное закрепление статуса инструктора. Для системного обеспечения качества подготовки недостаточно простого выделения соответствующих функций — требуется целенаправленное введение в штатные расписания авиаподразделений и учебных центров МВД самостоятельной штатной единицы — «инструктор-оператор беспилотных воздушных судов». Легитимация данной позиции в штатной структуре послужит правовым фундаментом для формирования профессионального инструкторского корпуса и инициирует каскад взаимосвязанных регуляторных действий. В первоочередном порядке для этой должности должен быть разработан и утвержден отдельный, ведомственно согласованный профессиональный стандарт. Данный стандарт призван зафиксировать квалификационные требования, существенно превышающие базовый уровень линейного оператора БВС: обязательный практический стаж эксплуатационной деятельности, подтвержденный летной книжкой оператора БВС с фиксированным минимальным налетом (в часах либо в количестве выполненных задач), а также наличие сертифицированных педагогических компетенций.

Профстандарт должен детально прописывать трудовые функции: проведение вводного, текущего и итогового инструктажа; методическое сопровождение тренажерной и летной подготовки; разработку частных методик по отработке сложных пилотажных элементов и оперативно-тактических сценариев; оценку действий обучаемых и ведение учетно-отчетной документации. Параллельно требуется разработка и аккредитация специализированной дополнительной профессиональной программы (программы профессиональной переподготовки) — «Инструктор-методист летной подготовки на БВС». Содержательное наполнение этой программы должно быть ориентировано на формирование у будущих инструкторов углубленных компетенций в области авиационной психологии, педагогики высшей школы, методики летного обучения, основ криминалистики и оперативно-розыскной деятельности (в части, касающейся специфики применения БВС), а также навыков расследования и анализа авиационных происшествий (инцидентов) с беспилотными судами. Лишь такой комплексный подход — институционализация должности, стандартизация требований и специализированная подготовка — способен создать правовые и кадровые предпосылки для передачи знаний и

навыков на качественно ином уровне, гарантирующем преимущество, безопасность и высокую оперативную результативность подготовки операторского состава [4, с. 34].

Только такая системная и многомерная стратегия формирования целостного, внутренне непротиворечивого и технологически ориентированного правового поля способна перевести подготовку операторов БВС из разряда экспериментальных инициатив в плоскость потокового, высококачественного и прогнозируемого процесса. Это заложит надежный фундамент для кадрового обеспечения МВД России специалистами, способными в полной мере реализовать потенциал беспилотной авиации при решении оперативно-служебных задач в условиях цифровой трансформации правоохранительной деятельности.

Список литературы:

[1] Петров, А. В. Тактика применения беспилотных авиационных систем в служебной деятельности органов внутренних дел : монография / А. В. Петров, С. И. Васильев. – Москва : Юрлитинформ, 2021. – 156 с.

[2] К вопросу о правовом статусе оператора беспилотного воздушного судна в системе МВД России / Е. Д. Семенов, М. П. Игнатьев // Вестник Московского университета МВД России. – 2022. – № 5. – С. 110–118.

[3] Об утверждении Федеральных авиационных правил полетов беспилотных воздушных судов : Приказ Минтранса России от 15.11.2023 № 841 (ред. от 12.01.2024) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru> (дата обращения: 24.01.2026).

[4] Нормативно-правовое и организационное обеспечение служебной подготовки в органах внутренних дел Российской Федерации : учебное пособие / под ред. В. А. Сидорова. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2020. – 189 с.

[5] Специалист по эксплуатации беспилотных авиационных систем : профессиональный стандарт № 2589, утв. Приказом Минтруда России от 10.11.2020 № 773н // КонсультантПлюс. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 24.01.2026).

[6] Современные технологии в профессиональном обучении авиационного персонала : сборник научных трудов / отв. ред. К. Н. Фролов. – Краснодар : КВБАУЛ, 2023. – 204 с.

References:

[1] Petrov, A. V. Tactics of using unmanned aerial systems in the official activities of the internal affairs bodies: monograph/A. V. Petrov, S. I. Vasiliev. – Moscow: Yurлитinform, 2021. – 156 s.

[2] On the question of the legal status of the operator of an unmanned aircraft in the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia/E. D. Semenov, M. P. Ignatiev // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – № 5. – S. 110-118.

[3] On approval of the Federal Aviation Rules for Unmanned Aircraft Flights: Order of the Ministry of Transport of Russia of 15.11.2023 No. 841 (ed. 12.01.2024) // Official Internet portal of legal information. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru> (access date: 24.01.2026).

[4] Regulatory and organizational support of official training in the internal affairs bodies of the Russian Federation: training manual/ed. V. A. Sidorov. – St. Petersburg: St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2020. – 189 s.

[5] Specialist in the operation of unmanned aircraft systems: professional standard No. 2589, approved by By order of the Ministry of Labor of Russia dated 10.11.2020 No. 773n // ConsultantPlus. – URL: <http://www.consultant.ru> (access date: 24.01.2026).

[6] Modern technologies in professional training of aviation personnel: collection of scientific papers/rev. ed. K. N. Frolov. – Krasnodar: KVBAUL, 2023. – 204 s.

АРСЕНТЬЕВА Надежда Анатольевна,
к.и.н., доцент кафедры правового регулирования
бизнеса и гражданского судопроизводства
Московского университета «Синергия»,
e-mail: NArsenteva@synergy.ru

БУТКОВ Александр Владимирович,
к.ю.н., доцент кафедры правового регулирования
бизнеса и гражданского судопроизводства
Московского университета «Синергия»,
e-mail: a.butkov@mail.ru

ФИРСТОВ Андрей Борисович,
к.ю.н., доцент кафедры правового регулирования
бизнеса и гражданского судопроизводства
Московского университета «Синергия»,
e-mail: firstovab@inbox.ru

НЕИСПОЛНЕНИЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ: НЕВОЗМОЖНОСТЬ ИСПОЛНЕНИЯ, ЕЁ ВИДЫ И НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Аннотация. Объектом исследования являются общественные отношения, складывающиеся в процессе возникновения, исполнения и прекращения гражданско-правовых обязательств, связанных с их неисполнением. Предмет исследования образуют нормы Гражданского кодекса Российской Федерации о понятии обязательства, основаниях его возникновения и прекращения (ст. 8, 307, 416, 417 ГК РФ), положения об ответственности за нарушение обязательств (ст. 401 ГК РФ) и об изменении договора в связи с существенным изменением обстоятельств (ст. 451 ГК РФ), доктринальные подходы к категории невозможности исполнения, а также материалы судебной практики арбитражных судов и судов общей юрисдикции.

Исследованы понятие и элементы обязательства, основания его возникновения и прекращения, правовая природа невозможности исполнения и её классификации: первоначальная и последующая; объективная, субъективная, нравственная и логическая; физическая и юридическая; временная и окончательная (постоянная); полная и частичная; абсолютная и относительная. Установлено, что действующее законодательство не содержит специального регулирования временной невозможности исполнения и не закрепляет критериев разграничения объективной и субъективной невозможности, что порождает неоднородность судебной практики и создаёт условия для злоупотребления правом со стороны недобросовестных должников.

Обосновано дополнение Гражданского кодекса Российской Федерации нормой о временной невозможности исполнения, предусматривающей продление срока исполнения обязательства на период действия препятствующих обстоятельств, обязанность незамедлительного уведомления контрагента и право требовать расторжения договора при длительном сохранении невозможности. Предложена выработка разъяснений высших судебных инстанций о критериях разграничения объективной и субъективной невозможности исполнения.

Ключевые слова: обязательство; неисполнение обязательства; невозможность исполнения; прекращение обязательства; непреодолимая сила; форс-мажор; временная невозможность; объективная невозможность; гражданско-правовая ответственность; судебная практика.

ARSENTIEVA Nadezhda Anatolyevna,
Ph.D., Associate Professor, Department of Legal
Regulation of Business and Civil Proceedings,
Moscow University Synergy

BUTKOV Alexander Vladimirovich,
Ph.D., Associate Professor, Department of Legal
Regulation of Business and Civil Procedure, Moscow
University "Synergy"

FIRSTOV Andrey Borisovich,
Ph.D., Associate Professor, Department of Legal
Regulation of Business and Civil Procedure, Moscow
University "Synergy"

CIVIL LAW DEFAULT: IMPOSSIBILITY OF PERFORMANCE, ITS TYPES AND DIRECTIONS OF CIVIL LAW IMPROVEMENT

Annotation. The object of the study is social relations that develop in the process of the emergence, execution and termination of civil obligations associated with their failure to fulfill. The subject of the study is formed by the norms of the Civil Code of the Russian Federation on the concept of obligation, the grounds for its occurrence and termination (Articles 8, 307, 416, 417 of the Civil Code of the Russian Federation), provisions on liability for violation of obligations (Article 401 of the Civil Code of the Russian Federation) and on changing the contract due to a significant change in circumstances (Art. 451 of the Civil Code of the Russian Federation), doctrinal approaches to the category of impossibility of execution, as well as materials from the judicial practice of arbitration courts and courts of general jurisdiction.

The concept and elements of the obligation, the grounds for its occurrence and termination, the legal nature of the impossibility of execution and its classification are investigated: initial and subsequent; objective, subjective, moral and logical; physical and legal; temporary and final (permanent); full and partial; absolute and relative. It has been established that the current legislation does not contain special regulation of the temporary impossibility of execution and does not fix the criteria for distinguishing between objective and subjective impossibility, which gives rise to heterogeneity of judicial practice and creates conditions for abuse of law by unscrupulous debtors.

The amendment of the Civil Code of the Russian Federation was justified by the rule on temporary impossibility of performance, which provides for an extension of the term of performance of the obligation for the period of the obstruction circumstances, the obligation to immediately notify the counterparty and the right to demand termination of the contract with a long-term impossibility. It is proposed to develop explanations of the highest courts on the criteria for distinguishing between objective and subjective impossibility of execution.

Key words: commitment; default; impossibility of execution; termination of the obligation; irresistible force; force majeure; temporary impossibility; objective impossibility; civil liability; jurisprudence.

Введение

Неисполнение обязательств представляет собой одну из наиболее актуальных и сложных проблем современного гражданского права. Динамичное развитие хозяйственного оборота, усложнение договорных отношений и увеличение количества субъектов предпринимательской деятельности обуславливают необходимость исследования причин и последствий неисполнения обязательств, а также правовых механизмов распределения рисков между участниками гражданского оборота.

В силу ст. 307 ГК РФ обязательство представляет собой относительное правоотношение,

в силу которого одно лицо (должник) обязано совершить в пользу другого лица (кредитора) определённое действие – передать имущество, выполнить работу, оказать услугу, уплатить деньги – либо воздержаться от определённого действия, а кредитор имеет право требовать от должника исполнения его обязанности [1]. Центральное место среди оснований прекращения обязательства без наступления ответственности сторон занимает невозможность исполнения, урегулированная ст. 416 и 417 ГК РФ. Вместе с тем законодательное регулирование данного института носит фрагментарный характер: не определены последствия временной невозможности исполнения, от-

сутствуют критерии разграничения объективной и субъективной невозможности, что порождает противоречивую правоприменительную практику.

Цель исследования состоит в комплексном анализе института неисполнения обязательств в гражданском праве, определении понятия и видов невозможности исполнения, выявлении проблем правового регулирования и формулировании предложений по совершенствованию Гражданского кодекса Российской Федерации и правоприменительной практики.

Обсуждение и результаты исследования

Обязательство как фундаментальная категория гражданского права характеризуется правовой связью между конкретными субъектами, основанной на взаимных правах и обязанностях. И.Ю. Шумейко определяет обязательство как право лица требовать от другого лица известного действия или воздержания от действия [7, с. 22], что подчёркивает центральную роль требования кредитора и корреспондирующей обязанности должника. Элементами обязательства выступают субъекты (кредитор и должник), объект (действие или бездействие, которое должен совершить должник) и содержание (права и обязанности сторон). Объект обязательства должен быть определённым или определяемым, возможным, законным и соответствующим нравственным принципам общества – именно требование возможности исполнения предопределяет юридическое значение категории невозможности.

Основаниями возникновения обязательств в соответствии со ст. 8 ГК РФ являются договоры и иные сделки, акты государственных органов и органов местного самоуправления, судебные решения, причинение вреда, неосновательное обогащение и иные основания, предусмотренные законом. Прекращение обязательств происходит вследствие надлежащего исполнения, отступного, зачёта, новации, прощения долга, совпадения должника и кредитора в одном лице, смерти гражданина или ликвидации юридического лица, а также невозможности исполнения. Последнее основание занимает особое место, поскольку влечёт прекращение обязательства помимо воли сторон и требует установления обстоятельств, за которые ни одна из сторон не отвечает.

Согласно ст. 416 ГК РФ обязательство прекращается невозможностью исполнения, если она вызвана наступившим после возникновения обязательства обстоятельством, за которое ни одна из сторон не отвечает. По определению А.А. Громова, невозможность исполнения представляет собой объективно сложившуюся ситуацию, при которой должник лишается возможности выполнить своё обязательство в натуре, и эта невозможность носит непреодолимый характер [8, с. 21]. Правовой смысл института состоит в

освобождении должника от ответственности, если он докажет, что неисполнение вызвано обстоятельствами, находящимися вне его контроля. Напротив, случаи, когда должник по субъективным причинам не может исполнить обязательство, не освобождают его от ответственности перед кредитором.

Доктринальная классификация невозможности исполнения имеет непосредственное практическое значение, поскольку от вида невозможности зависит судьба обязательства.

Первоначальная невозможность существует уже на момент возникновения обязательства. Как отмечает А.М. Заброцкая, обязательство, исполнение которого невозможно с самого начала, должно считаться ничтожным, ибо отсутствует предмет обязательства [13, с. 22]. Последующая невозможность возникает после заключения договора: если исполнение становится невозможным по обстоятельствам, за которые ни одна из сторон не отвечает, обязательство прекращается без наступления ответственности.

Объективная невозможность обусловлена внешними обстоятельствами, делающими исполнение невозможным для любого лица; препятствие носит непреодолимый характер и не может быть устранено ни должником, ни третьими лицами [11]. Субъективная невозможность связана с личностью должника и не признаётся основанием прекращения обязательства, поскольку должник может поручить исполнение третьим лицам [12]. Доктрина выделяет также нравственную невозможность (несовместимость исполнения с нормами нравственности) и логическую невозможность (внутренняя противоречивость содержания обязательства).

Физическая невозможность возникает, когда предмет обязательства уничтожен либо утрачен без возможности восстановления [15]; юридическая – вследствие изменений в законодательстве или принятия актов органов власти, делающих исполнение незаконным [14, с. 175]. Последняя ситуация урегулирована ст. 417 ГК РФ. Разграничение временной и окончательной (постоянной) невозможности определяет судьбу обязательства: временное препятствие не прекращает обязательство, а лишь откладывает его исполнение на срок действия препятствия, тогда как постоянная невозможность прекращает обязательство, поскольку исполнение становится навсегда невозможным. Полная невозможность ведёт к прекращению обязательства в полном объёме; при частичной невозможности обязательство сохраняется в исполнимой части, а невозможная часть прекращается, что позволяет сторонам адаптировать условия договора к новым обстоятельствам. Наконец, абсолютная невозможность непреодолима для всех лиц и прекращает обя-

зательство, тогда как относительная невозможность, обусловленная субъективными причинами, не освобождает должника от ответственности.

Анализ судебной практики выявляет неоднородность правоприменительных подходов. Решением Арбитражного суда города Москвы от 13.07.2022 по делу № А40-166987/2021 подрядчик, не выполнивший работы в срок из-за введения карантинных мер, связанных с пандемией, был освобождён от ответственности: суд признал данные обстоятельства непреодолимой силой [4]. Напротив, Центральный районный суд г. Тулы в решении по делу № 2-1381/2020 отказал должнику в освобождении от ответственности, указав, что финансовые трудности не являются обстоятельством непреодолимой силы [3]. Указанные акты демонстрируют ключевую проблему: должники нередко ссылаются на невозможность исполнения при наличии лишь затруднений или экономической невыгодности исполнения, что образует злоупотребление правом и нарушает интересы кредиторов.

Практика по договорам подряда подтверждает необходимость учёта поведения обеих сторон. За нарушение промежуточных сроков заказчик не вправе начислять неустойку на всю сумму контракта без учёта исполненной в срок части обязательств [5]. При продолжении подрядчиком исполнения с просрочкой заказчик сохраняет право на взыскание неустойки при условии отсутствия его собственной вины, в частности неисполнения встречных обязательств [6]; в противном случае подрядчик на основании ст. 719 ГК РФ вправе приостановить выполнение работ. Ключевой пробел действующего регулирования состоит в отсутствии норм о временной невозможности исполнения. Статьи 416 и 417 ГК РФ устанавливают лишь общие положения о прекращении обязательства, не детализируя порядок действий сторон при наступлении временных препятствий: остаются неопределёнными правомерность отсрочки исполнения, возможность расторжения договора и распределение возникших убытков.

Гражданский кодекс Российской Федерации предлагается дополнить статьёй следующего содержания: «Если исполнение обязательства стало временно невозможным вследствие обстоятельств, за которые ни одна из сторон не отвечает, срок исполнения обязательства подлежит продлению на период действия указанных обстоятельств. Сторона, для которой исполнение стало временно невозможным, обязана незамедлительно уведомить другую сторону об этом и предоставить доказательства наличия таких обстоятельств. При сохранении временной невозможности исполнения, свыше установленного договором или законодательством срока любая из сторон вправе требовать расторжения договора

в судебном порядке».

Предлагаемая норма устраняет неопределённость в вопросе о судьбе обязательства при временных препятствиях, обеспечивает справедливое распределение рисков, а обязанность уведомления повышает прозрачность гражданского оборота. Право на расторжение договора при длительной невозможности защищает кредитора от неоправданного затягивания исполнения. Риск: закрепление автоматического продления срока исполнения способно стимулировать недобросовестных должников к искусственной квалификации собственных затруднений в качестве временной невозможности. Слабое звено предложения состоит в отсутствии законодательно определённой границы между временной невозможностью и экономической затруднительностью исполнения. Для нейтрализации данного риска необходимы разъяснения Верховного Суда Российской Федерации, уточняющие критерии разграничения объективной и субъективной невозможности: суды должны устанавливать, является ли препятствие непреодолимым для любого лица, а не только для конкретного должника, и оценивать добросовестность поведения сторон.

Наряду с законодательными изменениями целесообразно развитие альтернативных методов урегулирования споров – медиации и арбитража, стимулирующих стороны к поиску компромиссных решений, позволяющих сохранить деловые отношения и минимизировать убытки. Договорное регулирование форс-мажорных оговорок (перечень обстоятельств, порядок уведомления, последствия наступления) в сочетании с механизмом ст. 451 ГК РФ об изменении или расторжении договора в связи с существенным изменением обстоятельств образует дополнительный уровень защиты интересов сторон.

Заключение

Невозможность исполнения обязательств представляет собой комплексную правовую категорию, охватывающую ситуации, при которых должник объективно не способен выполнить обязательство вследствие непреодолимых обстоятельств, не зависящих от воли сторон. Правовым последствием объективной невозможности является прекращение обязательства и освобождение должника от ответственности; субъективная (относительная) невозможность такого эффекта не порождает и влечёт для должника обязанность возместить кредитору причинённые неисполнением убытки.

Проведённое исследование позволило установить, что обязательство как относительное правоотношение, связывающее конкретных лиц, играет ключевую роль в регулировании имущественного оборота, а надлежащее исполнение обязательств является фундаментальным прин-

ципом гражданского права, обеспечивающим стабильность и предсказуемость гражданско-правовых отношений. Основаниями возникновения обязательств выступают юридические факты, включающие договоры, односторонние сделки, причинение вреда, неосновательное обогащение и иные обстоятельства, предусмотренные законом; прекращение обязательств происходит вследствие надлежащего исполнения, соглашения сторон, невозможности исполнения и других оснований, установленных законодательством.

Доктринальная классификация невозможности исполнения (первоначальная и последующая; объективная и субъективная; нравственная и логическая; физическая и юридическая; временная и окончательная; полная и частичная; абсолютная и относительная) имеет непосредственное правоприменительное значение: от вида невозможности зависят судьба обязательства, распределение рисков между сторонами и наступление гражданско-правовой ответственности. Первоначальная невозможность ставит под сомнение действительность сделки ввиду отсутствия предмета обязательства; последующая объективная невозможность прекращает обязательство без ответственности сторон; частичная невозможность допускает сохранение обязательства в исполнимой части; временная невозможность лишь отсрочивает исполнение.

Анализ нормативного регулирования и судебной практики выявил два ключевых дефекта действующего законодательства: отсутствие специальных норм о временной невозможности исполнения и отсутствие законодательно закреплённых критериев разграничения объективной и субъективной невозможности. Указанные пробелы порождают неоднородность судебной практики и создают условия для злоупотребления правом со стороны недобросовестных должников, ссылающихся на невозможность исполнения при наличии лишь экономических затруднений.

Совершенствование правового регулирования требует взаимосвязанных мер: дополнения Гражданского кодекса Российской Федерации нормой о временной невозможности исполнения, предусматривающей продление срока исполнения на период действия препятствующих обстоятельств, обязанность незамедлительного уведомления контрагента и право требовать расторжения договора в судебном порядке при длительном сохранении невозможности; выработки разъяснений Верховного Суда Российской Федерации о критериях объективности невозможности и оценке добросовестности поведения сторон; развития альтернативных способов урегулирования споров (медиации и арбитража), позволяющих сохранить деловые отношения и минимизировать убытки участников оборота. Предлагаемые изменения

должны вводиться с учётом риска недобросовестной квалификации должниками собственных затруднений в качестве временной невозможности: автоматическое продление срока исполнения допустимо лишь при доказанности непреодолимого характера препятствия для любого лица, а не только для конкретного должника. Иной подход приведёт не к повышению стабильности гражданского оборота, а к ослаблению договорной дисциплины и нарушению прав кредиторов.

Список литературы:

- [1] Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая: Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.10.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
- [2] Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть вторая: Федеральный закон от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 13.12.2024) // Российская газета. – 1996. – 10.02.
- [3] Решение Центрального районного суда г. Тулы от 27.07.2020 по делу № 2-1381/2020 // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 31.07.2026).
- [4] Решение Арбитражного суда города Москвы от 13.07.2022 по делу № А40-166987/2021 // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 31.07.2026).
- [5] Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 12.09.2014 № Ф03-3414/2014 по делу № А73-12053/2013 // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 31.07.2026).
- [6] Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 24.06.2015 № Ф10-1031/2015 по делу № А36-5038/2014 // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 31.07.2026).
- [7] Шумейко И.Ю. Проблемы исполнения обязательств в гражданском праве: дис. ... канд. юрид. наук / И.Ю. Шумейко. – Ростов-на-Дону, 2009. – 244 с.
- [8] Громов А.А. Влияние невозможности исполнения на право требовать исполнения договорного обязательства в натуре: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А.А. Громов. – М., 2017. – 22 с.
- [9] Мухачева Е.С. Невозможность исполнения обязательства в российском, европейском и единообразном частном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Е.С. Мухачева. – Томск, 2013. – 23 с.
- [10] Немоляев И.С. Понятие обязательственного права и признаки обязательства в гражданском праве / И.С. Немоляев // Актуальные проблемы гражданского права и процесса: взгляд молодого исследователя: сб. материалов межву-

зовской студенческой науч.-практ. конф. – Пермь: Пермский институт ФСИН России, 2023.

[11] Погодина О.С. Понятие и виды обязательств в римском частном праве и российском гражданском праве / О.С. Погодина // Материалы XXVI науч.-практ. конф. молодых учёных, аспирантов и студентов НИ МГУ им. Н.П. Огарёва: в 3 ч. – Саранск, 2023.

[12] Карбовнича А.И. Элементы деликтных обязательств / А.И. Карбовнича // Научный Лидер. – 2022. – № 51(96). – URL: <https://scilead.ru/article/3555-elementi-deliktnikh-obyazatelstv> (дата обращения: 31.07.2026).

[13] Заброцкая А.М. Некоторые вопросы первоначальной невозможности исполнения обязательств // Законы России. Опыт. Анализ. Практика. – 2010. – № 12. – С. 21-30.

[14] Чукреев А.А. Доктрина невозможности исполнения обязательств и совершенствование гражданского законодательства России // Lex russica (Русский закон). – 2016. – № 10(119). – С. 173-181.

[15] Запорожец А.М. К проблеме невозможности исполнения обязательств / А.М. Запорожец // Журнал российского права. – 2003. – № 12. – URL: <https://base.garant.ru/4089478/> (дата обращения: 31.07.2026).

References:

[1] Civil Code of the Russian Federation. Part one: Federal Law No. 30.11.1994 of 51-FZ (as amended on 31.10.2025) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1994. – № 32. – Art. 3301.

[2] Civil Code of the Russian Federation. Part Two: Federal Law of 26.01.1996 No. 14-FZ (as amended by 13.12.2024) // Rossiyskaya Gazeta. – 1996. – 10.02.

[3] Decision of the Central District Court of Tula dated 27.07.2020 in case No. 2-1381/2020 // SPS "ConsultantPlus." - URL: <https://www.consultant.ru> (access date: 31.07.2026).

[4] Decision of the Moscow Arbitration Court of 13.07.2022 in case No. A40-166987/2021 // SPS "ConsultantPlus." - URL: <https://www.consultant.ru> (access date: 31.07.2026).

[5] Resolution of the Arbitration Court of the Far Eastern District of 12.09.2014 No. F03-3414/2014 in case No. A73-12053/2013 // SPS "ConsultantPlus."

- URL: <https://www.consultant.ru> (access date: 31.07.2026).

[6] Decision of the Arbitration Court of the Central District of 24.06.2015 No. F10-1031/2015 in case No. A36-5038/2014 // SPS "ConsultantPlus." - URL: <https://www.consultant.ru> (access date: 31.07.2026).

[7] Shumeyko I.Yu. Problems of fulfillment of obligations in civil law: dis.... cand. jurid. Sciences/ I.Yu. Shumeyko. – Rostov-on-Don, 2009. – 244 s.

[8] Gromov A.A. Impact of impossibility of performance on the right to demand performance of a contractual obligation in kind: author. dis.... cand. jurid. Sciences/A.A. Gromov. – M., 2017. – 22 s.

[9] E.S. Mukhacheva. Impossibility to fulfill the obligation in Russian, European and uniform private law: author. dis.... cand. jurid. Sciences/ E.S. Mukhacheva. – Tomsk, 2013. – 23 s.

[10] Nemolyaev I.S. The concept of compulsory law and signs of obligation in civil law/ I.S. Nemolyaev // Actual problems of civil law and process: the view of a young researcher: Sat. materials of interuniversity student scientific-practical. conf. – Perm: Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2023.

[11] Pogodina O.S. The concept and types of obligations in Roman private law and Russian civil law/O.S. Pogodina // Materials XXVI scientific-practical. conf. young scientists, graduate students and students of the Moscow State University N.P. Ogaryov: at 3 o'clock - Saransk, 2023.

[12] Carbovnichaya A.I. Elements of Tort Obligations/A.I. Carbovnichaya // Scientific Leader. – 2022. – № 51(96). – URL: <https://scilead.ru/article/3555-elementi-deliktnikh-obyazatelstv> (дата обращения: 31.07.2026).

[13] Zabrotskaya A.M. Some issues of initial impossibility to fulfill obligations // Laws of Russia. Experience. Analysis. Practice. – 2010. – № 12. – S. 21-30.

[14] Chukreev A.A. The doctrine of the impossibility of fulfilling obligations and improving the civil legislation of Russia // Lex russica (Russian law). – 2016. – № 10(119). – S. 173-181.

[15] Zaporozhets A.M. To the problem of impossibility to fulfill obligations/A.M. Zaporozhets // Journal of Russian law. – 2003. – № 12. – URL: <https://base.garant.ru/4089478/> (access date: 31.07.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 27.07.2026 г.

DOI: 10.24412/2224-9133-2026-8-382-388

Дата принятия рукописи в печать: 01.09.2026 г.

НАДОНЕНКО О.Н.,

кандидат юридических наук, доцент (доцент
кафедры криминалистики Екатеринбургского
филиала Московской академии Следственного
комитета Российской Федерации имени
А.Я. Сухарева, Россия, Екатеринбург),
e-mail: expdna@yandex.ru

ПРАВОВАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ДНК-УЧЕТА В РОССИИ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ, ВОЗМОЖНОСТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Аннотация. Автор анализирует текущее состояние организационно-правового механизма проведения государственной геномной регистрации, как добровольной, так и обязательной. Оценивает доступность для гражданского общества сведений о состоянии и структуре ДНК учета в России. Проводя сравнение с национальной базой ДНК Великобритании (NDNAD), оценивает федеральную базу данных геномной информации как неоправданно закрытую, засекреченную для граждан.

Другим недостатком организационно-правового механизма, по мнению авторов, является отсутствие законодательного закрепления разрешенной схемы межсекционных проверок внутри самого учета. Одновременно с этим отсутствует и полноценное информирование граждан, изъявляющих желание добровольного участия в регистрации или подлежащих обязательной государственной регистрации по некриминальным основаниям, о том как именно будут использоваться их геномные данные. Как следствие, при добровольной геномной регистрации согласие на использование рассматриваемых данных носит общий характер, разрешающий правоохранительным органам использовать их по своему усмотрению.

Ограничения допуска к данным ДНК учета в России, а также отсутствие организационно-правового механизма по информированию граждан, получения от них конкретизированного согласия на использование геномной информации и четкого регламента по допустимой схеме межсекционных проверок затрудняют формирование, расширение информационной базы государственной геномной регистрации.

Ключевые слова: информированное согласие, геномный учет, порядок проверок, генотип, база ДНК, добровольная государственная регистрация, обязательная государственная регистрация.

NADONENKO Olga N.,

Candidate of Law, Associate Professor (Associate
Professor of the Department of Criminalistics of the
Yekaterinburg branch of the Moscow Academy of the
Investigative Committee of the Russian Federation
named after A.Ya. Sukharev, Yekaterinburg, Russia)

LEGAL REGULATION OF THE FORMATION OF DNA RECORDS IN RUSSIA: CURRENT STATUS AND OPPORTUNITIES FOR IMPROVEMENT

Annotation. The author analyzes the current legal framework for state genomic registration, both voluntary and mandatory. She assesses the availability of information to civil society about the status and

structure of DNA registration in Russia. Comparing it with the UK National DNA Database (NDNAD), she assesses the federal genomic information database as unjustifiably closed and classified.

Another shortcoming of the legal framework, according to the authors, is the lack of legislative codification of a permitted cross-sectional verification scheme within the registry itself. Furthermore, citizens who express a desire to voluntarily participate in registration or who are subject to mandatory state registration for non-criminal reasons are not fully informed about how their genomic data will be used. Consequently, with voluntary genomic registration, consent to the use of the data in question is general, allowing law enforcement agencies to use it at their own discretion. Restrictions on access to DNA data in Russia, as well as the lack of an organizational and legal mechanism for informing citizens, obtaining their specific consent for the use of genomic information, and a clear framework for permissible cross-sectional testing, hinder the development and expansion of the state genomic registration database.

Key words: informed consent, genomic registration, testing procedure, genotype, DNA database, voluntary state registration, mandatory state registration.

Невозможно представить любое государство, как древнее, так и современное, без системы законов. Известны письменные своды правил и наказаний, существовавшие XXI-XVIII веков до нашей эры, - шумерский свод норм, кодекс вавилонского царя Хаммурапи, не говоря уже о регулирующем практически все аспекты жизни письменный свод законов Древнего Рима. Современные законы являются нормативно-правовыми актами, принимаемыми законодательным органом, регулирующие определенные общественные отношения и возможность осуществления государственного принуждения [1, с.202]. Реализации некоторых законов требует принятия различных подзаконных актов, таких как постановления правительства, ведомственные приказы, локальные акты и т.п.

К сожалению, принятие закона не означает, что все необходимые подзаконные акты будут изданы непосредственно следом за ним. Так, Федеральный закон № 242-ФЗ "О государственной геномной регистрации в Российской Федерации" [11] (далее ФЗ № 242) вступил в силу 1 января 2009. Законом с самого начала были предусмотрены два вида регистрации - добровольная и обязательная. Однако документ, в котором прописан порядок проведения добровольной регистрации был принят только через 14 лет. Постановление Правительства РФ от 24 июня 2023 года № 1027 "О некоторых вопросах реализации Федерального закона "О государственной геномной регистрации в Российской Федерации" [12] утвердило Положение о проведении государственной геномной регистрации (далее Постановление Правительства № 1027). В свою очередь появление указанного нормативного акта привело к изданию в 2024 году Административного регламента МВД Российской Федерации по предоставлению государственной услуги "Добровольная государственная геномная регистрация" [13] (далее Административный регламент). Как бы странным это ни выглядело, но до конца 2024г. заявленная еще

в 2009г. добровольная государственная регистрация в основном существовала только на бумаге, так как система МВД РФ фактически не имела организационно-правового механизма ее проведения.

В целом хотелось бы отметить, что государственная геномная регистрация в России, введенная ФЗ № 242, до настоящего времени, на наш взгляд, носит излишне закрытый характер и имеет целый ряд законодательных недоработок. В целях иллюстрации и разъяснения данного утверждения можно рассмотреть как происходит информирование гражданского общества о состоянии и порядке работы аналогичной базы ДНК (NDNAD - National DNA Database) в Великобритании.

Официально база ДНК в Великобритании была создана в 1995 г. в связи с открытием центральной компьютерной базы по сравнению следов с мест происшествий и генотипов подозреваемых в системе государственной службы судебной экспертизы (FSS) [14]. Хотя некоторые исследователи называют иные сроки, а именно 1986-1987 гг.[2. с.343], связывая их с уголовным расследованием по факту изнасилования и убийства двух девочек в графстве Лестершире. Однако на тот момент в силу новизны метода ДНК анализа и отсутствия нормативного регламента в правоохранительной практике это скорее можно назвать удачным экспериментом, который продемонстрировал необходимость создания такой базы и соответствующего организационно-правового механизма для ее полноценного функционирования.

Сведения о состоянии базы ДНК Великобритании (NDNAD) являются общедоступными и регулярно обновляются на официальном правительственном сайте "Статистика национальной базы данных ДНК" [15]. Любой желающий может ознакомиться как с общим количеством ДНК-профилей, хранящихся в национальной базе данных ДНК, так и с целым рядом их характеристик, таких как количество профилей, изъятых с

мест происшествий и полученных от различных субъектов; а также о гендерном, возрастном и этническом составе лиц, чьи данные в ней размещены. Можно проследить динамику изменений состава базы данных ДНК с 2016 года.

О состоянии же российской базы данных ДНК (Федеральная база данных геномной информации - далее ФБДГИ) приходится только догадываться, собирая обрывочные сведения из публичных выступлений должностных лиц, докладов специалистов на различных конференциях или иных публикаций. При этом все сообщаемые сведения носят декларативный характер и, как правило, сильно просрочены [3, с.98]. Так, в приведенной журналистской статье от 04 сентября 2025 года сообщаются данные за 2020 год.

Организационно-правовой механизм работы ФБДГИ в настоящий момент представлен несколькими документами. Прежде всего самим ФЗ № 242, кроме этого Постановлением № 1027, постановлением Правительства Российской Федерации от 7 ноября 2024 г. N 1510 "О проведении эксперимента по апробации правил и условий въезда в Российскую Федерацию и выезда из Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства" (далее - Постановление Правительства N 1510) [17], а также ведомственными приказами МВД РФ: Административным регламентом, Приказом МВД РФ от 23 ноября 2017 г. № 882 "Вопросы эксплуатации программного обеспечения для реализации сервиса объединенной поисковой федеральной системы генетической идентификации "Ксенон -2" [18] (далее Приказ № 882), иные приказы имеют гриф "ДСП" и не доступны для общественности.

Постановлением Правительства № 1027 утверждается положение о проведении государственной геномной регистрации. При этом указывается, что правила получения, учета, хранения, использования, передачи и уничтожения биологического материала утверждаются Министерством внутренних дел Российской Федерации по согласованию с Министерством здравоохранения Российской Федерации, Министерством обороны Российской Федерации, Министерством Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, Федеральной службой безопасности Российской Федерации, Федеральной службой войск национальной гвардии Российской Федерации, Федеральной службой судебных приставов, Федеральной таможенной службой, Федеральной службой исполнения наказаний, со Следственным комитетом Российской Федерации. А вот правила обработки геномной информации утверждаются только МВД РФ.

Далее Постановлением Правительства № 1027 определяется порядок проведения обяза-

тельной и добровольной государственных регистраций. Дается перечень подразделений, организаций, которые участвуют в данной процедуре; основания для ее проведения; общий порядок постановки геномной информации, полученной от различных категорий граждан, на учет (кто получает биологический материал, кто проводит проверку сведений о наличии или отсутствии геномной информации в ФБДГИ; кто получает геномную информацию и помещает ее на учет); также расписан функционал руководителей учреждений, органов исполнительной власти, следственных подразделений, дознания различных министерств и служб, участвующих в геномной регистрации; порядок и основания для уничтожения (изъятия) геномной информации различных категорий регистрируемых лиц.

Данное Постановление Правительства не содержит положений о том, в отношении чего осуществляется проверка помещаемой в ФБДГИ геномной информации различных категорий лиц. А ведь именно это и является ключевым элементом продуктивного функционирования базы данных ДНК. Бессмысленно накапливать данные о ДНК людей, если по ним не проводится сравнение с материалами, изъятными с мест происшествия или у неопознанных трупов (фрагментов тел). Как только мы затрагиваем вопрос о том, а с какими разделами ФБДГИ происходит сравнение геномной информации людей, то оказывается, что нормативной регламентации этому не существует, либо она находится в закрытых (ДСП) документах системы МВД РФ, т.е. не доступна для общественности. А ведь это далеко не праздный вопрос. Например, будет ли сравниваться геномная информация из добровольного раздела регистрации, полученная от родственников без вести пропавших и всех категорий участников боевых действий только с данными, полученными от неопознанных тел, или проверка проводится по всему массиву учета, в том числе с ДНК с мест происшествий? Безусловно успокаивают заверения сотрудников ФБДГИ о том, что геномная информация таких категорий лиц помещается на учет в форме карт, не прошедших проверку. Данная формулировка означает, что при внесении сведений о генотипе человека, они автоматически не проверяются по всем разделам ФБДГИ. Но что мешает или запрещает сотрудникам МВД РФ проводить обратную проверку, т.е. сравнивать геномную информацию, полученную из объектов с мест происшествия, по всем подучетным категориям лиц, а не только по разделам с ДНК осужденных, подозреваемых, обвиняемых и подвешенных административному аресту. Даже если такое ограничение и существует в закрытых ведомственных приказах МВД РФ (о чем авторам не известно), то как можно быть уверенным,

что завтра или через месяц не выйдет новый ДСП-приказ системы МВД РФ, где данное ограничение будет отменено. Необходимо обратить внимание и на то, что в заявлении о предоставлении государственной услуги "Добровольная государственная геномная регистрация", предусмотренном Административным регламентом (приказ МВД РФ № 780) присутствует фраза "Выражаю согласие на получение образца биологического материала и обработку персональных данных" и все. Таким образом, гражданин не конкретизирует на что он соглашается - только на собственную посмертную идентификацию или вообще на все виды проверок, предусмотренных ФЗ № 242. А ведь этим законом статьей 14 заявлено, что информация, полученная в ходе государственной геномной регистрации, используется в различных целях:

предупреждения, раскрытия и расследования преступлений, а также выявления и установления лиц, их совершивших;

розыска пропавших без вести граждан Российской Федерации, а также иностранных граждан и лиц без гражданства, проживающих или временно пребывающих на территории Российской Федерации;

установления личности человека, чей труп не опознан иными способами;

установление родственных отношений разыскиваемых (устанавливаемых) лиц;

установление личности иностранных граждан и лиц без гражданства.

И поскольку нигде не оговорены никакие ограничения или исключения, то и первую цель в этом списке никто не исключает ни для добровольного раздела, ни для родственников без вести пропавших, ни для участников боевых действий. Однако никто их об этом не предупреждает, не информирует, не разъясняет. Не стоит говорить о том, что наши опасения беспочвенны. Не только мировая практика активно использует анализ ДНК родственников для установления личности преступников [19], хотя такой подход подвергается критике в некоторых странах [4, с.115], но и в отечественной практике мы имеем такие же примеры [20]. Причем эксперт, дававшая интервью, открыто заявляет, что проверяет данные по делам прошлых лет в ФБДГИ по линии родства. Да и в ряде научных публикаций о розыске преступников по "семейному анализу ДНК" даются рекомендации сплошных проверок данных учета, рассматриваемого вида [5, с.186; 6, с.13].

В целом ряде научных работ в настоящее время также говорится о том, что геномная регистрация граждан должна быть всеобщей и должна использоваться не только для их посмертной идентификации, но и для повышения эффективности раскрытия уголовных дел (без

подразделения их на "правонарушителей" и "добродетельных") [7, с.366; 8; 9, с.112]. Однако, мы не встречали публикаций на тему необходимости разъяснения гражданам того, в каких целях и по каким разделам ДНК учета будут проверяться их генотипы. Вроде бы как авторами подразумевается, что это само собой разумеющееся.

Полагаем, что стоит посмотреть, как этот вопрос решается в Великобритании, поскольку ранее в этой работе уже проводилось сравнение с этой страной. В различных нормативных документах присутствуют следующие положения, регулирующие интересующие нас аспекты ДНК учета.

"Политика стратегического совета по базам данных судебно-криминалистической информации в отношении доступа и использования образцов ДНК, профилей ДНК, изображений отпечатков пальцев, изображений, полученных в ходе содержания под стражей, и связанных с ними данных" [21] в разделе 4.2.1 фиксирует условия использования профиля ДНК для общего поиска (пример № 1) и условия (пример № 2), при которых профиль ДНК может быть использован только в отношении преступления, для которого он был изъят, а не для общего поиска в национальной базе ДНК Великобритании.

Там же в разделе 4.2.3, посвященном регламенту работы с образцами, полученными у подозреваемого в совершении преступления, у партнеров и родственников подозреваемого, или в ходе массового скрининга, также указывается, что такие профили должны быть использованы для целей расследования преступления, в связи с которым они были изъят, и что особенно важно, по мнению авторов, в тех целях, на которые было получено согласие лица, сдавшего образец.

Закон об уголовном правосудии и общественном порядке 1994 года (CJPOA) [22] содержит действующую до сих пор норму о том, что допустимо проверять данные, полученные из образцов, по профилям, хранящимся в базе ДНК Великобритании, в рамках спекулятивного поиска (поиска с целью выяснить, был ли человек причастен к другому, еще не раскрытому преступлению), только при условии, что до взятия образца человеку сообщают причину его взятия и о том, что он может быть использован для спекулятивного поиска. Только в этом случае разрешено проверять профили ДНК по другим профилям ДНК, полученным из материалов, обнаруженных в ходе нераскрытых преступлений («образцы SOC»).

Закон об уголовном правосудии и полиции 2001 года (CJPA) [22] предусматривал, что лица, добровольно предоставляющие образцы, например в ходе ДНК скрининга или по другим основаниям, могут дать согласие на сохранение их про-

филей в Национальной базе ДНК Великобритании и на сопоставление их с образцами по нераскрытым преступлениям. При этом полученное согласие не может быть впоследствии отозвано.

Данные примеры не являются исчерпывающими и мы не ставили перед собой задачу изучения всего законодательства Великобритании, регулирующего геномный учет. Однако они демонстрируют государственный подход к тому, что граждане должны быть информированы в полном объеме о том, с какой целью и как будут использованы их образцы и предоставить информированное согласие об этом, о том, что недопустим однотипный подход к режиму проверок генотипов по ДНК учетам. Обращаем внимание, что эти документы общедоступны и не требуют специального допуска для ознакомления.

Обозначим позицию авторов по обсуждаемым вопросам следующим образом: мы не являемся противниками всеобщей геномной регистрации при обеспечении со стороны государства защиты биометрических персональных данных, а также проработке вопросов о типировании ДНК в той ее части, которая не несет информации о фенотипических признаках человека или его предрасположенностях к заболеваниям и уже существующих нарушениях здоровья. Полагаем, что это объективная необходимость и мы в конечном итоге к ней придем. Но мы не согласны с существующим положением отсутствия информированности общества о том, что из себя представляет ФБДГИ, и о том, как используются профили ДНК.

Прежде всего, мы полагаем, что необходимо рассекретить общие данные о численности генотипов в ФБГИ и некоторых их характеристиках. Считаем необходимым на уровне постановления Правительства определить порядок проверок между различными разделами ФБДГИ, что бы в том числе иметь возможность законного разрешения ситуаций, когда будет проводиться поиск по разделам, для которых это запрещено. Полагаем, что обязательное разъяснение гражданам о том, будет ли осуществляться в дальнейшем проверка их генотипов только по разделу, содержащему ДНК неопознанных тел, или будет использоваться в том числе и для спекулятивного поиска должно быть включено в действующие нормативные акты, а в документах, содержащих разрешение человека на использование его биометрических персональных данных, должно быть конкретизировано с какой именно целью они могут быть использованы. Также имеются предложения о необходимости получения согласия у такой категории граждан, как подозреваемые и находящиеся под административным арестом [10, с.74].

Нам представляется, что эти дополнения в

действующем законодательстве, регулирующем ДНК учет в России, будут способствовать увеличению числа граждан, изъявивших желание предоставить сведения о своей ДНК в добровольный раздел, а также повысит их доверие и снизит недовольство членов общества в том числе и тех, которых обязали и обяжут в дальнейшем предоставлять образцы ДНК в ФБДГИ России по некриминальным основаниям.

Список литературы:

- [1] Барихин А.Б. Большой юридический энциклопедический словарь. 2-е изд., перераб. и доп. – М. Книжный мир, 2008. – 792с.
- [2] Чемерис А. В. , Аминев Ф. Г. , Гарафутдинов Р. Р. [и др.] ДНК-криминалистика : монография / Ф. Г. Аминев. – Москва : Наука, 2024. – 466 с.
- [3] Белов О.А. ДНК-идентификация при противодействии преступности : учебное пособие. - Москва : Проспект, 2024. - 192с.
- [4] Кулаевский, А. В. О совершенствовании правового регулирования использования геномной информации при установлении лица, совершившего преступление / А. В. Кулаевский // Вестник Российского университета кооперации. – 2024. – № 1(55). – С. 111-118.
- [5] Чемерис А. В., Гарафутдинов Р. Р., Халиуллина А. Ф. [и др.] Подходы к ДНК-фенотипированию как Предтечи геномной регистрации всего населения - предварительные итоги научного исследования // Актуальные проблемы использования специальных знаний в уголовном, гражданском, арбитражном процессе и по делам об административных правонарушениях : Материалы XIV международной научно-практической конференции, Уфа, 12 декабря 2025 года. – Уфа: АНО "Право будущего", 2025. – С. 184-191.
- [6] Веремейчик, В. М. Комплексное использование возможностей судебной генетической экспертизы и учета данных ДНК в идентификации неопознанных трупов / В. М. Веремейчик, Ю. А. Волох // Судебная экспертиза Беларуси. – 2023. – № 2(17). – С. 11-16.
- [7] Чемерис А. В., Гарафутдинов Р. Р., Халиуллина А. Ф. [и др.] Триада человеческих геномов и геномная регистрация всего населения // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2025. – № 4(28). – С. 361-372.
- [8] Файзуллина, А. А. Современное состояние ДНК-регистрации в РФ и перспективы ее использования при расследовании преступлений // Юридическая наука. – 2025. – № 11. – С. 398-400.
- [9] Кадиев, Р. С. Применение судебно-генетических экспертиз в ходе раскрытия преступлений, относящихся к категории «прошлых лет» / Р. С. Кадиев // Правда и закон. – 2024. – № 1(27). – С. 110-118.

[10] Рахманкина, Е. С. Геномная регистрация осужденных как инструмент криминалистического расследования: некоторые проблемные вопросы / Е. С. Рахманкина, В. В. Прозорова // Актуальные проблемы пенитенциарной науки и практики. – 2025. – № 2(24). – С. 72-74.

[11] Федеральный закон от 02.12.2008г. № 242-ФЗ "О государственной геномной регистрации в Российской Федерации". [Электронный ресурс] - URL : <http://www.kremlin.ru/acts/bank/28469/page/1> (дата обращения: 16.08.2026).

[12] Постановление Правительства Российской Федерации от 24 июня 2023 года № 1027 "О некоторых вопросах реализации Федерального закона "О государственной геномной регистрации в Российской Федерации". [Электронный ресурс] - URL : <https://docs.cntd.ru/document/1302016468> (дата обращения: 16.08.2026).

[13] Приказ МВД Российской Федерации от 11 ноября 2024 г. № 780 "Об утверждении Административного регламента МВД Российской Федерации по предоставлению государственной услуги "Добровольная государственная геномная регистрация". [Электронный ресурс] - URL : <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=487182#h3862> (дата обращения: 16.08.2026).

[14] National Databases. [Электронный ресурс] - URL : <https://publications.parliament.uk/pa/cm200405/cmselect/cmsctech/96/9607.htm> (дата обращения: 16.08.2026).

[15] National DNA Database statistics [Электронный ресурс] - URL : <https://www.gov.uk/government/statistics/national-dna-database-statistics> (дата обращения: 16.08.2026).

[16] Г. Недогибченко. МВД планирует увеличить геномную базу в 3,5 раза к 2030 году // Ведомости, 04.09.2025. [Электронный ресурс] - URL : <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2025/09/04/1136373-mvd-planiruet-uvelichit-genomnuyu-bazu> (дата обращения: 16.08.2026).

[17] Постановление Правительства Российской Федерации от 7 ноября 2024 г. N 1510 "О проведении эксперимента по апробации правил и условий въезда в Российскую Федерацию и выезда из Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства". [Электронный ресурс] - URL : <https://sudact.ru/law/postanovlenie-pravitelstva-rf-ot-07112024-n-1510/pravila-okazaniia-sodeistviia-podrazdeleniiam-organov/> (дата обращения: 16.08.2026).

[18] Приказ МВД РФ от 23 ноября 2017 г. № 882 "Вопросы эксплуатации программного обеспечения для реализации сервиса объединенной поисковой федеральной системы генетической идентификации "Ксенон -2" [Электронный ресурс] - URL : <https://ordrf.ru/uchebnik/page216>.

html (дата обращения: 16.08.2026).

[19] А. Алексеев Генетика и генеалогия против "глухарей" // Коммерсантъ, 03.12.2023. [Электронный ресурс] - URL : <https://www.kommersant.ru/doc/6365445> (дата обращения: 16.08.2026).

[20] Е. Подольская Как ДНК-экспертиза помогает вычислять преступников из прошлого // Южноуральская панорама, 15.03.2025. [Электронный ресурс] - URL : <https://up74.ru/articles/obshchestvo/162328/> (дата обращения: 16.08.2026).

[21] Forensic Information Databases Service (FINDS):. [Электронный ресурс] - URL : https://assets.publishing.service.gov.uk/media/6985caa86da2dee8230a9b1f/FINDS-SB-P-002_-_Issue_5_-_Access__Use_policy.pdf (дата обращения: 16.08.2026).

[22] The National DNA Database – C.6 [Электронный ресурс] - URL : https://www.genewatch.org/uploads/f03c6d66a9b354535738483c1c3d49e4/NDNAD_Annual_Report_02_03.pdf (дата обращения: 16.08.2026).

References:

[1] Barikhin A.B. Great Legal Encyclopedic Dictionary. 2nd ed., Revised and add. - M. Book World, 2008. - 792s.

[2] Chemeris A.V., Aminev F.G., Garafutdinov R.R. [et al.] DNA forensics: monograph/F. G. Aminev. - Moscow: Nauka, 2024. - 466 s.

[3] Belov O.A. DNA identification in countering crime: a textbook. - Moscow: Prospect, 2024. - 192s.

[4] Kulaevsky, A. V. On improving the legal regulation of the use of genomic information in identifying the person who committed the crime/ A. V. Kulaevsky // Bulletin of the Russian University of Cooperation. – 2024. – № 1(55). – S. 111-118.

[5] Chemeris A.V., Garafutdinov R.R., Khaliullina A.F. [et al.] Approaches to DNA phenotyping as the forerunner of genomic registration of the entire population - preliminary results of scientific research // Actual problems of using special knowledge in criminal, civil, arbitration proceedings and in cases of administrative offenses: Materials of the XIV International Scientific and Practical Conference, Ufa, December 12, 2025. - Ufa: ANO "Law of the Future," 2025. - S. 184-191.

[6] Veremeychik, V. M. Comprehensive use of the possibilities of forensic genetic examination and accounting for DNA data in the identification of unidentified corpses/V. M. Veremeychik, Yu. A. Volokh // Forensic examination of Belarus. – 2023. – № 2(17). – S. 11-16.

[7] Chemeris A.V., Garafutdinov R.R., Khaliullina A.F. [et al.] Triad of human genomes and genomic registration of the entire population // Bulletin of the Institute of Law of Bashkir State University. – 2025. – № 4(28). – S. 361-372.

[8] Fayzullina, A. A. The current state of DNA registration in the Russian Federation and the prospects for its use in crime investigation // Legal science. – 2025. – № 11. – S. 398-400.

[9] Kadiev, R. S. The use of forensic genetic examinations in the course of solving crimes belonging to the category of "past years" // R. S. Kadiev // Truth and law. – 2024. – № 1(27). – S. 110-118.

[10] Rakhmankina, E. S. Genomic registration of convicts as an instrument of forensic investigation: some problematic issues/E. S. Rakhmankina, V. V. Prozorova // Actual problems of penitentiary science and practice. – 2025. – № 2(24). – S. 72-74.

[11] Federal Law of 02.12.2008 No. 242-FZ "On State Genomic Registration in the Russian Federation." [E-resource] - URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/28469/page/1> (accessed on: 16.08.2026).

[12] Decree of the Government of the Russian Federation of June 24, 2023 No. 1027 "On some issues of implementation of the Federal Law "On State Genomic Registration in the Russian Federation." [E-resource] - URL: <https://docs.cntd.ru/document/1302016468> (accessed on: 16.08.2026).

[13] Order of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation of November 11, 2024 No. 780 "On approval of the Administrative Regulations of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation for the provision of the state service "Voluntary State Genomic Registration." [E-resource] - URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=487182#h3862> (accessed on: 16.08.2026).

[14] National Databases. [E-resource] - URL: <https://publications.parliament.uk/pa/cm200405/cmselect/cmsctech/96/9607.htm> (accessed on: 16.08.2026).

[15] National DNA Database statistics [Электронный ресурс] - URL : <https://www.gov.uk/government/statistics/national-dna-database-statistics> (дата обращения: 16.08.2026).

[16] G. Nedogibchenko. The Ministry of Internal

Affairs plans to increase the genomic base by 3.5 times by 2030 // Vedomosti, 04.09.2025. [Electronic resource] - URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2025/09/04/1136373-mvd-planiruet-uvlichit-genomnuyu-bazu> (Accessed: 16.08.2026).

[17] Decree of the Government of the Russian Federation of November 7, 2024 N 1510 "On conducting an experiment to test the rules and conditions of entry into the Russian Federation and departure from the Russian Federation of foreign citizens and stateless persons." [Электронный ресурс] - URL : <https://sudact.ru/law/postanovlenie-pravitelstva-rf-ot-07112024-n-1510/pravila-okazaniia-sodeistviia-podrazdeleniiam-organov/> (дата обращения: 16.08.2026).

[18] Order of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation of November 23, 2017 No. 882 "Issues of software operation for the implementation of the service of the united search federal genetic identification system "Xenon -2" [Electronic resource] - URL: <https://ordrf.ru/uchebnik/page216.html> (contact date: 16.08.2026).

[19] A. Alekseev Genetics and genealogy against the "capercaillie" // Komersant, 03.12.2023. [Electronic resource] - URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6365445> (date of reference: 16.08.2026).

[20] E. Podolskaya How DNA examination helps to calculate criminals from the past // Yuzhnouralskaya panorama, 15.03.2025. [Electronic resource] - URL: <https://up74.ru/articles/obshchestvo/162328/> (date of reference: 16.08.2026).

[21] Forensic Information Databases Service (FINDS):. [E-resource] - URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/media/6985caa86da2dee8230a9b1f/FINDS-SB-P-002_-_Issue_5_-_Access__Use_policy.pdf (accessed on: 16.08.2026).

[22] The National DNA Database - C.6 [Electronic Resource] - URL: https://www.genewatch.org/uploads/f03c6d66a9b354535738483c1c3d49e4/NDNAD_Annual_Report_02_03.pdf (Accessed: 16.08.2026).

ПЕШКОВ Борис Сергеевич,
аспирант ФГБОУ ВО «Государственный
университет управления», руководитель
проекта Департамента стратегических проектов
Общероссийской общественно-государственной
просветительской организации «Российское
общество «Знание»,
e-mail: b.peshkov@znanierussia.ru

ОСНОВАНИЕ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО ТРЕБОВАНИЯ ПРИ НЕФОРМАЛЬНОМ УЧАСТИИ В ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ПРОБЛЕМЫ ЕГО КВАЛИФИКАЦИИ

Аннотация. Статья посвящена исследованию оснований возникновения гражданско-правового требования при неформальном участии гражданина в добровольческой (волонтерской) деятельности, а также проблеме их предварительной правовой квалификации при отсутствии либо неполноте письменного оформления отношений с организатором или благополучателем. Общая теория конкуренции договорного и деликтного оснований иска разработана в цивилистике достаточно подробно, однако ее механическое перенесение в добровольческую сферу не учитывает специфического сочетания признаков, нехарактерного для обычного возмездного оборота: диспозитивности письменной формы, безвозмездности деятельности и организационно-информационной асимметрии между организатором и добровольцем. В статье обосновывается самостоятельный квалификационный фактор – степень индивидуализации обязанности организатора, – позволяющий разграничить факт добровольческого участия и факт возникновения конкретного обязательства. Формулируется специальная для добровольческих отношений опровержимая презумпция внедоговорной квалификации требования при недоказанности индивидуализированной договорной обязанности, отграничиваемая от смежных процессуальных презумпций гражданского права. Обосновывается возложение риска неопределенности содержания добровольческого взаимодействия на организатора как субъекта, формирующего порядок участия и располагающего преимущественными возможностями документирования условий. Раскрывается автономный характер внедоговорной защиты абсолютных благ добровольца независимо от существования договора.

Ключевые слова: добровольческая деятельность, волонтер, доброволец, основание гражданско-правового требования, договорная ответственность, внедоговорная ответственность, распределение доказательственного риска, абсолютные блага.

PESHKOV Boris Sergeevich,
postgraduate student, State University of
Management, project manager, Department of
Strategic Projects, Russian «Znanie» Society

GROUND FOR CIVIL LAW CLAIMS ARISING FROM INFORMAL PARTICIPATION IN VOLUNTEER ACTIVITY: CLASSIFICATION ISSUES

Annotation. The article is devoted to the study of the grounds for the emergence of civil-law claims arising from a citizen's informal participation in voluntary (volunteer) activities, as well as to the problem of their preliminary legal classification in the absence or incompleteness of written formalization of relations with the organizer or beneficiary. The general theory of the competition between contractual and tortious grounds of claim is well developed in civil law doctrine, but its mechanical transfer to the volunteering sphere disregards a combination of features atypical for ordinary remunerated turnover: the dispositive nature of the written form,

the gratuitous character of the activity, and the organizational-informational asymmetry between the organizer and the volunteer. The article substantiates an independent qualifying factor — the degree of individualization of the organizer's duty — allowing the distinction between the mere fact of volunteer participation and the fact of the emergence of a specific obligation. A rebuttable presumption of tortious qualification of the claim is formulated for volunteer relations in the absence of proof of an individualized contractual duty, distinguished from adjacent procedural presumptions of civil law. The allocation of the risk of uncertainty regarding the content of volunteer interaction to the organizer is substantiated. The autonomous nature of non-contractual protection of the volunteer's absolute goods, irrespective of the existence of a contract, is disclosed.

Key words: *volunteer activity, volunteer, ground for a civil law claim, contractual liability, tortious liability, allocation of evidentiary risk, absolute goods.*

Добровольческая деятельность относится к числу социально значимых форм гражданской активности, правовое оформление которой во многих случаях уступает фактической динамике взаимодействия участников [4]. Волонтер может быть привлечен к мероприятию личным приглашением, перепиской в мессенджере, размещением задания на цифровой платформе, включением в чат группы либо устным распоряжением координатора. После выполнения поручения может возникнуть вопрос о возмещении произведенных расходов, компенсации стоимости поврежденного имущества, ответственности за недостаточность выданного снаряжения или последствиях причинения вреда здоровью.

Федеральный закон от 11.08.1995 № 135-ФЗ «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)» (далее – 135-ФЗ) определяет добровольческую деятельность как добровольное и безвозмездное выполнение работ и (или) оказание услуг в общественно полезных целях. Статья 17.1 135-ФЗ допускает закрепление условий участия добровольца в гражданско-правовом договоре с благополучателем, организатором добровольческой деятельности или добровольческой организацией и называет возможные формы поддержки – питание, форменную и специальную одежду, оборудование, средства индивидуальной защиты, оплату проезда и услуг связи, страхование, возмещение расходов, – однако прямо связывает предоставление такой поддержки с наличием законодательного или договорного основания [2]. Диспозитивный характер письменного оформления применительно к части отношений создает ситуацию, при которой фактическое взаимодействие существует, а документально установленное содержание взаимных обязанностей при этом отсутствует.

В подобных условиях основным вопросом становится установление юридического основания гражданско-правового требования и его предварительная квалификация. До выбора предусмотренного статьей 12 Гражданского кодекса Российской Федерации способа защиты необходимо определить, возникла ли спорная обязанность из договора, вследствие причинения

вреда, неосновательного обогащения либо иного юридического факта. Ошибка на данной стадии способна повлечь неверное распределение бремени доказывания, необоснованное ограничение объема возмещения либо, напротив, распространение договорного режима на отношения, содержание которых сторонами никогда не согласовывалось.

Общая теория конкуренции договорного и деликтного оснований иска: правило о приоритете договорного требования при доказанном обязательстве, о субсидиарном характере деликтной защиты, об автономии охраны абсолютных благ независимо от договора, о праве суда самостоятельно квалифицировать спорное отношение независимо от позиции истца, – разработана в цивилистике достаточно детально [1, 3, 11]. Цель настоящего исследования состоит в определении оснований возникновения гражданско-правовых требований при неформальном участии в добровольческой деятельности, а также в выявлении специфического, нормативно обусловленного признака данной сферы, требующего адаптации общей теории разграничения договорных и внедоговорных требований.

Для типичного гражданско-правового спора между профессиональными участниками оборота ключевой вопрос квалификации сформулирован предельно просто: существовал ли договор и нарушено ли его условие [5]. Ответ на данный вопрос, как правило, не вызывает системных затруднений, поскольку возмездный характер отношений и предпринимательский статус сторон предполагают заключение договора в письменной форме, содержание которой поддается прямому установлению.

Применительно к добровольческой деятельности данного вопроса недостаточно. Диспозитивность письменной формы соответствующего договора, установленная статьей 17.1 135-ФЗ, означает, что участники могут реально выполнять задания, использовать переданное оборудование, подчиняться организационным распоряжениям координатора без какого-либо документа, из которого возможно непосредственно установить обязанности организатора [6]. Из этого

следует необходимость введения дополнительно, промежуточного квалификационного фактора, отсутствующего в общей теории конкуренции договорного и деликтного требований: степени индивидуализации обязанности организатора.

Для установления указанной степени индивидуализации обязанности организатора необходимо определить и разграничить три различных факта: факт участия гражданина в конкретном мероприятии добровольческой деятельности; факт организационного руководства данным мероприятием со стороны организатора; факт принятия организатором определенной, индивидуализированной обязанности перед конкретным добровольцем.

Первый и второй факты, как правило, устанавливаются легко и практически бесспорны – их подтверждают регистрация мероприятия и добровольца на Единой информационной системе в сфере развития добровольчества ДОБРО.РФ, переписка о привлечении к мероприятию, показания свидетелей. Третий факт требует принципиально иного уровня доказывания: необходимо установить не общее намерение содействовать добровольческой деятельности, а согласование того, кто, что, в каком объеме, в какой срок и за счет каких средств должен предоставить или возместить. К примеру, участие гражданина в экологической акции не подтверждает без дополнительной конкретизации обязанность организатора оплатить его проезд; включение добровольца в поисковую группу не означает автоматически принятия организатором обязательства компенсировать стоимость личного снаряжения; устное предложение принять участие в мероприятии не создает само по себе обязанности обеспечить добровольца питанием.

Таким образом, определяющим для квалификации выступает не сам факт добровольческого взаимодействия и не факт организационного вовлечения гражданина, а доказанность индивидуализированной обязанности, из содержания которой заявитель выводит свое требование. Источниками доказывания такой обязанности в случае отсутствия письменного договора может выступать электронная переписка, сообщение координатора, опубликованные правила участия, смета мероприятия, решение уполномоченного органа организации, документы о передаче оборудования; значение имеет возможность установить содержание обязанности и ее связь с участием конкретного добровольца.

Добровольческая деятельность производит неопределенность источника и содержания обязанности в результате сочетания нескольких обстоятельств, нехарактерного для обычного возмездного оборота.

Безвозмездный характер выполнения работ

или оказания услуг лишает добровольца стандартного имущественного эквивалента исполнения, что влияет на состав возместимых имущественных потерь и исключает категорию «ожидаемого дохода» от добровольческой активности. Диспозитивность форм поддержки добровольца организатором порождает необходимость установления оснований и объема обязанности применительно к конкретному отношению. Наконец, отношения между организатором добровольческой деятельности и волонтером порождают информационную и доказательственную асимметрию: организатору структурно проще зафиксировать условия участия, тогда как доброволец обычно присоединяется к уже сложившемуся порядку, не участвуя в его формировании.

Совокупное действие данных факторов образует специфический признак добровольческой деятельности, отсутствующий в обычном возмездном обороте: системное производство неопределенности источника и содержания обязанности, прямо влияющее на квалификацию предъявляемого требования. Именно в данной точке общая теория конкуренции договорного и деликтного оснований иска требует специальной адаптации, а не простого воспроизведения.

Для преодоления выявленной неопределенности предлагается следующее правило: при отсутствии письменного договора или иной совокупности достоверных доказательств, позволяющих индивидуализировать спорную обязанность, требование о возмещении возникших потерь подлежит первоначальной квалификации как внедоговорное; договорный режим защиты может быть применен только после доказывания содержания конкретного обязательства заинтересованной в этом стороной.

Отличие предлагаемой презумпции от общего правила о распределении бремени доказывания (статья 56 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации) состоит в том, что общее правило нейтрально к результату недоказанности и лишь исключает из мотивировочной части решения ссылку на недоказанный факт, тогда как предлагаемая презумпция операционально определяет исход недоказанности – обязывает суд применить внедоговорный режим квалификации, а не оставлять вопрос об основании требования открытым. Презумпция также не создает фикцию заключения договора из одного факта фактического допуска добровольца к деятельности – в этом состоит ее отличие от расширительного толкования конклюдентных действий как акцепта [7].

Предложенная презумпция требует четкого отграничения от иных презумпций, известных гражданскому праву. Презумпция вины причинителя вреда, закрепленная статьей 1064 ГК РФ,

действует на стадии, следующей за уже состоявшейся внедоговорной квалификацией требования: она распределяет бремя доказывания вины между сторонами деликтного отношения и не касается вопроса о том, является ли отношение договорным или внедоговорным. Предлагаемая презумпция, напротив, действует на предшествующей стадии – стадии выбора применимого правового режима – и логически предваряет применение статьи 1064 ГК РФ, определяя, подлежит ли она применению вообще.

Презумпция также отличается от общего принципа субсидиарности деликтного иска по отношению к договорному, сложившегося в судебной практике применительно к развитым договорным отношениям между профессиональными участниками оборота. Согласно разъяснению, содержащемуся в пункте 9 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», суд определяет, какие нормы права следует применить к спорным отношениям, самостоятельно устанавливая их правовую природу. Указанный общий принцип предполагает, что содержание договорной обязанности уже установлено, и решает вопрос о том, какое требование – договорное или деликтное – подлежит предъявлению при данном установленном содержании [8]. Предложенная в настоящей статье презумпция решает логически более раннюю задачу: она применяется именно в ситуации, когда содержание обязанности не установлено и, что принципиально, устанавливается судом далеко не всегда ввиду специфической неформальности добровольческих связей. Таким образом, для добровольческой деятельности требуется не корректировка правила о субсидиарности деликтного иска, а самостоятельное правило о квалификации требования при недоказанности самого договорного основания, которое отсутствует в общей доктрине конкуренции исков, разработанной применительно к иным видам гражданских правоотношений.

Правовая квалификация заявленного требования относится к компетенции суда, который не связан правовой квалификацией спорного отношения, предложенной истцом, и обязан разрешить спор исходя из установленных фактических обстоятельств, определив подлежащие применению нормы права. Данное общее правило приобретает особую значимость для добровольческих споров, поскольку потерпевший может именовать свое требование взысканием договорных расходов, хотя доказательства подтверждают лишь факт причинения вреда, либо, напротив, ссылаться на деликт, когда из переписки и иных материалов усматривается определенное договорное обязательство организатора. Соот-

ветственно, предметом судебной оценки должны быть не только формальные ссылки стороны на нормы главы 25 либо главы 59 ГК РФ, но прежде всего следующие вопросы: была ли конкретная обязанность согласована сторонами; каково точное содержание указанной обязанности; находилось ли спорное последствие в пределах договорного риска, охваченного данной обязанностью; является ли нарушенное благо относительным имущественным интересом либо абсолютным благом; подтверждается ли причинная связь между поведением ответчика и возникшими потерями. Такая последовательность анализа позволяет избежать формального выбора между договорным и деликтным режимами без учета реальной структуры добровольческого взаимодействия.

Практическая состоятельность предложенной презумпции зависит от убедительного обоснования того, почему риск неопределенности условий добровольческого взаимодействия должен возлагаться именно на организатора, а не на добровольца или благополучателя. Такое распределение опирается на объективное неравенство организационных возможностей сторон, а не на презумпцию виновности организатора или предположение о его недобросовестности.

Организатор добровольческой деятельности формирует правила участия, определяет содержание заданий, располагает доступом к цифровым каналам коммуникации, фиксирует сведения о мероприятии и принимает решения о предоставлении поддержки; иными словами, обладает существенно более широкими организационными и техническими возможностями фиксации условий, в рамках которых возникает добровольческое взаимодействие, чем доброволец [10]. Доброволец, напротив, как правило, присоединяется к уже организованной деятельности, не участвует в подготовке внутренних документов организатора, не определяет порядок регистрации участников и не контролирует доступ к сведениям о мероприятии. Благополучатель, как правило, не формирует организационную инфраструктуру и получает помощь в рамках уже сложившейся структуры отношений, определенной организатором, что по общему правилу исключает возложение на него риска неопределенности условий, которые он не формировал; однако в случаях, когда благополучатель самостоятельно определяет содержание задания, порядок его выполнения или условия возмещения расходов добровольца, минуя организатора, распределение риска должно производиться по аналогичному критерию – в зависимости от того, какой из участников фактически контролировал формирование условий взаимодействия.

Данное распределение риска согласуется с

принципом добросовестности, закрепленным в ГК РФ: если содержание обязательства не было определено надлежащим образом лицом, обладающим для этого организационными возможностями, риск такой неопределенности не должен полностью возлагаться на добровольца, действующего безвозмездно в общественно полезных целях и объективно ограниченного в возможностях документальной фиксации договоренностей. Таким образом риск неопределенности содержания добровольческого соглашения несет субъект, который организует деятельность, формирует правила участия и ссылается на договорный характер ограничения ответственности, – то есть, организатор добровольческой деятельности.

Предлагаемое распределение риска следует отличать от принципа *contra proferentem*, закрепленного в пункте 11 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 14.03.2014 № 16 «О свободе договора и ее пределах». Указанный принцип действует при толковании неясных условий уже заключенного и существующего договора против стороны, предложившей соответствующую формулировку. Предлагаемая же презумпция применяется на более ранней стадии – при недоказанности самого факта существования индивидуализированной обязанности, то есть до перехода к толкованию условий договора, а ее субъективный критерий связан не с авторством формулировки условия, а с организационной ролью лица в добровольческой деятельности.

Даже доказанное существование договора между добровольцем и организатором не означает, что все негативные последствия участия добровольца подлежат квалификации исключительно как последствия нарушения обязательства. Договор способен конкретизировать организационные обязанности сторон – например, обязанность провести инструктаж, предоставить средства защиты либо компенсировать расходы на страхование, – однако он не отменяет общего запрета причинения вреда личности и не исключает применения деликтных норм к последствиям, выходящим за пределы содержания обязательственного интереса. Для демонстрации данного тезиса целесообразно рассмотреть три разнородные практические модели, отражающие различные типы возможных нарушений в добровольческой деятельности.

Модель первая: недоказанные расходы. Организатор направляет гражданину сообщение с просьбой доставить гуманитарную помощь в определенный населенный пункт. Если в переписке прямо указано, что расходы на топливо будут компенсированы при представлении чеков, соответствующее требование имеет договорную природу, поскольку обязанность компенсации инди-

видуализирована. Если же аналогичное указание отсутствовало, а доброволец лишь предполагал возмещение исходя из общей практики организации, требование о компенсации расходов подлежит первоначальной квалификации как внедоговорное в силу презумпции, сформулированной нами ранее, и подлежит удовлетворению лишь при доказывании иными средствами факта согласования обязанности либо по правилам о неосновательном обогащении при наличии соответствующих условий.

Модель вторая: переданное имущество. В рамках того же эпизода доброволец получает повреждение личного автомобиля вследствие использования неисправного прицепа, переданного организатором. Требование о возмещении стоимости ремонта автомобиля подлежит квалификации как внедоговорное – по правилам статьи 1064 ГК РФ, – если установлено, что ущерб стал следствием передачи неисправного прицепа, а соглашение сторон не определяло риск повреждения автомобиля и не содержало обязанности по его возмещению. Договорный характер требования сохраняется лишь в том случае, если прицеп передавался по отдельному соглашению, содержащему условие о его техническом состоянии либо о распределении соответствующего риска. Данная модель наглядно демонстрирует, что один и тот же фактический эпизод способен порождать несколько требований с различной юридической природой в зависимости от степени индивидуализации каждой отдельной обязанности.

Модель третья: вред здоровью и посягательство на нематериальные блага. Жизнь и здоровье гражданина имеют абсолютный характер и охраняются независимо от того, состоял ли потерпевший с причинителем вреда в договорной связи [9]. Подход, при котором вред здоровью добровольца поглощался бы договорной конструкцией только вследствие наличия соглашения об участии в мероприятии, был бы несоизмерим характеру нарушенного блага. Специальный бюджетный механизм компенсации вреда жизни или здоровью добровольца, введенный Федеральным законом от 07.10.2022 № 394-ФЗ в отношении ограниченного перечня видов деятельности в рамках добровольчества, имеет специальный характер и не подменяет общие гражданско-правовые средства защиты: наличие либо отсутствие права на указанную компенсацию не предпринимает вопрос о деликтной ответственности конкретного причинителя вреда. Аналогичным образом наличие соглашения об участии в добровольческой деятельности не превращает репутационный спор в спор о ненадлежащем исполнении договора: посягательство на честь, достоинство и деловую репутацию затрагивает абсолютное личное неимущественное благо, а нефор-

мальный характер добровольческой кооперации повышает зависимость ее участников от доверия внутри сообщества, что придает защите данного блага самостоятельное практическое значение, не поглощаемое договорным контекстом взаимодействия.

Таким образом, договорная связь влияет на квалификацию лишь той части последствий, которая действительно охватывается доказанным содержанием принятой сторонами обязанности, и не способна устранить внедоговорную охрану благ, принадлежащих лицу независимо от его участия в конкретной добровольческой программе.

Разграничение договорного и внедоговорного оснований требования влияет и на состав возместимых имущественных потерь. Гражданское законодательство предоставляет лицу, чье право нарушено, возможность требовать полного возмещения причиненных убытков, если законом или договором не установлен меньший размер возмещения; в контексте добровольческой деятельности наиболее типичным объектом имущественного требования выступают фактически понесенные и документально подтвержденные расходы: затраты на проезд, питание, связь, приобретение необходимых материалов, хранение или ремонт переданного имущества. Между заявленным расходом и действиями предполагаемого ответчика должна существовать юридически значимая, подтвержденная доказательствами связь: нельзя считать возмещаемыми любые расходы, которые гражданин субъективно связывает со своим участием в добровольческой деятельности при отсутствии индивидуализированной обязанности их возмещения либо доказанного деликтного основания.

Безвозмездность добровольческой деятельности влияет на объем возмещения, но не определяет сама по себе квалификацию требования: поскольку доброволец не вступает в отношение с целью получения платы за результат деятельности, он не может обосновывать требование о возмещении неполученного дохода тем, что при надлежащем поведении организатора продолжал бы участвовать в добровольческой программе. Данное ограничение не исключает возможности возмещения реальных потерь, возникших вследствие нарушения права, – компенсации стоимости проезда, оплаченного по согласованию с организатором, либо стоимости личного имущества, поврежденного вследствие неправомерных действий другого участника.

Предложенный подход обладает выраженным профилактическим значением, не требуя превращения каждого акта добровольческого участия в формализованный договор, но предполагая минимальную определенность юридически значимых условий: содержания конкретного за-

дания, перечня предоставляемого имущества и его состояния, условий компенсации расходов, порядка обеспечения средствами индивидуальной защиты, сведений о страховании, распределения обязанностей по инструктажу и информированию о рисках. Такая фиксация выполняет не только доказательственную, но и организационную функцию, позволяя добровольцу заранее оценить пределы принимаемого риска, организатору определить объем имущественных расходов, а суду установить действительное содержание отношения при возникновении спора.

Сформулированные выводы позволяют определить последовательность установления основания гражданско-правового требования при неформальном участии в добровольческой деятельности и образуют содержательную предпосылку двухступенчатого критерия выбора способа защиты. Прежде чем определять применимый способ защиты по статье 12 ГК РФ, необходимо установить материально-правовую природу нарушенного интереса, юридический факт, из которого возникло требование, а применительно к относительному имущественному интересу – степень индивидуализации соответствующей обязанности. Такая последовательность анализа исключает ошибочное определение способа защиты на основании субъектного состава отношения или самого факта участия лица в добровольческой деятельности.

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы:

Во-первых, для квалификации требования, возникающего из неформального участия в добровольческой деятельности, недостаточно установить факт добровольческого взаимодействия или факт организационного вовлечения гражданина в деятельность организатора: определяющее значение приобретает самостоятельный квалификационный фактор – степень индивидуализации обязанности, из нарушения которой заявитель выводит свое требование.

Во-вторых, специфическое для добровольческой деятельности сочетание диспозитивности письменной формы, безвозмездности отношений и организационно-информационной асимметрии между организатором и добровольцем обосновывает необходимость специальной опровержимой презумпции внедоговорной квалификации требования при недоказанности индивидуализированной договорной обязанности.

В-третьих, риск неопределенности содержания добровольческого взаимодействия обоснованно возлагается на организатора добровольческой деятельности как субъекта, обладающего преимущественным контролем над сущностью соответствующего отношения, а не на добровольца или благополучателя, объективно ограничен-

ных в возможностях документальной фиксации договоренностей.

В-четвертых, разнородные практические модели – недоказанные расходы, повреждение переданного имущества, вред здоровью и посягательство на нематериальные блага – демонстрируют, что один фактический эпизод способен порождать несколько требований с различной юридической природой, а универсальным критерием их разграничения выступает не субъектный состав отношения и не факт наличия договора как такового, а степень индивидуализации конкретной обязанности и материально-правовая природа нарушенного блага.

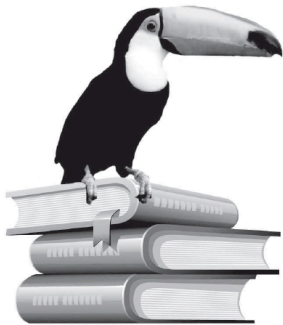
Перспективным направлением дальнейшего исследования и совершенствования законодательства является закрепление в 135-ФЗ минимальных требований к фиксации организатором ключевых условий участия добровольца в мероприятиях, связанных с повышенными расходами, передачей имущества и риском причинения вреда жизни и здоровью, что снизит доказательственные риски всех участников добровольческого отношения без ограничения свободы добровольческой активности.

Список литературы:

- [1] Агibalова Е. Н., Васильева И. В. Современное содержание противоправности деликта и расширение границ правопонимания данной категории // Закон и право. 2025. № 6. С. 150-157.
- [2] Блинова О. Н. О правовой природе договора о добровольческой (волонтерской) деятельности: сравнительно-правовой анализ // Lex Russica. 2020. № 4. С. 76–86.
- [3] Богданов Д. Е. Договорно-деликтная конкуренция лиц с позиций справедливости: pro et contra // Lex Russica. 2024. Т. 77, № 11. С. 74–91.
- [4] Жаворонков Р.Н. Гражданско-правовое регулирование добровольческой и благотворительной деятельности в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004.
- [5] Драгунова Т. В. Конкуренция договорных и деликтных требований в сфере предпринимательских отношений // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. No 12. С. 106-108.
- [6] Малеина М.Н. Правовая природа, структура связей и содержание договора о волонтерской деятельности // Журнал российского права. 2017. № 8 (248).
- [7] Мышьяков С. В. Конклюдентные действия при заключении, изменении, расторжении договора: юридическая природа // Юридический мир. 2023. № 2. С. 30–37.
- [8] Османова Д. О. Квалификация требования как способ злоупотребления правом // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 11. С. 66-75.
- [9] Плиева Н. Г. Ответственность за нарушение обязательств и деликтная ответственность // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2023. Т. 9 (75), № 1. С. 214–225.
- [10] Рыбалка Е. А., Казанцева Е. В. Особенности правового регулирования добровольческой (волонтерской) деятельности в России // Юрист-Правовед. 2024. № 1 (108). С. 20-26.
- [11] Токарева А. А. О нивелировании конкуренции исков в современном цивилистическом процессе // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2023. № 4 (153). С. 213-218.

References:

- [1] Agibalova E.N., Vasilyeva I.V. The current content of the wrongfulness of tort and the expansion of the boundaries of legal understanding of this category // Law and Law. 2025. № 6. S. 150-157.
- [2] Blinova O. N. On the legal nature of the contract on volunteer (volunteer) activities: comparative legal analysis // Lex Russica. 2020. № 4. S. 76-86.
- [3] Bogdanov D.E. Contract-tort competition of persons from the standpoint of justice: pro et contra // Lex Russica. 2024. T. 77, NO. 11. S. 74-91.
- [4] Zhavoronkov R.N. Civil regulation of volunteer and charitable activities in the Russian Federation: ref. dis.... cand. jurid. sciences. M., 2004.
- [5] Dragunova T. V. Competition of contractual and tort requirements in the field of business relations // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. 2020. No 12. S. 106-108.
- [6] Maleina M.N. Legal nature, structure of relations and content of the contract on volunteer activities // Journal of Russian Law. 2017. № 8 (248).
- [7] Arsenyakov S.V. Conclusive actions in the conclusion, amendment, termination of the contract: legal nature // Legal world. 2023. № 2. S. 30-37.
- [8] Osmanova D.O. Qualification of the claim as a method of abuse of law // Bulletin of the University named after O.E. Kutafin (MSLA). 2021. № 11. S. 66-75.
- [9] Plieva N. G. Liability for violation of obligations and tort liability // Scientific notes of the Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky. Legal sciences. 2023. T. 9 (75), NO. 1. S. 214-225.
- [10] Rybalka E.A., Kazantseva E.V. Features of legal regulation of volunteer (volunteer) activities in Russia // Lawyer-Pravoveda. 2024. № 1 (108). S. 20-26.
- [11] Tokareva A. A. On leveling the competition of claims in the modern civil process // Bulletin of

ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

САПРЫКИН Алексей Викторович,
действительный член общероссийской
общественной
организации содействия судебно-экспертной
деятельности «Судебно-экспертная палата
Российской Федерации» по специализации
«Строительно-техническая экспертиза», г. Москва,
ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-6897-2316>,
e-mail: mail@law-books.ru

КОЛЛИЗИЯ КОНТРАКТНЫХ ТРЕБОВАНИЙ И ТЕХНИЧЕСКОЙ ОПРЕДЕЛИМОСТИ ГАБАРИТОВ БЛОЧНО-МОДУЛЬНЫХ ЗДАНИЙ ДО РАЗРАБОТКИ КМД ПРОИЗВОДИТЕЛЕМ: МЕТОДОЛОГИЯ СТРОИТЕЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Аннотация. Представлены результаты исследования, посвященного методологическим пределам достоверности экспертного определения габаритных характеристик и конструктивных решений блочно-модульных зданий (БМЗ) на стадиях разработки документации, предшествующих выпуску детализовочных чертежей (КМД). Рассмотрена коллизия между требованием стабильности количественных условий контракта (ст. 34, 95 Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ) и объективной невозможностью точного определения указанных характеристик до выбора производителя и завершения детализовки. Показано, что для зданий модульного типа точные габариты, площади и конструктивные решения принципиально не могут быть достоверно установлены до завершения стадии КМД, поскольку определяются заводской детализовкой модулей, фактическими сечениями элементов каркаса, конструкцией стыковых узлов, технологическими зазорами и толщиной ограждающих конструкций. На обобщенных материалах строительно-технического исследования контрактной и проектной документации модульного здания столовой проанализированы типичные расхождения площадных и габаритных характеристик между редакциями документации (до 13 % по площади и 12 % по габариту) и их правовые последствия для исполнения контракта. Сформулированы методические рекомендации по формированию выводов о площадных и габаритных характеристиках БМЗ при отсутствии документации стадии КМД, а также по разграничению допустимых конструктивных уточнений и существенных нарушений условий контракта. Предложенный подход повышает обоснованность экспертных заключений и снижает риск их ревизии.

Ключевые слова: судебная строительно-техническая экспертиза; блочно-модульные здания; проектная документация; детализовочные конструкции (КМД); габаритные характеристики; площадь здания; модульная координация размеров; контрактная система; специальные знания.

SAPRYKIN Aleksei Viktorovich,
Full Member of the All-Russian Public Organization
for the Promotion of Forensic Expert Activity
«Forensic Expert Chamber of the Russian
Federation», specialization «Construction and
Technical Expertise», Moscow, Russia

COLLISION OF CONTRACT REQUIREMENTS AND TECHNICAL DETERMINABILITY OF DIMENSIONS OF BLOCK-MODULAR BUILDINGS BEFORE THE DEVELOPMENT OF DETAIL DESIGN

DRAWINGS (KMD) BY THE MANUFACTURER: METHODOLOGY OF FORENSIC CONSTRUCTION AND TECHNICAL EXPERTISE

Annotation. The article presents the results of a study devoted to the methodological limits of reliability of expert determination of dimensional characteristics and structural solutions of block-modular buildings (BMB) at the stages of documentation development preceding the release of detail design drawings (KMD). The collision between the requirement of stability of the quantitative terms of a contract (Articles 34, 95 of Federal Law No. 44-FZ of April 5, 2013) and the objective impossibility of accurately determining these characteristics before the manufacturer is selected and the detailing is completed is considered. It is shown that for modular buildings the exact dimensions, areas and structural solutions cannot be reliably established before the completion of the KMD stage, since they are determined by factory detailing of modules, actual cross-sections of frame elements, the design of joint assemblies, technological gaps and the thickness of enclosing structures. Based on generalized materials of a construction and technical examination of contract and design documentation for a modular canteen building, typical discrepancies in area and dimensional characteristics between documentation revisions (up to 13% in area and 12% in dimension) and their legal consequences for contract performance are analyzed. Methodological recommendations are formulated for forming conclusions on area and dimensional characteristics of BMBs in the absence of KMD-stage documentation, as well as for distinguishing permissible structural clarifications from material breaches of contract terms. The proposed approach increases the validity of expert conclusions and reduces the risk of their revision.

Key words: forensic construction and technical expertise; block-modular buildings; design documentation; detail design drawings (KMD); dimensional characteristics; building area; modular coordination of dimensions; contract system; special knowledge.

Введение

В последние годы в практике строительства существенно возросла доля блочно-модульных зданий (БМЗ) — объектов полной или высокой степени заводской готовности, формируемых из укрупненных объемных или плоскостных элементов [16, 18, 21]. Такие здания широко применяются для нужд образования, здравоохранения, организации общественного питания, временного размещения, а значительная часть их приобретается в рамках контрактной системы в сфере закупок (Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ) [13]. Характерной особенностью соответствующих контрактов является фиксация в техническом задании площадных и габаритных требований к объекту (например, «не менее $N \text{ м}^2$ »), которые в дальнейшем выступают критериями соответствия поставленного объекта и основаниями для приемки либо отказа в ней.

При этом возникает принципиальная коллизия правового и технического характера. В силу части 1 статьи 34 Федерального закона № 44-ФЗ контракт заключается на условиях, указанных в извещении о закупке, документации о закупке и заявке участника, а статья 95 данного закона существенно ограничивает возможность изменения условий контракта: корректировка количественных характеристик допускается лишь в случаях и пределах, прямо предусмотренных законом и контрактом [13]. Таким образом, законодатель требует определенности и стабильности количественных характеристик объекта закупки на стадии, когда эти характеристики в силу технических

причин, рассматриваемых ниже, объективно не могут быть точно установлены. При отсутствии в извещении специальных оговорок уточнение площади и габаритов на стадии исполнения фактически исключается, что порождает споры о соответствии результата условиям контракта и о правомерности отказа в приемке.

Параллельно в судебно-экспертной практике увеличивается доля споров о соответствии фактических площадных, габаритных и конструктивных характеристик БМЗ условиям контракта и требованиям нормативных документов. Судебная строительно-техническая экспертиза в соответствии с ГОСТ Р 59529-2021 «Судебная строительно-техническая экспертиза. Термины и определения» представляет собой род судебных экспертиз, заключающийся в исследовании строительных объектов и строительной документации на основе специальных познаний в области науки и техники [1, 2, 15]. Достоверность выводов таких исследований напрямую зависит от того, насколько корректно эксперт учитывает стадию разработки документации и связанные с ней пределы точности проектных характеристик.

Эмпирическим подтверждением масштабов указанной категории споров служит выборка, сформированная автором по банку судебных актов арбитражных судов Российской Федерации (полнотекстовый поиск по текстам документов; период 01.01.2025–21.07.2026): по запросу «модульное здание» опубликовано 1 436 судебных актов (из них 1 381 — в 2025 году), «блок-контейнер» — 278, «блок-модульное здание» —

253, «быстровозводимое здание» — 145, «модульная столовая» — 57. При этом 579 актов (40,3 %) содержат термин «площадь», что свидетельствует о вовлеченности площадных и габаритных характеристик в предмет споров (рис. 1). Анализ категорий дел показывает преобладание споров, вытекающих из договоров поставки и подряда, что согласуется с квалификацией БМЗ преимущественно как товара (изделия).

Рис. 1. Доля судебных актов, затрагивающих площадные характеристики, среди актов по запросу «модульное здание» (01.01.2025–21.07.2026, всего 1 436 актов)

Специфика БМЗ состоит в том, что их окончательные габариты и конструктивные решения формируются не на стадии проектной документации, а при заводской детализации модулей — на стадиях разработки конструкций металлических (КМ) и конструкций металлических детализованных (КМД). Именно на этих стадиях определяются фактические сечения элементов каркаса, конструкция стыковых и монтажных узлов, технологические зазоры, толщина ограждающих конструкций и отделки, способы компенсации предельных отклонений при изготовлении и монтаже. До завершения указанных работ эксперт располагает лишь номинальными (координационными) размерами, которые по своей природе являются проектными допущениями, а не точными характеристиками объекта [17, 18].

Между тем вопросы методологических пределов достоверности экспертного определения габаритных и конструктивных характеристик БМЗ до разработки КМД в судебно-экспертной литературе практически не получили освещения. Типовой ошибкой экспертной практики является прямое сопоставление номинальной площади, указанной в контракте или в архитектурных решениях, с фактическими размерами построенного объекта без учета того, что значительная часть расхождений обусловлена объективной незавершенностью детализации, а не нарушением условий контракта [5]. Отсутствие критериальной и методической базы повышает риск необоснованных выводов и последующей ревизии заключений.

Цель работы

Цель работы — обоснование методологических пределов достоверности определения габаритных и конструктивных характеристик блочно-модульных зданий на стадиях разработки документации, предшествующих выпуску КМД, и

формирование на этой основе методических рекомендаций для производства судебных строительно-технических исследований. Для достижения цели решались задачи: 1) систематизация источников неопределенности габаритов и конструктива БМЗ по стадиям разработки документации; 2) апробация предложенного подхода на обобщенных материалах экспертной практики; 3) формулирование методических рекомендаций по формированию выводов при отсутствии документации стадии КМД.

Материалы и методы

Материалами исследования послужили обобщенные материалы экспертной практики по строительно-техническому исследованию контрактной, тендерной и проектной документации на блочно-модульные здания, в том числе исследование документации на модульное здание столовой, приобретаемой для нужд детского оздоровительно-образовательного учреждения в рамках муниципального контракта на приобретение и монтаж. В состав материалов входили: муниципальный контракт, техническое задание на приобретение и монтаж модульной столовой, а также элементы рабочей документации (комплект «Архитектурные решения», лист «План расположения модулей») в нескольких редакциях.

В целях соблюдения конфиденциальности, защиты персональных данных и коммерческой тайны, а также с учетом процессуального статуса материалов сведения, позволяющие идентифицировать участников споров (наименования сторон, реквизиты, адреса), в работе обезличены; количественные характеристики приведены в том виде, в каком они фигурировали в исследованной документации.

Нормативно-правовую и методическую основу работы составили: Градостроительный кодекс Российской Федерации [10]; Положение о составе разделов проектной документации и требованиях к их содержанию (Постановление Правительства РФ от 16.02.2008 № 87) [11]; Федеральный закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» [12]; Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ [13]; Федеральный закон от 30.12.2009 № 384-ФЗ «Технический регламент о безопасности зданий и сооружений» [14]; ГОСТ Р 59529-2021 [15]; ГОСТ Р 71617-2024 «Модульные здания и конструкции. Термины и определения. Классификация» [16]; ГОСТ 28984-2011 «Модульная координация размеров в строительстве. Основные положения» [17]; СП 501.1325800.2021 «Здания из крупногабаритных модулей» [18]; СП 118.13330.2022 «Общественные здания и сооружения» [19]; СанПиН 2.3/2.4.3590-20 «Санитарно-эпидемиологические требования к организации общественного питания населения» [20];

ГОСТ Р 42.4.08-2021 [21]; СП 301.1325800.2017 «Информационное моделирование в строительстве. Правила организации работ производственно-техническими отделами» [22]; Постановление Правительства РФ от 05.03.2021 № 331 «Об установлении случаев обязательного использования информационного моделирования» [23]; ГОСТ 25957-83 «Здания мобильные (инвентарные). Классификация. Термины и определения» [24]; ГОСТ 22853-86 «Здания мобильные (инвентарные). Общие технические условия» [25]; Гражданский кодекс Российской Федерации [26].

Применялись общенаучные и специальные методы: анализ документов, сравнительно-правовой метод, системный метод (рассмотрение планировочных, конструктивных и технологических решений во взаимосвязи), сравнительно-технический анализ редакций документации, а также метод экспертных оценок при формулировании методических рекомендаций.

Выборка судебных актов формировалась по следующей методике (рис. 2): полнотекстовый поиск по текстам документов в банке судебных актов арбитражных судов Российской Федерации с применением морфологического поиска по терминам, характерным для блочно-модульных объектов, с фильтрацией по периоду документа (01.01.2025–21.07.2026). При интерпретации результатов учитывались следующие ограничения: единицей счета являлся судебный акт, а не дело (одно дело может породить несколько актов различных инстанций); охват ограничен арбитражными судами (спору с участием граждан в судах общей юрисдикции не учитывались); данные за 2026 год неполные в связи с незавершенностью года и отложенным характером публикации судебных актов; часть актов не подлежит публикации.

Рис. 2. Схема формирования выборки судебных актов по спорам, связанным с блочно-модульными объектами

Результаты и обсуждение

Терминологические и квалификационные предпосылки исследования

Применительно к объектам блок-модульного типа термин «здание» требует уточнения. В техническом регулировании используются поня-

тия «модульные здания и конструкции» (ГОСТ Р 71617-2024) [16] и «здания мобильные (инвентарные)» (ГОСТ 25957-83, ГОСТ 22853-86) [24, 25], охватывающие объекты различной степени заводской готовности и мобильности, в том числе предназначенные для многократного перемещения. В правовом отношении такие объекты, как правило, не относятся к объектам капитального строительства: согласно пункту 16 статьи 3 Градостроительного кодекса Российской Федерации объектами капитального строительства признаются здания, строения и сооружения, за исключением временных построек, киосков, навесов и других подобных построек [10], а критерии недвижимости (прочная связь с землей, невозможность перемещения без несоразмерного ущерба назначению) установлены статьей 130 Гражданского кодекса Российской Федерации [26]. Блочнo-модульные объекты нередко поставляются как товар (изделие) и квалифицируются как движимое имущество, что подтверждается и практикой закупки: предметом соответствующих контрактов выступает приобретение и монтаж изделия, а не строительство объекта капитального строительства [13].

Указанное обстоятельство имеет непосредственное методологическое значение: если объект не относится к объектам капитального строительства, стадийность проектирования, установленная статьей 48 Градостроительного кодекса Российской Федерации, формально неприменима, а документация разрабатывается как конструкторская документация на изделие в системе ЕСКД, где аналогом детализировки выступают рабочие чертежи изготовителя. В настоящей работе термин «блочнo-модульное здание» (БМЗ) используется в техническом значении по ГОСТ Р 71617-2024 — без презумпции отнесения объекта к капитальным или некапитальным; вопрос правовой квалификации рассматривается как предмет отдельного предварительного исследования. Для единообразия под стадией КМД далее понимается детализировочная документация изготовителя независимо от того, разрабатывается ли она в рамках градостроительной стадийности (КМ, КМД) либо в системе ЕСКД как рабочая конструкторская документация на изделие.

Стадийность разработки документации на БМЗ и источники неопределенности характеристик

В соответствии со статьей 48 Градостроительного кодекса Российской Федерации проектная документация представляет собой документацию, содержащую материалы в текстовой и графической форме, определяющие архитектурные, функционально-технологические, конструктивные и инженерно-технические решения [10]. Рабочая документация разрабатывается в целях

реализации в процессе строительства архитектурных, технических и технологических решений, содержащихся в проектной документации [10, 11]. Для объектов традиционных конструктивных систем (монолитных, кирпичных) рабочая документация, как правило, уже позволяет определить габариты и конструктив с точностью, достаточной для экспертных выводов.

Иная ситуация характерна для блочно-модульных зданий. Согласно ГОСТ Р 71617-2024 модульные здания классифицируются, в частности, по конструктивной схеме и типу элементов (здания из объемных блок-модулей, из плоских и линейных элементов, комбинированные) [16], а их производство организовано по принципу заводского изготовления с последующей монтажной сборкой [18, 21]. Это предопределяет дополнительную стадийность: после разработки архитектурных и конструктивных решений (АР, КР) выполняется разработка конструкций металлических (КМ) с расчетным подбором сечений элементов каркаса модулей, а затем — детализовочных чертежей (КМД), в которых окончательно определяются размеры элементов, конструкция узлов сопряжения, отверстия, приварные и болтовые соединения, технологические зазоры.

Анализ позволил систематизировать основные источники неопределенности габаритных и конструктивных характеристик БМЗ до завершения стадии КМД: 1) фактические сечения элементов каркаса модулей, подбираемые по результатам расчета на стадиях КМ/КМД и влияющие на внутренние и наружные размеры; 2) конструкция стыковых узлов модулей, формирующая дополнительные размерные надставки и деформационные швы; 3) технологические (монтажные) зазоры, величина которых определяется при детализовке (в исследованных материалах — 16 мм по длинной стороне и 8 мм по короткой); 4) толщина ограждающих конструкций (сэндвич-панелей, обшивок) и внутренней отделки; 5) предельные отклонения при изготовлении и монтаже, регламентируемые применимыми стандартами; 6) требования модульной координации размеров по ГОСТ 28984-2011, предписывающие кратность координационных размеров основному модулю $M = 100$ мм либо производным модулям, вследствие чего немодульные проектные размеры (например, 2456 мм) подлежат обязательной корректировке при детализовке [17]; 7) привязка детализовки к технологическим возможностям конкретного завода-изготовителя: разработку КМД, как правило, выполняет конструкторская служба производителя модулей с учетом имеющегося оборудования, оснастки и принятых методик изготовления (раскроя, гибки, сварки, сборки), поэтому один и тот же комплект конструктивных решений у разных производителей реализуется с различными

узлами, зазорами и, как следствие, различными точными габаритами.

Особого внимания заслуживает то обстоятельство, что разработчик КМД — производитель модулей — на стадиях формирования технического задания и проектной документации, как правило, неизвестен: поставщик (подрядчик) определяется по итогам закупочной процедуры, а детализовка выполняется уже в рамках исполнения контракта. Следовательно, неопределенность габаритных и конструктивных характеристик БМЗ до разработки КМД носит не временный, а принципиальный характер: на момент фиксации количественных условий контракта (ч. 1 ст. 34 Федерального закона № 44-ФЗ) не существует носителя информации, способного эти условия точно определить [13]. Указанная коллизия прямо проявилась в исследованных материалах: техническое задание содержало требование к площади «не менее 370 м²», но не устанавливало предельных габаритов и требований к детализовке, а представленная в ходе исполнения контракта документация субпоставщика существенно различалась по площади и габаритам между редакциями.

Указанные факторы действуют суммарно, поэтому между стадиями ПД и КМД габариты и площадь БМЗ могут изменяться без изменения архитектурной концепции объекта. Следствием этого являются методологические пределы достоверности экспертных выводов, систематизированные на рис. 3.

Рис. 3. Стадии разработки документации на БМЗ и достижимая достоверность экспертного определения габаритных и конструктивных характеристик

Апробация подхода на обобщенных материалах исследования

Апробация выполнена на обобщенных материалах исследования документации на модульное здание столовой для детского оздоровительно-образовательного учреждения. Техническим заданием к муниципальному контракту установлено требование к площади объекта «не менее 370 м²». На исследование были представлены контракт, техническое задание и элементы рабочей документации комплекта «Архитектурные решения» в двух редакциях.

Сравнительно-технический анализ редакций выявил существенную изменчивость площадных и габаритных характеристик: в редакции от 05.05 общая площадь помещений составляла

469,35 м² при габаритах здания 12016 × 41752 мм; в редакции от 18.05 — 408,2 м² при габаритах 12016 × 36840 мм. Разница составила 61,15 м² (–13 % по площади) при уменьшении габарита по одной оси на 4912 мм (–12 %) при неизменной модульной системе (объемные модули 6000 × 2400 мм). Существенное изменение общей площади (более 10 %) свидетельствует об изменении площадей отдельных помещений и планировочных решений, что требует повторной оценки соответствия нормативным требованиям.

При этом сама модульная система документации в целом соответствовала принципам модульной координации (основные размеры кратны модулям; предусмотрены технологические зазоры 16 мм и 8 мм), однако выявлены признаки незавершенности детализации: отдельные размеры указаны с отклонениями от модульной системы (2456 мм вместо кратных значений), отметки уровней даны без привязки к модульной сетке, отсутствует детальная привязка конструктивных элементов к координационным осям [17]. Указанные признаки объективно подтверждают, что на момент исследования документация стадии КМД не разработана и точные габариты объекта определены быть не могут.

Площадная оценка выполнена на основании СП 118.13330.2022 и СанПиН 2.3/2.4.3590-20 [19, 20] с учетом функционального назначения объекта (столовая для детского лагеря): требуемая минимальная площадь объекта определена в диапазоне 420–450 м². Установлено, что заявленная в техническом задании площадь 370 м² не обеспечивает полноценное функционирование объекта: площади ключевых производственных, складских и моечных помещений не соответствуют минимальным требованиям (в частности, горячий цех площадью 42,7 м² при минимально необходимой 50 м²), что исключает соблюдение санитарных норм и организацию технологических потоков. Вместе с тем варианты документации с площадью 497 м² и в диапазоне 400–430 м² признаны соответствующими условию контракта и основным требованиям законодательства при условии соблюдения прочих нормативных требований, причем превышение площади относительно минимального значения, установленного контрактом, нарушением не является [13].

Принципиально значимым является форма выводов: поскольку документация стадии КМД в материалах исследования отсутствовала, выводы о площадных и габаритных характеристиках сформулированы в условной форме с прямым указанием пределов достоверности и перечня документации (КМ, КМД, спецификации), необходимой для окончательного определения точных характеристик объекта. Такой подход позволил разграничить конструктивные уточнения, неиз-

бежные при детализации, и существенные несоответствия нормативным требованиям, имеющие правовое значение для исполнения контракта.

Методические положения для экспертной практики

Предварительным этапом любого исследования БМЗ должна являться правовая и техническая квалификация объекта: отнесение его к объектам капитального строительства, некапитальным (временным) сооружениям либо движимым вещам определяет применимую нормативную базу (градостроительная стадийность ПД/РД либо конструкторская документация на изделие по ЕСКД) и, следовательно, предмет и пределы экспертной оценки [10, 26].

На основе проведенного исследования сформулированы следующие методические положения. Во-первых, эксперту следует разграничивать номинальные (координационные) и фактические характеристики объекта, прямо указывая в заключении стадию исследованной документации и связанный с ней предел точности выводов. Во-вторых, выводы о площадных и габаритных характеристиках БМЗ, сформированные до разработки КМД, целесообразно формулировать в условной форме («при условии сохранения принятых планировочных и конструктивных решений...»), фиксируя допущения и условия, при которых вывод сохраняет силу [5, 6].

В-третьих, при сопоставлении редакций документации индикатором изменения планировочных решений является расхождение по общей площади более 10 % или по одному из габаритов более 10 %: такие изменения требуют повторной оценки соответствия нормативным требованиям, а не квалифицируются автоматически как нарушение. В-четвертых, необходимо разграничивать допустимое конструктивное уточнение на стадии КМД и существенное изменение условий контракта: критериями последнего являются изменение функционального назначения объекта, несоблюдение минимальных нормативных площадей помещений, выход за предельные габариты, установленные техническим заданием [13]. В-пятых, проверка соответствия размеров требованиям модульной координации (ГОСТ 28984-2011) является доступным эксперту индикатором зрелости документации: наличие немодульных размеров, отсутствие привязки к координационным осям и модульной сетке свидетельствуют о том, что детализация не завершена [17]. В-шестых, в заключении следует указывать перечень документации, необходимой для окончательных выводов о точных габаритах и конструктиве (КМ, КМД, спецификации элементов), что соответствует принципу полноты исследования [1, 2]. В-седьмых, расхождения фактических габаритов и конструктивных решений с проектными, обусловленные техно-

логией конкретного производителя (конструкция узлов, монтажные зазоры, допуски в пределах нормативных значений), при сохранении минимальных нормативных площадей помещений и количественных условий контракта следует квалифицировать как допустимое конструктивное уточнение, а не как несоответствие контракту; при этом эксперту целесообразно устанавливать, кем фактически разработана детализовочная документация и учтены ли в ней технологические особенности производства.

Обсуждение

Предложенный подход согласуется с принципом системности, сформулированным в теории судебной экспертизы [1, 2]: планировочные, конструктивные и технологические характеристики БМЗ рассматриваются во взаимосвязи со стадийностью их формирования, что исключает оценку отдельного параметра вне контекста жизненного цикла проектных решений. Отказ от прямого сопоставления номинальных и фактических характеристик без поправки на стадийность снижает риск типовых ошибок оформления результатов судебной строительно-технической экспертизы [5].

Существенное значение имеет минимизация субъективизма и когнитивных искажений. В зарубежной судебно-экспертной науке показано, что контекстная информация способна необоснованно влиять на выводы эксперта, а последовательное управление информацией (LSU-E) снижает шум и смещение оценок [7–9]. Формулирование выводов в условной форме с явной фиксацией пределов достоверности выполняет аналогичную защитную функцию: эксперт не приписывает документации большую определенность, чем та, которой она объективно обладает на данной стадии.

Перспективным направлением представляется применение вероятностно-статистических методов оценки значимости расхождений площадных характеристик [6], а также цифровых платформ экспертной деятельности, обеспечивающих версионный контроль редакций документации и прослеживаемость изменений габаритных параметров между стадиями проектирования [3].

Отдельного рассмотрения заслуживает роль цифрового информационного моделирования (ЦИМ, BIM) [22, 23]. Сама по себе информационная модель не устраняет рассматриваемую проблему: модель, разработанная на стадии проектной документации, содержит номинальную (координационную) геометрию, эквивалентную традиционной документации, и точными габариты и конструктив объекта становятся лишь при проработке модели до уровня детализации, соответствующего стадии КМД. Таким образом, определяющим фактором достоверности остается глубина детализовки, а не формат проектных

материалов (двумерные чертежи либо трехмерная модель). Вместе с тем детализированная ЦИМ существенно повышает управляемость проблемой: обеспечивает версионный контроль геометрии, автоматизированный подсчет площадей, выявление коллизий и прослеживаемость изменений между редакциями документации, что снижает риск неконтролируемых расхождений площадных и габаритных характеристик, подобных выявленным в рассмотренном исследовании. Внедрение ЦИМ в экспертную практику позволит эксперту фиксировать не только результат детализовки, но и динамику формирования габаритных характеристик между стадиями.

Заключение

Точные габариты и конструктивные решения блочно-модульных зданий объективно не могут быть достоверно определены до выбора производителя и разработки им детализовочной документации (КМД), поскольку формируются заводской детализовкой модулей с учетом технологического оборудования и методик изготовления, фактическими сечениями элементов каркаса, конструкцией стыковых узлов, технологическими зазорами, толщиной ограждающих конструкций и требованиями модульной координации размеров.

Выводы о площадных и габаритных характеристиках БМЗ, сформированные по документации стадий ТЗ, ПД и АР/КР, носят номинальный характер и должны формулироваться экспертом в условной форме с указанием пределов достоверности и перечня документации, необходимой для окончательных выводов.

Апробация на обобщенных материалах исследования документации модульного здания столовой подтвердила работоспособность подхода: выявлены расхождения между редакциями документации в 13 % по площади и 12 % по габариту при неизменной модульной системе; показано, что заявленная площадь 370 м² не соответствует нормативной потребности 420–450 м², тогда как варианты 400–430 м² и 497 м² удовлетворяют условиям контракта и законодательства при соблюдении прочих требований.

Индикаторами незавершенности детализовки и, соответственно, невозможности точного определения габаритов являются: наличие немодульных размеров, отсутствие привязки конструктивных элементов к координационным осям и модульной сетке, отсутствие документации КМ и КМД в составе представленных материалов.

Предложенные методические положения могут применяться экспертами при производстве судебных строительно-технических исследований блочно-модульных зданий и положены в основу частной методики, что будет способствовать повышению обоснованности заключений и снижению риска их ревизии.

Выявленная коллизия между требованием стабильности количественных условий контракта (ст. 34, 95 Федерального закона № 44-ФЗ) и активной невозможностью их точного определения до разработки КМД производителем является типовым источником споров о приемке блочно-модульных зданий. Ее преодоление возможно, в частности, путем включения в извещение и документацию о закупке оговорок о допустимых пределах уточнения площади и габаритов на стадии исполнения контракта, что соответствует механизмам, предусмотренным статьей 95 Федерального закона № 44-ФЗ.

Информация о финансировании. Исследование выполнено без финансовой поддержки.

Список литературы:

- [1] Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе: монография. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2023. 576 с.
- [2] Бутырин А.Ю. Теория и практика судебной строительно-технической экспертизы. М.: Городец, 2006. 544 с.
- [3] Бутырин А.Ю., Статива Е.Б. Современные возможности, методы и средства судебно-экспертных строительно-технических исследований // Теория и практика судебной экспертизы. 2023. Т. 18. № 2. С. 12–29. <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2023-2-12-29>.
- [4] Платонова И.Д., Царитова Н.Г., Текутов Е.Г. Судебная строительно-техническая экспертиза реконструированных помещений // Теория и практика судебной экспертизы. 2021. Т. 16. № 4. С. 64–71. <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2021-4-64-71>.
- [5] Мустафаев Э.Н. Оформление результатов судебной строительно-технической экспертизы: типовые ошибки // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 11-3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/oformlenie-rezultatov-sudebnoy-stroitelno-tehnicheskoy-ekspertizy-tipovye-oshibki> (дата обращения: 21.07.2026).
- [6] Усов А.И., Градусова О.Б., Кузьмин С.А. Использование вероятностно-статистических методов при оценке значимости результатов экспертного исследования в отечественной и зарубежной судебно-экспертной практике (сравнительный анализ) // Теория и практика судебной экспертизы. 2018. Т. 13. № 4. С. 6–15. <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2018-13-4-6-15>.
- [7] Dror I.E., Kukucka J. Linear Sequential Unmasking-Expanded (LSU-E): A general approach for improving decision making as well as minimizing noise and bias // Forensic Science International: Synergy. 2021. Vol. 3. 100161. <https://doi.org/10.1016/j.fsisyn.2021.100161>.
- [8] Dror I.E. Cognitive and human factors in expert decision making: six fallacies and the eight sources of bias // Analytical Chemistry. 2020. Vol. 92. No. 12. P. 7998–8004. <https://doi.org/10.1021/acs.analchem.0c00704>.
- [9] Quigley-McBride A., Dror I.E., Roy T., Garrett B.L., Kukucka J. A practical tool for information management in forensic decisions: Using Linear Sequential Unmasking-Expanded (LSU-E) in casework // Forensic Science International: Synergy. 2022. Vol. 4. 100216. <https://doi.org/10.1016/j.fsisyn.2022.100216>.
- [10] Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 190-ФЗ (ред. от 31.07.2025).
- [11] Положение о составе разделов проектной документации и требованиях к их содержанию: утв. Постановлением Правительства РФ от 16.02.2008 № 87 (ред. от 21.12.2024).
- [12] Федеральный закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (ред. от 24.06.2025).
- [13] Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (ред. от 31.07.2025).
- [14] Федеральный закон от 30.12.2009 № 384-ФЗ «Технический регламент о безопасности зданий и сооружений» (ред. от 26.12.2024).
- [15] ГОСТ Р 59529-2021 Судебная строительно-техническая экспертиза. Термины и определения. М.: Стандартинформ, 2021.
- [16] ГОСТ Р 71617-2024 Модульные здания и конструкции. Термины и определения. Классификация. М.: Российский институт стандартизации, 2024.
- [17] ГОСТ 28984-2011 Модульная координация размеров в строительстве. Основные положения. М.: Стандартинформ, 2012.
- [18] СП 501.1325800.2021 Здания из крупногабаритных модулей. М., 2021.
- [19] СП 118.13330.2022 Общественные здания и сооружения. Актуализированная редакция СНиП 31-06-2009. М., 2022.
- [20] СанПиН 2.3/2.4.3590-20 Санитарно-эпидемиологические требования к организации общественного питания населения: утв. Постановлением Главного государственного санитарного врача РФ от 28.10.2020 № 32. М., 2020.
- [21] ГОСТ Р 42.4.08-2021 Гражданская оборона. Защитные сооружения гражданской обороны. Сооружения быстровозводимые блок-модульного типа полной заводской готовности. Общие требования. М.: Российский институт стандартизации, 2021.
- [22] СП 301.1325800.2017 Информационное

моделирование в строительстве. Правила организации работ производственно-техническими от- делами. М., 2018.

[23] Об установлении случаев обязатель- ного использования информационного модели- рования: Постановление Правительства РФ от 05.03.2021 № 331 (ред. от 30.12.2024).

[24] ГОСТ 25957-83 Здания мобильные (ин- вентарные). Классификация. Термины и опреде- ления. М.: Изд-во стандартов, 1983.

[25] ГОСТ 22853-86 Здания мобильные (ин- вентарные). Общие технические условия. М.: Изд-во стандартов, 1986.

[26] Гражданский кодекс Российской Феде- рации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025).

References:

[1] Rossinskaya E.R. Forensic examination in civil, arbitration, administrative and criminal proceedings: monograph. 4th ed., Revised and add. M.: Norm: INFRA-M, 2023. 576 p.

[2] Butyrin A.Yu. Theory and practice of forensic construction and technical expertise. M.: Gorodets, 2006. 544 p.

[3] Butyrin A.Yu., Stativa E.B. Modern capabilities, methods and means of forensic construction and technical research // Theory and practice of forensic examination. 2023. T. 18. № 2. S. 12-29. <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2023-2-12-29>.

[4] Platonova I.D., Tsaritova N.G., Tekutov E.G. Forensic construction and technical examination of reconstructed premises // Theory and practice of forensic examination. 2021. T. 16. № 4. S. 64-71. <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2021-4-64-71>.

[5] Mustafayev E.N. Registration of the results of forensic construction and technical expertise: typical errors // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2020. № 11-3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/oformlenie-rezultatov-sudebnoy-stroitelno-tehnicheskoy-ekspertizy-tipovye-oshibki> (дата об- ращения: 21.07.2026).

[6] Usov A.I., Grodomova O.B., Kuzmin S.A. Use of probabilistic and statistical methods in assessing the significance of the results of expert research in domestic and foreign forensic practice (comparative analysis) // Theory and practice of forensic examination. 2018. T. 13. № 4. S. 6-15. <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2018-13-4-6-15>.

[7] Dror I.E., Kukucka J. Linear Sequential Unmasking-Expanded (LSU-E): A general approach for improving decision making as well as minimizing noise and bias // Forensic Science International: Synergy. 2021. Vol. 3. 100161. <https://doi.org/10.1016/j.fsisyn.2021.100161>.

[8] Dror I.E. Cognitive and human factors in

expert decision making: six fallacies and the eight sources of bias // Analytical Chemistry. 2020. Vol. 92. No. 12. P. 7998–8004. <https://doi.org/10.1021/acs.analchem.0c00704>.

[9] Quigley-McBride A., Dror I.E., Roy T., Garrett B.L., Kukucka J. A practical tool for information management in forensic decisions: Using Linear Sequential Unmasking-Expanded (LSU-E) in casework // Forensic Science International: Synergy. 2022. Vol. 4. 100216. <https://doi.org/10.1016/j.fsisyn.2022.100216>.

[10] Town Planning Code of the Russian Federation No. 29.12.2004 dated 190-FZ (as amended 31.07.2025).

[11] Regulation on the Scope of Design Documentation Sections and Requirements to Their Content: approved by Decree of the Government of the Russian Federation of 16.02.2008 No. 87 (as amended on 21.12.2024).

[12] Federal Law of 31.05.2001 No. 73-FZ "On State Judicial Expert Activities in the Russian Federation" (as amended on 24.06.2025).

[13] Federal Law of 05.04.2013 No. 44-FZ "On the contract system in the field of procurement of goods, works, services to meet state and municipal needs" (as amended by 31.07.2025).

[14] Federal Law No. 30.12.2009 dated 384-FZ "Technical Regulations on Safety of Buildings and Structures" (rev. dated 26.12.2024).

[15] GOST R 59529-2021 Forensic construction and technical expertise. Terms and definitions. M.: Standartinform, 2021.

[16] GOST R 71617-2024 Modular buildings and structures. Terms and definitions. Classification. M.: Russian Institute for Standardization, 2024.

[17] GOST 28984-2011 Modular coordination of dimensions in construction. Main provisions. M.: Standartinform, 2012.

[18] SP 501.1325800.2021 Buildings made of large-sized modules. M., 2021.

[19] SP 118.13330.2022 Public buildings and structures. Updated revision of SNiP 31-06-2009. M., 2022.

[20] SanPiN 2.3/2.4.3590-20 Sanitary and Epidemiological Requirements for Public Catering: approved by Decree of the Chief State Sanitary Doctor of the Russian Federation of 28.10.2020 No. 32. M., 2020.

[21] GOST R 42.4.08-2021 Civil Defense. Civil defence defences. Prefabricated pre-fabricated modular structures. General requirements. M.: Russian Institute for Standardization, 2021.

[22] SP 301.1325800.2017 Information modeling in construction. Rules for the organization of work by production and technical departments. M., 2018.

[23] On the establishment of cases of mandatory use of information modeling: Decree of the Government of the Russian Federation of

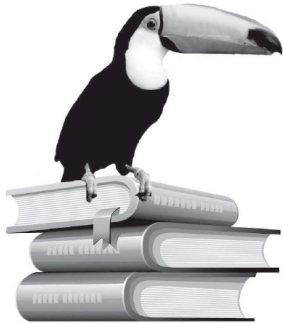
05.03.2021 No. 331 (ed. 30.12.2024).

[24] GOST 25957-83 Mobile (inventory) buildings. Classification. Terms and definitions. M.: Publishing House of Standards, 1983.

[25] GOST 22853-86 Mobile (inventory)

buildings. General specifications. M.: Publishing House of Standards, 1986.

[26] Civil Code of the Russian Federation (Part One) dated 30.11.1994 No. 51-FZ (rev. dated 31.07.2025).

**ЮРИДИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ЮРКОМПАНИ»**

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

КРАВЦОВА Анастасия Николаевна,
кандидат юридических наук, доцент кафедры
уголовного и публичного права Московского
университет «Синергия»,
e-mail: korneeva-nas@mail.ru

ЦИФРОВЫЕ СЛЕДЫ КРИМИНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ВИРТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ: ПРОБЛЕМЫ ДОПУСТИМОСТИ И ДОСТОВЕРНОСТИ

Аннотация. Статья посвящена исследованию процессуального режима формирования доказательств на основе цифровых следов, возникающих в результате криминальной деятельности в виртуальном пространстве. Последовательно анализируются понятие и типология цифрового следа, его соотношение с закреплёнными частью 2 статьи 74 УПК РФ видами доказательств, механизм собирания и процессуального удостоверения электронных данных, а также критерии проверки их допустимости и достоверности. Стоит отметить, что отдельный интерес представляет проблема атрибуции цифрового следа конкретному лицу – центральный вопрос доказывания по делам в отношении дроповодов. Как показывает практика, не менее значим порядок использования результатов оперативно-розыскной деятельности, полученных в информационно-телекоммуникационной среде. Обосновывается вывод: цифровой след не образует самостоятельного вида доказательств и вводится в уголовное дело через уже существующие процессуальные формы, однако его материальная природа предопределяет специфику проверки – она носит преимущественно технико-верификационный, а не оценочно-логический характер. Обращает на себя внимание тот факт, что закон не устанавливает ни требований к фиксации неизменности электронных данных, ни минимального стандарта их атрибуции.

Ключевые слова: цифровой след; электронные доказательства; допустимость; достоверность; атрибуция; хеш-значение; дроп; дроповод; компьютерно-техническая экспертиза; оперативно-розыскная деятельность.

KRAVTSOVA Anastasia Nikolaevna,
Candidate of Law, Associate Professor of the
Department of Criminal and Public Law, Moscow
University Synergy

DIGITAL TRACES OF CRIMINAL ACTIVITY IN VIRTUAL SPACE AS THE BASIS OF EVIDENCE FORMATION: PROBLEMS OF ADMISSIBILITY AND RELIABILITY

Annotation. The article is devoted to the study of the procedural regime for the formation of evidence based on digital traces arising from criminal activity in the virtual space. The concept and typology of the digital trace, its relationship with the types of evidence enshrined in part 2 of article 74 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, the mechanism for collecting and procedural certification of electronic data, as well as the criteria for checking their admissibility and reliability are consistently analyzed. It is worth noting that the problem of attribution of the digital trace to a specific person is of particular interest - the central issue of evidence in cases regarding droppers. As practice shows, the procedure for using the results of operational-search activities obtained in the information and telecommunication environment is no less significant. The conclusion is justified: the digital trace does not form an independent type of evidence and is

introduced into the criminal case through the already existing procedural forms, however, its material nature predetermines the specifics of the check - it is mainly technical and verification, and not of an evaluative and logical nature. Noteworthy is the fact that the law does not establish either the requirements for fixing the invariability of electronic data, or the minimum standard for their attribution.

Key words: digital footprint; electronic evidence; admissibility; reliability; attribution; hash value; drop; dropovod; computer technical expertise; operational-search activities.

Введение

Право на защиту от преступных посягательств, вытекающее из статей 2, 45 и 52 Конституции Российской Федерации, важно не само по себе, а как реально работающий механизм [1]. Он должен обеспечивать установление обстоятельств содеянного посредством доказательств, полученных законным способом и не вызывающих обоснованных сомнений в своей достоверности. И здесь гарантия обретает практическое содержание. По данным официальной статистики МВД России, преступления, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, составляют свыше трети всех зарегистрированных деяний, а их абсолютное число превышает 750 тыс. в год. Парадоксально, но именно в этом сегменте, где следовая картина технически насыщена и детализирована, доля дел, направленных в суд, остаётся минимальной. Причина не в отсутствии следов, а в неспособности правоприменителя преобразовать их в допустимые и достоверные доказательства.

Особенно рельефно проблема проявляется по делам о деятельности так называемых дропов и дроповодов. В криминалистической литературе установлено, что «дроп» – физическое лицо, предоставляющее собственные персональные данные, банковские карты либо счета для проведения незаконных финансовых операций, тогда как «дроповод» выступает организатором и координатором соответствующих схем [10. С. 187; 11. С. 224]. Такая деятельность квалифицируется по совокупности статей 159, 174, 174.1, 187, а при наличии устойчивой организованной структуры – и статьи 210 Уголовного кодекса Российской Федерации [3].

Специфика указанной категории дел состоит в том, что дроповод физически не соприкасается ни с потерпевшим, ни с предметом преступления. Он не оставляет ни следов рук, ни следов обуви, ни биологических следов. Единственным материальным носителем информации о его действиях выступает цифровой след – запись в журнале авторизации, транзакционный лог, метаданные файла, сообщение в мессенджере, «отпечаток» устройства. На практике это значит, что вся система доказывания опирается на объекты, которые невидимы, легко модифицируемы, зачастую расположены за пределами юрисдикции

Российской Федерации и не имеют прямой, самоочевидной связи с личностью обвиняемого.

Правовое регулирование данной сферы отличается дуализмом. Материально-правовая основа противодействия легализации преступных доходов сформирована Федеральным законом от 07.08.2001 № 115-ФЗ [5], а также принятым в 2025 г. комплексом мер по противодействию преступлениям, совершаемым с использованием информационных и коммуникационных технологий [7]. Процессуальный же режим обращения с электронными данными остаётся фрагментарным: он рассредоточен между статьями 81, 82, 84, 164.1, 183, 185, 186.1 УПК РФ и не образует системного института [2]. Эта двойственность порождает главную черту исследуемой проблематики: материально-правовое реагирование опережает процессуальное обеспечение.

Цель настоящего исследования – определить процессуальную природу цифровых следов криминальной деятельности в виртуальном пространстве, выявить проблемы их допустимости и достоверности на примере уголовных дел в отношении дроповодов и сформулировать научно обоснованные предложения по изменению УПК РФ и Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности». В процессе работы применялись системно-структурный метод – при исследовании соотношения цифрового следа и видов доказательств; формально-юридический – при анализе норм УПК РФ; сравнительно-правовой – при обращении к зарубежным моделям обеспечения сохранности компьютерных данных; а также методы контент-анализа материалов следственной практики по делам о дропах и дроповодах.

Обсуждение и результаты

Какова процессуальная природа цифрового следа? Ответ на этот вопрос предопределяет всё последующее рассуждение, и уклониться от него нельзя. Действующая часть 2 статьи 74 УПК РФ содержит закрытый перечень видов доказательств: показания подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля; заключение и показания эксперта и специалиста; вещественные доказательства; протоколы следственных и судебных действий; иные документы [2]. Электронные данные в этом перечне не упомянуты. Следовательно, цифровой след как таковой доказательством не является – он приобретает дока-

зательственное значение исключительно после облечения в одну из перечисленных форм. Практика выработала четыре канала такого облечения. Первый – вещественное доказательство: сам электронный носитель (телефон, ноутбук, флеш-накопитель, SIM-карта), изъятый и осмотренный в порядке статей 81, 164.1, 176–177 УПК РФ. Второй – иной документ: выписка по счёту, ответ оператора связи, справка антифрод-подразделения кредитной организации. Третий – протокол следственного действия: протокол осмотра интернет-страницы либо содержимого мессенджера с приложением распечаток. Четвёртый – заключение эксперта по результатам судебной компьютерно-технической экспертизы.

Такая конструкция внешне работоспособна, однако содержит принципиальный дефект. Вещественное доказательство по своей природе – предмет, сохраняющий следы преступления в неизменном виде; иной документ – носитель, удостоверяющий сведения и изготовленный вне рамок процесса. Цифровые данные не соответствуют ни одной из этих характеристик в полной мере: они существуют независимо от конкретного носителя, копируются без утраты качества, изменяются без видимых признаков вмешательства и уничтожаются дистанционно. Е.Р. Россинская справедливо отмечает, что информационно-компьютерные объекты обладают самостоятельным гносеологическим статусом, требующим адекватного процессуального оформления [12. С. 41]. В.А. Мещеряков и О.Ю. Цурлуй, развивая учение об электронно-цифровом отображении, указывают на то, что подведение таких объектов под классические категории неизбежно влечёт утрату части их доказательственных свойств [13. С. 165].

Отсюда первое предложение. Часть 2 статьи 74 УПК РФ надлежит дополнить пунктом 3.1 следующего содержания: «электронные (цифровые) данные, полученные, зафиксированные и приобщённые к материалам уголовного дела в порядке, установленном настоящим Кодексом». Одновременно УПК РФ следует дополнить статьёй 84.1 «Электронные (цифровые) данные», раскрывающей их понятие, а равно требования к получению и удостоверению. Возражение о том, что достаточно расширительного толкования статей 81 и 84 УПК РФ, не может быть признано решающим. Толкование не восполняет отсутствие требований к фиксации неизменности данных, а именно эти требования определяют судьбу доказательства при проверке его достоверности.

Обратимся к типологии цифровых следов, характерных для деятельности дроповода. Развивая предложенную в криминалистической литературе классификацию [10. С. 189; 14. С. 175], представляется возможным выделить шесть групп. Транзакционные следы – сведения

о движении денежных средств: даты, суммы, реквизиты плательщиков и получателей, идентификаторы операций, данные о пополнении и обналичивании. Их доказательственная ценность состоит в возможности реконструировать финансовую архитектуру схемы и выявить узловые счета, контролируемые организатором.

Аутентификационные следы – журналы авторизации в системах дистанционного банковского обслуживания и на интернет-платформах: IP-адреса, метки времени, идентификаторы сессий, cookie-файлы, «отпечатки» устройств и браузеров, сведения о моделях устройств и версиях операционных систем. Именно эта группа приобретает решающее значение для атрибуции.

Коммуникационные следы – переписка в мессенджерах и социальных сетях, сообщения в закрытых чатах, обращения к телеграм-ботам, голосовые сообщения. Они позволяют установить факт организаторской роли, содержание указаний, распределение ролей внутри группы.

Документальные следы – фотографии и сканы паспортов дропов, таблицы учёта карт, реестры реквизитов, шаблоны инструкций. Их метаданные фиксируют авторство, дату создания и модификации, а порой и геолокацию съёмки.

Геолокационные и биллинговые следы – данные о соединениях абонентских устройств, привязка к базовым станциям, сведения о совпадении местонахождения устройства и места совершения банкоматных операций.

Следы систем противодействия мошенничеству – результаты работы антифрод-модулей кредитных организаций: маркеры нетипичного поведения, сработавшие правила, отметки о приостановлении операций.

Существенно, что доказательственное значение приобретает не отдельный след, а их корреляция. Изолированный IP-адрес не изобличает никого; совпадение же IP-адреса, «отпечатка» устройства, времени входа, геолокации абонентского устройства и последующей транзакции образует ту совокупность, которая позволяет ставить вопрос об атрибуции. Механизм следообразования в виртуальной среде подчинён закономерностям, требующим установления причинной связи между действием и его цифровым отображением [15. С. 209].

Перейдём к проблематике допустимости. Согласно части 3 статьи 7 и статье 75 УПК РФ доказательства, полученные с нарушением требований Кодекса, юридической силы не имеют. Применительно к цифровым следам можно выделить четыре проблемы.

Первая – изъятие электронных носителей информации. Статья 164.1 УПК РФ устанавливает специальный порядок: изъятие производится с участием специалиста, а по ходатайству закон-

ного владельца или обладателя информации осуществляется копирование данных на предоставленный носитель. Смысл нормы – минимизировать вред от изъятия и одновременно обеспечить сохранность содержимого. Между тем в делах о дроповодах наблюдается системное нарушение: телефоны и ноутбуки изымаются в ходе личного досмотра при задержании, без участия специалиста, без описания состояния устройства (включено либо выключено, наличие блокировки, режим полёта), без помещения в экранирующую упаковку. Последствие предсказуемо: сторона защиты ставит вопрос о возможности дистанционного удаления или модификации данных в интервале между изъятием и осмотром, и опровергнуть это утверждение процессуальными средствами оказывается затруднительно.

Вторая – осмотр содержимого устройства. Формально осмотр предмета производится по правилам статей 176–177 УПК РФ и не требует судебного решения. Однако содержимое смартфона включает переписку, охраняемую статьёй 23 Конституции Российской Федерации, и Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно указывал на недопустимость произвольного доступа к сведениям, составляющим тайну сообщений. Возникает коллизия: доступ к переписке, передаваемой по каналам связи, требует судебного решения (статьи 185, 186, 186.1 УПК РФ), тогда как доступ к той же переписке, сохранённой в памяти устройства, судебного контроля не предполагает. Логического обоснования такому различию найти невозможно – содержание охраняемой тайны от места хранения не зависит.

В связи с изложенным предлагается дополнить УПК РФ статьёй 185.1 «Осмотр информации, содержащейся в электронном устройстве или на электронном носителе», предусмотрев, что исследование сведений о сообщениях, соединениях, а равно личных данных владельца производится на основании судебного решения, принимаемого в порядке статьи 165 УПК РФ; в случаях, не терпящих отлагательства, допускается производство осмотра с последующим уведомлением суда в течение трёх суток.

Третья – сведения, охраняемые банковской и телефонной тайной. Выемка предметов и документов, содержащих информацию о вкладах и счетах граждан в кредитных организациях, производится на основании судебного решения (часть 3 статьи 183 УПК РФ), получение сведений о соединениях между абонентами – в порядке статьи 186.1 УПК РФ. Практика между тем демонстрирует устойчивое стремление подменить эти процедуры направлением «запроса о предоставлении информации» в порядке части 4 статьи 21 УПК РФ. Полученные таким путём выписки по счетам дропов формально приобщаются как

иные документы, но при надлежаще выстроенной позиции защиты подлежат исключению как полученные в обход установленного порядка. Итог: доказательство, объективно достоверное, утрачивается по причине процессуальной небрежности.

Четвёртая – результаты оперативно-розыскной деятельности. В силу статьи 89 УПК РФ и статьи 11 Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ такие результаты могут использоваться в доказывании при условии соблюдения требований закона [4]. Особую проблему создаёт оперативно-розыскное мероприятие «получение компьютерной информации», включённое в перечень статьи 6 названного Закона, но не обеспеченное ни законодательным описанием содержания, ни регламентацией порядка производства и документирования. Отсутствие нормативной формы неизбежно ведёт к спорам о том, чем именно данное мероприятие отличается от снятия информации с технических каналов связи и допустимо ли его проведение без судебного решения. Предлагается дополнить статью 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» нормой, определяющей получение компьютерной информации как совокупность действий по негласному доступу к информации, обработке технической информацией, с указанием на обязательность судебного решения при затрагивании прав, предусмотренных статьями 23 и 24 Конституции Российской Федерации, и на обязательность фиксации хеш-значений полученных данных.

Отдельного внимания заслуживают материалы, происходящие из иностранных информационных сервисов. Значительная часть коммуникации дроповодов осуществляется в мессенджерах, серверы которых расположены за пределами Российской Федерации, а операторы не исполняют запросы российских правоохранительных органов. Формирование доказательств в такой ситуации осуществляется опосредованно: через изъятые устройства дропов, через осмотр аккаунтов с использованием предоставленных участниками схемы паролей, через показания соучастников. Каждый из этих путей уязвим. Осмотр аккаунта, произведённый с ведома одного из участников переписки, не нарушает тайну сообщений в отношении этого лица, но затрагивает права его собеседника, что требует самостоятельной процессуальной оценки.

Теперь о достоверности. Здесь необходимо провести разграничение, которое в правоприменительной практике систематически игнорируется. Допустимость характеризует законность способа получения доказательства; достоверность – соответствие содержащихся в нём сведений действительности. Смешение этих свойств недопустимо, поскольку влечёт различные процессу-

альные последствия: недопустимое доказательство исключается из совокупности безусловно, недостоверное – оценивается судом по правилам статьи 88 УПК РФ наряду с иными доказательствами. Между тем в постановлениях об отказе в удовлетворении ходатайств об исключении цифровых данных нередко указывается на их «достоверность», хотя оспаривался порядок получения, – и наоборот.

Проверка достоверности цифрового следа распадается на две относительно самостоятельные задачи: установление аутентичности данных и установление их атрибуции. Аутентичность есть тождественность представленных суду данных тем данным, которые существовали в момент их фиксации. Технически эта задача решена давно: вычисление криптографической хеш-функции (контрольной суммы) образа носителя позволяет достоверно установить факт любого, даже единичного изменения. Однако процессуальной обязанности вычислять и фиксировать хеш-значение действующий УПК РФ не предусматривает. В результате в протоколах осмотра указывается количество изъятых файлов, но не указывается их контрольная сумма, и любое последующее утверждение о неизменности данных остаётся недоказуемым.

Предлагается дополнить статью 166 УПК РФ частью 8.1: «При производстве следственных действий, связанных с изъятием, копированием или осмотром электронных данных, в протоколе указываются наименование и версия использованных программно-технических средств, точное время начала и окончания действия с указанием часового пояса, а также значения криптографических хеш-функций созданных копий (образов) данных». Корреспондирующим образом статью 164.1 УПК РФ следует дополнить положением о том, что копирование информации осуществляется способом, исключающим её модификацию, с обязательным вычислением хеш-значений исходных данных и полученной копии.

Особую практическую значимость имеет судьба так называемых скриншотов. Распечатка изображения экрана, приобщённая к протоколу осмотра, юридически представляет собой производный объект, отделённый от первоисточника и не сохраняющий метаданных. Она не позволяет установить ни подлинность содержания, ни отсутствие монтажа, ни даже принадлежность аккаунта. Как показывает практика, приговоры, опирающиеся преимущественно на скриншоты переписки, наиболее уязвимы при апелляционном и кассационном пересмотре. Значит, скриншот может использоваться исключительно как иллюстрация к результатам исследования исходного контейнера данных, но не как самостоятельное основание вывода о виновности.

Атрибуция – центральная и наиболее трудная задача доказывания по делам о дроповодах. Требуется установить, что конкретное действие в виртуальном пространстве совершено конкретным физическим лицом. Между тем цифровой след фиксирует не человека, а устройство, аккаунт либо сетевой адрес, и каждое из этих звеньев допускает разрыв связи с личностью.

IP-адрес не идентифицирует пользователя: применение технологии трансляции сетевых адресов означает, что за одним внешним адресом одновременно находятся десятки и сотни абонентов. Использование VPN-сервисов, анонимизирующих сетей и цепочек прокси-серверов дополнительно разрывает связь между действием и его инициатором. Аккаунт может быть зарегистрирован на подставные данные; SIM-карта – оформлена на лицо, не осведомлённое о её использовании; устройство – принадлежать третьему лицу.

Как преодолевается этот разрыв? Исключительно через построение совокупности взаимно подкрепляющих цифровых следов. Опыт расследования дел рассматриваемой категории позволяет выделить наиболее результативные приёмы.

Во-первых, выявление операционных ошибок субъекта. Дроповод, использующий средства анонимизации при работе с дроп-аккаунтами, в бытовой активности их, как правило, не применяет. Совпадение «отпечатка» устройства, версии операционной системы, набора установленных шрифтов и языковых настроек при обращении к дроп-аккаунту и к персональному аккаунту в социальной сети образует технически верифицируемую связь [10. С. 190].

Во-вторых, установление финансовой связанности. Пополнение баланса SIM-карт, оформленных на подставных лиц, со счёта, контролируемого подозреваемым, оплата хостинга или прокси-сервиса с его банковской карты – типичные и практически неизбежные точки соприкосновения анонимной и легальной идентичностей.

В-третьих, корреляция геолокационных данных. Совпадение зоны действия базовой станции, обслуживавшей абонентское устройство подозреваемого, с местом расположения банкомата, в котором осуществлялось обналичивание, подтверждённое видеозаписью, обладает высокой доказательственной силой.

В-четвертых, анализ метаданных документальных следов. Фотографии паспортов дропов, обнаруженные в облачном хранилище, содержат сведения о модели устройства съёмки и, при неотключённой геометке, о координатах места съёмки.

В-пятых, исследование коммуникативного профиля. Устойчивые лексические и орфографические особенности, специфический жаргон криминальной среды («прогон», «выкатать кар-

ту», «залив»), характерные приветственные и завершающие формулы подлежат установлению посредством судебной лингвистической экспертизы. Значимость такого анализа возрастает в тех случаях, когда коммуникация внутри группы насыщена идеологическими маркерами, выполняющими функцию кодового сигнала и средства внутригрупповой идентификации [11. С. 228].

Возникает вопрос: каков минимальный стандарт атрибуции? Представляется, что вывод о совершении действия конкретным лицом не может основываться на единственном техническом признаке, каким бы убедительным он ни казался. Требуется совокупность, включающая не менее трёх независимых по источнику происхождения групп цифровых следов, подкреплённых заключением эксперта. Данное положение целесообразно закрепить в разъяснениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

Отсюда следующее предложение: статью 196 УПК РФ надлежит дополнить пунктом, устанавливающим обязательное назначение судебной компьютерно-технической экспертизы в случаях, когда вывод о причастности лица к преступлению основывается на данных о его действиях в информационно-телекоммуникационной сети. При комплексном характере задачи – установлении финансовой архитектуры схемы – целесообразно назначать комплексной компьютерно-технической и финансово-экономической экспертизы.

Существенным дефектом действующего регулирования следует признать отсутствие механизма срочного обеспечения сохранности компьютерной информации. Данные об авторизациях, сессиях и соединениях хранятся операторами связи и организаторами распространения информации в течение ограниченных сроков, установленных статьёй 64 Федерального закона «О связи» и статьёй 10.1 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ [6]. К моменту, когда следователь получает судебное решение и направляет запрос, значительная часть данных нередко уже уничтожена в плановом порядке. Зарубежный опыт предлагает решение: институт предписания о сохранении данных (data preservation order), закреплённый, в частности, статьёй 16 Конвенции о киберпреступности, участником которой Российская Федерация не является, но методологическая ценность конструкции от этого не умалается.

Предлагается дополнить УПК РФ статьёй 186.2 «Требование о сохранении компьютерной информации», предусмотрев право следователя, дознавателя своим постановлением, не требующим судебного решения, обязать оператора связи, организатора распространения информации либо кредитную организацию обеспечить неизменность и сохранность определённого объёма данных на срок до девяноста суток с возможно-

стью однократного продления. Принципиально, что требование о сохранении не влечёт доступа к содержанию данных – оно лишь блокирует их уничтожение, а последующее получение осуществляется в общем порядке, включая судебный контроль. Такая конструкция обеспечивает баланс между эффективностью расследования и защитой прав, гарантированных статьями 23 и 24 Конституции Российской Федерации.

Организационно-техническая составляющая проблемы не менее значима, чем нормативная. Развивая высказанную в литературе идею о государственной системе учёта доказательственных данных [11. С. 229], представляется целесообразным создание единого криминалистического депозитария цифровых доказательств – защищённой информационной системы, обеспечивающей хранение образов носителей с фиксацией хеш-значений, журналирование всех обращений к ним и невозможность внесения изменений. Данное решение одновременно снимает проблему сохранности вещественных доказательств, предусмотренную частью 4 статьи 82 УПК РФ, и обеспечивает возможность проверки аутентичности данных на любой стадии процесса, включая кассационную.

Одновременно необходимо учитывать риски. Введение обязательного хеш-протоколирования и депозитарного хранения без соответствующего технического обеспечения следственных подразделений неизбежно приведёт к формальному исполнению новых требований. Расследование, проводимое с использованием личного ноутбука следователя и произвольно выбранного программного обеспечения, не способно обеспечить ни воспроизводимость результатов, ни их процессуальную состоятельность. Соответственно, необходим федеральный минимальный стандарт технического обеспечения следственных подразделений, включающий сертифицированные программно-аппаратные средства криминалистического копирования с блокировкой записи, средства экранирования изымаемых устройств, лицензионное программное обеспечение для анализа образов носителей и защищённые каналы взаимодействия с кредитными организациями и операторами связи. Финансирование данного стандарта не может зависеть от бюджетной обеспеченности региона, что предполагает создание механизма федерального софинансирования.

Материально-правовой аспект также требует корректировки. Действующая практика квалифицирует деятельность дроповода преимущественно по статье 187 УК РФ, однако диспозиция этой нормы ориентирована на неправомерный оборот средств платежей и не охватывает организацию сети подконтрольных счетов, равно как

и вербовку дропов в качестве самостоятельного деяния. Обсуждаемые в 2025 г. законодательные инициативы о криминализации дропперства заслуживают поддержки, однако их реализация должна сопровождаться уточнением процессуального инструментария: без надёжного механизма формирования цифровых доказательств новые составы останутся неприменимыми.

Наконец, целесообразно принятие постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, в котором надлежит изложить систематизированные разъяснения по следующим вопросам: понятие электронных (цифровых) данных и порядок их приобщения к материалам уголовного дела; требования к протоколированию действий с электронными носителями, включая фиксацию хеш-значений; критерии допустимости данных, полученных из иностранных информационных сервисов; минимальный стандарт атрибуции цифрового следа конкретному лицу; разграничение оснований признания цифровых данных недопустимыми и оценки их как недостоверных; правила оценки распечаток и изображений экрана, не сопровождаемых исследованием первоисточника.

Обобщение правоприменительной практики позволяет выделить три типичные ошибки. Первая – подмена судебного порядка получения охраняемых законом сведений направлением запроса. Вторая – формальная фиксация факта изъятия электронного носителя без описания его состояния и без обеспечения неизменности данных. Третья – обоснование атрибуции единственным техническим признаком, чаще всего IP-адресом. Их устранение требует как точечной корректировки УПК РФ, так и повышения квалификации правоприменителя, но не создания обособленного «цифрового» процесса, что лишь усложнило бы систему процессуального регулирования без соразмерного положительного эффекта.

Итог: цифровой след способен стать полноценной основой обвинения, но лишь при условии технически верифицируемой фиксации и многоканальной атрибуции.

Заключение

Каковы реальные пределы доказательственного значения цифровых следов в уголовных делах о деятельности дроповодов? Проведенное исследование позволяет очертить эти пределы достаточно четко.

Цифровой след не образует самостоятельного вида доказательств и вводится в уголовное дело исключительно через формы, предусмотренные частью 2 статьи 74 УПК РФ, – вещественное доказательство, иной документ, протокол следственного действия либо заключение эксперта. Иных вариантов действующий закон не предусматривает. Вместе с тем материальная

природа электронных данных – их делимость от носителя, копируемость без утраты качества, скрытая модифицируемость – не соответствует признакам ни одной из существующих форм в полной мере, что обуславливает необходимость нормативного закрепления электронных (цифровых) данных как самостоятельного источника доказательств.

Проверка допустимости цифрового следа концентрируется вокруг четырёх узлов: соблюдения специального порядка изъятия электронных носителей, наличия судебного контроля при доступе к охраняемым законом сведениям, законности использования результатов оперативно-розыскной деятельности и правомерности получения данных из иностранных информационных сервисов. Парадоксально, но даже объективно достоверная информация о движении денежных средств утрачивает юридическую силу, если получена в обход процедуры, установленной частью 3 статьи 183 УПК РФ.

Проверка достоверности распадается на установление аутентичности и установление атрибуции. Первая задача технически разрешима посредством криптографического хеширования, однако процессуальной обязанности его производить закон не устанавливает. Вторая задача принципиально не может быть решена на основании единственного технического признака: вывод о совершении действия конкретным лицом требует совокупности не менее трёх независимых по источнику групп цифровых следов, подкреплённых заключением эксперта. На практике это значит, что успех доказывания по делам о дроповодах определяется не объёмом изъятых сведений, а качеством выявленных корреляций между анонимной и легальной идентичностями подозреваемого.

Совершенствование доказательственного режима требует взаимосвязанных процессуальных и организационных изменений. Речь идёт о дополнении части 2 статьи 74 УПК РФ пунктом 3.1 и введении статьи 84.1; о закреплении в статьях 164.1 и 166 УПК РФ обязательного хеш-протоколирования; о введении статьи 185.1 УПК РФ, устанавливающей судебный порядок осмотра информации, содержащейся в электронном устройстве; о введении статьи 186.2 УПК РФ о требовании к сохранению компьютерной информации; о дополнении статьи 196 УПК РФ основанием обязательного назначения компьютерно-технической экспертизы; о нормативной регламентации оперативно-розыскного мероприятия «получение компьютерной информации»; о создании единого криминалистического депозитария цифровых доказательств и установлении федерального минимального стандарта технического обеспечения следственных подразделений.

Введение новых процессуальных требований при неизменности материально-технической базы способно превратить их в формальность. Поправки к УПК РФ должны вступать в силу одновременно с утверждением методики криминалистического исследования электронных носителей, оснащением следственных подразделений сертифицированными программно-аппаратными средствами и организацией профессиональной подготовки следователей. В противном случае усиление требований к форме приведёт не к повышению надёжности доказывания, а к увеличению числа дел, прекращённых за недостаточностью доказательств, – то есть к результату, противоположному целям реформы. Итог очевиден: без синхронного технологического и кадрового обеспечения любые процессуальные новеллы рискуют остаться декларацией.

Список литературы:

- [1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ, от 06.10.2022) // СПС «Гарант».
- [2] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 26.07.2026 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.
- [3] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 26.07.2026 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.
- [4] Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 01.04.2025 г.) «Об оперативно-розыскной деятельности» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 33. Ст. 3349.
- [5] Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ (ред. от 10.06.2026) «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 33 (ч. I). Ст. 3418.
- [6] Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 26.06.2026 г.) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3448.
- [7] Федеральный закон от 01.04.2025 № 41-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (о дополнительных мерах противодействия преступлениям, совершаемым с использованием информационных и коммуникационных технологий) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 28.07.2026).

- [8] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 (ред. от 15.12.2022) «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_284098/ (дата обращения: 28.07.2026).

- [9] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 07.07.2015 № 32 (ред. от 26.02.2019) «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181916/ (дата обращения: 28.07.2026).

- [10] Алымов, Д. В. Криминалистическая характеристика типовых следов преступника, осуществляющего криминальную деятельность в виртуальном пространстве (на примере дроповодов) / Д. В. Алымов, К. Г. Балашов, А. Ю. Дериглазова // Вестник Томского государственного университета. – 2024. – № 506. – С. 185-192. doi: 10.17223/15617793/506/23.

- [11] Петрищева, Н. С. Некоторые особенности учета идеологического компонента при расследовании преступлений на примере деятельности «дропов» и «дроповодов» / Н. С. Петрищева, Д. М. Носов, К. Г. Балашов // Вестник Томского государственного университета. – 2026. – № 523. – С. 268-275. doi: 10.17223/15617793/523/29.

- [12] Россинская, Е. Р. Концепция цифровых следов в криминалистике / Е. Р. Россинская // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. – 2019. – № 4 (12). – С. 38-47.

- [13] Мещеряков, В. А. О понятии электронно-цифрового отображения в цифровой криминалистике / В. А. Мещеряков, О. Ю. Цурлуй // Российское правосудие. – 2022. – № 1. – С. 162-171.

- [14] Переверзева, Е. С. Виртуальные и цифровые следы: новый подход в понимании / Е. С. Переверзева, А. В. Комов // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2021. – № 1 (89). – С. 172-178. doi: 10.35750/2071-8284-2021-1-172-178.

- [15] Грибунов, О. П. Криминалистическая теория причинности в контексте установления механизма слеодообразования: философские и теоретические аспекты / О. П. Грибунов // Вестник Томского государственного университета. – 2019. – № 446. – С. 207-211.

References:

- [1] The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993) (taking into account the amendments made by the Laws of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation dated

30.12.2008 No. 6-FKZ, dated 30.12.2008 No. 7-FKZ, dated 05.02.2014 No. 2-FKZ, dated 01.07.2020 No. 11-FKZ, dated 06.10.2022) // SPS "Garant."

[2] Code of Criminal Procedure of the Russian Federation dated 18.12.2001 No. 174-FZ (as amended on 26.07.2026) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2001. No. 52 (part I). Art. 4921.

[3] Criminal Code of the Russian Federation dated 13.06.1996 No. 63-FZ (as amended on 26.07.2026) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1996. № 25. Art. 2954.

[4] Federal Law of 12.08.1995 No. 144-FZ (as amended on 01.04.2025) "On Operational Search Activities" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1995. № 33. Art. 3349.

[5] Federal Law No. 07.08.2001 of 115-FZ (as amended 10.06.2026) "On Combating Legalization (Laundering) of Proceeds from Crime and Financing of Terrorism" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2001. No. 33 (part I). Art. 3418.

[6] Federal Law of 27.07.2006 No. 149-FZ (as amended on 26.06.2026) "On Information, Information Technologies and Information Protection" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2006. No. 31 (part I). Art. 3448.

[7] Federal Law of 01.04.2025 No. 41-FZ "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" (on additional measures to counter crimes committed using information and communication technologies) // Official Internet portal of legal information. URL: <http://pravo.gov.ru> (access date: 28.07.2026).

[8] Decision of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 30.11.2017 No. 48 (ed. 15.12.2022) "On judicial practice in cases of fraud, embezzlement and embezzlement." URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_284098/ (accessed: 28.07.2026).

[9] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 07.07.2015

No. 32 (ed. 26.02.2019) "On judicial practice in cases of legalization (laundering) of money or other property acquired by criminal means, and on the acquisition or sale of property knowingly obtained by criminal means." URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181916/ (accessed: 28.07.2026).

[10] Alymov, D. V. Forensic characteristics of typical traces of a criminal carrying out criminal activities in virtual space (using the example of droppers)/D. V. Alymov, K. G. Balashov, A. Yu. Deriglazova // Bulletin of Tomsk State University. – 2024. – № 506. – S. 185-192. doi: 10.17223/15617793/506/23.

[11] Petrishcheva, N. S. Some features of taking into account the ideological component when investigating crimes using the example of the activities of "drops" and "drops" /N. S. Petrishcheva, D. M. Nosov, K. G. Balashov // Bulletin of Tomsk State University. – 2026. – № 523. – S. 268-275. doi: 10.17223/15617793/523/29.

[12] Rossinskaya, E.R. The concept of digital traces in forensics/E.R. Rossinskaya // Forensics: yesterday, today, tomorrow. – 2019. – № 4 (12). – S. 38-47.

[13] Meshcheryakov, V. A. On the concept of electronic digital display in digital forensics/ V. A. Meshcheryakov, O. Yu. Tsurluy // Russian Justice. – 2022. – № 1. – S. 162-171.

[14] Pereverzeva, E. S. Virtual and digital traces: a new approach in understanding/E. S. Pereverzeva, A. V. Komov // Bulletin of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2021. – № 1 (89). – S. 172-178. doi: 10.35750/2071-8284-2021-1-172-178.

[15] Gribunov, O. P. Forensic theory of causality in the context of establishing the mechanism of trace formation: philosophical and theoretical aspects/O. P. Gribunov // Bulletin of Tomsk State University. – 2019. – № 446. – S. 207-211.

РУСТАМОВА Людмила Рустамовна,
Доцент кафедры Информационных систем
и технологий ФГБОУ ВО «Ингушский
государственный университет»,
e-mail: rustamoval@mail.ru

АНАЛИЗ МЕТОДОВ ЗАЩИТЫ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ В УСЛОВИЯХ РАСТУЩЕЙ УГРОЗЫ КИБЕРАТАК: СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ШИФРОВАНИЯ И АНОНИМИЗАЦИИ

Аннотация. По мере развития цифровых технологий, обеспечивающих постоянный обмен данными, особенно важным становится решение вопросов защиты целостности и неприкосновенности персональных данных. Высокий уровень развития демонстрируют и цифровые технологии, которые применяют хакеры, использующие компьютеры и сетевые ресурсы для осуществления несанкционированного доступа к базам данных для их кражи, повреждения и блокировки. Закономерно, что в этом случае поиск и выбор методов защиты персональных данных должен быть основан, во-первых, на знании типа нуждающихся в защите данных, а во-вторых, на понимании специфики методов противодействия кибератакам. В связи с этим автор видит необходимость в сопоставлении таких технологий защиты персональных данных как шифрование и анонимизация. В статье охарактеризованы виды персональных данных и осуществлена их корреляция с уровнями угрозы, поскольку эти факторы в значительной мере обуславливают выбор методов защиты. Подробно рассмотрены особенности технологий шифрования и анонимизации, и проведено их сравнение по ключевым параметрам. Автор приходит к выводу, что оба метода обеспечивают высокий уровень защиты, обладают широким функционалом и надежностью, хотя каждый из них не лишен недостатков, а потому в каждом конкретном случае выбор должен осуществляться, исходя из целей и задач, а также обязанности соблюдения требований законодательства.

Ключевые слова: персональные данные; кибератаки; шифрование; анонимизация; «цифровой след»; уровень угрозы.

RUSTAMOVA Lyudmila Rustamovna,
Associate Professor of the Department of
Information Systems and Technologies of the Ingush
State University

ANALYSIS OF METHODS FOR PROTECTING PERSONAL DATA IN THE FACE OF A GROWING THREAT OF CYBER ATTACKS: A COMPARATIVE STUDY OF MODERN ENCRYPTION AND ANONYMIZATION TECHNOLOGIES

Annotation. As digital technologies evolve, enabling constant data exchange, protecting the integrity and inviolability of personal data becomes increasingly important. Digital technologies are also highly developed, exploiting computers and network resources to gain unauthorized access to databases for theft, corruption, and blocking. Naturally, in this case, the search for and selection of personal data protection methods should be based, firstly, on knowledge of the type of data requiring protection and, secondly, on an understanding of the specific methods used to counter cyber attacks. Therefore, the author sees the need to compare personal data protection technologies such as encryption and anonymization. The article characterizes the types of personal data and correlates them with threat levels, as these factors significantly determine the choice of protection methods. The features of encryption and anonymization technologies are examined in detail, and their key parameters are compared. The author concludes that both methods provide

a high level of protection, have extensive functionality, and are reliable, although each has its drawbacks. Therefore, in each specific case, the choice should be made based on the goals and objectives, as well as the need to comply with legal requirements.

Key words: *personal data; cyber attacks; encryption; anonymization; digital footprint; threat level.*

В своем историческом развитии человечество прошло несколько глобальных эпох: Античность, Средневековье, Ренессанс, эпоха Великих географических открытий и эпоха Просвещения, промышленная революция, индустриальное и постиндустриальное общество, каждая из которых представляет значимый этап развития цивилизации, характеризующийся принципиальными изменениями всех сфер жизнедеятельности социума. Современный период, начало отсчета которому положила разработка в 1947 г. транзистора, существенно отличающийся от предыдущих временных отрезков, также получил свое название – эпоха глобализации и информации, информационная эра, информационная эпоха. Характерными признаками этой эпохи являются цифровизация, широкие возможности для каждого человека свободно передавать и получать информацию, доступ к различным сегментам информационного поля, что создает положительную картину современного цифрового мира. Но есть и обратная сторона медали: доступ к данным, включая персональные, может носить несанкционированный характер, делать их мишенью кибератак, приводя к утечке и уязвимости.

На эти особенности информационной эпохи обращают внимание специалисты из Организации объединенных наций, отмечая, что «развитие цифровых технологий может способствовать поддержанию и ускорению достижения основных целей в области устойчивого развития...», и в то же время «технологии могут ставить под угрозу неприкосновенность частной жизни, подрывать безопасность и усугублять неравенство» [1]. Соответственно, возникает необходимость поиска путей использования цифровых технологий и контроля их развития. Учитывая, что цифровизация носит глобальный характер, охватывая практически все сферы человеческой жизнедеятельности, данная статья имеет целью сопоставление лишь некоторых методов защиты персональных данных, а именно технологий шифрования и анонимизации.

Очевидно, что сравнительный анализ указанных технологий требует четкого понимания содержания самих объектов, требующих защиты, и источников угрозы. В первую очередь остановим внимание на том, что относится к персональным данным не только в обиходном, но и в правовом смысле.

Опираясь на прямое значение словосочетания «персональные данные», любой человек

безошибочно относит к этой категории фамилию, имя и отчество, адрес проживания и адрес электронной почты, номер телефона, сведения об образовании и ряд других сведений, позволяющих безошибочно идентифицировать конкретного человека. Что касается определения персональных данных в правовом поле, то оно, согласно ст. 3 федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152 «О персональных данных», выглядит следующим образом: «любая информация, относящаяся к прямо или косвенно определенному или определяемому физическому лицу (субъекту персональных данных)». Раскрывая данную формулировку, приходим к пониманию, что спектр этих данных достаточно широк, хотя непосредственно в законе строго определенный перечень персональных данных отсутствует. Это логично, поскольку суть заключается не в данных как таковых, а в том, что указанная в законе «любая информация» должна позволять установить конкретного человека. Поясним: ни номер телефона, ни адрес электронной почты, ни фотография сами по себе «без привязки» к конкретному человеку не являются персональными данными, тогда как они же в сочетании с ФИО их обладателя становятся таковыми.

Возвращаясь к теме эпох, затронутой в начале статьи, следует отметить, что персональные данные также претерпели изменения в современном информационном мире за счет отнесения к ним «цифровых следов» [2]. Это IP-адрес (internet protocol address), т.е. цифровой идентификатор, являющийся уникальным и присваиваемый каждому конкретному устройству для его идентификации и обмена данными в сети; файлы cookie, т.е. небольшие фрагменты текстовых данных, которые являются своего рода «памятью» для браузера, давая возможность сайтам «узнавать» пользователя; навигационные метки, поскольку именно такие характеристики позволяют идентифицировать человека.

Наконец, говоря о персональных данных, нельзя не акцентировать внимание на разнообразии их видов по степени доступности:

общие или общедоступные персональные данные – включают в себя сведения, которые известны достаточно широкому кругу лиц и размещены на общедоступных ресурсах, например, ФИО, дата рождения, место жительства и адрес электронной почты, номер телефона, место работы или учебы;

специальные персональные данные – без

прямого обращения к человеку, официального запроса в правоохранительные органы, суд или медицинское учреждение невозможно получить сведения о состоянии здоровья, наличии/отсутствии судимости, национальной принадлежности, религиозных взглядах и политических убеждениях;

биометрические персональные данные – сам термин «биометрические» правомерно применять к физиологическим или биологическим характеристикам человека только в том случае, когда их используют для идентификации; за пределами такого применения это просто характеристики человека, включающие в себя отпечатки пальцев и изображение лица, группу крови и информацию о генотипе, запись голоса;

иные персональные данные – могут быть разделены на две подгруппы, к первой из которых относятся обезличенные данные, не позволяющие идентифицировать человека без дополнительных данных (например, в социологических опросах и других аналитических исследованиях используются именно такие данные); вторую группу составляют данные, в отношении которых сам субъект дал разрешение на распространение, в силу чего они могут размещены на сайтах и базах данных [2].

Знание видовой принадлежности персональных данных особенно важно для решения вопросов их защиты. Очевидно, что первый из рассмотренных выше видов персональных данных относится к «наименее чувствительной категории», поскольку такие сведения обеспечивают идентификацию человека с использованием той информации, на размещение которой сам субъект изъявил согласие, той, которая фигурирует в договорах (например, об оказании услуг различного вида), или может быть свободно получена во исполнение закона. Следующая категория персональных данных в значительно большей степени затрагивает личную жизнь человека, его физическое и психическое состояние, убеждения, принадлежность к различным организациям, а потому не может становиться объектом доступа без прямого письменного согласия субъекта; исключения составляют случаи, когда речь идет о защите жизни и здоровья человека. Что касается биометрических данных, то, как было отмечено ранее, в эту категорию попадают физиологические и биологические данные человека в том случае, когда применяются для его идентификации [3]. Поясним: камера, сканирующая лицо человека или отпечатки пальцев, обрабатывает именно биометрические персональные данные, тогда как фотография к этой категории не относится, поскольку известно, кто на ней изображен. Наконец, наиболее свободно осуществляется обработка последнего вида персональных данных

(обезличенных и разрешенных самим человеком для распространения). Это не означает отсутствие законодательного регулирования, но при соблюдении анонимности или условий открытого доступа осуществляется с большими степенями свободы.

Следующий важный аспект, который необходимо прояснить, – это собственно защита персональных данных. Во-первых, от чего их следует защищать, и во-вторых, какие методы могут быть применены для решения этой задачи. В связи с этим следует определиться с основными терминами в данной сфере, одним из которых является понятие «кибератака». Согласно определению, кибератака в широком смысле может быть охарактеризована как преднамеренное действие злоумышленников, которые используют компьютеры и сетевые ресурсы для осуществления несанкционированного доступа к чужим системам и базам данных для их кражи, повреждения или блокировки [4]. Данное определение не единственное, однако вполне достаточное для установления ключевых признаков кибератаки. Если же говорить о кибератаке в узком смысле, применительно к персональным данным, то она представляет собой несанкционированный доступ к личным данным пользователей или конфиденциальной информации, которую аккумулируют различные структуры и организации (учреждения здравоохранения, образования, сферы обслуживания и торговли, работодатели, кадровые агентства).

Цели кибератак вариативны и зависят от того, на какой контент они направлены. В случае кибератаки на персональные данные целью становится нарушение их конфиденциальности, что достигается путем кражи или намеренной утечки личных данных, паролей, информации финансового характера.

Помимо вышеописанного, для выбора эффективных методов защиты требуется знание того, к какому типу относится угроза персональным данным. Всего существует три типа таких угроз, и они определены на законодательном уровне в Постановлении Правительства Российской Федерации от 1 ноября 2012 г. № 1119 «Об утверждении требований к защите персональных данных при их обработке в информационных системах персональных данных». Перечислим эти типы по уровню возрастания угрозы:

третий уровень угрозы (самый низкий) – имеет относительно благоприятный характер, поскольку в этом случае затраты на защиту информационных систем персональных данных будут относительно невелики, поскольку в программном обеспечении изначально заложены так называемые «недокументированные возможности» (преднамеренно созданный разработчиками

скрытый функционал), который отсекает возможность получения доступа к персональным данным как со стороны сотрудников (случайно или целенаправленно), так и со стороны третьих лиц;

второй уровень угрозы – характерны для систем, в прикладных программах которых присутствуют скрытые утилиты, позволяющие собирать и систематизировать персональные данные и фактически оставляющие простор для направления таких недокументированных возможностей на несанкционированное внесение изменений в персональные данные или уничтожение информации;

первый уровень угрозы (самый высокий) – указывает на существование аппаратных или программных возможностей в информационной системе персональных данных, которые потенциально могут вызвать неправомерную блокировку, изменение, удаление или утечку персональных данных [5].

И вот здесь напрямую подходим к необходимости выбора конкретных методов защиты персональных данных, среди которых в качестве основных можно выделить шифрование и анонимизацию. Рассмотрим эти методы в сравнительном аспекте.

Шифрование данных определяется как метод защиты информации, предполагающий кодирование (шифрование) данных с использованием криптографических алгоритмов [6]. С чисто утилитарной точки зрения криптографический алгоритм можно представить как набор правил, который позволяет зашифровать информацию так, что она будет доступна для чтения только авторизованным сторонам [7]. Чисто технически это такой алгоритм, который генерирует зашифрованный текст, не доступный для прямого чтения, т.е. требующий для его понимания расшифровки. Заметим, что шифрование является одним из древнейших механизмов защиты информации: достаточно вспомнить «скиталу» в Спарте (V в. до н.э.), шифр Атбаш в Древней Иудее (VI в. до н.э.), шифр Цезаря в Римской империи (I в. до н.э.). На практике этот метод прошел путь от простейших механических подстановок, которые использовались в перечисленных и даже более поздних шифрах, до применения сложных математических алгоритмов, уже недоступных для ручного применения.

Принципиально важным признаком шифрования является то, что данный процесс полностью обратим, поскольку данные остаются доступными для расшифровки при условии, что у авторизованного пользователя имеется специальный ключ или система ключей. Шифрование как метод защиты информации, включая персональные данные, имеет своей целью сохранение конфиденциального характера и целостности ин-

формации, осуществление идентификации пользователей, предупреждение перехвата, утечки и несанкционированного доступа [6]. Заметим, что в настоящее время действует стандарт, согласно которому на законодательном уровне (ст. 7 федерального закона № 152 «О персональных данных») закреплена обязательность хранения паролей строго в зашифрованном виде. Шифрование реализуется в разных видах:

–симметричное – в этом случае для шифрования и для последующей расшифровки используется один и тот же ключ; с помощью симметричного шифрования кодируются большие объемы конфиденциальной информации, передаваемые между доверенными лицами;

–асимметричное – для шифрования используется открытый ключ, а для дешифровки – закрытый ключ, которые связаны между собой алгоритмом; этот способ применяется для аутентификации на различных сервисах, при использовании электронной цифровой подписи [6].

Анонимизация данных, как можно заключить из названия, представляет метод (точнее, группу методов) обеспечения сохранности конфиденциальной информации за счет удаления или изменения идентификаторов, позволяющих установить связь конкретных субъектов с относящимися к ним данными. Целью анонимизации является защита персональных данных и предотвращение их утечки в процессе использования, хранения и трансляции [8]. Такой подход позволяет защитить приватность данных, обезличивая их, однако сохраняя их достоверность. Эффективность этого метода позволяет обеспечить соблюдение наиболее строгих правил защиты, а потому анонимизация часто применяется при работе с контактной информацией, финансовыми и медицинскими данными человека. На практике анонимизация исключает возможность идентифицировать конкретного человека, тогда как сами данные сохраняют свою полезность для аналитики (например, при проведении социологических опросов) и тестирования различных систем. Равно как и шифрование, анонимизация данных отвечает требованиям законодательства о защите персональных данных, соответственно, компании, прибегающие к данному методу, действуют в рамках федерального закона № 152 и выполняют обязательства по защите персональных данных. Спектр видов анонимизации достаточно широк:

маскировка – представляет собой такой подход, при котором данные раскрываются с частичной или полной заменой их реальных значений; классический пример – указание номера телефона в виде определенного количества «звездочек» или «крестиков», в качестве других вариантов маскировки могут выступать перетасовка символов, отзеркаливание их порядка, использо-

вание терминов вместо символов, что затрудняет декодирование, а значит и идентификацию носителя данных;

обобщение – в этом случае некоторые данные преднамеренно исключаются для снижения уровня их идентификации и заменяются различными диапазонами; к такому способу часто прибегают для обезличивания данных участников опроса, когда точный возраст участника заменяется указанием возрастной группы;

псевдонимизация или токенизация – основана на замене личных идентификаторов ложными (псевдонимами), но также уникальными идентификаторами, которые называются токенами; статистическая точность данных в этом случае обеспечивается грамотным подходом к выбору токена (например, истинные фамилии заменяются псевдонимами, обладающими такой же частотностью в языке); данные в этом случае по-прежнему пригодны для тестирования, анализа и других действий, однако их конфиденциальность защищена;

изменение или зашумление – реализуется путем внесения незначительных случайных искажений в данные, например, это может быть округление возраста, номера дома и других величин, что позволяет сохранить статистические свойства данных, однако не позволяют установить по ним конкретного человека;

перестановка или перетасовка – представляет собой такую замену, в процессе которой атрибуты набора данных меняются так, что перестают соответствовать исходной информации (например, это может быть переключение столбцов, в которых содержатся легко узнаваемые данные типа даты рождения), не утрачивая своей достоверности;

синтез – алгоритмическая генерация данных, которые не связаны с конкретным человеком или ситуацией, т.е. создается искусственный набор данных, тем самым защищая конфиденциальность оригинальных данных; как правило, используются статистические методы (стандартные отклонения, линейная регрессия, медианные значения) [8].

Заметим, что, несмотря на принципиальные различия между шифрованием и анонимизацией, в обоих случаях точность самих данных сохраняется, кроме того, оба метода обеспечивают высокий уровень защиты.

Сравним теперь преимущества и недостатки каждого из рассмотренных методов защиты персональных данных. Следует заметить, что сравнение требует целый ряд параметров, поскольку очевидно, что даже абсолютно надежный метод защиты может оказаться неприменимым в силу технической сложности или финансовой составляющей. Так по цели применения: шифрование

направлено в большей степени на защиту данных при их хранении и передаче, тогда как анонимизация – на обеспечение безопасной работы с данными при анализе, тестировании, обучении. Оба метода обеспечивают обратимость процесса при соблюдении определенных условий – наличия ключа при шифровании и доступа к оригиналу данных при анонимизации [6]. Существенные различия отмечаются по параметру «потребление ресурсов», поскольку шифрование требует их значительного количества, тогда как использование специализированных программных решения в случае анонимизации позволяет потреблять минимальное количество ресурсов.

Основными достоинствами шифрования является высокий уровень защиты в ходе хранения и передачи персональных данных; предотвращение перехвата и несанкционированного доступа; сохранение целостности и надежности данных; защита от их изменения; хорошая сочетаемость с другими методами, позволяющая обеспечить комплексную систему безопасности. Преимущества анонимизации лежат в поле минимизации рисков неправомерного использования данных, включая их инсайдерское применение; высокой эффективности управления данными и согласованности результатов; возможности анализировать большие объемы данных.

Что касается недостатков или, скорее сложностей, связанных с реализацией того или иного метода, то в случае шифрования это:

высокие затраты ресурсов (вычислительных мощностей), что приводит к задержкам при обработке запросов к базам данным, снижению производительности;

значительные финансовые затраты в силу необходимости использования мощных серверов, современного программного обеспечения и квалифицированных специалистов;

сложность управления ключами и утрата доступа к данным при утере ключа;

сложности резервного копирования – восстановление из копий требует больше времени в силу использования дополнительных алгоритмов;

сложности выполнения требований законодательства, поскольку в некоторых случаях для соблюдения требований федерального закона «О персональных данных» разрешено использование только конкретных сертифицированных средств криптографической защиты;

уязвимость системы в момент входа в нее авторизованного пользователя [6].

Использование анонимизации в свою очередь может вызывать: нарушение нормативных требований о получении разрешения от пользователя на сбор личной информации (файлы cookie, IP-адреса); ограничение извлечения значимой информации из результатов; невозмож-

ность использования анонимизированной информации для персонализации взаимодействия с пользователем; риск повторной идентификации за счет восстановления из нескольких наборов данных; необратимый характер ошибок; отсутствие стопроцентной гарантии приватности данных; ложное чувство абсолютной безопасности данных [7].

Подводя итог сопоставлению ключевых параметров шифрования и анонимизации, можно говорить о том, что каждый из них обладает значительным функционалом и надежностью в качестве метода защиты персональных данных. Тем не менее, в каждом конкретном случае требуется учитывать цели и задачи, которые стоят перед организацией, использующей персональные данные; требования законодательства, устанавливающие порядок обезличивания персональных данных и передачи их третьим лицам (федеральный закон № 152 «О персональных данных»); приемлемость объема потребляемых вычислительных ресурсов и допустимость снижения скорости обработки запросов к базам данных. Однако в целом, если речь идет именно о защите от кибератак, обеспечении конфиденциальности и целостности персональных данных при их передаче и хранении, то предпочтительным оказывается применение метода шифрования. социальное, экономическое и политическое развитие.

Список литературы:

[1] Последствия использования цифровых технологий // Организация объединенных наций [Электронный ресурс]. URL: <https://www.un.org/ru/un75/impact-digital-technologies> (дата обращения 29.06.2026).

[2] Что такое персональные данные и как их защищать: полный гид по 152-ФЗ (актуально на 2026 год) // VK Cloud [Электронный ресурс]. URL: <https://cloud.vk.com/blog/chto-takoe-personalnye-dannye-ih-hranenie-i-obrabotka/> (дата обращения 29.06.2026).

[3] Что такое персональные данные: особенности работы, виды и хранение // Потенциал [Электронный ресурс]. URL: <https://ptl-pro.ru/articles/personalnye-dannye-osobennosti-vidy-i-khranenie/> (дата обращения 30.06.2026).

[4] Комплексный обзор кибератак // Microsoft Security [Электронный ресурс]. URL: <https://www.microsoft.com/ru-ru/security/business/security-101/what-is-a-cyberattack> (дата обращения 30.06.2026).

[5] Типы угроз персональных данных // Центр безопасности данных [Электронный ресурс]. URL: <https://data-sec.ru/personal-data/>

[threats-types/](https://data-sec.ru/personal-data/threats-types/) (дата обращения 30.06.2026).

[6] Маскирование данных VS шифрование: в чем разница // Гарда [Электронный ресурс]. URL: <https://garda.ai/blog/articles/maskirovanie-dannykh-vs-shifrovanie-v-chem-raznitsa> (дата обращения 30.06.2026).

[7] Криптографический алгоритм // Лаборатория Касперского [Электронный ресурс]. URL: <https://encyclopedia.kaspersky.ru/glossary/cryptographic-algorithm/> (дата обращения 01.07.2026).

[8] Вальцев А. Обезличивание данных: как защитить конфиденциальность пользователей // SF Education [Электронный ресурс]. URL: <https://blog.sf.education/obezlichivanie-dannyh/> (дата обращения 01.07.2026).

References:

[1] Implications of the use of digital technologies // United Nations [Electronic Resource]. URL: <https://www.un.org/ru/un75/impact-digital-technologies> (дата обращения 29.06.2026).

[2] What is personal data and how to protect it: a complete 152-FZ guide (relevant for 2026) // VK Cloud [Electronic resource]. URL: <https://cloud.vk.com/blog/chto-takoe-personalnye-dannye-ih-hranenie-i-obrabotka/> (дата обращения 29.06.2026).

[3] What is personal data: features of work, types and storage // Potential [Electronic resource]. URL: <https://ptl-pro.ru/articles/personalnye-dannye-osobennosti-vidy-i-khranenie/> (дата обращения 30.06.2026).

[4] Comprehensive overview of cyber attacks // Microsoft Security [Electronic Resource]. URL: <https://www.microsoft.com/ru-ru/security/business/security-101/what-is-a-cyberattack> (дата обращения 30.06.2026).

[5] Types of personal data threats // Data Security Center [Electronic Resource]. URL: <https://data-sec.ru/personal-data/threats-types/> (date of contact 30.06.2026).

[6] Data masking VS encryption: what's the difference // Garda [Electronic resource]. URL: <https://garda.ai/blog/articles/maskirovanie-dannykh-vs-shifrovanie-v-chem-raznitsa> (дата обращения 30.06.2026).

[7] Cryptographic algorithm // Kaspersky Lab [Electronic resource]. URL: <https://encyclopedia.kaspersky.ru/glossary/cryptographic-algorithm/> (дата обращения 01.07.2026).

[8] Valtsev A. Depersonalization of data: how to protect user privacy // SF Education [Electronic resource]. URL: <https://blog.sf.education/obezlichivanie-dannyh/> (дата обращения 01.07.2026).

ФИАЛКОВСКАЯ Екатерина Владимировна,
кандидат педагогических наук, старший научный
сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России,
e-mail: 19katrin81@bk.ru

ФОРМИРОВАНИЕ ЗНАНИЙ О ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

Аннотация. Изменение отношения к информационной безопасности и выработка устойчивой культуры безопасного обращения с информационными ресурсами не может быть достигнута одномоментно. В статье рассматривается вопрос формирования знаний об информационной безопасности. Выделяется важность целенаправленного повышения осведомленности за счет обучения, используются периодическая или непрерывная форма обучения.

Ключевые слова: информационные ресурсы, информационная безопасность, информационная безопасность, культура информационной безопасности.

FIALKOVSKAYA Ekaterina Vladimirovna,
Candidate of Pedagogical Sciences, Senior
Researcher, PKU Research Institute of the Federal
Penitentiary Service of Russia

FORMATION OF KNOWLEDGE ABOUT INFORMATION SECURITY

Annotation. Changing attitudes towards information security and developing a sustainable culture of safe handling of information resources cannot be achieved simultaneously. The article discusses the issue of generating knowledge about information security. The importance of targeted awareness raising through training is highlighted, a periodic or continuous form of training is used.

Key words: information resources, information security, information security, information security culture.

Изменение отношения к информационной безопасности и выработка устойчивой культуры безопасного обращения с информационными ресурсами не может быть достигнута в одночасье, единичными и редкими занятиями по вопросам безопасности. Большинство людей забывают то, что им сказали, в течение относительно короткого периода, если им не напомнить об этом [1; 2].

Периодические программы повышения квалификации увеличивают срок обучения, от одного однодневного ежегодного мероприятия до программ продолжительностью несколько дней. Это может быть более эффективным подходом. Креативность в программах для каждого мероприятия может помочь охватить вопросы безопасности, которые будут беспокоить сотрудников, и использование ярких докладчиков и/или реализация

праздничных мероприятий по повышению информационной грамотности [3].

Программы непрерывного информирования являются естественным продолжением периодического подхода, но существует очевидная проблема с гораздо более частым проведением крупных корпоративных мероприятий: резко возрастают затраты и нежелание сотрудников. Следовательно, непрерывная форма обучения обычно включает в себя менее интенсивные и дорогостоящие информационные мероприятия. Решения «по требованию» позволяют сотрудникам получать доступ к информационным или учебным материалам в периоды бездействия или перерыва на работе, когда они чувствуют желание и возникла потребность восполнить знания [4; 5]. Такой подход дает немедленную выгоду сотрудни-

кам, которые уже достаточно образованы, чтобы искать дополнительную информацию о безопасности и обучении, так как никто не заставляет их делать это. Тем не менее, отстающие сотрудники, вряд ли воспользуются этим вариантом, избегая программы повышения квалификации.

Метод «учись, обучая» достаточно многогранен и в полной мере относится как к ученику, так и к преподавателю. В данной работе рассмотрим только одно толкование указанной фразы. Рассмотрим ее как форму внутриколлективного обучения в минигруппах проводимого наиболее подготовленным сотрудником, ранее прошедшим обучение и успешно освоившим его. В таком подходе преподаватель и слушатели из одного коллектива с установившимися межличностными взаимодействиями и способны более эффективно передавать знания наиболее важные для конкретного сотрудника и выполняемых должностных обязанностей. При этом роль спикера может быть не жестко закреплена а переходить по желанию или административным распоряжением к другим сотрудникам группы для объединения коллектива пониманием и ответственностью не только к своим знаниям, но и ответственностью к обучающимся. Примерив роль преподавателя на себя каждый сотрудник как показали наблюдения уже со следующего занятия демонстрирует большее прилежание, дисциплину и ответственность к обучению и освоению изучаемого материала.

Учитывая, что у людей разные интересы в области информационной безопасности, и что каждая тема будет обсуждаться только в течение ограниченного периода времени, прежде чем перейти к следующему, сборник тем, охватываемых программой поэтапного обучения, может получить более широкую привлекательность, чем разовое мероприятие. Тщательный дизайн материалов для каждой темы также помогает, особенно для конкретных групп аудитории в рамках всей организации. Уже упомянули персонал, менеджеров и ИТ-специалистов, но по некоторым темам аудитория часто бывает более узкой (например, администраторы залов, охранники, личные помощники / секретари, персонал службы поддержки и агенты по обслуживанию клиентов обычно играют важную роль в выявление и отражение обычных атак социальной инженерии).

Подход поэтапного обучения имеет еще одно более тонкое преимущество по сравнению с традиционным мероприятием при единичном обучении, а именно то, что рассматриваемые темы не обязательно должны быть полностью заранее определены за несколько месяцев. Имея достаточные ресурсы под рукой (скорее всего, с помощью функциональных экспертов из учебных заведений, сотрудников, специалистов по персоналу, юриспруденции, ИТ, рискам, нормативно-право-

вому обеспечению, физической безопасности / безопасности на местах и других отделов), вполне возможно исследовать и разрабатывать информационные материалы для новых тем по одной, параллельно с обучением по предыдущих тем. Таким образом, программа может быть динамичной и быстро реагировать на новые риски информационной безопасности по мере их появления. Более того, общая программа более согласованная. Фундаментальные концепции информационной безопасности и конфиденциальности (такие как необходимость защиты конфиденциальности, целостности и доступности информации) неизбежно образуют продольные логические связи, связывающие все темы в единое целое, подкрепляемое фирменным знаком программных материалов.

В условиях сложной экономической ситуации любая программа обучения должна оправдывать свое существование, в идеале путем предоставления очевидных преимуществ для бизнеса, которые явно перевешивают затраты. Несмотря на то, что общие затраты на программу поэтапного обучения о информационной безопасности могут соответствовать и, возможно, превышать затраты на однократный подход, она может принести значительно большие выгоды. Ключ к доказательству этого руководству кроется в возможности измерений эффективности обучения, в возможности применения метрик пространства знаний. Метрики - это одна из самых сложных областей информационной безопасности, но даже в этом случае гибкий подход предлагает частичное решение. Поскольку все темы информированности, скорее всего, будут касаться управления, у специалистов по информационной безопасности это возможность предложить и обсудить возможные метрики, связанные с темой, или, по крайней мере, открыть диалог как часть самой программы информирования.

Знание основ информационной безопасности - это связующее, которое объединяет всю систему управления информационной безопасностью и прочно закрепляет безопасность в сознании сотрудников. Сочетание инновационных проектов программ повышения квалификации (таких как поэтапный подход, описанный ранее) с творческими и привлекательными материалами для повышения осведомленности позволяет создать и поддерживать глубоко укоренившуюся, широко распространенную и долгосрочную культуру безопасности в организации. Объясняя широкий спектр вопросов безопасности в последовательном и привлекательном стиле, информируя и призывая всех в организации к информационной грамотности, постепенно превращает информационную безопасность в неотъемлемую часть корпоративной культуры, и, что самое главное,

она может помочь продемонстрировать и действительно максимизировать прибыль от бизнеса и важность для этого информационной безопасности.

Список литературы:

- [1] Полякова Я.Н. Формирование культуры информационной безопасности в Федеральной службе исполнения наказаний/Международный научный вестник. 2025. № 10. С. 449-454.
- [2] Вилкова А.В., Швырев Б.А., Полякова Я.Н. Методология формирования знаний об информационной безопасности в уголовно-исполнительной системе/В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание. Москва. 2024. С.77-81.
- [3] Полякова Я.Н. Профилактические меры информационной безопасности в уголовно-исполнительной системе / В сборнике: Обеспечение безопасности в учреждениях УИС. Сборник статей круглого стола. Москва. 2024. С. 138-142.
- [4] Швырев Б.А., Полякова Я.Н. Педагогический процесс формирования культуры информационной безопасности в ФСИН России/ Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2024. № 2(104). С. 174-181.
- [5] Лукашенко Д.В. Нейротехнологии в моделировании задач обработки данных ФСИН России / Естественные и технические науки. 2025. 3 1(200). С. 27-29.
- [6] Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования [Электронный ресурс].
- [7] Ананьев, Б. Г. Человек как предмет познания [Текст] / Б. Г. Ананьев. – СПб.: Питер, 2001. – 288 с.
- [8] Андреева, Г. М. Социальная психология [Текст] / Г. М. Андреева. М.: – Аспект Пресс, 2001. – 376 с.
- [9] Бодалев, А. А. Личность и общение [Текст] / А. А. Бодалев. – М., 1995. – 328 с.
- [10] Tsahaeva A.A. FORMATION OF A TOLERANT WORLDVIEW BY REDUCTION OF DESTRUCTIVE AGGRESSION / Tsahaeva A.A., Onzimba Legnungo Zh.B., Bratanovskiy S.N., Vilkova A.V., Kadyrov M.A. // Ponte. 2018. Т. 74. № 1. С. 81-87.
- [11] Вилкова А. В. Гендерная концепция и методология формирования духовно-нравственных ценностей несовершеннолетних осужденных женского пола: дис. ... док-ра пед. наук: 13.00.01 / Вилкова Алевтина Владимировна. – Великий Новгород, 2016. – 444 с.
- [12] Гузев М. С., Кулакова С. В., Вилкова А. В. База данных тестовых заданий к авторскому курсу лекций «Роль и место современных СМИ и социальных медиа в развитии уголовно-исполнительной системы Российской Федерации.

Свидетельство о регистрации базы данных RU 2022622073, 17.08.2022. Заявка № 2022621591 от 01.07.2022.

[13] Литвишков В. М. Дефицитное образование как социально-педагогическая причина, отрицательно влияющая на развитие духовно-нравственных ценностей подростков, совершающих правонарушения / А. В. Вилкова, В. М. Литвишков // Образование и наука в России и за рубежом. 2018. № 7 (42). С. 32-36.

[14] Антопольская, Т. А. Психолого-педагогическое моделирование социально-коммуникативного развития старших дошкольников в организации дополнительного образования детей [Текст] / Т. А. Антопольская, С. С. Журавлева // Электронный журнал Курского государственного университета. – 2014. – № 4(32). – С.178-194.

[15] Дюркгейм, Э. Социология. Её предмет, метод, предназначение [Текст] / Э. Дюркгейм, пер. с фр., составление, послесловие и примечания А. Б. Гофмана. – М.: Канон, 1995. – 352 с.

[16] Емельянов, Ю.Н. Теоретические и методические основы социально-психологического тренинга: Учеб. пособие [Текст] / Ю.Н. Емельянов, Е.С. Кузьмин. – Л.: ЛГУ, 1983. – 103 с.

[17] Парсонс, Т. О структуре социального действия [Текст] / Т. Парсонс. – М.: Академический Проект, 2000. – 880 с.

[18] Кан-Калик, В. А. Грамматика общения [Текст] / В. А. Кан-Калик. – М.: Роспедагентство, 1995. – 108 с.

References:

- [1] Y. Polyakova. Formation of a culture of information security in the Federal Penitentiary Service/International Scientific Bulletin. 2025. № 10. S. 449-454.
- [2] Vilkova A.V., Shvyrev B.A., Polyakova Y.N. Methodology for the formation of knowledge about information security in the penal system/In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication. Moscow. 2024. S.77-81.
- [3] Y. Polyakova. Preventive information security measures in the penal system/In the collection: Ensuring security in penal institutions. Collection of roundtable articles. Moscow. 2024. S. 138-142.
- [4] Shvyrev B.A., Polyakova Y.N. Pedagogical process of forming a culture of information security in the Federal Penitentiary Service of Russia/Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. № 2(104). S. 174-181.
- [5] Lukashenko D.V. Neurotechnology in modeling data processing tasks of the Federal Penitentiary Service of Russia/Natural and technical sciences. 2025. 3 1(200). S. 27-29.

[6] Federal State Educational Standard for Primary General Education [Electronic Resource].

[7] Ananyev, B. G. Man as a subject of knowledge [Text]/B. G. Ananyev. - St. Petersburg: Peter, 2001. - 288 p.

[8] Andreeva, G. M. Social Psychology [Text]/G. M. Andreeva. M.: - Aspect Press, 2001. - 376 p.

[9] Bodalev, A. A. Personality and communication [Text]/A. A. Bodalev. - M., 1995. - 328 s.

[10] Tsahaeva A.A. FORMATION OF A TOLERANT WORLDVIEW BY REDUCTION OF DESTRUCTIVE AGGRESSION / Tsahaeva A.A., Onzimba Legnongo Zh.B., Bratanovskiy S.N., Vilkova A.V., Kadyrov M.A. // Ponte. 2018. T. 74. № 1. S. 81-87.

[11] A. V. Vilkova. Gender concept and methodology for the formation of spiritual and moral values of female juvenile convicts: dis.... dock ped. Sciences: 13.00.01/Vilkova Alevtina Vladimirovna. - Veliky Novgorod, 2016. - 444 s.

[12] Guzeev M.S., Kulakova S.V., Vilkova A.V. Database of test assignments for the author's course of lectures "The role and place of modern media and social media in the development of the penal system of the Russian Federation. Certificate of registration of RU 2022622073 database, 17.08.2022. Application No. 2022621591

dated 01.07.2022.

[13] Litvishkov V. M. Deficit education as a socio-pedagogical reason that negatively affects the development of the spiritual and moral values of adolescents who commit offenses/A. V. Vilkova, V. M. Litvishkov // Education and science in Russia and abroad. 2018. № 7 (42). S. 32-36.

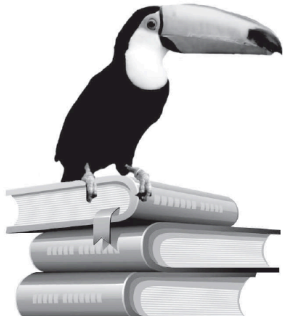
[14] Antopolskaya, T. A. Psychological and pedagogical modeling of the socio-communicative development of older preschoolers in the organization of additional education for children [Text]/T. A. Antopolskaya, S. S. Zhuravleva // Electronic Journal of Kursk State University. – 2014. – № 4(32). - P.178-194.

[15] Durkheim, E. Sociology. Its subject, method, purpose [Text]/E. Durkheim, per. from fr., compilation, afterword and notes by A. B. Hoffmann. - M.: Canon, 1995. - 352 s.

[16] Emelyanov, Yu.N. Theoretical and methodological foundations of socio-psychological training: Tutorial [Text]/Yu.N. Emelyanov, E.S. Kuzmin. - L.: LENINGRAD STATE UNIVERSITY, 1983. - 103 s.

[17] Parsons, T. On the structure of social action [Text]/T. Parsons. - M.: Academic Project, 2000. - 880 s.

[18] Kan-Kalik, V. A. Grammar of communication [Text]/V. A. Kan-Kalik. - M.: Rospedagentstvo, 1995. - 108 s.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

МАЙСТРЕНКО Григорий Александрович,
кандидат юридических наук, старший научный
сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России, ORCID
-0000-0001-5668-615X,
e-mail: g.maystrenko@yandex.ru

ПРЕСТУПНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ДИПФЕЙКОВ В МЕХАНИЗМЕ ПОСЯГАТЕЛЬСТВА НА ЦИФРОВУЮ ИДЕНТИЧНОСТЬ

Аннотация. Статья посвящена уголовно-правовой оценке использования дипфейков как средства посягательства на цифровую идентичность человека. Цель исследования состоит в определении достаточности действующих норм Уголовного кодекса Российской Федерации и разработке модели их точечного совершенствования, исключающей технологически нейтральную гиперкриминализацию. На основе формально-юридического, системного и сравнительно-правового методов анализируются нормы о клевете, нарушении неприкосновенности частной жизни, мошенничестве, вымогательстве, преступлениях в сфере компьютерной информации и незаконном обороте порнографических материалов, а также законопроект № 718538-8. Обосновывается, что дипфейк в большинстве случаев выполняет инструментальную функцию и не образует самостоятельного объекта уголовно-правового запрета. Выявлены проблемы квалификации деяний при конкуренции статей 159, 159.6 и 272.1 УК РФ, а также пробел в защите от несанкционированных интимных синтетических материалов. Предлагается гибридная модель: легальное определение синтетического аудиовизуального материала; учет его целевого использования в качестве ограниченногоотягчающего обстоятельства; специальный состав за умышленное создание, распространение либо угрозу распространения интимного дипфейка без согласия изображенного лица. Сформулированы критерии разграничения уголовно наказуемого поведения, гражданско-правового деликта и допустимого творческого использования технологии.

Ключевые слова: дипфейк; цифровая идентичность; искусственный интеллект; мошенничество; биометрические данные; синтетический контент; криминализация; уголовная ответственность.

MAISTRENKO Grigory Aleksandrovich,
Candidate of Law, Senior Researcher, Federal State
Budgetary Institution Research Institute of the Federal
Penitentiary Service of Russia

CRIMINAL USE OF DEEPFAKES AS AN ENCROACHMENT ON DIGITAL IDENTITY

Annotation. The article examines the criminal-law assessment of deepfakes used as instruments of encroachment on an individual's digital identity. The study aims to determine whether the existing provisions of the Criminal Code of the Russian Federation are sufficient and to design a targeted model of legislative improvement that avoids technology-neutral overcriminalization. Using formal legal, systemic, and comparative methods, the author analyses provisions on defamation, privacy violations, fraud, extortion, computer-information offences, unlawful trafficking in pornographic materials, and Draft Law No. 718538-8. It is argued that, in most cases, a deepfake performs an instrumental function and should not automatically constitute an independent object of criminal prohibition. Particular attention is paid to the delimitation of Articles 159, 159.6, and 272.1 of the Criminal Code and to the protection gap concerning non-consensual intimate synthetic media. A hybrid regulatory model is proposed: a statutory definition of synthetic audiovisual material; narrowly framed aggravation where such material substantially facilitates an intentional offence; and a specific offence covering intentional creation, dissemination, or threatened dissemination of an intimate deepfake without the depicted person's consent. Criteria are formulated to distinguish crime, civil wrongdoing, and legitimate creative use.

Key words: *deepfake; digital identity; artificial intelligence; fraud; biometric data; synthetic media; criminalization; criminal liability.*

Введение

Генеративные модели искусственного интеллекта превратили достоверную имитацию внешности, голоса и манеры поведения конкретного человека из ресурсоемкой технической операции в массово доступную услугу. Для уголовного права принципиален не сам технологический эффект, а изменение механизма причинения вреда: цифровой образ человека отделяется от носителя, воспроизводится без его участия и используется для формирования у адресата ложного представления об источнике сообщения, воле или поведении идентифицируемого лица. Возникает особая форма посягательства на цифровую идентичность — совокупность данных и внешних признаков, посредством которых человек распознается и действует в информационной среде [12, с. 124–129].

Опасность дипфейка проявляется по нескольким направлениям. Он способен усиливать убедительность обмана при хищении денежных средств; создавать компрометирующие материалы для вымогательства; имитировать публичные заявления; использоваться в несанкционированном интимном контенте; маскировать личность виновного; подрывать доказательственную достоверность аудио- и видеозаписей. Банк России прямо относит подделку голоса и видеоизображения к растущим инструментам кибермошенничества и отмечает отсутствие доступных массовому пользователю способов надежной защиты [9, с. 11–12]. Одновременно технология имеет многочисленные правомерные применения — в кинематографе, образовании, переводе, рекламе и восстановлении культурного наследия. Поэтому уголовная политика не может строиться на презумпции вредоносности любого синтетического изображения.

Российский законодатель рассматривает проект № 718538-8, предусматривающий повышение ответственности за ряд преступлений, совершенных с использованием изображения или голоса, включая фальсифицированные либо искусственно созданные, а также биометрических персональных данных [3]. Проект затрагивает клевету, кражу, мошенничество, мошенничество в сфере компьютерной информации, вымогательство и причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием. Верховный Суд Российской Федерации и Правительство Российской Федерации указали на недостаточность статистического обоснования, неопределенность терминологии, непоследовательность выбора составов и риск некорректной практики

[4; 5]. По состоянию на июль 2026 г. проект сохраняет статус законодательной инициативы и не стал действующим законом.

Научная дискуссия также не выработала единой модели. Одни авторы предлагают квалифицирующий признак использования дипфейка [10, с. 97–105; 13], другие — самостоятельный состав за фальсификацию биометрических данных в целях облегчения либо сокрытия преступления [11, с. 95–110], третьи — отдельный запрет незаконного использования голоса и изображения [15, с. 372–377]. Представляется, что решение должно учитывать три требования: технологическую нейтральность уголовного закона, реальное повышение общественной опасности конкретного деяния и недопустимость дублирования уже существующих составов.

Цель настоящей статьи — определить пределы применения действующих уголовно-правовых норм к преступному использованию дипфейков и обосновать точечную модель совершенствования законодательства. Научная новизна состоит в предложении гибридного подхода, сочетающего общее определение синтетического аудиовизуального материала, ограниченный учет способа совершения преступления и специальную криминализацию несанкционированных интимных дипфейков.

1. Дипфейк как уголовно-правовой феномен и средство посягательства

В техническом смысле дипфейк представляет собой полностью или частично сгенерированный либо существенно измененный аудио-, визуальный или аудиовизуальный материал, создающий реалистичное впечатление, что определенное лицо произносило слова, совершало действия или находилось в обстоятельствах, которых в действительности не было. Для уголовного закона термин должен описывать не способ машинного обучения, а юридически значимый результат: достоверную имитацию идентифицируемого человека, способную воздействовать на волю адресата либо причинить вред охраняемым интересам. Привязка к конкретной нейросетевой архитектуре быстро устареет и создаст обходные пути для иных технологий синтеза.

Следует различать три уровня. Первый — нейтральное создание синтетического материала без противоправной цели. Второй — нарушение личных неимущественных прав, которое может повлечь удаление контента, компенсацию морального вреда и защиту изображения, но не достигает уровня преступления. Третий — использование синтетического материала в механизме

умышленного преступления либо создание особо опасного контента, причиняющего самостоятельный существенный вред. Уголовное право должно концентрироваться на третьем уровне в силу принципов вины, справедливости и экономии репрессии.

В большинстве преступных сценариев дипфейк не является предметом посягательства и не образует самостоятельного общественно опасного результата. Он выполняет роль орудия или способа: создает ложный авторитет источника, повышает правдоподобие легенды, персонализирует угрозу, автоматизирует массовое распространение либо затрудняет идентификацию виновного. Ефремова и Рускевич справедливо характеризуют такую роль как инструментальную и возражают против всеобъемлющей самостоятельной криминализации технологии [10, с. 184–186]. Аналогичный подход соответствует общей логике уголовного права: нож, средство связи или программа сами по себе нейтральны, а их правовое значение определяется включением в механизм конкретного деяния.

Вместе с тем инструментальная природа не исключает повышенной общественной опасности. Дипфейк может одновременно: а) снижать критичность потерпевшего за счет имитации доверенного лица; б) масштабировать воздействие на неопределенный круг лиц; в) создавать устойчивый репутационный след, сохраняющийся после опровержения; г) затруднять доказывание умысла и происхождения материала; д) облегчать трансграничное совершение преступления. Однако наличие этих эффектов должно устанавливаться применительно к делу, а не презюмироваться из самого факта использования искусственного интеллекта.

Категория цифровой идентичности позволяет объединить разрозненные объекты защиты: изображение, голос, биометрические признаки, учетные данные и поведенческие паттерны. Но введение самостоятельного универсального состава «кражи цифровой идентичности» без четкого результата породило бы конкуренцию с нормами о неприкосновенности частной жизни, персональных данных, мошенничестве и неправомерном доступе к компьютерной информации. Более продуктивно рассматривать цифровую идентичность как межотраслевой объект и конкретизировать уголовную ответственность через охраняемый интерес и способ причинения вреда [12].

2. Квалификация преступлений, совершаемых с использованием дипфейков

При имущественном обмане исходной нормой выступает статья 159 УК РФ. Если виновный направляет потерпевшему синтетическое аудио-или видеосообщение от имени родственника, руководителя, сотрудника банка либо должностно-

го лица и добивается добровольного перевода денежных средств, преступление совершается путем обмана человека. Само использование компьютерной программы, мессенджера или нейросети не переводит деяние в статью 159.6 УК РФ. Мошенничество в сфере компьютерной информации предполагает ввод, удаление, блокирование, модификацию компьютерной информации либо иное вмешательство в функционирование средств ее обработки и сетей, в результате которого происходит хищение [1; 6]. Пленум Верховного Суда подчеркивает необходимость разграничивать воздействие на человека и вмешательство в информационную систему [6; 7].

Если дипфейк применяется для прохождения автоматизированной биометрической аутентификации и инициирования операции без волевого решения потерпевшего или уполномоченного сотрудника, возможна статья 159.6 УК РФ. Здесь синтетический образ выступает техническим средством воздействия на систему. Если же система только подтверждает личность, а распоряжение имуществом осуществляется человеком под влиянием ложной видеосвязи, квалификация по статье 159 сохраняется. Следовательно, граница проходит не по факту использования цифровой технологии, а по адресату обмана и непосредственному механизму изъятия имущества.

Включение дипфейка как квалифицирующего признака кражи, предложенное законопроектом № 718538-8, вызывает системное возражение. Тайное хищение исключает передачу имущества потерпевшим под влиянием обмана. Использование изображения или голоса для получения доступа к помещению, устройству либо счету может облегчать кражу, но в ряде ситуаций оно образует подделку средства идентификации или вмешательство в информационную систему. Универсальное повышение санкции только за применение цифровой имитации не объясняет, почему сопоставимые способы преодоления контроля должны оцениваться мягче. Верховный Суд обоснованно указал на отсутствие критериев выбора именно имущественных составов [4]. При вымогательстве дипфейк может выполнять две функции. Во-первых, быть предметом угрозы распространения компрометирующего материала. Если материал синтетический, это не исключает статьи 163 УК РФ: для потерпевшего существенно реальность угрозы распространения сведений, способных причинить значительный вред его правам или законным интересам, а не документальная подлинность сведений. Во-вторых, имитация голоса или изображения авторитетного либо опасного лица усиливает убедительность требования. Специальная квалификация оправдана лишь тогда, когда синтетический материал существенно повысил способность угрозы подавить волю потер-

певшего.

Для клеветы по статье 128.1 УК РФ определяющим является распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство либо подрывающих репутацию. Дипфейк может быть формой сообщения таких сведений, но не всякая подделка изображения равнозначна клевете: материал должен выражать проверяемое утверждение о факте, быть распространен и осознаваться виновным как ложный. Правительство справедливо отметило, что использование подлинного голоса при распространении ложных сведений уже охватывается объективной стороной клеветы [5]. Поэтому квалифицирующая формула, одновременно называющая подлинные, фальсифицированные и искусственно созданные голос или изображение, чрезмерно широка.

Статья 137 УК РФ может применяться, если при создании или распространении дипфейка незаконно собираются либо распространяются сведения о частной жизни, составляющие личную или семейную тайну. Но синтетический интимный материал нередко изображает несуществующее событие и формально не раскрывает факты частной жизни. Потерпевшему причиняется сопоставимый или больший вред — сексуализированная объективация, репутационный ущерб, риск преследования, утрата контроля над цифровым образом, — однако конструкция статьи 137 ориентирована на сведения о реальной частной жизни. Этот пробел особенно заметен применительно к взрослым потерпевшим. Статьи 242 и 242.1 УК РФ требуют самостоятельной оценки. Создание порнографического материала путем переноса лица взрослого человека на чужое тело может охватываться статьей 242 при наличии незаконных изготовления или оборота порнографических материалов, но действующая норма не строится вокруг отсутствия согласия изображенного лица и не во всех случаях обеспечивает персонализированную защиту потерпевшего. Если используется образ несовершеннолетнего, статья 242.1 содержит более строгий запрет, однако при полностью синтетическом изображении возникают вопросы установления возраста изображенного и соотношения виртуального образа с понятием материала с порнографическими изображениями несовершеннолетних. Эти вопросы требуют разъяснения Пленума Верховного Суда и экспертных методик, но не должны решаться путем автоматического расширительного толкования уголовного закона.

Дипфейк способен быть способом совершения преступлений против общественной безопасности и основ конституционного строя: публичных призывов к террористической деятельности, заведомо ложного сообщения об акте терроризма, распространения общественно зна-

чимой ложной информации, реабилитации нацизма. Верховный Суд специально отметил, что законопроект № 718538-8 необъяснимо ограничен преимущественно преступлениями против собственности, хотя синтетическая имитация может использоваться в более опасных деяниях [4]. Этот аргумент подтверждает недостаток модели точечного добавления одинакового признака в случайно выбранные статьи Особенной части. Наконец, создание поддельной аудио- или видеозаписи для представления суду, следователю или иному органу может образовывать фальсификацию доказательств при наличии предусмотренных статьей 303 УК РФ признаков. Технология усложняет проверку достоверности, но не меняет объект преступления. Важнее развивать процессуальные стандарты аутентификации, судебную экспертизу и сохранение цифровой цепочки происхождения файла, чем вводить отдельный состав «создания синтетического доказательства» [17, с. 7–11].

3. Соотношение дипфейков, биометрических данных и статьи 272.1 УК РФ

Федеральным законом от 30 ноября 2024 г. № 421-ФЗ Уголовный кодекс дополнен статьей 272.1, устанавливающей ответственность за незаконное использование, передачу, сбор или хранение компьютерной информации, содержащей персональные данные, полученной незаконным путем, а также за создание ресурсов для ее незаконного хранения и распространения [2]. Квалифицированный состав выделяет специальные категории и биометрические персональные данные. Новелла усилила охрану исходных массивов данных, которые могут использоваться при обучении моделей и создании цифровых имитаций. Однако статья 272.1 не является общей нормой о дипфейках. Во-первых, предметом выступает компьютерная информация, содержащая персональные данные, полученная незаконным путем. Если фотографии и голосовые записи были размещены самим гражданином в открытом доступе либо получены законно, формальный признак незаконного происхождения может отсутствовать. Во-вторых, сгенерированный материал может содержать правдоподобный образ лица, но не воспроизводить конкретную исходную запись. В-третьих, ответственность по статье 272.1 связана с незаконным оборотом данных, а не с последующим использованием результата синтеза для обмана, шантажа или распространения порочащих сведений.

Квалификация по совокупности возможна, когда виновный сначала незаконно получает биометрические персональные данные, а затем использует созданный на их основе дипфейк для самостоятельного преступления. Например, неправомерное приобретение массива голосовых об-

разцов и последующее мошенничество образуют разные объекты и действия. Если же доступ к данным является способом подготовки хищения и полностью охватывается более специальной нормой, вопрос совокупности должен решаться с учетом положений о конкуренции и разъяснений по преступлениям в сфере компьютерной информации [7; 24].

Необходимо также различать биометрические персональные данные и изображение или голос как таковые. Законодательство о персональных данных связывает биометрию с физиологическими и биологическими особенностями, используемыми оператором для установления личности. Обычная фотография или аудиозапись не всегда обрабатывается в целях идентификации и потому не автоматически имеет биометрический статус. Законопроект № 718538-8 пытается охватить одновременно изображение, голос и биометрические данные, но тем самым соединяет разные правовые категории и создает неопределенность [3; 5]. Например, И.Н. Мосечкин предлагает криминализовать фальсификацию биометрических данных в целях облегчения или сокрытия преступления, используя конструктивное сходство с подделкой документов [11, с. 105–110]. Подход заслуживает внимания, поскольку фиксирует специальную цель и не ограничивается дипфейк-технологией. Вместе с тем самостоятельный состав за подготовительную фальсификацию может привести к двойному вменению, когда подделка уже реализована в оконченном мошенничестве, незаконном пересечении контроля или ином преступлении. Более экономной представляется модель, при которой самостоятельная ответственность возникает лишь за создание опасного рынка средств подмены идентичности либо за специальные виды контента, а в остальных случаях способ учитывается в квалификации и наказании за основное преступление.

4. Критическая оценка законопроекта № 718538-8

Законопроект № 718538-8 имеет очевидное достоинство: он признает, что цифровая имитация личности способна качественно усиливать традиционные преступные способы и требует реакции уголовной политики. Авторы отказались от полного запрета технологии и сосредоточились на использовании изображения, голоса и биометрических данных при совершении конкретных преступлений. Тем не менее предложенная конструкция не отвечает требованиям системности и правовой определенности.

Первый недостаток — отсутствие легального определения. Формула «фальсифицированные или искусственно созданные» не устанавливает степень изменения материала, критерий реалистичности, необходимость идентифицируемости

лица и значение согласия. Простая цветокоррекция, монтаж сатирического ролика или озвучивание актером также могут быть искусственно созданными. Правительство указало, что неопределенность формулировки создает риск неоднозначного и произвольного применения [5].

Второй недостаток — непоследовательный перечень преступлений. Если основанием усиления ответственности является повышенная убедительность ложного образа, признак применим не только к собственности, но и к угрозам общественной безопасности, экстремистским призывам, воспрепятствованию правосудию, незаконному доступу и преступлениям против половой неприкосновенности. Добавление одинаковой конструкции в несколько статей неизбежно оставит новые пробелы и потребует последующих поправок. Общая часть УК РФ лучше приспособлена к учету универсального способа, но и там формулировка должна быть существенно ограничена.

Третий недостаток — смешение различных форм общественной опасности. Использование подлинного изображения, незаконно полученной биометрии и полностью синтетического дипфейка не тождественно. В первом случае может нарушаться право на изображение; во втором — режим персональных данных; в третьем — создается ложная цифровая репрезентация. Для уголовной ответственности существенны цель, способ воздействия и последствия, а не только тип использованного материала.

Четвертый недостаток — отсутствие доказанной дифференциации санкций. Верховный Суд отметил, что пояснительная записка не содержит убедительных сведений и статистики о недостаточности действующего регулирования [4]. Сам по себе новый или технически сложный способ не обязательно повышает общественную опасность настолько, чтобы изменять категорию преступления. Например, примитивный аудио-фильтр может оказаться менее убедительным, чем профессиональная психологическая манипуляция без искусственного интеллекта.

Пятый недостаток — риск конкуренции с новыми нормами о персональных данных. Законопроект разрабатывался параллельно с проектом, впоследствии ставшим статьей 272.1 УК РФ. Верховный Суд указывал на сходство регулирования незаконного использования биометрических данных [4]. После вступления статьи 272.1 в силу требуется заново оценить пределы дополнительной криминализации, чтобы не наказывать дважды за один и тот же элемент поведения. Таким образом, проект нуждается не в редакционной корректировке, а в смене модели. Необходимо отказаться от перечисления отдельных составов, определить юридически значимое понятие синте-

тического материала и выделить те ситуации, где существующие нормы действительно не обеспечивают защиту.

5. Зарубежные ориентиры: прозрачность, адресная криминализация и удаление контента

Зарубежные правовые порядки демонстрируют отказ от единой универсальной уголовно-правовой нормы. Регламент Европейского союза об искусственном интеллекте закрепляет обязанность раскрывать искусственное происхождение или манипулирование контентом, относимым к дипфейкам, с учетом специальных исключений для художественных, сатирических и иных произведений [19]. Эта модель преимущественно превентивна: она снижает риск введения в заблуждение до наступления вреда и не подменяет уголовные запреты государств-членов.

В Соединенных Штатах федеральный TAKE IT DOWN Act, подписанный 19 мая 2025 г., установил уголовный запрет умышленного распространения определенных несанкционированных интимных визуальных изображений, включая цифровые подделки, и обязанность охватываемых платформ оперативно удалять такой контент [20]. Принципиально, что законодатель избрал не абстрактное «использование дипфейка», а конкретный вред — сексуальную эксплуатацию и утрату контроля над интимным образом. На уровне штатов регулирование дополнительно охватывает выборы, мошенничество и имперсонацию [13; 22].

Сравнительный материал показывает три полезных ориентира. Во-первых, маркировка и прослеживаемость синтетического контента должны развиваться преимущественно в информационном и платформенном регулировании. Во-вторых, уголовная ответственность оправдана при конкретизированном вреде и умышленной форме вины. В-третьих, обязанность удаления и сохранения доказательств может быть не менее эффективной для потерпевшего, чем повышение санкции. Российская модель должна сочетать уголовно-правовую охрану с быстрыми процедурами блокировки, подтверждением происхождения контента и доступом к специализированной экспертизе. Прямое заимствование зарубежных решений невозможно из-за различий в системе объектов уголовно-правовой охраны и платформенной ответственности. Однако адресная защита от интимных дипфейков и обязательная прозрачность синтетического контента соответствуют принципу минимально необходимого уголовного вмешательства и могут быть адаптированы без создания общего запрета на генеративные технологии.

6. Предлагаемая модель уголовно-правового регулирования

Предлагаемая модель включает четыре вза-

имосвязанных элемента. Первый — легальное определение, применимое не ко всему обороту искусственного интеллекта, а к нормам, где происхождение контента имеет значение. Под синтетическим аудиовизуальным материалом следует понимать созданные или существенно измененные с использованием автоматизированной системы изображение, звук либо их сочетание, которые способны сформировать у разумного адресата достоверное ложное впечатление, что идентифицируемое лицо совершало действия, произносило слова или находилось в обстоятельствах, не имевших места. Определение должно исключать техническую обработку, не изменяющую смысл, и учитывать явную маркировку сатиры или художественного произведения.

Второй элемент — ограниченное обстоятельство, отягчающее наказание, а не безусловный квалифицирующий признак множества составов. Пункт части первой статьи 63 УК РФ можно сформулировать следующим образом: «совершение умышленного преступления с использованием синтетического аудиовизуального материала, заведомо созданного для имитации другого лица, если такое использование существенно облегчило совершение преступления, повысило способность деяния причинить вред либо затруднило его выявление». Указание на умышленный характер, заведомость и существенное влияние исключает автоматическое усиление наказания за любое применение нейросети.

Общее отягчающее обстоятельство не должно учитываться повторно, если соответствующий признак включен в состав преступления, что прямо следует из части второй статьи 63 УК РФ. Суд обязан мотивировать, каким образом синтетическая имитация увеличила опасность. Такой подход позволяет охватить и имущественные, и террористические, и репутационные преступления без хаотичного редактирования Особенной части.

Третий элемент — специальная криминализация несанкционированного интимного дипфейка. Здесь действующие статьи 137 и 242 УК РФ не всегда отражают основной вред и отсутствие согласия потерпевшего. Целесообразно дополнить главу 19 УК РФ статьей 137.1, устанавливающей ответственность за умышленные создание с целью распространения, распространение, публичную демонстрацию либо угрозу распространения синтетического изображения идентифицируемого лица в интимной или сексуализированной ситуации без его согласия, если деяние причинило существенный вред правам и законным интересам. Квалифицирующими признаками могут быть совершение в отношении несовершеннолетнего, из корыстных побуждений, группой лиц, с использованием служебного положения, а также наступ-

ление тяжких последствий.

Предлагаемый состав должен содержать исключения для добросовестной деятельности правоохранительных органов, науки, медицины и искусства, если материал не предназначен для представления реального лица как участника интимного события и не создает неоправданного риска причинения ему вреда. Согласие должно быть конкретным: согласие на публикацию фотографии не означает согласия на ее преобразование в сексуализированный контент. Угроза распространения интимного дипфейка при имущественном требовании квалифицируется по совокупности со статьей 163 УК РФ, поскольку защищаемые объекты различаются.

Четвертый элемент — разъяснения Верховного Суда. В постановлениях о мошенничестве и компьютерных преступлениях следует закрепить: а) использование дипфейка для обмана человека квалифицируется по статье 159, а для непосредственного воздействия на автоматизированную систему — по статье 159.6; б) статья 272.1 применяется только при наличии незаконно полученной компьютерной информации с персональными данными и не поглощает последующее преступное использование синтетического материала; в) достоверность и происхождение аудио- и видеозаписи должны проверяться с учетом метаданных, цепочки хранения и экспертных исследований.

Не следует включать в статью 63 общий признак «использование искусственного интеллекта». ИИ может применяться для планирования маршрута, перевода текста, поиска информации или автоматизации законной операции, не увеличивая опасности. Уголовно значим не технологический бренд, а специально созданная ложная репрезентация личности и ее существенная роль в преступлении. Технологически нейтральный закон должен одинаково оценивать дипфейк, профессиональный монтаж, имитацию актером и иной способ, если они создают сопоставимый эффект, но учитывать повышенную масштабируемость и реалистичность автоматизированного синтеза.

Предупреждение преступлений требует мер за пределами УК РФ: обязательной маркировки коммерчески распространяемого синтетического контента; технических стандартов происхождения и цифровых водяных знаков; ускоренной процедуры удаления; обязанности платформ сохранять сведения для расследования; финансовой и медиаграмотности; подготовки экспертов. Приказ Генеральной прокуратуры № 746 уже предусматривает статистический показатель использования технологии дипфейк, что создает основу для последующей оценки распространенности [8; 10, с. 177–179]. До накопления репрезентативной

статистики масштабная пенализация преждевременна. В доказывании ключевое значение имеет не только установление синтетического характера файла, но и его связь с обвиняемым, осведомленность о ложности и направленность умысла. Вероятностный вывод алгоритма обнаружения не может автоматически заменять судебную экспертизу и совокупность доказательств. Необходимо фиксировать исходные файлы, метаданные, журналы генерации, платежи за сервисы, переписку, историю загрузок и технические следы распространения. Иначе существует риск «обратного дивиденда лжеца», когда виновный объявляет подлинную запись дипфейком и использует общее недоверие к цифровым материалам.

Предложенная конструкция отвечает принципу *ultima ratio*. Она сохраняет применение действующих норм к большинству преступлений, учитывает реальное усиление опасности на стадии назначения наказания и закрывает наиболее очевидный персональный пробел — интимные синтетические материалы.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы.

Дипфейк является технологически нейтральным результатом синтеза и в большинстве преступлений выполняет функцию орудия или способа, а не самостоятельного объекта уголовно-правового запрета. Универсальная криминализация создания синтетического контента нарушила бы принцип экономии уголовной репрессии и создала бы риск преследования правомерной творческой, образовательной и коммерческой деятельности.

Действующие нормы УК РФ в значительной мере позволяют квалифицировать преступное использование дипфейков: статья 159 применяется при обмане человека, статья 159.6 — при непосредственном вмешательстве в функционирование информационной системы; статьи 128.1, 163, 205.2, 207, 242, 242.1, 303 и иные нормы охватывают соответствующие общественно опасные результаты. Технологический способ не заменяет установление всех признаков конкретного состава.

Статья 272.1 УК РФ защищает незаконно полученную компьютерную информацию, содержащую персональные, включая биометрические, данные, но не является общей нормой о дипфейках. Ее применение возможно самостоятельно либо по совокупности, когда незаконный оборот исходных данных предшествует иному преступлению.

Список литературы:

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 10 июня

2026 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

[2] О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 30 ноября 2024 г. № 421-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 49. Ст. 7423.

[3] О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации : проект федерального закона № 718538-8. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/718538-8> (дата обращения: 31.07.2026).

[4] Официальный отзыв Верховного Суда Российской Федерации на проект федерального закона № 718538-8 от 20 июня 2024 г. № 4-ВС-3444/24. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/718538-8> (дата обращения: 31.07.2026).

[5] Официальный отзыв Правительства Российской Федерации на проект федерального закона № 718538-8 от 22 июля 2024 г. № ДГ-П4-23438. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/718538-8> (дата обращения: 31.07.2026).

[6] О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 (ред. от 15 декабря 2022 г.) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2018. № 2.

[7] О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет» : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 декабря 2022 г. № 37 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2023. № 2.

[8] О государственном едином статистическом учете данных о состоянии преступности, а также о сообщениях о преступлениях, следственной работе, дознании, прокурорском надзоре : приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 9 декабря 2022 г. № 746. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[9] Противодействие новым угрозам кибермошенничества : информационно-аналитический материал Банка России. Москва, 2025. URL: <https://www.cbr.ru/content/document/file/174841/cyberfraudcounteringnewthreats.pdf> (дата обращения: 31.07.2026).

[10] Ефремова М. А., Русскевич Е. А. Дипфейк (deepfake) и уголовный закон // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2024. Т. 15, № 2. С. 97–105. DOI: 10.37973/VESTNIKKUI-2024-56-13..

[11] Мосечкин И. Н. Дипфейк-технологии и биометрические данные: направления уголовно-правового регулирования // Вестник Санкт-

Петербургского университета. Право. 2025. Т. 16, вып. 1. С. 95–110. DOI: 10.21638/spbu14.2025.107..

[12] Ефремова М. А. Цифровая идентичность: проблемы уголовно-правовой охраны // Правопорядок: история, теория, практика. 2025. № 3 (46). С. 124–129.

[13] Джагарян Н. В., Сафонова А. М. К вопросу об уголовной ответственности за использование технологии дипфейка в Российской Федерации (с учетом опыта Соединенных Штатов Америки) // Вестник Сургутского государственного университета. 2025. Т. 13, № 1. DOI: 10.35266/2949-3455-2025-3-9..

[14] Морозов В. И., Лосев С. Г. Уголовно-правовая оценка использования «дипфейка» при совершении преступлений // Право в эпоху искусственного интеллекта: перспективные вызовы и современные задачи : сборник научных статей. Тюмень : ТюмГУ-Press, 2024. С. 387–390.

[15] Белых Е. С., Грабчев М. А. К вопросу о введении уголовной ответственности за изготовление дипфейков в преступных целях // Евразийский юридический журнал. 2024. № 5. С. 372–377. DOI: 10.24412/2224-9133-2024-5-372-377..

[16] Дремлюга Р. И. Уголовно-правовая охрана цифровой экономики и информационного общества от киберпреступных посягательств: доктрина, закон, правоприменение : монография. Москва : Юрлитинформ, 2022. 328 с.

[17] Апостолова Н. Н. Достоверность доказательств и технологии дипфейка // Российский судья. 2023. № 11. С. 7–11.

[18] Калятин В. О. Дипфейк как правовая проблема: новые угрозы или новые возможности? // Закон. 2022. № 7. С. 87–103.

[19] Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence (Artificial Intelligence Act) // Official Journal of the European Union. 2024. L 2024/1689.

[20] Tools to Address Known Exploitation by Immobilizing Technological Deepfakes on Websites and Networks Act (TAKE IT DOWN Act), Pub. L. No. 119-12, May 19, 2025.

[21] Kugler M. B., Pace C. Deepfake Privacy: Attitudes and Regulation // Northwestern University Law Review. 2021. Vol. 116. P. 611–680.

[22] Lussier N. Nonconsensual Deepfakes: Detecting and Regulating the Rising Threat to Privacy // Idaho Law Review. 2022. Vol. 58, no. 1. P. 353–388.

[23] Mansoor S. I. U. Legal Implications of Deepfake Technology: In the Context of Manipulation, Privacy, and Identity Theft // Central University of Kashmir Law Review. 2024. No. 4. P. 65–92.

[24] Русскевич Е. А. О совокупности преступлений в сфере компьютерной информации с дру-

гими преступлениями // Уголовное право. 2025. № 4. С. 76–84.

References:

- [1] Criminal Code of the Russian Federation No. 63-FZ dated June 13, 1996 (as amended on June 10, 2026) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1996. № 25. Art. 2954.
- [2] On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law of November 30, 2024 No. 421-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2024. № 49. Art. 7423.
- [3] On Amending the Criminal Code of the Russian Federation: Draft Federal Law No. 718538-8. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/718538-8> (access date: 31.07.2026).
- [4] Official recall of the Supreme Court of the Russian Federation on the draft federal law No. 718538-8 of June 20, 2024 No. 4-VS-3444/24. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/718538-8> (access date: 31.07.2026).
- [5] Official response of the Government of the Russian Federation to the draft federal law No. 718538-8 of July 22, 2024 No. DG-P4-23438. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/718538-8> (access date: 31.07.2026).
- [6] On judicial practice in cases of fraud, misappropriation and embezzlement: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of November 30, 2017 No. 48 (as amended on December 15, 2022) // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2018. № 2.
- [7] On certain issues of judicial practice in criminal cases of crimes in the field of computer information, as well as other crimes committed using electronic or information and telecommunication networks, including the Internet: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 15, 2022 No. 37 // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2023. № 2.
- [8] On the state unified statistical accounting of data on the state of crime, as well as on reports of crimes, investigative work, inquiry, prosecutor's supervision: order of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation of December 9, 2022 No. 746. Access from SPS "ConsultantPlus".
- [9] Countering new cyber fraud threats: Bank of Russia information and analytical material. Moscow, 2025. URL: <https://www.cbr.ru/content/document/file/174841/cyberfraudcounteringnewthreats.pdf> (дата обращения: 31.07.2026).
- [10] Efremova M.A., Russkevich E.A. Deepfake (deepfake) and the criminal law // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. VOL. 15, NO. 2. S. 97-105. DOI: 10.37973/VESTNIKKUI-2024-56-13..
- [11] Mosechkin I.N. Deepfake technologies and biometric data: areas of criminal law regulation // Bulletin of St. Petersburg University. Right. 2025. Vol. 16, no. 1. S. 95-110. DOI: 10.21638/spbu14.2025.107..
- [12] Efremova M. A. Digital identity: problems of criminal law protection // Law and order: history, theory, practice. 2025. № 3 (46). S. 124-129.
- [13] Dzhangaryan N.V., Safonova A.M. On the issue of criminal liability for the use of deepfake technology in the Russian Federation (taking into account the experience of the United States of America) // Bulletin of Surgut State University. 2025. T. 13, NO. 1. DOI: 10.35266/2949-3455-2025-3-9..
- [14] Morozov V. I., Losev S. G. Criminal law assessment of the use of "deepfake" in committing crimes // Law in the era of artificial intelligence: promising challenges and modern tasks: a collection of scientific articles. Tyumen: Tyumen State University-Press, 2024. S. 387-390.
- [15] Belykh E. S., Grabchev M. A. On the issue of introducing criminal liability for the manufacture of deepfakes for criminal purposes // Eurasian Legal Journal. 2024. № 5. PP. 372-377. DOI: 10.24412/2224-9133-2024-5-372-377..
- [16] Dremlyuga R. I. Criminal law protection of the digital economy and information society from cybercriminal encroachments: doctrine, law, law enforcement: monograph. Moscow: Yurлитinform, 2022. 328 pp.
- [17] Apostolova N. N. Reliability of evidence and deepfake technology // Russian judge. 2023. № 11. S. 7-11.
- [18] Kalyatin V.O. Deepfake as a legal problem: new threats or new opportunities? // Law. 2022. № 7. S. 87-103.
- [19] Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence (Artificial Intelligence Act) // Official Journal of the European Union. 2024. L 2024/1689.
- [20] Tools to Address Known Exploitation by Immobilizing Technological Deepfakes on Websites and Networks Act (TAKE IT DOWN Act), Pub. L. No. 119-12, May 19, 2025.
- [21] Kugler M. B., Pace C. Deepfake Privacy: Attitudes and Regulation // Northwestern University Law Review. 2021. Vol. 116. P. 611–680.
- [22] Lussier N. Nonconsensual Deepfakes: Detecting and Regulating the Rising Threat to Privacy // Idaho Law Review. 2022. Vol. 58, no. 1. P. 353–388.
- [23] Mansoor S. I. U. Legal Implications of Deepfake Technology: In the Context of Manipulation, Privacy, and Identity Theft // Central University of Kashmir Law Review. 2024. No. 4. P. 65–92.
- [24] Russkevich E. A. On the totality of crimes in the field of computer information with other crimes // Criminal law. 2025. № 4. S. 76–84.

ПЛЕХОДАНОВ Владислав Дмитриевич,
аспирант ФГБОУ ВО «Юго-Западный
государственный университет»,
e-mail: vladan13.kursk@yandex.ru

БАЛАШОВ Константин Геннадьевич,
аспирант ФГБОУ ВО «Югорский государственный
университет»,
e-mail: balashoffkonstantin@yandex.ru

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ВИКТИМНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ: КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Аннотация. Объектом исследования являются общественные отношения, складывающиеся в процессе виктимизации несовершеннолетних в цифровой среде и осуществления виктимологической профилактики преступлений, совершаемых в отношении данной категории лиц. Предмет исследования образуют психологические детерминанты виктимности несовершеннолетних пользователей информационно-телекоммуникационных сетей, механизмы их виктимизации (кибербуллинг, сетевая травля, вовлечение в деструктивные сообщества, «душевный сетевой эксгибиционизм»), доктринальные подходы к категориям «виктимное поведение», «психологическая безопасность», «девиантное поведение», а также материалы практической психодиагностической работы с несовершеннолетними. Установлено, что виктимность несовершеннолетнего в цифровой среде носит комплексный характер и детерминируется тремя группами психологических факторов: личностными (повышенная внушаемость, тревожность, дефицит волевых ресурсов, незрелость эмоционально-волевой сферы, неадекватная самооценка), коммуникативными (низкий социометрический статус, дефицит доверительного общения с родителями, склонность к избыточному самораскрытию в сети) и социально-средовыми (конформность, зависимость от референтной группы, семейная депривация). Выявлена криминологически значимая взаимосвязь виктимного и девиантного поведения: несовершеннолетняя жертва киберпреследования при отсутствии своевременной психологической помощи с высокой вероятностью воспроизводит агрессивные и аутоагрессивные модели поведения. Обоснована необходимость построения системы ранней виктимологической профилактики, включающей психодиагностический мониторинг признаков виктимности в образовательных и спортивных организациях, обязательное участие педагога-психолога в выявлении фактов кибербуллинга, обучение несовершеннолетних правилам информационной безопасности и учёт психологического анамнеза жизни несовершеннолетнего при оценке рисков его виктимизации.

Ключевые слова: виктимность; виктимное поведение; несовершеннолетние; цифровая среда; кибербуллинг; моббинг; виктимологическая профилактика; психологическая безопасность; внушаемость; девиантное поведение; криминология.

PLEKHODANOV Vladislav Dmitrievich,
graduate student of FSBEI HE "Southwest
State University"

BALASHOV Konstantin Gennadievich,
graduate student of FSBEI HE "Ugra State University"

PSYCHOLOGICAL FACTORS OF JUVENILE VICTIMIZATION IN A DIGITAL ENVIRONMENT: CRIMINOLOGICAL ANALYSIS

Annotation. The object of the study is social relations that develop in the process of victimization of minors in the digital environment and the implementation of victimological prevention of crimes committed against this category of persons. The subject of research is formed by psychological determinants of victimization of underage users of information and telecommunication networks, mechanisms of their victimization (cyberbullying, network bullying, involvement in destructive communities, "mental network exhibitionism"), doctrinal approaches to the categories "victimized behavior," "psychological safety," "deviant behavior," as well as materials for practical psychodiagnostic work with minors. It has been established that the victimization of a minor in a digital environment is complex and is determined by three groups of psychological factors: personal (increased suggestibility, anxiety, lack of volitional resources, immaturity of the emotional-volitional sphere, inadequate self-esteem), communicative (low sociometric status, lack of confidential communication with parents, tendency to excessive self-disclosure in the network) and socio-environmental (conformity, dependence on the reference groups, familial deprivation). A criminologically significant relationship between victimized and deviant behavior was revealed: a minor victim of cyberstalking, in the absence of timely psychological assistance, is likely to reproduce aggressive and auto-aggressive behavior models. The need to build an early victimological prevention system is justified, including psychodiagnostic monitoring of signs of victimization in educational and sports organizations, the mandatory participation of a teacher-psychologist in identifying cyberbullying facts, teaching minors information security rules and taking into account the psychological history of the life of a minor when assessing the risks of his victimization.

Key words: victimhood; victimized behavior; minors; digital environment; cyberbullying; mobbing; victimological prevention; psychological safety; suggestibility; deviant behavior; criminology.

Введение

Тотальная цифровизация социальной жизни качественно изменила структуру криминальных угроз в отношении несовершеннолетних. Информационно-телекоммуникационная среда, являясь пространством обучения, общения и досуга подростков, одновременно выступает пространством их виктимизации: несовершеннолетние становятся жертвами киберпреследования, шантажа, вымогательства, вовлечения в деструктивные и суицидальные сообщества, сексуальной эксплуатации, мошенничества. Особенность цифровой виктимизации состоит в том, что решающую роль в механизме преступления играет не физическая, а психологическая уязвимость жертвы: преступник эксплуатирует внушаемость, тревожность, потребность в признании и дефицит критического мышления подростка.

Криминологическая наука традиционно рассматривает жертву преступления как активный элемент криминогенной ситуации, поведение и свойства которой могут способствовать совершению преступления. Виктимность несовершеннолетних в цифровой среде до настоящего времени исследована фрагментарно: преобладают либо сугубо технико-правовые работы о киберпреступности, либо психолого-педагогические исследования буллинга, не интегрированные в криминологический контекст. Между тем именно синтез криминологического и психологического знания позволяет объяснить, почему при равном доступе к цифровой среде одни подростки становятся жертвами преступных посягательств, а другие — нет.

Методологической основой исследования

выступают концепция психологической безопасности личности и образовательной среды И.А. Бaeвой [2], положения социальной психологии безопасности А.Н. Сухова [13], теория конструирования девиантности Я.И. Гилинского [5], а также многомерная модель делинквентности подростка В.Ф. Моргуна и К.В. Седых [9].

Цель исследования состоит в криминологическом анализе психологических факторов виктимности несовершеннолетних в цифровой среде, определении механизмов их виктимизации и формулировании предложений по совершенствованию виктимологической профилактики.

Обсуждение и результаты исследования

Под виктимностью в криминологии понимается повышенная способность лица в силу его личностных свойств и поведения становиться жертвой преступления. Психологическое содержание данной категории раскрывается через понятие виктимного поведения — комплекса поведенческих характеристик, свойственных индивидам, которые становятся потенциальными или фактическими жертвами физического, морально-психологического или психического насилия. Такое поведение отмечается дефицитом волевых ресурсов, страхом перед репрессиями и зависимостью от более зрелых или доминирующих сверстников. Следствием виктимизации является формирование личности с выраженным дефицитом адаптационных ресурсов, что затрудняет её самореализацию и полноценное развитие, особенно после пережитого уничижительного опыта [3].

Виктимность несовершеннолетнего неотделима от состояния его психологической безопас-

ности. Согласно И.А. Баевой, психологическая безопасность представляет собой состояние психологической защищенности, а также способность человека и среды отражать неблагоприятные внешние и внутренние психологические воздействия; она тесно связана с психическим здоровьем и жизнеспособностью личности [2]. В коллективных исследованиях проблем психологической безопасности подчеркивается, что разрушение защитных механизмов личности под воздействием информационных угроз является самостоятельным фактором виктимизации [11]. И. Огнев справедливо отмечает, что дефицит психологической защищенности делает личность «открытой» для манипулятивных воздействий любого происхождения [10]. Применительно к цифровой среде это означает: подросток с несформированной системой психологической защиты становится доступной мишенью для преступника, действующего дистанционно и анонимно.

Криминологический анализ позволяет выделить типовые механизмы виктимизации несовершеннолетних в цифровой среде. Прежде всего это кибербуллинг, представляющий собой перенесенную в виртуальное пространство форму школьной травли. Кибербуллинг включает агрессивные и уничижительные сообщения, направляемые жертве через электронную почту, социальные сети, а также посредством текстовых и мультимедийных сообщений на мобильные устройства [3]. В отличие от традиционного буллинга, ограниченного пространством школы, кибертравля характеризуется круглосуточностью воздействия, неограниченной аудиторией унижения, анонимностью агрессора и практической неустрашимостью компрометирующего контента. Криминологическое значение кибербуллинга состоит в том, что он образует «сквозной» криминогенный фактор: в одних случаях он сам содержит признаки составов преступлений (доведение до самоубийства, угроза убийством, клевета, неправомерный доступ к компьютерной информации), в других — выступает детерминантой последующей виктимизации или криминализации жертвы.

Другим механизмом выступает избыточное самораскрытие несовершеннолетнего в сети. Практика показывает, что в ряде случаев жертвы сами способствуют виктимизации тем, что, общаясь в интернете, сообщают о себе излишне подробную информацию, не подозревая истинных намерений адресатов. Такая откровенность в информационном пространстве получила наименование «душевного сетевого эксгибиционизма» — психологического обнажения собственной личности в сети перед любым пользователем [3]. Криминологически значимым является установленное сопряжение данного феномена с дефицитом и избеганием живого доверительного общения с

родителями и старшими членами семьи: подросток компенсирует семейную коммуникативную депривацию сетевой откровенностью, которую преступник использует для установления контакта, шантажа и груминга.

Самостоятельным механизмом цифровой виктимизации являются речевая агрессия и «игнор» как формы групповой травли. Как показала Ю. Щербинина, речевая агрессия — оскорбительная, уничижительная или враждебная вербальная экспрессия — устойчиво воспроизводится в детской коммуникации, при этом многие несовершеннолетние агрессоры не осознают агрессивной сущности своей лексики и не способны объективно оценить собственное речевое поведение [14]. В цифровой среде речевая агрессия дополняется практикой «игнора» — преднамеренного коллективного исключения жертвы из сетевой коммуникации, установления «общего презрения» к аутсайдеру, которым может стать любой член группы. Указанные практики формируют устойчивую социальную изоляцию жертвы, снижают её социометрический статус и закрепляют виктимный стереотип поведения.

Центральное место в структуре психологических детерминант цифровой виктимности занимает повышенная внушаемость несовершеннолетних. Анализ научной литературы позволяет выделить факторы, способствующие повышенной внушаемости: недостаточная развитость внимания, проявляющаяся в ограниченной способности к переключению и малом объеме внимания; замедленный темп когнитивной деятельности, порождающий робость и неуверенность в себе; отсутствие стремления к самовыражению; повышенный уровень личностной тревожности; общая слабость волевой регуляции [3]. Именно эти свойства эксплуатируются организаторами деструктивных сетевых сообществ, применяющими технологии поэтапного деструктивного внушения, ведущего к деперсонализации личности и подавлению самостоятельности воли. Криминологическая опасность такого внушения была предвосхищена ещё В.М. Бехтеревым, метафорически описавшим внушаемые вредоносные идеи как «психические микробы», способствующие возникновению «психической заразы» [4]: в условиях сетевой коммуникации скорость и масштаб распространения подобной «заразы» многократно возрастают.

Существенным фактором виктимности выступает конформность и готовность к отказу от собственного «Я». Г.С. Абрамова показала, что позиция молодого человека «Я как все» является формулой готовности к психологической смерти собственного «Я», поскольку потенциально содержит тенденцию «Мне не надо своего "Я"»; склонность к психологической смерти наблюда-

ется и у подростков, охваченных тщеславием, готовых на невероятные поступки ради лестных отзывов о себе [1]. В цифровой среде обе тенденции — конформное растворение в группе и погоня за сетевым одобрением («лайками») — делают подростка управляемым объектом манипуляции: существование его «Я» становится немыслимым без внешней санкции, что и составляет психологическую основу зависимости жертвы от преследователя.

Значимым предиктором виктимизации является комплекс страхов и тревожности. Исследование Л.И. Макадей выявило корреляцию между обилием страхов у подростков и пониженной уверенностью в себе, препятствующей формированию адекватной самооценки и полноценной коммуникации; высокий уровень страхов ассоциируется с неблагоприятным положением подростка в группе и малым количеством позитивных социометрических выборов, то есть со снижением социально-психологического статуса [8]. При этом отсутствие эмоционально насыщенных отношений с родителями у младших подростков и конфликты с родителями у старших усиливают страхи в межличностных взаимодействиях. Криминологически это означает, что подросток с низким статусом в реальной группе ищет принятия в сетевых сообществах, где и становится объектом виктимизирующего воздействия. Важнейшим условием сохранности психики несовершеннолетнего в агрессивной информационной среде выступает его психологическое здоровье как системная характеристика, разрабатываемая в трудах И.В. Дубровиной [6]: дефицит психологического здоровья (эмоциональная неустойчивость, невротические реакции, несформированность саморегуляции) закономерно повышает уязвимость подростка перед сетевой агрессией.

Криминологический анализ подтверждает, что виктимное и девиантное поведение несовершеннолетних представляют собой взаимосвязанные и нередко взаимопереходящие феномены. Методологически продуктивной является классификация отклоняющегося поведения по критерию нарушаемой нормы — социальной, юридической и психической, — предложенная А.М. Зимичевым [7] и развитая в многомерной модели делинквентного подростка В.Ф. Моргуна и К.В. Седых [9]. В рамках данной модели виктимизация в цифровой среде может запускать девиации всех трёх типов: жертва кибертравли демонстрирует агрессивные и аутоагрессивные (суицидальные) реакции, уходит в аддиктивное поведение, воспроизводит усвоенные модели насилия в отношении более слабых.

Н.Р. Сидоров обоснованно указывает, что психологической основой девиантного поведения является нарушение содержания сознания, а не

дефект отдельных когнитивных процессов; девиантное поведение дестабилизирует совместную деятельность и коммуникацию в группе, к которой принадлежит индивид [12]. Применительно к цифровой виктимизации это положение означает, что длительная травля деформирует именно содержание сознания жертвы — её представления о себе, о справедливости, о допустимом и недопустимом, — формируя негативную оценку социального окружения и искажённую самоконцепцию, которые сами становятся предпосылками девиантного поведения. Следует учитывать и позицию Я.И. Гилинского о девиантности как социальном конструкте [5]: цифровая среда конструирует как фигуру «жертвы» (через стигматизацию, навешивание ярлыков, распространение компрометирующего контента), так и фигуру «агрессора», при этом роли жертвы и преследователя в сетевой травле подвижны и взаимобратимы.

Эмпирическая проверка данной взаимосвязи проведена в исследованиях девиантного поведения и психологической безопасности несовершеннолетних, занимающихся спортом [3]: у подростков, подвергшихся моббингу и психологическому давлению, фиксировались признаки стресса, депрессии, психологической травмы и виктимности (при отсутствии склонности к реализации виктимного поведения), а также защитные реакции в форме протестного поведения. Установлено, что несовершеннолетний с признаками виктимности, не получивший своевременной психологической помощи, либо закрепляется в роли жертвы, либо компенсаторно переходит к агрессивным моделям поведения, что подтверждает необходимость раннего профилактического вмешательства.

Проведённый анализ позволяет сформулировать предложения по совершенствованию виктимологической профилактики. В образовательных, спортивных и иных организациях, работающих с несовершеннолетними, целесообразно институционализировать психодиагностический мониторинг признаков виктимности (повышенной внушаемости, тревожности, страхов, низкого социометрического статуса, избыточного сетевого самораскрытия) с обязательным участием педагога-психолога в выявлении и документировании фактов кибербуллинга. Психологический анамнез жизни несовершеннолетнего, включая личную и семейную проблематику, должен учитываться при оценке рисков наступления неблагоприятных социальных последствий и угроз психологической безопасности [3]. Необходима также система психологического просвещения несовершеннолетних и их родителей в области информационной безопасности, направленная на преодоление «душевного сетевого эксгибиционизма», формирование критического мышления и восста-

новление доверительной внутрисемейной коммуникации как естественного барьера виктимизации. Материалы психодиагностики виктимности должны использоваться в деятельности субъектов профилактики правонарушений (комиссий по делам несовершеннолетних, органов внутренних дел) при индивидуальной профилактической работе, а также при криминологической оценке юридически значимых ситуаций с участием несовершеннолетних потерпевших.

Риск предлагаемого подхода состоит в возможной стигматизации несовершеннолетних, отнесенных по результатам диагностики к «группе риска»: ярлык «потенциальной жертвы» сам способен снизить социометрический статус подростка и усилить его виктимность. Нейтрализация данного риска требует строгой конфиденциальности психодиагностических данных, недопустимости их использования вне целей профилактики и приоритета развивающих (а не сегрегирующих) форм работы с выявленными детьми.

Заключение

Виктимность несовершеннолетних в цифровой среде представляет собой комплексную криминологическую категорию, психологическое содержание которой образуют три группы факторов: личностные (повышенная внушаемость, обусловленная недостаточной развитостью внимания, замедленным темпом когнитивной деятельности, тревожностью и слабостью волевой регуляции; конформность как готовность к «психологической смерти» собственного «Я»; неадекватная самооценка), коммуникативные (низкий социометрический статус, комплекс страхов, дефицит доверительного общения с родителями, компенсируемый избыточным самораскрытием в сети) и социально-средовые (зависимость от референтной группы, семейная депривация, агрессивность сетевой субкультуры).

Типовыми механизмами цифровой виктимизации выступают кибербуллинг во всех его формах (речевая агрессия, распространение слухов, бойкот, шантаж), эксплуатация преступником «душевного сетевого экзгибиционизма» подростка и деструктивное сетевое внушение, ведущее к деперсонализации личности. Установлена криминологически значимая взаимообратимость виктимного и девиантного поведения: несовершеннолетняя жертва сетевой агрессии при отсутствии своевременной психологической помощи с высокой вероятностью воспроизводит агрессивные, аутоагрессивные или аддиктивные модели поведения, переходя из статуса потерпевшего в статус правонарушителя.

Эффективная виктимологическая профилактика требует интеграции криминологического и психологического инструментария: институционализации психодиагностического мониторинга

признаков виктимности в организациях, работающих с несовершеннолетними; обязательного участия педагога-психолога в выявлении фактов кибербуллинга; учёта психологического анамнеза несовершеннолетнего при оценке рисков виктимизации; психологического просвещения детей и родителей в области информационной безопасности. Внедрение указанных мер должно сопровождаться гарантиями конфиденциальности психодиагностических данных, исключаящими стигматизацию несовершеннолетних «группы риска», — в противном случае профилактическая деятельность способна не снизить, а усилить виктимность защищаемых лиц.

Список литературы:

- [1] Абрамова Г.С. Психология только для студентов / Г.С. Абрамова. — М.: ПЕР СЭ, 2001. — 271 с.
- [2] Баева И.А. Психологическая безопасность в образовании: монография / И.А. Баева. — СПб.: Издательство «СОЮЗ», 2002. — 271 с.
- [3] Беседин В.Г., Челпанов В.Б. Девиантное поведение и психологическая безопасность юных спортсменов // Научно-методический журнал «Олимпийский резерв». — 2020. — № 8. — С. 48–49.
- [4] Бехтерев В.М. Гипноз, внушение, телепатия / сост., авт. вступ. статьи и примеч. Г.Х. Шингаров. — М.: Мысль, 1994. — 364 с.
- [5] Гилинский Я.И. Конструирование девиантности / Я.И. Гилинский [и др.]. — СПб.: Деан, 2011. — 223 с.
- [6] Дубровина И.В. Психологическое здоровье детей и подростков / И.В. Дубровина. — М.: Академия, 1997. — 176 с.
- [7] Зимичев А.М. Психология политической борьбы / А.М. Зимичев. — СПб.: Питер, 1993. — 180 с.
- [8] Макадей Л.И. Гендерные различия тревоги и страха у подростков / Л.И. Макадей // Научные проблемы гуманитарных исследований. — 2010. — № 7. — С. 152–157.
- [9] Моргун В.Ф., Седых К.В. Делинквентный подросток: учеб. пособие / В.Ф. Моргун, К.В. Седых. — Полтава, 1995. — 161 с.
- [10] Огнев И. Психологическая безопасность / И. Огнев. — Ростов н/Д: Феникс, 2007. — 605 с.
- [11] Проблемы психологической безопасности / отв. ред. А.Л. Журавлев, Н.В. Тарабрина. — М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. — 440 с.
- [12] Сидоров Н.Р. Психологические предпосылки девиантного поведения / Н.Р. Сидоров // Вестник практической психологии образования. — 2009. — Т. 6. — № 2. — С. 68–72.
- [13] Сухов А.Н. Социальная психология безопасности / А.Н. Сухов. — М.: Академия, 2002. — 256 с.

[14] Щербинина Ю. Речевая агрессия в школе и способы её преодоления / Ю. Щербинина // Первое сентября. – 2009. – № 68.

References:

[1] Abramova G.S. Psychology only for students/G.S. Abramova. - M.: PER SE, 2001. - 271 s.

[2] Baeva I.A. Psychological safety in education: monograph / I.A. Baeva. - St. Petersburg: SOYUZ Publishing House, 2002. - 271 s.

[3] Besedin V.G., Chelpanov V.B. Deviant behavior and psychological safety of young athletes // Scientific and methodological journal "Olympic Reserve." – 2020. – № 8. - S. 48-49.

[4] Bekhterev V.M. Hypnosis, suggestion, telepathy / comp., Aut. entry. articles and note. G.Kh. Shingarov. - M.: Thought, 1994. - 364 p.

[5] Gilinsky Y.I. Construction of deviance / Y.I. Gilinsky [et al.]. - St. Petersburg: Dean, 2011. - 223 s.

[6] Dubrovina I.V. Psychological health of children and adolescents / I.V. Dubrovina. - M.: Academy, 1997. - 176 s.

[7] Zimichev A.M. Psychology of political

struggle / A.M. Zimichev. - St. Petersburg: Peter, 1993. - 180 s.

[8] McAday L.I. Gender Differences in Anxiety and Fear in Adolescents/L.I. McAday // Scientific Problems of Humanities Research. – 2010. – № 7. - S. 152-157.

[9] Morgun V.F., Sedykh K.V. Delinquent teenager: study. Manual / V.F. Morgun, K.V. Sedykh. - Poltava, 1995. - 161 s.

[10] Ognev I. Psychological safety / I. Ognev. - Rostov n/a: Phoenix, 2007. - 605 s.

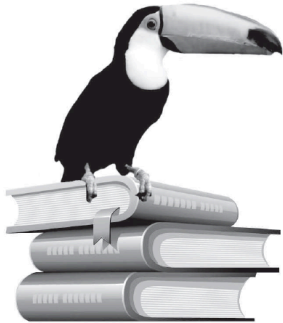
[11] Psychological safety issues/hole ed. A.L. Zhuravlev, N.V. Tarabrina. - M.: Publishing House "Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences," 2012. - 440 s.

[12] Sidorov N.R. Psychological prerequisites for deviant behavior / N.R. Sidorov // Bulletin of practical psychology of education. – 2009. - VOL. 6. – № 2. - S. 68-72.

[13] A.N. Sukhov. Social psychology of safety/ A.N. Sukhov. - M.: Academy, 2002. - 256 s.

[14] Shcherbinina Yu. Speech aggression at school and ways to overcome it/Yu. Shcherbinina // First of September. – 2009. – № 68.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

МАСАЛИМОВА Эльвира Ирековна,
студентка юридического факультета
Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации,
e-mail: masalimova.elvira@bk.ru

Научный руководитель: БЕЛОУСОВ
Андрей Леонидович,
кандидат экономических наук, доцент,
e-mail: mail@law-books.ru

ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ДОМИНИРУЮЩИМ ПОЛОЖЕНИЕМ НА ЦИФРОВЫХ ПЛАТФОРМАХ

Аннотация. Статья посвящена анализу правовых механизмов пресечения злоупотребления доминирующим положением на цифровых платформах в условиях стремительной трансформации рыночных отношений. Автор рассматривает феномен цифровой экономики как многоуровневой экосистемы, в которой платформы, формально выступая посредниками, фактически контролируют существенные условия сделок, создавая зависимость как для потребителей, так и для продавцов. Особое внимание уделяется принятому Федеральному закону № 301-ФЗ («пятому антимонопольному пакету»), вступившему в силу с 1 сентября 2023 года, который вводит принципиально новые для российского законодательства категории, включая понятие «сетевого эффекта» и количественные критерии доминирования. В работе исследуются антимонопольные риски, связанные с использованием больших данных (Big Data), такие как самопредпочтение, дискриминационное ценообразование и препятствование переносимости данных, а также рассматриваются проблемы контроля за сделками экономической концентрации на цифровых рынках. Отдельно анализируются сложности практической реализации закона, в частности доказывание нарушений в условиях алгоритмической непрозрачности и недостаток правовых инструментов для оценки поведения платформ. В заключении формулируются ключевые вызовы, сохраняющиеся в правовом регулировании: разграничение ответственности платформы как посредника и как самостоятельного участника рынка, правовая неопределённость в сфере оборота данных, а также необходимость выработки сбалансированного подхода, стимулирующего инновации, но не допускающего злоупотреблений (обеспечение баланса частных и публичных интересов). Автор приходит к выводу, что, несмотря на существенный прогресс в адаптации конкурентного права к реалиям цифровой экономики, требуется дальнейшее совершенствование правовых механизмов для обеспечения добросовестной конкуренции и защиты прав участников платформенных отношений.

Ключевые слова: Доминирующее положение, сетевой эффект, цифровая платформа, антимонопольное регулирование, большие данные, алгоритмическая непрозрачность, злоупотребление, конкуренция.

MASALIMOVA Elvira Irekovna,
Student, Faculty of Law Financial University
under the Government of the Russian Federation

Supervisor: BELOUSOV Andrey Leonidovich,
Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor

LEGAL MECHANISMS FOR SUPPRESSING ABUSE OF DOMINANT POSITION ON DIGITAL PLATFORMS

Annotation. The article is devoted to the analysis of legal mechanisms for suppressing abuse of dominant position on digital platforms in the context of rapid transformation of market relations. The author examines the phenomenon of the digital economy as a multi-level ecosystem in which platforms, formally acting as intermediaries, actually control the essential terms of transactions, creating dependence for both consumers and sellers. Special attention is paid to the adopted Federal Law No. 301-FZ (the “Fifth Antimonopoly Package”), which entered into force on September 1, 2023, introducing fundamentally new categories for Russian legislation, including the concept of “network effect” and quantitative criteria for dominance. The work explores antimonopoly risks associated with the use of big data, such as self-preferencing, discriminatory pricing and hindering data portability, as well as examines the problems of control over economic concentration transactions in digital markets. The practical difficulties of implementing the law are analysed separately, in particular proving violations under conditions of algorithmic opacity and the lack of legal tools to assess platform behaviour. The conclusion formulates key challenges that persist in legal regulation: delimiting the liability of the platform as an intermediary and as an independent market participant, legal uncertainty in the field of data circulation, as well as the need to develop a balanced approach that stimulates innovation but does not allow abuses (ensuring a balance between private and public interests). The author comes to the conclusion that, despite significant progress in adapting competition law to the realities of the digital economy, further improvement of legal mechanisms is required to ensure fair competition and protect the rights of participants in platform relations.

Key words: Dominant position, network effect, digital platform, antimonopoly regulation, big data, algorithmic opacity, abuse, competition.

Рынок цифровой экономики является быстроразвивающимся феноменом, который за последнее десятилетие прошел путь от простой автоматизации торговли до формирования сложных многоуровневых экосистем. Сегодня цифровизация проникает во все сферы жизни: от образования и медицины до государственного управления и банковского сектора. Главными источниками этого роста выступают повсеместное распространение информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», доступность мобильных устройств и, что самое важное, изменение потребительских привычек, поскольку для современного человека наибольшую ценность представляет скорость, удобство и персонализация. На данном этапе именно цифровые сервисы отвечают всем заявленным требованиям, так как они предлагают пользователю принципиально иной уровень взаимодействия с продавцом. В отличие от традиционных форм торговли или оказания услуг, цифровые платформы работают по принципу «здесь и сейчас»: товар можно найти за считанные секунды, сравнить сотни предложений, прочитать отзывы реальных покупателей и оформить доставку в пару кликов, при этом не выходя из дома. Мобильные приложения и сайты адаптируются под конкретного человека, запоминая его предпочтения, историю покупок и даже геолокацию, что позволяет формировать индивидуальные предложения. Именно эта способность к персонализации и мгновенному удовлетворению запросов кардинально меняет потребительские стандарты: пользователь быстро привыкает к тому, что сервис «понимает» его запросы, и уже не готов мириться с очередями, ограниченным

ассортиментом или отсутствием информации о товаре или услуге. Формируется такое потребительское поведение, в рамках которого ключевыми факторами выбора становятся не столько цена или качество товара сами по себе, сколько качество цифрового опыта — удобство интерфейса, скорость обработки заказа, предсказуемость алгоритмических рекомендаций. Однако одновременно с этим возникает ряд рисков, связанных с особенностями работы онлайн-платформ. Алгоритмы, запоминающие предпочтения, историю покупок и геолокацию, создают возможность для скрытого манипулирования потребительским выбором [1, с. 79]. Создаются так называемые «пузыри фильтров», когда пользователю показываются только те товары, которые алгоритм считает релевантными на основе его прошлого поведения, что может искусственно ограничивать ассортимент и сужать потребительский спрос. Более того, сбор и анализ персональных данных, лежащий в основе персонализации, создает риски для конфиденциальности и информационной безопасности потребителей.

Для хозяйствующих субъектов данный риск заключается в том, что доступ на рынок опосредован самой платформой и соблюдением пользовательского соглашения. Более того, продавец не может напрямую выстроить отношения с клиентом — он вынужден соблюдать правила платформенной экосистемы, которая определяет, как его товар будет показан, по каким критериям ранжирован и за какую комиссию. Таким образом, возникает «зависимость» от цифровой платформы: для малого и среднего бизнеса потеря доступа к крупному маркетплейсу может означать факти-

ческое исчезновение с рынка, поскольку классические каналы не обеспечивают сопоставимого охвата аудитории.

В правовом поле описанные процессы стоят перед законодателем ряд принципиальных вопросов. Если в классическом понимании механизма функционирования рыночных отношений, где потребитель нуждается в защите от профессионального продавца, то в платформенной экономике возникает несколько взаимозависимых отношений: потребитель — платформа — продавец. Платформа, формально выступая посредником, фактически контролирует все существенные условия сделки: видимость товара, его ценовое позиционирование, условия доставки и возврата. При этом алгоритмический характер этого контроля делает его непрозрачным для внешнего наблюдения и труднодоказуемым с точки зрения юридической ответственности. Именно данное противоречие, которое возникло между растущей зависимостью потребителей и продавцов от цифровых платформ и непрозрачностью механизмов, с помощью которых платформы реализуют свою власть, является главным вызовом законодателя.

Принятие Федерального закона № 301-ФЗ [2], вступившего в силу с 1 сентября 2023 года, стало ключевым этапом к адаптации современного российского конкурентного права к реалиям цифровой экономики. Данный Закон, поименованный как «пятый антимонопольный пакет», был разработан в целях совершенствования антимонопольного регулирования в условиях развития цифровых рынков, а также предупреждения и пресечения монополизации цифровых платформ. Так, например, Закон вводит принципиально новое для российского законодательства понятие «сетевой эффект», под которым подразумевается «свойство товарного рынка (товарных рынков), при котором потребительская ценность программы (совокупности программ) для электронных вычислительных машин в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети "Интернет", обеспечивающей совершение сделок между продавцами и покупателями определенных товаров (далее - цифровая платформа), изменяется в зависимости от изменения количества таких продавцов и покупателей» [2]. Иными словами, принцип функционирования сетевого эффекта заключается в том, что «ценность платформы для каждого отдельного потребителя растет с увеличением числа других потребителей, использующих платформу» [3, с. 186]. Наибольший интерес для развития эффективной конкурентной среды представляет установление конкретных критериев, которые позволяют определить, что платформа занимает доминирующее положение. В первую очередь, наличие сетевого эффекта, который дает цифровой платформе возможность оказывать

решающее влияние на общие условия обращения товара на рынке, во-вторых, доля сделок, совершаемых посредством цифровой платформы, превышает 35% в стоимостном выражении от общего объема сделок на соответствующем товарном рынке, в – третьих, выручка хозяйствующего субъекта за последний календарный год превышает 2 миллиарда рублей. Введение этих количественных и качественных критериев позволяет идентифицировать тех участников цифровых рынков, чье поведение требует особого антимонопольного контроля.

Важно уделить особое внимание «большим данным» (Big Data), то есть совокупности структурированных данных огромных объемов, которые обрабатываются с помощью программных инструментов и алгоритмов, позволяющих выявлять скрытые закономерности, корреляции и тенденции, недоступные для традиционных методов анализа [3, с. 186]. В работе цифровых платформ «большие данные» приобретают ключевое значение, поскольку именно они лежат в основе всех основных функций платформы: персонализации предложений, ранжирования товаров, динамического ценообразования и прогнозирования спроса, таким образом, Big Data становится самостоятельным фактором рыночной власти. В связи с этим возникают следующие антимонопольные риски, связанные с «большими данными»:

Самопредпочтение (self-preferencing), то есть ситуация, когда платформа, анализируя данные о продажах сторонних продавцов, может выявлять наиболее успешные товарные категории и запускать собственные аналоги, используя при этом преимущества в ранжировании (собственные товары показываются выше товаров конкурентов).

Дискриминационное ценообразование, когда анализ больших данных позволяет платформам осуществлять ценовую дискриминацию (персонализированное ценообразование), когда каждому пользователю предлагается индивидуальная цена, максимизирующая прибыль платформы.

Препятствование переносимости данных (data portability), ситуация, при которой отсутствуют эффективные механизмы переноса данных с одной платформы на другую создает эффект блокировки, когда пользователь или продавец не может покинуть платформу без потери накопленной информации (истории заказов, рейтинга, отзывов).

Еще одним вызовом для антимонопольного регулирования цифровых платформ выступает контроль за сделками экономической концентрации. Специфика цифровых рынков такова, что подобные сделки способны оказывать существенное негативное воздействие на конкурент-

ную среду: они не только ведут к сокращению числа независимых игроков, но и снижают интенсивность инновационной деятельности, поскольку устранение перспективного конкурента (зачастую на ранней стадии его развития) уменьшает стимулы к технологическому соперничеству для доминирующих платформ [1, с. 79].

Таким образом, подводя итог ко всему вышеизложенному, можно отметить, что несмотря на значительный прогресс в формировании правовой базы, сохраняется ряд проблем, требующих дальнейшего осмысления и совершенствования: во-первых, сложность доказывания нарушений в условиях алгоритмической непрозрачности и использования платформами сложных математических моделей, во-вторых, проблема разграничения ответственности и определения границ. Пятый антимонопольный пакет исходит из модели, в которой платформа выступает как посредник, обеспечивающий взаимодействие продавцов и покупателей. Однако в реальности крупнейшие экосистемы (Яндекс, Ozon, Wildberries) выходят далеко за рамки простого посредничества: они оказывают услуги хранения, доставки, обработки возвратов, управляют программами лояльности и даже выступают производителями товаров под собственными торговыми марками. В этой многофункциональной структуре становится крайне сложно определить, в каких отношениях платформа выступает как нейтральный посредник, а в каких — как полноценный участник рынка, конкурирующий с собственными же партнерами. В-третьих, важно учитывать правовую неопределенность регулирования больших данных (Big Data), что создает системные риски не только для участников платформенных отношений, но и для

конкурентной среды в целом.

Список литературы:

[1] Дехтярь И. Н. Нарушения антимонопольного законодательства в деятельности цифровых платформ // Вестник СГЮА. 2021. – № 2 (139). – с. 78-87. – с. 79.

[2] О внесении изменений в Федеральный закон «О защите конкуренции»: Федер. закон от 10 июля 2023 г. № 301-ФЗ: [принят Государственной Думой 27 июня 2023 г.: одобрен Советом Федерации 5 июля 2023 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2023. – 17 июля. – № 29. – Ст. 5319.

[3] Паращук С. А., Посохова Я. В. Правовые аспекты антимонопольного регулирования деятельности хозяйствующих субъектов, использующих цифровые платформы // Право: история и современность. 2023. – № 2. – с. 183 – 190. – с. 186.

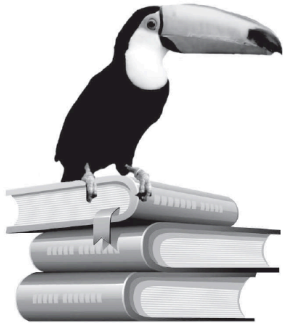
References:

[1] Dekhtyar I. N. Violations of antimonopoly legislation in the activities of digital platforms // Bulletin of SSLA. 2021. – № 2 (139). - p. 78-87. - p. 79.

[2] On amending the Federal Law "On Protection of Competition": Feder. Law of July 10, 2023 No. 301-FZ: [adopted by the State Duma on June 27, 2023: approved by the Federation Council on July 5, 2023] // Collection of legislation of the Russian Federation. – 2023. - July 17. – № 29. - Art. 5319.

[3] Paraschuk S.A., Posokhova Ya.V. Legal aspects of antitrust regulation of the activities of business entities using digital platforms // Law: history and modernity. 2023. – № 2. - p. 183-190. - p. 186.

**ЮРИДИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ЮРКОМПАНИ»**

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 22.07.2026 г.

DOI: 10.24412/2224-9133-2026-8-445-450

Дата принятия рукописи в печать: 01.09.2026 г.

МУЖУХОЕВА Эльза Джунидовна,
Профессор кафедры отечественной истории,
кандидат исторических наук ФГБОУ «Ингушский
государственный университет»,
e-mail: mail@law-books.ru

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ВОИНСКИЕ ФОРМИРОВАНИЯ ЧЕЧЕНО-ИНГУШЕТИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. Одним из наиболее значимых периодов истории нашей страны является Великая Отечественная война. Несмотря на то, что ее историография представляет собой достаточно полный и хорошо изученный пласт сведений, имеются и менее известные эпизоды, изучение которых составляет цель данной статьи. Интерес автора сосредоточен на специфике организации и участия в боевых действиях национальных воинских формирований. В частности, автор рассматривает действия, предпринятые для формирования 114-й национальной Чечено-Ингушской кавалерийской дивизии. Подвергнуты анализу причины, приведшие к тому, что дивизия не принимала участия в боевых действиях. Признавая данный негативный факт, автор отмечает несостоятельность взглядов о недостатке добровольцев и массовом дезертирстве, объясняя расформирование дивизии объективными причинами. В статье прослеживается дальнейший ход событий по созданию на базе расформированной дивизии новых национальных кавалерийских подразделений. Дается характеристика участия в боевых действиях под Сталинградом и на Кавказе 255-го Чечено-Ингушского кавалерийского полка и дополнительного кавалерийского дивизиона. В заключение автор отмечает значимость вклада данных подразделений в дело Победы.

Ключевые слова: национальные воинские формирования; коренные национальности; кавалерийская дивизия; мобилизация; добровольцы; Северо-Кавказский военный округ; оборона Сталинграда.

MUZHUKHOEVA Elsa Dzhunidovna,
Professor, Department of Russian History, PhD in
History, Ingush State University

NATIONAL MILITARY FORCES OF CHECHEN-INGUSHETIA DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Annotation. One of the most significant periods in the history of our country is the Great Patriotic War. Although its historiography represents a fairly comprehensive and well-researched body of information, there are also lesser-known episodes, the study of which is the purpose of this article. The author's interest focuses on the specifics of the organization and participation of national military formations in combat. Specifically, the author examines the actions taken to form the 114th National Chechen-Ingush Cavalry Division. The reasons that led to the division's non-combatancy are analyzed. While acknowledging this negative fact, the author notes the inconsistency of views regarding a lack of volunteers and mass desertion, attributing the division's disbandment to objective reasons. The article traces the subsequent developments in the creation of new national cavalry units from the disbanded division. The article describes the participation of the 255th Chechen-Ingush Cavalry Regiment and its additional cavalry division in combat operations at Stalingrad and in the Caucasus. In conclusion, the author notes the significant contribution of these units to the Victory.

Key words: *national military formations; indigenous nationalities; cavalry division; mobilization; volunteers; North Caucasus Military District; defense of Stalingrad.*

В истории каждой страны имеются не только отдельные эпизоды, но целые «срезы», позволяющие создать четкое представление о развитии страны и ее жителей. Одним из таких пластов истории нашей страны является Великая Отечественная война – вечная боль и непреходящая слава многих народов, целой национально-государственной общности. Согласно статистике, число советских военнослужащих, принимавших участие в боевых действиях, превысило 34,4 млн. человек, бывших представителями более чем 100 национальностей и народностей Советского Союза. Очевидно, что в силу многочисленности титульной нации наиболее репрезентативным было участие русских (5,76 млн. человек или 66,4 % от общего числа погибших военнослужащих) [1]. Однако очевидно и то, что вклад менее многочисленных народов был столь же значим и неocenим в деле Победы, поскольку все они воевали плечом к плечу, формируя многонациональные гарнизоны на разных участках фронта. Не делая различий между вкладом представителей разных национальностей, укажем, что в боевых действиях принимало участие порядка 30-40 тыс. чеченцев и ингушей, которые в 1939 г. составляли 0,27 % населения СССР (чуть более полумиллиона человек) [2]. Простая арифметика позволяет говорить о том, что на фронт пошло 6-8 % чеченцев и ингушей, но дело не в цифрах, а в людях, защищавших единую Родину, и изучение этого вопроса не утрачивает своей актуальности и не имеет срока давности. Именно поэтому целью статьи является изучение вклада чечено-ингушских национальных воинских формирований в историю победы над фашизмом.

Заметим, что с самого начала боевых действий представители различных национальностей служили во всех воинских подразделениях без учета национального или иных признаков. Тем не менее, уже в первые месяцы войны (13 ноября 1941 г.) Государственным комитетом обороны Советского Союза было издано постановление № 894 «О формировании национальных войсковых соединений». Согласно определению, национальные воинские подразделения представляли собой формирования Рабоче-крестьянской красной армии СССР, образованные в годы Великой Отечественной войны по национальному признаку личного состава [3]. Интересно, что образование национальных воинских частей не было в полном смысле новшеством, поскольку такие части в продолжение дореволюционной традиции создавались в РККА в первые годы советской власти, уступив однако в 1938 г. место общенационально-

му порядку прохождения воинской службы.

Ситуация критически изменилась с началом Великой Отечественной войны по объективным причинам:

поражения первых месяцев войны, требовавшие мобилизации новых сил;

оккупация обширной части территории страны, затруднявшая мобилизацию населения оккупированных районов и требовавшая дополнительной мобилизации с незатронутых оккупацией территорий;

потребность в ускоренной подготовке боевых кадров;

низкий уровень владения или полное незнание русского языка среди призывников из союзных и автономных республик требовало работы с ними на родном языке для быстрого обучения военному делу [4].

Следствием этого стало вышеуказанное постановление «О формировании национальных войсковых соединений», согласно которому за счет средств местных и республиканских бюджетов, а также фондов, формируемых за счет средств, вносимых гражданами соответствующих республик, были сформированы воинские подразделения в ряде союзных и автономных республик и областей. Заметим, что национальные части формировались с учетом тех навыков, которыми традиционно обладали представители определенных национальностей. Так, в Казахстане, Киргизии, Туркмении, Узбекистане, Башкирии, Кабардино-Балкарии, Калмыкии, Чечено-Ингушетии, в казачьих районах Дона и Северного Кавказа было сформировано 22 кавалерийские дивизии [3].

Непосредственно в Чечено-Ингушетии была сформирована 114-я кавалерийская дивизия, а затем на ее базе 255-й кавалерийский полк и дополнительно кавалерийский дивизион. Однако, несмотря на логику принятого постановления, ситуация складывалась далеко не однозначно, на что указывают документальные сведения и публикации разных авторов. Спорность связана с тем, что в публикациях ряда исследователей (А. Безугольный, А. Кузнецов, И. Пыхалов) встречаются указания на то, что 114-я кавалерийская дивизия оказалась фантомом и не принимала участия в боевых действиях. Диапазон объяснений простирается от «недостатка добровольцев и массового дезертирства» до «перехода на сторону противника целой дивизии из чеченцев и ингушей» [5]. Тем не менее, совершенно очевидно, что ориентироваться следует не на инсинуации подобных авторов, а на факты, приведенные в

исторических документах, и исследования компетентных специалистов.

Проанализируем ход событий.

Решение о формировании 114-й национальной кавалерийской части было принято Чечено-Ингушским обкомом партии и Совнаркомом республики уже 15 ноября 1941 г., т.е. всего через два дня после выхода постановления Государственного комитета обороны. Согласно этому решению 114-я национальная кавалерийская часть должна была формироваться за счет внутренних ресурсов Чечено-Ингушетии.

Проблема заключается в том, что в указанный период этот источник формирования был уже истощен. Говоря о причине такого истощения, М.К. Осмаев указывает, во-первых, на то, что в тот момент основная часть человеческих и материальных ресурсов была направлена на эвакуацию, скорейший монтаж оборудования и запуск на новом месте промышленных предприятий Грозного. Во-вторых, в республике ощущалась нехватка вайнахов (представители коренных национальностей – чеченцы и ингуши), прошедших военную подготовку, обусловленная тем, что начало их призыва пришлось на 1939 г., что не позволило обеспечить армию к началу войны достаточным количеством обученных воинов-резервистов [6, с. 60]. Заметим, что обе причины были реальными, а не надуманными. Так, первая была объективной необходимостью, продиктованной тем, что предприятия должны были снабжать действующую армию топливом, горюче-смазочными материалами, исполнять оборонные заказы. Вторая – объясняет трудности, которые возникли в ходе комплектования личного состава национальной дивизии.

На такой ход событий указывает и Т. Музаев, помощник начальника архивного управления правительства Чеченской республики, подробно изучивший документы того периода, относящиеся к созданию и функционированию «пропавшей» дивизии. В частности речь идет о докладе «О состоянии 114-й Чечено-Ингушской кавалерийской дивизии к моменту ее расформирования и о сформировании на базе ее Отдельного Чечено-Ингушского (255 кавалерийского полка) и Отдельного запасного кавалерийского дивизиона», подписанном 29 апреля 1942 г. [5].

Согласно этому документу, в состав 114-й дивизии должны были войти два полка – чеченский и ингушский, укомплектованных лицами указанных национальностей не старше 40 лет. По возможности начальствующий состав также должен был принадлежать к национальному составу и лишь в случае их нехватки быть дополнен русскими. Бремя материального обеспечения обмундированием, снаряжением, конями, упряжью и фуражом ложилось на правительство автоном-

ной республики, равно как и частичное обеспечение холодным и огнестрельным оружием. Вплоть до января 1942 г. деятельность по формированию, обучению и сбору дивизии осуществлялось Военным советом Северо-Кавказского военного округа. Большое внимание в процессе вербовки добровольцев, проводимой специальными отборочными комиссиями, уделялось политическому статусу потенциальных членов дивизии в соответствии с требованием о не менее чем 25-процентном количестве комсомольцев и членов партии в составе дивизии [5].

Заметим, что попытки представить информацию о 114-й национальной кавалерийской дивизии в негативном свете разбиваются о факты. Так, согласно документированным итогам кампании по вербовке, количество добровольцев превысило положенное по штату на 614 человек, т.е. 18,3 % (3961 против штатных 3347). Тем не менее, ощущался недостаток командного состава – 352 вместо 406 командиров и меньше половины из 709 человек младшего командного состава. Что касается пропорций национального состава, то они были соблюдены: 77,8 % чеченцев, 9,7 % ингушей, 6,5 % русских и 5,2 % представителей других национальностей. Кроме того, в указанном документе подчеркивается: «подавляющее большинство рядового состава дивизии пришло в Красную Армию добровольно», что подтверждается «большим количеством заявлений красноармейцев с просьбой о направлении на фронт» [5].

Анализ приведенных данных указывает на то, что при формировании дивизии не возникло сложностей ни с количеством добровольцев, ни с их национальным составом (который полностью отвечал концепции национальной дивизии), ни с их морально-политическим состоянием. Это позволило к 1 февраля 1942 г. создать в дивизии полностью укомплектованные военные штаты, а именно: управление дивизии, управление кавалерийскими полками, отдельный конно-артиллерийский дивизион, медико-санитарный эскадрон и полуэскадрон связи, продовольственный транспорт и другие отделы.

Тем не менее, 114-я национальная кавалерийская дивизия так и не приняла участие в боевых действиях, хотя, как было указано ранее, она была полностью готова к отправке на фронт. Более того, участие дивизии в военных действиях диктовалось острой необходимостью, т.к. именно на рассматриваемый период были запланированы наступательные операции (отбрасывание фашистов от Москвы, прорыв блокады Ленинграда, разгром вражеских войск на территории Украины и Крыма). Возникает резонный вопрос, почему вместо приказа о выступлении дивизии на фронт 3 марта 1942 г. ставка Верховного главнокомандования направила в штаб Северо-Кавказского

военного округа приказ о расформировании 114-й дивизии.

Т. Музаев видит причину того, что 114-ю дивизию фактически списали со счетов, так и не допустив до участия в боевых действиях, в следующем:

постоянная смена командиров, каждый из которых держался на своем посту не больше одной-двух недель: С. Моллаева заменили, едва он начал формировать часть; И.Т. Челенко был командиром около двух недель; подполковник Артемьев – примерно неделю; И.Х. Баев – три дня;

отсутствие снабжения, например, лошадей было чуть более трети от положенного количества, причем среди них 42,3 % находилось в неудовлетворительном состоянии, а 15,1 % – в истощенном; отсутствовали конюшни (и это в декабре-феврале 1942 г.);

непригодное для проживания состояние казарм и плохое питание военнослужащих, против чего ни Совнарком, ни обком Чечено-Ингушской АССР не принимал никаких мер [5].

На нехватку материального обеспечения указывает и М.К. Осмаев, приводя следующие числовые данные: имелось 42 % конского снаряжения; менее 10 % автомашин, причем почти все не на ходу; порядка половины бойцов не было обеспечено обмундированием [6, с. 61]. Получается, что формально дивизия была создана, но в течение первых двух месяцев своего краткого существования так и не была проверена военной комиссией Северо-Кавказского военного округа, не поставлена на довольствие Народного комитета обороны и не обучена.

М.К. Осмаев видит причину ситуации, сложившейся со 114-й национальной кавалерийской дивизией не только в неудовлетворительной работе военкоматов и других структур, ответственных за создание дивизии, но и в особенностях экономического положения Чечено-Ингушской АССР, поскольку в более благополучной Кабардино-Балкарии аналогичная дивизия (115-я) была сформирована, обеспечена, обучена и отправлена на фронт [6].

Таким образом, ситуацию, сложившуюся в марте 1942 г. в отношении 114-й дивизии, можно охарактеризовать как тупиковую, поскольку за ней последовало вполне закономерное решение о роспуске дивизии.

Тем не менее, 114-я дивизия послужила базой для создания новых воинских подразделений – 255-го Чечено-Ингушского кавалерийского полка и дополнительного кавалерийского дивизиона, принимавших участие в боевых действиях.

Рассмотрим, как сложилась история указанных подразделений.

Приказ о формировании 255-го отдельного Чечено-Ингушского кавалерийского полка был

издан 26 марта 1942 г. после того, как было отменено решение о том, чтобы создать полноценную национальную кавалерийскую дивизию. Однако значительный наплыв добровольцев привел к тому, что помимо 255-го полка был сформирован Отдельный кавалерийский дивизион, в дальнейшем вошедший в состав 4-го Кубанского казачьего кавалерийского корпуса.

На количество добровольцев, избыточное для формирования указанного полка и дивизиона, указывает Т. Музаев, отмечая, что полк был укомплектован рядовыми на 105 %, а командным и младшим командным составом на 100 % [7]. Более того, поскольку поток добровольцев продолжился в силу нежелания бойцов оставаться «за бортом» после формирования полка и дивизиона, значительные группы чеченцев и ингушей военное командование стало направлять в другие регулярные части (кавалерийские полки, артиллерийско-минометные полки, отдельный кавалерийский разведывательный дивизион, отдельный дивизион противовоздушной обороны), находившиеся на фронте.

Непосредственно батальная история 255-го национального кавалерийского полка и Отдельного кавалерийского дивизиона вершилась в 1942-1943 гг. на южном направлении фронта, а конкретно – в ходе участия в оборонительных боях на дальних подступах к Сталинграду. Полк воевал в составе 64-й армии в оперативной группе генерала В.И. Чуйкова, задерживая продвижение гитлеровских танковых частей. В исторических источниках отмечается, что кавалерия вела ожесточенные бои с противником, который ускоренными темпами продвигался к Сталинграду. Подобная тактика позволяла в максимальной степени осложнять и задерживать наступление гитлеровских войск, тем самым обеспечивая выигрыш во времени, необходимый для подготовки Сталинграда к обороне. Однако очевидно, что столь ожесточенные бои привели к значительным потерям в живой силе (2/3 личного состава). Учитывая то, что из Чечено-Ингушетии не могло поступить пополнение, соответственно, дальнейшее объединение частей по национальному признаку было нецелесообразным, уже в начале 1943 г. 255-й кавалерийский полк был расформирован. Оставшиеся бойцы были объединены в разведывательные кавалерийские дивизионы, вошедшие в состав 4-го Кубанского кавалерийского корпуса [8].

Что касается Отдельного кавалерийского дивизиона, сформированного одновременно с 255-м Чечено-Ингушским кавалерийским полком, то он в составе красно-казачьего корпуса под командованием генерала Н.Я. Кириченко участвовал в битвах на Кавказе, в частности на подступах к Грозному, имевшему стратегическое значе-

ние из-за нефтяных промыслов. Историк и журналист И. Сардалов отмечает прямое указание в директиве Гитлера о необходимости «отрезать Советский Союз от Кавказа и, следовательно, от основных источников нефти», чтобы нанести тяжелый удар. Первым шагом должен был стать захват Грозного и прилегающего к нему нефтепромышленного района, затем должно было последовать завоевание всего Кавказа и выход на Ближний Восток [9]. Именно в противодействие этим планам включился с одной стороны (в районе Сталинграда) 255-й национальный кавалерийский полк, не допустивший того, чтобы центральные районы Советского Союза оказались отрезанными от южных, и с другой (на Кавказе) отдельный Чечено-Ингушский кавалерийский дивизион, оказавший значительное влияние на обстановку в районе Кавказа. Суммарно эти действия, происходившие в течение 1942-1943 гг., способствовали благоприятному исходу Сталинградской битвы.

Характеризуя участие 255-го полка и Отдельного дивизиона в битвах на подступах к Сталинграду и на кавказских рубежах (Грозненское и Моздокское направление, бои под Малгобеком и Владикавказом), И. Сардалов отмечает отвагу, честь и достоинство чеченцев и ингушей, выполнявших свой воинский долг даже ценой собственной жизни [9]. Именно поэтому можно говорить о том, что история названных воинских подразделений тесно вплетена в историю Великой Отечественной войны.

Подводя итог участию национальных чечено-ингушских воинских формирований в Великой Отечественной войне, приходим к пониманию, что хотя 114-я кавалерийская дивизия в ее первоначальном составе так и не была отправлена на фронт, сами ее бойцы добились права участия в боевых действиях и принесли мир стране, славу своей земле и своему народу. Таким образом, абсолютно оправданной и аргументированной является позиция Т. Музаева, в своих исследованиях давшего ответ на инсинуации авторов, пытавшихся оклеветать личный состав указанных кавалерийских формирований.

Список литературы:

- [1] Народы СССР в Великой Отечественной войне // Этноинфо [Электронный ресурс]. URL: <https://ethnoinfo.ru/statistika/> (дата обращения 11.08.2026).
- [2] Чеченцы на фронтах Великой Отечественной войны // Грозный-информ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.grozny-inform.ru/news/analitics/18409/> (дата обращения 11.08.2026).
- [3] Градосельский В.В. Национальные формирования Красной Армии в Великую Отечественную войну (1941-1945 гг.) // Военно-истори-

ческий журнал. 2002. № 1.

- [4] Национальные воинские формирования в годы Великой Отечественной войны // Военный портал [Электронный ресурс]. URL: <https://info.milportal.ru/natsionalnye-voinskie-formirovaniya-a-v-gody-velikoj-otechestvennoj-vojny/> (дата обращения 11.08.2026).

- [5] Музаев Т. «Пропавшая» дивизия // Вести Чеченской республики [Электронный ресурс]. URL: <https://vesti095.ru/2015/05/propavshaya-diviziya/> (дата обращения 12.08.2026).

- [6] Осмаев М.К. Проблемы формирования Чечено-Ингушской национальной кавалерийской дивизии в годы Великой Отечественной войны // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Регионоведение; философия; история; социология; юриспруденция; политология; культурология. 2018. Выпуск 2(219). С. 59-65.

- [7] Музаев Т. «Пропавшая» дивизия. Завершение темы // Вести Чеченской республики [Электронный ресурс]. URL: <https://vesti095.ru/2015/05/propavshaya-diviziya-zavershenie-temy/> (дата обращения 13.08.2026).

- [8] Уроженцы Ингушетии на войне и в Сталинградской битве // Нийсо-Дагестан [Электронный ресурс]. URL: <https://niyso-dag.ru/novosti/v-mire/4245-urozhency-ingushetii-na-vojne-i-v-stalingradskoj-bitve.html> (дата обращения 13.08.2026).

- [9] Сардалов И. Битва за Кавказ // Российское военно-историческое общество [Электронный ресурс]. URL: <https://rvio.ru/activities/news/bitva-za-kavkaz> (дата обращения 13.08.2026).

References:

- [1] Peoples of the USSR in the Great Patriotic War // Ethnoinfo [Electronic resource]. URL: <https://ethnoinfo.ru/statistika/> (date of contact 11.08.2026).
- [2] Chechens on the fronts of World War II // Grozny-inform [Electronic resource]. URL: <https://www.grozny-inform.ru/news/analitics/18409/> (date of contact 11.08.2026).
- [3] Gradoselsky V.V. National formations of the Red Army in the Great Patriotic War (1941-1945) // Military History Journal. 2002. № 1.
- [4] National military formations during the Great Patriotic War // Military portal [Electronic resource]. URL: <https://info.milportal.ru/natsionalnye-voinskie-formirovaniya-a-v-gody-velikoj-otechestvennoj-vojny/> (дата обращения 11.08.2026).
- [5] Muzaev T. "Missing" division // News of the Chechen Republic [Electronic resource]. URL: <https://vesti095.ru/2015/05/propavshaya-diviziya/> (date of contact 12.08.2026).
- [6] Osmaev M.K. Problems of the formation of the Chechen-Ingush national cavalry division during the Great Patriotic War // Bulletin of the Adygea State

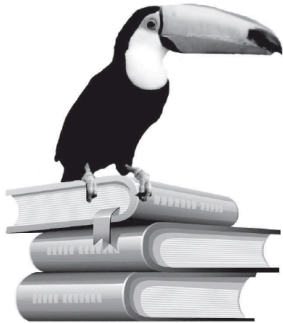
University. Series: Regional Studies; philosophy; history; sociology; jurisprudence; political science; cultural studies. 2018. Issue 2 (219). S. 59-65.

[7] Muzaev T. "Missing" division. Completion of the topic // News of the Chechen Republic [Electronic resource]. URL: <https://vesti095.ru/2015/05/propavshaya-diviziya-zavershenie-temy/> (date of contact 13.08.2026).

[8] Natives of Ingushetia in the war and

in the Battle of Stalingrad // Niiso-Dagestan [Electronic resource]. URL: <https://niyso-dag.ru/novosti/v-mire/4245-urozhency-ingushetii-na-vojne-i-v-stalingradskoj-bitve.html> (дата обращения 13.08.2026).

[9] Sardalov I. Battle for the Caucasus // Russian Military Historical Society [Electronic Resource]. URL: <https://rvio.ru/activities/news/bitva-za-kavkaz> (дата обращения 13.08.2026).

**ЮРИДИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ЮРКОМПАНИ»**

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

МИЛОВАНОВА Лада Вячеславовна,
кандидат юридических наук, доцент, доцент
кафедры юриспруденции Московского городского
университета управления Правительства Москвы
имени Ю.М. Лужкова,
e-mail: milovanova@list.ru

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ СУДЕБНОГО ПРЕЦЕДЕНТА

Аннотация. Автором осуществлен правовой анализ процесса становления и развития судебного прецедента. Рассмотрены особенности и характерные черты судебного прецедента как многозначность, дана характеристика правовой основы и подхода к признанию юридической силы судебного прецедента в разных государствах. Определен ряд проблем, решение которых требует научной теоретической проработки и детализации. Отмечено, что *persuasive precedent* не содержит в себе правовой аргументации по предмету спора, а возникает тогда, когда отсутствует законодательная регламентация, и применяются в необходимых случаях в соответствии с позицией вышестоящего суда. Автор пришел к выводу о том, что отвергнутый прецедент выделяется в доктрине английского права, но не является формальным источником, такой вид подразумевает неправильное решение суда, такого рода дефектность возникает из-за неправильного понимания, но несмотря на это может суд может заново рассмотреть его правоприменение.

Ключевые слова: судебный прецедент, источники права, *binding precedent*, и *persuasive precedent*, судебные решения, мотивировочная часть, (*common law*), преторское право.

MILOVANOVA Lada Vyacheslavovna,
Candidate of Law, Associate Professor, Associate
Professor of the Department of Jurisprudence
Moscow City University of Management Government
of Moscow named after Y.M. Luzhkov

HISTORICAL PROCESSES OF FORMATION AND DEVELOPMENT OF JUDICIAL PRECEDENT

Annotation. The author carries out a legal analysis of the process of formation and development of judicial precedent. The features and characteristic features of judicial precedent as polysemy are considered, the characteristics of the legal basis and approach to the recognition of the legal force of judicial precedent in different states are given. A number of problems are identified, the solution of which requires scientific theoretical study and detailing dispute, but arises when there is no legislative regulation, and are applied where necessary in accordance with the position of the higher court. The author came to the conclusion that the rejected precedent is singled out in the doctrine of English law, but is not a formal source, this type implies an incorrect decision of the court, this kind of defect arises due to misunderstanding, but despite this, the court can reconsider its legal application.

Key words: judicial precedent, sources of law, *binding precedent*, and *persuasive precedent*, court decisions, reasoning part, (*common law*), praetorian law.

Судебный прецедент это один из видов источника права, с помощью которого регулируются общественные отношения на протяжении многих веков. История судебного прецедента начинается в Древнем Риме и продолжает дальнейшее развитие в Англии с 1066 года [1, с. 112]. Су-

дебный прецедент рассматривается как судебное решение, которое необходимо при рассмотрении аналогичных дел. Из-за этого возникает вопрос о его признании. В России же судебный прецедент на законодательной основе не признаётся в качестве источника, но все равно остаётся вопрос:

«является ли он источником права?

В современных условиях прецедент представляется ведущим источником права в англо-американской правовой системе, в таких странах как США, Канада, Австралия. Основываясь на этом, понимание судебного прецедента, в сегоднешнее время, пришло и получило развитие в Англии, а затем в остальных странах англосаксонской правовой семьи. Что касается особенностей, то стоит выделить, что сам по себе подчинен закону, так как им может быть признан недействительным и суд располагает в пределах нормативно-правовых актов при формировании прецедента, а также присущ нормативный характер [2, с. 15]. М.Н. Марченко обращает внимание на такие черты как многозначность судебного прецедента, разновидность правовой основы и подхода к признанию юридической силы в разных странах [3, с. 10]. Л.А. Морозова отмечает тот факт, что только правовая позиция судьи является обязательной для нижестоящих судов, а не полностью судебное решение. То есть главной частью судебного решения является мотивировочная часть, в которой излагаются основные принципы, применяемые в конкретных вопросах [4, с. 402].

Проанализировав различные определения и признаки судебного прецедента стоит отметить, что отличительными признаками являются общеобязательность, представляет правотворческой деятельностью, обладает многозначностью. Из разновидностей судебного прецедента стоит выделить три вида обязательные, убеждающие, отвергнутые. В соответствии со своим уровнем подразделяется на обязательный (binding precedent) и убеждающий (persuasive precedent). Обязательный прецедент исходит только от высших судебных органов, внутри правопорядка страны, в которой он распространяется. Если от него отклониться, то может возникнуть основание для отмены соответствующего судебного решения. Обязательный прецедент также делится на абсолютный и условно-обязательный. Что касается абсолютного прецедента, он является или ведущим, или руководящим (leading precedent), а также обладает высокой степенью авторитетности для судей. Что же касается убеждающих прецедентов (persuasive precedent), то они создаются нижестоящими судами и судами различных стран. Данный вид не содержит в себе правовой аргументации по предмету спора, этот прецедент возникает тогда, когда отсутствует законодательная регламентация, то есть убеждающие прецеденты применяются в необходимых случаях в соответствии с позицией вышестоящего суда [5, с. 51]. Отвергнутый прецедент выделяется в доктрине английского права, но не является формальным источником, такой вид подразумевает неправильное решение суда, такого рода дефектность возника-

ет из-за неправильного понимания, но несмотря на это может суд может заново рассмотреть его правоприменение. М.А Гицу рассматривает к ныне упомянутым прецедентам, такие виды прецедентов как первоначальный (original) и деклараторный (declaratory).

Первоначальным прецедентом считается прецедент, который создаёт новую норму права, а деклараторный (прецедент толкования), это прецедент «является простым применением уже существующего прецедента». «Применимый» прецедент используется, если есть большое различие между прецедентом и делом [6, с. 10]. Таким образом существуют, такие прецеденты как обязательные, убеждающие, отвергнутые, первоначальные (original) и деклараторный (declaratory), а также «связывающий» и «применимый» прецедент. Каждый вид обладает своими особенностями, отвергнутый не является формальным источником в отличие от других. Некоторые виды исходят от разных видов органов. Например, обязательный исходит от высших инстанций, а убеждающий от нижестоящих судебных органов. Судебный прецедент появился в Древнем Риме в виде эдиктов преторов, которое появилось в 366 г. до н.э с учреждением преторской магистратуры. В момент появления эдиктов, только для самих преторов они были обязательными при рассмотрении аналогичных дел. Преторское право появилось по причине того, что положения преторов стали дублироваться между собой, в следствии чего они стали систематизироваться [7, с. 14].

Первое в истории письменное утверждение судебного прецедента берёт свои истоки в XII веке. В XIII веке, в Англии судебный прецедент получил расширение. Так как в это время суды были наделены расширенными правами в правотворчестве. Предположительной причинами возникновения такого право являлось злоупотребление власти судей, которое заключалось в высоком влиянии судебного прецедента, при переменах в социального положения, а установления общего права превращались в недействительные. Это вылилось в возмущение со стороны народа к королевским судам, так как данный суд принимал неправые решения.

Англо-американская правовая система или же семья общего права (common law). В эту систему входят такие государства как Англия, Северная Ирландия, США, Канада, Австралия, и т.д. В англо-американской правовой системе есть существенные отличия от других правовых семей. Стоит отметить, что только вышестоящие суды имеют право на создание прецедента, в котором должна содержаться новая норма права. Из-за того, что суд имеет правотворческую функции, обладает высокой самостоятельностью, так как обладают полномочиями контроля над юридиче-

скими разбирательствами, а также обладают правом толкования нормативно правовых актов. Стоит также выделить что англо-американская правовая система не подразумевает деление на отрасли права. В континентальной правовой семье присутствует кодификация законодательства, что нельзя сказать о англо-американской, так как оно отсутствует. Также стоит отметить, что в данной правовой семье есть отличительная черта, отличающая ее от других правовых семей. Например, то, что право в государствах этой семьи исходит от судей и их решений. Это наблюдается с давних пор, когда начали действовать королевские суды, так как из-за них появились основы прецедентное право. Также прецеденту характерна устройство и деление на определенные части. Ими являются постановляющая, определяющая и решение. Постановляющая часть подразумевает определение обстоятельств дела представляет собой решение судьи или участников процесса, опирающихся на достоверные факты. Важно отметить, что весьма значительным элементом можно считать определяющую часть, так как на этой части будет полностью строиться решение суда. Последняя часть является сам вывод, который формулируется на составе упомянутых ранее частей. Можно выделить такую характеристику англо-американской правовой системы, как использование судебного прецедента ключевого источника права из-за чего классическая модель воспринимается под английским видом. Также в английском виде прецедента судьи, обращаясь к прецеденту должны не выходить за пределы имеющегося дела.

Несмотря на это в данной системе, силой обладает и закон. Это можно наблюдать при рассмотрении существующих решений и рассмотрении их роли в применении судей. Также в каждом государстве этой системы различное взаимодействие с нормативно правовыми актами. Например, в Великобритании они признаются как приложения для существующих основ прецедентного права и для их повторного рассмотрения, а также для ведения новых положений, не подлежащих контролю на уровне законов. К тому же закон может упразднить прецедент, то есть признает его недействительным. Из выделяющихся черт в англосаксонской правовой семье судебного прецедента, можно так же выделить, что в различных странах судебный прецедент имеет свои особенности, например в США или в Канаде. Т.А Желдыбина дает отличительную характеристику в американской модели, так как судьи должны признавать предшествующие решения и этот же принцип распространяется не только на высшие инстанции, но и на нижние. Так же в данной модели нет органа, организовывавшего работу итогов решений нижних инстанций, использующих прецеденты. В Канадском же виде прецедента

можно выделить такую особенность как его взаимодействие в различных территориях страны. На некоторых территориях государства он действует в романо-германской правовой системе, такой территорией является провинция Квебек, но в большинстве случаев он действует традиционно в системе общего права. А также в Канаде право-творческой функцией наделены суды не только высшей инстанции, но и региональные.

Таким образом, судебный прецедент обладает своими отличительными чертами в англо-американской правовой системе, такие как деление на элементы постановляющая, определяющая и решение. Так же главная роль как источника права, и к этому же влияние закона на него и сам способ формирования прецедента. И различия в прецеденте в странах англо-американской правовой системы. Стоит отметить, что в странах романо-германской правовой системы право строилось на римском праве. В эту семью входят государства континентальной Европы, а также Россия. В XII–XIII вв. появилась данная система права и получила дальнейшее развитие. Этот вид семьи исходит из Древнего Рима, из-за чего считается одной из старинных систем. Стоит выделить что в отличие от англо-американской правовой семьи в романо-германской судебный прецедент не является ведущим источником права, а является вторичным источником, ведущим же источником права является закон.

Истоками признания закона как главного источника, начались из-за прошедших революций начиная с XVIII в. и заканчивая в XIX в. После таких событий закон присваивает высокую ценность [8, с. 212]. Одной из самых значительных различий между англо-американской семьей и романо-германской заключается в деления отраслей права, то есть в первой нет понимания публичного и частного права, в отличие от второй, а также существуют самостоятельные отрасли, к таким можно отнести торговое право. К тому же нормативно правовой акт обладает высшей силой в регулировании общественных отношений, нежели судебный прецедент.

Прецедент в странах данной правовой системы действует не однотипно, какие-то государства используют его, но юридически не признают. Например, в таких странах как Греция, Италия или Норвегия и т.д. прецедент применяется, но не признается источником. Например, в таком государстве как Франция главными источниками права является закон, а второстепенным судебный прецедент. Отличительной чертой второстепенных источников права в данной правовой семье заключается в том, что они обладают какой-либо юридической силой только тогда, когда нет ведущего источника, а также отсутствует полнота. Однако наличие данных источников будет не

хватать при принятии судебных решений и применение носит необязательный характер.

Во Франции прецедент имеет преимущество в административном праве, в Швеции прецедент чаще всего применяется в коммерческом праве, а меньше всего в конституционном и уголовном праве. В Германии же наоборот, если же сравнивать со Швецией, в конституционном праве судебный прецедент играет важную роль, но также судебный прецедент присутствует в других отраслях права, но играет не такую ведущую роль.

На основе вышеизложенного можно отметить, что в романо-германской правовой семье прецедент обладает такими особенностями как многозначность, вторичность, то есть в некоторых странах используется фактически, а юридически не признаётся, а также разное влияние в различных отраслях права.

Список литературы:

[1] Спирин М.Ю. Судебный прецедент как формальный источник права: теоретические вопросы / М.Ю. Спирин // Самара: Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева. 2025. № 4. – С. 109-116.

[2] Швандерова А.Р., Гречко А.С. Исторические особенности судебного правотворчества в Англии в XI-XIV вв. / А.Р. Швандерова, А.С. Гречко // Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.) 2020. – С. 14-16.

[3] Марченко М.Н. Особенности судебного прецедента в системе романо-германского права / М.Н. Марченко // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. Москва: Норма. 2016. № 1. – С. 5-12.

[4] Морозова Л.А. Теория государства и права: учебник / Л.А. Морозова. – 4 изд. – М.: Эксмо, 2020. – 510 с.

[5] Желдыбина Т.А. Судебный прецедент: современный взгляд / Т.А. Желдыбина // Российское право: образование, практика, наука. 2015. № 3. – С. 54.

[6] Гицу М.А. Судебный прецедент как источник права в свете современных тенденций в России / М.А. Гицу // Государство и право. Москва: Российский государственный университет нефти и газа им. Губкина. 2023. № 6. – С. 5-16.

[7] Рассказов Л.П. Романо-германская правовая семья: генезис, основные черты и важнейшие источники / Л.П. Рассказов // Юрист - Прав

ведь. Ростов-на-Дону: Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Ростовский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации». 2024. № 5. – С. 12-16.

[8] Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности / В.А. Туманова. – М.: Междунар. отношения, 1999. – 404 с.

[9] Омельченко О.А. Римское право : учебник / О.А. Омельченко 2 изд. – М.: ТОН – Остоёе, 2000 – 208 с.

References:

[1] Spirin M.Yu. Judicial precedent as a formal source of law: theoretical issues/M.Yu. Spirin // Samara: Samara National Research University named after academician S.P. Korolev. 2025. № 4. – S. 109-116.

[2] Shvanderova A.R., Grechko A.S. Historical features of judicial law-making in England in the XI-XIV centuries/A.R. Shvanderova, A.S. Grechko // Penza: Science and Enlightenment (IP Gulyaev G.Yu.) 2020. – S. 14-16.

[3] Marchenko M.N. Features of judicial precedent in the system of Romano-German law/M.N. Marchenko // Journal of foreign legislation and comparative law. Moscow: Norma. 2016. № 1. – S. 5-12.

[4] Morozova L.A. Theory of State and Law: Textbook/L.A. Morozova. – 4th ed. – M.: Eksmo, 2020. – 510 s.

[5] Zheldybina T.A. Judicial precedent: modern view/T.A. Zheldybina // Russian law: education, practice, science. 2015. № 3. – S. 54.

[6] Gitsu M.A. Judicial precedent as a source of law in light of contemporary trends in Russia/M.A. Gitsu // State and law. Moscow: Gubkin Russian State University of Oil and Gas. 2023. № 6. – S. 5-16.

[7] Stories L.P. Romano-German legal family: genesis, main features and most important sources/L.P. Stories // Lawyer - Lawyer. Rostov-on-Don: Federal State State Educational Institution of Higher Education "Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation." 2024. № 5. – S. 12-16.

[8] David R., Joffre-Spinosi K. The main legal systems of our time/V.A. Tumanova. – M.: International. relations, 1999. – 404 p.

[9] Omelchenko O.A. Roman law: textbook/O.A. Omelchenko 2nd ed. – M.: TON – Ostojе, 2000 – 208 s.

ШЕЛЬСКАЯ Светлана Николаевна,
кандидат юридических наук, старший
преподаватель кафедры криминалистики,
Московский университет МВД России имени
В.Я. Кикотя, ORCID ID: 0009-0003-1965-1487,
e-mail: sveta.mila2@mail.ru

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ГЕНОЦИДА РУССКОЯЗЫЧНОГО НАРОДА В УКРАИНЕ

Аннотация. Проведен анализ общественно-политических отношений и исторических процессов, детерминирующих совершение геноцида русскоязычных граждан Украины. В результате исследования определены схожие исторические предпосылки геноцида русского населения в Западной Украине в ходе I и II Мировых войн, а также в Юго-Восточной Украине в период оккупации власти ультранацистским режимом в XXI веке. Указано, что на фоне обнуления Украиной советского прошлого и невозможности восполнить исторический вакуум произошел ретроспективный цивилизационный откат страны к состоянию первой половины XX века, в течение которой украинские нацисты вели борьбу за независимость сначала с Польшей и Чехословакией, затем с СССР. Этим объясняется воскрешение идей интегрального национализма в Западной Украине, в ходе реализации которых возникли ультранацистские милитаризированные формирования, ставшие исполнителями геноцида собственных русскоязычных граждан. Если не ликвидировать националистический режим и ультранацистские организации Украины, в перспективе геноциду могут быть подвергнуты поляки, беларусы, словаки, чехи и др.

Ключевые слова: геноцид; русскоязычный народ; нацизм; неонацизм; ультранацизм; Украина; исторические предпосылки.

SHELSKAYA Svetlana Nikolaevna,
PhD in Law, Senior Lecturer at the Department of
Criminalistics, Moscow University of the Ministry of
Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'

HISTORICAL PREMISES OF THE GENOCIDE OF THE RUSSIAN-SPEAKING POPULATION IN UKRAINE

Annotation. An analysis has been conducted of socio-political relations and historical processes that determine the commission of genocide against Russian-speaking citizens of Ukraine. The study has identified the similar historical premises of the genocide of the Russian population in Western Ukraine during the First and Second World Wars, as well as in South-Eastern Ukraine during the period of occupation by an ultra-Nazi regime in the 21st century. It is stated that against the backdrop of Ukraine's erasure of its Soviet past and the inability to fill the resulting historical vacuum, the country has experienced a retrospective civilizational rollback to the state of the first half of the 20th century — a period during which Ukrainian Nazis waged a struggle for independence first against Poland and Czechoslovakia, then against the USSR. This explains the resurgence of integral nationalism ideas in Western Ukraine, the implementation of which led to the emergence of ultra-nationalist paramilitary groups that carried out genocide against their own Russian-speaking citizens. If the nationalist regime and ultra-Nazi organizations in Ukraine are not eliminated, Poles, Belarusians, Slovaks, Czechs, and others may be subjected to genocide in the future.

Key words: genocide; Russian-speaking population; Nazism; neo-Nazism; ultra-Nazism; Ukraine; historical premises.

Введение

В 2014 году Главным следственным управлением Следственного комитета Российской Федерации было возбуждено уголовное дело о геноциде русскоязычного населения, проживающего на территориях Луганской и Донецкой народных республик (ст. 357 УК РФ), где в результате военных действий с применением систем залпового огня погибли не менее 2,5 тыс. жителей Юго-Востока Украины. Местами совершения указанных преступлений являлись жилые помещения, помещения образовательных учреждений и мест массового скопления мирных граждан [1]. Непрерывающийся геноцид русскоязычного населения явился одной из причин начала Специальной военной операции на территории Украины.

Субъектами совершения геноцида русскоязычного населения Украины являются служащие украинской армии, а также частными военными компаниями радикального ультранацистского толка. Для них характерны русофобские экстремистские взгляды и настроения. Украинским нацистам присуща особая жестокость при уничтожении мужчин, женщин и детей [2].

Геноцид в отношении русскоязычного населения на территории Украины является нонсенсом, потому что в начале своего возникновения все эти украинские земли являлись Русью. Русские и украинцы произошли от одного народа [3].

В связи с вышеизложенным, цель настоящей статьи – выявить исторические предпосылки возникновения и развития геноцида русскоязычного населения украинских территорий на разных этапах: I Мировая война, II Мировая война и период оккупации власти в Украине ультранацистским режимом XXI века.

Методы настоящего исследования: анализ, синтез, индукция, дедукция, аналогия, исторический подход, системный подход, статистический. Выдвинута гипотеза, что исторические предпосылки возникновения и развития геноцида русскоязычного населения украинских территорий в периоды I и II Мировых войн, а также оккупации власти в Украине ультранацистским режимом XXI века являются схожими.

Результаты

В ходе Первой мировой войны в 1914-1915 гг. 120 тысяч русин Галичины, Буковины, Угорской Руси пострадали в результате этнической чистки, осуществляемой австро-венгерской армией. Русин отправляли в австрийские концлагеря, их пытали, казнили по национальному признаку. Над теми, кто называл себя русскими, издевались, отрезали части тела, убивали мученическими способами. Многим русинам удалось сбежать вместе с отступающей русской армией. В результате на территории Галичины,

Буковины, Угорской Руси русского этноса стало примерно в 2 раза меньше [4].

Бесчеловечная логика геноцида заключалась в том, чтобы не допустить ассимиляции русинов на подконтрольной Австро-Венгрии территории с русским населением Российской империи в случае их объединения. Поэтому вместо русинов они должны были называть себя украинцами, тем самым идентифицируя себя не как русских. Австрийским колонизаторам было выгодно историческое забвение украинцами своих русинских корней, чтобы устанавливать свою монополию власти. Можно проследить параллель с сегодняшней ситуацией в Украине, при которой страны Запада способствуют геноциду русского населения на украинской территории, чтобы разорвать все связи Украины с Россией.

Однако австро-венгерский геноцид не был осужден, жертвы геноцида не получили никакого сострадания и доступа к правосудию. Характерно, что именно в Западной Украине, население которой само стало жертвой геноцида, под покровительством Австрии позднее возникали нацистские формирования, называющие себя украинскими националистами, которые в целях борьбы за независимость от Польши и Чехословакии осуществляли геноцид в отношении поляков, чехов, словаков и других этносов. При этом украинские нацисты превзошли своих учителей, их способы истязаний и убийств были более многообразными и изощренными, что даже немецких нацистов поражали своей жестокостью. Однако в планы австрийцев и немцев не входила независимость Украины, а финансируемые ими организации украинских нацистов использовались для ослабления враждебных государств.

Так, в 1924 г. в Польше на присоединенных территориях Западной Украины (Восточной Галиции, Западной Волыни, Полесья и Холмщины) украинцы вступали в ряды ультраправой Организации украинских националистов под покровительством Австрии. ОУН проводила активную террористическую деятельность против польских политических деятелей в 1930-х гг. В 1943 г. на базе ОУН была создана Украинская повстанческая армия, которая проводила акты геноцида польского населения в 40-х гг. XX века, в результате чего было уничтожено около 200 тысяч поляков. Также УПА проводила этнические чистки среди беларусов, чехов, словаков, евреев, цыган, русских и др. [5]. Подлежали уничтожению также несогласные с политикой нацизма украинцы – видимо, таковы были инструкции австрийцев. Целью геноцида украинских нацистов была борьба за независимость, однако спонсоры ОУН-УПА австрийцы преследовали иные цели – ослабление враждебных государств и присоединение Западной Украины к Австрии.

Во времена Второй мировой войны СССР вернула себе западные украинские земли, ранее подконтрольные Польше, Румынии и Венгрии. Однако вместо создания самостоятельных автономий из западных украинских земель было осуществлено их присоединение к УССР. Националистические организации ОУН и УПА, существовавшие ранее на указанных территориях, стали осуществлять террористическую деятельность против СССР [6]. В 1944 и 1945 гг. происходили боестолкновения советских войск с немногочисленной армией УПА, заканчивающиеся поражением последней. С отдельными фанатичными националистическими формированиями НКВД СССР боролся вплоть до 1951 г. [7].

В процессе подавления украинских националистов многие из них эмигрировали в Европу, Канаду, США, иные ушли в подполье, многих посадили, родственников украинских нацистов переселяли в Сибирь, чаще в г. Омск. Оставшееся население пытались ассимилировать с жителями УССР, присоединив бывшие польские, венгерские и румынские территории к Республике Украина.

Однако, УССР изначально не была этнически однородной, и включала в себя территории с русским населением на юго-востоке. В 1922 г. В. Ленин фактически подарил Украинской ССР русские земли от Харькова до Одессы, то есть Харьковская, Луганская, Донецкая, Запорожская, Херсонская, Николаевская и Одесская области изначально являлись русскими территориями. Днепропетровская область также всегда тяготела к России [8]. А в 1954 г. Н.С. Хрущев передал Украинской ССР Республику Крым также более чем на половину, состоящую из русского населения. Подобные подарки восточных территорий Украине сделали русских, проживающих на Юго-Востоке Украины, весьма уязвимыми для ушедших в подполье украинских националистов. Фатальная ошибка, связанная с присоединением западных украинских земель к УССР, привела на сегодняшний день к геноциду и дискриминации коренного русского населения в Юго-Восточной Украине [9]. Поэтому в целях СВО экзистенциально для русскоязычного населения освободить территории Юго-Востока Украины от нацистского режима и вернуть в состав России. Во времена существования СССР украинский национализм начал набирать обороты после того, как Н. Хрущев в 1955 г. амнистировал и реабилитировал 100 тыс. бандеровцев и иных коллаборационистов, которые затем под видом коммунистов также внедрялись во власть ЦК Компартии Украины и вели подпольную сепаратистскую деятельность [10].

В период правления Л. Брежнева стала проводиться работа по выявлению украинских националистических группировок, распространя-

ющих антисоветскую пропаганду. Несмотря на аресты националистов, в этот период тщательно скрывалась подпольная деятельность ОУН в условиях украинизации широких масс населения. Таким образом, в условиях неосведомленности русскоязычного населения Украины о возрождении нацистского движения и удалось организовать руководителям-сепаратистам выход Республики Украина из СССР, легитимность которого вызывает сомнения. Таким образом, замалчивание распространения нацистской идеологии явно было ошибкой советских правителей. Если бы граждане Юго-Восточной Украины были осведомлены о возрождении украинизационной идеологии на западе республики, выход Украины из состава СССР мог произойти без Новороссии и Крыма, населенных русскоязычными гражданами.

После объявления независимости в 1992 году Украина присоединилась к Совету североатлантического сотрудничества. Несколько лет спустя, в феврале 1994 года, Украина заключила рамочный договор с НАТО в рамках инициативы «Партнёрство ради мира». Главной угрозой Североатлантического альянса является Россия, соответственно и Украина стала формироваться как антирусское государство.

Стали создаваться националистические организации, партии, движения, идеологическую основу которых составляли воззрения украинских националистов Н. Михновского и Д. Донцова по борьбе с этническими противниками и лозунгом вернуть земли Украине территорий Польши (Подляшье, Холмщина, Лемковщина и др.), а также российских территорий Дона и Кубани.

При поддержке Международного фонда «Возрождение» Д. Сороса, целью которого является становление открытого демократического общества, история Украины переписывалась. В соответствии с последними изменениями от украинцев происходили русичи, а Российская империя (СССР) была оккупантом украинских территорий [11]. Осуществлялась героизация спорных личностей в истории, которые предавали российские или советские интересы – таким образом в украинской истории закреплялась возможность альтернативного прозападного пути развития Украины.

Уже в 90-х гг. XX века русские люди на своей родине, но в стране Украина, стали чужими. Украинцы и русские стали противопоставляться друг другу. Происходили даже массовые увольнения людей с работы по их национальному признаку.

Однако Россия в 90-х гг. не вводила никаких санкций в отношении Украины в целях противодействия русофобского движения, что явилось большим пробелом ее внешней политики. Введение значимых экономических, политических и

иных ограничений в отношении Украины, могло значительно затормозить процесс формирования нацистского государства. Однако Россия в 90-е гг. проходила тяжелый переходный период и испытывала кризис во всех сферах жизни общества и государства, в том числе, и во внешней политике.

Необходимо отметить, что навязываемые западно-украинские этнонационалистические идеи отвергались жителями Юго-Востока. Первым открытым гражданским противостоянием между Юго-Востоком и Западом Украины стала президентская кампания 2004 г., которая вызвала протесты западников и «оранжевую революцию».

Противники «оранжевого» майдана организовали Всеукраинский съезд депутатов всех уровней Юго-Востока страны, в ходе которого был создан проект Юго-Восточной Автономной Украинской республики. Однако проект не был реализован, поскольку договорились о значительном сокращении полномочий президента с фактическим переходом государства на парламентско-президентскую модель [2]. Таким образом, была упущена возможность мирным путем прийти к автономии Юго-Востока Украины и избежать последующего геноцида русскоязычного населения.

После «оранжевого» майдана и прихода к власти В. Ющенко начала культивироваться нацистская идеология. Были реабилитированы и героизированы нацистские преступники II Мировой войны. Возникли элементы ультранацизма, при котором все украинцы стали делиться на три сорта, причем жители Юго-Востока Украины – это самый низший третий сорт. Это способствовало противоборству внутри украинского общества между Западом и Юго-Востоком. В подобных условиях РФ осуществляла экономическое давление на политику Украины через повышение цен на энергоресурсы и ужесточала меры в отношении незаконной и неоплачиваемой откачки газа. Эти меры способствовали отказу Украины от антироссийского курса в период кризиса 2008 г. [12]. Однако процесс создания Украины в идеологический плацдарм против России был запущен.

Также в период В. Ющенко интенсивно происходила декоммунизация Украины, отказ от советского прошлого, фактическое вычеркивание всех достижений, наследия и системы ценностей Советского Союза [13]. Из-за невозможности заполнить исторический вакуум, возникший в результате обнуления периода времени, в котором Украина входила в состав СССР, произошел фактический откат Украины назад в цивилизационном развитии к первой половине XX века, то есть к периоду II Мировой войны, когда еще западные украинские земли, ранее подконтрольные Поль-

ше, Румынии и Венгрии, не были присоединены к СССР. В то время в Западной Украине были распространены украинские ультранационалистические настроения, поэтому стали формироваться фактически нацистские организации. Это не могло не вызвать протеста со стороны Юго-Востока Украины, на территории которой боролись с нацистами и состояли в добрососедских отношениях с русскими.

Приход к власти более лояльного к России В. Януковича не остановил развития радикальной ультранационалистической идеологии в Украине. Наоборот, В. Янукович продолжил курс на декоммунизацию и приказал праздновать «День памяти Героев Крут» в целях восхваления погибших при борьбе за независимость с советской властью. С 2011 г. в Киеве стали проходить массовые ультранацистские демонстрации с горящими факелами, нацистскими свастиками, транспарантами с изображением С. Бандеры, лозунгами уничтожения русских. В Западной Украине возник общественный террор: пикетирование квартир, публичные оскорбления, угрозы семьям и детям пророссийски настроенным гражданам. Это никак не преследовалось правоохранительными органами, поэтому вышло из-под контроля властей. В результате отказа В. Януковича подписать соглашение об ассоциации Украины с Евросоюзом из-за прописанного запрета торговли со странами СНГ, начались массовые беспорядки в стране [14].

Радикальной организацией «Правый сектор» при финансировании фондом Д. Сороса и поддержке ЧВК стран НАТО был устроен Евромайдан, который сверг действующее конституционное правительство в Киеве. Таким образом, Украиной был потерян суверенитет и приобретена зависимость от стран Североатлантического альянса. Теперь Украина формировалась как плацдарм в противоборстве НАТО с Россией. Идеологической основой «Правого сектора», оккупировавшего власть в Киеве, служил украинский интегральный нацизм, постулаты которого были сформулированы еще в начале XX века Николом Михновским: «Украина для украинцев...», «...москали, ляхи и жида — враги нашего народа...» [15]. Таким образом, фактическую власть в Украине захватили украинские нацисты со старой идеологией под руководством стран НАТО. После захвата власти проевропейской оппозицией, стремящейся к ассоциации с Европейским Союзом, началась масштабная и насильственная «украинизация» страны. С 2014 г. русскоязычное население Украины подвергается гонениям.

23 февраля 2014 года Верховная рада Украины отменила региональный статус русского, венгерского и румынского языков. Русский язык являлся родным для 74,9% населения Донецкой

обл., 68,8% - Луганской обл. и примерно для половины населения Юго-Восточной Украины. Отмена регионального статуса русского языка вызвала бурные народные протесты. Жители Юго-Востока требовали провести конституционную реформу, чтобы решить вопрос статуса русского языка.

Большую часть населения Крыма также составляли русские (65,2%). Автономный статус Крыма в составе Украины позволил провести референдум 16 марта 2014 г. За воссоединение с Россией проголосовали 96,77 % крымчан и 95,6 % севастопольцев, в связи с чем, Крым вошел в состав РФ [16].

Параллельно в Донецкой и Луганской областях протестующие захватывали административные здания и местную власть. Реакцией незаконно оккупировавшей власть нацистских радикалов стали силовое подавление народных протестов и террор в отношении мирных граждан. Нацистские милитаристские формирования, в частности, «Национальный корпус», «Свобода», «Азов» и др. осуществляли террор и геноцид против русскоязычного населения Юго-Востока Украины [17]. Для подавления народной воли проводились полномасштабные боевые действия с применением тяжелой бронетехники и авиации, при этом ультранацистские ЧВК совершали жестокие преступления против мирного населения, в том числе, детей [18]. В последующем они организовывали концлагеря для пророссийски настроенных граждан, а также задерживали, истязали и расстреливали жителей Донбасса без судебного разбирательства и вынесения приговора. Россия пыталась решить проблемы русскоязычных украинцев путем заключения Минских соглашений с ультранацистским режимом Киева об особом статусе Юго-Восточной Украины. Однако соглашения нацистскими властями ожидаемо не были выполнены, и продолжились осуществляться террор и геноцид русскоязычных граждан Украины. В связи с чем, РФ начала СВО в целях денацификации и демилитаризации Украины.

Заключение

Исторические предпосылки геноцида на Западе Украины в ходе I и II мировых войн: исключение ассимиляции населения на ранее подконтрольной Австро-Венгрии территории с русским населением Российской империи (СССР) или славянским населением Польши, Чехословакии в случаях их объединения; уничтожение русских и иных славян (поляков, белорусов, чехов, словаков и др.) как способа ликвидации предводителей и борцов против власти австрийцев, венгров, немцев на украинской территории; создание базы для борьбы против власти Российской империи или СССР и иных славянских государств (Польша, Чехословакия).

Исторические предпосылки геноцида рус-

скоязычного народа в период оккупации власти в Украине ультранацистским режимом в XXI веке являются по существу схожими с вышеуказанными: потеря Украиной суверенитета после Евромайдана и приобретение зависимости от стран ЕС и блока НАТО; стремление ультранацистского режима Украины разорвать отношения с Россией и вступить в ЕС путем ликвидации русскоязычного населения; формирование антироссийских сил странами НАТО в целях использования Украины как плацдарма в противоборстве с Россией. В этом контексте прослеживается циничное отношение стран НАТО к украинскому населению, русскоязычная часть которого подвергается геноциду и гонению, чтобы разорвать все связи страны с Россией. Немаловажна спасительная роль России в освобождении русско-украинского населения от европейского засилья в ходе СВО. Таким образом, в ходе исследования подтвердилась ранее выдвинутая гипотеза, что исторические предпосылки возникновения и развития геноцида русскоязычного населения украинских территорий в периоды I и II Мировых войн, а также оккупации власти в Украине ультранацистским режимом XXI века являются схожими.

В настоящее время ультранацизм развился на фоне отказа Западной Украины от советского прошлого с отрицанием его достижений и величия. Страницы истории Украинской ССР фактически были вычеркнуты из самосознания народа. Таким образом, в развитии половины страны произошел цивилизационный откат назад к состоянию первой половины XX века, в котором происходила II Мировая война, а немецкие фашисты якобы помогали украинцам приобрести независимость. Указанным историческим вакуумом объясняется воскрешение воззрений националистической организации ОУН на Западе Украины и полноценное принятие ее идей радикального ультра национализма без критического осмысления.

Подобный сценарий ретроспективного развития событий стал возможным благодаря тому, что западные территории Украины никогда до 1991 г. не имели собственного опыта построения государства и всегда были подконтрольны другим странам, то есть Австрии, Венгрии, Польше и др. Запад УССР воспринимал Советский Союз как оккупанта, поскольку местные украинцы, в отличие от Малороссии и Новороссии, развивались изолированно от России несколько веков, поэтому имели свои отличия и считали русских иным славянским народом.

В связи с вышеуказанным, отделившись от СССР, именно Западная Украина испытала кризис собственной идентичности и государственности, поэтому фактически вернулась к своим истокам до присоединения к СССР. Приняв советское наследие с его массовой индустриализацией,

механизацией, научными прорывами, великими писателями, философами, победой в Великой Отечественной войне, а также морально-этическими нормами, даже с критическим отношением к каким-либо вехам истории, Украина могла бы развиваться как постсоветское общество с переходом в рыночную экономику без отката в историческое прошлое. В настоящее время возврат Украины назад в историю первой половины XX века производит эффект домино в исторической ретроспективе и сопредельных с нею государств: Россия вместе с Новороссией подобно СССР сегодня проводят специальную военную операцию по борьбе с нацизмом. Фатальная ошибка, связанная с присоединением ранее подконтрольных Польше, Венгрии и Румынии западных украинских земель к УССР, привела на сегодняшний день к геноциду и дискриминации коренного русского населения в Юго-Восточной Украине. Поэтому в целях СВО экзистенциально для русскоязычного населения освободить территории Юго-Востока Украины от нацистского режима и вернуть в состав России.

Однако к СВО могут присоединиться иные государства-участники. Если ультранацистский режим в Украине не остановить, геноцид может распространиться на поляков, беларусов, словаков, чехов и др. Страны Запада Европы всегда были подвержены не только русофобии, но и славянофобии, а современные Польша, Беларусь, Чехия и Словакия также оказывали активное сопротивление нацистскому режиму во II Мировой войне.

Список литературы:

- [1] Игнатенко Е.А., Григорьева М.К., Шевелева К.В. Проблемы расследования геноцида русскоязычного населения Украины. // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. — 2023. — № 3(60). — С. 105-110.
- [2] Наумова Е.В. Генезис конфликта на Украине: региональный аспект. // Свободная мысль. — 2023. — № 4 (1700). — С. 196-207.
- [3] Ишин А.В. Конфессиональный разлом на Украине как проекция мирового геополитического процесса. // Проблемы постсоветского пространства. — 2023. — № 10(3). — С. 281-289. — DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2023-10-3-281-289>.
- [4] Оганесян А. Преодолеть забвение: о безвестных мучениках Галицкой Руси. // Международная жизнь. — Январь 2025 г. — С. 98-101.
- [5] 2013.01.016-017. Бабенко О.В. Деятельность украинских националистических организаций в 1939-1945 гг. (сводный реферат) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. — Серия 5: История. — 2013. — № 1. — С. 85-91.
- [6] Братчик А.С. Процесс формирования антироссийской политики на Украине: история и современность. // Постсоветские исследования. — Т. 5. № 5. — (2022). — С. 450-463.
- [7] Жилияков О.И., Арешин Д.Н., Игнатович В.В. Разгром националистического подполья на Западной Украине в период с 1944 по 1960 гг. // Наука и военная безопасность. — 2025. — № 2 (41). — С. 80-86.
- [8] Субтельный О. Украина: история. — Киев: «Лыбидь». — 1994. — 62 с.
- [9] Бутырина С.А., Симонова М.М. Этапы отчуждения Украины от России: проектный анализ. // Гуманитарные науки. — 2023. — № 13(3). — С. 79-85. — DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-3-79-85.
- [10] Кислицын С. А., Рябинин Е. В. Современный украинский неонацизм. Этапы формирования и идеологическая основа. // Свободная мысль. — 2023. — № 3 (1699). — С. 123-136.
- [11] Фукс А. Н., Ковригин В. В. Концепции генезиса древнерусского государства в учебниках истории Украины // Вестник Московского государственного областного университета. — Серия: История и политические науки. — 2022. — № 4. — С. 27-31. — DOI: 10.18384/2310-676X-2022-4-27-31.
- [12] Гринин Л. Е. Исторические и геополитические причины социально-политического кризиса на Украине. // История и современность. — Сентябрь 2015. — № 2. — С. 3-44.
- [13] Кулага М.В., Красникова Д.Э. Декоммунизация как инструмент продвижения националистических идей на Украине. // Universum: общественные науки: электрон. научн. журн. — 2024. — № 7(110).
- [14] Караман А.А. Распад Украины как следствие государственного переворота // Вестник Российской правовой академии. — 2023. — № 3. — С. 38-56. — DOI: 10.33874/2072-9936-2023-0-3-38-56.
- [15] Жильцов С.С. Истоки современного украинского национализма // Вестник Российского университета дружбы народов. — Серия: Политология. — 2014. — № 4. — С. 21-35.
- [16] Ожегова Л. А., Сикач К. Ю., Ожегов А. Ю. Воссоединение Крыма с Россией: причины и геополитические последствия. // Геополитика и экогеодинамика регионов. — 2018 г. — Том 4 (14). — Вып. 3. — С. 389-394.
- [17] Дмитриев И.Н., Дмитриев Н.М. Националистический терроризм Украины. // Теория и практика военного образования. — 2024. — № 2 (3). — С. 5-8.
- [18] Боер В.М. Правовые предпосылки возникновения режима контртеррористической операции (теоретико-правовой аспект). // Вестник

Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. — 2023. — № 4 (25). — С. 5–12.

References:

- [1] Ignatenko E.A., Grigorieva M.K., Sheveleva K.V. Problems of investigating the genocide of the Russian-speaking population of Ukraine . // Bulletin of the St. Petersburg Law Academy. — 2023. — № 3(60). - S. 105-110.
- [2] Naumova E.V. Genesis of the conflict in Ukraine: regional aspect . // Free thought. — 2023. — № 4 (1700). - S. 196-207.
- [3] Ishin A.V. Confessional fault in Ukraine as a projection of the world geopolitical process . // Problems of the post-Soviet space. — 2023. — № 10(3). - S. 281-289. — DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2023-10-3-281-289>.
- [4] Hovhannisyan A. Overcome oblivion: about the unknown martyrs of Galician Rus . // International life. - January 2025 - pp. 98-101.
- [5] 2013.01.016–017. Babenko O.V. The activities of Ukrainian nationalist organizations in 1939-1945. (consolidated abstract) // Social and humanities. Domestic and foreign literature. - Series 5: History. — 2013. — № 1. - S. 85-91.
- [6] A.S. Bratchik. The process of forming anti-Russian policy in Ukraine: history and modernity . // Post-Soviet studies. - VOL. 5. № 5. — (2022). - S. 450-463.
- [7] Zhilyakov O.I., Areshin D.N., Ignatovich V.V. The defeat of the nationalist underground in Western Ukraine in the period from 1944 to 1960 . // Science and military security. — 2025. — № 2 (41). - S. 80-86.
- [8] Subtelny O. Ukraine: history. - Kyiv: "Lybid." — 1994. - 62 s.
- [9] Butyrina S.A., Simonova M.M. Stages of alienation of Ukraine from Russia: project analysis . // Humanities. — 2023. — № 13(3). - S. 79-85. — DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-3-79-85.
- [10] Kisliitsyn S. A., Ryabinin E. V. Modern Ukrainian neo-Nazism. Stages of formation and ideological basis . // Free thought. — 2023. — № 3 (1699). - S. 123-136.
- [11] Fuchs A.N., Kovrigin V.V. Concepts of the genesis of the Old Russian state in Ukrainian history textbooks // Bulletin of Moscow State Regional University. - Series: History and Political Science. — 2022. — № 4. - S. 27-31. — DOI: 10.18384/2310-676X-2022-4-27-31.
- [12] Grinin L.E. Historical and geopolitical causes of the socio-political crisis in Ukraine . // History and modernity. - September 2015. — № 2. - S. 3-44.
- [13] Kulaga M.V., Krasnikova D.E. Decommunization as a tool for promoting nationalist ideas in Ukraine . // Universum: social sciences: electron. scientific journal. — 2024. — № 7(110).
- [14] Karaman A.A. The collapse of Ukraine as a result of the coup d'état // Bulletin of the Russian Law Academy. — 2023. — № 3. - S. 38-56. — DOI: 10.33874/2072-9936-2023-0-3-38-56.
- [15] Zhiltsov S.S. Origins of modern Ukrainian nationalism // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. - Series: Political Science. — 2014. — № 4. - S. 21-35.
- [16] Ozhegova L.A., Sikach K. Yu., Ozhegov A. Yu. Reunification of Crimea with Russia: causes and geopolitical consequences . // Geopolitics and ecogeodynamics of the regions. - 2018 - Volume 4 (14). - Issue 3. - S. 389-394.
- [17] Dmitriev I.N., Dmitriev N.M. Nationalist terrorism of Ukraine . // Theory and practice of military education. — 2024. — № 2 (3). - S. 5-8.
- [18] Boer V.M. Legal prerequisites for the emergence of a counter-terrorist operation regime (theoretical and legal aspect) . // Bulletin of the St. Petersburg Military Institute of the National Guard. — 2023. — № 4 (25). - S. 5-12.

ПРАВО и УПРАВЛЕНИЕ

научно-правовой журнал

(№ 8 август)

2026 год

Подписано в печать 04.09.2026.
Формат 60х90/8. Печ. л. 24,5. Тираж 100 экз. Заказ № 75.

Отпечатано в типографии ООО «Юркомпани»
г. Москва, ул. Горбунова, д. 2 стр. 3.